

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

II

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

СВЯТЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПЕРВООБРАЗЦОВЫЙ
ПЕРВООБРАЗЦОВЫЙ

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ II

ГИПЕРИ Н
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2004

ББК 86.372.24

Н635

Издание настоящей книги осуществлено при поддержке
Фонда Ниппон

Publication of this book was supported by Grant-in-Aid from
the Nippon Foundation

Под редакцией
Кэнноскэ Накамура

Н635 Дневники святого Николая Японского: в 5 т. /Сост. К. Накамура.
Т. 2. — СПб.: Гиперион, 2004. — 880 с.

Настоящее пятитомное издание представляет собой первую полную публикацию огромного дневника, который на протяжении всей своей жизни вел основатель русской Православной миссии в Японии архиепископ Николай Японский (1836–1912).

Второй том дневников охватывает период с 1881 по 1893 гг.

ББК 86.372.24

ISBN 5-89332-090-5

ISBN 5-89332-092-1 (II т.)

© К. Накамура, сост. текста, коммент., вступ. ст., 2004

© РГИА, 2004

© Издательство «Гиперион», 2004

ДНЕВНИКИ
СВЯТОГО
НИКОЛАЯ
ЯПОНСКОГО

ТОМ II
(с 1881 по 1893 годы)

*Дневники при обзоре Церквей
в областях Дзёсю и Тохоку
1881*

1881 год

*7 / 20 мая 1881. Четверг. В Кумагая.
17 ри от Токио, на пути в Маебаси. Вечера 8 часов*

Утром в 5 часов вставши и уложившись в дорогу, застал несколько обедни, которую служил о. Гавриил, после чего отслужен был напутственный молебен. Ученикам и ученицам дана была рекреация, по какому случаю ученики отправились в Итабаси, где имели и обедать, и для каковой цели выдано было Никанору 15 ен на 50 человек. Голова несносно болела; приходившие прощаться мешали укладываться. К 9-ти часам собрался совсем, сдал деньги о. Гавриилу (4000 ен и \$340, нужно будет ему здесь за 2 месяца расплатиться и провинциальным катихизаторам послать за 7 месяцев, а также выдать жалование членам Миссии и послать на Хакодатский стан). Ученицы простились в Миссии, они отправятся гулять в Уено и там будут обедать, на что дано им 10 ен. Провожали все (члены и ученики) до Итабаси, где в начале 11-го часа, простившись, пустился дальше с певцом Романом. В Урава – 6 ри с лишком, были в 12 часов. Переменили тележки и пообедали (17 сен, обед очень хороший). Так как ямщиков брали вольных, то до Кумагая вышло очень

дорого, больше чем по 10 сен за ри на человека, а у нас было 4 — для моей курама[курума?] два, для Романа и для клады по одному. Нужно будет впредь брать со станций (в Квайся), где определенный прогон здесь, кажется, 7 $\frac{1}{2}$ сен за ри, или меньше. Вольные ямщики и здесь, как у нас в России, норовят слупить, только здесь делают это мягче и не так нахально. Дорога была очень хорошая, только целый день несносная пыль. Начиная от Куге — на два ри от Кумагая дорога насыпная; насыпь сажени три вышины и так широка, что две коляски свободно разъезжаются, не мешая пешеходам. Дорога эта сделана в 8 веке. Весьма почтенный труд! Так как дорога идет зигзагами, то ее больше, чем на две яп. мили. По окраине дороги — внизу, в мочеvine [?], много тальника, любимое местопребывание для соловьев, и сколько же их зато здесь! От Куге до Кумагая едешь среди непрерывающегося концерта соловьев. Жаль только, что здесь они не так хорошо поют, как наши, напр., Курские. Один из везших меня ямщиков, пробежав 10 ри и не переставая бежать, пред Кумагая, стал вслух восхищаться горами направо! Как тут не сказать, что японцы — народ, расположенный к поэзии и мягким чувствам! В Кумагая добрались еще засветло, но остановились на ночлег, так как дальше нет хороших мест для ночлега, а до Маебаси нельзя сегодня добраться. В гостинице прямо объявили, что с иностранца за ночлег 50 сен.

Комната порядочная; дали теплой воды вымыть голову. Ама [Амма?] мужчины и женщины три раза уже приходили набиваться своим искусством. Спать хочется; но заснуть едва ли скоро придется, так как кругом гомон и шум. Роман в соседней комнате тоже, по-видимому, пишет дневник или записывает расход.

8 / 21 мая 1881. Пятница.

В Маебаси. Вечера 10 $\frac{1}{2}$ час

Утром встали в 5 часов и через полчаса отправились в тарантасе на одной лошади. До Маебаси 6 $\frac{1}{4}$ ены за 13 миль. Дзинрикися не соглашались меньше, чем за 6 ен (4 человека). В Синмацзи, за 4 мили от Маебаси, встретили: три старшины и катихизатор (Иов Кацуяма, Давид Като, Конст. Оомура и Спиридон Оосима). Проехавши немного, встретили еще толпу христиан, в числе которых между прочим, был готовый в ученики Семинарии Климент Намеда. За 1 $\frac{1}{2}$ мили встретил о. Павел Савабе в подряснике, в котором, говорит, часто ходит, и никто не находит этого странным. В Маебаси — у города встретила еще толпа, так что пришлось выйти из экипажа и идти пешком.

Церковное место, здесь купленное христианами, 947 цубо — в середине города, с домом — большим и еще весьма хорошим. Здесь живут: о. Павел Савабе, катихизаторы Оосима и Мацуи и семейство Намеда,

хозяин которой [sic] — больной человек. Молитвенная комната обита белым холстом, — престол покрыт яп. парчой, — в стороне наугольником — небольшой жертвенник, — справа для риз; место алтаря задерживается завесой из белого холста и устлано коврами. Полный дом христиан встретил; о. Павел — в эпитрахиле с крестом.

Зашедши направо в приготовленную комнату, чтобы надеть рясу и панагию, вышел к кресту, отслужил литию; приветственная речь; предложил, чтобы старшины заявили нужды Церкви. Потом сели попросту, и я с ними, и в простой речи толковал, что христиане не д. [должны] жалеть своего достояния для Церкви, приводил примеры из книги Деяний Апост. и также из современной христ. жизни, как, напр., в Москве жертвовали в прошлом году на Японскую же Церковь Самойлов, Ленивов, неизвестный за упокой Акилины и Иоанна и проч., предложил отдать сюда иконостас, пожертвованный Ленивовым, если поспешат построить Церковь во имя Препод. [Преподобного] Сергия. Пообедавши приготовленной по-иностранному пищей без хлеба и начиная с жаркого и кончив супом, отправились делать визиты старшинам, которых здесь 9 человек. У Кацуяма Иова его шелкоразматывают. [шелкоразматывательные] работы вчера и сегодня были остановлены (вчера — так как по ошибке вчера меня ждали), чтобы дать возможность христианкам участвовать во встрече. Там, отслуживши литию, тоже сказал небольшое слово, взяв подобие шелков. [шелковичного] червя, как он усердно тянет свою прекрасную нитку. — У Фукузава Иоанна — тоже лития; там видели воспитывающихся червей. Всех не успели обойти. Вернулись, чтобы приготовиться к всенощной и отслужить ее. Служил о. Павел. В конце я рассказал житие Святителя Николая. После всенощной не вдруг разошлись. Потом мы с о. Павлом и катихизаторами долго проговорили.

9 / 22 мая 1881. Суббота.

День Святителя Николая.

В Маебаси

Утром — холодно, едва можно терпеть. Приготовившись к обеду, пошел гулять, обдумывал проповедь и чуть не заблудил. Попавшая на встречу христианка вывела на дорогу к церковному дому. О. Павел сам напек просвир — в котле, вместо печи, совершенно прелые были. До обедни пришел Андрей Сасагава из Такасаки — спросить, когда туда, и после обедни вернулся. Обедню служил я один, причем, так как (диаконские) ектении забыл, то на них несколько путался. Приобщались больших троих и много детей. Проповедь сказал, по совету о. Павла, больше к женщинам, так как много фабрич. [фабричных] мастериц, — Пресвятую Богородицу представлял как высочайший образец для подражания ее

чистоте, смирению и проч. доброд. [прочим добродетелям], также мироносиц жен. После обедни дал певчим на конфекты 4 ены, а также, по поводу именин, 3 ены на конфекты к чаю братьям, — но им пришлось долго ждать, пока принесли — без обеда они были все время. Отправились в толпе посетить оставшихся вчера сюцудзи. Потом поехали в Секине-мура, 1 1/2 ри от Маебаси, где 24 христиан и христианок, из коих 17 девушек, — а им учение преподавали две дочери Иоанна Фукузава — Феодора и Мария. За деревней устроена фабрика для разматывания шелка, а немного подалее, среди прекрасной равнины, засеянной туговицей, здания для выводки коконов (из 20 листов в этот год). Работающих там и здесь до 100 человек. Все заведение принадлежит Нюу Кувадзима и Иоанну Фукузава; сын Ноя — Павел — по субботам отправляет молитвословия; есть еще там из Кумамото один хороший христианин — Павел Катаяма. Осмотревши коконный завод и сказавши небольшую речь девицам-христианкам, поехали домой. В Маебаси сошли с тележек (всех было 12 в поезде), чтобы, пользуясь хорошим вечером, погулять в общ. [общественном] саду, или по крайней мере на месте, где предполагается сад. Нехитрое место, зато вечер был чудный. Посидев и поговорив об Асама-Яма, постоянно дымящейся, а 14 лет тому назад имевшей такое извержение, что пепел летел в Маебаси, — чрез туговое поле в ложбине вернулись домой. За всенощной, отслуженной о. Павлом, я рассказал житие Преп. [Преподобной] Таисии, а также муч. [мучениц] Софии, Веры, Над. и Любви. — Пред всенощной пришел катих. Фома Маки, — в варадзи, с бородой, загорелый, — отлично работающий молодой человек. Всенощные здесь начинаются в 8 часов, раньше работы мешают народу собираться.

10 / 23 мая 1881. Воскресенье.

В Такасаки

Утром, приготовившись к обедне, отпустил Фому Маки, сказав, когда буду в его места. Раздал образки певчим, и кое-кому из особенно трудящихся для Церкви. Обдумал проповедь — на Евангелие о Самаряныне; но постоянно приходили за благословением. Служил обедню, за которой тоже приобщились трое больших, много детей, после — проповедь. После службы христиане и христианки прощались. В два часа отправились в Такасаки — на 3-х дилижансах. Огромнейшая толпа провожала до моста.

Часа в 4 прибыли в Такасаки, в квайдо, помещающееся в доме Матфея, старого христианина, портного. Меня принял к себе Иосиф Суто — меняла, прекраснейший новый дом — видно, что богач. Побыли у сицудзи, которых здесь трое. Потом у Иосифа предложена была ванна, в которую и сходили все гости, начиная с меня. Обед, оставшийся почти

нетронутым с моей стороны. Старшины пришли, после своего совещания, просить не отнимать у них Андрея Сасагава. Обещал на соборе ходатайствовать об этом. О. Павел предложил еще приезжать каждую неделю — служить здесь литургию. Так. обр. [таким образом] Господь даст, и эта Церковь поднимется. В упадке же она потому, что до сих пор здесь все были переменные катихизаторы, и притом иной раз весьма плохие, вроде Симада. Всех крещеных здесь больше 50; но иные приходили из других мест, иные теперь вышли по своим делам в другие места; здесь собственно христ. домов с 12, христиан человек сорок, но из них половина никогда не покажется на христ. собраниях, значит — в упадке Церковь была до сих пор. Около Такасаки есть деревня — несколько чё — Тоёока, где есть уже двое христиан — и тоже место удобное для проповеди. Город Такасаки живет торговлей, поэтому совершенно отличен от Маебаси, живущего шелков. червем; в Маебаси — множество тутовых садов, и каналы для проведения воды — движущей силы на заводах; здесь в Такасаки, в городе — зелени не видно. Маебаси был далеко не значительней Такасаки, и только теперь поднялся благодаря заграничной торговле шелком. Такасаки собственно важней Маебаси, и потому здесь церковь непременно нужно постараться поднять. Вечером — в 9 часов (до половины 11-го) сказал проповедь в доме старшины Петра Ямагуци. Народу собралось — полный дом. Говорил по Евангелию о Самаряныне, применительно к местной потребности. Вернувшись домой говорил с Сасагава, который — кажется, всего только по ложной скромности — что, мол, ничего не сделал по катихизаторству, хочет отказаться от проповеди. Наконец, пора улечься на приготовленную великолеп. [великолепную] постель, — давно 1-й час.

11 / 24 мая 1881. Понедельник.

В Аннака

Утром, в 6 часов, раздавши иконки и 3 иконы хозяевам и старшинам, выехали в Аннака, и приехали в 8-м часу.

Молитвенный дом — новенькое чистенькое зданьице. Христиан всех 24, в 7-ми домах, сюцудзи 2: Захарий Иеда и Иоаким Судзуки, пожертвовавший и землю под молельню. В 9 часов отслужил часы и рассказал жизнь сегодняшнего святого, — муч. Мокия, причем мешали язычники, останавливавшиеся у дверей. После Часов о. Павел Савабе окрестил младенца у Исайи и Юлии, живущих около церкви; дали имя Мокия. Обед по-японски — очень хороший, пожертвованный, между прочим, родителями Марфы, прежде гонителями ее, теперь расположенными слушать учение. После краткого отдыха посетили христиан, сделали прогулку вдоль Аннака — до сада, где разводят груши, по аллее из высочайших суний [сунги?], в которой проходит Накасендо. Спустились в ложбину,

прошли бесконечными тутовыми садами, потом — по заречью — полем, — в город опять и кончили визиты. Последним посетили Захарию Иеда; он и жена Елисавета — чрезвычайно радушны, угостили ванной и ужином, от которого отказался. Видел огромнейшие кияки — на корню. В 8 часов положена была проповедь, начата в 9 и при всем том беспрестанно мешали входами и выходами, так что рассердили; проповедь поэтому была плохая. После обеда — решили: Фома Мацуда будет проповедывать в Томиока, а в субботу вечером приезжать в Аннака, чтобы совершить молитвословие в воскресенье, и вечером в воскресенье вернуться в Томиока.

12 / 25 мая 1881. Вторник.

В Никкава

В 7 часов утра отправились из Аннака. Прошлый целый вечер и всю ночь шел дождь. Но сегодня целый день выдержало без дождя, хотя было пасмурно. От смеси пищи и напитков желудок сильно расстроился, хоть ем всего раз — в полдень. Катихизатор и христиане из Такасаки опять встретили далеко за городом. В Тоёока-мура у самого Такасаки заехали к христ. Кириллу; всего христиан в деревне два семейства. В Такасаки заехали к старшине Якову Самада, где угостили кофеем, а я сказал собравшимся братьям небольшую речь: утром сегодня еще в Аннака была тоже простая проповедь, — рассказано житие Св. Елифания Кипрского. Братья проводили за город. О. Павел Савабе потерял было дароносицу, но она оказалась им же заложенной в узелок с облачением, каковая забывчивость его самого так поразила, что он не мог успокоиться, пока не получил в Маебаси разрешения этого греха чрез исповедь. Братья из Маебаси тоже встретили еще далеко за городом; особенно усерден Иов Кацуяма. В Церкви, в Маебаси, также многие собрались. Приготовлен был заранее обед по-иностранному и чай. После обеда, простившись — в церковном доме и в доме Кацуяма — отправились в Касукава, 4 ри от Маебаси, — деревня в 120 домов. Христиан здесь 6 человек, желающих креститься 3. Катихизатор Фома Маки и христиане встретили далеко до деревни. Зашли в дом главного христианина, младший брат его желает в Семинарию, или в Катихиз. школу; через год будет годен в последнюю. Маленькая проповедь — и дальше — до Никкава — 1 ¹/₂ ри от Касукава. Здесь 230 домов; христиане в 6 домах, всех их 21, из них 8 — в доме Давида Иосида — местного богача и старшины, но, кажется, не совсем исправного христианина — крестится плохо, и скуп, говорят. Принял отлично. Ванна, обед (которого я не ел). В половине 9-го проповедь в молитвенной комнате: — в 2-м этаже деревенской конторы, — о молитве, крестном знаменнии и пр. Было человек 25. Очень поздно везде собираются, так как пора рабочая; оттого скоро начинают уставать и засыпать, — один сегодня даже захрапел. Представили двоих

в Катихиз. [Катихизаторскую] школу. Поручил о. Павлу испытать их. Одного в Семинарию, — негоден, так как и из простой школы вышел по болезни (видимо — малокровие). Хорошие христиане здесь, по-видимому, три брата Такеноуци.

13 / 26 мая 1881. Среда.

В Мидзунума

Утром отправились пешком в Мидзунума, чрез Сиозава; вещи отослали прямо в Кириу, взяв нужное с собою. До отправления говорил Давиду Ёсида и собравшимся христианам о нужде для них построить небольшую церковь, — непременно всем вместе, а не одному Ёсида или одному Такеноуци, хотя они могут.

Дорогой проходили чрез Оомама — небольшой город у подножия гор. Непременно там нужна проповедь. Перед подъемом на горы перешли реку, — вид — очень похожий на один из видов — когда идти к Хаконе.

В 1 1/2 ри от Никкава — Сиозава, где 42 разбросанных по ущелью дома. Христианских 3 дома; в одном 4 христианина, мною крещенные в Мидзунума, — Иоаким, 79, и Анна, 73; их дети Петр и Евфимий, очень усердные; далеко встретили меня и целый день провожали. В доме у них все мастерицы — христианки. Всех христиан 23. Пообедали здесь бедненько.

Дорогой до Мидзунума — отсюда тоже 1 1/2 ри — расспрашивал у Петра — как подати теперь платятся? 2 1/2 с стоимости земли; оценку же производят выбираемые самим народом старшины, в присутствии чиновника; переценивают каждые пять лет. Бывают ли несостоятельные платить подать? Бывают — по лености или пьянству. Что с ними делают? Отвечает за каждого общество из 5-ти семей, к которому он принадлежит. Продают имущество; редко доходит до продажи дома. — Сколько правительство берет с шелку пошлины? 1 сен — с мотка — там, где разматывается при помощи водяного или парового колеса, и ничего — кто вручную; покупщики же платят установленный процент с суммы покупки.

Дорогой по ущелью обращают внимание толчеи.

В Мидзунума пришли в дом Иоанна Хосино. Христиан всех — крещенных в Мидзунума 66; из них 15 — из других мест были крещены. Из числа крещенных девицы, кроме того, 8 были из Мито и возвратились туда, об них Фома Маки напишет М. Нива, 4 в Маебаси, 1 в Тоокёо и 1 в Ивасиро (Фукусима-кен). Всех христиан налицо в Мидзунума 37; из них 9 девиц, 1 мужчина (Алексей) не ходят на молитву и не обнаруживают себя христианами, по расстройству в поведении, а Алексей по незнанию учения. Вообще Церковь в упадке. Было гонение: Чёотаро Хосино, начальник фабрики, стал запрещать заниматься изучением христианства —

потому что у него паровая машина все останавливалась. Мариамна, начальница мастериц — из-за твердости в вере должна была оставить фабрику; я ее видел здесь и пригласил в Миссию изучить еще лучше христианство под руководством Черкасовой, чтобы потом преподавать другим. Проповеднику Чёотаро запретил вход на фабрику; девицам разрешается только по воскресеньям на молитву ходить в дом Иоанна Хосино, где Фома Маки и совершал молитву.

Утром встают девицы в 4 ¹/₂, вечером кончают работу в 6 ³/₄, в 9 должны спать готовиться, т. е. д. [должны] быть дома. Поэтому я мог поучить их сегодня только с 7 до 9-ти; самые усердные прибежали, по окончании работы, не пообедав. Все собрались в начале 8-и; дал всем по образку Б. М. [Божьей Матери] и говорил потом, чтобы соблюдали молитву, а также христианское поведение берегли.

14 / 27 мая. 1881. Четверг.

В Асикага

Утром было крещение 4-х молодых людей. Совершил о. Павел Савабе; я сказал краткое наставление. Ласточки — в доме. Дом Иоанна Хосина проводил до реки. Усердные Петр и Евфимий, а также вновь прибывший из Сиозава — Иосиф (вчера не могший быть со мною, так как должен был присутствовать по обязанности на открытии-дерев. училища), также проводили с самого Мидзунума.

В Сиозава почти не останавливались, а простившись с провожавшими и всем домом Иоакима пошли дальше. У реки пред Оомама встретили Яцуки, Кубота и двое христиан из Кириу. От Оомама поехали на дзинрикия. Река глубоко внизу и горы по ту сторону — оч. красивы.

От Оомама до Кириу ри полторы. У реки пред Кириу встретили два старца, принадлежащие к Церкви в Асикага: Лука — врач и Марк; Лука — с тележкой, запряженной ослом, которую и предложил мне.

В Кириу 1200 домов. Христиан 3 — в 3-х домах; слушателей вновь нет, кроме семейств христиан. В деревне Ообара есть 5 слушателей. Туда катихиз. [катихизатор] Павел Кубота ходит два раза в неделю, возвращается в тот же день. Еще в деревне Хисаката 1 ри, — два христианина Иоанн и Яков Аоки. Отец их очень не любит христианство, и потому там проповеди не может быть, а люди Аоки, приходя в Кириу, заходят к Павлу Кубота слушать учение, люди же там — ткацкофабричные, так как Иоанн Аоки начальник общества, заведшего ткацкую.

В Кириу 4 года тому назад Андрей Яцуки, будучи в то время в Уеномура, несколько проповедывал, и слушателей было много. Потом не было возможности поместить проповедника, и протестантские проповедники секты пресвитериан, пришедши после Яцуки, сделали всех его слушателей своими. Теперь здесь протестант[ов] 50 человек. Впрочем,

по словам Яцуки, и у них плохо. Народ привык к проповеди, так как проповед[ники] говорят с открытыми дверями и все проходящие, останавливаясь, слушают. Конечно, ничего не поймут и не обойдут разом, а уходят с убеждением, что и они слушали христ. проповедь. Проповедь по такому способу имеет в самом деле ту большую невыгоду, что обращается в слишком малозначащую в глазах народа вещь, наравне с театральными рассказами на рынках. Выгода этого рода проповедывания единственно та, что она популяризирует имя Христа и делает, что все отзываются «учение, мол, хорошее». Пусть протестанты оказывают здесь эту услугу христианству, мы же д. [должны] заниматься серьезным научением.

Яцуки устроил и здесь проповедь, наняв довольно большой дом; в 1 ч. назначена была, но никто не собрался; а в половине 3-го я стал говорить и продолжал с небольшим перерывом почти до 4-х. Слушателей набралось наконец целый дом. Но проповедь не могла быть живою и последовательною, пот. ч. начатая пред малым числом, она пока закончилась, д. была сообразоваться с движением наличного состава. Во время проповеди глаз был порадован знакомым предметом: вошла откуда-то взявшаяся Тоокейская христианка из Ситая — Анна Мураками и перекрестилась по-православному.

Дом для постоянной проповеди и для катихизатора в Кириу в середине города; нанимает за $2\frac{1}{4}$ ены единственный тамошний ревностный христианин П. Кобаяси. По соображению Яцуки, держать там постоянного проповедника не стоит, а нужно иметь постоянную квартиру, и проповедник д. по временам приходить.

В 5-м часу отправились в Асикага. Местность весьма живописная. По левую сторону кряж гор, выходящий навстречу путнику, по правую — горы вдаль. Поля возделаны, пшеницы и ячменя больше всего, как везде до сих пор. В деревнях везде — против каждого дома почти — мидзугурума, для сучения бумажных ниток, приводимая в движение водой проходящей вдоль селения канавы.

Христиане встретили огромнейшей толпой — с детьми и женщинами пред городом, вышедши из ущелья. О. Павел Савабе до Асикага ехал на докторском осле и производил эффект, везде на него смотрели больше всего, а ребяташки долго бежали вслед; и он еще сам по себе эффектен, в подряснике, измятой шляпе, бородке, с зеленой широкой лентой на шее от дароносицы.

В Асикага получили крещение 95 человек; местных христиан 60, домов христ. 21, а всех домов в Асикага 4000 с лишком.

Кроме города, в следующих окрестных деревнях христиане:

1. Сиботаре, 1 ри, 1 христианин — усердный.
2. Кубота, 2 ри, 1 христианин — плохой.
3. Янада-сюку, 2 ри, 1 христ.— плоховатый.
4. Оокубо $1\frac{1}{2}$ ри, христ. 2 дома и 3 человека — из них один и есть доктор Лука — с ослом, другой кучер его.
5. Инаока $2\frac{1}{2}$ ри 1 христ.— учитель.

В Асикага теперь старшины в Церкви 3, их помощника 2. Христиане своими средствами построили молитвенный дом. Под него землю пожертвовал Моисей Секигуци, один из сицудзи; денег на постройку употребили до 300 ен; кроме того, христиане сами работали. Домик вышел очень приличный, чистенький и хорошо украшенный. Проповедь здесь каждый день. В настоящее время Церковь – очень «сакан», все хорошо настроены и воодушевлены. Приезд сюда о. Гавриила пред Великим постом очень способствовал этому, его проповедь, что д. [должны] посещать Церковь и соблюдать молитву, оставила след.

Пришедши, в сопровождении огромнейшей толпы народа, в Церковь, совершил краткую молитву, после чего выступили двое с письменными приветствиями. Я ответил на них, поздравствовался со всеми и сказал, что спустя немного будет проповедь. Сели. Народу – внутри и вне – все полно, христ. внутри, язычники вне. После чаю и расспросов о Церкви, в 9-м часу началась проповедь и продолжалась до 10-ти часов почти, – о молитве и христ. поведении. Потом сказал несколько слов к язычникам в окно. Яцуки объявил им место и час проповеди завтра. Долго еще не расходились. Часов в 11 отделили для меня помещение, а часам к 12-ти все успокоилось. Голова от усталости и проповедей – разболелась.

15 / 28 мая 1881. Пятница.

В Асикага

Утром – христиане, в одиночку приходящие за благословением; между прочим – параличный старик. Иные пренесенно лизут руку вместо того, чтобы поцеловать, чего делать не умеют.

Чтобы не забыть – записать, что нужно будет внушить на Соборе (Катихизаторам на Соборе):

1. Не допускать к крещению без знания наизусть Символа, Молитвы Господней и 10 заповедей. Прежде и было это внушаемо, да забыли, и правило упало. Вчера в Мидзунума – как посмотрел – крестится молодой человек без малейшего понятия о Символе – наизусть.

2. Приготавливаемых к крещению, кроме того, научить предварительно хорошо делать крест; иные и давние христиане – не умеют креститься. Должны также наставить катихизаторы – как носить крест на шее; многие видны без крестов, которые сняты и повешены дома на стенке, или же вешают кресты на длиннейшей нитке; наставить – как принимать благословение у священника, – не креститься пред благословляющим человеком, сложить руки и пр. – Наставить, как держать иконы в доме, не развешивать их в разных местах – по разным стенам одной и той же комнаты.

3. Снабжаться катихизаторам книгами для раздачи даром, если кто не может платить; но вообще всем иметь заботу, чтобы по крайней мере краткий катихизис и молитвенник были в каждом доме, первый же — у каждого ребенка, умеющего читать. При этом внушать родителям, чтобы они заставляли детей учить катихизис. Катихизаторы д. [должны] быть озабочены, чтобы дети знали его, и притом разумно. Благочинный при объездах и Епископ впоследствии будут экзаменовать детей по Церквам, и родителям будет стыдно, а катихизаторы будут виновны в небрежении, если дети не будут знать катихизиса.

4. В Церквах везде должны вестись отчеты. Должны быть в Церкви, молитвенном доме или у катихизатора 3 книги: 1) для метрики о родившихся, браком сочтат. и умерших; 2) Приходо-расходная; 3) Памятная книга в Церкви, в которую д. вносить все замечательное, случающееся в Церкви, начиная с ее основания. Копии всех д. б. [должны быть] представляемы в Консистирию к началу 6-го месяца, чтобы время было составить отчет до Собора. Теперь записи по Церквам или ведутся не исправно, или нет их совсем.

В половине 9-го отправились в Татебаяси: я, о. Павел и Яцки [Яцуки] — на 3-х дзинрикия. Вчера туда очень просили — Павел Накада, поселившийся там бывший катихизатор и Пав. [Павел] Кобаяси — один из тамошних сицудзи, хотя я не располагал там быть.

Утро очень порядочное, хотя холодное было; поля, по которым пришлось проезжать, засеяны бол. [большей] частью сурепицей, остальное — пшеница, ячмень и кува. Местность красивая. До Татебаяси от Асикага 3 ри. Домов там около 2000; христиан больше 40. Но на беду самый первый христианин — старик Судзуки, отчасти Кобаяси и Павел Накада — люди вздорные, постоянно ссорятся между собою и расстраивают Церковь. Судзуки вечно не в ладах с Накада, и оба они хотят быть первыми в Церкви, каждый поэтому старается набарать себе партию. Кобаяси был сначала заодно с Накада — теперь отстал, но тоже не в ладу с другими. До сих пор у такого большого общества нет даже определенного места для молитвенных собраний. В последнее время немного как будто поладили и выбрали трех сицудзи закрытою балотировкой: Судзуки, Кобаяси и Накаяма — по отзывам Яцки и о. Павла, лучшие из тамошних христиан. На днях также нашли дом для квайдо и заняли его; туда мы теперь и направляемся. Все это дорогой объяснил мне Яцки, заведующий Церковью в Татебаяси.

Приехали в квайдо: в захолустье — дряннейший, старый домишко, закопченный, словом, беднее и грязнее быть не может; здесь стоят аналои и иконы, все в беспорядке еще по новости. Я полюбопытствовал узнать цену дома в месяц: Судзуки уклонился от ответа. Я потом еще спросил — и о ужас! 20 дней только назад здесь человек, от долгов не зная куда деваться, деревянным молотом ночью размозжил головы жены и

двух детей ниже 10-ти лет, а потом себе разрезал горло, но, не умерши с первого раза, бросился в колодезь и там кончил. Дом этот теперь никому нельзя отдать в наем, п. ч. [потому что] никто не захочет войти в это, ужасное гнездо дьявольской работы. Хозяин рад бы был даром отдать его в жилье, чтобы люди обжились в нем, но никто не берет и не захочет взять долгое время.

Но нашелся человек, который польстился на даровщину, — Судзуки, старшина Церкзи в Татебаяси, от лица избравшей его Церкви и занявший дом под катихизаторство и молитву. Т. е. мерзостнее не может быть поступка! Злейший враг не мог бы придумать более лучшего средства унижить проповедь и Церковь в Татебаяси; разумеется — туда никто порядочный не пойдет слушать проповедь из омерзения к дому.

Я велел тотчас же убрать иконы и церковные принадлежности отсюда в дом какого-нибудь христианина, а христианам собраться в дом, нанятый для сегодняшнего собрания, так как тот домишко, к довершению всего, еще по малости не пригоден для собрания даже и Церкви из 40 человек. Но слишком возмущен был, и чтобы — в сердцах — не сказать или не сделать чего-нибудь очень резкого, поручил о. Павлу устроить дело, а сам вернулся тотчас же в Асикага, и се пишу, голодный — во 2-м часу дня, пока принесут обед из какой-нибудь харчевни, и с сквернейшим расположением духа. Когда бываешь в хорошем настроении, непременно тотчас же нужно ждать какой-нибудь мерзости; так именно — в это время. Дело о. Павлу я поручил устроить в таком виде, чтобы — собрать христиан в каком-нибудь христ. доме, так как нельзя же публично разбирать мерзости, — и предложить христианам сменить Судзуки со старшинства, так как он компрометирует Церковь, и избрать на место его другого; а впредь наказывать христианам не делать ничего, касающегося всей местной церков. общины без согласия катихизатора, которому поручена Церковь, и без совета с ним.

(В Уцунюмия). Часу в пятом явились из Татебаяси сицудзи: Судзуки и Кобаяси с кем-то вместо Накаяма в сопровождении Яцуки с объяснением, что вышеизложенный поступок сделан по оплошности и в поспешности, что они очень жалеют и чтобы загладить решились тотчас же приступить к постройке нового молитвенного дома, — уже и землю для этого взяли. Такое быстрое произрастание добра из зла меня несколько удивило, и я сказал, что если они благое намерение доведут до конца, то в их деле обнаружится один из путей Промысла — зло обращать в добро — ко благу людей.

В половине 7-го отслужил вечерню для собравшихся христиан и сказал назидание, взяв темою объяснение обрядов, совершаемых при таинствах Крещения и миропомазания.

В половине 9-го началась проповедь для язычников в занятом для этого поблизости помещении и продолжалась до половины 11-го ч. Сначала слушателей было не очень много, и они дичились и неохотно входили

в дом; потом набралось — целый дом и около дома, человек 200 или больше. Я говорил о необходимости Веры для человека, о Боге едином и о сотворении человека, — с промежутком 10 минут. После меня Яцуки [sic] сделал краткое обращение к аудитории о том, что иностранцы, мол, верою вовсе не имеют в виду завоевать Японию, и о том, что вера — вовсе не есть принадлежность лишь одних малоразвитых. Последнее вышло особенно эффектно — несколько страстно, так как он имел в виду некоторых тут же сидевших, против кого направлял речь, как после говорил.

Вернувшись, долго еще видел вокруг сновавших христиан, и уж как надоедает эта публика, глазающая беспрерывно во все скважины окон и дверей! Точно зверя заморского в клетке смотрят.

16 / 29 мая 1881. Суббота.

В Уцуномия

Утром выбрал из чемодана менее нужное, чтобы отослать в Тоокёо, и тем облегчить чемодан, для удобства движения. Вообще, в таких путешествиях как можно менее нужно брать вещей; нужно рассчитывать, напр., по одной рубашке на неделю, — нечего делать, хоть и грязненько будет. — Вышло так, что я с моим чемоданом могу ехать в одной дзинрикиса, хотя имею с собою все необходимое для совершения литургии, т. е. утварь и облачение, и запас белья — на месяц. — В 8-м часу утра простился с Асикага. Христиане огромною толпою провожали за черту города. Нужно заметить впрочем, что у них теперь, не как у других — самое свободное время; они б. ч. [большой частью] ткачи бумажных материй; а подвоза ниток еще нет в это время.

Кругом Асикага заняты сучением ниток для бумажных материй; нитки же выписываются из Америки, так как японские хуже и дороже.

Забыл записать, что вчера вечером по возвращении с проповеди, христиане, чрез старшин, просили сюда Мидзуно; ответил, что ничего не могу обещать, а скажу на Соборе.

Проезжая в Сано, заехали в Оокубо (деревня 130 дом.) к врачу, старику Луке. Он ждал стоя — далеко за деревнею. Пред деревнею замечательная дорога, прорезанная в горе, наполовину — скале. Зашли к Луке; он и жена — Анна — не знали чем угостить. Лука — видно — истинно благочестивый; вчера о. П. [Павел] Савабе рассказывал, как он нередко дает ему деньги — раздавать бедным, скрывая его имя, как жалеет дзинрикиса, ходя больше пешком, как с молитвой делает каждое лекарство. Простившись с ним, я здесь же простился и с о. Павл. Савабе, так как вторичным письмом, полученным на дороге из Асикага, его зовут в Маебаси, — умирает от чахотки Намеда — Квайдо-мори. Чрез Сано проехали в Уеномура. Церковка — ничего; певчих — все девочки — человек восемь; с

Романом затянули было такую волосянку, что хоть беги, но я сказал Роману, чтобы он оставил петь одному хору, и пошли петь в один голос очень стройно и пропели всю обедницу. По окончании ее я поздравствовался с наличными христианами и выслушал письменное приветствие.

Крещено в Уено больше 110 человек; из них 91 принадлежат здешней Церкви; но из них только 68 теперь налицо, 23 — в отлучке или померли.— Сицудзи б: Павел Хосоно, Петр Икава и проч. Все христиане — в Уено, за исключением одного — в Сано, и 5 христиан в Акасака — составляющем продолжение Сано. По заявлению Яцки и Павла Хосоно в Сано решительно будут слушатели, если там водворится проповедник; гонения от бонз и заговора не принимать христианства, составившегося года четыре тому назад, теперь и следов нет. От Сано к северу в 2 ри в деревне Танума есть и теперь слушатели; прочие деревни вокруг Сано также все расположены к христианству. По мнению Яцуки — денкёося непременно д. б. [должен быть] поселен в Сано (именно в Сано, а не у Павла Хосоно, напр., пот. что в дом к сизоку простой народ стесняется приходить), где он должен и общественную молитву отправлять по субботам, — в воскресенье же в Церкви, в доме Хосоно.

П. Хосоно угостил отличной закуской и обедом, после которого тотчас же отправились дальше в путь. В Сано нужно было нанять дзинрикися, дальше — по направлению к Уцуномия; крайне раздосадовали японцы медленностью; ровно час дорогого времени потерян на бесплодные переговоры и поиски; наконец, когда я уже рассердился, быстро слажена была бая, и отправились. И Яцуки — несносен своим гузу-гузу и кастрированностью везде и во всем. Неудобен он и своим порядочным-таки нахальством: затвердил, что в Уено-мура и Сано меня ждут и непременно обидятся, если я не буду и не скажу проповедь, и настоял, что я согласился побывать в Уено-мура и Сано, хотя прежде совсем не располагал и Павлу Хосоно сказал в Тоокёо, что буду разве на обратном пути. Оказалось, что совсем никто не ждал, и проповедь говорить не перед кем: в Сано — в 2 часа назначена была проповедь, но там и места-то никто не думал приготовить для нее, не только собрать слушателей. В Уено Павел Хосоно тоже, видимо, не ждал — встретил у самого дома и, видимо, не с радостью от души. Поди — полагайся на слова катихизаторов! Нужно, однако, верить приглашениям с большою осторожностью. И Пав. Хосоно — вон опять приглашал остаться у них и погостить, но стоило видеть его физиономию и слышать голос! Следовало бы наказать за японскую хитрость и остаться действительно.

В 7-м часу прибыли в Уцуномия. Остановились в гостинице, где прямо предупредили, что с иностранца 1 ена за ночлег (ибо отдельная комната ему нужна). Пока я чистился, Роман привел катихиз. [катихизатора] Павла Сибата. Здесь, в Уцуномия, христианин всего 1 (Марк), и притом до того плохой, что даже не позаботился охристианить свое

собств. семейство. Есть еще христианин из Тоокёо Иоанн Ямазаки, с женою и матерью, — камбёонин в военном госпитале. Слушающих вновь учение в Уцуномия — ни одного; а ходит Сибата в окрестные деревни, где слушают у него учение: в Нисикава, $1/2$ ри от города, учитель, в Симотоками, 1 ри, доктор, и Симокакеносита, $1\ 1/2$ ри, кочёо (если все это правда; малый, кажется — просто ленится). Угостил его ужином и отпустил, наказав, чтобы он побыл до Собора в Кицурегава и Сакуяма и привез известия на Собор об них, так как я и адресов не знаю там, к кому бы заехать.

17 / 30 мая. 1881. Воскресенье.

В Сиракава

Утром Павел Сибата ни свет ни заря притащил всю свою Церковь; темно еще — говорят — такой-то; мешают только эти кейтеи своими ни к чему не служащими вежливостями — тут бы заснуть оставшийся лишний полчас, чтобы после носом не клевать в телеге, а они лезут с усердием непрошеным — провожать. Пришли — сели, и ну — молчать, изволь еще разговором занимать их, когда собираться нужно. Нечего делать, в виде награды за их усердие спросил и для них завтрак и накормил их. Поехали сегодня на бая. Вместе сидели трое чиновников с женою одного из них, и какой-то купец, все дремавший. Тесно, жарко и пыльно. Так как немало было за день подъемов в гору и неудобных мест, то много пришлось вставать и идти пешком. Больше, чем за 2 ри пред Сиракава встретили первые — катихиз. [катихизатор] Петр Кавано с одним из христ. [христиан], и — потом, на всем протяжении 2 ри до города встречали все группы христиан и христианок. При второй же встрече пришлось — нечего делать, оставить совсем тарантас и плестись с кейтеями пешком; в деревне я велел посадить всех на телеги и отправились было, но сейчас же за деревней опять встреча, опять вылезай и плетись пешком, ибо нельзя же, как-то неловко бросать их и драть самому впереди, особенно когда между ними есть в почтенных летах. Таким образ. до Сиракава я устал ужасно и сбил вдобавок одну ногу. И их-то, бедных, жаль — ведь усердие какое! С ребятишками тащутся далеко-далеко встречать, но любезность эта вместо удовольствия причиняет досаду, пот. ч. [потому что] мучает их и тебя. Ревность не по разуму! Или глупость и малорассудительность катихизаторов! Сколько раз было говорено и толковано, что не нужно вовсе выявления усердия в таких видах, пусть бы усердствовали перед Богом и в благоповедении христианском! Не верят, думают — все-таки приятное сделать. Нужно будет на Соборе натвердить ясно и положительно, что вовсе не нужно делать такие вещи; а нужно собираться, в ожидании Епископа, у Церкви, или в

том месте, где собираются для молитвы, и встречать Епископа так, как это делают в России. Нужно будет рассказать им порядок путешествия Епископа в Русской Церкви и отношения его при этом к народу, и народа к нему, и твердо поставить на вид, что и здесь должен быть вводим этот, а не другой порядок. При чем сказать, что если даваемая инструкция будет нарушена, то катихизатор будет виноват в непослушании.

Пришли наконец в Сиракава, в дом сицудзи — Петра Накано — продавца иностранных часов. Я был такой усталый, что попросил, чтобы указали какой-нибудь угол, чтобы переодеться и несколько успокоиться — до 7-ми часов, с какого времени назначил быть вечерне и затем проповеди и разговору с братиею. Сказали, что ванна готова, — воспользовался ею, потом за неимением чаю напился теплой воды с прибавлением какой-то кислой влаги — в бутылке под названием иностран. вина, — вместо ужина съел каких-то тяжело сделанных конфет. Богослужение началось почти в 8, так как братия разбрелись по домам обедать и нескоро собрались. Отслужили вечерню, и сказал наставление, обращаясь — наполовину к собравшимся в значительном количестве язычникам, наполовину — к христианам; продолжил беседу с час, расспросил потом о состоянии Церкви и предложил заявить нужды ее. Христиан в Сиракава 47 только, но число это имеет значительно увеличиться уже потому, что христиане большею частью по одному в доме, и остальные члены семейств — в непродолжительном времени д. б. крещены. Сицудзи 1: Петр Накано, в доме которого и собираются для молитвы; катихизатор же помещается в другом месте. Церковь состоит из людей б. ч. [большей частью] серьезных, в летах, и кажется в цветущем состоянии по расположению христиан. Задумывали уже христиане, чтобы построить молитвенный дом, но Петр Кудзики, (бывший здесь катихизатором до последнего времени, ныне отставленный навремя, если исправится от склонности пить, так как пьяный — на второй день Пасхи прибил своего же приятеля — протестанта), смутил их: «стройте, мол, храм вашего сердца, а наружный храм строить не нужно еще». Если даст Бог, эта Церковь будет расти, судя по всему; в проповеди между прочим советовал им выразить свою любовь к Богу — пожертвованием на постройку квайдо. На побуждение заявить нужды Церкви христиане, посоветовавшись между собою, просили на Соборе выхлопотать им в катихизаторы Петра Кавано, которого они, кажется, действительно любят. Обещался хлопотать об этом. Постоянный катихизатор здесь решительно необходим, чтобы Церковь не остановилась в росте. В 12-м часу успокоилось все. Для меня нарочно устроили — чудовищнейшую кровать — длинный широкий мелкий ящик, наполненный спальными принадлежностями, в головах и у ног — открытый, так что я должен был ковчег этот притащить к стене, — о сердце!

18 / 31 мая 1881. Понедельник.

В Фукусима

Утром, в 6-м часу, отправились дальше; взяли с собою и катихизатора Фукусима — Петра Кавано. День был пасмурный; много подъемов в гору, при которых нужно было сходить с тележки. Перед вечером проезжали Нихонмацу; но катихизатор оттуда ушел, видимо, чтобы избежать встречи со мной, так как целый год очевидно ленился: два верующих, говорят, приобрел; к одному из них мы заезжали, должно быть, к лучшему, но его не оказалось дома, — или, быть может, не сказанся дома. Василий Сукей, по рассказу Кавано, помещен был сюда при старании сего последнего, для водворения христианства на находящейся в городе шелкоразматывательной фабрике, но это не удалось почему-то. Сукей между тем остался для проповеди в городе, кстати же, это его родной город, — получал ежемесячно большое содержание, — ну и проповедывал двоим верующим, из коих нет ни одного. Сам удрал — всего 2–3 дня; пришел к Кавано; «нет, мол, дела в Нихонмацу — что делать?» Кавано послал его в Сакуяма, т. е. спрятал от меня, пока я буду проезжать здесь. Не знаю, что делать с таким господином, как Сукей; посмотрим на Соборе; нужно будет оставить в Тоокёо для испытания или же совсем бросить. Не воздержался я, в продолжение дня, чтобы не сказать в присутствии Кавано, что не желательно, чтобы кейтеи Фукусима — растянулись при встрече тоже на несколько миль, особенно сегодня, при дожде. Заказывал я в Сиракава, чтобы в Фукусима не извещали, но Кавано дорогой упомянул, что из Фукусима просили известить, и, вероятно, братья Сиракава сделают это сегодня. Действительно, далеко еще до города, больше чем за два ри, два кейтея встретили; встал в грязь, раскланялся, благословил, извинился и сел опять в тележку. Кейтеи понеслись рысью, и предупредили в деревне собравшихся кейтеев, симай и детей, и те толпой выступают из какого-то дома — ремонтируемого и заваленного кругом кучами глины — сегодня размокшей нестерпимо. Я встал, погрузился по щиколку в тесто глины, перепрыгнул под навес и принял встречающих, между которыми, к жалости, были дети. Затем все-таки должен был извиниться, что сяду в тележку, так как шел дождь и решительно невозможно было брести пешком — в длинном, широком платье. Что за жалость! В дождь все эти добрые люди должны были 6–7 верст плестись обратно, — п. ч. [потому что] едва ли нашлись дзинрикия, и из-за чего! Чтобы и мне же причинить неудовольствие — выпачкаться в грязи! Нет, решительно нужно будет сказать на Соборе, чтобы не делали такие вещи.

Дзинрикия провезли в гостиницу, где занята была комната для меня. Через часа полтора позвали к собравшимся христианам — в место их теперешних собраний для молитвы. Место это — дом христианина Павла Такахаси, единственный христианский дом, уцелевший во время

страшного пожара, несколько недель назад испепелившего ⁶/₇ города, и между прочим только что выстроенный христианами молитвенный дом, стоявший им до 700 ен.

Проповедь в Фукусима началась чрез некоего Павла Касай, служившего здесь чиновником; он начал здесь говорить о христианстве, и многих из своей братьи увлек, — все больше молодые люди и чиновники или учащиеся. Потом прислан был сюда, за неимением лучшего, плохой проповедник Петр Бан; по лени, он не утвердил приставших к христианству в знании его; а между тем всем им преподано было крещение, или по крайней мере оглашение. Когда сердечное увлечение прошло, а знания настоящего не было, тогда — натурально — немало из них охладело к христианству и даже совсем перестало считать себя христианами. После назначен был сюда Иоанн Катакура и, как основательный проповедник, вновь произвел движение между людьми способными к принятию христианства, и приобрел многих, но большею частью совершенно новых, — прежде же охладевшие так и остаются чуждыми Церкви. Из них иные рассеялись по разным странам, так как были пришлые здесь (чиновники), иные остаются в Фукусима, но на молитву не приходят и христианами себя не высказывают. Двое из таких были здесь же в доме, куда я пришел; но оставались в группе язычников, когда я совершал вечерню и потом говорил с христианами; обращаясь по временам к язычникам я и не подозревал, что иной раз в упор смотрю на своего же христианина и говорю ему, что он остается во мраке.

Всех крещенных и оглашенных в Фукусима: 101 ч. [человек] Но из них только 24 человека теперь постоянно собираются на молитву по праздникам, и составляют собою здешнюю Церковь. Кроме них, насчитывается до 12 чел. — охладевших к христианству; еще в деревне Оомори, 1 ри от Фукусима, 8 христиан; никто не заботится об них; но они не бросили учение. В Вакамацу 3 христианина: Павел Хаяси, брат и жена, торговавшие в Фукусима и перешедшие в Вакамацу. Они требуют проповедника туда.

О разошедшихся по разным странам поручено Петру Кавано собрать сведения и приготовить ко времени моего обратного следования или же доставить мне, когда придет на Собор. Всех таковых не только из здешней Церкви, но и из всякой другой нужно держать в виду, чтобы помогать им содержать себя христианами. В тех местах, где есть проповедники, им поручать пришлых, где нет — наблюдать, чтобы с ними сносились их священники. Об этом нужно будет сказать на Соборе.

Христиане здесь в 10 домах, из которых 9 сгорело; остался один дом — Павла Такахаси, в котором христиане и собираются теперь для молитвы. Он же вместе с Стефаном Касай, братом Павла, служит сицудзи, и их всего двое. Христиане очень просили сюда опять Петра Кавано катихизатором — до Собора будущего года, и располагают будущей весной вновь построить Церковь. Вообще, после пожара дух христиан не упал; отчасти

этому способствовала присланная из Хонквай денежная помощь; иные на нее начинают поправляться; наприм., один сразу нажил 30 ен на одном торговом деле. Павел Такахаси отдает своего сына на службу Церкви, т. е. — в Семинарию пока; только мал больно он; велел, впрочем, приходить к сентябрю. Дочь тоже выпросилась — хоть петъ научиться в женской школе при Миссии, — если нет вакансий, чтобы быть принятой ученицей в школу. Совершил молитву, причем пели человека три, четверо детей — и, к удивлению, стройно, хоть в один голос; видно, что Кавано может научить простому пению. После молитвы проповедь — отчасти к язычникам.

19 мая / 1 июня. 1881. Вторник.

В Сендае

Утром еще спали, как христиане и христианки собрались провожать, хоть я с ними распрощался вчера. Нужно было угостить их завтраком, вместе с Романом и Кавано. Распрощавшись потом с Кавано и христианами, мы вдвоем с Романом отправились дальше, в Сендай, до которого от Фукусима 22 ри. Целый день был пасмурный и холодный; после же 3-х часов зарядил дождь на все время. В 8 часов, при фонарях, грязные и иззябшие, мы прибыли в Сендай и остановились в гостинице. Христиане не были предупреждены, и потому не было встреч, и кстати: без помехи погрелись и отдохнули. Первым делом было послать Романа купить по теплой шерстяной рубашке мне и ему — стужа просто нестерпимая. За записыванием дневника скоро заснул.

20 мая / 2 июня 1881. Среда.

В Сендае

Утром в 6 часов послал Романа за И. [Иоанном] Оно, который сейчас и пришел; потом прибыли о. Матфей и несколько других христиан. С ними отправился в Церковь. Здание то же, что видел 4 года назад, старо и черно; впрочем, Церковь держится чистенько. Метрические записи ведутся, но так, что и сами катихизаторы долго не могли добиться, сколько всех крещено в Сендае и сколько крещено в нынешнем году. Нужно будет настоятельно подтвердить на Соборе, чтобы исправно вели метрики, и непременно отпечатать и раздать формы книг. Всех крещенных в Сендайской Церкви 545. В год со времени прошлогоднего Собора крещено 45 чел.; оглашенных теперь 15. Брак в год был 1, умерло 9. Старших в Церкви для текущих дел 10, для особенных 20. Первые совещаются каждую субботу после вечернего богослужения; но не всегда есть дела; в последнюю же субботу месяца непременно делают собрание

после всенощной. Когда дело особенной важности, наприм., выбрать представителей на Собор, тогда собираются все 20 сидззи.

Богослужение совершается каждую субботу вечером в 6 [8?] часов, собирается христиан от 50 до 100, в воскресенье летом в 9, зимою в 10, собираются от 70 до свыше 100. Проповедь — при каждом богослужении; говорит Оно или о. Матфей; вообще же проповедь — служение И. Оно. Певчих 9 человек; пение перенято от Василия Кикици и друг. Управляет певчими мальчик Иннокентий Накагава.

Двух проповедников Оно и Катакура довольно для центральной части города; но их совершенно недостает для «Минами-ката», части города, начинающейся от Нагамац — предместья Сендая со стороны Тоокейской дороги. В Минамиката проповедывал когда-то Пав. Такахаси, потом с 12-го мес. прошл. года до 3-го мес. нынешнего Яков Асай, проповедуя 10 дней там и 10 дней в Хараномаци, слушателей было много; между прочим слушали чиновники, служащие при тюрьме, желавшие ввести проповедь и в тюрьму. Но Асай, не успевая справляться в двух местах, должен был, наконец, совсем перейти в Хараномаци; а Минамиката осталась без проповеди. Там всего теперь 4 христианина; а люди, у которых возбуждено желание слушать, бросаются на произвол судьбы или отдаются католикам, которые в этой части теперь особенно усиливаются. Все это заставляет настоятельно требовать, чтобы ближайший Собор непременно назначил одного проповедника исключительно для Минамиката, вместе с 2–3 окрестными деревнями.

От христиан в год собрано 123 ен на особенные церк. нужды, напр. платить проценты; пока уплачены были деньги за землю.

В кружку же собирается в год не больше 6 ен, что мало для мелких расходов на здание Церкви.

Нет ни одного христианина в Сендайской Церкви, бросившего учение, что показывает хорошее управление Церкви.

Но бросаются в глаза некоторые вещи, напоминающие об язычестве. Меня сегодня угостили совсем мясным обедом; я ел кое-что особенно, одно рыбное блюдо, но должен был потом заметить Оно, что следует соблюдать среду и пяток. Он же оправдался — «мол, слышал, что в дороге пост нарушать разрешается»; видно же просто, что о посте сегодня никто из них не подумал. Впрочем, думаю, что это не по недостатку уважения к церк. правилам, а просто потому, что у них всегда пост, так как [нет] мясных блюд; так им не приходится и думать о правилах поста, поэтому не вспоминают о посте и там, где следовало бы это. Еще: будучи у И. Вакуя — вдруг вижу приготовленную невесту для моего ученика Александра Мацуи. Так отец — Вакуя — женил, да еще по-язычески, старшего сына Василия, когда тот был у меня в школе, и я уже через год узнал о том; теперь то же собирается сделать с младшим, хотя этот отдан в другую фамилию. Приготовлена какая-то толстая молодая баба — дочь Хосоя, тюк мяса, — и связан молодой человек по рукам и ногам! А я еще

собирался послать его в Петерб. Академию! Прощай, ученость! Совершенное язычество! В доме Овата — тоже нашел приготовленную невесту для Иоанна Овата — молоденькую девочку, которой, обратно, по-видимому, Овата не будет стоить. Это в Сендае кажется особенно в сильном обычае. Говорил Оно, чтобы он убеждал христиан не связывать так своих детей; Оно говорит, что он и так делает это, да не слушают. Хорош также брат о. Якова Такая, бывший больной — чахоточный; здоров и — больше года, как женился по-язычески, а все получает б ен — на болезнь — из-за о. Якова. Просто совесть возмущается таких негодяев содержать на счет Церкви, и придется сказать о. Якову, что не могу этого делать, пусть сам зарабатывает себе хлеб — брат его.

Католики в Сендае в последнее время очень усилились. Во 2-м месяце у них было до 150 христиан. На богослужение собираются до 100 чел. [человек] всегда; построен молитв. дом; живет в Сендае постоянно Пастер; недавно был здесь их Епископ; между их проповедниками один — младший брат нашего Романа Сибата — умершего.

Протестанты здесь 2-х сект — Епископальной и Баптистской; живут между собою дружно; обращенных у них чел. 20,— два проповедника; иностранный миссионер один по временам приходит.

Распросивши о состоянии Церкви, отправился посетить катихизаторов, семейства катихиз. [катихизаторов], проповедующих в других местах, и сицудзи. Всех за день сделал 25 визитов. Действительно, бедно живут сендайцы. Трогательно положение жен и детей, мужья которых — катихизаторы — живут далеко, как Спиридона Оосима жена и три малютки, Петра Сасагава мать, жена и трое малых детей. И рад бы помочь и лучше обеспечить, да как это сделать? Другие, — и не имеющие нужды в помощи, потребуют то же себе. Трудная задача — сделать безобидно и правильно распределение содержания катихизаторов. Скромные молчат и не требуют себе, а нахальные требуют больше, чем сколько нужно. Определить же содержание как чиновникам, с повышениями окладов и различием для разных степеней и лет катихизаторства, рано и опасно: катихизаторство может обратиться в бездушный формализм. Не знаю, на чем остановиться. Верно только то, что мне нужно знать яснее семейные обстоятельства катихизаторов; а для этого, кажется, придется предложить им написать о себе формулярные списки.

В 3 часа отправился в Хараномаци-но кёоквай. Там прежде проповедывал о. Павел Сато. Потрудился для этой Церкви Павел Кикучи. Теперь — Як. [Яков] Асай: ему Церковь обязана теперешним своим отличным устройством и воодушевленным состоянием христиан. Христиан в этой Церкви, Петропавловской 138. На лицо сейчас 108 — 56 мужчин и 52 женщ.; прочие в отлучках, 43 христианина прежних — от о. Пав. Сато; в продолжение же года, когда там был Асай, приобретено 65 ч. [человек]. Умерло в год: 3 мужч. и 2 женщ.; брак был 1. Оглашенных теперь 10; вновь слушающих 30–40 чел. Мест проповеди 10; вечером

Асай выходит в город на проповедь, а днем приходят к нему; по средам и воскресеньям особенно много приходит воинов. На молитву в субботу собирается человек сто, с язычниками; в воскресенье 30–40 человек, ибо днем — некогда; для христиан не д. б. [должно быть] некогда.

Сицудзи 10 человек, из них Авраам Исава и Тимон Хиока особенно усердны. Избираются ежегодно в 7 мес. Собираются для совещаний в последнее воскресенье каждого месяца, если нет особенных нужд собираться чаще. На случай болезни или другой причины, удерживающей сицудзи от участия в собрании, приготовлены, тоже избранием, — 3 кандидата для замещения их во всякое время.

Христианками, с участием совета сицудзи, избраны 6 «севаката онна», для воспитания молодых христианок в духе благочестия и для привлечения язычниц к христианству. На будущее время положено выбирать их ежегодно в 7-м месяце, как и членов гиин'а. Севаката часто собираются и советуются.

Ежемесячного определенного дохода 3 ен — столько вносят христиане по доброхотному обязательству — всякий сколько захотел взять на себя. Сверх сего желающие юси жертвуют — что хотят. Наконец в кенсай-бако в год собирается 6 ен.

Деньги хранятся у адзукари-ката из сицудзи; по 2 человека из них несут эту обязанность по месяцу; когда срок их прошел, передают другим двум и т. д. Передача делается на собрании, после поверки суммы.

Постройка квайдо стоила 350 ен. Из этой суммы 38 ен собрано прежними христианами, еще до Асая; 50 ен дали юси — тоже прежде его. А 262 ены пожертвовали двое: Авраам Исава, Тимон Хиока.

Певчих в Хараномаци 8 человек; поют в один голос довольно стройно. Учил Василий Кикиуци.

Все 10 сицудзи единогласно просили сюда после Собора опять Якова Асай. Обещался выхлопотать это у Собора.

Распросивши о состоянии Церкви, отправился делать недоконченные визиты. В 8 часов приехал служить всенощную в Церкви Хараномаци. Сказал потом слово.— Другое сказано было в 3 часа собравшимся тогда для встречи христианам.— Ночевал у Андрея Янагава, брата о. Якова, где приготовлена была квартира, даже с кроватью, наподобие невысокого гроба. Здесь же давали обедать и чай — все угощение — от всех христиан, в складчину. Напрасно! Впрочем, пусть делают, если это доставл. [доставляет] удовольствие.

21 мая / 2 июня 1881. Четверг.

Праздник Вознесения.

В Сендае и Дзёгоцудзуми

Утром, подготовившись к литургии, отправился кончить визиты. В доме Овата, среди беднейшей обстановки, где самим кажется едва

есть чем перебиваться, нашел уже питаемого подростка: «невеста И. Овата»! Девчонка лет 12. Станный народ — японские родители; большей частью дают своим детям слишком много свободы; нередко приходится слышать о каком-нибудь сопляке лет 12: «да он этого не хочет», напр., поступить в ту-то школу, или заняться этим-то делом: там, где именно родители должны бы рассудить за ребенка и направить его, они вполне распускают вожжи, отчего и пропадает столько японской молодежи, т. е. ходя по улицам — собак бьет, ничего не делая, или развратничает, коли есть средства; а тут, в деле брака, где именно должен быть свободный выбор, родители распоряжаются судьбой детей, и не думая спрашиваться их.

Спрашивая Оно, как он думает распорядиться собою по поводу выбора его в священники — жениться ли, или в монахи поступить? Еще не решился; говорит — «к Собору решит». — Стал было убеждать его поскорей строить храм, — обещался пожертвовать с своей стороны 100 ен и ручался еще за столько же со стороны других членов Миссии, — так. обр., мол, половина почти обеспечена, остается другую собрать с христиан; но Оно испугал меня огромности суммы, нужной на храм. Говорит, что без 5000 ен нечего и приступать. В Исиномаки-де маленькую Церковь построили, и та стала тысячи полторы, а в Санума — 5 тыс. Действительно, цены страшно поднялись на все. Оно показал мне записи пожертвований — они уже давно думают о постройке храма и собирают деньги; для этого даже составилось общество: члены его вносят непременно определенную сумму; затем желающие (юуси) жертвуют. Набралось — кажется — ен 80 уже.

В 9 часов началась литургия. О. Матфей в это время служил литургию в Петропавловской Церкви в Хараномаци. Приобщалось очень много детей; видно, что дети приучены к этому. В Церкви было до 100. Но для такого большого праздника это было мало, и потому проповедь сказана преимущественно о необходимости соблюдать праздники.

Простившись с христиан. в Церкви и пообедавши в д. [доме] Андрея Янагава, отправились в путь. По дороге заехали в Хараномаци-кёоквай проститься с верующими. Яков Асай отправился вместе, чтобы познакомиться с соседней Церковью в Дзёгецудзуми. По дороге, милях в 6 от Сендая, проезжали Мацусима — знаменитое по красоте местоположения место: у берега группа островов числом 808; все они до того малы, что домов нигде на них нет; на ближайших к берегу только виднеются кумирни; одну из этих кумирень, по преданию, построил и в ней жил Кообоодайси. Для всех островков или для отдельных маленьких групп их придуманы остроумные названия; напр., островок несколько побольше и около него 12 маленьких называются «император и 12 жен его»; группа семи островков носит имя «7 мудрецов». Островки покрыты вековыми соснами. Видно, что здесь был когда-то берег с сосновым лесом, размытый наступившим морем. В селении замечательный буддийский

храм: Дзуйхоодзи; когда идти к нему направо — в отвесной горе, состоящей из мягкого песчаника, высечено много пещер, — то упражнения буддийских отшельников. Говорят, много их здесь спасалось и уморило себя голодом, чтобы попасть скорей в рай. Пещеры эти теперь, увы, служат для сжигания соломы на удобрение полей. Печально стоят высеченные каменные статуи, в глубоком размышлении о превратности судьбы. Храм — огромный, и много в нем замечательных древностей, — напр., картины, писанные знаменитыми людьми, резьба — знаменитого резчика; но все крайне пришло в упадок и обветшало. Микадо целый день отдыхал в этом храме, когда 4 раза путешествовал на север; теперь в той комнате на столе — доска, надпись которой гласит, что это — место покоя Высочайшего; и перед ним всегда стоит жертвоприношение, состоящее из чашки воды. Но к чему служит эта лесь! Получил храм от императора тогда 1000, о чем извещает крупнейшая надпись над самым входом в храм, — и будет; больше, вероятно, никаким угодничеством не вызовет к себе внимания, как и весь буддизм вообще. Падает он, видимо, отслужил свою службу — и пора в сторону.

При храме молодые монахи сказывали, чел. [человек] 12–13 бонз и престарелый осёо. В храме этом чтились Сендайские князья, где великолепные их ихай и доселе.

Зашли в гостиницу на 3-й этаж, чтобы взглянуть на вид островов, — действительно великолепный.

И вчера целый день, и сегодня — только и видно, как по улицам и дорогам тянутся лошади, навьюченные рыбою «сиби» (осенью ее же зовут «мангуро», оттого что вкус в разное время разный — осенью лучше), которую ловят именно в это время — множество в заливе Исиномаки и по всему этому побережью. Теперь рыба идет с юга на север и заходит в заливы; осенью обратно — с севера на юг; впрочем, ее меньше попадает в заливы. А теперь, думаю, тысяч 20 рыбы провезли только вчера и сегодня по дороге в Сендай.

Местность гористая. На берегу моря делают соль. Скоро за Мацусима — город Такаки, где есть два христианина; за городом находится дом Иоанна Такахаси, к городу же принадлежащий. И. Такахаси — это тот, что был катихиз. [катихизатором] и начал Церковь в Дзёгецудзуми; живет, говорят, очень бедно. Уже когда смеркалось, прибыли в деревню Дзёгецудзуми, ри на 12 отстоящую от Сендая. Деревня разбросана в ущелье гор. К Церкви в Дзёгецудзуми принадлежат еще 4 деревни:

Дзёгецудзуми, домов 40,	христ. домов 11, христиан 42.
Фукуда,	
20 чё от Дзёге — дом. 50,	хрис. дом. 5, христ. 23.
Касимадай,	
3 ри от Дзёге — дом. 50,	христ. д. 4, христ. 20.

Оомацузава,	3 1/2 ри от Дзёоге — дом. 100,	христ. д. 10,	христ. 23.
Кавауци,	2 ри от Дзёоге — христ. 4.		

Итого в 5 дерев.	дом. христ.	
	больше 30,	хр. 112.

Проповедник здешний Павел Кодзима несколько разладил с некоторыми из христиан; и поэтому он большею частью был на проповеди в новых местах. Здесь же, в Дзёогецудзуми, призван был христианами Иоанн Такахаси, который и жил здесь с 8-го месяца прошед. года в доме Стефана Ицидзё; он здесь был питаем на счет христиан, за что проповедывал (хоть плодов не видно) и совершал молитву; ушел лишь вчера домой; Кодзима же завчера только прибыл из Никадзима для моего приезда. Христианами в Фукуда, Касимадай и Оомацузава заведывал Онисим Накано (ничего, впрочем не делая там); в Кавауци никто не был на проповеди, да и не удобно — все дома разбросаны; но там есть родственники христиан (ендзя) — к ним и перешло христ-во. Иоанн Такахаси в доме Стефана Ицидзё по субботам и воскресеньям совершал молитвы для христиан. В прочих деревнях молитвенных собраний не было (по лености Онисима Накано).

Сицудзи: в Дзёогецудзуми 5 чел.; в других деревнях везде избраны свои. Собираются все вместе редко.

Самый главный сицудзи и радетель Церкви в Дзёогецудзуми: Стефан Ицидзё — как видно, очень состоятельный. К сожалению, его я не видал; как раз в это время он нес 20-ти дневное наказание тяжелыми работами, за порубку казенного леса (с ним уличены и осуждены еще 2 язычника, которым присуждено по 30 дней работы). Мать этого Стефана, Екатерина, старуха — бойкая, и разладила с Кодзима за то, по словам Кодзима, что он обличал ее, если замечал что неподходящее к христианству, в чем обличал, впрочем, не сказал, исключая, «да вот, наприм., во время молитвы придет с ребенком, а ребенок плачет и мешает молиться, — я говорю, что это не по-христиански, а она и сердится». — Видно, что обличитель сам горяч и неблагоприятен.

В Дзёогецудзуми на короткое время остановились в доме Стефана Ицидзё. Здесь и находится обыкновенно квайдо; но теперь комната, определенная для молитвенных собраний, занята шелкович. [шелковичными] червями, и потому квайдо на время воспитания их перенесено в дом его брата, в полверсте отсюда. Угостили спутников обедом, а меня чаем и кипятком с красным вином, провели в квайдо, где я нашел собравшихся христиан человек 30. Отслужили вечерню, и сказано было поучение. Между прочим, внушаемо было построить поскорее отдельный молитвенный дом, что здешним христианам особенно легко, так

как у них и лес свой и плотники есть. В других деревнях тоже определены места для квайдо; но не было правильных молитвенных собраний.

При вечерне пели трое — очень стройно; мальчик — сын Стефана (племянник Павла Кикүци) — отлично сам усвоил пение, д. б. [должно быть] от Василия Кикүци, и умеет передать другим. Во время богослужения пришел из Фукуда-мура Онисим Накано с одним христианином, были и из других мест христиане.

Новые места, где Кодзима проповедывал, следующие: Накадзима — деревня, в которой домов 100 разбросанных; от Дзёгецудзуми 8 ри, от Исиномаки 3 ри. Там прежде несколько проповедывал Никита Мори, а потом Павел Исии, из Ёкояма; в этом селении, между другими, хлопочущими о распространении христства, есть отец Петра Кавада (бывшего катихизатором), занимающий там должность учителя; но теперь, когда Кодзима начинает вводить порядок, ему это не нравится. В Накадзима 3 христианина, слушавшие учение от Никиты Мори; вновь слушает 10 человек. Ходит еще Кодзима: в город Нобиру (приморский, домов 200), от Дзёгецудзуми 2 ри. Через реку от Нобиру деревни: Хамаици и Усиами; в последней один дом приготовлен к крещению. В Нобиру Кодзима прожил 2 месяца; но теперь там нет слушателей (значит, беспутно время потерял). Был он еще в Хиробуцисинден. Там есть некто — Никанор, в Хакодате принявший крещение; он хлопочет о распространении там христства; его сын уже крещен; еще были 2–3 слушателя.

Кодзима не годится больше для этого места, его нужно куда-нибудь в другое; он и сам не желает здесь, хотя, по-видимому, основывался надолго, даже дом купил и жену поселил. Онисима Накано, кажется, совсем нужно будет выключить из проповедников. О. Матфей жалуется, что он ленив и дурно ведет себя. До Собора, впрочем, оставлено все, как было.

22 мая / 3 июня 1881. Пятница.

В Исиномаки

Утром, в сильный туман, спустились с гор; прояснилось, когда переезжали реку; недалеко виднелся город Нобиру; при перевозе простился с Накано, который отправился в Фукуда-мура. В 11-м часу прибыли в Исиномаки — на 5 ¹/₂ ри от Дзёгецудзуми. Так рано нас не ждали, и потому никто не встретил, и мы застали Павла Цуда и христиан убирающих квайдо. Крещено за год: в Исиномаки 16 чел. В Минато 3-года спали, в год же крест. [крестилось] 27 ч. [человек] В Исиномаки всех христ. 116; из них мужч. 65, женщин 51. На лицо теперь 82; прочие по своим делам в отлучке. Человек 5–6 охладели к вере — принявшие без достаточного научения, а из языческих каких-нибудь видов; у некоторых из таковых, впрочем, после возгревается огонь веры.

Проповедь — в Церкви и в Минато-кёокувай чрез вечер; в Минато есть новые слушатели. В город в последнее время выходил для проповеди в 4 места, но теперь, по недосужести слушателей, это на время отложено. Выходит еще П. Цуда для проповеди в Кадоноваки, город, составляющий продолжение Исиномаки, — с 600 домов. Там слушают в самой мациякусё 5–6 служащих; трое из них уже оглашены. Выходит в числа: 2, 5, 8, значит 9 раз в месяц, с 3-х часов. Был Цуда еще для проповеди в деревне Кама-мура, 1 ри дальше Кадоноваки, — разов шесть; там оглашен 1; слушают учение чел. 10.

Сицудзи в Исиномаки 8 чел. — Иоанн Сасаки, Николай Хигуци, Павел Ватанабе, Симеон Мано (у которого я ночевал) и проч. Избираются неопределенно, собираются — тоже; обыкновенно по воскресеньям все в сборе, и если есть дело — решают.

Храм в Исиномаки стоит почти 1500 ен. Внизу большая комната для катихизаций; кроме того, от входа налево — комната для катихизатора, направо — кухня. Во втором этаже Церковь человек на 200. Иконами еще не снабжена, как следует; велел к Собору принести размеры алтаря, который им придется несколько поправить. Иоанн Сасаки один пожертвовал на постройку храма 500 ен. Павел Ватанабе продал вещи, ибо беден, и 10 ен вырученных принес на храм. Вообще, здесь христиане не богачи, что я сам видел, посещая сицудзи; но все усердствовали. Инициатива постройки тоже совершенно ихняя. Сначала располагали постройку никак не дороже 300 ен, но постепенно больше и больше одушевляясь и улучшая план, довели до 1500 ен; причем очень жалеют, что не могли сделать еще лучше, — потолок, напр., очень низок в Церкви (правда). Земля под храм пожертвована одной христианкой, теперь, впрочем, охладевшей, ибо вышла за язычника.

В Исиномаки постепенно проповедывали: Петр Кудзики и П. [Петр] Авано, Ямамура, Сасагава, Исии, Павел Таде 1 год, и теперь Павел Цуда с прошлаго Собора. Он жил здесь с женой (сестрой Петра Оокава, из Идзу), которая обучала девочек шитью; но в начале нынешнего года она скоростижно померла.

Певчих 4 человека. Обучала Дарья Кудзики, и поют весьма стройно; обедницу безукоризненно пропели; вечерню — полутонили несколько.

Приехавши, отслужил обедницу с проповедью; после завтрака сделали визиты старшинам, сходили в Кадоноваки, в якусё, где проповедь бывает в училище — тут же; потом поднялись на гору посмотреть вид на море и окрестности, оттуда сходя — видели тюрьму, где сидел Кудзики за погребение по христ. [христианскому] обычаю: небольшое здание, говорят, — битком набитое (наши бы преступники в первую ночь разломали и ушли). Побыли в Кадоноваки у чиновника. В 4 часа — вечерня, и проповедь в катихизаторской; было много язычников; между прочим — местные власти.

После проповеди, в сопровождении толпы христиан и христианок отправился в Церковь города Минато, 595 домов, — по ту сторону реки. В Минато 70 христиан, — 36 мужч., 34 женщ. Город состоит из рыбаков, земледельцев и торговцев. Все христиане налицо, и все усердны, никто не охладел. Сицудзи 5 чел. Квайдо в доме Сергия Кацумото. Он крещен на Суругадае и некоторое время жил в катихиз. [катихизаторской] школе; потом охладел к вере, а теперь очень усерден; служит здесь учителем в школе. Обещал землю пожертвовать под храм, и христиане Минато уже думают о постройке храма.

Служба церк. в Исиномаки бывает в субботу вечером в 8 часов, в воскресенье утром в 10 часов; а в Минато в воскресенье вечером, и Цуда ходит туда с певчими из Исиномаки. В Исиномаки на молитву собираются 30 чел. дзенго, в Минато 20 чел. дзенго. В Исиномаки все купцы, и немного ремесленников; время проповеди здесь все равно — во все части года. В Минато тоже, но немного есть крестьян; для них теперь очень некогда, ибо настало время посева риса; осенью, во время жатвы, тоже некогда.

В Исиномаки, как рейдовом городе, — много разврата, в Минато — нравы лучше.

Пришедши в Минато, для чего нужно было переплыть реку, посетили церк. старшин, сходили на кладбище, где похоронены четверо христиан, между прочим — Петр Авано и Кириакий Цуда, у которых хорошие каменные памятники с крестами (место же для погребения христ. [христиан] Цуда купил и отделил), пришли наконец в квайдо, где прежде всего угостили от лица Церкви отличной рыбой и пивом, отслужили вечерню — потом проповедь. По окончании её, ночью вернулись в Исиномаки, в Церковь. Здесь сицудзи представили просьбу, чтобы для Минато дан был отдельный денкёося; он, кроме Минато, будет проповедывать в соседних: 1. Ватаноха, гор. [город] 1 ри отсюда, 320 домов; 2. Негасимура, 20 чё, 30 дом; 3. Кадзума, 20 чё, 30 дом. Для Исиномаки же сицудзи просят по-прежнему Павла Цуда, который, по их словам, подходит к этому месту.

Христиане в Исиномаки и Минато кажутся очень одушевленными; Церковь обещает расти, если Бог поможет и будет хороший руководитель.

23 мая / 4 июня 1881. Суббота.

В Вакуя

Утром огромной толпой христиане из Исиномаки проводили далеко за город. В Вакуя прибыли около 11 часов; расстояние 5 $\frac{1}{2}$ ри. Проезжали, между прочим, город Хиробуци, 130 дом, 3 ри от Исиномаки; в $\frac{1}{2}$ ри отсюда Хиробуцисинден, где христиане — Никанор и его сын. Не доезжая 1 ри до Вакуя, вправо, недалеко от дороги, деревня Майяци-мура,

откуда катих. [катихизатор] Иоанн Отокозава; его семейство все православное. Родителей нашел потом в Вакуя, пришедших повидаться со мной. Почти за 1 ри до Вакуя братия, Стеф. [Стефан] Хироцука, — довольно оправившийся, но все еще с частыми головными болями, и худой и бледный -- значит не идущий для катихиз. [катихизаторской] службы, требующий умственной работы, — и другие. Между прочими был Яков Ооцуки — катихизатор из Мориока, пришедший за 40 миль спросить, какой дорогой я пойду в Намбу — большой, или побережной. Вот нелепость-то! Нужно будет сказать на Соборе, чтобы катихизаторы отнюдь не отлучались с мест своей службы для таких причин.

Вакуя — город — с 500 домов и домов 700 дзёнаи, всего с 1200 д. Был прежде Бакка — владением Сендайского князя, и потому все здешние сизоку — байсин (двойной подданный), отчего и обращены в крестьян (хеймин). В Вакуя христиан до 100 чел., христ. домов 40 — мало полных христ. домов. В этом году крещено 13. Язычники не мешают; есть новые слушатели — 4–5 человек; а больше 10 человек уже почти готовы к крещению. Сицудзи 9 чел.; из них особенно усердные: Федор Ёсики, Иоанн Ямаки и Евгений Сабанай.

Теперь чрез каждые два вечера — проповедь вечером в Квайдо; собираются 5–6 новых слушателей и несколько христиан. В Нигоу-мура, 2^{1/2} ри от Вакуя, есть также 4–5 слушателей учения. Вакуя дало катихизаторов: Савву Кимура, который и служит здесь же, Бориса Ямамура, Илию Додо (теперь в отставке, за предосудит. [предосудительное] поведение) и Стефана Хироцука (очень способного, но, к сожалению, не могущего служить по болезни); в 2-х ри отсюда деревня, из которой Тимофей Мурасава, также бывший в катихиз. школе, — теперь питает отца, обрабатывая поле. В Семинарии из Вакуя Петр Мурата, которого мать — христианку — видел здесь, и был Павел Кимура.

Для квайдо нанят старый дом. При служении обедницы певчих так зарознили, что пришлось сказать Роману, чтобы один он пел. Видно, что и понятия не имеют о спевке или о нотах, хоть все ноты держат в руках. Пока — в первой этой Церкви встречаю таких нелепых певчих. Обещался прислать слепца Александра из Санума — понаучит певчих. В Вакуя первый проповедывал Сергей Нумабе, проживший здесь 3 года. У катихиз. [катихизатора] Саввы Кимура отец и мать еще язычники; отец — старик — доктор и кит. [китайский] ученый. Детей у Саввы Кимура 9 чел.: две старшие дочери замужем, сын Павел, бывший в Семинарии; остальные 6 — мелюзга. Живет землею, которую отдает обрабатывать с половины; также разводит кайко. У Бориса Ямамура — прекрасный дом, много земли и целая гора с лесом. В семье: мать, жена, сын Стефан 10-ти лет и еще дитя-малютка.

Посетил всех сицудзи и немало христиан; был в домах катихизаторов. Прекрасное устройство жилья сизоку — все окружены садами, как в Сендае. — Входили на холм, чтобы посмотреть окрестности, а также

взглянуть на пепелище прежнего владельца этого города. Стоит один остов кумирни, предпринятой было к постройке в честь предков владельцев от лица их кераев (в какой-то складчине, впрочем, христиане не участвовали); и остов этот можно купить теперь ен за 100. А владелец живет у подножия холма в зданиях таких же, в каких живут зажиточные крестьяне; он слушал раза 2–3 христ. учение; но окружающие его не любят христ-ва [христианства].

В 8 часов была всенощная, после которой проповедь, приготовленная было для христиан, но вышедшая больше для язычников, так как их было очень много. Было тесно до давки, душно; вообще обнаружилось все неудобство этого квайдо; почему я после, оставшись с одними христианами, вновь настаивал, чтобы поскорее приступили к постройке Церкви, и для начала дал 35 ен.

Вообще — Церковь вяла, что совершенно определяется характером здешнего катихизатора.

Когда вернулся в квартиру (тут же около Квайдо, в гостинице в 3-м этаже), один школьный учитель, отец христианской девочки, представил сикуси[?], в котором между прочим спрашивал, как ему воспитывать дочь, потом пришли несколько женщин-христианок, из которых жена Саввы Кимура, по-видимому, образцовая мать и хорошая христианка: «мы только пишем сыну, чтобы он не забывал Бога», а у самой слезы.

Ночью несносно разболелись зубы — от простуды.

24 мая / 5 июня 1881. Воскресенье.

В Такасимидзу

В туманное утро христиане проводили до дороги в Фурукава, до которого отсюда 5 ¹/₂ ри, кажется. Андрей Ина встретил несносно далеко (приходится возить их в таком случае, п. ч. [потому что] встречают пешком, только обременяют). Прибыли в 9 часов утра. Фурукава — торговый город — самый большой по дороге из Сендая до Мориока; домов в нем 926. Крещеных здесь 63 человека, но приходит на молитву не больше 12–13 чел. Прочие охладели (за исключением не принадлежащих к Фурукава, хотя и крещенных здесь; таких, кажется 9 человек). Причины охлаждения следующие: 1. При прежних здесь катихизаторах: Нумабе, Додо, Ямамура — некоторые крещены недостаточно знавшие учение. 2. Между христианами был большой позор (блуд, доведший до суда), давший и язычникам повод хулить их, и им самим смутиться; иные из них и кроме того дурного поведения. 3. Развращенность нравов города и вместе сильная привязанность жителей к идолам, вследствие чего на христианство здесь постоянно гонение — не прекращающееся и поныне; а если бы христиане здешние не были сами хозяевами домов, то им и жить было бы невозможно, ибо язычники с ними и дела не хотят

иметь. Запугиванию христиан особенно помогло гонение на них, бывшее, по поводу христианских похорон, года три тому назад; многие христиане, и без того слабые, этим гонением расстроены и охлаждены были. Язычники: «Ясо макета», — и этот один бессмысленный крик уже достаточен для того, чтобы рассеять робких. Бывшее три месяца тому назад погребение жены Иоанна Оидзуми доказало это вновь. Родствен. [родственник]: «если бонза не будет, не приду». До этого погребения было много слушавших учение в городе; но с погребения рассеялись, ибо тоже было затруднение для христиан, и они должны были отдать тело на время бонзам для совершения над ним буддийских обрядов, после чего уже отпели и похоронили по-христиански. С преданностью язычеству соединено, по большим прибойным[?] городам, развращение нравов. По этой-то причине, по большой дороге так трудно устрояемы Церкви. В Каннари, наприм. тоже почти нет уже Церкви по тем же причинам. И здесь, в Фурукава, если бы Иоанн Оидзуми смутился и пал, то вероятно и остающиеся теперь христиане рассеялись бы. Теперешние охладевшие, впрочем, не могут считаться бросившими христианство, и вероятно, Бог даст им время и побуждение покаяться и одушевиться опять христ. духом.

Сицудзи здесь двое: из них главный Иоанн Оидзуми, очень усердный христианин, содержащий прежде денкёосю у себя в доме.

Так как, по причине гонения языч. [язычников] на хр-во [христианство], нигде нельзя было найти место для сбора христиан на молитву и для проповеди — язычники не отдавали в наем своих домов для этого, то христиане, 10 человек, сложились, купили дом и на земле Иоанна Оидзуми, пожертвованной для этого, построили квайдо, в котором и катихизаторы живут. Все здание, с переноской, стоит больше 200 ен, кроме личного труда христиан. К сожалению, квайдо несколько в стороне от больших улиц города, так что для незнающих довольно трудно найти её. Общественная молитва — в субботу вечером в 10 часов, и в воскресенье утром в 11 часов. Читают, не поют. Собираются 10 человек. Проповедь в квайдо — в субботу и воскресенье, и в городе в двух местах: в якуба (магистрате), где слушают: Захария — старшина городской и 6 чел. новых, и в училище, где слушают учителя. Выходит туда Андрей Ина — раз в неделю по четвергам. Вообще, новых слушателей человек 10. В год крестились 3 человека. В окрестности Фурукава, в следующих деревнях производится проповедь:

1. Иигава-мура, 1 ¹/₂ ри от Фурукава, 120 дом. Здесь 9 христиан — между ними: Акила Кису, жена его Мария (сестра Анны Кванно) и дочь Вера. Христиане в трех домах. Вновь слушают 12–13 чел., проповедь по воскресеньям и понедельникам вечером; ходят Андрей Ина и Даниил Оонами по очереди. Проповедь в двух местах деревни.

2. Ниида, 1 ри, 120 дом. 2 христианина, вновь слушает 1.

3. Зоосикиноме, 2 $1/2$ ри, 16 дом. 1 христианка — старуха; вновь слушают 15–16 чел.

4. Яикида, 2 ри, 40 дом. Слушают 15–16 чел.

5. Цуцумине, 2 $1/2$ ри, 40 дом. Слушает 1 дом, 7–8 человек.

Живут А. Ина и Д. Оонами оба в Фурукава и выходят в селения по очереди, так однако, что оба в неделю обходят все места, а к воскресенью возвращаются в Фурукава. Проповедуют, ходя, оба — одним и тем же. Причины не представили, почему так делают, а — не разделяют между собою слушателей и места, что было бы удобнее, — и потому посоветовано разделиться.

Фурукава — город торговый, и потому здесь всегда время проповеди: по деревням же везде земледелие и разведение шелков. червя: в 6-м месяце очень заняты, и потому с 1-го до 20-го ч. [числа] 6-го месяца положено не ходить в деревни. Так же некогда будет по деревням в жатву риса, в 10-м месяце.

По прибытии в Фурукава тотчас же отслужили обедницу, после которой была небольшая проповедь — для христиан и собравшихся язычников. Потом расспросил о Церкви. После завтрака — посетили Акилу Кису в деревне Иигава. Приняли весьма ласково; отслужил там литию, предложено угощение.— В этой же деревне замужем сестра Павла Таде, и тут же земля Павла Таде, которую он отдает в обработку — с половины; земли 3 чё квадратных, по словам Кису; у Кису 5 чё; живет богачем; дом в саду, где поют соловьи.

Вернувшись в Фурукава, сделал визиты сицудзи и некоторым христианам — все показались бедняками, и при всем том построили квайдо — значит, действительно усердны.

В конце 4-го часа отслужена вечерня, после которой проповедь, не могшая продолжаться долго, ибо слушателей всего с ребятишками и язычниками было человек 20.— После сего отправились в Такасимидзу, отсюда за 3 $1/2$ ри. Андрей Ина и Даниил Оонами — оба не идут для Фурукава, оба слабы, и Ина вовсе не такой, как я прежде думал о нем, его нужно туда, где дело стоит крепко, и притом в помощники к другому — сильнейшему. Даниил же и юн и слаб. В Фурукава нужно покрепче кого.

Такасимизу

Это город — наподобие Вакуя. Тоже населенный наполовину байсинями, дома которых, как в Вакуя и Сендае, скрываются в садах, а сами они живут ни богато, ни бедно, немножко лентясь, и немножко к земледелию и кайко прибавляя книжности. Всех домов в Такасимидзу 406. Больше 30 домов — чисто христианских; всех же христиан больше 160 ч. [человек] Сицудзи: 10 чел.; собираются, когда дела того требуют. Проповедь производится только в церк. доме; впрочем Никанор Мураками ходит и по домам, куда нужно для научения. В год крещено 16 человек. В окрестности,

в деревне Накамура, 1 ри от города, есть 3 христианина. Богослужение — правильно по субботам и воскресеньям, всегда сопровождаемое проповедью. Певчие поют стройно; их человек 12, под руководством певца Виссариона, жившего год на Суругадае, для изучения пения.

Храм здесь построен в 1876 г. Никанор Мураками дал землю под него, христиане — дерево и личный труд; кроме того, собрано было 60 ен для уплаты за работы мастеровым. Образа Спасителя и Бож. Матери — иконостасные есть. Но недостаёт — на северные и южные; за клиросами — небольшие иконы св. [святого] Иоанна Богослова и Св. [Святителя] Николая. Есть в Церкви: плащаница, утварь, облачения. Нет хоругвей. В Церкви — все в примерном порядке и чистоте. Церковь — очень похожа на базилику, без потолка, с открытым верхом и поперечными переводами, — продолговатая.

В 1878 году христиане (по инициативе, кажется, о. Павла Савабе) положили собрать деньги — для покупки церковной земли, достаточной для содержания священника с причтом. Тогда же один христианин пожертвовал кусок земли 1 се, из которого рису получается 2 то 6 сё; другой дал на время 1 таэ огорода для Церкви; из этого участка выходит гороху 5 то. Землю церков. отдают обрабатывать за плату. Полученные продукты продают и деньги присоединяют к собираемой на покупку церков. земли суммы. Всего собралось теперь около 40 ен; кошелек сбор тоже сюда идет — его в год бывает 2 ены. На текущие же церков. нужды деньги тотчас собираются с христиан. На землю жертвуют кто сколько хочет и может. В текущий год пожертвовано до 20 ен. Предположено собрать в продолжении 10 лет; впрочем, если деньги наберутся и раньше, земля тотчас же будет приобретена. (Я дал от себя 20 ен).

Есть еще между христианами общество: гоенся (тагаини тасукеру куми — взаимной помощи). До сих пор собрало капитала до 80 ен (я присоединил сегодня к этой сумме еще всего 5 ен). Жертвуют — конечно, по желанию. Деньги постоянно в расходе — по рукам, у занимающих, — за 2 процента в месяц (кажется). Занимающие аккуратно возвращают, с присоединением процента, как бы он мал ни был, хоть 1 рин, потому что весьма часто занимается всего 10 сен на короткое время. То, что общество, давно заведенное, существует, и понемногу всё увеличивает свои средства, показывает распорядительность и стойкость Никанора Мураками. Такие общества и в других Церквях заводились, даже в Тоокёо, при главной Церкви (христ. [христиане]), впрочем, сами заводили, без участия миссионеров), но везде они недолго существовали, ибо христиане не выдерживали себя. А здесь — стоит, стало быть — может стоять, и христианам нужно ставить это на вид.

Метрики и денежные отчеты у Никанора Мураками ведутся самым аккуратным образом, чисто написанные, без помарок и вносок. Во всем виден человек порядка.

Скромен он также очень, не выставляет себя, а приходится видеть и догадываться больше, что он хорошо управляет здешнею Церковью.

Приехавши, отслужили вечерню, потом проповедь. Братия встретили пред Такасимицзу в разных местах. Матфей прежде всех ри за 1 1/2. В город ведет аллея великолепных сосен — на большом пространстве; вообще, местность очень живописная. Квартиру дали в доме одного доктора христианина; сходил в ванну, чтобы от простуды полечиться. Зубы и вправду перестали ныть.

25 мая / 6 июня 1881. Понедельник.

В Такасимицзу

Целый день шел дождь и из Такасимицзу никак нельзя было выбраться. Утром о. Матфей совершил крещение, в Церкви, 6-ти чел. После мы вместе с ним отправили обедницу, за которой причащены были ново-крещенные запасными св. дарами (ибо просфор не могли приготовить для литургии); после — проповедь, говорить и слушать которую мешал рубивший по крыше дождь. После, перешедши в комнату к Никанору, расспрашивал о состоянии Церкви, что уже изложено выше. Тут же рассказали о двух Церквях: в Цукитате и Мияно. Так как их проезжать не придется, ибо нужно свернуть в Санума, то о них здесь замечается.

Цукитате, город, 260 дом., от Такасимицзу 2 1/2 ри по большой дороге. Христиан 11 чел.; 6 чел. из них — хорошие христиане, приходят часто в Такасимицзу к богослужению; 4 христианина — охладели от недостатка учения и церк. управления там. Сегодня еще 2 чел. из Цукитате крестились — всего там теперь 13 христиан. В Цукитате прежде всех проповедывал П. [Павел] Цуда, потом Иоанн Сакай жил там с год. Из тамошних христиан особенно ревностный был Яков Яекасива, очень заботился о распространении христ-ва там; из его дома Иоанн Сакай взят был в тюрьму, и Яков — с ним же взят был. Теперь Яекасива помер; его заменить для Церкви некому, и нет там никакого центра, где бы группировались. Дочь Якова, христианка, с печалью рассказывала об этом (муж ее сегодня крещен, — сельский учитель).

Мияно-еки, в 20 чё от Цукитате, 200 дом. Христиан чел. 15; между ними есть усердные, как Ной Оогава, родной брат о. Сакая по матери. Прежде всех там проповедывал Иоанн Отокозава.

Эти две Церкви — в Цукитате и Мияно — легко могли бы быть управляемы и расширяемы из Такасимицзу, если бы, к сожалению, Никанор Мураками не был доцякуденкёося (привязанный семейными заботами к одному месту, ибо у него мать, жена и 5 человек детей, из коих старшей дочери всего 13 лет). Нужно будет представить Собору, чтобы ему дали в помощь хоть какого-нибудь молодого катихизатора.

В 2-х ри от Такасимидзу есть еще деревня Маяма-мура (70 домов, рассеянных), откуда 2 христианина пришли в Такасимидзу по случаю моего проезда; есть 3–4 человека и ещё — очень желающих слушать учение. Никанор был там один раз, потом ходил туда Антоний Удзие (умерший). Эту деревню также нужно иметь в виду при распределении проповедников.

Из Такасимидзу вышли: о. Тимофей Хариу (у него в доме 7 человек, 5 детей — и все, кроме Василия, малые; старший, впрочем, годился бы для приема в Семинарию; Василий — женат); катихизаторы: Яков Ооцуки, Исаяя Ооцуки, Илия Сато, Даниил Оонами, Елисей Кадо, Иоанн Онгивара (теперь, впрочем, не служащий — учителем, начинает дурно вести себя; раскаивался; быть может, удержится). Отсюда же: Роман Циба — певчий, Андрей Сасаки (одноглазый) — готовившийся в певчие и катихизаторы, но, кажется, ничего не выйдет из него. Здесь же — мой бывший слуга Матфей, оказывающийся довольно состоятельным владельцем дома и земельки. В Семинарии отсюда: Пантелеймон Сато.

Теперь — для Катихизаторской школы — представлен один ученик, и для Семинарии один; сказано, чтобы приходили числа 12–13 сентября (нов. ст.).

После обеда, несмотря на дождь, сделаны визиты во все дома катихизаторов и их семейств, чтобы видеть их состояние и расспросить о составе семей, — и всем сицудзи и некоторым уважаемым христианам. Если бы не мерзейшая грязь, прогулка среди садов была бы истинным удовольствием, — везде аллеи зелени и озера воды (зеленой впрочем) для поливки полей (ее пускают на поля по мере нужды; в случае засухи воду делят). К вечеру едва окончены были хождения. К счастью, Матфей тут напоил чаем, который он берет с прибытия сюда из Тоокей, — и взялся привести сапоги в порядок.

Никанор спрашивал совета насчет мужа-язычника, прогнавшего жену-христианку и женившегося уже на другой; разумеется, такой должна быть предоставлена свобода выйти замуж; насчет мужа христианина, прогнавшего жену, под влиянием отца, и женившегося на другой, сказал, что пусть ходит в Церковь; но лет 10 ему должно не давать Приобщения Св. Таин, так как явный блудник, по слову Евангелия. Везде труднее всего с японск. [японской] семейною жизнью и браками.

26 мая / 8 июня 1881. Вторник.

В Санума

Утро сырое; дорога дурная. Часов в 6 ¹/₂ простившись с христианами в Церкви, отправились в Санума, в 5 ¹/₂ ри от Такасимидзу. Местность прелестнейшая, лощина, где все рисовые поля; по горам роскошная растительность; ехали среди беспрерывного пения соловьев (и кваканья

лягушек, впрочем). Дорога гористая, часто приходится выходить из тележки и плестись по грязи пешком. У города встретили, прежде всего, группа детей — девочек-певчих и других, потом группа христиан; у входа в город — катихизатор Елисей Кадо, старшины и множество христиан и христианок. К сожалению, благословивши их, пришлось опять сесть в тележку, ибо идти пешком по такой грязи в сапогах решительно не было возможности.

Санума торговый город, в котором притом так же, как в Вакуя и Такасимидзу, много сизоку-байсин. Всего домов: 860. Христиан здесь: 319 — с 1875 года; но из них 15 умерло. Браков было: 4 за последний год; крещено 12 человек, и завтра будет крещено 14; так, образом завтра число крещеных здесь, в Санума, возвысится до 333 человек. Христ. домов 67. Из христиан 5 человек не ходят в Церковь, охладели по незнанию хорошо учения; но не отреклись и пред язычниками показывают себя христианами, один только совсем не приходит в Церковь, впрочем, 30 сен на Церковь вносит неопустительно.

Умерло за год 3 человека; браков не было. Церковные службы всегда совершаются по субботам и воскресеньям. Вечернее богослужение обыкновенно положено начинать в сумерки; впрочем час летом и зимою определяется, и дальше его не ждут. Начинают богослужение и здесь, и в Исиномаки, как в Суругадае, по маленькому звонку. Бывает по воскресеньям 30–50 человек, по субботам больше.

Хор из семи девочек поет стройно. Слепец Александр подучил их. В Церкви — полная утварь (та, что пожертвована из Владимир. Церк. [Владимирской Церкви] в СПб.), ризы — новые (пожертвов. [пожертвованы] Крупениковым в Казани) и старые. Икон полный состав; на север. и южных дверях Архангелы, заклинские — Александр Невский и Св. [Святитель] Николай. На солею — три исполинские ступени, а в Царские врата нужно гнуться. Впрочем, Церковь красива, особенно при вечернем освещении. Поместиться могут человек 500. Никогда не бывает полна.

Церковь еще не совсем кончена: снаружи не обложена внизу черепицей, внутри нет рам для иконостасных образов, но до сих пор стоит 2600 или 2700 ен. Земля под Церковь нанята на 50 лет; платится по 2 ены в месяц. Кругом Церкви разводится сад. У Церкви — дом для прислуги и кухни, около нее небольшое здание для ванной. — Все это в числе вышеозначенной суммы [см. стр. 109].

Занятия катихизатора: 1. В церк. доме по вечерам, с 7–8 часов до 10-ти, чтение с собирающимися учениками-христианами Свящ. Писания и других книг, не исключая япон. исторических сочинений, и даже докухон.

2. В городе. Входит в дом одного христианина по утрам, с 8-ми до 11 или 12 часов, преподавать христиан. учения собирающимся человекам 6-ти. Ходит и в другие дома для проповеди.

Кроме катихизатора в церк. доме живут: молодой человек Стефан Сасаки, служащий пономарем при Церкви; стряпка — старуха Афонасия и слуга — все равно христианин или язычник, всего 4 человека постоянно. Кроме того, здесь теперь слепец Александр на содержании Церкви.

Сицудзи в Санума 19 человек: Павел Хонда, Петр Сато, Моисей Юса, Тимон и проч. Первоначально избраны 7 человек, еще при Павле Цуда; с тех пор к ним постепенно прибавлялись. Собираются неопределенно. Обыкновенно в воскресенье все в Церкви; если есть дело, то после службы и решают; кого при этом нет, все равно как бы был. Церковные деньги прежде держали у себя и отчеты вели два человека выборных из самих сицудзи. Но с нынешнего нов. года положено, чтобы каждый сицудзи держал у себя деньги и вел отчеты один месяц, после чего передает все следующему и т. д. Это сделано для того, чтобы все сицудзи знали материальное состояние Церкви. Деньги собираются ежемесячно — сколько кто взялся жертвовать, по своему состоянию (дачи часто меняются). Деньги берутся не с людей, а с домов, потому что здесь обыкновенно хозяин всем заведует в доме, и прочим членам семьи неоткуда взять. Самое большое, что дают теперь, — $2\frac{1}{2}$ ены с дома, меньшее — 10 сен. В месяц теперь собирается 30 ен, на что ими содержатся живущие при Церкви, а также удовлетворяются текущие нужды по Церкви и дому. Прежде, когда был здесь священник, собирали 60 ен. Теперешний порядок вещей только на время; у христиан положено со временем купить землю для обеспечения церк. нужд.

Язычники в Санума не мешают Церкви; но зато и слушателей мало. В окрестности города христиане в следующих местах:

1. Ёнеока, 2 ри от Санума, 70 домов. 7 христиан, между ними Антоний — старик в параличе; жена его приходила ко мне в Санума.

2. Минамигата, 1 ри, мура 500 домов; больше 10 христиан; все в большие праздники приходят в Санума, в Церковь. Учение приняли в Санума.

3. Исиномори, 1 ри, 300 дом., — мац. Здесь жил Онисим Накано, и есть 10 чел. оглашенных, но крещенного еще нет ни одного.

4. Тоёма-мац, 2 ри 20 чё, 1000 домов. 10 христиан; здесь проповедывал Павел Ницуума — умерший. (Один христианин приходил в Санума к моему приезду.) Христиане всех этих мест, принадлежат к Церкви в Санума, и тензей сюда доставляют.

Для Санума собственно один проповедник совершенно достаточен; но зато он никуда не может отлучиться; для окрестностей ему нужен помощник, по рассуждению старшин.

Из бывших кацуу здесь христиан всего 2–3 человека. Обыкновенно, где примут веру первые сизоку, там горожане (цёонин) не присоединяются к ним и не принимают, как в Вакуя и Такасимицу, а где — первые примут цёонин-ы, там сизоку к ним не пристаёт и избегают веры, как в Санума. Город Санума совсем на таком положении, как Вакуя и Такасимицу: много бывших байсин, дома их — в садах; а город своим чередом —

дома в одну линию. Обыкновенно, купцы пренебрегают сизоку — за их бедность, а последние презирают купцов, как низших себя по рангу. Там предмет гордости — деньги, здесь — чин. Пороки купечества — разврат и пьянство, пороки сизоку — гордость и леность.

По приезде в Санума, отслужена была обедница и сказана проповедь. После обеда — посетил всех 19 сицудзи; все живут очень достаточно; почти все имеют лавки и отличные дома.

Вечером отслужена вечерня и вновь сказана проповедь.

Вечером пришел из Иокояма Павел Исии — спросить, когда буду там. Буду на обратном пути.

Александр-слепец приходил сетовать, что в Каннари Церковь совсем в упадке, по причине тамошних притеснений христиан. Обещал купить ему ручную фисгармонию — помогать ему обучать пению. Теперь же пока он пойдет в Вакуя.

27 мая / 8 июня 1881. Среда.

В Савабе

Утром о. Матфей совершил крещение 14 человек с детьми. После я отслужил обедницу, за которой новокрещенные были причащены. После проповедь. Христиане, и я в том числе, снялись группой около Церкви. Затем напутствованные добрыми Санумцами и простившись с ними уже за городом, мы направились в Вакаянаги — от Санума 3 ¹/₄ ри.

Прибыли во 2-м часу. За городом встретили дети. В городе тотчас наткнулись на пьяных, что — редкость в Японии. Для Вакаянаги дурной знак. Странное здесь распределение земли и название участков: пространство в 30 квадр. чё называется Вакаянаги-мура; в этой мура всех домов 1100. Из них здесь в городе Вакаянаги-мацэ 700 домов — значит, город в деревне, которая (мура) очевидно принимается здесь в другом смысле, чем селение. Внутри же этой Вакаянаги-мура есть Дзюмондзи-мура, в которой всех 19 домов. Христ. домов в Вакаянаги 20; всех христиан здесь больше 90 чел. Из них 83 крещено о. Евфимием и о. Павлом Савабе. В этом числе несколько человек из Казава (3 ри отсюда), Исикоси (1 ри), и Мияно (3 ри). Человек 10 крещено о. Матфеем Кангета. Из них, по словам о. Матфея, теперь только человек 20 с детьми принимают Св. Таинства, т. е. исповедуются и причащаются. На молитву по праздникам, по словам сицудзи, собираются не больше 7–10 ч. Но нет ни одного здесь бросившего христианство и обратившегося к идолам, они только охладели, по тем же причинам, как в Фурукава, т. е. от языческих притеснений, и вообще от дурного нравственного состояния окружающей среды. Прежде всех здесь, еще в 1872 г., проповедывал И. Сакай. Потом постепенно были: П. Цуда, Ниццума (о. Павел), Яков Кавата, Хиватаси, Таде (Пав.), И. Оно, В. Хариу, М. Кангета, П. Кангета, (в 1878 г.),

Додо, Ямамура, Накано, Варнава Иمامура и Петр Обара, по распоряжению о. Матфея сменивший Иمامура после Пасхи. Когда был здесь П. Кангета, то бонза приходил спорить с ним публично, был разбит, и христианство тогда очень было в славе в городе.

П. [Павла] Кангета потом — подговоренные д. б. [должно быть] пожарные схватили в квартире и тащили чрез весь город на позор народа, в квартире же разбили стекло на иконе. После они взяты были полицией и наказаны. Тогда П. Кангета жил в доме теперешнего сицудзи Захарии Кикучи.

Теперь в Вакаянаги квайдо в доме Михея Судзуки, во 2-м этаже, — обстановка бедная. Икона—литограф. [литография] Казанской Б. М. [Божьей Матери] Собираются на молитву в то время, когда Обара приходит, человек 10 по субботам; после молитвы он говорит им проповедь; в воскресенье же не говорит, ибо совсем не приходят на молитву, кроме домашних Михея. Обара живет здесь иногда по неделе; в это время по вечерам приходит к нему человека 3—4 христиан, и он им объясняет Священное Писание или занимается разговорами о вере (сицумон). Новых слушателей совсем нет, и за год крещения ни одного. Сицудзи в Вакаянаги 3 человека: Павел Танге, Иоанн Цуда и Захарий Кикучи. Самый же благочестивый, кажется, квайдомори — Михей Судзуки. Христиане в Вакаянаги все купцы.

Прибывши, мы отслужили вечерню, после которой сказана была небольшая проповедь. Собравшихся было всех человек 50 с детьми. Распросил потом о состоянии Церкви, убеждая ободриться и воспрянуть. Затем отправились в деревню.

Дзюумондзи, в 10 чё от Вакаянаги. Здесь, как сказано выше, 19 домов всего, и в них 73 человека христиан — исключительно земледельцев. Проповедывали здесь те же, что и в Вакаянаги. Христиане здесь несравненно усерднее, чем в Вакаянаги. В субботу на молитву собирается гораздо больше, чем в Вакаянаги; в воскресенье — немного, ибо заняты работами. Вообще видно, что Праздники нигде еще не научились соблюдать. Нужно будет на Соборе поставить это особенно на вид проповедникам, чтобы исправилась погрешность. О. Матфей посещает христиан в посты для совершения таинств; при этом в Дзюумондзи всегда человек 50 исповедующихся (в последний год — три раза посещал). В Дзюумондзи 5 сицудзи. Квайдо в доме старика Якова Сато, живущего на покое, очень почтенного на вид и благочестивого (сын его Александр — хозяин). Квайдо в очень приличной чистой комнате. Только иконы у них нет, теперь поставлена, занятая у кого-то. Просили икону, обещал после Собора прислать.

Христиане здесь уже 6 лет, как собирают моми (рис в шелухе); уже собрали 65 коку. О. Матфей, очевидно, хотел похвалить их и похвалиться, когда говорил мне: «а здесь есть кое-что хорошее», — и рассказал о сборе риса. «Для какой цели?», — спросил я. О. Матфей ждал, должно

быть, «для Церкви»; но ответили — «на случай голода». Что ж, и это хорошо. Я похвалил. Собирают еще какую-то сумму (47 ен есть), но раздают ее в долг. — «Нет ее на руках», — отвечает поспешно. Уж не боятся ли они, что с них тотчас потребуют рис или деньги на Церковь? И не служит ли это к упадку Церквей здесь, что везде в этих местах катихизаторы уже на содержании самих христиан, и из Тоокёо получают по 5 ен только на мелочные расходы?

В Дзюмондзи тоже отслужили вечерню и сказана была проповедь; собралось до сотни. Пришли, между прочим, из Мияно: старший брат о. Иоанна Сакай — Ной, еще оглашенный, с двумя своими сыновьями, просить крещения; из Исикоси отец и мать (с малюткой) секретаря Иоанна Такахаси. Отец по профессии врач; земли у него нет, кроме огорода; живет бол. [бóльшей] частию разведением кайко.

После проповеди, в простом разговоре, убеждал христиан Дзюмондзи и Вакаянаги поскорей построить храм, это будет способствовать и оживлению христианства в них. А оба места могут иметь один храм.

Ближайшие к Вакаянаги места:

1. Исикоси, 1 ри от Вакаянаги, мура, 3 ри сихоо, на каком пространстве 1000 домов. Христианских дома 3 (один из них — отца секретаря И. Такахаси). Христиан 21. Заведует тоже Петр Обара. Все земледельцы. Новых слушателей нет. Крещений не было в год. Есть один благоч. [благочестивый] дом, где квайдо и останавливается катихизатор.

2. Казава, 3 ри от Вакаянаги, город, 270 домов. Христиан 30 чел. И здесь начал проповедь И. Сакай. Был здесь еще Ефимий Ясиро; Обара, заведующий теперь, был здесь и в прошлом году. Тогда немножко слушателей собиралось, но не показали расположения содержать денкёоса, и потому туда не был назначен.

3. Ебисима, составляющее продолжение Исикоси. Домов 110. Христиан 3. Желаящий слушать вновь 1.

4. Идзуно (внутри Сирихато-мура), 150 домов. Христиан 45. Начал проповедь и здесь Иоанн Сакай.

Много также в этих местах способствовал проповеди с самого начала Петр Циба. До Пасхи Петр Обара заведывал селениями Идзуно и Савабэ, а Варнава Имамура: Вакаянаги, Дзюмондзи, Исикоси. Но он, куда бы ни пришел, нигде не хотят его слушать и не собираются к нему; поэтому о. Матфей послал его в Хигасияма после Пасхи, а его места здесь поручил тоже Петру Обара. Но одного, очевидно, мало для всех этих мест. Притом же везде все так ослабело в благочестии. О. Матфей говорит, что в Исикоси даже и послать звать, чтобы приходили исповедываться, так не приходят. Священнику одному весьма трудно управляться на таком пространстве, какое у о. Матфея. У него 30 Церквей — разбросанных от Сендая до Намбу.

В сумерки отправились мы из Дзюмондзи и потом из Вакаянаги, где, пока собирали тележки, Захария зазвал к себе и угостил по кр. [крайней]

мере яп. [японским] чаем, единствен. угощение, предложенное в этих местах. Прибыли в Савабе, в 2 с небольшим ри от Вакаянаги, в 9-м часу.

Савабе-эки; домов 160. Христиан. домов 7. Христиан 20 (из них двое перешедшие из Каннари), Квайдо в доме Стефана Сасаки, во 2-м этаже. За год в Савабе были 3 оглашения, завтра эти оглашенные будут крещены в Каннари. (4 года тому назад Стефан Сасаки, с матерью, теперь больною, были у меня в Тоокёо — и это помнится ими.) Христиане здесь довольно усердные, по-видимому. Крестьянс. деревня, кажется, довольно бедная. Здесь расположились ночевать. Но прежде отслужили вечерню, и сказана была проповедь, несколько направленная на противников, ибо в числе слушателей был один заклятый враг христианства, пришедший нарочно из Каннари послушать.

Поздно пришлось лечь спать, чтобы завтра раньше отправиться в Каннари, где соберутся несколько для принятия крещения.

28 мая / 9 июня 1881. Четверг.

В Ицциносеки

Утром отправились из Савабе, встретился на улице с протест. [протестантским] миссионером — Потом, кажется; говорил, что ждут меня в Мидзусава и др. местах; а он уже пятый раз путешествует с проповедью по этой дороге. В руках Библия; физиономия мирная, а страшно ругается и злословит православие на своих катихизациях. До Каннари от Савабе 20 чё. Приехавши туда, на веранде, на чемодане, записал дневник, а о. Матфей совершил крещение 7-ми человек: 3 из Мияно: Ной, старший брат о. Сакая и его сын Илья, и Петр Удзие слушал от Отокозава, Ной же с сыном слушали от Сакая и Мидзуяма; оглашены все от Ильи Додо; 1 из Савабе, старик Маркиан Канеда, слушавший от Тимофея Мурасава и П. [Петра] Обара, и 3 из Каннари — дети Алексея Сугияма, в доме которого и было совершено крещение.

Каннари — место родины о. Иоанна Сакая — город, 370 домов. Жители бол. частью земледельцы. Христиан до 70. Из них 3 дома вышли — в Савабе, Ивагасаки и пр. Благочестивых христиан только 9 чел., из которых 6 человек в одном доме и трое в разных. Прочие не приходят на молитву. Богослужение совершалось, когда было квайдо в доме Петра Сакамото. Но его дом продали за долги, а он перешел в Савабе. Квайдо был его собственный дом, христиане же только участвовали в приведении его в должный порядок. По уничтожении квайдо, в Каннари не совершается богослужения, а ходят верующие в Савабе к службе, которая в Савабе всегда бывает, когда там катихизатор. В Каннари прежде всех проповедь начал И. Сакай, когда бежал из Хакодате в 1868 году; проповедывал потом Т. Хариу, затем многие переменялись. Хорошо служил Иов Мидзуяма; при нем устроилось квайдо. Вообще четыре года

тому назад здесь все были благочестивы. Под конец служили Илья Додо, Имамура и Обара — теперь.

Из охладевших в Каннари есть совсем возвратившиеся в язычество; так дом Алексея Киевара сделался синтоистским. (В селении Казава, некто Лука, бывший бонза до христианства, опять сделался бонзой.)

Охлаждению в Каннари много способствовали гонения от язычников. Выражением неприязни язычников служит, наприм., следующий факт. В прошлом году, в один буддийский праздник, несколько хикеси (пожарных) ворвались в квайдо, и — как будто завевши между собою драку — разбили все, что попало под руку и изрезали татами. Впрочем, после принуждены были полицией откупить все, что и исполнили. Потом похищена была ночью икона из квайдо, и до сих пор не нашедшаяся. Теперь Церковь в Каннари принадлежит к Церкви в Савабе; в субботу христиане туда ходят на молитву. Христиане в Каннари на половину купцы и наполовину земледельцы. Селение выглядит бедным.

После крещения я совершил обедницу и сказал небольшую проповедь — очень малому (челов. 15) числу слушателей. Когда говорил еще, пришли 4 человека из Идзуно, чтобы повидаться со мной и звать к себе. По недостатку времени отправиться к ним я не мог, к сожалению. Усердие их отрадно. Идзуно, от Каннари 1 1/2 ри, и от Вакаянаги всего 1/2 ри. Но Церковь там отдельная и самостоятельная. Христ. 45 человек, и охладившихся между ними, по свидетельству пришедших, нет. В прошлом году христиане, сложившись, купили церковную землю — 1 тан, доставляющую 5 мешков рису, который раздается в долг под проценты; по накоплении достаточной суммы, на нее построят Церковь. Сицудзи в Идзуно 7 человек. Молитва по субботам и воскресеньям непременно бывает, хотя бы и не было там катихизатора, сами читают. Квайдо в доме Ильи Сугивара, родного отца бывшего в Семинарии Иоанна Конно. Конно — доктор, усыновивший его, — там же, в Идзуно, живший, был также очень благочестивый христианин, к сожалению, недавно умерший.

Христиане Идзуно все земледельцы. Обещался прислать в Идзуно большую икону для молитвенного дома после Собора. Звал депутата на Собор, чтобы, если не от каждого селения, то два—три вместе выбирали и присылали, полезно для взаимного ознакомления Церквей и поднятия христианского духа. Алексей Сугияма из Каннари собирается прийти — от Каннари и Савабе, но таких не особенно желательно, пот. [потому] что едва ли в состоянии будет передать своим, по возвращении, то, что увидит и услышит на экзаменах и на Соборе, — разве там будет достойным представителем своей местности? (Дети — отвратительно сопливые, так подносят и к причастию, что невыносимо, и о чем нужно будет также поставить катихизаторам на вид, чтобы учили матерей общать детей чистых.)

В $1/2$ ри от Идзуно — селение Карисики, откуда о. Иоанн Сакай брал себе жену Елену. Отец ее — Иосиф Гото — благочестивый христианин, и весь дом — христианский, — единственный и есть христ. дом в Карисики.

В 11 часов отправились из Каннари в Ициносеки, от Каннари 5 ри. Дорога — чрез горы; в Арикабе пообедали. В 3-м часу прибыли в Ициносеки. Ициносеки — огромный город, состоящий из мац и дзёонай. Жителей — тех и других домов — от 1200 до 1300; одних дворян. домов 700. Сизоку здесь не байсины, пот. что здесь был удельный князь — беккэ от сендайского, в 3 ман коку. Отсюда можно бы много иметь учеников в катихизаторскую школу; к сожалению, между сизоку здесь мало распространяется христианство. Отсюда до сих пор вышел только один катихизатор — Иов Мидзуяма, в доме которого я был; у него — мать, жена и маленький лет 2 с половиной сын; сад и огород, и занимаются разведением шелкович. червя. Христ. домов в Ициносеки: 20. Крещенных здесь: 68 чел., 43 мужч. и 25 женщин. В этом числе некоторые — из других мест. Ициносеки — город хороших нравов. И христиане здесь усердные, охладивших — нет.

От Ициносеки 20 чё — Яманоме, где 400 домов, — больше землевладельцев; христ. домов 9, христиан, вместе с селением Сакуносе: 54 — 29 мужчин и 25 женщин; собственно 33 христианина в Яманоме, прочие — в Сакуносе. Яманоме, начинаясь тотчас за мостом чрез реку в Ициносеки, составляет собственно продолжение Ициносеки. Селение Сакуносе от Яманоме $1/2$ ри; там домов 50; христ. домов 4; христиан 21 (3 христианина из них принадлежит к деревне Маукуса, через реку от Сакуносе). Все эти три места: Ициносеки, Яманоме и Сакуносе (с дер. [деревней] Маукуса) составляют одну Церковь, причем Сакуносе принадлежит к Яманоме.

Богослужение совершается по очереди — в субботу в Ициносеки, в воскресенье в Яманоме, или наоборот, причем христиане одного места приходят в другое. Певчих, к сожалению, нет у них. Поет один Иоанн Абе, учившийся несколько у Павла Исии, и тот знает петь только начало вечерни, прочие же тянет больше зря. Обещался прислать к ним слепца Александра после того, как он научит петь в Вакуя. Детей найдется 5–6 для хора.

Проповедь производится также: один вечер (с 8-ми часов) в Ициносеки, другой в Яманоме. В Ициносеки в настоящее время новых слушателей человек 7–8. В Яманоме теперь не время для проповеди, ибо земледельцам теперь некогда. В Ициносеки этого неудобства нет, ибо купцы и сизоку, — последние только занимаются несколько разведением кайко.

В год крещено было: 6 чел. в Ициносеки и 2 в Яманоме (из Сакуносе).

Сицудзи: в Ициносеки 4-ре человека: Иоанн Абе, он же и квайдомори; квайдо в его доме — во 2-м этаже, где и помещается катихизатор, и собираются на молитву. Он же один питает катихизатора, хотя, по словам Ильи Сато, это ему не легко, так как он небогатый человек.

Стефан Циба, в доме которого приготовили мне помещение во 2-м этаже, и была проповедь для язычников, он старший брат катихиз. [катихизатора] Павла Кангета и младший Исаи Кангета — в Яманоме; Авраам Сато (плотник, из сизоку) и Григорий Такеноуци (сиция, из сизоку). Сицудзи усердны к служению Церкви, особенно Иоанн Абе, по отзывам катихизатора.

Помехи христианству в Ициносеки и Яманоме от язычества никакой нет; гонений — никаких; язычество здесь в упадке; Илья Сато говорит, что с прихода сюда, после Собора до сих пор он не слышал здесь ни об одной языческой секкё.

Сицудзи, на запрос мой, не имеет ли Церковь какой нужды, выразили желание, чтобы о. Матфей, или другой священник, когда бывает здесь, останавливался подольше, на неделю и более для проповеди, так как сизоку пренебрегают молодыми проповедниками и желают слушать кого постарше; иные так и выражаются: «послушаем Кангета, когда приедет». Вообще, здесь желателен проповедник в летах. Христиане здесь больше из сизоку.

Ициносеки место важное, составляющее центральный пункт для многих других местностей и могущее влиять на них, и потому заслуживает особенной заботливости.

Отслуживши здесь вечерню в квайдо и сказавши маленькое слово, отправились в Яманоме, чтобы и там отслужить и повидаться с братиею. В Яманоме приехали прямо в Церковь. Церковь здесь построена еще в 1877, когда проповедником здесь был Никита Мори. Христиане Яманоме и Ициносеки тогда сложились, человек 20, собрали 140 ен (причем один Моисей Ямада, сицудзи в Яманоме, дал больше 60 ен) и построили эту Церковь. Землю под нее дал другой сицудзи в Яманоме, Исая Кангета (брат катихиз. Павла Кангета и племянник о. Матфея). Церковь разделяется на 3 части; 1-я от входа может быть отгорожена щитами для помещения катихизатору; 2-я — для молящихся; затем — солея — и место алтаря — отгороженное решеткой. Поместиться могут больше 100 чел. Здание — правильный параллелограмм, устройство на иностранный [манер] со стеклянными окнами, которых по 5 по сторонам. Внутри — устлано фиолетовыми шерстяными одеялами.

Начал проповедь в Яманоме о. Матфей Кангета, когда был выслан из Хакодате правительством (в 1872 г.) и остановился здесь. Вообще из всей Кенъейквай здесь прежде всего раздалось слово Евангелия (о. Матфей утверждает, впрочем, что еще прежде проповедь несколько началась в Карасики от И. Сакай). Здесь и родина о. Матфея Кангета. Дом теперешний его племянника Исая Кангета — его родовой дом. Отец Матфея перешел в Сендай, и с этого времени часть рода их стала принадлежать Сендаю.

Здесь же родина катихизатора Павла Кангета, племянника о. Матфея. Учение в Яманоме началось с дома нынешнего сицудзи — Исайи Кангета. Он в настоящее время по званию купец.

Сицудзи в Яманоме 2: И. Кангета и Моисей Ямада. Оба очень усердные. Они же двое питают проповедника, когда он живет в Яманоме. Моисей Ямада 8 лет назад для получения крещения приходил нарочно в Тоокей. Один сицудзи еще — в Сакуносе, так что всех в Церкви Яманоме — 3.

Христианство труднее распространяется в Яманоме, ибо народ не так развит, как сизоку, хотя крепче держит веру, когда сделается христианином.

Икона в храме небольшая — Богоматери в серебряной ризе. Нужно еще икон сюда, а также нужно снабдить храм облачениями для священника и св. утварью.

Отслуживши вечерню и сказавши назидание, отправились посетить сицудзи и вместе несколько ознакомиться с городом. В доме Моисея Ямада тронул 80-тилетний старец, его дед, ждавший меня сюда; обещал скоро креститься от о. Матфея. Вечером собралось язычников — полный дом внизу. Проповедь продолжалась два часа, с перерывом для отдыха минут в 15.

29 мая / 10 июня 1881. Пятница.

В Иваядо

Должно быть, москит укусил верхнюю губу; распухла безобразно; если не пройдет скоро, скверно, именно в то время, когда больше всего глазают — этакое безобразие — к общей безобразности вообще моей рожи. Встал в 3 часа, чтобы записать дневник. Утро недурное. Что Бог даст днем!

Между Ициносеки и Маезава находится Канзан (секияма), гора, знаменитая буддийскими монастырями, секты Тендай. Во времена Хациманторо (лет 800 назад), прислан был управлять севером, в качестве губернатора, Фудзивара-но Киёхира. Но он стал разыгрывать здесь сам роль императора; «Хигасияма» — назвал округ по ту сторону реки в подражание местности около Кёото. Канзан устроил в подражание Кооейдан. Он сам построил храм Циузондзи, который мы осматривали, и в котором погребены: он и его сын Мотохира и внук Хидехира; храм небольшой, но он весь был снаружи раззолоченный, и назывался «Хикари доо»; и теперь еще видны на наружных щитах следы позолоты; есть в храме драгоценными камнями украшенная колонна. Чтобы от влияния погоды храм не разрушился, спустя 280 лет после построения один из Фудзивара построил внешний храм, в виде футляра. В храме под идолами будд похоронены вышеозначенные трое и еще голова Тадахира, 3-го сына Хидехира, отличавшегося повинованием отцу. При сыне Хидехира,

Ясухира, Иоритомо разрушил покушение этой фамилии на независимость, разбил их войска и уничтожил их власть. А силы этой фамилии были немалые; мы переезжали пред Канзан гору, называющуюся «дзюман», — потому именно, что здесь сто тысяч войска для защиты от Иоритомо. Цветущее время силы этой фамилии было при Киёхира и Мотохира. Хидехира уже впал в роскошь и тем ослабил силы своего государства. Во время Хидехира на Канзан было 300 храмов, значит — огромное количество бонз. Теперь всего 22 бонзы на всей горе, живущие земледелием, так как от казны не получают ничего, а богомольцев мало. Император во время путешествия на севере был здесь и велел хранить все древности сохранны; для этого в Циузондзи заперли на замок решетки, ведущие внутрь храма. В другом храме видели два экзем. [экземпляра] превосходнейшего письма золотом на черном фоне Иссайкёо, пожертвованных — один от Киёохира, другой — Хидехира. В третьем храме показывали Мандара — изображения 10-ти верхних пагод — на черном фоне золотом; но золотые черты — все состоят из мелкого письма молитвенников Ханьякёо; каждое мандара — фута 4–5 высоты и фута 2 ширины; изображения на бумаге — китайской работы, но кругом широкий бордюр — иллюстрирующий то, что написано в молитвеннике, — иллюстрации исполнены самим Киёхира, очень искусно. Тут же на горе видели храм, посвященный Бенкею, сподвижнику Иосицуне, с фигурой Бенкея — «таидзини», изображающей, как он умер, стоя в реке, и с двумя старинными шкапчиками, которые тогдашние воины носили на спине, в виде ранца, со всеми необходимыми в походе вещами; один из них приписывается самому Бенкею, которого рост и сила должны были быть немалые, судя по размерам ранца. Иосицуне также разгуливал на этих горах, когда был гоним братом.

Яков Кубо, катихизатор из Маезава, встретил далеко до города, потом Адриан Сугиноме и другие братья.

Маезава город, в котором 700 домов, из них 200 — дом. бывших кацуи, байсин (так как здесь был кароо сендайского князя, хотя не такой большой, как в Вакуя, Мидзусава и Иваядо) и домов 12 кисси (одолженных офицеров, — киусуру и си (+), — даваемых на время, по нужде); к числу последних принадлежит и Адриан Сугиноме, женатый на сестре о. Павла Ниццума, и которого дочь — Ольга — в школе на Суругадае.

Христ. домов 11; христиан 16 чел. Христиане все из бывших дворян, за исключением двух молодых людей — горожан (чёонин). В год здесь было крещений 6; оглашенных теперь 5 чел.; новых слушателей 4–5 человек. Многие и кроме того желают слушать, но не находят удобства к тому, так как нет в городе постоянного проповедника. Учение здесь началось от Павла Ниццума, который внушил его своей сестре Наталье и ее мужу. Яков Кубо, будучи один для двух мест Маезава и Мидзусава, живет один месяц здесь и один в Мидзусава, что очень неудобно, так как едва начавшие слушать должны прерывать, и расположение к слушанию

проходит. Сицудзи один — Адриан Сугиноме. Общественная молитва, когда проповедник здесь, правильно совершается в субботу и воскресенье. Без проповедника христиане тоже собираются и молятся сами. Место собраний — в доме Адриана Сугиноме. Катихизатор, приходя, останавливается там же. Нужно прислать сюда образ для молельни. Адриан Сугиноме — кочёо, другие христиане также из уважаемых в городе, и для проповеди путь открыт; нужен только проповедник. Адриан и другие сильно настаивают, чтобы им после собора дан был отдельный проповедник, постоянно живущий в Маезава, и уверяют, что непременно успех проповеди будет, слушателей найдется много. Обещал ходатайствовать за них на Соборе. Сюда нужен постоянный проповедник тем более, что, вероятно, отсюда многие могут найтись для катихизат. [катихизаторской] школы. По уверению катихизатора и христиан, здесь место гораздо надежнее для проповеди, чем в Мидзусава. Отсюда был Иоанн Эндо, не выдержавший в катихиз. школе, по болезни. Здесь он и его старик-брат — учителями.

Отслужили обедницу в доме Адриана, с небольшою проповедью для собравшихся христиан. Он угостил обедом. После — по испорченной дождем дороге — отправились дальше. Кацую имеют дома за городом, среди садов.

Мидзусава (2 ри, 28 чё от Маезава) — город, в котором не меньше 1000 домов, в том числе до 400 домов — байсин бывших — сендайского каро.

Христианское учение в 26 домах.

Христиан 19 и оглашенных 17 чел.

Сицудзи 3: Петр Томизава и проч.

Христианство здесь водворено 3 года назад Павлом Кангета, который, между прочим, обратил к христианству старую княгиню, ныне Елену, 81-го года, бабушку нынешнего князя Русу Мотохару (Русу получал прежде 1 ман 6 сен коку). Князь сам также слушал от него правосл. [православное] учение; прежде того он слушал католическое, а теперь слушает протестантское, при котором изучает и аглицкий язык.

Яков Кубо теперь — помесечно здесь и в Маезава. Проповедь — у него в квартире и в городе в одном месте: у него каждый вечер приходят слушать человек 5–6 христиан и новых; в городе также собираются человек 5–6 с христианами. В этом году, после Собора, приняли 7 человек. Теперь вновь слушающих учение 4–5 чел. Богослужение — каждую субботу и воскресенье; в субботу христиане собираются для молитвы и без денкёося, когда он в отлучке. Собираются к богослужению человек 10. Поет одна Раиса, девочка, бывшая несколько лет в Хакодатской Миссийской школе, дочь Николая — врача, кажется, жившего в Хакодате, и поет превосходно и смело; голос у нее также отличный. Наказывал ей научить и других, способных петь.

Христиан здесь больше из чёонин, чем из бывших сизоку. Все усердны, охладевших нет. В городе христ. веру еще не любят; поэтому и место

для проповеди нельзя было найти лучше этого чердака, в котором я застал Церковь, тесного и дрянного, удобного разве тем только, что дом на большой улице. Впрочем, теперь уже не так злословят христиан и клеветают на них, как несколько прежде. А прежде клеветали следующим образом: когда у Петра Томизава умерла жена от женского кровотечения, то в городе язычники рассказывали, что христиане гвоздями искололи тело ее, чтобы выпускать кровь из нее и пить, отчего, мол, она и не могла не помереть. Погребена она была по-язычески, ибо в родстве, кроме мужа, никого не было не язычника.

Католиков здесь чел. 7–8. Они сильно злословят православных. Протестанты здесь двух сект: методисты и баптисты, — последние от Пота, бывающего и проповедующего здесь (этот, кажется, хоть не ругается). Протестантов позвали человек 6 общим письмом за печатью.

Местность — трудная для проповеди, по отзыву катихизатора и сицудзи, ибо буддизм еще силен здесь, особенно «нембуцу» (монто). Нравы, впрочем, не очень испорчены.

Требуют отдельного проповедника и для Мидзусава; и это тем основательнее, что и отсюда можно много иметь учеников для катихиз. школы, если тронуть еще не подавленную здесь массу бывших кацую.

Приехавши, я застал на чердаке, где живет катихизатор (платя в месяц с пищей 6 ен; хозяин — теперь уже христианин) и где собираются христиане для молитвы, между прочим, старую Елену — княгиню, что особенно трогательно, потому что она и ходить уже почти не может. Но по отзыву о. Матфея, крестившего ее, она чрезвычайно усердная христианка; расспросила подробно о всех христианских обычаях и правилах, которые ей соблюдать нужно, и все тщательно соблюдает. Теперь она в дзинрикиси с трудом приехала в сопровождении своей престарелой камеристки, также сделавшейся христианкою, и лакея, чтобы получить благословение; привезла в подарок кучу сахарных бисквитов. По наружности, в высшей степени благообразная, настоящею Божьей старушкой высматривает. Наверное, будет в царстве небесном! Отслужил обедницу и сказал проповедь, которую Елена, по старости, как сама призналась, не могла хорошенько расслышать. Слушателей набрался целый чердак. Яков Кубо писал прежде и теперь говорил о каких-то учениках в Семинарию и Катих. школу; но никого путного не показал; видел только одного малого лет 17 с глубокой усмешкой на лице, видимо, малоспособного и неподходящего притом по летам ни к Семинарии, ни к Кат. школе.

Угощение предлагали — скромное — яйца; в Маезава тоже было. Все больше и больше видно, что катихизаторы не заботятся учить о постах (потому, конечно забывают, что у японцев всегда пища постная, не по чему-либо другому, — впрочем забывчивость во всяком случае долженствующая быть исправленной).

Мефодий Цуция прибыл в Мидзусава, чтобы отсюда проводить в Иваядо, место его проповеди.

Иваядо — отсюда несколько больше 1 ри, сначала по большой дороге, потом свернувши направо, чрез реку и рисовые поля, по очень дурной дороге. В Иваядо домов 1000, из которых бывших сизоку (байсин — Сендайского каро) 400 д. [домов] Христианских домов 12, христиан 25; из них двое перешли отсюда в Тансей-мура, 7 ри от Иваядо. Сицудзи 4; из них двое особенно усердны: Исаяя Ёда и Елисей Кикиуци. Христиане все из горожан (чёонин), ни одного нет из кациу. Проповедь здесь начал 3 года тому назад Пётр Кудзики, когда был удален из Исиномаки. Врачи здешнего госпиталя пригласили его говорить о христианстве; из них теперь почти нет здесь никого.

Прошлогодним Собором назначен сюда Мефодий Цуция, который и живет здесь год — с женою и маленьким ребенком. Видно, что катихизатор он не из таких, чтобы иметь быстрый или большой успех, но научает хорошо. Во время богослужения мне особенно понравилось, что все здесь истово крестятся, видно, что обыкли молиться и знают, как молиться, а этим, вероятно, обязаны катихизатору, а также и жене его, которая, кажется, женщина хорошая и серьезная. Благодаря замеченному качеству христиан, и проповедь к ним вышла особенно теплою и задушевною.

Проповедь у Мефодия — каждый вечер. Собираются 6–10 христиан и новых слушателей.

До Пасхи имел и в городе два места для проповеди, но слушатели уже приготовлены к крещению. Теперь только у себя. За год крещены 7 чел. Оглашены 9 ч. Новых слушателей есть немного. Из христиан нет охладевших к вере, кроме одного, который не приходит в Церковь. Из оглашенных до Мефодия 7 чел. также не приходят.

Богослужение — каждую субботу и воскресенье. Собираются в субботу человек 6–20, в воскресенье 2–3. Службу читают, петь некому. В ближайших к Иваядо деревнях также немного начинают слушать христ. учение.

Приехали мы сначала в квартиру катихизатора — небольшой домик, довольно приличный. Молитвенная комната устроена во втором этаже. Повидавшись с христ. и расспросив о состоянии Церкви, отслужил вечерню и сказал наставление. Но так как еще было довольно рано, то я предложил сказать слово язычникам. Христиане очень рады были этому предложению и собрали слушателей полную аудиторию. Аудитория была в гостинице, где христиане ещё заранее условились поместить нас на ночлег. Проповедь продолжалась с 9-ти почти до 11-ти с перерывом для отдыха на 10 минут.

Мефодий же заведует Церковью и в Хитокабе. Хитокабе, от Иваядо 3 1/2 ри; мац; домов 150; а во всей волости (мура) 500 д. Все чёонин или

земледельцы; дворян немного. Христ. домов 7; 24 христианина. Из них немногие — сизоку. Сицудзи 1; кроме того церковный совет (гиин) особо.

До конца Пасхи здесь был Яков Яманоуци; по уходе же его для отбытия военной повинности, о. Матфей поручил Хитокабе Мефодию. Он был там два раза — раз 2 дня, другой 5 дней; на проповедь собиралось христиан человек 3–8, и новых слушателей 2. Крещено за год 2, оглашен еще 1, и 1 или 2 приготовлены к принятию оглашения.

Молитвы по субботам и воскресеньям христиане совершают сами; собирается 7–8 человек; молитвы читают, не поют. Собираются в христианском доме, в плохой очень комнате. Впрочем христиане — из лучших тамошних жителей. Но христианское сердце еще не воспитано в них. Христиане вообще — в хорошем настроении; но нет оживления и силы двигаться вперед; свидетельство то, что христиане так и остаются в одиночку по домам, не заботясь об обращении домашних. Вообще, в людях этих мест нет стремления вперед. Но нравы — в Иваядо и Хитокабе — хорошие. Гонения на христианство нет.

В Хитокабе начал проповедь Яков Яманоуци. Он, будучи в Иваядо после Кудзики, стал посещать с проповедью Хитокабе, и в прошлом году были крещены первые уверовавшие. В деревне Изе, 1 ¹/₂ ри от Хитокабе, также был Яманоуци с проповедью, и там есть слушатели.

В других окрестных деревнях, по свидетельству Мефодия, также может быть успешна проповедь.

Сицудзи Иваядо просят проповедника исключительно для Иваядо. По словам Мефодия, христиане Хитокабе тоже хотят, но стесняются просить полного; полпроповедника же непременно им нужно.

Христиане Иваядо и сами заявят свою просьбу на Соборе чрез представителя, которого хотят отправить в лице Николая Касиваги.

30 мая / 11 июня 1881. Суббота.

В Мориока

Утром пришли 4 человека христиан из Хитокабе и просили дать им денкёоса для их места. Обещал заявить их просьбу на Соборе.

Матфей и Мефодий Цуция проводили до перевоза чрез реку. Здесь я простился с о. Матфеем и вместе с Церковью «Кенъейквай». В заведывании о. Матфея Кангета 30 следующих Церквей:

1. Сендай	Хитокабе
Фурукава	Оохара
Такасимидзу	Сокей
Санума	Окутама с Орикабе
5. Вакаянаги	20. Магоме
Дзюумондзи	Июкояма
Исикоси	Накадзима

Идзуно	Вакуя
Савабе	Оота-мура
10. Каннари	25. Исиномаки
Ициносеки	Минато
Яманоме	Дзёгецудзуми
с Сакуносе	Фукуда-мура
Маезава	Касимадай
Мидзусава	30. Оомацузава
15. Иваядо	

Выезжает он из Сендая для совершения крещений, исповеди и приобщения христиан два раза в год: в Великий пост и Рождественский пост, но выезжает гораздо раньше постов, чтобы успеть до Праздников везде побывать и вернуться в Сендай.

В нынешнем году он не везде побыл даже и два раза, потому что в Рождественский пост из Яманоме внезапно потребован был к больному в Йонсека. Приехавши, начинает не служением, а проповедью; следует начинать богослужением. Приобщает везде запасными дарами, по невозможности иметь просфоры. Придется, кажется, при Миссии завести просфорника [просвирника], который бы заготавливал просфоры и рассылал к священникам для их объездов.

На пути в Мориока два места, где есть христиане: Ханамаки и Корияма.

Ханамаки — город с 1200 дом., из которых домов 200 — сизоку.

Проповедь здесь когда-то начал Петр Оодадзуме. Тогда были слушатели; один из них и теперь единственный из двух здешних христиан Матфей Кодадзима; из домов слушателей между прочим тогда были взяты Петром Оодадзуме для школы на Суругадай — ученики Моисей Теруй и Евгений Хебигуци.

Теперь Иоанн Сайкайси прошлогодним Собором назначен был сюда и прожил с 9-го месяца — целый год, ровно ничего не делая, между тем как в месяц получал 15 ен. Теперь есть 5 оглашенных, но 4-то из них — домашние Матфея Кодадзима, значит — прежде всего другим, а не ему обязаны, если сделались верующими; один 5-й оглашенный — не знаю, насколько принадлежит ему. И это — за целый год! Говорит — не было слушателей. Конечно, если лениться, то никогда не будут. А если в самом деле никто там не расположен слушать учение, то давно следовало известить об этом, назначен был бы в другое место, в проповедниках везде такой недостаток. Встретил, впрочем, меня, как ни в чем не бывало, сам в своем лице составляя Церковь. Потом куда-то отлучился и привел Матфея Кодадзима. Не мог я сдержать и на лице, и в словах выражения неудовольствия. А он, желая поправиться, на вопрос: «что делал год?» — «А вот и в протестантской квайдо проповедывал, вот там насупротив гостинницы, звалиде». «Так вы кому же служите, правосл. Церкви, или

протест. [протестантской]?» «Я думал, что это можно». Непроходимый дурак — не разберет даже и того, что протест. ездили на нем, как на осле; иное бы дело протестанты приходили его слушать, так протестанты просто заставляли его служить себе, употребляя, когда им то заблагорассудится вместо своего катихизатора. Что за олух! Как тут не досадовать. Все равно, что мы обязались содержать проповедника для услуг протест. секты — баптистов, а наш проповедник этого и понять не может! Своего же прямого дела за целый год — хоть шаром покати.

Пообедав в гостиннице и побыв в доме Матфея Кодадзима, по его просьбе, отправились дальше — в Коорияма. Матфею Кодадзима я обещал, что после Собора здесь, в Ханамаки, или будет хороший проповедник, или не будет никого — до времени, так как Ханамаки никак не может быть оставлено совсем, отсюда многие могут найтись и для Катихизаторской школы, — сизоку много.

Коорияма (4 $\frac{1}{2}$ ри, не доезжая Мориока), домов 400; христ. домов 8, христиан 17; оглашенных 16. Три года тому назад здесь Иоанн Сайкайси начал проповедь (тогда, знать, был еще не совсем обленившись). В прошлом году и в нынешнем был здесь Павел Эсасика, по назначению Собора. Но к началу нынешнего года у него здесь слушатели оскудели, и потому о. Иоанн послал его в Тооно.

Христиане Коорияма, оставаясь одни, по-видимому, не ослабевают в христ. духе. По субботам и воскресеньям собираются для общественной молитвы, — сами читают и поют, потом делают ринкоо между собою. Сицудзи у них 7 человек. Главный из них Зинон Ваганабе, хозяин дома, где мы остановились на час.

В 2 ри от Коорияма есть деревня Симомачумото, где домов 30. Там есть христианин Даниил, крещенный в Хакодате, по отзыву Павла Эсасика, очень благочестивый, дядя Андрея, слуги моего; жена Даниила христианка; Андрей родом из этой деревни, и родители его там живы.

В других окрестных деревнях, по словам Павла Эсасика, есть учителя училищ, слушавшие христ. учение и желающие христианства.

Сицудзи Коорияма требуют проповедника для Коорияма.

Требуют они также священника для всей этой местности (цихоосисай). И правы в требовании.

Остановившись в доме, на главной улице, совершенно открытом, так что тотчас же набралась огромная толпа язычников, большею частью детей, были угощены прежде всего дымом из-за перегородки. После оказалось, что христиане готовили нам угощение. Нечего делать, нужно было сесть за обед, хоть есть не хотелось. После угощения, стол был удален, и для собравшихся христиан отслужена вечерня, причем оказалось, что два молодые человека очень порядочно научены Павлом Эсасика петь.

После вечерни была проповедь, наполовину к христианам, наполовину к язычникам. Из Тооно Павел Эсасика прибыл только для меня;

проповедь же его теперь там. Тооно, от Мориока больше 16 ри, город по важности и величине следующий за Мориока; там был князь — Бекке Намбусского князя (место называлось Ко[...]намбу, по важности, как второе Намбу). Домов там до 1400 — чёонин и сизоку. Много китайских ученых; много отсюда может выйти для катихиз. школы, ибо любят ученость и большое количество сизоку. Вообще, место для распространения учения очень хорошее.

У Павла Эсасика слушали человек 80; надежных слушателей 2–3 есть.

Католики давно уже там суетятся со своею проповедью.

Итак, и в Тооно нужно проповедника, и притом очень хорошего, иначе пользы не будет.

Далеко от Мориока встреченные сначала детьми (в числе которых был сын Никифора — повара), потом постепенно группами христиан, мы прибыли в Мориока в сумерки. Христиан и христианок ждал полный дом. В полчаса переодевшись и несколько пообчистившись, начали все-нощную. Певчих 7 человек, и все дерут ужасно — кто в лес, кто по дрова. К счастью — подумаешь в этом случае — молитвенный дом в захолустье, иначе стыдно пред язычниками, которых, конечно, [немало] в такой глуши. После все-нощной — проповедь, которую, впрочем, не мог долго говорить, ибо усталость невольно чувствовалась — большая.

Поместили как раз в той комнатке, где в последнее время жил, по-стился и скончался наш труженик, о. Иоанн Сакай.

31 мая / 12 июня 1881. Воскресенье.

День Сошествия Св. Духа. В Мориока

Утром, приготовившись к литургии, поучил убирать Церковь цветами и зеленью, чего еще не знали делать в этот день. Литургия. Проповедь, продолжавшаяся больше часу, историческое и догматическое объяснение празднуемого события. После обеда предполагалось посетить в городе дома катихизаторов и старшин; но целый день шел дождь — беспрерывно. Поэтому принужден был ограничиться отдыхом и распросами о состоянии Церкви.

Мориока домов больше 10 000. Из них сизоку — 1700 д., доосин — 1500. Доосин теперь обращены в хеймин. Христианских домов — 132.

Христиан — 264 — из них: мужчин 152, женщин 112.

Из этого числа 3 чел. завлечены в католичество: слепец Иоанн Ицинохе, Петр Тоёкава и Иоанн Ямае, — причину ухода туда, сказывают катихизаторы, дурное поведение их и деньги со стороны катол. миссии.

10 ушли в протестантизм, все, действительно, едва ли исправимая дрянь, или — домашние, последовавшие за вожаками: Хара — 5 человек — дом, Ингари 2 ч., Тацибана — баба и ее сын 2, и Петр Мори (на Суругадае приходивший проситься опять в православие). Прежде сии люди старались

завести смуту в Церкви и отклонить христиан от повиновения о. Иоанну Сакай, особенно Хара старался верховодить. Когда не удалось, то Хара со своими людьми, под предлогом что о. Иоанн отлучил их от Церкви, тогда как этого о. Иоанн отнюдь не делал, удалился к католикам; но и там его или не приняли, или выключили из Церкви; теперь он с своими — у протестантов, у баптистов, кажется.

46 человек уже 4 года, как совсем не приходят в Церковь; из них есть даже возвратившие кресты (1 дом — 6 челов.). Но вообще этих людей нельзя считать бросившими христианство: между язычниками они говорят о христианстве и выставляют себя христианами — насколько это известно. Охладели, вероятно, по недостаточному знанию учения, или же от увлечения мирскими заботами. О. Иоанн часто увещевал их, но бесполезно; их трудно вернуть.

49 человек — учителями, полицейскими и чиновниками — в других местах. Сведения о них кто — где, имеются. Или перешли на жительство в другие места по роду ремесла, для торговли. 4 человека — в солдатах, отбывает повинность — в Токио, Аомори и Сендае.

Всего выбывших: 112

Итого, всех христиан налицо в Мориока (264–112) 152 чел. И завтра утром будут крещены (уже крещены — пишется 2 ч. [числа]) 10. Всего 162 чел. христиан. Все эти христиане усердные; в Церковь ходят, исповедуются и приобщаются. Есть из них кое-кто, показывающийся в Церкви только в такие Праздники, как Пасха и Рождество, но это больше по незнанию еще, как необходимо соблюдать праздники, и по множеству дел.

Сицудзи 11 человек. Избирались постепенно; переизбраний не бывает. Сицудзи из себя избирают каждый год кайкейка (казначеев). Собираются для рассуждения — сицудзи — когда есть дело. Постоянных проповедников, никуда не отлучающихся из Мориока, теперь здесь двое: Стефан Нараяма и Яков Ооцуки. Делают они следующее. В церковном доме, кроме времени богослужений, проповеди не бывает, потому-де, что дом позади улиц, никто не приходит. А имеется в церковном доме училище. Преподается Тоокёосоокан и Свящ. [Священное] Писание. Учеников теперь 6 человек. Приходят утром и уходят вечером. Катихизатор объясняет им урок, а они потом, делая между собою ринкоо, повторяют его. Бывает также содоку (т. е. простое чтение) Св. Пис. Один из предметов до обеда, другой после обеда, т. е. или Тоокёосоокан до обеда, а Св. Пис. после, или наоборот. О. И. Сакай установил этот порядок.

На вопрос: «Куда эти ученики готовятся?» отвечают: «В катихиз. [катихизаторское] училище или в Семинарию».

Но в таком случае труд здесь излишний, ибо в обоих училищах преподается гораздо обширнее то, что преподают здесь. Если же эти ученики —

так — для себя изучают, то они входят в разряд других, учащихся христианству, и для них училища заводить не стоит, и катихизатора содержать для этого училища не следует, так как действительно один катихизатор посвящается здесь совершенно этому училищу. Оба катихизатора по очереди проводят, никуда не отлучаясь, целый день в училище именно для вышеозначенных учеников.— Ревность не по разуму, или глупость. Обезьянничают Суругадай бессмысленно. Тогда бы, конечно, училище это имело полный смысл, если бы предположено было прямо здесь готовить местных проповедников. Тогда бы можно было не пожалеть для него и человека, и расходов. Но этого и в мыслях нет; а просто, зря гноят силы людей — тот же катихизатор мог бы быть несравненно полезнее в другом месте, где действительно требуется проповедник, а таких мест не занимать стать, здесь же ни за что, ни про что губит целый год на дело, которое мог бы делать один вместо двоих, и приучается к лени, опускается, каких я теперь и вижу Нараяма и Ооцуки, просто лежебоки и дармоеды. В городе проповедь в скольких местах? «В 6-ти местах» — отвечают. Стоит записать, чтобы показать, какова проповедь.

1. В Синден-мацэ. Была до генваря. Только для христиан; новые иногда приходили. Производилась по вечерам в 1-е и 6-е дни. Ходили на проповедь попеременно. По бесполезности прекратили.

2. В Уеда-мура. Была до генваря. По вечерам в 3-е и 8-е дни. Попеременно ходили. По неимению слушателей прекратили.

3. В Сакана-чэ. Была до марта. Ходили через вечер, попеременно. Были два новые слушателя, но и те ушли, хотя приняли оглашение. По бесполезности прекратили.

4. В Надаё-чэ. Была до конца февраля. 8 раз в месяц — по воскресеньям и средам. Петр Сато, завтра имеющий креститься, там слушал (и по испытанию, почти нисколько не знает учения). Прекратили за неимением слушателей.

5. В Коку-чэ. Начали с 10-го генваря. Туда ходил Нараяма до болезни о. Иоанна. Оттуда 1 оглашен. За неимением больше слушателей прекратили.

6. В Микода-мура. (Тут же, в конце города, где дом Александра Сасама). Ходил Яков Ооцуки с 10-го генваря до болезни о. Иоанна. Было 5 новых слушателей; из них 4, и при них 2 ребенка, вероятно, сделаются христианами. После Пасхи слушателям некогда стало слушать, и потому приостановлено.

После Пасхи вообще по вечерам не было нигде в домах проповеди, ибо ночь стала коротка (именно для Мориока исключительно!), а днем ходили кое-куда по домам.

Новых слушателей нет — решительно ни одного. Два ученика каких-то только приходят в церковный дом по временам, но ненадежны. В городе же ни единого. Я. Ооцуки говорит, что нужны новые средства придумывать для отыскания слушателей; по его мнению: или проповедывать

открыто на улицах, или входить в языческие дома прямо с проповедью. Но в последнем случае по меньшей мере прогонят; в первом — опыт ихний же доказал бесполезность меры; они в прошлом году проповедывали открыто в Иокочё; слушателей останавливается множество, но ни один не заинтересовался и не попросил продолжить научение; напротив, все уходили, как только были приглашаемы войти в комнату для дальнейшей беседы.

Средство-то собственно есть, да не им воспользоваться, средство это — одушевиться самим и одушевить христиан.

За год крещено: 4 — прежде, и 10 — завтра будет крещено (крещено уже — пишется 2 июня), из них 4 чел. больших и 6 чел. детей христиан. Итак — священником, 2-мя катихизаторами и всеми средствами Крестовоздвиженской Церкви приобретено всего 8 человек из язычества в таком огромном городе, как Мориока. Конеч ю, если бы свящ. [священник] не умер, было бы больше, но и без него слишком уж бедно. Этих катихизаторов после Собора нельзя здесь оставить!

Богослужение по субботам — в 6 ч. [часов] и воскресеньям — в 10 ч. — всегда бывает. По другим праздникам, даже двенадцатым, вечерних богослужений не бывает, а к обеднице почти никто не приходит. И это сделалось как бы обычаем, что прочих праздников не наблюдают! Резко нужно будет поставить на вид на Соборе такое злоупотребление, чтобы не ушло время исправить его.

В субботу к богослужению приходят 30–70 чел., в воскресенье до 30. Службу читает (между прочим — и ектении) Стеф. [Стефан] Нараяма. Поют плохо. По окончании богослужения один из катихизаторов говорит проповедь, в субботу и воскресенье попеременно.

До болезни о. Иоанна было еще в обычае, что, вышедши из Церкви, христиане в катихизаторской комнате долго говорили о вере, причем говорили многие, было что-то вроде энзенцу.

Недвижимое имущество Церкви составляет земля — 656 цубо и здание, в котором Церковь и жилой дом.

Земли 1 тан 4 се (420 цубо; тан = 10 се; се = 30 цубо) под церковным зданием и садом, в котором виноград, груши и персики, и 7 се 26 по (236 цубо; по = цубо) под огородом. Садом пользуются прямо; в прошлом году винограду из него продано было на 8 ен (теперь много лоз погибло от зимнего холоду). Огород отдают в аренду (земля может быть взята обратно когда угодно) с тем, чтобы пользоваться половиною груш, которые будут получены с деревьев, посаженных арендатором. В прошлом году так. способом Церкви досталось 2 ен. А когда грушевые деревья вырастут больше, то может быть получаемо в год Церковью 30 ен. И тут же арендатор разводит на огороде всякую овощь и пользуется ею безраздельно. Отчего же бы не продавать эту овощь прямо в пользу Церкви? Хоть бы один катихизатор так. [таким] способом содержался. А то вечно все тянут из Токио, по своей какой-то одеревенелой тупости. Когда я

удивился, что арендатор так безмездно пользуется почти безраздельно церковным огородом, Сайкайси поспешил ответить, что он созей (пошлину) за землю огорода вносит. «Сколько?» «50 сен!» «И удобряет сам огород» — поспешил прибавить Сайкайси в изъяснение благоразумия сделки. А у его же жилья здесь — перед носом — отвратительная огромная куча навоза, которую он бережет, должно быть, чтобы дети захворали от зловония. И не единого свежего и живого человека тут! Все облепелость и заплесневелость! Кого бы послать сюда оживить и освежить? Не знаю, кого Бог даст! [См. стр. 134]

За землю и дом 5 лет тому назад заплачено 170 ен (куплена Мейдзи 9 года). Из них 100 ен присланы из Миссии из Тоокё, 25 — из Хакодате, 50 пожертвовали здешние христиане. Сделано это было старанием Якова Такая, когда он был здесь катихизатором. В запрошлом году, при о. Иоанне, пристроен был алтарь в Церкви и переделана крыша; на это издержано 150 ен, из коих 70 ен было накоплено до тех пор в Церкви сихонкин (основного церк. капитала) и 80 ен вновь собрали от себя христиане.

Церковь устроена по-настоящему, только икон настоящих, иконостасных нет. Поставлены — какие случились. Самая большая — запрестольная — литограф. [литографированный] образ Спасителя, благославляющего хлеба при преломлении. Нужно будет озаботиться снабжением Церкви настоящими храмовыми иконами.

Все для совершения богослужения имеется в Церкви: утварь и облачение; мирница и дароносица также есть. Только антиминс я взял, вручен будет священнику, когда поставится для этого места. Русское Евангелие на престольное также есть. Крест — финиф. [финифтевыми] образками, очень изящными. 12 икон литограф. на холсте двенадцатых праздн. [праздников]— есть, за исключением иконы Сошествия Св. Духа, которую нужно будет доставить. Домовых икон на бумаге — Спасит. [Спасителя] и Бож. [Божьей] Матери здесь порядочный запас. Пасхальный трехсвещник есть.

Церковный приход двух родов: 1. Накопление основного капитала (сихонкин). 2. Пожертвования желающих (юуси) на текущие расходы.

1. Основной церковный капитал почерпается из двух источников:

а. Из учреждения ицимонсен. С генваря 1880 г. христиане положили, чтобы каждый член Церкви (желающий, конечно) вносил на Церковь 1 рин ($\frac{1}{10}$ часть сена) в субботу и 1 рин в воскресенье, всего 2 рин в неделю. Собирают казначеи (кайкейката) эти деньги на руки или каждую субботу и воскресенье, или — с тех, которые так хотят, раз в месяц. Где в домах несколько христиан, отдается с дому за всех разом. Теперь этих скромных взносов накопилось 8–9 ен.

б. С 7-го месяца 1879 г. христиане стали разыгрывать мудзин, беспроигрышную лотерею. Собираются для того каждый месяц в среднее воскресенье после богослужения. Участвующих в мудзин 35 человек. Каждый

вносит по 50 сен; так, обр. выигрыш составляет 17 ен 50 сен. Выигравший затем каждый месяц вкладывает от себя 55 сен; эти-то 5 сен, составляющие так сказать процент за пользование взятыми на время деньгами, и суть доход Церкви от мудзин. Теперь вынувших свой жребий 22 человека; значит месячный церк. доход 1 ена 10 сен. Все вынимают мало-помалу выигрышный жребий; но вынувшие уже не участвуют в дальнейшем вынугии, между тем, как ежемесячно вкладывают 55 сен. Всего, двумя означенными способами собранных, денег теперь 20 ен. Эти деньги отдаются на проценты, по 20 сен за 10 ен в месяц (и вероятно скоро лопнут [?] где[?]-нибудь, как это сплошь и рядом бывает у слишком уж предприимчивых моих братий). Теперь ими пользуется один из сицудзи Петр Савано. Из кружки высыпают в год 3 раза, и деньги присоединяют к основному капиталу. В год высыпается всего с 1 ену; раз, впрочем, кто-то опустил 5 ен.

2. Ежемесячные пожертвования желающих — на текущие расходы, как-то на масло, свечи в Церковь и т. п. составляют средним числом 1 ену в месяц.

Кроме этих постоянных родов пожертвований с христиан, на нужды особенные, наприм., на поправку крыши, окраску комнат, татами собираются пожертвования особо, по представлении нужды. Так, в последнее время — на ремонт Церкви и дома внутри собрано и издержано 13 ен (Церковь и дом, действительно — везде чисты и заново).

Казначей, избранные из среды сицудзи на год, имеют у себя на руках приходорасходные записи и заведуют приходом и расходом. (В нынешнем году эту должность исправляют два старца, родители служащих при Миссии в Токио — Никифора [Иеремия?] Сироива и Никанора — Исайя Такасе[?].)

В окрестности Мориока:

1. В Нагаяма, 4 ри от Мориока; домов 400 [?], 3 христианские дома, 8 чел. христиан. Там прежде некоторое время Павел Эсасика проповедывал; затем 1 христ. дом из Мориока перешел туда.

2. В Ямагата, небольшой деревне, 1 $1/2$ ри, 3 христианина, родные Петра Савано; но из них только 1 приходит сюда в Церковь.

Католики в Мориока проповедуют уже 14 лет, и у них, говорят, 300 христиан; но в Церковь ходят чел. 60–70; прочие, по-видимому, охладели. У них здесь два приюта; для мальчиков и девочек, в каждом детей по 30. Воспитатели (-ницы) — японцы. Кроме того есть школа шитья, где обучаются девочек 8. Постоянно здесь живет один французский миссионер, под предлогом преподавания законовещения. Недавно был здесь Епископ ихний. Есть 1 катихиз. [катихизатор] из японцев; но не слышно, чтобы было где-либо место проповеди, за исключением времени богослужения. Для богослужения построена Церковь.

Протестанты здесь, кажется, баптисты — м. б. [может быть], Пота; но у него, говорят, и нет никого, кроме наших отщепенцев, о которых выше говорено. Часто бывают здесь их книгоноши и случайно проповедуют.

В 6 часов начата была всенощная, после — проповедь; за нею тут же в Церкви испытание желающих завтра креститься. 3 ученика приготовлены хорошо, 4 других желающих — очень плохо, 2 из них даже совсем не открыли рта. Я устранил их от крещения; но за одного старика (45 лет) катихизаторы очень стали просить, и он, видимо, так хочет поскорей омыться [?] от грехов, притом же он и отвечал кое-что из вероучения, а в Церковь, говорят катихизаторы, давно уже постоянно ходит, так что я не мог отвергнуть их общей просьбы, и сказал, что завтра преподам крещение и ему, если катихизаторы ручаются за благонадежность желающего и за то, что он после восполнит недостающее ему знание. Они поручились.

*1 / 13 июня 1881. Понедельник.
День Св. Троицы. В Мориока*

Утром, в 7 часов, начато было крещение 4-х взрослых и 6-ти младенцев. Оглашение взрослых было совершено прежде, и потому начато прямо с младенч. [младенческого] оглашения, как в Требнике. Ребята нестерпимо ревели, а матери их шумели. Видно, что в провинц. [провинциальных] Церквях не стараются учить благоговейному стоянию при совершении таинства. В 10 часов начата была литургия, за которой приобщены новокрещенные. После литургии — слово к новокрещеным и другим христианам, которых в Церкви, впрочем, было весьма мало — человек 20. После обеда отправились с Стеф. [Стефаном] Нараяма и Романом Циба посетить могилу о. Иоанна, потом побывать у катихизаторов и у старшин, причем и взглянуть на Мориока.

О. Иоанн Сакай (или собственно Кавамата), вернувшись 23-го генваря из Хацинохе, с 24-го числа начал свой сорокадневный пост. Не ел ничего, а пил воду, в день небольших чайника два выпивал. 4 недели, по обыкновению, служил по Воскресеньям литургию. 5-ю неделю — на службе всю диаконскую часть велел говорить Нараяма, а сам от слабости не мог, говорил только возгласы. Катихизаторы сначала убеждали его есть, но он — «пусть будет воля Божия»! Кончил пост 4-го марта утром, приобщился запасными св. Дарами и совершил благодарственную молитву за благополучное окончание своего подвига. Потом угощал катихизаторов вином и просил их радоваться вместе с ним окончанию его поста. В этот день ел: каю (2 чашки), 7 бейю (2 хай), молоко (1 гоо), яйца (2), каю (1 зен) и яваракай меси. Еще — вечером — угощая кого-то выпил и сам чашку вина. Быть может это обильное принятие после поста произвело

такой роковой переворот в его организме. Ночью увидели его с искаженным лицом и в беспамятстве от страшных желудочных болей. В желудке были страшные судороги, а он в беспамятстве твердил: «сатана сиризоке», или делал бессознательные движения. До 8-го числа не говорили доктору, боясь огласки и скандала для Церкви, а о. Иоанн не приходил в сознание; раздевшись донага, сидел скорчившись, и делал разные движения, напр. поминутно брал чашку — пустую и воображал, что пьет из нее; выпивши, ставил, потом сейчас же опять пил; если перед ним ставили воду, то он и в самом деле пил, и так много, что должны были устранять воду; ел также бессознательно все, что давали. А раз забрался в Церковь, опрокинул престол, так что с него все упало, антиминс, запасные дары и пр.; затем, стал утверждать, что Бог ему велел съесть антиминс; и действительно — отправил в рот губку и стал жевать ее, уже силой вытащили ее (я нашел три клочка губки в антиминсе, по этой-то, значит, причине). 8-го числа позвали доктора, но он отказался понять болезнь и стал лишь наблюдать, пригласив и другого, оба лучшие доктора в городе; по их единогласному определению кроме чрезмерного физич. [физического] истощения они не находят в организме других причин болезни. Между тем о. Иоанн все эти дни не спал. Доктора дали ему морфия, не действует; удвоили прием, тогда он заснул несколько, и тотчас же сделалось ему лучше, стал сознательней говорить; дали еще — тогда он проснулся уже в сознании. Но глаза, после морфия, очень потускнели. 12 числа прибыла из Хакодате его жена Елена, извещенная телеграммой о болезни о. Иоанна, и стала ухаживать за ним. О. Иоанн, пришедши в сознание, был тих, рассказывал какие-то странные сны (видно было, что еще не вполне освободился от прилива крови к голове), и постепенно слабел. По рассказу Елены (в Токио — мне, когда она туда вернулась), 14-го ч. [числа] утром он велел умыться себя, сказав, где мыло для этого, помолился потом, а в 12 часов 3 минуты скончался.

17-го ч. (марта), прибыл о. Матфей Кангета для погребения его. 18-го ч. его похоронили на кладбище за городом. Христиан было на погребении 156 чел. На погребение они собрали между собою и издержали 35 ен.

Теперь собирают на памятник: 10 ен прислали христиане Ямада, 3 ены — Камаиси. Я дал сегодня 25 ен, но с условием, чтобы тотчас же заказан был камень, иначе протянут, и забудут, и могила зарастет травой; кстати же кладбище, хоть княжеское — князя Намбу и дворянское — его сизоку, но страшно запущенное. Видно, что Синтоо — не очень в моде в Мориока.

Отслужили панихиду на могиле о. Иоанна. Было и несколько христиан, между прочим 2 дзинрикия, из которых один — Давид — из Санума до сих пор вез — главное, чтобы побыть на могиле о. Иоанна. Во время поста своего о. Иоанн, пока мог, все писал свои записки или читал. Записок он здесь оставил 6 книг, которые мне передали, а я возьму в

Токио для хранения при Миссии и напечатания — если что годно для напечатания. Но много книг своих записок он пожег или бросил в воду.

Тут же, на кладбище, осмотрели снаружи новый храм в честь предков князя Намбу, построенный князем недавно. Это, кажется, последняя любезность настоящего и грядущих поколений отжившему феодализму и вместе синтоизму. И то в иных местах эта любезность остается не досказанною, а замершею — как неудачное чихание, как в Вакуя, например.

Вошли на холм — по каменной лестнице ступеней 60 — посмотреть могилы князей Намбу и вместе вид сверху. Надгробные памятники — из беловатого гранита — с каменными же оградами для самих князей, и без оград — для их супругов и детей. Для каждого князя, его жены и детей отдельная площадка, выровненная и обделанная (теперь, впрочем, все заросло травой и опустилось). Мориока — резиденция Намбусских князей лет 200, прежде того они жили в Саннохе, и могил здесь множество, так что всех невозможно было обходить. Впрочем, все — одинаковые, так как форма памятников — определенная сёгуном сверху и соглашением с народом снизу, ибо расходы были — с народа.

Спустившись с холма, отправились посещать катихизаторов.

Катихизаторы из Мориока следующие:

1. Иоанн Сайкайси — семейство живет в церковном доме, жена, сестра и 2 детей, сам 5.

2. Стефан Нараяма — жена, тетка и маленький сын, сам, 4; живет в квартире 1 ¹/₅ ены в мес.

3. Яков Коги — жена и он, живут за городом в доме брата, отыскать не могли.

4. Илья Накахара

5. Андрей Такахаси домашние — все язычники.

6. Фома Мацуда

7. Павел Исии — семейство теперь в Кадзуно-мура.

8. Павел Фудзиока — дома теперь здесь нет.

9. Павел Эсасика — жена и малютка, живет в доме отца, который здесь сицудзи.

Был еще отсюда Иоанн Ямаса.

В Семинарии теперь из Мориока:

1. Симеон Мии — старший брат теперь служит в Мидзусава, и родители с ним.

2. Матфей Уеда — родители и все дома — язычники.

3. Павел Сакауси, отец умер; мать и пр. [прочие] все язычники.

4. Павел Митамура — семейство теперь в Кудзу[Кудзи?] — деревне, 2 дня отсюда.

Кружась по городу, чтобы посетить 11[?] сицудзи, пришлось взглянуть на город — за городом еще виднеются развалины крепости Абе-но-сада[тоо], некогда хотевшего сделаться здесь самостоятельным. Хациманторо разбил его. В городе — дворец князя Намбу — тоже в развалинах;

остатки рощи показывают место, где наслаждался своим положением довольно сильный вассал (20 ман коку). В окрестности дворца были большие дома его главных кераев; и здесь теперь — новая жизнь: отличная кенчѐ, великолепное среднее училище (циугакко), дальше — большая фабрика шелковых ниток, и тут же заведение для воспитания червей, образцовая ферма, дом губернатора. Бордюром города, собственно торговой и ремесленной части, служат улицы сизоку и доосинов (бывших — теперь хеймин). Сизоку почти все имели земли и сами строили себе дома по своему вкусу, хоть и определенной формы; дома эти — так же, как в Сендае — в садах; некоторые только сизоку не были землевладельцы, а прямо получали содержание рисом (курамай были). Для доосин — всех — выстроены были дома от князя — одних и тех же размеров и форм, с некоторым различием — по чинам среди их; при домах — небольшие огороды, и затем для своего содержания доосин'ы получали — фуци рисом. Оттого их улицы теперь — в струнку длинные-предлинные тянутся рядом одинаковых домиков. Это — настоящие военные поселения. Назывались доосин'ы еще — матакациу, так как подчинены были кациу — сизоку, ходили пред ними с копьями и проч. [?] Мы посетили два дома матакациу — родителей: Никанора (что маканай на Суругадае) Исайю Такасе (64 г. [года]) и Софию (63 г.), (дома только и есть два старика, оба очень хотят, чтобы Никанор поскорее женился), и Никифора (повара Миссионеров на Суругадае), Иеремию Сираива, с женой Никифора Мариной и детьми его — Моисеем (лет 12) и Василисой (года 4, — отец еще не видал ее). Здесь же в доме видел мать Никифора — родную (у Иеремии он приемщи) Макрину — 74 г.— живет она в языч. [языческом] доме, и жену Алексея Сасагава (расходчика на Суругадай). Все они — Никанор, Никифор, и Алексей — в родстве и свойстве между собою, и на Суругадае занимают такое же положение относительно учеников Семинарии и катихиз. училища — почти все сизоку, какое их отцы занимали относительно сизоку в старинное время.

Судя по сицудзи, народ здесь небогатый и немножко бесцветный. Один же из сицудзи Иоанн Мук [?] подал в отставку след. [следующим] способом: сошел с ума, не был устережен, удавился — дней 15 тому назад и 3-го дня был найден — изгнивший на дереве. Вчера похоронили его. За литургией он был поманут за упокой; сегодня же в доме его отслужили по нем панихиду; семейство, видимо, в печали немалой. Пред образом горят свечи, курится много благовонных палочек и стоит чашка с водой, как жертвоприношение; последнюю я велел убрать.

Вечером сицудзи, собравшись, рассуждали о чем-то, кажется, о священнике; но еще не пришли к соглашению настолько, чтобы сказать мне предмет своих желаний. Говорили, что когда я буду здесь на обратном пути из Акита, тогда они скажут.

Порешил сегодня взять отсюда в проводники Стефана Эсасика как знающего все места Церкви в Намбу и Акита, Романа же отпустить домой и в Тоокей.

2 / 14 июня 1881. Вторник.
В Мориока

Утром отобрал из вещей самое необходимое взять с собою; прочее пойдет с Романом. Практика учит, что достаточно на будущее время брать в путешествие один саквояж с церков. и личными вещами. Всякая тяжесть в дороге — излишнее затруднение и немалый[?] [1 нрзб.]. Целый день — дождь без перерыву, так что нельзя было и выехать, тем более, что дороги с этого времени пойдут и без того плохие. Кое-кто приходил, наприм., родители Моисея Урусидо с кедровыми орехами, два полицейские из Окутама, как видно — хорошие христиане, ибо отлично знают состояние Церкви. Писал дневник, отдыхал, приводил мысли в порядок.

В Семинарию просятя трое молодых людей, вчера крещенных. Если не найдется достаточное количество малолетних, то будут приняты, так как по отзывам катихизаторов, прилежны, хорошего поведения, способны, свободны от военной повинности, и родители, хотя и язычники, дадут требуемые свидетельства. На Соборе уяснится, сколько учеников соберется должных лет. Уже 12-й час ночи, а дождь рубит по-прежнему; если то же и завтра будет, то нельзя будет и завтра выехать. Этак недалеко уедешь.

3 / 15 июня 1881. Среда.
В Фукуока

Утро страшно морщилось; впрочем, день прошел без дождя. Долго долго искали тележки в Мориока; японцы именно созданы на то, чтобы воспитывать в людях терпение. При первой перемене тележек, 4 ри от Мориока, также провозились почти час; причем я угорел в курной хате. Дорогой от Мориока до Фукуока народ настояще[?] черный, грязный, неопрятный и бедный. Избы есть примитивные. Вообще, здесь можно изучать постепенный переход от прототипа построек — четырех столбов и крыши с очагом посредине — до теперешних городских домов.

Подъезжая к Ицинохе, видишь везде лаковые деревья — от убитых разрезами до молодых и щадимых еще. Лаку отсюда должно выходить в продажу много. Впрочем, могло бы больше; видно, что народ, при бедности, порядочно ленив; тех же лаковых деревьев могло бы воспитываться в 10 раз больше — благо, почва для них способная. На полях бобы, ячмень и пшеница. Местность сильно гористая, оттого неудобная для

земледелия; на целые мили кругом — холмы и горы — без признаков близости человека. Зато лошадей множество разводится. Кое-где разводят и коров. Природа уже напоминающая страны прохладные: видел нашу белую кудрявую березу; много липы и клена.

Ицинохе, в 15 ри от Мориока. Среди гор. Домов 250; все торговцы и земледельцы. Здесь два христианина. Один — Варнава Мотомия, 10 лет тому назад крестившийся в Хакодате, и до сих пор сохраняющий свое христианство. Повидимому, человек очень достаточный — хозяин отличного постоянного дома (хатагоя), и имеет тут же другой дом, в котором я и виделся с ним. Другой христианин — его внук — Петр Янада, крестился в Мориока и принадлежит к той Церкви, здесь на время. Нравы здесь не испорчены особенно; только народ, по словам Янада, потерял всякое религиозное чувство, даже в новый год не украшает домов.

Варнава просит, чтобы здесь была проповедь, и надеется на успех. Катихизатор, поставленный в Фукуока, может иметь проповедь и в Ицинохе. Между Ицинохе и Фукуока огромная гора, через которую нужно перевалить. На вершине — дорога разрезала скалу из конгломерата, в котором множество морских раковин; видно, что это место было когда-то морским дном, поднявшимся на такую высоту от действия вулканических сил.

В Ицинохе нашел пришедших встречать: из Фукуока — Моисея Симодомае, из Хацинохе — катихиз. [катихизатора] Павла Минамото, из Саннохе — Никиту Сатоо. В Фукуока прибыли уже когда порядочно смерлось.

Фукуока, 17 ри от Мориока, город — 785 дом. Жители — земледельцы, торговцы и ремесленники. Христ. [христианских] домов 5. Христ. [христиан] — крещенных — здесь 19 чел., но из них — Родион Яманобе (служивший некоторое время катихизатором, родом отсюда) со своим семейством, всего 6 чел. христиан, на остр. [острове] Эзо — в Куромацунай (или Сирибецу) — служит бантоо у кого-то, Иустин Циура в Хацинохе (но там в Церковь не ходит), Евдокия Энгүци — по смерти мужа — в Аомори кен, Ициногавамура; за отсутствием этих 8, в Фукуока живут 11 христ. Из них только 1 (Илия Сато) не ходит в Церковь, а жена его благочестивая. Прочие 10 твердо хранят христианство.

По воскресеньям почти всегда собираются человека 4–5 и совершают общественную молитву, в доме старшины Моисея Симодомае. Молитву читают. Проповедь здесь начал Иоанн Сакай, 8 лет тому назад (Мейдзи 6 нен). Моисей от него научен, и после от о. Павла Савабе принял крещение. Потом был здесь Павел Окамура; другой старшина Николай Кавасима от него слушал учение. Яков Такая был здесь дней 20; потом состояли катихиз. [катихизаторами] Иродион Яманобе, Петр Сато и П. [Петр] Бан.

Полтора года, как нет проповедника и никто не заведует этим местом. Посещал только о. Иоанн, при обходе Церквей. По его распоряжению, в прошлом году, христиане Фукуока и селения Камитомае вместе избрали трех сиудзи: Моисея, Николая для Фукуока и Петра Сакай для Камитомае.

Камитомае, больше 3 ри от Фукуока. 200 домов. Христиан. домов 5; христиан 9. Христиане эти составляют с христ. Фукуока одну Церковь, так что во всей Церкви считается христиан 28 челов. Туда никто не ходит с проповедью. Христианство же началось от Петра Сакаи. Он сначала был заклятый враг христианства. Будучи дружен с Моисеем Симадомае, он с ним прекратил сношения и долгое время знать его не хотел из-за того, что Моисей сделался христианином. Потом однажды пришел к нему убеждать его бросить христианство, и наоборот внезапно сам почувствовал влечение к христианству и сделался христианином. Прочие тамошние христиане также узнали учение в Фукуока, приходя сюда. И для исповеди и св. причастия, когда о. Иоанн посещал Церкви, христиане Камитомае приходили в Фукуока. Христиане они усердные, что видно уже из того, что они заслуживают особенное хранение Божие, никто о них не заботится, а они продолжают быть хорошими христианами; по воскресеньям собираются для молитвы в дом Петра Сакай. Молитвы читает Сакай.

Христиане все крестьяне. И в Фукуока христиане – почти все тоже земледельцы.

Проповедник один решительно необходим – для Фукуока, Камитомае и Ицинохе. Кругом здесь также много других довольно больших деревень.

В Фукуока остановился в гостиннице; оттуда сходил в дом Моисея, расспросил о Церкви, отслужил краткое молитвословие и сказал небольшое поучение собравшимся христианам (из язычников был один мой хозяин – гостинник, кажется, расположенный к христианству).

Христиане из Камитомае приходили сюда 12 числа повидаться со мной, прождали всё 13-е число, и вчера отправились домой, где у них теперь спешные работы. Жаль, что не увижусь с такими усердными людьми. У них некогда побыть; время уж больно коротко до Собора, торопиться надо.

4 / 16 июня 1881. Четверг.

В Хацинохе

Утром отправились на лошадях; впервой пришлось сесть на японское простонародное и вместе грузовое седло; едва взобрался, чуть не упавши при первой попытке. Сидеть так широко, что милою проехавши, как некоторую отраду и успокоение употребил путешествие пешком,

после которого однако пришлось сесть опять, хоть погонщик сделал несколько удобнее, пристроив веревочные петли под каблуки сапогов. К счастью, погонщик попался веселый и умный. На расспросы отвечал дельно; так, благодаря ему я знаю, что с этих мест лаку привозится в Хацинохе до 1000 верховых грузов; на 100 тысяч ен, так как на лошадь нагружается лаку на 100 ен (не врет ли?). Лаковое дерево воспитывают лет 15, пока начинают получать с него лак; с хорошего дерева собирают лаку на 2 ¹/₂ сны. Но если не надрезать дерево и не выпускать лаку, то дерево гибнет скоро само собою. Погонщик объяснил: «как женщина до 20 лет, если не замужем, теряет цвет лица, так и дерево — тот же закон». Много деревьев, впрочем, губится без толку. Закупщики лака приходят из Эциго и откупают деревья совсем, тогда они надрезают кору со всех сторон и выпускают весь сок, но зато дерево засыхает, таких множество виднеется везде, — про зверей погонщик рассказывал, что в этих местах, особенно около Кудзи много волков, что они портят скот и даже нападают на людей, но что волк никогда не нападает, если человек тащит за собой конец веревки: «зверь боится, что человек свяжет его», — объяснил он; что 4 года тому назад правительством назначено 8 ен премии за каждого убитого волка, и путевые расходы в город и обратно для заявления шкуры, каковая премия аккуратно и выплачивается всякому; что много также в этих местах кабанов, но на них делают облавы сами крестьяне, по окончании жатвы осенью, что неподалеку есть места, где много и обезьян, что обезьяна, увидевши человека с ружьем, вабисуру, но что ее все-таки убивают для употребления в пищу. Когда не болтал погонщик, то пел звучным речитативом множество песен; вот некоторые:

Ототое вакарете киноу но кёова
 мунени намида но таемосену.
 Расставшись вчера, и сегодня грудь кипит
 вчерашними слезами.

Кори катаматге, кагёо-но дзяма ё
 то юте, авадзу-ни орареё ка?
 Так как влюбленное состояние помеха
 домашним делам, то уже ли останемся
 разлученными.

Ирон га мурасаки каорин га [1 нрзб.] её
 ханава сакура-ни, хитон га буси.
 Из цветов лучший — фиолетовый, из запахов —
 сливы, из цветков — вишня, из людей — офицер.

Гири-но цумореба угусу саемо
 миери [?] ханарете ябу-де наку.
 Бывают причины, что и соловей, покинувший
 сливу, поет в хворост [ин]нике.

На всем протяжении от Фукуока до Хацинохе путника не оставляет река Мабуци, сначала небольшая, потом от приема в себя встречных потоков увеличивающаяся, у Хацинохе — до 100 кен ширины. Недалеко от Фукуока в этой реке по обсохшему дну находят множество камней с вкрапленными в них окаменелыми морскими раковинами. Этими камнями, между прочим, торгует Фукуока. Особенность этих мест еще та, что для удобрения рисовых полей во множестве употребляют зеленый лист — дубовый и всякий другой, целые груды листа зеленого, как сорван, навалены везде в рисовые болота. Для размягчения земли нерисовых полей[?] употребляют лошадей, кружат их на одном месте, пока земляные комки обратятся в тесто. Вся лента ложбины между гор превосходно возделана. Везде, где только можно провести воду, — рис, где нельзя — пшеница и ячмень. Из пшеничной муки крестьяне пекут лепешки — вкусом хоть куда; только — не кислые и не поднявшиеся, а соленые. Мой погонщик, угощаясь сам, угостил и меня, и я нашел, что можно бы довольствоваться таким хлебом и на обед.

В 1 ри 30 чё от Фукуока — деревня Киндаици[?], домов 200. А не доезжая до Саннохе 1 ри 12 чё — граница губерний Аомори и Ивате. И сейчас же весьма крутой подъем на Минога сака. На вершине, с канготатеба — место остановки носилок, превосходнейший вид вниз на возделанную долину с деревнями Каемазава, через которую путь лежал и Окено ситазаки, правее от дороги. Заворачивающаяся здесь вправо Мабуци дает полю форму полукруга, радиусы которого составляют межю. Все в совокупности, с далеко внизу плавающим в воздухе ястребом, при прелестной сегодня, чисто летней погоде, составляет очаровательный вид.

Саннохе растянулся по дороге длиннейшею линиею. Вправо — почти отвесный холм, на котором стояла крепость намбусского князя, до его перехода отсюда в Мориока. В Саннохе домов 750. Земледельцы и торговцы; есть 130 домов бывших сизоку, и 30 д. соцу, но они перечислены в хеймин. Как все намбусские сизоку, кроме Мориока, уволены были, то князь не мог взять их с собою в Сиромае, когда за войну против Импер. [Императора] лишен был намбусск. [намбусского] княжества и переведен туда. После «иссин», сизоку, взятые из Мориока, вернулись домой. Всех крещено в Саннохе: 86 чел.— из них собственно жителей Саннохе 79. Но из этого числа: 9 выселились в другие места и теперь не считаются здесь, 8 умерло; остается налицо 62 человека, в 15-ти домах. Но 16 христиан не приходят в Церковь; из них 3-е, в двух домах, даже поставили идолов; прочие не бросили христианство, а только охладели.

Сицудзи 2: Иоанн Мацуо (старший брат Евгения Таира) и Илларион Сато (отец бывшего в катихиз. школе Никиты). Проповеди теперь нет, так как катихизатора нет; но богослужение — каждую субботу, в 6 часов, и воскресенье, в 10 часов, отправляется. Собираются христиан обыкновенно больше 10 чел; и Никита Сато или кто-нибудь другой читает

молитвы; что нужно петь — поют; певчих 4-ре человека, и поют стройно. После службы Никита Сато рассказывает житие Святого.

Начал в Саннохе проповедь Спиридон Оосима, присланный из Хакодате лет 10 тому назад, много поревновавший для этой Церкви, теперь умерший. Петр Кавамура от него слушал учение. Теперь из его слушателей остался один — Никифор Конда. Восставшее тогда на христианство гонение разогнало его слушателей. Тогда, между прочим, у Спир. [Спиридон] Оосима украдена была икона, после, однако, возвращенная; тихонько подброшена была в дом Петра Кавамура; возвращена в совершенной целости; вор, говорят, поверил Спиридону, хвастовавшему, что икона стоит 300 ен; но, убедившись, что серебряный оклад небольшой иконы вовсе не так ценен, не захотел бросить или испортить икону, а добросовестно возвратил ее по принадлежности. Эта икона до сих пор украшает молельную. Я ее видел. Молельная — в квартире семейства катих. [катихизатора] Петра Бан, который сам родом из Хацинохе, но будучи в прошлом и запрошлом годах здесь на проповеди, переселил сюда и свое семейство — жену и дитя; квартира в очень приличном доме, платится за который 3 ены в год — собственно на расходы по молельной — на свечи и масло; житье же — даром, для компании владельцам дома — христианам — старухе с ребенком.

После Оосима, лет 8-9 тому назад, был здесь с проповедью Павел Савабе. Тогда окончательно научен Кавамура, обращены семейства Илариона Сатоо, Мацуо и большая часть нынешних христиан. В то же время в Фукуока был на проповеди Иоанн Сакай, и они иногда менялись. После были здесь катихизаторы: Павел Окамура, Алексей Хиватаси, Яков Такая 3 месяца (болезнь брата вызвала его в Сендай), Стефан Эсасика года два, Петр Сато (из Хацинохе) 2 месяца, и Петр Бан — 2 года. Эсасика и Бан выходили отсюда и в окрестности. С весны 1880 года здесь никого не было. Прошлогодним Собором также никто не назначен, а предоставлено озаботиться проповедью в Саннохе, о. Иоанну Сакаю.

Церковный приход: христиане каждое воскресенье с дома жертвуют по 1 сен; каждое воскресенье сицудзи собирают это пожертвование; теперь накопилось 15 ен. Главное занятие жителей Саннохе — земледелие и разведение шелкович. [шелковичного] червя, поэтому в 6-м месяце — совершенно не время для проповеди. Родом из Саннохе катихизатор Стефан Эсасика, из бывших сизоку. Впрочем отец его уже 7 лет как переселился в деревню Аинай-мура, в 2 ¹/₂ ри от Саннохе на пути в Хацинохе. В семействе у них все христиане: отец и мать, жена, мальчик-приемыш лет 3-х (сын Иоанна Оомори из Кеманай) и тетка; всего 5 душ, сам Стефан Эсасика — 6-й. Отец имеет в деревне землю, которую и обрабатывает. В городе Саннохе еще есть дом их.

Из Саннохе же родом — Поликарп Исии, бывший в певческой школе (и теперь обучающий пению в Хацинохе). Отсюда же — Никита Сатоо, бывший в катих. школе, и Евгений Таира, бывший в Семинарии.

В селении Аинай-мура домов 130, впрочем разбросанных, так что на дороге видны лишь несколько домов. Кроме семейства Эсасика, там христиан еще нет; жители все — земледельцы.

Сицудзи требуют в Саннохе проповедника: хотят Павла Минамото. Но кто бы то ни был, а проповедник здесь должен быть, так как слушателей, по уверению сицудзи, будет много, найдутся люди и для катихиз. школы; а без проповедника и теперешние христиане разбредутся, как овцы без пастыря.

Гонений от язычников теперь здесь нет. Католиков и протестантов нет вовсе; только иногда протестантские книгоноши заходят и говорят о вере.

Саннохе — проходной город, лежа на большой дороге от Тоокёо по направлению к Хакодате; поэтому нравы здесь довольно нехорошие, разврату много.

Прибыли в Саннохе в 11 часу. Христиан собралось человек 20. Спрошено было о состоянии Церкви, отслужена обедница и сказана проповедь. Затем христиане угостили обедом. К счастью, и здесь, как в Мориока, догадался спросить, — «а сколько, мол, дать бы за обед?» Ответили — столько, дал больше, приняли с благодарностью. Эх я, Аким-простота! Думал, все даром тебе обеды, совестился предложить плату! Дал же маху — во многих прежних Церквях! Оказывается, везде нужно без церемоний давать плату, какая, по соображению, окажется соответствующею предложенной услуге! Ведь тут — Япония! Благородство-то еще нужно воспитать, тогда его спрашивать, — не то подозревать. Вон в Мориока, кроме принятия платы за угощение, и тележку наняли и от себя вперед заплатили, — а после все-таки намекнули — «нельзя ли, мол, получить 1 ¹/₂ ены за тележку?» Как [1 нрзб.] нельзя, можно, чего, мол, только даром вводите в заблуждение!

Во 2-м часу отправились в Хацинохе, на тележках, которые здесь не совсем легко достать. Был чудный летний день. От Саннохе долго-долго тянется вдоль дороги сосновая аллея. Вправо от дороги, меньше чем в миле от Саннохе, виднеется группа сосен с ветхим буддийским храмом, у которого похоронен Император Чёокей[?], скрывшийся здесь от гонений Асикага, во время разделения Императоров на северных и южных. В последнее время, во время путешествия здесь Императора, эта могила, дотеле никому неизвестная, открыта и составляет предмет любопытства. Импер. Чёокей[?] — внук императора Годайго.

Проезжая Аинай-мура, завернули в дом Стеф. [Стефана] Эсасика, моего спутника, и были радушно встречены его семьей. Здесь я его до завтра оставил, взяв вместо него Павла Минамото, встретившего нас несколько ранее; тележек кстати нельзя было достать, кроме двух. В 3 ¹/₂ ри

от Саннохе проехали деревню (эки — станция) Кинъёоо, 230 дом; в которую пора бы внести христ. [христианское] учение.

За милю от Хацинохе (находящегося в 7 1/2 ри от Саннохе), у переезда, встретила большая группа христиан — мужчин и женщин. Для меня приготовлена была коляска — старая-престарая, на которой, нагруженной донельзя братьями, и отправились въезжать в Хацинохе. Дорога лежит по возделанному широкому полю, и в процессе — возникновения или переделывания — на большое пространство едва представляет возможность проезда.

У самого Хацинохе — налево — валы древней крепости. Владелец ее, по разбитии его Намбусским князем, переведен в Тооно и владел им. Потом — влево — показывается место резиденции бывшего последнего князя, бекке от Намбу, кажется 2 1/2 ман коку, видна группа больших сосен, дом разрушен, как все старо-княжеское разрушается ныне в Японии.

В Хацинохе до 2000 дом.; в том числе сизоку домов 500, земледельцев 200, прочие — торговцы и ремесленники. Христ. домов 31; христиан — налицо состоящих 55; некоторые из них, впрочем, учителями в окрестных деревнях. Кроме означенного числа, умерли 7 христиан; 2 ушли в Мацумае; об одном из них известно, что сделался игроком и человеком совсем дурного поведения, так что его можно считать бросившим учение; он уже 3 года, как в Мацумае. Кроме них еще 3 человека не приходят в Церковь, хотя к катихизатору ходят. Учение в Хацинохе началось чрез П. [Павла] Минамото. Он, будучи в Мориока, услышал о христианстве от Якова Такая. Вернувшись в Хацинохе, он посоветовался с своим приятелем Бан, и вместе они попросили из Миссии в Хакодате христ. книг. Танно, бывший тогда при о. Анатолии, прислал книги, которые Минамото и Бан и стали читать вместе с собравшимися около них чел. 20. Был затем Иоанн Сакай в Хацинохе, но мимоходом, всего 3 дня объяснял им учение. Потом прислан был Петр Кудзики и пробыл здесь катихизатором 1 год. В 9-м году Мейдзи о. Павел Савабе крестил первых христиан в Хацинохе. Савва Ямазаки пробыл здесь катихизатором 11 и 12-й г. Мейдзи. Затем Стефан Эсасика — до Собора прошлого года; Собором же прошлого года назначен сюда Павел Минамото.

Порядок проповеди у Минамото в настоящее время следующий:

1. 4-е и 9-е дни месяца у него в доме бывает толкование Еванг. [Евангелия] от Луки для женщин. Собираются до 9 женщин. Новых слушателей и слушательниц теперь совсем нет. Соборания — вечером.

2. По понедельникам, в доме Луки Накасато — объяснение Еванг. от Матфея; бывает ринкоо, под руководством Минамото; собираются христиане и учителя школ, но неопределенные, от 8 до 14 человек. Начинают с 3-х часов пополудни.

3. 5-е дни собирались в Церкви для слушания толкования на Послание к Римлянам, но теперь — собраний этих не производится.

4. 7-е дни, в Саканачё, в нанятом для того 2-м этаже, производились катихизации, вечером; собиралось человек до 100; катихизации были 10 раз; говорили в продолжении двух часов; Минамото, Андрей Икава и Петр Сато. Но, вероятно, по нелюбви к христианству переставали отдавать в наймы дом, и катихизации прекратились.

Теперь новых слушателей нет.

За год не было ни одного крещения.

Оглашены за год 5 чел.

В субботу, с 6 часов — богослужение, поют и очень стройно. Поликарп Исии научил; собираются чел. 30 и больше. После службы толкуется Евангелие от Матфея. В воскресенье, в 10 часов, воскресное богослужение; собираются чел. 20. Объясняется воскресное Евангелие.

Церковь построена здесь, когда был катихизатором Савва Ямазаки. Земля, на которой церк. [церковное] здание, нанимается у язычника, за 2 ены 70 сен в год; условия найма — на 5 лет; впрочем нет сомнения, что земля может быть нанимаема, пока будет нужна Церкви.

Церковное здание стоило 230 ен; из этой суммы 26 ен прислано из Тоокэй; 4 ены еще откуда-то, а 200 пожертвованы местными христианами.

Церковное здание двухэтажное: внизу живет квайдо-мори, и может жить катихизатор. Минамото не живет здесь потому, что у него дом в Хацинохе, живет в семействе. Во втором этаже место для богослужений; но 2-й этаж так низок, что я во время богослужения д. [должен] был стоять согнувшись.

Церковные доходы. В прошлом году христиане, сложившись, собрали 76 ен; из них 14 ен пошли на уплату долга, остававшегося после постройки Церкви. 62 ены ныне составляют основной церк. капитал (сиконкин). Его отдают в рост, и в год получают процентов 13 ен, каковые и употребляются на церк. расходы. Кроме того, из кенсай бако (кружки) в год вынимается 5 ен, идущих также на свечи, масло и проч. расходы для Церкви.

Есть еще у них мудзин в пользу Церкви, хоть по-моему, это немножко не идет к Церкви. В окрестностях Хацинохе нигде еще христ. [христианства] нет. А был Минамото 2 недели в деревне Кудзу (300 домов), Иваденко[?], 13 ри от Хацинохе, и там было у него 30 чел. слушателей. Там у него знакомых много, ибо прежде жил там 1 1/2 года. Около Кудзу множество других деревень.

Из Хацинохе катихизаторы:

1. Павел Минамото
2. Петр Бан
3. Яков Кубо
4. Онисим Накано

Отсюда же — учившиеся в катихизаторской школе: Андрей Икава, и до сих пор желающий быть проповедником, Павел Катаяма, переставший проповедовать по болезни груди, Петр Сакамото и Иоанн Накасато,

умерший в чахотке, брат богача Луки Накасато. Отсюда же Петр Сато, несколько проповедывавший прежде, хотя не был в катих. школе. Теперь он здесь избран служить церк. казначеем; и вообще очень усердствует к Церкви, и даже несколько помогает по проповеди. Отсюда же был Иоанн Кавасаки, учившийся в катихиз. школе и служивший церков. секретарем, ныне, к сожалению, умерший. Сицудзи в Хацинохе 2: Матфей Кондо и Афонасий Кавагуци. Гонений от язычества нет. Католиков и протестантов — нет.

В Хацинохе остановились в доме Луки Накасато. Отец и мать его слушают учение. Дом — бывшего кароо, и даже княжеской крови, так как один прежний князь дал в этот дом своего сына, у которого голова была до того большая от опухоли, что князь совестился представить его сёо-гуну. От сего-то большеголового княжеского сына и происходит Накасато; на кладбище мне показывали и надгробный памятник этого князя между могилами княж. рода. Дом, действительно, богатый, с садом, изящными вещами внутри.

Выпивши наскоро чаю, пока видно, поехали посмотреть город и сделать визиты катихиз. [катихизаторам] и сицудзи. В городе нравится большая улица, длиннейшая, так что и конца ей нет; она тянется по направлению к морю, которое по прямой линии в 18 чё от Хацинохе. На самом берегу моря лежит город Минато, в котором до 600 дом.; рейд у города для японских джонок. Пароходы же останавливаются у Саме-эки, 1 1/2 мили от Хацинохе, 300 домов; оба места: Минато и Саме неблагоприятны для проповеди, ибо там публичные дома, и место весьма плохих нравов; слушающих христ. [христианское] учение нет, хотя Минато в Саме выходил.

Взошедши на холм, окруженный превосходным еловым лесом, осмотрели храм первому жителю Хацинохе, потом кладбище князя; памятники преемственно владевших леном князей, все подряд в одном месте, без семейств; прежние — буддийского стиля — с круглыми вершушками, последнего князя, умершего после восстановления импер. [императорской] власти, — синтоисского — четвероугольный просто вытесанный камень. Кладбище княгинь и детей — несколько поодаль отдельно.

С визитами был:

1. У Минамото, дом обыкновенный — сизоку, довольно ветхо выглядящий; в семье: баба 83 лет, жена, двое детей — 12 и 6 лет, сам 5-ть. Баба говорила: «Если его нет в доме, — комару»; он же: «Еще можно служить на стороне, куда назначит Церковь, — год или два, пока в семье все здоровы».

2. У отца Якова Кубо; предложил своего младшего брата в Семинарию, Андрея Кавасаки[?], ибо он сделался наследником Иоанна Кавасаки; учился в Хакод. мисс. [миссийской] школе 3 года. Но сам отец Якова Кубо еще язычник. Живет, по-видимому, безбедно; при том же совсем еще молодой.

3. У Андрея Икава — предложил себя в катихизаторы. Я ему посоветовал сначала опять поступить в катих. школу. И проч.

В катихиз. школу просятся отсюда Николай Акаока, 27 лет, старший брат бывшего в катих. школе Иезака[?]. В Семинарии еще отсюда Поликарп Исии (родом из Саннохе).

В сумерки собрались в Церковь; отслужена была вечерня и сказана проповедь христианам, которых собралась полная Церковь. После, в доме Луки Накасато, сказана была проповедь для язычников, длившаяся полтора часа, с перерывом для отдыха в 10 минут. Слушателей было человек 70; слушали внимательно. После всего – роскошнейшее угощение, при котором я должен был хоть отведать каждого кушанья; первый раз случилось есть морского ежа.

5 / 17 июня 1881. Пятница.

В Яманака

Целый день шел дождь. В 5 часов утра, однако, выехал из Хацинохе, закупоренный в тележке. В половине 10-го едва дотащились до Аинаймура[?]; здесь взяли Стефана Эсасика, и ехали почти весь остальной день до Секи (10 ри от Хацинохе), деревни, находящейся у подножия горного кряжа – Райманзан. Тщетно полтора часа здесь прождали лошадей; их не нашли в поле, т. е. их или не ходили искать, или лошади нужны были для полевой работы. Должны были пешком подниматься на одну из труднейших для перехода гор в Японии. Подъем – 3 ри; дорога была бы еще сносна в хорошую погоду, но в дождь сделалась нестерпимо гадкою. Я, по неопытности, не надел варадзи, а отправился в сапогах; разумеется, на первой же ри они размокли до мокроты внутри. К несчастью, еще на половине подъема совсем стемнело, так что нужно было идти прямо – не разбирая, куда ступаешь; не раз в лужах зачерпнувши грязи за голенищи, я совсем, наконец, перестал беречься и пришел на ночлег в сапогах разбитых и размоченных до невозможности употребить их больше. К ночлегу подходили среди такой темени, что только опытный глаз или инстинкт проводника-носильщика нашего багажа мог различить, куда идти; спускались в какие-то темные как будто подземелья, проходили лабиринты, и наконец набрели на приветливый огонек и услышали не без большого удовольствия лай пары псов, то единственный на вершине горы дом, вероятно, множеству людей оказывающий такую же драгоценную услугу, какую оказал нам. Пообогрелись чаем и заснули как убитые от немалой дневной усталости.

6 / 18 июня 1881. Суббота.

В Юэ

Утром, для дальнейшего перехода чрез Райманзан, по негодности сапогов, пришлось надеть японские соломенные лапти – варадзи; но

так как при этом не было япон. [японских] носков с разрезом между большим и друг. пальцами, а нужно было довольствоваться своими, то варадзи пришлось неудобно для ног, и ноги немало потерпели от этого.

От Секи до Оою — по ту сторону Райманзан 6 ри; от места ночлега Яманака до Оою 3 ри. Перевалили без труда, тем более, что здесь несравненно больше спуска, чем подъема. Оою — деревня в 160 дом., в том числе прежних сизоку дом. 40, христиан здесь 3. Крещены о. Иоанном Сакай; учение же слушали 2 от Стефана Эсасика, 1 — от Якова Саваде, теперешнего тамошнего катихизатора. Оглашенных: 12 чел. Все они дети, за исключением одного, которому 18 лет. Учил их и в марте огласил Яков Саваде. Саваде по временам приходит сюда и живет дней 10, в доме Петра Санга, в котором и я минут на 15 был, чтобы расспросить о состоянии места. Расспрашивал же у молодого христианина Тимофея Циба (23 года), которого с другим юношей встретил еще у подножия горы, шедших при лошади, нанятой для меня Петром Бан и посланной в Яманака — к сожалению, поздно.

В доме же Петра Санга собираются, когда Яков Саваде бывает здесь, и для молитвы — по субботам и воскресеньям; иногда, впрочем, совсем не собираются. Раза два-три собирались для молитвы на горе. Тимофей Циба выдумал это; говорит — «свободней молиться».

Из больших в Оою никто не слушает учение, хотя отзываются о нем хорошо, почему и не мешают детям своим слушать. Теперь новых слушателей нет совсем.

Домов, куда вошло христианское учение чрез христиан и оглашенных: 13.

К Церкви в Оою принадлежит рудник Фурогура. Христиан там 2, оглашенных 5 — прежних, потом еще оглашено 12–13 чел.

Учение вошло туда чрез Павла Тайра, когда он жил там; он же и учил, а Стефан Эсасика после только огласил наученных. От Оою рудник 3 ри. Верующие имеют сношения с Як. [Яковым] Саваде.

Все означенное здесь я узнал от Тимофея Циба и мальчиков — оглашенных, которые были здесь. О Саваде узнал с сожалением, что он уже ушел в Тоокёо на Собор. Так рано оставлять свой пост — значит, небрежно относиться к своему служению; не говорю уже о том, что он д. б. [должен был] дожидаться меня, чтобы показать мне свою Церковь и свой труд.

Отправились дальше, в деревню Аракава, 1 1/2 ри от Оою; домов в Арая 50; но Арая состоит из двух деревень, подряд лежащих; одна из этих деревень и есть Аракава — в ней 25 (28?) домов. Крещенных здесь 21 чел.; из них 3 чел. перешли в Ханава, 18 христ. [христиан] находятся в Аракава. Оглашенных 4 человека. Христианских домов 4, в том числе 3 дома — фамилии Метоки:

1. Дом Симона Метоки, отца Андрея Метоки, которого когда-то Алексей Яманака взял отсюда в Хакодатскую миссийскую школу, а ныне он

находится в школе на Суругадае; мать его Ирина; детей у них четверо, Андрей старший из них; здесь же в доме младший брат Симона — Тимофей, жена Юлия и 3 ребенка (маленькая Ия — только оглашена), и мать Симона и Тимофея — Евдокия; всего в доме христиан 11 и оглашенный младенец 12-я [1 нрзб.]

2. Дом Никиты Метоки, родственника Симона, — 3 христианина.

3. Дом Никанора Метоки — тоже родствен. Симона, в котором тоже 3 христианина.

Итого, одних Метоки 17 христиан.

4-й дом — с единственным христ. [христианином] Варнавой Амбо. Итого всех христиан 18.

Оглашенные в 2-х домах; в одном 3 человека, в другом 1. Проповедовал в Аракава Стефан Эсасика. От него приняли учение Метоки и Яков Саваде. Последний житель собственно Аракава, где и дом его есть (землю, кажется, продал, и имеет от нее капитал); в Кеманай же он теперь живет с женой и ребенком (сын лет 6) для проповеди, по назначению от Собора. Яков Саваде, как и Метоки, теперь хеймин, а был байсин Сакураба, бывшего кароо Намбусского князя; все здешние байсины имели землю, но обыкновенно сами ее не обрабатывали, а отдавали земледельцам с половины, как и теперь делает Метоки, получая, кажется, мешков 80 рису — готового, значит, земля у него немалая, да и хорошая, долина здешняя — вся сплошь занятая рисовыми полями — прелестнейшая; тянется она от Оою дальше Ханавы, составляя широкую лощину между двумя горными краями. Называется эта местность Кадзуно гоори, в теперешнем Акита-кен.

В доме Метоки — молельня, и в ней — беспорядок: молитвенники разбросаны, икона св. Пантелеимона измята. Здесь собираются христиане в субботу и воскресенье на молитву. Отправляет ее Яков Саваде; для этого он приходит сюда из Кеманай в субботу, и остается до воскресенья; отслуживши здесь в воскресенье, идет в Кеманай и там служит.

Собираются на молитву все здешние христиане. В последнее время стали приходиться и новые — послушать проповедь.

В прочее время Саваде бывает здесь мимоходом. Если Яков Саваде не приходит для совершения молитвы, то ее читает Симон Метоки; все тоже собираются.

В 1 ри от Аракава серебряный рудник Косака-гинзан. Варнава Амбо там служит, и старается о распространении там христ. учения: слушатели новые есть. Есть еще на руднике христианин из Мориока — некто Судзуки, бывший некоторое время в катихиз. школе; тоже старается о водворении там христианства; еще там служит младший брат Никанора (ученич. [ученического] — для учеников повара на Суругадае), Иаков, — всего там 3 христ. Саваде не успел еще побыть там и заняться новыми слушателями.

Все выше означенное не без труда, с многократными переспрашиваниями я узнал от Тимофея Метоки, который, впрочем, так ясен в церк. делах, что даже христ. имя своей жены ему сказали сидевшие около женщины; они же помогали, вместе со Стеф. [Стефаном] Эсасика, уяснить изложенное состояние дел церк. в Аракава. После сего отправились в Кеманай, 30 чёо от Аракава.

Кеманай — город, в котором домов 500 (800?), из них 150 — бывших сизоку, теперь хеймин (вообще все намбусские сизоку, жившие вне Мориока перечислены в хеймин). Христ. домов 2, христиан 4 — в том числе Иоанн Оомори, помогавший немного по проповеди года два тому назад.

Оглашенный: 1.

О сицудзи во всех этих местах и понятия не имеют.

Новых слушателей нет.

В субботу здесь и молитвы не бывает; а в воскресенье, отправивши в 6 часов утра молитву в Аракава, Саваде возвращается в Кеманай и совершает здесь молитвословие; тогда же (будто бы) и секкёо [секкё] бывает.

Здесьние христиане все из слушавших учение от Стеф. Эсасика.

Один теперешний оглашенный — плод проповеднических трудов Якова Саваде.

Вообще, в этих местах, кажется, то только и есть, что сделал 4 года тому назад Ст. Эсасика. Он тогда был позван одним жителем Ханавы — проповедовать там; но полиция запретила проповедь и в Ханаву он ничего не мог сделать; а позвали его отсюда в Кеманай, где и нашлись слушатели; отсюда затем проповедь перешла в Аракава. После Эсасика только в Оою явилось немного новых слушателей, в других местах — нет.

Ведению Якова Саваде подлежат еще: Дзюунисё, Оотаки, Мангата. Четыре года тому назад во всех этих местах и еще в городе Оодате был с проповедью Алексей Яманака, позванный сюда Павлом Таира. Тогда слушатели были, и остающееся еще в этих местах остается с того времени. Нового ничего не сделано, кроме запущения.

Дзюунисё, 3 ри от Кеманай, по ровной дороге; 420 домов; есть бывшие сизоку, так как там был кароо князя Акита. Семейство христианина Кикицу оттуда переселилось в Хакодате, всего 2 человека. В Дзюунисё остается всего 1 христианин, кажется, именно младший брат бывшего катихизатора Павла Накада — Петр, из Оодате взятый приемным в один дом здесь. Все — слушали учение от А. [Алексея] Яманака.

Оотаки, от Дзюунисё 26 чё по ровной дороге, деревня, всего 14 домов, все земледельцы, есть 2 христианина и 1 оглашенный, все слушавшие учение от Яманака.

Магата — от Оотаки 14 чё по ровной дороге; деревня, 50 домов. Там 21 — христиан или оглашенных, никто в Кеманай не мог сообщить положительного сведения. При Стеф. Эсасика еще там крещено больше

5–6 человек. В прошлом декабре в деревне был пожар, в котором сгорели, между прочим, 2 христ. дома.

Ничего не сделал для всех означенных мест Як. Саваде; но, по крайней мере, они считались подведомыми ему. А остается совсем забытым.

Оодате — бывшая резиденция князя Акита, город, в котором до 3000 домов и множество сизоку. Там были 4 христ. дома, но 3 из них переселились в Хакодате; остается 1 дом — Давида Немото, бывшего в катихиз. школе и заболевшего глазами. Отсюда же был служивший катихиз. Павел Накада. Слушали первоначальное учение все от Ал. Яманака. От Кеманай до Оодате 8 ри, дорога ровная. В запрошлом году назначен был Собором в Оодате Яков Кубо, и пробыл там год, отсюда ходил и в Кубота, но плода не было, по юности, д. б. [должно быть], катихизатора. В Оодате Яманака сидел в тюрьме 7 дней и 90 дней дома.

Яков Саваде служит здесь катихиз. уже два года. В запрошлом году ему подведома была и Ханава (куда Собором прошлого года был определен П. [Петр] Бан).

НВ. Собственно, впрочем, не Собор здесь расставлял катихизаторов, а священник о. Иоанн Сакай, которому в его приход лишь отделено было известное число катихизаторов.

По прибытии в Кеманай, нашел здесь Симона Метоки, который привел в дом, занимаемый Яковом Саваде. Внизу живет он с семейством, во втором этаже — небольшой комнате — собираются для молитвы, и здесь же, должно быть, он толкует учение, если кому приходится. (Из Оодате принесли сюда большую икону; но где она — не видно, а есть на стене небольшая домовая икона.) Дом нанят от язычника с тем, чтоб отделать его, и стоимость отделки вычитать потом помесечно как ренту, пока погашена будет сумма сделанного расхода. В доме, действительно, везде торчит глина, что делает — особенно молитвенную комнату — весьма безобразною.

Все, что могли сказать, сказали Ст. Эсасика, знающий положение места лишь за 4 года назад, и Симон и Тимофей Метоки с их вечными, весьма не рекомендуемыми — а! А Саваде, действительно, ушел. Жена его угостила рисовой кашей без приправы. Пообедали, оставили плату и в путь дальше, в сопровождении Петра Бана, пришедшего проводить до его места — Ханава, и Фомы Оомори, млад. [младшего] брата Иоанна.

Проходили (пешком, в варадзи, за невозможностью достать лошадей, по теперешнему горячему рабочему времени; хорошо еще, что от Оою до Кеманай пришлось проехать на нанятой вчера Баном лошади) прелестнейшую долину, всю возделанную под рис; рис почти весь посажен, и поля зеленеют свежую зеленью; кое-где еще лошади утапывают навоз или люди равняют болото, или ряд крестьян и крестьянок дружно работают над засадкой зелени. Крестьяне, однако, здесь живут совсем не так, как следовало бы ожидать при виде роскошных полей. Зашли в один дом, чтобы осмотреть жернова, которыми из моми делают рис,

отделяя шелуху зерна; старик вьет соломенные веревки, старуха копается у котла, дощатая настилка, покрытая грубыми мусиро, вместо циновок, которых и признака нет. Все грязно, грубо, в высшей степени непривлекательно; и при всем том дом не выглядывал особенно бедным; что же сказать о небольших лачужках-мазанках, которых множество виднеется, когда едешь внутри страны и не по большой дороге! Чистенький японский домик с циновками, далеко не общая характеристика японской жизни, нет.

Ханава, город, в котором домов 1000, в том числе бывших байсин и сизоку 100 домов. Христ. домов 5 (т. е. домов, имеющих быть христианскими); христиан еще нет; оглашенных 5 чел., из них двое хозяева домов, трое старшие сыновья в домах; все, впрочем, слишком молодые люди. Священника не было еще, чтобы преподавать крещение.

Учение в Ханава очень не любили и клеветали на христиан; но теперь, по крайней мере, клеветы прекратились, нет гонения, и есть надежда, что вперед проповедь пойдет успешнее. Между тем, однако, и до сих пор денкёоса на квартиру не пускают; поэтому он принужден жить в хатагоя, занимая комнату. Сюда к нему приходят слушать учение. Гостиница, в которой он живет, не особенно в моде, поэтому ему не тесно, да и не очень дорого: квартира 2 комнаты и стол все вместе в месяц стоит: 6 $\frac{1}{2}$ ен (пища же в месяц в собственной отдельно нанятой квартире стоила бы 4–5 ен.)

К Ханава принадлежит медный рудник: Осаризава-доозан, 1 ри от Ханава, с 300 домов — служащих, или рудокопов (коофу??). Христиан там 4, один из них старший брат Якова Саваде — Петр; оглашенных 3. Они хотели ввести христианство в Осаризава и собирали слушателей, а Петр Бан приходя производил катихизации; но весной управляющий рудником (сахайнин??), из сизоку Мориока родом, воздвиг гонение, и все 5 человек христиан и оглашенных, состоявших на службе при руднике, лишены мест; человек 20 слушателей, собиравшихся слушать проповедь, устрашенные перестали собираться, и Петру Бану пришлось [прекратить] свои посещения Осаризава. Впрочем, христиане и оглашенные, потерявшие места из-за своей ревности, нисколько не ослабели в вере, а, напротив, окрепли. Рудник Осаризава разрабатывается уже лет 600. До последнего времени принадлежал намбусскому князю; но за войну против Императора отнят, во время гоиссин. Некоторое время правительство разрабатывало его, но вскоре, однако, передало его компании Коогёо-квайся, которой он и принадлежит в настоящее время. Рудокопов больше 1000 человек, все из древности, из рода в род там живущие и работающие, причем — все заняты обыкновенно и женщины, и дети — свойственными всем делами по руднику. Все зависят вполне от компании, потому что все там или служащие по руднику, или коофу, и 3-х домов нет самостоятельных; не даст компания работы, и человек, оставаясь там,

должен с голоду помереть; поэтому-то гонение на христианство от компании так страшно.

Добывается в Осаризава, кроме меди, еще золото, и последнее в таком количестве, что его совершенно достаточно на все расходы по руднику, так что медь — чистый барыш компании. Для постановки паровых машин на руднике приглашаем был иностранец; обыкновенно же все служащие и управляющие — японцы.

В Ханав, в этих местах прежде всего пожелали слушать проповедь, и отсюда пригласили 4 года тому назад для проповеди Эсасика. Но, однако, до последнего времени гонения от язычников мешали проповеди, и до последнего года в Ханав никто не был назначаем на проповедь. Петр Бан первый жил здесь с прошлогоднего Собора — год, для проповеди. К сожалению, для первого раза попался такой ленивый проповедник; вероятно, можно было сделать гораздо больше, чем он сделал. И теперешние оглашенные его начали слушать учение собственно с весны, оглашены же в марте; до тех же пор, что он делал? Впрочем, и теперешние оглашенные, за исключением одного молодого человека, кажется, ревностного, показались мне мало знающими учение; один из них на мой вопрос: «молитесь ли вы?», так и ответил: «Нани? Я ничего не знаю, я только недавно начал слушать», — значит, вероятно, и оглашен он недавно — больше для показа. И таких-то всего пять! (четыре из них я видел). Бан говорит, что по крайней мере одно достигнуто, клеветы на христианство прекратились, и дорога для проповедника с этого времени открыта. Но, по его же сознанию, в этих местах больше одного проповедника не нужно для всех пунктов, которыми теперь заведуют оба здесь — Саваде и Бан, достаточно-де по 10-ти дней проповеднику жить попеременно в каждом месте, где есть слушатели.

Но, по-моему, следовало бы отдельного проповедника для Ханав, город большой, вероятно, верующих много будет.

У Бана, в его квартире, побыли с полчаса, чтобы отдохнуть и взглянуть на оглашенных. К счастью, отсюда, хотя на 2 ри, до деревни Адзукизава, нашлись тележки.

В Адзукизава видел ель — 5 полных обхватов моих; тут же огромный деревенский храм, загаженный, впрочем.

От Адзукизава до Юзе, 1 ¹/₂ ри, прошли пешком, и здесь заночевали, предварительно испувавшись в серной теплой ванне.

7 / 19 июня 1881. Воскресенье.

В Итонги

Целый день сегодня пришлось идти пешком, лошадей трудно добыть, так как на полях спешные работы; едва можно застать носильщика для вещей. От Юзе до Анегава, 2 ри, прошедши, давал носильщику 1 ¹/₂ ен, чтобы шел с нами дальше, и то не согласился, говорит — «дома нужно

работать» (впрочем, не согласился, как видно было, больше по глупости и неумению сообразить вдруг, как для него выгодно было бы идти, после — по роже видно было что, раздумавши, сильно жалеет).

От Анегава до Хосоно, 4 $\frac{1}{2}$ ри, лес. Здесь — баба не дала ни коней, ни человека; последний едва нашелся потом; баба едва смилостивилась дать нам по чашке вареного проса, иначе хоть с голоду помирай. От Хосоно до Мацуо — 3 ри (?) — едва добрел, ноги поистерты. Здесь спасибо дали лошадей до Иппонги, куда прибыли в сумерки, и где заночевали. Лечил ноги теплой ванной, распухли страсть, почти не могу ходить.

8 / 20 июня 1881. Понедельник.

В Кавауци

До Мориока от Иппонги — 4 ри — нашлись тележки. Приехали часов в 8. Катихизаторы, по-видимому, спали еще и только что были предупреждены и разбужены (да и что же делать больше?). Здесь же нашел Якова Саваде, который говорит, что он отправился на Собор и никак не ожидал, чтобы я посетил его Церковь, иначе он дождался бы меня.

Куплены были сапоги, наняты тележки до Мияко за 30 ен, 5 человек, трое для моей тележки, двое для Эсасика, и почти в 11 часов мы снова тронулись в путь. Собрание мориокских сицудзи и христиан обещало что-то решить до моего приезда, кажется насчет выбора проповедников и священника для Мориока, но ничего не решило.

От Мориока до Мияко 25 ри; условия, чтобы быть там не позже 2-х часов завтра, иначе 4 ены вычета. Дорога везде до того хорошая, что можно не выходя из тележки пробраться. Только один горный перевал большой очень (вершина в 6 ри, кажется, от Мориока), но и он до того отлог, что можно в тележке взехать до вершины. Местах в 5 пришлось по всей дороге выйти из тележки, чтобы люди перенесли ее чрез вымоину или камень, но и это больше потому, что теперешними дождями дорогу очень испортило.

Ночлег в Кавауци, небольшой разбросанной деревеньке среди гор, был не удобен тем, что пришлось быть через перегородку от ямщиков, которые страшно гомонили и не давали покою. Кавауци в 12 ри от Мориока. Дорога идет почти все время по берегу ручья; слоистое строение здешних скал, размываемых дождями, дает множество обломков для дороги и выкладки окраин обрывов.

9 / 21 июня 1881. Вторник.

В Ямада

В Мияко прибыли до 2-х часов, хотя непогодь много мешала удобству пути. Дорого взяли дзинрикися, зато хорошо везли. Мияко — небольшой

город на берегу моря; рейд хороший; но судна ни одного на нем не видно, изолированное положение города и трудность сообщения с внутренними местами, доставляющими предметы торговли, делают рейд мало полезным. Город, говорят, не отличается хорошими нравами, все исключительно заняты добыванием денег; оттого проповедь здесь трудно водворима; до сих [пор], по крайней мере, здесь нет христиан. Нашедши лошадей, тотчас же отправились дальше. Холодно нестерпимо было от моря. В 2 ри от Мияко в деревне Канебама-мура побывли у Якова Урано, здесь докторствующего; жена и 5 чел. детей. Опустился; о христианстве своем чуть ли не забыл совсем; на иконе св. Апостола Иакова наклеен у него и портрет императора и императрицы. Сам, кажется, поглупел, едва можно добиться ответа на самый простой вопрос; долго-долго стоял на берегу моря и смотрел вслед нам, когда мы уезжали, не шевельнулись ли воспоминания о прежних лучших годах?

В Ямада приехали, когда уже совсем темно было. Впрочем, ожидавшие христиане встретили далеко до города с фонарями. Остановились в гостинице, хозяин которой христианин. В городе Ямада наход. [находится] 850 домов; рыбаки, купцы, ремесленники и немного земледельцев; дворян нет. Христ. домов 23; домов, где только оглашенные, 3. Христиан 54, оглашенных 31, из них 27 готовы к крещению; 4 же перестали приходить в Церковь. Христиане и оглашенные почти все торговцы и отчасти рыбаки.

Началось водворение христ. учения в Ямада от Исаяи Абе, который слушал учение в Тоокёо. Потом здесь был Яков Конги, и Ной Сирато от него учился христианству; вместе с Конги здесь был и также занимался проповедью Лука Симагава; затем был с проповедью три года тому назад Стефан Нараяма. После него проповедовал здесь Павел Эсасика, и, наконец, с Собора прошлого года состоит здесь проповедником Стефан Эсасика.

Проповедь бывает каждый день, с сумерек, в церковном доме; собираются всегда от 10 до 20 человек; иной раз бывает 30 и больше. Предметы проповеди: православное исповедание, протолковано два раза, Евангелие от Матфея, Деяния Ап. [Апостолов], Посл. [Послание] к Римлянам и — книги Бытия протолковано 5 глав. В другие места для проповеди не выходил, да и не находил возможным: днем всем — не время, вечером всегда собираются слушатели у него. В продолжение года катихизации у него не было только одна неделя, когда он был болен, и 5 дней, когда никто не пришел. Кроме этих дней — проповедь (или объяснение Свящ. [Священного] Писания, что однако не одно и то же) была решительно каждый день.

За год крещено 26 человек; из них половина — слушавшие учение у прежних катихизаторов. Оглашено за год 31 чел.; из них 5 — не им наученные, а прежними.

Новые слушатели всегда есть, когда время позволяет приходиться слушать.

Службы — каждую субботу и воскресенье, в 6 час. и в 10 час., в субботу собираются всегда до 50 чел.; в воскресенье человек 10. В субботу за службой рассказывается житие святого, в воскресенье объясняется рядовое Евангелие. Поют 4 человека, плохо очень, разнят страсть, — сам слышал. [?] Убеждал прислать кого-нибудь в Певческую на Суругадай хоть месяца на три.

Церковный дом нанимается у язычника; в нем внизу живет Петр Абе — квайдо-мори, а во втором этаже катихизаторы, и там же собираются для молитвы. Молитвенная сторона снабжена иконами и лампадками в изобилии. Есть полный прибор священных сосудов для совершения литургии; в Камаиси же — полное священническое облачение, все это взято для 3-х Церквей, подряд находящихся, в Ямада, Ооцуцу и Камаиси.

Сицудзи 5 человек, лучшие из них — Ной Сирато и Петр Абе. Но самый усердный и сицудзи, и христианин — Матфей Кон — умер, всего за 9 дней до нашего прихода, скоропостижно, за обедом; страдал давно грудью. Собираются в 1-е воскресенье месяца после службы.

В запрошлом году, при Нараяма, христиане начали здесь ежемесячно жертвовать, кто сколько может, все это выходит на Церковь, на масло, свечи, цыновки, чай. Жертвуют правильно из 11-ти домов, 20 человек, по взаимному соглашению, кто 50 сен в месяц, кто 30, 20, даже 5 сен. Собирается в месяц 4–5 ен, что и расходуетса ежемесячно. Но кроме того, у Церкви есть теперь сихонкин — в 250 ен. Образовался он так: в 12-м месяце прошлого года здесь, в пожар, сгорели дома у человек 15-ти христиан. В Тоокейской Церкви и других местах для погоревших собрана помощь и прислана сюда во 2-м месяце: 217 ен. Но погоревшие не захотели издержать на себя эту братскую помощь, а отдали деньги на Церковь. Другие христиане, воодушевленные этим поступком, не захотели отстать от своих собратий, и от себя собрали пожертвование и приложили к тем 217 енам, так что всего стало 250 ен. Эти деньги отдаются на проценты, и на них имеется в виду потом построить Церковь. Казначеем был Матфей Кон; на его место еще не выбран другой.

К Церкви Ямада принадлежат следующие места:

1. Орикаса-мура, 17 чё от Ямада, 180 разбросанных домов. Там 1 христианин и 2 оглашенных. — Христ. [Христианин] Иоанн Ингама — один из первых, принявших учение в этих местах. Он, несколько лет тому назад будучи в Хакодате, слушал протест. [протестантское] учение, но не принял, а вернувшись сюда и будучи в Ооцуцу, принял учение и крещение от о. Иоанна Сакая. Оглашенные тамошние слушали учение — один от Нараяма, другой от Конги.

2. Оосава-мура, 1 ри от Ямада, 200 домов. Там 2 христианина, а другие 2 оттуда живут в Ямада. Из крещенных прежде о. Иоанном, к сожалению, некоторые оказались недостойными: 1) Иосиф Кита — с дочерью

Марию, в Церковь не только не приходят, но дома у себя поставили идолов. Поведения они дурного: дочь, с согласия отца, держит в доме любовника, который мужем ей не может быть, ибо имеет жену. Христиане узнали об этом, и о. Иоанн убеждал честно выйти замуж; им стыдно, поэтому в Церковь перестали ходить. Бедны они очень — никто в приемыши к ним не идет; а прежний приемыш побыл на время, лишь чтобы избежать рекрутчины. 2) Иоанн Хебиису[?]. Молодой человек, крестившийся без знания учения; хозяин его учения не любит; сам он поведения плохого, ну и спился. И этих, однако, не следует бросать совсем; дети они Церкви, хотя и заблудшие!

Прежде здесь не любили христианство и клеветали на него. Теперь этого нет.

Один из Церкви Ямада приготовлен в Семинарию — Акила Абе, 15 л. [лет], сын квайдо-мори — Петра Абе.

Остановившись в доме Ноя, содержателя хатагоя (???), и переодевшись, отправились в квайдо, небольшой дом на берегу моря; во втором этаже полно было христиан; отслужили вечерню, потом проповедь. За нею разговор и расспросы о состоянии Церкви. В 1-м часу вернулись в гостиницу; кейтеи тоже было расселись глазеть и слушать, но я усталый донельзя, без церемонии заявил, что спать пора.

10 / 22 июня 1881. Среда. В Камаиси

Утром, полюбовавшись рейдом из окон катихизаторской комнаты, — для чего, по просьбе христиан, следовало сходить в нее, отправились дальше. Рейд, действительно, превосходный, со всех сторон закрытый горами, исключая узкого входа, но тоже, как и в Мияко, совершенно без судов, одни рыбацьи лодки смотрятся в него с берегу. Трудность сообщения Ямада с внутренностью страны делает рейд бесполезным.

От Мияко до Ямада было 5 ри, дорога немного гористая; моря не видать было после Мияко до самого Ямада.

От Ямада до Ооцуцу также 5 ри; дорога очень гористая, но не узкая, не грязная, кое-где только немного каменистая, вообще для езды верхом удобная; все время в виду моря, около заливов, при одном из которых и Ооцуцу стоит. По дороге из Ямада, в 1 ри от него, при заливе деревня Сонохана-мура, в которой 2 христианина, принявших крещение в Хакодате; один из них лежит больной, другой — плотничает на стороне.

Между Ямада и Ооцуцу в нескольких местах производится выпаривание соли из морской воды. В один из шалашей мы входили посмотреть: огромнейшая глубокая железная сковорода, дно которой, чтобы не упасть, поддерживается привешанными с потолка деревянными крючьями; под нею разведенный огонь; сжется хворост, которого груды навезены около

шалашей; в сковороде – наверху – белая накипь, которою отделяются вещества чуждые соли. Соль осаждается внизу. Выпаривается сковорода воды в сутки; мы видели в мешках полученную отличную соль.

По дороге встречались группы разряженных богомолков, плетутся куда-то около Ямада – к идолу, кажется – Дзидзоо[?], покровительствующему жатве. Это после посадки риса – молиться, чтобы был урожай; а главное – чтобы прогуляться, должно быть. Но замечательна вообще эта повсеместная потребность народа в богомольных хождениях. Ее нельзя не иметь в виду при водворении христианства между народом.

В 17 чё от Ооцуку проехали мимо деревни Андоо, в которой водворяется христианство.

Около полудня прибыли в Ооцуку и остановились на постоялом.

Ооцуку – город с 800 домов; жители торговцы, рыбаки, ремеслен. [ремесленники] и земледельцы; дворян нет. Христ. домов 25. Христиан 48 душ; оглашенных в Ооцуцу 17, в Андо 4, всего 21 челов. Новые слушатели есть как здесь, так и в селении Андо. Христианство здесь началось от Моисея Хасегава (Тосима, бывшего учителя о. Анатолия в Хакодате, теперь – где находящегося, к сожалению, неизвестно). Он, будучи здесь учителем в школе, стал говорить о вере, и когда возбудил любопытство, и у него стали спрашивать подробней, отозвался неведением и попросил из Хакодате христ. книг, а из Мориока – проповедника. С ним же говорил о вере и возбуждал любопытство к дальнейшему изучению ее – Капитон Касивазаки (глухой), лакировщик, живший долго в Хакодате, крещенный там, и поселившийся в Ооцуцу. Из Мориока, по требованию Тосима, прислали Луку Исикава; это было 4 года тому назад. Из нынешних христиан больше всего слушавших учение у Луки Исикава. Потом некоторые время был здесь Яков Конги. Затем – Павел Эсасика, а во время его отлучки – Моисей Урусидо. Собором запрошлого года был назначен сюда Павел Минамото и пробыл здесь год. С прошлого года проповедует здесь Илья Накахара. Проповедь была у него в следующем порядке: пришедши сюда в прошлом году, занял для проповеди один дом, выгнали, другой – тоже выгнали. Затем он стал ходить с проповедью по частным домам и так продолжал до 4 месяца, когда ноогё и рёонгё (земледелие и рыболовство) отняли время у его слушателей. Теперь только по вечерам к нему в квайдо собираются дети, и он им объясняет Свящ. [Священное] Писание и Правосл. [Православное] Исполование.

Из 21 оглашенных, 15 приготовлены им, остальные слушали прежде у Минамото.

Каждую субботу после 7 часов – не определенно, а когда соберутся (!), и воскресенье в 10 час. бывает служба. В суб. собираются 17–25 чел., в воскресенье приходят только дети, набирается чел. до 16 с домашними в квайдо. После службы в суб. Илья объясняет Евангелие, в воскресенье не бывает никакой проповеди.

Поют 5 чел. детей — плохо, не имея никакого понятия о нотах, так что и здесь я советовал выбрать кого-нибудь и послать на некоторое время в Токио, в Пёвческую.

При Павле Эсасика христиане здесь были очень одушевлены, и так как негде было молиться, то вздумали построить церковный дом; купили дерева с горы на 3 ены, ибо продавалось весьма дешево дерево, негодное для делания маса; между христианами свои же плотники, сами работали. Прочие христиане помогали — кто чем мог, и таким образом в продолжение 30-ти дней построен был нынешний церк. дом; обошелся он всего в 40 ен.

44 кен 2 кен
сяку

В два этажа. Внизу помещается катихизатор, и в отдельной комнате семейство квайдо-мори, которым — вышеозначенный лакировщик Капитон; семейство же его состоит из жены и 5 детей. В верхнем этаже — мастерская Капитона, туда и лестницы нет, или ее отняли, а Капитон спускался, как кошка. В помещении катихизатора собираются для слушания проповеди, а равно для молитвы. Здание вообще очень бедненькое; над ним развевается небольшой белый лоскут холста с черным крестом посредине. Кусок земли под храм одолжил один из церк. старшин — Фома Синада. Помещается квайдо в неудобном месте, в стороне от большой улицы, за школой.

Церковного капитала есть 40 ен. Христиане в прошлом году, при Минамото, сложились и составили его. Теперь отдают его на проценты — одному язычнику. Процента получается 1 ена в месяц, каковая сумма и употребляется на масло и свечи для Церкви; недостающее на циновки, щиты и проч. раскладывается на христиан и взносится ими. Сицудзи 3. Один из них еще оглашенный (Иоанн Ито), и притом его и в городе нет, а находится он в Мориока, так как избран в народный совет.

Сицудзи здесь только по имени. Когда же нужно решать церк. дело, то они собирают христиан и вместе с ними судят и решают; сами же, без совета с христианами, ничего не предпринимают. Впрочем, Павел Тото[?] и Иоанн Ито теперь совсем о Церкви не заботятся, а только о своих делах. (Значит они избраны больше из лести, пот. ч. [потому что] люди сильные. Не должно быть это.) Впрочем, заботящиеся о Церкви есть другие, хотя и без имени сицудзи.

Из христиан 6 человек совсем, по-видимому, бросили учение — торговцы, ходящие с товарами по домам. Кроме них, 4 человека почти совсем в Церковь не приходят. «Прочие христиане», как объясняется Илья Накахара, «не так усердны, как в Ямада и Камаиси, не часто ходят в Церковь, но если дело есть — собираются».

К Ооцуцу принадлежит деревня Андо-мура, 17 чё, — 150 домов. Там 1 христианин, наученный Лукою Исикава и 4 оглашенных, слушавших учение от Ильи Накахара.

Гонений от язычества теперь нет. Когда остановились в хатагоя, Ст. [Стефан] Эсасика сходил за Ильєю, который тотчас же и пришел; собрались и христиане. Отправились в Церковь, где совершена была обедница и сказана проповедь — отчасти к язычникам, так как из школы пришли учителя, собралось и еще несколько язычников. Так как время проповеди затянулось, то Ст. Эсасика с лошадьми пришел к квайдо, и мы прямо отсюда отправились дальше в Камаиси: христиане проводили за город.

В 6 часов вечера прибыли в наход. [находящейся] за 3 ри от Ооцуцу Камаиси. Дорога пролегает чрез Тооя-зака — очень высокий хребет, впрочем, для всхода до того удобный, что на лошади без труда можно взобраться; спуск еще удобнее. Были в облаках и выше облаков, которые тянулись по ущельям хребта, обдавая холодом всегда, когда находили на нас. Но какой чудный вид с вершины горы на стелющееся внизу облако; ровная и такая мягкая и легкая масса; так и ждешь, что кто-нибудь чудный и дивный, явясь, станет шествовать по этой небесной долине, и каков он был бы — тот, кто достоин был бы и мог бы здесь шествовать! И птица, когда летит, то кажется тяжелою и недостойною виться над этою поверхностью. Жаль, что холод мешал мечтать и наслаждаться чудным видом.

Камаиси стоит также при заливе, с рейдом, на котором виднелось одно судно иностранной конструкции, японское торговое. В Камаиси домов 800, торговцы, рыбаки и рудокопы; дворян домов 10.

В $1\frac{1}{2}$ ри от города огромное заведение совершенно иностранной постройки, где плавится железо, добываемое из рудника близ Камаиси. Для доставки руды с рудника в плавильню построена железная дорога, которая в другой конец тянется до рейда, где, по построенной пристани, подводит вагоны к самым судам, давая удобство так. обр. [таким образом] нагрузки железа и выгрузки предметов нужных на заводе или руднике.

Христиан. домов в Камаиси больше 20. Христ. 48. Оглашенных 25. Еще есть новых слушателей 5–6. Но теперь в самом разгаре ловля сибиряков (иваси?) и акацо (акауо? кацуо), поэтому слушателям некогда собираться на катихизации.

Началась здесь проповедь от Стефана Ваинай. Он, будучи учителем в школе, говорил о христианстве и возбудил желание слушать учение, для удовлетворения которому и были здесь последовательно проповедники: Яков Конги, Лука Исикава, Стефан Нараяма, Иродион Яманобе, Илья Накахара и наконец опять Яков Конги, состоящий проповедником в Камаиси и теперь. Проповедь производится в квартире катихизатора и в домах желающих слушать.

Служба бывает каждую субботу и воскресенье. Собираются по субботам, когда свободное время, как с 12-го месяца до конца весны, человек 30, а осенью, когда купцам особенно недосуг, чел. 20. В воскресенье приходят всего 7–10 человек.

Есть 5–6 человек, которых в их домах язычники притесняют, или которые в приемыши вышли к язычникам, такие приходят в Церковь только в самые большие праздники, как в Пасху и Рождество, в прочее время не видны. Совсем бросивших учение или охладевших нет.

Для церков. дома нанимают дом у язычника; внизу живет квайдомори с семейством (Лука Курада, еще только оглашенный). Во втором этаже живет проповедник и собираются для молитвы.

За год крещено 4. К крещению приготовлено 3 и дети христиан. (Отчего же не все оглашенные? Хороши, должно быть, оглашенные, когда сам катихизатор находит их не готовыми к крещению!)

Христиане больше из торговцев и отчасти рыбаки.

Сицудзи 3: Павел Мацумура, Петр Ивама и Яков Ивама. Избраны однажды. Собираются когда дело.

Церковный доход состоит из пожертвований юуси (желающих), по собственному определению — сколько. Собирается обыкновенно 2 сны в месяц. Казначеем избран Петр Сиракава. Он за эти деньги нанимает церков. дом; недостающее на церков. расходы — на свечи, масло, уголь и проч. — собирается с христиан особо.

По нравам Камаиси — место довольно распущенное. В доказательство этого Конги рассказывал, что он, часто бывая у Павла Мацумура, жена которого — бывшая дзёоро (??), встречается у него со многими богатыми язычниками, которые все — слушая учение — находят его прекрасным, но принять его мешает им то, что у них наложницы, или что любят разгульную жизнь.

Свидетельством распущенности нравов в Камаиси может служить и следующее: квайдомори поставлен оглашенный — Лука Курада; жена его из бывших дзёоро; оба они оглашенные. У Луки есть младший брат; у его жены от первого мужа дочь; и хочется очень Луке перевенчать своего брата на своей падчерице. Жена его не желает этого брака; брак этот даже и по японским гражданским законам не позволителен. О. Иоанн убеждал Луку оставить его намерение. Но все тщетно. Обручены молодые еще будучи в язычестве; сделавшись христианами, они никак не могут бракосочетаться, если хотят остаться христианами. Но Лука упорно держится своего намерения. Я хотел говорить с ним; но ни его, ни младшего брата его в Камаиси в это время не было. Жена очень хочет креститься. Я наказывал ей чрез одного христианина, чтобы она прежде чем будет крещена показала, что уважает христ. закон и решительно не позволила своей дочери вступить в незаконный брак, а отдала бы ее за другого. Хороши и христиане, которые такого человека, как Лука, держат в церковном доме как квайдомори!

К Церкви в Камаиси принадлежат: Рёоиси-мура, в 1 ¹/₂ ри не доезжая Камаиси со стороны Ооцуцу, — 50 дом. все вместе. Павел Сато, из Магоме, сын Моисея Сато (в доме которого тамошняя Церковь) и двоюродный брат Петра Сато (старшего брата Иоанна Кон), будучи там учителем школы, объясняет там христ. учение, а также бывает там и Конги; теперь в Рёоиси 5 оглашенных и 7–8 приготовленных Павлом Сато к принятию оглашения. Тооно-мура, ри 4 проехавши Камаиси, — тотчас деревней тоже большой Кодзирабама (3 ри 17 чё от Камаиси). В Тооно дом. 300. Христиан там еще нет; но один христианин из Ямада, Иоанн Нумазаки, бывая в этой деревне с товарами, возбудил у некоторых интерес к слушанию учения (он везде, хотя с товарами, проповедует). Тооно деревня поражает благосостоянием своих жителей: дома наполовину очень чистые и богатые; говорят, это оттого, что рыболовство здесь еще удобнее, чем в Камаиси.

По словам Якова Конги, в Камаиси один проповедник решительно необходим, и Собор должен назначить.

Означенные сведения о Церкви сообщил мне Яков Конги в Мориока, куда прибыл еще до меня.

Будучи в Камаиси, спрашивал у сицудзи о нуждах Церкви, и Павел Мацумура объяснил, что, по его мнению, проповедник Камаиси и на Собор не должен быть отпускаем, что ему и на неделю нельзя оставить свой пост, так как без него и обществ. [общественная] молитва расстроивается, и христиане ослабевают. Сетует он на то, что ежегодно три месяца проповедника не бывает: с 6-го месяца он отправляется в Мориока — на местный церковный совет, потом — в Тоокёо на Собор, и затем едва в 9-м месяце приходит. Обещано об этом сказать на Соборе и по возможности исправить на будущее время этот беспорядок. В Мориока, за исключением каких-нибудь особенных случаев, катихизаторам вовсе лишне собираться; посоветоваться между собою они могут прибывши на Собор в Тоокёо, при чем каждый из них будет иметь при себе и мнение своей Церкви или ему прямо высказанное и доверенное, или порученное представителю Церкви.

Католиков в Камаиси 7–8 человек. Есть их проповедник здесь. Иностраный проповедник Римарися (?) иногда приходит. В прошлом году в Камаиси один из слушавших учение у Ильи Накахара ушел от него к католикам (каким-то образом — чтобы избежать домашнего гонения за веру) и сделался у них зерном их общества здесь; он хлопочет привлекать к ним и других. Еще у них хлопочет один врач, человек несомненно хороший, которого о. Иоанн Сакай прогнал, так как дальше пустых разговоров (чабанаси) никогда не шел. Воспитанник этого доктора — православный. Проповедь у католиков есть, но не видно особенного успеха.

В видах успехов Церкви, Яков Конги возлагает еще надежды на следующее обстоятельство (едва ли надежды основательны!). Павел Мацумура хлопочет для Кикиуци, богача; а бантоо Кикиуци — Фурутаче (из Тооно)

нашел в Тоокёо Петра Мацумото для услуг Кикици; с Кикици же в основании образовалось общество для выделки йода из морской капусты. Все, участвующие в обществе, говорят о вере и близки к Церкви.

Прибывши в Камаиси, воспользовался остатком дня, чтобы осмотреть город. Несколько домов высматривают щеголевато; в одном из таких мы остановились, — в хатагоя, прочее все — линия по обе стороны обычных японских зданий, захоластьем выглядывающих. По выходе из города — направо — как-то особенно приветливо выглядывают признаки европ. [европейской] цивилизации — вдали виднеющиеся здания железоплавильного заведения и линия железной дороги.

Побывали у сицудзи — живут бедно, а Павел Мацумура — очень бедно и грязно; икону, говорит, отдал в обделку — раму сделать, врет, очевидно, забросил, верно, среди своего хлама.

Когда стемнело пошли в церк. дом, отслужили вечерню, после которой еще я крест давал целовать, как застучали трубки; тоже было и в Ооцуцу. Я без церемонии велел как там, так и здесь табако-бонь удалить, и внушил, что в месте молитвы и в месте проповеди курение трубки решительно не должно быть допускаемо. Мацумура возразил, что это язычники; я сказал, что язычники, придя сюда, должны быть также приличны, как и мы сами, а если не хотят, то могут не приходить. Сказал проповедь. После нее стали говорить о нуждах здешней Церкви; советовал христианам послать кого-нибудь для изучения пения в Тоокёо, так как поют ужасно. Я должен был остановить всю многочисленную ораву дерущих зря глотку и оставить только двоих, которые хотя тоже зря пели, но не так раздирательно выходило (и замечательно, что тетрадь нот почти в клочки изорвана). Советовал встряхнуться, оживиться и построить квайдо — могут-де. А Мацумура, после всех моих речей, стал приговариваться к тому, чтобы им давать на свечи, масло и уголь для моленной (тем более что так беспутно жгут, в этот же вечер на очаге в моленной — груда угля, от которой чад столбом, так что принужден был сказать среди проповеди, чтобы окна раскрыли). Словом, по всему видно, мои речи таким христианам — к стене горох. Кончивши все, вернулся в гостиницу на ночлег.

11 / 23 июня 1881. Четверг.

В Сакари-мура

Все утро испортил мерзейшим впечатлением этот негодный сицудзи, Павел Мацумура. Опять стал приставать, что им нужно на церковные расходы, на масло, уголь и т. п. Я сказал, чтобы тратили — сколько могут; вместо трех ламп и нескольких свечей вчера в Церкви могла все освещать одна лампа или свеча, угля вчера могло не быть совсем; он все-таки приставал, пока я, чтобы не вспылить и не выругать его — что ни к чему

бы не послужило — замолчал. Едва ли будет прок из этого человека; просто, кажется, ему хочется хоть откуда-нибудь, хоть какую-нибудь сумму заполучить; а там бы он ей протер[?] [нрзб.], Господь его знает; но я почувствовал отвращение к этому человеку. Дай Бог, чтобы я ошибся.

Забыл вчера записать. Во время проповеди является Капитон — из Ооцуцу; после объясняет мне, что пришел поговорить со мной о деле, которое состоит в следующем: квайдо в Ооцуцу и тесен, и неудобен; а продает один язычник дом за 300 ен, так не дам ли я эти 300 ен — Церкви в Ооцуцу — чрез него, Капитона, а он ручается, что этот долг будет выплачен мне в 10 лет, по 30 ен в год. Но я ответил, что в долг не даю, помочь же рад чем могу; обещаю дать от себя $\frac{2}{10}$ суммы, т. е. 60 ен; пусть христиане соберут от себя $\frac{8}{10}$.

Вид гор, когда утром выехали из Камаиси, рассеял тяжелое впечатление от Мацумура. Особенно красиво видеть зарождение облака, как тонкою свежую струею тянется из залива в долину легкий пар, чтобы потом сгустившись стать сначала ватообразной массой, а затем свинцовой тучей.

Дорога от Камаиси до Кодзирабама (3 ри 17 чёо) все горная. (Пренеприятно ехать с пустым желудком и недоспавши — на ужаснейшем седле, чрез горные перевалы!). Кодзирабама на берегу моря; видел здесь, как срезали хрящи с костей акулы. Позаетракали рисом. От Кодзирабама, проехавши Тооно-мура, перевалили чрез Оокандай — огромный горный кряж; немного менее Тооя-заки и пришли в Иосисама-мура, немного удаленную от моря; 2 ри от Кодзирабама. Отсюда, проехавши 4 ри 2 чё, прибыли в Сакари-мура, где и остановились ночевать, так как до следующей станции засветло никак нельзя было добраться. Всего за этот день проехали [1 нрзб.] 10 ри. Грузовая японская лошадь идет очень медленно, обыкновенно 1 ри в 1 час, тогда как пешком мы шли $1\frac{1}{2}$ ри в 1 час, а дзинрикия идут 2 ри в 1 час. Ночлег в Сакари был очень спокойный; кроме того, сходили здесь в ванну. Сакари — селение большое, должно быть не меньше сотни домов. Следовало бы поставить проповедника и в этих местах.

12 / 24 июня 1881. Пятница.

В Оохафа

Выехали в 5 с половиной часов утра. До Сакари тянется от моря узкий залив полосой — наподобие реки, верст 7 длиной.

Множество в этих местах фазанов с разных сторон из чащи кричащих своим двукратным горловым, несколько хриплым, дискантом. Тетерев [? ходо] турлычет из лесу, горлицы воркуют на высоких соснах, мелкой птахи, беспрестанно кричащей, бездна.

От Сакари до Таката 4 ри 4 чё; дорога ровная и оч. [очень] хорошая; только один небольшой склон, все еще при море.

Таката небольшой город, д. б. [должно быть], домов 300. Стоило бы иметь и здесь проповедника.

От Таката до Втамата 3 ри. Прибыли сюда в 12 часов. Пекло сильно. Кува (?) везде без листьев. В домах везде все полно шелков. [шелковичных] червей, почти совсем готовых для делания кокона. От того что все занято червями, насилу нашли в Втамата комнату присесть и кое-что поесть. (Пред Втамата довольно замечательна огромнейшая скала, покрытая наверху и отчасти по бокам соснами.)

В Втамата с трудом также нашли лошадей, чтобы отправиться дальше. До Оохара от Втамата 3 ри 22 чё. Приехали в Оохара в 5 часов с четвертью. В гостиницу не пустили, полна червей. В цуунквайся дали довольно грязную комнату наверху; прочее все также полно шелк. червей. Проехали сегодня 10 ри 25 чё. Итак, всего от Камаиси до Оохара: 20 ри 9 чё. Времени езды, если на лошади верхом, нужно полагать 20 часов. Лошадь везде достать можно, чему доказательством служит, что и в это горячее и для ёосан и для ноогё время мы постоянно ехали, а не шли пешком.

Оохара — город с 300 домов. Вокруг города рассеянного мура также около 300 домов.

Христиан. домов в Оохара 19.

Христиан 22 чел. Кроме того, здесь крещены 2 чел., принадлежащие к Усугину-мура, 6 ри отсюда.

Учение началось здесь чрез Петра Сайки, который в первый раз, кажется, от Павла Окамура слышал о нем. Потом здесь проповедывали: Павел Окамура, Иов Мидзуяма, Петр Обара и Варнава Имамура. О. Тимофей Хариу крестил здесь первых христиан, потом крестил о. Матфей Кангета.

Сицудзи и севанин здешней Церкви один — Петр Сайки; он и учение объясняет, и общественную молитву в его же доме совершает. Служба бывает в субботу и воскресенье с сумерек, раньше по делам не могут собираться; приходят 7–8 человек. Службу читает Петр Сайки или Илья Накагава (юноша 19 лет, учитель местной школы, сын местного торговца, объяснявший мне излагаемое состояние Церкви). После службы и проповедь бывает — Сайки говорит. Петр Сайки здесь учителем в школе. Но он выбран в народный гиин, по какому случаю теперь находится в Мориока, где я его видел. В Оохара, как видно по всему, он очень уважаем.

Здесь, в Хигасияма, науку, как видно, действительно любят крестьяне и торговцы. В Оохара сизоку нет, а между тем здесь из одних христиан только 4 учителя в школе, и все местные люди, за исключением Иоанна Мацумото, тоже родом, однако, из ближней местности.

Пока Илья Накагава объяснял мне все вышеозначенное, пришли два полицейские: Ёсита Тенто, служивший прежде два года в Ямада и там от Нараяма изучивший хр. учение так хорошо, что может быть крещен — чего он, по-видимому, не желает, родом он из Мидзусава; другой — Мацумото Сингоку, родом из Мориока. Полицейских всего трое на всю эту местность, и тем делать нечего, так народ ведет себя хорошо; только и есть дела, что по затруднениям в уплате долгов.

Все вместе отправились в дом Сайки, уже когда стемнело. Илья уверял, что соберутся христиане. Отправились, чтобы отслужить вечернюю и сказать проповедь. То и другое сделали. Но за исключением семейства Сайки и нас пришедших, [2 нрзб.] числе, почти никого не было. Народу, действительно, теперь некогда; и здесь, как везде, для земледельцев и разводителей шелков. червей вместе свободное время для слушания проповеди с 10-го месяца, когда уберутся с полей до начала 3-го, когда поля начинают готовить под посев. Только нужно иметь в виду, что здесь, в Хигасияма, все производится дней на 20 раньше, чем в Мидзусава и вообще на той линии.

13 / 25 июня 1881. Суббота.

В Фудзисава

Выехали из Оохара утром в 6 с половиной часов в сопровождении шедшего пешком учителя Согейской школы, одного молодого христианина, каждый день совершающего это путешествие к месту своей службы и обратно.

К Церкви Оохара принадлежит селение Орикабе, 3 ри от Оохара и 2 ри от Согей-мура. В Орикабе до 100 домов, все земледельцы. Домов 70 вместе, прочие разбросаны. 2 христианина, оба хозяины домов; учение слушали от Павла Окамура; иногда приходят в Церковь в Оохара.

Дорогу в Орикабе мы оставили слева и проехали прямо в Согей-мура, 1 ри от Оохара.

Согей-мура — с 90 домами, разбросанными в ущельях и долинах среди холмов. В 3-х чё от дороги в Окутама находится дом старика Авраама Яманоуци, сын которого, Яков Яманоуци, учился в катих. [катихизаторской] школе и служил до последнего времени катихизатором; теперь же в военной службе — в Сендае (не теряет благочестия, что видно в письмах домой). Вместе с домом Авраама Яманоуци подряд почти стоят еще 7 домов; один из них тоже христианский. Старику Аврааму уже 67 лет; жена его старуха Анна; старший сын — Иов — болен ногой, так что едва может ходить; жена его Мария; всех в семье 7 человек христиан.

Здесь же, в доме Авраама, собираются для молитвы по субботам и воскресеньям; собираются, кроме домашних Яманоуци, человек 7–8. Всех же крещено в Согей 32–33 человека. Учение в Согей пришло из

Окутама, от Павла Окамура. Роокей Авраам Яманоуци и его сын утверждают, что один проповедник решительно необходим для этой местности, т. е. для Согей, Окутама, Оохара, Орикабе. (В молитвенной комнате в доме Авр. Яманоуци видел золотую набивку — японскую — наподобие той, что делают в Новодевичьем монастыре, в С.-Пбурге, — на аналое; иконы в молельне — простые, комнатные.)

В Согей крестьяне также любят науку. Примеры — Яков Яманоуци, сын крестьянина; и ученики, поступающие отсюда в другие школы; так один ученик — христианин — теперь в Сендае, в китайской школе, и там прилежно также ходит в Церковь.

В полчаса побывши в доме Авраама Яманоуци, кстати сказать, большим, и по-видимому, из богатых в селении — отправились дальше в Окутама. Старик Авраам и учитель, приехавший из Оохара, проводили по проселочным тропинкам до дороги в Окутама, до которого от Согеймура 1 ри 8 чё. Окутама-мура, от Оохара 2 ри 8 чё. Разделяется на Ками-Окутама, Нака-Окутама и Симо-Окутама, составляющих одну мура (волость). Внутри Окутама находится Кавара-мацци, в котором домов 10 подряд вместе с прекраснейшим домом хатагоя, при котором крупнейшее дерево Сики. Окутама хотя менее разбросана, чем Согей, однако же подряд вместе более чем по 10 домов нет.

Домов в Окутама 450. Земледельцы, за исключением вышеозначенного небольшого города, где земледельцы и вместе торговцы. Христиан домов 16.

Христиан больше 60. Из них только в доме Авраама Кон 12. Все христиане налицо в Окутама. Кроме того, здесь принимали крещение люди из других мест: 2 из Орикабе, 2 из Теразава, так что всех крещенных в Окутама 70 человек.

Вошло в Окутама учение следующим образом. Петр Сатоо (сын Авраама Кон, вышедший приемшем в дом Сато в Магоме — бывший в катихиз. школе и теперь состоящий катихизатором) пять лет тому назад, будучи в Сендае, слушал здесь учение от католиков, уверовал во Христа, получил крест, но не сделался еще католиком. Вслед за тем ему случилось быть в Сендайской же провинции в тоодзиба (на водах, по поводу болезни его приемной матери); как раз в это же время был здесь для поправления здоровья Иоанн Сакай; последний увидел у Сато крест; а Сато заметил в Сакае тоже не совсем обыкновенного человека. Познакомились, и Сато там же принял от Сакая оглашение. Возвратившись с вод, Петр Сато отправился в Санума для подробнейшего изучения христианства, прожил здесь 50 дней и там же был крещен о. Анатолием. Так как у него возгорелось желание ввести христианство в родной свой дом, то он написал к отцу — нынешнему Аврааму — письмо, прося у него на время помещение для себя, или, если сам не придет, для Тимофея Хариу. Хариу действительно пришел в Окутама, был принят

отцом Сато, стал проповедывать здесь и обратил Авраама и весь дом его в христианство.

В то время, когда здесь был Тимофей Хариу, прислан был также для этих мест Павел Окамура; он учил в Согей и Оохара. Хариу же из Окутама ходил в город Кесеннума — домов 1000 (нравы развращенные, и буддизм силен) на берегу моря, в 6 ¹/₂ ри от Окутама, а там тоже плод его проповеди был, именно: 8 человек, слушавших учение от Хариу и от после его бывшего там Окамура, приняли оглашение; но так как после того не было в Кесеннума проповедника, то и неизвестно, что там эти оглашенные делают; впрочем, после еще оттуда один был в Окутама, чтобы принять оглашение. Там же Иоанн Ендо, доктором (родом из Иокояма и крещенный в Иокояма). Итак нужно и в Кесеннума послать кого-нибудь.

Хариу был в Окутама в промежуток между двукратным путешествием в Россию для принятия Священства.

При Хариу же пришел в Окутама о. Павел Савабе и преподавал крещение первым крестившимся здесь — старику Кон — нынешнему Аврааму и всему его дому, как-то: старшему сыну Давиду, младшему — Иоанну (бывшему в катихиз. школе), матери их и проч.

Вместе с о. Павлом прибыл сюда проповедником Павел Сано, так как Тимофею Хариу нужно было отправиться отсюда. Потом, в запрошлом году, был здесь проповедником Петр Обара: в прошлом году — Варнава Имамуре, присланный вновь сюда в последнее время о. Матфеем. (В последнее время он был в этих местах всего 48 дней до своего отправления нынешним утром на Собор в Тоокёо. Я не застал его несколькими часами; прислан был сюда о. Матфеем, по настоятельной просьбе Авраама Кон дать проповедника для этих мест.).

В Окутама Варнава имел проповедь только по субботам и воскресеньям после богослужения. Кроме того, будучи в Окутама, объяснял вероучение Малахии Кванно, здешнему уроженцу, и Петру Кумагай, из Орикабе, крещенному в Хараномаци, в Сендае — готовящимся в катихиз. школу. Затем, каждую неделю Варнава обходил Орикабе, Мацукава и друг. места.

В Окутама новых слушателей нет; но Авраам уверяет, что спустя немного, должно быть, с досугом, опять будут новые слушатели.

В Орикабе новых слушателей было 5–6, но теперь за недосугом от ёосан и ноодзи и они перестали слушать. Авраам между прочим хвалит прилежание Варнавы — дай, Бог, чтобы похвала была совершенно справедлива! О. Матфей иначе отзывается. Богослужение в субботу и воскресенье всегда бывает. В субботу с сумерек, в воскресенье между 10 и 12 часами. Собираются теперь человек 10–12, ибо недосужно, а обыкновенно приходят человек 20 (из 60 христиан — весьма мало!). В субботу собираются больше, чем в воскресенье. После богослужения Варнава объясняет Апостол или Евангелие.

Поют 3-е: Иоанн Кон и 2 девочки, учившиеся пению от Василия Такеда. Девочки поют хорошо, Кон же до того дурно, что во время богослужения я должен был попросить его перестать петь и удовольствоваться одним чтением; читает же он хорошо. Скоро у них пение будет в более исправном виде, когда вернется из певческой школы Андрей Абе, родом из этой деревни, племянник и воспитанник Авраама Кон, им же и посланный учиться пению.

Церковь в доме Авраама Кон: комната разделена надвое, чтобы отделить алтарь, в который ведут Царские врата и Северные и Южные двери — первые с зеленым вырезным крестом, довольно оригинальным, вторые с черными крестами; икон на иконостасе, цар. вратах и дверях нет; в алтаре — престол и жертвенник; аналои и столики все есть. Иконы: за престолом — большая — моление в Гефсим. [Гефсиманском] саду, литография, и 2 — небольших комнатных — в алтаре же; больше в Церкви — никаких икон; на престоле деревянный безобразный трехсвещник. Иконостасную перегородку (весьма неуклюжую, делающую вход в алтарь похожим на вход в кладовую), потолок в церк. комнате, кресты везде, в том числе на немалом числе фонарей, висящих здесь же в Церкви, — делали все своими руками Петр Сатоо и Авраам Кон.

Церковь снабжена из Миссии полным прибором утвари для совершения литургии — медным позолоченным; нет ковшечка; нет также кадила. Снабжена также священническим облачением (старым), но подризника недостает.

Обещано прислать: икон для Церкви, одно полное священническое облачение, кадило и, если найдется — трехсвещник.

Сицудзи 2: Авраам Кон и Давид Циба. Прежде были еще сицудзи: Илия Сисидо и Иосиф Онотера, но они захотели служить полицейскими. Я видел их в Мориока; на место их избран Давид Циба.

Церковный приход. Для зарабатывания денег для Церкви, в прошлом году построили здесь водяную мельницу на 5 толкачей обталкивать рис. Дерево для этой мельницы доставило буддийское капище, принадлежавшее Аврааму и стоявшее на его земле; кроме того, христиане собрали с себя на производство постройки 100 ен. С прошлого года мельница работает и теперь выработанных денег уже около 30 ен; часть их отдана под проценты в долг, часть употреблена на лотерею (мудзин; при объяснении этого, я говорил, что не сообразно с достоинством Церкви рассчитывать на случайный доход с лотереи, что нужды Церкви должны быть радостно удовлетворяемы свободным приношением христиан). Мельница может доставить в год, за всеми расходами на ремонт и проч., 30 ен. Деньги эти будут собираемы на построение здесь храма.

В кружку, хотя она и сделана, не попадает ни копейки.

Расходы на Церковь все почти удовлетворяются самим Авраамом Кон; христиане почти не жертвуют. Еще не заведен порядок того. И тензей на главный стан (3 сен и 5 сен) начали собирать только с прошлого года.

Церковными деньгами заведует Давид Циба, в качестве избранного от христиан кайкей-ката. Церкви в Оохара, Согей, Орикабе и Окутама составляют собственно одну Церковь — Сейбоквай. Центральное место ее в Окутама, так как здесь первоначально и христианство водворилось и отсюда перешло в другие места. Кроме означенных селений, есть начатки Церкви еще в следующих:

1. Мацукава, 2 $1/2$ ри от Окутама, дом. 100. Там один дом — весь христианский, и притом очень ревностный; это — дом младшего брата Иоанна Сасаки, что в Исиномаки.

2. Теразава, меньше 1 ри от Окутама, 150 дом. (собственно, в Теразава 3[?] деревни). Там 1 христианин и 1 оглашенный.

3. Фудзисава, 3 ри от Окутама, 120 дом. Христианин 1, принял крещение в Цуягава от о. Тимофея Хариу. Потом из Окутама в Фудзисава послан был проповедник и имел 12–13 слушателей; но проповедник не мог остаться там долго, и слушатели остались без научения.

Примеч.: Цуягава — город, 5 ри от Окутама, дом. 50. Там же еще христ. [христианин] Петр Онотера и вообще человек 5 христиан.

Примеч.: Ооинукавара 150 дом, от Окутама 6 $1/2$ ри, от Магоме 2 $1/2$ ри. Туда выдана замуж родственница Авраама Евдокия; муж ее желает слушать учение, и там должна возникнуть Церковь.

На нынешнем Соборе отсюда не будет представителя; но просят непременно катихизатора для этих мест и желают именно Варнаву Имамура, по словам Авраама и его сына Иоанна, «нессиннисите кёкей-о севасуру-моно-о». Обещал об этом сказать на Соборе.

Авраам Кон, в прошлом году, за погребение Елены, жены его сына Давида, по христиан. обычаю, потерпел гонение от бонз; но зато теперь они совершенно оставили его в покое, он же публично отказался от буддизма. Гонений на христианство вообще в этих местах в настоящее время нет.

Во всех этих местах нет ни одного сизоку, все крестьяне; но замечательно, как любят образование! И живут также весьма достаточно. Я осматривал дом и все заведение Авраама Кон, настоящий помещик средней руки: здания на широкую руку, с амбарами, кладовыми, сараями, хлевами; есть даже здание для курения вина, которое, если курит, то выкуривает 6 огромнейших чанов. Поля в отличном состоянии. В настоящее время еще дом полон шелковичным червем. Словом, можно подивиться зажиточности и порядку, хотя, говорят, дом значительно упал от дурного поведения Авраамова старшего сына Давида — множество долгов было сделано, которые истощили дом (это было в язычестве Давида; теперь он ведет себя хорошо).

Один сын Авраама, где-то состоящий на службе, — католик; надеется сделать его православным, когда он придет домой на каникулы в нынешнем году.

В Окутама отслужена была обедница, сказана проповедь.— Авраам Кон рассказал о состоянии Церкви, угостил обедом, показал свое хозяйство, после чего отправились дальше.

В 1 ри от Окутама проезжали город Семмая, домов 180. Отсюда родом Сираиси, бывший некогда в катих. школе, лентяй и с низким характером, ушедший из школы не сказавшись. Здесь он также живет празднично. А хорошо бы и в Семмая начать проповедь.

На ночлег остановились в Фудзисава, от Окутама 3 ри. Насилу нашли комнату в одном постоялом (хатагоя), и в ту можно было войти только по высокой, снаружи приставленной жидкой лестнице, так как комната во 2-м этаже, по лестнице же снизу в дом нельзя взобраться, так все наполнено везде шелков. червями, которые именно теперь занимают больше всего места, так как время делания коконов.— Взобрались, расположились. Я думал, здесь, по крайней мере, та выгода, что никто не потревожит. Как бы не так! Едва расположился писать дневник, как поднимаются на лестницу два кейтея из Окутама — Василий и Иов Ивabuци; они не застали меня в доме Авраама в Окутама, поэтому поспешили сюда, чтобы принять благословение. Долго сидели они, так что и ужином пришлось угостить их. Лишь только ушли они, как пришел некто Саеима[?] — полицейский — познакомиться и поговорить. Наконец, около полуночи легли мы спать. Но лишь только заснули, как будят: пришел еще кейтей и требует свидания — это Малахия Конно, готовящийся в катихизатор. школу и живущий у Авраама в Окутама; он был в отлучке, когда я был там, и теперь явился, чтобы доставить мне удовольствие не лечь спать без его лицезрения. Я, впрочем, отказался от сего удовольствия, сказав без церемоний, что завтра увижусь, теперь же спать до смерти хочется.

14 / 26 июня 1881. Воскресенье.

В Сидзугава

Утром познакомился с Малахией и угостил его завтраком. Действительно, как отзывался Авраам, не хитрый человек. Лицо уж больно не умное, речь тоже. Впрочем, Господь знает, может, из него выйдет и хороший служитель Церкви! В катихиз. школу, как видно, он очень хочет попасть. Обещался сказать о. Матфею, чтобы испытал его, и если найдет годным, прислал в катих. школу.

Когда собрались в дорогу, оказалось, что Малахия и единственный христианин Фудзисава Павел — тоже с нами — пешком (тогда как мы с Эсасика верхами — на вьючных седлах, разумеется) провожают нас; я стал было отказываться от такого труда их, но Малахия прямо объявил, что ему так велел Авраам; против этого нельзя было возражать, черта повиновения, как видно, развита у Малахии, и ее портить было бы грех

и вред; Павел же сказал, что у него, кстати, есть дело в Магоме, и против этого нечего было сказать. Уезжая из Фудзисава, видели рынок, на котором больше всего в продаже листа туловицы, которым торгуют подгородные крестьяне, продавая его в городе для людей, которые разводят шелков. червей, а своих деревьев не имеют. Продают туловицкий лист: 5 кванме за 1 ену; дорогой догоняли крестьян, уже продавших товар и возвращавшихся домой; у одного спросили «За сколько продал?» — «За 1 1/2 ены», был ответ. Ноша листа — за столько, нельзя не назвать промышленность выгодною. Вместе с тем выгодно и покупателям. Иначе — каждый из них должен бы иметь свою туловицу, ухаживать за нею, да наконец нанимать людей рвать лист, если червей воспитывается не очень немного.

Часов в 10 прибыли в Магоме, 4 ри 8 чё от Фудзисава и 5 ри от Иокояма, от моря 1 1/2 ри.

В Магоме домов 96, разбросанных; есть в нем и город (маци). Мы прибыли в Хигаси Магоме, в дом Моисея Сатоо, где молитвенная комната для собраний христиан.

Христ. домов в Магоме 7.

Христиан 17. Оглашенный 1 (младенец Петра Сато). Христиане все — земледельцы, как все вообще обитатели Магоме.

От Петра Сато в Магоме началось христианство. Он призвал Тимофея Хариу проповедывать здесь; потом учил здесь Павел Окамура. Теперь сам Петр Сато занимается здесь проповедью.

Проповедь у него, по его словам, постоянно ведется, исключая этого времени, когда совсем некогда, от ёсан.

Молитва бывает только в субботу; собираются после сумерек. В воскресенье никто не приходит. В моельне иконы маленькие, но хорошо украшенные рамками (почти все собственнор. [собственноручной] работы Петра Сато). Во время службы один поет; я не слышал его пения, так как он в отлучке сегодня. В субботу, после службы, Петр Сато говорит проповедь.

Кроме того, у него в городе (в котором 40 домов, стоящих вместе) производится проповедь по средам, вечером, в доме Андрея Миура; бывает немного и новых слушателей, но уверовавших еще не видно.

Успеха проповеди здесь нет потому, как утверждает Петр Сато, что «тайкотадаку сюси» (Хокке) очень здесь сильна; народ привержен к Хокке, и верующие Хокке заключают между собою ренгоо (союзы) не слушать христианство и не принимать его. Впрочем, открыто христ. [христиан] не гонят. Мне кажется, не Хокке виновато в малоуспешности, а то, что проповедник плохой.

Сицудзи 3: Моисей Сато, в дом которого мы приехали, где молитв. [молитвенная] комната, сын его Павел Сато — тот самый, который служил учителем в Рёоиси, проповедует там христианство, и Андрей Миура.

Для приобретения церковного капитала здесь есть тоже «мудзин» (или иначе называющееся «таномоси»), т. е. христиане собрали с себя 8 ен и на имя одного из них взяли билет в лотерею у язычников, здесь же, в Магоме; если вынется билет, то для Церкви будет выиграно 200 ен; а не вынется, 2 ены ни в каком случае не пропадут.

Отслужили обедницу, при чем оказалось, что Петр Сато решительно не знаком с богослужебной книжкой, что не знает на память Символ Веры, да едва ли знает и «Отче наш»; по крайней мере, когда нужно было читать Молитву Господню, он долго рылся и, не находя ее, никак не решался читать ее на память, хотя я говорил ему, чтобы он читал; уже Ст. Эсасика прочел наизусть.

Советовал прислать кого-нибудь для изучения пения и порядка богослужения в Певческой на Суругадай.

Из окрестных селений, в деревне Оокаго, 1 ¹/₂ ри от Магоме, 130 домов, рассеянных, желают слушать христианское учение; Петр Сато намерен пойти туда для проповеди, по окончании «ёосан».

Петр Сато просит сделать его «местным» катихизатором (доцкя денкёося, как, наприм., Никанор Мураками в Такасимицзу). Сицудзи же просят назначить его в таком случае для Магоме проповедником. Сказал, чтобы Петр Сато написал о своем желании, для прочтения на Соборе, а сицудзи чтобы написали от себя просьбу о назначении его проповедником для Магоме.

Лучший здесь в смысле христиан. [христианства] дом, кажется, Моисея Сато, где 7 человек христиан, и он сам, кажется, благочестивый человек, сын же его доказал свое благочестие тем, что, не имея назначения проповедывать, тем не менее распространяет христианство. У Петра же Сато его приемный отец до сих пор был враг христианства; теперь только, по заявлению Петра, он кажется переменявшимся в расположении и начинает мало-помалу узнавать учение. Живет Моисей Сато, как мы видели, зажиточно; дом же Петра Сато — в 10 раз богаче; владеет вообще 10-ю частью земли во всем селении; кроме того, занимается в широких размерах разведением шелков. червя; у Моисея Сато мы видели до 600 круглых коробов с червями, у Петра же Сато их 1000.

Петр Сато просил большую икону для молельни и крестик для своего ребенка; обещано прислать чрез имеющего быть на Соборе представителя Кенъейквай.

Во 2-м часу отправились дальше. Достигши Сидзугава, 4 ри от Магоме и 3 ¹/₂ ри от Иокояма (эти при море, с 200 домов), заночевали. Погода пасмурная, холод нестерпимый, кроме того головная боль до одурения.

15 / 27 июня 1881. Понедельник.

В Иокояма

Иокояма — мура, а в ней мац. Домов всех 240. Земледельцы и отчасти торговцы.

Крещенных в Иокояма 20, из них 14 христиан здешних, прочие — из других мест. Христианских домов 6. Оглашенных 13 чел., из которых 10 — мастерицы из шелкоразматывательного заведения.

В Иокояма давно делались попытки водворить христианство; так здесь был несколько лет тому назад, с проповедью Иоанн Отокозава, были и еще кое-кто, но тщетно, успеха никакого не было. Христианство же началось здесь с 10-го месяца запрошлого 1879 года благодаря следующему обстоятельству. Санумское общество «Кооцуся» построило в Иокояма шелкоразматывательное заведение, привлекиши к участию в своих делах чел. 6–7 местных богатых людей. Эти люди, часто бывая в Санума, видели там богослужение, слушали проповедь, все это им понравилось, и они решили, что и в Иокояма нужно проповедника. Прислали им Савву Кимура, в 10 месяце 1879 г., и он проповедывал здесь 3 месяца. Когда ему нужно было вернуться домой, пришел на его место Никита Мори, из Ициносеки, но о. Матфей Кангета скоро же нашел, что Мори еще нужней на своем месте в Ициносеки; поэтому он вернулся туда, а на его место прислан был Павел Исии. Он прибыл в Иокояма в апреле 1880 г. Но в самый же день его прихода Общество «Кооцу[у]ся» лопнуло, и слушатели рассеялись, ибо, по неразумию, приняли Церковь за Общество и подумали, что Церковь разрушилась. Некоторые, впрочем, почуствовавшие интерес в христианстве, продолжали неизменно слушать.

Первое крещение в Иокояма о. Матфей совершил в 1879 г., в 12-м месяце; окрещено было 16 человек. Еще 2-е приняли крещение в Санума; наконец, в 4-м месяце текущего 1881 г. еще окрещено 2 человека.

Павел Исии здесь неизменно состоял проповедником с 4-го месяца прошлого 1880 г.

Когда позвали сюда проповедника и прибыл Кимура, тогда поместили его было в училищном здании; но люди неприязненные к христ. скоро выжили его оттуда под предлогом, что школа — здание народное, а народ построил ее не для христиан. проповедника. Кимура поместился на квартире, но его выжили и оттуда. Тогда один из участвовавших в Кооцуся, Сайдзё дал ему помещение у себя в доме. Здесь и до сих пор помещается катихизатор, производит здесь катихизации и совершает обществ. [общественную] молитву. Старик Сайдзё еще не сделался христианином, но слушает учение, заботится о Церкви, и всегда удерживает у себя катихизатора. Дочь же Сайдзё и ее муж — приемыш к ней — христиане: Илия и Марфа.

Проповедь обыкновенно бывает каждый вечер — у катихизатора в квартире, в доме Сайдзё. В другие места никуда не может выходить для проповеди. В «сейсидзё» (шелкоразматыв. заведение) не допускают, с тех пор, как оно перешло к Гинкоо (банк) и передано от Гин-коо обществу «Сейсися», так что мастерицы, слушающие учение, должны в свободные часы собираться к нему; в домах, где прочие христиане, они по

одному или по два в доме, прочие же домашние — язычники, зло настроенные против христианства, так что христиане здесь большею частью терпят домашнее гонение, и приходиться к ним в дома для проповеди нет возможности. Вообще в Июкояма еще много ненависти к христианству. В настоящее время, по недосугу для слушателей, проповедь приостановлена.

В субботу и воскресенье собираются для общест. молитвы; в суб. человек 12–13, в воскресенье 6–7. Теперь, во время ёсан, богослужение также не совершается, по недосужеству. Во время богослужения читают; некоторые из коодзё поют только «Господи помилуй» (сю аваре[ме]ё); и поют смело, громко и отличными голосами, как сам слышал. В субботу П. Исии рассказывает житие святого, или объясняет Правосл. [Православное] Исповедание, в воскресенье — толкует рядовое Евангелие или Апостол.

Сицудзи в Июкояма 2: Павел Фукацу, школьный учитель (очень усердный христианин; хотел бы в катихиз. школу, но слаб здоровьем, часто головные боли, — я ему отсоветовал) и Никанор Сайдзё — местный крестьян [sic], зажиточный, много воспитывает шелк. червей, (в дом его поэтому нельзя [было] и войти, когда мы были, заперт был).

Церковный доход состоит из ежемесячных пожертвований христиан с дому — по 1 ене, 50 сен и т. д., так, однако, что с 6 домов собирается в месяц 6 ен, — каковые деньги и употребляются для содержания проповедника, а также для церк. расходов. Из оглашенных 1 дом также участвует в жертвовании. Так. обр., когда проповедник — в Июкояма, то на пищу ему из главного стана не нужно; нужно же, когда отлучается для проповеди в Янаицу и друг. места.

К Церкви в Июкояма принадлежит:

1. Янаицу, 1 ¹/₂ ри от Июкояма, в городе 200 дом. вместе, и в деревне 280 — разбросанных. Христианин там 1, оглашенных 4. Христианин — Иосиф Мурата, тесть Исаии Камогава, — из Санума, слушал учение в Санума и там же крещение принял; оглашенные все подготовлены Павлом Исии; он огласил их в 1-м месяце, но с тех пор не было священника, чтобы крестить их. С генваря Исии большую часть времени провел в Янаицу. Проповедь там у него каждый вечер; собираются с верующими вместе — человек 15. Останавливается там, в доме христианина, или в хатагоя, и там же говорит проповедь; кроме того выходит в город в два места — в дома желающих слушать. В субботу в Янаицу и общественную молитву совершает, после которой бывает проповедь; в воскресенье молитвы не совершается.

2. Накадзима, 5 ри от Июкояма, деревня — 100 домов — разбросанных. Вместе собранных домов по 20 есть. Там 5 христиан, все научены Павлом Исии и крещены ныне в 4-м месяце; 10 оглашенных и 7–8 новых слушателей. Христианских домов 3, где все верующие, и 3, где по одному. Когда Исии бывает там, то проповедует каждый вечер в двух или

трех домах, у верующих, попеременно; на проповедь приходят и пасторские; обществ. молитву в субботу и воскресенье также совершает.

Из Янаицу есть возможность распространить проповедь на следующие места:

1. Теразаки, 1 ¹/₂ ри от Янаицу и 3 ри от Иокояма, — город, где дом. 200, вместе стоящих. Там есть 1 христианин, крещенный в Иокояма: Лука Кисака[?], доктор.

2. Накацуяма — город, где домов 150 вместе, составляет продолжение Теразаки.

3. Синден, тоже город, с 300 дом. вместе, также — почти продолжение предыдущих селений, так что все вместе не составляет от Теразаки и 1 ри расстояния. Из Синден некоторые слушали проповедь в Вакуя.

4. Нагаи, 1 ри от Янаицу, деревня, в которой домов 100 — рассеянных. Туда звали Павла Исии для проповеди, но он не мог прийти.

Между крещенными из других мест здесь есть Андрей Такахаси — родом из Канга, преподаватель шелкоразматывания; ему еще два года служить здесь, после чего он вернется в Канга; чрез него имеется в виду начать христианство в Канга.

Другой крещенный здесь — из Синано, туда и вернулся, — Петр Накано. Нужно не потерять его из виду, как вообще нужно иметь в виду всех христиан, отлучающихся в места, где нет Церкви; нужно не терять сношений с ними и поддерживать в них христианский дух; все они дети Церкви, и мы ответим за них, если дадим им заглухнуть среди язычества.

Желание сицудзи, христиан и хозяина дома, в котором живет Павел Исии то, чтобы здесь непременно был оставлен и после Собора проповедником Павел Исии, но только для Иокояма и Янаицу; заведывать же Накасима ему невозможно, по отдаленности этого места. (Исии же, для лечения болезни глаз, просится остаться после Собора в Тоокёо, что и обещано ему; значит, в Иокояма на его место нужно другого).

Прибывши в Иокояма, мы остановились на постоялом и послали за Павлом Исии. Он тотчас пришел; пришли еще учитель Павел Фукацу и Андрей Такахаси с шелкоразматыват. заведения. Последний предложил осмотреть заведение, что и было сделано.

Заведение перешло от Кооцууса к Гинкоо в плату долга, всего в счет 4-х тысяч ен, что, по-видимому, очень дешево, так как тут, кроме земли и зданий, паровая машина. От Гинкоо оно передано, за плату, для пользования обществу «Сейсися». Членов «Сейсися» 25 чел., в числе которых 8 из бывших членами Кооцууса (напр., старший брат Исаи Камогава, главного виновника крушения Кооцууса). Это заведение гордится тем, что оно — единственное в провинции Мияги; «есть-де в Мориока, в Иваде-кен, такое же заведение, но там оно правительственное, а здесь — народное». Полный состав работниц в заведении: 100 девиц; но мы видели только половину этого количества, так как другие 50 коодзэ теперь по своим домам помогают ухаживать за шелк. червями.

В год производится в этом заведении 100 коори (коробов) ниток, по 9000 ме в коори. Идет шелк отсюда во Францию и в Америку; продается в Иокохаме. Во Францию идет нитка тонкая — из 4-х коконов, в Америку же толстая — из 5 и 6 коконов. Толщина нитки самого кокона также разнится, смотря по качеству червей; для определения толщины нитки кокона служат весы; сделанная из одних коконов нитка разнится от другой в весе, смотря по качеству кокона.

Длина же нитки одного хорошего кокона 550 кен. В 1 коори 15 связок мотков, по 600 ме связка. В каждой связке 30 мотков, по 20 ме моток. В моток идет 3 сё коконов; в 1 сё входит 300 коконов обыкновенной величины; если кокон большой, то 250, если, напротив, малый, то 310–320 коконов. В день одна мастерица — обыкновенная, т. е. не очень плохая, и не очень хорошая, разматывает 6 сё коконов, т. е. производит 2 мотка ниток, всего же в год, во все рабочие дни, делает средним числом 450 мотков.

Цена шелка в нынешнем году: 670 ен коори. Время мастериц в заведении, в Иокояма, расположено следующим образом:

5 часов утра — встают
5 1/2 ч. приступают к работе
7 ч. завтрак
8 ч. работают
9 1/2 ч. отдых
10 ч. работают
12 ч. обед
1 ч. работают
3 1/2 ч. отдых
4 ч. работают
6 1/2 ч. работы заканчивают
7 ч. ужин
9 ч. спать.

Жалованье полагается с самого определения на фабрику. Сначала дают в месяц сен 20 — на мелочные расходы. Лучшие же мастерицы получают 5 ен в месяц. Содержание пищи готовое.

Осмотревши заведение, отправились в школу. Павел Фукацу очень радушно предложил поместиться на сегодняшний день в школе, так как убедили остаться до вечера, чтобы повидаться с христианами и оглашенными, которым днем совершенно некогда собраться. В школе учение теперь не производится — тоже все из-за шелков. червя: до того теперь люди нужны собирать лист туговицы и ухаживать за червем, что даже малые дети в работе и некогда им ходить в школу. Приятно видеть по всем большим селениям училищные здания — положительно — лучшие здания в селениях, устроенные на иностранный лад, с окнами и стенами, обыкновенно оштукатуренные. И все это — народными деньгами; Правительство разве советом участвует. Содержатся учителя также

на народный счет. Делается раскладка по домам, смотря по состоятельности, сколько каждый должен давать на училище, и все безропотно и с охотою дают, хотя бы у кого и некого было посылать в школу. И сколько же зато учатся в этих сёогакко! Везде сотнями считается мелюзга — ученики.

Лишь только я расположился было в училище, как Исии пришел просить перейти к нему, в дом Сайдзё, — все-де нарочно устроено, и стул, и стол есть. Перешел. Поговорил с немногими собравшимися христианами о состоянии Церкви; затем писал дневник и отдыхал до вечера.

Вечером пришли 10 девиц — с фабрики — оглашенных, собрались и почти все христиане; отслужена была вечерня и сказана проповедь, отчасти направленная к язычникам. К сожалению, нужно было сократить слово, так как к 9-ти часам мастерицам нужно было вернуться на фабрику; христианам также нельзя было долго оставаться, за множеством работ дома.

16 / 28 июня 1881. Вторник.

В селении Оно

Ночью, когда все глубоко спали, вдруг поднимается сильный шум и громкий говор. Спустя некоторое время, все затихло. Утром же выяснилось, что это единственный христ. Янаицу с единственным своим глазом Иосиф Мурата, узнав о моем приезде, явился видеться со мной и с собой привел еще слушателя учения, некоего Аояма, делателя напилков, идущих во множестве в каменоломню Огац, в 8 ри от Янаицу, на берегу моря, где берется камень преимущественно для производства тушиниц и аспидных досок. (Разрабатывает каменоломню общество; работает чел. 100; камень пилят пилами, для направки которых каждому каменщику в день нужно напилка 2-3 (по 5 сен штука); оттого напилков туда идет бездна. Аояма делает по 40 в день; он родом из Эци-го и 3 года, как работает в Янаицу.) С Иосифом и Аояма увиделся и поговорил утром. Здесь, наконец, можно было сесть на тележки; до сих же пор из Мияко не было никакой возможности пробираться иначе, как верхом, на грузовом яп. седле, или же идти пешком. Из Янаицу призвали дзинрикия, к сожалению, весьма поздно, по обычной японской медлительности и неаккуратности; едва в половине 9-го ч. [часа] в состоянии были выехать, предположив с вечера отправиться не позже 5-ти часов утра.

Прощаясь с стариком Сайдзё, хозяином дома, где останавливался, обещался быть его восприимным отцом, когда будет креститься, и прислать крестик.

Обещана икона в шелкоразм. заведение для молитвенной комнаты мастериц — христианок. — Для молельни в Иокояма большая икона Воскресения Хр. — литографированная есть.

Когда уже выехали, получено было приглашение сегодня вечером сказать проповедь в шелкоразмат. заведении для всех мастериц; вместе с этим извещено, что всем мастерицам позволено, кто желает, изучать и принимать христианство, что, словом, начальство заведения свое нерасположение к христианству отменяет и позволяет с этих пор проповедь в заведении. И приглашение и известие были очень приятны; к сожалению, нельзя было остаться по необходимости спешить в Тоокей; поручено же Павлу Исии открыть проповедь для всех желающих в заведении.

В 3-х чё от Иокояма осмотрели храм Фудоо, говорят, второй по знаменитости и уважаемости в Сендайской провинции. Идол считается вывезенным из Кореи. В праздники в 1, 3, 5 и 9 месяцах бывает огромное стечение народа. Бонз 3. Храмовой двор содержится чисто, что редкость теперь, при упадке буддизма. На стенах храма снаружи наприбито множество железных и деревянных копий — приношений Фудоо; заплеваний — везде куда может достичь плевков — бездна, видно, что любят гадать здесь.

Между Иокояма и Янаицу — искусственное озеро, снабжающее водою для поливки рисовых полей 11 селений, лежащих в этой долине.

Заехали в Янаицу, в дом Иосифа Мурата; здесь же живет и имеет[?] мастерскую напилков Аояма; минут на 10 остановились.

Дальше по пути лежат почти сплошные огромные селения. Проповедника здесь непременно нужно. Это не то, что по разбросанным селениям — гоняться из дома в дом; здесь, если Бог пошлет успех, в каждом селении может быть огромная Церковь.

Было много за день дождя, грома и молнии. Наконец, ливень заставил нас остановиться на ночлег — несколько ранее, чем бы хотелось — в селении Оно, несколько менее 10 ри от Иокояма.

Вечером пришли человек 7–8 жителей Оно, прося свидания. Принял. Разговор о Вере. «Не знаем, какому христианству следовать, их много». «Испытайте, для того дан разум; Бог откроет истину, если будете ревностно искать». Просили написать для памяти. Написал 4 листа. Говорили, что слушали на днях энзецу Онисима Накано и нашли неудовлетворительным. Тема была: «не должно злоупотреблять тварями» («зообуцу-о сиюсубекарадзу»), «а он говорил о том, что следует только заботиться о пище и питии, об излишнем пещись не должно». Говорили они также, что «их смущает преступление христианина Ицидзё в Дзёгецудзуми (близком отсюда), что от христианина они не этого ожидают; также, что в истории видно, как христиане за веру жгли и губили друг друга». «Это не истинное христианство, а по подобным историч. [историческим] признакам, напротив, можно отличить извращенное христианство от истинного». Желают они в эти места проповедника, только — лучшего, чем Онисим Накано. Итак, при распределении проповедников нужно иметь и это место в виду. Вообще нужно вести линию от Иокояма доселе. Здесь в соседстве находящиеся Фукуда-мура и Дзёгецудзуми д. [должны] подать руку Церкви в Иокояма.

17 / 29 июня 1881. Среда.
В Сироиси

Проезжая Такаки, город в 6 ¹/₂ ри от Сендая, 280 домов, — зашли к Иоанну Такахаси, бывшему катихизатору. У него здесь за городом домик, земли же для поля нет; семья промышляет ткачеством; в семье: мать, жена и две дочери — 18 и 11 лет, сам 5-ть. Говорил он, что Стефан Ицидзэ, из Дзёгецудзуми, пишет в Тоокёо, просит сделать Такахаси катихизатором. Я сказал, что Такахаси, если он хочет быть катихизатором, нужно прийти в Тоокёо и подвергнуть себя экзамену; в продолжении 5-ти лет, которые не проповедывал, если не занимался христ. книгами, очень может статься, что забыл многое (тем более, что и тогда был весьма плохим катихизатором); так Церкви нужно знать, может ли он действительно быть катихиз. [катихизатором] или нет. О. же Матфей, его духовник, вероятно, хорошо отзовется о его поведении (тогда он оставлен был за нехорошее поведение). Итак, если и то и другое найдется удовлетворительным, и знание учения и хорошее поведение — тогда он и будет сделан катихизатором. Ицидзэ же, если что может сделать для него в этом направлении, так разве помочь ему достигнуть Тоокёо. Хлопоты же его насчет того, чтобы Такахаси сделали катихиз., совершенно напрасны, так как не дело простого христианина решать, кто знает вероучение настолько, чтобы быть проповедником. Ицидзэ разве может просить, чтобы Такахаси, если будет сделан проповедником, назначен был в Дзёгецудзуми. Что же касается до подозрения, что о. Матфей своими отзывами до сих пор мешал Такахаси сделаться катихизатором, то это уже дразги, с которыми не следует иметь дело.

Здесь же, в Такаки, 2 христианина, крещенные о. Анатолием при его проезде здесь Мейдзи 11 года. Один из этих христиан, по-видимому, плохой, прежде уходил в Тоокёо, теперь опять где-то в отлучке; другой, по отзыву Такахаси, очень усердный, сын торговца рисом, — мы заходили к нему. И здесь нужна проповедь!

Проезжая Сендай, на минуту заехали в Церковь Хараномаци, повидаваться с Яковом Асай. У него на днях было опять крещение; крещено 18 человек, так что в год крещенных всего 83 человека — в Хараномаци. С о. Матфеем и Иоанном Оно не видался, а наказывал чрез Асая, чтобы поспешили в Тоокёо — поспеть к экзаменам пред Собором. Заночевали в Сироиси. От Сендая 12 ри, кажется.

18 / 30 июня 1881. Четверг.
В Мотомия

Пред Фукусима (9 ри от Сироиси) встретили идущих в Ямада Павла Абе (сына Исаии Абе) и некоего Иеремию. Сказал Павлу Абе, что может поступить в Семинарию, — малолетков не набирается сколько нужно, и согласно обещанию, данному прежде его отцу на усиленные его просьбы

принять сына в Семинарию, я теперь говорю ему, что может поступить, если все другие условия поступления с его стороны исправны.

В Нихонмацу встретил христианина, одного из двух здешних, Петра Кимура, сучителя ниток; другой здесь — аптекарь, Иоанн Фудзие. Крещены они в минувшем марте, в Фукусима, о. Павлом Савабе. Есть еще 2 оглашенных. Больше слушателей нет. Слушатели обыкновенно раза два-три послушают и говорят: «такое трудное учение исполнить не можем», — и с сим прекращают посещение катихизаций.

У Василия Сукея, по словам Кимура, проповедь была каждый вечер, хотя бы для двоих только. По субботам и воскресеньям также совершалось служение, когда был тут Сукей. И теперь Кимура говорит, что с одним из оглашенных по праздникам они совершают вместе молитву; аптекарю же де-некогда.

Сукей теперь в Оотавара и пишет, что у него там есть слушатели. Кимура же жалуется, что здесь проповедника нет. Нихонмацу — город важный; здесь был князь, имевший 10 ман коку. Домов здесь 2700, из коих сизоку до 800 домов; из сизоку многие, впрочем, вышли на службу в другие места; здесь же остающиеся занимаются большею частью земледелием и ремеслами (Кимура также из сизоку). Сукей из здешних сизоку. У него только и есть родных, что мать, и та обеспечена; ни жены, ни детей, и не женился до сих пор; после войны все бродил.

Христиане и оглашенные здесь все в разных домах; значит, домов верующих 4. Гонения — от домашних. Христиане здешние слушали учение от Сукея и Петра Кавано.

Проповедника в Нихонмацу непременно нужно; только, конечно, не Василия Сукея.

19 июня / 1 июля 1881. Пятница.

В Асино

Из Сиракава 5 ри ехали в бая; дорога в этих местах очень плохая, ухудшаемая еще тем, что в процессе поправления по случаю имеющего быть скоро путешествия Императора, направляющегося в Камаиси — посмотреть тамошний железный рудник со вновь устроенными плавильнями и железною дорогою. Говорят, заедет даже и в Июкояма посмотреть тамошнее шелкоразматывательное заведение. По дороге уже расписано, где кому останавливаться на отдых, как мы видели это в Сирасака, где над воротами и дверьми висят прилепленные листы с надписями: «Министерство Просвещения» (Момбусёо), «Канцлер» (Садайдзин), «Кунайсё» и т. д.

Японские постоялики [постоялые двory] пренесносные тем, что в них шуму и гаму не оберешься. Дом полон народу, остановившегося на ночлег; вероятно, всем хочется спать в это время, в 11-м часу; но одному

выпившему пришла фантазия позвать геек[-н?], и он позвал, и все вместе там в комнате бренчат и орут песни, хохот и гвалт, и все должны терпеть, приговаривая лишь, как мой Ст. [Стефан] Эсасика, «якама-сии»; почем знать, может, завтра же всякому другому придет фантазия куролесить еще больше, и его будут терпеть так же.

20 июня / 2 июля 1881. Суббота.

В Уцуномия

Из Асино до Кицурегава пришлось проехать в тарантасе; дорога пре-скверная; размочило все дождем, кроме того, везде поправки — кучи свежей земли и щебня; если бы не на лошадях, дольше бы пришлось тащиться. В Оотавара думал застать Василю Сукей и расспросить его о состоянии этих мест: Оотавара, Сакуяма, Кицурегава, а также при помощи его найти и повидать кого-нибудь из здешних христиан; к сожалению, Сукей вчера ушел в Тоокёо.

По дороге множество встречается чиновников Министерства Внутр. [Внутренних] Дел, готовящих места остановок для Императора и свиты.

В Акуцу, 2¹/₂ ри от Уцуномия, и около Акуцу по дорогам множество разряженного народа, особенно женщин и детей, все богомолицы, стекающиеся к Инари в Акуцу; с прошлого года прославился этот Инари, во время холеры-де было несколько чудесных исцелений от него (вот тебе и раз!). А факт все-таки тот, что молящегося народу бездна, значит, религиозное чувство в этой местности живо, нужно иметь это в виду, чтобы не опустить назначить проповедников в Уцуномия и Кицурегава.

В Уцуномия прибыли в 4 часа; но остановились на ночлег, чтобы завтра утром отправиться в Тоокёй на баса и вечером быть на Суругадай. Дай Бог!

21 июня / 3 июля 1881. Воскресенье.

В Тоокёо

На баса благополучно прибыли в Тоокёо, в 8 часов вечера, отправившись из Уцуномия в 6 часов утра. Сначала имели дождь, и дорога была плохая; потом прояснилось, и по прекрасной дороге, начинающейся с Оёома[?], весело было ехать. В Тоокёо все, слава Богу, благополучно.

8 / 20 августа 1881. Суббота.

На пути из Тоокёо в Хакодате

Челов. [Человеческая] жизнь состоит из такого разнообразного сочетания мыслей и чувств, что решительно не поймешь, каким это чудом паяется и продолжается беспрерывно эта цепь, называемая душевною

жизнью. Немало искусства нужно припаять разом железо к золоту, соединить органически бриллиант с кремнем или булыжником, а в душевной жизни эта работа производится кем-то и как-то так искусно и незаметно, что только ахнешь, осмотревшись и увидевши себя чрез день, даже час совершенно в противоположном состоянии духа.

После записанного на предыдущей странице, много прошло мыслей и чувств очень разнообразных: были экзамены, сбор катехизаторов, Соборные заседания; все с перемежающимися добрыми и дурными впечатлениями, хорошими и дрянными чувствами. Все прошло. Потянулись затем каникулы, с жарами и проч. дрянью. В прошлую субботу был я в Тооносава, у о. Владимира, теперь еду и уже подъезжаю к Хакодате, но с какими дрянными чувствами! Что за мерзость — душевное состояние. Сошел с ума сослуживец, так нужно его взять из Хакодате, увезти в Тоокёо, и оттуда — отправить в Россию. Что за отвратительное дело! Мало всегдашней возни [?] с дураками или подлецами, нужно еще явиться на дороге и сумасшедшим, — «и с ними-де понянчись». Э-эх, горькая судьбина! А в Хакодате затем остаться не кому; Церковь и вещественная, и невещественная может пойти на ветер. Но что лучше, возвышенной, благородней, по-видимому, служения миссионерского! И оно-то вот так тянется и само себя ослабляет и укорачивает. В 20 лет, кого сотрудников приобрел? Или флюгера, или интриганы, или полусумасшедшие, или совсем рехнувшиеся. Я почти в отчаянии! Едва ли выйдет что из Японской Миссии! Совсем потерял бодрость. Посмотрим еще, потянем ляжку. Хотя как же мерзко, бездушно она тянется. В 20 лет можно ослабеть и состариться, какими бы идеалами ни был заряжен. Вот — к месту моей молодой жизни приближаюсь; если бы все хорошо было, как бы радостно было окунуться в воспоминания, а тут, кроме мерзейшего, отчаяннейшего состояния духа, ничего не вызовешь! Да и как вызвать, первое, с чем столкнуться придется, отвратительная рожа сумасшедшего, которого нужно будет ласкать, чтобы окончательно не взбесился и не надеялся больших бед! Эх, головушка моя победная [? бедная], доля моя несчастная! Хоть бы сжалился Бог и немножко бы дал бодрости!

13 / 25 августа 1881. Четверг.

*На пароходе Кумаситомару Ко. Мицубиси,
на обратном пути из Хакодате в Тоокёо*

Слава Богу, хоть умопомешательство у о. Димитрия спокойное. Ничем не выбьешь из головы уверенность, что чрез 313 дней от 28 мая будет светопреставление, но симптомов бешенства никаких не видно. Авось, Бог даст, не будет из-за него позора Церкви. А взять его теперь из Хакодате не решился, за неимением кем заменить. Обстановка и все действия — свойственные помешанному. Строит второй этаж над домом,

когда досчатый дом от старости готов рухнуть и проч. Церковная крыша покрыта железом и брошена без покраски, отчего железо проржавело. Двор запущен страшно; в комнатах — как будто завтра будет светопре-ставление. В Церкви на престоле, жертвеннике и везде — стеарин; слу-жит нелепо-своеобразно, и с особенностями, по которым можно счесть его еретиком — наприм., приобщается какими вздумает частицами, после приобщения тотчас же льет теплую воду в потир. Японского языка не знает и выражается: можно-де без языка. Церковных дел не знает до того, что о сицудзи и не слышал до сих пор, сколько у него христ. домов, сколько христиан — понятия не имеет. Не знаю, как Бог сохранит Хако-датскую Церковь, а взять его оттуда, никем не заменив, нельзя; заменить же, напр., о. Гавриилом, значило бы бросить все планы — о посещении юго-западных Церквей, об открытии катихиз. [катихизаторского] учи-лица в Оосака и проч.

Посетил в Хакодате сицудзи, побыл в Аригава, где 22 христианина и 5 христ. домов.

Если бы еще день пришлось быть, не знал бы, что делать с собою. С отцом же Димитрием достаточно побеседовать два дня, больше не выдержать, отвращение такое берет, что одолеть сил нет. Ни одушев-лять его, ни убедить ни в чем, ни просто разумно побеседовать — нет возможности; к каменной стене обращаться лучше, чем к нему. Да исчез-нет он, впрочем, из памяти! Потерпится, все пока можно будет заменить его кем-нибудь. А там — пусть он и в мыслях не мешает более Миссии!

Дневники в Токио 1882

1882 год

1 / 13 января 1882. Пятница.

Дух. [Духовная] Миссия в Тоокёо.

Суругадай

Предыдущие 10 лет прошли для северо-востока Японии. Наступающие 10 л. [лет] должны быть употреблены преимущественно для юго-запада. Это общая мысль будущих десяти годов. Частности же кто уследит в прошедшем, и кто назначит для будущего?

Душа человек. [человеческая] ежедневно призма, отражающая — не 7, а 7 сот цветов с их бесчисленными переливами. В предыдущее десятилетие я вступал — с каким чувством острой боли! И как же разнообразно оно было — это 10-тилетие — чувствами, мыслями, действиями! В следующее — теперь вступаю с вялым ощущением. — Уже в усталости жизнью и службою? И сам себе не могу еще дать отчета. Быть может, у всех 45-тилетних бывает это какое-то спокойствие жизни, происходящее от того, что все определилось, — не ждешь ничего неизвестного, все знаешь наперед за день, за месяц, за год; мудрость эта житейская — так и называется она; только не лучше от нее, не теплее на свете. Не знаю, что-то напишется по истечении еще 10 лет, если рука не будет в то время

в гробе. А ныне — что-то серо, незначительно, нерадостно, хоть и манит даль, и есть несокрушимая ничем уверенность в общем успехе в будущем. Ничтожность я сущая — так и сознаю себя искреннейше; но уже не я один, ради моей ничтожности не может остановиться дело. Играет луч света, если оглянуться кругом, и на том, и на этом, и на другом; тут, видно, дело не личностей, а дело дела, дело Божье и дело массы. Будем довольствоваться и тем скромным упованием, что из-за нашего недостойнства Господь не остановит своего дела и спасения многих.

Утром обычные поздравления учеников, прислуги и друг., причем и обычные расходы на гостинцы. Обедня была начата за полчаса до 10-ти ч. [часов], чтобы успеть потом служить молебен в посольской Церкви. После завтрака у Струве, хотел было отправиться в Иокохаму, чтобы разом кончить все визиты, но так как гости заявили, что собираются к нам, то и нужно было вернуться домой, чтобы принять. Из иностранцев был Германский посланник. Плохой по погоде день кончился довольно вялым вечером.

2 / 14 января 1882. Суббота

Утром поехал в Иокохаму, чтобы побыть в банке и сделать визиты; после завтрака у Пеликана побыл на «Азии» и «Стрелке». Ко всенощной поспел домой. С почтой последней получен указ Св. [Святейшего] Синода, чтобы я поставил священника и диакона из китайцев, вследствие представления о. Флавиана, начальника Пекинской Миссии. Значит, нужно ждать сюда гостей из Пекина.

3 / 15 января 1882. Воскресенье

После обычного богослужения было собрание христиан прихода Ситая, жаловавшихся на своего катихизатора. Разбирательство длилось с 12-ти часов до 6-ти вечера; христиане все время оставались без обеда, являя тем и терпение, и усердие к церковным делам. Причин больших к недовольству никаких не выяснилось; Лука Кодзима, кажется, немножко горд и груб с христианами; главное же, употреблял иногда вместо себя для проповеди одного христианина — Хрисанфа Иноуе; а этот и всем бы был хорош — учение знает, говорит хорошо, усерден, да выбрал однажды зауряд всех прежних катихизаторов, проповедовавших в Ситая, мол, до сих пор ничего не было, а вот теперь так будет; прежние христиане и оскорбились за своих наставников. Так как не желающих Луку Кодзиму иметь больше своим катихизатором оказалось несравненно больше, чем желающих, то он устранил из Ситая, с тем, однако, чтобы он проповедывал, как и доселе, новым слушателям, собранным им; но за то они будут считаться уже принадлежащими к приходу Асакуса, в

котором собственно и состоит Кодзима. Хрисанф Иноуе также перечислен в приход Асакуса, чему, повидимому, очень обрадовались все бывшие из Ситая; прочим сторонникам Луки Кодзима предложено было, если хотят, также перечислиться, но бывшие на лицо (двое) никак не захотели этого, у отсутствующих двоих после о. Павел Сато спросит о их желании. Ситая пока осталась при Симоне Харано, старике, очень недостаточно для катихизатора знающем вероучение, и при Иосифе Абе — номинальном фукуденкёся; кроме того, о. Павел Сато раз в неделю будет делать там кооги; больше ничего нельзя устроить, по неимению свободных проповедников. Кончилось собрание очень мирно; все взаимно попросили прощения, Лука и Хрисанф у христиан, эти у них.

4 / 16 января 1882. Понедельник

До полудня переводил расписки к отчетам. Все прочие в доме были в классах, сегодня началось учение после святочного отдыха. В начале вечера приехал из Иокохамы Пеликан и просидел до 10-ти часового поезда — «уехал от какого-то обеда», говорит. Рассказывал, что хлопочет о концессии на разработку меди на «Медном острове», что д-р Герц в Америке застрелился, что стало быть, уплаченные им, Пеликаном, за Герца \$ 2600 совсем потеряны, что по поводу этого экстренного расхода, да еще поездки жены в Россию, стоившей 3 тысячи рублей (да, следовало бы, кажется, прибавить страстишки к картишкам) у него теперь 7 тысяч долларов долгу, который не знает как выплатить, и по причине которого и в Россию в отпуск не может уехать; просил, впрочем, о долге не говорить его жене, чтобы ее не беспокоить, а она, поди,— яснее его знает все.

Начали сегодня рассылку содержания катихизаторам на 2 и 3 месяцы. Андрею Яцуки, в Хиросима, на днях требовавшему телеграммой, без объяснения всяких причин, присылки телеграммой 20 ен, написано строгое письмо, чтобы вперед не делал этого, и что вообще денег им в Хиросима, сверх определенного, не будет высылаемо ни по каким их требованиям; больно уж дорого стоят эти крикуны (Мидзуно и Канамо-ри там еще), а пользы Церкви от них в этом году еще никакой.

5 / 17 января 1882. Вторник

Целый день ныли зубы, должен был просидеть в комнате, чтобы больше не застудить; день прошел превяло. После всенощной пришли двое христиан из прихода Асакуса жаловаться на своего катихизатора Луку Кодзима; действительно, дрянной характер у этого человека, не даром его все не любят; как видно, горд, гневлив, властолюбив, скряга (свою жену голодом морит). А о. Павел Сато слаб; жаловались христиане ему, что Кодзима выгнал их из Церкви и пр., а о. Павел ничего не разобрал и заявил себя мирволящим Луке. Обещался разобрать и исправить

расстройство, с Божьей помощью. Были еще Харие[Хорие?] и Оогое советоваться, как пустить наши книги в продажу по Церквам.

6 / 18 января 1882. Среда. Богоявление

Утром приготовление к богослужению. Литургию совершал о. Владимир, проповедь и Водоосвящение — я, последнее вместе с ним. Я окропил бывших в Церкви; о. Владимир — все комнаты в доме и в Женской школе. Утром с о. Павлом Сато не успел переговорить о вчерашней жалобе на Кодзима, так как о. Павел совершал крещение одной девицы из Мито, мастерицы по шелкоделию, пришедшей в Тоокёо для крещения, после чего должен был торопиться в Сиба для совершения Литургии. После обедни хватился Луки, а он уже ушел — в чем, как видно, поторопился, заметив своих врагов — вчерашних жалобщиков. Последним я сказал, что на днях извещу их, что дальше будет сделано, так же дело остаться не может, вражда в Церкви должна быть устранена, хоть бы для этого нужно было созвать всю Церковь Асакуса и перед всеми производить разбирательство и суд.

Были офицеры с «Азии» и «Стрелка» (те, которые в Церкви все время проповеди простояли на коленях), пили чай во 2-м и 3-м часу. В это же время приходил знакомиться какой-то ученый японец, которого, к сожалению, секретарь Нумабе не удержал, пока я освобожусь от русских гостей, не удержал на том основании, по его словам, что ученый слишком гордым себя заявляет и разговор с таким субъектом одна пустота.

Вечером из Маебаси явился Спиридон Оосима просить еще двоих катихизаторов; в Маебаси дело проповеди идет превосходно. Старые христиане до того усердны, что в 3 часа утра (т. е. еще ночью) собираются для чтения и толкования Свящ. Пис. [Священного Писания] Днем — дети — мужского и женского пола, вечером — новые слушатели. Словом, нет сил одному справиться. Предложил ему завтра попросить у о. Павла Сато, А. Икава и у о. П. [Павла] Ниццума кого-нибудь; буду очень рад, если дадут. Романа-певца для исправления пения и дальнейшего научения пусть берет, пока я отправлюсь по Церквам. Черкасову, в 3-м месяце, как предполагают, тоже, — отчего не взять для толкования женщинам.

Арсению Ивасава, пришедшему посоветоваться касательно работы для Церк. Вестника; посоветовал переводить «Примеры благочестия древних христиан» Арх. [Архиепископа] Макария.

О. диакон Крыжановский приходил сетовать, что пропали ящик с посылкой руб. на 200 и 100 долларов, посланные чрез Пеликана.

7 / 19 января 1882. Четверг

Утром позвал о. Павла Сато, чтобы поговорить о Луке Кодзима; долго слушал его объяснения; кажется, как будто немного мирволит Луке.

Сказал, чтобы завтра Луку прислал ко мне, наперед ему внушивши, что если дело кончится миром, то не иначе, как по взаимному извинении; первым же извинение должен будет попросить он, чтобы подать пример собою.

Отправился на Цукидзи к Rev. Wright посмотреть книги, которые он продает по случаю отправления в Англию; но никого не застал дома. На обратном пути заехал к Струве, чтобы спросить вчера пришедшую почту, — не добился толку; как и следует быть, Посланник от совершенного безделья (какие ж дела Русскому посланнику в Японии!) почти с ума сошел; развилась раздражительность и гневливость до такой степени, что, напр., об англичанах заговорить нельзя, тотчас начинает ругать «рыжих чертей» с пеной у рта.

Спир. [Спиридон] Оосима опять отправился в Маебаси; А. Икава и Роман завтра последуют за ним; больше никого нет.

8 / 20 января 1882. Пятница

Вчера Посланник просил прислать Тихая, чтобы сделать опись церковных вещей в Посольской Церкви. Утром сегодня Тихай и отправился. Но о. Анатолий — «Как же? Ведь и я должен быть при этом! И я должен знать церковные вещи!» — «Да чего их знать, кроме того, что вы обычно употребляете при богослужении, больше там и нет ничего». — «Нет, я должен тоже идти», — и пошел. Как он, по-видимому, рад, чтобы найти хоть какой-нибудь предлог отлынуть от классов. Бедная Катихизаторская школа! Недалеко она уйдет с таким наставником! Ни одного класса не просидит, придет поздно, уйдет рано, как объясняет лекции — Господь его знает, но с таким духом лени, едва ли хорошо; вечера все — бездельничает у брата; утром встает поздно, когда же готовиться? Куда лучше его был о. Гавриил, гораздо прилежней. Не знаю, что будет дальше с о. Анатолием; но таким вялем [!] и гнилем отзывается, что сомнительно, протянет ли долго. Думал, в России освежится, — а он око...ял[?] еще больше. По-видимому, ни к какому серьезному делу настояще не расположен; хотел он заняться исправлением своего японского языка, и учителя пригласил, и проповеди отложил говорить «до исправления», — да так с учителем — кажись — ни одного путного урока не имел, и не будет иметь — куда ему! Время урока нужно на чаепитие, или на болтовню у брата. Жаль больше всего Катихиз. школу!

Лука Кодзима приходил, и из объяснений его не явствует, чтобы он был так виноват, как об нем говорят; это приятно. В воскресенье после обедни христиане Асакуса соберутся здесь, чтобы пред всеми обвиняющие Луку и он сам высказались, и вражда, если можно, совсем устранена была.

Икава, при отпуске его, дано наставление, чтобы он не иначе приступал к каждой катихизации, как усердно приготовившись к ней; на помощь Господа нужно крепко надеяться — но только тогда, когда свои собственные усилия употреблены.

9 / 21 января 1882. Суббота

Утром опять отправился к Wright-у, и выбрал книги, кое-что очень полезное для нашей библиотеки; всего на 190 долл. [долларов], — но и цены же кое-каких книг поставил приятель ужасные; напр., за В. З. [Ветхий Завет] толкований Wordsworth'a 38 дол., когда он в продаже новый 6 ф. 6 шил. Райт показывал резолюцию, к которой пришло их общее миссионерское собрание — касательно ихнего Епископа, о получении которого из Англии они все хлопочут; в резолюции этой опираются на пример Русской Церкви, прося, «чтобы Епископ не был назван Японским (как Американский), а хоть начальником Миссии (как Русский); Русский же де назван лишь начальником Миссии потому, что японцы очень ревнивы к своей юрисдикции», — сказали да и соврали; при названии русского вовсе не было рассуждений о том, насколько японцы ревнивы; хоть бы они и несколько не были ревнивы, русский не был бы назван Епископом чужой страны. Интересен Rev. Harratt [?] со своим уважением к Правосл. [Православной] Церкви, всегда почтительно целует руку и просит благословение; но присоединиться к Православии едва ли решится, слишком мягок для этого трудного подвига.

10 / 22 января 1882. Воскресенье

До обедни был один из Никко, по виду почтенный и солидный: по рассказу его, он состоятельный торговец, счастливо вел дела, особенно же повезло ему когда один сосед его подорвался в торговле, и он — радуясь несчастью ближнего — загребал барыши; но вдруг ему попала одна христианская книжка (Тендоосогей); прочитавши ее, он уразумел, как не хорошо своекорыстно радоваться несчастью ближнего, так как все люди братья, и все дети Бога; эта мысль до того поразила его, что он сдал дела свои младшей сестре своей и пришел вот просить дальнейшего наставления в христианстве и крещения. Я адресовал его к катихизатору Конданокёоквай — Гавриилу Ицикава, у которого, в церковном доме, он может и жить; кстати же там с сегодняшнего вечера о. Павел Ницума начинает ряд катихизаций — ежедневно вечером.

После обеда было, на собрании христиан Асакуса, разбирательство неудовольствий между катихизатором и некоторыми из его прихожан. Всех домов в тамошней Церкви 24. Из них четыре дома недовольны Лукой, остальные все очень довольны и никого другого не хотят туда в

катихизаторы. Недовольные стали излагать свои причины, но на первых же порах были остановлены, «неправда» — мол, и произошел шум большой, насилию мы с о. Павлом Сато остановили. Тотчас видно стало, что пути не выйдет из объяснений, больно сердиты друг на друга — все христиане, т. е. довольные Лукой на недовольных и обратно.

Разделение, собственно, вышло из-за того, что Кодзима стал побуждать своих прихожан к постройке храма и стал собирать деньги на этот предмет; Макита же и Миягава не захотели жертвовать, да кроме того оскорбились, что дело идет вперед и без них; начались взаимные перебранки и кляузы, накопившийся ворох которых и вызвал настоящий суд. Макита с его женой и Миягава с матерью и здесь кричали и шумели на Кодзима и всех прочих христиан нестерпимо. Дело длилось до 5-ти часов и доброго ничего не предвещало, если бы длилось и еще столько же. И потому я закончил разбирательство, сказавши, чтобы недовольные Лукою, отделясь от прихода Асакуса, присоединились к Хондзэ. Все христиане были очень рады выделению их; все прочие, по-видимому, единодушны и любят своего катихизатора. Отделившимся я сказал, чтобы они постарались умириться душевно и изгнать чувство вражды, притом такой безосновательной, к Луке, иначе для них и спасение невозможно.

Так как все голодны были, то велел дать японского чая и кваси. Приятно, по крайней мере, за Луку было, что взводимые на него обвинения почти все оказались кляузами, хоть то правда, что он несколько горд и вспыльчив; то же, что он жену морил голодом, оказалось, что они с женою условились, по благочестию, не есть по воскресеньям до обедни.

11 / 23 января 1882. Понедельник

Утром приходила Черкасова, наболтала с три короба, наплела тут же несообразностей, напр., «вы меня называете воровкой». Это из того, что она не дала дверей от своего дома — ненужных ей — в женскую школу. А я сказал, «что ж, пусть сделают новые щиты». Как связать одно с другим, ни по какой здравой логике не дойдешь. Или вы говорите: «хоть умирай, мне все равно». Это потому, что на запрос ее — может ли она оштукатурить свою комнату, я отвечаю, «почему же нет? разумеется, можете». Начала шуметь, жаловаться, что миссионеры-де и больше жалованья получают, и живут в каменном доме, а [не] работают. «Что Владимир-де делает? Ни одной проповеди еще не сказал» и т. д. Я должен был заключить: «Нехорошо вам здесь, поезжайте в Россию». И жаль, в самом деле, что я остановился отослать ее в прошлый раз, как она сделала скандал. Едва ли прок выйдет. Пусть, впрочем, живет, лишь бы без скандалов.

Вечером из Идзу пришел посланец, младший брат Руфины Судзуки, просит туда катихизаторов, 5, 10 — «всем дело будет». Обещан один — Павел Эсасика, у которого в Сакура мало слушателей, хоть он и предназначался было для Дзенкоодзи.

Из писем, ныне прочтенных, поражает Ефрема Ямазаки из Акита; пишет, что там обычай убивать детей свыше 2–3-х; у христиан, мол, нет уж этой жестокости; но один христианин ныне состоит под этой необходимостью — убить дитя, так как его родители еще язычники (дед и баба имеющего быть умерщвленным младенца); просит Ямазаки написать письмо христианину, чтобы не поступал по-язычески. К сожалению, нет имени этого христианина, ни других подробностей. Завтра же письмо пойдет — на имя Ямазаки — с возможным убеждением не убивать дитя. Экое варварство еще в этой стране!

Из Дзёгецудзуми прислали план построенной небольшой Церкви; просят икон; пошлются.

О. Анатолий приходил с вопросом: «Отчего-де о. диакону и Яблонскому [?] нет казенного отопления и освещения?» Т. е. ему об них нет никакого дела, и не об них он заботится, а о брате своем Тихае, по внушению которого, очевидно, и предложил сей вопрос. Ответил, что каждый получает достаточное жалованье, чтобы отопляться и освещаться, больше же у Миссии нет никакой суммы на это. «А сумма на учеников?». «Она должна и идти на учеников, не красть же нам из ней; мы и сами здесь в Японии для учеников и т. д.». Эк ведь бессовестность у этого Тихая! Кроме того, что почти ровно ничего не делая (минут двадцать занимается ежедневно с хором, да кое-что изредка положит на ноты), занимает миссийскую квартиру и получает от Миссии 1000 руб., [1 нрзб.] хочет еще и больше грабить Миссию, хоть бы то было в виде воровства у воспитанников Миссии!

12 / 24 января 1882. Вторник

Из Хакодате приехал о. Димитрий. С о. Владимиром никак не хочет жить. «О. Владимир де пустил обо мне молву, что я сумасшедший. Жить с ним значит согласиться с ним, а после он будет хвалиться, что вылечил меня от сумасшествия». «Сами Вы пустили о себе молву; одна ваша телеграмма домой, чтобы приготовились к светопредставлению, посланная через офицера со „Стрелка“ до Владивостока, сделала [?] то, что теперь и на обоих военных судах на рейде, и в Посольстве и в Консульстве думают, что вы помешались». «Телеграмма ничего не значит, смысл ее нужно читать между строками, ее понимают только посылающий и получающий» и т. д. Разговор ни к чему не ведущий — в смысле сохранения надежд, что, авось-либо [?] еще о. Димитрий приспособится здесь, чтобы он наконец принялся за дело (за изучение языка, на первый раз), чтобы стал слушаться, не странничал, не ставил себя поверх всякого

начала и власти и поверх всех людей — об этом и думать нечего; считает себя только гонимым и непонятым. Господь с ним, пусть едет в Россию. Как там говорил, что «в Академии нечему учиться», так здесь думает и на деле показывает, что «в Миссии ему нечего делать». Жаль потраченных на него денег. По моей же вине — я выбрал (т. е. выбирать-то не из чего было, а взял), так поди, проникни в сердце человеческое! За это, должно быть, и на Страшном Суде не будут судить — безвинно виноват!

Вечером с о. Анатолием были у Wright'a на чае; пели они, а Harret играл на корнет-пистоне,— говорит, «удобно собирать слушателей по деревьям летом этим инструментом». Wright просил у меня рекомендательного письма к Епископам в Англии — отчего ж не написать? Только пусть даст форму, не знаю, как адресовать. Что-то странное, по нашим понятиям, чужой чужого рекомендует чужим, пот. [потому] что не могу же я считать аглицких Епископов своими brothers по служению, хоть они, быть может, как люди в тысячу раз достойнее меня перед Богом.

13 / 25 января 1882. Среда

Простудился и целый день сидел дома. Погода была дрянная; вечером лечился ванной и читал «Las Casas». Вчера пришло еще письмо из Акита, деревни Оою, от христ. [христианина] Тимофея Циба, тоже с просьбою подействовать искоренению ужасного обычая давить новорожденных и бросать в реку. Сегодня посланы письма и к нему и к Ефр. [Ефрему] Ямазаки с укорами и убеждениями. Авось даст Бог, хоть у христиан-то не будет этого.

14 / 26 января 1882. Четверг

Был Rev-d. Harrett — сказать адрес, кому писать letter of introduction for Mr. Wright. Оставил между прочим выписки из письма Liddon'a к нему и пр., свидетельствующие о желании Англиканцев единения с нами. Постараюсь написать письмо. Но мы можем сказать только правду. А понравится ли она?

Получена почта; о. Федор, между прочим, советует заняться воспитанием о. Димитрия. Воспитание здесь русских никогда не входило в мои планы. Русские здесь должны прямо учить, а не представлять зрелище, как сами учатся,— для этого есть Россия.

15 / 27 января 1882. Пятница

Писал письмо по запросу Wright'a и Harrett'a. Посмотрим, будет ли оно представлено, куда следует. Если будет, то значит у них есть люди со смирением, и — думать о присоединении их не позволительно.

Струве вечером приезжал известить, что им получена телеграмма о переводе его в Вашингтон. С Богом! Миссия не видела от него поощрения своему делу, что, впрочем, зависело не от него, невинного немца, а от реалистки — бабы, его жены, для которой, кроме плоти ее, ее детей и мужа, кажется, ничего в мире не существует достойного внимания. До Струве был я знаком с японскими министрами, что не бесполезно было для дела Миссии в некоторой степени. Струве раззнакомил меня с ними! Будь он здесь в начале дела Миссии, затерта была бы Миссия и влачила бы существование жалкого деревенского причта где-нибудь в глуши России. Да, помянуть будет нечем Миссии о Струве. И исчезнет память его здесь скоро, п. ч. [потому что] кроме дела Дух. [Духовной] Миссии, здесь пока нет дела России. Расстаемся, конечно, со Струве благоприлично, наружных неприятностей никогда ни на волос не было. У немца сегодня на глазах несколько раз навертывались слезы, когда я говорил, что очень жаль и проч., что говорится в подобных случаях. Желает, чтобы я окрестил его сына Бориса. Что ж, можно. Только и тут: «Когда?». «Да это будет зависеть и от него (от сына Бориса), как он покушает или будет спать, — вообще после обедни (в воскресенье), но затем будет зависеть от него». Ох уж эти обрядники, для которых не существует, по-видимому, ничего серьезного и в таком таинстве, как крещение! Вместо должного благоговения и молитвенности нанесут пять термометров смотреть воду, да будут орать, что долго длится (хоть сокращено до 15 минут), что мучают ребенка — словом, отвратительны такие матери, как милая Мария Николаевна; быть может, оттого, что так долго сидела в девках, у нее развилась такая уродливо-несуразная, болезненная чадолюбивость. И несчастные же будут ее дети, будут терпеть муку от нее!

16 / 28 января 1882. Суббота

Из писем — самое неприятное, что о. Павел Таде очень болен, лежит в госпитале в Оказаки. Оборони Бог — помрет!

После всенощной, на которой была вкратце рассказана жизнь Св. Антония Великого (335). В 11-м часу приходил Антонин Такамура (22 года от роду) проситься в монахи. Сказано, что раньше 30 лет нельзя сделаться монахом, пусть свое намерение хранит в сердце, и если воля Божья, в должное время может он быть пострижен в монахи, но только пусть это не мешает ему исполнить самое первое и высшее его намерение — служить Церкви проповедником, потому пусть хорошо учится. Ушел со слезами умиления, видно, что был в истинно-хорошем настроении.

Из Идзу очень просят икон разных святых; но так как их нет, а просят часто и другие, то мы сегодня делаем попытку литографировать иконы здесь со святцев. Хорошо, если бы удалось.

О. Владимир приходил советовать на о. Димитрия, что тот стащил у него из стола письма — свои и его, и пытался разломать ящик. Платится

о. Владимир за свою само[на?]деянность наставить еще о. Димитрия на путь истинный.

17 / 29 января 1882. Воскресенье

За обедней проповедь сказана тотчас после Евангелия, что дало возможность поспеть к концу обедни в Посольскую Церковь и совершить Крещение сына Посланника — Бориса — тотчас после обедни; немножко только пришлось подождать, сидя во всем архиерейск. [Архиерейском] облачении в алтаре, пока «их величество изволил проснуться», как выразился о. Анатолий. Потом их величество изволило орать немолкаемо во все время совершения таинства, потому что ему не дали покушать, «де-принимать пищу до ванны вредно», как и объяснялись; а чтобы ванна была сообразно желанию их величества, все время плавал по купели безобразнейший термометр и служанка стоя прибавляла или убавляла воды разных температур. Чтобы дитя не орало, я посылал просить, нельзя ли дать ему грудь или сосок; но Мария Николаевна не осмелилась прийти в Церковь успокоить ребенка грудью хоть немного, на том основании, что ее первый сын умер вероятно оттого, что она была при крещении его.

От посланника заехал в Коодзимац к о. Павлу Ниицума — узнать насчет литографий для печатания обихода.

18 / 30 января 1882. Понедельник

Японский праздник — память отца Императора; и потому не учились. После полудня был в Йокохаме взять у Пеликана паспорт в Россию о. Димитрию; да и попался: Пеликан попросил в долг тысячу долларов. «Истратил-де деньги Софии Абрам. [Абрамовны] Алексеевой, и жена посланника теперь гору [?] роет». Дал 500. Что будешь делать? Не нашелся отказать, а до смерти жаль денег; уже, значит, 1200 доллар. он мне должен, и едва ли когда отдаст, потому что картежник, от таких людей взятки гладки. Экономить тут до того, что вот сегодня едва решился истратить 60 сентов на гребенку по крайней нужде в ней, экономить, конечно, не для денег, а для Миссии, и вдруг этакую сумму в трубу ни за что ни про что! Просто потому, что ближнему не повезло в карты, и из-за того, что сему ближнему не повезло в карты, нескольким десяткам японцев нужно отказать в помощи по воспитанию, или по чему другому, — и Церкви изъян!

19 / 31 января 1882. Вторник

Извещение, что о. Павлу Таде все хуже и хуже. Послали сегодня письмо к его жене, чтобы оставила ребенка (трехлетнего) на руки бабушке и поспешила сюда и отсюда в Оказаки ухаживать за больным. Вот беда!

О. Димитрию выдан паспорт, так как не обещает ни заниматься яп. [японским] языком, ни слушаться вперед, и выдано на дорогу, до Марселя по 2-му классу: \$332, и жалованье за генварь \$125; значит — до Петербурга — с избытком; тут же, впрочем, несмотря на мой протест, он стал распорядиться деньгами по-своему: «Мне, мол, хоть в 4-м классе». Господь с ним, лишь бы освободил от себя Миссию поскорей!

Из Мориока прибыл по отзывам замечательный по способностям ученик Оосима.

Василий Кикучи умер, сегодня известили телеграммой. Ухаживай тут за семинаристами! Лишь только польза от него, глядь, и нет его! Виссарион Авано тоже близок к тому; сегодня из Тооносава извещал, что ему и Павлу Морита нужно по 14 ен в месяц, не жаль, пусть лишь будут здоровы; да едва ли оправятся! Этакие слабые организмы! Не знаешь, учить ли, или полу-учить!

20 января / 1 февраля 1882. Среда

После утренней молитвы отслужили панихиду по Василию Кикучи.

Целый день читал сочинения учеников катихиз. [катихизаторской] школы и выправлял с Харие кеймоосики; вечером было много катихизаторских писем; везде помаленьку дело идет вперед. Больше и больше открывается потребность в учителях пения; Роман Циба услан на север, Яков Маедако — на юг, в приход о. Павла Таде, оттуда должен в Оосака, а пения и сам-то путем не знает; в Преображенской же Церкви слепец Александр Комагай обучает, и тому везде рады. А. Яцуки пишет, что и в Хиросима начинают собираться слушатели.

21 января / 2 февраля 1882. Четверг

Писал в Св. [Святейший] Синод рапорт об отправлении о. Димитрия, тоже в Миссион. [Миссионерское] Общество, к Высок. [Высокопреосвященному] Исидору и сотрудникам. Выправлял кеймоосики. На дворе мокрый снег. Из Петербурга японский секретарь Оомай доставил письмо от О. Е. [Ольги Ефимовны] Путятиной и коробку сухого варенья от игумении Евстолии.

22 января / 3 февраля 1882. Пятница

Кончил корреспонденцию, отослал на почту, кстати, и «Сейкёо-Симпоо» р. 26–28.

Сегодня о. Димитрий уезжает в Иокохаму, а завтра утром на французском пароходе отправится дальше. Все-таки грустно расставаться. Э-эх, человеческая жизнь! Точно слепец — бредешь — наткнешься и, так как

внутренних глаз нет, столкнешься, да потом-то уже, когда начинаешь ощупывать, точно улитка слепыми щупальцами, находишь, что или жестко, или колетса, или не по месту, ну и назад, щупальцы спрячешь и бежишь. Так я уже от четверых убежал (Оо: Григорий, Ефимий [?], Моисей, Димитрий); первых двоих сам же первоначально принял. Если бы прозорливость, внутреннее око, видящее более или менее душу ближнего, разумеется, ни мне бы ломки, ни мне бы горя и печали не было. Очевидно, для Миссии они все не годятся; но для чего-же-нибудь годятся; не брать бы их в Миссию, служили бы они инде и, может, с большою пользою для себя и других... Но знать, *ergare humanum est* — всякому суждено повторять из глубины души.

В 7-м часу вечера о. Димитрий приходил прощаться, принес крест и отчеты. Жаль очень стало его, и от всей души я советовал ему вновь поступить в Академию, чтобы довоспитаться, говорил ему, что написал к Высокопр. [Высокопреосвященному] Исидору и к сотрудникам Миссии о том же (письма — уже отправлены); и ему, как видно, не весело; но все-таки не признает себя ни в чем виноватым, значит «я», «гордость», ледяною корою стоит между ним и делом, каким бы ни было. Ну и Господь с ним! Пусть с миром уезжает; для Миссии же он не годен, и печалиться о нем нечего, мир ему и нам!

23 января / 4 февраля 1882. Суббота

«Menzalet» [?] сегодня утром увез о. Димитрия от берегов Японии. Господь с ним! Одним беспокойством меньше; полно и думать о нем! Уже ли же Господь никогда не пошлет настоящего миссионера в Японию? Не может быть — приедет, явится он наконец, где-нибудь растет и зреет он. Будем терпеливо ждать. Какие качества д. б. [должны быть] настоящего миссионера? Да прежде всего смирение. Приедет он смиренным, незаметным, молчаливым. «Что и как здесь? Научите, пожалуйста», — да в год, много в два овладеет языком, завоеует симпатии всех христиан, войдет в течение всех дел по Миссии, все узнает внутри и вне; при всем этом, ни на волос не будет в нем заметно усилие проявиться, дать себя заметить. Он будет, напротив, везде устраниваться, стусевываться. «Я, мол, только учусь»; но сила будет говорить сама за себя, и будет возбуждать к себе доверие и симпатии. Мало-помалу он скажет: «Позвольте мне заведывать тем-то (напр., изданием газеты, преподаванием такого-то предмета, таким-то проповедническим пунктом)». «Сделайте одолжение». Заведуемое идет гораздо лучше, чем прежде; все видят это и ценят; быть может, у кое-кого и зависть возбуждается, и недоброжелательство шевелится, и змея противодействия и вражды родится, но обстоятельства говорят сами за себя — их ни изменить, ни вырубить нельзя (как теперь, напр., нельзя уничтожить явления, что о. Павел

действительно превосходный священник и проповедник, а как бы многим хотелось затереть это!); миссионер молчит — себе ничего не приписывает, простодушно не замечает, если есть недоброжелательство; а дела открывается все больше и больше. Кому же? Да ему — он охотник делать; и понемногу дела стягиваются в его руки, п. ч. [потому что] другие руки и рады выпустить все, там только язык силен болтать. И глядь, миссионер, сам по скромности не замечая того, оказывается центром, около которого вращается все, сила из него истекает и вращает все и придает жизнь и быстрое движение всему. Много бы можно пофантазировать, да где он? Будет ли когда?.. А сам ты отчего не таким [?]? Куда нам!

Освятили сегодня поправленный старый дом для Женской школы; будет там столовая и ванна, место для пьянино, для больных; есть место и для приходящих гостей женского пола — как теперь, напр., здесь Руфина — жена Иова Цуда, идущая к нему в Аик[?]а.

24 января / 5 февраля 1882. Воскресенье

Утром, когда прогуливаясь, обдумывал проповедь (неделя блудного сына), Нумабе остановил возражением: христианин из Оотавара с женой вчера исповедались, чтобы сегодня приобщиться Св. Таин, но сегодня утром, зайдя в Женскую школу, нечаянно, по неведению, выпили по чашке чаю. Так как жена имеет остаться в Женской школе (для изучения церковного пения), то ей — приобщиться в следующее воскресенье, мужу же, который сегодня возвращается в Оотавара, попросил о. Анатолия, вчера его исповедовавшего, разрешить его грех неведения — принятием от него вновь исповеди и прочтением разрешительной молитвы. За обедней муж и приобщен. Христианин из Мукоодзима приходил просить послезавтра сказать у него в доме проповедь; обещано.

Вечером были Харие для объяснения непонятных ему мест в переводимой Свящ. летописи Властова, отец Василия Кикици, на днях умершего семинариста, Руфина Цуда прощаться — завтра едет в Маебаси, и попросит икону.

25 января / 6 февраля 1882. Понедельник

До полудня окончил перевод и приготовил к переложению на ноты Катавасию: «отверзу уста моя». После полудня проверил и сдал в печать обряд оглашения, потом посетил больного о. Павла Нициума. Дай Бог ему выдержать себя; а искушений немало; и тревога проникает в душу, не поспешно ли было пострижение? Впрочем, Господь милостив; хорошо то, что и откровенен о. Павел.

26 января / 7 февраля 1882. Вторник

Ввел в каталог книги, купленные у Wright'a, а Lapide и пр., побыл с поздравлением с днем Ангела у Марии Н. [Николаевны] Струве, вероятно, последний раз в жизни; обещала оставить в миссийскую библиотеку старые журналы — наградить! Вечером был на катихизации в Микавадзима, в доме И. [Иоанна] Симидзу. Говорил прежде Симон Яктаи [?] к полусобравшейся аудитории, говорит ничего себе, лучше, чем я ожидал, хоть несколько ошибается в объяснениях (объяснял место из Евангелия — «се мати и братия»), но я от него почти ничего не ожидал. Собралось, наконец, человек 50; в четверть 8-го я начал катихизацию, продолжавшуюся до без четверти 9. Хозяин в заключение приглашал соседей и вперед в его доме слушать спасительное учение. Возвращаясь, чуть не заблудились в темноте — хорошо, что скоро догадались вернуться в деревню и попросить проводника по месту, где дороги расползаются, как реки.

27 января / 8 февраля 1882. Среда

О. Павел Ниицума исповедался. Укрепи его Господь противостоять разным искушениям.

Хакугоку приходил просить за бабу Вис. [Виссариона] Авано; две дочери у ней за чиновниками, а питать некому, одна так жестоко обращается, что старуха не может жить у ней; другая держать не хочет, мол, тесно в доме (это для матери-то нет места!); ссовывают старуху на руки внуку, а этот еще и сам требующий питания птенец, к тому же больной; уж несколько лет по 5 ен ежемесячно шло бабе на содержание от Миссии, и при этой помощи все-таки дочери не хотят держать старуху. Ну уж и народец японцы! Благородства чувств — с огнем поискать. Миссию эксплуатируют все, и настолько, насколько есть хоть малейшая возможность! И тут, не будь Виссарион — воспитанник миссийской школы, и не получай на бабу 5 ен в месяц (дело единственно христианского сострадания, равно как бывшее содержание его безногого отца, под предлогом катихизаторства его — безногого отца!), дочери держали бы мать, а теперь как не попытаться добыть еще больше от Миссии, не то совсем спровадить старуху; вот она пресловутая, конфуцианская любовь к родителям! Нет, пока христианство не преобразует японцев, вечно у них будет так поражающая нас теперь низость чувств, двоедушие, сердечное варварство. Велел поискать поблизости к Миссии квартиру для старухи, нечего делать.

С пустым внутренним содержанием и полированным внешним видом, японцы ужасно надоедают иной раз; вчерашние, у кого проповедывал, целою гурьбою пришли благодарить сегодня — ну что за нелепость! И сами время теряют, и тебе мешают! Пусть бы пришли и язычники,

которым можно бы было при этом назидание сказать, а то — катихизатор, старшина церков. и христианин, у которого была проповедь. И улыбайся им, и раскланивайся! А сказать, зачем, мол, попусту бродите, и мне мешаете, — не поймут и обидятся.

Вечёр выправляли правила Всел. [Вселенских] Соборов с М[?] Уеда. Во время работы пришел Павел Эсасика, ныне лечащийся здесь от простоты катихизатор, со счетом за трачение им в 1-м месяце жалованья за 2-й; рассердился я и за то, что мешает, и за то, что мерзкое дело. Уж об них ли не заботился я, об катихизаторах, все нужды предусмотрел, во всем снабжены отсюда, из Миссии, кроме того, что местные христиане к их услугам; и не предвиденные, сверх положенного, нужды все исполняются беспрекословно, на все высылаются деньги, лишь бы хоть малая причина сказывалась. А тут тратят без всяких спросов, без всякой мысли о том, что нужно же дать отчет, иначе, пожалуй, и денег не дадут. Этот самый П. Эсасика заложил за б ен свое платье в 1-м месяце, имея отсюда полное содержание, да на дорогу сюда истратил, да на платье взамен заложенного, и все я беспрекословно платил; сегодня же когда я, чтобы поскорей прогнать его, ни слова не говоря, сунул ему 1 ену, наполовину не разобравши, на что ему нужна, лишь по намеку одному его, он изволил обидеться — «После, мол, попрошу», «Да бери», «После», «Бери», — и с этим спровадил из комнаты, чтобы заняться делом, для которого тут же [нрзб.] сидел; нет, пришел и еще, рассерженный и с криком грубым: «Я, мол, истраченные деньги лишь занял у вас», — «Без отдачи», — «Я возвращу их», — «Тогда и приходи ругаться». Таких катихизаторов, впрочем, мало. Больше тратят и обманывают без крика, иные даже с покаянным сердцем, как Козаки и др.

28 января / 9 февраля 1882. Четверг

Пришла почта, принесшая между прочим, в 56 No. [номере] Руси за 1881 г., отповедь философа В. Соловьева на послание Св. [святейшего] Синода к правосл. [православным] христианам. Суцая правда. Но бездейственны все эти истины! Кто в Синоде встрепенулся бы, как бы истина ни клюнула в глаза? Уж не субъекты ли в роде Бажанова — этого тоже в своем роде нигилиста, издевающегося в приличной, конечно, форме над всем? Из-за того, что царский поп, этот отец, ставит себя на такую высоту, что и с архиереями не хочет служить, чтобы не стоять-де ниже их! Уж в этом одном факте высказываются и поп царя, да и сам царь! Нет законов Божьих, и нет, значит, Бога, ни для попа царского, ни для царя; недаром, стало быть, бьют царей, ставящих сами себя вне законов Божьих! Пусть справляются своими и своих попов законами, коли не хотят знать законов Христа Спасителя и Его Церкви! Эк ведь, охота людям, из-за своего властолюбия ли, корыстолюбия, или просто

глупости, ставить себя вне всяких законов! Ну и бьют — как беззащитных и беззаветных! Вне закона, что же за человек! Вечером было собрание «Сейкёо Симпо». Так или иначе, а Семинария начинает приносить свою пользу. Симпо — труд семинаристов, хоть бы они были такие дети, как Арсюшка [Арсений] Ивасава или Павел Морита.

О. дьякон приходил жаловаться на Тихая, что обиход отбирает. Сказал, чтобы без церемонии брал у него обиход и другие певческие книги, по мере надобности, так как все эти книги казенные, или мною привезенные, или купленные Тихаем в Москве на миссийские деньги.

29 января / 10 февраля 1882. Пятница

Так как Игнатий, маленький сын Тихая, сегодня именинник, то купил ему на рубашки кусок шелку и игрушек.

Телеграмма из Хакодате — дать 200 ен на покупку земли в Суцу, для постройки дома проповеднику; а по предыдущему письму о. Гавриила же, в Суцу слушателей — ни единого. Что за нелепость!

Покупаем здесь на Суругадае место для семинаристов, А[йа?]йся, о. П. Сато, Харие, и [1 нрзб.], место Оохара, за 7000 ен. Хорошо, если все благополучно состоится. Хорошо бы еще купить внизу место для храма, а через дорогу, внизу или вверху, место для Женской школы; подряд же с Оохара хорошо бы приобрести место, бывшее Оокуса, для Семинарии. Если бы все это устроилось, то учреждение Миссии стало бы на твердую ногу. Конечно, место для храма нужно бы приобрести на наше имя, а не на японское, чтобы не был подвержен храм нелепым случайностям; но дипломатия наша согласится ли? Вот еще болячка России! Ее пролежень, ее вонючий струп, заставляющий подозревать, что Россия больна и слаба,— коли вовсе этого нет! Ох, эти немцы, с царем полунемцем во главе! Когда Россия освободится от этой больной головы и от этих ноющих членов! Надежда в перспективе на К. П. [Константина Петровича] Победоносцева; не без хитрости однако, д. б. [должно быть] ведено дело, если на то пойдет (на приобретение куска земли под храм); но как это противно русской натуре! А что поделаешь, коли немцы, как вши и клопы, разъедают тело России!

30 января / 11 февраля 1882. Суббота

Классов не было, так как Японский праздник (начала Империи). Целый день был занят в библиотеке окончанием каталога.

Был Ниси, служивший Поверенным в Делах в Петербурге. По-видимому, Японию не откроют для иностранцев и при нынешнем пересмотре трактатов; говорит Ниси, что это единственное их орудие против иностранцев, пока последние не согласятся на японскую юрисдикцию.

Недурно, если бы Ниси опять поехал в Россию представителем Японии — и знает Россию, и не ненавидит ее, а это редкость, не только у японцев, но и у всех иностранцев.

После всенощной, как обычно, рассказ о жизни завтрашних святых.

31 января / 12 февраля 1882. Воскресенье

Служба и проповедь.

Илья Фурута — с бесконечными толками касательно вновь покупаемого места со зданиями для Семинарии и проч. Как в таких случаях нужно говорить, до слова все обдуманно, и ни звука лишнего! Мне хотелось возможно скорей заключить сделку, чтобы начать приспособление зданий к нашим потребностям. А Илья 14-го числа (н. ст. [нового стиля]) решил покупку. «Начать поправки тотчас же за тем можно?» — «Ну нет; теперь занимающие здания выйдут не раньше 25 числа». — «Так зачем же торопиться и покупкой? Мы покупаем место и здания, а не людей — пока люди там, а нам нельзя занять здания, нечего и покупку делать; или же по крайней мере нужно точно определить кто когда выбирается, чтобы потом нам не было затруднений.» Ушел Илья траговать. Вечером пришла жена о. Павла Таде — на пути из Сендая в Оказаки к мужу. Но, к удивлению моему, с нею явился один христианин в качестве провозжатога, ужели насчет Церкви? Женщинам в Японии и одним путешествовать очень удобно, особенно коли не пешком.

1 / 13 февраля 1882. Понедельник.

Масленица

Целый день сидел на 3-м этаже, убирая ризницу и разбирая иконы, в которых постоянный недостаток и спрос. За обедом пришел Илья; опять бесконечный гам[?], касательно покупки; а глуп порядочно он! Совершенно не понял или извратил меня; решил 14-го ч. [числа] покупку без отношения к сроку очищения зданий от жильцов, и оказывается теперь, если не заключить купчую 15-го числа и не выдать 6500 ен, то задаток — 500 ен — пропадут. А купит, потом до 25-го числа все-таки нельзя войти в здания. Нечего делать, приходится выдавать деньги, хоть с риском будущих затруднений и неприятностей. Дай Бог, чтобы все обошлось хорошо.

Путешествие Мте Таде от Сендая до сюда обошлось в 20 ен; до Оказаки просит 30 ен. Спутник, мол, только в долг просит, а потом возвратит. Возмутительно! Все то путешествие на дзинрикиси можно сделать в 18–20 ен, а тут давай 50! Какие терпение и благодущие нужно, чтобы выносить всю бессовестность японцев!

Сегодня же гам касательно 4-х цубо, за них за 4 месяца, давай, хоть задним числом, с нас и против закона все возьмут! Отстоявши всенощную,

однако, успокоился, привел дух в равновесие, и с милейшею улыбкою отказал Мацумото — спутнику Текусы Таде, «мол, для своей нужды пришли, так и ладно» (а только что сказали, что он пришел по своей нужде); рожа была у него сконфуженная, видно, что очень не по нутру было, что не дали руку запустить дальше в церковный карман. Впрочем, говоря правду, на их же улице праздник; в Сендай 20 ен обещал отослать, здесь Текусе дал 20 ен, на которые и троим можно не пройти, а проехать до Оказаки. Э-эх, кажется, терпение скоро оборвется, и уеду из Японии! Вечно в грязной луже стоять — очень уж опротивело. Хоть бы какое благородство чувства здесь, о благочестии и упоминать уж нечего! Постоянно корысть, тунеядство, надувательство, низость, свинство — из души воротит!

2 / 14 февраля 1882. Вторник.

Масленица

Отца дьякона попросил съездить в Иокохаму за деньгами на уплату завтра; взято \$ 4500, в размене стало: 7474 $\frac{1}{2}$ сны.

Был брат Павла Тацибана — Георгий, служащий в Компании Мицубиси; просил принять брата опять в школу изучать вероучение. Это бывшего-то катихизатора! Сказал я, что ничему это не поможет, а нужно Павла определить на какую-нибудь службу, такую, чтобы он и нехотя работал; хорошо бы, напр., определить к чему-нибудь на судне. А жену его отдать куда в хорошее семейство поучиться домашности. И вот мерка благочестия и религиозности японских христиан: этот самый Павел Тацибана лет восемь уже правосл. христианин; лет 6 был — сначала Секретарем при Миссии, потом катихизатором. За леность и бездеятельность после более года терпения и попыток исправить его, исключен был из числа катихизаторов, и тотчас же за тем пошел к протестантам: «имею, мол, сомнение касательно поклонения иконам и почитания святых», «примите». Mr. Wright, к которому он направился, спрашивал у меня письмом, «не имею ли я препятствий к переходу П. Тацибана в протестантство и каков этот господин». Я ответил, что препятствий никаких не имею, каков же — сам после заявится. Wright однако не принял его, так как Тацибана успел показать и ему зубы — заявить поползновение на получку. А вот и другой: на днях же писали из Янаицу, что там Онисим Накано, тоже бывший катихизатором, но исключенный за дурное поведение, не только сам хотел передаться протестантам, но и всех в Янаицу, слушавших правосл. учение, перетащить с собою; для того вызвал письмом в Янаицу — бродившего там поблизости американ. [американского] миссионера Хотта; уехал, впрочем, этот Хотта без всякого успеха; а христиане потом прогнали от себя и Онисима Накано.

Приходил сегодня же и о. Павел Ниццума жаловаться на свое душевное расстройство по поводу искушений; и уж столько толковал, и со

слезами на глазах, и все о себе и о себе. Да тут же, между прочим, вот, мол, Сукею прибавьте по 3 ены в месяц да Китагава прибавьте. Опечалило меня очень все это, какая-то комедия, гадкая; «вот, хоть, подумал бы лучше о Церкви, что стыдно ей, до сих пор, до последней копейки сидеть на плечах у Русской Церкви» и проч. и пр. Чемто все это кончится? А смутно на душе! Не верится в японских христиан, хоть сам же их сделал. Дай Бог, чтобы я ошибался. На том свете возрадуюсь, если ошибался.

Был Василий Ямаока из Симооса, произвольно отлучившийся (уже не раз), говорить о своем приятеле — некоем?? [1 нрзб.] — три раза сидевшем в тюрьме, служившем конюхом, бывшем редактором, отлично пишущем, но совсем беспутном, как видно. И тут деньги; сказал, что на церковный счет нельзя, а от себя лично буду высылать 4 ены в месяц, пусть изучает вероучение от Ямаока, может, и остепенится, и делается хорошим христианином; недаром же (да врет!) видел во сне меня.

3 / 15 февраля 1882. Среда.

Масленица

Сегодня состоялась покупка земли и строений Оохара, для школы, Айайся, священника и пр., за 7 тысяч ен; Илье за хлопоты дал 50 ен; еще 50 обещал, когда он передаст покупку оо. Сато и Ниццума и Хорие, если только можно будет это сделать (неизвестно еще, может ли покупка быть совершена на имя многих лиц).

Слава Богу! Теперь будет не тесно со школой. Семинаристов нужно будет переселить туда, авось будет меньше больных; может быть и правда, что заболевают головой отчасти от непривычного помещения в иностранном доме.— Дня через два, когда выберется оттуда Санкан, пойду, чтобы распорядиться насчет необходимых приспособлений; баню для учеников также нужно будет там устроить, авось меньше будет чесотки.

Из провинции, порядочные известия из Сидзуока, от Романа Фукуи. Каталог библиотеки сегодня совсем кончил, отчего и ложусь в 4-м часу.

4 / 16 февраля 1882. Четверг.

Масленица

Оказывается книг в основной библиотеке:

По Богословск. Отделу,— названий:	2097,	томов:	2503
Научному	1551		2056
Иностранному	838		1821
Итого:	4486		6380

Библиотека, как оказывается, довольно почтенная.

Кроме того, запасная библиотека очень обильна. По обычаю, сегодня закончили классы, чтобы дать ученикам остальные два дня Масленицы и воскресенье погулять и отдохнуть. О. Владимир отправился в Тооносава, где у него бурей повредило его постройки; о. Анатолий, [2 нрзб.], после первого класса, уехал в Иокохаму на судно — есть блины. Перевести вновь купленное место на 4 лица или 3 можно не иначе, как разделивши участок на столько частей, и каждому продавши на бумаге одну; что ж, сделаем так.

5 / 17 февраля 1882. Пятница.

Масленица

Послал ответ на вчера полученное письмо о. Флавиана, начальн. [начальника] Пекинской Миссии. Просил его приехать сюда (для поставления свящ. [священника] и дьякона из китайцев) не тотчас после Пасхи, как он хочет, а к Празднику Св. Ап. [Святых Апостолов] Петра и Павла, ко времени нашего Собора, чтобы вся наша Церковь имела возможность приветствовать его и спутников, а также чтобы он мог видеть всю нашу Церковь в совокупности. Если состоится это, хорошо бы быть заодно с Китайскою Церковью, чтобы ежегодно оттуда к нам приезжали на Собор, а также, чтобы по временам и у них были церк. собрания, на которые отсюда отправлялся бы представитель. Со временем могла бы присоединиться Корейская Церковь; таким образом был бы зародыш единения монгольских племен под знаменем Христа. Если о. Флавиан [1 нрзб.] идеи, то с ним можно будет поговорить об этом.

Был с ответным визитом у Ниси, дома не застал. Заехал к о. Павлу Ницума. Он старается возбудить ревность прихода своего, чтобы поскорей [?] вне зависимости от Русской Церкви касательно содержания; давно бы пора; но советовал ему настаивать, чтобы христиане его действительно являли себя принявшими от нас «душевное», тогда само собою дано будет «плотское» от них.

6 / 18 февраля 1882. Суббота.

Масленица

Пришли из России 5 ящиков церк. вещей; между прочим, драгоценный сосуд для мира, пожертвованный из Москвы Ив. Ив. [Иваном Ивановичем] Павловым и Марией Иосифовной Романовой. Но, к крайней досаде, и опасению, с сосудом ящика именно не могли еще найти на судне (Escambia); прислали из Иокохамы только 4 ящика, из которых один заключал бронзовый футляр на сосуд, да и тот с 3-мя из 6-ти разбитыми стеклами. Пришел еще запрестольный крест, пожертвованный Еф. Ник. Са[?]вахиным в Петербурге. От Марии Осип. [Осиповны]

Романовой пришло 10 коробок конфет для девочек в Женской школе, и отчасти для мальчиков.

*7 / 19 февраля 1882. Воскресенье.
Заговенье пред Вел. [Великим] Постом*

Нехорошо сказал проповедь в Церкви. Бесцветно проведенный день, да и погода была дрянная.

Вечером прочитал Достоевского — «Униженные и Оскорбленные».

*8 / 20 февраля 1882. Понедельник
1-й недели Вел. [Великого] Поста*

В первый раз осматривал место и здания, купленные у Оохара на имя Илии за 7 тыс. ен. Внутри места главное здание — новое и огромное; можно поместить все Айайся с Хорие и всеми переводчиками; для о. П. Сато также есть помещение — отдельный небольшой дом; для семейства о. П. Савабе — тоже; но нагая (??), где предположено поместить учеников, [1 нрзб.] старое здание, придется заново переделывать.

Вечером переводил прокимны и пр. для переложения на ноты Тихаем и о. дьяконом.

*9 / 21 февраля 1882. Вторник
1-й нед. Вел. Поста*

Слава Богу, пришел и ящик с сосудом для Св. Мира. И красоты же необыкновенной! Дорогие деньги 5 тысяч руб., но и стоит! Дай Бог сохраниться ему долго-долго, многие столетия! И да благословит Бог добрых жертвователей!

Расположили, кому и где поселиться в купленных домах; а двое переводчиков уже поселены в главном здании, чтобы хранили его, пока с места выберутся старые жильцы, и оно окончательно будет принято нами.

Из Хиросима А. Яцуки и Канамори извещают, что там поднялось гонение на них; избili несколько слушателей, поломали дом и вещи. Но зато, по этому случаю, и вновь прибавилось много слушателей, так как заговорили о проповедниках по всему городу; они же, кстати, хорошо держали себя, спокойно выдержали нападение.

*10 / 22 февраля 1882. Среда
1-й нед. Вел. Поста*

Читал сочинения учеников Катих. школы. Есть дельные люди; между прочим, Малахия Иванно [Кванно], о котором так плохо отзывались в

Окутама, летом, касательно его умствен. [умственных] [1 нрзб.] дан. [данных]— превосходно пишет, логично и умно.

О. Анатолий уехал в Йокохаму, и там на «Азию», наше военное судно, на 3 дня,— чтобы исповедать и приобщить Св. Таин команду, по приглашению капитана.

Вечером было собрание редакции «Сейкёо-Симпоо», набирали 30-й Номер.

11 / 23 февраля 1882. Четверг

1-й нед. Вел. Поста

Согласно вчерашнему совету Стефана Оогое, сегодня примерили главный дом из купленных на учеников Семинарии, так как в нагая, без поправки, невозможно поместить; поправлять же старую нагая — значит — разобрать и построить вновь, на что потребуется тысячи две ен, затрата в нынешнее время для Миссии невозможная. По расчету оказалось, что весь младший класс — 44 человека — весьма легко поместится. Итак решено было приспособить этот дом для учеников, т. е. посредством некоторых переделок, устроить столовую, умывальную ванную и проч.— Хорие вместе со мной же и с Оогоем делал расчет помещения; но потом ужасно рассердился, что для Айяйса не будет строиться теперь нового помещения. Вообще, странный господин, по легкости приходить в гнев, без всяких основательных причин.

Оогое приносил налитографированную икону, опыт, сделанный, чтобы узнать, нельзя ли здесь готовить иконы. Икона (св. Григория Богослова, снятая со святцев, конечно, в увеличенном виде) оказалась очень порядочною. Завтра дадим для продолжения опыта хороший образчик иконы Божьей Матери.

12 / 24 февраля 1882. Пятница

1-й нед. Вел. Поста

Утром был на Преждеосвящ. [преждеосвященной] литургии в Церкви Коодзимаци, поучил о. П. Ниццума служить ее. Певчие, хоть и в первый раз, пели складно. О. Павел сильно желает научиться понимать русские книги. Положено переводчика Мих. Хакугоку поместить поблизости от него, чтобы ежедневно по часу давать о. Павлу уроки.

Приходил посланец (знакомый мой — Согарей[?]) от неких обывателей в провинции Ава, обещают 2000 ч. [человек] перейти в христианство, если им будет поправлена плотина и тем дано будет их полям правильное орошение. Отвечено, что если бы всего за десять сентов можно было приобрести тех 2000 ч., то и 10 сентов не были бы даны, так как принимается убежденною душою, а не за деньги.

Как неприятно видеть такую ненависть к нам — иностранцам и миссионерам, какая обнаружилась в намеренной порче всех бумажных щитов в одном из купленных домов, из которого сегодня выбрались жильцы!

13 / 25 февраля 1882. Суббота
1-й нед. Вел. Поста

Плотники принялись за переделку большого дома, чтобы приспособить к школе. В нагая одно помещение отдал Никанору — повару. Опасно, как бы не подожгли из ненависти, пока дома будут пустые.

Петр Ивадате, только что посланный на проповедь в Оотавара, пришел, говорит: «Домой, в Симооса, нужно — мать больна», и денег просит 5 ен, кроме того, что имеет жалованье за 3-й месяц; в деньгах отказано, а в произвольности отлучки, что станешь делать! Едва ли выйдет прок из него.

Пришли из Ягенбори просить похоронить младенца; а потом пришли известить, что он не крещен! Какая беда и жалость! Виноват катихизатор Исаия Ооцуки, что, зная о слабости младенца и о том, что он не крещен, не позаботился о крещении. Родители же думали, что о. Павел Сато окрестил его, тогда как он дал только молитву и имя. И вот от каких причин у новых христиан могут умирать некрещенные! Виноваты мы, что слабы в учении и наблюдении. Священник, конечно, не может отпевать, а сказано, чтобы катихизатор проводил до могилы и совершил молитву с родичами [?].

14 / 26 февраля 1882. Воскресенье.
Неделя Православия

За обедней освящен был сосуд для Св. Мира, пожертвованный И. И. [Иваном Ивановичем] Павловым и М. О. [Марией Осиповной] Романовой; пред освящением сказано христианам о нем. Три разбитые стекла в футляре вставлены за 15 ен. Сосуд — красоты редкой. Дай Бог, чтобы тысячелетия хранился на пользу Церкви и во славу Божью!

Христианин из Микавадзима, около Тоокёо, вместе с катихиз. [катихизатором] приходил просить купить там участок земли для постройки молитвенного дома; сказано, что об этом должны позаботиться сами местные христиане; если же еще не в состоянии, то значит рано думать им о постройке, а должны все усердие употребить на увеличение своего числа.

15 / 27 февраля 1882. Понедельник
2-й нед. Вел. Поста

Утром о. Анатолий опять отправился в Иокохаму на военные суда: «Азию» и «Стрелок»; на Азии половина команды будет говеть первые

три дня недели (другая половина — 110 человек отговела на прошлой), на «Стрелке» вся команда будет — остальные три дня. О. Анатолий говорит, что команда и офицеры говеют с благоговением. Так не жаль его и отпустить для их душевной пользы. Здесь некоторый урон для занятий катихизаторских учеников, да что же делать!

Из Хиросима Яцки извещает, что волнения против христианства продолжают; бонзы составили противохристианское общество; из квартиры Андрея Яцки выжили, так как все соседи жестоко напали на хозяина, чтобы прогнал. Но все это послужило только к славе имени Христова — «теперь желающих слушать о христианстве — несравненно больше прежнего, и непрерывно прибывают». «Так, видимо, руками злых людей Господь возвышает свою Церковь», — прибавляет Яцки. Усердный радетель их, побитый за свое радение язычниками — бывший протестант. Яцки просит написать ему привет — уже послан давно; пошлем ему правосл. книги в подарок.

Из Сиракава Саваде извещает, что тамошние христиане, несмотря на свою малочисленность и бедность, предприняли постройку молитвенного дома, и к Пасхе он будет готов. Пишет еще об одной бедной вдове, оставшейся после мужа, на днях умершего, с пятью малолетними детьми без всяких средств. Нужно послать частно кое-что, и написать, чтобы, по примеру Апост. [Апостольской] Церкви, берегли своих вдов и сирот.

Целый день читал сочинения учеников Катихиз. школы.

16 / 28 февраля 1882. Вторник
2-й нед. Вел. Поста

Писал письма в Россию и раздавал содержание; за деньгами в Иокохаму ездил о. диакон Крыжановский.

17 февраля / 1 марта 1882. Среда
2-й недели Вел. Поста

Писал письма. О. Павел Сато вернулся из путешествия в Нагано, где храм Дзенкоодзи. Оказывается, место совсем готовое для проповеди; между прочим и то, что там знаменитый идольский храм, делает народ [?] более готовым к восприятию истинного учения, чем в других местах; все же таки почва ума и сердца приготовлена, хоть думаю [думую?] об идоле, а душа неизбежна [?] где все сосредоточено на идоле. Крещены о. Павлом 15 человек; с прежними 2-мя там, значит, 17 христиан; для воспитания их и для удовлетворения потребности желающих слушать нужно послать туда серьезного и пожилого катихизатора — Бориса или Хасумае. О. Павел принес пожертвование на Церковь от тамошних христиан 5 ен, и гостинца — коробку с чем-то съедобным.

Из Хиросимы извещение, что гонение продолжается.

Здесь идет переделка новокупл. [новокупленного] дома для учеников. Сегодня заказали мебель столы из кеяки, нечего делать, прочны и красивы, хоть дороги.

18 февраля / 2 марта 1882. Четверг
2-й нед. Вел. Поста

Готовил корреспонденцию в Россию.

Получил от Rev-d Gag поздравит. письмо, что избегнул опасности быть убитым. В недоумении, послал ему записку, благодаря за добрые чувства и прося изъяснить, какая опасность. Оказалось впрочем, по словам о. Владимира, расспросившего учеников, что на днях было в какой-то газете, что воры хотели меня убить и ограбить. В добрый час бы.

Искал в лавках safe'a для хранения сосуда для мира. За 300 ен можно купить в японском магазине очень большой; жаль только, что японской поделки — замок испортится, и safe придется ломать.

19 февраля / 3 марта 1882. Пятница
2-й недели Вел. Поста

Отвез в Иокохаму на почту приготовленные письма, и искал safe'a для сосуда. Подходящего не нашел. В Иокохаме тоже поздравляли с избавлением от смерти. Оказывается, что в японской газете «Ёмиури-симбун» напечатано, будто на меня на улице напал с обнаженной саблей японец, и что я поспешил укрыться за ограду своего места; газетная эта утка перепечатана в английские и франц. [французские] газеты в Иокохаме, где я и видел статейку во фран. «Echo du Japon». Вернувшись домой, нашел и от Harrett'a известия о том же и вырезку из яп. [японской] газеты. Сказал Оогоею, чтобы завтра сходил в редакцию «Ёмиури-симбун» и попросил поместить опровержение.

20 февраля / 4 марта 1882. Суббота
2-й недели Вел. Поста

Струве оба приезжали прощаться, так как в среду совсем отправляются в Иокохаму на пароход и в Америку. С Богом! Миссия от них не видела особенного добра; хорошо, впрочем, что хоть зла не причиняли. А от своих-то и нужно ждать больше всего препятствий, все немец на немце; безучастие и ледяной эгоизм. Приезжала также прощаться Софья Абрамовна, отправляющаяся нянькой с детьми Струве; с 1858 года она в Японии; застал я ее совсем молодую, уезжает — седая.

21 февраля / 5 марта 1882. Воскресенье
2-й недели Вел. Поста

О. Павел Таде телеграммой просит прислать священника — напутствовать его; бедному — хуже. Нужно будет о. Павлу Сато поехать, хоть и неудобно это теперь. Из Оказаки от П. Сасагава известие, что посланный туда для обучения пению Яков Маедако дурно ведет себя, занимает деньги, кутит; просит Сасагава поскорее вызвать его обратно в Тоокёо и в Оосака не отпускать. Послан вызов. Из Хиросима пишут, что гонение продолжается.

22 февраля / 6 марта 1882. Понедельник
3-й недели Вел. Поста

О. Павел Сато утром совершил крещение 5-ти из Хондзэ; затем снабдился дорожными деньгами, нужными вещами и наставлениями; завтра утром отправится напутствовать о. Павла Таде; на обратном пути совершит крещение и др. требы в Одавара.

Вечером прибыл певец Роман из Маебаси, где обучал пению. Рассказывал между прочим, что там слушает учение и обнаруживает горячую ревность к Вере потомок Ницирен-сёонин'а.

23 февраля / 7 марта 1882. Вторник
3-й недели Вел. Поста

Делал распределение помещений в нагая на вновь купленном месте. Хорие не принял ни одного из предлагаемых помещений, под самыми пустыми предлогами. Что поделаешь с ним! Горд как черт, упрям, как сто быков. Прочие все — семейство о. Павла Савабе — диакона Тара Комацу, баба Яцки и баба Авано — с радостью приняли предлагаемое.

Из Хиросима опять письмо Ф. Мидзуно; на этот раз извещают, что и их чуть не убили: Мидзуно и Яцки; первый ранен и лечится казенным доктором. Опасно, что их убьют, хоть и вызывать, как? С каждым письмом известие, что слушателей все прибавляется. Только отчего слушатели не защищают их?

24 февраля / 8 марта 1882. Среда
3-й недели Вел. Поста

Вводил новые книги в каталог, распоряжался по постройке, читал пришедшую из России почту, но вообще — ничтожно проведенный день.

25 февраля / 9 марта 1882. Четверг
3-й недели Вел. Поста

Уехал Струве с семейством на «City of Тоуо» в С. Франциско. Отслужили им молебен, проводили до судна. Вечером было заседание редакции для 31 No. [номера] «Сейкёо».

26 февраля / 10 марта 1882. Пятница
3-й недели Вел. Поста

Читал «Святоотеч. [Святоотеческие] наставления о Молитве и Трезвении» Еп. [Епископа] Феофана.

27 февраля / 11 марта 1882. Суббота
3-й нед. Вел. Поста

Утром была заупокойная литургия и панихида по о. Иоанне Сакае (умершем 14 Марта н. ст. [нового стиля] 1881) и др. Пели пренесносно, точно Лазари. Сказал [нрзб.]му, чтобы положил обедню и панихиду на два голоса; на одноголосном же Тихае далеко не уедут поющие, вечно будут так козлогласовать, как сегодня, несмотря на то, что сегодня лучшие певчие пели.

Павел Хасуине [?] отпущен в Нагано, где широко известный идольский храм Зенкоодзи; на место его в Хондзэ помещен Павел Эсасика.

Приходили двое слушающих учение из Карасуяма; даст Бог, и там начнется Церковь.

Так как завтра крестопоклонная неделя, то на всеобщей был вынос креста. После всеобщей, когда я, преподав благословение, пред выходом поклонился кресту, произошло довольно сильное землетрясение; впрочем все спокойно остались на своих местах; народ, да и мы с ним, хоть нам и необычно это явление, поневоле привыкли к нему, по частости его.

28 февраля / 12 марта 1882. Воскресенье
3-й нед. Велик. Поста (Крестопок. [Крестопоклонной])

Утром о. Анатолий крестил одного из Мито и присоединил из протестантства бывшего уличного проповедника при продаже протест. книг. Да сияет крест Христов и в сердцах, и в делах, и во всем мире!

1 / 13 марта 1882. Понедельник
4-й недели Великого Поста

Утром здесь о. Анатолий отслужил заупокойную литургию по Государе Императоре Александре Николаевиче; в 11 с половиной часов была

панихида по нем же в Посольстве. До отправления на Панихиду, у меня объяснение Д. Тихая с о. дьяконом Крыжановским. Жаль бедного Я. Дм-ча [Якова Дмитриевича], ушел [?] ра [1' нрзб.], но с непобедимым заблуждением, в котором принимается свинство за добродетель, медный лоб за твердость, бессовестность за откровенность и каприз за убеждение.

Длиннейшее чтение церковных писем, из которых интересное только идеальностью Якова Такая, ругающего П. Сасагаву и берущегося исправить Маедако. В добрый час.

2 / 14 марта 1882. Вторник
4-й недели Велик. Поста

В Посольстве Царский Молебен. Дома лень и апатия. Икона, написанная японцем, оказывается негодною. Впрочем, отошлю экземпляр в Россию — мол, если дешевле и лучше нельзя там, то и здесь можем.

Миссионерские заметки епископа Николая

6 / 18 мая 1882 года

(260 страниц)

7 / 19 сентября 1891 года

1882 год

6 / 18 мая 1882. Четверг. Вознесенье.

Кагосима

Прибыл на небольшом пароходике «Мейкоомару» в шестом часу вечера. Проводник Давид Онума встретил на шлюпке. Отправились в его квартиру: живет у христианина Ноя Нозаки и платит 6 ен; небольшая комната, где — икона молящегося в Гефсимании Спасителя, в рамке, как картина, пред ею лампадка, впереди — столик с Новым Заветом и молитвенником, — вот и все снабжение молитвенного дома. Пришло несколько братии. Расспросил о Церкви. Церковь здесь одна из самых юных. Проповедь началась в 1878 году. Послан был Иоанн Оно. Потом был Павел Козаки; помощниками у них служили Фома Оно и Давид Онума, который — единственный теперь и заведует здесь проповедью. Христиан здесь ныне: 18 всего; из них 13 крещены до Собора прошлого года; крещены в этом году, только что бывшим здесь предо мною о. Яковом Такая. Один христианин из прежних крещенных умер. Один — в Катихизаторской

школе (Фома Танака). Из 17 христиан — 12 мужчин и 5 женщин. Мужчины все взрослые; из женского пола трое взрослых, двое детей.— Из христиан только трое дворян, и те непригодны для проповедничества: Иоанн Такезаки — 55 лет,— занимается огородничеством, Симеон Имаи — 61 года,— торгует, и Иоанн Киноваки — служит при тюрьме, болен чахоткой. Последний родом из Сендая — города недалеко от Кагосима, где также много сизоку, и просит проповедника туда, обещаясь найти слушателей между своими знакомыми.— Домов христианских 11. Сицудзи 1 — Стефан Иваки; советников (ги-юу) по церковным делам 2 и казначей (кин-но адзукэ-нуси) 1.

Церковных расходов у них до сих пор и не было; масло же на лампу, или свечку покупал иногда катихизатор, иногда кто-то из христиан. Но чтобы собрать денег на Церковь, они с генваря текущего года придумали следующее. Ежемесячно каждый христианин жертвует сумму, какую желает,— есть дающие 50 сен, есть — 25, 10; все деньги по собрании их казначеем отдаются в банк на проценты; и процент-то собственно составляет доход Церкви; вносимый же капитал считается собственностью каждого, и может быть при экстренном случае (хидзео-но коро) взят обратно — как собственность.— До сих пор внесено всего капиталу ен 20; процент 7/[?] в месяц, стало быть у Церкви Кагосимской есть собственных денег: 1 ена 41 ²/₁₀ сен.— Вносят, как я видел, по записи очень аккуратно, к 24-му числу ежемесячно; если в семействе несколько христиан, то после хозяина прочим не обязательно вносить, а по желанию.

Стали христиане толковать, что еще Иоанн Оно хотел построить церковный дом, так как после пожара здесь квартиры весьма дороги; кроме того, здесь народ-де легко привлекаемый внешностью, для представительности нужно — видный церковный дом.

На молитву в субботу и воскресенье собираются человек 7–8; сегодня утром также была молитва, и человек 7 было. Во время молитвы не поют — некому, а читает сам катихизатор.— Так как христиане не все собрались, то я сказал, чтобы к восьми часам постарались собрать, по возможности, всех (восемь часов вечера — у них обычное время для предпраздничных молитвенных собраний),— пока же отправился в сопровождении Онума и Иоанна Накасима (казначей Церкви, портного ремеслом) взглянуть на город.

Город Кагосима состоит, как говорят, домов из 10 000; разделен на верхний (камимаци) и нижний (симомаци); в первом — в прежние времена по преимуществу жило дворянство, в последнем — простонародье, хотя тоже много и дворян было; но теперь, после войны и пожара, и дворяне селятся больше всего в симомаци, а камимаци начинает пустеть. Пожаром, во время возмущения — Сайго, истребило весь город — камимаци и симомаци. Сжег город бившийся тогда с инсургентами морской министр Кавамура, потому что иначе решительно нельзя было

одолеть инсургентов; они крылись в домах и за домами, били империалистов безнаказанно и продолжали бы так долго еще, если бы пожаром не выгнаны были за стены бывших княжеских строений, а оттуда в гору, где и были побиты — Сайго, Кирино и почти все поголовно. Стены теперешнего госпиталя — в то время здания знаменитой военной школы Сайго «сигако» (а прежде того, кажется, княжеских конюшень), равно как стены почти все — каменные, какие есть в городе, носят на себе следы ужасной битвы до сих пор; в иных местах — точно решето, изрыто пулями империалистов; жарко было инсургентам; но нехолодно и их противникам, судя по тому, какого труда и сколько пороху и свинца им стоило одолеть врагов.— После смерти Сайго также царит над своими приверженцами: ему среди них устроен великолепный каменный памятник — на горе, в конце камимацци. Там целое кладбище павших в восстании, и что за великолепное кладбище! Прямо — по входе по каменным лестницам на гору — храм, где боготворят Сайго и его мертвое войско; проходя мимо храма (небольшой) по правую руку — большой монолит — княжескому сыну Сацума, юноше восемнадцати лет, только что вернувшемуся из Европы и вступившему тоже в ряды инсургентов, убитому вскоре же затем. За храмом — аллея, против которой широкий подъем по каменным ступеням на верхнюю площадку, где — прямо против середины — массивные камни памятника Сайго; на нем ничего не написано, кроме его имени,— мол, история знает, кто такой Сайго; по правую руку его Кирино, по левую — Синовара,— камни почти такие же массивные; затем — целый ряд начальников восстания, за этим великолепным рядом следуют много рядов меньших памятников — простых инсургентов; таким образом, здесь в лице своих каменных глыб — целое каменное войско в чине и порядке, как будто на смотр; на нижней площадке также везде памятники; наконец, огромный камень поставлен тремстам неизвестным. Все, кому здесь памятники, и похоронены под ними. Кладбище содержится в примерной опрятности; пред большинством памятников — живые цветы; пред Сайго — огромные букеты.— На вопрос, кто поставил памятники, отвечают,— родные, но, конечно, с участием приверженцев.— Далее непрерывно можно находить пред Сайго мавзолеем головопреклоненных и молящихся. Удивительное дело: этот человек виною опустошения нескольких областей, сожжения города, смерти десятков тысяч, и до сих пор все его чтут! Знать, за ним есть польза, и эта польза несомненно есть, это — кровопускание, чрез которое избыток беспокойных сил Японии испарился; Сайго — ланцет, которым была пущена кровь Японии; жаль только, что с застарелою — дряною кровью самурайщины вытекло много свежей и питательной.

Вернувшись в восемь часов к Ною, нашли почти всех христиан в сборе; не было, между прочим, Стефана Иваки — сицудзи, он же и в качестве катихизаторского помощника, так как ежемесячно получает от

Миссии 3 ены, по преставлению Козаки.— Отслужили вечерню. Читает Давид Онума очень хорошо; из христиан — старики Симон и Петр — самые старые в Церкви — нимало не умеют положить на себя крестное знамение; видно, что они не пытались и знакомиться с этим делом, хоть старые христиане, времени Иоанна Оно. После службы сказал проповедь о необходимости новым христианам стараться осветить Христовым учением для других; писано Христово учение в книге — не понимают люди, писано в природе — тоже; поймут люди — только в людях. А выражать в себе христианское учение — значит — любить Бога и любить ближних.— Первое значит — не делать ничего неодобренного Богом, значит — воздерживаться от всех страстей и пороков, кроме того, посвящать себя Богу и душевно, и телесно — относящимся к внешним предметам, например, жертвовать на храм Божий (рассказан был пример Апостольских христиан, как они все имущество свое отдавали Богу). Любить ближних — значит делать каждому то, что каждый из нас делает любимому брату или сестре.— Сказано было, между прочим, о необходимости для христиан освящать все свои дела, посвящая их Богу, чтобы сделать их почтенными, Божией печатью отметить их; сказано было также о важности креста и как его нужно изображать на себе.— Были на проповеди двое-трое язычников и протестантский учитель.— По окончании, хотя не было сиудзи налицо, пришлось советоваться о церковных делах. Именно,— я рассказал, что не полезно для самих христиан будет, если церковный дом будет построен без их участия, а пусть церковный дом — будет произведением их душевной потребности, выявится из их внутреннего мира, тогда они будут любить свой церковный дом и заботиться о нем. Но, конечно, они сами не могут вполне построить; решительно невозможное для них сделано будет благочестием русских христиан (рассказал, между прочим, как настоящие христиане охотно и скромно жертвуют). Итак, предложил им от себя собрать четвертую часть суммы, потребной для покупки земли под церковный дом и для постройки церковного дома; прочие же три части обещал дать из пожертвований русских христиан; например, если они соберут 100 ен,— я дам 300, если соберут 200, я дам 600. Предложил им посоветоваться между собою и сказать мне, сколько они могут пожертвовать, обещаясь соответствующую сумму дать хоть сейчас же, так как для этого еще в Тоокёо приготовился.— Чтобы они свободнее держали совет с Романом, ушел в гостиницу, приготовленную для ночлега.— Через час Онума известил, что теперь вдруг христиане не могут решить, сколько пожертвуют, а пришлют ответ к Собору. Говорил Онума, что — одушевлены и хотят побольше собрать; но если при первом ударе не вырубилось огня,— вряд ли будет потом. Кажется, бедны очень, да и мало их, и христианского одушевления немного.

7 / 19 мая 1882. Пятница.

На пути из Кагосима в Нагасаки на пароходе Мейкоомафу

Утром в семь часов — время найденное катихизатором за весьма удобное, назначено было собраться к богослужению. Пришедши в семь часов, не нашли почти ни одного из христиан. Поэтому пошли вместе с Онума еще взглянуть на город. Взобравшись на холмы в старом Симомаци, мимо молельни недавно построенной в честь своих предков, увидели город преимущественно с левой стороны (если смотреть с пристани) — со стороны Симомаци, — как вчера — а место погребения Сайго — видели больше со стороны Камимацци. Особенного ничего не представляет. Широкая улица, идущая вдоль несколько наискось налево — разделяет город на Симо и Камацци; середина города — против Губернского Правления (кенче); квартира катихизатора также почти на середине, — и здесь самое удобное место для Церкви, если только можно будет найти свободный подходящий участок земли и не будет очень дорого (цена земли в лучших местах, по сказанию христиан, за дубо 3 ен, что применительно к нынешним тоокейским ценам не особенно дорого). Город тянется вдоль рейда узко-длинною полукруглою полоскою; плоские, невысокие горы замыкают его. Замечательных по архитектуре зданий нет, если не считать таковыми кенче, сайбан, построенные, как обычно теперь, по иностранному. Такой же архитектуры (иностранной) и госпиталь, замечательный разве тем, что его выстроила секта Иккоосиу и подарила Правительству. Храм Иккоосиу — огромный, также виднеется среди города, и проповеди в нем каждое утро и вечер; собираются человек по 200 слушать. Эта секта еще не совсем вымерла. Особенно усиливаются они в Сацума, куда до последнего времени (гоиссин) не имели входа вследствие того, что когда-то бонза их секты провел Хидеёси с войском в Кагосима. — От княжеских зданий остались одни каменные стены; нынешний князь живет за городом, по взморью, в бывшем Бесео, а Симидзу Сабуро, его отец, знаменитый европейский ненавистник, убийца Ричардсона, живет на горе, по направлению Симомаци. Против города на рейде виднеется во всей своей красе остров Сакура-дзима, 7 японских миль в окружности, пятнадцатью деревнями на нем, с не совсем еще угасшим вулканом и со множеством горячих ключей.

Вернувшись к восьми часам в квартиру катихизатора, нашли христиан, пришедших — кто мог — человек 12. Стефан Иваки тоже оказался здесь; по-видимому ни на что живое уже не годный старик, притом же и креститься еще не научившийся. После обедни сказана была проповедь о необходимости молитвы для последования Христу (в Евангелии было: Аз есмь путь...) В половине десятого простился с христианами здесь, чтобы вновь повидаться с каждым в его доме. Хотелось посетить всех, чтобы не только видеть на местах ли у них святые иконы, но и составить себе некоторое понятие о достатках их. Христианские дома разбросаны

по городу, что делало бы удобство для скорейшего расширения Церкви, если бы они имели христианское одушевление, но недостаток последнего сказывается в том, что, за исключением трех домов, во всех прочих христиан по одному, и христианский элемент в домах весьма слаб, даже Стефан Иваки — катихизаторский помощник — не обратил и своего сына в христианство; мало того, во всех одиночных христианских домах идолаи стоят на божницах, а иконы спрятаны. Это меня возмутило, особенно у Стефана Иваки; в небольшой хате большая божница, на самом видном месте, с идолами; «А икона где?» — «Стекла не приставлено к ней, поэтому не поставлена». Тут же и катихизатор Онума оправдывает еще: у него-де сын язычник, так это идолаи для него.— Хорош катихизатор, да хорош и священник Такая, только что бывший здесь и не наставивший, как обращаться с иконами; но лучше всех Козаки, рекомендовавший Стефана Иваки в катихизаторские помощники — ревностно-де помогает по проповеди, когда он еще, по всему, сущий язычник, и ни в чем, как отзывается Онума, и не думает помогать, да и неспособен по дряхлости. Полагайся на добросовестность проповедников! У стариков Симона и Петра также не нашел икон на стенах,— у первого, впрочем, и нет ее, у второго есть, но спрятана,— а идолаи стоят на своих местах; видно, что он не молится, когда нет иконы, ибо и креститься не умеет. А у одного (Иоанна Кайеда) икону нашел торчащею на притолоке, а повыше ее висит отвратительнейшая огромная харя — как будто поругание над святынею, но не поругание, конечно, а незнание, как обращаться со святынею, и свидетельство, что здешние катихизаторы не позаботились научить христиан, а священник, посещая Церкви, не вникнул во все это, и не исправил.— Нужно это на Соборе поставить на вид священникам и катихизаторам.— У больного чахоткой на последнем исходе (Андрея Мацура) и есть икона, да спрятана, и он, как видно, не наставлен иметь утешение в молитве в своем безнадежном положении. У Иоанна Киноваки, тоже больного чахоткой, также икона спрятана — «не обделана-де», но этот хотя оправдывается тем, что молится пред крестом; но опять беспорядок и неумение — крест телесный должен быть на теле, а не на стене. Словом, очень нужно внушить катихизаторам, чтобы они учили христиан, как обращаться со святынею. У Иоанна Накадзима внушал его матери Марии, чтобы простила невестку и пустила ее опять в дом к себе; сын любит ее и желает жить с ней, и у них уже дитя есть, а мать не хочет простить за то, что невестка, как-то рассердившись, ушла из дому, сказав,— «не приду больше». Не знаю, послушает ли,— обещалась подумать. Говорят «касира варукатта», я думал,— у невестки голова не в порядке; оказывается, как подсказал Онума,— «хадзимекоре — варукатта»,— язык кагосимский не вдруг поймешь.

Из инославных — католиков здесь совсем нет, епископалов, по словам Онума, человек 80, методистов человек 30 и Ицциквай — 10; у всех, кроме проповеди, есть училища для детей, которыми преимущественно

и привлекают, так как учат совсем даром, тогда как в Правительственных школах нужно хоть 10 сентов вносить, что для обедного народа также в тягость. У всех инославных куплены или построены вновь помещения для молельни и школы.

Кагосима — кишит молодежью воспитывающеюся; нигде столько не видал мальчуганов — учеников и больших, и малых, как здесь, так как здесь больше, чем где бы то ни было в Японии было военного люда. И сизоку здесь еще весьма много: по улицам бродят, или выглядывают из домов мрачные, с усами, несколько, по-видимому, отошальные, но все же гордые и крепкие самураи; здесьто, в самом деле, материалу для катихизаторской школы, а равно и для Семинарии, но как его достать? Проповедника сюда нужно очень хорошего, который бы познакомился с сизоку, их заинтересовал, из них сделал орудия для расширения Церкви здесь; лишь бы образовать двое-трое из них способных к проповеди, тогда людей бы, мне кажется, нашлось бездна для служения Церкви. Но кого послать? Вот вопрос! Разреши его Сам Ты, Господи, и призри на люди сия!

Так как в Кагосима мне нечего было делать, а «Мейкоомару», на котором я пришел, уходил обратно сегодня в Нагасаки, то я и отправился на нем. Несколько из младших братьев проводили до судна. По обыкновению, отход был отсрочен, что нам дало возможность вновь съездить на берег — посмотреть знаменитый фарфоровый завод «Таноура» — сетомоноя. Завод весьма малый, но производимые на нем вещи действительно заслуживают удивления по красоте и тщательности золотого и красочного рисунка на них. Показали весьма любезно.— Дальше завода, по взморью, видны бумагопрядильная фабрика, ныне стоящая без дела,— устроена иностранцами,— за нею училище Сацумского князя. По левую сторону от завода — к городу — кладбище империалистов, павших здесь в битве с Сайго, но памятники им маленькие; есть, между прочим, и Петру Накагава, из Сендая.

Если из Кагосима в Кумамото идти береговой дорогой, то нужно на пароходе (ходящем ежедневно) пересечь миль зя пять от Кагосима вправо — в город Кацики, оттуда миль 45 до Кумамото, но дорога весьма трудная — по горам, дня 4–5 берет.

Давиду Онума поручено:

1. Наставить христиан как обращаться с святыми иконами; для тех, у кого (в двух домах) нет, поскорей выписать из Миссии.

2. Постараться всячески прекратить семейный раздор в семье Накасима.

3. Пред отправлением на Собор взять от христиан определенное сведение, как и обещано ими, сколько от себя они могут собрать на храм.

4. Избрать вместе с христианами несколько сицудзи, а не иметь одного, только имя «сицудзи», по-видимому, носящего.

5. Пред отправлением на Собор заявить, что он не может пред Церковью свидетельствовать, что Иваки помогает ему по проповеди, потому что это была бы ложь, и что поэтому и о геппи (?) Стефану не будет хлопотать.

На дорогу на Собор Давиду Онума дано 18 ен, по расчету: от Кагосима до Нагасаки на пароходе $3\frac{1}{2}$ ены, от Нагасаки до Токио 12 ен (так теперь едет со мною Роман); в Нагасаки, быть может, придется несколько ждать пароход, на это $2\frac{1}{2}$ ены, — всего 18 ен (вместо получавшихся им доселе 25 ен по их собственным расчетам и поездкам).

Из христиан кагосимских нет ни одного бросившего Церковь, или охладевшего до того, что не ходит на общественную молитву, как в прошлом году я часто встерчал в других Церквах. Это — к похвале кагосимских христиан. Учеников — ни в Катихизаторскую школу, ни в Семинарию — ни одного нет.

В четыре часа после полдня снялись с якоря. На дорогу снабдился плодами бива, которые здесь превосходны. Вместе едет, между прочим, какой-то чиновник из Нагасаки, который разом начал приравнивать разветвления в христианстве к ихним разделениям в Синто; как им нравится спросонья отмахиваться от брызжущего в окна света мертвой лягушкой в руках, засушенной в виде веера!

*8 и 9 / 20 и 21 мая 1882. Суббота и воскресенье.
Нагасаки*

В первом часу пополудни прибыли в Нагасаки. Действительно, на пароходе — не совсем плохом — всего двадцать часов ходу от Нагасаки до Кагосима и обратно.

До поездки в Кагосима и теперь несколько ознакомился с Нагасаки. Поражает множество храмов. Сига говорит, что их больше ста; вся нагорная сторона города — как бордюром — обведена непрерывною цепью храмов, и все великолепные храмы; я был утром в Сувася, откуда прекрасный вид на все Нагасаки, с Сигой — в храмах Монтосиу и Зенсиу, — все редкостно богатые и весьма красивые. Должно быть, присутствие иностранного элемента реагировало на религиозное чувство японцев, чтобы поставить оплот вторжению, — бесплодно, впрочем. Остатки католичества ожили, и все Ураками — католические; в городе также, говорят, много католиков. Протестантов — епископалов — также немало (около сотни, говорят), есть и другие секты. Видны храмы: католический, два — влево от него и три на Десима (90 шагов ширины, 360 шагов длины); школы христианские тоже всех сект. Нужно бы и нам в Нагасаки катихизатора, но серьезного, немолодого, который бы не потерял авторитета и при иностранных миссионерах. Сига очень просит и говорит, что будет содействовать ему. На Соборе нужно будет предложить о сем.

На пути из Кагосима пред входом в Нагасакский рейд — ряд островков, между прочим, Такасима, на котором дымится труба машины угольно-копийной; островок крошечный, копи идут на большое пространство под морским дном.

В Нагасаки застал три русские судна — «Герцог Эдинбургский», «Пластун» и «Вестник». — На первом был в воскресенье у обедни. — Вечером перебрался на «Роккоомару», идущее в Кумамото. В двенадцатом часу ночи снялись, в седьмом часу утра в понедельник были на месте; ходу между Нагасаки и Кумамото обыкновенно 6–7 часов. Цена первого класса 3 ены, третьего класса — 1 ¹/₂ ены. (Между Нагасаки и Кагосима: 1-го класса — 5 ¹/₂ ен, 3-го класса 3 ¹/₂ ены: от Тоокё до Нагасаки — 1-го класса 27, 3-го класса 12 ¹/₂ ен.) Подходя к Кумамото, направо виден остров Амакуса, налево — Симабара в Хизен. Прибрежье Хинго очень мелко; пароход останавливается далеко от берега, и пассажиры на шлюпках переезжают (целый час пути) до берега. У берегов — целый лес хворосту для разведения ракушек, идущих на удобрение. Берег весь защищен от моря каменною набережною — гигантское сооружение князей Хосокава. Шлюпка останавливается по реке, недалеко от устья, в деревне Хяккан; если же прилив, то может пройти еще милю по реке до деревни Такахаси. От Хяккан 2 ри до Кумамото, от Такахаси — 1 ри. Мы сошли в Хяккан и заплатили по 45 сен за тележку до Кумамото.

10 / 22 мая 1882. Понедельник.

Кумамото

В десять часов утра прибыли в Кумамото! В прошлом году, до Собора, был здесь один крещенный, теперь 3, но новых, а прошлогодний не ходит в Церковь, совсем испортился поведением, и в счет не может идти. (Впрочем, нужно позаботиться о нем). Из христиан 2 сизоку: Иоаким Накамура (тридцати трех лет), изобретший машину для расчесывания ваты, и Яков Усидзима — двадцати лет, имеющий поступить в Катихизаторскую школу; один — хеймин — Матфей Ямамото, двадцати пяти лет, изобретший часы с своеобразными какими-то показателями. — 3 христианина в трех разных домах. Христиане, по-видимому, очень усердные. Икон у них в домах еще нет (странно, как священник не заботится о снабжении своего прихода иконами; нужно об этом сделать наставление ему). В молитвенной комнате — икона Спасителя, маленькая, комнатная; обещались прислать хорошую, побольше.

Из инославных здесь — епископалов человек 7–8; из Нагасаки англикский епископальный миссионер иногда приходит. Кроме того, отсюда много учеников у Ниидзима в Сайкео, — он иногда приходит сюда, чтобы набирать для школы; немало учеников в Нагасаки в Епископальной школе, есть и ученицы отсюда там.

Кумамото прежде принадлежал Катоо Киемаса — любимому военачальнику Хидеёси. Катоо Киемаса построил здесь крепость; при Токугава за какие-то проступки сына Катоо владения были отобраны у него и отданы князю Хосокава (54 ман-коку; четвертый между князьями по богатству после Кага, Сендай и Сацума). Крепость поражает своею грандиозностью и высотой бастионов; венчавшие их башни сожжены в минувшую войну, но и без них она кажется необыкновенно высокою. — Город Кумамото — очень разбросан; домов до 10. 000; больше половины сизоку. — Нравы очень грубые. Даже энзецу нельзя сделать без того, чтобы народ шумом и гамом нарочно не помешал. Множество еще людей — совсем отсталых, образчик каковых мы видели проезжая город, — кавалькада совершенно вроде тех, что были при Тайкунах; двух сабель за поясом только не достает. — В крепости — постой войска (цин-дай), больший, чем где-либо в других крепостях Японии.

Теперешний здешний катихизатор Анатолий Озаки живет в середине города; на квартире его любят и готовы и вперед держать (чем здесь нельзя не дорожить, ибо прежде нигде не хотели принимать христианского проповедника). Катихизации он говорит внизу, молится с братьями во втором этаже, в комнате в 8 матов. Молитвы бывают в субботу в семь с половиною часов, в воскресенье в девять с половиною. Пения еще нет, простое чтение.

Сицудзи еще нет; впрочем, на нынешний Собор придет уполномоченный от братии Яков Усидзима; кстати, и останется для поступления после каникул в Катихизаторскую школу. Озаки об нем свидетельствует, что достоин; о. Яков Такая, бывший здесь, произвел ему экзамен и также нашел достойным поступления в Катихизаторскую школу.

После Собора сюда также непременно нужно проповедника. Озаки, говорит, что продолжать, хотя и туго идет, непременно нужно; если теперь бросить, то после весьма трудно будет опять начинать. — Помоему, сюда, как и в Кагосима, нужны самые лучшие люди, чтобы открыть новые рудники катихизаторства, весьма нужные нам в последнее время, по обеднелости прежних.

Недалеко от Кумамото (1 ри) Суйдзендзи, загородный дворец князя с замечательным садом и ключами в нем; в $1/2$ ри — Хонмеодзи — могила Катоо Киемаса, весьма чтимая — по убеждению, что молитва ему исцеляет от глазной болезни. Рекомендовали осмотреть эти места, но я не видал, торопясь продолжать путь.

С тремя братьями и катихизатором совершили молитвословие, сказал им небольшое поучение о том, что они должны дорожить милостию Божию, что первые удостоились сделаться христианами, и должны, отвечая призыванию Божию, тщиться быть истинными христианами; пробыл в Кумамото 3 с половиною часа. В половине второго отправились в Янагава в сопровождении и Озаки, поехавшего под тем предлогом, что тоже хочет завязать крепче связь Церкви Кумамото с Янагава.

Я ему дал на дорогу на Собор по расчету:

До Хяккан	45 сен	До судна 25 сен	=	70 сен;
До Нагасаки		»		1 ен 50 сен
До Тоокёо		»		12 ен 50 сен
Ходзео		»		2 ен 80 сен
		Всего:		17 ен 50 сен
				круглых числом

Расписку он напишет в Тоокёо, когда придет на Собор.

В трех ри от Кумамото – селение Уеки – домов 200, откуда к Озаки приходили слушать; и здесь бы хорошо проповедывать, только для этого нужно быть двоим в Кумамото, чтобы один мог оставаться русеум, иначе начавшие учиться христианству, толкнувшись раз-другой, перестанут ходить.

До Ямага – 6 ри от Кумамото – дорога превосходная, вновь исправленная; гор по дороге мало; но кругом все холмы, замыкающиеся со всех сторон горами, между которыми направо виднеется и дымящийся вулкан. Места все превосходно возделаны; больше всего пшеницы и ячменя, которые в отличнейшем состоянии, и почти везде созрели для жатвы. По сторонам дороги – деревья, плод которых доставляет воск для свечи. А в небесной лазури дрожит и мало-помалу исчезает в синеве оглашающий залитую солнечным светом местность веселою песнею жаворонок.

Ямага – город с 1500 домов, в числе которых есть и сизоку. Мы остановились в гостинице «Меной», хозяин которой женат на племяннице Николая Итоо, умершего в России. Здесь же – меньше мили от Ямага – родина Итоо, и там теперь жив его приемный отец и вместе старший брат, очень печалившийся о смерти Николая (Нонака и Фукуда, которых когда-то Итоо поместил в моей школе, также отсюда родом). Мы сходили в теплую ванну минеральных ключей, которыми знаменит город Ямага. Ванна обделана в мрамор; в соседнем отделении – княжеская (Хосокава), еще в соседнем – общая, где раздавались голоса человек сотни.

Озаки, между тем, послал известить Итоо, который хотел видиться со мной. Часов в десять пришел он, дядя Николая и трое родных еще. Я рассказал о Николае и советовал последовать примеру его веры. Охотно изъявили желание слушать учение; я предложил им Озаки, или, если им теперь неудобно, катихизатора, который придет после Собора. Итоо говорил, что у него второй сын – десятилетний мальчик так и назначен – довести до конца намерение своего дяди – образоваться в России для целей, которые имел его дядя, и сам мальчик уже твердит, что он

приедет в Россию; когда ему будет пятнадцать лет, тогда Итоо представит его в школу на Суругадай. Я сказал, что охотно приму.

11 / 23 мая 1882. Вторник.

Янагава

Христиан здесь 7 человек: Симеон Ёсида, 45 лет, и сын его Василий, 14,— зонтичный мастер; Авраам Тадзима, 53 лет и сын его Стефан, 17,— собая; Матфей Сато 18,— комея, отец слушает учение; Павел Айноура, 15 лет,— ученик цюгакко, отец — закладчик (сиция), учения не долюбливает, хотя не помешал сыну креститься; Елисавета Кавано 54, мать Кавано Петра — катихизатора. Есть еще 1 оглашенный 18 лет, отец — сомея. Все христиане, кроме мастера Кавано, из хеймин. Домов христианских 5.

Сицудзи еще нет. Все христиане только что получившие крещение несколько дней назад от о. Якова Такая.— Проповедь здесь начата всего с генваря 1882 года — Стефаном Кунгимия, который и теперь здесь. Пред отъездом на Собор я советовал ему, уже посоветовавшись с христианами выбрать между ними старосту, которому и поручить Церковь на время отсутствия катихизатора.

Есть здесь и еще слушающие учение.

В Янагава домов около 2000, народонаселения больше восьми тысяч, из коих не меньше тысячи — сизоку. Князь здешний — Тацибана — тосама, получил 12 ман коку; крепость стояла окруженная со всех сторон широким рвом с водой; теперь она совсем разрушена, деревянные здания все сгорели (должно быть, подожженные) пред сдачей крепости Правительству; камень свезен для сделания плотины от моря (которое отсюда в 1 ¹/₂ ри), и на бывшей крепостной площади стоит коровий хлев. Князь живет недалеко от крепости — под соломенными крышами.

Народ в городе теперь не гонит христианство и даже не хулит его открыто, но нерасположен и принимать,— равнодушен. Бонзы также открыто не восстают на христианство, но составили несколько общин — с главным принципом не слушать и не принимать христианского учения.

Выехавши в семь часов утра из Ямага, прибыли в Янагава в три часа пополудни, хотя всего 10 миль, гор много, особенно на первой половине дороги. Поля везде — под ячменем и пшеницей, даже овес виден, но уже готовятся и рассадками риса; недели чрез две настанет самая горячая пора для крестьян снимать теперешний посев, готовить поля под рис и садить рис. Несмотря на прекрасно возделанные поля, крестьяне живут, однако, бедно, наподобие того, как я видел в Намбу и Акита; хижины очень плохие и грязные. По дороге видели два кладбища с империалистами.

Янагава стоит на ровной местности; кругом река, разливающаяся на много рукавов и каналов в город, особенно в квартале сизоку. Река знаменита рыбой унаги, которыми славится Янагава — так, что в Тоокёо «унагия» называется Янагава.

В городе 1 ¹/₂ ри от Янагава, что по обе стороны реки, в первом часу мы остановились, чтобы пообедать. Петр Кавано, катихизатор Куруме и уроженец Янагава, здесь уже ждал нас (к сожалению, ибо видно, что в Куруме дела мало, если катихизатор так далеко может отлучаться). Пообедали суси в ящичках, за неимением меси. Стефан Кунгимия встретил у города. В его квартиру тотчас собрались христиане, кроме мальчика Павла, которого отец, язычник, видимо, нарочно не пустил, а тотчас же услап куда-то на целый день. Совершили обедню, после которой сказал маленькому стаду о необходимости подражания Христу. Слово мешало отчасти то, что за каждым моим выражением следовали поддакивания всех и поклоны — «мол, слушаем». Отправились затем посетить дом Кавано и совершить молитву и там.

У Кавано — приемный отец, мать (Елисавета), две взрослые сестры (одна уже была замужем) и младший брат лет пятнадцати — ученик Циугакко. Дом с огородом, около реки; земли больше нет; отец состоит банто — в компании продажи лекарств. Веру не ненавидит, но равнодушен и, по-видимому, заражен гордостью. После обычных приветствий и угощения, совершили молитву, и я сказал старику несколько слов наставления; обещал с этого времени заняться изучением вероучения, — дай Бог, чтобы послушал.

На обратном пути зашли в храм Зенсиу, где усыпальница бывших удельных князей, также их короо и главных сизоку. Надгробные камни всех князей — под крышей, содержатся в порядке, который, однако, клонится к упадку. На пути оттуда встретили в дзинрикия самого князя, лет сорока пяти, живущего уединенно, занимающегося рыбной ловлей и прочими мирными делами, Кавано был у него прежде и заговорил о вере, но тотчас же получил и ответ — «после послушаю», — совершенно, как в Книге Деяний отвечал Павлу один тоже квазоку. Что ж? История, как течение, катится чрез таких, находя их мелкими, чтобы останавливаться из-за них, и — слишком маленькими, чтобы выявлять их — вехами, а могли бы они легко быть таковыми, если бы у них хоть немного было великости души и широты взгляда; каждому князю, как ни упали теперь князья, как легко было бы оказать великую услугу своему народу — принятием христианства; народ за ним пошел бы толпой, а теперь он стоит неподвижно.

Вернувшись домой и пообедав, между прочим, превосходными унаги, мы ждали часов до девяти, пока собралось порядочно слушателей. Отслужили вечерню, после которой слово отчасти к христианам — первоначальные наставления о молитве, о посвящении всех своих дел Богу, отчасти к язычникам о необходимости христианства и опровержении

клевет на него.— Около одиннадцати кончено было, но остался один доктор Мунаката, видимо, наклонный к христианству, расположенный к нему первоначально своим сослуживцем Такаги в Кокура. Пробеседовали с ним за полночь. Обещался прислать ему все наши христианские книги с катихизатором после Собора, так как выписать бы их теперь, посылка будет идти дней 40–60, как обычно здесь. (До Нагасаки приходит скоро, а оттуда ждет случая иной раз месяца два).

Кунгимия с верующими здесь также совершал уже общественную молитву — по субботам, в воскресенье еще не начинали, ибо доселе они не были христиане.

Христиане здешние, хоть мало их, видимо ревностные, особенно юноша Стефан; я звал его — года через два — в Катихизаторскую школу на год, чтобы потом быть здесь пособником катихизатору.

Катихизаторская квартира здесь хоть дешева, всего 2 ены за целый дом,— но неудобна, ибо совсем позади главной улицы, трудно найти. Советовал найти где — на виду, для удобства людей. Впрочем, тоже удерживать, пока найдено будет, даже и на время отсутствия катихизатора, когда он пойдет на Собор. Сицудзи может беречь его, и братья по праздникам будут собираться для молитвы.

После проповеди, когда остались одни братья, советовал им выбрать между собою сицудзи. Кстати, тут же почувствовал недостаток определенных правил для руководства сицудзи: какие его обязанности, что он должен делать для Церкви; в самом деле, нигде определенного ничего не сказано, за исключением упоминания в катихизаторских правилах, что сицудзи, в отсутствие катихизатора, должен заботиться о его семье. Нужно будет составить инструкцию, напечатать и разослать по Церквам.

Из инославных в Янагава: человек 30 Ицциквай, но они теперь без пастыря и в расстройстве почему-то с своими заправителями; Кавано ожидает, что они кончат, сделавшись православными. Еще здесь 2–3 человека общества (Доосия?) Ниидзима, что в Сайкео, и отсюда, кроме того, 4–5 учеников в школе в Сайкео. Ниидзима, в самом деле, очень ревностный и способный протестант и направляет свою деятельность преимущественно в эти места, по-видимому.

В окрестности Янагава Кунгимия звал в Энокидзу, где больше 1000 домов, город в 1 1/2 ри от Янагава, в 7 чё от Вакацу — рейдового города. Слушатели там будут, если проповедывать.

Здесь — в Янагава, у Кунгимия еще нанимается для катихизации только комната в городе; впрочем, сделано только начало.

Икона в молитвенной комнате здесь «Моление о Чаше Спасителя» — маслянными красками, небольшая, в золоченой раме. Обещался прислать еще — хорошую икону для молитвенной комнаты, а также христианам, у которых ни у кого еще нет икон в доме. Такая оплошность священника! Не позаботился запастись! И вся Церковь терпит!

12 / 24 мая 1882. Среда.

Куруме

Христиан здесь еще нет, ибо проповедь здесь всего с полгода была; прежде мешали Кавано: не давали квартиры, потом он болен был. Но теперь слушающих учения человек 10 надежных есть, из них 4 особенно надежны, — Номура — муж и жена, отец жены, жена доктора Кудо. — Все слушающие здесь — сизоку — учителя, или адвокаты, врачи. Особенно ученый из них Анекава, пятидесяти лет (очень похожий на Иоанна Соноя), изучавший прежде протестантство.

Домов в Куруме тысяч семь, из них до трех тысяч сизоку, по словам Анекава.

Инославных обществ здесь тоже нет, а есть человека 2–3 протестантов, сделавшихся таковыми в Нагасаки. Учеников отсюда у инославных тоже едва ли много, меньше, чем из Янагава.

В 3 ри от Куруме есть деревня Имамура, состоящая из 106 домов, из них сто домов — католические; кроме того, в соседних пятнадцати деревнях много христиан, так что всех католиков в этой местности до тысячи человек. И католики в Имамура считаются самими лучшими, ибо в продолжении трехсот лет сохранили, по преданью, даже крещение — родители сами крестили своих детей; все гонения выдержали и не бросили веры; только пред «Гоиссин» — бывшее гонение от тайкоунского правительства — заставило всех отречься от христианства — мол, мы его и не знаем; к счастью, с падением сеогунства и расширением свободы католики Имамура опять вернулись к прежней своей вере; теперь у них постоянно живет французский патер — доктор; как доктор и путешественник живет в Ядо со всеми врачебными принадлежностями на виду. Собираются строить Церковь, очень строго соблюдают воскресный день, ничего не работают, даже будучи наняты рабочими в другие дома; деревня бедная, ибо христиане не сносятся с соседними язычниками, не входят в родственные связи, вообще живут особняком.

В Куруме и после Собора непременно нужен проповедник, и солидный, ибо хорошее начало сделано тем, что первые слушатели найдены между сизоку. Если будет Церковь, даст Бог, отсюда найдутся люди для Катихизаторской школы.

Выехавши утром из Янагава, ехали все время великолепно возделанною долиною; здесь рис уже начинают садить; орошение водой обильное, зато развиваются иногда во время жары заразительные болезни; а в четыре-пять лет раз бывает наводнение во время ньубай, так что жители деревень сносятся между собою, путешествуя на лодках. — Народ живет гораздо богаче, чем вчера мы видели по ту сторону Янагава, — дома везде исправные, кое-где — превосходные. Местные жители много делают цветных и простых циновок, для чего много нив засеяно циновочною травюю.

Подъезжая к Куруме, встречали много разряженного народа, особенно женщин и детей; последних встречали иногда несомых в корзинах на коромысле по четыре. Оказывается, что здесь местный праздник — суйтенгу (Миикадо Антоку — мальчика, утонувшего в войну Минамото и Таира), так народ расхаживает по храмам для поклонения и гуляет. Кстати, еще сегодня празднуется и рождение Сякьямуни.

Прибыли в Куруме в двенадцать часов, 5 ри от Янагава. — Встретили слушателя учения — Анекава и Номура, с которыми познакомились на постоялом, где взяли помещение. После завтрака отправились на квартиру катихизатора Петра Кавано; отслужили молебен, но не было братьи еще — вместе молиться.

Пошли потом осматривать город. Видели бывшую крепость удельного князя Арима (21 ман коку); Там же — Горейся — храм, где боготворятся предки князя. Стоявший наперед дворов князя, равно как все башни и все деревянные здания крепости, сломаны и распроданы. Крепость очень большая, вмещавшая в себя, кроме князя, несколько жилищ кароо, окружена рвом. Из нее город мало виден, но довольно веселый вид на окружающую долину и замыкающие ее горы.

Отсюда пошли в Байриндзи, где хоронены были князья, кароо и часть сизоку. Храм — Зенсиу. У дверей выставлен сосуд с новорожденным маленьким Сеека, и народ обливает амача сладким чаем, в то же время этим чаем мажет себе глаза, лицо, как у нас святой водой (какая жажда освящения у человека!), и берет чай в маленькие флакончики, которые разных цветов тут же у храма продаются. — У храма и около — бездна разубранного люда, но почти все только женщины и дети. — Княжеские надгробные памятники почти все под навесами. С княжеского кладбища отличный вид вниз — на реку Цикугогава, очень большую, и на группы богомольцев везде, даже на реке на шлюпках; отсюда я слышал гимн женщин у кумирни; как живо здесь религиозное чувство! Но именно — чувство только и есть, смысл же религиозный уже утрачен; знак прямой — что женщины только и молятся, живущие больше чувством, а мужчин — представителей разума — совсем не видно, они утратили со смыслом и чувство.

Нужно иметь нам и то в виду, что народные невинные гулянья не должны быть отняты у народа, только душа им дана новая — живая. У христиан и есть это в России — хождение на могилы в субботу пред Фоминым воскресеньем, витье венков в Духов день, хождения на богомолье в тот храм, где праздник; все это вместе с удовлетворением религиозного чувства составляет и невинное удовольствие отдохновения и гулянья.

Из Байриндзи прошли в Суйтенгу, где незавидная небольшая мия, с мелкою торговлею и группами людей кругом, театрами и чая по сторонам, украшенными лодками на реке.

С прогулки вернулись усталые: в пять часов, а теперь — восемь часов — время к проповеди; в гостях сидят Номура и Хикида, старший брат вчерашнего доктора в Янагава, — адвокат по профессии, тридцати пяти лет, тоже слушающий учение.

Учение открыто уже не хулит никто в Куруме. Нравы народа — спокойные, хорошие. Успеха проповеди можно надеяться.

13 / 25 мая 1882. Четверг.

Хаката и Фукуока

Вчера вечером проповедь совсем не удалась оттого, что народ беспрерывно входил, выходил, передвигался. Слушало сначала человек 50 или больше; я начал серьезно; думал, аудитория — как обыкновенно. Но оказывается, что действительно в Куруме открыто не восстают на христианство, зато еще и не чувствуют расположения к нему, или к слушанию о нем, — не заинтересовались, не возбуждено религиозное чувство. В первых же рядах слушателей — минут 10–15 прослушав — равнодушно с холодными лицами, как сидели, встают, уходят, затем чрез 2–3 минуты другие за ними, и на место их иные входят. Имея все это пред глазами, трудно сосредоточиться и, видя, не видеть. Словом, катихизация, какой подобную я помню в прошлом году в Аннака, — плохая катихизация; катихизаторы вместе со мною возмущены были поведением слушателей. Вообще, этот протестантский способ — говорить для всех, останавливающихся на улице — негоден в Японии.

Сегодня в шесть часов отправились из Куруме в Хаката, 12 ри от Куруме (дзинрикиса здесь берут очень дешево: 70 сен за тележку). Кавано и Кунгимия провожали ри три. Дорога все время идет по равнине, везде возделанной и отлично населенной; движение по дороге большое; в первом часу прибыли в Хаката. Первый вопрос: «В Хиросима пароход есть ли?» Чрез пять минут принесен был ответ, что «нет, и дней пять-шесть не будет». Значит, японцу солгать ничего не значит, — в Куруме фуне-но тонья уверял, что сегодня идет в Хиросима Мейкоомару. Но сегодня же идет в Каминосеки пароход, а оттуда в Хиросима-де — каждый день. Вечером, сказали, пароход уходит. Стало быть, до вечера время свободно. Отправился взглянуть на Хаката, Фукуока и Хакозаки.

В Фукуока — домов, говорят, до десяти тысяч; жил удельный князь Курода; отделяется Фукуока от Хаката только рекою. Чрез реку в Фукуока тотчас же — Кенчео и другие присутственные места, затем — верхние улицы — от моря — заняты домами сизоку, приводящими к крепости, окруженной рвом и имеющей позади озеро (как видно из Кооен[?]); крепость не вконец разрушена; там живет гарнизон. Нижние к морю улицы — мацэ. Чрез них, к морю, против крепости — Кооен (публичный сад), еще не отделанный; положение превосходное; с видами на море и

на оба города. Несмотря на младенческое состояние сада, в нем уже в павильонах музыка и пьянство.

Спустившись из сада и проехав вдоль торговых улиц, показывающих цветущее торговое состояние Фукуока, мы опять переехали чрез реку в Хаката и поехали вдоль торговых улиц (сизоку здесь нет), параллельно морскому берегу — в Кооен Хаката. Сей публичный сад состоит из превосходного соснового бора, инде весьма молодого, и множества японских павильонов, где можно иметь чай, закуску. Большая часть павильонов занята семьями японцев, иные — открытые и пустые; в одном из таковых и здесь видели группу гостей с гейсями. Дальше в сосновой роще — памятники, павшим в войне с Сайго, — воинам Фукуока, воинам Циндай, и третье огороженное место наполнено памятниками павшим из Фукуока в войне с сендайцами при восстановлении Микадо. — Прощедшись вдоль рощи, причем вспомнились русские сады и рощи, вышли в Хакозаки (должно быть домов 500 или больше), чтобы осмотреть Хациман гуу. Мия — видимо — деревня, но ничего особенного; бросились только в глаза две фигуры по обе стороны в Мия — направо красная, налево черная — зло смотрящиеся и глазами, и зубами хари, а среди лица носы по фунту длины; в глубине же — в Мия — видно зеркало. Странная насмешка язычества самого над собой: молись, мол, но — вот тебе нос с твоей молитвой и злой хохот этому несчастью человека, что молитва его была лишь во грех. — Около Мия отличный в японском вкусе сад — кооен Хакозаки. Возвращаясь домой в Хаката, завезли еще взглянуть на Мия — Удзигами Хаката (должно быть, первого жителя этой местности). Мия — наподобие Хациман гуу, с теми же рожами; и тут, как в той мия; самое лучшее — из меди вылитая лошадь в натуральную величину с наклоненную головой — превосходная вещь.

Вообще местность эта: два города (Фукуока — домов тысяч десять, Хаката — не меньше, говорят) и большое селение (Хакозаки), — представляющая такую скученность народа в одном месте, не должна быть упускаема из вида. Проповедь здесь непременно нужно открыть; жаль, что не выдержали бывшие здесь в прошлом году наши катихизаторы.

14 / 26 мая 1882. Пятница.

Мороцу, близ Каминосеки

Вчера вечером перешли на пароходик Сейреомару. Утром остановились у Симоносеки взять груз. Во втором часу — у Митадзири (домов 200) тоже для груза и пассажиров. Целый день плавание было спокойное и нескучное, при писании писем и в компании болтливой оосакского продавца лекарств и его приятеля. — В шестом часу вечера вышли на берег в Мороцу (город домов 500, с четырехэтажным домом, первым,

виденным в Японии), около Каминосеки, на острове, немного более Мороцу. На постоялине [постоялом дворе] словоохотливо занимал своими рассказами какой-то производчик соли, тоже ожидавший здесь парохода в другое место. Из провинции Цеосиу много вывозится соли. Самое большое заведение для выварки в Митадзима; следующее за ним — у рассказчика в 5 ри отсюда; у него вываривается ежедневно до 1000 коку соли в восьмидесяти котлах. Котлы или сковороды здесь делают из каменных плит, соединяя их в 150–170 крепким цементом. Топят каменным углем; при котле два кочегара, пять рабочих постоянных, а когда сгребают песок у моря, то нанимают еще 4–5 женщин для работы. Человеку платится в месяц 6 $1\frac{1}{2}$ ен и рис. Продается же соль с завода 30 сен за 1 коку (100 се, значит 8 рин за [?] се; в мелочной же продаже 1 коку не больше 1 ены здесь).

Речи о том, будет ночью пароход в Хиросима или нет, были очень неопределенны. На всякий случай мы легли спать совсем одетые, чтобы в минуту быть готовыми, ибо пароход здесь якорь не бросает. — Раз ночью потревожили напрасно, — мы схватились с постелей и были на пути, когда опять прибежали сказать, что пароход не в Хиросима; в другой раз потревожили поздно; впрочем, и невозможно было поспеть, — пароход, по-видимому, для того только и повернули, чтобы свиснуть и уйти; как ни кричали у нас с лодки подождать, пароход только виден был удирающим вдали.

15 / 27 мая 1882. Суббота.

На японской лодке на пути из Каминосеки в Хиросима

Так как было уже четыре часа, когда мы потеряли надежду на пароходе попасть в Хиросима, то хозяин постоялина, солгавши нам в утешение, что, мол, на этом пароходе нет еще полицейского разрешения брать пассажиров, предложил нам нанять простую японскую шаланду, на которой мы можем надеяться вечером дойти до Хиросима, ибо расстояние всего 26 ри. Парохода на сегодняшний день еще не предвиделось, берегом заняло бы полтора дня, поэтому нам ничего не оставалось, как согласиться. Приплатили 2 ены к 2 заплаченным за пароходные билеты (1 $1\frac{1}{4}$ ены первого класса и $3\frac{3}{4}$ ены третьего класса) и сели на лодку с крышей, в которой и пишется сие. Лодочники угостили завтраком (простым рисом) и чаем. Теперь (девять часов утра) остановились при селении Кайсакау по причине отлива и с ним противного нам течения. Послал одного из них купить уду для развлечения дорогой, и к рису была бы приправа на обед.

(Половина седьмого вечера). Все еще плывем на шаланде. В четыре с половиной часа обогнали пароход, не взявший нас утром в Мороцу; как

видно, машина испортилась, и он стоит, а мы при слабом ветерке все же двигаемся под парусом. А теперь опять вот лодочники взяли весла и мешают писать. От Хиросима еще в 5 ¹/₂ рй, у острова Миядзима. Был до того жаркий день, что голова разболелась, хотя утром и вечером бывает холодно, так что нужно укрываться...

Очень холодно было ночью. Во втором часу ночи остановились в милях от Хиросима, при входе в реку, по причине мели, чрез которую можно перейти только в прилив. В пять часов утра продолжали путь, и в половине седьмого прибыли в Хиросима.

16 / 28 мая 1882. Воскресенье.

Праздник Сошествия Святого Духа.

Хиросима

Остановившись в гостинице и послав Романа известить катихизаторов, приготовился к богослужению. В девятом часу пришел Андрей Канамори и рассказал о состоянии Церкви.

Проповедники Андрей Конамори, Андрей Яцуки, Феодор Мидзуно и Иоанн Такеиси пришли сюда из Фукуока в двенадцатом месяце. Скоро Такеиси, по болезни, вернулся в Тоокёо. Прочие начали проповедь, поместившись в трех местах города. Но бонзы ветви Ниси Хонгвандзи (Монто) возбудили чернь против них, оставаясь, впрочем, сами за спиной у тех. Поили вином и подуцали нападать на наших проповедников. Подробности возбуждений черни известны из своевременных писем. Принявший участливо катихизаторов врач Тогаси был избит почти до смерти, все катихизаторы — более или менее побиты; слушавшие почти все сбобели и перестали слушать. Впрочем, слышно, что бонзы (должно быть, не без внушения со стороны светских властей) получили выговор от своих принципалов из Сайкео за неумеренную горячность. Теперь открыто против катихизаторов и их слушателей никто не восстает, но слушателей почти нет, потому что бонзы составили общества с клятвою не слушать христианства; ветка вистерии принята эмблемою этих обществ, где изображение ее, на дощечке, пробито на доме, — знак, что в нем все поклялись не слушать христианского учения. Впрочем, нравы в Хиросима легкие и изменчивые, — люди, знающие здешний народ, уверены, что клятва будет забыта также скоро, как скоро она дана, тем более, что более и более обнаруживаются бонзы со своей обычной, своекорыстной стороны; они даже с нашими катихизаторами успели воспользоваться для вымогательства со своих прихожан денег, мол, на расходы по борьбе с христианством.

Но вообще Хиросима — место очень зараженное языческими суевериями. С древности это место особенно славится как гнездо Монтосиу. В городе и до сих пор, говорят, двадцать сотен кумирен у Монтосиу;

а всех кумирен — буддийских и синтуисских — до 300. При этом обилие училищ суеверия народ, как обычно, замечательно развратен. Легкие отношения полов, гулливость, празднюлюбие, склонность к роскоши, — словом, распущенность гравов — характеристика Хиросима.

Домов в Хиросима более двадцати тысяч, из них почти половина — сизоку, ибо здешний бывший удельный князь Асано получал 46 ман коку. Но сизоку — известные и прежде своею слабостью (при усмирении Цеосиу бежали прежде всех), равно как распущенностью нравов; теперь же обедневшие и потому падкие на всякую прибыль (жадные); много из них совсем разорились и разбрелись по деревням.

При всем том Хиросима — одно из самых важных мест в Циукоку, и здесь непременно нужно стараться основать Церковь, чтобы иметь влияние отсюда на другие. Нет в Хиросима и особенно большой торговли; вывозится в замечательном количестве только вата; нет поэтому здесь и особенно больших богатых домов, даже народ сравнительно с другими большими местами беден, но народ любит это место, поэтому здесь и такая многолюдность; а любит потому, что Хиросима с лежащим в 5 ри Ицукусима (или Миядзима, где священные лани) еще при Киёмори было почти первым местом в Японии; потом при Мори Мотонори Хиросима сделалась стольным городом удельного княжества; кроме того, местность здесь — плодородная, множество способного к земледелию ровного места; производится все потребное для жизни; орошение же по богатству — редкое в Японии; река, и не одна, и множество искусственно сделанных каналов обнимают город и пересекают его во всех направлениях.

Город лежит на ровной местности. Очень чист и щеголеват по наружности; центр занят торговой и ремесленной частью, окраины — жилищами сизоку. Крепость занимала огромное пространство, теперь часть ее занята постоем войска (циндай), часть пустует; кругом крепости ров; из уцелевшего кое-чего от прежней княжеской крепости высится тенсюдай, где князь приносил жертву небу (прочее в крепости сгорело, — значит, сожжено было). Через реки и каналы в городе много отлично устроенных деревянных мостов.

Теперь в Хиросима катихизаторов двое: Андрей Канамори и Федор Мидзуно. Яцуки же еще в третьем месяце переселился на проповедь в Фукуяма. Квартиры у них вдали друг от друга, для удобства слушателей, довольно удобные, хотя и дорогие, — на что, впрочем, нельзя роптать, так как и эти они едва нашли, — не пускают христианских проповедников. Христиан в Хиросима, только что окрещенных о. Яковом, всего четверо: 3 мужчины и 1 женщина; врач Павел Тогаси сорока двух лет с женой Верой, Симон Оотани сорока четырех лет, из двухсабельных, — продавец золотых рыбок, и Иоанн Енеде семнадцати лет, сын продавца старых вещей. Первые двое слушали учение преимущественно к Конамори, последние у Мидзуно.

После крещения у Канамори стали собираться для общественной молитвы, но только еще по субботам, ибо в воскресенье-де заняты. Сделано внушение, чтобы посвящали и воскресенье Богу.

Проповедь у катихизаторов бывает каждый вечер. Слушателей у Канамори человека 4–5, у Мидзуно человек 10; но в этом числе — человек 7–8 слушающих его в загородной деревне Усидамура, куда он приглашен был говорить проповеди, и где для большего удобства нанял комнату для катихизаций, платя в месяц 2 ены.

Постоянных и надежных слушателей, впрочем, нет ни у того, ни у другого, по их собственным словам.

У христиан здешних иконы есть, — у Канамори была запись. Для молитвенной комнаты также есть превосходная икона — новая, в серебряной ризе, — Божией Матери (из тех, что я купил в Петербурге), только без киоты; я велел, когда будут идти к Собору, принести икону, или точную мерку, чтобы сделать киоту в Тоокей.

К Собору приглашал представителем от здешней Церкви прийти Павла Тогаси, чтобы хлопотать о катихизаторе для Хиросима и вообще о катихизаторах для Циукоку. Обещался прийти.

Есть еще у Мидзуно один слушатель в Усидамура — из сизоку, бывший учителем, сорока пяти лет — Камико — по-видимому, годный для Катихизаторской школы. Говорил я, чтобы лучше всмотрелись и, если хоть немного годен, чтобы присылали. Очень нужны туземные проповедники.

У Мидзуно также есть один мальчик, язычник еще, сын Кангакуся, сирота, тринадцати лет, — Танено, по способностям очень годный для духовного училища; и мать желает отдать. Ходит к Мидзуно каждый вечер читать Новый Завет. Сказал я, что если мать сделается христианкой и пожелает отдать сына на служение Церкви, а также и по другим статьям будет подходить, то в будущем году, когда, вероятно, будет новый набор в Семинарию, будет принят.

К десяти часам мы с Канамори пришли на его квартиру; здесь же нашли Феодора Мидзуно и Павла Тогаси с женой. Совершили обедню, после которой, поговорив с братьями и в назидание их, и чтобы расспросить о здешнем, отправились мы к Мидзуно, которого квартира у рва крепости; здесь увидел Симона и Иоанна. Отсюда пошли, чтобы пройти по городу, для некоторого наглядного понятия о нем, и взойти за городом на Втабаяма, у которой и на которой — публичный сад (кооэн). Дорогой туда взглянули на кумирню «Гонген», к которой нужно подниматься по отличной и высокой гранитной лестнице; видно, что здесь камня этого очень много и дешев он. У подножия холма, на котором Гонген — земледельческая школа; пройдя немного дальше — Втабаяма; поднявшись, полюбовались на город; не очень велик он объемом, но очень плотно населен, оттого и многолюден; кругом рассеяны также многолюдные деревни; между прочим, Усидамура — тотчас за реку от города. — Спустившись с холма, где еще только очищается место для

сада, зашли взглянуть на кумирню, где боготворились предки князей Асано и все умершие князья. И здесь прекрасней всего преширокая гранитная лестница. Мия же запущена. Внизу пообедали в одном из домов на кооен. Проходя опять в город, перерезали пустое пространство бывшей крепости, зашли купить географию Гейсю и несколько фотографий здешних замечательных мест, побыли у Симона, Иоанна и у Тогаси и пришли на постоялин, так как уже пора было собираться на судно для отплытия вечером до Ономици по дороге в Фукуяма.— Сюда собрались все братья, поговорили, поужинали вместе, и около семи часов, распрощившись с христианами и Мидзуно, мы с Романом и с нами до Фукуяма Канамори отправились на шлюпке к пароходу, который останавливается у близлежащего островка в заливчике Удзина, ибо к городу за мелкостию воды подходить не может; на шлюпке плыли до парохода полтора часа. Снялись в одиннадцать часов вечера; будем в Ономици, говорят, завтра утром в пять часов утра.

По совету Тогаси, который, по-видимому, отлично знает Циукоку, слудует нам непременно поставить проповедников еще: в Хамада, в провинции Симане (Ивами), и в Инаба (середина Санъиндоо). Таким образом, проповедь заняла бы главные места по Санъиндоо: Танго (где уже есть), Инаба, Хамада и главные места по санъеодоо: Химедзи, Окаяма, Фукуяма и Хиросима. На Санъеодоо следовало бы еще в Ханги, бывшей резиденции князей Цеосуи, где весьма много сизоку.

Из инославных в Хиросима есть проповедник от Ицциквай, но слушателей у него нет, говорят.

Еще в этих местах протестантская проповедь в Окаяма, Ямагуци, Симоносеки (Ицциквай) и в Цувано — Симане-кен (Ицциквай). На Си-коку, в провинции Ие, в Имабару, говорят, около сотни секты конгрегационалистов (Ниедзима в Сайкео). В Фукуока, на Киусиу, также есть христиане секты конгрегационалистов (тоже Ниедзима),— года 2–3, как начата у них проповедь.

17 / 29 мая 1882. Понедельник.

Праздник Святой Троицы.

Фукуяма (Бинго)

Утром, в пять часов, пароход остановился при Ономици; богатый город, домов 3000, мы высадились, чтобы отсюда продолжать путь в Фукуяма сухим путем — 5 ри. (От Хиросима до Фукуяма 30 ри). В гостинице, пока собирались, пришел некто Иимори (тридцати двух лет), сизоку из Сага в Хизен родом, потом его жена, уроженка Хиросима; люди, по виду и по отзывам, очень хорошие, желательно, чтобы Иимори, сделавшись христианином, пришел потом в Катихизаторскую школу, о чем я ему и сказал. Отец его и младшая сестра в Хизен — католики; в Сага

и протестанты есть. Как жаль, что у нас почти никого нет из этих мест между катихизаторами.— В восемь часов отправились и в одиннадцать прибыли в Фукуяма. Фукуяма — бывшая крепость князя Абе — 11 ман коку. Домов в городе больше 5000, из которых до 2500 сизоку. Так как город в стороне от большой дороги, то нравы в нем гораздо лучше, чем, например, в Хиросима. Много расположенности к науке, поэтому грубости нельзя встретить проповеднику, напротив, охотно слушают его, и чем дальше, тем больше и охотнее собираются. Споров о парламентаризме, теперь волнующих Японию, здесь совсем не слышно, ибо народ доволен своею долею; по словам Яцуки, Фукуяма много напоминает собою Маебаси. Сизоку здесь небедны.

Андрей Яцуки пришел сюда в третьем месяце; живет пока в гостинице, куда приходят некоторые слушать учение, так что в день два раза здесь бывает у него маленькая проповедь. Кроме того, занимается в городе, в доме одного сизоку, комнату для вечерней проповеди чрез день, куда собираются человек 30 и больше; из них 20 человек приходят почти постоянно, а из этих 8 человек Яцуки считает вполне надежными для христианства; некоторые уже просили крещения, но не совсем приготовлены. Лучшие между ними, которых я видел у Яцуки на квартире: Цугава, двадцати двух лет, сын богача какого-то, двое Кувада и Маеда. Почти все здешние слушатели — сизоку.

Отслужили обедню, после которой сказано было небольшое поучение присутствовавшим оглашенным. После обеда отправились посмотреть город. Увидели его превосходно с башни — тенсюдоо, пятиэтажного высочайшего и массивного строения, оставшегося в бывшей крепости. Место крепости, где стоял теперь несуществующий княжеский дворец, обращено в публичный сад — и лучшего употребления не могло быть сделано из этого прекрасного места. Сад-то разведен плохенький, но башни по углам крепости, и особенно Тенсюдоо, чрезвычайно красят это место; с Тенсюдоо же вид, каких мало, на город, окружающий крепость, равнину кругом, великолепно возделанную, и замыкающие ее со всех сторон, кроме взморья, красные невысокие горы.

Обозревши все это и по пути домой зашедши купить фотографию Тенсюдоо, мы поторопились в два часа вернуться домой, так как с этого времени должна была начата проповедь. Но, увы, застали Яцуки в отчаянии, — и поделом ему. Вздумал устроить проповедь в театре, да и тот оказался ужасно грязным и нисколько не прибранным, хотя он с утра поручил кому-то позаботиться о том. О театре вообще я сказал ему, что так как дело уже сделано, то есть взято у правительства позволение на проповедь и по городу оповещено, то на этот раз пусть будет проповедь в театре, но вперед пусть никогда не позволяет себе таких сопоставлений, как проповедь и театр (хотя здесь и не необычно давать публичные чтения в театре); я и на Соборе скажу об этом, чтобы и других катихизаторов предупредить от таких ошибок. Но к ужасу Яцуки оказалось, что

театр убрать хоть немного сносно уже поздно. Наскоро посланы были рогожки. Собралось порядочно и народу, но больше чем театрального, — женщин и детей. Сделали катихизацией сами... Яцуки и Канамори, я мне сами посоветовали не делать, а отложить проповедь до вечера и сказать ее в публичном саду, в одной башне, приспособленной для этого, где и прежде уже Канамори говорил катихизацию. В четвертом часу начали они свои проповеди и в половине пятого кончили; теперь вернулись с несколько усталыми голосами. — В самом деле, нужно на Соборе всем сделать наставление, чтобы с проповедью и по внешности обращались почтительно; верно, и с другими случается то, что сегодня с Яцуки (в театр и японец порядочный не пойдет слушать) или — в прошлом году в Татебаяси...

Катихизация в башне, в Кооэн, началась в семь и одну треть часов и кончилась в десятом часу; в середине был отдых на двадцать минут. Слушателей было 400 человек, по крайней мере, и слушали с неустанным вниманием, и ни одного не заметил я вышедшим с половины. Прямо видно, что народ расположен слушать учение. Дай Бог ему хорошо воспользоваться этою расположенностью

Из инославных протестантские миссионеры находили иногда сюда, но христиан у них теперь здесь нет, а есть одно протестантское семейство в Касаока, 4 ри от Фукуяма (домов 2000 в Касаока населения).

После Собора в Фукуяма совершенно необходим проповедник, — лучше всего Яцуки же, начинающий здесь дело.

Из Фукуяма путь лежит нам сухим трактом в Цурадзима, 10 ¹/₂ ри отсюда. Туда завтра утром и отправимся.

18 / 30 мая 1882. Вторник.

Цурадзима (Бицциу)

Дорогой проехали Касаока, на берегу моря, — селение, которое очень хвалят по нравам, наподобие Цурадзима, и которое поэтому нужно иметь в виду для скорейшего введения в нем проповеди.

В 1 ¹/₂ ри от Цурадзима проехали Тамасима (Бицциу), где домов 2000, но город торговый, развращенный. Козаки приглашали туда проповедывать, и он раз 5 говорил проповеди. В первый раз пригласили бонзы, но не с целью узнать учение, а с целью напасть на христианство. — Когда Козаки пришел в буддийский храм, где уже был собран народ для проповеди, бонза стал говорить проповедь. Козаки: «Я не вашу проповедь пришел слушать, — так я уйду». — «Останьтесь немного, — упростили бонзы и вслед затем в проповеди, — а вот здесь христианский проповедник, так мы воспользуемся случаем и опровергнем христианство»; и начал говорить чепуху против христианства в известном роде, в конце же восхвалил буддизм. Козаки молча слушал, затем, когда настала ему

очередь говорить, не отвечая на пустые нападки, сказал обычную христианскую катихизацию, продолжавшуюся два часа; после нее ушел, а бонза, рассерженный, вероятно, неуязвимостью христианства, начал с гневом опять ораторствовать. Вообще, Козаки поступил здесь с тактом. Потом он говорил проповеди в гостинице. И вперед Тамасима должно быть заведываемо проповедником из Цурадзима.

В Тамасима мы дорогой пообедали, не зная того, что через дом от гостиницы, где обедали, ждут нас Павел Цуда, Павел Козаки и христианин из Цурадзима. Когда проезжали потом мимо дома, где они ждали, они окликнули нас, и все вместе отправились дальше.

В местности Цурадзима, бывшей когда-то действительно островом, всех домов 2000, в следующих деревнях: 1) Ниси-ура — 1000 домов; 2) Хингаси-ура — 700 домов; 3) Камедзима-синден — 200 домов и 4) Цуру-синден-мура — 100 домов.

Против Цурадзима лежит провинция Сануки острова Сикоку — чрез очень узкий пролив. Огромное пространство полей отвоевано жителями местности у моря чрез постройку каменных плотин; плотины строили именно сами жители местности, желающие из них (юу-си), а не власти. Местность принадлежала при Тайкунах одному Хатамото, который пред самым уничтожением удельной системы возведен был в князья. — Местность замечательна исторически по битве Иосицуне с Таира и по эпизоду стрельбы из лука в веер, причем одна стрела со стороны Таира, пролетевши сквозь цель, вонзилась в дерево Мацу (сосну), остатки которого теперь хранятся в доме врача Луки Мураками.

Первая весть о христианстве здесь получена из писем Павла Накакоодзи к нынешнему Луке Мураками, которого он двоюродный брат, и в доме которого здесь, в Цурадзима, в том самом, в котором пишется сие, с малолетства воспитывался. Потом о христианстве здесь говорил Вениамин Танабе, живший по своим делам в Окаяма. Здесь несколько катихизаций сказал Павел Накакоодзи, на пути в Токусима. Собственно присылаемыми от Церкви проповедниками здесь были: Спиридон Оосима (в 1878 году), Павел Окамура, Фома Маки, Андрей Сасагава, Андрей Такахаси и Василий Ямаока, — с прошлогоднего Собора Павел Цуда, приходивший сюда из Окаяма, и с первого месяца текущего года Павел Козаки — постоянно здесь.

Проповедь у Козаки бывает чрез день в Ниси и Хингаси-ура, с восьми часов вечера. Слушателей вновь в Ниси — 5–6, Хингаси — 10, постоянных, случайных же иногда человек до 30.

Христиан здесь до Собора прошлого года было 25; недавно вновь окрещено 3; всего — 28 человек. Но из них: 1) Петр Адаци крестился здесь, состоя на службе, теперь вернулся домой в Инаба, при нем вернулись и его два маленькие сына, тоже крещенные здесь (в Инаба Адаци газету издает). [?]: В Инаба уже ходили для проповеди Андрей Сасагава и Отокозава, но не нашли слушателей; 2) Лука Фунакоси — служит в

госпитале Окомици; поручено Козаки написать о нем к Какамори; 3) Яков Икува живет в Окаяма, состоя там квайдо-мори; 4) Одна христианка, дочь одного из здешних христиан, — служанкой в Сануки. Всего в отсуствии 6 человек; 22 христианина и христианки налицо в Цурадзима, в 11 домах, из коих четыре дома семейные, а прочие по одному в доме. Есть еще один оглашенный (ребенок, — плакал).

Определенных сицудзи доселе служил 1 — Симеон Нотохари, старик; но также, как и сицудзи, заботились о Церкви: Лука Мураками (с которого и началось здесь христианство) и Матфей Ябе.

По субботам и воскресеньям собираются для общественной молитвы в субботу человек 6–7, в воскресенье человек 10. При богослужении поют.

Был Козаки также в деревне Касуяма (домов 300), 3 ри от Цурадзима; там родные Симеона Нотохари, и звали его.

Был еще в деревне Фукуда-мура (домов 1000) в 1 ри от Цурадзима; там есть один католик и один протестант, которые злословят православие и мешают проповеди. — В двух ри от Цурадзима по тому же направлению — Ебимацумура (домов 700), которую тоже нужно иметь в виду.

Злословящих христианство в Цурадзима уже нет, все говорят, что оно хорошо; многие только прибавляют — пусть-де побольше людей сделаются христианами, тогда и мы примем, иначе рано еще, опасно.

Инославных никого здесь нет, и не останавливаются для проповеди, когда проходят, — «православные-де здесь уже завладели, и нам ничего не сделать».

Когда прибыли мы в первом часу, христиане очень радушно встретили. Помещение приготовил у себя, в Камедзима, Лука Мураками (жена Марфа, сын Александр, тринадцати лет), очень роскошное. Видно, что средства были истощены показать душевное радушие. В третьем часу отправились в Квайдо, где живет Козаки, а также квайдо-мори Петр Като с семейством. Комната для молитвы и проповеди довольно большая и приличная. Иконы: Спасителя — в текстах кругом, иллюминированная, и Божией Матери, небольшая в серебряной ризе, — в рамке из черного здешнего дерева; Спасителя — в золоченой, иностранной поделки, раме. — Такие же иконы и в Кодзима. — Пение сначала очень зарознило — втроем — потом немного сладили. После службы сказано поучение христианам; было много и не-христиан.

Отправились затем посетить главнейших из христиан: Симеона, Матфея и других — к кому было по дороге или кто просил придти. Живут весьма зажиточно. Вообще селения эти, по-видимому, очень богатые, дома почти все большие и исправные.

Взошли потом на пригорок взглянуть на местность; деревни все очень близко — одна к другой.

Вернувшись в дом Луки (в сопровождении целой тучи детей), после обеда, при котором изошрено было гостеприимство, в восемь часов

отправились опять в молитвенный дом для проповеди язычникам. Человек до 300 собралось, и слушали весьма внимательно и усердно, так что пришлось говорить до половины одиннадцатого, — расходиться не хотят; на проповеди видел даже восьмидесятисемилетнего сгорбленного старца. Видимо, народ приготовлен к восприятию христианства. Расставаться не хотелось бы с такими усердными людьми.

Возвратившись к Луке, в сопровождении нескольких христиан, тут же решили: Павлу Козаки и на Собор не ходить, а остаться на время Собора для Цутоадзима, Кодзима и Окаяма, потом на год — для Цурадзима и Тамасима; к нему выписать из Сендая жену с ребенком.

Говорено было также о покупке нынешнего молитвенного дома, который продается, только дорого очень — 800 ен с землей (100 цубо). Христиане еще не совсем в силе купить; но я советовал не жалеть себя для Бога; обещался и с своей стороны помочь, сколько могу подписать.

Советовал я избрать еще двоих сицудзи, послать представителя на Собор, послать кого-либо изучить церковное пение в Тоокёо, а также найти людей для Катихизаторской школы и в будущем году для Семинарии.

У христиан не у всех есть домовые иконы. Нужно прислать.

Утром с Матфеем Ябе, по-видимому, очень к сердцу принявшим мысль о постройке храма, осмотрели Квайдо. Не годится для храма место, ибо у самой скалы, — храм будет, точно в ящичке, спрятан, тем более, что и место для него за нынешним молитвенным домом, который должен был бы остаться, как есть, для катихизатора, — и проповеди, — довольно длинное с севера на юг, весьма узко с востока на запад. Рассказал христианам, что храм должен быть, как маяк, по возможности виден со всех сторон, чтобы служить для молитв не только внутри его, но и вне; крест его должен стать высоко над жилищами человеческими, чтобы отовсюду привлекать к себе взоры, должен быть обращен алтарем на восток, также, — что для храма не должно жалеть жертвовать, ибо это значит — отдавать Богу на хранение под расписку его в Евангелии; указал на усердие древних христиан к храму как внутри гор (как в Александрии), или под землею сооружали себе храмы. В заключении пожертвовал от себя для начала 100 ен, выразил надежду, что через два года буду освящать здешний храм, для чего даже и певчих обещал привезти 2–3, а также доставить иконы и утварь. Предупредил, что рисунок храма должен быть составлен в Тоокёо, куда они пусть только пришлют план местности с известием, в сколько цубо пространством они желают иметь храм. — Христиане, по-видимому, одушевленно приняли все эти речи.

Луке Мураками за его великолепный и радушный прием обещал прислать из Тоокёо икону для той комнаты, в которой останавливался.

Простившись в Ниси Ура-но мур, под накрапывавшим дождем доехали до Хингаси Ура-но мур, где на минуту остановились в доме Моисея Мияке (хромающего); здесь ждали два старца — 87 и 85 лет, учащиеся

христианству, приветствовал их, убеждал скорее принять святое крещение и посвятить себя молитве; обещался сказать о. Якову Такая, чтобы он, пред поездкой на Собор, заехал сюда преподавать им крещение, если они пожелают до того времени; со слезами на глазах слушали. В Хингаси-ура будет, кажется, в скором времени гораздо больше христиан, чем в Ниси.

Ехали все время под дождем. От Цурадзима до Церкви в Кодзима 5 ри; к счастью, дорога не очень гористая, так что можно было не вылезать из тележки в грязь.

19 / 31 мая 1882. Среда.

Кодзима (Бизен)

Кодзима — собственно имя округа (Кодзима-гоори); Церковь же здесь в этом округе в трех деревнях: Огава, где 28 христиан, Адзино, где 7, и Янаида, где 14 христиан. Всего здесь христиан 48. Но крестилось здесь всего 57 человек: 36 — до Собора прошлого года, и 21 — на днях, в бытность о. Якова Такая. Из этих 57 христиан 10 принадлежат другим местам: Анна Морита, Петр Дагай с женой и Елисавета Тоета с дочерью — всего четверо — в Окаяма, и теперь находятся в той Церкви; Анна Энгуци — восьмидесятилетняя, родственница здешнего сицудзи, из Фукусимамура в Бицциу, 5 ри от Кодзима; Софья Кисида, сестра Петра Ока, в деревне Сеноо (домов 1000), в Бицциу, замужем там, и ее четверо малолетних детей с нею, — 5 ри от Кодзима (обозначается все это для того, что выбывшие из Церкви, или случайно будучи в Церкви, получившие крещение, не должны быть теряемы из виду и обращаться в потерянных овец из стада Христова).

В бытность мою в Кодзима не застал здесь христиан: Петра Ока, — в Тоокёо, Павла Окамото, — в Хоккайдо, Исаяю Ока, — торгует в Сануки, Андрея Камо, — в Тоокёо, в школе Фукузава, Даниила Кониси, — в Семинарии на Суругадай, и Николая Нозаки, — в Тоокёо лечится, — всего 6 человек.

Готовятся к выселению отсюда в Хоккайдо: семейства Якова Уцида — 3 человека, Иосифа Ямамото — 4 человека, Павел Окамото — 1; в Тоокёо выселяются: семейство Петра Ока — 4 человека, Луки Танака — 5 человек; всего отсюда выселятся 17 человек; таким образом, в Церкви 32 человека.

Первое слово о христианстве слышалось здесь от Вениамина Танабе, жившего в Окаяма по своим делам и бывшего в Кодзима у Петра Ока. Потом были здесь катихизаторы тоже, что и в Цурадзима: Спиридон Оосима, Павел Окамура, Андрей Сасагава, Андрей Такахаси, Василий Ямаока и ныне Павел Цуда. Прежде всех крестился — в Оосака — Петр Ока, в то время, когда здесь был Спиридон Оосима.

Проповедь у Павла Цуда, когда он приходит сюда из Окаяма, обычно каждый вечер; кроме того, днем — два или три раза. Приходят язычники, или он ходит к ним. Для христиан он толкует здесь Евангелие от Матфея.

Общественная молитва каждую субботу и воскресенье; собираются к ней человек 20. Пения еще нет, все читается.

Вновь слушающих (насмотря на то, что доселе слушавшие только что приняли крещение) человек 20; кто из них надежен для Церкви Христовой — еще не известно.

Гонения на христианство здесь отнюдь нет; нравы жителей мирные и хорошие, также как в Цурадзима, только христиане, по-видимому, не так оживлены, как в Цурадзима.

Сицудзи 2: Лука Танака (седобородый старик сорока девяти лет) и Николай Нозаки (двадцати семи лет, младший брат богача-солепроизводчика).

На потребности Церкви желающими пожертвовано до 60 ен — сихонкин, каковы деньги и находятся на хранении у сицудзи Николая Нозаки.

Деревни, в которых христиане, — Огава, 300 домов, тут же Адзино, 300 домов, Янаида (10 чё от Огава) 150 домов. Таких еще селений в окрестности много. И везде найдутся желающие слушать учение. Из больших же мест здесь самое ближнее — город Симоцуе с рейдом, в 1 ри от Огава, — 2000 домов. Но нравы, как в торговом городе, уже гораздо хуже, чем в деревнях.

Нужен был бы один проповедник исключительно, но для этой Церкви. Но если никак нельзя, то и после Собора, как доселе, пусть будет соединено это место с Окаяма в ведении одного катихизатора.

Инославных в этой местности нет.

Прибывши сюда в втором часу, сопровождаемые целым поездом братьев, встретивших больше чем за 1 ри, несмотря на дождь, остановились в доме Петра Ока, где постоянно останавливается и катихизатор и где также собираются христиане на молитву (катихизатор живет и питается даром, — все это по усердию Петра Ока). Переодевшись, отслужили обедню, за которой сказана была проповедь собравшимся всем христианам, на текст «Аз есмь путь...» применительно к состоянию юных христиан.

После обеда, который в роскоши не уступал вчерашнему в Цурадзима, равно как и прием, и радушие, мы с Цуда в сопровождении нескольких братьев отправились познакомиться с селением и сделать главным лицам в Церкви визиты. С горы у самой деревни Огава открывается прекрасный вид на огромное пространство, занятое приспособлением для концентрирования соли в морской воде и солосварении. Большая часть всех этих заведений принадлежит Нозаки, — а вдали виднеется и его дом, точно княжеский дворец. Но здесь только $\frac{1}{10}$ часть его солосварень, другие заведения — дальше на север. Вообще, Нозаки считается

в Циукоку одним из первых богачей. Наличного капитала у него больше $1\frac{1}{2}$ миллиона ен. Ежедневно его соловарни дают 50 ман мешков соли, которою он снабжает много провинций в Японии. Соляное производство начато было дедом теперешнего Нозаки, который, к сожалению, как обыкновенно богачи, не внемлет слову Евангелия, хотя младший брат его уже христианин.

Чрез весьма узкую полосу моря видно очень ясно Сануки — провинция на Сикоку, где в этой местности также множество солевыварных заведений.

Спустившись с горы, посмотрели заведение для выварки соли. Котел — дюйма четыре глубины, — фут 10 квадрат, каменный, причем, внизу, со стороны огня камни так и остаются кругляшами, привешан во множестве точек; в сутки наливается, и соль бывает готова 11 раз, — дает каждый раз больше 1 коку соли, так что всего больше 12 коку в сутки дает. Топят сосновыми сухими ветками, топят также каменным углем, что обходится в сутки на 2 ены дешевле, зато соль хуже — двадцатью сен за мешок дешевле, чем вываренная на сосновых ветках. У каменной сковороды — два котла с заготовленной для следующей заливки рассолом и в углу, внизу, четвероугольный чан с рассолом, которым наполняется он извне через жолоб, а к последнему рассол доставляется из ям, куда собирается с промытого песка, напитанного солью чрез ежедневное поливание морскою водою из канав, проведенных из моря, напитанный водою песок просушивается, назавтра опять поливается и так далее несколько дней, потом сгребается к вместилищам с водою — морскою же, которою и поливается несколько раз; обмытый песок удаляется и заменяется ежедневно новым, а тот рассыпается для напитывания вновь и так далее. — При котле два кочегара. Вся работа и все приспособления просты и не сложны, и в то же время целесообразны, — соль получается белая, превосходной доброты.

Побыли с визитами у старика Авраама, сицудзи Луки Танака. Иконы — у одного повешена не на удобном месте, у другого — почти спрятана. (Эх, нужно внушить катихизаторам учить христиан, как обращаться с иконами). Побыли потом у богача Нозаки; дом и сад — прелесть; хозяин — в отлучке в Окаяма, Николай Нозаки — тоже, принимал какой-то их родственник. Так как дождь все время усиливался, то поспешили вернуться домой — к Петру Ока. — Замечателен также сей последний — по духу предприимчивости. 50 человек на свой собственный счет переселяет в Хоккайдо, — просто потому, что есть деньги, а им же, мол, нерезонно лежать без дела, а нужно им служить Отечеству. На том же основании он содержит на свои средства общество «Сейренся» — в Тоокёо, в Ситая; Вениамин Танабе основал это общество для химического производства разных лекарственных материалов, а также для делания машин. Но Танабе теперь уже в нем не участвует, а держится оно лишь деньгами Петра Ока, управляет же им Лука Танака, отец Петра Ока был врач.

Видя кругом здесь гигантские сооружения, как плотины для заграждения моря и увеличения полей, или сооружения для производства соли, — я краснею за свою мелочную робость и нерешительность — надставить землю на Суругадае, засыпав обрыв для удобства построения храма. — Смотреть здешнее — это тоже своего рода кусури.

В девятом часу известили, что пора начать богослужение и проповедь — христиане опять собрались все, язычников — человек 30, так как все время идет дождь, — неудобно. Отслужили вечерню, и сказано было поучение о необходимости молитвы и посвящения себя Богу, обращенное большею частию к христианам, но отчасти и к язычникам; им указано было, что молитва их бесполезна и достойна сожаления, ибо дерево и камень, или пустое пространство, в которое они возглашают свои призывания к богам и буддам, которых не существует, не видят, и не слышат, и не могут помочь. В начале одиннадцатого беседу нужно было закончить, ибо наполовину слушатели с трудом боролись против своей усталости и сонности.

С Павлом Цуда потом за полночь беседовали о здешних Церквах. По словам его, Кодзима-но Кеоквай зямаци наки — безукоризненная, но построить Квайдо они еще не в состоянии, особенно когда выселятся отсюда главные из них Петр Ока и Лука Танака. Беседовали также о его семейных обстоятельствах. Когда я сказал ему, что питаю намерение отправить его после Собора в Кагосима, ибо там и пожилого нужно, для привлечения людей серьезных, и опытного в житейском, для постройки Квайдо, он открылся, что очень хотелось бы ему прослужить следующий год в какой-либо Церкви недалеко от матери, которой семьдесят семь лет и которая, видимо, не переживет следующего года, ибо недавно уже отчаялись было в ее выздоровлении, и она совсем ослабела. Законное и это желание. Но я советовал ему подождать пока решением — как заявит на Соборе свое желание — проситься ли в одну из северо-восточных Церквей (его мать живет в 8 ри от Сендая), или отдаться безусловно на волю Собора, а предоставить дальнейшее — устройению воли Божией. Когда придет на Собор, тогда еще поговорим об этом. Достойный он катихизатор; как начал десять лет назад, так и доселе безукоризненно служит Церкви, идя туда, куда велит Церковь, и исполняя дело с рачением, так что везде оставляет след своего усердия — непременно устроит и возбудит там, куда послан.

Утром, при прощании с христианами, наказывал им избрать сицудзи взамен выбывающих главных радетелей этой Церкви — Петра Ока и Луки Танака, и избранным сицудзи постараться вполне заменить собою последних по ревности к Церкви, каковую ревность они должны выразить в скорейшей по возможности постройке здесь Квайдо; обещался помочь и от себя, когда известят, что дело начато. — Церковных денег у них собрано ен 60.

Все христиане и христианки проводили далеко за селение; к счастью, и погода благоприятствовала.

Следуя дальше, по пути в Окаяма, до которого от Огава 7 ри, видели у одной реки по берегу в маленьких заливчиках множество маленьких бегающих рыбок, ростом с пискаря, только толще его, с очень выпуклыми и близко сидящими друг к другу глазами, большим ртом, обыкновенными плавательными петушками, но ниже их на груди еще с двумя плавательными перепонками, которыми, как и первыми, рыбки и бегают по воде и по мокрому песку на берегу. Хотя их целые мириады, но поймать рыбку чрезвычайно трудно, даже сачком, так она проворна и увертлива.— По-видимому, в большой дружбе с этой странной рыбкой состоит не менее странный земноводный рак — с одной клешней всего, но зато ростом со всего его, и с глазами на длинных стержнях, которые он проворно ставит в нужном ему направлении, или прячет в желобки на головке; на берегу у реки бездна маленьких норок, в которые раки прячутся быстро, завидев опасность, так что их поймать не менее трудно, чем рыбок.

В двух ри от Окаяма, проезжая деревню Сеноо, завернули к сестре Петра Ока, Софье Кисида, находящейся здесь замужем за местным доктором, человеком очень зажиточным. Софья придела и умыла своих детей — прехорошеньких четверо малышей, все христиане,— прежде, чем выпустить их к нам, сама также, видимо, прибралась и встретила весьма радушно. Муж ее слушает также учение; по-видимому, человек весьма спокойный и добрый, и скоро будет христианином.— Нравы в этом селении хорошие, его тоже нужно иметь в виду для проповеди,— в успехе уверяет Кисида же, свидетельствуя о добронравии и расположенности к христианству своих сельчан.

20 мая / 1 июня 1882. Четверг.

Окаяма (Бизен)

Прибыли во втором часу, так как дорога — преплохая, все среди полей по узким тропинкам с дрянными мостиками. Павел Козаки и Иоанн Сато, здешний самый богатый купец,— к несчастью, человек больной,— встретили далеко за городом. Прочие братья и сестры собраны были в церковном доме. Совершенно было богослужение и сказано поучение, после чего расспрошено о состоянии Церкви.

В Окаяма домов больше 10 000,— был стольный город удельного князя Мацудаира Бизен-но ками, с 32 ман коку, почему сизоку в Окаяма и теперь очень много; всех сизоку было 6000 домов. Здешние сизоку приучены были к роскоши; нравы были довольно распущенные, почему теперь большею частию обеднели и не знают, что с собою делать; множество из них крайность заставила прибегнуть к самым простонародным

работам. Нравы вообще в Окаяма, как в большом городе, при большой дороге и значительной торговле, легкие и неблагоприятны для скорого распространения христианства. Кроме того, протестантские миссионеры уже лет восемь живут здесь с проповедью (двое — как учителя Циугако, один как врач, — все для виду — служащие по найму у японцев); народ привык и к иностранцам, и к христианской проповеди до того, что не интересуется ими.

Православие сюда занес в 1878 году Вениамин Танабе, потом прислан был проповедник Спиридон Оосима, за ним — немного был здесь — Павел Окамура, там Андрей Сасагава, Андрей Такахаси, Василий Ямаока и с Собора прошлого года — Павел Цуда.

Из здешних христиан первым крестился Петр Дазай — в Кодзима, и он потом много помогал здесь проповедникам.

Христиан здесь было до Собора прошлого года 6, после крещено 2, — всего 8 человек. Кроме последних двух, все крещены в других местах: Петр Дазай с женой, Анна Морита — в Кодзима, Яков Икува — в Цурадзима, Иоанн Сато — в Оосака, Домна Судзуки — в Тоокёо, — эти 6 человек и были крещены до Собора прошлого года; в недавнее время о. Яков Такая крестил здесь жену Икува — Ольгу и находящуюся при больном Иоанне Сато — дочь Анны Морита — Марию. Есть еще один оглашенный — Тимон Миязаки — сизоку, сорока трех лет. Есть еще двое христиан здесь: Елизавета Тоета, жена какого-то чиновника с дочерью, крещенные в Кодзима, но они никогда не приходят в Церковь, поэтому Цуда их не считает. (Их, однако нужно иметь в виду, — сказать об них священнику).

Сицудзи здесь еще нет. Всем по Церкви заведует сам катихизатор.

В субботу вечером в восемь часов и в воскресенье в десять часов бывают общественные молитвы, на которые христиане неупустительно собираются. Пения еще нет.

Когда катихизатор бывает в Окаяма, то обыкновенно имеет проповедь в неделю четыре раза, вечером в восемь часов. Говорит при открытых на улицу дверях, так что проходящие останавливаются и слушают. Определенных слушателей поэтому нет в настоящее время, исключая одного сизоку (Уцида) и главного приказчика (банто) магазина Иоанна Сато.

Дом, нанимаемый теперь для Церкви, не совсем на удобном для проповеди месте, — несколько в стороне от людных улиц. Поэтому христиане ищут теперь другого дома, в центре города, для катихизаций. Этот же дом, как весьма удобный для молитвенных собраний по чистоте и обширности комнаты для того; для помещения катихизатора и целого семейства (Икува) — в качестве Квайдо-мори, будет по-прежнему — Квайдо. Дом, действительно, великолепный, принадлежащий какому-то купцу, со всеми удобствами и чистеньким садом. Деньги за него вносятся разом — за полгода вперед, считая по 7 $\frac{1}{2}$ ен в месяц. За полугодие, кончающееся 30-го июня, внесена была плата Петром Ока, из Кодзима, и 2 $\frac{1}{2}$ ены

ежемесячно он принимал на себя (действительно, усердный христианин, и таких еще мало у нас!), остальные же 5 ен присылались из Миссии и поступали Петру в возмещение вносимого им. За следующее полугодие — по 31-е декабря текущего года — 45 ен — я дал Цуда из миссийских, так как Ока переселяется из Кодзима и, вероятно, не будет иметь возможности помогать издали.

Местный церковный приход состоит из того, что христиане положили жертвовать на Церковь после каждой службы по 1 сен, так собрано доселе 1 ен.

Из окрестностей Окаяма, в пригородной деревне Окамура, несколько раз слушали проповедь, но плодов еще нет, кроме того, что Стефан Ода, ныне живущий у о. Ниццума в Тоокёо и готовящийся к поступлению в Катихизаторскую школу, — слушал учение в деревне Окамура (Ода родом из Мимасака, и жил в Окаяма, чтобы учиться китайскому языку. Его ныне Анна Морита хочет сделать своим наследником, так как у Марии не осталось детей; она именно желает служащего Церкви).

Из инославных здесь: католики и конгрегационалисты (доосия, — той же секты, что Ниедзима в Сайкео). Католиков христиан человек 20; живет здесь миссионер — француз — уже четыре года, под видом учителя законоведения; есть также катихизатор из японцев. Но у них дело не особенно живо идет. Лучшее у протестантов. Здесь, как сказано выше, уже восемь лет живут три миссионера — два учителями гимназии, третий доктор; жены, и жены их также занимаются проповедью между женщинами и обучением девочек. Кроме всего этого, есть при них японский — бокуся и другой — денкеося. Слушатели у них преимущественно из сизоку. Всех христиан у них здесь, как сами они говорили мне, 50 человек. Посылают из христиан учеников в духовную свою школу в Сайкео.

Покончивши церковные дела и пообедавши, часов в пять пошли взглянуть на город. Идя по улицам, можно убедиться, что город богатый и что народ привык к опрятности, — улицы везде чисты, народ одет хорошо, лавки обильны товаром. Мы прошли в крепость, которая, напротив, представляет вид разрушения и запустения. На месте, где жили когда-то (очень недавно еще) гордые кароо и слышали ляг и звон смертоносного оружия, мирно пасется корова и зреет посев пшеницы; только малые сопливые ребятишки, дающие друг другу потасовку, отчего слышится плач и рев, как раз, когда мы проходили по самым когда-то сердитым местам укрепления, напоминает в виде отдельного эха о назначении места. Когда мы стояли на валу и смотрели на мирно растилающийся вдаль город, послышался вблизи треск: что-то грянуло, и поднялось огромное облако пыли, — то повалили и еще одно из древних пышных крепостных зданий; все рушится и распродается, как лесной материал, по частям. К счастью, нашлось благоразумия у заправляющих городом пощадить шестиэтажную Тенсюдоо и даже приспособить эту чудно

сохранившуюся великолепную башню к помещению местного музея. А Ици-року (1-е и 6-е числа) пускают всех смотреть башню и музей. Сегодня хотя и первое число, однако был уже шестой час; мы, впрочем, попытались, и не безуспешно; сторожа только условились, что, мол, за экстренный труд должно быть и экстренное вознаграждение. Музей состоит из земледельческих орудий, местных произведений, между прочим, отличнейших ковров из хлопчатой бумаги. Но интереснее это — вид с шестого этажа на город, на всю долину, орошаемую рекою и на замыкающие всю сцену горы. — Смотри отсюда, можно понять, почему так настойчиво до сих пор твердили наши катихизаторы, что в Окаяма должна быть открыта проповедь. Вся огромнейшая равнина почти сплошь заселена. Кроме большого города, раскинувшегося по обе стороны реки, кругом, куда ни взглянешь — точно муравейники — густо населенные деревни. Здесь стоя, я дал себе слово непременно добыть на Соборе одного катихизатора исключительно для Окаяма, иначе если не будет, как доселе — один на два — на три места, то и будет как теперь, — почти ничего. За рекой тут отлично видно поместье бывшего удельного князя с превосходно разбитым большим садом. Жилище сизоку — по окраинам города во всех направлениях. Только с башни на саму крепость вид печальный. — Сошедши, отправились посетить Анну Морита. Это самая усердная здесь христианка. До найма теперешнего катихизаторского дома она давала у себя последнее всем бывшим здесь проповедникам. Живет одна, немного торгует. Впрочем, у нее тут же в городе, два сына по торговой части, — к сожалению, еще глухие к христианской проповеди. Дочь же свою Марию (сорока лет почти) очень хочет посвятить на служение Богу, отдав для приготовления к тому в женскую школу в Токио. Теперь, к несчастью, она еще не может отправиться, так как не совсем выздоровел Иоанн Сато от своей болезни — что-то вроде помешательства, состоящего в том, что на него нападает боязнь всех и всего (он живет теперь уединенно в конце города, и при нем Мария, а прежде того жил в лодке на реке). Впрочем, уже на ⁹/₁₀ от своей болезни он излечился с тех пор, как принял крещение, и никто не сомневается, и сам он, по-видимому, — что он скоро совсем выздоровеет. Дай-то, Господи, ему! А тогда, кстати, и Мария сделается свободною для приготовления к служению диаконицы.

Зашли в фотографию; к счастью, в одной нашелся, хоть плохенький, снимок Тенсюдоо; больше из видов Окаяма ничего не могли найти.

Почти смеркалось, когда направились за город посмотреть на публичный сад — Кайракуэн, а оттуда опять на город. Но ни того, ни другого не удалось сделать, да и нельзя было по наступившей темноте. А вместо того познакомился со всеми здешними протестантскими миссионерами, живущими в построенных при входе в сад домах иностранной архитектуры. Когда проходили мимо одного из домов, на веранду вышел миссионер с женой (или с сотрудницей по миссионерству — не знаю).

Неловко было пройти мимо; зашел, назвал себя, приняли весьма радушно — и меня и бывшего со мной Павла Козаки. Хвалили, между прочим, наших христиан, — «все-де об их поведении хорошо отзываются», хвалили также нравы города в противоположность тому, что я слышал от японцев; оставляли ночевать, чего мне нельзя было сделать; приглашали ужинать, чем также не мог воспользоваться, ибо в восемь часов назначено было богослужение и проповедь. Говорили они, что у них, кроме города, где 50 христиан, есть еще проповедь в одном селении недалеко. — Миссионер, к которому зашли, повел потом познакомить с другим миссионером и доктором, с которым, оказывается, я виделся в Хакода-те, в бытность там Преосвященного Павла. — Между прочим говорили они, что их — конгрегационалистских проповедников с женами и проповедниц, — все из Америки, здесь — в Сайкео, в Оосака и Нагасаки — всех 43 человека. Когда спросили потом: «Сколько у нас?», — совестно было и сказать, что нас всего трое и учителя пения; но у нас-де внутреннего дела много — спешат обратить язычников в Азиатской России, а за границу миссионеров неохотно отпускают, — время для того еще не стало.

К восьми часам вернулся домой. Христиане все были вместе, поэтому стали служить вечерню; после нее — проповедь, обращенная к христианам, так как язычников почти никого не было. Был из язычников Мияке — брат Моисея Мияке из Цурадзима, — находящийся теперь здесь по выбору в губернском совете (гиюю). Всех в Окаяма-кен в гиюю 49 человек. Избираются обыкновенно на 20 000 жителей один (в Окаяма-кен 950 000). Избираются закрытой баллотировкой на четыре года; когда одна половина меняется, другая остается еще на два года, ибо два года после была выбрана. Заседают в году всего месяца три; и на то время, когда заседают, получают на содержание по 45 ен в месяц. Если — в чем они рассудят прямо согласен Кенрей [?], то это тотчас же приводится в исполнение, а министру внутренних дел только дается знать о том; если же с мнением гиюю-а Кенрей не согласен, то дело поступает на разрешение министра внутренних дел. — Этот Мияке, когда время ему, усердно слушает у Павла Цуда вероучение и, вероятно, сделается христианином.

Павла Цуда приглашали для проповеди на островок Инусима, в 5 ри от Окаяма, где всего 30 домов, 120 человек жителей. Сказано ему, чтобы до Собора непременно побыл на Инусима.

Он должен также побывать в Цуяма, где прежде некоторое время проповедывал Петр Кавано и есть 6 оглашенных. Один из них очень усерден к вере, часто пишет к Кавано, писал и к Цуда, хотел непременно прийти в Окаяма (16 ри), когда я буду здесь, чтобы просить крещения. К сожалению, его не известили о времени, когда я буду. Цуда должен утешить его, ободрить, и на Соборе потом дать отчет о Цуяма и, если нужно, настаивать на поставлении там проповедника.

От Окаяма до 1 ¹/₂ ри, где при устье реки в Санбан-минате пристаю пароходы; дотуда спускаются по реке на лодке (15 сен).

21 мая / 2 июня 1882. Пятница.

На пути из Окаяма в Танго

Утром христиане и христианки проводили до Фудзии-сику, 2 ри от Окаяма. Утро было хорошее. Фантастическое здание — Тенсюдоо — далеко-далеко провожало также своим видом; недаром назначение этого здания быть соглядательной башней во время войны.

В 6 ¹/₂ ри от Окаяма проезжали деревню Ямбе — 280 домов — знаменитую во всей Японии тем, что здесь с незапамятных времен (дзин-дай ери) делается посуда и разная глиняная утварь, покрываемая глазурью во время обжигания, без употребления на то известного полировального средства. Когда мы остановились у одной лавки рассмотреть поделки и изъявили желание взглянуть на производство, хозяин любезно провел нас на завод, где мы застали процесс производства во всех фазисах. Глину, наподобие черного ила, берут отсюда ри за два, берут подпочву поля; глину эту смешивают с обыкновенной глиной, добываемой из ближайшей горы; мнут и перемешивают весьма тщательно, а для мелких вещей разбалтывают этот состав в воде, отстаивают воду и употребляют добытую таким образом весьма тонкую глину, которая уже не даст ни на волос трещины. На наших глазах получились выверченные на станках несколько горшков, фляжек, бутылок и чашек. Показал хозяин и две огромные печи для обжигания; в одной из них еще стынет посуда. — На виденность нами завод 39 рабочих в тридцать дней надельывают посуды на одну печь. Эта печь потом непрерывно топится пятнадцать дней, затем еще пятнадцать топится из боковых отверстий, — всего тридцать дней завершается процесс обжигания. Расходуется за это время сосновых дров на 200 ен; но из печи вынимается продажного материала на 1000 ен. — Производством занимаются в деревне в больших размерах 38 домов. — Продано в прошлом году всего выделанного глиняного товара на 30 000 ен; идет, по преимуществу, в Хитацзи, но также и в Тоокёо. Посуда из черной глины после обжигания получается красною и отлично глазированною, хотя негусто. Выделяют много разных фигур, особенно фантастических львов (сиси). За два огромных льва — ростом мало не с живых — просят всего 300 ен. Я купил для образчика маленького сиси за 10 сен.

В 7 ри от Окаяма — Катаками — эки — 720 домов (обедали там); нужно иметь в виду — для проповеди, когда будет возможность послать проповедника.

В 10 ри от Окаяма — Мицуси — эки — 80 домов, — добывается плохого качества мрамор — белый, красноватый и желтый. Видели производство

грифелей из белого камня; за обтачку из напиленных брусков – 100 грифелей, платится 1 ен 5 рин. Для образчика я купил из красного камня чайную чашечку, из желтого – брусок для прес-напье, – первую за 10 сен, второй за 3.

Когда стало смеркаться, остановились на ночлег в Седзи-эки, 17 ри от Окаяма и 5 ри от Химедзи. (Чувствовалась почему-то, должно быть, от непрерывного путешествия, чрезвычайная усталость).

Путешествие, начиная от Фудзии, все время продолжалось в горах, среди узкой долины, иногда просто ущелья, покрытого лесом, что напомнило живо прошлогодние странствования по подобным местам в Намбу и Акита. Видно, что народонаселению негде разгуляться. Деревни небольшие. Дома – глиняные с соломенными крышами, конек которых увязан поперек в нескольких местах пучками соломы, что очень напоминает коньки Мия; видно, что здесь (в Циукоку) сохранилось более, чем где-либо в Японии, следов древнейшего быта. – Здесь – в Циукоку – собственно созидалась Япония, здесь – корень ее, поэтому и проповедь здесь важнее, чем где-либо. А между тем от Оосака сюда вообще о православии не слышно, народ же этот весь тяготеет именно к Оосака и Сайкео, а о Тоокёо мало заботится, – мало кто и был там.

22 мая / 3 июня 1882. Суббота.

На пути из Окаяма в Танго

В семь часов утра уже были в Химедзи (от Окаяма 22 ри). Химедзи стоит на небольшой долине, – простору такого, как в Окаяма, или в Хиросима и прочих, далеко нет, поэтому и народонаселение сравнительно невелико, домов в Химедзи 5000. Здесь прежде был князь Сакай Утано Ками, 15 ман коку. Крепость и кругом ее пространство, где жили сизоку в большем запущении, чем я видел до сих пор. Только центр крепости в порядке, потому что там Циндан; и Тенсюдоо, в которую не пускают, прекрасно рисуется на небосклоне, далеко в ущелье провожая путешественника своим фантастическим видом, равно как и заглядывая издали – кто приближается к ней по ущелью.

В 11 ри от Химедзи – Гинзан (Куцигана-я[?]), где еще во времена сеогунов и теперь добывают золото, серебро и свинец. До последнего времени здесь работали нанятые японским правительством 17 человек французов, – прожили здесь двенадцать лет; теперь тут – ни одного иностранца; японцы сами все поняли и переняли в свои руки. На руднике работают европейские машины; роют в земле руду – в главном руднике – уже мили на три внутри. К сожалению, некогда было останавливаться, чтобы сходить взглянуть на работы, – всего 2 чё от Куциганая (где 300 домов – больше рудокопы; у самых рудников домов 100 – служащих и тоже рудокопов); успел только добыть небольшие образчики руд.

В деревне Тациваки (80 домов), 3 ри от Гинзан, у мия — довольно замечательное каяки: 3 полных моих обхвата и один фут толщины.

В 4 $1/2$ ри от Гинзан — Такеда-мацэ — 600 домов, бывший некогда крепостью (которой и доселе есть следы) удельного князя Акабоси, 15 ман коку. При Тайкоо это княжество уничтожено.

В 10 $1/2$ ри от Гинзан и в 21 $1/2$ от Химедзи в Еномия (Сикукан-эки) — 280 домов, остановились на ночлег, проехавши сегодня 26 $1/2$ ри. Дорога все время была очень хорошая, с небольшими кое-где подъемами, — шла по ущелью, у реки, которая идет от Химедзи. Селения довольно частые, но больших очень нет, — местность не позволяет раскинуться. Поля, где возможно обработать превосходные, почти все виднеется пшеница и ячмень; под рис только что готовят. Работают на быках и коровах, которых поэтому здесь виднеется довольно много, — но все в руках людей, или в хлевах. Из плодов вчера и сегодня везде виднеется бива, но далеко не такая крупная, как в Кагосима. — Сегодня, чем дальше идешь, тем больше вступаешь в полосу шелковичного червя, — уже множество туловицы по сторонам дороги. — Изредка слышится и излюбленный мною в прошлом году крик фазана.

23 мая / 4 июня 1882. Воскресенье.

На пути из Окаяма в Танго. Миньяма (Танго)

В начале пятого утра были разбужены хозяевами, уже сварившими к этому времени завтрак (не везде так точно исполняют просьбу «разбудить пораньше», как по этой дороге), и в семь часов утра уже были в Тоеока, — 4 $1/2$ ри от нашего ночлега Еномия.

Тоеока — главный город провинции Тидзима. Здесь был удельный князь Кеогоку Хидано-Ками — 1 $1/2$ ман коку. Домов в нем до 1500. Производит множество плетеных из ивовых прутьев корзин (кори), шляп, зонтов и разной деревянной и жестяной посуды. Вокруг по полям разводится много ивняку (янаги) для первого из этих производств.

Город, по-видимому, небедный, кругом немало и деревень, хотя не больших, так как доселе горы еще не раздвигаются широко.

От Тоеока 3 ри до Кумихама-сику — 500 домов. Дорога — как переехать в Тоеока два раза через реку — начинается проселочная, среди полей и скоро уходит совсем в горы, а там чрез Конаситонге, довольно трудную для подъема, особенно же для спуска тележек. Почти все эти три ри пришлось идти пешком, так что благоразумнее было бы нанять в Тоеока человека для несения саквояжа, а тележки совсем не брать, как вперед и нужно поступать (тем более, что дзинрикия, пользуясь случаем, содрали по 25 сен на человека за 1 ри, будучи почти совершенно бесполезны потом). Кумихама — зажиточная деревня, что особенно можно заключить по весьма приличному храму при въезде из нее; но иностранцев

здесь, по-видимому, не видали, или очень мало; содержатель постоянного принял нелюбезно и не хотел дать комнаты. Кумихама уже принадлежит провинции Танго и находится на берегу моря; рейда, впрочем, здесь нет никакого.

От Кумихама 5 $1/2$ ри до Минейяма. Дорога, хоть и поправлена, так что тележки не затрудняются нигде просхать, но также идет по горам, особенно переход через две горы труден. Благоразумнее и здесь совсем идти пешком, имея лишь человека для несения багажа. Насилу, уже в третьем часу, притащились в Минейяма, сделав 8 $1/2$ ри в семь часов, тогда как обыкновенный ход дзинрикия 2 ри в час. Под конец еще дождь некстати застал в дороге.

В Минейяма не без труда нашли катихизатора — Матфея Юкава и христиан, из чего явствует, что вперед нужно иметь более полные адреса катихизаторов, — мы же имели адрес Юкава только из Тайзамура. Минейяма — город в 750 домов, стоящий среди гор. Прежде здесь был удельный князь Кеогосоку Такатоми — 1 ман коку (Он теперь служит Каннуси в Тоокёо). Есть в городе несколько сизоку. В прошлом году до Собора здесь было 3 христианина, теперь — 5. Петр Тода с женой Агафьей и сыном младенцем Алексеем и Марк Одагири — сын конфетчика, девятнадцати лет, с матерью Марфой. Первый и последние двое крещены были в прошлом году, а жена Тода и сын недавно. Все они — не здешние, кроме жены Тода. Тода — родом Оомия-сику, 6 ри от Тоокей (он лет девять тому назад жил некоторое время на Суругадай у меня и слушал вероучение). Одагири — из Гинзан в Тадзима.

В настоящее время есть еще у Юкава 2–3 довольно надежных слушателя. Он говорит для них катихизации в доме Тода, или Одагири; живет же, когда в Минейяма, — в Хатангоя, куда, однако, слушать учение к нему никто не приходит, хотя прежде у него вывешана была и доска, что, мол, «здесь — сейкёо коонги» (доску эту он должен был убрать по привязкам полиции).

В доме Тода собираются на молитву, как вчера в субботу — в восемь часов вечера и сегодня в десять часов утра. Образа для молитвенного дома нет, один домашний — Тода и собственный — Юкава.

Кстати, до сих пор нигде не видел домового образа, прилично обделанного; обыкновенно ставят в рамку, как картину, а инде — и как есть на бумаге вешают, или прикалывают к стене; вешают обыкновенно наискось, как картины. Нужно сказать священникам и катихизаторам, чтобы учили прилично обделывать и прилично ставить иконы. Для бедных же следует самой Миссией делать киоты, как прежде было.

Христианство началось здесь от Павла Накакоодзи, который родом из Таизамура. Он был здесь в 1880 году и несколько проповедывал; когда же отправился по своему назначению в Токусима, то прислан был сюда Матфей Юкава, который и доселе здесь. У Накакоодзи собиралось человек до 50 слушателей; теперь совсем нет — видно, по простому любопытству

сначала приходили. — Притеснений прямых христианству не делают, а мешают много бонзы, особенно знаменитой здешней кумирни Компира, немало также секты Монтосиу, заведшей и здесь свои проповеди; заведены общества с условием не слушать христианство.

Протестантов в Минеяма 2–3. Католики доходили только до Тоеока, там у них было четыре христианина, принявшие веру; впрочем, в других местах — теперь ушли куда-то.

Из окрестностей Юкава особенно часто был с проповедью в Миядзу, ри от Минеяма — рейдовый (для японских судов) город с 3000 домов, самый большой в танго. Там был удельный князь Хондзёо мунетака с 7 ман коку. Теперь — служит каннуси и мешает христианству. У Юкава там 5–6 слушателей есть, но дослушают ли, Господь весть.

Поговоривши с братьями и узнавши о состоянии Церкви, отправившись посмотреть город и посетить христиан. Город собственно состоит из одной длинной улицы, в поперек весьма мал. Взобравшись на пригорок, осмотрели окрестности — везде взор упирается в горы. Спустившись, побывли у христиан, осмотрели одну ткацкую крепа. Одна ткацкая в день вытывает 10 дзе, то есть 100 футов, почти невероятно; и при всем том, в день получает за работу 20–25 сен. Минеяма — знаменита выделкою крепа. Он производится из ниток, делаемых в Маебаси и тех местах; здесь тоже много производится шелку, но плохого качества. Крепы производятся только белые, а красятся в Кёото. Собственно производство крепа состоит в том, что поперечные нитки — круто сученые — одна вправо, другая влево; когда потом намочить креп в теплой воде, то нитки морщатся, причем креп делается четвертую-пятою частью уже своей вытканной ширины.

Вечером, в семь часов, у Тода обслужили вечерню, после которой — поучение христианам. С восьми часов назначена была проповедь для язычников. Собралось человек полста. Сначала говорил Юкава, потом я, но горло мешало продолжить более, чем на один час; простудил на днях, оттого болит и хрипит, притом же шел все время проливной дождь, и своим шумом, а также клокотанием льющей в озерцо стрехи [?] заставлял напрягать голос, чтобы было слышно, до того, что горло почти отказалось служить. Петр Тода дал лекарства; вот неудобство-то будет, если горло не поправится скоро.

24 мая / 5 июня 1882. Понедельник.

Таиза-мура (Танго)

Начинается, по-видимому, «ньюубай», — дождливый сезон в Японии, хоть по японским календарям для него еще несколько рано. Целую ночь и все утро рубил без перемежки сильный дождь, весь день также не проходило четверти часа, чтобы не начинал сыпаться из облаков дождь

крупными каплями на несколько минут. Темные разорванные облака покрывают все небо точно клочья.

Дождавшись некоторой перемены дождя уже к полдню, отправились в главную здешнюю Церковь, в Таица-мура, 4 ¹/₂ ри от Минеяма.

Проехавши 3 ри от Минеяма, остановились на короткое время в Мияке-мура, 21 дом. Здесь живет родной дядя катихизатора Павла Накакоодзи со своим сыном Даниилом, двадцати лет, единственным пока христианином в этой деревне. Матфей Юкава, проходя из Минеяма в Таизамура и обратно, говорит здесь поучения; приходят слушать коекто из поселян и школьные учителя сельского училища, принадлежащего четырем деревням и стоящего тут же, около дома дяди Накакоодзи. Принимали нас в только что построенном доме красильного общества, образовавшегося из здешних поселян и которого дядя Накакоодзи распорядитель. В Танго – главное производство креп, но он не красится в Танго, а отсылается для этого в Сайкео; в Танго же не умеют. Так вот поселяне, ревнуя о чести своей провинции, равно как и о собственной выгоде, решили добиться, чтобы креп и у них. Для этого они сначала отослали несколько молодых людей в Сайкео в красильню учиться у немца, нанятого для улучшения красильного искусства из Европы, потом образовали общество, составили капитал, построили помещение, купили материалов, и теперь у всех здесь мы видели красные и синие руки, но пробуют пока только еще на полотнах.

Таица-мура лепится по взморью на узкой пороске, оставленной ей, с одной стороны, морским прибоем, с другой – скалами, оттого дома в ней скучены, и их 600, населенных частью рыбаками, большею частью земледельцами. Из этой деревни происходит Павел Накакоодзи, один из наших старейших катихизаторов. Отец и мать его уже престарелые и живут, по-видимому, не очень достаточно. Тут же двое братьев Павла, – одного младшего, Луку, я видел, – работает в красильне в Мияке-мура, другой – старший, еще язычник (лентяй, поэтому жена от него ушла, – лет сорок, ныне работником служит), отец мальчика Андрея, одиннадцати лет, который состоит единственным певчим в здешней Церкви.

Христианство началось здесь от Павла Накакоодзи, когда он был здесь в 1880 году, пред отправлением в Токусима, и говорил о христианстве. Так как нашлись желающие слушать, то сюда был прислан Матфей Юкава, который и доселе состоит здесь проповедником.

Христиан здесь было до Собора прошлого года 10, теперь – 15, ибо четверо недавно здесь крещены о. Яковом Такава, и один – Илия Уетани – в Тоокёо о. Павлом Сато. Христиане следующие: Петр Накакоодзи и жена его Марфа – родители Павла Накакоодзи, Лука, младший брат его, Андрей (одиннадцати лет), племянник; Иоанн Уетани, жена его Мария, дочь-младенец Анна и тетка – старуха Симония; Илия, младший брат Иоанна, по фамилии также Уетани, в Тоокёо готовящийся в Катихизаторскую школу; Иосиф Уетани (с больной ногой); Яков Икеда и жена его

Иоанна, Фома — сын-младенец, и Никанор, старик, отец Якова; Даниил Табата — двоюродный брат Павла Накакодзи, в Мияке-мура, — итого 15 христиан в пяти домах.

Первые крестившиеся — Петр Накакодзи и Даниил Табата, жившие некоторое время с Павлом в Токусима, после чего Петр был крещен также о. Яковом Такае, а Даниил — в Тоокёо о. Павлом Сато. Недавно крещены: Андрей, Саломея, Иоанна, Никанор и Илья.

Сицудзи здесь один: Иоанн Уетани. Прежде был сицудзи и Даниил Табата, но когда жена у него была отнята родными ее (по ненависти их к христианству), и поведение его несколько испортилось, то братия перестали его считать сицудзи. (Я говорил, однако, с Даниилом и нашел, что поведение его испортилось лишь в мыслях его, то есть его обуревают иногда блудные мысли, вследствие чего он отложил и исповедь до другого времени, что особенно и смутило братьев и что он, конечно, напрасно сделал, так как исповедь и есть, между прочим, одно из орудий в борьбе с искушениями).

Юкава обыкновенно разделяет время свое между Минеяма, Таиза-мура и Миядзу. Когда бывает он в Таиза-мура, то останавливается в доме Петра Накакодзи, занимая отдельно построенный домик, служащий также и для молитвенных собраний братии. Здесь же у него бывают и катихизации по вечерам, в восемь часов. Днем, кроме того, он имеет проповедь в доме сицудзи. — Останавливаться в доме Накакодзи не совсем удобно, так как это, видимо, стесняет стариков и все семейство, у которых, кроме этого домика, ничего нет больше, как курная изба. Но Юкава, к сожалению, нигде не может найти больше удобней квартиры, — ненависть к христианству еще настолько велика, что не пускают на постой. Одно служит некоторым успокоением, что Юкава платит как за квартиру, так и за пищу, когда останавливается у Накакодзи.

Слушателей теперь 4–5 есть постоянных; они и крестились бы уже, но боятся своих сельчан, которые грозят прекратить всякие сношения с ними, если сделаются христианами. Ненависть к христианству возбуждают бонзы (здешние — Дзенсиу) и каннуси, в числе которых прежний удельный князь Миядзу; влияние его ощущается и здесь.

Впрочем, ненависть язычников мало-помалу проходит при виде, как христиане благодушно переносят ее, и при безукоризненности поведения христиан. Из последних Яков Икеда и сицудзи Иоанн особенно отличаются живым и деятельным мужеством.

На общественную молитву — в субботу, в восемь часов вечера, и в воскресенье, в десять часов утра, собираются человек 7–8. Поют катихизатор и мальчик Андрей, у которого прекрасный алыт, хотя и не совсем верно он владеет им, по недостатку обучения. А «Сю яваренее» и прочее в ектениях поют все, кто в Церкви, — в первый раз в этой Церкви я увидел этот начинающийся обычай и не мог не одобрить.

Инославных здесь нет.

В четвертом часу прибыли мы Таиза-мура. Христиане приготовили было помещение в тамошнем постоялине; но в деревню теперь собралось из окрестности несколько сельских учителей, и имеют на постоялине свои собрания и энзэцу о необходимости взаимной дружбы (консин) и тому подобное; днем они собираются туда, а не по вечерам; мне же собственно и просили помещения на ночь, но учителя потребовали, чтобы мне отказано было, и настояли на том; это — тоже характеризует язычество, хотя и образованное; во всякой христианской общине скорее сами стеснились бы (а тут и того не мало не требовалось), чем отказать в приюте гостю.

Приехавши прямо к Петру Накакоодзи, где в молитвенном доме собрани были женщины и дети — мужчины же давно уже встретили и присоединились к нам на дороге — мы тотчас и начали вечерню; после нее слово обращено было к христианам; но во время его язычников, и именно учителей, набралось не меньше числа христиан; сказавши, что для них слово, если они хотят слушать, будет в восемь часов вечера, — и продолжал к христианам, обращаясь инде и к язычникам. Почти стемнело, когда кончено было поучение. Отправились посетить сицудзи и взглянуть на деревню. После — на другой постоялин, где, хотя тесное, помещение для вечерней проповеди и ночлега, было найдено. — В восемь часов набралась целая комната слушателей, между прочим, тоже учителей. Говорил довольно резко против язычества. Некоторые слушали, по-видимому, с открытым сердцем.

В 3 ри от Таиза-мура есть деревня Амино-мура, 300 домов. Там в одном из богатых домов есть баба протестантка, услышавшая первоначально о христианстве, когда была у своих родных в Оосака, от какого-то протестантского миссионера (она называла его, но так исковеркала фамилию, что я не мог догадаться — кто), тотчас же ощутившая веру в единого Бога и принявшая крещение. — Теперь, узнавши, что я приеду в Таиза-мура, она нарочно со своим внуком — юношей, пришла сюда и все время усердно участвовала и в слушании поучений. Оказывается, по расспросам, что она и прежде также нарочно приходила сюда два раза, — раз, чтобы посмотреть православные похороны (когда два месяца тому назад умер здесь от какке младший брат Павла Накакоодзи, служивший в солдатах и там захворавший; христиане похоронили его с возможною для них торжественностию, сделавши даже красивый покров на гроб; зато и язычников же было множество — наблюдать, как христиане обращаются с своим умершим; удивляясь, что христиане не плачут, напротив, как бы радуются; некоторым же практично понравилось то, что не нужно белого траура справлять; очень понравились старухе похороны, особенно же то, что за умершего молятся, — как и всем японцам, любопытствующим о христианстве, это весьма нравится в православии сравнительно с протестантством). Другой раз недавно приходила посмотреть, как о. Яков совершал крещение, — и это понравилось; «А у меня вот

и святого имени нет, — жалуется, — а умру — и молиться некому за меня»; и просится в Православную церковь. Я сказал Юкава и скажу о Якову, что ее можно присоединить. К сожалению, сын ее ненавидит христианство. Юкава раза три был в Амино, но тот в доме и заговорить о христианстве не дает; баба совершенно одинокая по своей вере.

Был еще Юкава с проповедью в Микоци-мура, 200 домов, 2 ¹/₂ ри от Миядзу; 2–3 надежных слушателя и там есть.

Был также в Юсима, от Минеяма 8 ¹/₂ ри, в провинции Тадзима, 300 домов. Слушателей собиралось много; 2–3 показались надежными; просили еще быть; обещался, но не мог; был там в конце прошлого года.

Были и в Тоёка, — и его не нужно упускать для проповеди.

Вообще же проповедническое время Юкава было распределено между Минеяма — в месяц две недели, Таиза-мура — неделя, Миядзу — неделя.

После Собора проповедник непременно должен быть прислан для этих мест.

(Едва могу двигаться, — так несносно болит поясница, а горло совсем охрипло от простуды и от говорения).

25 мая / 6 июня 1882. Вторник.

На пути из Танго

Утром опять собрались христиане Таиза; отслужили обедню; еще сказано было приличное поучение, после чего братия проводили.

Икона здесь в молитвенной комнате — Божией Матери с Богомладенцем, писанная маслянными красками, но малая; в киоте, из России. Есть также Спасителя, — домовый образ Петра Накакоодзи.

Проехавши через Минеяма, отправились до Миядзу в сопровождении Юкава. Миядзу — на берегу узкого залива. Когда из Минеяма в Миядзу идти чрез горы, то с вершины последней открывается прелестный вид на Ама-но хаси-дате — естественный мост чрез залив, теперь несколько промытый прибоем, в 50 чё длины и 5 кен ширины, весь усаженный соснами. Это одно из самых знаменитых в Японии мейсе. (Еще древние поэты очень воспевали его). Ученые догадываются, не это ли и есть упоминаемый в начале японской космографии, в Кодзики, Амацууки-но хаси. Если так, то значит первое прибытие предков японского народа было именно на этот берег; отсюда уже они переправились на юг в Хиунга, а оттуда на середину Ниппона с другой стороны. По-видимому, этой догадке служит подтверждением то, что здесь же недалеко, именно в Найку, около 5 ри от Миядзу, есть кумирня, посвященная Тенсео-дайзингу, — древнейшая, чем в Исе, называемая поэтому Мотонсе. — Вообще, этот берег очень богат преданиями. Так — здесь же, на пути к Найку, находится гора Оое-яма, где будто жил Сютендоодзи — черт в пещере, которая есть и доселе и из которой он делал набеги на Кёото, чтобы

похищать императорских жен. Один из Минамото, наконец, послан был усмирить его, хитростью опоил его ядовитым вином и отсек голову, но и тогда еще черт так хватил его своей лапой по голове, что все пальцы, за исключением одного, пробили насквозь шлем. Тут же еще — на берегу есть онино цука, где будто другой черт, преследуемый, бросился в воду, а скала, оторвавшись, придавила и погребла его под собой.

Все это, очевидно, намеки на нападения на этот берег врагов, — айны ли то были, или кто с противоположного берега.

В Миядзу на минуту заехали к некоему Имемура — старику, сизоку, школьному учителю, — самому усердному слушателю христианского учения. В его доме, останавливаясь, Юкава и проповедует. К несчастью, кроме помехи от язычества, здесь еще чрезвычайно в ходу политические прения о парламенте и прочих видах свободы, что также не мало отвлекает внимание народа от христианства.

От Миядзу до Цикараиси, 1 ¹/₂ ри, ехали в дзинрикися.

От Цикараиси в Найку, 3 ¹/₂ ри, (Танго), — шли пешком, взяв носильщика для вещей за 60 сен, так как дорога гориста и есть огромный перевал чрез гору. Зато взобравшись на нее можно любоваться превосходным видом на залив вдаль, — при вечернем солнечном освещении очаровательный вид; а пройдя далее, когда залива уже нельзя видеть, стоит только посмотреть налево — на ряды рассыпанных творческою рукою горных хребтов, теснящихся друг к другу, чтобы почувствовать себя вознагражденными за труд подъема на эту высоту.

В Найку пришли, уже темно было, и остались ночевать. Это деревня — дворов 50, кажется.

26 мая / 7 июня 1882. Среда.

На пути из Танго в Осака

От Найку 4 ¹/₂ ри до Фукуцияма (Тамба) — город с 1200 домов. Здесь был прежде князь Куцуки Ооми-но Ками — 3 ман коку; есть и сизоку. Протестанты, говорят, имеют здесь проповедь. — От Сайкёо досюда 22 ри.

От Фукуцияма до деревни Икуно 3 ри. От Икуне до деревни Иноке (78 домов) 6 ри. От Иноке до Камеока 7 ¹/₂ ри. Камеока — большой город, в котором 3600 домов. Был прежде князь Мацудаиро Бизен-но ками — 5 ман коку; по-видимому, и теперь там много сизоку. От Камеока до Сайкёо — station железной дороги 5 ри 30 чё.

Целый день дорога была гористая, много приходилось идти пешком, так что если бы время было, гораздо лучше было не брать дзинрикися, а только носильщика для вещей. Только там, где города, горы несколько раздвигаются и дают простор равнине принять на себя большую массу населения. Так, Камеока стоит на отличной равнине, замыкаемой с одной стороны красными горами, с других зелеными. О Сайкео и говорить

ничего, здесь — полный простор цивилизации.— Но о Сайкео после. Сегодня увидел его во мгле, спеша в Осака, чтобы переночевать, и завтра с первым поездом — в Кобе и оттуда в Какогава.

27 мая / 8 июня 1882. Четверг.

Каконгава (Бансиу)

Отправившись с первым утренним поездом из Оосака, по прибытии в Кобе взяли дзинрикия (причем староста не преминул надуть черезчур уж смиренного моего Романа, подставив ему вместо договоренного сильного мужчины мальчишку восемнадцати лет, отчего всю дорогу потом отставал) и отправились в Каконгава, 10 ри от Кобе.

От Кобе идет богатейшая населенная местность, как будто напоказ возделанная и застроенная отличными домами. Ри два от Кобе долина на конус суживается, оставляя между береговыми холмами и скалами место почти только для дороги. Но тут начинается по холмистому взморью красивый сосновый бор. За 3 ри — деревня Таки, откуда с набережных павильонов любуются на Авадзисима — сейчас через пролив и на окрестности. В четырех ри от Кобе — Маекехама, где под вековыми соснами народ в праздники веселится; иностранцы также по воскресеньям приезжают сюда.

В 5 ри от Кобе большой и богатый город Акаси (уже провинции Харима), в котором тысяч пять или шесть домов, — тянущийся долго и по другую сторону Акасигава. Здесь был удельный князь Мацудаира Сахео-но ками, в 6 ман коку; виднеется много домов сизоку. Словом, это такой значительный город на Санъеодо, в котором непременно нужно иметь Церковь. (Странность, что от Акаси до Какогава ри считается в 50 чё; таким образом, хотя от Кобе до Какогава 10 ри, но он на 1 ри 20 чё длинее обыкновенных).

Акаси стоит на ровном месте, и отсюда открывается обширнейшая долина, кусто населенная и вся возделанная, с отличным орошением, для которого везде устроены искусственные вместилища воды.

Во втором часу прибыли в Какогава, как прежде назывался и писался город, или Дзике-маци, как теперь он пишется, зовясь по-старому (хотя теперь имя Какогава усвоено собственно провинции). В нем всего 430 домов; на вид — очень неказист и незажиточен. Христиан в нем 10 человек в шести домах.

Другое селение, в котором здесь есть христиане, — Иокояма, в одном ри от Дзике-маци, с 14–15-ю домами всего. Христиан — 6 человек в трех домах. Третье место, где христиане — Оно-маци, от Дзике 4 ри, с 300 домами. Там 3 христианки — из сизоку: Софья — 61 год, и Евфимия Ито — 37 лет, и Анна Сасаки (вдова 52 лет).

Всего христиан в здешней Церкви 19 человек, из которых 12 состояли к Собору прошлого года и 7 крещены в марте сего года. Христианских домов 11.

Сицудзи 2: Иосиф Кимура для Дзике-маци и Иоанн Охара для Иокояма. Первый, кроме того, казначей церковных денег, которых ныне собралось ен 4–5, по словам Накаи. Собираются же они из приношений христиан, которые взаимно условились жертвовать с человека по 2 сен в каждое воскресенье.

Проповедь здесь начал во втором месяце 1879-го года Андрей Яцуки. После Собора того же года прибыл сюда Иоанн Отокозава и состоял до Собора следующего года. Наконец, в десятом месяце 1880 года, по назначению Церкви, пришел на проповедь Павел Накаи, который и доселе состоит здесь.

Павел Накаи каждый месяц делит свое пребывание между Дзике-маци, Ономаци и Иокояма. Но ни в одном из этих мест в настоящее время нет ни одного нового слушателя. Он каждый вечер, часов в восемь, делает лекции для христиан, которых приходит человека 4–5; теперь идет толкование Евангелия от Матфея.

По субботам, в восемь часов вечера, и воскресеньям, в десять часов утра, собираются для совместной молитвы, которая читается, так как петь еще некому. Приходит тоже человека 4–5; если молитва в Дзике, то бывает и из Иокояма, и наоборот.

В новые места ходил следующие:

1. Хоодзёо – город, 1000 домов, от Дзике 5 ри; слушателей прежде собиралось человек 30, теперь 14–15, из которых 3–4 представляются надежными.

2. Акуо – город в 12 ри от Дзике, также Харима, с 2000 домов; слушатели есть, но очень уж мешают бонзы.

В Химедзи не был, и там в настоящее время не представляется ни одного желающего слушать учение.

Инославных здесь нет, только в Акаси, слышно, человек 30 протестантов. Кое-где и инде по окрестностям бродят протестантские проповедники, но об успехах не слышно.

В ближайшем будущем Накаи не видит здесь надежды на быстрые успехи, но теперешних христиан беречь нужно; оттого и после Собора проповедник здесь необходим.

Жители здешние христианства еще очень не любят; христиане терпят немало и домашних огорчений из-за веры; но все твердо хранят ее, нет ни одного ослабевшего.

Народ здесь весь поглощен материальным; о каких-либо духовных интересах и помину нет; например, теперешние толки о Парламенте, о гражданской свободе здесь решительно не находят интересующихся; тем менее, может занять христианство, а бонзы еще возбуждают против него.— Но распушенности нравов и разврата здесь нет; народ только

груб, подавлен материальными заботами, не развит, но не испорчен. Значит, время для христианства еще придет. Сказанное относится и к таким большим центрам народонаселения, как Акаси и Химедзи, вообще — ко всему Бансиу.

Прибывши в Какогава, остановились у Иосифа Кимура, у которого живет катихизатор и находится комната для молитвенных собраний. Катихизатора не застали дома — он отправился встречать нас в другую сторону. Я пересмотрел метрику, церковный дневник, приходо-расходные записи — все в должном порядке. Молитвенная комната содержится в чистоте и довольно хорошо убрана. Икона здесь — малая Спасителя — в киоте из России (перная к ней, что в Танго), и Божией Матери — в серебряной ризе, старая — тоже размера комнатных.

Когда Павел Накаи вернулся, расспросил о состоянии Церкви, а также о Евфимии Ито, собиравшейся служить Церкви; оказывается, что по-прежнему очень желает служить, только может отправиться в Тоокёо не иначе, как в сопровождении матери, о которой кроме нее позаботиться решительно некому. Даст Бог, устроим.

Вышли посмотреть город, но и смотреть нечего, только и есть порядочного что мост через реку Какогава — довольно длинный; Накаи рассказал, как его недавно пробило саженой на 25 несшимся по реке где то подмытым и уплывшим домом.

Бедный мой Роман упал со второго этажа в доме Кимура мимо лестницы; к счастью, отделался незначительными ушибами — Бог его хранит.

В восемь часов назначена была вечерня, так как христиан нужно было ждать издали. — После богослужения сказано поучение и был совет с братьями, как устроить церковное дело здесь после Собора? При настоящем положении дела катихизатору здесь скучно, ибо новых слушателей нет и братьям невесело, ибо положение их слишком одиноко и заброшено. — Положено было непременно направить катихизаторские усилия на город Акаси; значит — просить на Соборе одного катихизатора для Акаси и Какогава.

28 мая / 9 июня 1882. Пятница.

На пути в Вакаяма, — Оосака

Так как в числе собравшихся вчера христиан не было Анны Сасаки, а она очень хотела повидаться со мной, то братья просили вчера сегодняшним утренним богослужением и отъездом несколько умедлить, чтобы Анна успела до того времени прибыть из Оно-маци. Так и сделано было. Кстати, написал письмо о. Анатолию. После обедни, к которой подоспела и Анна, поучения и разговора о церковных делах, из которого еще более выяснилось, что в Акаси нужно начать проповедь, отправились

обратно — в десять часов утра. В Оосака прибыли уже в шесть часов вечера, — день был дождливый, скорее дзинрикисы не могли идти. В Оосака сначала заехали к о. Якову Такая, где угостили чаем, потом ужином из говядины и яичницы — это в пост-го, в доме священника! Видно, что о. Яков не очень внимателен; притом же как-то бледен, вообще — опустившимся представляется как будто; после нужно будет вникнуть в состояние и причины; теперь же с Оосакскою Церковью еще не начинал знакомиться — мимоездом только здесь. Заметил только о. Якову, что теперь пост, нарушать его я не стану, но так как уже приготовлено, то пусть сами скушают. Кроме того, снял икону из угла — противоположного тому, в котором поставлена другая — и гораздо приличнее, — заметил, что иконы в комнате должны ставиться в одном месте. — Ночевать привели в японский постоялин; но если завтра он окажется хоть наполовину таким дорогим, как бессовестно оказался тот, в котором мы остановились на ночь на пути в Какегава, — 1 ен 30 сен содравший за дряннейшую японскую комнату и по 30 сен за также дрянной и скудный гезен с каждого, то по приезде из Вакаяма остановлюсь в иностранной гостинице, а Роман пусть себе в японской — с него не станут драть, как считают дозволенным себе драть с иностранца.

29 мая / 10 июня 1882. Суббота.

Вакаяма

Рано утром отправились в Вакаяма, 16 ри от Оосака, по уловию быть доставленными туда в продолжении восьми часов с платой 2 ены 70 сен двум людям с тележкой для каждого из нас. — В 1 ¹/₂ ри от Оосака проехали Сумиеси с великолепной кумирней (мия), в 3 ¹/₂ ри — огромный город Сакай, уже в провинции Идзуми; в 7 ри от Оосака — в той же провинции — Кисивата, где был удельный князь с 6 ман коку; по улицам города здесь бродят за милостыней целая толпа монахинь (ама). Тотчас же за тем — город Кайдзука. Дорогой от Оосака по всему этому пространству виден странный образ жатвы пшеницы и ячменя: солома стоит на корню, а колоса — ни одного; колосья срывают в корзины, — и так аккуратно это делается, что поле как будто не тронут.

В десяти ри от Оосака начинается перевал через горы; дорога, впрочем, идет по ущелью весьма отлогой полосой. За перевалом, в узкой и длинной долине, полной разбросанных деревень, около моря, у широкой реки Киокава раскинулся город Вакаяма, главный в провинции Кисиу.

Вакаяма был удельный город, вместе с провинцией, — одного из Госанке, каковые «3 дома» (еще Нагоя и Мито) были родственные сеегунскому (Токугава) и служили запасными на случай неимения детей у самого Сеогуну — братья у них для усыновления. Оттого эти три дома были

неравненно выше и почтеннее прочих княжеских домов и богаче — почти всех; два из них — Нагоя и Вакаяма — отличались роскошью, третий — Мито — воинственностью.

Князь здешний получал 55 ман коку. Домов в Вакаяма больше 25 000. Сизоку и кацую в прежнее время было до 12 000 домов. Теперь их здесь также множество, но в переходном состоянии — ищут средство к жизни, большею частию обедневшие. Нравы здесь недурные; разврата большого нет; из чеонинов $\frac{8}{10}$ не любит хоотоо. — Из буддийских сект — много Монтосну, оттого еще много нерасположения принимать христианство, так как другие секты молчат, ибо почти вымерли.

Христианскую проповедь начал здесь Матфей Кангета, еще будучи катихизатором. В 1877 году в одиннадцатом месяце он пришел сюда из Оосака; из здешних жителей хлопотал для него тогда находящийся ныне в Тоокёо Никанор Иимура. Из слушавших Матфея Кангета 6 человек приняли крещение в третьем месяце 1878 года от о. Анатолия.

В четвертом месяце 1878 года прислан был сюда на проповедь Павел Накада, потом Андрей Канамори, а с 1879-го, по назначению Собора, здесь Павел Кангета, состоящий и доселе. Помощниками у него были в начале 1880 года некоторое время Павел Накаи, с Собора же этого — 1880 года Дамиан Камеи в качестве фукуденкеоса.

Христиан здесь к Собору прошлого года состояло 76, после того крещено 9; всех 85. Но из них за это время 8 умерло, 10 — потеряли веру, так что их почти нельзя и считать принадлежащими к Церкви, 2 — исключены из Церкви; остаются: 65. Из этих 65-ти — 14 находятся ныне в других местах, как Матфей Юкава и Яков Мацуда на проповеди, Марк Ооура — в Катихизаторской школе. Григорий и Исаия Камея — в Семинарии, Вера Иимура — в Женской школе, и прочие. Итак, состоящих в наличности ныне здесь 51 человек.

Христианских домов 35. Но из них 9, из которых никто не приходит в Церковь, 1 — анафематствован, 4 — из которых христиане в других местах; остается: 21 дом.

Вышеозначенные ослабевшие в вере, по-видимому, рано были крещены, без должного научения и испытания, чего всячески вперед нужно избегать. Вот они (их не нужно совсем терять из виду; быть может, Господь и обратит их со временем): 1) Евфимий Уемура — молодой человек из сизоку, служит печатником; товарищи и тесть смутили; 2) Моисей Ито — молодой человек из купцов; отец его не любит веры и отвлек его; 3) Илия Сато, лет тридцати пяти, из сизоку, ткач; ныне в Сайкео, или где-то; 4) Николай Сиотаии, тридцати лет, из сизоку; продавец ваты; своею бедностию смущен и потерял веру; 5) Даниил Сато, прежде бывший бонзой, родом отсюда ри за 10; теперь неизвестно где; 6) Козьма Мукан — врач, семидесяти лет; ослабел в вере; 7) Иов Цуда — сизоку, сорока лет; дурного поведения; 8) жена его Мария Цуда; 9) Мария Мацумото, по смерти мужа, перестала ходить в Церковь по гонению от матери;

10) Павел Дои — бывший прежде в Катихизаторской школе и ушедший учиться в протестантскую школу; как видно, по своекорыстию, чтобы научиться по-аглицки.

Изгнаны из Церкви здесь двое: Григорий Тории, из сизоку, и его дочь Мария, потому что первый продал вторую на разврат, и как ни убеждали потом братия вместе с о. Яковом Такая его возвратить дочь, обещаясь внести за него то, что он уже истратил из платы за дочь, он не согласился, почему о. Яков объявил его вместе с дочерью исключенными из Церкви. Душевное состояние его дочери неизвестно, ибо отец продал ее никому не сказавши, сам он, по-видимому, не совсем потерял веру, ибо тайно приходит слушать христианские проповеди. Дочь продана в Кобе. Отлучение произошло 1880 года 9 месяца 26 числа.

Сицудзи здесь избираются ежегодно после Тоокейского Собора. В настоящее время их 3: Гавриил Кавагуци, сизоку, — продавец риса; Акила Хираи, хеймин, рисовальщик на фарфоре; и Стефан Каменя, сизоку, — без определенных занятий (отец находящийся в Семинарии Григория и Исани). Акила Хираи, кроме того, состоит казначеем денег, собираемых на постройку храма, каковых денег ныне собрано с юси (желающих жертвовать) 80 ен; деньги эти Акила отдаст на проценты в надежный купеческий дом. Сбор идет с девятого месяца 1881 года. — А Гавриил Кавагуци заведует сбором приношений на обычные церковные расходы, как-то: на масло, ладан, уголь; эти приношения тоже вносят юси, — их 7 человек теперь, и они дают в месяц кто 5 сен, кто — 10 сен, иной 30 сен; а Гавриил собирает и расходует, записывая в книгу, на что вносящий своею печатью отмечает, что внес; книга для записи находится у Гавриила. Порядок этот заведен с десятого месяца 1881 года. Если собранного не достает на расходы, то сицудзи от себя восполняют. — Сверх всего этого, для особенных случаев делается сбор пожертвований; например, справили здесь черный суконный с галунным крестом посреди не покров на гроб и носилки для гроба — 7 ен 61 сен, на нынешнюю Пасху для содержания здесь о. Якова собрали 5 ен и подобное.

Проповедь здесь в таком порядке: 1) по воскресеньям, с восьми часов вечера. Кангета и Камен в пережку говорят катихизации в доме Стефана Камен — для язычников. Собирается новых слушателей от 10 до 30 человек. Надежных в настоящее время еще не видно между ними. 2) По средам вечером Кангета говорит тоже для язычников в доме язычник еще — Нисикава; сюда также приходят, и приходят только искренне желающие слушать, поэтому здесь надежный дом Исикава и 4–5 других слушателей. 3) Кроме сих дней, каждый вечер Кангета говорит у себя поучения собственно для христиан; в настоящее время идет объяснение Евангелия от Матфея. Иногда приходит кое-кто из язычников; христиан собирается 5–6.

Дамиан, кроме помощи Кангета в доме Камея, говорит еще в своем доме раз в неделю — больше для христиан только, так как язычники почти совсем не приходят.

Вообще, желающих слушать христианство в настоящее время мало, но и не так, чтобы совсем не было.

Гонения на христианство, впрочем, в Вакаяма теперь нет; все уже узнали более или менее и говорят, что христианство — хорошее учение.

Богослужение по субботам вечером, как становится темно, и воскресеньям с девяти часов утра. Собираются в субботу человек 20 и больше, в воскресенье 15–16. Поют две девочки: Марина Кавагуци, двенадцати лет, и Марина Камея, двенадцати лет, и поют очень стройно, хотя во многом отлично от нот, а по собственному сочинению или учителей своих — Павла Кангета и о. Якова.

Христиане и Вакаяма наполовину из сизоку, наполовину из хеймин; здесь гораздо ближе эти сословия между собой, чем в иных местах, где случается видеть, что сизоку мешают входить в Церковь простолюдинам, или, наоборот, последние — дворянам.

В будущем здесь также много надежды, и двоих проповедников, как доселе, здесь необходимо держать, особенно если иметь в виду окрестности.

В Катихизаторскую школу отсюда, по уверению катихизаторов и сицудзи, найдутся многие, лишь бы была школа в Оосака.

В семинарию также найдутся до будущего года; человека два Кангета уже имеет в виду.

Для Квайдо и катихизатора нанимается дом, почти такой же хороший, как в Окаяма, за 5 ен в месяц. Кроме Павла Кангета, здесь живет один старик, который и стряпает для него. К сожалению, дом не в очень людной части города.

Инославных в Бакаяма нет никого; приходят на проповедь, но видя, что место занято православными, уходят, считая бесполезным здесь свой труд. (Между тем, православие считает для себя удобнейшими именно места, где есть католики и протестанты, чтобы чрез сравнение яснее выявить свою истинность).

Из других мест в Киусиу нужно иметь в виду для проповеди следующее:

1. В Аридагоори: город Иваса, 6 ри от Вакаяма, с 3000 домов, и множество деревень кругом. Из одной деревни приходили звать Кангета для проповеди. Кангета два раза был там, но особенно надежных слушателей еще не нашлись. Впрочем, приходящие оттуда по делам в Вакаяма, бывают у Кангета для разговора о Вере (Видно, что место назрело для проповеди).

2. В Хидакагоори: город Гоба, ри 12 от Вакаяма, с 1500 домов; оттуда приходили звать Кангета для проповеди, но он до сих пор не мог быть; до Собора сходит туда, чтобы на Соборе сказать о месте.

3. В Ито-гоори: город Хасимото, 13 ри от Вакаяма, на границе с Ямато, 2000 домов; из этого города также приходили спрашивать о вере.

4. В Мурино-коори: город Сингуу, 40 ри от Вакаяма, с 4000 домов. Сицудзи Гавриил Кавагуци четырнадцать лет тому назад жил там четыре года и имеет там много знакомых. Туда бы хорошо проповедника, по его словам. Город на границе с провинцией Исе.

5. Танабе, дзеока, с 4000 домов; 20 ри от Вакаяма; там много и сизоку. В этом городе есть один христианин, из Бизен, Иоанн Исида, служащий там в Сайбансё; он жил прежде того в Оосака и был там сицудзи; он просит катихизатора в Танабе (там, кажется, есть несколько протестантов).

6. Кокава, с 3000 домов, 10 ри от Вакаяма,— знаменит великолепным буддийским храмом. По словам Кангета, и это место нужно теперь же иметь в виду.

Пока расспрашивал у катихизаторов Павла Кангета и Дамиана Камен и сицудзи о состоянии Церкви вышеизложенном, в молитвенной комнате собралось немало братии и сестер. Познакомившись с ними, сказал, что вечером помолимся вместе, кстати, до того времени соберутся и еще братия, и в сопровождении Кангета и кое-кого из братии отправился взглянуть на город. К сожалению, уже смеркалось, притом же пасмурно было и накрапывал дождь. Впрочем, взглянули на крепость — разрушенную и и почти всю засеянную пшеницей на местах, где были монбацу, как и везде доселе; в центре крепости сохранилась тенси-доо, очень предстательно выглядывающая из-за зелени и выше зелени, то есть вековых деревьев; взойти на нее сказали можно, только под условием позволения из Кенчео. Взошли потом на вал.— Окаяма, около гимназии (циугакко), оттуда видна часть города; по песку сбежавши с крупного холма, чтобы сократить время, сейчас же достигли Безайтенъяма, где теперь публичный сад, место, странно сложившееся от природы из одних скал и огромнейших камней; необыкновенный, но грандиозный камень поставлен памятником в честь воинов из Кисиу, убитых в войне с Сайго. Несколько японских павильонов для гуляющих; с верхушек скал — отличный вид на город, кольцом охвативший крепость.

Вернувшись к восьми часам, отслужил всенощную, которую пели две девочки так стройно, что и Роман в конце службы «хорошо» по-русски сказал мне об них. Братии было почти полное их общество; предложено было и приличное поучение. По окончании всего, в одиннадцать часов, указали место ночлега в гостинице.— Братия убедили остаться и завтра на целый день, чтобы вечером сказать катихизацию для язычников.

30 мая / 11 июня 1882. Воскресенье.

Вакаяма

В девять часов утра совершенно богослужение, на котором, однако, братьев и сестер было гораздо меньше, чем вчера,— с малыми детьми

всего человек 30, почему сказанное поучение, между прочим, было и о необходимости посвящать Богу праздники; если не делает этого человек, то верный признак, что он не исполняет, как должно, и другую заповедь — о труде шесть дней, и живет, значит, вечно полусонною, получеловеческою жизнью; если человек поработает как следует шесть дней, то непременно почувствует и душою, и телом потребность отдохнуть в седьмой... Говорено было также о необходимости постройки храма здесь, что на северо-востоке такая большая Церковь, как здешняя, непременно бы уже озаботилась сим; в подтверждение слова дано было на храм 700 ен с выражением надежды, что чрез два года в это время я буду освящать здесь вновь воздвигнутый храм; только рисунки для него должны быть истребованы из Тоокёо. Говорено было еще о том, чтобы христиане искали здесь хороших учеников для Катихизаторской школы, причем один старик — Хрисанф Конгои, тут же представил своего сына Иону, двадцати пяти лет, для Катихизаторской школы.— В полдень собрание было распущено.

После завтрака — рисом и унаги — угощением катихизатора Павла Кангета, мы отправились с ним посетить семейства катихизаторов и сицудзи. Катихизаторы отсюда следующие:

1. Матвей Юкава. В семье его: младшая сестра Ирина и муж ее Алексей, старшая сестра Мерония, лет сорока, бывшая ама, и мачеха Феодора. Торгует простым фарфором, которым лавка вся заставлена; других источников продовольствия нет.

2. Яков Мацуда. В семье: отец — старик Аркадий, бывший каннуси, мать — только слушает учение, младший брат — Силуан — в гимназии, невеста Якова — Юлия (шестнадцати лет, дочь Стефана Камея. Своего дома нет, а живет у замужней дочери, которая еще язычница, и муж которой слушает учение, и где своя семья большая тоже, так что в доме теснота). Содержится Аркадий с семьей на остатки средств с коосайсёосё — [...] оиме (выкупного свидетельства), но этих средств скоро не станет: больше у него ничего нет.

3. Дамиан Камеи. В семье — жена и мать — 81 год, старуха; был у Дамиана сын, но убит в войне с Сайго; родители, получив за то помощь от Правительства — 100 ен, отдали эти деньги на Церковь за упокой сына (каковые деньги хранятся у о. Якова). Больше содержания от Церкви не имеет для жизни ничего; дом свой.

Марк Ооура, находящийся ныне в Катихизаторской школе, в семье не имеет никого ровно. Старший брат его — Лука, один из лучших здешних христиан, ныне переходит на житье в Оосака,— совершенно не зависит от нужд; замечателен он, между прочим, тем, что начал делать восковые свечи для здешней Церкви,— и свечи выходят такие, что нельзя отличить от выписанных из России; воск белит, как и в России; только золотить еще не приноровился. Я просил его продолжать это занятие,

чтобы нам не выписывать свечей из России.— Марк Ооура болен был с детства. Семейство, находящихся в Семинарии — Григория и Исаии Камея: отец их — Стефан, мать Лукия, сестра — Марина, двенадцати лет, и брат Илия, двух лет. Они сизоку. Стефан Камея, получив деньги за свои фуци, пустился было в торговлю, но подорвался, и теперь у него ничего нет, кроме небольшого остатка денег, которые он отдает на проценты и тем живет. Катихизаторы очень хвалят его как христианина.

Семейство Ионы Конгои: отец — Хрисанф, мать — слушающая учение; дети Хрисанфа еще: Фотина одиннадцати лет и Василий девяти лет (одноглазый). Хрисанф очень беден. Содержат его с семейством сын — директора Циугакко в Кагосима. Кроме того, Хрисанф сам состоит учителем здесь в Сёогакко. Иона был отдан кому-то в приемыши, но отсюда его прогнали совсем на днях; из этого можно видеть, что он не без задорен, что нужно иметь в виду, принимая его в Катихизаторскую школу, если, впрочем, он выдержит должный по правилам экзамен, с одобрением от катихизатора и священника.

У сицудзи Акилы Хираи, при посещении его, увидел в лавке для продажи протестантские книги, а православных нет. На вопрос — «Что же православные?» — отвечал, что их требовано из Тоокёо, но там делаются затруднения и замедления, — до сих пор не дождутся книг. Вернувшись в Тоокёо, нужно поговорить с Оогоем и устранить на будущее время такие несообразности.

Когда, кончивши визиты, вернулся домой, в гостиницу, пришли трое проповедников гражданской свободы; постарше Исимото, по-видимому, серьезный и умный человек, его два молодых спутника — с саркастическими улыбками на лицах; улыбки, впрочем, скоро стерлись. Вечером обещались придти слушать проповедь, а Исимото упрашивал остаться на несколько дней — проповедывать, обещаясь собрать множество слушателей; к сожалению, нельзя остаться по малости времени для обзора оставшихся Церквей. Исимото говорит, что для успеха проповеди нужно подолгу останавливаться на месте. Совершенно верно. Да времени где взять? Впрочем, давно уже я задумал хоть к некоторым местам в Циукоку приложить это. Дай Бог исполнить.

К сбору людей на проповедь употреблен был простой, но весьма хороший способ: сицудзи и некоторые усердные христиане у своих домов повесили на больших листах крупными буквами написанные объявления «Сегодня в восемь часов проповедь в таком-то месте, говорит такой-то». Всякий проходящий, видя развевающийся лист, непременно остановится и прочитает. А к восьми часам собралось столько слушателей, что Квайдо сделалось очень тесною; были учителя, врачи, бонзы, либералы, ученики средней школы и прочие. Слово продолжено до половины одиннадцатого с двумя маленькими перерывами для отдыха.

31 мая / 12 июня 1882. Понедельник.

Осака

Рано утром катихизаторы и сицудзи собрались, чтобы проводить; угостили их завтраком, проводили 1 ри и распрощались. Проезжая Су-миеси, на минуту остановились взглянуть на великолепные четыре мия, окруженные вековыми деревьями и множеством превосходных каменных, бронзовых и даже фарфоровых фонарей (тооро). Пред входом — большой полукруглый мост, чрез который каждый старается пройти, хотя и не легко; за мостом, на обратном пути, оцепляют бабы с воробьями в клетках, которых предлагают выпустить — каждого за 2 сен.

В три часа уже были в Оосака. Отдохнув несколько у о. Якова, отправились в гостиницу в сопровождении о. Якова, катихизаторов Василия Таде и Андрея Такахаси и четырех сицудзи. Они рассказали о состоянии Церкви следующее.

В Оосака всех приняло крещение: 111 человек; из них 88 — принадлежит Оосака, 23 — из других мест. Из оосакских ныне 7 умерло, 2 совсем не приходят в Церковь, 8 находятся ныне в отсутствии; итого всех налицо ныне в Оосакской Церкви: $88 - 17 = 71$ человек, в 27 христианских домах.

Вышеупомянутые, не приходящие в Церковь, следующие: 1) Моисей Кикута, лет пятидесяти, купец (дядя умершего Иустина Кикута) — человек нехорошего поведения, хотя и семьянин; не приходит, вероятно, отчасти стыдась и боясь укоров; 2) Алексей Овата, тридцати двух лет, мелкий чиновник, видимо, ослабевший в вере; когда зовут его, всегда отвечает, «неприменно приду» и никогда не исполняет слова.

Находящиеся в отсутствии следующие: 1) Павел Накаи — служит катихизатором, 2) Яков Фудзии и 3) Тит Сунага — в Катихизаторской школе, 4), 5) и 6) Иоанн Исида, его жена Анна и сын Игнатий — в Кисиу — городе Танабе — на службе в Сайбансе, 7) Давид Нагае, двадцати пяти лет, в Тоокёо, учится врачебной науке у доктора Сасаки, 8) Сила Куки — в Хеого-кен — Санда, 5 ри от Оосака.

Из других мест принявшие здесь крещение:

1. Василий Томонага, двадцати девяти лет, родом из Оокура-дзеока, Хизен-но куни (товарищ П. Тацибана, который тоже из Оокура); состоял прежде на службе в Сайкео, часто писал о. Якову; теперь служит чиновником в Нагасаки, или где-то там — неизвестно, не пишет.

2. Вениамин Манабэ, двадцати восьми лет, родом из Хингаси-кикура — города в Санука-но куни, на Сикоку, оклейщик. Теперь дома и не пишет. Поручено о. Якову письмом осведомиться о нем.

3. Андрей Хасенгава, родом из города Накацу, в Бузен, на Киусиу. Служил в Миссийской школе на Суругадае ламповщиком и вышел оттуда по болезни; теперь в Тоокей, в Мукоодзима.

4. Марк Маеда, тринадцати лет. Скоро по крещении украл что у кого-то и с тех пор где неизвестно, откуда родом неизвестно.

5. Никанор Иимура, родом из Вакаяма, теперь в Тоокёо.

6. Стефан Иосида, сорока лет, ныне в Нагоя, стекольщик; откуда родом здесь неизвестно.

7. Пармен Фудзита, родом из Тоокёо, Коисикава, здесь служил по найму у Кагае; теперь у себя в Тоокей.

8. Александр Моримуне, лет тридцати, вроде адвоката, родом из города Мацуяма, в провинции Ие, на Сикоку.

9. Фома Маки, катихизатор, родом Китано-мура, Ие, на Сикоку.

10. Яков Мацуда, катихизатор, родом из Вакаяма.

11. Петр Ока, из Кодзима.

12. Андрей Камо, младший брат Петра Ока, из Кодзима; теперь — в школе Фукузава, Тоокёо.

13. Василий Ямаока, катихизатор, родом из Ниими-мура, в Акагоори, провинции Бицциу.

14. Стефан Иосимото из Меога-мура, Тоета-гоори, провинции Аки; теперь дома. Лет сорока. Был в Оосака ремесленником, теперь — земледелец; в семье притеснен за веру, так как старший брат каннуси. От Хиродзима ри 10.

15. Моисей Судзуки, семнадцать лет, ремесленник, — из Тоокёо, Усигоме; теперь там.

16. Георгий Окасида — Тоокёо — учится у о. Павла Ниицума.

17. Иоанн Сато, из Окаяма, — большой купец.

18. Мария Морита, из Окаяма, дочь Анны Морита.

19. Виссарион Танабе, двадцати двух лет, из провинции Акита родом, теперь служит в телеграфной конторе, в Хеого; очень усердный к вере.

20. Иоанн Оохаси из города Касагаги, в Кара; слушал учение в Кагосима от Иоанна Оно; теперь постоянно в сношениях с Кагосима по торговле.

21. Лука Мацумото, из Какогава, Бансиу.

22. Спиридон Оодзима из Бизен, будет жить в Маебаси.

23. Феодор Сеоно, родом из города Такамацу в Сануки; был здесь учителем, теперь дома часовщиком. Мать его — дочь бонзы из Хонгвандзи; дома за веру его гнали. Когда же он заболел ревматизмом, родные настояли, чтобы он обратился к идолу Куродзума, и он вернул в Церковь икону и крест, — значит, к прискорбию, нужно считать его отрешившимся от Христа.

Первое слово здесь о православном христианстве было сказано, когда в 1877 году Павел Ниицума в сопровождении Павла Тацибана посетил Оосака, чтобы видеть, удобно ли здесь для проповеди. По возвращении Ниицума к своим делам в Тоокёо, Тацибана здесь остался и проповедывал, между прочим, теперешнему Аврааму Нагаё. В десятом месяце того же года прислан сюда Яков Такая, а 2-го числа третьего месяца 1878 года

о. Анаголий уже крестил здесь 33 человека. В четвертом месяце Яков Такая отсюда вернулся, а в пятом прибыли о. Евфимий и катихизаторы Андрей Яцуки, Андрей Канамори и Анатолий Озаки. Канамори, впрочем, в шестом же месяце отправлен был в Вакаяма. В девятом месяце отсюда вернулся о. Евфимий, а в десятом того же 1878 года на его место прибыл о. Яков Такая, состоящий здесь и доселе.

Анатолий Озаки в одиннадцатом месяце 1878 года вернулся в Тоо-кёо, а на его место в двенадцатом месяце прибыл Спиридон Оосима.

В январе 1879 года Андрей Яцуки отправился в Бансиу, а в феврале того же года на его место прислан Василий Таде, служащий здесь и теперь. В четвертом месяце 1879 года Спиридон Оосима ушел в Окаяма. С Собора 1879 года назначен здесь помогать по проповеди Павел Накаи; в 1880 году он ушел на проповедь в Вакаяма.

С Собора 1880 года пришли сюда Феодор Мидзуно и Стефан Кунгимия, но в двенадцатом месяце 1880 года Кунгимия отправился в Янагава. Собором 1881 года Феодор Мидзуно назначен в другое место, а на его место в Оосака — Андрей Такахаси, состоящий и теперь здесь.

В настоящее время дело по проповеди здесь в следующем виде:

У о. Якова Такая нет нигде в городе проповеди, и к нему не приходит никто слушать учение. Ограничивается его проповедь только сказыванием слова в субботу и воскресенье на богослужении.

У Василия Таде проповедь в городе в четырех местах, именно:

1. У сицудзи Иосифа Аино в воскресенье, с восьми часов вечера; собираются слушать 7–8 человек, но из них новых только 2–3; так как недавно начали слушать учение, то и нельзя сказать, надежны ли они.

2. У сицудзи Моисея Хоосаки по вторникам вечером; слушают всего 2–3 христианина, но толкует Православное Исповедание, так как иной раз навернется и новый.

3. У сицудзи Павла Ёсида по средам вечером; собираются 5 христиан, для которых он толкует Евангелие от Иоанна.

4. У христианки Иоанны Уемацу по пятницам вечером; объясняет ей Евангелие от Матфея, говорит только для нее, ибо она недавно крестилась и недовольно научена еще; других не приходит.

У Андрея Такахаси проповеди нигде — ни в городе, ни у себя дома — нет никакой, за исключением того, что он еще объясняет учение матери Павла Накаи, недавно крещеной, да еще недавно один христианин звал его к себе объяснять ему непонятное для него в учении, но он еще не был.

Богослужение пред праздниками и по праздникам всегда бывает, только литургия служится не всегда, а раза 2–3 в месяц. (Просфоры для нее пекутся в булочной, дома у о. Якова никто не умеет, и печи нет.) В субботу служба начинается в семь часов вечера; собираются человек 30, в воскресенье, когда обедня — в девять с половиною, обедня — в десять часов, — бывает также человек 30. Проповедь и в субботу, и в воскресенье

о. Яков говорит на Евангелие; на всенощной после службы, на литургии пред крестом, обедне — после Молитвы Господней. Поют при богослужении 4 человека.— Язычники в Церкви никогда не бывают.

Сицудзи здесь 5: Павел Ёсида, Петр Ниси, Иосиф Аино, Моисей Хоосаки, Яков Сакагуци.

Избираются два раза в год: пред Тоокейским Собором и в генваре. Так стало с третьего года, а прежде они избирались на год, но опускались и оказывались не деятельными.

Казначеем бывает каждый из них в очередной месяц. Церковный доход состоит из следующих статей:

1. Цуми-кин. Начали собирать с генваря 1880 года. Дают юси — 14 человек — в месяц кто сколько может; собирается всего ежемесячно 1 ен 20–30 сен. Ныне собрано, с самого начала, 32 ены. Деньги кладутся на проценты. Предназначаются на храм, или на другое какое доброе употребление по общему соглашению.

2. Иодо-кин [?] — в месяц высыпают из ящика сен 40, которые и расходуются на уголь для Церкви, керосин и подобное.

3. Кенсай-кин, — в месяц высыпают из ящика сен 30 — на просфоры, масло для лампад, вообще на священническое употребление.

Все здешние христиане из купцов и ремесленников; сизоку нет.

Жителей в Оосака:

Хингасику:	65 812 человек
Минамику:	85 850
Ниси-ку:	87 240
Кита-ку:	52 184

Всего (коренных жителей) в Оосака: 291 086 человек.

Наши христиане почти все в Ниси-ку и Китасику (Минамику вмещает все нехорошие дома, и потому для проповеди неудобен; там прежде и жил проповедник — в хорошей части этого квартала, но и здесь — все идущие по улице — большею частью направляются в места гулянья, — народ — неблагодарный для проповедника).

Народ оосакский — безучастен к вере. Никто здесь не мешает проповедникам, но и не слушает их почти никто. Все знают имя Христово, но христианского учения знать не хотят. Гонений нет, но при гонении лучше было бы.

Нравы у богатого купечества неподвижные; христианскому учению нелегко будет пробить себе дорогу в этой среде. Средний и низший классы открыты.

Немало здесь и распушенности нравов. А вместе с сим и привязанности к буддизму много. Для него не жалеют жертвовать. Вообще, вера в буддизм гораздо сильнее здесь, чем на востоке. Особенно усердствуют здесь бонзы Монтосиу; проповедают много, и чтобы придать правительственный вес своим проповедям, нанимают за угощения сидеть на них

чиновников; в проповедях же ругают христианство на чем свет стоит, выражая, однако, и в этом не более, как свою растерянность и в конфузе незнание что делать: усердные буддисты, особенно буддистки (потому что первых почти и нет) только ропщут: «И что это, мол, они говорят? Прежде не так говорили».

Трудно, между прочим, катихизаторам двигаться и оттого, что здесь наем квартир не так свободен, как в других местах, — везде прежде всего требуется сикикин от 30 до 100 ен...

В окрестностях Оосака желают слушать учение:

1. В Уцибата-мура, 3 ри от Касивата (7 ри от Оосака); там домов 300. Есть знакомые сицудзи Моисея Хоосаки. Вместе с ним Василий Таде был там; слушало человек 30, но так как тогда, в одиннадцатом месяце прошлого года, слушать мешали сельские работы, то слушатели сказали, что попросят опять катихизатора, когда им будет свободней. До сих пор, однако, не просили. По уверению Хоосаки, несмотря на то там есть человек 10 искренно желающих слушать христианское учение.

2. В Оономура, 1 ¹/₂ ри от Уцибата, с 100 домов; и там был Таде; слушали плохо; теперь там 2–3 желают узнать христианство.

3. Сибамура, 5 ри от Оосака, с 30 домов. Оттуда родом Яков Фудзии, находящийся в Катихизаторской школе. Дома у него старший брат с семейством, который и просил катихизатора. Василий Таде был там два раза, — слушало только семейство Фудзи.

В Сайкёо живет один христианин из Вакаяма — Петр Сима; жарит и продает рыбу; прежде кричал по улицам, продавая полушарлатанское лекарство «сен кин тан», но перестал, когда о. Яков побранил его. — Есть еще в Сайкёо Григорий Мацуяма, тамошний родом.

Инославные в Оосака всех родов: у католиков большой храм, человек 400, по их словам, христиан и женская школа. У протестантов разных сект: два храма в иностранном квартале, четыре — в городе Оосака; женских школ две — в иностранном квартале, одна — в городе; мужская — одна в первом; христиан всех у них, говорят, человек 200.

Из окрестностей — в Сайкёо есть только несколько конгрегационалистов (доосия) и большая у них школа там, больше 100 учеников, обучающихся общим наукам; желающие же делаются проповедниками.

В Касивата есть католики и протестанты. В провинции Ямато, в Коориямамацци также есть те и другие, но больше первых. (До Собора прошлого года здесь показано 99 христиан, по протоколам; с Собора доселе крещено 6 человек; значит всего: 105; а по метрике всех крещенных записано: 111 человек; где же прочие 6 человек? В прошлом году при счете, значит, были пропущены; или же, вернее, не были включены в счет принадлежащие другим Церквам. — Нужно установить ясные и определенные правила для руководства при счете).

По окончании расспросов о Церкви, катихизаторы с о. Яковом и сицудзи угощены были ужином в девятом часу, после чего разошлись, а я стал писать — что написано.

1 / 13 июня 1882. Вторник.

Оосака

В восемь часов отправились с о. Яковом сделать визиты сицудзи и другим, кому следовало, но успели побывать только у Авраама Нагае, моего крестника, живущего, по-видимому, очень состоятельно, матери катихизатора Павла Накаи, имеющей у себя дочь четырех-пяти лет (больше в семействе нет никого; муж умер в прошлом году), и у одного сицудзи; последних двух не застали дома, — первая отправилась в Церковь, второй (Сакагуци) был дежурным в Якусе и не возвращался оттуда. Чтобы взглянуть на Оосака с высоты, заехали в какие-то улицы, где множество храмов — буддийских и синтуисских, — и храмы все богатейшие; в одной мия видели, между прочим, «мия-марии»: повивальная бабка чрез сорок дней по рождении ребенка, приносит его мия, чтобы освятить его и испросить для него милость богов; с ребенком на руках бабка садится на соломенном кружке перед кумирней, а каннуси в кумирне читает молитву, потом бабка входит в кумирню с младенцем, где каннуси оканчивает обряд потрясением бубенчиков над головой последнего. При всем повреждении, человек, как видно, никак не может истребить в себе потребности быть посвященным Богу и быть вместе с Богом.

С высоты Оосака представляется городом скученным в одну группу; здесь не жили князья, и нет поэтому пустырей, как в Тоокёо; население сплошною массою заняло побережье, прорезанное рекою и каналами. В Оосака невольно обращаешь внимание на необыкновенную чистоту, с какою содержится город; улицы выметены, точно аллеи отлично содержимого сада; о богатстве города нечего и говорить, — о нем свидетельствует как наружность домов, так и обилие лавок, и в них товаров.

На пути к нашему Квайдо проезжали мимо огромнейших двух кумирень — Хингаси Хонгвандзи и Ниси Хонгвандзи; больше этих — у обоих сих сект только главные их кумирни в Кёото. К десяти часам, согласно назначению, были в нашей Церкви; братья и сестры были собраны; о. Такая встретил с крестом. Мы с ним отслужили обедню, во время которой здешние певчие почти не розня, только очень кричали, что происходит, по здешнему объяснению, оттого, что учителя пения здесь были басы — Иоанн Овата, потом Яков Маедако. Поют дети с участием сицудзи Павла Ёсида.

По окончании службы сказано было слово, — между прочим, упрека здешним христианам, что они не усердно ходят в Церковь и соблюдают воскресенье, также что не стараются помогать катихизаторам, находя

слушателей для них.— Потом был разговор о церковных делах, о необходимости постройки храма, под который хоть бы землю купили сами здешние христиане. Сицудзи тут же представили список пожертвований на этот предмет — до 150 ен.

В один час вернувшись в гостиницу и наскоро пообедав, отправились с о. Яковом к сицудзи, из которых удивил Петр Ниси, заплаканный и при нас плакавший неудержимо, оттого, что-де справедлив мой упрек им — в нерадении их о процветании здешней Церкви. Были и у кое-кого из простых христиан, к кому удобно было по дороге. Бросается в глаза, что из всех здешних христиан только Нагае и Ниси живут в своих домах, все же прочие в нанятых квартирах; значит, состоятельности мало в здешней Церкви построить бы своими силами храм; пожалуй, и на место для храма не сойдутся.

Видели с о. Яковом два места, продающиеся и годные бы для постройки храма, но оба сплошь заняты строениями; стало быть, будут очень дороги, так как нужно будет покупать и землю, и строения, которые тотчас же придется срыть и отдать за бесценок. А места оба, по положению, превосходные, особенно у Дзесин-баси.

Проходя на речную пристань, чтобы узнать, когда идет пароход в Токусима, зашли в лежавший на пути католический храм в Кириуци. Храм — действительно довольно большой, человек 500 свободно могут усесться на местах; содержится в чистоте. На стене алтаря, по правую руку, поставлена икона Богоматери греческого письма и с греческою надписью; по стенам храма — Страсти Спасителя, нехитрые литографии. Между статуями — неизбежна, конечно, Франциска Ксаверия, первого проповедника католичества в Японии. Христиан у них, в Оосака, должно быть около 400 человек; по крайней мере, показывавший храм японец объясняет, что здесь молятся «оёсо сиякунин».

Искал было несколько знакомого англиканского епископального миссионера Waggen'a, чтобы узнать от него о состоянии ипославия здесь, но не застал его дома. Вернувшись же к себе в гостиницу, нашел на столе карточку американского епископального миссионера J'ing'a, присутствовавшего сегодня на нашем богослужении и проповеди. Отправился отдать ему визит. Их трое — американских епископалов в Оосака. Под ведением J'ing'a особенно состоит школа, которую он любезно предложил показать. Подряд помещаются их храм и школа; осмотрели сначала первый,— для японцев тоже, как и в католическом, маты сидеть, только у последних проход сделан посредине Церкви, здесь же по сторонам. Застали несколько учеников, прилаживающими на алтарной стене надписи с текстами из Священного Писания (значит, тоже чувствуется потребность на чем-нибудь с благоговением остановить взор в Церкви и тем побудить себя к молитве). Комнаты для учеников устроены наполовину по-европейски (окна, двери, парты), наполовину по-японски (в занятых комнатах сидят на матах). Все — не грязно, но как-то сарайно. Учеников 35–36 человек, классов предположено шесть, но теперь, по

состоянию знаний учеников, еще только три. Последний прием был недавно. Для него ученики вызываемы были чрез газету, и собирались, действительно, из разных провинций. Изучают прежде всего аглицкий язык, на котором потом идет преподавание им разных наук. Богословские — обязательны для всех; по инструкции даже обязательно для всех быть в Церкви на молитвах и богослужении, хоть они пока еще все язычники, «но, конечно, я не принуждаю их», — объяснил Jīng. Имеется в виду, разумеется, выработать из них проповедников веры... Содержат ученики себя сами пищей, за комнаты и учение также вносят несколько (около 1 ен всего) в месяц. Сколько видел, все — взрослые. Учат, кроме Jīng'a, еще миссионер и японские учителя, из которых больше всех получает преподаватель английского языка, — от 20 до 25 ен в месяц; учитель же математики за два часа урока четыре раза в неделю получает всего 8 ен.

Вечером, между прочим, пришел Авраам Нагаё с семейством и просидел довольно долго, сетуя на застой здесь в Церкви; после церковных разговоров он объяснил, что нужно посмотреть в Кёото, так как сегодня вечером парохода в Токусима нет, и завтра день свободны для осмотра древней японской столицы.

О. Яков рассказал замечательный случай исцеления, принесенного неизлечимому больному приобщением Святых Таин. В запрошлом, 1880, году здешний врач Лука Макусима заболел какке; болезнь развилась до такой степени, что лечившие его врачи признали его безнадежным и перестали лечить. Лежал уже он неподвижно, ничего не мог проглотить, — все рвало вон. Наконец, и он сам и окружавшие его родные нашли, что пришел его последний час. Побежали за о. Яковом, чтобы он напутствовал. О. Яков оставил производившуюся в то время катихизацию и поспешил на зов; застал больного еще в памяти и исповедал его, потом приобщил; к удивлению всех, причастие он проглотил и удержал в себе; назавтра ему было лучше, а тотчас призванные опять врачи объявили, что с ним произошла совершенно неожиданная и удивительная перемена, что болезнь теперь излечима; через несколько времени Лука был совсем здоров, каким пребывает и доселе. Это исцеление Лука сам считает Божиим, и его свидетельство тем более заслуживает веры, что он, как врач, знал очень ясно, что ему, по обыкновенному порядку течения этой страшной болезни, нужно умереть.

Другой, не менее чудесный случай, по рассказу о. Якова, был с Лукой Ооура (из Вакаяма), который тоже внезапно и сверх всякого чаяния стал поправляться от какке после причастия Святых Таин.

2 / 14 июня 1882. Среда.

Кёото

Целую ночь и все утро шел непрерывный дождь, угрожавший, по всем признакам, рубить целый день, как не необычно в наступивший

теперь сезон «ньюубай». Но жаль было бесполезно терять день, и потому отправились, как вчера предположено было, с первым утренним поездом для осмотра Кёото. В качестве чичероне для нас с Романом служил Василий Таде.

По дороге в Кёото замечательно селение Ямазаки (ныне вторая станция от Кёото); в зарослях бамбука около него когда-то убийца Нобунага — Акеци Мицухиде, разбитый в сражении и бежавший с поля битвы, хотел укрыться, но мужики заметили его и убили бамбуковыми копьями, не зная, кто это такой, но раздраженные против всех военных, от которых они терпели немало.

В Кёото взглянули на следующие места:

1. Хингаси Хонгвандзи; главный храм сгорел несколько лет назад; его готовятся вновь строить; служащий же теперь вместо главного очень уж придавлен своей громаднейшей выгнутой крышей.

2. Ниси Хонгвандзи — массивный храмище; удивительной толщины колонны из кеяки и все вообще здесь в самых широких размерах.

У храма подивились на школу: синсиугакко построена совершенно в европейском стиле и составляет истинно поразительное явление по изяществу архитектуры, ослепительной белизне стен, видимому богатству и блеску во всем, до изящной железной решетки кругом; всего три корпуса, расположенные «покоем»; словом, прилично было бы университету помещаться в таких зданиях; но когда подумаешь, что это школа Монтосиу, то так и режется на мозгу облик старой блудницы, которая подновляет себя белилами и румянами, чтобы хоть этим наружным средством удержать за собой часть прежних поклонников.

3. Тоодзи — главный храм здесь секты Сингон, ведущей начало от Кообоодайси, который и обоготворяется в одном из капищ тут же. Все когда-то было, должно быть, очень цветуще, но теперь приходит в запущенность. Многогрешная пагода Тоодзи видна направо при въезде в Кёото.

4. Проехали мимо крепости: Нидзео-сиро, в которой когда-то был убит сын Нобунага от Акеци Мицухиде. Во время сеогунов фамилии Токугава эту крепость занимал Хитоцубаси, дом — близко родственник сеогунскому. Теперь в крепости помещается Кёотофу.

5. За городом — в Китано — взглянули на великолепную мия — Тенман-гуу, где обоготворяется Сунгавара-но Мицузана, когда-то за свое стояние за правду оклеветанный и пострадавший от врагов. Купил здесь книжку о Мицузана — прескучную, впрочем.

6. Кинкакудзи. Тоже за городом, в отличной роще вековых дерев. Здесь Асикага-но Ёсимицу, будучи инкё, устроил себе жилище, которое и сохраняется до сих пор, возможно, в том же виде. В саду — небольшой двухэтажный дом. Внизу — четыре фигуры, резьбы Кообоодайси, и деревянная фигура самого Ёсимицу, в рост, в сидячем положении. Но самое главное наверху: комната вся внутри и снаружи по веранде кругом,

даже крыша снизу, — все было густо вызолочено, отчего место получило свое название «золотого» (кинкану) и знаменито до сих пор. Но нужно правду сказать, что было роскошью в старину, то теперь — скромность: комната — небольшая, лестница в нее претесная, на позолоту — не Бог весть какой расход, если и вся роскошь Асикага была таковая, то за что же история попрекает их ею? Позолота почти вся соскоблена и соскребана, говорят, во время Гоиссин, что не делает чести тогдашним воинам. На находящемся пред домом пруде, в миниатюрных размерах, изображены острова Ниппон, Киусиу, Сикоку, но так, разумеется, что и когда скажут вам, вы все-таки будете недоумевать, где же тут подобия; всякий выглядывающий из воды окрещен каким-нибудь именем и к нему приплетено сказание. Дальше показывают среди роскошной зелени другое озеро, где на острове могила «белого змея». Там — ключ воды, служившей для чаю господина Ёсимицу, а подальше другой — для умывания; здесь водопад с падением воды чуть не по каплям, а под ним камень как-то изображающий рыбу карпа; сохраняется и зданье в три мата, где Ёсимицу пил чай, любуясь озером; замечательнейшее в чайной комнате — в руку толщиной дерево — Нантен, которым украшена стена. После Ёсимицу здесь построен храм, которому и принадлежит все это сокровище истории, показываемое всякому за скромное вознаграждение.

7. Заехали взглянуть на школу конгрегационалистов. К сожалению, Ниедзима не застали. Школа состоит из пяти небольших домов европейской постройки и разных зданий за ними — японской. Учеников должно быть больше сотни, и поместиться есть где. Со всех зданий выглядывали кучи молодежи. Учатся здесь английскому языку и разным наукам. Но, разумеется, главная цель школы — образовать проповедников христианства. Преподают, между прочим, два американские миссионера, живущие здесь под видом нанятых учителей. — Заехали потом на дом к Ниедзима, но и дома его не оказалось.

8. Госё — Императорский Дворец, ныне запустелый, обведенный кругом почтительною стеною серого цвета с пятью полосами, разделяющими стену как будто на шесть рядов камней; высота стены с черепичной крышей не больше 10 до. Множество зданий, окружавших дворец, разрушено, отчего вид запустения еще неприятней.

9. Мия в Симогамо, где боготворится Таке цумино-микото; тоже гражданские здания, но среди виденного уже — ничего особенного. Тут неподалеку от мия в гостинице пообедали — было двенадцать часов. — После сего отправились искать Григория Мацуяма по данному им Василию Таде адресу; к сожалению, не нашли — улица бесконечная — проискали бы до вечера, а адрес оказался недостаточно ясным.

10. Заехали в Хонноодзи, где был убит Нобунага от Акеци Мицухиде. Храм плохой, собираются строить новый. (Нобунага похоронен недалеко от Кёото, но времени было бы недостаточно съездить посмотреть могилу).

11. Ци-он-ин – самый главный храм секты Дзеодосиу, от которого ведет свое начало и тоокейское Сибя-Зоодзеодзи. Кроме огромнейшего величественного храма, здесь показали полы, поющие по-соловьиному (унгоис-но итономо), таковые все переходы от храма к корпусу бонз и все деревянные коридоры в этом корпусе. Доски полов не прибиты гвоздями, и когда идешь, особенно когда идут многие, и происходит больше давления – почти тихие звуки флейты слышишь под ногами, не скрип, а именно тихий и очень мелодичный короткий свист. – Комнаты, кроме того, все чем-нибудь замечательны: та с возвышением для сиденья Императора, или кого из царского дома, эта – с ширмами знаменитой кисти и тому подобное. Когда же пройдешь все комнаты, чичероне (обыкновенно таковыми служат везде здесь мальчики) крикливо объявляют, что если снять между комнатами все перегородки, то выйдет зала в 1000 матов. – Подняться от храма на площадку повыше – висит огромнейший колокол – первый виденный мною в Японии таких размеров.

12. Гион-мия, тоже великолепная, но ничего особенного. Недалеко от нее <...>

13. Ясака-но тоо – пагода с пятью крышами. Мы поднялись на нее и были вознаграждены за труд необыкновенно прелестным видом на все Кёото и окрестности. Кстати, прояснилось, даже выглянуло солнце, – все озолотилось и приняло веселый и радушный вид. Долго я любовался чудным видом и с трудом оставил его, а оставляя, с молитвой послал благословение с высоты почтенному городу, которому мало ровесников на земле, но который, к скорби, и доселе пребывает во тьме и сени смертной. Да просветит же его Господь скорее светом Своего Евангелия!

14. Киёмидзу. Здесь храм Кваннона, а за ним ключ воды, которую считают целительною – «кинсёкусуй» – вода золотого цвета, – так как она отливает несколько желтым цветом, если взять в большом количестве. Место храма на склоне горы, так что и отсюда превосходный вид на часть Кёото. Когда поднимаешься к храму, продается множество выделанного здесь фарфора, – к сожалению, все довольно грубой поделки.

15. Дайбуцу. Огромнейших размеров бюст Будды. Тайко Хидеёси отлил. Лишь только был сделан и поставлен этот идол, как землетрясением опрокинуло его; Хидеёси рассердился и стрелой из лука наказал Будду, приговаривая: «Если ты сам себя не умел сберечь, то что и проку из тебя!». Впрочем, идол опять был поставлен. А после Хидеёси его разбили и обратили в металл для отливки монеты; на место же его сделали деревянное подобие его – весьма грубое, которое и стоит поныне. Посмотревши en-face на Будду снизу, сходят по лестнице, чтобы заглянуть с затылка, но там только видна сплошная сеть лесов, на которой утверждена передовая обшивка лица из досок. О размерах бюста можно судить по тому, например, что хотя нос сделан безобразно малым

относительно всего лица, но и теперь, если бы Будда потянул нос, то в каждую ноздрю мог бы втянуть по ребенку. Тут же у кумирни стоит колокол, немногим меньше того, что в Цион; еще здесь примечательность — резные ворота, бывшие во дворце Хидеёси, замыкающие ныне четверугольник, на котором стоит крошечная кумирня в честь Хидеёси. Сам этот герой покоится своими бранными останками недалеко за Кёото — на холме. С Ясака-но тоо мы видели дорожку, ведущую к его могиле, но поздно было сегодня добраться до нее. При сыне Хидеёси непрерывный ряд стоячих бронзовых фонарей вел к ней от черты города, но скоро потом все это было снято и уничтожено, чтобы по возможности стереть память о нем; но тщетны были усилия: Хидеёси сияет ярче в японской истории, чем те, кому неприятно, чтобы он сиял.

Стоило посмотреть еще Коосендзё (или он-сен, — теплые ванны) на горе, откуда с третьего этажа, говорят, лучше, чем с какого-либо другого места видно Кёото с окрестностями, но мы торопились к поезду в четыре часа, и поэтому, завернувши только в лавку купить несколько фотографических видов Кёото (каких, к сожалению, не нашли много), отправились на станцию.

В Оосака приходил проститься, между прочим, Иоанн Иваса, христианин из Камеока (Тамба) родом, двадцати двух лет, аптекарь, обучавшийся здесь (и занесенный в список оосакских христиан), ныне же отправляющийся домой (адрес его: Хонче-маци). Хорошо бы послать проповедника и в этот большой город, только что виденный мною на пути из Танго к Кёото.

В одиннадцать часов вечера мы были на пароходе, оказавшемся на этот раз пренеудобным маленьким суденышком, где в каюте ни стать, а только что сесть в тесноте между японцами; шум, гам, духота, блохи; впрочем, усталость взяла свое, и несколько часов проспять было можно. Обыкновенно пароход идет от Оосака до Токусима восемь часов, и мы прошли не больше, снявшись около двенадцати часов ночи и пришедши в Токусима назавтра утром в восьмом часу.

3 / 15 июня 1882. Четверг.

Токусима

Токусима — главный город провинции Ава на Сикоку; был резиденцией удельного князя Хацисука Авано-ками, с 25 ман коку. (Теперешний князь лет тридцати двух, долго учился в Европе и теперь директор Департамента по податям в Министерстве внутренних дел). Домов здесь больше 20 000, из которых сизоку больше 4000.

Провинция здешняя богатая по обильному производству для вывоза: индиго, сахарного песку, соли и табаку; Токусима в постоянных сношениях по торговле с Оосака, и потому нравы здесь похожи на оосакские:

довольно склонности к роскоши, немало распущенности, но при этом еще слабохарактерность (коорога евай). К тому же буддизм на Сикоку особенно силен, — сему, между прочим, способствует то, что знаменитый буддийский учитель и святой Кообоодайси родом из Сикоку (провинция Сануки), и здесь множество следов его (ко-секи), постоянно подогревающих религиозное чувство. Из сект Сингон, к которому принадлежал Кообоодайси, на Сикоку главная, но за ним Монто и другие секты также не потеряли значения здесь. Оттого-то и в Токусима, между прочим, так много ненависти к христианству и противодействия ему.

Проповедь начал здесь Павел Накакоодзи, и доселе состоящий здесь главным катихизатором. На Соборе 1878 года он предложил отправиться в Токусима — попробовать; Собор согласился, и потому Накакоодзи прибыл сюда, остановился в гостинице и объявил в газетах, что открывает проповедь о христианстве. По новости многие заинтересовались и стали собираться к нему; мало-помалу оказались и уверовавшие; первыми из них были: нынешний катихизаторский помощник здесь — Симеон Огава и Мария Томинага, — они же первые удостоены и Святого Крещения.

Собором 1879 года Павел Накакоодзи также назначен сюда и продолжал дело. На Собор 1880 года он отправился было, но, зашедши на свою родину — в Танго, остановлен был там для проповеди; заочно же Собором опять утвержден для Токусима. В соборное время прошлого 1881 года, было языческое возбуждение и гонение на христиан; он считал неудобным оставить в это время Церковь, и потому также не участвовал в Соборе, а заочно опять оставлен здесь.

С 1880 года Симеон Огава стал помогать ему по проповеди, а Собором 1881 года назначен катихизаторским помощником (фукуденкеося), с оставлением на службе здесь.

Христиан к Собору прошлого года состояло 35 человек (по метрике значится 36, но один был умерший). С Собора крещено 9, имеет быть крещено на днях — для чего ожидается сюда о. Яков — 10 человек. Итого — в этом году: 19; всех же к предстоящему Собору по метрике будет значится: 54 (с умершим прошлого года: 55), в 28-ми христианских домах.

Но из них умерло в нынешнем году 2, из другого места здесь принявший крещение — 1 (Стефан Исогаи — ныне в Кагосимской Церкви). Налицо же здесь: 51 человек, кое-кто из них во временной отлучке по торговым делам. 3 человека из христиан ослабели в вере по причине притеснений от язычников; они не бросили Христа, но, боясь людей, не обнаруживают себя христианами и совсем не ходят в Церковь. Это: 1) Моисей Тани, двадцати семи лет, ремеслом — гетая, ныне в отлучке в Тоокёо; 2) Давид Сано, двадцати семи лет, татамия, и 3) Яков Цунано, двадцати пяти, — штукатур. Есть еще два дома, а в них — с детьми 6 человек перешедшие к протестантам, — сначала епископалам, а теперь — баптистам; но это люди своскорыстные, принявшие крещение в чайнии

благ земных и неусмотренные первоначально питающими такие чаяния. Они в метрику не внесены, и поэтому в счет нигде не входят, как отрекшиеся от Церкви.

Проповедь здесь, в Квайдо, производится в ишироку с хинокуре (в 1-е и 6-е числа с заходом солнца). Собираются 15–20 человек, из них — наполовину язычники. Кроме приготовленных ныне к крещению, есть из язычников человек 6 постоянных слушателей; прочие случайно приходящие.

Кроме сего, Накакоодзи ходит на проповедь в дома, куда приглашают и где также бывают язычники.

Симеон Огава говорит в Квайдо, в Ишироку, в пережку с Накакоодзи. Кроме того, также выходит в дома, куда зовут.

В каждое воскресенье, в восемь часов утра, Накакоодзи и Огава, по приглашению властей, вот уже два года неопустительно ходят для проповеди в тюрьму; слушают их в десяти казармах — по две казармы в воскресенье, — в каждой человек по 80; по свидетельству служащих в тюрьме, влияние проповеди сказывается в улучшении поведения преступников.

Богослужение бывает в каждую субботу с сумерок и в воскресенье с десяти часов: в Квайдо собираются человек 15–20; бывают при службе по очереди: один из семейства в субботу, другие в воскресенье. После службы Накакоодзи говорит проповедь, темой которой в субботу бывает Евангелие, житие Святого, в последнее же время — объяснение Книги Бытия, в воскресенье — очередное Евангелие, или Апостол.

При службе поют человек 6, но совершенно своеобразным напевом, в котором мне «Сю аваремее» очень понравилось; напев несколько печальный (кажется, любимый японцами); прочее поют также, почти не разня, но без нот, которых я здесь совсем не видел и о которых понятия не имеют, а просто держа молитвенники в руках и импровизируя, но импровизация выходит уже заученная и опытная. Учителя пения, однако, здесь на время очень бы нужно.

Сицудзи 3: Никанор Кавамура, Матфей Едагава и Илья Бандо (в отсутствии). Избираются каждый год пред Собором. Казначейскую часть исполняют все по очереди помесечно. Церковные деньги состоят только из того, что дают юуси (желающие) ежемесячно: кто — 5 сен, кто — 10, 20, даже 3 сен; набирается в месяц сен 80, которые и расходуются на представляющиеся нужды в Квайдо. Квайдо, где живет катихизатор Накакоодзи с женой и ребенком, состоит из небольшого нового дома, наняемого в месяц за 3 ены. Икона Спасителя — иллюминированная литография (что привез о. Владимир), в золоченой рамке. Пред нею столик и тут же аналой; покровов, выданных от Церкви в Тоокёо нет, ими и нужно будет снабдить Накакоодзи после Собора. Лампадки пред иконой также нет.

Христиане здешние больше из сизоку, которых в Токусима очень много (но которые не так бедны, как во многих других местах, ибо жили весьма зажиточно — по богатству здешнего лена, который открыто состоял из 25 ман коку, но в действительности был несравненно выше). Можно надеяться, что отсюда выйдут люди и для Катихизаторской школы; в нынешнем году один уже приготовлен (Николай Иемото).

Из инославных, католиков здесь нет, протестанты двух сортов: епископалы и баптисты; у первых живет здесь японский катихизатор; иностранный же миссионер — Mr. Warren, или другой — из Оосака наезжает на несколько дней обыкновенно раз в месяц. Теперь у них христиан здесь 3 человека. У баптистов проповедник с иностранным миссионером также каждый месяц приезжают сюда из Оосака; постоянного же проповедника нет; верующих у них 2 человека и еще 2 дома перешедшие отсюда.

Буддисты и синтуисты теперь не гонят так, как в прошлом году, когда разбили дома Вениамина Танака и одного язычника (нанятую квартиру), где производились проповеди; теперь лишь злословят всячески христианство на энзецу и составляют общества с взаимным обещанием не слушать христианство.

Впрочем, несмотря на ненависть язычников, христианство не перестает здесь идти вперед, и после Собора проповедников здесь нужно также никак не меньше двух.

Из окрестностей начатки христианства положены здесь в следующих местах:

1. Камияма-мура, в Меозай-гоори, 12 ри от Токусима, — с 500 разбросанных домов. Оттуда родом есть в Токусима сизоку Ёсида, с молодости совсем глухой, но значительный ученый по-китайски. Он изучил христианство посредством книг и чрез письменный разговор с Накакоодзи и стал верующим, хотя до сих пор еще не принял крещение, собираясь принять в скором времени пред переселением в Хоккайдо, здесь или в Тоокёо, — что он предпринимает с 200 человеками, следующими за ним. Узнав христианство, он поведал о нем своему родному в Камияма Аихара, служащему там старшиной деревни (кочёо). Аихара во втором месяце сего года пригласил Накакоодзи на проповедь; последний и проводит там каждый месяц с неделю; собираются слушать 30–40 человек. Из них Аихара с женой совсем ныне приготовлены к крещению, для принятия которого Аихара и прибыл ныне в Токусима, ожидая сюда о. Якова; когда последний прибудет, его собираются пригласить в Камияма, чтобы весь дом Аихара мог быть крещен.

2. Сандзи-мура, в Оце-гоори, — с 200 домов, 4 $\frac{1}{2}$ ри от Токусима. Там христианин — школьный учитель; он звал Накакоодзи, который в последнее время и был там; люди собрались и слушали весьма охотно, потому условлено — Накакоодзи или Огава быть там ежемесячно дня на три или на четыре.

3. Такахара-мура (в Итанокори), с 500 домов, 3 ри от Токусима. Там есть христианка София Ода, семидесяти двух лет.

4. Симо-хациман-мура, с 700 разбросанными домами, 1 ри от Токусима. Там Авраам Тоодзе и жена его Елисавета — старики христиане; сын их — учитель в здешней Сихангакко также слушает христианское учение.

По словам Накакоодзи, и в Тоса уже пора начать проповедь; увлечения политическими вопросами, отнимавшие внимание от всего другого, там теперь значительно улеглись.

Пока я расспрашивал о состоянии Церкви, собрались братья и сестры. В десять часов отслужена была обедня и сказано поучение, после чего, в двенадцать часов, братья хотели угостить меня обедом на славу; пригласили повара, умеющего готовить английский обед, и увы, предложили мясной стол — в пост! Отвращение взяло, да и сердце закипело на катихизаторов; едва сдерживал себя от резкого и запальчивого выговора, а молча взял Накакоодзи, подвел его к прибитому тут же на стене календарю и указал на обозначенный выне пост: «Таково прямое правило Церкви, — как же ты допускаешь свою Церковь предлагать Епископу нарушать Церковное Правило». Сконфузился бедный, да что поделаешь! Будь вперед внимательней к исполнению своих обязанностей. Одно только и может извинить такую невнимательность — это то, что здесь всегдашний, или почти всегдашний пост, то есть отсутствие мясной и молочной пищи. — Так голодный и отправился с Накакоодзи и Огава осматривать город. Город собственно не презентабельный, когда идешь по улицам, — какая-то обветшалость, отсутствие щеголеватости и даже чистоты. Крепость разрушена; остается одна высокая насыпь, составляющая большой холм, покрытый доверху густою листвою больших деревьев. Кенчёо — в японском здании, бывшем доме одного каро. Улицы длиннейшие, и население, видимо, огромнейшее. Но я забыл и голод, и усталость, когда поднялся на склон Оотакизан, откуда, как на ладони, виден весь город и вся равнина до моря, перерезанная рукавами реки и почти сплошь — до гор, населенная. Отсюда видишь, что действительно в Токусима двадцать тысяч домов, пожалуй и больше; город несколько разбросан, и потому занимает очень большое пространство; ясики сизоку почти все более или менее окружены и разделены между собой зеленью, что и делает город не в меру широким (не то, что Оосака, где все в куче, или Токусима же — улицы торговцев и ремесленников). Храмы — большею частию собраны за городом, по склону горы. — Налюбовавшись вдоволь городом и спустившись вниз (там же на горе памятник в виде пирамиды с надписью «Киненпё» — но кому? Не обозначено. Мол, все знают, что павших из здешнего города в войне с Сайго; да, теперь знают, и то немногие, а лет чрез пятьдесят? Памятник этот будет возбуждать археологическое исследование; между тем — кто написал «Киненпё» — тут же крупными буквами высечено), — купили карту

города и географию провинции Ава, также фотографический снимок города и вернулись в Квайдо.— Хотел сделать визиты Огава и сицудзи, но все деликатно отказались,— мол, мы все здесь в Квайдо; иконы, впрочем, по словам Накакоодзи, у всех есть и содержатся, как должно; у Огава же семья — сам он, двадцати шести лет, жена, мать и младший брат,— живет в квартире,— сизоку.

В восьмом часу отслужили вечерню, после которой сказано поучение — сначала христианам, потом собравшимся в количестве 25 человек язычникам, продолжавшееся почти до одиннадцати часов.

Была надежда сегодня же ночью сняться для следования обратно в Оосака, но пришли сказать, что отход парохода отложен до завтрашнего вечера. Итак — условились еще завтра в два часа пополудни собраться для молитвы и поучения.

4 / 16 июня 1882. Пятница.

Токусима

Утром писал дневник и приводил в порядок миссионерские наблюдения. В третьем часу позвали в Квайдо. Отслужена была вечерня с прочтением Евангелия для имеющего быть поучения. Последнее сказано было сначала христианам на текст «Иде же оста два или трие собрани во имя Мое, ту Аз есмь посреде их», потом язычникам. Так как из последних были учителя, чиновники и прочие книжные люди, и Накакоодзи просил сказать им о существовании Бога, против неверия вообще, то я и начал: «Вот мы сейчас молились, а вы просто сидели и с нами не участвовали; кто же лучше делал — вы или мы? Кто резоннее? Кто к кому должен перейти — вы к нам, или, быть может, мы к вам? Потому что не может быть два противоположных действия одинаково разумных... Мы знаем Отца Небесного, мы просим Его, благодарим... Вы также дети того же Отца Небесного, но вы не знаете Его и, пожалуй, даже не хотите знать и благодарить, а между тем Им вы в мир родились, Им живете. Одни ли только родители виновники нашего бытия, или же родителями стоит еще кто другой, и они исполняют только Его веление и Закон? Кто нам приготовил глаза в чреве матери, когда мы еще не могли видеть, руки, когда не могли брать и прочее, не „сидзен“ ли? Такой „сидзен“ значит бесконечно разумный, предусмотрительный, всеблагий и всемогущий», и прочем. Кончено было в шестом часу, после чего продолжался разговор с братьями о церковных делах; настаивал, между прочим, чтобы они послали в нынешний год представителя на Тоокейский Собор, так как еще ни разу здешняя Церковь не заявляла себя на Соборе. В девять часов вечера отправились на пароход Тайемару. К сожалению, вместо обещанного ночного рейса пароход отложил отход до шести часов утра. Тем не менее остались ночевать на пароходе, но плоха была ночь, благодаря

легионам блох и шуму и гвалту от японцев, бесцеремоннейшего в этом отношении народа в мире.

5 / 17 июня 1882. Суббота.

На пути в Нагоя

Плохой пароходишка надул и в другой конец: вместо того, чтобы придти в Оосака, завел в Хеого, — мол, «прилива нужно ждать», такому-то мизерному суденышке, которому, как поросенку, и лужи вдоволь! Я рад был вырваться на берег, хотя в дождь и вдали от дзинрикия. Чугунка живо доставила в Оосака; там на полчаса заехал к о. Якову, чтобы отобрать для отсылки в Тоокёо бывшие здесь книги из основной библиотеки. Застал уже здесь плетущегося на Собор катихизатора из Кагосима Давида Онума, — это значит, ровно за месяц до Собора ушел с места службы; «фунено цунгоо»-де было таково, как будто я сам не был там и не знаю, что пароходы бывают из Кагосима в Нагасаки почти каждый день, и так же часто из Нагасаки по пути в Тоокёо. Непременно нужно будет какими-нибудь правилами ограничить такие самовольно ранние отлучки катихизаторов со своих мест.

Поезд в Кёото, и не останавливаясь в Ооцу, пришел вовремя, чтобы в нынешнюю же ночь на пароходе переправиться чрез Ооми-но-косуй. Ооцу от Кёото — 16 миль; поезд идет почти час. Домов в Ооцу больше 1500, расположенных длиною полосой по берегу огромного озера. Поезд железной дороги, идущий из Кёото большей частью среди превосходных чайных плантаций, останавливается на берегу озера у пристани, с которой пароходы ежедневно по несколько раз развозят пассажиров на противоположный берег. Мы отправились на пароходе, идущем в Маибара, откуда лежит путь в Нагоя, — около десяти часов вечера, — к сожалению, темного и дождливого, так что нельзя было любоваться прекрасным озером. В два с половиною часа уже были в Маибара и тотчас дальше, наняв дзинрикия до Оогаки, 9 ¹/₂ ри от Маибара (3 человека за 4 ены с вычетом 30 сен за час, если не доставят к восьми часам). Все время шел проливной дождь; шли, пока рассвело, с фонарями.

Оогаки, — бывший резиденцией удельного князя Тода — унеменосе — 18 ман коку, — большой город с 5000 домов и множеством сизоку, в 11 ри от Нагоя.

От Оогаки до Хангивара-эки, на четырех ри, было три переправы через реки, последний раз — чрез Кисо-гава, огромную реку, разделяющую провинции Мино и Овари. В Хангивара обедали под оглушительное завывание бонзы, читавшего молитвенник, до которого, впрочем, в доме никому не было дела. На вопрос, не умер ли кто в доме? — Хозяйка ответила: «Сегодня день памяти родных, так пригласили».

6 / 18 июня 1882. Воскресенье.

Нагоя

К трем часам, наконец, дождь перестал, а в четвертом, при выезде в Нагоя, встретились с братьями и здешними катихизаторами Павлом Окамура и Яковом Мацуда. Переодевшись на постоялине, отправились в Квайдо, где собраны были братия и сестры. Отслужена была вечерня и сказано поучение, после чего катихизаторы и сицудзи рассказали о состоянии здешней Церкви.

Нагоя, бывшая резиденция одного из Госанке, и притом — главнейшего из них, — имеет до 40 000 домов с 120 000 жителей коренных, с временно же живущими — до 200 000 жителей. Сизоку больше 10 000 домов.

Христиан к Собору прошлого года показано состоявшими 57 человек, но по ошибке на три человека показано меньше; всех, принявших здесь крещение, состояло 60 человек. После того крещено 20; так что ныне по метрике крещенных состоит 80 человек.

Из них умерло 5 (в том числе жена Якова Асаи, умершая в Хараномацци, но крещенная здесь).

Из других мест и Церквей, принявших здесь крещение, а также переселившихся отсюда в другие места, — всех: 9. А именно:

1. Мария Именомура, двадцати трех лет, из Тахара, 5 ри от Тоёхаси; в 1877 году, когда о. Павел Савабе совершил здесь первое крещение, она приехала из Тоёхаси, где родители гнали ее за веру, с решительностью — хоть и совсем оставить родителей — лишь бы сподобиться Святого Крещения. После братия из Оказакки хлопотали о ней, и старик Павел Кондо, рассказывавший о ней, не знает наверное в каком она положении теперь; советовал распросить в Тоёхаси у Марка Сукигара (NB. Но и он не знает, где она теперь), ее крестного отца.

2 и 3. Лука Судзуки и жена его Вера — переселились в Тоокёо; Лука там фотографом.

4. Петр Амано, пятидесяти лет, родом здешний сизоку, но переселился в Сингехара-мура, 4 ри от Оказакки, и принадлежит к Оказакской Церкви.

5. Иоанн Симамура — родом из Оказакки, где и живет теперь.

6. Давид Накао, из Тоса, пятнадцати лет, сын служившего здесь в суде чиновника; ныне отец на службе в провинции Хитацци, городе Цуциура, где и сын вместе с ним (катихизатор в Мито должен позаботиться о нем).

7. Марфа Коиси, из Оказакки, — жена Никанора Коиси, христианина тамошней Церкви.

8. Иов Тераниси, тридцати четырех лет, родом здешний сизоку, переселился в Тоокёо, где живет в Ситая, Уено мацци, 20 банци.

9. Климент Ицикава (что был в Катихизаторской школе), родом из Кария-мура (Микаванокуни), 5 ри от Сказаки, принадлежит, значит, к Оказакской (в Минава) Церкви.

Взамен означенных, следующие 6 человек, принадлежащих ныне к здешней Церкви, приняли крещение в других Церквях:

1. Яков Мацуда — крестился в Тоокёо, но родом здешний, и ныне находится здесь.

2, 3. Из Оказаки сюда переселились крещенные там: Алексей Ватари, его дочь Екатерина (ныне жена Павла Окамура).

4, 5 и 6. Также из Оказаки переселились крещенные там: Симеон Курокава, его сын Илия и дочь его Ольга.

Не приходят в Церковь следующие 7 человек:

1. Иосиф Даики, лет сорока, сизоку, школьный учитель; учился христианству у Стефана Кондо; с крещения в 1880 году ни разу не показывался в Церкви.

2, 3. Василий Нозаки, двадцати лет, сын купца, и старшая сестра Василия — Юлия, двадцати двух лет. Оба под влиянием отца, не любящего христианства. Юлия была перевенчана о. Тимофеем Хариу с Андреем Танака из Тоёхаси, но ушла от мужа, разведшись с ним (видно, что язычница в душе; рано крещена, должно быть).

4. Симеон Като, лет пятидесяти четырех, сизоку, ремесленник, судим был за кражу, — не приходит в Церковь от стыда (будто бы).

5. Иоанн Танака, тридцати лет, сизоку, бывший учитель, — не приходит больше по лени.

6. Пармен Хироно, двадцати пяти лет, сизоку, — ныне без службы и беден, почему больше и ослабел.

7. Петр Накасима, двадцати восьми лет, сизоку, служит на правительственной службе, за 10 ри от Нагоя; когда бывает здесь, никогда не приходит в Церковь; жена его — дочь бонзы из Хонгвандзи.

Первые проповедывали здесь христианство, в 1873 году, Даниил Кангета и Григорий Миямото. Но плодом их проповеди ныне состоит здесь только один христианин — Павел Кондо, шестидесяти пяти лет, крещенный в 1877 году от о. Павла Савабе в Оказаки. Потом в 1877 году Владимир Мураками (из Оказаки), находясь здесь, просил проповедника для Нагоя, вследствие чего поручено было Павлу Цуда, тогда состоявшему в Оказаки, попробовать проповедывать и в Нагоя. Плодом его проповеди был Лука Судзуки с женой, крещенные о. Евфимием на пути его в Оосака в 1878 году.

Собором 1878 года Павел Цуда назначен проповедником для Нагоя; но так как у него слушателей не являлось, то ему велено было вернуться в Тоокёо. Однако Владимир Мураками и Лука Судзуки упросили оставить его еще на некоторое время здесь, и с этого времени мало-помалу оказался успех проповеди. К Собору 1879 года о. Павлом Саго было крещено

9 человек. Собором 1879 года Павел Цуда также назначен был сюда, и успех продолжался.

Собором 1880 года вместо Цуда назначен Павел Окамура, состоящий здесь и доселе. Тем же Собором в помощники к нему назначен был Стефан Кондо, но в начале 1881 года он вернулся в Тоокёо по болезни. Пришел потом из Оказаки Иеремия Сибата на помощь, но в пятом месяце тоже вернулся. Наконец, Собором 1881 года сюда дан в помощники Яков Мацуда, трудящийся здесь и доселе.

В настоящее время у Павла Окамура проповедь ведется в трех местах:

1. В Квайдо, где он и сам с женой живет (платя 3 $\frac{1}{2}$ ены в месяц, что недорого, так как дом превосходный и в центре города); до обеда он всегда дома, и язычники, видя вывеску, иногда заходят спросить о Вере; в настоящее время в неделю два раза приходят 2–3 медицинских ученика из больницы; более определенных слушателей нет.

2. У сицудзи Петра Такаги по понедельникам и четвергам, вечером в восемь часов; из слушавших здесь двое недавно приняли крещение; еще есть один постоянный слушатель, и 1–2 приходят случайно.

3. У помощника сицудзи — Стефана Кавамура, по вторникам и пятницам с девяти часов вечера; из слушавших один крестился; ныне приходят христиане и несколько язычников, но неопределенно.

Ходит, кроме того, к Симеону Курокава говорить для его семейства.— Имеется в виду и еще собрать несколько слушателей.

Яков Мацуда живет в Ацута-эки, пригороде Нагоя, не меньше 1 $\frac{1}{2}$ ри от Квайдо, с 7 000 домов. Проповедь у него в следующих местах:

1. В квартире у него по воскресеньям, понедельникам и четвергам, с восьми часов вечера; из слушавших трое крестились; теперь ходит тайно слушать один молодой человек, мать которого не любит христианства; других теперь нет, ибо земледельцы в настоящее время заняты очень; если из язычников никто не пришел, то толкуется Священное Писание для домашних, так как дом, где живет Мацуда, христианский, от него же наученный Вере.

2. Тоже в Ацута у Марка Мориока, по средам и пятницам вечером с восьми часов; теперь новых 3 слушателя.

3. У Луки Хаяси; теперь на время, впрочем, здесь нет проповеди, так как бывшие здесь слушатели ходят к Марку Мориока, а новых еще не обнаружилось.

4. В Нагоя, по вторникам, с восьми часов вечера, в доме одного язычника (бывшего бонзы), который сам, впрочем, не расположен слушать, но уступил убеждениям своего приятеля — христианина — дать у себя место для проповеди; туда ходит один новый, истинно желающий слушать; бывает и еще 2–3. Мацуда хотел ходить два раза в неделю, но хозяин едва и на раз согласился.

Общественная молитва бывает каждую субботу с восьми часов вечера; собирается больше 20 человек,— и каждое воскресенье с десяти часов

утра; собираются 14–15 человек, — обыкновенно не тех, что были вчера, а попеременно. Проповедь в субботу говорится на текст из Апостольских Посланий, в воскресенье — на дневное Евангелие. Поют четыре человека (и неплохо, как я сегодня слышал; Маедако не способен учить пению).

Сицудзи четыре человека: Илия Миясита, Петр Такаги, Иосиф Втамура и Петр Сибаяма.

Избираются раз в год пред Тоокейским Собором. Ныне видно только что произведено избрание; выбраны прежние, но к ним присоединено четыре помощника.

Казначейми служат Илия Миясита и Иосиф Втамура. Церковные деньги следующие:

(Цунагу моцу)

1. Ификии, — неприкосновенные. Заведено Павлом Цуда, с шестого месяца 1880 года, собирать с юси (желающих) в каждое воскресенье по 1 сен. Доселе собрано 18 ен; положены на проценты.

2. Кенкии, — кружечные; устроена кружка с 1879 года; вынута доселе 7 ¹/₂ ен; тоже хранятся.

3. Риндзи-кин; собирается с юси по мере открывающихся нужд: на киоты, мебель в Квайдо, занавес, [облачение] для священника и тому подобное. До сих пор собрано и израсходовано больше 70 ен.

4. На покупку земли для кладбища собрано по подписке 43 ены 20 сен; земли будет куплено в скором времени.

В окрестностях Нагоя в настоящее время нет проповеди, но, если приложить старание, то слушатели найдутся везде. Например, Мацуда пробовал в деревне Даигимура, 20 чё от Ацуга-эки; слушатели были, только теперь не время для земледельцев (в этой деревне живет неприходящий в Церковь Симеон Като).

Нужно начинать отсюда проповедь в провинции Исё, в городе Цу, бывшем Дзеока. Там служит чиновником молодой человек отсюда Иоанн Мива и зовет туда проповедника; слушатели прямо есть: его старший брат, тоже чиновник, и еще некто служащий при больнице; найдутся и другие. Отсюда до Цу хотя 20 ри, но сообщение очень удобное по морю на небольших пароходах, ходящих между Нагоя и Цу.

Нужно также отсюда начинать в Оогаки (город, бывший на пути от Маибара в Нагоя); нравы там хорошие, мало испорченные; найдется, кому похлопотать для проповедника.

Православные христиане в Нагоя — больше из чеопин, чем из сизоку.

Катихизатор отсюда вышел только один: Яков Асай, служащий в Хариномаци.

Из учеников Семинарии отсюда — Павел Морита, здесь есть его тетка — язычница.

В настоящее время здесь учеников ни для Катихизаторской школы, ни для Семинарии, к сожалению, нет. Сизоку-де, кто подельный, все

заняты другими делами, или разбрелись отсюда искать занятий в других местах.

Нагоя — по важности положения своего в ряду бывших удельных княжеств и по огромности народонаселения, сама была центром, к которому тяготели окрестности на далекое расстояние, и была самостоятельна как относительно Кёото и Оосака, так и Едо, но по роскоши и другим чертам нравов больше походила на Оосака, чем на другие места. Отсюда и доселе сильны здесь как буддийское суеверие, так и сопутствующая ему распущенность нравов. Здесь — 338 тера и 61 мия, что достаточно свидетельствует, как силен еще здесь буддизм, особенно верховодят бонзы Монтосиу — Хингаси Хонгвандзи. Впрочем, грубого насилия христианству здесь не причиняют, а только душевно ненавидят, злословят и слушать не хотят. Павел Окамура рассказывает, что к нему часто приходят переодетые бонзы расспрашивать о христианстве, но потом пользуются полученными сведениями лишь для того, чтобы извращать их и делать пищей злословия.

Около Мацуда бонзы завели коосяку и всегда невыносимо хулят христианство и запрещают слушать его, что, впрочем, по словм Мацуда, приводит к совершенно противоположным результатам, — возбужденное любопытство, напротив, побуждает приходиться спрашивать о христианстве.

Но вообще постепенный успех здесь христианства, с помощью Божию, несомненен, хотя он и будет медлен. Потому и с будущего Собора здесь непременно нужно два катихизатора.

О продаже православных книг сицудзи столкнувались здесь с одним из главных книгопродавцов на большой улице. На днях ожидается из Тоокёо запас книг.

Из инославных в Нагоя есть только методисты; живет постоянно ихний проповедник с женой, по временам же приходит американский Бала (Ballah), или кто другой из их секты; обращенных человек 15–16; дальше туго идет; проповедник постоянно жалуется нашим на неимение слушателей. — Другие приходят, но, не находя слушателей, возвращаются; так недавно было с пресвитерианским проповедником. Говорят о христианстве здесь еще путешествующие для продажи христианских протестантских книг.

7 / 19 июня 1882. Понедельник.

Нагоя

Как обыкновенно, попросили остаться еще на день, чтобы сказать проповедь и язычникам, для чего удобен вечер. Утром сделали с Павлом Окамура визиты: старику Павлу Кондо, первому, по времени, здешнему христианину, сизоку, промышляющему ныне со старухой разведением

кур,— сицудзи: Петру Сибаяма — фотографу, Иосифу Втамураа — чайному торговцу, Илие Миясита — фотографу на большой улице, работающему превосходно и живущему, по-видимому, очень достаточно; он и Петр Сибаяма, по словам Окамура, самые усердные радители о Церкви.— Квайдо здесь в центре города, месте весьма удобном, но христиане странно рассеяны по всему городу в одиночку — на таком большом пространстве, что катихизатор находит возможным этим извинять неаккуратное хождение христиан в Церковь,— «далеко-де». С восьми до десяти часов мы едва успели побыть в четырех означенных домах, хотя нигде не останавливались больше пяти минут.

В десять часов приехавши в Квайдо, застали собравшихся братьев и сестер, с которыми и помолились, отслуживши обедню, после которой было поучение, продолжавшееся до двенадцати часов. Катихизатор угостил скромным обедом, вслед за которым отправились осматривать дворец бывшего князя Овари и знаменитый здешний Тенсюдай, с которого, как на ладони, виден весь город и окрестности на далекое пространство. Крепость занимает расположенное здесь войско; видеть ее с дворцом и Тенсюдай можно не иначе, как с разрешения главного военного начальника, но он охотно позволяет осмотр всем иностранцам. Так и для меня Илья Миясита выхлопотал разрешение. Центр бывшей крепости, окруженный последним рвом, содержится в отличнейшем порядке. Во дворце — главное военное управление (местное), которым и занято немало княжеских великолепных покоев; прочие покои показываются посетителям; там мы видели тора-но ма и другие — все разнообразно изукрашенные и раззолоченные комнаты с дивной резьбой и штучными расписными потолками. Отсюда прошли на башню (Фенсюдай). Построена она знаменитым строителем крепости в Кумамото Катоо Киемаса и действительно составляет удивительное архитектурное и в то же время практически полезное (в военном отношении) произведение. Она имеет 5 этажей; так обширна, что полк солдат, достаточно снабженный военной амуницией, легко поместится в ней. Внутри вся состоит из таких огромных столбов дерева хиноки, что ей, кажется, и веку не будет; крыши все покрыты толстыми медными листами, а коньки (две рыбы) — толстыми золотыми листами и блестят на солнце, как огненные. Одна рыба была на выставках в Тоокёо и даже в Австрии; после чего опять поставлена на прежнее место, а вдобавок — обе рыбы покрыты металлическими сетками, чтобы птицы не засиживали их. С башни полюбовались на город, тянущийся непрерывною полосой по направлению к селению Ацута, которое незаметно сливается с ним; жильё сизоку обхватывают город со всех сторон и далеко разбрасываются кругом. Но такой скученности деревень вокруг города, какую я видел около Окаяма, здесь нет.

Сошедши с башни, отправились в Ацута на кладбище, чтобы отслужить панихиду по о. Павлу Таде, здесь погребенном. Когда подходили к

кладбищу, к нам присоединился христианин из Оказаки, присланный навстречу мне. Это — за 10-то ри! Не мог воздержаться, чтобы довольно резко не заметить, что такая пустая трата времени по-пустому мне вовсе не лестна; гораздо лучше, если бы христианин занимался своим делом, сидя дома, так как сегодня — день рабочий; завтра тоже рабочий, и эти два дня для чего он употребил? Мне гораздо приятнее было бы видеть, что христиане шесть дней в неделю усердно трудятся, посвящая труд свой Богу, а воскресенье все ходят в Церковь, давая истинный отдых своей душе, да и утомленному телу; теперь же — вон везде приходится укорять христиан, что они в воскресенье мало ходят в Церковь, а отчего мало? Некогда, говорят; стало быть шесть дней работали лениво или проводили праздно; употребление времени навстречу мне — за 10 ри, по-моему, один из видов праздности; достаточно было бы встретить у своего Квайдо или в нем.

Отслуживши панихиду, я дал наставление бывшим здесь катихизаторам и сицудзи — непременно перенести о. Павла Таде на христианское кладбище, лишь только они купят землю для того, в настоящее время они именно хлопочут о покупке, и не раз уж сторговывались, но лишь только узнают продающие, что земля под кладбище — отказывают. Христиане бывшего прихода о. Павла сложились ему на памятник, который теперь и делается.

С кладбища зашли к Якову Мацуда, помещающемуся в Ацута у христиан; больше решительно никуда не пускают, по нелюбви к христианству. — Дальше на обратном пути посетили сицудзи Петра Такаги и христианина Алексея Ватари, дочь которого за Окамура. Заехали дорогой взглянуть на огромный храм Монто — ветви Хингаси Хонгвандзи, по величине, должно быть следующий за главными их храмами в Кёото; проезжая, видели также подобие Тоокейского Кваннона, что в Асакуса; и увеселительные места кругом — совершенно как в Асакуса, только все в меньших размерах; здесь же, на самом бойком угле, один из наших христиан, тоже фотограф, приютился со своей лавочкой. — Видно, что Нагоя разом подражает и Сайкео (храмами), и Тоокёо (увеселениями, также школами) и по возможности совмещает их в себе.

Вернулись из города в другую гостиницу, не ту, в которой вчера поместили христиане — «де самая лучшая в городе»; Роман нажаловался, что ему не давали спать (действительно, отвратительный шум и крик — больше пьяных голосов и хохот девок был слышен кругом до третьего часа), и христиане нашли на этот раз и вправду должно быть одну из лучших, даже с комнатами наподобие европейских, где мы и поместились. Вместо восьми часов, объявленных для проповеди, позвали в девять, да и то слушателей собралось мало, больше ученики да купцы; оттого и проповедь вышла довольно бесцветная — как-то неохотно говорится, когда — или мало слушают, или не уверен, понимают требы, или нет. Впрочем, действия благодати не зависят от характера нашего говорения:

по окончании проповеди тут же некоторые спрашивали у катихизатора, когда к нему приходиться еще слушать; может, [?] то и благодать Божия коснулась души.

По окончании проповеди долго еще была беседа с братьями и сестрами; убеждал их, между прочим, думать уже о постройке храма; дал и от себя на храм 25 ен и на кладбище 25 ен с условием, чтобы о. Павел Таде перенесен был на христианское кладбище. Убеждал еще послать представителя на Собор, чего они не хотят — «нет-де средств на дорогу». Из катихизаторов останется здесь во время Собора Яков Мацуда, ибо проповедь нельзя совсем прервать; обещан ему потом отпуск для отдыха к отцу в Вакаяма. По уходе о. Павла Окамура на Собор, Мацуда поместится в Квайдо.

8 / 20 июня 1882. Вторник.

Оказаки

Здесьняя местность знаменита в японской истории тем, что самые крупные личности последних веков — родом отсюда. В одном ри от Нагоя на запад находится деревня Накамура (домов 60), в которой родились: Тайко Хидеёси и Катоо Киёмаса, последний также от крестьянина. В Оказаки родился Токугава Иеясу. Нобунага также из здешних мест. Сегодня в 5 ри от Нагоя проезжали местность, покрытую невысокими холмами; с одного из них, как снег на голову, спустился Нобунага с маленьким своим войском на погруженный в сон огромный стан Имагава Ёсимото; на месте, где стояла палатка Ёсимото и где ему отрублена голова, стоит надгробный памятник ему. Здесь ярко загорелась звезда Нобунага, к сожалению, так рано померкшая в Хонноодзи.

В 5 ¹/₂ ри от Нагоя река с превосходным мостом — сакай баси — разделяет провинцию Овари от Микава. — В 6 ри и 20 чё от Нагоя, в Цириуэки, встретили христиане из селения Сингехара, почему мы остановились здесь, отпустили дзинрикиси и отправились пешком посетить христиан.

Сингехара-мура от Нагоя около 7 ри, от Оказаки 3 ¹/₂ ри, от Цириуэки, вправо по проселку 1 ри (до дома Петра Аmano, дом же Владимира Мураками чё в 15). Земля здесь вновь разрабатываемая; она дана была после войны в Гоиссин князю из Фукусима, лишённому княжества за участие в войне против Императора. Князь продает ее по частям; желающие покупают и возделывают. Ныне здесь, в Сингехара, уже домов 200, разбросанных для удобства в земледелии и разведении чайных плантаций. Христианских домов здесь 2, христиан 13 человек. Дом Владимира Мураками, в котором: он, жена Агния и дети: Евгения, Марина и Павел; дом Петра Аmano, где: он, жена Сусанна и дети: Николай, Моисей, Василий и Юлия. Еще: Тит Инагаки и Матфей Томита, служившие у Мураками.

Владимир Мураками с семьей, родом из Оказаки, сизоку, — там и крещены; ныне Мураками почти всегда в отлучке по торговым делам, полевыми же работами занята жена. Петр Амано с семьей родом из Нагоя, сизоку; слушал учение от Павла Цуда и крещен о. Павлом Сато в Нагоя, семья же научена уже по переселении сюда (5 лет назад) Иоанном Онгивара и Иеремией Сибата и крещена от о. Тимофея Харну.

Ныне Петр Сасагава иногда приходит в Сингехара, останавливаясь прежде в доме Мураками, теперь у Амано; проводил здесь вечер, поучая христиан же; новых слушателей в настоящее время нет никого, и в продолжении года с Собора крещения не было.

В доме Петра Амано мы отслужили молебен. Икона — маленькая, домашняя, как-то неуютно ей на большом пространстве серой стены. Обещался прислать икону побольше и лампадку к ней.

Дрожащие в небе жаворонки своею милою звонкою песнею провожали нас на пути в Сингехара и обратно, заставляя забывать усталость и жару. В Цириу пообедали, в третьем часу уже были в Оказаки, проехав в него из Яханги-эки по мосту Яханги, знаменитому тем, что на нем когда-то Хидеэси, будучи еще оборванным нищим мальчишкой, выругал разбойника Хацисука, проходившего с своей бандой по мосту и задевшего ногой спавшего тут Хидеэси. «Мост общий, тебе разве тесно, что мне не даешь места? Ты кто такой? Разбойник и больше ничего!». После он сам служил в шайке этого разбойника, а еще долго спустя уже разбойник Хацисука служил Хидеэси, но уже не атаманом банды, а генералом в победоносном войске, за что Хацисука награжден уделом и сделан князем провинции Ава на Сикоку, где Токусима была его резиденцией. Въезжая в Оказаки, проехали мимо обложенного камнем колодца «убуюиси», из которого взята была вода для обмытия новорожденного маленького князя Иеясу, будущего родоначальника Сеогунской династии.

Братия встретили на мосту Яханги-баси, другие ждали в церковном доме. Переодевшись, тотчас же отслужили вечерню — с поучением, после чего катихизатор, сицудзи и прочие братия рассказали о состоянии Церкви.

Оказаки имеет 4600 домов, из которых сизоку 780 домов. Прежде был удельным городом князя — (фудай) — Хонда Накак — Цукаса-но таю с 5 ман коку. Хонда был один из самых приближенных слуг Иеясу.

Христиан здесь вместе с Сингехара-мура, к Собору прошлого года состояло 136 человек (в соборных протоколах по ошибке показано 137). С Собора доселе крещено 9; всех здесь крещенных: 145 человек. Но из них умерло 13.

Перешло в другие места совсем 18. Именно: в Нагоя переселилось 5 (смотри страницу 219), в Тоёхаси — 6: Исайя Миёси с семейством — всего пять человек, и Марина Кавамура, семнадцати лет, — оттуда родом, но здесь временно жившая и принявшая крещение. В провинцию Тоо-томи, Китоо-гоори, Икесинден-мура перешло 4 человека: врач Давид

Ниими с семейством: служит при тамошней больнице (китоо-беоин); от Фукурои 7 ри. Павел Накамура, родом из города Ханги провинции Цёо-сиу, племянник здешнего врача Иоанна Намбу (тоже из Цёо-сиу родом); ныне служит врачом при больнице в Ниигата, в провинции Эцинго. Два бывшие ученика врача Иоанна Намбу: Пантелеймон Мисава, семнадцать лет, родом из Тоёхаси, и Филипп Кадзуно, шестнадцать лет, из Цёо-сиу,— ныне учатся в Медицинской школе в Нагоя.

Взамен выбывших четыре чиновника, принявших крещение в Нагоя, ныне принадлежат к Оказакской Церкви; смотри выше страницу 189.

Итого налицо всех христиан в Оказакки и Сингехара: 118 человек, в 41 доме.

Но из них следующие 5 не приходят в Церковь:

1. Иоанн Суинага, тридцати шести лет, сизоку, служит чиновником в Цариу; слушал учение от Павла Цуда; но года четыре совсем не показывается между христианами.

2. Симеон Хосои, двадцати шести лет, из торговцев, дурного поведения; промотал дом и теперь бродяжит.

3 и 4. Петр Котава и жена его Мария,— из сизоку — торговцы; обратились опять в язычников; увещаний не слушают; Сагава в дом не принимают.

5. Ия Като, двадцати семи лет, бывшая жена Феодосия Като, ушла от него; родом из Тоёхаси, но теперь где находится — неизвестно. (А Като женился себе по-язычески на другой под предлогом, что невеста-де не понимает и не принимает христианского брака; ныне и она уже крещена. Да благословит Господь их брак! Что станешь с ними делать! Долго еще, знать, христианские чувства не возьмут окончательного верха над другими. Нужно терпеть и снисходить; обойдешься строго, нежное растение христианства в душе и сломится. Было уже. «Подожди венчаться месяц-два, научи сначала невесту христианству, чтобы брак был Таинством, а не сделаешь этого, брак будет блудом пред лицом Церкви; ты-де христианин,— и открытым грехом заградишь себе вход в Церковь». Что ж? Человек и не ходит в Церковь и больше, и больше грязнет в тине язычества; а между тем — нельзя сказать, чтобы в нем совсем не было христианского чувства в то время, как он женится по-язычески... Припоминаются торговец фарфором в Тоокёо Иосиф Мано, Алексей Уракава, Николай Микино в Хакодате).

Начало проповеди в Оказакки положено Григорием Миямото, в двенадцатом месяце 1874, при содействии сизоку Мураками, после при крещении нареченного Владимиром. В январе же 1875 года Миямото пришел сюда с Петром Оодадзуме, и оба они пробыли здесь до Собора. Из слушавших учение от них доселе между христианами — 8 человек: сицудзи Стефан Аояма, Иеремия Сибата и прочие, Миямото за проповедь

был требован в полицию и даже вызван в Нагоя, но оправдан и, получив на дорогу казенные деньги, вернулся в Оказаки.

Собором 1875 года Матфей Кангета назначен был в Нисио, но так как там успеха не было, то он перешел в Оказаки и проповедывал до следующего Собора. В первой половине 1876 года здесь был о. Павел Савабе и крестил первых в этой Церкви: Аояма, Сибата и других. На Соборе 1876 года Матфей Кангета пришел с Стефаном Аояма уже как представителем Оказакской Церкви.

Собором 1876 года тоже Матфей Кангета назначен сюда, и пришел с семейством, как и желали того в Оказаки, обязавшись содержать семейство. Помощником Матфею назначен Василий Хариу.

Собором 1877 года определен сюда Павел Цуда, а с одиннадцатого месяца дан ему помощником Петр Кавано. С десятого месяца этого года стали определенно избираться в этой Церкви сицудзи. Во втором месяце 1878 года здесь был о. Анатолий для совершения крещений.

Собором 1878 года назначен в Оказаки Стефан Оогое. С девятого месяца сего года здесь определенно стали выбираться казначеем и советники (гию), а месячный взнос, начатый еще с Цуда, упорядочен. В десятом месяце прибыл на помощь Оогою Иоанн Онгивара.

Собором 1879 года также Оогое и Онгивара назначены для Оказаки, но с четвертого месяца 1880 года Оогое, по болезни, вернулся в Тоокёо.

Собором 1880 года назначен Петр Сасагава, состоящий здесь и доселе. В помощники ему дан был Иеремия Сибата, но он до конца 1880 года проповедывал в Сингехара и Цириу (бесполезно), а с января 1881 года до Собора – в Нагоя, так что Петр Сасагава всегда трудился здесь один. Иеремия, впрочем, теперь несколько помогает.

Определенными священниками для Оказаки и окрестных мест были: с 1879 год по июль 1881-го – о. Тимофей Хариу; с Собора 1881-го – о. Павел Таде, но он с 6-го января 1882 года заболел простудой, безуспешно лечился в Оказакском госпитале и 22 марта умер от чахотки вследствие простуды; для погребения отвезен в Нагоя, так как в Оказаки еще не кончились затруднения касательно христианского погребения. (Затруднения эти подняты бонзами по поводу христианского погребения жены Никанора Вакабаяси, умершей в одиннадцатом месяце 1880 года. Начавшаяся по этому поводу тяжба язычников с христианами кончилась в двенадцатом месяце 1881 года в пользу христиан. Но язычники, подстрекаемые бонзами [Монтосиу], во втором месяце 1882 года подали на апелляцию; до сих пор однако не видно никаких результатов сего; должно быть, так и кончится).

В настоящее время проповедь здесь производится в четырех местах:

1. В Квайдо: по воскресеньям и средам вечером с «хино куре». Собирается человек десять христиан, для которых Сасагава объясняет Священное Писание; язычников не приходит.

2. У Иоанна Намбу — врача, по вторникам и пятницам, с «хино-куре», — для семьи Намбу и двух учеников его.

3. У Николая Кодзима, по понедельникам и вторникам, четвергам и пятницам, с четырех часов, — для семьи Кодзима, еще не крещенной; иногда и другие приходят.

4. У Тимофея Накане, — объясняется Священное Писание для него с семьей.

Иеремия Сибата по вечерам ходит для проповеди в дом Якова Котама, где его слушает, между прочим, один язычник.

Общественная молитва по субботам с хинокуре, по воскресеньям — с девяти часов утра; приходят человек 40; в воскресенье несколько меньше. На проповеди — в субботу обыкновенно рассказывается Житие Святого, в воскресенье — объясняется очередное Евангелие.

Сицудзи 2: Стефан Аояма и Василий Хингуци; кроме того, есть гио (советники). Избираются раз в год — в генваре. Казначеев 2: Лука Асами и Яков Котама.

Церковные деньги следующие:

1. Гацуноо-кин [?], — по желанию и по состоянию все ежемесячно жертвуют на содержание проповедника и на церковные расходы; в месяц приходу до 5¹/₂ ен.

2. Из кружки вынимается в месяц сен 30.

3. Риндзи-кин — собирается по особенным нуждам, как-то: на поправку дома, на праздничные расходы и прочее.

Запись — очень тщательная и подробная ведется в черновых тетрадах; в беловую же приходно-расходную книгу вносится — за полгода в крупных цифрах. Порядок этот заведен Павлом Цуда в 1877 году.

Местное церковное имущество состоит из церковного дома с землей под ним. Земли всей 113 цубо, из которых 30 цубо заняты постройкой. Куплен дом с землей, совершенно новый, в седьмом месяце 1880-го года. В доме потом сделаны небольшие поправки для приспособления его к церковным нуждам. Обошлось все вместе в 600 ен, из которых 440 внесены христианами, остальные 160 ен состоят на долгу, но будут покрыты, как говорили сицудзи, в самом непродолжительном времени. На покупку дома жертвовали все — по желанию, иные ен по 50, иные по несколько сен, но не участвовавших не было никого.

Дом — на главной улице и среди города; двухэтажный; верхний этаж приспособлен для совершения литургии, когда бывает священник; здесь же находится Св. Антиминс, мироносица, священные сосуды и облачения, — все что осталось по смерти о. Павла Таде. Антиминс и мироносица запечатаны погребавшим о. Таде о. Яковом Такая и хранятся в исправности, пока прибудет новый священник. Иконы Спасителя и Божией Матери — иконостасные здесь те, что были в Хакодатской Церкви; из новых есть Тайная Вечеря (принадлежащая к другому иконостасу); вообще снабжение иконами — достаточное, пока церковный дом будет в этом

виде, без алтаря.— После богослужения комната задвигается щитами, чем закрывается престол и прочие святыни; оставшаяся свободною простая большая комната служит для катихизаций, для собраний и рассуждений христиан о церковных делах и для катихизатора; здесь же и другая небольшая комната — тоже для катихизатора.

Внизу — большое помещение, могущее в случае нужды служить аудиторией для сот двух слушателей; обыкновенно же там живет квайдомори; в настоящее время эту обязанность исполняет старуха Анна Оно (у которой своего дома нет), мать катихизаторского помощника Фомы Оно, который отсюда родом (и у кого, кроме матери, нет никого еще, о ком бы нужно было заботиться).

Одно неудобство церковного дома — он шумен для совершения в нем богослужения; на главной улице, как на всякой главной — почти непрерывный гром от езды, крик возчиков, или уличных ребятишек и прочих. Христиане имеют в виду, когда соберутся со средствами, отодвинуть дом в глубь участка земли и оградить от улицы решеткой и воротами, причем я наказывал им непременно изменить несколько наружный вид здания, чтобы сделать его похожим на Церковь, для чего дать знать в Миссию, когда приступят к перестройке, чтобы оттуда получить рисунок, с которым сообразоваться.

В Оказаки и во всей провинции Микава буддизм еще довольно силен, особенно много последователей секты Монто, о силе этой секты здесь свидетельствует отлично построенная школа для воспитания бонз, имеющая 130 учеников; школа построена на местные средства, ученики также только из этой провинции. Но влияние бонз Монтосиу несколько ослабело, и они поневоле сдерживают себя после следующего случая. В 1869 году (Мейдзи 2 года) один чиновник в Оохамамура, ри 6 от Оказаки, как-то стал хвалить христианство и говорить, что-де буддизму недолго уже существовать. Узнав об этом, бонзы Монтосиу подняли народ в соседней деревне Васидзука (1 ри от Оохама); послан был из Оохамамура, где была небольшая крепостца (дзинья), один из мелких чиновников уговорить и успокоить народ, но последний убил его. Вследствие этого главный бонза местности был казнен, другие, виновные в возмущении, осуждены на каторгу.— Поэтому-то бонзы боятся поднимать народ против христианства открыто, но усердно составляют общества с условием не слушать христианского учения.

Нравы в Оказаки гораздо лучше, чем в Нагоя, но также немало распущенности. Впрочем, народ Микава еще не потерял своей репутации «честного народа», до того устоявшейся, что в Тоокёо, например, довольно назвать себя жителем провинции Микава, чтобы успокоились насчет честности.— Вместе с тем жители Микава отличаются неразвистостью, что не в пользу христианства.

В будущем в Оказаки, конечно, много надежды для христианства, и катихизатор сюда непременно нужен; одного достаточно собственно

для Оказаки, но молодого здесь нельзя — не управится, и Церковь ослабеет.

Радея о местных интересах своей Церкви, здешний катихизатор и сицудзи в тоже время свидетельствуют, что все средства должны быть употреблены для возможного поднятия Церкви Нагоя, так как Нагоя — главное место после Тоокёо, — все тяготеет к нему и все берет тон и направление от него; процветание Церкви Нагоя отразится благотворно на Оказаки, на Тоёхаси и далеко кругом; и священнику следует иметь свою резиденцию не в Тоёхаси или Оказаки, а именно в Нагоя, хотя там пока и нет Церкви для богослужения.

Окрестности Оказаки небогаты надеждами на христианство. Кроме Сингехара, здесь были катихизаторы:

1) в Фудзикава-эки, 2 ри от Оказаки, с 200 домов, — Стефан Оогое, но безуспешно;

2) в Нисио-дзеока, где был князь с 6 ман коку, — от Оказаки 4 ри, с 1000 домов, был Матфей Кангета без успеха.

Впрочем, Кангета был в Нисио уже давно (в 1875 году); теперь, должно быть, народ уже расположен к христианству, и проповеднику там следует быть. Протестанты-методисты в настоящее время имеют там успех; у них живет там постоянный проповедник, и недавно из Иокохмы приезжал миссионер Сопар (?), чтобы совершить крещение; всех христиан у них в Нисио — 13 человек.

В Оказаки протестантов, тоже методистов, 3 человека; проповедник приходит по времени из Нагоя; проповедают и приходящие иностранцы, в том числе и католические миссионеры; последние — всегда хуля православие и злословя православных миссионеров — «они-де предатели, замышляют разорить Японию»; последователей у них, впрочем, в этих местностях нет.

9 / 21 июня 1882. Среда.

Оказаки

В девять часов богослужение и проповедь для христиан. После полдня отправились посетить сицудзи; были и у некоторых христиан. Иеремия Сибата живет очень обеспеченно; в доме — он с женой и сын с женой; он занимается фотографией, а Иеремия помогает ему; ленится старик проповедывать, а мог бы быть еще много полезным, совсем в силах. Оба сицудзи — довольно богатые люди; Стефан Аояма показывал много редких старинных вещей; Василий Хигуци, кроме торговли, содержит почту, — вообще — очень деятельный человек.

Побыли у христиан: доктора Иоанна Намбу, Тимофея Накане, Климента Хаттори, торгующего льдом, Петра Исивара — конфетчика, Якова Котама, ведущего торговлю полотнами; у последнего отслужили

водосвятие и освятили дом, только что построенный. Все живут очень достаточно; к счастью, Церковь в Оказаки стала распространяться по преимуществу между такими людьми, и много отрады доставляет это обстоятельство по следующему соображению. До сих пор Японская Церковь почти всею своею тяжестью в денежном отношении лежит на плечах Миссии, — и тяжело становится иной раз при мысли — ужели это будет еще очень долго продолжаться? Отчего же японцы медлят на себя брать свои церковные расходы? И коришь японцев в душе или открыто, — иной раз очень жестоко. Но дело в том, что японские христиане действительно бедны, оттого и лежат церковные расходы на плечах Миссии. А вот Церковь несколько достаточная, и она уже почти не утруждает Миссию. Вчера под рассказы о церковном доме я стал отмечать в записной книжке, сколько еще у них долгу по поводу покупки дома, и получил замечание от сицудзи: «Да вы не трудитесь замечать нашего долга, мы сами выплатим». По мере входа в Церковь людей зажиточных, церковные расходы несомненно будут переходить на попечение самих японцев.

Побыли на кладбище на могиле жены Никанора Вакабаяси, причинившей столько хлопот здешним христианам. — Взошли за городом на холм, чтобы взглянуть разом на весь город и окрестности; деревень виднеется мало; скученности населения здесь нет; город тянется длиною полосой по извилине реки и подножию холма. К сожалению, начавшийся дождь помешал долгие любоваться видом. Отправились смотреть буддийскую школу Монтосиу — ветви Хингаси Хонгвандзи. Учеников 139; классов 6; классы устроены по-европейски: сидят на скамьях; в преподавании много уже европейского: математика, всеобщая география, история. Ученики совершали вечернюю молитву, когда мы пришли; нас провели прямо в пустые классы, откуда мы видели молодых бонз, попарно возвращающихся в свои жилые комнаты. Показывающие не были любезны удовлетворить нашему любопытству и торопились предложить нам угощение чаем и кастерой, почему мы и ушли, почти ничего не увидев и не узнав; вероятно, они были бы открытые, если бы со мною не было так много спутников — наших христиан, на которых бонзы смотрели не очень приветливо, как на изменников буддизму. — Отсюда зашли на развалины крепости, когда-то принадлежавшей лично Иеясу, бывшей и местом рождения его; кроме фундаментальных камней, все разрушено и снесено; заброшен и колодезь, из которого, по суеверию, выходил дракон, по имени которого и крепость называлась «рео-дзе»; стоит лишь новенькая кумирня, посвященная Иеясу.

Вечером была проповедь для язычников в церковном доме внизу. Сначала, пока собирался народ, говорили несколько Петр Сасагава и сицудзи из Тоёхаси Александр Сунгита, пришедший сюда с тамошним катихизатором навстречу мне. Слушателей собралось столько, сколько

мог вместить дом, и слушали очень усердно; видно, что народ готов к восприятию благовестия.

По отпуске язычников была прощальная беседа с христианами.

10 / 22 июня 1882. Четверг.

Тоёхаси

В шесть часов утра отправились из Оказки, причем мною дано Петру Сасагава 5 ен на платье для матери Фомы Оно и 15 ен на церковные расходы, чтобы таким образом уплачены были расходы на содержание меня с Романом. Братия и сестры проводили за город, а Петр Сасагава ри 2 дальше, причем был разговор о Владимире Мураками; к сожалению, сей господин портится поведением, кажется; Сасагава серьезно поговорит с ним.

Дорога в Тоёхаси проходит по незначительным по своей величине селениям. Но эти места вообще знамениты памятью об Иеясу. Так, в 3 ри от Оказки мы проехали деревню Мотодзику-мура, с 130 домами и храмом Хоозодзи, в котором Иеясу, будучи мальчиком, учился писать; при храме показывают колодезь, из которого Иеясу брал воду для тушницы, и дерево, на котором сушилась его тетрадь. При тайкунах Хоозодзи получал богатое содержание.— Несколько дальше, в 3 ¹/₂ ри от Оказки, селение Нагасава, в котором жили разные Иеясу; остатки крепостцы видны и теперь.

В Гою-эки, 3 ри от Тоёхаси (отстоящего от Оказки на 8 ри), с 300 домов, живут двое христиан: отец Марфы, жены Александра Сунгита, — Иеремия с своей женой Анной; учились они христианству от приходивших сюда для проповеди Анатолия Озаки и Саввы Ямазаки, и принадлежат к Церкви в Тоёхаси; есть еще там слушавший о христианстве один врач.

В двенадцать часов прибыли в Тоёхаси. Братия и сестры уже собраны были в Церкви, почему тотчас же отслужена была обедня и сказано поучение. После сего у катихизатора Мефодия Цуция и сицудзи распрошено о состоянии Церкви.

Тоёхаси был удельным городом князя Мацудаира Гёобу — Таю, с 7 ман коку.

Домов в Тоёхаси 4 420, из которых около 400 домов сизоку.

К Собору прошлого года было крещеных в Тоёхаси 95 человек (показано в Гидзироку: 90 и 3 умерших, но неверно). С Собора доселе крещено 4. Итого ныне всех крещено в Тоёхаси: 100 человек.

Из них умерло 10.

Но взамен перешло из других мест 8 человек, именно: из Оказки 6 (смотри страницу 227), из Тоокёо 2, там крещенных: Яков Юза и Иов Оояма.

Крестившиеся здесь из Фукурои 2 человека не вписаны в здешнюю метрику, а должны значиться в Фукуройской.

Итого христиан налицо в Тоёхаси:

98 человек, в 41 христианском доме.

Из них ослабели в вере и не приходят в Церковь следующие:

1. Яков Юза, племянник старика Петра Юза, умершего в Тоокёо; был здесь учителем, теперь праздно живет; принадлежит к обществу «Дзюю-тоо»; в доме один он христианин.

2. Марина Найтоо, ныне восемнадцать лет. Когда Цуда был здесь проповедником, то жил в доме ее отца; Марина прислуживала ему и научилась христианству, вопреки воле родителей. Ныне, как видно, подчинилась влиянию последних. Выдана за язычника.

3. Ефрем Томида, тридцать один год, хеймин, кузнец, поведения зазорного; избран, однако, в кочео.

4. Симон Судзуки, тридцати лет, тоже кузнец; христианского сердца совсем не потерял, но боится соседей.

Были названы еще в числе неприходящих в Церковь: Кирилл Хираяма с семейством и Петр Хасейгава; но в продолжении дня были у меня и обещались вперед не отделяться от братии. Впрочем, жена первого (Елена) и сын Феодосий (двадцать один год) сомнительны, — кажется, совсем ослабели в вере.

В девятом месяце 1875 года, по приглашению Хираяма, после названного в крещении Кириллом, Григорий Миясита сказал в Тоёхаси первое слово о христианстве. В одиннадцатом месяце того же года Матфей Кангета был здесь и проповедывал с неделю.

В том же месяце на три дня был с проповедью и Даниил Кангета.

В 1876 году Иоанн Оно, на пути в Какогава, остановился здесь на десять дней и проповедывал. В мае 1876-го года крещены были первые из Тоёхаси: Хираяма Кирилл и Мефодий и Цуция Мефодий (они крещены в Оказаки, но в метрику внесены прямо в Тоёхаси).

Собором 1876 года назначен для Тоёхаси Павел Цуда и пробыл до Собора следующего года.

Соборами 1877 и 1878 годов последовательно были назначаемы сюда Андрей Сасагава, и прослужил до апреля 1879 года, когда выбыл отсюда, а Тоёхаси до следующего Собора поручено было заведыванию Стефана Оогое и Иоанну Онгивара.

Собором 1879 года назначен в Тоёхаси Анатолий Озаки, Собором 1880-го — Савва Ямазаки, Собором прошлого, 1881 года, — Мефодий Цуция, состоящий здесь и доселе.

В одиннадцатом месяце 1879 года прибыл для заведывания здешними Церквами о. Тимофей Хариу и прослужил два года; в прошлом году — о. Павел Таде, ныне покойный.

В настоящее время проповедь здесь очень слаба; с Собора прошлого года было доселе в городе занимаемо до одиннадцати мест; но везде — в

скором времени – или отказывали от дома по нелюбви к христианству, или слушателей не было.

Ныне Мефодий Цуция каждый вечер с 8 с половиной часов бывает в доме Варнавы Хираиси, новых слушателей 2, и те непостоянны; христиан приходит 4–5 человек, если бывают язычники, Мефодий объясняет Православное исповедание; если одни христиане, то – Евангелие от Матфея. В проповеди здесь ему помогает сицудзи Александр Сунгита.

Определено также говорить проповеди в церковном доме в нечетные дни, с 1 с половиной часа дня; в прошлом году было несколько слушателей, в нынешнем – никого нет.

Общественная молитва совершается по субботам с восьми часов вечера; бывают 20–40 христиан, по воскресеньям с десяти часов дня; собираются 20–30 человек. После службы, в субботу объясняется Послание к Коринфянам, в воскресенье – очередное Евангелие. Сицудзи 4: Александр Сунгита, Симеон Танака, Василий Такасава и Иосиф Ооги. Избираются ежегодно пред Тоокейским Собором.

Казначей – Александр Сунгита – избран тоже на год. Церковные деньги следующие:

1. Кен-кин; на содержание катихизатора, на ремонт церковного дома, масло, уголь и прочее.

Христиане, собравшись, предварительно соображают, сколько в год потребуется на все это; определивши сумму, разделяют ее на два полугодия, и в покрытие ее юси вносят, по желанию, или одновременно, или по частям; дают более или менее все христиане. На нынешний год расход рассчитан на 80 ен, но вышло 110 ен; недостающее собирается после.

2. Кружечные. В год высыпается из ящика ен до четырех, каковые деньги употреблялись доселе на Пасхальные яйца и куличи для христиан, но вовсе не с совета всех христиан, почему я запретил вперед делать это; деньги эти должны быть употребляемы непосредственно на нужды храма.

В восьмом месяце 1878 года, когда был здесь катихизатором Андрей Сасагава, Иосиф Ооги возбудил мысль о постройке небольшого здания для катихизатора, ен в 90. Но когда стали осуществлять эту мысль, то расход мало-помалу дошел до 850 ен; когда же присланы были две большие иконы – Спасителя и Божией Матери, подаренные сюда о. Димитрием, и не оказывалось достаточного места для постановки их, то сделана была к алтарю пристройка, так что весь храм и вместе дом для катихизатора стоит ныне больше 1000 ен. – Церковной земли всего 102 цубо. – Самые большие жертвы на храм были: Александра Сунгита – 165 ен, Симеона Танака – 150 ен, Иосифа Ооги – 55 ен, Василия Такасава – 55 ен и Никиты Ота – 65 ен.

Долга церковного нет; все уплачено за землю и здание. Кончена постройкой Церковь в апреле 1879 года. Здание двухэтажное: вверху Церковь с алтарем, солеей, клиросом и прочим, – все как должно быть в

Церкви. Иконостасных икон пока нет; церковной утвари и прочего богослужебного снабжения тоже нет, за исключением одного нового полного священнического облачения, — обещался прислать.

Внизу — большая комната для катихизаций, две небольшие — для священника и помещение для катихизатора с кухней и прочими пристройками и приспособлениями; пред Церковью, налево, вырыт и прекрасно обделан колодезь. Ныне в церковном доме помещается катихизатор Мефодий Цуция с женой; он здешний же родом, но дом свой отдает другим для жилья. Пищу доставляют ему также христиане.

Для обучения церковному пению был здесь Яков Маедако с десятого месяца 1881 года; пробыл месяца три; учеников было у него человек 10; к сожалению, сам он еще плох для того, чтобы учить. Когда запели на обедне, нужно было остановить некоторых — разноголосица, хоть вон беги; впрочем, остальные одни три девочки поют довольно сносно.

Христианство в Тоёхаси многие не любят до того, что, например, катихизатор не может найти и нанять помещения для производства катихизаций — угрожают сжечь дом. Впрочем, открытого гонения на христиан никто уже не думает делать. — Буддизм здесь хотя слабее, чем в Оказаки, однако еще живет, особенно много Монто, ветви Хингаси Хонгвандзи. Устойчивость буддизма здесь способствует немало соседство двух знаменитых идолов: 1. Инари в Тоёкава, 1 1/2 ри от Тоёхаси, бога земледелия; к нему прибегают также особенно если потеряны деньги, чтобы найти их, если убежал кто из дома, чтобы ситоме наложить на такового; 2. Акиха в Фукурои (бог огня). — Нравы народа здесь грубее, чем в Оказаки, но особенной испорченности нравов нет. В будущем распространение христианства несомненно, и катихизатор здесь непременно нужен.

В окрестностях Тоёхаси также много мест, где успех проповеди несомненен:

1. Гою-эки — смотри выше страницу 228.
2. Синсиро, от Тоёхаси 6 ри, на дороге в Дзенкоодзи, — с 700 домов. Петр Сасагава побудет там до Собора. — От Синсиро в 4 ри Эби-мура, где есть протестанты.
3. Втагава-эки, с 400 домов, 2 ри от Тоёхаси, по дороге в Фукурои. Есть желающие слушать.
4. 1 1/2 ри дальше Втагава — Сирасука-эки, куда также зовут для проповеди.
5. От Тоёхаси в 5 1/2 ри по той же дороге — Арай-эки, с 800 домов, — и там желают слушать.
6. Тахара-дзёока, где был князь с 1 ман коку, в 5 ри от Тоёхаси, — домов 500, — очень желают слушать.

Инославных в Тоёхаси и ближайших окрестностях нет.

Кончивши расспросы о Церкви, так как было свободное время до вечернего богослужения и проповеди, пошли посмотреть город. Вечер

был чудный. В соупутствии братии и сестер вышли за город, чтобы с небольшого холма обозреть всю местность; к сожалению, холм оказался слишком недостаточным для того; но вид тем не менее был превосходный; мягкий свет вечернего солнц обливал все каким-то особенно привлекательным колоритом. На обратном пути зашли на развалины крепости, откуда открывается еще лучше вид на большую реку внизу и заречную долину, замыкаемую невысокими горами. Присев на камни разрушенной башни, под говор братьев и веселый шум детей, я думал, — славное явление в истории — это добровольное отречение князей от своих ленов и своих давних прав, — будет Япония вечно гордиться этим актом в своей истории... Зашли еще взглянуть на цветочный сад одного богатого обывателя, открытый для публики.

Вернувшись, отслужили вечерню, после которой предположено было слово только для братии; но язычников собралось так много, что Церковь не могла вместить, хотя я для слова сел у престола, обратясь в Царские врата, чтобы долею всю уступить слушателям. Сказав сначала, что следовало христианам, обратился с поучением к язычникам, слушавшим очень усердно; видно, что настало время здесь слову Евангельскому.

11 / 23 июня 1882. Пятница.

Тоёхаси

В десять часов была обедня и проповедь. Запели до того врозь, что пришлось остановить всех больших и оставить только три девочки, — тогда вышло довольно сносно. После полдня посетили сицудзи: Александра Сунгита и Симеона Танака — люди богатые, прочие также живут зажиточно. Из катихизаторов отсюда, кроме Мефодия Цуция, еще Иоанн Такеиси; здесь его мать — Саломея Мацумото; живет у старшего сына — Иоакима Мацумото, который учителем и вместе торговцем, — живет, по-видимому, очень обеспеченно; тут же — младшая сестра Такеиси; другая сестра недавно выдана замуж. Зашли к Григорию Игуци, жена которого Елена, в язычестве Кне, из Хакодате; сын их Игнатий, одиннадцати лет, годился в будущем году для приема в духовное училище.

Вечером, с восьми часов была проповедь для язычников в одной большой гостинице. Собралось столько, что, конечно, мой голос не достиг бы до конца длинной залы, поэтому я сел посредине слушателей, у стены; было так жарко, что пот ручьем полил с первого же слова, а слушателям было еще хуже, потому что они сидели скучившись в сплошную массу; при всем том внимание их было на развлекаемое; проповедь продолжалась до половины одиннадцатого, с отдыхом в десять минут посредине. Господь да даст этому усердному народу поскорей просветиться светом Евангелия. После проповеди некий возражатель, наслушавшийся клевет католических, спрашивал, отчего это в России Царь — глава Церкви и прочее.

Братия и сестры проводили из гостиницы до церковного дома, где, поговорив еще с ними о церковных делах, простился, чтобы завтра рано отправиться дальше.

12 / 24 июня 1882. Суббота.

Фукурои

Утром братия проводили до Втагава, 2 ри от Тоёхаси. Дальше, в 5 ¹/₂ ри от Тоёхаси, мы проехали Араи-эки. Отсюда начинается переправа через залив по только что оконченному постройкой мосту и насыпи — всего 50 чё до лежащей на противоположном берегу Маесака-мура. Дорога продолжается по низменному песчаному берегу, усеянному сосной до Хамамацу, в 10 ри от Тоёхаси.

Хамамацу — самый большой город в провинции Тоотоми, бывшая резиденция Иеясу до перехода его в Едо. Здесь был удельный князь Иноуе Кавацино-ками, с 5 ¹/₂ ман коку. Домов в Хамамацу более 3000. Здесь, говорят, до 100 католиков, построен у них церковный дом и заведена школа, — все под руководством туземных проповедников и учителей; миссионеры же бывают на время три раза в год (Павел Кубота, рассказывавший все это, прибавил, что католичество, однако, почему-то там в застое, — вперед подвигается мало).

Дальше от Хамамацу замечателен мост Тенрёо-баси, длиною в 646 кен, пред Тенрёо-мура. Во всех этих местах продается в лавках множество ямамомо (дикий персик), плода невиданного мною до Тоёхаси, величиною с крупный орех, совершенно круглого, вкусом кислого, цвета темной малины, с зернышком внутри.

В 4 ри от Хамамацу и в 1 ¹/₂ от Фукурои проехали Мицке-эки, где больше 1000 домов и где также есть католики, человека 2–3.

Далеко за Фукурои братия встретили большою толпою и проводили на постоялин, где приготовлено было помещение. Переодевшись, отправились на другой постоялин, принадлежавший христианину, где во втором этаже христиане собираются на молитву и помещается катихизатор, когда приходит в Фукурои. Так как было уже четыре часа, то прямо приступили к служению всенощной, чтобы позднее вечером иметь свободное время для катихизации язычникам. Когда окончено было богослужение и поучение, катихизатор Павел Кубота с братией рассказали о состоянии Церкви.

Фукурои-эки имеет только 200 домов; но к нему примыкает, со стороны Тоёхаси, Кавай-мура, где 160 домов, и с противоположной стороны Хироока-мура с 20 домишек. Кроме того, большая равнина, на которой стоит Фукурои, усеяна деревьями. Фукурои населено торговцами и ремесленниками, есть и земледельцы; составляло прежде тенрео, то есть непосредственно сеогунское владение. От Тоехааси — 15 ¹/₂ ри.

Христиан здесь до Собора прошлого года состояло 33. После того крещен всего 1 младенец; итого крещений было доселе: 34.

Переселился в Тоокёо из этой Церкви Стефан Оокоодзи, двадцати восьми лет, сизоку, — в Асакуса. Итого налицо христиан в Фукурои: 33 человека, в 28 домах. Есть из них временно отсутствующие; например, Николай Тасиро, ныне семнадцати лет (сын хозяина того постоялина, в котором я остановился), понравившийся проезжавшему здесь одному английскому путешественнику и взятый им к себе на воспитание два года тому назад; последнее письмо от него к родителям было из Америки, от восьмого месяца прошлого года.

Не ходят в Церковь следующие:

1. Фома Цуция, двадцать один год.

2. Никанор Иваи, двадцать один год.

Родители их содержат непотребные дома.

3. Александр Камада, двадцати четырех лет, возчик нигурума.

4. Мать его Анна Камада.

5. Матфей Кимбра, сорока трех лет, поденщик, и

6. Павел Нисию, восемнадцати лет, сын содержателя постоялина.

Все означенные года три-четыре как совершенно не показываются в Церковь, — ослабели в вере. Павел Кубота и не видал их. — Нужно будет сказать следующему катихизатору, при отправлении его, чтобы употребил старания для возбуждения их.

Начало проповеди положено было здесь в одиннадцатом месяце 1875 года, когда проходивший здесь Даниил Кангета приглашен был в деревню Кунимото, 15 чё от Фукурои, в доме Адаци скзать проповедь и провел два вечера, проповедуя. В том же месяце Иоанн Оно приглашен был проповедывать в городе Какенгава, 2 ¹/₂ ри от Фукурои, в доме Судзуки Рикухей (о. Судзуки Рикужи, бывшего в Хакодате моим учителем японского языка, несчастного умопомешанного теперь, убившего дней десять тому назад своего младшего брата и ранившего на улице саблей нескольких проходящих). Из Какенгава пригласил Иоанна Оно в Фукурои нынешний христианин Захария Нагаи. Оно с месяц проповедывал в Фукурои, и слово его не упало на бесплодную почву. В апреле 1876 года Оно вернулся в Тоокёо. В продолжение этого года иногда на короткое время приходили сюда для катихизации Матфей Кангета и Павел Цуда, а в двенадцатом месяце 1876 года прислан из Тоёхаси для Фукурои Василий Хариу. В феврале 1877 года Хариу ушел, а на его место в марте пришел Иоанн Отокозава и оставался до времени Собора. И в этом году Собором не дан был проповедник для Фукурои, просили верующие проходивших здесь Павла Ницума и потом Андрея Сасагава хлопотать за них в Хонквай, чтобы прислан был им проповедник, вследствие чего в девятом месяце 1877 года назначен сюда Андрей Такахаси, который и служит здесь и в Мори до Собора 1878 года.

Соборами 1878 и 1879 годов назначаем был сюда также Андрей Така-хаси, в десятом месяце 1879 года пришел помогать ему Василий Мацуи.

Собором 1880 года был назначен сюда Анатолий Озаки, а в 1881-го — Павел Кубота, который и состоит ныне здесь.

Определенной проповеди в настоящее время здесь нет, так как Кубота почти все время проводит в Мори. Когда жил здесь значительное время во втором и третьем месяцах, то ежедневно по вечерам, с восьми часов имел катихизацию в доме Василия Кондо, куда собирались некоторые христиане и человека два язычников.

Общая молитва бывает по субботам в 8 с половиной часов, собирается 8–9 христиан, а по воскресеньям, с одиннадцати часов, приходит всего 4–5 человек. Когда Кубота нет здесь, молитву читают сицудзи. Петь еще не научились, хотя Кубота сам поет очень правильно то, чему успел в прошлом году научиться от Александра Кумагаи.

Сицудзи 3: Давид Мурамацу, Роман Оохаси и Иоанн Хасимото. Избираются ежегодно пред Собором. Казначеев 2: Мурамацу заведует приходом, а Хасимото расходом.

Церковные деньги:

1. Сбор на ежегодный расход. Предварительно соображают, сколько потребуется, и сообразно с этим желающие вносят кто сколько может. В прошлом году собрано и израсходовано 28 ен, на плату за Квайдо (всего 6 ен в год), на масло, уголь и тому подобное.

2. Идзи-кё-кин (-цунору-). С прошлого года согласились собирать на храм, или на другую какую церковную нужду в будущем. Теперь накопилось 23 ены. Деньги эти на текущие нужды не расходуются.

В Фукурои нет уже ненавидящих христианство; все уверены, что оно хорошо. Буддизм здесь ослабел, хотя в $\frac{1}{2}$ ри и находится пресловутый бог огня — Акиха Касуи — сан дзяку-боу {...}; в Фукурои никто не верует в него, а ходят разве в храм для прогулки. Но много мешает здесь христианству разврат; несмотря на незначительность местечка, здесь много непотребных домов — так портит нравы большая дорога!

Но надежды на успех христианства здесь много, особенно если принять во внимание окрестности. Из последних непременно нужно начать проповедь в следующих местах:

1. В Хамамацу. Кубота был там три раза и проповедывал семь вечеров. Звали родные Матфея Уцино, старика из Мори. Слушателей было человек 30. К сожалению, у Кубота не было времени продолжить проповедь. О. Павел Таде также проповедывал там один вечер. Проповедник должен быть помещен в Хамамацу, и оттуда заведывать Церковью в Фукурои, — так согласны и фукуройские христиане. Мори должно быть отделено от Фукурои, — эти две Церкви должны сделаться самостоятельными, но зато увеличиться насчет окрестностей. (Смотри о Хамамацу больше страницу 239.) Группа — Хамамацу и Фукурои должна обнимать следующие места:

2. Мицке-эки. Здесь еще при Андрее Такахаси постоянно просили проповедника. (Смотри страницу 239).

3. Фукуден, 2 ¹/₂ ри от Фукурои, на берегу моря, с рейдом для небольших пароходов – 500 домов. Кубота был там два раза; три человека есть уже хорошо понимающих учение. В месяц там достаточно быть раза три.

4. Какенгава (смотри страницу 240), – 2000 домов, бывшая дзеока князя Оота Бицциуно-ками, с 3 ман коку.

5. Ёкосука, бывшая дзеока, с 800 домов, – князь получал 3 ¹/₂ ман коку, 3 ри от Фукурои и 4 ри от Икесинден. Желаящие слушать имеется в виду.

6. Не нужно также забывать Кунимотомура, 200 домов (смотри страницу 240). Адаци, видимо, расположен к христианству, хотя еще не хочет открыть для него вполне сердце. Он родственник умершего в его же доме катихизаторского помощника Петра Фудзита, родственник также Судзуки Рикуди из Какенгава; вследствие сего считает себя несколько связанным со мной, почему целые сутки ждал в Фукурои моего приезда, чтобы повидаться; приготовил даже в подарок трость, которая ни к чему мне не годна в пути, кроме как мешать, и которую тем не менее я должен был взять. Чтобы послушать катихизацию, притащил с собой из Кунимото целую компанию своих друзей, но как будто это только и следовало ему сделать: усадивши слушать своих друзей, сам с самого начала катихизации стал дремать, что и продолжал делать все время, пока нужно было раскланяться. Если он сделается христианином, за ним последует селение, так как он уважаемый старшина.

Вместе с фукуройскими христианами моего прибытия здесь ждал нарочно прибывший сюда с семейством из Икесинден (смотри страницу 227) врач Давид Ниими; в семье у него: жена Нина, мать ее Текуса и приемный младенец Акила. Семейство, видимо, очень благочестивое. Давиду хотелось бы проповедника в Икесинден, где 400 домов, и оттуда большой город Сангара всего в двух ри. Я советовал ему написать требование к Собору; если будет хоть малейшая возможность выделить проповедника, разумеется, нужно будет послать.

На катихизацию вечером собралось язычников почти полный дом; видно, что и здесь желающих слушать множество, было бы кому благовествовать.

13 / 25 июня 1882. Воскресенье.

Фукурои и Мори

Давид Ниими и семейство его пожелали воспользоваться случаем свидания со мною, чтобы исповедоваться и приобщиться Святых Тайн, так как в последний объезд священника по Церквам он у них не был, по

отдаленности Икесинден-мура от других Церквей. Почему, пред богослужением, они были исповеданы, прочитаны были для них молитвы к Причастию, и за обедней приобщено все семейство. После обычного поучения и разговора с братьями о церковных делах, причем я советовал им одним, или вместе с христианами Мори, непременно послать представителя на Собор, где настаивать на разделении доселе святой Мори-Фукуройской Церкви на две, с самостоятельной катихизацией для каждой; после полудня, простившись с фукуройскими христианами и с Давидом Ниими, отправился в Мори, 3 ри от Фукурои, в сторону от большой дороги.

В три часа прибыли в Мори, где остановились в гостинице и, наскоро переодевшись, отправились в церковный дом, к ожидавшим братьям и сестрам.

Обычно отслужена была вечерня и сказано поучение, после чего отправились приобщить лежащего в тифе сицудзи Александра Аннака, очень усердного у Церкви и так хорошо знающего Вероучение, что в случае нужды он заменит катихизатора.

О состоянии Церкви в Мори краткие сведения следующие.

Мори после Хамамацу и Кекенгава самый значительный город в провинции Тоутومی; в нем более 1000 домов; население преимущественно состоит из купечества, имеющего по чайной торговле много дел в Иокохамой.

Христиан к прошлогоднему Собору было 29 человек и 1 умерший. После того крещено 10, из которых 1 также умер. Итого в Мори всех крещенных было доселе: 40. Христиан налицо в настоящее время: 38 человек. Есть, кроме того, 5 оглашенных.

Из христиан в Церковь не приходит: из Каяма-мура, 1 ¹/₂ ри от Мори, Филипп Фудзита, сорока лет, земледелец; крещение принял не разумея, отчего после — слышно было — кланялся идолам.

Проповедь начал здесь Иоанн Оно в тоже время, как проповедывал в Какенгава и Фукурои (смотри страницу 240). Нынешний христианин Яков Нозаки, жена которого Вера приходится родственницей Судзуки Рихей в Какенгава, пригласил Иоанна Оно для проповеди в свой дом. Потом здесь служили все те же проповедники, что и в Фукурой (смотри выше страницы 240 и 241), с тем различием, что с десятого месяца 1879 года по Собор 1880-го здесь проповедывал Мефодий Цуция.

Нынешний проповедник Павел Кубота большую часть своего времени посвящал Мори, имея здесь проповедь в трех местах.

1. В Квайдо, с восьми часов вечера, два раза в неделю, для христиан, которых собиралось 10–12 человек,— объяснял Евангелие от Матфея, или же Православное Исповедание.

2. В доме Исайи Судзуки, в неделю раз пять, с «хинокуре», для язычников, которых постоянно собиралось 5–6 человек; христиан приходило столько же.

3. В Каяма-мура, 1 ¹/₂ ри от Мори, — ходил в месяц два раза на два дня, так что проводил всего четыре дня в месяц, проповедуя днем и вечером, смотря по обстоятельствам. Собираются обыкновенно человек десять язычников.

Общая молитва обычно бывает в субботу, с восьми часов; приходят 18–19 человек; в воскресенье — с девяти часов — приходят 12–13 человек. По субботам Кубота рассказывает Жития Святых, по воскресеньям объясняет Евангелие.

Сицудзи 4: Матфей Уцино, Хрисанф Такаги, Александр Аннака и Тимофей Аиба. Последний избран вместо заболевшего Александра Аннака, но, вероятно, и по выздоровлении его останется в числе сицудзи.

Казначей Матфей Уцино. Но определенных церковных денег еще нет, а собирается что нужно в то время, как нужно, и тотчас же расходуется; так в нынешнем году христиане собрали с себя 10 ен для уплаты годовой ренты за дом для катихизатора и общественной молитвы. Дом этот принадлежит сицудзи Хрисанфу Такаги, и он отдавал его для потребностей Церкви на неопределенное время, без всякой платы, но по настоянию катихизатора (хотя я не понимаю, зачем оно было) согласился брать ежегодно 10 ен, каковые деньги и платят сами. Для необходимого убранства молитвенной комнаты христиане также пожертвовали, кто сколько мог. В этом доме Квайдо с генваря 1882 года; прежде помещалась в другом доме, а еще прежде — с начала проповеди до времени Мефодия Цуция — место для молитвы и для помещения катихизатора давал в своем доме здешний богач Яков Нозаки.

Поют при службе: Павел Кубота и 2 мальчика — очень плохо.

Нравы в Мори хороши; распушенности мало; публичного дома — ни одного. И буддизм ослабел, хотя сильнее, чем в Фукурои. Влияние буддизма поддерживают много находящиеся в соседстве два знаменитые капища: 1. Дайтооин — Зенсиу-но хонзан — второй по Японии храм после главного в провинции Ното; 20 чё от Мори, в Тацибана-мура, — привлекающий множество богомольцев; 2. Акиха (бог огня) в Рёоке-мура, 50 чё от Мори, привлекающий еще больше богомольцев, так что и дорога, ведущая в Мори, называется Акиха — доори. — Народ в Мори гораздо устойчивее и постояннее, чем в Фукурои.

Проповедника — одного для Мори, — совершенно отдельного от Хамамацу и Фукурои, непременно нужно, особенно если принять во внимание окрестности, которые должны быть ведуемы из Мори:

1. Каяма-мура, 1 ¹/₂ ри от Мори, 70 домов; там четыре христианина, кроме неприходящего в Церковь Филиппа Фудзита.

2. Яманаси — город с 300 домов, 1 ¹/₂ ри от Мори; желающие слушать учение есть.

3. Втамата — город с 500 домов, 4 ри от Мори; хорошие случаи начать проповедь также есть.

Множество и других соседних селений, где всегда можно начать проповедь.

В начале девятого часа началась проповедь для язычников в доме Якова Нозаки; собралось так много, что все желающие слушать не могли поместиться в доме; для удобства слушателей я и здесь сел в средину их, зато было нестерпимо жарко; с небольшим перерывом проповедь продолжалась почти два часа и слушалась со вниманием, достойным благословения Божия. Слушали, между прочим, девочки — ученицы только что основанной школы для обучения шитью, и куда Нозаки — Якоз и Вера — думают непременно ввести преподавание Закона Божия.

14 / 26 июня 1882. Понедельник.

Мори и на пути в Сидзуока

Утром сделал визиты двум сицудзи и к семи часам был в Квайдо, где уже собраны были почти все братия и сестры. Отслужили молебен и побеседовали о церковных делах, простился, чтобы сгешить в Сидзуока — следующая Церковь. Дорога до Какенгава, где опять выезд на большую дорогу, от вчерашнего дождя сделалась очень дурною, так что на 3 ри расстояния от Мори до Какенгава потребовалось три часа, и мы к полудню едва могли быть в Какенгава. Наскоро пообедав здесь и простившись с провожающим Павлом Кубота и сицудзи Матфеем Уцино, пустились дальше.

Между селениями Нисисака-эки и Каная, на пространстве 2 ри и 7 чё, все время перевал чрез Накаяма-тоонге, — ехать нельзя, следует брать просто носильщика для вещей.

С вершины Накаяма открывается отличный вид на широко раскинувшуюся внизу ложе реки Оои-гава (??), с обступившими ее группами или рядами сосен и горами на заднем плане. Река эта в весеннее время вся наполняется водой, теперь же большая часть ее ложа представляет песчаную равнину. Она составляет границу между провинциями Тоутومی и Суруга. За Каная-эки тотчас же начинается мост чрез Оои-гава, довольно грандиозное сооружение в 450 кен длины.

Ночевали в Окабе-эки, 3 $\frac{1}{2}$ ри от Сидзуока. — От Окабе, проехавши с $\frac{1}{2}$ ри, начинается перевал чрез Уцуноя-тоонге, где замечателен тоннель в скале, длиной 2 чё; сделан он шесть лет тому назад, чтобы облегчить перевал, — самими японцами, без всякого участия иностранных инженеров. Стоил всего 20 000 ен, из которых половина — местный расход, другая же дана была правительством. За проезд тоннелем взимается плата $\frac{6}{10}$ сека; за тележку тоже, что за одного человека.

Пред Сидзуока — мост чрез Абе-кава, длиною 280 кен. В восемь часов утра были в Сидзуока встреченные, несмотря на такое раннее время, при въезде в город одним из братьев.

*15 / 27 июня 1882. Вторник.
Сидзуока*

Не кончен был тогда дневник по торопливости объезда и неколству по возврате домой. А жаль,— было кое-что замечательное, особенно в Идзу.

1884 год

2 / 14 февраля 1884

Мы от жизни ждем все каких-то пряников. Мы никак не хотим всерьез принять четыре заповеди о делании,— а делание есть труд, то есть для трудящихся душевно — душевный труд печали, горести, напряжения. Мы как будто честь делаем Богу, что живем, и желаем, чтобы Бог нас за это только по головке гладил,— а жизни с ее шероховатостями коснуться нас не желаем,— кричим, ропщем, гневаемся на Бога, что жизнь [?]. Дети — избалованные мы, конфет просим, а твердой пищи, которая бы укрепила нас, возвысила наш дух, закалила волю,— этого не желаем! Вот теперь мне труд — поставить японских христиан на свои собственные ноги, убедить жертвовать на содержание для себя проповедников, ибо на русские пожертвования больше содержать нельзя; значит, Катихизаторскую школу надо закрыть. Труд будет, возня большая,— и отвращается ее душа моя, содрогается, потому что придется много волноваться, переваривая свинство и все мерзкие качества японцев,— а без спокойствия ничего не сделаешь. Рассердившись, рассердятся и все, и все дело в прах; а пусть сердятся и делают мерзости там, мне же нужно спокойно вести дело, не обнаруживая ни волнения, ни отвращения,— тогда, даст Бог, устроится, если не разом, то постепенно.

3 / 15 февраля 1884

Человек без <...> также не может управить себя, как судно без ветру, <...> стоять в воздухе,— а на что опереться; как же я укрошу страсть, когда весь в страсти? Как, например, ленность, когда для прочих нужна сила, а ленность и есть отсутствие сил! Из ничего ничего не будет.

Вечером после всенощной.

Ропщем иной раз, завидуем всякому, у кого дело определенное и имеющее конец,— тут же вечно тянущееся дело,— и никогда не знаешь,

хорошо ли оно идет или худо. А ведь, собственно, — это — счастье, что Бог дал прилежащую руку к делу вечному; о том же — хорошо или худо идет дело, пусть судит Господин Его, — и вперед что будет — и об этом пусть он ведает — нашему же брату должно быть спокойным; не нужно принимать лично на себя разные удачи и неудачи, — горячиться, сердиться, равно надмеваться и разваливать павлиний хвост, то есть грешить во всяком случае. Пусть будет, как Богу угодно! Нам же дай только, Боже, спокойствия! Ох, спокойствия и терпения больше всего нужно, Без этого много можно напортить. Капитан в непогоду коли загорячится, беда судну, погиб и капитан. — После Собора, если спокойно окончу все дела, даже отдых себе дам на неделю, — в горы, пожалуй, уеду.

5 / 17 марта 1884

Сделать свое «я» таким маленьким, чтобы в него, как ни старайся, не попал бы и не ранил бы его ни один враг. — Тогда — всегдашнее спокойствие, неуязвимость, непоколебимость. А то теперь — все задевает, оскорбляет, обижает — и дуешься, волнуешься, расстраиваешься, а делу — вред.

12 / 24 марта 1884

Начинается самое трудное дело и операция, — посадение японских Церквей на их собственные расходы. Дай, Боже, мне спокойствия! Без него все можно испортить! Мутит душу, сердит, но зачем же сердиться? Не враги же они мне, а только дрянные неразумные дети, которых нужно исправить! Гневом же и гордостью все можно испортить! Вот посмотрим, Такасаги, как на первый раз обойдется. Вчера взорвали, при чтении письма. Сегодня успокоился и спокойно отвечу туда и к Савабе, чтобы постарался (если только он не противоцерковно и противохристиански настроен, что с ним часто случается).

13 / 25 марта 1884

Книгоношу избрать для разноса и продажи наших духовных книг по стране. В будущем году Собор не собирать, а в 1866 году, — к освящению Собора, если Бог поможет воздвигнуть.

14 / 26 марта 1884

Необходима регламентация здесь: нужно составить инструкции для благочинного, старших проповедников и прочих.

9 / 21 апреля 1884. Второй день Пасхи

На Соборе сказать речь — об одинаковой важности для Церкви — власти, как учения и таинства; если признают последние два, так пусть подчиняются и управлению. Иначе, в католичестве — слепо подчиняйся, в протестантстве — во всем, как хочешь. — То или другое войдет сюда, а истина минует Японию. — Впрочем, кто знает, быть может, пред судом Божиим Япония и не готова, и недостойна принять всю истину, — а «слепо покоряйся» и «как хочешь» — действительно удобнее — «трезвися и бодрствуй». Первое — для простонародья (где, действительно, католичество и имеет больше всего последователей), второе — для японской интеллигенции — шатко и поверхностно, но заносчиво и самовольно.

Собор все это должен вразуметь ясно, прежде чем приступить к действиям, в числе которых предвидятся очень самовластные и глупые, настраиваемые о. Павлом Савабе, который в настоящее время — истинно враг Церкви Божией. Вотте и избрали благочинного! Наблагочинил! Пусть уж, без славы, так и кончится его благочиние. От посещения других Церквей его уклонить, иначе и все расстроит также, как ныне расстроил свою.

16 / 28 апреля 1884. Понедельник Фоминой

«Церковь в упадке», — Савабе клеветает. Не в упадке; она и не поднималась высоко, чтобы упасть, а слаба, как дитя, как юное деревцо. И она (Савабе и прочие) бьют еще это дитя, ломают ветки с этого слабого деревца, а сами кричат — в упадке! Что за ослепление! Видно, что враг рода человеческого начал свою борьбу и против здешней Церкви, как ни слаба она. Подкрепи ее, Бог!

Спаситель уподоблял проповедников ловцам рыбы. Двум ловцам — легче и успешнее работа: один тянет сеть, другой отходит в глубину — там, где рыба, но чтобы проводить ее в сеть.

Если б и мне, грешному, помощника понимающего и содействующего! Но оо. Анатолий и Владимир — полезные в своем роде, особенно первый, — способнее разве разогнать рыбу, коли вместе на лов стать! Какие печальные опыты были уже! Не дай Бог вперед!

Припомнить о. Анатолия в отношении к оо. Евфимию и Михею, равно как в отношении к о. Павлу Савабе, а о. Владимира к о. Дмитрию — довольно!

Мф. 18, 7: Горе миру от соблазнов. «Вадавай но ру кана коноё-я! Соно хито-о цуми-ни отосиру-о мотте нари! Синаредомо хито-о цумини отосиру кото манугарезару токорое». — Предупредил Спаситель Свою Церковь. Для Японской Церкви это начинается, по-видимому. Но «тадаси

хитоо цумина отосиируу Монова вадавай нору коно хотое!» (все это в речи на Соборе должно войти для предупреждения заблуждающихся).

На Соборе отнюдь не иметь в виду опереться в чем-нибудь на о. Павла Сато,— как ни обязан он мне защитой его доселе от его непонятных врагов. Он на Пасху отдал почтение всем своим злоненавистникам; хорошо бы, если бы это от чувства любви, а то ведь просто японское заискивание; ну и вся рятиди! Накакоодзи — «в нужнике-де сидит, не может принять», Цуда газету читает, Яцуке — дома нет.— И ему — с гуся вода! Говорю опять — пусть бы смирение,— так ведь — японцам на что лучше! Попробуй в чем обопрись на него — так и будешь с носом, как сославшись на Нумабе, когда И! У них взаимная лесть одна способна непроницаемую броню покрыть всякую ложь.

Касательно Собора додумаюсь, кажется, до того, что буду с нетерпением ждать его, чтобы посмотреть, чем кончится вся эта мерзость соблазна, затеянная Савабе, этим феноменом,— язычествующим несмотря на 20 лет христианства,— и с гордостью, чтобы поразить змия соблазна. Только, дай Господи, смирение и спокойствие! Не попусти, Господи, гневу овладеть мною! Этого больше всего страшусь и от этого зла больше всего прошу у Господа. Ангел-Хранитель ограда! Тактика диавола больше всего рассчитана, по-видимому, именно на мой вспльщивый нрав и мою гневливость — природное мое зло. Храни меня, Боже!

18 / 30 апреля 1884. Среда Фоминой

Не на протестантство и католичество должен смотреть Савабе с братией, чтобы об [?] их и завидовать нам, я на язычников, и распалиться ревностью по Боге и братии: вон в половине четвертого месяца сего года на Кооясан праздновалась 1050-я годовщина смерти Кообоодайси,— так богомольцев в шесть недель только перебивало там 326 000, несмотря на то, что Кооясан в сорока милях от Оосака. После шестнадцатого апреля прием в монастырь Кообоо дайси ежедневно был свыше двадцати тысяч человек, и пилигримы были со всех мест Империи (Japan Herald 28 April, 1884). Значит — силен еще буддизм в Японии, отмечает газета. Вот на что нужно смотреть и воодушевляться ревностью к прогнатью сей тьмы!

3 / 15 мая 1884. Четверг

Вот тяжелое-то время! Мученье,— грудь готова разорваться. И ни в ком почти сочувствия и содействия! О. Анатолий, по слабости, почти совсем с врагами. А всему виной Савабе. Послал ему письмо, чтобы не позволял катихизаторам оставлять своих мест и бродяжничать для совещаний о делах Японской Церкви. А он, вместо того, чтобы послушаться,

прислал шесть катихизаторов сюда, в субботу 28 апреля (10 мая). Я стал отсылать их на место, — заупрямились, вызвал Савабе и оставил его за непослушание и приведенье в расстройство всей своей Церкви, от заведывания дзе-я-сиу кёоквай. 1 (13) мая отправился на его место — временно — о. Павел Ниицума с Василием Мацуи из Семинарии. Так как разом лишиться шести катихизаторов неудобно, то употребил все меры убеждения отправить их на место службы.

— Как к стене горох.— Сказал, что если сегодня не уйдут, на место службы, то вычеркну из списка катихизаторов.— Спасибо, хоть еще пока есть надежда. В восемь часов вечера приходил один просить отсрочить еще на день, — дать им посоветаться.

Печально так было сегодня, как редко бывает. Что за мерзость и бессовестность в записке, для представления которой пришли сии шесть человек.

В несчастьи и капля утешения дорога. Так дороги были слова Иоанна Судзуки, ученика о. Павла Ниицума, мне сегодня. «Не печальтесь очень, пройдет это», — сказал он, — и эти простые слова показались мне светлым облачком среди тьмы! — О, Боже! Ведь Ты же и японцев должен спасти! Не напрасно же мы здесь по Твоей мысли и велению! Ужели же нет нам утешения? Или мы не так действуем? Но Ты же видишь, что мы не попираем все, что есть у нас! Так научи же и направь, если мы не так делаем! Или избавь от отчаяния! За тебя же все! Коли мы лучше не умеем, за что же японцам-то терять спасение? Для них помощи!

В десять часов вечера.

Все зависит от того, как смотреть на мир. Люди ругаются, люди лаются — так из-за этого печалиться? Люди бросают камнями; так дать им попадать в себя, ранить, падать? Ни-ни! Унизительно, недостойно миссионера, долженствующего не забывать, что он стоит среди грязи. Итак — бодрость и — ясный взгляд вперед!

5 / 17 мая 1884. Суббота

Настоящая неурядица (Савабе запрещен из-за неподчинения и за то, что возмущил катихизаторов, шесть катихизаторов отставлены по упорству в неповиновении — идти на место службы) будет полезна в том отношении, что она начнет ряд моих посланий к Церкви: на будущей неделе пойдет послание — чтобы береглись немиролюбцев; дальше — чтобы катихизаторы не обращали внимания на католиков и протестантов и не смущались ими; дальше, что мы призваны проповедывать Слово Божие, а не физику, историю и тому подобное.

Впрочем, нужно постараться учредить трехлетний катихизаторский класс, не столько для наук, сколько для того, чтобы больше дисциплинировать приготавливаемых в катихизаторы. А науки — куда им справиться

со всем, поступая в школу в зрелом возрасте! Уж пусть Семинария дает науку на послуги Церкви.

Боже, что за ничтожество человек! Ничего он не может сделать своими силами! Двадцать лет я возился с Савабе, кажись бы уже – как не научить! И вот – одно мгновение и как ветром прах – все рассеяно! Нечего уж удивляться, что катихизаторы – мои ученики – мне изменяют. А с христианами – где мне столковаться! Сегодня пришел один – Симеон какой-то, старик, сицудзи из Маебаси; так как я начал, было, толковать с ним, то и увидел, что нужно только рукой махнуть и предоставить и его, и всех – Воле Божией. Уж если – истощил все резоны и все сердце – Савабе и катихизаторов – привыкших понимать меня, не мог ни в чем убедить, то, – где других! Пусть как Богу угодно! А нам – только смириться, видя свое ничтожество абсолютное!

Сейчас (три часа пополудни) о. Павел Ниицума из Маебаси прислал телеграмму просить – антиминос и просфор, чтобы завтра отслужить обедню. Послал с диаконом Романом. – О. Ниицума – этот не робеет – бодро делает дело, на которое послан. Если Бог даст ему умирить Церковь, бывшую – Савабе, то это будет верный знак, что благодать Божия с ним.

6 / 18 мая 1884. Воскресенье

Служил в Коодзимаци, что за благоустройство в Церкви! – После – в посольстве – молебен по случаю совершеннолетия наследника.

Из Асикага пишут, что о. Павла Ниицума не примут.

Если этак со многих Церквей, то уеду, несомненно. Двадцать пять лет полагал служить Японии, отправляясь сюда. Не приближается ли срок? Но не так хотелось бы уехать, чтобы следа не было – не для себя – плевать на «я», которое есть для меня ненавистный предмет в мире, – а для Церкви и дела Божия. Ужели при всех надеждах жизнь так-таки и выйдет бесплодна! Тогда плевать же и на жизнь!.. Что может быть печальней сего слова! Но я не знаю печалей больших тех, которые терзают меня в последнее время!

7 / 19 мая 1884. Понедельник

Никогда не было так тяжело, как сегодня. Церковь отделится, в Oriental Bank'е девять с половиной тысяч долларов лопнуло. Что за несчастье! Главное – опереться не на кого. Анатолий, точно разобранная хата; притом явно клонит на сторону врагов. Сегодня говорит: «Написать бы в Сиюя, чтоб прислали кого рассудить здесь». Это архиерея-то с мятежным потом судить! Да где же это видано? И как это в голову ему взбрело? «Советую им уяснить, чего они хотят», говорит, то есть хочет склонить

их и дать им систему. В Сиюя на месте подавить мятежников. Хотя куда! Никого я не боюсь, кроме Бога и своей совести, которая во всем за меня. Только вся эта мерзостная история такую боль, такую боль причиняет, что на свет не смотрел бы! Ужели долго это продолжится?

8 / 20 мая 1884. Вторник

Никогда ни единым словом не останавливать, как доселе делал, Анатолия от уезда совсем из Японии. Этот человек больше вреден, чем полезен для Миссии: изменился до последней степени, слаб — японцы — враги Церкви, вертят им, и ни слова здравого совета от него, ни искры сочувствия, — гниль и вонь, больше ничего от сего человека; так пусть едет, как сам желает; содействовать уезду — ни на волос, останавливать — тем меньше.

9 / 21 мая 1884. Среда. Именины

Вчера сам отслужил всенощную, сегодня обедню — с половины шестого, так что классам не помешало. Певчие пришли почти сначала. Поздравляли ученики, но дал полторы сны только тайгакко. Обедали вчетвером: я, о. Анатолий, о. Георгий и Львовский.

О. Павел Ницума пишет, что его не приняли в Никкава, Сиозава, Асикага, Сано; в первом месте чуть не побили, во втором — молча не приняли, в третьем — никто, в четвертом — П. Хосооа спрятался. Школа ему! Слава Богу — не унывает.

Тит Хангивара пришел спросить, что все это значит и чему следовать? Он хочет держаться Церкви и потому возмутителям не подчинился, молвя, — если выбирать между Епископом и Савабе, то он на первой стороне. — Значит, где горе, там и утешение. Это, верно, Святитель Николай послал для праздника.

10 / 22 мая 1884. Четверг

Письмо окружное о немирцах и удалении от них что-то нейдет с рук. Уж не знак ли, что не нужно, не Воля Божия. Подожду. В самом деле, это было бы резкое разграничение и уже почти раскол.

Анатолий по слабости — мутит; был у Савабе — что вам нужно, мол? Тот с удовольствием принял его желание поговорить с немирцами и обещал собрать их. Еще бы! Похоже на <...>ра. Впрочем, и Савабе как единственное желание высказывает, чтобы катихизаторская школа была преобразована, и в Тоокео большое место для проповеди открыть, хотя это — старые предметы, обещать, значит уступить. Победу будут праздновать. — Дать волю — сочинять проекты, но, в конце концов, и нельзя будет, хоть вы желали, осуществить, — ибо в окружном письме

объявлено, если христиане не станут содержать катехизаторов, то Катехизаторская школа невозможна. Едва ли примут многих катехизаторов на содержание Церквей — стало быть, Катехизаторская школа ныне будет закрыта.— А хотят преобразовать — пусть на свой счет. Посмотрим, далеко ли уедут.

31 мая / 12 июня 1884

Бог сильнее, чем мы думаем, мы слабее, чем мы думаем. Не можем мы изменить человека, а как он сотворен Богом, так и стоит пред Ним; мы разве — жнем, над чем не трудились (Иоанн 4, 38), — и как досадуем, если не захватываем, что думали захватить в горсть! Но справедливо ли! Впустую себя мучаем. Вспомни Хора, Мори и прочих. То же будет и с Яцуки, Я. Ооцуки и прочими. А мы — должны светить, хотя и трудно иногда огонь извлекать из себя. Э-эх! Вообрази толпу везде, во всяком месте и во всякое время, — как ты ничтожен всегда и везде. А пред Богом ты можешь быть всем, или мал; пред людьми же всегда ничтожен.— Из-за чего же возмущаться? Не должно ли ровно идти определенным путем!

3 / 15 июня 1884. Воскресенье. Неделя всех Святых

Твердо пускай будет! Если Павел Савабе искренне не раскается и не даст крепкого слова вперед так не безобразить, то на Соборе — его нет; на службе в будущем году — нет! Гордость и противление не должны ложиться в основу Церкви! Пройдет год-два — Савабе покается! А нет — его воля! Церковь может быть и без него, потому что Церковь не на Савабе, а на Христе!

Выбывших недавно противников на службу ни за что, никак, ни под каким видом не принимать, потому что они с Савабе во главе испорчены протестантством — эти уличные проповеди толпы, давно уже всосавшееся в них — протестантство. Странно, что доселе мне не пришло на мысль — погнать их. Но теперь уж никак не поддаваться на их просьбы — имеющие, конечно, последовать — принять их опять.

Но — олимпийское спокойствие во всем! Иначе — беда будет! Кажется, привык уже к спокойствию, почти истовому бесчувствию, — ужели прорвусь! Бесконечную глупостью и злом было бы?

4 / 16 июня 1884. Понедельник

Чего же, однако, сробел. Ведь от меня же все зависит. Эти люди, собравшиеся вокруг меня, ведь все же они имеют свои идеалы, — и все

это возложено на тебя же! Э-эх, стыдно терять их; а я почти совсем потерял; и с потерей же духа — все потеряно. Все это волнение кругом ведь именно потому, что представляют тебя слабым. Так сдаться же на все, но что хоть на волне лет. Причина сдаться! Самолюбие — ведь это ветхий человек, которого следовало забыть в России,— не его я привез сюда проповедовать, он контрабандой здесь,— не иметь же его, как сокровище, а расточать и бросать везде, где можно.— Эх, спутаемся, наконец, совсем — чему следовать, что бросать — не разберешь.

11 / 23 июня 1884. Понедельник

В речи к собравшимся внизу должно быть следующее: «Я сюда привез не самолюбие проповедывать, а истину Христову. Оскорбите мое самолюбие как угодно, я противиться не буду. Доказательство налицо: я не обиделся, когда ученики пришли ко мне учить меня управлять Церковью, я отвечал им, между тем, как это — неслыханная дерзость! Равно — скажи мне малое дитя что-либо дельное и полезное для Церкви, приму; но — требуйте что-либо,— по-моему, бесполезное для Церкви — не приму,— ибо мне вверена Церковь. Можете удалить меня из Японии, можете убить, но пока я здесь Епископ — для пользы Церкви и не подчинюсь никакому насилию».

Для сокращения расходов икон — после Благовещения — остановить производство. Но закрыть ли Хакодатскую школу?

После Собора оставить Нумабе секретарем, но сделать из него еще учителя, то есть читать письма самому под его руководством.

Савабе может также отсутствовать из деятельности Церкви, ибо отсутствуют все, находящиеся в отлучке или же умершие (для Собора).

С Анатолием водиться, что в крапиву ер садиться,— непременно обстреляешься,— хоть и облегчишься в некотором смысле.

12 / 24 июня 1884. Вторник

В речи: Я рассердился на шесть катихизаторов? Но как же иначе? Спаситель даже и муци употребил, когда должно, показав этим нам, что есть место для сильной строгости и гнева.

13 / 25 июня 1884. Среда

Стараться, как можно, обойтись кротостью с врагами Церкви на Соборе,— и тогда они, несомненно, будут побеждены. Насчет Савабе прямо заявить, что я готов обнять его, лишь бы он «сознался в проступке и пообещался не повторять его»,— насчет других — что я не знаю, из-за чего мечутся? Вскую шатаешься!

Ужели эта <...> на дьявола меня победить гневом моим? Господи, помоги, потому что прямо видно — дело дьявола — а с ним мы слабы бороться — Ты, Господи, Сам помоги и укрепи на бронь!

14 / 26 июня 1884. Четверг

(К речи, при объяснении внизу). Вы все — мои дети. Смотрите на слова мои не как на отчет пред вами, а как на слова научения вам. Вам было бы худо, если бы я потерял власть и авторитет отца,— тогда вы были бы овцы без пастыря. Но... успокойтесь, я не чувствую себя в положении обвиняемого, а в положении — вразумляющего заблуждших и предупреждающего других от заблуждения.

(Однако же и беспокоит меня еще эта неурядица в Церкви, поднятая, видимо, работой дьявола! Ни о чем другом не думается. Чрез это-то познается сокровище «мира», данное Спасителем).

16 / 28 июня 1884. Суббота

Если Савабе будут просить христиане к себе, сказать: «Упросите о. Павла обещаться слушаться вперед Епископа, а также ничего по Церкви не предпринимать без моего ведома, тогда я с охотою соглашусь на вашу просьбу».

Странно: еще нет пятидесяти лет, а считаешь себя каким-то отпетым, совсем бесполезным в жизни,— в тягость себе и другим. Да и не теперь это, а давно уже, еще когда пять лет тому назад был в Петербурге, и прежде того — я ощущал это. Что это? Ужель многие так? Не все же, конечно,— но ужель многие? Или я хуже всех и взаправду,— урод какой-то? Если урод, то значит я не виноват. Если не урод — тоже,— стало-натурально человеку чувствовать себя ничтожеством и лишним в мире. Но так ли по совести? Не понимаю! На совести нет ничего особенно преступного, но скверно на душе,— жить не хочется! Что за чепуха! Что за мерзость от жизни? И для чего я родился? Но ведь так и все спростят! Что за ирония! И что за не вылазный круг! Точно белка в колесе!

А все это значит,— что не следует горячиться и по поводу нынешней неурядицы в Церкви, а махнуть рукой и спокойно делать что нужно по обстоятельствам. Сердце же не прикладывать — сердце устранить, иначе непременно выйдет, что рассердишься и напортишь все. И так — быть бездушным или равнодушным; зевком отвечать на гнев и горяченье с той стороны.— А какие мерзавцы. Школы возмущают, христиан всей Японии хотят смутить! Невольно кровь возмутится при виде этой мерзости. Но укроти меня, Боже!

Анатолий располагает чрез два года проситься в отпуск о совсем отсюда. Не писать о нем — ни слова, ни слова, ни слова — никому; не

удерживать ни намеком; пусть уходит, коли хочет; дрянь с рук! Нравственная кляча какая-то. Ужель все славяне таковы? А он — румын, не русский.— Брат его, вероятно, останется по связи с Японией чрез женитьбу; пусть не захочет, не упрашивать ни словом.

Господи, следующие три недели важны — пока Собор окончится! Дай мне, Господи, удержать язык свой от зла! Дай, Господи, не сказать ничего гневного, неблагоприятного, лишнего! Не дай, Господи, подать повод врагам основаться на небе!

Положиться же наконец на Ниицума. Бог, видимо, готовит в нем орудие для себя здесь. Если есть Савабе, Анатолий и прочие, то есть же Ниицума, ревнитель пылкий, самоотверженный.

Да разве Христос обещал нам что-либо другое, кроме Креста в сей жизни! Итак — что же смущаться и робеть! Робеют больше всего моей гневливости. Боже, воздержи меня от нее! А как я слаб сим пороком! Без волнения не могу видеть и говорить с «немирными»; даже ученики Семинарии, вроде Кониси, мутят меня до отвращения — говорить и то волнения — иметь какое дело с ними! — Боже, дай мне равнодушие и хладнокровие!

Всегда доселе больше всего беспокоила и беспокоит меня гневливость моя,— вот самый страшный вред мой и Церкви! Во мне он сидит — этот враг мой и Церкви! Боже, дай мне победить его! Без Божией помощи ничего не могу поделывать! Еще и в прошлом году страшил меня сей враг. А ныне, если не воздержаться, что будет? Боже, обереги! Надену на себя образок — чувственно имеющий напоминать от удержания языка от зла и сердце от волнений гнева.

17 / 29 июня 1884. Воскресенье

Утром Анна принесла письмо в Женскую школу — возмутительное — от безымянного из теперешних врагов Церкви; советуют бежать из школы, чтобы-де избежать — бляда — кто заявит-де, что хотят скорей замуж.— Экие мерзавцы!

На Соборе в первый день речь: все идет вперед. Только одна Церковь отстала. Причина — священник — дурно управлял катихизаторами,— и не захотел исправить свою ошибку, когда ему Епископ заметил о ней. Так один человек иногда,— расстроившись внутри, может большой вред сделать. Это истинно печальней, чем умереть. Каждый год по причине смерти мы не видели между собою одного из наших сотрудников; теперь тоже не видим; еще больше вреда, чем от смерти. Но будем надеяться, что с Божьей помощью наш больной поправится. А теперь возьмем себе урок — что смирение должно полагать в основание Церкви. Наш брат, быть может, потому, что он древнейший христианин здесь, уклонился

от сего правила.— Потому враг и попутал его. Будем помнить страшный пример Иуды и будем слушаться, и тем не отлучать себя от благодати Божьей.

На второй день, когда будет уясняемо, кто служит Церкви, прямо сказать, что вот теперь больше десяти катихизаторов нет из прежних — именно по самоволию, потому — пусть дают обещание служить Церкви только те, кто имеет в виду год служить, не уклоняясь на своем месте и прямо исполняя свои обязанности. Лучше теперь отказаться, чем потом уклоняться от службы и смущать других и подвергать себя большому ответу и пред Богом, и пред людьми.

Насчет речи на Соборе нужно будет посоветоваться с о. Ниицума и Огоем.

Сегодня из Асикага покорное письмо. Да не западня ли для о. Ниицума? Печатей нет.

20 июня / 2 июля 1884. Среда

(Был экзамен в Женской школе — прескучившая материя,— все молча, пиша,— до тошноты скучно!)

Вчера был первый экзамен в Семинарии. Завтра, 3-го числа,— будет второй и последний, а 4-го — в Женской школе — последний.

Из нынешней неурядицы в Семинарии должно выйти то благо, что Семинария должна быть построена и сделаться почти закрытым заведением, чтобы предохранить учеников от растления, вроде нынешнего, от Савабе отца и сына. О. Владимиру написать о сем и просить, чтобы достал средств на построение Семинарии.

Держался спокойно, со властью пред временем Собора и на Соборе. В этом — польза Церкви. Показать — скуку, или гнев, или унылость, подумают, что неуверен в правоте своего пути, и внутри расстройство последует.

С Савабе не заигрывать до Собора и не говорить о нем; захочет служить Церкви, пусть покается, а нет — пусть не служит, и значит как будто его нет вовсе; его единомышленников тоже.

В будущем году на экзамен в Женскую школу непременно запастись в карман газету, чтобы избежать эту омерзительную скуку, какую сегодня чувствовал везде день при молчаливом испытании. И так часто [?] нет; хоть бы расположили молчаливые экзамены вперемежку с устными! В будущем году надоумить Аоку. А для молчаливых все-таки в кармане газету иметь.

Во время Собора пусть непрерывно предносится пред моим умственным взором Святой Апостол Павел. Чтобы он сделал? Пусть мыслится о

сем и пусть подражается ему, ...а Господь да поможет в сем. Особенно пусть помнят первые главы Первого Послания к Коринфянам.

22 июня / 4 июля 1884. Пятница

Женская школа и прочие не нужны? Но денег для другого не прибавится,— как если обрубить руки, не прибавится силы у груди.

(В речи катихизаторам) Все вы, когда выходите из школы — ревностны. Отчего? Благодать, призываемая вашим желанием, возбуждает вас и дает огонь; кроме того, смирение еще есть у вас, которое и не мешает действовать благодати. Что же, значит, что послужа вы слабеете? Дух угасили, обленились, а иногда и возгордились,— благодать и оставила вас. «Духа не угашаете»,— вот средство, ревность не ослабляете. Скажете — трудно? А вы хотите только легкого труда, хотите пряников всегда по-детски,— не хотите возрастной пищи, хотите широкого пути,— а указываемый Спасителем узкий путь вам не по вкусу,— а крест нести и за Спасителем идти не правится. Если окончательно так, то лучше не служить. Но ведь не так? А просто слабость? И подумайте какой труд-то именно — самый не трудный на свете; всегда одно и тоже говорить надоедает, но разве надоедает матери всегда одинаково кормить детей или учителю? Что ж, иногда и почувствовать усталость, то средство здесь же около тебя,— помолись, мысленно призови помощь Благодати,— и бодрость с тобой. Вы видали ли, чтобы я без улыбки входил в класс, или на кафедру? А разве мне тоже не надоедает всегда одно и тоже? Так на что же молитва. «Проси и дается, толкни и отверзется», разве пустые слова? Что ж не бросите. Что не употребляете силы, которые с вами и при вас? — Немаловажным побуждением внеим, но очень похерится и поклонится, будет, и кеокиухоо,— о, как оно закрепит связи между проповедниками и христианами? Посмотрите, и теперь, где питают, там так сживаются, что опять тех же просят. А дурных и ленивых — тогда совсем не будет.— Что до учености, то не придаст она силы, а уменьшит, ибо развлечет, оттянет много мыслей, сердца — на предметы мирские.— Потому-то и были Апостолы неученые, что ученость совсем не нужна для успеха проповеди. Кому нужна вера, тот возьмет от вас веру и не станет требовать науки, зная, что для этого, есть другие источники; и вы, преподавая одну веру, будете сильнее, сосредоточеннее, сердечнее. Между Апостолами один Павел был учен, и того назвали сумасшедшим за ученость. Невелика корысть! И недаром это написано, а в поучение нам.— Но Апостолы были облагодатствованы? Итак будьте и вы! Благодать открыта и для вас.— Вам нужно только яснее усвоить вероучение,— нужно также знать отличие и превосходство Православия пред инославием,— «нужно знать дать ответ освоив его»,— иногда обижают вас, видно.— Вот для этого-то только и полезно увеличить время пребывания в Катихизаторской

школе. Сделаем это; увеличим на год; пусть будет следующий курс — два года в школе. Что преподавать, предоставьте нам. (Речь этого содержания держать и на Соборе — напечатать потом и рассылать ее в виде письма.)

23 июня / 5 июля 1884. Суббота

Однако самое лучшее средство — благополучно провести Собор, посмотреть на этот Собор, как на все доселе бывшее. И чего я волнуюсь? Все обстоит благополучно и идет, как должно; стало быть — мирна и вяла должна быть речь первая, и вяло идти же потом — обычна ведь с японцами вялость! Потом — даром пропадает вялость и медленнее, скорее достигнуть цели.

Именно на Соборе — все совершенно по-старому! Только последнюю речь можно сказать поживей и серьезней. Только Савабе — «беречь» даст Бог, пригодится для «кеокиухоо».

Одиннадцать ночи. Сейчас только ушел Иоанн Овата, прощавшийся пред отправлением домой к больной матери. Второй раз уже предупреждает насчет Собора — «чтобы не произошло что нехорошее на нем». — Что же? «Кемпакусе» много будет, и свое «я» выставяющие будут стараться замутить. — Тебе осторожным нужно быть. — А это опять же вести Собор по доселе набитой колее и смотреть, чтобы не втерлись в него враги, которых нельзя допустить говорить в Церкви.

26 июня / 8 июля 1884. Вторник

Не имеют к чему придраться, так говорят — «Епископ русский — не знает наших обычаев». (Это о человеке-то двадцать пять лет жившем в Японии!) Так покажите же, в чем это незнание и какой вред оно принесло?

Слава Богу и хвала Ангелу-Хранителю за все! Приписка 9 (21) сентября 1884.

9 / 21 сентября. воззв. к бонз

Бонзам, наподобие сегодняшнего письменного возразителя:

Вы набрали полные карманы камешков и побрякушек и с пренебрежением смотрите на золото: «У нас-де — полные карманы». Да выгрузитесь, освободитесь из-под хлама на время и тогда сравните ваш камень с нашим хлебом жизненным, вашу змею с нашей речью.

...Бог дал человеку легкие и создал воздух, дал глаза и создал предмет зрения, дал разум и велел назвать имена животным, — точно также дал свободу и указал древо познания добра и зла, — без сего последнего человек

также не ощутил бы себя свободным, как без предмета зрения ничего бы не увидел, без земли под ногами — не ходил бы и прочее.

12 / 24 сентября 1884

Айайся совсем расползается — в Сейкёо-Симпо никто не хочет писать — раз ждут денежной награды (как можно заключить из слов Оогое); хотя все обеспечены содержанием, — а Сейкео-Симпо приносит двести ен убытку — значит — «Церковь убыточна сколько угодно — нам дела нет, хоть мы сыты по горло от той же Церкви». Другой раз, — все не терпят Хорие, начальника айайся, действительно нестерпимого по гневливости и гордости, даже Оогоя — и тот, по-видимому, совсем потерял терпение и просит освобождения от службы в редакции. Третий раз — не выдерживают японцы постоянства в работе — слишком изменчивы и поверхностны.

Сегодня — хоть закрывай газету, — статей наполовину нет помещать в следующем номере. Одно средство есть помочь — улещивать, ублажать, гладить по головке. Хорошо и на вашем инструменте суметь ладно поиграть.

23 сентября / 5 октября 1884. Воскресенье

Тихай — мономан гаммы, простой гаммы вверх и вниз. Даже уж и спевки почти совсем перестал делать, а протянуть гамму — четверть часа или больше — и домой. — Нет ничего хуже человека гордого и в то же время тупого! Сколько я бился с ним, убеждая учить пению как следует, — но скорей можно научить железо понимать человеческую речь, чем его — понять речь здравого смысла. Оттого у нас после десяти лет пения певчие на простом «Господи, помилуй» разнят. Вот мучение-то с такими олухами! Когда уедет, как я счастлив буду! Хотя, конечно, ни словом не буду способствовать его уезду. Господь с ним, пусть живет; все же что-нибудь есть (хоть как уж надобно-то что есть, — вечно одно и тоже самое простое!). Но зато — ни удерживать его, ни тем более после хлопотать о наградах ему — слуга покорный. Награждать его, или брата его — Анатолия — за лень, апатию, за внесение немира в Миссию, за дурной пример, — за весь этот вред, который они, при малой службе, наносят Миссии, — грехом было бы! — Тихай не только сам не поет и не учит, а испортил вконец и Львовского, который тоже уже и лыка не вяжет по ленности, — даже старое забывают у него.

Мерзавцы! — Диакон Крыжановский точно увез с собою хорошее, оживленное пение.

Что за мучение жить с подобными людьми, как Тихай, Анатолий и Львовский! Полны способностей — как прекрасно могли бы служить, и

почти ничего не делают! Боже, дай терпение и пошли усердных служителей делу Твоему здесь!

26 сентября / 8 октября 1884. Среда

Я лично сержусь именно в то время, когда не пишу о России и не думаю о ней или вообще не имею какого-нибудь постороннего дела. Свободная мысль всею тяжестью падает на обыденные дела, концентрируется, застаивается. Ибо с японцами далеко не уйдешь, ну и мутится, — отсюда потоки бурных речей и гневных вспышек по поводу постройки, как вчера по поводу дела Ольги Евфимовны, которое подрядились в сорок дней, а теперь уже девяносто, и еще — девяносто пройдет пока кончат. В виде Фонтанеля. (Что за безобразие! А что поделаешь с японцами, когда нигде и ни в чем с ними нельзя дела делать быстро, точно, словом — как следует!) Нужно всегда хоть корреспонденцией с Россией заниматься, — все же лишняя мысль и работа уйдет туда, а не будет здесь и мне портить кровь, а японцам мешать идти их скверным черепашым и вечно уклоняющимся в стороны путем. — Сколько пришлось в последнее время сердиться по поводу школ, учителей, учеников, построек! А нужно помнить еще, что есть [?] преть — мерзейшая, доселе бывшая роковою, преть, — нужно особенно беречься от вспышек и ограждать себя крестом, который и носить для того на груди — мой спасительный деревянный крест.

Мы тогда успокаиваемся, когда находим начала и становимся на них твердою ногою: значит, мол, «Божья Воля», или — «не переделать нам, — к чему же и волноваться?» Только нужно, чтобы начала были неложны, чтобы не надували мы себя. Что до моих теперешних обстоятельств, то — действительно, не переделать мне японцев, чтобы были они благородны душой (а не подлы, как Савабе, его сын и futti quanti), исполнительны, честны и прочее. Стало быть, вообще, я от гнева честно могу воздержаться, не говоря уже о том, что гнев — грех сам по себе; стать могу твердо. Дай Бог устоять!

29 сентября / 11 октября 1884. Суббота

Вчера Давыдов говорил, что слышал от французского посланника: «Католические миссионеры де отзываются, что с смертью вашей Церкви здесь разрушатся, — и теперь уже есть разделение, да сдерживаются». — Но, во-первых, я еще не завтра, по-видимому, помру, во-вторых, Церковь здесь православная, стало быть, Христос сам ее хранит; в-третьих, в самом деле, нужно подумать о прочном устройстве порядка церковного.

Авось — Бог не выдаст, свинья не съест, и католические миссионеры напрасно прождут случая воспользоваться обломками Православной Церкви здесь!

Вчера говорил Давыдову, чтобы он дал мне случай познакомиться со здешними министрами и прочими.

Как начинать речь к неверующим? Хоть следующим образом. Представьте, что за дверьми этого дома вас ждет одно из трех: или вы убиты будете при выходе, или взяты в тяжелый плен, или приняты в светлое царство. Вы не знаете что же именно? Но знаете, что из этого дома вам выйти неизбежно. Не будет ли не благоразумием, если вы беспечно направляетесь к двери, не думая и не исследуя. Или вы уверены, что непременно будете убиты. Но на чем же основана эта уверенность? Не нужно ли проверить, прочна ли основана? Спросите у людей. Гул всех веков и народов — против нас. Стало быть, нужна проверка, и — нет нужды важнее этого нужно, — особенно для руководящих.

30 сентября / 12 октября 1884. Воскресенье

В один час дня, когда сомнение в прибытии Ольги Ефимовны не переставало грызть меня (хотя наружно оно никому не было видно во все время), пришла телеграмма из Нагасаки от Костылева, гласящая: «Путятинна сегодня вечером на Хиросимамору выйдет» (из Нагасаки).

Слава Богу! На душе легко! Дай Бог, чтобы чрез нее здесь устроилось спасение императрицы и потом многих!

1 / 13 октября 1884. К <...> (сношение)

Какая это Немизида вечно сторожит род людской и не дает никому проглотить ни одного сладкого куска, — без того, чтобы не поперхнуться? Ни одной радости нет на земле, которая не была бы тотчас же отравлена. — Обрадовался было я приезду Ольги Ефимовны Путятинной — а сегодня Ирина Ямасита пришла проситься вон из Миссии, мол, «плохо знаю живопись, нужно учиться», — и собралась учиться гравированью на меди, стало быть — прощай навеки! С этим капризным олухом ничего не поделаешь! Я и уговаривать не стал; поручил Анне, — как к стене горох. Итак, живописица потеряна для Миссии, — и это совершенно отравило мне радость ожидания Путятинной! Да и что! Не нужно ждать никакой радости на земле; придет она, — закрывать для нее сердце, зная, что коли это забудет сделать — злая Немизида тотчас тебе по лбу. Ну вас к лешему — все земные радости и горя! Быть равнодушным ко всему, и баста! — Только выдержит ли эта философия! Эх, дрянь — человек! Скоро ль умереть?

2 / 14 октября 1884. Вторник

Мы, когда мечтаем о деле, то оно нам нравится, а примемся — прескучно. И это естественно: в думах нам представляется дело целостным, с его успехом, благими результатами и прочими благами; а станем делать, то нужно по капле — процесс надоедливый, ну скучно. — Душа нас не обманывает; когда кончим дело, тогда получим удовольствие, о котором мечтали, но изволь-ка добраться до него! Торопливость мечты тут скорее вредна, чем полезна, — когда она покажет нам радужные крылья, тогда ползет червем уже и не в мочь — ну и бросаем часто — и скверно делаем!

5 / 17 октября 1884. Пятница

Ольга Ефимовна Пугатина приехала; из Порт-Саида шла на «России» Добровольного Флота. Прибыла, по-видимому, здоровую. Сегодня в двенадцатом часу дня встретили ее в Миссии и отслужили благодарственный молебен. С нею прибыла сестра Милосердия Марья Клементьевна. — Дай Бог, Ольге Ефимовне сослужить добрую службу Церкви Божией здесь! Очень рады мы все были ее приезду. О. Анатолий с судна проводил ее в Миссию; мать Женской школы, с Анной во главе, встретили ее на станции железной дороги, здесь — все ученицы и ученики ожидали и прекрасно пропели по-японски молебен. Из Посольства были за нею карета на станции, и секретарь (Ал. Ник. Шпейр) с женой тоже были на станции встретить, — а потом приезжали с визитом к ней. Сегодня же Rev Lloid с женой посетили ее, был случайно у меня. — Дай Бог, дай Бог ей послужить делу Миссии здесь с успехом!

11 / 23 октября 1884. Четверг

Когда неприятель нападает нечаянно сзади и поражает оглушительным ударом, тогда человек не может не *efartle*, так моя вера со мной; разом почувствовал нестерпимую и неунимающуюся боль в правом боку. Ночью от спокойного лежания боль уменьшилась, а утром с шести часов возобновилась с такой силой, что я готов был на стену лезть. Послал за доктором Сасаки; пришел ученик — и, по-видимому, не поняв в чем дело, посоветовал одного — спокойно лежать. Я лег, потому что после ничего и предпринять нельзя было. — Боль успокоилась, и, когда пришел Сасаки, я почти не чувствовал себя больным. — Сасаки успокоил насчет того, что это не заворот кишки или что-либо в этом роде серьезное, а просто засорение слепой кишки; велел день лежать, принимая касторку и легкую пищу. День весь пролежал до головной боли, и вот теперь пишу

успокоенный, что еще до смерти можно будет закончить перевод псалмов.

Ольге Ефимовне, бывшей сегодня у меня три раза, нужно серьезно поговорить по-братски, не слечь ныне мне в постель. Больше ничего еще не нужно.

3 / 15 декабря 1884

Славны бубны за горами! Ольга Ефимовна, приехавши служить делу Божию здесь, и не говорит о деле Божиим здесь, а все о родных, о доме и разных других предметах. Впрочем, и может ли хоть немного служить? Больна и чахоткой, и водяной, и позвоночным хребтом. Лежит теперь в постели по случаю неприготовленности еще ее дома здесь.— Эх-ма! К Царству-то Небесному она, несомненно, готова; но готова ли здесь на какую-либо службу, Бог весть! [Будет] ли и от нее, как от других, не один убыток Миссии!

О. Гедеон, если приедет, то дать ему нужно помочь несколько месяцев, чтобы несколько научиться языку, научиться служить по-японски, узнать церковные дела юга и чтобы мне узнать его, затем его немедленно в Оосака и навсегда, если он способен! Но не торопиться отправить его и не торопиться насчет его, а узнавать его прежде всего.

О. же Владимир, по-видимому, неисправим во лжи и своенравности — упорстве. Так и обращаться с ним.

15 / 27 декабря 1884. Суббота

О. Гедеон приедет; но не целомудренным, а с похотью на мирское. Бог с ним! Предоставить ему писать сочинение на степень. Пусть здесь живет и преподает в Семинарии; тем временем о. Владимир будет иметь больше времени заняться японским языком и, может быть, поставлен на церковную кафедру.

С Нового года заняться знаками; вставать в три часа ежедневно. Иметь в виду семь лет и с 1892 года быть готовым по богослужению.

16 / 28 декабря 1884

Есть судья — Иоанн Исида, доселе бывший в Исиномаки, теперь переведенный в Хиросима. Из благочестия даже вино пить и табак курить перестал, как сегодня слышал от Нумабе. Посмотрим, продержится ли. Очень они ненадежны — эти благочестивые чиновники, — тотчас в кругу своей братии прелюбодеев мира теряют свой дух, как например, бывший начальник тюрьмы — Стефан Савабе, теперь обратившийся опять в язычника, а прежде казавшийся таким усердным.— Дай Бог, Иоанну

Исида устоять против мира и диавола! В Исиномаки он очень способствовал поднятию Церкви, — Дай Бог тоже в Хиросима!

Сегодня было поставлено во диакона для Коодзимаца Симеона Юкава и посвящение в стихарей Василия Токеда и Иоанна Судзуки — чтецов Церкви в Коодзимаца. О. Павел Ниицума говорил здесь проповедь: плохо, — много огня, но слишком много повторений, водянистости, плохих оборотов, вроде: «кейтейраомобё», — а что «омобё», об этом он, подумавши, скажет.

Положено сегодня (в разговоре с Мидзуно) восстановить учрежденные в прошлом году собрания священников и катихизаторов у меня два раза в неделю, — для поднятия годности в приходе о. Сато.

19 / 31 декабря 1884

Присмотреться к о. Гедеону, и, если покажется достойным, предложить ему великую службу: теперь Япония видит, что ей не избежать христианства; но какое? Три их! Пусть же о. Гедеон возьмет на себя доказать, что Православие должна принять Япония. Семь лет для этого, — есть время изучить язык и написать сильнейшие сочинения о сем. Затем принято будет Православие — заслуга о. Гедеона, не принято — не вина Русской Миссии, с ее стороны сделано будет все, — специально даже человек будет посвящен для уяснения, что Православие — истина, и его должна взять Япония, но значит для Японии рано возвыситься до сего — не суждено еще то в судьбах Божиих. — Мое дело — перевод Богослужения, о. Владимира — школа, о. Гедеона будет — доказыванье, что Япония должна быть православною. — Сказать это о. Гедеону; но пусть он хранит это в своем сердце и пусть факты являет, что у него на сердце, — пусть разом заговорят — наши с торжеством: «Да, Япония должна быть православною», — язычники с убеждением, инославные со злостью; до того же пусть о. Гедеон молчит и воспитывает силу в средоточенном сердце; а если станет здесь болтать о своем деле, — значит пуст.

1885 год

2 / 14 января 1885. Среда

Леность и гневливость — вот два врага мои и Миссии. Их мне нужно стараться искоренить в текущем году.

Что-то Бог даст в этом году! Денег на храм нет! Пошлет ли Бог? Если да, значит Бог любит Японскую Церковь.

Едут оо. Гедеон и Митрофан. Что за люди? Столько было здесь негодных для Миссии, что радость медлит, боясь обмануться, а равнодушно ожидают.— Между тем, мелькает мысль и о Корее. Сегодня Корейский Ким-е-Кин с тремя человеками свиты был просить за двоих. Эх, если бы о. Митрофану сделаться корейским миссионером, и из прошенных нет — хоть бы одному — добрым помощником ему!

Дело же в Японии по Миссиям идет. Слушая про другие Миссии, иногда дух волнуется, так вчера при рассказе протестантского проповедника Нагасаки о Тоса, что там уже Протестантская Церковь из двенадцати христиан, плакавших при расставании с ним, что в Сайкео — девяносто туземных христиан, но таких усердных, что они на христианское сооружение пожертвовали раз больше тысячи ен, другой — больше двух тысяч ен и прочее. Ужель у нас только христиане больше плохие, сухие, иссохшие, бесплодные, не жертвующие (или, по крайней мере, очень мало)? Эх — что-то Бог даст вперед!

В самом деле, если о. Митрофан окажется серьезным человеком, то иметь для него будущее — сделаться корейским миссионером. Учителя корейского языка достать нетрудно: если не благодаря этому случаю — как с визитом Ким-е-Ким, то из Владивостока нужно выписать, даже съездить туда для этого.— Это не забывать и иметь в виду, не говоря на первый раз о. Митрофану, а высматривать, что за человек; и если окажется подходящим — предложить ему и способствовать.

Да благословит Бог это!

11 / 23 января 1885. Пятница

Все чаще и чаще приходит мысль, что, быть может, Япония и действительно еще недостойна истинного христианства. Японцы, особенно высшие, исключительно гонятся за западной цивилизацией, — о вере же у них не видно ни мысли, ни попечения. Вот и теперь, Оояма, военный министр, говорят, из Европы писал, что «в войсках непременно нужно ввести христианство, ибо так-де в Германии — без христианства нельзя управить войском»; но когда вернется сюда, между разными военными преобразованиями, вероятно, начнется и введение христианства, как атрибуты цивилизации войска, как введение одного из военных атрибутов. Конечно, для этого им больше всего годится протестантство. Кстати же тут и протестантских миссионеров — только клич кликни, — сотни, мало — тысячи будут, и на все руки готовы, на все уступки согласны; или японцы надеются принять «цвет» европейцев, как птица — цвет окружающих предметов — то и протестантские миссионеры в свою будут принимать

цвет японцев — что-де угодно. Все же они из высокообразованных стран, пред которыми японцы пресмыкаются, — это ли не христианство! Но — как все это далеко от истинного христианства, которое принимать должно во смирении сердца и для истинно духовных, вечных целей! «Смирение», «духовные цели», «вечное спасенье», — как все это далеко от понятия японских принципалов! Как они слепы и глупы, как недоразвились до этих предметов! В зачаточном состоянии еще они! И им ли православие! И не нужно ни обижаться, ни волноваться, ни досадовать, что не придется видеть введение Православия в Японию, а молиться — тою же моею неизменною молитвой; и — трудиться неустанно: быть может, Господь благословит составить зародыш Православной Церкви в стране, и будет она зерном горчичным, из которого в свое время вырастет дерево. — А между тем на том свете маленькая колония японцев в Царстве Небесном основывается: вот и теперь умер Исаак Ооцуки, в Семинарии, — прежде бывший в Причетнической школе; кладут в гроб, сейчас будет первая панихида; славный, кроткий, добрый юноша, — верится, что Бог предмет его в Горнее Селение! И все какие добрые помирают, точно зрелые колосья срезываются! Виссарион Авона, Николай Такахаси, теперь Ооцуки!

В одиннадцать часов вечера.

Однако же не терять из виду и средства, которые могут быть употреблены для обращения Императора. — Одно из них — употребление в пользу Соесима. Самое первое знакомство мое с ним в Хакодате, в 1871 году, завязало религиозный спор. Он тогда: «хоть в ад, но с Микадо» и прочее. Я резко отвечал ему и этим, кажется, заинтересовал его. Пусть это будет тоном и для дальнейших сношений с ним. — С Микадо он, однако, принужден был разлучиться, как и ныне, — значит [?]рия неудачна. — Его шелковая материя и до сих пор у меня хранится и ждет его крещения. — Ольга Ефимовна Путятина приехала, и дочь его действительно может быть ее ученицей. — Он теперь свободен от государственных дел, как будто Бог блюдет его именно для религиозного дела. — Нет, — ну, вот и забудешься так, как ныне, когда никто не вспоминает его. — Способности у него именно — сильные к религиозному делу, только смирение нужно ему; гордость — его враг, раз она уже преградила его путь; да не заградит она дверь для дальнейшего пути! — Пусть он усвоит веру — именно как веру, для спасения души, а не для государственных целей, которые все — малы и узки в сравнении с целями веры... Пусть поднимается, шире взглянет...

Но прежде чем Соесима обратится, нужно перевести все — нужное о вере в этом отношении, — из здешней библиотеки и из выписанных книг.

А выписать нужно все за прежние, невыписанные годы духовные журналы, специальные полемические книги, сочинения Овербека на английском, о. М. Готье, академические лекции. Кроме переводов, всего годного, — составить записку с краткими доводами. — Именно специалист должен бы быть для этого. Хорошо, если бы о. Гедеон взялся быть таковым.

13 / 25 января 1885. Воскресенье

Приехали: о. Владимир — с окладистой бородой, о. Гедеон — «угрюм», о. Митрофан «зелен». Не успел еще дать себе отчета — благо или нет прибыло, — больно большая сутолока людей была. Могу сказать только, что «не идеально», — как-то больно прозаично и серо. А может это-то и есть предвестие лучшего; потому что по ложке: «чем хуже, тем лучше», как и наоборот.

15 / 27 января 1885. Вторник

У о. Гедеона жизнь побывала на плечах, — и потому он слабей. Блестящего не обещает, по-видимому (дай Бог ошибиться), — но и вреда Миссии не причинит. — Если приживется, несомненно, полезен будет.

О. Митрофан — молод совсем, на жалованье 1500 рублей. Но, кроме преподавания в Семинарии, за то пусть ревностно изучает пение и непременно сделается подрегентом (которым он уже и был в русском хоре). Львовскому так и сказать: «Без этого, мол, и не дам на дорогу в Россию в отпуск, если не поставит вместо себя на клиросе о. Митрофана». А о. Митрофану всячески заповедать — дойти до регентства и принять его от Львовского.

16 / 28 января 1885. Среда

О. Гедеону я за столом сегодня и предложил взять на себя доказать, что из «Православия, Католичества и Протестантства именно первое истинно и должно быть принято Японией». На этом и настаивать, если человек покажет склонность служить Японии христианством. По-видимому, на него надеяться можно, — уже сорок лет, не скороизменчивый возраст, стало, — приехал сюда и говорит искренно. — «Обличение» («Полемику», или еще как, — словом — опровержение католичества и протестантства) или лучше «Уяснение истины» (так как наша главная цель должна быть — не спор с католиками и протестантами, до которых нам никакого дела, поелику они не касаются нас здесь, а объяснение людям истинности своего православия). Должно быть написано о. Гедеоном в разных объемах и видах, — для всех, — и просто, коротко, и обширно, учено, и еще обширней и ученой. К несчастью, перевести прямо —

решительно ничего цельного.— Так пусть составит. Но сначала испытать его, может ли, и в каком духе. Не разом вешаться на шею. Пусть охлаждают меня прежние ошибки с людьми.

О. Владимир и Анатолий, по-видимому, между собою пикируются; для поэзии явно. Пусть. Нужно не обращать на это внимания. Вероятно, вред Церкви не произойдет.

Ной Мурай помирает. Сегодня был у него. Жаль. Усердный служитель Церкви. Таких усердных катехизаторов мало.

18 / 30 января 1885. Пятница

Что бы ни говорили пессимисты и святоши, но сумма добра, сострадания, милосердия, любви на земле увеличивается, стало мир идет не под гору, а в гору. Где же теперь прежнее безжалостное рабство, пытки, муки, продажи людей и прочее? Если пишут в Северо-Германской газете, органе Бисмарка, в пику Англии, что в Австралии существует миллионер, нажившийся ловлею и продажею людей на съедение людоедам, то ведь это единичные факты, в озноб повергающее нынешнее общество при одном слышании. А прежде пытки-то — излюбленное орудие правды — не гораздо ли хуже были? Моментальное страдание или долгое, что же лучше? Любовь, любовь и любовь! Вот главное — и в Законе Божиим, и в мире людей! Буди же!

Приезд оо. Гедеона и Митрофана сдать а архив, и пусть все идет обычной колесей. Много думать нечего. Первый вчера заявил себя нелюдимым и странным, притом же и эгоистом (я ему — о высших целях для него здесь — ответ на вопрос Японии — где истинное христианство? Он — о кандидатстве; да — не люблю, чтобы ко мне ходили; словом, тот же вдовец, попорченный жизнью, и притом очерствелый, — сорок лет уже). Сегодня снес ему крест заграничный, и отныне — ни ногой к нему без дела. Второй — совсем зелен и молод, притом же о. Владимир говорит, что груб, стало нужно далеко с ним держаться. Господь с ними! Не особенно радуют! Впрочем, будущее покажет, насколько они хороши и будут полезны Миссии. Дай Бог, чтобы оказались полезны! Довольно уже Миссия глупо теряла деньги и сердца.

Но однако сделать замечательным хоть тем приезд новых братьев, чтобы прекратить всякое гнилое слово, — да не исходит оно отныне из уст моих — ни наружно, ни внутренно! Помоги, Боже!

Сегодня уехал судья из Исиномаки Иоанн Исидо судьей в Хиросима, очень благочестиво настроен. Вчера поздно вечером (я должен был встать) явился и долго рассказывал о Церкви в Исиномаки. Сам — «для меня главное теперь — распространение веры». — Дал ему крест, книги, все доселе вышедшие. Дай ему, Боже! — Ночевал здесь и сегодня в десятом часу отправился, чтобы в четыре часа сесть на пароход к югу. Обещался ему непременно оставить Спиридона Оосима в Исиномаки, хотя бы даже о. Иоанн Оно поселился там (сей ныне, кажется, без угла).

19 / 31 января 1885. Суббота.

Десять часов вечера

Плох, по началу, о. Гедеон. Сегодня первое богослужение для него здесь, и у него — не говоря уже о религиозности, не хватило любопытства придти сначала и уйти с концом: пришел далеко за началом, ушел — не знаю когда, но во время проповеди и по окончании его не было. — Воображаю себя на его месте по приезде в Японию: да я бы прилип к месту, чтобы все видеть и слышать, и ничто меня не оторвало бы прежде конца его. — Не понимаю, чем может быть занята душа таких людей, как о. Гедеон! Разве уже оглядывается в недоумении, как волк, попавший в овчарню. Так зачем же было и ехать! Господи, скоро ль Ты пошлешь настоящих людей, или хоть бы одного человека? — А о. Гедеона употреблять как заурядного попа — может, этим — своею поповскую опытностию по требам будет полезен, если доживет до знания японского языка в потребных для того размерах. Больше едва ли на что будет годен! Отвечать на вопрос: Японии — «какая вера истинна» — куда ему! Одеревенелость души тотчас видна. Не с такою душою отвечать на подобные вопросы, а с горящею душою любви и ревности!

20 января / 1 февраля 1885. Воскресенье

Церковь — в спокойном состоянии. Возмутителей (Цуда и прочих) совсем не слышно; на Крещение я был у них; хотели, кажется, воспользоваться сим ко злу, но объяснил вопрошавшему катихизатору (Мукояма), что и Христос, побыв у фарисея Симона, не узаконил тем искусство фарисеев и прочее. — Катихизаторы одушевлены; о. П. Сато совсем уволен от школ, чтобы быть исключительно для христиан; катихизаторы же исключительно для вновь слушающих. Во всем у нас лишь — за о. Павлом Ниицума и его Церковью, где все идет превосходно. Бог да укрепит его и вперед. Вся надежда Японской Церкви! В Миссии все тихо. — Вновь приехавшие не в состоянии нарушить течения дела ни в хорошую, ни в дурную сторону: о. Гедеон — нелюдим и молчун, о. Митрофан — юнец,

сегодня чуть не разрыдался, говоря о болезни горла от уколотья костью. С завтра принимаюсь за перевод Елеосвящения. Помоги, Боже!

Я понял, наконец, что должен жить вроде начальника, то есть никогда ни с кем задушевно, ни с кем — раздела мыслей, чувств. И до сих пор я не имел сего. Но питал надежду. Бросить неосуществимое, и притом неважно сие для Миссии. Людям нужны начальники; люди хотят быть под начальством: легче, меньше ответственности, больше места для лени и небрежения; я бы и сам разве не был бы счастлив, если бы вдруг приобрел возможность жить изо дня в день; а заботы о храме, о проповеди предоставить кому другому.

Итак, покориться же наконец разумно и добровольно (хотя и вгоняемый кнутом необходимости в форму) с абсолютным одиночеством! Разве с о. Павлом Ниицума разделять думу, пасколько возможно. Оно и действительно; если я давно раньше пришел к такой же мысли, то может и не было бы неприятностей с предыдущими миссионерами. — А я и доселе все тем же слепцом был; о. Гедеона и Митрофана хотел тоже — братства и дружества — стол вместе предлагал.

О. Владимир надоумил: «Во всех миссиях-де, и в Иерусалимской с Преосвященным Кириллом и прочих, неприятности начинаются за столом; а без общего стола, если и есть что у кого на душе, то переварит по-маленьку», и прочее. Все сущая правда! Господь же с ними со всеми! Даже и о. Анатолий, видимо, желает начальства над собой, а не друга. Пойми я это раньше, не было бы свары у нас с ним, как в старые годы было, и что охладило нас друг к другу, должно — навсегда. Итак печальное одиночество и роль начальника, то есть молчание и всякое равнодушие с сослуживцами, за исключением случаев, когда для пользы Церкви нужно что сказать.

Есть уверенность в душе, что явится же здесь наконец человек, который даст мне спокойно умереть, оставляя дело в надежные руки. Но такого еще нет. Явится он, вероятно, и методу обращения я должен буду переменить, то есть буду иметь радость перемениться. Пошли, Боже!

Вот они — годы зрелого мужества, годы, в которых я застал Гошкевича. Я удивляюсь, отчего он не суется ко мне с советами, не руководит, не дает наставлений, — ужель, мол, я когда сделаюсь таким? Ан вон сделался. Жизнь к тому привела. — О. Гедеон обратился за советом: «Как изучать японский язык?» — «Так и так», — все ему подробно выложил и помогать обещал. Но — тоже как к стене горох; человек — через три дня говорит, — «а я все-таки прежде изучу аглицкий язык как орудие» и прочее и прочее. — Стало — вперед даже и на подобные вопросы придется молчать, или «а как найдете лучшим» и подобное.

Эх, жизнь! Бедна ты утешением содружества! Сухое заросшее тернием ты поле! Впрочем, лет пятнадцать-двадцать всего идти? Уже и близко! Тот ад, вероятно, немного садей (?) этого, зовомого жизнью среди братии.

26 февраля / 10 марта 1885

Нынешние фухейся (Щудо и прочие) — скрипячие колеса Церкви, которые пользы ни на грош, а всех беспокоят. Потому, разве они говорят что дельное? Ни на волос, а беспокойства и расстройств много. Есть люди — чуткие к пользам и вреду, — они в самомолчании вред заметят и ворчливо или сердито указывают, — такая оппозиция хороша. А что пользы в лае собаки на ветер?

27 марта / 8 апреля 1885. Среда

Пасхальной недели

(По прочтении монографии Царицы Прасковьи).

Даже такие мягкие личности, как эта Царица, какие неистовые жестокости делали (жжение стряпчего Деревника)! И это было полтора года назад. Куда же девались эти ужасные нравы? Куда исчезли во всей Европе? Чему обязано человечество этим благам? Французской революции! Казнь Людовика XVI была громом, поразившим бесчеловечие в Европе. А французская революция произвела Вольтера и прочих. Стало быть, орудия пр[?]: и они; бессознательно они были тоже воплощение идей христианства (потому что в конце концов все блага — от Христа, — другого источника нет). Не нужно же клясть и Вольтеров, как и теперешних революционеров, — а нужно только благоговеть пред путями промысла, все направляющего во благо; да, нужно смиряться. Я тоже был бы жесток — не хуже других в тот век; когда читаешь о тех временах, что-то как будто родное в тамошних нравах чувствуешь, слышу в себе кровь тогдашнего богатства — с хорошим и дурным и со всеми побоями того времени; конечно, при писании тогдашних подвигов, вроде копчения стряпчего, негодование закипает, но сам-то в гневе разве соблюдаешь границы? И не плачут ли от тебя теперь — от жестоких слов твоих? Тогда же, неверные, плакали бы от твоих застеночных пыток во гневе, — хоть потом, может, и жаловал бы пытаных. Эх, человеческая натура! Сколько в тебе природной мерзости, гадости, зверства! И это во всяком народе — везде, только в несколько измененном виде, так что смеяться друг над другом никому не следует! Не следует лицемерно издеваться и над теперешними революционерами. Вероятно, они тоже творят свою миссию, и после них еще легче и мягче делается человечеству. Злое вверху выбивается злым из низу. При давлении взрыв — физически понятная вещь.

21 апреля / 3 мая 1885. Воскресенье.

О самаряныне

Совершено освящение основания храма — на камне при начале четвертого венца — выше пола. Положена серебряная доска с надписью и

русский лист с более подробно. При освящении были: Давыдов, посланник, Яков Александрович Гильдебрандт, командир фрегата «Владимир Мономах»; архитектор Conder и прочие.— Служба была на японском.— После обед, на котором надоел всем многолетиями диакон Митрофан.

24 апреля / 6 мая 1885. Среда

Было погребение отрока (десять лет восемь месяцев) Алексея Сайго, сына министра Сайго, умершего в Вашингтоне, в семействе Струве. В первый раз погребенье — совершено по-православному, с предношением креста, впереди которого двое в стихарях (Сергей Номура и Он. Оогое) шли с дикирием и трикирием; крест несли попеременно два японских диакона (Роман Циба и Федор Мидзуно) в облачении; за ними певчие — ученицы и ученики, всего шестьдесят семь человек — попарно, с пением «Святый Боже», потом два русских диакона (Митрофан и Арсений), два японских священника (Сато и Ниицума), два миссионера (Владимир и Геден) и я — все в золотых облачениях, — иеромонахи Владимир и Геден — в камилавках, я, по обычаю, в митре и с посохом, — книгодержец (Имада) и жезлоносец (Уеда), — гроб, отец и родные, — посланник наш, знакомые и прочие, — все без шапок (что заранее поставлено в условие при молитвенном провожании гроба).

День Бог послал превосходный — ясный и без ветра. От Миури до Аояма шли часа полтора. Полицейские предходя устраняли возможность беспорядка при ходе процессии. Впрочем, и без того, кажется, все было бы благополучно. Народ ведет себя очень скромно. На кладбище собралось немало христиан.

Да даст Господь вскорости всеобщее так хоронить всех умирающих в Японии!

7 / 19 июня 1885

Печатается Псалтырь. Что дальше переводить? Думал было Требник и Служебник; но оставить это и иметь в памяти, что чрез три года будет готов храм, стало быть, Богослужение должно быть правильное, как вообще в православном храме; для сего же нужно: в три года приготовить: Постную Триодь, Цветную Триодь (обе вместе составляют треть годового богослужения), Праздничную Минию и Общую Минию. После этого уже можно и должно перевести Требник и Служебник. Сии последние, какие бы ни было, в обращении уже есть и не составят большого различия, а Триодей и Минией и в помине нет! Итак, не сбываясь с толку никакими соображениями впредь, ввести вышеозначенное в порядок переводов.

Затем, к тому времени как будет готов храм, нужно приготовить и храмовое (соборное) духовенство. Из нынешних людей я нахожу возможным иметь в виду для сей цели — из Катихизаторской школы — старшего курса Василия Китагава, младшего — Павла Хаттори; кстати, оба они тоокейские. Когда писано было сие, он [Василий] уже имел любовную связь с кончившею курс в Женской школе Агнией Иеда, прижил ребенка, но не захотел жениться потом, теперь вне Церкви. Так-то ненадежны загадыванья! Хаттори же проповедует, но плох. (**Заметка 6 мая нового стиля 1889**). Итак, не выпускать их никуда из Тоокео и незаметно для них самих (иначе возмечтают о себе и испортятся) готовить их для службы в духовном сане при Соборе здесь.— Больше пока я не имею никого в виду. Но нужно в продолжении трех лет приготовить полный штат.

Отца Василия Китагава — старика Якова можно иметь в виду для питания при храме в качестве доомети.

Пишется сие красными чернилами, чтобы не забыть сих двух предметов — богословских книг и духовенства, а всегда иметь их в виду, ибо касательно особенно последнего — не знаешь, где потеряешь, где найдешь.

15 / 27 июня 1885

В восемь колоколов, когда построится храм, звонить-то кто же будет? Пришло на мысль послать Никанора, теперешнего ученического повара, в Москву, к Финляндскому, и на разные московские колокольни изучать звонарное искусство. Хорошо бы в будущем году с о. Анатолием при его отъезде из Японии, а возвратиться Никанор может с Симеоном Мии или с Ивасава.

Жалость смотреть на о. Владимира: есть ум, но до здравого смысла не дошел, есть чувство, но в эстетическом смысле не пошедшее дальше украшения картин золоченой бумагой и украшения себя, как сегодня на панихиде — черной ризой, коричневым подрясником, розовым епитрахилем, голубой палицей, странного цвета набедринником и синими поручами; есть воля, но своевольная, а не имеющая предметом благо общее — Миссии и Церкви,— словом, служащего выражением личности Закона Божия, впрочем же уклоняющегося с прямого пути в сторону — своеобразную, узкую, тесную для следования других и, следовательно, обрекающего себя на одиночество (люди следуют только за теми, кто открывает им широкий и прямой путь — Божественный), а не узко [?]: и извращенно человек (истины добра и красоты) и бесплодие. Жаль! Плоха надежда на него! Похож на полусумашедшего, хоть, конечно, не он виноват, а его природа. Но во всяком случае — поручить такому Миссию и Церковь — немисливо,— заведет в болото, и все пойдет в россыпь.

Итак — графиня — тоже ветряная мельница, только с тихими крыльями: о пользе Миссии и Церкви с нею поговорить — к стене горох, а можно довольствоваться в разговоре с нею союзами и междометиями: «да, разумеется, конечно, будто бы? в самом деле!» и прочее подобное. Мельница будет молоть о «папаше», о себе и прочих любезных для графини предметах. — Что ж — пусть живет хоть для вида! Вреда от нее нет, а пользы кое-что перепадет, поди (в нравственном, конечно, смысле, в материальном малость убытку будет).

«Фухейся» все еще продолжают свое существование, даже проповедают. — Цуда катихизатором. А крестить, мол, как? Об этом совещаются; и находят, что и у католиков и протестантов можно окреститься. — Вот ветвь отломленная от крошечной еще, но все же живой веточки Церкви Христовой! И — умрут! Иссохнет последний сок, имеющийся еще от общения с Церковью и смерть! Не жалость ли? А что поделаешь!

Есть истины, которые не нужно доказывать, — так они ясны. Таковы — о молитве святым, о молитве за умерших. Представить семейство, где дети разных характеров и достоинств, но не все ли только любовью отца существуют и приближаются к нему... У протестантов же святые — похожи на безучастного старшего сына в притче о блудном, — сие тоже относительно умерших. — Тоже относительно икон. История (финикияни и зло удаляющаяся любезность) катакомбы, здравый смысл, — все за иконы.

16 / 28 июня 1885

И выходит, что приехала сюда наша Ольга Ефимовна исключительно для своего удовольствия и для отрады миссионеров; шляпа о. Анатолий, паточный о. Владимир, жидко-сладкий о. Гедеон — все имеют ее как жбан, куда изливают каждый долю своих совершенств, а она тоже этим услаждается, ибо имеет всю волю разливаться конфеткой о «папаше», о всем, исключая единого на потребу — миссийского дела! Какой все это червоточиной отзывается и как отвратительно! Не буду я навещать ее, — ну ее совсем! Надоела как горькая редька! Когда хоть малое что любезное для Миссии выкажет, тогда буду. Миссионеры же пусть услаждаются ею, и она ими, — вреда тут нет — хоть и пользы, что от свиста ветра!

Вечером.

По сегодняшнему письму от о. Феодора Быстрова:

1. С удовольствием извинился пред о. Владимиром за то, что заподозрил его в недоставлении моей посылки о. Феодору (заподозрил на основании его врак о речах о. Феодора при сем).

2. На днях доставлю счета Ольге Ефимовне на дом и мебель: все добывается заплатить, а я доселе все отказывался получить, но с какой же стати я подставляю спину Миссии, на что не имею никакого права!

Все-то обдирают Миссию, я и ей кланяюсь — «обдери и ты», — а она, пока добросовестность есть, говорит — «заплачу за дом». Итак, пусть заплатит, как желает, — представить счета! Кстати же из нее не предвидится пользы Миссии.

21 июня / 3 июля 1885

Если бы предстояло претерпеть за Христа три секунды невообразимо лютых мучений, разве не согласился бы (разумеется, испрося помощи Самого Христа)? А если бы эти мучения разбавлены были на три минуты, причем лютость из соразмерно уменьшилась бы, будто отказался бы! Если бы на три дня, на три месяца, на три года, на тридцать лет, — причем в той же соразмерности убавляемая была и мучительность их, так что тридцатилетние мучения были бы просто то, что называется трудностями житейскими, — разве отрекся бы Христа? — Вот же, однако, отрекаюсь! От многих трудностей отрекаюсь! От побеждения своих страстей, от труда изучения письменного японского языка, от сочинения апологетических статей, от писем окружных и прочего. — Помоги же, Боже! Избави от Петрова отречения! Долго мы в нем, а Петра ты тотчас же извлек! Помоги, Господи, с этих каникул в три года, то есть до каникул 1888 года изучить письменный японский язык так, чтобы к освящению Собора пригласить священников и проповедников собственноручно! Помоги и во всем другом! Дай мне память сего отречения и тугу душевную избавиться от него, — тугу, оплодотворенную Твоею всемилостивою благодатью!

26 июня / 8 июля 1885

Опять приходится употреблять все усилия и молить Господа помочь, чтобы не потерять спокойствия духа и не рассердиться! Тот же предмет, старание посадить японские Церкви на содержание месячными средствами. Но куда! И то, что чрез усиленное напряжение получено было в прошлом году, тщатся отобрать назад, — это самые бедные крохи, и Церкви давние! Хацинохе — назад просит 3 ены, Ициносеки — пищу катихизатора. При чтении невольно возмущаешься и пропадает все доброе расположение духа, — но сохрани, Господи! Подкрепи, Господи! Спокойствием можно достигнуть многого и с язычествующими японскими христианами, — рассердившись, можно потерять плоды многих трудов и лет! Господи, Ты — не как человек, не отбираешь своих милостей назад — даруй же мне и ныне тужу охрану от духа гневливости, какую послал в прошлом году! Ангел мой Хранитель! Во имя Креста Христова охрани меня и в нынешнем году, как охранил в прошлом, во время Собора! Ибо верю, Ты мне помог избежать раздражения, а не случай. (Пишется под

звуки чтения Псалтыри по Исаяе Камия, лежащем в гробу в верхней Церкви от канне. Товарищи читают по только что переведенной Псалтыри, еще по корректурному экземпляру).

29 июля / 3 августа 1885

Господь многомилостив! Помог и в этом году благополучно окончить Собор. Да будет хвала имени Его!

«Всепрощение выше всего пока живешь», — пишет о. Иоанн Демкин. Да, разве разумно сердиться на волну, на дождь, на лай собаки? Вот также было бы не разумно сердиться на сегодняшнее письмо о. Владимира из Тonosава, в котором, точно в ящике с насекомыми, собрано лжи, клеветы, ругательств и злонамерения. Знать человек как уродился, так и в могилу пойдет. У о. Владимира такая натура (совсем не русская, а польская разве), — виноват ли он? И сердиться на зловонные извержения его души было бы похоже на глупый гнев по поводу аналогичных явлений физических. Фи! И думать не стоит! Однако же некоторые явления поражают нас глубоко в сердце. Сегодня с утра, когда получено было письмо о. Владимира доселе, ни о чем не могу думать, как о нем. Итак, целый день посвящен о. Владимиру! — Но это уж, вероятно, последний в жизни для него! Безнадежен сей человек для дела Божия в Японии по мерзостям своей души! Как ни смиренствуй, а приходится правду думать и говорить, иначе тебе же, то есть делу твое, дело Миссии, дело Божие, огреют, обойдут, оплюют, унижат и уничтожат! Итак и смиренствоваться приходится, смотря в оба! В Церкви дело, а не в нас!

Надумал было писать о. Владимиру в ответ на все пункты его письма в вразумление его. Но что пользы? Разве прежде много раз я с ним не говорил? К стене горюх. Трата чувств и бумаги! Лучшее — молчать и быть равнодушным к нему и ко всему о нем. Не давать однако ему завираться во вред Миссии, — исправлять или останавливать подобное тотчас же, не теряя ни мало равнодушия.

Итак отныне по поводу о. Владимира никаких движений душевных! Господу предоставить его, ибо Господь уродил его таким, и не нам, слабым, переменить его!

Господи! Помоги же мне в деле всепрощения и благодушия.

24 июля / 5 августа 1885

Тайна управлять людьми и извлекать из них доброе на службу Богу — не раздражаться, а отбрасывать в сторону (как будто не касающееся ни тебя, ни их) все, что исходит дурного из их уст — злословие, ябеду, клевету. Так ныне о. Владимир поступает относительно меня — в его письмах из Тonosава, и стало в его душе — змеинный яд против меня —

ябеда, ложь, клевета — словом, всякая мерзость.— Но вот уж второе письмо я ему посылаю совершенно спокойное, мирное, как будто незнающее его мерзостей. И думается, что он еще не безнадежен для службы Богу здесь. Дай Бог! Если это будет, то значит написанное в начале верно.

11 / 23 августа 1885

Все люди равно страдают: одни от злых качеств своей души, другие от злых обстоятельств внешних. Только обуздывающие себя и принимающие равнодушно внешние обстоятельства умаляют свои страдания. Помоги, Боже, обуздать гневливость и прочее,— помоги, Боже, не смущаться и внешним дурным. Разве кто сердится на ветер, дождь, слякоть, холод? Одинаково не стоит возмущаться и всем этим в полемическом смысле и принимать все соответственно: от холода закутываться, от дождя укрываться и подобное. Обереги меня, Боже (то есть обереги дело, которому служу), от Владимиров, Георгиев, Путятинных и всех подобных! И стоит ли возмущаться ими! Равнодушие и хладнокровие!

4 сентября нового стиля 1885

Был Иноуе, что поверенным в Корею. Разговор с начатого им политического (дрянного для Японии — лучше покориться России, чем Англии) перешел на религиозный,— и дошел до рассуждения о введении христианства в Японии. Говорит он, что их общее слово: Фукузава, Гото, Оокума и прочих. Купил все наши книги. С увлечением обещался изучать православие. Дай Бог! — Блеснул было на мгновение луч, что Господь посылает, но... Три года обещает и Иноуе для окончательного решения религиозного вопроса в Японии. Три года эти — очень важные.

5 сентября нового стиля 1885. Суббота

Иноуе Какугоро был сегодня за всенощной. После говорил: «Все простые люди у Вас». Ответчено, что так везде начиналась Христианская Церковь, ибо великие мира сего презирают,— Но дай Бог, чтобы сердце сего человека коснулась Благодать Божия! Он толкует и о Корею, тринадцать учеников, которые теперь на его содержании. И в Корею нужно православие.— Только все это пахнет одними политическими соображениями. Законны ли они пред судом Христовым? — Во всяком случае Иноуе обещано изъяснение Веры.

Графиня, если не перенесет дом в Тооносава, покажет здравый смысл. Тогда, пожалуй, с нею и откровенно можно поговорить ко Благу Церкви. Примет — ее счастье, не примет — для Миссии и Церкви особенного несчастья не будет, кроме потери надежд, возлагавшихся на дочь Путятина.

25 августа / 6 сентября 1885. Воскресенье

Если графиня не перенесет дом, то нужно будет откровенно тоже поговорить с посланником А. П. Давыдовым. Сантиментальничанье его мутит и делает дом графини опасным. Пусть скажет: «Я, мол, не мешаю жить в нем — пусть ей отвечать за все — довольно сего будет».

Однако каникулярное время малополезно: жара расслабляющая. В прошлом году только и помог Бог написать несколько писем за каникулы; ныне они протекли бесполезно, особенно благодаря о. Владимиру, — от переписки с коим нужно убежать, как от холеры. — На будущие годы заранее располагать каникулами для посещения Церквей, особенно северных.

7 сентября нового стиля 1885. Понедельник

От людей, вроде Иноуе Какугоро, нужно убежать подальше. Сегодня он высказался. Оказывается, что он, вкупе с Фукузава, Гото, Оокума, Итигаки, замышляет свергнуть нынешнее правительство (Иноуе — Министерство иностранных дел, Ито и прочие) и хочет для этого воспользоваться Россией, как воспользовались аглицким министром Парксом при восстановлении Микадо, когда за Тянькунь стоял французский посланник, но оказался слабым и глупым. Так и ныне глупым оказывается, по словам Иноуе Какугоро, русский посланник, не хотящий втянуться в их интригу против правительства. Ко мне приехали, по-видимому, чая моего влияния на посланника или прямо на власти в России. Какое разочарование приходится испытывать им при моих объяснениях, что мое дело — помимо всех политиков, что умно делает и посланник, что не вмешивается во внутренние дела и дразги Японии, что в этом они должны видеть не глупость и слабость, а честность дипломатии России. Разочаровался и я в мелькнувшей было мысли, что порядочные люди начинают вопрошать о христианстве. Господи, скоро ль встрепенется эта страна и скоро ль станут принимать христианство люди хорошие! Ужель они все так худы в очах Твоих, что никто не заслуживает спасения?

(Сегодня купил синее сукно на стол вместо износившейся красной салфетки, служившей четырнадцать лет. Положил это сегодня — все письма не слушать, а читать самому.)

8 сентября нового стиля 1885

Графиня дом переносит. Скатертью дорога! Значит, для Миссии она больше не существует. Вот-то «приехала нипочто и уедет ни с чем»!

О. Владимир не перестает писать возмутительно грубые письма; бросает Семинарию, просится священником в Одавара. Отвечено, чтобы после каникул исполнял, как доселе, свои обязанности по Семинарии. Впрочем, если очень станет артачиться, можно отпустить его в Оосака. Кто знает, быть может, он еще и будет полезен, как миссионер; о. же Гедесон, вероятно, справится с Семинарией — но не возмущаться мне им, помоги, Бог, не возмущаться! Разве мало людей противных нам, и при столкновении со всеми сердиться и возмущаться! Дьявол же, заметя, еще больше будет мутить против нас людей, как ныне мутит Владимира, — и от всего этого терять душевный покой, время, душевную бодрость, то есть радовать дьявола! Да избави же, Боже! Пусть же войдет в плоть и кровь мою — спокойное обращение с людьми заведомо уже неисправимыми в своих противных нам качествах и в своей ненависти к нам, вроде о. Владимира!

Чтобы он ни говорил, или писал, спокойно выслушивать, ни слова в ответ колкого или гневного, а прямо отказать, или согласие, если дело правое.

2 / 14 сентября 1885. Понедельник

О. Владимир явился, смотрит совсем расстроенным; вольно же было мучить себя все каникулы. Я обошелся с ним, как выше написано, растраив несколько чувств, которыми не могу владеть, видя человека унылого и требующего утешения.

Того же 2 / 14 сентября 1885. Понедельник. Вечером, 7 часов

Итак, нынешние каникулы прошли самым скверным образом, много благодаря о. Владимиру, о. Гедесону и графине Путятиной! — Как они мучили меня все время! И вот завтра опять — начало годовых занятий. — Никогда, кажется, я не вступал в работный год с более прозаичным, холодным чувством, чем ныне, как будто внутри тебя погас всякий огонь и ты сделался простым механизмом — скучным, прескучным для себя самого. Что за мерзкое, безнадежное нехристианское чувство! И с этим чувством завтра придется начать лекции по Догматике, Нравственному Богословию! Сколько напряжения, туги душевной!

И как эти послеканикулы отличаются от прошлогодних! Тогда ожидание — о. Владимира и графини Путятиной как надежд Миссии, а ныне они враги; тогда и о. Георгий казался еще в хорошем свете, а ныне он — скитно с графиней совместно!

И Церковь казалась лучше в прошлом году, несмотря на расстройство пред Собором; ныне Уцунюмия с Санода — отступили, почти во всех

Церквях есть отступники в протестантство, католичество, даже язычество по недостатку катихизаторов.

В Катихизаторской школе — старшего курса Павел Сайто — в душе отступник вместе с ренегатами Ицуномия (хороших людей допускают к крещению священники!) — всех учеников пять-шесть человек. В младшем набралось до двадцати пяти человек, но народ, по-видимому, невнушающий о себе ничего доброго.

В Семинарии — не смотрел бы! Все подернуто флером о. Владимира! В Певческом — новых — никого, а старых — Львовский не хочет учить дальше; отделен Александр Обара для подрегенства, но выйдет ли прок с такой дубиной, как Львовский! — В женской школе — мало поступающих, ибо и 3-х ея не считают, знают, сторгуют. Снова мерзейшее состояние духа!

К этому — построение храма едва до четверти дошло, а денег почти нет! Словом, скверно жить на свете без малейшего утешения, кроме всяческого копанья своей внутренности!

Что-то даст будущий, 1886 год, в это время, когда мне будет пятьдесят лет отроду и двадцать пять лет жизни в Японии.

Но нынешний — все же таки приходится начинать с несчастным, несчастнейшим чувством завтра! Поддай, Боже, силу не впасть в унынье и отчаянье!

7 / 19 сентября 1885. Суббота.

В десятом часу вечера

От часу не легче! Стеченье обстоятельств — мерзейшее, и если не выведет из них Миссию Бог, то, значит, Миссия и здешняя Церковь не стоят попечения Божия. Тогда — что же и мне беспокоиться! Разве я не молюсь ежедневно — усердно или неусердно — исключительно о здешней стране? Не исполняется по моей молитве, так я не виноват...

Владимир притворялся больным, бросил Семинарию и уехал в Тоносава. Геден самопроизвольно едет из Оосака сюда, чтобы отсюда в Россию — защищать диссертацию и держать экзамен на степень!

Итак — Семинария — брошенное дитя, и ни у кого из этих жестокосердных людей нет сострадания!

11 / 23 сентября 1885

Только подумать, что целые каникулы прошли из-за расстройства грубыми и дерзкими письмами Владимира! Не дай, Господи, вперед, подобного малодушия! Одни каникулы когда-то пропали из-за Ефимия, другие теперь из-за Владимира! Да это торжество диаволу, Господи, избавь вперед от этого бедствия! Чтобы ни писал, принимать равнодушно...

14 / 26 сентября 1885. Воздвижение

И все-таки — лучшая (будто лучшая?) часть души издерживается на Владимира, Путятину и прочих — более врагов, чем друзей Миссии. Да, когда же кончится эта слабость, — видимо, угождающая диаволу! Помоги, Боже, не думать о них, не издерживать на них время и душу, нужные для Миссии!

8 / 20 ноября 1885

важно!

Слышно (Оогою говорил Ясукава, протестант), что в прошлогоднюю смуту Савабе обращался с письмом к Ицциквай, стало быть — задумывал уйти в протестанты. Экая мерзость! И подумать гадко! Не гневаться — быть разбитым, спокойствие соблюсти — не быть побежденным, а кротость и любовь явить — победить и даже Савабе сделать вновь хоть несколько полезным Церкви, например, хоть бы для будничных богослужений здесь, когда построится Собор. — Поручить приход ему, очевидно, нельзя и нужно воспользоваться тем, что он ныне сам захотел уклониться от обширного прихода и впредь уже не возводить уже его нимало на пьедестал, — и ему, и другим вред! Кончен он для большого служения! — Но в мале может быть полезен; только мне нужно любовь не потерять с ним и к нему.

Формуляры катихизаторов у священников истребовать. В будущий Собор должен быть пересмотр статьи содержания служащих Церкви, — к этому нужно вполне приготовиться.

Катихизаторам должно бы во всех Церквах поставлено быть в обязанность учить всех детей вероучению, — для этого книги, вроде «начатков», должны быть разосланы в достаточном количестве везде; но пусть уж это будет поставлено в закон, когда правильно будет распределено содержание катихизаторов и прежде определится их положение, — в то же время построится Собор, и я буду иметь возможность ежегодно посещать Церкви и наблюдать за исполнением того, что будет поставлено как Закон.

Протестантские заблуждения найти в их книгах здесь — для наглядности объяснения в школе на лекциях.

Только, ради Бога, не тревожиться ни Савабами, ни Владимирями, никем иным на свете! Иначе будет значить, что не Богу служу, а людям и от них завишу — но ведь это же неправда, — я Богу служу и в нем, как в центре, должны сосредоточиваться все мои стремления к нему, как к

непоколебимому центру я должен быть прикреплен.— Тогда я не подвигусь во век!

24 ноября / 6 декабря 1885. Воскресенье

Было погребение А. Н. Давыдова, нашего посланника. Православная процессия соблюдена до поставления гроба в вагон. В Иокохаме певчих наших не было, и потому мы без облачений провожали до кладбища, а там отслужили литию в епитрахильях. Со стороны японского правительства была оказана полная любезность; была вся официальная знать и много войск с музыкой. У нас: впереди — два диакона с трикирием и кадиллом — за ними крест; при несущем ассистенте; шестьдесят певчих, два японских священника, три наших и Епископ. Все в золотых облачениях. Народу по улицам было много; порядок полицией соблюден безукоризненный.

1886 год

3 / 15 марта 1886. Понедельник второй недели Великого Поста

Первую неделю — 24 февраля — 1 марта в первый раз мы здесь постились, как должно, то есть службы были три раза: в 6 утра — утренняя, в 10 часов — часы или обедня, в 5 — великое повечерие, на котором читался канон Святого Андрея Критского; ученики все говели, завтрака никакого не было. Я тоже исповедался (у о. Анатолия) и в субботу служил; обедня была в 8 часов, после которой ученикам — чай с булкой.

Сегодня о. Владимир сказал, что подаст прошение об увольнении его из Миссии по болезни. Я сказал, что пошлю прошение в Синод. Комедию ломал. После подал и прошение, но взял обратно. Смотри в исходящей. Вместе с тем нужно будет послать воззвание в Академию.

До сегодня каждый понедельник и четверг проповедывал в Какигариче; сегодня вечером закончил первую часть Осиено кангами и больше не пойду,— слушателей постоянных — один всего, и тот давно уже слышал все — (лысый старик Куйсу). Пусть Оогое один ходит. Я обещался,

коли двадцать-тридцать человек будут; сначала так и было, а теперь — вона! Дома время дороже.

Львовский третьего дня — 1 марта — уехал в отпуск на восемь месяцев.

О. Анатолий — уедет тоже.

Итог — один, как перст, останусь! Но ужели Господь не услышит молитву о проповеднике для сей страны? В глубине души есть твердая уверенность, что явится, наконец.

4 / 16 марта 1886. Вторник второй недели Великого Поста

Сегодня Павел Сакуси приходил просить дать ему, кроме переводческой, и работу учителя — в Семинарии или в Катихизаторской школе, преподавание географии, истории и тому подобное — «я вам помогал бы», — говорит — «Да и мне полезно было бы; перевод также шел бы не торопясь, с обдумыванием». — Это как будто бы маленькое утешение за вчерашнее влияние на о. Владимира. Вообще, жизнь наша идет, точно езда по крайне ухабистой дороге; то вверх на взгорье, то в колдобину; и это ведь каждую неделю, даже каждый день. Пред Постом — мерзейшее расположение духа было; Первая неделя прошла довольно спокойно, и в конце недели ощущалось радостное настроение — по разным причинам, — я заранее уверен был: непременно сейчас же какая-нибудь мерзость случится: вчерашнее заявление о. Владимира и оправдало это; остаться с Семинарией без учителя — на что хуже! — Даже каждый день, говорю, — кочка и колдобина: ешь с удовольствием, — наелся — тяжело, ложишься спать — приятно, проспишь — скверное расположение духа. — Отчего такой закон? И должны ли мы уравнивать себя, чтобы ни печали, ни радости, как советует Сенека и другие философы древности? Но что же за удовольствие опять всегда серый день? Ведь от этакой волооении с ума сойдешь. Нет уж, пусть будет так как есть. Только не тревожиться очень внешним, а находить источник радости больше всего в исполнении своих обязанностей.

31 марта / 12 апреля 1886

И для чего же бы я поехал в Россию? Свидание и посещение, это — такие эфемерные удовольствия, что в воображении они лучше, чем на деле. Не забывать опытов предыдущих поездок: четыре дня в лучшем месте — я не знал, как провести, и должен был проситься в пустынь. Был два раза я в России по важным для Миссии делам. Если третий раз поеду, то не иначе, как тоже по важному делу, — Бог знает, какое это дело, и в Его Воле оно; нет, — отсюда на тот свет дорога не дальше, чем чрез Россию.

2 / 14 июля 1886

Ровно 25 лет, как я в Япо́нии. Бог послал сегодня хорошее, кажется, распределение священников: о. Иоанн Оно — в Оосака, о. Яков Такая — на Киусиу, о. Матфей Кангета — в приходе Оно; для Нанебу и Акита нового священника (завтра изберут) о. Тита Комацу — только для Хакодате и Эзо.

В следующем 25-летию — докуда предел земной? И замечательно — как 25 лет назад приехал в Япо́нию одиноким, так и теперь одинок: оо. Анатолий, Владимир и Георгий — уезжают в этом году, — графиню Ольгу Евфимовну Путятину — почти на смертном одре, да и ни к чему негодная по Миссии.

Господи, просвети сию страну светом Евангелия! Сам избери и приготовь проповедников святой Твоей веры и не загради благодати Твоей от сей страны моими беззакониями!

11 / 23 августа 1886

Сегодня уехал в Иокохаму, а завтра сядет на «Москву» в Россию о. Владимир. Грустно, но, верно, Богу так угодно. В марте еще секретно от меня послал в Синод прошение, воспользовавшись тем, что я забыл взять у него препроводительный рапорт после того, как он отдумал было проситься в Россию. Теперь, как видно, с большою неохотою уезжает в Холм — преподавать Церковную Историю и учения о расколе. «Чтобы я не сделал, чтобы исправить мою ошибку», — говорил он сегодня и с плачем упал в ноги, прощаясь. Грустно и жаль до слез! Но, видно, Воля Божия! К миссионерству он положительно неспособен по непослушанию, гордости, скрытности, какой-то странной безрезонной своенравности и прочего. В миссионерстве же главное — единство, мир, стремление к одной цели. — Чтобы он делал здесь, когда оказался бы лишним, как преподаватель. А это скоро будет, — лишь только из России вернуться наши студенты. Итак, дай Бог, ему счастье и спасение в России, а здесь, даст Бог, обойдемся и без него. Но из России должен быть в скором времени сюда миссионер, внутренний голос говорит мне это. Дай Бог!

15 / 27 августа 1886

Холера, дождь; в Церкви народа совсем мало было, а служение было торжественное, кроме меня — четыре священника.

Вот образчик, как люди смотрят сквозь свои очки: Тихай сегодня говорил мне, что из всех бывших здесь миссионеров Владимир был самый дрянной; лучше всех-де были: Моисей и Еримий — преданные

делу, затем все в нить шли — Гавриил, Дмитрий, Гедеон и ниже всех — Владимир, — как по скату. — Владимир единственный человек, который сделал здесь добро — поставил на ноги Семинарию, и пред которым все прочие выбывшие — нуль, но он не играл постоянно в карты с Яковом Дмитриевичем Тихаеи, как Ефимий, не балагурил, как Моисей и Гавриил, — и выходит — всех хуже! Вот и обращай внимание на мнение людей! Поди, узнай, когда человек говорит не á la Тихай.

Сегодня письмо от С. А. Рачинского. Хотелось бы видеть в Арсении не такого ребенка доселе — не только застенчивого, но даже «пугливого». Скоро ль образуется из него человек серьезный — каковые здесь нужны? — Не мешает, значит, посылать в Россию людей постарше, как Кониси, Кавасаки. Нужно присмотреться к ним и к Сергию Сёодзи, и Клименту; на классах больше заниматься ими; в классе — ни слова по-японски; сочинения задавать на темы, бывшие предметом классных лекций, — полезнее: разбирать в классе сочинения.

17 / 29 ноября 1886

Нет мучительнее сомнения — не загублена ли даром жизнь и, вдобавок, множество русских денег? Станет ли Православие в Японии? Кому работать для этого? Ведь вот один — как перст, — ни единой души русской больше в Миссии. Да что здесь! И в самой России штундизм и прочие секты с ножом к горлу лезут, а миссионеров — один о. Арсений Афонский на всю Россию нарасхват, — и нет помощников, учеников у него, — жалуется, бедный, и ищет, и едва ли найдет! Итак, не рано ли еще пускаться русскому в заграничное миссионерство? Колоссами высятся везде Католичество и Протестантство! Какие массы людей! Какие неоглядные, неистощимые фаланги деятелей! А здесь — хоть бы кто на помощь (настоящую помощь, разумеется)! Что же? Капля брызги, которая бесследно выльется в песок! Как ни закручиниться, как ни приbedнить-ся? Разве чудо Господь сотворит, направив Японию на Православие! Но какое же основание ожидать чуда? Достойна ли Россия того, и достойна ли Япония? Первая спит на своем бесценном Православии, а вторая — самое небо готова обратить в деньги, или выкроить из него иностранный пиджак. Боже, Боже, как громадны, неистощимы средства, силы и ресурсы и материальные, и нематериальные — у Католичества и Протестантства, — и какая бедность до голости у нас, не имеющих ровно ничего, кроме истины, без малейших средств и ресурсов, даже развить ее! Куда наши 12 тысяч христиан! Скоро протестанты и католики сомнут нас под ногами и оставят далеко позади себя! А там что — ничтожество и исчезновение? Уже ли это? Итак — жизнь загублена! Множество кровных русских денег брошено в огонь! Какое мучение может быть горше этой мысли! Уныние и расслабление злым червем точат меня! Боже, не дай совсем ослабеть! Если же в самом деле я здесь совершенно бесполезен, то укажи путь в Россию!

18 / 30 ноября 1886

Вчера написанное — одно малодушие. Нашей нетерпеливости хотелось бы, чтобы перед нашей секундой бытия сейчас же и развернулись все планы судеб Божиих. Вероятно, во всем есть смысл, что на [?] сам человек не ставит в противоречие разуму Божию. Ведь я же не для себя, не по самолюбию посхал в Японию, а все хотелось сделать какое-либо добро, — так отчего же не положиться на Волю Божию? Вероятно, и моя жизнь имеет какой-нибудь смысл и какую-нибудь пользу — ну, хоть бы даже ту, чтобы показать, что в России нет миссионеров. Если в простой былинке, которую мы небрежно растаптываем, всякая клеточка имеет свое назначение и приносит свою долю пользы, то человек неужели бессмысленнее и малоценней клеточки?

Подумать бы так, значит, уже разом отказаться бы от всякой ломки и всякой веры. Итак, нужно непоколебимо стоять на посту и спокойно делать, что под рукой. Не заботится о прочем: мы рабы, — хозяину видней, — он пусть заботится! Но и небезучастно относиться к своей службе, как то делают дрянные рабы — а влагать сердце и душу в нее, но спокойно — от неудач не опускать голову и руки, от удач не поднимать выше обыкновенного голову и не давать пульсу биться сильнее — Хозяин то правит ладьей жизни нашей — и затишье ли, быстрее ли течение, — все это Его дело, а наше спокойно грести, не выпуская весла, пока смерть не выбьет его из рук. Ныне мало вероятия на обращение Японии в Православие; слишком уж много здесь протестантовых и католических миссионеров — до 500 человек; и слишком Япония во всех решительно отношениях увлечена цивилизацией протестантских и католических стран; аглицкий язык повсеместно изучается, — школа, флот, придворные обычаи, войска, дома, фабрики, — все, все, — все копия с протестантских и католических образцов; о России же нигде, ни при чем, ни в чем — ни слова, ни мысли; одна речь и есть о России — с голоса иностранных газет — речь злословия, зложевания, неприязни, опасения; словом — свет и тьма, — вот для Японии другие государства и Россия. А чтобы веру взять, нужно любить, уважать ту страну, откуда взято! Но, быть может, для Японии ныне и нехорошо, бесполезно взять Православие. Она желает ныне и веры иностранной, как ресурса для подъема своей государственной жизни; для такой же цели действительно больше годятся идущие на всякие мирские сделки — инославия — Православию же нет тут места. Православие должно быть принято, как Вера Христова, а не как одна из шпор подгонять брыкающего и фыркающего ныне коня японской государственности. Слишком замучено! Пусть отстоится, успокоится, глубже и яснее будет видно внутрь. Не удовлетворяют тогда инославия, — изнасятся, истощатся; пусть несколько столетий для этого потребуются, но что истощатся, то это несомненно. Тогда придет очередь и Православию — неистошимо глубокому и бесконечно высокому. Правда, при этом уже

моя жизнь в Японии совершенно не имеет смысла, — исчезнет и теперешняя здешняя Православная Церковь; лишь только Микадо примет какое инославие — православные тотчас бросятся вслед за ним — какие же теперь православные! Все мелко, эгоистично, незрело! Останется, может быть, один о. Павел Ниицума и несколько человек, — кто — не знаю, потому даже и Савабе в запрошлом году, по поводу смуты, хотел уйти к протестантам, — за кого же можно поручиться, когда явится такой стимул, как пример Императора! — Но — говорю — вероятно же имеет какой-нибудь смысл и моя жизнь в Японии и нынешняя здешняя Православная Церковь! Не может же быть, чтобы Господь ко всем невзгодам бедной Русской Церкви, дал еще нанести ей удар в ланиту: «Не годна-де ты в миссионерстве и в Японии», — это было бы жестоко! Итак, я во тьме; но, закрывши глаза, доверюсь же Господу! И подкрепи мой дух, Господи!

13 / 25 декабря 1886

Утром, в девятом часу, когда я только что начал экзамен у учеников среднего отделения Семинарии, оказалось, что горит Женская школа; пожар начался от железной трубы ванны. Сгорело — не более, как в час, все связанное, и нужно сказать, нелепейшее здание, где, несмотря на видимую величину, могло поместиться не более тридцати пяти учениц, без классных комнат.

Ольга Ефимовна Путятина вызывается построить новую школу. Посмотрим, что Бог даст.

22 декабря 1886 / 3 января 1887. Утром

Спокойное было вступление в японский новый год. Чувства и мысли скорее благоприятные, чем метущиеся и тоскующие. Что Бог даст в будущем, — душа более и более спокойно представляет воле Божией. Одно обстоятельство, повидимому, ничтожное, а может, и вправду ничтожное и случайное, — ободрило несколько, хоть на два-три дня.

Иногда тоска нападает от беспрестанной толкотни вокруг тебя людей, хочется в уединение, с жадной устремляешь взор на каждый уголок, где бы удобно побыть одному, отдохнуть. Но какой обман! Избави Бог, когда поддашься этому искушению, пока хоть капля сил будет служить людям! Вот вчера вечер, сегодня утро — свободны, нет входящих по делам, — и что же! Не знаешь, что с собой делать! Скорее ложиться спать, ибо скучно до нестерпимости! Нет, миражи все наши мечты о покое и отдыхе на земле! Не покой и отдых, а удовлетворение сил и стремлений — вот что нам нужно, чего все так жаждет душа, а это будет там, разве, не на земле.

Еще замечание: сделать возможно приятным для себя — быть приятным и полезным окружающим, а до сих пор это не всегда бывает; например, после обедни, как хотелось бы, чтобы не набивались в обе двери полное жилье людей! Уставши после проповеди или службы так хотелось бы отдохнуть. Но вчера воззвал за обедней и после я почувствовал перемену в этом расположении и с удовольствием всех принимал, ибо всем же мы должны быть всем по возможности. Дай же, Боже, и вперед это расположение!

Вечером в пять часов.

Утром в десятом часу пошел в Уено гулять, погода была превосходнейшая.— В прошлом году в это время на подобной прогулке думал по поводу о. Владимира и графини, что «здравый смысл» и «добрая воля», в сущности, далеко не обыденные явления в жизни, а весьма редкие и ценные. Ныне думал, что протестантов слишком большие массы наплыли из Америки и Англии. Но — в Божиих руках,— какой быть Японии — православной или инославной!! И потому спокойно нужно смотреть в глаза будущему, не смущаясь и не ослабевая духом ни при каких обстоятельствах.— Раб Божий Петр Накацукаси, из Асакуса, пристал, и вместе ходили на кладбище.

29 декабря 1886 / 10 января 1887. Понедельник

День определенный был для отдыха; но как он грустен!

Утром, гуляя почти два часа по краю купола при солнечной погоде, думая, что для возбуждения мысли о миссионерстве и действиях сообразного необходимо: 1) не только внести в программу духовных заведений указание на миссионерскую обязанность Церквей, но и 2) в учебники ввести, например, Гомилетики — в конце учебника хоть, что-де проповедничают: хоронят безискусственности и 3) в сочинения академистов: вместо нынешних бессодержательных писаний академисты лет в двадцать могли бы разработать все обличение католичества и протестантства.— Но доброе настроение испорчено было известием об успехах протестантов в Маебаси; промелькнули в уме и успехи в других местах, успехи — чисто материальные, массовые,— точно стадо свиней в огороде топчет траву, а подчас и капусту (в Маебаси дело); хворостина против свиней — радикальное средство; но — против протестантов и хворостину некому в руки взять. Их массы — массою врываются и топчат нас — я один! Один против сотен и тысяч — что может? Итак, в службе есть и утешение сознания своей непричинности, но тем не менее грустно и скорбно! Ведает, впрочем, про то наш хозяин — Христос. Если Он допускает — значит, так тому и быть должно! Мы же не виноваты! Не виноваты,

что протестанты численностью и массою берут верх! Истина наконец воссияет! Не нам видеть это сияние,— но будем же шире душой — нескольких лет расстройства, лжи! Э-эх, грустно! Но в тоже время и что же грустить! Немного уж лет осталось жить на свете, недолго страдать!..

В России штундисты, граф Толстой — протестант самого низшего пошиба, Владимир Соловьев, некогда просившийся сюда в число миссионеров,— Католицизм, или за Папство в его дрянном смысле,— здесь протестантизм — методизм, баптизм и всякая дрянь,— Боже, что за мучение видеть воочию все это вместе с Истинной Христовой Верой! Забыться бы следует в обычных письменных и других текущих занятиях! Время праздничное всегда время — самое трудное и печальное!

30 декабря 1886 / 11 января 1887. Вторник

Католичество и Протестантство ныне в мире в полном расцвете. Миллионами образованных умов, развитых сердец и крепких волей они обладают и располагают. Что же удивительного, что они везде имеют успех. Это — туча, нависшая над миром. Но Бог допускает это. Даже больше! Бог, вероятно, и помогает доброму в Католичестве и Протестантстве, ибо доброе везде — Божие. Вот и здесь, над Японией, все более и более собирается и нависает эта туча.— Печалиться ли, как я вчера делал? Но ведь это же малодушие, маловерие, нетерпение и гордость. Мы же знаем, что истина победит; так давай-де нам победу сейчас! Своею маленькою пядью — не иначе мы хотим мерить протяжение времени, и сфальшивить-де можно, как купец, поскорей притянуть к себе конец! Обладание истиной должно доставлять спокойствие, иначе мы сами не верим в свое обладание. Придет время: образованные умы, ныне служащие инославию, сами же разнесут его по клочкам, как ложь; а ныне невежественные умы православные — разовьются и отравят в себе весь блеск Православия,— и пойдет оно волнами по лицу земли,— не облаками и тучей. Вместо католического рабства узнают люди подчинение истине, вместо протестантского своеволия возлюбят свободу.— Так не печалиться же, а делать спокойно свое дело с радостною уверенностью в будущей победе. Мир принадлежит истине, а не лжи; истина же в Православии здесь нужна, чтобы истина постепенно овладела миром: скороспелое и насильственное завоевания — непрочны. Православное Миссионерство должно быть делом всей Русской Церкви,— не разных *board of Missions* и тому подобных мелких делений. Но нужно, чтобы в сознание Русской Церкви вошла обязанность миссионерства.

1887 год

30 мая / 12 июня 1887. Суббота

Сегодня в четыре часа вечера Ольга Ефимовна, графиня Путятина, уехала в Иокохаму, завтра уедет в Сан-Франциско и дальше домой. А только что наступило ей время творить дело, для которых четырнадцать лет ждал ее: предлагали представить ее Императрице, — значит, открывала случай познакомиться с Императрицей и говорить ей о вере. Но «на меня целый год не обращали внимания», то есть когда она жила в Тonosава, зачем я не бросал Миссии и не летел ухаживать за ней? и тому подобное. И глупа же! А сколько самолюбия и каприза! Поди ж ты, проникни сквозь эту чуть не ангельскую оболочку. Ведь чуть ли не врагом Миссии и всей здешней Церкви уехала! Что Женскую школу ненавидела всей душой — это верно: и из-за чего? «Никто-де не скажет: не нужно ли для вас что сделать, — один полицейский только и предложил сию услугу». А сама оттолкнула от себя школу, да и всех христиан, так что и зайти-то боялись. Скатертью дорога! Знать не годится для дела, что Божий Промысел не удержал ее здесь. А яд дрызг в о. Анатолия (вчера вернувшегося из отпуска) влила, когда сегодня, затворившись полтора часа, завтракала с ним наедине, — это по физиономии его видно, — совсем другой, чем был утром. Урок мне — ни с кем никогда не говорить о людях нехорошее, — укротить навсегда порыв чесать язык, — с нею же, к несчастю, болтал, что о. Анатолий вял, ленив и прочее — и все это, и многое-многое другое, в чем она, по глупости, не поняла меня; например, вчерашней моей речи ей на исповеди, что ей следует не уезжать, а служить, — все перелито в о. Анатолия и отравило его. Господь с ними! Благодушие и терпение только пошли, Бог!

5 / 17 июня 1887. Пятница

День был серый, со свинцовыми тучами все время. И на душе было с утра целый день так серо, так свинцово тяжело, что таких дней в жизни мало, а если бы было больше, то ада не нужно другого. Так грустно, так печально, так безотраднo и теперь, что, должно быть, это вот и есть то страшное состояние, когда Благодать Божия совсем отстает от человека; только, Боже, за что же это? Ужели и без того бедному человеку — так мало страданий, что Ты еще бичуешь его, — к ранам раны прилагаешь! Но за что же? Чем мы, бедные, виноваты, что грех прежде нас существует и что мы, рождаясь, точно в кипящий котел попадаем? — Какая причина грусти сегодня? Да много причин. Во-первых, эта вечная азбучная работа; у другого есть движение вперед; здесь — вечно повторение одного и того же — все в самых простых понятиях и фразах; возвыситься —

ни на дюйм нельзя; кричат — «не понимаем! Не спеши, нужно записывать», — это каждый год, каждый курс, почти двадцать лет! Пусть бы работа приходская, с народом — можно хоть в нравственности двигаться, — здесь сфера школьным понятиям, вечно вращающимся на одном и том же, — что за мертвенная работа! Но к концу года как это нравственно, умственно и физически утомляет, при 4–5 классах ежедневно, в пятьдесят один год жизни, — без надежды отдыха даже во время каникул! Во-вторых, неизвестность, ведет ли все это к чему-либо путному, или все это пойдет прахом! Вон Сакума уходит же в протестантство и уволокивает своего сына (впрочем, ни к чему не способного молодца, — вчера взял его из школы), а слушал уроки в Катихизаторской школе целый год. Конечно, Православие — свет в сравнении с протестантством; но почти все японцы зауряд такие холодные ко всему, кроме интересов плоти, что в отчаяние приводит. Полтора года благодений — большое жалованье — почти ни за что — и ни искры доброго чувства в душе! Там — аглицкий язык, вязанье шапок и прочая цивилизация — туда! Кстати же, за дрянную службу в школе гувернером, я сделал раз или два выговор Сакума, — «[...]» — и предлог есть на меня свалить вину, что выходит, мол, врагом назвал, — что за низость! Впрочем, отчасти и мне урок — не делать гневных выговоров, хоть бы и сто раз справедливых, чтобы не подавать этим мерзавцам поводов к злоречию. Эх! Скоро ли я обращусь в камень! Пора бы, как давно по душе пора обратиться в прах, и как я жду этого, Боже, как жду! — В-третьих, одиночество, — что за безотрадное одиночество суждено мне! Не с кем целые годы слова по душе перемолвить! В-четвертых, оставление благодатью Божиею. — И вот вследствие всех этих причин и других (нынешнее чтение, навевающее прескверные мысли монографией еретиков Нестория и Евтихия) — такое давящее состояние души, что сегодня на классах едва мог пересилить себя, чтобы говорить лекции. Боже, не дай еще таких дней! — Но нельзя как-нибудь сделать, чтобы таких дней не было? Разве с еще большим усердием предаться исполнению долга? А восполнить себя что, — совесть говорит: Помоги, Бог!

1888 год

4 / 16 марта 1888. Пятница на Масленой

Гуляя в Уено, в моей любимой тихой широкой аллее; изредка только прохожие прерывают течение мыслей; а шум верхушек почтенных сосен, или разом брызнувший сноп лучей на прогалинах от тени — такие

успокаивающие и светлые мысли навевают. В прошлом и запрошлом году почти в этом время (в Рождественские отдыхи) там же гуляя, и почти теже мысли, теже настроение; от той же апатии и уныния старался отделаться. Ныне что за уныние все эти дни, навеянное письмом Победоносцева о том, что Высокопреосвященный Иоаннский уже предлагал в Совете Миссионерского Общества отнять субсидию у Японской Миссии и его собственными речами о неимении средств на храм и прочее! Прогулка прогнала сплин, но надолго ли? Я, кажется, все больше и больше теряю душевную упругость. Положил на этот раз следующее:

1. Молиться всегда, не в пост только, молитвой Святого Ефрема: «Господи, Владыко живота моего! Дух праздности, уныния и прочее... Боже, помоги! И без того я один на Миссии, а уныние — и последнего отнимает от дела Божия! Праздность — вследствие уныния — как она вредна и для Миссии, и для меня же самого, расслабляя и без того слабую душу! И что приятного в праздности? Ну, вот вчера, отдыхая от занятия, читая дрянь, успокоенный нервами — разве чувствовал удовольствие? Чувство человека на приятной лужайке, но с загрязненными сапогами, о чем забыть не можешь, — так и это приятное чувство отдыха и в теже время сознание праздности и безделья с унынием впридачу.

2. Стараться приобрести «кротость», которой у меня решительно нет. В ссорах, раза три-четыре бывших с покойным Яковом Дмитриевичем Тихаев, я был прав, но кроток не был, — и это меня теперь мучит; пусть же будет урок для будущего — поступаться правом своим в пользу любви и кротости, которые и суть благое иго, даруемое Спасителем.

3. Всячески стараться поскорее кончить постройку Собора, после чего со сдачею моих школьных обязанностей вернувшимся из России, — я буду иметь возможность посещать Церкви. — Тогда ежегодно: полгода — на посещение Церквей, полгода — на переводы Богослужения.

4. Чтобы не забыть эти решения, непременно же с завтра — ежедневно, несмотря ни на какие дни, вставать в три часа, — ложиться между 10 с половиной часами и после обеда не отдыхать, а если в сон станет очень клонить, прилечь на четверть часа. Помогите, Апостолу Павле, — огненно-деятельный из людей! Помогите и Вы, Святые братья — Кирилл и Мефодий, — житие которых профессора Малышевского только что прочитал!

Вечером.

Говорить со всеми, даже с порочными, как с этим мошенником Ильей, — кротко, разумно, от любви — тогда слово большею частию будет производить хорошее действие, по крайней мере не будет вредить; говорить же гневно, гордо, нетерпеливо, — слово будет гнилое — люди так и примут его, и, кроме зла, ничего не выйдет; попробуйте гноем брызнуть на кого, — всяк вознегодует, станет стряхивать, противиться; душевные болячки — гнев, ложь, гордость, нетерпение, злоба, ненависть и прочее —

не менее гадки, чем телесные, — из гнойной раны — гнева, гордости и прочего — брызжащее слово — вонюче, мерзко, — оттого и у людей возбуждает — в противодействие — тоже гнев, злость и подобное, — как и лошадь лягнет, когда ее хлестнут; итак — слово кроткое, любовное, разумное ко всякому; и кто его не примет — ему же хуже, а мне вреда не будет.

11 / 23 мая 1888

(Была рекреация, но дождь; в Россию нужно отправлять Климента Намеда и Сергия Сёодзи. День какой-то больной, недужится).

Что такое похоть? Это что-то чуждое природе нашей. Или нет? Так душе разве свойственно объединение, блуд и подобное? Конечно, нет. Телу? Тоже нет, — тело, коли душе нужно, только забыть и о пище, не только о пресыщении, тем более и блуде. И выходит, что грех и похоть — не в природе человека, а лишь «у зверей ее лежит» (Быт. 4, 7). Дьявол же вбрасывает в человека семена похотей, пользуясь сею близостью оных к природе человека, оттого-то всякое искушение и приписывается дьяволу, как и должно, — без него похоти были бы [?] инертны.

22 мая / 3 июня 1888

Если когда, то сегодня особенно я понял необходимость соблюдать праздники. Сегодня воскресенье; кроме того, было поставление диакона (Сайкайси); но никогда — целый день я не был в таком ужасном расположении духа, как сегодня. Я рад бы был умереть, уничтожиться, быть чем угодно, только не на своем месте, словом, был несчастным и грешным человеком, — и это из не соблюдения заповеди Господней о празднике. Утром — с семи часов было занятие с Накай — чтение и исправление перевода моей речи Русской Церкви от лица Японской, по случаю 900-летия; работа заняла два часа, работа — совсем будная, утомляющая, а не успокаивающая; потом — о постройке — дело насчет крестов, совсем возмутившее меня, — человек требует 6% награждения за то, что поставил сумасшедшую цену за кресты и сделал очередной невозможный заказ ему крестов; дал ему заметки, наклепленные им на его бумаге. В Церковь к торжественной встрече пришел совсем расстроенный. То есть это и не было бы расстройство, если бы был день деловой, — по деловому все и пошло бы: одного бы поправил, другого выбрал и делу конец, но к празднику-то все это не идет; к молитве неподходяще, с миром душевным, попутным для молитвы, несогласно. Оттого и в Церкви — все не успокаивало, ошибки — и нелепые ошибки несносных купцов-японцев, которым хоть тысячу раз повторять — забудут и перевернут — возмутили; молился плохо; только в Таинстве Священства — видимо, благодать

Божия есть — слезы едва мог удержать при поставлении. После службы опять будее дело: жена Ильи за деньгами пришла вопреки всякого права Ильи на получение, о чем вчера и предыдущие дни было несколько раз говорено. Это вновь возмутило меня, и затем весь день испорчен: не молился, как следует, не отдохнул душой, как следует (а завтра нужно опять за трудные недельные дела). Никогда я не был в таком скверном, несчастном, убийственном, адском, ужасном расположении духа, как ныне. Это адское мучение! Господи, дай умереть!

11 / 22 октября 1888

Завтра отправляюсь в Сендайскую Церковь; вернувшись, сдам свои классы в Катихизаторской Симеону Мии и стану посещать окрестные Церкви; состояние постройки храма теперь уже позволяет это. Без присмотра все разленились, и истины не узнаешь; например, в прошлом году переменили священника в Сендае: о. Матфея Кангета вывели в Нагоя, а о. П. Сасагава в Сендай; оказывается, что это сделано было вследствие интриги; всего четыре негодяя в Сендае решили прогнать строгого о. Матфея и прогнали, а мы в прошлом году на Соборе думали, что для пользы Церкви делаем перемену. И эта интрига стоила ослабления Церкви в Тоокайдо, ибо там о. Сасагава очень полюбили, и в Сендае, и от него зависящих Церквях, ибо там больше пригоден о. Матфей. Урок мне хороший! Знай сам все непосредственно, тогда не будешь игральщищем мерзавцев, для которых интересы церковные ни по чем. Помоги, Боже!

26 октября / 7 ноября 1888. Среда

О. Сергей прибыл 10 (22) октября. Кажется, человек хороший; усердно принялся за японский язык, так что в Оосака просится, чтобы между японцами, не слыша русского слова, поскорей научиться по-японски. Дай Бог ему!

А как же нужен благочинный! Сегодня узнал только: в Кесеннума семнадцать человек наших ушли в католичество — конечно, по лености катихизатора (Яков Яманоуци, — то-то он перепросился в другое место, а мне и невдомек причина!) всех же в прошлом году человек девяносто, кажется, ушло в католичество; в Мариока — пять и в разных местах. И все это — от недостатка знания учения верующими и от бездеятельности катихизаторов и вялости священников (вроде о. Бориса). Да, давят численностью католики и протестанты! У нас — никого, хоть шаром покати, русских, — там — сотни иностранных патеров и пасторов. Дало бы знать себя православие, если бы были органы его! Но где их взять? И кому жаловаться на нет? История! Пройдут сотни лет — мы будем еще

слепее на поле миссионерства, чем теперь. Католики и протестанты, а их тогда и след исчезнет, теперь же вон — терзайся, что по воле [?] уходят туда за неимением присмотра!

Эх, преобразование в церковном управлении в России неизбежно! Не нужен Вселенский Собор! К чему он? Догматы и каноны — все определено; католики же и протестанты еще не созрели для публичного покаяния и принятия их в Церковь Русскую — нам Церковный Собор наш нужен, — для наших частных дел, — и нужен не раз, а часто-часто; если не так часто, как установлено Апостольскими правилами, то в пять-шесть-семь лет раз нужен. Что на нем решать? Да наши церковные дела. Разве нынешнее синодальное управление хорошо? Шедше во весь мир — заповедь Спасителя — а не совет для добровольного исполнения; значит — обязанность Церкви — проповедывать язычникам; Святейший же Синод заботится ли о том? Нужен отдел Святейшего Синода для заведывания миссионерством. Духовно-учебный отдел нужно преобразовать: Академии должны разрабатывать науку ближе к жизни, а не писать на темы, в которых и диавол ногу сломит, или которые и лягушкам не нужны. Богослужение должно быть переведено на русский язык (на раскольников наплевать).

27 октября / 9 ноября 1888. Четверг

Итак, с сего времени начинаю по Церквам ездить! Из Академии теперь уже трое: Симеон Мии, приехавший в прошлом году, и Арсений Ивасава с Пантелеймоном Сато, приехавшие вместе с о. Сергием.

21 ноября / 2 декабря 1888

Интересный и вместе ужасный тип русской женщины сегодня встретил. Жена адмирала Владимира Петровича Шмидта, начальника здешней нашей эскадры Тихого океана, была сегодня с мужем и дочерью здесь в Церкви. После службы у меня за чаем был, между прочим, следующий разговор: «Говорят, буддизм сходен с христианством», — начала адмиральша Юлия Михайловна, — «в нравственном учении буддизма, действительно, есть некоторое сходство с нашей религией; да и в какой же языческой религии его нет? Нравственное учение язычников черпается из совести, которая и у них не потеряна». «Но, говорят, учение Христа заимствовано из буддизма». — «Ну это говорят люди не знающие хорошо ни учения буддизма, ни учения Христа». — «Нет, да отчего же бы Христу и не заимствовать из буддизма, если ему что понравилось? Он (Христос) был человек умный». — «Христос был Бог и изрекал свое учение, как Божественное повеление; Будда же, как и все в мире, и весь мир пред Ним Ничто», — оборвал я, чтобы прекратить это изливание нечистоты из

клоаки генеральского разума.— Прощаясь, адмиральша, видимо, чтобы сгладить дурное впечатление своим отзывом о Христе, выпалила еще: «Я ведь большая поклонница Христа!» — Долго уже я живу на свете, а все приходится удивляться. И это — христиане! Мать детей — уже тоже женатых и в чинах! Какие же понятия-то она им внушала? Так-то высший класс у нас в России невежественен, — хуже в сто раз, чем необразованные мужики — касательно Веры. В школах долбят кое-что, но не понимают и скоро забывают, а потом вся эта сально-грязная струя низменных ходячих французско-немецких мнений и словес хлещет в их мозги и сердца, и делаются они смрадные и мрачны до гнилости и отупения, и омерзения, когда иногда вонючей пеной выступают, или брызнут из их душ, как это случилось сегодня с адмиральшей. Грустно! Мучительно! Скорей бы Россия сдунула с себя эту накипь и нагар!

21 декабря 1888 / 2 января 1889. Среда

Гуляя в Уэно, в излюбленных двух аллеях, решил: строить ныне ограду вокруг Собора, а дом для Семинарии — подождать, ибо и в старом еще не тесно. Мешать будет дом внизу, против предназначенного спуска от Собора, но и это потерпит года три (ибо еще полтора года Собор не будет готов); а между тем, о. Анатолий внушит собрать тысячи три на обстройку потом этого места оградой; он это может между его знакомыми. Устрой, Боже, все это! И в Семинарию и в Катихизаторскую школу ныне принять. Грустно сжиматься, — не к славе Божией это; хотя и шириться — к славе ли Божией — Бог весть! — Какою судил быть Японии — Православною или инославною, кто знает! Материальна и мелка она очень, на внешность очень набрасывается, а внешность — при сотнях миссионеров, учителей, учительниц — со всеми обаяниями цивилизации, — у инославных; православие может убедить только своею внушительною силою, убедительностью, непобедимостью — но захотят ли прислушаться, вникнуть, испытать, вот в чем все! Поверхностны очень японцы, вертлявы, несерьезны, — в этом смысле протестантство по ним. Но ужели у них нет больше достоинства перед Богом, как быть брошенными в объятия этого вонючего разлагающегося трупа, именуемого протестантством! Как он смердит в протестантской текущей прессе (Japan Mail — этот презрительный лакей и прочее), в заманиваньи и прочем! Духу нет выносить! А людей еще сколько одурманенных им, вроде Bishop'a, Williams'a, Bickel't'a и других, и дурманят, и дурачат они в свою очередь других. «Какая, по его мнению, вера войдет сюда», — спрашиваю я сегодня Соесима. «Я про себя не говорю», — отвечал он, — «но другие говорят, что протестантство; все чиновники так говорят; много дочерей высших лиц приняли протестантство, — учителей так много». Вот те и раз! И резон! «Чиновники» и «дочери» — решат ли, что Японии быть протестантской?

Если решат, значит Япония и не заслуживает более того, значит и жалеть ее нечего! — По словам Соесима, унитаризм сюда также сильно полезет (о сем же говорил вчера Нагасана, рассказывавший про обед у Токугава — князя — унитария), ибо был учитель Нат — американец и сорок гостей; у Ната уже до сорока прозелитов из высшего круга, по словам Нагасана; Токугава же принял унитаризм в Лондоне и имя «Еммануил»! (Позже — также спиритизм; Соесима говорил про какого-то Цуда, который просветил сею верою и фокусами ее в Европе у некого Бенета.) Несчастливая Япония, если только она не изберет в скорости православия! Наползут сюда все исчадия диавола, вопьются в ее тело, станут пить ее соки и заражать ее ядом... Господи, будь милостив к сей стране! Избавь ее от сей горькой чаши! Если же она заслужила ее, то дай ей сперва и исцелиться от яда и мрака светом единой Твоей спасительной истины! Ради молитв Пречистой Твоей Матери и всех Твоих Святых умилосердись над сею странюю!

28 декабря / 10 января 1889. Четверг

Утром гулял в Уэно, в моей аллее — советнице. Решил в будущем году усиленно позаботиться об устройении своей внутренней жизни. Все до сих пор шло спустя рукава; нужно же, наконец, взять инициативу. Да поможет Господь в наступающем году особенно одолеть этот корень всех зол — «леность». Ведь, в самом деле, если бы человек во всякое время употреблял все данные ему Богом средства и силы — как много человек сделал бы! Отчего же нет этого? Ответ один: леность заедает! И во мне — как много этого зла! Жалуюсь, что людей нет; но сам же я в себе гублю, по крайней мере, одного человека: если бы не лениться — [?], все равно было бы, что двое нас; а теперь и один-то — через пень колоду. И грех, и стыд! Итак, помоги, Господи, в будущем году наблюдать: в отношении к Богу — молитву и чистоту — ума и языка, в отношении к людям — терпение и приветливость, к себе самому — прилежания и умеренности! Внешним признаком заботливости о сем да будет с нового года ежедневное (и в воскресенье) вставанье в три часа и неотдыханье после полдня; регулятором да будет ежедневное ведение записи того, что касается Миссии; запись сия пусть будет делана после ночного осмотра дома в десять с половиною часов.

А-ах, Господи, сколь благ для нас закон Твой! Для избранных Твоих он неважен — «праведнику закон не лежит», — «дураку, или особенно злому человеку закон не писан» (что, вероятно, принадлежит его уродству, и Ты, конечно, милостью рассудишь сие); но для нас, для посредственных — закон Твой — вся надежда наша на жизнь! Не будь его — все мы расслабили бы телесно и изгнали бы душевно, но закон Твой — узда для нас, — и мы, поволновавшись порочными мыслями и чувствами, все

же остаемся не очень уклоненными от пути, не расслабленными телесно, исключая обычных немощей — не изгнившими вконец душевно. Все это не мешает нам быть последними из грешников, не об этом и речь теперь, — не о гордости и смирении — а о благе закона Твоего, Господи!

В 1859-й год я вступал в Академию, в 1869-й — в Хакодате, — и скверно было! в 1879-й — здесь, и тоже печально было, хотя, однако, тогда было четыре тысячи христиан, а в 1869 — всего три — разница в десять лет очень резкая, — более утешительная, чем ныне, когда пятнадцать тысяч христиан, значит пропорциональное возрастание Церкви — меньше, чем тогда было.

В 1889-й год вступаю здесь, — нерадостно; Собор не кончен; христиан — сравнительно мало, инославные массою давят. По предыдущим примерам судя, следовало бы и в нынешнем году отправиться в Россию. Но для какого же дела? Если только не по вопросу водворения православия в Японии, то не желаю и не дай Бог ехать в Россию. Моя единственная цель жизни и радость — просвещение Японии Православием, — и я верю, что сие будет, верю также твердо, как верю в Бога, но достойна ли Япония принять Православие, или ей еще сужден полумрак, — Господь весть! Если бы было побольше таких людей, как Ниицума, то, несомненно, Япония была бы достойна, но Ниицума пока один — прочее все дело рынка.

*Краткий дневник
по миссионерству
с 1 / 13 января 1889 года*

Начальник Японской Духовной Миссии,
Епископ Николай

1889 год

Января 1 / 13 1889. Воскресенье

За обедней — толпа церковно-японских христиан. Кроме того, с российской канонерской лодки «Кореец» пришли сорок два матроса при офицере (Михаил Федорович Алексеев — чудесно исцеленный о. Иоанном Сергиевым в Кронштадте). Литургия вся, как обычно, была на японском; только на Великом Выходе по-русски помянут был Российский Царствующий дом и прочие. Молебен Нового года был по-русски. Из судовых девять человек певчих подвинулись к клиросу и пропели отлично молебен, я же служил по-русски. Видно, что и японцам это было очень приятно, — молились с усердием, хотя не понимали слов (но понимали порядок служения, ибо за несколько дней виден был тот же молебен по-японски).

Матросы были угощены чаем и японским суси, после чего ученики проводили их на железную дорогу.

В Посольстве застал страдающего простудой посланника (Д. Е. Шевич). Но, когда приехал с поздравлением Соесима, — нужно было видеть, как сей больной посланник разливался в комплиментах и сладких речах с ним. Именно нужно иметь дипломатические способности, чтобы во всякое время быть в состоянии говорить вещи и умные — дельные, полезные, и говорить их слегка (сообразуясь с обстоятельствами, какие есть). Жаль только, что эта игра остроумия, изящества и ловкости вся терялась от неумелого перевода, каким был перевод Сиги, как видно, очень забывшего русский язык. Соесима кричал, молчал или отвечал незначительными фразами именно потому, что Сига не в состоянии был передать ему игривой и умно-изящной речи русского посланника. Мне припомнилось время, когда Соесима играл в остроумие с Посъетом (в 1872 году, когда Великий Князь Алексей Владимирович посещал Японию). Но тогда перевод был другой.

Младшая сестра Анны Кванно — начальницы Женской школы, Мария Кису, жена Акилы Кису, в Иигава, привела дочь Веру в Женскую школу. Девочке ныне лет двенадцать-тринадцать. Отец, больной человек, любит дочь до того, что и спит с нею, ни на минуту не может расстаться, ибо единственная дочь. Отец и христианином сделался, просвещенный своею малюткой дочерью, лет шесть-семь тому назад; она, будучи уже крещена вместе с матерью, не переставала своим детским лепетком учить его христианству и надевать ему на шею крест, который он, наконец, и возложил на себя, и возложил истинно, ибо с тех пор на одну только постройку Собора здесь пожертвовал 150 ен, не говоря уже о питании катихизатора в Иигава и прочем; признаки японски достаточно поразительные, чтобы показать искренность обращения Акилы. — Когда я в прошлом ноябре был в Сендае, Акила со всем семейством прибыл в Сендай, после позволил жене и дочери побыть в Токио. Вере, дочурке, очень понравилось здесь Женская школа, и она упросила отца отпустить ее поучиться здесь; особенно понравилось пение здесь, а она была там днем главною певчею; здесь она увидела, как еще мало знает пение. [?] Отец не помешал ей; бедный, как он, должно быть, страдает ныне от разлуки с милою крошкою (именно милою, ибо Верочка действительно премилое дитя). Мать пробудет ныне с нею здесь с неделю и вернется. Я говорил ей, что Акила может взять дочь домой во всякое время, но мать говорит, что дочери отпуск в школу на три года, в которые она не будет потревожена из школы.

Между поздравлениями с Новым годом был некто, проживший семь лет в Кронштадте. Говорил, что н днях был симбокквей бывших в России, собралось человек двенадцать. Говорил, что сторонники России здесь: граф Сайго, Инамото и Курода. В добрый час им!

Мне кажется, что Верочка Кису должна со временем послужить Церкви. А как нужны такие лица из Женской школы! Графиня Путятина была слишком груба для понимания сего рода службы; ныне Елисавета [?] — горда, Анна Кванно — стара; никого нет для бескорыстного, ревностного

глаголанья Слова Божия, желающих из женщин особенно! Пошли, Господь, диаконисс для сей Церкви!

2 / 14 января 1889. Понедельник

Был с новогодним визитом Соесима, граф. На вопрос мой: «Вероятно, в Парламенте (имеющем открыться в будущем году) будет поднят вопрос о вере для Японии?» Отвечал: «Не будет, ибо вера не касается Правительства; вера будет оставлена на произвол каждого». — «Но какой же веры будет Император?» — «Это его личное дело». — «Однако же вера весьма важна и с точки зрения государственной, и Правительству не след относится к ней безразлично; Япония теперь в периоде искания веры для себя; только Правительство имеет возможность исследовать и определить, какая же вера истинная; для частных лиц — это весьма трудно, средств не хватает, да и частное лицо, нашедши истину, не будет иметь авторитета, чтобы преподать ее государству; если Правительство не поможет народу в этом деле, напоззут сюда всевозможные секты, раздробят и поделят Японию», и так далее. Уже не в первый раз я ему толковал все это, а ныне рассказал, как наш Святой Владимир отыскал истинную веру; говорил о разности отношений разных христианских исповеданий к Правительству; если войдет сюда католичество, то японский император делается рабом (дорей) Папы; если протестантство, — вера будет на послугах Правительства, или же как ныне в Америке (хвалящейся — «свободная вера в свободном государстве») и Франции — будет раздавлена Правительством. Все это граф слушал в перемежку со своими нелепейшими возражениями: «Я, мол, сам сочиню веру», и подобное, или же, по-видимому слушая, кажется, ничего не слышал, а думал себе свое, ибо ни на волос он не поддается никаким религиозным убеждениям вот уж сколько лет. И, смотря на него, грустно становится за Японию; один из лучших людей Японии и, кажется, может быть принят за представителя и выразителя духа народного; ужели и вправду — так почти все иностранцы отзываются об японцах — народ сей совсем безнадежен в религиозном отношении, индифферентен или невер по природе?

Чуть ли не больше по нему Наст, унитарий из Америки, проповедующий ныне в Токио и, говорят, всегда имеющий большую аудиторию и последователей из высшего класса! Если только такие крупницы религиозного верования, почти равные нулю, он может переваривать своим духовным желудком, то долго еще ждать, пока он возрастет до глаза [голода] истинной веры.

3 / 15 января 1889. Вторник

Японский религиозный журнал «Ниппон-но кёогаку» — презанимательный. Чего хочешь, того и просишь. Тут буддисты ругают на чем свет

стоит христианство,— под тем же христиане провозглашают победу над буддизмом, а дальше опять буддизм доказывает, что христианство в Европе вымерло и что буддизму — широкая дорога в Европу,— не только здесь. Здесь же синтуист тычет свою засохшую веру, точно могильный <...>,— а дальше другой синтуист толкует, что «Такамано Хара» — не больше, чем «жилье микадо в Яманото» и что ни богов, ни неба нет, в Мо <...> и его ученики эту истину, чтобы не закрыть рынка для своих книг. Тут же и унитарий (а равно и в Дзидзисимпо) извивается змеей: «Нет Бога,— впрочем, есть Бог; мы не христиане, впрочем, мы христиане; мы не молимся, впрочем, мы молимся; однако наша молитва — только выражение желания высшей жизни», и прочее. В каждом номере журнала можно найти и православную статью. В самом деле такой чистейший, откровеннейший индифферентизм — интересное и характеристичное явление. Впрочем, тут есть и хорошая сторона: сим органом можно пользоваться для выражения православных мыслей.

Вот католический орган: «Тенсю-но Банпей» «Le Soldat du Dieu»* — ни в каком отношении позволить нельзя. Это именно солдат, грубый человек, пьяный, драчливый и сквернословящий, сказать же путное ничего не умеющий. Статьи преглупые, а половина журнальца всегда наполнена полемическими статьями, то есть грубою бранью и ложью по отношению к православию, не менее и к протестантству; отвратительно читать, почти никогда не одолеешь все статьи; как это рисует католичество! Больше сорока патеров здесь, и такое глупое и ничтожное издание! В нашем Симпо в десять раз больше ума, не говоря уже о других качествах. Попался еще им этот Владимир Соловьев — несчастнейший ренегат; жуют и смокуют его и тычут эту жвачку вот уже больше года! Нашли утеху! Видно, обеднение, когда и это им кажется драгоценным орудием против православия! Бедные.— Но как бы то ни было, Японии католической не быть. Третьего дня Соесима при одном выражении: «При католичестве Японский Император сделался бы рабом (дорей) Папы», покорбился до того, что не захотел дальше продолжать на эту тему. Нет, Папскую туфлю Япония целовать не будет!

4 / 16 января 1889. Среда

Как подл может быть англичанин за деньги, примером может служить издатель «Japan Mail», капитан Бринкли. Совершенная собака на задних лапах в каждом своем номере пред японцами, особенно пред властями, от которых получает субсидию. О чем бы ни была речь — скалит зубы улыбающийся пес тут как тут; только — на других псов сия собака ворчит и скалит зубы в другом тоне; какая грызня с «Japan Herald», издающимся здесь, в Иокохаме, но более независимом, хотя тоже часто

---

* Воин Бога (франц.)

становящимся на задние лапы и со всею аглицкою сворнею борзописцев; пояснением может служить и сегодняшний номер, где Бринкли грызет аглицкую газету «Standard» за чуть-чуть неблагоприятный отзыв о японцах. — А в религиозном отношении что за ничтожный этот Бринкли! Добрую сторону наплывтия сюда миссионеров находит только в том, что это способствовало поднятию здесь спящего буддизма. В Христа не верует, хотя и считает себя христианином; мертвым трупом протестантство так и разит из его газеты; хоть в этом польза, клиническая польза показать иногда тот или другой отрезанный от трупа член!

Елизавета Котама приходила просить прибавки жалованья. Я думал — для помощи обедневшему брату, но совсем нет, — «на платье, на Лексикон» и тому подобное. Дал ей строгое наставление не терять уважения, которым начинает пользоваться, служа Церкви; пришла сюда добровольно — посвятить себя Богу, так пусть сохраняет это настроение. Пусть не дает места дьявольскому внушению гордыни (что-де уже сколько служу) и себялюбию. Если бы любовь к ближним или Богу привела ее сюда с просьбою, — иное бы дело, просто же себялюбие не может быть исполнено. Советовал ей вести дневник, чтобы наблюдать за собой, за развитием своего внутреннего человека. Впрочем, обещал ей давать от себя по 1 ене в месяц в прибавку к нынешним от Церкви 4 енам. Дай Бог, чтобы она вразумилась; по-видимому, начинает зазнаваться. Эх, японцы — малонадежный народ!

5 / 17 января 1889. Четверг

Прочитал «Афоризмы» и «Максимы» Шопенгауэра. Отчасти годеи сей пессимист-философ для пояснения истины, что «мир во зле лежит» и что все люди от рождения заражены грехом. Но учение его, что «зло позитивно, а благо негативно» и что несчастье и страдание — общее правило и даже цель сей жизни, — что за дикое ученье!

Оттого он и сходится с буддизмом; буддистское изречение: «Это есть сансара, море похоти и вожделения, а потому мир [?] рождение болезни, одряхления и умирания — это есть мир, который бы не должен существовать» советую повторять всякому четыре раза в день.

От него-то буддизм вошел краешком своего тумана в некоторые пустые головы в Европе и Америке, а отсюда и в Японии — «буддизм-де будущая религия Европы на место исчезающего там христианства». Это — вонь мертвеца здесь, ворошимого некоторыми жуками кавказской породы. Это же признак, что в инославии — гибель духу человеческому.

6 / 18 января 1889. Пятница.

Богоявление

После богослужения был по-русски молебен для русских с лодки «Кореец». Благодетие, видимо, возрастает во флоте. С такого маленького судна — пожертвование на постройку храма до 260 долларов.

Возвратившийся с обзора Церквей о. Федор Мидзуно сообщил немало хорошего об усердии окрестных христиан, особенно в Акуцу (мито), Ооцу и в Симооса. Недостает усердных проповедников, — пошли их, Боже! Везде теперь можно проповедовать, лишь бы было кому. Все это море голов, совершающих жизненный путь без мысли, куда он ведет, начинает чувствовать беспокойство среди густого тумана...

7 / 19 января 1889. Суббота

Утром урок с молодыми проповедниками. Частный и Общий Суд: воины возвращаются по одиночке с поля битвы, и торжество по окончании всей войны... Когда Общий Суд, мы не знаем, как не знают рабочие, когда будет окончено здание нашего храма, и в каком он виде будет: каждый делает свое дело, но общего плана не знает... Но признаки есть, когда будет окончено, — это — когда ремесленники внесут свою долю труда, когда останутся только негодные отброски материалов, наконец, когда леса станут разбираться. Так и там: когда все народы, услышав Евангелие, внесут свою долю в создание Церкви, когда на земле останутся одни негодные отброски — злые последователи антихриста, и когда звезды спадут и прочее... Искупитель наш должен быть всемогущим и для того, между прочим, чтобы истинно возродить и претворить нас; иначе, например, Святой Пророк Давид мог ли бы наслаждаться блаженством при сознании своих грехов, или Моисей Мурин, или разбойник с креста? Но чувство греха и страдание у них погашено, ибо они ветхого человека сбросили и родились во Христе; ныне не ощущают боли от своих прежних падений — все равно человек не ощущает боли от падения и ушибления, когда он был пятилетний, отчего? Оттого, что он совсем новый человек; взрослым он только помнит, что ушибся тогда, но боли не чувствует (если она была тогда исцелена). Нужно так душой нам возрасти в Христе, — это великое таинство; и все, что в Священном Писании о возрождении говорится — великая и отрадная истина, истина буквальная.

12 / 24 января 1889. Четверг

Этакое несчастье! Сегодня в храме плотник Хирата, тридцати лет, из деревни Сибамура в Сайтама кен, из разбиравших подставки оборвался по неосторожности и убился до смерти, упав на кирпичный помост под аркой (с северной стороны). У бедного осталась жена и трое маленьких детей. Товарищи его, положив труп на сколоченные доски, унесли домой. Быть может, из детей кто будет годе в одну из наших школ. Хоть бы этим помочь. Грустно!

Из Сан-Франциска некто Ск. Джеферес принес письмо и фотографии от Преосвященного Владимира. Сослуживцев и школьников у него много. Можно много добра сделать. Дай Бог ему! Невыразимо приятно будет, если в Америке станет на ноги наша Церковь. Сколько бы борющихся теперь в волнах протестантизма нашли мирное убежище в ней!

Впрочем, такие сочувствующие, как сей Джеферес, не в счет, дальше слов не идут.

13 / 25 января 1889. Пятница

Протестантов и взаправду, кажется, уже близко тридцать тысяч в Японии; все выхваляются этим в газетах. А года три назад было вдвое меньше, чем у нас; теперь же мы на половину отстали, ибо у нас всего шестнадцать тысяч. Впрочем, и это сопоставление далеко не в похвалу протестантизму, если принять во внимание, что у них одних иностранных миссионеров и миссионерок до трехсот душ, тогда, как нас всего трое, и с о. Сергием, всего три месяца назад прибывшим. Впрочем, нет сомнения, протестанты все больше и больше будут нестись вперед и обгонять нас, прыгая и резвясь, путаясь и резвясь. Они совершенно, как блудные дети, радостно несущиеся вдаль от родного крова, от восхищения, что имеют в руках часть наследства и свободу тратить его, как хотят. С какою радостью они толкуют о христианской свободе и как наивно пользуются ею. Мало протестантской разнузданности, приносимой сюда миссионерами, иногда тут поминающими свое родство с христианством, туземные христиане протестанты шумят — не хотим никаких правил, которые точно перегородки и формы предлагаются нам заграничными учителями... Бедные! Как, видимо, беспутно расточают сокровище свободы, данное Отцом Небесным! Смешивают свободу с безалаберным самопроизволом, и тем сами себя обедняют. Свобода есть беспрепятственное движение и жизнь в узаконенных пределах; выскокить из них — значит лишиться свободы. Рыба свободна и счастлива в своей стихии — воде, но если бы она под тем предлогом, что свободна сделать это, выпрыгнула на берег, то попала бы в стихию, которая несвойственна ей, которая бы поэтому стеснила ее движения, связала ее, сделала ее жизнь на время мучительною, а со временем и совсем лишила бы ее жизни. Так и с протестантами, выпрыгнувшими из Церкви: они сами лишили себя благодатной атмосферы Церкви, и бьются и трепещутся, точно рыба на песку, — чему верить? Не знают, чему следовать? Не ведают! Все перемешалось и перепуталось во взаимных недоумениях и спорах, а неверье, точно шумящая и ревушая волна, хлещет все выше и свирепее, и рвет из рук у них последнее весло — надежду — Священное Писание. Что они, в самом деле, могут сказать, хотя бы унитарияне, так нагло ныне в Японии хулящие Слово Божие? Не то ли, что я вчера

прочитал в «Рокугодзасси» — протестантском журнальце? Что за вялая, выдающая сама разбитость своей веры, защита!

В Европе и Америке протестантский мир все более и более приходит в сознание окончательной своей несостоятельности и уже почти совсем отрекается от Христа-Бога <...> — выражение протестантского сознания, потерявшего веру в божество Иисуса Христа. Но щепы от разбивающегося протестантства еще заносятся сюда в вое миссионеров — с рьяностью набрасывающихся на Японию в таком количестве. И здесь японцы, точно дети в куклы, с восторгом начинают играть в пасторов, учителей, проповедников, диаконов — и все с неограниченной свободой толковать Священное Писание по-своему и творить и творить новые секты, сколько душе угодно. В добрый час! Видно, так лучше, блудный сын пусть повольничает, растратится и почувствует свое убожество. Иль этого не будет? Не опомнится? Но ужели японский дух ни к чему не годен? Совсем не на счету у Провидения? Ибо жить и умереть только с ложью на устах и в душе — все равно что не жить. Нет, не верится этому. Много хорошего, любезного Богу и у японцев. Итак, не дает им Бог умереть во тьме и полутьме. А это значит, что нынешнее и будущее протестанты, здесь избродившие глухие тропинки, вернутся, наконец, на истинный прямой путь, ведущий в Царство Небесное.— Итак, будем трудиться и, с помощью Божиею, строить здесь Православную Церковь с твердую верую, что этим полагается камень в основание дома истинного прибежища для всего японского народа.

Но, Боже, взгляни же скорее оком милосердия на сей народ! Жизнь сия уподобляется плаванию в море или путешествию; но разве есть пловцы или путники, отвечающие на вопросы: «Куда направляетесь? Какая цель пути вашего?» — «Не знаем, не знаем!» А здесь у всего этого моря людей если спросить,— что за гробом? Какая цель вашей жизни и так далее? Никто не ответит, как должно; все скажут: «Не знаем»; почти все: «И не хотим знать»; а иные, вроде здешних университетских ученых, засмеются на вопрос и назовут его глупым, ибо-де «с жизнью для человека все кончается,— душа его исчезает». Что за ужасное состояние! Именно «люди сидящие во тьме и сени смертной!» Боже, засвети здесь солнце истинного Твоего Евангелия здесь! Скорее!

«Церковь своим руководством стесняет-де» — блудословят неразумные протестанты. Ну, да! А в темноте-то предлагающий руку надежный путеводитель тоже стесняет? Лучше лоб расшибить об стену, либо ногу сломать? «Теперь-де не тьма, а цивилизация». Пусть. Но и среди бела дня разумные мореходы разве не берут лодмана — там, где путь небезопасен, или неизвестен? «Но и без лодмана ходят и приходят». А Церковь-то разве насильно и всем непременно навязывает свое руководство? А как же по сорок-пятьдесят лет жившие в пустыне отшельники плыли по житейскому морю? Не самостоятельно ли? Да еще и святыми стали, еще и книги, полные руководственного света, для других написали. Так и

теперь хорошо самостоятельно жить и думать, живи и думай, — Церковь будет радоваться за тебя, если будешь идти; это-то собственно и цель Церкви — возрастить всех до самостоятельности (в меру возраста исполнения Христова — значит, до высочайшей идеальной самостоятельности). Но дело в том, что Церковь — всегда, во всякую минуту, готова поддержать, помочь, наставить, чего в протестантстве нет и быть не может (читай Священное Писание и понимай, как знаешь?).

17 / 29 января 1889. Вторник

В субботу был пожар в Университете: сгорел деревянный двухэтажный дом, где помещались больше сотни студентов. Пожар начался за полночь, когда все спали, — внизу; когда разбужены были спящие студенты, то лестница — единственная на верх, уже была в огне, и потому молодые люди стали бросаться из окон; больше десятка получили сильные ушибы; а один не успел выскочить и сгорел. Отсюда поучение, что имеющуюся в виду постройку здания для Семинарии нужно произвести такой, чтобы подобной беды не случилось.

Сегодня в «Japan Daily Mail» напечатана выдержка из «London and [?] Express», в которой говорится, что Петербургский Митрополит писал в лондонскую газету «Daily Telegraph», прося помочь Японской Православной Миссии построить храм, основание которого уже заложено (тогда как уже он почти кончен), извещал, что здесь уже восемь тысяч христиан (тогда как их шестнадцать тысяч) и прочее. — Это Высокопреосвященный Исидор-то? Да он и к Аглицкой королеве, подумавши, напишет, коли бы и случай был! Экие нелепости! И, вероятно, не без злонамеренности сочиняют.

19 / 31 января 1889. Четверг

Сегодня напечатано опровержение вышеозначенной нелепости в «Japan Daily Mail», посланное письмом вчера. И за то спасибо! Вор, пойманный в кармане, не отказывается отдать назад платок.

О. Павел Ницума, вернувшись из Маебаси, рассказывал, что Церковь там совсем упала. Во-первых, священник Роман Циба негоден быть священником, хоть и избран был самими христианами. Вот урок (а в Санума с о. Иовом Мидзуяма — другой), что и избрание, и притом лица хорошо известного, не всегда обеспечивает благосостояние прихода относительно священника. Итак, избирательскому порядку не следует давать преувеличенного значения. Священник Роман Циба — вял, но заносчив; управить не может, а требует подчинения; слабохарактерен, но вспыльчив. Во-вторых, шелк плохо пошел, а наши христиане все шелкопроизводчики и торговцы. Итак, вот еще как слаба Церковь: достаточно торгового убытка, чтобы убить религиозное чувство. Вероятно,

на Господа Бога в претензии, отчего-де не посылает им с неба золотой дождь. Грустно!

20 января / 1 февраля 1889. Пятница

С этою почтою пришло письмо от одного послушника из Санкт-Петербургской Невской Лавры, кончившего курс и бывшего учителем и женатым; жена и дочь померли; просится сюда иеромонахом; ему двадцать шесть лет.— Иеромонахи должны быть здесь с академическим образованием; а пусть приезжает иеродиакон с жалованьем не больше сорока ен. Был бы здесь и экономом, и ризничим, и прочее, и прочее. Нужно написать о. Феодору, чтобы посмотрел его и, если окажется добропорядочным, предложил бы; если действительно чувствует миссионерское призвание, как теперь, то согласится, а если не согласится, значит и негоден здесь. Если приедет, то научился бы там служить с архиереем и отыскал бы и привез с собой хорошего звонаря.

Однако Елисавета Котама совсем дрянь. Или она испортилась, или и прежде не имела того возвышенного настроения, которое я воображал в ней. Приходила прибавки жалованья просить,— на что? Думал, обедневшему брату помогать; нет, себе на платье и разные мелочи. Это на днях, а сегодня еще объясняться, что она-де не в искушении от лукавого или мира, как я прежде сказал. Слушал долго,— все-таки никак не мог понять, чем хорошим она мотивирует просьбу прибавки; а заговорил опять, убеждая вернуться к прежнему доброму настроению — мысли служить Богу, как она опрокинулась на меня и стала высчитывать, что я сделал дурного ей: не дал денег на дорогу на каникулы (потому что получает жалованье), помимо ее, на ее экзаменах, обратился к другой учительнице, больше я не стал слушать, ибо и некогда. Итак, она ко всему еще и глупа, да и зазналась же! Все мои убеждения и наставления (как духовника) и тогдашние, и сегодня, как к стене горох. Приходится оставить надежду на нее, как на будущую начальницу Женской школы. А нужно поискать по Церквам взамен Анны Квано, старухи, когда совсем ослабеет или помрет, от чего, кажется, недалеко. Как слабо, однако, японцы и японки проникаются христианством! И как нужна бы из России одна добрая благочестивая женщина и для Женской школы, и для христианок здесь.

26 января / 7 февраля 1889. Четверг

Сегодня о. Павел Ниицума освятил молитвенный дом в Иокохаме. Я дал туда икону Афонской Божией Матери, писаную на Афоне и пожертвованную сюда еще в 1880 году Ефр. Никиф. Сивохиным в Петербурге. Долго хранилась она; жаль было расстаться с нею; дай Бог,

чтобы она принесла благословение начинающейся Иокохамской Церкви. Икона аршина полтора высоты и превосходного письма. Другие иконы Священного изображения также даны. О. Павел сегодня совершает, после водоосвящения, литургию там; затем проповедь, тема которой — превосходство православия пред католичеством и протестантизмом. Желательно, чтобы не увлекались в бесполезные состязания; но темы переносить нельзя, ибо катихизатор (Тарасий Маедо) разослал множество билетов.

На днях вышел Императорский рескрипт, что 11 февраля (30 января старого стиля) дана будет Конституция. Столица готовится к этому празднику. Объявлен церемониал, сущность которого в том, что председатель Суумицуи (Императорского Совета) подаст приготовленный список Конституции Императору, а Император передаст его председателю Государственного Совета (Найкаку). Главные действующие лица — граф Ито и Курода, которым студенты Университета 11 числа, во время парадного поезда Императора к войску, отложивши лошадей у их колясок, провести на себе, но, кажется, это не состоится. День, действительно, важный, и дай Бог ему быть началом новой — истинно счастливой и христиански отрадной эрой для Японии. Школы будут расставлены по пути парадного поезда Императора вместе с Императрицей и будут петь народные гимны. Собираются и наши стать где-нибудь и пропеть. Для этого сегодня стали было разучивать на четыре голоса один из гимнов, — но что за безобразие! Японские стансы — переложенный на ноты одного из протестантских молебных гимнов: вяло, усыпительно, мертво, — все на низких нотах с полутонами. Мерзость! Меня отвращение взяло, когда слушал разучиванье. Я совсем не воображал такого имбесильного обезьянства японских патриотов. Остановив спевку, я велел завтра спеться «Спаси, Господи, люди твоя» — и прилично обстоятельствам — вознести моление за Императора и Японию и пригодно для нашего прекрасного, пока единственного в Японии, хора пропеть полной грудью. И певчието, видимо, обрадовались.

11-го числа, в понедельник, отслужим обедню и молебен за благоденствие Японии. По этому случаю пришлось переложить, наконец, «многолетие» на японский язык. О. Павел Сато приходил сегодня утром и просил перевести, — предлагал и текст «циё яциё» — «тысячи веков, восемь тысяч веков», но подобные выражения могут быть хороши в светских гимнах, — в Церкви же неуместны, — здесь должно быть слово правды только, просить же у Бога жизни Императору тысячу веков, едва ли и сам Император одобрил бы. Итак, положено перевести «многая лета» выражением «икутосе-мо». Павел Накаи предложил это; хотел еще к этому приложить «икюё», но опять была бы ложь в Церкви. — Львовский перекладывает на ноты. Завтра спойтся. 11-го числа в первый раз в Церкви будет возглашение и затем, дай Бог, широкое употребление!

Слово нужно будет сказать в Церкви 11-го числа об отношении Церкви к Государству. Католичество требует подчинения Государства Церкви, протестанство наоборот, а возбуждающееся из того и другого неверия — проповедует свободную Церковь в свободном государстве; но проповедывать, что душа не должна иметь отношения к телу и тело — к душе, может только человек, неверящий в существование души отдельной от тела. Государство не есть последняя форма человеческой жизни, — а переходная, следовательно, он должен иметь в виду дальнейшую жизнь точно также, как низшая школа среднюю, а средняя высшую. Истинное отношение Церкви к Государству только в Православии, где Церковь в Государстве, как душа в теле.

Итак, мы должны сегодня и всегда молиться, чтобы Господь даровал истинную веру Японии и в ней счастье и благосостояние Государства.

Как в скверную, ненастную погоду вода и сырость пробирается повсюду, так и протестанство с своим наплывом миссионеров и всякого звания лиц из протестантских стран ныне всюду старается просочиться в Японии. Сырость, однако, и слякоть никому не нравится. Было бы величайшею аномалией, если бы привился протестантизм в Японии. И пора бы уже этой мерзости, этому [?] духа человека, этой переходной ступени к неверью — протестанству — вон из мира. Ведь и имя-то у него напрокат — на час — живет, мол! Протестанство! Дьявол непременно чихнул и поздравил себя, когда сочинил это имя для нового заблуждения, порожденного им. Но пройдет еще два-три века и люди будут дивиться, что могла быть такая вещь, как протестанство; но у людей в то время будут новые заблуждения, быть может, глупее протестанства: «Соблазнам подобает прийти».

Нужно пригласить из России благочестивых жен для миссионерского дела здесь. Сделать воззвание — достаточно будет; вероятно, откликнутся. Нужно только наперед заявить, что они должны быть на своем иждивении. И если приедут, уметь обращаться с ними, — не как Черкасова и Пугатина, которых, может быть, и можно было сделать полезными для Миссии, если бы при обращении с ними заранее было принято внимание, что женщина по самой природе своей может служить делу — только служа личности, и если личность уклоняется от нее, она и дела не видит и так далее.

30 января / 11 февраля 1889. Понедельник

Торжественный и весьма важный для Японии день — обнародование Конституции. Император уступил большую часть своей правительственной власти народу. Почти везде Конституция добывалась кровью,

иногда целыми потоками крови. Здесь она свободно и благодушно дана и столь же благодушно принята.

Выпавший ночью дождь несколько мешал связности праздника в начале дня. Впрочем, все действия программы состоялись.

Мы отслужили литургию и благодарственный молебен, начав с восьми часов утра. На молебне первый раз в Японской Церкви провозглашено и пропето было (весьма плохо) многолетие на японском — «икутосемо» Императору и фамилии его, синклиту и японскому народу. Часов в десять школы отправились в назначенное заранее, по дороге Императора к войску, место — у Русского Посольства. Пропели, при приближении Императорского поезда, раз Спаси, Господи, люди... на японском, два раза народный гимн «Кимига ё» и еще «Сю я, нандзино [?]». Пели, говорят, превосходно. Император и весь поезд засмотрелись на певчих, — и неудивительно. — Четырехголосное пение все слышали впервой. На дороге домой певчие пели против императорского дворца и в других местах, — против Семинарии и здесь — против крыльца. На дороге в иных местах была такая теснота и давка, что только благодаря нашим большим ученикам Катихизаторской школы девочки наши не были подавлены, как крысы; ведь четырнадцать человек раздавлены до смерти в тесноте, как газеты извещают. Певчие и все ученицы наши, слава Богу, вернулись не только все здоровые, но даже никто не упал и не выпачкался в грязи дорогой. — Порядок шествия школы наши везде, где можно, соблюдали так хорошо, что заслужили похвалу, слышанную из многих уст — «недаром-де духовная школа». В процессии у них было четыре флага: два государственных, один Семинарии и один — поздравительный Императору (банзай).

Город разукрашен арками, фонарями, флагами, даси (коляски с театральными представлениями и прочее), из которых иные забавные; например, на одной коляске журавль выпускает из клюва свиток, а змея, выползая из трещины, тащит его к себе.

Утром во дворце была церемония передачи Императором Конституции народу: Император принял свиток от составителя документа, передав его графу Курода — премьеру нынешнего Государственного Совета. Вся церемония продолжалась не более двух минут, как рассказывает о. Анатолий, в качестве члена Посольства бывший там. Император, вышедши на трон, прочитал указ, потом принял свиток, передал, поклонился и ушел, — а сто один выстрел возвестил японскому народу, что он — самодержавный.

Праздник отчасти был испорчен убийством министра просвещения — Мори. Утром, когда собирался во Дворец, некто Нисино, лет двадцати пяти, потребовал свидания с ним, — и выходявшего уже из кареты министра схватил левой рукой поперек тела, а правой распорол ему брюхо кухонным ножом. Сам тут же был убит одним из свиты. В кармане убитого нашли бумагу, где объяснялось, что министр убит за осквернение

святыни храма в Исе; оскорбление же состояло в том, что Мори, когда был там, вошел в кумирню в сапогах — «недостойн-де такой нечестивец сегодня участвовать в церемонии», и убил. Характеристично! Крайний индифферентизм и бездушный фанатизм — оба друг с другом.— Нисино не необразован, служил чиновником, жил неподалеку от Миссии, в Канда; был человек слабого сложения,— не ссорился в спорах, но выражал крайнее благоговение Императору; о замысле его ровно никто не знал.

Вечером часть Конституции уже явилась в газетах, и я с удовольствием увидел во второй главе — «о правах народа» двадцать восьмым параграфом объявленную свободу вероисповеданий. Итак, теперь уже не «моккё» (молчаливое позволение), а открыто объявленная свобода — всем, кто хочет, быть христианами! Слава Богу! Хоть и доселе было свободно, но все же, кто мог и хотел притеснить, и притеснял,— теперь этого нельзя.

Вечером любовался на иллюминацию в городе и, между прочим, на веселье в нашей Женской школе; дал девочкам 3 ены устроить «симбок-квей», как устроят у себя семинаристы, где произносились бы речи и тому подобное. Но они устроили лучше: часа три резвились, бегали, кричали и смеялись там у себя по комнатам до того шумно и весело, что здесь со второго этажа было слышно, хотя дом почти весь закрыт был ставнями.

Конец дня испорчен был сообщением от Павла Накаи, будто Великий Князь Сиракава посылается в Германию изучить там веру в видах принять оную и здесь Императорскому Дому. Это лютеранство-то! Но Япония так обезьянничает ныне во всем Германии. Нельзя удивляться, если и веру оттуда возьмут. Только это будет уж не вера, а политическая мера. Это и будет, значит, что Япония не достойна еще прямо вступить в полосу света: искать веры как истины.

31 января / 12 февраля 1889. Вторник

Солнце по-вчерашнему веселится. Кстати, и день хороший. Ныне Император опять поедет по городу — казаться народу. Потому наши ученики с утра захватили место тут же внизу у почтовой конторы, и, чтобы кто другой не отбил его, поставили свои флаги и обнесли место оградкой.

Часу в третьем Император проезжал. Я наблюдал поезд с лесов колокольни, где развевались (и выше нигде не развевались) два японских флага на тычках лесов; слышал даже пение наших: «Сю я нанотано та[?] сукуя», но потом народный гимн запели тысячи учащихся, стоящих тут же; наш четырехголосный хор слился с массой одноголосного пения и отдельно не был слышан; впрочем, Император опять обратил внимание при проезде, как говорят ученики.

Вечером у учеников Семинарии было собрание «симбокквай»; на этот раз сделали все вместе, — и ученики Катихизаторской и Певческой школ тут же. Комнату украсили флагами, зеленью и прочим превосходно. Позвали Си[?], учителей, катихизаторов из города, даже начальниц Женской школы. Сначала прочитали отлично составленную бумагу, почему ныне собрание, потом копию адреса Семинарии, гимн, речи — в нескончаемом множестве. Я в исходе десятого тоже сказал речь и ушел. После у них продолжалось еще до двенадцати часов. Все было очень прилично, одушевленно, — все речи с неизменным религиозным оттенком. Настроение патриотическое и вместе христианское.

Министр Мори утром, в пятом часу, помер. Но этого не объявляли до конца дня, чтобы не помешать празднику.

Никакой Сиракава, князь, однако, не отправляется в Европу, а едет Арисугава с женой; имеет он, между прочим, назначение лично вручить орден нашей Государыне от здешней. Хочет быть и в Москве. Не ему ли секретно назначено присмотреться к верам? А открыто он имеет назначение изучать военное искусство.

2 / 14 февраля 1889. Четверг

Что за мерзкое сочинение Соловьева: «L'idée russe». Таковую наглую и бессовестную ругань на Россию изрыгает русский! — Католики здесь как рады! — Но не на свою ли голову радуются? Пусть Россия плоха, но какое же дело Японии до сего при принятии веры. И от смешения веры с политикой и Византия, делая это смешение, развратилась, ослабела и разрушилась. Положим, и в России мешают веру с политикой, но разве значит из этого, что православие плохо? А Японии нужно православие и ничего более, — никаких политических окрасок веры: ни русских, ни равно римских. Развить эту идею и поместить в нашем журнале.

8 / 20 февраля 1889. Среда

В прошлую субботу, утром, поехал в Сендай на условленное в ноябре собрание. Прибыл вечером во время чтения Евангелия на всенощную, по окончании которой сказал «О любви к Богу». Затем разговаривал с христианами, рассказал им об о. Иоанне Кронштадтском по поводу карточки его, посланной Сендайской Церкви семинаристом Петром Исикава. В воскресенье было собрание. Фукёоин (из христиан избраны помощники катихизаторов по распространению проповедей) оказались полезны, поэтому решено это учреждение продолжить. Так как и дзётковай (женские общества) тоже приносят большую пользу там, где заведены, то определено завести их по всем Церквам. Внушено катихизаторам, у которых много Церквей, составлять заранее расписание катихизируемых обходов и рассылать по Церквам, чтобы христиане и вновь желающие

слушать были приготовлены к приходу их. Собрание продолжалось от первого часа до шести почти; в шестом была отслужена вечерня, и после нее было женское собрание. Сказано наперед поучение женщинам, где объявлено, что собрание их, одобренное Самим Спасителем в виде мироносиц, служит и личному их спасению, и спасению многих. Они, очищаясь учением Спасителя, предпочитают в себе будущее поколение (указать пример матери Симеона) и прочее,— так что, служа Небесному Царю, служат и земному Отечеству и прочее. На собрании было тридцать пять женщин из пятидесяти одного числа членов всего общества, кроме подростков. Были и соотечественники — человек пятнадцать мужчин, что, видимо, стесняло женщин-лектрис. Читали: жена Василия Хориу, катихизатора,— святых мучениц Веры, Надежды, Любви; Софья Кангета, жена о. Матфея,— объяснение молитв, написанные ею самою, и Анна Дооке — объяснение праздника Крещения Господня. После были разные рассуждения, также вкладов в ящик (оказалось 3 ены), угощение. Собрание кончилось в десять часов вечера (весьма снежного, что, вероятно, было причиною отсутствия многих).— В понедельник, до полдня, рассуждали (священники и катихизаторы) о распределении Церквей между катихизаторами. Сделано несколько перемен, по поводу просьбы Церкви в Вакуя оставить их катихизатора только для их Церкви, ибо там теперь много слушателей.— После обеда мы с о. Сасагава посетили главных христиан Церкви, начиная с дома самого о. Сасагава, в котором нашли трех его детей, в повалку лежащих больными: старшая дочь, несомненно, в тифе, младшая и сын — еще под сомнением тифа,— но, несомненно, больными; о. же Сасагава, по благодушному служению Церкви, предварительно мне и не сказал о сем.— При посещении христиан выносил тягостное впечатление, что наши верующие почти все бедные, кроме Петра Оодадзуме, бывшего катихизатора, почти все дома бедные.

23 февраля / 7 марта 1889. Среда
1-й недели Великого Поста

Свобода вероисповеданий, объявленная Конституцией, начинается для нас не совсем благоприятно. Дней семь тому назад в одной из здешних газет («Тоокёо Симбун») напечатана была статейка, где кровавыми слезами оплакивалось происшествие, бывшее в нашей Миссии следующего содержания: «Было в нынешнем году выпуск из здешней духовной школы 75 воспитанников, которым и предложено было попить портрет японского Императора и получить диплом; кто же не станет попить, тому и диплома нет; 25 — не захотели, другие попили Императора». Свобода, значит, принята и в смысле воли клеветать, сколько душе угодно. Хотя и прежде подобные нелепости появлялись о нас в газетах, но с такою округленностью и с таким апломбом не клеветали. На основании, впрочем, тоже «свободы вероисповеданий» и наши ученики

ныне вступились за себя. Прежде всего редакцию заставили напечатать опровержение своей статьи полиция, ибо следователь полицейский несколько раз был здесь — в Канцелярии, расспрашивал и посоветовал секретарю Миссии писать опровержение, взял и сам копию оною,— и опровержение явилось. Потом и ученики Семинарии и Катихизаторского училища пошли к адвокату, заручившись его уверениями, что редактора можно упечь в тюрьму, и наступили на редактора, который и принес униженные извинения; требуют ученики, чтобы он еще статью написал извинительную,— не знаю, будет ли это. Я уже советовал ради нынешних покаянных дней простить, строго не взыскивать. А редакция состоит из завзятых буддистов — должно быть, неприятно им, что клевета не прошла даром.— И во многих редакциях ныне буддийские бонзы; будоражатся они; не было бы какой слепой вспышки против христиан. Вреда много не сделают, а несколько крови пролить могут. Предусмотрительные, или излишне осторожные ученики советовали не принимать без опаски людей незнакомых, чтобы не пырнул кто ножом в бок.

И постройка храма возбуждает гнев многих японцев. Вот чтобы не подожгли,— этого-то я в душе опасаясь, но надеюсь на Господа. Если он не охранит, то, конечно, с нашей стороны нет средств уберечь постройку от злых людей. Возможная охрана есть. Но ее, конечно, недостаточно, если не охранит Ангел Господень наш храм. «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишися, зиждущий!»

23 марта / 4 апреля 1889. Четверг

Пожаловаться хоть бумаге на свое горе, коли живым людям не могу. А горе делается иначе, если оторвешь его от сердца и поставишь перед собой,— бессильной делается эта змея, перестает сосать кровь сердца, потом и совсем замрет. Горе же мое великое и нелегкое, и не всякому сказуемое. Пусть же оно здесь будет повергнуто,— к несчастью, не могу сказать погребено. Строки эти, если и попадутся кому, то разве после моей смерти, а «мертвые срама не имут»; потом же, тогда и дело будет яснее, тогда, ибо теперь темна вода во облацех.— Горе мое — сомнение в успехе дела Миссии. Третьего дня, вечером, при чтении писем провинциальных катихизаторов и священников со мной чуть не было истерики; ударил же я по столу так, что от сотрясения лампа загасла, потом чуть не расплющил маленький столик, причем и себе отбил мягкие части ладоней до того, что и теперь боль не совсем прошла. Вскрикнул неистовым голосом: «О, Боже мой, Боже!» и потом пошел браниться по-японски (пред секретарем Сергием Нумабе),— что-де «это мученичество, что исколол бы он меня копьями — для меня легче было бы, терпенье не может тянуться бесконечно — лопнет,— вот и у меня нет больше его, всех тут можно продать и купить,— все только деньги и деньги!» Невиноватый ни в чем Нумабе хладнокровно слушал, а потом, по слову моему: «Не

могу больше сегодня слушать писем,— ступай же»,— собрал хладнокровно бумаги и ушел.— Я же остался с отбитыми мякотями ладоней, порядочно нывшими, и полуразрушенным столиком, шагать долго, точно зверь в клетке.— Во всех почти письмах просьбы денег или трактаты о деньгах. Сегодня (то есть второго числа) в продолжении часа о. Нициума прислал мальчика с требованием денег для М. Нива,— это старому катихизатору-то, только что оставленному за то, что при жене соблазнил и растлил девушку,— давать 9 ен на жену и ребенка, тогда как он 12 ен на апрель еще прежде получил и не вернул, разумеется, в Миссию, хотя и отставлен от катихизаторства! Сказал я вчера о. Нициума: «Присмотрите за Нива,— он плакал, каялся,— жалко его; быть может, помочь нужно,— немножко поможем»; разумел я не более 3 ен, которые доныне частно, из своего жалованья давал его жене на воспитание ребенка. А он 9 ен! Церковь за что же будет платить блуднику! Рассердило меня, и я, послав 3 ены, выбрал о. Нициума, хотя и уважаю его. А тут в письмах: просьба денег от Якова Нива, из Кагосима, на его отца, еще 3 ены в месяц, тогда как 5 ен всегда дается и есть у старика еще два взрослых сына, кроме Якова, могущие служить и помогать ему, да и просьба до того огромная, что чтение ее заняло целый час,— это час-то пытки! Потому что тут видишь всю подлость льстивого и лгущего японца — православного христианина! — для того, чтобы выморочить шальной для него, но святой для Миссии — грош? — Потом трактат о деньгах Павла Кавагуци из этого мерзкого Вакуя,— потом требование на дорогу от священника Бориса Ямамура, уже 50 ен издержавшего путевых без всякой пользы, ибо нигде ни на йоту не управит и не поднимет, а только ропщет; а у него из <...> записные — Павел Минамото и Роман Фукуи, ровно ничего не делающие, только деньги на прожитие получающие из Миссии, и деньги немалые. Новое требование — 20 ен дорожных от о. Бориса и было соломинкой, переломившей хребет верблюда, для меня. Но это только вспышка; а постоянная, гнетущая меня мысль: будет ли в самом деле какая-либо польза из всех этих трат на Миссию? Если моя здесь жизнь потеряна,— это вздор; но если я всю жизнь мою граблю Россию, бедную Россию, столь нуждающуюся в воспитательных средствах, на ничто путное, на фантазию, на служенье материальным вождениям этого бессовестного народа! Боже,— мысль об этом может свести с ума, не только разбить стол! И мысль эта гложет меня,— она и есть то мученье, которое заставляет меня сравнивать себя с мучениками,— без надежд на будущее.

30 марта / 11 апреля 1889. Четверг.
*(Ровно девять лет, как рукоположен
во Епископа в Александро-Невской Лавре)*

Однако же, если спокойно рассудить, то и не очень я могу винить себя, если и убыток причину России, как выше сказано. Как я уехал

сюда, в 1860 году? Самое благонамеренное и неудержимое желание служить Церкви толкнуло, — неудержимое, говорю, ибо все-все до единого кругом удерживали от этого шага (собственно, от монашества, ибо тогда было время самое антимонашеское). Я считал бы себя эгоистом и прочее, и прочее, если бы не поехал сюда. Дальше, кто до сих пор держал в Японии? Тоже не самолюбие, не желание самоугождения, покой и что-либо из таковых. С самого приезда в Японию до сих пор я не помню времени, когда не считал бы себя счастливым, если бы что-либо против воли моей вызвало меня из Японии. Но сам никогда не мог и теперь не могу уехать. Отчего? Да, ужасаюсь греха пред Богом — самовольно бросить пост, когда нет причин к тому; а причин нет: всегда есть некоторое движение вперед — значит, что-то толкает вперед, — также как (только более сильно) толкнуло в Академию, при зове сюда. Уйти, вот хоть бы теперь, когда давит душа, — не бесполезны ли все траты? Но кто же мне скажет, что действительно бесполезны? Быть может, если не здесь полезны, то в России? Кто знает, какую нравственную пользу приносит Миссия одним своим существованием? Материальный расход — дело непервой важности. Если подумать, что ежегодно миллионы текут из России в Европу на прихоти моды, то можно и не так мрачно смотреть на миссийские расходы. Не без пользы, например, следующие явления: 1) в Японии уже не могут сказать, что Русская Церковь бесплодна; если кто из протестантских миссионеров и дерзает (как я видел в книжке) выразить эту хулу, то с оговоркой, что в Японии — это, мол, особенное; 2) католический паптер, клеветая, что «Русская Духовная Миссия в Японии есть доказательство, что Россия хочет покорить Японию, ибо-де нигде нет русских духовных миссий», тем самым заявляет законность и благовременность образования Японией нашей Миссии, ибо пора-де и нам начинать! Значит, начало здесь — не такая вещь, которую бы легкомысленно позволено было бросить, уехав в Россию. И прочее. И прочее. И прочее. Итак, дай же, Господи, терпения и благодушия! А они нужны. Стоило бы рассказать здесь подробно — вчерашний разговор с Накай и сегодняшний с о. Нициума, да спать очень хочется; авось не уйдет из памяти для назидания.

6 / 18 апреля 1889. Великий Четверг

Бедные протестанты! Вечно они вздорят между собой, и никак не могут прийти к соглашению, при всем своем добром желании того. Предмет спора все один и тот же: законное ли и угодное Богу было их разделение на секты или нет? Словом — о «единстве» своем, которого никак не могут открыть, при всей своей изобретательности. И здесь вот несколько месяцев шел в «Japan Mail» переполох — о «сектарианстве», которое оправдывал Д-г Е, американский методист, и «единстве», которого

требовали разные его противники,— пока, наконец, редактор сегодня отказался более печатать о сем предмете,— значит, как и всегда, дело осталось спорным. Но — невиноваты они в своем заблуждении — не их оно, а унаследованное от их матери — Католической Церкви. И жаль их, бедных. Но кто же должен придти к ним на помощь? Кто должен сказать: «Время тебе, Петр, обратиться,— поле твое настало?». Ибо и к нам относится пророчество Спасителя, что «некогда Петр обратится»,— они плоть от плоти Церкви, считающей себя по преимуществу, Петровою. Кто, как не Православная Церковь? И пора ей выйти из страдательного положения. Она — мать детей Божиих,— что же она смотрит равнодушно, как дети блуждают по дебрям и делаются добычею диких зверей? Или бессильная она? Нет уж, теперь нельзя этого сказать о ней. Ну что, например, делают все заграничные наши священники? Кое-кто делает нечто весьма малое, а в совокупности — ничтожное на службу Церкви, но большинство — ничего. Отчего бы не назначить им обязательного дела миссионерского? На первый раз, например, перевести нашу лучшую учебную богословскую литературу на английский, французский и немецкий языки. Так дана будет возможность всем желающим за границей знакомиться с Православной Церковью. Потом — изучить основательно религиозное состояние страны — там, где кто живет,— все богословские вопросы — со всех сторон, и подготовиться разбирать и опровергать их. Когда это будет сделано, то есть литература и люди подготовлены, тогда открыть Собор,— не Вселенский (куда,— у нас его боятся, как Бог весть чего?), а конференцию, на которую и пригласить всех желающих единения, католиков и протестантов. Последних, конечно, множество найдется. В основание совещания положить, что национальности не затрагиваются (ибо гордость мешает Западу больше всего), а должно быть оставлено нерушимым только прямо божественное, ибо-де да не помешает вам гордость заимствовать от России, ибо здесь русского ни на йоту, и прочее,— можно быть уверенным, что немалое число протестантов присоединится к православию. А тогда уже будет легче: свои своих скорее убедят и привлекут. Через лет семь-восемь повторить конференцию, там еще и так далее,— и всякий раз, конечно, православный невод будет втаскивать немало рыбы — это и будет настоящее служение «соединению всех», о чем мы всегда молимся. Чего проще и легче? Соборам хорошо быть, например, в Киеве. Кому политические препятствия помешают быть на Соборе,— Бог с ними, в следующий раз милости просим. Да что смотреть на политику в этом деле? Как сказал Гамалиил: если это было от Бога, то ничто не помешает ему. А оно разве не от Бога? И как уже протестантский мир назрел для сего! Сколько у них склонности к миру и любви,— только на почве стоят сырой! Святейшему Синоду иметь бы комитет, хоть из двух лиц, для заведывания всех вышеозначенных, как и вообще заграничным миссионерством. Мне кажется, если будет

после Преосвященного Исидора первенствующим членом нынешний Московский Митрополит Иоаннский, то вышеозначенное может осуществиться, особенно если Обер-Прокурором будет тот же Константин Петрович Победоносцев.

7 / 19 апреля 1889. Великая Пятница

Хорошо бы состояться вышеозначенному Собору в 1899 году, чтобы в 20-е столетие перейти с зачатками «соединения». Инициатива непременно должна принадлежать Православной Церкви; ибо католичество, вероятно, на первый раз совсем будет устраниваться от этого дела по гордости и закоснелости; из протестантов более всех расположены к единению епископалы, но они не начнут хотя бы по чувству неуверенности в своей пользе. Изволь трезвонить и собирать собрание для зрелища, како сам же будешь конфузиться! Хоть бы по этой человеческой слабости Англиканскую Церковь нужно деликатно устранить от обязанности полагать начало. Итак, нам нужно начинать. Но, Боже, на подъемто мы тяжелы! Как это, да как, да что будет, да... — да... и да...! И конца нет призракам препятствий! Господи, дай русскому духу силу побороть эти химеры.

9 / 21 апреля 1889. Воскресенье.

Пасха

Не доразвились еще мы, извилин в мозгу неросло что ли достаточно, чтобы русская душа проявила свои широкие качества. Да и где же было? В сук мы росли доселе: материальную силу должны были копить, чтобы справиться с монголами, поляками, немцами, турками; а на борьбу с нашими суровыми климатическими условиями также нужна сила тела; ну и богаты мы этою силою; бояться нас, точно медведей, — нужно отдать нам справедливость; зато душою — куда бедны мы! Вот разом получают: наш Синодальный журнал «Церковные Ведомости» и академический «Церковные вести» и протестантский, из Лондона, «Christian World», — какой-то плюгавой секты — «конгрегациалов», орган, — но что за разница? Что за бедность, убожество наших высоких органов в сравнении с этим дрянным на Западе изданием! Там действительно целую неделю можно брать в руки номер и ворочать с пользою (сколько ума, сколько блесток!), — здесь в час просмотришь до объявлений, и тут — что за блядство! Ну хоть бы это смешное празднование воспитанниками в Санкт-Петербургской Духовной Академии своих годовщин! Шестьдесят лучших духовных умов Петербурга, с Янышевым во главе, собрались, и — что сказали? Что сделали? Они скажут: «Много», — а с точки зрения — на шаг дальше — смешно, и больше ничего, — грустно еще разве. Точно

взрослые дети собрались пробоваться бессодержательной или самовосхвалительной болтовней.—

Противно,— в сопоставлении с Западом, хоть бы и плюгавых.— А тут еще Владимир Соловьев корит: «Вы-де духовные раболепы, мракобесы»... Куда тут! Все рады-радешеньки, если явится хоть малый талантлик, и широко отворяют ему двери во все стороны,— да где им больших талантов? Один Филарет и был! И что ж — не уважался он разве? Цари советовались с ним во всех чрезвычайных делах и поручали ему наиважнейшие государственные тайны! А тут «угнетения!» Зачем клеветать-то — злонамеренно или невольно — но все же клеветать?

*1889 год. Нового стиля мая 2. Четверг.
На Фоминой Неделе*

Много-много думано, много мучений. Вспомнил Тоносава и мысли о «соединении всех». Вспомнил все эти дни тяжелых дум. Итак: или здесь — в Японии — введение Православия чрез принятие оною Императором,— чрез это и весь народ легко примет Истинную Веру; тогда всю жизнь отдать исключительно Японии — было законное,— Богом, быть может, назначенное. Или же: если Япония примет (в лице Императора) другую какую форму религии,— поставить здесь Епископом для православного стада Павла Ниицума и удалиться домой, чтобы служить идее «соединения всех». О, как меня мучит сия идея! Молимся ежедневно о сем, не пора ли и делать что-либо для сего? Конечно, молитва тоже дело: она призывает благодать — собирает силы души для дела — но не пора ли уже начаться и сему делу? Смотри другую записную книжку, где наброски плана, способствующего развитию сих мыслей.— Итак, одно из двух: или Японии — по смерти служить, если она будет православною, или Святейшему Синоду служить в деле «соединения всех».

9 / 21 июня 1889. Пятница

Сегодня утром освящены кресты на купол и шпиц колокольни Собора, и сегодня поставили; трудно было очень протащить медную ленту, идущую с низа креста, где она прикреплена медными гвоздями,— наружу, внизу шара, к медной веревке, составляющей кондуктор громоотвода. Кресты вышли несколько узки для такого большого храма, но крепки и хороши.

Сегодня еще подняли большой московский колокол на колокольню (124 пуда). Поднимали в три ворота, в каждом работало по шесть человек. Вчера же подняли три колокола в 48 пудов, 19 пудов и 8 пудов.— Купол внутри также готов, выкрашен и окна вставлены — теперь разбирают леса. Слава Богу, работы по Собору близятся к концу.

4 / 16 августа 1889. Пятница

Недавно только что кончился Собор здесь. На нем и после него до сих пор сколько я страдал, Боже упаси! Церковь приводит в отчаяние. Кажется по временам, что ничего нет, кроме пены,— дунуть — и все исчезло. В самом деле — священники плохи: о. Савабе — полуживой, о. Сагава — полумертвец — и нравственно, и физически, о. Оно — до того плох душой, что зависть и ненависть питает к о. Ниицума; оо. Такая и Кано — ленивы и вялы до последней крайности; о. Тит — глуп и изменчив, как ветер, о. Мори, Цiba и прочие молодые — ничтожества, о. Сато — точно нет его, еще хуже того; даже о. Ниицума — думал я — со временем сделать Епископом, может быть,— но мал для сего; сам по себе хорош он,— для влияния на других, управления, движения — недостаточен, ведь вот почти вся проповедь в Токио предоставлена ему — все почти катихизаторы подчинены ему,— а поднялось ли? Есть ли улучшение? Напротив, все поносят всеобщий упадок Церкви в Токио, все катихизаторы против него же — Ниицума; значит, нет силы в нем — произвести влияние на других, отпечатлеть на их душах, что ему нужно, привлечь к себе, сделать своими сторонниками; все против него, и никто за него,— знаменательное явление,— и это несколько лет подряд, как я ни защищаю его и не стараюсь поднять в глазах других, ибо лично он, действительно, безукоризнен; но стоять над другими, управлять он, значит, не так способен, как я думал. Итак, кто же надежда Церкви? Никто! Ни единого человека! Ибо катихизаторы — поголовно — еще плоше, чем священники, сушее ничтожество,— все вместе и каждый порознь; как часто я ни пересматриваю списки их, стараясь открыть между ними что-либо утешительное,— тщетна надежда. Старые до того плохи, что никого нельзя в священнослужители поставить, а есть отвратительно гадкие: Спиридон Оосима — враль и хвастун, Яков Нива, собирающийся, по слухам, продать себя католикам; кончившие курс Семинарии — все бездарность и нравственные ничтожества — из рук вон; вообще, почти все, по моему мнению, такие, что лишним грошом их можно переманить в любую инославную секту, даже в язычники,— работники-поденщики,— из-за куска хлеба шли в школу и ныне служат; оттого служат лениво, небрежно, как сущие наемники. Можно представить себе после этого, каковы христиане! Опыты являют это: в Вакаяма — полцеркви ушло в католичество, в Токусима — в протестантство,— разумеется, из-за невежества в вере и недеятельности катихизаторов и священников; а здесь Церковь Канда — на Соборе депутатом выставила Исаяю Фукусима — бывшего врага Церкви, когда же я заметил безобразие сего, все христиане Канда оскорбились, и вот доселе враждуют,— быть может, тоже уйдут в инославие или язычество,— эти, впрочем, уже не от недостатка учения, ибо здесь я сам еженедельно два раза говорю проповеди,— а потому, что вообще таковы здешние христиане.— Итак, как не прийти в уныние,

Церковь считается существующею, а в Церкви хоть шаром покати, пусто; кое-какие [...] — что они значат? Толпы протестантских и католических миссионеров и их людей вытопчут, как буйные кони вытаптывают на поле ростки зелени. А их ведь тучи целые! Сотни иностранных миссионеров по всем городам и углам Японии — везде иностранцы и везде с обаянием цивилизации, утилитарности, верховодства; сами же наши священники и катихизаторы как начнут расписывать успехи протестантов и католиков так, точно смертный приговор себе читают, — только без печали, ибо им, по их вялости, все равно, будет ли православие задавлено, или нет... Нет, истинно нет ни одного светлого пункта, на котором бы глаз и сердце отдохнули. Какое же это мучение!

Обреченные на смерть и уже видящие себя под обухом, должно быть, так страдают. Как я счастлив был бы, если бы какое-либо независящее от меня обстоятельство вызвало меня из Японии и обратило на другой путь службы! Самому же бросить Японию страшно; не людей страшно, хотя и совестно было бы, несказанно совестно сказать в России: «Напрасно вы надеялись на Японскую Миссию, ничего из нее не вышло, только деньги потрачены»; но Божьего суда страшно; что-то невольно еще удерживает в Японии; быть может, это — тридцатилетний навык, а быть может, и Воля Божия. В первом случае уехать из Японии было бы хорошо, но кто же поручится, что это не последнее? Так или иначе, но выехать самопроизвольно отсюда я считаю для себя также невозможным нравственно, как если бы ангел с огненным мечем стоял на пороге Японии и преграждал мне выход. Итак, нужно мириться с жизнью и деятельностью здесь. Но как же помириться? Сегодня опять я был в Уэно, в моей аллее-советнице и вернулся оттуда несколько успокоенный и с просиявшим взглядом. — Япония — страна, очевидно, приготовленная Промыслом к принятию христианства. Высший класс здесь, правда, погруженный в туман земных удовольствий, не видит нужды ни в какой религии, средний — уже лучше — считает религию нужною, по крайней мере, как средство управления народом и тому подобное, по низший — простой класс народа — прямо и просто считает религию — необходимою душевною потребностью, и потому или еще от сердца держится буддизма, или же, почуввав недостаточность его, льнет к христианству. Итак, христианство сюда непременно должно войти. Какое же? А кто предскажет это? Систематичности от японского народа ждать нельзя, — он изменчив, как струя воздуха. Давно ли, например, ликовали все, что пересмотр трактатов успешно сделать с Америкой и Германией, а теперь почти все поголовно против пересмотра трактатов.

Ныне протестантство забирает силу благодаря массе миссионеров и средств, но кто же поручится, что волна эта все будет идти поступательно, а не отбросит ее какое-нибудь неожиданное обстоятельство назад? Кроме изменчивости, еще черта японского народа — послушность влиянию правительства; кто же уверит, что тут же чрез какие-нибудь пять-шесть

лет не произойдут такие политические комбинации, что японское правительство найдет полезным прильнуть к России — наподобие того, как теперь льнет к Германии и Англии, и не дает чрез то толпе народу хлынуть к православию? В руце Божией жребий народов; ныне жребий России и Японии — далеко друг от друга, но одним сотрясением длани они могут очутиться одно возле другого, другие же отброшены в стороны далеко. Итак, нужно отдаться на волю Божию. Или нет ей всех признаков благоволения Божьего к православию здесь? Этого, по совести, я не могу сказать, напротив, во многих обстоятельствах почти наглядно является это благоволение... Теперь же и дальше, и стоять крепко на вверенном посту; и по течению или ветру и [без]душная лодка плывет, без бури и ветра и гнилой столб стоит. Но против течения или без попутного ветра может плыть только человек — от бури не упасть может только имеющее в себе устойчивость. Ленивы мы! Богом данных сил не хотим двинуть, оттого и падаем; нужно, чтобы тащили и радовали нас благоприятные обстоятельства, тогда мы, схорашиваясь, и плывем: «мы-де!» Гадко! Пусть и целые Церкви отпадают, катихизаторы уходят, священники гниют, — стоять и работать бодро, не обращая ни на что внимания, не давая себе падать, уходить в уныние, гнить бездеятельностью, — то и будет подчинение воле Божией, а там что ей угодно! Итак, Господи, дай же и никогда не отнимай от меня «мир и бодрость»! Дай, помоги быть Творим верным рабом! Жаждет сего душа моя — только не может без Твоей помощи!

21 августа / 2 сентября 1889. Понедельник

Сегодня большой колокол (124 пуда) подняли и подвесили (поднятый на колокольную, он стоял доселе на полу).

Продиктовали письма к катихизаторам Петру Бану и Илье Сато (Идзу), что если они в следующие два месяца, за которые им послано полное содержание, не бросят свое ничего неделанье и не окажут признаков деятельности, то с одиннадцатого месяца их содержание будет уменьшено на половину.

Из Вакаяма Фома Оно просит книг для опровержения католичества; призвал Павла Морита и отправил к Кириллу Хино, — коли пообещается сей быть хоть несколько деятельным, то пусть бы шел служить проповедником и отправлялся бы на первый раз в Вакаяма толковать насчет католичества; русские книги разумеет — значит, вести беседу может.

22 августа / 3 сентября 1889. Вторник

Кирилл Хино под разными предлогами — с дядею, мол, посоветоваться нужно и прочее, — отказывается идти в Вакаяма. Для сего ленивца

это был единственный случай еще поступить на службу Церкви; значит, Богу не угодно, чтобы он был в числе служащих; веры и благочестия в нем, по-видимому, нет нисколько — в Церковь никогда ни ногой. Итак, он — с расходных счетов Миссии долой, — одним дармоедом меньше, хоть отчасти и жаль; умственные способности хороши, но сердце и воля — дрянь. Итак, об нем больше ни слова, ни мысли, как о слуге Церкви. Расходы на содержание его в Семинарии пропали; да где же наше не пропадало? Оставить его в каком-либо виде для службы, значит — опять бросать деньги в печь, ибо бревно не оживишь. Но вот что еще скверно у японцев: этот самый Кирилл Хино, вероятно, обратится в врага Церкви и будет, по мере сил своих, гадить Церкви, в благодарность за все ее благодеяния! Но эта уж черта общая всех японцев — черта бесчувствия, какого-то рабского направления — урвать и уворовать, без сознания обязанности быть благодарным, — черта, к которой никак не привыкнешь и из-за которой всегда коробит и гонит из Японии.

Был Маденокодзи. Вот еще личность, отвращающая от Японии. Православный и в то же время жрец синтуизма — воспитывавшийся в России, и в то же время гадящий России и Православию протестантке жене, с которой по-протестантски повенчался, а по-православному, кажется, нет. И в то же время называет себя православным! Если бы я был моложе, вероятно, я не выдержал бы это лицемерие и выгнал бы его от себя, или ударил бы в лицо за это оскорбление Православия. На вопрос о. Авеля: «Какой вы веры?» — «Православной», — не краснея, отвечает. — О, Боже, скоро ли кончатся мои муки за православие!

Приготовил шесть писем в Одессу к грекам с просьбою помощи на окончание постройки Собора.

Уже холодно. Нужно с следующего года начинать ученье после каникул, с 1-го сентября нового стиля. Уж слишком много гулянья. Непременно с 1-го сентября нового стиля!

23 августа / 4 сентября 1889. Среда

Утром был у о. Павла Нициума — советоваться, послать ли Конона Ивасаки в Вакаяма, а Алексея Кобаяси на место его в Тега. Нельзя: Кобаяси до того плохо знает учение, что его нужно опять — в Катихизаторскую школу (и неудивительно — он курса не кончил, а послан был в Кагосима из-за неотложности экстренной помощи), а Конон — для спора с католиками негоден, ибо заика и больно им. Итак, в Вакаяма — пусть Фома Оно один справляется с католиками, да и может, ибо спорить горазд. — Яков Нива — одно за другим письма шлет, просится из Кагосима в Токио. Так как он стал настоятельно проситься, то в Кагосима оставлять его нельзя, но и в Токио определить нельзя: внесет интригу, разлад, неурядицу. Итак, отвечено: в Кагосима — Матвея Юкава, в

Миязаки — Игнатия Кото; Нива же пусть имеет в виду службу где-либо на новом месте, где еще нет христиан. Нива — вот, тоже субъект, выражающий собою Японию: лжец и двуличен на диво; уж приготовился в аптекаря, а еще играет роль, будто хочет служить Церкви; коварен и жесток до того, что Алексея Кобаяси обратил в сумасшедшего (хотя тот и не думал сходить с ума), лжив до наглости («мать при смерти», и мать же здоровая и невредимая приносит в Миссию письмо, в котором говорится о ее смертной болезни). И между тем, этот самый Нива — как способен завлекать людей слушать проповеди!

О. Павлу Нициума толковал утром, что нужно побуждать ленивых катихизаторов к проповеди и труду — наказанием вычета из содержания. А он уже отдал приказание о. Феодору Мидзуно наказать Павла Хатада сокращением жалованья. По всему видно, что плох о. Нициума для управления Церкви. Проповедует рьяно, да и то больше *λοχοῦσα*, — управлять же не способен. Посмотрим, что впереди. Но, кажется, иметь его в виду для епископства рано. Способности по управлению, если не разовьются, ныне совсем плохи. Сделал ему выговор и сказал, что таких вещей, как наказание уменьшением содержания, нельзя поручить зря человеку, который и сам-то ненадежен в поведении...

Сегодня на колокольне подняли еще два колокола — второй и третий. Дай Бог им всем звонить во славу Божию!

Но не это все, не мелочные обыденные нужды занимают мою душу и гложет сердце. Протестанство (буду вперед это проклятое протестанство писать без буквы «т»: протестанство, — жаль, что не умею больше сократить, но с паршивой собаки хоть шерсти клок) потоком разживается по стране; все воспитание в стране в руках протестантских миссионеров; католики не уступают им в числе и рвении. А у нас никого, и невидны мы, или, если видны, то презираемы — Господи, послужат ли к чему мои усердные ежедневные молитвы о просвещении сей страны светом истинного Евангелия! Не нам, Боже, судить; нам только — «стыдение лица!» Но не обрати нам во грехи, по крайней мере, наши труды служить Тебе! ...Боже, не дай по смерти мучения, равного испытываемому здесь, при виде, как преуспевает злоба католичества и нечестие протестанства!

31 августа / 12 сентября 1889. Четверг

Со вчерашнего вечера почти вплоть до сегодняшнего утра продолжался ураган. Не успели мы разобрать лесов на колокольне, уже начал разбирать; потому мало закрепленными некоторыми жердями, раскачиваемыми ураганом — едва щели в одном из шатров под крестом, — вогнута поверхность в дюйма три, — и испорчена медная крыша в двух местах. Слава Богу, однако, что беда этим ограничилась. Ураган был силы

необычайной: все леса покривило, на куполе в шести местах листы приподняло (беда легкопоправимая), сломало в саду вишневое дерево и в редакции иву, повалило почти все заборы, где только было свободно ветру,— это в Миссии, а в городе, на окраинах, немало рухнувших домов,— в предместье же и гибель людей была под развалинами домов.

Недавно вернулся от англицкого бисхопа Bickersletl'a (это — фамилия-то,— если это не безобразие, то что же не прекрасно на земле?), куда зван был по случаю остановки у него англицкого путешественника Reverend Lonsdale. С сим я встретился в 1880 году в Киеве, куда он прибыл осматривать все, и где в Лавре я не счел нужным воздержать чувство жалости к одной даме, какой-то случайной водительнице Лондсдале по Лавре. Пустив ее на волю с ее плохим французским языком, я с еще более плохим англицким принял сего британца с каким-то юнцом при нем на свой чай,— и водил его на колокольню, в пещеры, всюду. Чувство благоговения к святым киевским мощам, по-видимому, в нем не возбудил, как ни старался в том,— не видно сего ныне. А пришел он третьего дня сюда осматривать Миссию. Показал,— водил на леса, рассказал о Миссии, что он спрашивал, дал статистический лист и карту Церквей. Ныне вновь он требовал некоторых пояснений,— и я дал оные,— почему же и не дать? «Отчего Православная Миссия имеет такое очевидное превосходство в успехах перед другими? Два миссионера, мало средств и — семнадцать тысяч христиан!» Я прибавил еще невыгоды православия здесь,— оно из страны, не стоящей наверху цивилизации,— тогда, как католичество и протестантство из самых образованных стран и прочее.— «Так чем же объяснить?» — Да чем же другим, как, не тем, что православное учение стоит тверже, чем католичество и протестантство? — Впрочем, как печально, что мы не одними усты проповедуем здесь Христа... И рассказал пример Reverend Jefferis'a в Маебаси, как я не мог позволить ему говорить проповеди в нашей Церкви. Наш священник, например, о двух источниках вероучения,— он об одном, наш — о семи таинствах, он о двух,— слушатели, какое же впечатление вынесут! Лондсталь не мог не согласиться.

3 / 15 сентября 1889. Воскресенье

Завтра начнутся послеканикулярные классные занятия, а сегодня вечером во всех школах были дружеские собрания (симбокквай). Сначала семинаристы принесли билет,— прогонял несколько раз: «Не все, мол, собрались,— после сделаете собрание»; уперлись: «Все уже сговорились, и хотели непременно сегодня»; нечего делать — дал 2 ены, известно уж,— у ребят что загорится, от того их трудно удержать. Да и зачем удерживать, если что хорошее. А «симбокквай», в самом деле, какая прекрасная у них выдумка! Наговорятся добрых речей всласть (худых они и сами между собою не позволят), нагрызутся в то же время орехов

и дешевых пряников и надуются кипятку, что тоже невредно, а заснут потом как!

Услышав, что семинаристы делают дружеское собрание, Катихизаторская и Причетническая школы пришли и для себя брать разрешение сделать тоже; но в то время у меня сидели начальницы Женской школы с рассуждением о распределении классов; чем же девочки-то виноваты, что у них не может быть «симбокквай»? Дано и им две ены — купить орехов и пряников и учинить собрание. Через полчаса уже слышалось из Женской школы стройное пение: «Царю Небесный», которым открывалось собрание; после того также стройно пропет был национальный гимн и, вероятно, началось лущение орехов. Еще через полчаса пришли звать на собрание в Катихизаторскую и Причетническую школу.

Отличное угощение — из бисквитов, груш, чая и суси; красноречивые речи почти всех, участвовавших в собрании, кроме юных учеников Причетнической школы, — стройное пение церковных песен между речами, с аккомпанементом фисгармонии, — все это так мило, хорошо! Пусть себе и вперед будет так.

Ураган и дожди в нынешнем году причинили особенно много бедствий: рис вздорожал, что для Миссии, при ограниченности средств, очень печально. Дороги до того испортились, что многие еще не явились в школы по сей причине. — Разрушено много домов; например, в Карасуяма дом учеников Матфея и Гавриила Тода [?] ухнул от порыва урагана в двенадцать часов ночи и накрыл четырнадцать человек — и истинно чудо милости Божией — ни один человек не был ранен даже! Не спали в доме в то время только потому, что готовили детей в дорогу сюда; истинно Ангел Божий сохранил!

9 / 21 декабря 1889 года. Суббота

В первый раз открылся фасад Собора: разобрали леса с лицевой стороны. Но со всех других сторон еще — леса, ибо не готовы водосточные трубы; леса также облегают купол, где еще поделки по крыше. Но с фасада Собор очень красив. Белый цвет идет; он знаменует безукоризненность православия пред лицом темного католичества и пестрого протестантства.

---

31 декабря старого стиля 1889

Ничем особенно добрым, равно как и ничем особенно дурным, сей год не отличился. Пусть же течет с миром в вечность и не глаголет

дурное о Японской Церкви, ибо, хотя и много сего было у предстоятелей ее, Господь Своею Благостию покроеет все! Аминь!

Сендайская церковь
Церковь в Мориока (с октября 1889)
Церковь в Исиномаки 14 мая 1889 г.
Сендай

11 мая нового стиля 1889

Сендайская церковь

и повременные церковные собрания в ней

для приходов священников в ней, для приходов священников

Петра Сасагава (в Сендае)

и Иова Мидзюяма (в Исиномаки и Санума)

Первое собрание было 11 ноября нового стиля 1888 года.

Второе — 17 февраля 1889.

Третье будет завтра, 12 мая 1889.

На первом собрании поставлены были: фуксэрин (помощники из христиан катихизаторам в распространении проповеди) и учреждено женское симбоку общество.

На втором найдено, что то и другое очень помогают Церкви, и потому положено неопустительно продолжать оба учреждения.

В оба раза собирались катихизаторы приходов оо. Сасагава и Мидзюяма; были и представители приходов из христиан.

Прежде собрания выслушиваемы были в частной беседе катихизаторы и представители. В этот раз будет сделано то же. Собрались ныне половина катихизаторов и несколько представителей, от прочих присланы письма.

Прибыл я сюда вечером. После краткой молитвы сделано было поучение: «О некоторых чертах из жизни Святой Марии Магдалины (ибо ныне неделя Жен Мироносиц) и необходимости подражать оним»; после сего в частной беседе с христианами говорено было о настоятельной необходимости поскорее построить храм здесь, пусть-де соберут половину, другую половину, в размере тысяча ен, мы с о. Анатолием как-нибудь

добудем из России. Оказывается, что здешние христиане, подписавши больше шестисот ен, всего только сто шестьдесят доставили, прочее существует лишь на бумаге; и потому положено завтра же пройти по всем подписавшимся и собрать деньги, или, по крайней мере, узнать, когда будет доставлено. Кроме сего, положено здесь употребить на храм ен четыреста накопившейся церковной суммы из разных церковных сборов и пожертвований; из внешних Церквей доставлено до семидесяти ен.

11 мая нового стиля 1889 года. Суббота

О. Петр Сасагава говорит ныне в частной беседе о замечательном в своей Церкви. Из фукёоин — неустающие в усердии следующие:

1. Стефан Цуда — плотник, хотя и бедный, всегда хлопочет приобрести новых слушателей; воскресенье блюдет. Крещенные по его стараниям есть.

2. Афанасий Судзуки, тоже плотник, собирает соседей для проповеди; праздники также соблюдает. Крещенных еще нет.

3. Василий Такахаси — нитяник, всегда собирает, хотя доселе и не было у него принявших крещение.

4. Георгий Оомац, старик, учитель, в окрестной одной школе, внушает там слушать, и один у него крещение принял.

Кроме сих, отличающихся усердием, о. Петр никого не называет, первоначально возжегшийся огонь постепенно ослабевает, и ныне бегут к угаснутию; итак, новых фукёоин'ов нужно избрать; но теперь, кажется, неудобно, ибо время рабочее настает — воспитание червей и сбор чая.

Из женского общества наиболее усердные:

1. Анна Дооке, ныне в Хараномаци на собраниях говорит, и там даже мужчины собираются слушать; жаль только, что времени у нее мало для Церкви, шитьем хлеб добывает, ибо сын очень мало зарабатывает.

2. Софья Накагава своим ученицам толкует учение, и есть из слушательниц, принявшие крещение.

Кстати, внушено о. Петру и тут же сидящему о. Иову, чтобы они предварительно сами выслушивали тех, которые должны говорить на собраниях, и подготавливали их, ибо в феврале слышанные мною здесь на женском собрании жена Василия Хориу, жена Матфея Кангета и Анна Дооке, — все говорили плохо, оттого женщины могут утомиться собраниями и бросить их.

3. Мария Катакура (жена Иоанна — катихизатора) собирает слушательниц.

4. Агафья Мацуми — тоже из женщин фукёоин, и старается.

5. Марина Оодадзуме — старается собирать слушательниц.

О. Петр рассказывает, что фукёоин мужчины из подражания женщинам тоже завели собрания, на которых четыре человека говорят приготовленное. Пусть, если хотят, но мужчины главным образом должны по праздникам неопустительно в Церковь ходить и слушать учение. Их собрания не имеют такой надобности, как женские, ибо женщины не всегда могут идти в Церковь.

Про Василия Хориу о. Петр говорит, что он служит, по-прежнему, хорошо, но вял, иногда страдает головными болями; пить почти перестал: раза два-три был замечен в сем проступке. Я посоветовал о. Петру иногда посылать Хориу в другие Церкви для проповеди на неделю-другую, что будет освежать его и восстанавливать силы.

О Филиппе Судзуки и Иоанне Кобаяси, катихизаторских помощниках о. Петра, отзывается хорошо, — поведения хорошего, стараются исполнять, что им назначено; у Судзуки вырабатывается и понятливый проповеднический язык, хотя еще проповедь его плоха; Кобаяси лучше говорит, чем Судзуки.

Савва Ямазаки оживает, и слушатели есть. Очень расстраивающий его вопрос: жениться или нет? Ныне решается в пользу последнего, но еще не совсем решен.

Варнава Иمامура, по-прежнему поведения хорошего; но уважения не приобретает, как и всегда, уж очень он держит себя по-товарищески со всеми, — отчего и слушателей мало. Учит в школе, — другого средства, христиане говорят — в Камияма ему негде найти слушателей — но при сем обратился совсем почти в заурядного школьного учителя — какая же польза из того? Учителей и без него везде много. Впрочем, трое из детей, которых учил доселе, крещены. Вообще как человек — хороший, но как проповедник плохой, хотя учение хорошо знает.

Павел Хосономе служит, но слишком много мест у него, — не может обнаружить плодов службы; для Вакаянаги — он недостаточен, там нужно деятельнее его. Теперь он совсем перестал занимать слушателей врачебными и прочими ненужными для него речами. Но он всего по дню бывает в месте, — каждый день переменяет слушателей — какая же польза? А самому ему хочется служить в Мияно. В Вакаянаги приходят в Церковь от двух-трех до двенадцати-тринадцати человек — значит, больше, чем было во втором месяце. — Переходит он с места на место, например, так: в нынешнюю Пасху в двенадцать часов ночи начал молитву в Дзюмондзи, кончивши, здесь в Вакаянаги, кончивши — в Идзуно, потом в Мияно, где кончил в один час пополудни и остановился на день. Действительно, труд для него большой, а польза для души — Бог весть — есть ли. Из этого видно только что наказание катихизатору — уменьшится жалованье очень чувствительно (а он был так наказан в прошедшем ноябре). В Мияко два раза в месяц проповедует. Там Петр Удзии — фукёоин, в его доме и богослужение, — очень усердный. В Идзуно, по-прежнему

Илья Сунгавара, отец Иоанна Конно — усерден, и Конно (бывший когда-то в Семинарии) ныне поведения спокойного и хлопочет о Церкви.

Елисей Кадо — ныне не очень болен головными болями, прилежен; в Фурукава и фудзин-квай начали, два раза собрание было; восемнадцать-девятнадцать женщин собираются: толкуют учение избранные. Кстати, туда теперь из Токио отправляется жандармский офицер.— Александр Катано и жена его Екатерина, бывшая в школе о. Ниицума семь лет; они, вероятно, помогут там Церкви. Только нужно, чтобы о. Петр и Елисей Кадо постарались сблизить их с тамошними христианами.— Церковь в Фурукава теперь довольна жива; Ной Иокояма очень старается там. «Тооронквай» (споры о Вере) там учреждено. После Богослужения, по праздникам, уже пять раз было. Христиане и язычники собираются; женщины тоже; это, по-видимому, всем нравится. Еще по вечерам в воскресенье: кёорикенкиуквай завели,— язычники бывают с охотою. Желающие участвовать в сих собраниях дали взаимное обещание участвовать, отсутствующие вносят штраф на Церковь. Один раз было это собрание. Там теперь церковной земли один чё один тан шесть се. Даст восемь кону рису с одного чё. Еще очень усердно служат Церкви: Иоанн Оондзуми и Исая Нагасава.

В Иигава, по-прежнему, Акила Кису и прочие очень усердны. От Иигава несколько чё Доосикинаме — деревня, слушатели есть, и Нисираймура, где тоже уже пятеро крещено — все молодые люди. В Иигава тоже землю для Церкви купят: уже девяносто ен для того собрано.

Иоанн Нагаяма — старается, но слаб здоровьем; жена его очень помогает ему, собирает слушателей. Ныне в Дзеогецудзуми довольно оживленно. После Пасхи (1 мая) там двенадцать крещено.

Стефан Ицидзё, по-прежнему усерден у Церкви. Сын его имеет вечернюю школу, в которой Иоанн Нагаяма говорит учение.— Фудзинквай в месяц два раза; женщины сами не могут говорить учение, приглашают Нагаяма. Из двенадцати вышеозначенных крещеных — пять по стараниям Стефана Ицидзе. В вечерней школе в сорок человек десять уже просят оглашения.

Павел Кавагуци в Вакуя очень любим, оживлен. Ныне там все питают червя шелкового (ёсан), поэтому для проповедника свободное время; завтра, посоветовавшись, нужно назначить его на это время в другое, незанятое шелководством и земледелием место.— Фудзинквай в два месяца раз; восемнадцать женщин собираются, но просят учения от катихизатора. Денег по одному рин с женщины в день (с десяти дней — один сен) — собирают с себя участвующие в Симбуквай. Еще есть «кенкиу-квай» по средам — женщины собираются и тоже слушают проповедника.

Вообще в Вакуя женщины бойкие, и церковный сбор на нужды Церкви больше с женщин поступает. В Оота есть дети, которых крестить нужно.

Илия Мада захворал чахоткой, наследственной; доктор говорит — трудно. Едва ли будет больше годиться для проповеди. Очень жаль, — человек хороший и проповедник усердный довольно. В Фукусияма два христианина собрали пятнадцать-шестнадцать язычников и два раза уже делали определенное собрание, катихизатор говорил им проповедь.

О. Иов Мидзуяма рассказал следующее. В Санума никак не может он доселе учредить Фудзин-но симбокквай. Христианки собирать слушателей проповеди тоже стараются; но свое собрание завести не хотят под тем предлогом, что и без того собираются слушать проповедь часто (кроме праздников). Фукёоин, заведши очередь, очень стараются собирать на проповедь; очередь исполняют по одному вечеру — два мужчины и две женщины; с утра еще начинают хлопотать; собрания для проповеди бывают в разных местах; иногда фукёоин приглашают для проповеди в свои дома; и доселе исполняют это всегда, когда о. Иов или Николай Явата приходят в Санума для проповеди. Действия свои заносят в журнал, который вместе с фонарем, где написано «Иисус — сейкёо-коонги», передается от очередного к следующему.

В Набурихама, пять ри от Исиномаки, в последнее время очень возбудилось желание слушать проповедника. О. Иов рассказывает, с какою настойчивостью оттуда просили у него Илью Накагава для проповеди подряд два раза (раз девять дней, другой семь дней); к ущербу других Церквей. — В Накасима просили кого-либо для праздника Пасхи, и о. Иов послал туда Павла Ватанабе из Исиномаки; тридцать христиан собралось.

Тихон Сунгияма очень трудится в Исиномаки и Минато; живет в Минато. В Исиномаки «фудзин-квай» ежемесячно бывает, двадцать пять-шесть женщин собираются; говорят учение неважно, но заботятся о бедных; женщины еще справили стихарь из атласа (увидим). В Минато тоже есть «фудзин-квай». — Там и здесь фукёоин стараются, хотя не так усердно, как в Санума; впрочем, в Минато настоящие фукёоин-бо не поставлены, хотя и есть христиане старающиеся.

Илью Накагава о. Иов хвалит: прилежен, старается говорить понятно, так что его проповедь здесь все понимают и хвалят.

Николай Явата также очень прилежен ныне, но он учение не очень хорошо знает, но что знает, говорит хорошо и понятно.

Церковь в Мабуци ныне также оживилась; учат там Сунгияма и Накагава, по очереди ходят туда. Моисей Такеда там очень усердный христианин, также Иоанн Ито, тамошний столп. Недавно десять крещено там, но для крещения купели не было: ночью из Хиробуци (три ри) принесли на плечах Ито и еще трое.

Оо. Петр и Иов говорят, что нельзя со всякою точностью соблюдать расписание дней путешествия катихизаторов по Церквам. Разумеется, священники могут отчасти изменять, сообразуясь с местными потребностями, извещая предыдущие Церкви для остановки катихизатора, но только священники, ибо это дело важное.

Дальше следуют рассказы о состоянии Церкви катихизаторов:

1. Филипп Судзуки — сендайский катихизатор, имеет проповедь каждый вечер, кроме субботы, и днем проповедует в трех-четырёх местах. Слушателей теперь надежных у него восемь-девять; недавно из его слушателей крестились. Есть слушатели и христиане, еще недостаточно знающие учение, например, недавно перешедшие из баптистов христиан с семейством. На взгляд Судзуки, Церковь здесь не в упадке, но и не очень оживлена, а постройка храма непременно оживит христиан.

В Хоропомаци теперь тринадцать новых слушателей. Но им говорится в заранее объявленные дни раза два-три в месяц (мало очень!); из них особенно усердные слушатели, кроме того, приходят слушать по субботам.— В Великую Субботу и ныне вечером, в шесть часов, тоже обычную воскресную всенощную катихизатор отправил, несколько [?] обычно катихизаторов; очень жаль, что не взяли в толк моего прошлогоднего наставления. В двенадцать часов ночи катихизаторы Судзуки и Кобаяси для христиан отправили Пасхальную службу, кончившуюся в половине второго, после чего сами пришли сюда к службе. К службе оттуда христиане не идут сюда, говорят — все равно, что идти в чужой дом молиться. Там или иначе, там отдельное богослужение нужно. Но для того нужно, чтобы та Церковь возросла, а Судзуки говорит, что там особенной надежды на то нет. Впрочем, желающих слушать теперь там больше, чем прежде было. Сендайская Церковь, по словам Судзуки, как старая крепко стоит: учение здесь знают хорошо и много крепко верующих, но единства действий нет,— нет того, чтобы не в ладах жили, но не оживлены настолько, чтобы действовать всем заодно на язычников. Если поднимется единодушное действоание, да еще построятся храм, то Церковь очень может возрасти и сделаться цветущею; и бедность нынешнего храма ныне угнетающим образом влияет; язычники на внешнее прежде всего смотрят, а внешность так неприглядна. Итак, постройка храма здесь много значит. Это мысль Судзуки и очень дельная. «Веры же здесь много,— говорит он,— не то что в молодых Церквах».

2. Иоанн Кобаяси говорит: мест проповеди у него до полудня четыре, с полдня до первого часа — в доме христианина, с трех до четырех с половиною — тоже, с четырех до свечей тоже, также протестанты трех разных сект и три язычника; чтобы не терять время, положили решать по одному спорному пункту враз; их трех протестантов двое искренно исследуют. Вечером — тоже каждый день, кроме субботы. Только слушателей вечером самое большое — три человека. Всех слушателей пятнадцать-шестнадцать человек.

3. Варнава Имамура говорит: В Каминояма с первого месяца сего года он завел школу; днем учит детей с десяти до двенадцати и с двух до четырех часов; вечером с семи до десяти учит пению, объяснение учения и чтение Священного Писания больших христиан. Детям из Закона Божия: Новый Завет, Православное Исповедание и сейкёоёва — чтение по книге, и прочие школьные предметы. Ныне учеников одиннадцать, из них христиан три, прочие язычники; мальчиков пять, девочек шесть. Старшему шестнадцать лет, младшему восемь. В воскресенье после обеда объяснение сейкёоёва для детей. Из детей трое крещены, но это дети христиан, двое оглашены — дети язычников. Школу просили завести христиане. Варнава спрашивает: продолжать ли ему школу или отказаться? За ученье он ничего не берет, ходят к нему бедные, которым трудно платить в городскую школу. Для школы он время свободное употребляет. Итак — дело хорошее. Но школа привязывает его к одному месту. Итак, нужно решить прежде: имея свободное время от проповеди в Камияма, может ли он посвящать это время на проповедь в других местах, или нет? Если может выходить, причем должен будет оставить школу, если нет, пусть продолжает школу. Хочет он, христиане в Камияма очень хотят, чтобы начать ему проповедь в Синдзё, двадцать ри от Каминояма (принадлежавшее тому же князю), где недавно разбит буддистами в споре христианский проповедник из протестантов, ициквай бокуся, посланный туда американцем из Ямагаты; нет там никого православных, никто не зовет, но честь христианства вызывает идти туда. Но чтобы идти туда, Варнаве следует совсем оставить Каминояма, а здесь у него три надежных слушателя. Итак, в Синдзё теперь неудобно. Или переселиться в Ямагата? Но там пока готовых слушателей — только жена Павла Кобаяси, для которой он и ходит каждую среду после классов, возвращаясь в четверг (три с половиной ри). Итак, по всему, оставаться ему в Каминояма до Собора, а в таком случае пусть продолжает школу, хотя из нее, как сам же он говорит, польза для христианства — корокте (то есть так же, как в Хакодате от нашей школы для мальчиков и девочек). Но после Собора школа должна быть оставлена, катихизатор обязательно должен учить детей только Закону Божию, — и это везде.

В Камияма, вероятно, скоро будет гуньякусё и санбанеё; тогда тем более катихизатор там нужен, тем более, что протестанты там папрягают силы — они там методисты и Ициквай — там и в Ямагата.

4. Савва Ямазаки: в Наканиеда христиан хвалит; к Богослужению собираются двадцать-двадцать пять человек; фукёоины есть и стараются; в Ёккаициба в среду — два-три собираются; в Куросава в пятницу ходил, теперь не ходит, хотя и говорит, что теперь хорошо бы (значит, еще не оправился от апатии). В Наканиеда слушают четыре человека. Говорит он сам, что не решил еще, жениться ему или нет, и потому мучается в душе, оттого и мало служит: «Как-де я буду учить, когда у самого сердце слабо». Советовал ему избрать, наконец, одиночество,

ибо за сорок лет уже ему; ...попросить о. Ниицума в восприемные отцы и принять монашество. А слабость побеждать призываньем имени Божия, молитвой и чрез нее благодатью; полны руки у него лекарств, но и сам не употребляет и других лишает. Заповедал ему учить детей христианству, ходить в Куросава и прочее, служить без лени и слабости.

Илия Накагава говорит: Иеногава очень надежна, прежние христиане очень ослабели; много новых слушателей; там теперь гуньяку-се; там язычницы хотят основать фудзин-симбокквай, при них (жен гун-яку-чэ и пр.) только одна христианка, жена врача Пантелеймона Хоси – Софья, но нет других желающих женщин; из Наказима (один ри) очень сочувствуют этому. В Накасима шесть новых слушателей. В Набурихама шесть домов (пятьдесят человек) новых слушателей. Очень желают слушать. В Хиробуци шесть новых было. Но везде ропщут, что катихизатор приходит только на два с половиной дня; говорят – «лучше и не нужно, точно на постоялый дом» – а просят, по крайней мере, дней десять останавливаться. В Набури в седьмой-восьмой месяц рыбной ловли совсем нет; там сети делают, и этой работы не будет, значит – совсем свободное время слушать учение, поэтому просят туда на это время проповедника. Непременно удовлетворить сему. Оттуда на Собор придет кто-нибудь просить о сем. В Набури проповедника питают; в других местах также не берут христиане за ночлег и пищу. В Набури семьдесят семь домов. В Исиномаки новых слушателей (после крещения недавнего) нет еще. Христиан в Набури девятнадцать, и все к богослужению приходят, оглашенные четыре тоже. Пойстине достолюбезное место. Место молитвы в доме Иоанна Наганума очень усердно. Говорят: «До селы поклонялись солнцу, теперь оставили». Бонзы ничего не могут поделаться, ибо главные рыбаки сделались христианами, и от них тоже рис и деньги собираются на поддержание кладбища, чего бонзы могут лишиться, если рассорятся. Если там поселиться на время порядочному катихизатору, то вся деревня скоро крестится. Все язычники в Набури очень усердные в язычестве, но не знают буддизма, религиозное чувство у них чистое и поддерживаемое опасностями и частыми смертями в море, оттого скоро и обращаются к истинному Богу. – Слава Богу, Илья совсем переменился, служит усердно, учение говорит понятно, все его хвалят, и ему приятно, и за него приятно. Вот пример, что и оставляемый за негодностью катихизатор может иногда с пользою быть принятым опять на службу.

5. Павел Кавагуци говорит: там, в Вакуя, христиане очень хороши, усердны; но теперь (после того, как недавно четырнадцать крестились) новых слушателей нет, и словом, не время проповедовать, ибо все заняты шелководством и земледелием. Там жена окружного начальника (гун-чэо) слушает учение, ныне только самому окружному не время. Но и ее можно на время оставить, чтобы Павлу Кавагуци идти в Фукусима до Собора, ибо сюда катихизатора просит представитель тамошней Церкви. Павел

Такахаси, врач, там есть и ныне желающие слушать; завтра на собрании решим, идти ли на время ему туда с тем, однако, что после опять в Вакуя, где его любят.

Кончились рапорты катихизаторов в шестом часу вечера. В шесть часов началась всенощная. К ней христиане поздно собираются, и всех было маловато. Певчие зарознили тотчас же; поставил Алексея Обара, живущего здесь по болезни, и пошло в два голоса исправно; Маедако, точно ощупью идущий: удастся певчим начать хорошо — идет; нет — исправить не в силах. Проповедь была о плодах Воскресения Христова; кончилось все в девять часов. После пришло письмо от о. Павла Ниицума. Заявленный враг христианства, некто Яманоуци в Уцуномия вызвал о. Павла на собрание о вере... О. Павел принял вызов и просит ныне благословения его на сие. Также послать с ним Симеона Мии, как ученого, Алексея Савабе в помощь при споре и Феодосия Миягава, из катихизаторской школы, как стенографа. Ответчено ему тотчас с исполнением его просьбы.

30 апреля / 12 мая 1889. Воскресенье.

Сендай

Утром приготовление проповеди и на Собор. В девять часов началась литургия. Возмутила меня и глубоко огорчила небрежность и неблагочестивое отношение к храму о. Петра Сасагава и здешних христиан, но, конечно, виноват, главное, первый: «Каков поп, таков и приход». Алтарь такой нищенский, что другого такого бедного и грязного я еще ни видал. Но главное, на престоле Святые дары — заплесневелые, просфоры пресные и черные: эти два преступления (дай-зай) священника, которые я ему и о. Иову Мидзуяма (для урока) здесь же поставил на вид и сказал, чтобы он исповедался в этом грехе пред своим духовником и просил епитимии у него. Заплесневелые Святые Дары велел всыпать в Святую Чашу и потребить. Просфорника [просвирика] (Якова Маедако) переменить. На жертвеннике облачение разодранное по краю, на престоле — грязное; Евангелие и на престоле крест — никогда не чищенные, все закоптившееся и пыльное, бумага с потолка висит, и все это тотчас же после Пасхи; значит, и к Пасхе ничего не было чищено.— Призвал женщин, оставшихся после службы (в ожидании церковного собрания) и указал им на облачения, пристыдил и их, и заказал, чтобы в следующее свое собрание сговорились сделать новое. Также, чтобы побудили мужчин оклеить и обелить алтарь. В комод — хлам и беспорядок, даже книжку русских повестей, как-то очутившуюся здесь, нашел. Что за бездушные у этих японцев! И как их одушевить? В отчаянье приводят! Это — почтеннейшая и древнейшая из наших Церквей — Сендайская Церковь — такая нищая, лохмотница, такая грязная, отвратительная!

Боже, да будет ли что путное когда здесь! А тут еще распинаешься, хлопчешь о постройке храма для них!

После службы велел Обара учить здесь певчих, если здоровье позволит. К концу месяца он известит, учит ли; тогда и жалованье ему послать сполна; если же нет, то половинное, как в Токио обещал ему.

Чрез час начнется Церковное Собрание; но расстроенное состояние не обещает особенно доброго. Господи, пошли мир и бодрость моей бедной, изнуренной душе!

На Собрании будут: два священника, семь катихизаторов: Василий Хориу, Филипп Судзуки, Иоанн Кобаяси, Савва Ямазаки, Варнава Имамуре, Павел Кавагуци и Илья Накагава, сендайские фукёоин и представители некоторых окрестных Церквей.

*30 апреля / 12 мая 1889. Воскресенье,
в два часа пополудни.
Церковное Собрание в Сендае*

Предположено было начать в один с половиною часа, но и к двум собралось из сендайских фукёоин двадцати человек всего шесть; к счастью, женщины выручили, — их одиннадцать, да двое слепцов, да двое из других Церквей, — всего и было тридцать три человека со мной включительно. Зато в проповеди послан упрек отсутствующим, что они упали, не соблюли обещания служить Богу, не исполнили своей высшей обязанности, возложенной на себя из любви к Богу и ближним (ибо низшие обязанности: 1) невольные — телу; 2) полувольные — семье и государству), не удержались на высотах, побеждены ленью и прочее. Мы же, собравшиеся, продолжим наше дело. Собрались мы здесь: 1) чтобы видеть нынешнее состояние Церкви, порадоваться, если хорошо, поправить, если худо, поддержать, что нужно. — Мы можем порадоваться. Со времени поставления фукёоин Церковь видимо ожила — катихизаторы хорошо говорят о Церквах, — катихизаторы сами оживлены; видимым знаком оживления Церкви может быть указано, что крещений было со времени последнего собрания сто сорок восемь; 2) мы должны поддерживать честь столь полезного учреждения фукёоин, неслужащих выключить, новых избрать. Только теперь это сделать или после — это Собрание пусть решит;

2-я тетрадь

3) пересмотреть размещение катихизаторов, быть может, теперь, когда полевые работы стали мешать слушать проповеди в деревнях, из сих мест полезно снять на это время проповедников и поставить в другие

места, где ничто не мешает проповеди; 4) пересмотреть правила; где катихизаторам поручено семь-восемь Церквей, там они могут оставаться в Церкви только на два-три дня, но это только для поддержания старых христиан; где же являются новые слушатели, там ропщут на это Хивари и просят, по крайней мере, дней по десять оставаться; так не нужно ли прибавлять исключения к некоторым общим правилам?

Итак, из рассказов священников о катихизаторах пусть Собрание узнает состояние Церкви и рассмотрит, рассудит, решит, что нужно.

Оо. Сасагава и Мидзуяма говорили так, что ободрили: состояние Церкви довольно оживлено. Ныне о. Мидзуяма говорит, особенно усердие христиан Набури хвалит. Насчет хивари советует исправить правило, чтобы позволить катихизаторам, где нужно, останавливаться надолго. Говорит еще, что кое-где решительно невозможно возбудить женщин составить общество, а инде две-три женщины, собравшись, перессорились.

Из катихизаторов Василий Хориу ничего не имеет сказать Собранию. Филипп Судзуки ныне говорит: здесь, в Сендае, христиане старые, учение знают хорошо, вера тверда, но в живости уступают новым христианам, наружно — слабы кажутся; недействительны. Еще: язычники смотрят на внешнее; в Сендае спросят: «Где Православная Церковь?» Не знают, ибо такой незаметный, бедный храм. — Итак, здешним сендайским христианам нужно единство и одушевление, также нужен настоящий храм. Иоанн Кобаяси — тоже. Савва Ямазаки о Наканиеде говорит: катихизатору там нужно долго оставаться (три-четыре года), чтобы была польза; хвалит фукёонинов; просит изменить хивари катихизаторов.

Варнава Имамура теперь говорит, но то же, что вчера мне объяснял (смотри выше). В Ямагата и Каминояма желают Василия Хориу. Что же, о. Петр Сасагава может переменить его в Ямагата, если в Сендае не нужен, ибо оба места о. Петру подведомы, за Тоокейский же Собор нельзя поручиться, назначит ли он Василия Хориу туда.

Павел Кавагуци нападает на старые Церкви, ибо учение знают, но не исполняют; гордятся, что знают учение лучше молодых катихизаторов и пренебрегают сими. Старые христиане, не исполняя заповедей, язычников соблазняют, те говорят: и христиане также плохие по поведению, чрез что хулятся Христос. Фукёоин'ы многие не служат, не стоят сего имени, их нужно лишить сего звания. («Сикару-ни» слово очень уж часто и некстати вплетает в речь — вообще, довольно плохо плетет, — я лучше-го ждал). Жалуется, что одинокий катихизатор скучает, просит сделать, чтобы катихизаторы часто видались, но и катихизаторы, по два-три стоящие вместе, ослабевают. Лучше для оживления катихизаторов послать их на время в другие места для проповеди.

В Вакуя фудзин-квай положил каждое утро женщине опускать в ящик один ри, в месяц три сен. (Велико! Только утомляет; где же выдержать такое беспокойство долго!) Бонзы по деревне очень хулят христианство, и потому заброшенные по деревням христиане страдают и впадают в уныние, просят катихизаторов чаще посещать и отражать нападки бонз. Кавагуци говорит это по поводу Оота и Нигоо, где бонзы злословят.

Илья Накагава говорит об Исиномаки, что там слушателей мало, двух катихизаторов там не нужно, ибо в Минато наполовину заняты земледелием. В Иеногава теперь нооге — не нужно катихизатора, в Набури с седьмого месяца — нужно. Вообще в тех местах (Мабуци и прочих) полевые работы ныне мешают.

Прочтены письма отсутствующих катихизаторов. Елисей Кадо просит у него оставить все по-прежнему. Из Носикинаме находящийся здесь христианин спрошен, не имеет ли что добавить? Говорит: теперь ноогё, Кадо поэтому может проповедывать в Фурукава, но с девятого месяца, когда и в деревнях делается досужно, нужно там два катихизатора. О. Сасагава говорит о Фурукава: в фудзинь-квай там восемнадцать-девятнадцать женщин, ежемесячно собираются, толкуют ученье. Тооронквей там еще есть, собираются человек двадцать, говорят о вере, — и женщины присутствуют там. Кёори-кенкиуквай для язычников; уже одиннадцать язычников обнаружилось усердно слушающих чрез сей «говай». Итак, в одном Фурукава три учреждения для распространения веры. Поучительно и достойно подражания. В Наканиеда христиане очень благочестивы: почти все приобщаются пред Пасхой и Рождеством Христовым, а также и осенью, если бывает священник. — Прочие письма — ничего нового или интересного не сказали.

За больного и отсутствующего катихизатора Илью Тада дано слово врачу Якову Такахаси, как представителю Церкви в Фукусима. Он там с седьмого месяца 1888 года. Скромно говорит о Фукусима: неблестяще там; слыша здесь, как во всех Церквах много крещеных, о своей Церкви он сокрушается, как недающей плодов. Фукёоин, говорит он, должен в своем доме принимать слушающих, должен быть сам очень заинтересован делом проповеди — значит, должны быть хорошо избранные люди; должны быть очень хорошо ведущие себя люди; должен быть сам образцом для других, которому бы новые могли подражать. В Фукусима давняя Церковь, но христиане где? Почти нет: разбрелись или растаяли; итак, желательно, чтобы вновь крещеные были люди вполне достаточны крещения — не множество, но качество важны. Просит катихизатора для Фукусима, в его же доме проповедь, а проповедовать некому; просит такого, который мог бы учить пению, ибо там очень плохо поют.

Больше из других Церквей представителей нет. О. Иов говорит: в феврале на собрании два правила составлено: 1) о хивари для катихизаторов и 2) чтобы непременно везде составлены были женские общества.

Он просит к первому правилу прибавить тадасигаки (примечание), у второго отнять слово непременно, как неосуществимое.

Вакуя говорил, что Филипп Судзуки выразил свойства Сендайской Церкви. Согласен-де с ним.

К пяти с половиною часам все речи истощены. Дальше нужно решать:

1. Фукёоин'ы полезны, бесспорно. Но неслужащих из них нужно исключить, а новых избрать. Теперь ли это сделать или после?

Лучше после Тоокейского Собора, ибо тогда новые катихизаторы будут, к ним и новые помощники кстати. Впрочем, нет, ныне катихизаторы отлично знают, кто им помогает, кто нет; значит подобрагь фукёоин могут безошибочно; новые долго не могут сделать это. Итак, ныне лучше. По правилам: после Собора. Иные говорят: на год оставить (стало быть до ноября). Итак: когда? «После», — все решили; за «теперь» я один был.

2. Взять ли Павла Кавагуци из Вакуя, где ныне полевые работы мешают проповеди, и послать в другое место, где нет этой помехи, а желающие слушать есть? Вопрос тоже довольно трудный, и без совета с христианами Вакуя этого решить нельзя. Священник поговорит с тамошними христианами; если отпустят, Кавагуци в Фукусима поедет; нет, в Фукусима из Токио, если сможем послать.

3. Касательно женских собраний: нужно ли исключить слово «непреренно» (как выше о. Иов потребовал) или нет? И нет ли еще чего сказать и решить о «фудзин-симбокквай»? Пусть скажут, если есть что, и женщины, присутствующие здесь, о сем предмете. О. Петр говорит, что женские собрания непременно стараться заводить везде, поэтому и слово «непреренно» исключать не следует, оно не мешает, тем более, что не везде же требуются и могут составиться такие, как в Токио, собрания, а по местным обстоятельствам, хотя очень маленькие — полезны, и потому заводить везде нужно.

4. Касательно распределения дней путешествия катихизатора по Церквам — останавливаться он более положенного может, но с разрешения священника, вперед же должен известить, чтобы его ждали в определенный день, а когда придет, о том известить заранее, по получении разрешения священника. Это приложить в виде тадасигаки к прежде постановленному о хивари правилу.

(Но где золотое перо, — пустей его пусто! Дорого, да гнило. Завязил в ручке, не вытащишь; послал купить ручку в два с половиною сен, перо в восемь рин, которым теперь и пишу).

В половине восьмого часа вечера кончили собрание молитвой.

После пришли четверо: Исибаси, Яков Оно, Адой Георгий и еще кто-то; просят переместить сюда Иоанна Катакура: он-де практичен, умеет ладить с христианами, очень нужен будет при постройке храма. — «Почему же вы выпустили его прежде отсюда?» — «Ссорился-де с

о. Матфеем Кангета».— «Но он малодетелен, особенно когда опустил-ся; иногда, впрочем, работает; теперь его хвалят в Хацивоодзи; как бы здесь опять не обленился».— «Он, собственно, деятелен,— ответили,— но бывает болен геморроем; в нем только один недостаток: не может хорошо спорить с инославными, не боек на речи, здесь с католиками однажды чуть не скомпрометировался в споре». Обещался я поддержать их просьбу на Соборе, но не дал обещания удовлетворить их; пусть-де Собор решает, иначе Собор будет только по имени; пишите просьбу за подписью всех здешних представителей Церкви к Собору.— И действительно, хорошо бы здесь быть Катакура, хорошо бы даже диаконом его поставить. Только наперед нужно смерить брод, не ошибиться так, как при перемещении отсюда о. Матфея Кангета, который, как после оказалось, перемещен по интриге трех человек, в том числе сегодняшних Итабаси и Якова Оно.

4 октября нового стиля 1889. Пятница.

Токио

Собранием священнослужителей в Токио 22 июля нового стиля 1889 года положено, между прочим, мне посещать Сендай и Мориока два раза в год для «Фукёо-квай» (собрание, имеющее предметом распространение учения): в первое воскресенье десятого месяца в Сендай, во второе — Мориока и в воскресенье Святого Фомы — Сендай, Жен Мироносиц — Мориока.

Вследствие сего завтра я отправляюсь в Сендай.

Церковь в Исиномаки

Собрание 14 мая 1889. Вторник

В десять часов утра, после обедни, проповеди и речи, началось собрание. Молитву совершил о. Иов Мидзуяма. На собрании были: он и о. Борис Ямамура, катихизаторы: Тихон Сунгияма, Илья Накагава и Павел Каватцу, представители и много христиан Церкви в Исиномаки, представители и других окрестных Церквей.

Теперь Иов Мидзуяма говорит, что в Сендае на собрании мало было совещателей отсюда. Теперь здесь посоветуемся, что для сей и ближайших Церквей нужно. Церковь здешняя очень симпатичная, усердных христиан довольно, теперь сидят здесь люди очень серьезные, с открытым сердцем для благодатных влияний.

Вчера я прибыл в половине пятого часа. На пристани встретил человек двести. Около Церкви, кроме того, собраны были множество христианок: полна Церковь усердных слушателей. Зато вчера только, в четверть суток, сказано четыре проповеди: приветствие, после краткой молитвы, проповедь после вечерни, речь пред открытием женского собрания и после сего — к оставшимся христианам.

После речи о. Иова Иоанн Хигуци сказал предметы для рассуждений нынешнего собрания. Их три. Но прежде нужно записать, сколько на собрании совещателей: Исиномаки: семь, Минато: один, Ватаноха: один, Кама: три, Набури: три, Накадзима: два, Иеногава: один, Мабуци: три, Хиробуци: два, Вакуя: один (не гинин). Так, три темы для рассуждений: 1) Что сделать полезного для фукёо распространении проповеди? Николай Хигуци полезным полагает: везде по Церквам поставить фукёоин'ов и часто видаться им из разных Церквей, равно и христианам. Я сказал, что мысль хорошая, как в Циуоку (Кодзима, Цурадзима) — раз в году, например, делать дайсимбокквай — из всех Церквей, подведомых оо. Сасагава и Иова, собираться на два-три дня, взаимно обмениваться христианскими приветами, мыслями и советами, равно и для язычников дайсекёо производить.

Теперь Павел Ватанабе предлагает Церквам Исиномаки и Минато слиться в одно, а они доселе разделены. Но почему же, если уже и два храма построены? Ныне Николай Хингуци возражает. И верно. Была бы любовь и мир, а составлять две Церкви можно, — в России для пяти-сот христиан храм строится, а другие пятьсот могут один иметь себе храм, но это не значит разделение и прочее. О. Иов теперь примиряет две противные речи. Ватанабе и Хингуци; мысль его: пусть богослужение совершается в обеих Церквах; разумеется Ватанабе стал возражать Николаю Хингуци: желает хоть раз в месяц собирать из обеих Церквей вместе.

Тихон Сунгияма объясняет, что в прошлом году, пришедши сюда, нашел нелады между Церквами Исиномаки и Минато. — Он распределил тогда служение попеременно в Церквах, ибо вместе сходиться не совсем желали. — Но оставили о сем, ибо частное дело сих двух Церквей.

Матфей Мицуи (Из Ватаноха) о дайсимбокквай: делать попеременно в разных Церквах, осенью лучше всего, когда и земледелие, и рыбная ловля — ясуму, для торговли все равно.

Павел Кавагуци пошел общими местами сыпать; уж эти катихизаторы! Навыкли смело говорить, как коли случай, готовы плести речь целые часы, не рассуждая, что утомляют и даром время убивают. Мысль его: два раза в год делать собрание.

Я предложил раз в год: большое мужское собрание и женское собрание — в один из четырех раз, ныне определенных для собраний в Сендае. Всем понравилось, по-видимому.

О. Иов предлагает всем во втором месяце, когда горы зеленеют (а то, кроме снега, ничего не видно).

Решение 1-е.

Решено: дайсимбокквай производить раз в год, — мне на нем быть, — производить в Фомино Воскресенье. В Исиномаки быть первому собранию. Впрочем, если большинство Церквей, представители которых ныне здесь, решат другое время и место, подчиниться тому решению.

О. Иов советует в Санума собраться.

2-й пункт для рассуждений: мало или много здесь проповедников ныне? Если много, убавить, — мало, нечего делать пока, неоткуда взять. О. Иов говорит: в Вакуя теперь проповедник лишний, ибо все заняты земледелием, еще в Исиномаки — два много теперь: такова речь была на собрании в Сендае. Но это неправильный взгляд: катихизатор и христиане, точно старший и младшие братья — разлучить нельзя, и в рабочее время катихизаторы нужны на своих местах. Итак, мысль о. Иова — катихизаторов, напротив, мало, а не много.

Тихон Сунгияма тоже — катихизаторов нельзя отнимать, ибо и в рабочее время для земледельцев, всегда есть часы для проповеди; нет только там, где христиане охладели. Где ёсан — воспитание шелкового червя, там действительно нет времени слушать. — В Иокояма христиане сначала прехолодно приняли его, на день он остановился, а на другой день сами просили остановиться дальше. Значит, здесь мало катихизаторов, а не много.

Николай Хингуци говорит: может, в деревнях ныне свободно для катихизаторов, но земледельцы заняты, купцы чрез то больше имеют свободного времени, теперь только и видишь, что в лавках играют в шашки, — не лучшее ли время ныне проповедывать в городе?

Илья Накахага говорит, что крещения были в продолжение двух месяцев, когда он здесь, но кто крестился? Дети, родные христиан; катихизатор имеет дело с детьми, старухами, а взрослых, настоящих людей совсем мало. И в Исиномаки кого приводят слушать? Плохих все. Значит, даже здесь, не к кому обращаться с проповедью (человек затворился: значит, проповедников нужно больше и по его речам) — а прежде говорил, от него собственно и рон начался, что здесь двоих не нужно, одного (для девяти Церквей) довольно. — Николай Хингуци не выдержал, заметил: «Да ты о чем же? Что здесь хороших христиан нет?» — Действительно, Накагава не выдерживает мысли, на что постоянно жалуются и касательно его проповеди. — А говорит скверно, обижает христиан (ныне, мол, ничего путного по Церквям). Тихон ныне опровергает

его с гневом.— Хингуци спрашивает мнение всех, нужны ли проповедники? Все — «нужны», говорят.

Ватанабе говорил: «Если нет у тебя ни одного слушателя, отряси прах, а если есть хоть двое, проповедуй».

Сунгияма насмехается: «Накагава слишком высок и красноречив, а мы низкие, кто пригласит, ждем,— таких же много». Сбились в кучу в говоре, а Накагава, видимо, сконфужен.

Решение 2-е.

Решено: двух катихизаторов для Исиномаки и подведомых сюда Церквей немного: оставить два здесь, как доселе было.

3-й пункт: о распределении служения и служащих. Николай Хингуци объясняет, что о. Иов был назначен сюда на полмесяца, другие полмесяца в Санума. Но он здесь только десять дней, или даже пять. Говорю это не по «фумандзоку», напротив, радуюсь, если расширяется Церковь и дел больше. Неприятно, что перемешиваются приходы оо. Сасагава и Мидзуяма,— и христиане не знают, к кому обращаться. Это, действительно, беспорядок, этого не должно быть. Сказано, чтобы ясно знали пастыри своих овец, и овцы пастыря. Ныне у о. Иова три катихизатора: Явата, Сунгияма, Накагава.

24 августа / 5 сентября 1889. Четверг

Такое уныние, такое уныние, что не знаешь, куда деться! Никто в Японии так не страдает, как я. У японцев всех дела определенные, ограниченные, у инославных миссионеров — у всех свое общество, если и есть горе, делят его друг с другом, и легче. Я вечно один,— не с кем разделить дум, печали, тяжелого душевного состояния; а дело — неопределенное,— не знаешь так ли оно идет, будет ли из него прок; если есть хорошие признаки — счастлив, если дурные,— страдаешь, как в аду. И дело — неограниченное — никогда не скажешь, что сделано,— сколько ни думай, сколько ни трудись, никогда не скажешь даже, что начало положено.— Боже, где люди для служения Тебе здесь? Священника, катихизатора — ни один, положительно, ни один не утешает, даже о. Нициума — заурядный тянатель лямки — в начальники и руководители не годится. Ученики — все бездарность и убожество,— к нам ползут в школы только те, которым больше некуда деваться. И так, и нет, и нельзя ожидать людей! О русских и говорить нечего — шаром покати. А тут строится собор и скоро будет готов,— кто в нем будет молиться? Не на позор ли православию он строится? Но в таком случае, зачем же все удавалось? Ужели это не Божия помощь была, а искушение? Но для кого же? Меня нечего бить,

я и без того весь забитый, Православной Церкви еще заушина? Но, Господи, не жестоко ли рабу сию бить до конца, и все бить и бить,— не дать ей ни в чем утешения? О, Боже, что за страдание! И еще, быть может, лет двадцать такого адского мучения!

19 сентября / 1 октября 1889. Понедельник

Япония — золотая середина. Трудно японцу воспарить вверх, пробив толстую кору самомнения. Послушав иностранных учителей и инструкторов по разным частям, атеистов, что-де вера отжила, а коли держать что по этой части, так свое, они возобновили синтуизм, хранимый теперь Двором во всей его точности; послушав некоторых недоверков-иностранцев, что буддизм выше христианства, и посмотрев, хоть и с насмешкою, как сии иностранцы (Олькот и подобные) кланяются порогам буддизма, они вообразили, что христианство им совсем не нужно, неприлично. И ныне плавают в волнах самодовольствия, особенно многоводных благодаря победам над китайцами (три победы одержали), — и нет границ их самохвальству! Интересную коллекцию можно составить из текущих статей ныне, доказывающих, как дважды два, что японцы — первейший народ в мире по нравственности (ибо-де из бескорыстной любви к Корее воюет с Китаем и прочее). — Нахлобучили, вероятно, не на малое время на себя шапку европоамериканского учительства по предмету атеизма и вражды к христианству. Горе — золотая середина! Он еще большее препятствие к истинному просвещению, в высоком значении, чем низменность! Что может быть хуже презрения и вреднее гордости! А она — синоним пошлого самодовольства. Оттого и в христианстве ныне — что за сброд бедности, отрешья! Из двухсот служащих ныне Церкви японцев, я по совести — не знаю, ни единого, который бы не служил из-за пропитания. Как грустно такое голое знание! А как избежишь его! Утешался я когда-то Павлом Ниицума, а что из него вышло? Зачем же глупо самообольщать себя! — Что-то есть здесь, но это что-то такое неуловимое, что я не вижу ни в ком и ни в чем ощутительного выражения его. О. Савабе, Сато... что за дряблость, апатия, лень, и ко всему этому невозобразимая гордость! Академисты — наемники недобросовестные, исполнители бездушные, — все-все помешано на одной плате!

(Неизвестно, когда было написано)

В Сендае на собрании должны быть священники Петр Сасагава и Иов Мидзюяма и подведомые им катихизаторы, кто может по состоянию своей Церкви, — в Мориока священник Борис Ямамура и подведомые ему.

Вот служащие в сих Церквах:

Церковь	Служащие Церкви	Содержание от Миссии
Священник		
<u>Сендай</u>	<u>Петр Сасагава</u> диакон Иоанн Катакура Василий Хорну	28 ен 16 14
Хараномаци, Накано	Лука Ясуми причетник Яков Маедако	6,50 6,50
Фурукава, Иигава	Иоанн Нономура	5
Вакуя, Нигоо, Оота	Павел Кавагуци	6,50
Дзёогецудзуми, Фукуда, Оно, Касимадай и пр.	Иоанн Нагаяма, яцин	4+5 2
Камияма, Ионезава	Филипп Судзуки	10
Наканиеда, Куросава, Иоккаициба	Савва Ямазаки	
Всего 7 катихизаторов, 1 диакон, 1 причетник		
<u>Исиномаки</u> <u>и Санума</u>	<u>Иов Мидзуяма</u>	
Исиномаки, Минато, Мабуци, Хиробуци, Кама, Ватаноха, Набурихама, Накасима, Иеногава, Янаицунай (Магоме), Иекояма	Тихон Сунгияма Моисей Симономае Илия Накагава	16 10 8
Санума, Иосида, Тоёма, Ёнеока, Накацуюма, Кагано	Николай Явата	10

Церковь	Служащие Церкви	Содержание от Миссии
Такасимидзу, Цукитате, Мияпо, Савабе, Каннари, Мояма	Павел Хосономе	кахи 7 + 4
Вакаянаги, Идзуно, Карисики, Дзюмондзи, Исикоси, Ебисима	Иоани Такаси	5

Всего 6 катихизаторов

Мориока	Борис Ямамура	15
	Диакон Иоани	16
	Сайкайси	
	Павел Нагано	10
Коорияма, Ханاماки	Тит Накуи	8
Ициносеки, Хигата, Казава	Симеон Мацубара	12
Яманоме, Сакуносе, Маезава	Варнава Имамуре	7
Мидзусава, Иваядо	Павел Кацумота	10
Хитокабе, Тооно, Тасе, Нодесаки, Иде, Укида	Савва Ендо	9
Кесеннума, Тадагое	Петр Бан	14,50
Таката, Сакари, Имаидзуми	Авраам Янги	7
Окутама, Оохара, Согеи, Мацунова	Фома Ооцуки	7
Оринабе, Фудзисава, Семмае	Корнилий Морита	8
Ямада, Мияко	Яков Яманоуци	9 (пища в Мияко 2 ¹ / ₂)

Церковь	Служащие Церкви	Содержание от Миссии
Ооцуцу, Камаиси	Петр Кукуци	8
Хацинохе, Санбонги	Елисей Кадо яцин	кахи 10+4 1 1/2
Саннохе, Фукуока, Ицинохе	Петр Такахаси яцин	10 4
Аомори, Абуракава	Василий Ивама	10
Хиросаки, Куроиси	Нифонт Симое яцин	8 2 1/2
Оодате, Могата, Оогита, Накаяма	Илья Яци яцин	8 1 1/2
Ханава, Аракава, Оою	Алексей Имамюра яцин	8 3
Кубота, Цуцизаки	Ефрем Ямазаки яцин	10 1,30
Как[?]тате, Оома-гори	Петр Кавасаки яцин	10 1
Носиро	Павел Оокава	8

Всего: 21 катихизатор и 1 диакон

5 октября нового стиля 1889, в субботу, отправились утром из Токио, вечером, в седьмом часу, прибыл в Сендай. Служилась всенощная, к которой я поспел к Евангелию. Пели в два голоса довольно стройно. Чтецом был Яков Оно, а канон там несносно плохо, что я вынужден был тут же заменить его Василием Хориу. После службы проповедь о Христианском усердии. Христиане приняли благословение. Затем, когда сели и стал я смотреть, кто из катихизаторов прибыл к Собранию, оказалось, что ни о. Иова Мидзюяма и никто из катихизаторов, кроме Павла Хосономе, ныне здесь же при всех я адресовал чрез о. Сасагава выговор

о. Иову и велел ему написать о. Иову, что непротив идти из Мориока с остановкой в Санума, и чтобы к тому времени о. Иов с своими катихизаторами был там для совещания о церковных делах. В полгода одно собрание — сами же назначают время и определяют все потребности, а после их нет — удивительная беспечность! О. Иов, должно быть, стыдится показаться на собрании, потому что его катихизаторы ленятся и Церковь опускается, о чем жалобы приходят ко мне, но тем нужнее совет и новое старание поднять, а его нет!

Филипп Судзуки, катихизатор в Камияма, совсем служить не может, кровью харкает и говорить ничего не может — нужно домой его отослать. А Ямагата и Камияма как без одного катихизатора! Пусть о. Сасагава снесется с о. Савабе и от него требует в замен ушедшего в ведение Савабе Спиридона Оосима, катихизатора, или предоставит ему эти места, ибо у Савабе есть кого послать, например, Павла Фудзимиси, которого не приняли в Кириу и Нисикава.

Показал христианам план нарисованной Церкви для Сендая; пусть здесь сделают смету два-три подрядчика, и в Токио сделают, — тогда увидим, можем ли уже приступить к постройке или мало собранных денег (две тысячи ен имеются в виду), также кому отдать подряд.

Завтра положили собрание — фукёоквай — в два часа и женское — вечером в семь часов.

6 октября нового стиля 1889. Воскресенье.

В Сендае

В седьмом часу утром Иоанн Нагаяма и Стефан Ицидзё из Дзёгоецудзуми приходили говорить о церковных обстоятельствах. Очень уж все здешние окрестности пострадали от наводнения, особенно Фукуда-мура, хлеб весь сгнил, ибо вода двадцать три дня стояла на поле. Ицидзё приходил сказать, что в нынешнем году хотел пригласить меня к себе, но откладывает до будущих, лучших обстоятельств, ибо у него рис сгнил, хотя дом, как стоящий на возвышении, не пострадал (между тем как в Фукуда вода была под потолок). — Тем не менее в Дзёгоецудзуми есть несколько новых слушателей учения, в Ооцуизава также есть, во всех прочих местах новых слушателей никого, а старых нужно поддерживать, чтобы от нынешнего бедствия не потеряли совсем веры.

В Сендае, по вчерашнему разговору с о. Сасагава и Василием Хориу, теперь проповедь идет хорошо, больше десяти мест, где вновь слушают; из них в двух — сам о. Сасагава говорит учение, в трех — диакон Катакура, в прочих Василий Хориу. Из христиан есть очень старательные о распространении учения, из них некоторые еще не поставленные в фукёоин, что нужно бы сегодня на собрании сделать.

Иоанн Нономура (которого вчера о. Сасагава хвалил) говорит: в Нисиарай, $1/2$ ри от Фурукава, проповедь два раза в неделю, собираются всегда человек десять, из коих четыре новые; всех их собрал Моисей Хитояма, весьма усердный тамошний крестьянин; проповедь бывает по вечерам; в третий раз Нономура ходит в Нисиарай для Тооронквай, — собираются человек двадцать, впрочем, Тооронквай заведен помимо Нономура — язычники сами делают. — В Фурукава два новых слушателя, но их домашние преследуют за то, ибо родители завзятые буддисты; вообще в сих местах буддизм теперь будоражит, что временно, конечно, — бонза один, из Соодосёно, — народ увлекает своею подвижническою жизнью; бонза этот спорил с Ноем Иокояма. Два раза проповедует в Фурукава. — Службу по воскресеньям справляет — одно в Фурукава, другое в Иигава. В Иигава новых слушателей нет, в Иоосикиноме пять новых слушателей; здесь проповедь идет в доме протестанта-слепца, который, впрочем, очень мало знает христианство, но хочет своих детей воспитать в нем, а так как протестантского проповедника нет, то он и пригласил Нономура; в Иоосиноме Никанор Хонда заботится о проповеди, хотя еще не сделан фукёоин. В Иоосиноме проповедует тоже два раза, в Хоянаги — раз, здесь тоже католик, учитель, хлопочет о распространении веры и помогает нашему проповеднику (вероятно, потому, что католического проповедника здесь нет). Протестантов в сих местах тоже мало. Вообще здесь, если говорят о [христианстве], то разумеют православие. — В Ибано-мура, два ри от Фурукава, тоже в неделю раз, — один христианин, его семейству преподается; в Наканоме один христианин — полицейский, (около Ибано), там полицейского семье преподается. В Циканоме по дороге из Фурукава в Иигава, зовут и там останавливается, учит. — В Фурукава Исаяя Нагасава и Иоанн Ооидзуми — сицудзи и очень ревностные. Церковь здесь приобрела уже землю для постройки храма, и станут отныне заботиться о сем.

Савва Ямазаки говорит, что наводнение до сих пор. Есть четыре новые слушателя в Наканиеда и два в Ёккаициба; из фукёоин в Наканиеда Моисей Таразава служит, еще Елисей Такемура, Николай Арай и Иов Хаясака — все они сицудзи. В Ёккаициба Захария Кудо очень усерден. Бывает в Иоккаициба раз в неделю; нужно больше. По воскресеньям богослужение справляет в Никаниеда, двадцать-тридцать собираются, здесь же и из Иоккаициба. В Наканиеда четыре раза проповедует, прочее время куда деваает? Сам на это ничего ответить не может. В Куросава еще не ходит, в Оохара, $1/2$ ри от Наканиеда. Вперед пусть будет деятельней.

Павлу Хосономе, принадлежащему приходу о. Мидзюяма, сказано, что о его Церкви сегодня и рассуждения не будет, так как он всего один здесь из ведомства о. Иова, а пусть он сегодня отправляется в Такасимидзу, куда я заеду послезавтра; после же, на обратном пути из Мориока, приеду в Санума; туда должны собраться о. Иов и все катихизаторы его

прихода — там и будет рассуждение о том приходе и, если что нужно, постановим; пусть и Хосономе также будет в Санума.

Церковное собрание в Сендае

На литургии было слово о благодати. После двух часов на собрание пришло сендайских христиан человек пять-шесть, несмотря на мои просьбы вчера и сегодня. Сказал им вначале, что, значит, сендайский светильник почти погас, ибо все, за исключением здесь присутствующих пяти, уподобились глупым девкам, что я в отчаянии о сем, что сендайцы огрубели, оскотинились, ибо прежде отсюда выходили с возвышенным духом, а теперь все смотрят в землю, как скоты, не умеющие поднять глаза выше земного. И мы служим земному, но по пути к небу, для нас земное — средство воспитания для неба, оттого и земное наше — несравненно выше и лучше их, ибо на небе тоже негодны: ни дрянные правители, чиновники, ни плохие ремесленники и земледельцы, кто честно не служит земному, не будет на небе; но чтобы честно служить, нужно служить для неба, по сказанному: «Ищите прежде Царствия Божия и правды его и сия вся приложится вам». Итак, хотя вы, здешние пять человек, сохраните сердце, готовое служить Богу, — и вот теперь подумайте, не может ли что быть сделано для поднятия сей Церкви, — я же не знаю, что делать.

Теперь о. Петр Сасагава плетет что-то под стать духу своей Церкви, полумертво. — Нарек он служащих фукёоинами, — ну и в добрый час! Назвал еще четырех, которых советует вновь определить в сие звание: Павел Конготака, Лука Ёкоо, Яков Сасаки и Петр Мацумото. Из старых оставил он фукёоинами пятнадцать, прочих исключил.

О Гиюу говорит нет о. Петр. Гиюу тоже были в числе фукёоин, но их службы — внутренняя служба Церкви, тоже требует внимания и времени, и потому иные не могут совместить; те же, что могут совместить, и без звания фукёоин служат; итак — разделить их; гиюу пусть не входят в число фукёоин. Это касается одного Сендая. Впрочем, из гиюу желающие остаться в фукёоин, как Конготака, пусть. Значит, после прения решено: предоставить совести церковных старшин (гиюу); желающие из них с этою внутреннею службою Церкви соединить внешнюю, пусть будут в числе фукёоин, не желающие — пусть не входят. — Итак, в Сендайской Церкви отныне шестнадцать фукёоин; в сем числе три из гиюу; всех же гиюу здесь семь. Больше о Сендае говорить нечего, сколько ни бился Сасагава, ни от кого ни слова не вытащил — все могуче молчат. — Я рассказал в пример церковного оживления, как в прошлое воскресенье в Коодзимацци по одному слову собрали на расширение женской школы больше двухсот ен; кроме того, фукёоин'ы там сами проповедуют, говорят, им и проповедники не нужны.

Подтверждено, чтобы Фудзин-но симбокквей везде заводили.

Нономура и Савва Ямазаки изъявили желание объединить свои Церкви; в месяц раз христиан Наканиеда, Фурукава, Иигава собирать для [...] и симбокквай. Хорошо. Пусть это делают.

Нономура и Ямазаки еще заявили желание делать иногда «энзэцуквай», то есть проповедникам вместе по временам собираться для речей — энзэцу! (проповеди). Запрещено и думать о сем — скверный протестантский обычай — только время терять и шуметь, бродя по чужим Церквам. Во время посещения священника могут из ближайших Церквей приходить катихизаторы, говорить проповеди, встречать и проверять священника и помогать ему.

Лука Ясуми жалуется, что в Хараномаци нет фукёоин, не могут служить, некогда, хотя и есть усердные.

У Иоанна Нагаяма мест проповеди в Дзёогецудзуми четыре, в Фурукава два, в прочих местах нет, в Оомацузава есть, но, раз в месяц ходя, нельзя научить. В Дзёогецудзуми пять фукёоин, из них есть неслужащие; когда священник будет, переменят, ибо есть и годные другие.

Больше нет ничего говорить, а уже темно, собрание закончено молитвою.

До женского собрания пошел прогуляться с Яковом Маедако и видел протестантские Церкви снаружи. Заведение Иццикквай, что прямо против нашего места особенно хорошо: обширная земля, на которой множество зданий, между ними большой храм, кругом стеклянный, и школа духовная на шестьдесят человек; в храм к ним на богослужение собирается триста человек, больше все состоятельные чиновники и купцы, в месяц жертвуют на храм ен семьдесят. Видел также храмы (лучше молитвенные дома) конгрегационалов и методистов, все освещенные для вечерней службы и больше. Протестантов здесь всех до семисот человек, католиков до пятисот. У нас, как видел сейчас по метрикам, крещено шестьсот шестьдесят пять, но за умершими и выбывшими ныне состоит в Сендае: триста девяносто четыре человека. Итак, мы отстали, а были когда-то единственные здесь. И какая же плохая, упавшая Церковь у нас, как хотя бы сегодня опыт собрания показал (пять-шесть христиан всего пришли!). Какая причина? Вялость и бездеятельность священника — никогда не посещает христиан, не старается поддерживать в них христианский дух. В прошлом году жаловались на то христиане, сделал замечание о Петру, но бесполезно, ныне опять, но уже строго потребовал непременно посещения всех христиан ежемесячно, ослабевшим же и охладевшим двукратно в месяц; диакон должен делать тоже; таким образом христиане могут быть возбуждены. Посмотрим, исполнит ли о. Петр это. Сказал ему, что, если не оживит Церкви, на следующее собрание (в Фомино Воскресенье) не приеду, ибо незачем.

На женском собрании было женщин до шестидесяти пяти-семидесяти; четыре говорили приготовленное, но все больше по книжке и тихо. Я сказал вначале о воспитании, в конце рассказал историю Товита.

Потом жертвовали,— в нынешний вечер собралось одна ена пятьдесят семь сен. Избрали на будущее собрание; было угощение чаем и кваси. Вообще было оживлено,— несравненно лучше, чем мужское собрание.

7 октября нового стиля 1889. Понедельник.

Иигава, в доме Акилы Кису и жены его Марии

Утром, в шесть часов, выехал из Сендая — я и Иоанн Нономура, катихизатор Фурукава и Иигава. По дороге видели следы недавнего опустошения, произведенного наводнением: горные обвалы, вековые поваленные сосны, распиленные на мелкие куски в тех местах, где преграждают дорогу, следы домов, разнесенных без остатка водой, подгнилой в некоторых местах рис. Впрочем, рис почти везде остался цел, ибо вода стояла всего три-четыре дня. Только на месте увидевши все это, можно понять, почему японцы так много сетуют на наводнение, почему ученики запоздали в школу из-за него, почему рис поднялся в цене.

В один час прибыли в Фурукава. Христиане встретили за несколько верст; первыми были жандармский офицер Александр Кадо, Давид Конно и врач Петр Камей, потом жена Кадо и жена Ноя Иокояма, что теперь в Катихизаторской школе. До города собралась толпа человек в шестьдесят, ибо из Иигава пришли, даже больной Акила Кису пришел. В Фурукава молитвенный дом тот же, в котором я был восемь лет назад, но христиан больше: жаль, что молитвенный дом позади города, а вот дом Давида Конно хорошо бы под Церковь, ибо в центре гора, у Сайбансё, и на большой улице.— Отслужили краткий молебен, проповедь об усердии служения Богу и о том, что все всеми своими благами могут и должны служить Богу. Испытал некоторых детей в знании молитв — «Отче наш» знают; велел Символ, Заповеди и еще главные молитвы выучить; катихизатор должен иметь одною из главных своих обязанностей — обучение детей Закону Божию, родители также должны заботиться о сем: «Блюдите, не презрите единого от малых сих»... Поют в один голос стройно, Конно обучал и Александр Кумагай, слепец, ныне живущий здесь, помогает. (Встретил также слепца — младшего брата о. Романа Цива, еще язычника). Испытанным детям раздал крестики, ибо все кресты свои порастеряли; хотел было дать образки, но попросили крестиков.— Обед, которым весьма мало воспользовался, ибо поел в Иосиока, при перемене ямщиков. Посетили потом двоих сицудзи — Исайю Нагасава и Иоанна Идзуми, самых главных радетелей о Церкви; первый довольно богатый человек. Но образ в доме маленький, без лампадки, и стоит над дверью в другую комнату; советовал в России заказать семейный. У Идзуми образок совсем крошечный. Вообще, еще не умеют обращаться с образами, а священник нисколько не заботится учить. Вот для этого, между прочим, нужен русский благочинный, он и заведет настоящие церковные порядки. Даже у Давида Конно образ не на месте держится и

в плохой рамке.— При въезде в Фурукава зашли к живущим вместе на квартире женам Елисея Кадо и Ноя Иокояма; у обеих по ребенку. Дальше были у жандармского офицера Кадо и молодой жены Катерины, воспитанницы женской школы в Коодзимац; в Церкви почему-то офицер не бывает, жена ходит.

В четыре часа отправились в Иигава; 1 1/2 ри пролегает по великолепному, почти необозримому рисовому полю, ныне ждущего серпа жнецов. Засветло прибыли в Иигава; христиане тоже далеко встретили, особенно рада Мария Кису, у которой дочь Вера в школе в Миссии. По дороге к Церкви зашли к больному христианину Тимофею. Ждет, бедный, причастия, а священник и не думает быть здесь да, кажется, и не извещали его,— «скоро поедет по Церквам-де, тогда». Бедные, еще и не знают правила, что в серьезной болезни тотчас нужно посылать за священником. На обратном пути нужно будет сказать о. Сагава, чтобы немедленно побыл и напутствовал, да чтобы и везде по Церквам толковал христианам, что при опасной болезни нужно звать священника.

В молитвенном доме отслужили вечерню. Пели ужасно — все в разные голоса, в чем, по-видимому, и наострились немало, ибо пели бойко. После службы — проповедь о невидимом, которое важнее видимого. Затем убеждал христиан сложиться и купить орган, чтобы в восемнадцать ен (на начало сбора тут же и дал три ен), потом пригласить учителя пения месяца на три, тогда пение в Иигава и Фурукава будет стройное. Кажется, сделается. Испытывал детей в молитвах и раздал крестики и образки.

Пришли христиане и из Иосикиноме и Ниси [?], также довольно много из Наканиеда, за 1 1/2 ри, (ведомства Саввы Ямазаки). Беседовали до восьми часов. На ночлег пришли к Акиле Кису; здесь тоже отслужили вечерню, и сказана проповедь о терпеливом перенесении скорбей, ибо преимущественно обращался к бывшему, но такому усердному верующему, Акиле. Ужин, для приготовления которого нарочно из Такасимидзу пригласили Матфея, бывшего некогда у меня слугой и поваром; ванна, великолепная постель — словом, усердие такое, что совестно становится. Да воздаст им Бог!

8 октября нового стиля 1889. Вторник.

Мяно, в доме Павла Цуда

Девять часов вечера. Пишется на стуле, за неимением стола.

У Кису утром загрохотали дверинами, и все встрепенулись в четыре часа, а назначено было выезжать в шесть. Мизинец на левой ноге, вчера разбитый при падении в ванной, едва позволил ходить, да и теперь в сапогах с трудом хожу, что заставляет опасаться, не сломана ли какая костка в пальце — вот уж некстати, до болезни ль теперь. В сопровождении Акилы и Марии приехали в Фурукава в семь часов, к доктору Петру

Камеи, который был отозван к внезапному больному, а жена его Софья встретила хлопотами и угощением. Возвратившемуся Петру говорил, что у него, против врачей-язычников, несравненно больше силы и средств благодетельствовать больным, раз — наука, другое — сила благодати, которою он может и должен располагать ко благу своих пациентов, и указал на чудеса Святого Великомученика и Целителя Пантелеймона, рассказал и несколько современных чудесных исцелениях, сотворенных о. Иоанном Кронштадтским.

В сопровождении Петра Камеи и также Марии Кису приехали в Такасимидзу. Дорогой, садясь в дзинрикия, я переломил своею тяжестью обе оглобли в телеге, что стоило одну ену расплаты. Никанор Муранаки встретил очень далеко от города и рассказал, что из ста христиан, ныне налицо состоящих в Такасимидзу, половина охладевших, в Церковь не ходят и ничем не заявляют своего христианства; семь гиюу, четыре фукёоин. Церковь в Такасимидзу содержится в порядке: икон и всего довольно пока, даже священные сосуды и полное облачение для служения литургии есть. Отслужили обедню; Павел Хосономе читал, очень хорошо, пели в один голос хорошо, хор небольшой. Слово было о «мире и благодати». После здесь же в Церкви беседовал с христианами, особенно настаивал, чтобы они постарались оживить и согреть охладевших к вере,— обещались. После убеждал воспитывать детей по-христиански, на тексте: «Блюдите, да не презрите единого от малых сих». Гавриилу Иномама обещался прислать для перевода «Путь ко спасению» Епископа Феофана; если переводить годно для печати, и будет напечатано, то он будет принят переводчиком церковных книг с жалованьем не меньше получаемого им ныне — восемь ен. Вот слабый-то характером человек! Дикарь вотчим (да и не вотчим, а живущий блудно с его матерью, ибо жениться не может здесь, принадлежа к другой деревенской общине в качестве косиу) заставил насильно жениться на его дочери, «систангете» — так и выражается Гавриил.

3-я тетрадь

После обеда, прескверно состряпанного Матфеем — ни по-японски, ни по иностранному, без хлеба и без риса, с полусырою курятиной,— посетили всех сицудзи и фукёоин. Особенно радушно угощал старик Семен Сато; сын его экскатихизатор Илья с семьей здесь же, и у Ильи замечательная черта: нисколько не злобится за то, что отставлен от катихизаторства.

Мияно

Проехали Цукитате и прибыли в Мияно в пять часов. Ждали долго пока соберутся,— собралось человек двадцать. В Мияно десять христианских

домов, человек двадцать христиан порядочных, человек десять охладевших, а одна семья, старшего брата о. Иоанна Сакая, перешла в протестантство. Отслужили вечерню, псалом Иоанн Циба один. Здесь, когда служит катихизатор (а без него и не собираются) все читается, ибо нет никому. Проповедь о христианском усердии и о том, чтобы все дела свои посвящали Богу. Во время проповеди пришли христиане из Цукитате — семь мужчин, две женщины, пришел еще старший брат о. Сакая, протестант, с сыном, тоже протестантом; говорили оба, что перешли, не зная учения, а потому, что [?] братьев в Сендае учились у протестантов; убеждал их обратиться и покаяться; обещались слушать катихизаторские объяснения. Христиане Цукитате довольно оживлены, каждую субботу собираются на молитву. Убеждал их и здешних самим, без катихизатора совершать общественную молитву и заботиться о вещем оживлении своей Церкви, ибо благодать Божия еще видимо с ними, иначе они давно бы рассыпались, не имея добрых катихизаторских попечений.

Собираются в доме Петра Удзие, — икон для молитвенной комнаты никаких, висит одна картина Преображения, ни покровов, ничего ровно здесь не получено для молитвенного дома. Обещался прислать икону Спасителя, также Фукуса.

Ребенок умирает без крещения по небрежности священника.

Три дня тому назад у одного христианина утонул ребенок трехлетний, некрещенный. Что же смотрит священник Петр Сасагава при посещениях? Отчего дети остаются некрещенными? Ни к чему не годен этот Сасагава, совсем омертвел! Хоть хорони заживо, как труп, который забыли похоронить. Скажу ему — [...] — заботиться о крещении детей, но прока не жду.

Двенадцатый час вечера. Собралось несколько язычников у Павла Цуда послушать, между ними кочёо и коочёо (начальник здешних училищ). Говорил сначала Хосономе, я с час объяснял учение, — кажется, поняли, проще нельзя было говорить; дай Бог, чтобы было в пользу; изъявили желание слушать дальнейшее у катихизаторов и здешних христиан. — Христианам Мияно советовал из молодых людей мужского или женского пола послать кого в Токио хоть на полгода поучиться пению, обещался питать от Миссии. — Женщинам внушал завести симбокквай. — В будущем году обещался посетить все сии места, если Бог благословит.

9 октября нового стиля 1889. Среда.

В Ициносеки. В пятом часу. Кесеннума

Пришел сюда повидаться со мною старшина (сицудзи) Церкви в Кесеннума: Андрей Оомори и другой с ним, христианин Алексей Кобаяси: рассказали следующее. Христиан там шестьдесят человек; из них на

молитву собирается от пятнадцати до тридцати, говорит Корнилий Морита; прочие охладели, одно семейство ушло к католикам, четыре человека; оно прежде ушло к протестантам, потом к католикам; человек был гуляющий, вера его исправила, но он охладел, и — к протестантам, потом дом продал католикам и к ним перешел,— обедневший и желающий поправить свои обстоятельства переменою веры; это было при Илье Накагава, три года назад. Из прочих охладевших все не то чтобы потерянные для Церкви, а — или по дурному поведению, или по денежным обстоятельствам стыдятся приходить в Церковь, но в Пасху приходят. А нынешние хорошие тридцать христиан всего составляют шесть домов. Новых слушателей шесть, но им не теперь учение преподается, а прежде уже преподано. Теперь же проповеди нет, за исключением субботы и воскресенья на службе; собираются (Бан говорит при христианах, в субботу, до пятнадцати, в воскресенье до двадцати, после службы он объясняет Священное Писание; поют четверо).

Тадагое

В Тадагое два дома, христиан двадцать, на молитву не собираются; Бан туда ходит, но и сам не может объяснить, когда и зачем; в месяце-де больше раза, повидаться. От Тадагое до Кесеннума два ри. «Отчего нет там проповеди?» Хлопочут сделаться у [...] — значит, не могут хлопотать. У Бана только и есть эти два места, — значит, он в неделю всего два часа служит — в субботу и воскресенье. Я прямо обратился к христианам с заявлением, что, вероятно, в Мориока, на Соборе катихизатор будет отнят у них, ибо не нужен. Но Андрей и Алексей дали кроткое обещание, что они отныне будут стараться с катихизатором поднять проповедь, и непременно просят катихизатора, иначе-де католики и протестанты [переманят] всех наших; за Бана они не стоят, хорошо бы-де знающего местность, но можно и другого, только непременно одного просят. Я было заговорил о Церкви в Кесеннума катихизатору в Оринабе — четыре ри. Я обещался за них просить Собрание, чтобы один катихизатор был опять дан им. Еще они просят, чтобы приход о. Бориса был разделен на двое, но кого избрать другим священником — не знают, желают же сами по-прежнему принадлежать о. Борису.

Еще они желают избрать у себя фукёоин и уже предназначили двоих в Кесеннума: Андрея Оомори и Иоанна Оомори (оба молодых). Женское симбоквай уже начали, раз было,— семь-восемь женщин собралось.

Бан живет в гесику, сёкурёо платят, яцин нет. Молятся в доме Луки Хондзёо, врача,— дает для сего комнату.

Петр Бан — образец лени; даже не знает, сколько христианских домов у него, при тридцати христианах и тридцати охладевших; все спрашивает во время разговора у Андрея: сколько того? как это? Не знаю, что с ним

делать! И он сам чувствует себя очень скверно — весь смущенный и раскрасневшийся. Хорошо, что расспрашивал о его Церкви при его христианах, иначе наврал бы с три короба.

Но о Церкви в Кесенума сегодня прежде других, потому что Андрей, сицудзи, не будет на Собрании, а идет с матерью в Сендай.— Дальше заметки о Церквах по порядку с утра.

В Мияно, Павел и Мария Циба, у которых сегодня ночевал — премильные люди. Общал им иконы из Токио: Святого Апостола Павла и Богоматерь Афонскую; у них только и есть маленький Спаситель — русская, на холсте. Обещал к иконам приложить и лампадку.— В шесть часов, утром, когда встали, попросил в свой дом Яков, у которого трехлетний сын некрещенный утонул. Просил помолиться о сыне; сказал ему, как он может молиться: «Господи, прости мой грех нерадения о спасении сына и спаси его!»

Толковал ему с женой, бывшим здесь, и катихизатору вперед непременно крестить детей — при первом же после рождения посещения священника.

Савабе

В Савабе семь христиан: Матфей Ёсида, крещеный мальчиком и сознающийся, что не знает веры, и нет у него ни иконы, ни книг христианских; икону пусть катихизатор ему доставит; советовал выписать «Сейкёо-Симпо», для чего и адресом снабжен; Николай Канеда — бедняк, фонарщик, но видно, что усердный еще христианин, и мать его; Варвара Сасаки и двое детей, старший двенадцати лет, по-видимому, способный, почему и сказал я матери, если она хочет воспитать сына для служения Церкви, пусть будущий год к первому сентября присылает в школу в Токио. Варвара — вдова, молодая, грязная-прегрязная, и по-видимому, ленивая, хотя и небедная. Икона Спасителя (овальная) в хорошей тоокейской раме стоит на полке вверх ногами и закрытая синей тряпичей; велел очистить от пыли и паутины и поставить в доме Матфея, где наказывал и собираться им по праздникам помолиться вместе и почитать Священное Писание и другие религиозные книги.

Каннари

В Каннари двенадцать христиан: Яков Кавамото, сын родной племянницы о. Иоанна Сакая, болезненный молодой человек, по усердный к вере. Обещал ему догматику Макария, с моей надписью на ней, очень он просил; Алексей Сунгияма — кочёо, косою, жена его Агафия (сама же она не знала, как ее зовут, а катихизатор подсказал: Авдогья, муж же поправил на Агафью) и двое детей; некто Сакамото Петр, бывший в отлучке, и другой в его доме; Евгения М[?]ока — преусердная, в Савабе

ездившая встретить, муж ее — Кенкваайгин, — еще язычник, хотя и говорит, что знает веру и обещается принять; Григорий Ёсида и трое с ним в доме, не имеющих иконы и, по-видимому, [?] невежда в вере. Родители Якова Кавамото слушают и скоро примут. Остановился часа на полтора в доме Кавамото; сюда пришли Алексей — кочёо, и Евгения; советовал непременно собираться по праздникам для молитвы, и Кавамото Якову поручил читать молитвы. Обещались. У Алексея Сунгияма иконы, обезображенные в пожаре, — маленькая, Ангела-Хранителя, о чем он, впрочем, кажется, не знает, да и катихизатор тоже; катихизатору говорил, что у него — Матери Божией, и Алексей не поправил, торчит икона на полке, прислоненная к группе Императорской фамилии, — об употреблении иконы, значит, и понятия не имеют. У Евгении иконы совсем нет. Велел катихизатору доставить им иконы, взяв у священника: Алексею — Спасителя, Евгении — Божией Матери: я обещался прислать Алексею лампадку. Икону для молитвенной комнаты также обещался прислать в Мияно из Токио, ибо у Кавамото — маленькая, домашняя.

Катихизатору Павлу Хосономе дал большой нагоняй: начнет выть об упадке Церкви — душу всю изведет: в Савабе-де погасла, в Каннари один дом и так далее, а между тем везде сколько христиан, и они остаются без призрения по нерадению катихизатора; катихизатор точно слепой и немой бродит без всякой пользы; сердце раздирается смотря на этот мусор — катихизаторов; насильники самого скверного качества — больше ничего!

Моисей Ямада из Яманоме и другие приехали встретить в Канари, по дороге же в Ициносеки больше и больше прибавлялись, так что въехали в город двадцатью тележками в сопровождении целой толпы бегущих по сторонам.

В Ициносеки у христиан есть церковный дом с землею под ним, на втором этаже молельня, внизу живет квайдо-мори. Устроено подобие алтаря на возвышении, с иконостасом; но икон очень мало; за престолом икона Спасителя, овальная, над Царскими вратами — бумажная картина крещения, на иконостасе, направо, картина Богоматери, [?], налево — еще картина; по сторонам сверху две-три картины, — значит, собственно — нет ни одной; на Царских вратах ничего. Обещался прислать: для Царских врат четырех Евангелистов и Благовещение; картины Семи Таинств, икону Богоматери. Была обедня, поют в один голос — ничего, все почти большие. — Проповедь о служении Богу каждым своим делом. Потом разговор о церковных делах; здесь пять сицудзи, девять фукёоин, — сицудзи и женщины в том числе. Женщин в Церкви до сорока, на собрания приходят семь-восемь; советовал им поднять свой симбокквай; говорил, как он должен вестись; говорено было о фукёоин, что и во времена Апостолов они были (Акила и Прискилла). Испытывал детей в молитвах — мальцы сробели и едва могли прочитать «Отче наш», наказывал катихизатору и родителям непременно обучить всех детей молитвам. Спрашивал

у христиан, довольны ли катихизатором, — «довольны», — у катихизатора — он доволен ли ими? «Тоже». Вообще, Симеон Мацубара — порядочный катихизатор, довольно живой и способный. — Остановиться привели в дом старшего брата катихизатора Павла Кангета, как и восемь лет тому назад. — С семи до девяти была проповедь для язычников, полнехонько было, и преусердно слушали, никто не выходил. — Ванна, после которой, вероятно, лучше будет моему желудку и голове. — Ныне пишу перед ложем, которое устроил Моисей Ямада: огромнейшая кровать из кеяни, с точеными ножками, но спать на ней будет скверно, вижу. Экие японцы глупости творят, а и бранить нельзя — от усердия.

10 октября нового стиля. 1889. Четверг.

В Яманоме, в доме Моисея Ямада, на шелковом столе, пред все тем же ложем, которое и сюда притащили

Утром в семь часов обедня и проповедь о христианском усердии. Потом, до полдня и после, по дороге в Яманоме посетил здешних сицудзи и фукёоин, потом семейство Иоанна Абе, у которого жена и сын лежат в какке больные. Всех посещено одиннадцать домов. — Церковь состоит все из зажиточных, так что и стыдно бы им не содержать катихизатора, а не содержат. — Обед был прескверный: ладятся все по-европейски приготовить, а выходит безвкусица, — ни то, ни сё; но кроме того, сими обедами совершенно расстраивается желудок, а от него голова. Досадно, что не могут взять в толк, сколько не тверди, моим просьбам — кормить меня по-японски, оттого и не кормят, а морят; редко где угостят бесхитростной японской трапезой — ну, и рад бываешь, как порадовала умная Мария Циба в Мияно.

Пришедшие из других Церквей христиане рассказали кое-что о своих Церквах. Именно:

Мацукава

Из Мацукава Иоанн Хатакеяма (одноглазый) говорил: христиан там крещено с тридцать, но нет налицо четырнадцати-пятнадцати, в девяти домах; на молитву, которая совершается в доме сего Иоанна, собираются шесть-семь человек; отец Иоанна также усердный христианин. Фома Ооцуки — катихизатор, был там всего раз, пробыл четыре дня. Сицудзи два.

Согей

Из Согей двое: Иоанн Хидеро и Петр Ооикава — сицудзи (оба учителя) рассказали: христиан по метрике до сорока, домов десять. Молятся в доме Иова Яманоуци (старшего брата катихизатора Якова Яманоуци), собираются в субботу человек десять, в воскресенье семь-восемь. Есть

три дома, вернувшиеся в язычество, ибо там больше дети принимали крещение, а потом оставались без научения, а теперь ничего не знают.— Обещано сим двум Догматику Макария. Фома Ооцуки пробыл там неделю и имел четырех новых слушателей. Отец Петра Ооикава тоже христианин и служит сончѳо. Книгами Согей еще не снабжена, а есть в Окутаиса — один с половиною ри от Согей. Хидеро и Ооикава крещены также десятилетними (как еще Бог хранит их).

Хиката

Из Хиката, шесть ри от Ициносеки, принадлежащих также Симеону Мацубара, были пять христиан здесь и говорили следующее: христиан там двенадцать, все ходят на молитву и ревностны к вере. Главный там радетель — Павел Касай. Ныне Симеон Мацубара решил там проводить ежемесячно четыре дня, но и на это ропщут христиане Ициносеки. Книг там нет, и потому я обещал прислать четверть имеющихся налицо в Миссии книг.

Яманоме

Во втором часу дня прибыл в Яманоме. Здесь христиан сорок три в двенадцати домах, из них четыре охладевших; катихизатора Варнавы Имамура до сих пор не видал, что показывает в нем мало усердия к делу. Сицудзи два, фукѳоин семь, из них сицудзи и четыре женщины. В Церковь собираются в субботу тринадцать-четырнадцать человек, в воскресенье и того меньше. Церковь здесь прекрасно снабжена всем священным, привези только антиминос и можешь служить литургию; иконостас полный, довольно красивый, из икон четыре из России, что подарил Высокопреосвященный Исидор, прочее приспособлено к Церкви письма Ирины Ямасита.— Посещены и здесь служащие Церкви и один больной, параличный старик, у которого тут же лежит внучка в горячке.

С семи до девяти была проповедь для язычников — продолжение вчерашней; слушателей было так же много, и слушали усердно.

*11 октября нового стиля. 1889. Пятница.
Мориока. Маезава*

В пять одна четверть выехали из Яманоме (я, Моисей Ямада — депутатом на собрание в Мориока и катихизатор Варнава Имамура). Христиане Маезава встретили далеко от дома Иоанна Сунгиноме, к которому зашли; у него в доме: дочь Ольга, бывшая в Миссийской школе, больная жена и мать; есть еще здесь два Ендо, Василий и Иоанн, Алексей Оота в городе и еще два христианина, из коих один Петр Коорой, ученик

Семинарии, живущий ныне у матери, недалеко от города; всего восемь христиан. Общей молитвы нет. Катихизатор Варнава был здесь после Собора два раза по три дня, но места для проповеди (по его же, значит, беспечности) не найдено, поэтому и новых слушателей не было. Вперед христиане обещают найти слушателей, если катихизатор будет.

Мидзусава

В Мидзусава храмик поразил своею убогою, совсем нищенскою наружностью, как и внутренностью. Внизу живет катихизатор Павел Кацумота с женою Мариною и ребенком; грязно до крайности, но, по крайности, маты есть; наверху, в Церкви, грязные циновки, газетами оклеены грязные стены, прямо крыша, без потолка, в алтаре даже и циновок наполовину нет, а сквозящие вниз доски. На престоле ничего, кроме замасленного покрывца. При всем том, иконостас, даже порядочный, и четыре иконы, что от Митрополита Исидора, за престолом виденный мною восемь лет назад коленапреклоненный Спаситель, в Царских же вратах дыры, вместо икон, даже не потрудились написать в Миссию прислать Благовещение и Евангелистов. При всем том, хорошо, что земля под Церковью теперь уже принадлежит Церкви — куплена; одна невыгода этого места: Церковь у самой школы, из которой и из двора слышны неистовые завывания уроков или выкрики гимнастами.

По метрике крещено в Мидзусава пятьдесят один; из них пять умерли, другие переселились в Камаиси, налицо человек сорок с детьми в тринадцати домах; на общую молитву в субботу собираются человек десять, поют шесть девочек, в воскресенье совсем не собираются. Причина сей холодности к молитве, вероятно, в том, что здесь прежде не было постоянного проповедника, некому было завести порядка. Сицудзи четыре: Симеон Томизава, отец катихизатора Якова, и другие; они же и фукёоин. Охладевших совсем к вере здесь нет, кроме одной женщины Марфы, бросившей мужа и связавшейся с другим, ее теперь здесь нет. Проповедь проводится в городе, в трех местах, новых слушателей в каждом шесть-семь.

Катихизатор Павел Кацумота здесь с женой и ребенком. Из христианок замечательна Анна Русу, внучка умершей княгини Елены Русу; Анна — вдова с десятилетней дочерью, с нею в доме христиан — младший брат ее Петр, девятнадцати лет, и мать Нина.

Из Мидзусава ныне служащие Церкви: Николай Явата, Яков Томизава и Петр Такахаси, которого жена и ребенок здесь живут; еще в школе Иоанн Ито.

Советовал женщинам завести симбокквай (из женщин особенно сведущая в церковных делах здесь Евдокия Канамори, жена Исайи Канамори — сицудзи).

Ныне христиане, собравшие двадцать ен, поправляют наружность храма. На внутренний ремонт я обещал одну четвертую того, что будет стоить.

Иваядо, два ри от Мидзусава, принадлежит еще Павлу Кацумота, но там, по его собственным словам, Церковь совсем распалась. Ленивый! От беспечности катихизаторов же. Здание, построенное для богослужения на чужой земле, разобрано, иконы пересланы в Яманоме. Дай Бог поправить! Там еще не без усердных христиан.

В Коорияма прибыли в сумерки. Молитвенная комната в доме одного христианина, Гавриила, очень прилично и чисто убранная. Катихизатор Тит Накуи только несколько дней здесь. Крещеных по метрике семьдесят один. Из них пять умерло, трое перешло к католикам (по отзывам христиан, разорившийся пройдоха с [...]), в разных местах служат (как, например, Петр Кикиуци, ка[?]) и работают двенадцать, в другие места переселились десять, охладели к вере трое, из коих один юноша, по настоянию отца, будто бы стал буддистом, прочие тридцать восемь все хорошие христиане и ходят в Церковь. Богослужение всегда велось (без проповедника, старшиной Матфеем Хисикава, братом того, что в Катихизаторской школе) и ведется; собираются в субботу человек двадцать, в воскресенье двенадцать, поют четыре. Сицудзи пять; они же и еще двое — фукёоин; новых слушателей четыре есть, христиане обещают больше, если катихизатор будет проповедывать. Вообще, Церковь очень симпатичная, христиане усердно принялись угощать, но наготовили скоромной пищи в пятницу, пришлось удовольствоваться каштанами и лапшой (сого), а христианам дать выговор.

Часов в десять прибыли в Мориока; христиан, несмотря на поздний час, была полная Церковь, устроены зеленые ворота пред входом во двор, по обеим сторонам стояли дети и женщины. Отслужили вечерню, сказано слово: «Радуйтесь о Господе», потому что спа<...> и получили силы идти к нему.— И здесь опять стали угощать скоромной пищей! Даже при священнике и диаконе! Так-то соблюдают правила Церкви!

*12 октября нового стиля. 1889. Суббота,
в Мориока*

Крещено в Мориока триста пятьдесят; из них восемьдесят в других местах, тридцать семь умерло, из Церкви ушло двадцать девять. Налицо здесь двести шестьдесят один. Значит, крещено более четырехсот. Словом, нет здесь ни метрик, ни исповедных, ни приходо-расходных. Заказано к будущему году все это исправить.

Собираются христиане на Пасху до ста человек; по субботам до тридцати, в воскресенье тоже. Множество охладевших; иные по одному в

доме — молодые люди, туда никто к ним не ходит: ни диакон, ни катихизатор. Дан выговор. Христианских домов девяносто девять. Положено: в месяц раз Иоанну Сайкайси посещать всех охладевших и раз то же делать катихизатору, так чтобы охладевший в две недели, по крайней мере, раз видел одного; этим средством, с помощью Божией, будут подняты. Поставлено правилом, которое и записано для себя о. Борисом, и диаконом, и катихизатором Павлом Нагано.

Сицудзи семь, фукёоин двенадцать мужчин, восемь женщин. Некоторые сицудзи они же фукёоин. Из фукёоин особенно усердны: Моисей Томогами — чиновник, сендаец, — по выходе из суда дома, двукратно в неделю собирает новых слушателей — пять ныне надежных из них; еще: Авраам Ито — квайси, по воскресеньям собирает у себя новых слушателей; Матфей Сорукава — чиновник, раз в неделю собирает у себя трех новых; еще порядочные: Павел Митamura, Павел Сабанаи, Петр Савано. Прочих хорошо исключить, чтобы не было уронено звание фукёоин. Из женщин: Юлия Кодадзима (племянница Петра), Таисия, дочь Иоанна Сайкайси, жена Павла Эсасики, разлученная с ним уже пять лет (побил и прогнал, детей оставил у себя); впрочем, неразведенная.

Проповедь здесь у Сайкайси в городе в неделю раз, два-три новых, прочее неопределенно, каждый день проповеди нет, сюда слушать никто не ходит; еще с Нагано к Аврааму Ито по воскресеньям ходят; у Павла Нагано: каждый день в городе проповедь, каждый день с двенадцати до одного часа, возвращаясь из школы, три ученицы слушают; с трех до четырех — три ученика. Новых слушателей ныне всех семнадцать-восемнадцать — все же лучше, чем восемь лет назад.

Католиков здесь, Сайкайси говорит, до двухсот, французов два, школа у них; протестантов три секты, иностранных миссионеров два.

Женское собрание здесь есть: собираются два раза в месяц по субботам, после всенощной, или в воскресенье; трое готовят речи, бывает и угощение, собирают деньги — ныне ковер в Церковь куплен на сие.

Яков Яmanoуци говорит о Церкви в Ямада: по метрике христиан сто двадцать четыре; из них умерло четыре, один ушел к протестантам, в Токио ныне; семнадцать перешли в другие места, особенно в Мияно; девяносто два налицо; из них тридцать охладевших, из коих до десяти совсем потеряли веру, прочие в Пасху приходят. Разделение здесь произошло прежде по поводу построения Церкви; она была в доме Петра Абе, наверху, а внизу — его жилье, христиане роптали: «Не знаешь, Церковь ли, или дом Абе». Петр, видя это, отдал весь дом для Церкви, а сам перешел в другой дом; эта добродетель отняла оружие вражды у ссорившихся, и ныне Церковь мирна. — Катихизатор пятнадцать дней живет в Ямада, в это время каждый день есть проповедь, слушателей пять ныне надежных. — На молитву собираются в субботу тридцать, в воскресенье двадцать; когда катихизатора нет, старшина читает, поют семь. Сицудзи

один: Симон Оода, старик, гиюу пять, фукёоин они же и три, всего восемь, но плохо служат — значит, и не нужно их.

Женское собрание есть раз в месяц, но не женщины говорят, а катихизатор — значит, не настоящий симбокквай; заповедал ему возбудить в женщинах охоту самим готовить для себя назидательные рассказы; рассказал Якову, как в других местах ведутся симбокквай.

Он же о Мияко: крещено два, из других мест есть шестнадцать; пятнадцать дней проводит и ежедневно две-три говорит проповеди, новых слушателей пять. Мать и тетка Исигаме слушают, но еще не веруют. Фукёоин три, из них один вот сидит здесь: Иоанн Судзуки, учитель, пришедший сюда на Собрание. Сицудзи нет, гиюу два. Общая молитва есть, собираются почти все в субботу и воскресенье. Домов христианских восемь. Филипп Найкубо и Алексей Сато очень стараются там. Женского собрания нет, но шесть женщин могут учредить. Яmanoуци, вернувшись, сделает это.— За общей молитвой три ученика из Ямада поют. Между Мияко и Ямада в деревне Цунгаруиси есть желающие слушать, до тринадцати человек. Яmanoуци там пять дней проповедывал. Яков Урано там в Канехама-мура, от Мияко три ри, от Ямада четыре ри.

Из Хацинохе депутат Никанор Икава (брат Андрея) говорит: пятьдесят пять человек хороших христиан, приходящих в Церковь; из прочих один — Поликарп Момосима не только ушел в буддизм, но бонзой был, теперь в Токио бродит; другой — Павел — Такахаси там теперь учителем, но сделавшись противником Христа, удерживает учеников от христианства; оба — из самых первых христиан. В протестантство ушли — этот негодный Онисим Накано, Вениамин Секи, бывший воспитанник Петра Бан, совращенный в школе в Мориока, и какой-то Хара, сосед Накано, за дрянное поведение прогнанный потом и от протестантов той секты баптистов. Прочие охладевшие, вероятно, исправятся, особенно, когда теперь Елисей Кадо на старых христиан весь труд свой отдает: каждый вечер проповедует для прежних христиан, новых же у него чет ни одного. Фукёоин три, но два не служат; сей же Икава может остаться, ибо старается, по-видимому Сицудзи три, из коих Марк Секи самый ревнивый, — сончё. К молитве собираются семь человек в субботу и воскресенье. Весьма мало. Говорит: Елисей, Секи, Минамото и Сесся охладили христиан, побуждаем, но без успеха, — плохо же! Лука Накасато, у которого я остановился, совсем охладел. Как их поднять? Господь весть. Наказываю о. Борису, когда будет в Хацинохе, посоветоваться с усердными, не найдут ли средства.— Еще в Минато, пятнадцать чё от Хацинохе, выходят Минамото и Икава, и там шесть новых слушателей. Женского собрания нет. Нужно возбудить. Это тоже будет одно из средств поднятия Церкви. Женщин там тринадцать. Хвалят очень Икава Елисея и просят не тревожить его для Санбонги, десять ри от Хацинохе. Елисей по утрам — трем молодым ученикам учение, после обеда выходит в город. Просят они еще: священнику у них останавливаться на пять дней;

конечно, если будут давать ему достаточное дело на это время; если же только для проповеди, то нельзя, проповедник есть.

Депутат из Хитокабе, старик Авраам Кikuци, говорит: по метрике девяносто христиан, но Таинства принимают до пятидесяти. Охладевших четыре-пять, ушедших из Церкви один. На молитву собираются двадцать человек в субботу и двенадцать-тринадцать в воскресенье; проповедают каждый день, новых — три-четыре; в Церкви поют четыре. Сицудзи два: Моисей Кikuци и Иов Кikuци; главный же, конечно, он. Фукёоин: мужчин семь, женщин три. Женское собрание три раза в году, поэтому расстраивается, слишком большие промежутки. Савва Эндо ныне разделяет время по трем местам: Хитокабе, Тооно, Тасе — десять дней в каждом. В отсутствие Саввы в Хитокабе также собираются на молитву. Христианских домов в Хитокабе шестнадцать.— Денег у старика на достройку своего храма не достало; видимо, пришел просить помощи у братьев.

Депутаты из Оою: Петр Циба из Ханава, Андрей Мураки и Моисей Асагири говорят: О Ханава: крещено двадцать шесть, двадцать седьмой умер, из двадцати шести ушли трое в другие места; Николай Кодадзима, бывший в Катихизаторской школе, сделался атеистом, Иоанн Ёсида, слепец, бросил жену и ныне живет в другою в Хацинохе, Илларион Нисимура, Спиридон, расстроившиеся в поседении. Три фукёоин. Ныне собираются на молитву: десять в субботу, а в воскресенье два-три. Проповедь три раза в городе, четыре в своей квартире, трое новых, говорит, а [...] три раза — христианам. В день больше одной проповеди нет (да и какая же проповедь одному-двум?). Недавно Имамура с Яци, согласившись, сошлись для проповеди сначала в Оодагое, потом в Ханава; сказал две проповеди там и одну здесь; один слушатель новый прибавился после этого в Ханава.— Во время богослужения читают.

В Оою: шестнадцать крещены, из них девять разошлись по другим местам, семь на месте, в пяти домах. На молитву иногда собираются. Катихизатор Имамура приходит один раз в два месяца. Петр Циба приготовил двоих к крещению — учеников. Два фукёоин.

Просят депутаты соединить Ханава, Ооце, Аракава, Камаиси в одну Кадзунокёоквай, и главное место в Ханава, куда и собираться в праздники. Разумеется, хорошо! Да оно на деле уже так и есть,— катихизатор один.

Просить они пришли еще оставить у них о. Бориса при поставлении другого священника. Сказано, что те его желают во всех местах, во всех можно и оставить, а новых, если изберут, оставить его помощником. (Не прислать ли о. Романа сюда помощником? Ибо нового где же взять?)

Депутат из Магата Иоанн Хатакеяма говорит: крещено двадцать семь, ушли в другие места трое, охладели трое. Прочие приходят на молитву в субботу или воскресенье; читают. Яци неделю был, говорил проповеди. Сицудзи один, он же и фукёоин. Молятся у него в доме, читают.

В Оодате два фукёоин'а, они же и сицудзи; христиан двадцать пять-двадцать шесть. На молитву с усердием собираются. Поют. Насилу одного нового слушателя нашел в Оодате Яци.

В Ани, где много рудников, давно уже очень просят проповедника. Нельзя ли кого послать?

Всенощная. После женское собрание с четырьмя речами, из коих две — дети,— всех женщин было тридцать пять-сорок.

13 октября нового стиля 1889. Воскресенье.

В Мориока, Фудзисава

Корнилий Морита о Фудзисава: христиан тринадцать, общей молитвы еще нет, был там два раза, очень бедны все, не могут и коогидзе завести; четыре дома их. От Орикабе три ри.

Орикабе

В Орикабе два дома, христиан четыре; там Яков Кумагае, длиннобородый, дядя о. Ниицума, крещеный в Токио, живет в одном ри от Орикабе; в его доме, который его, еще один, другой же сын Петр в Токио; Итак, там теперь три христианина, два в доме Кумагае и один, Оояма — купец, в городе.

Семмая

В Семмая два христианина, но их ныне нет там, и никого нет. Корнилий в Орикабе прибывал, хотел проповедывать одному — жена больна, нельзя; другому — ушел в Сендай, нельзя. Итак, Корнилий ровно ничего не делает.

Корнилию Морита угроза уменьшения содержания. Корнилию строго наказано: в две недели раз письмо ко мне с подробным известием, что делает, и, если в два месяца не окажет плодов, то есть не приготовит к крещению нескольких, уменьшить содержание.

Окутама

Фома Ооцуки и депутат из Окутама: Павел Оикава говорит об Окутама: крещено всех до семидесяти, из них дом Кона со стариком перешли в католичество, другой дом, родственник сему, тоже перешел; один дом, тоже родственник Кону, перешел в буддизм; охладевших семь-восемь; всех расстроил Кон. Икон не возвращает, лжет, что ему лично даны; а французские миссионеры, мол, «на иконах русских букв нет, так

можно употреблять». Теперь до тридцати с детьми хорошие христиане, шесть домов. В субботу и воскресенье на молитву собираются семь-восемь с детьми. Оикава говорит, что, как кончится жатва, четыре-пять человек новых слушателей будет; один язычник чрез него теперь же рассказал Священное Писание, из Мориока. Фукёоин три, сицудзи один — Давид Циба. Женского собрания нет; нужно бы.

Оохара

Из Оохара депутат Павел Нагано говорит: крещено сорок восемь, из них один будто бы уходит в католичество, шесть-семь охладевших, еще в другие места ушедшие есть. На молитву собираются в субботу двадцать, в воскресенье нет совсем службы. Катихизатор был три раза там, новые слушатели есть в Окита — деревня, один ри от Оохара. Женское собрание нужно там. Сицудзи два — карисицудзи, фукёоин не избраны, и вообще, с этим разгильдяем Фомой ничего они не сделают; кажется, совсем не способен и слово-то не может вымолвить, точно рот кашей набит, и лицо какое-то страдальческое.

О Мацукава и Согей смотри выше.

Павел Кацумота и депутат из Мидзусава, Тимон Эндо, говорят в дополнение к вышеозначенному о Церкви в Мидзусава. Говорят: там есть немир из-за расходов; до десяти старых оглашенных есть, их нужно возбудить. Проповедь в городе в трех местах, о чем уже писано, но о чем с настойчивостью еще повторяют.— Еще депутат говорит, что на священника теперь не могут жертвовать, пока храм восстановят. Ладно.

В Иваядо иконы (оставшиеся) в грязном (от бедности) месте. На молитву люди не собираются. Когда приходит Кацумота, день-два приходят христиане, потом нет. Дрязги из-за денег и бедности; тридцать ен денег есть у них, но по рукам, значит — в облаках.— Решено у них, однако, опять построить церковку, разобранный Церковь есть и земля есть — даст на двадцать лет под Церковь свою землю Дамиан Сато. Нужно им теперь квартиру для икон и молельни, всего одна ена в месяц — обещано от Миссии. Христиан там до сорока пяти человек, больше всего женщин — значит, нужно [...] а но симбокквай.

О нем священник говорит: ленится; сказано, если не исправится, жалованье будет уменьшено.

Петр Бан плетет, не зная, как вывернуться от укора в лени. Куда-то за десять миль ходил, что тоже худо.

Петру Бану за леность: уменьшено содержание.

Итак, Бану геппи, как писано ему уменьшается наполовину, то есть с 14,50 до 7 ¹/₄ ен в месяц, но по просьбе священника это еще уменьшено наполовину, то есть сокращено ему содержание на 3,50 ены; будет посылаться: семь ен кахи, четыре ему. Еще ему на месте христиане должны

бы, по обещанию, давать 2,50 ены, но дают (все же дают, — какие добрые, ничего не делающему) 1,20.

Литургия, за которой диакон Сайкайси производил беспорядок незнанием службы, но, видно уж, он в будущем веке доучится — здесь за одряхлелостью, хоть и не по летам, ему больше выучиться нельзя. И смех, и горе с такими священнослужителями: скажет ектению и убежит, хотя там еще три других, а станешь учить, не втолкуешь, только метается; Царские двери совершенно некстати раскроет, или брякнет что-нибудь так, что сам невозмутимый о. Борис: «А, что такое?» Последнюю ектению о. Борис, не пускаясь в длинный <...> заставить сказать ее диакона, проговорил сам, а Сайкайси так и искал ее в своей книжке до конца литургии. — Проповедь была о «мире и благодати». Церковь была наполнена христианами.

Церковное Собрание назначено сегодня в половине второго, а теперь вот уже двадцать минут третьего, собираться же и не думают — японская аккуратность, исправить которую также безнадежно, как научить Иоанна Сайкайси диаконскому служению.

В половине третьего часа начался Собор. Речь о трех службах тела: невольной — питать тело, полувольной — служить чем-либо государству, совершенно свободной, как способствовать спасению ближних, какую службу вы (не катихизаторы, впрочем) пришли сюда принять на себя, ибо будет здесь фукёоквай (собрание, имеющее целью способствовать делу распространения учения) и будет успех вашего служения, ибо спасение людей — дело Божие, — Богу соработники, хотя земной пользы вам от служения не будет.

Первый вопрос: нужны ли фукёоин по Церквам? Нужны.

Единогласно утверждено и правилом поставлено по всем Церквам поставить фукёоин.

2. Кто же по Церквам фукёоин поставлены, или будут поставлены?

В Мориока: Моисей Тамогами, Иеремия Сираива, Тит Конги (гимназист), Михаил Накасима (то же), Тимон Такусари (то же), Матфей Сарукава, Павел Митамура, Авраам Ито, Павел Сибанай, Петр Савано — всего десять; из женщин: Юлия Кодадзима, Нина Идзумисава, Таисия Сайкайси, Анна Митамура, Мария Мукайда — всего пять. Больше нельзя ли? О. Борис советует больше поставить и говорит ныне горячую речь, что прежде без имени фукёоин, принявшие веру, с радостью служили.

4-я тетрадь

В Коорияма: Иоанн Сато, Никанор Тога, Стефан Од, Симеон Ода, Елисей Сайто, Акила Такахаси, Матфей Хисикава — семь; женщин: Ирина Кайкубо, Ольга Такахаси — две.

В Ициносеки восемь: Петр Ниносеки, Авраам Сато Виссарион Канга, Иона Оояма, Матфей Куросава, Петр Циба, Павел Сасаки, Нафанаил Ойгава; женщин три: Мария Мидзуяма (жена о. Иова), Анна Сато, Дарья Ниносеки.

В Хиката: Иоанн Сираиси.

В Яманоме: Исайя Кангета, Моисей Ямада, Яков Кангета; женщин: Екатерина Кангета, Анастасия Ямада, Таисия Ямада Марфа Ямада.

В Мидзусава: Михаил Сирасава, Тимон Ендо.

В Хитокабе: Моисей Кикиуци, Иов Кикиуци, Авраам Кикиуци, Яков Санга, Даниил Санга, Василий Кикиуци, Николай Ямаки; женщин: Пелагея Кикиуци, Мария Кикиуци, Марфа Санга.

В Кесеннума: Андрей Оомори и после четверо выбраны — всего пять (по письму Бана).

В Тадагое: Павел Хасиба, Петр Хасиба и Лука Камея — всего три (тоже).

В Окутама: Давид Циба, Яков Окотера, Павел Оикава.

В Согей: Петр Сато, Матфей Фудзивара, Иоанн Хидороге, Петр Ооикава.

В Ямада: Петр Ито; еще тесть, но не старающиеся, поэтому и выключаются.

В Мияко: Иоанн Ёкота, Филипп Койкубо; женщин: Марфа Юуки.

В Хацинохе: Никанор Икава.

В Магата: Иоанн Хатакеяма.

В Ханавата: Иоанн Фудзисима, Симеон Нора, Иосиф Коадзима.

В Оою: Петр Циба, Василий Миками.

Всех ныне фукёоин: семьдесят пять человек.

3. Решено по всем Церквам непременно поставить фудзин-симбок-квай — женские собрания. Для образца рассказано, как в других местах оные производятся.

4. Нужно ли разделить приход о. Бориса надвое? Если да, то кого поставить священником?

Об этом просили дать время подумать и посоветоваться, поэтому собрание в половине пятого часа закончено молитвою, чтобы собраться завтра в восемь часов.

С пяти часов была проповедь для язычников в городе. Я говорил с начала седьмого часа до восьми на тему: «О Боге Творце». Ужасно шумели по окраинам комнаты; такое беспорядочное собрание я видел в первый раз, о чем и сказал на собрании по поводу неприличных выходок и криков; уже полицейский несколько утишил; видимо, ненавистники христианства старались помешать проповеди; школьники также прегрубые и невоспитанные здесь — смех почти не переставал среди мальцов, набившихся еще в самый перед. Было человек пятьсот-шестьсот.

**14 октября нового стиля. 1889. Понедельник.
В Мориока**

В восемь с четвертью часов о. Борис благословил Собор. Повторен вчерашний вопрос № 4. Молчат. Стали говорить, но дела нет. О. Бориса желают во всех местах, однако же кажется, больше потому, что он уже обеспечен содержанием от Миссии, а для нового священника нужно изыскивать местные средства.

Бан зря болтает, потому что язык у него мясо — мысли ни одной. Из Оою Петр Циба также изрядный болтун — вот и теперь, уже в третий раз говорит, а мысли не изловишь по отсутствию ее, требует только о. Бориса для себя. По трудности удовлетворительно решить вопрос возникает мысль оставить по-прежнему одного священника. — При упомянутии о том, что шесть гун обещают содержание священнику десять ен, если будет о. Борис, а другому не дадут; сказано было, что такие речи — запал остающегося еще, значит, в их сердцах язычества, ибо христианин жертвует Богу, а не человеку, — только «язычник благотворит тому, кого любит»; для христианина, жертвующего на содержание священника, безразлично, кто и какой священник; если дурной или не [?], жертвовать не перестает, а пожалуется Епископу, чтобы священник был переименован или исправлен. Итак, пусть эти два предмета: содержание священника и избрание священника — не будут смешиваемы. Попросили выйти из Церкви и посоветоваться между собою насчет кёоки и священника. Дано время до одиннадцати часов.

(В нынешнем Соборе участвуют: один Епископ, один священник — о. Борис, один диакон — Иоанн Сайкайси, девять проповедников: Петр Бан, Яков Яманоуци, Симеон Мацубара, Варнава Имамура, Фома Ооцуки, Павел Кацумота, Павел Нигано, Корнилий Морита и Тит Накуи; представители четырнадцати Церквей Мориока, Коорияма, Ициноски, Яманоме, Мидзусава, Хитокабе, Окутама, Согей, Оохара, Мияко, Хацинохе, Магата, Оою, Ханава, числом двадцать шесть человек; всего на Собрании тридцать восемь человек).

Кстати, пока совещаются, заметить следующее: сегодня утром, в первый раз обозрел внешность Церкви и места; все высмотрит довольно изящно и очень чисто, и неудивительно: Моисей Хамано, начальник Общества кирпичезаводческого, производящего кирпичи для строящейся здесь железной дороги, живущий здесь, пожертвовал недавно на ремонт Церкви и дома пятьдесят ен, каковая сумма и издержана была на все сие, и издержана разумно. Значит, Моисей Хамано не потерял христианского сердца, с ним и Стефан Оогое — служит чем-то, но не при деньгах, ибо и Хамано уже узнал, что он для денег то же, что козел для капусты.

Вернулись с совещания в Церковь и что-то принесли. Послушаем. Сказали, что ныне могут жертвовать двадцать Церквей по сорок сен

(экие сквалдыжники! Совсем еще полужычники! И Церквей не двадцать, а сорок могут жертвовать!); значит, восемь ен в месяц. Значит, и священника нельзя поставить! Сказано им в назидание, как жертвуют русские христиане, — что будь здесь они, не восемь, а восемьдесят ен в месяц было бы. Итак, все слово излияния о священнике — битье воздуха. Скажу им: до пятого месяца, когда опять здесь должно быть Собрание, приготовьте содержание священнику пятнадцать ен в месяц (если мало, будет добавлено из Миссии) и возьмитесь обеспечивать ему путешествие по Церквам, тогда будет здесь поставлен священник в помощь о. Борису без разделения прихода. Сказано. Иные согласны, иные нет. Спор без конца, вялый и бесплодный. Решено: с одиннадцатого месяца начать собирать кёокиу — не меньше вышеозначенных обещанных восьми ен, и присылать собранное из Церквей к о. Борису, а он будет отдавать в экитейкёку, в тоже время чрез Сейкёо Симпоо извещать всех, сколько собрано, как скоро сбор дойдет до пятнадцати ен в месяц, и в тоже время обещано священнику обеспечение пути по Церквам — для здешней Церкви будет поставлен или дан священник, но без разделения прихода, ибо и для нового священника нужно на первое время быть под надзором опытного священника и для христиан полезнее узнать одинаково обоих священников, тогда легче будет и разделение прихода на двое. Все приняли единодушно это решение, чем и кончилось пообеденное заседание.

5. Не нужно ли переменить катихизаторов сего прихода?

Христиане Таката и Сакари просят переменить их катихизатора Авраама Янги. Его можно переменить с одним из катихизаторов прихода Иова Мидзуяма (Ильей Накагава).

Еще Илья Яци просит переместить его в другое место, ибо то родина его и там его брат ямаси (проходимец), все говорят: «Соно хито-но ототока?»

Решено переменить Яци на Янги и обратно: в Оодате Янги, в Таката Яци. У Янги, кажется, кроме лени и того, что иногда выпьет, притом же у себя дома (как Бан говорит), кроме ущербов нет; авось, на новом месте обновится.

В Аомори недовольны Василием Ивама, но это со стороны известие — на основании его нельзя переменить.

В Ани, в Акита — для рудников, просят катихизатора, просят христиане Носиро. Но некого послать.

Тита Накуи просят опять в Мориока; нельзя, здесь и двоим пока еще нечего делать, а пусть соберется изобилие слушателей — дан будет еще один для Мориока. Накуи же — для Коорияма и Ханамаки.

Обещан катихизатор для Мориока.

Обещан один катихизатор для Мориока, когда будет истощена вся проповедническая сила здесь, теперь же еще не истощена, у Сайкайси всего одна проповедь в городе, для двух-трех, да и сам о. Борис, когда здесь, может проповедывать.

6. Катихизаторы должны составить таблички — хивари, своих путешествий по Церквам, чтобы христиане везде знали, когда ждать катихизатора, к тому времени могли приготовить новых слушателей. Эти хивари-хёо должны быть присылаемы к священнику в двух экземплярах; священник утверждает и извещает о сем катихизатора, или же делает перемены и извещает о том; другой экземпляр посылает ко мне. Катихизаторы составят эти хёо, вернувшись по своим местам и посоветовавшись с христианами.

Предложены были многие вопросы священником и катихизаторами касательно богослужения, погребения и прочих предметов христианской практики. «Можно ли катихизаторам произносить ектении при общей молитве?» — Катихизаторам есть Часослов, по которому они и пусть читают, пропуская относящееся к части священника и диакона. — «Но как-то неполно без прямого указания предметов молитвы, и христиане уже привыкли к ним». — Так, Господь с Вами, произносите и ектении, нет в этом ничего грешного.

— Можно ли открывать Царские врата, где молельня устроена с ними и не освящена под Церковь? — Чтобы не произошло путаницы, где можно, где нет, для незнающих, где освящена молельня под Церковь, где нет, — не нужно ни открывать Царские врата, ни отдергивать завесы.

— Диакону, когда совершает общую молитву в отсутствии священника, можно ли открывать Царские врата? — Можно. Пусть он и Евангелие для чтения выносит на амвон.

— Диакон крест может ли выносить для целования? — Нет, благославляющий крест принадлежит священнику.

— Диакон Сайкайси: «Но я уже десять лет выношу крест для целования христианам в конце молитвы, я не благославляю им, не держу в руках при целовании, а кладу на аналой». — Тогда делай это и вперед — брать крест в руки и выносить его, хотя бы для [...] священнику, [...] обычно и диаконам.

— Может ли диакон облачиться без священника? — Имея на то предварительное разрешение и благословение священника, может, так делается и в России, когда, например, диакон посылается поднять тело.

— Может ли катихизатор без священника надеть стихарь при молитве? — Тоже, имея на то предварительное благословение священника, пусть надевает.

Рассказан порядок процессии при погребении, значении кутии. Заповедано Святые иконы в домах ставить на лучших местах, как хозяев дома, украшать их киотами, употреблять лампы пред ними.

Предложена и сделана небольшая подписка на постройку храма в Хитокабе.

В сумерки собрание закончено молитвой.

Сегодня в семь часов еще проповедь в доме одного чиновника и завтра, в пять часов утра, в обратный путь.

На проповеди было человек двадцать чиновников, товарищей Иоанна Тамогами.

15 октября 1889. Вторник.

*На ночлеге у Моисея Ямада в Яманоме,
на обратном пути из Мориока*

Встал в четыре, к пяти был готов в телегу, но японцы, когда же были аккуратны? Пропали и прокопались спутники катихизаторов; выехали в седьмом часу. Целый день скучного и неудобного пути в тесной телеге в присутствии пяти катихизаторов и Моисея Ямада, возвращавшихся с Собрания.

А теперь вот в Яманоме скучный и отвратительный вечер. Рубит дождь; женщины хотели собраться, но вот уже девятый час, а собрания нет; у них было сегодня — пятнадцатого числа — очередное собрание в Ициносеки, но отложили его, чтобы собраться здесь; дождь, по-видимому, помешал многим; несколько же копаются в соседней комнате, нужно выйти к ним и говорить поучение, а тут глаза слипаются, а завтра чем свет нужно дальше, хотя дождь едва ли перестанет.

17 октября 1889. Четверг.

В Санума. Утром в шесть часов

Вчера утром, в пятом часу, в дождь отправился из Яманоме к берегу, где стоял пароход, ходящий от Исиномаки к Сиогама до сего места. В одиннадцать часов прибыл в Тоёма, откуда на дзирикиси прибыл в Санума, два с половиною ри от Тоёма. Христиане ждали другим путем, чрез Каннари, поэтому пришлось поехать за ними, за город, где ждали.— Церковь в Санума очень просторная, держится от священника весьма чисто. Снабжена всем прекрасно — утварь серебряная, в футляре, жертвованном из Петербурга; есть плащаница, хоругви,— и все держится в большом порядке и чистом от священника; но потолок опустился и закопчен, что не к похвале христиан.

(продолжение — по препятствованию).

В восемь часов открылось в Церкви собрание — фукёоквай.

Были: один Епископ, один священник, семь катихизаторов, двадцать фукёоин — мужчин, пять фукёоин — женщин; всего тридцать четыре человека.— Речь — о служении Богу служением спасения ближним, как самой высшей человеческой обязанности.

Предметы рассуждений и решения следующие:

1. Кто служит фукёоин'ом, кто не служит,— последних исключить; если можно, новых прибавить.

В Санума мужчин тринадцать: Симеон Сасаки, Алексей Като, Симеон Сато, Петр Сато, Аарон Юза (миссионер), Иона Юза (сын), Афонасий Юза, Моисей Юза, Андрей Хоси, Симон Като, Моисей Като, Иоанн Сасаки, Яков Юза; женщин семь: Афонасия Канамори, Дарья Юза (жена Аарона), Ия Юза (жена Якова), Зинаида Сасаки, Сира Ооми, Наталия Като (жена Симона), Нонна Сато,— всего двадцать. Вновь избран: Даниил Хонда; всего двадцать один. Из женщин будут избраны.

В Иосида: не выбраны. Выбрать.

В Ионеока: Захария Като, Петр Накодаци: два.

В Кагано еще некого выбирать.

В Вакаянаги: переизбрать, ибо нынешние не служат.

В Идзуно: Илья Сунгавара (отец Иоанна Конно): один.

В Карисики один дом христиан только, некому служить.

В Дзюумондзи: переизбрать.

В Исикоси два дома, из них один охладевший, некому.

В Ебисима один дом, некому служить.

В Такасимидзу четыре: Симеон Сато, Иосиф Ойгава, Матфей Нумакура, Яков Кимура; женщин восемь: Сусанна Сато, Анна Кимура, Анастасия Канамори, Агафья Сато, Сира Като, Зинаида Ебина, Раиса Сасаки, Елена Намакура,— всего двенадцать.

В Цукитате: Стефан Такахаси — один.

В Мияно: Илия Оояма, Исая Удзие — два.

В Каннари: Яков Кавамото — один.

Минато, пять ри, Мабуци — Моисей Симогае.

Исиномаки, Кама, Хиробуци — Иоанну Циба.

Иеногава, Накасима, Набурихама — Тихону Сунгияма.

3. Катихизаторы должны сделать: денкё-но хивари хё и прислать к священнику два экземпляра (один для меня), равно разослать по всему своему приходу и строго держаться его.

Кроме сего, предметов рассуждения не нашлось, и потому собрание окончилось в двенадцать часов дня. Совершена краткая молитва (перед которою я надел епитрахиль и омофор и, кланяясь, зацепил головою за лампадку, и все рухнуло на мою лысую голову: лампадка, масло, подставка), после которой произнесена небольшая речь и распущено собрание. Так как дело, за которым приезжал, кончено (ибо и женское собрание вчера вечером учреждено), то я мог бы и отправиться, но, поскольку обещана речь язычникам, то должен остаться на сегодняшний вечер.

(В четыре с половиною часа). Сейчас вернулся с погребения одного старика христианина. На отпевании небольшая речь о том, что для христианина, не как для язычника, смерть не страшна. На кладбище шли настоящей христианской процессией: крест (который приготовлен для молитвы), певчие, певшие очень стройно «Святый Боже», катихизатор в стихаре, священник в ризе с крестом и кадиллом, гроб, родные и знакомые. Так как погода хорошая, то язычников, особенно детей,

было множество; народ очень мирный — ныне ни в чем ни малейшего неприличия или неприязни. Старик — бонза — вышел взглянуть на нового г[?] и мирно спрятался к себе.

Пользуясь часом до проповеди язычникам, нужно записать кое-что о Санума. Вчера, по прибытии, о. Иовом стслужена вечерня, после которой слово на тему: «Благодать вам и мир»; мир с Богом, людьми и своею совестью дан нам Богом, но чтобы принять и сохранить нужна помощь благодати, которая и изливается обильно здесь, в храме, в слове Божию, и молитве, если кто, приходя сюда телом, не забывает душу на распутьях мира, в Таинствах, особенно в Святейшем Таинстве Тела и Крови Христовой, питающем нас для вечной жизни, точно также, как молоком матери младенца для сей жизни.— Опрос о состоянии Церкви. «Метрика, исповедная, приходо-расходная где? Дайте сюда». Насилу принесли метрику, по которой оказалось, что крещено в Санума всех четыреста тридцать шесть, умерло восемьдесят девять. Дальше — кто выбыл в другие Церкви? Сколько ныне христиан налицо? Сколько ходящих в Церковь? Ничего этого не приведено в известиях, и вопрос этот поставил в затруднение всю Церковь, то есть о. Иова, катихизатора Явата и всех сидевших здесь множество христиан; ответили, впрочем, на последний вопрос, что на службу в субботу приходят человек двадцать (катихизатор говорит), человек тридцать (христиане говорят). Сказано, что ныне еще порядка обзора Епископом Церкви священник не знает, и потому не ставится ему в вину вышеозначенное, но к будущему обзору должно быть налицо здесь же в храме церковная ведомость. Сицудзи здесь двадцать, фукёоин двадцать один, Николай Явата проводит в Санума каждую неделю четыре дня, когда бывает у него проповедь, и для новых слушателей.

Спросил, довольны ли христиане священником и катихизатором? Лениво кто-то насилу ответил: «Довольны»; значит, недовольны. Конечно, священник поживее о. Иова был бы желательным, но где же взять? И катихизации мало, но тоже, что делать? Спросил и обратно: священник и катихизатор довольны ли христианами? Оба промямлили что-то; вероятно, довольства. Впрочем, публичный спрос о сем малоцелесообразен; трудно ожидать, чтобы правду сказали прямо в лицо, если недовольны, между тем нахал иной может воспользоваться сим случаем и насолит священнику, и вместе произвести вражду в Церкви. Целесообразней поручать сие дело благочинным, более близким и к священнику, и к христианам.— Хотел детей испытать в знании молитв, заартачились, ни один балбес не прочитал «Отче», хотя говорят, знают — робки очень. Сказал, что в будущем приезде испытаю, чтобы к тому времени хорошенько приготовились, иначе катихизатору и родителям будет выговор.

К женщинам обратился с убеждением завести женское собрание, которого еще здесь нет; предложил сделать сие в этот же вечер, обещались собраться в семь часов. И действительно, собрались больше тридцати.

Я сказал им, что они должны христиански воспитывать свою душу и для собственного спасения, и для рождения и воспитания Боголюбозных детей, а также и для заявления спасительного учения язычникам, как фукёоин, в чем они будут подражать Прискилле, Лидии, Фиве, Марии Магдалине (проповедовавшей Тиверию). Затем сообщил, какие правила приняты женскими обществами в других Церквах, как в Хакодате, Оосака, Токио, Сендае и прочих. После сего, мы все, мужчины, вышли и дали свободу христианкам между собою посоветоваться, как учредить их общество, какие правила принять в основание. Они сделали это — правила приняты почти те же, что я продиктовал, за исключением того, что кандзи назначаются не две или одна, а четыре, — «Не много ли?» На мой вопрос они отвечали, что четверем будет легче собирать на симбокквей христианок; значит, вот и новое здесь; они взглянули на дело так серьезно, что на собраниях предполагают быть непременно всем, для чего будут каждый раз извещать и звать. Мысль собрания им так понравилась, что они в следующее же воскресенье и будут иметь первое собрание, к которому тут же избранные две взялись приготовить коонги, несмотря на то, что для этого они имеют всего четыре дня. В добрый час! Собрание начато и кончено молитвой, совершенной о. Иовом в епитрахилье.

Пока женщины совещались, мною выслушасмы были отчеты катихизаторов. Неутешительные. У Иоанна Такахаси новых слушателей совсем нет. Христиан у него в Вакаянаги до шестидесяти. Молитва в Вакаянаги бывает в субботу и воскресенье одинаково вечером, собираются восемь-девять человек, утром же в воскресенье никто не приходит — значит, воскресенье никто не думает соблюдать. Весьма печально! Христиане Вакаянаги учение довольно хорошо знают, но в вере ослабели.

В Дзюмондзи христиан до восьмидесяти, считая здесь и Исикоси, где пять человек в одном доме, и Ебисима, где два человека. Христианских домов в Дзюмондзи до двадцати, но из них только четыре довольно хорошие христианские дома; из прочих и на молитву не приходят. Христиане Дзюмондзи очень плохо знают учение, и потому для них нужна проповедь.

В Идзуно и Карисики только четыре дома христиан, прочие потеряли веру.

С сегодняшнего Собора к ведению Такахаси присоединились еще Савабе и Каннари, значит, он еще меньше будет иметь возможность удовлетворять христиан проповедью; новым же слушателям совсем некогда будет ему говорить, хоть бы таковые и явились; впрочем, имеется в виду ему лишь хранить и по возможности одушевлять прежних христиан. Толковал я ему вчера, что для сего нужно ему не лениться посещать христиан, но не засиживаться, чтобы не мешать их делам, а будучи в доме полчаса непременно поучать, а не разводить пустых речей, чего христиане очень не любят в катихизаторах. Хотел сделать ему выговор за леность, но о. Иов говорит, что в сущности он не ленив, а не совсем

здоров: раз в месяц с ним бывает какой-то припадок, в котором он совсем теряет сознание; и вправду, он какой-то неестественный: в двадцать пять лет уже совсем лысый, весьма бледный; жаль, а способности хорошие и учение знает хорошо, — если бы живость и ревность, мог бы все свои места одушевить.

Тихон Сунгияма об Исиномаки: новых слушателей только трое; проповедь в пятницу только, потому кое-кому говорит учение в неопределенное время, больше у него ничего и нет. Видно, что опять опустился. Нужно в новое место; кстати, в Иеногава и Накасима его и просят. Слаб волей сей человек, на каждом новом месте немножко встрепенется, потом опять ослабел.

Моисей Симотомае говорит: в Исиномаки у него новых слушателей десять, до наводнения были два раза в день проповеди, ныне раз или совсем нет.

В Минато шесть новых слушателей в трех домах, куда он и ходит три раза в неделю.

В Кама один дом христианский, туда ходит каждый месяц пятнадцатого и двадцать восьмого числа и проводит целый день, делая коонги; слушателей до двадцати.

Николай Явата говорит: каждую неделю четыре дня проводит в Санума, остальные три дня в Йосида, Ёнеока, Кагано, Минаката.

В Кагано жена помешанного бывшего катихизатора Малахия, разведшаяся с ним и ныне состоящая за другим мужем; христианского настроения не потеряла, а хочет обратить нынешнего мужа в христианство; слушателей здесь собирается до тридцати (будто?).

В Ёнеока в четырех домах четырнадцать-пятнадцать христиан, и все собираются на вечер, когда Явата приходит для проповеди; кроме того, язычников собирается десять-четырнадцать человек; здесь христианин Захария Като очень усердный хлопотун.

В Ёсида христиан около десяти, язычников собирается слушать четырнадцать-пятнадцать человек. Здесь, в Санума, в среду на проповедь его собираются до десяти человек. Всех надежных слушателей у него во всех местах до тридцати.

(По этим местам, Явата говорит, часто бродят католический патер Мор и протестантский миссионер Джон; ходят один всегда за другим и хулят один другого учение; от обоих, конечно, достается и православию; впрочем, этот Мор какой-то совсем особенный патер; приходит на станцию в Сендае встречать меня, как сам говорит, хотя я его не заметил, потом в Сендае приходил слушать мою проповедь, здесь в Санума приходил смотреть церковь и говорил катихизатору, что наши веры почти одно и то же. Такое миролюбие не в обычае католических веропрповедников; не ловушка ли — тоже? На все, мол, лады у нас.)

По словам о. Иова и Николая Явата, здешняя Церковь (в Санума) в упадке, по безденежью христиан, все в долг живут; общество кооцууя,

когда процветало, приучило их к роскоши, а по распадении оставило их всех в долгах. Ныне храм нужно поправить — крыша погнулась, потолок опустился, штукатурка опадает, но средств нет. Хотят разрушить этот храм тем более, что и земля чужая, хотя и нанята с мейдзи 11-го года на пятьдесят лет, и построить небольшой, но и на это нужны деньги; хотят иные снять черепичную крышу и покрыть [...], но — некрасиво. Не знаю, как они поступят. Денег у них, впрочем, есть сто ен, собранных христианами; процентами с них уплачивается ежемесячная рента за землю под Церковью.— Церковное же здание здесь действительно поместительное: наверху Церковь, и половину которой не занимают нынешние христиане; внизу комнаты для священника, катихизатора, большая комната для проповеди, кладовая кухни, запасные две комнаты, в которых я ныне помещаюсь,— в первый раз за время путешествия имея удовольствие остановиться в комнате на иностранный манер.

Христиане и здесь не соблюдают поста, беда с ними! Вчера, в среду: «Братия желают угостить вас трапезой».— «Спасибо, давайте». И приносят: мясо, курицу, яичницу! Отослал все обратно и велел дать какой-нибудь зелени, что и пожевал с рисом. А о. Иов произгневил: «Говорил я им, да что ж с ними станешь делать!» — Точно это и оправдание.

Однако — половина восьмого, пора идти на проповедь, говорят, собралось больше ста язычников; Накагава и о. Иов говорят им прежде.

19 октября нового стиля 1889. Суббота.

В шестом часу утра, в Сендае

Вчера в пять часов, выехали из Санума и, переменявши тележку в Фурукава, в четыре вечера прибыли в Сендай.

Здесь христиане ждали с совещанием насчет постройки здешнего храма. Вечером, когда много собралось,— был, между прочим, и Петр Оодадзуме, ныне чиновник, приглашенный тоже для совещания о сем,— Василий Вакуя, от лица семи сицудзи начал излагать свои соображения. За две тысячи ен, мол, такой храм, как на плане, привезенном мною из Токио, не построить, тем более, что нужно иметь в виду и очистку места, ограду и тому подобное. Долго-долго толковал, что никакой нельзя построить за две тысячи. Все молчали, и я молчал. Один Петр Оодадзуме возражал, что все же нужно сделать хоть смету,— авось можно. «Но нельзя — да и только!» Впечатление выходило такое, что нужно бросить все дела,— чисто по-сендайски! Потому — строить храм человек на двести (по плану на пятьсот) — к чему же, когда он и теперь был бы тесен, если христиане все собрались,— строить нагае к чему же, когда и теперешнее здание — тоже. Итак, бросить, да и только! Я не выдержал, наконец, и сильно укорил их. Не достанет двух тысяч, так почему же они не дадут средств больше? Сам же Вакуя, если захочет, двадцать пять ен может пожертвовать, Итабаси тоже, да и все, если захотят, без продажи своих

домов (о чем заикнулись было, когда зашла речь о пожертвовании) и не входя в долг, может сколько-нибудь дать на храм: источники средств в их личных силах, молодости, труде и усердии. Рассказал им назидательный пример недавнего пожертвования верующими в Коодзимацци на расширение женской школы больше двухсот ен в какие-нибудь полчаса, также пример пожертвования христианами Санума на освященную утварь своих головных украшений. Не мог не коснуться укора о. Петра Сасагава, по которому, кажется, все всегда будет невозможно; печально очень его слабость духа, тогда как он мог бы всех одушевлять, будь у него то настроение, какое сказывается и теперь, а сказывалось еще больше в былые времена у его сверстника Петра Оодадзуме. Укор, кажется, произвел отрезвляющее действие; Василий Вакуя благодарил, хотя и сконфуженный, и говорил, отныне иначе будем рассуждать. Я обещал вновь половину того, что не достанет: не достанет тысячу, так пусть они сами пожертвуют пятьсот, другие пятьсот я добуду им с Божией помощью из России,— не достанет двух, пусть тысячу сами и так далее, без их же старания я не могу помогать им — это значило бы поощрять их леность и слабость христианского духа, ибо и благодать Божия не помогает берегущимся употребления своих сил и усилий.

Вечер кончился увещаниями о. Петру, диакону Иоанну Катакура и катихизатору Василию Хариу воодушевлять христиан, а также всячески стараться поднять ослабевших в вере, что они могут сделать, только часто посещая их и поучая.

Ныне готов отправиться по чугунке в Токио, чем и закончится нынешняя поездка на север для участия в фукёоквай.

P. S. В Токио прибыл в субботу вечером во время всенощной.

***Церкви в Нагоя, Осака
и других местах приходов священников:
Матфея Кангета и Иоанна Оно***

Октябрь и ноябрь 1889 г.

1-я тетрадь

10 / 22 октября 1889. Вторник.

Токио

Согласно уговору с священниками во время минувшего Собора, я должен быть в следующее — последнее — воскресенье октября — 27 числа

нового стиля в Нагоя и дальше, первое воскресенье ноября – 3 нового стиля в Оосака для участия в Фукёоквай (собрании, предмет рассуждений которого – средства к успешному распространению христианской веры). В следующую субботу утром, если Бог благословит, я выеду из Токио, вечером буду в Нагоя.

Состав служащих в приходах оо. Кангета и Оно следующий:

Церковь	Священник и проповедник	Содержание в месяц
	<u>Священник Матфей Кангета</u>	каж. 10+16
Нагоя, Ацуда, Ханда, Ёкосука, Такахама Удзуми, Накасу	Фома Танака, Петр Такеици, Елисей Хиросава	10 6 10
	Кирилл Окуда	5
Косунгая	Симон Кудо яцин:	5 3-80
Оогаки	Иоанн Инаое яцин:	10 2
Хамамацу, Кега	Петр Какехаси	10
Тоёхаси, Втагава	Петр Хиромици	2
Оказаки	Павел Кангета яцин:	3+10 1
Какегава 6 ри, Фукуде 10	Павел Оциай	8
Фудзиеда, Кохидзимура, Ра	Мефодий Цуция	12
Сидзуока, Накаёсида и прочие	Анатолий Озаки яцин:	10+8 1-50
Эдзири и прочие, Маебаси	Даниил Аоки	10

Церковь	Священник и проповедник	Содержание в месяц
Мори, Фукурои, Каяма	Фома Маки	7-50

Всего у о. Кангета: 14 проповедников

	<u>Священник</u> <u>Иоанн Оно</u>	25
Оосака	Василий Таде	14-50
	Петр Сибаяма	12
	Кирилл Сасаба	6
	(Причетник Стефан Уеда)	7
	яцин:	2-25
Сакаи	Иоанн Мияке	6
Акаси 5	Петр Мисима	10
	яцин:	2-50+1
Химедзи, Дзике, Оно- мура	Марк Камеда	10
Вакаяма, Кимиитера	Фома Оно	12
	яцин:	50 сен
Сонобе, Камеока	Павел Ямада	10
	яцин:	2-20
Миядзу, Таизамура	Павел Кубота	10
	яцин:	3-75
Коци	Акаока	Аибара Павел

Всего у о. Оно:
10 проповедников и 1 причетник

14 / 26 октября 1889. Суббота.

В Нагоя

В пять с половиной часов утра отправившись из Миссии, в шесть часов десять минут вечера прибыл сюда. По дороге, начиная с Сидзуока,

встречались христиане, особенно много собралось на станцию в Тоёхаси. Катихизатор и депутаты также направлялись в Нагоя на Фукёо-квай. Здесь, на станции, встретил о. Матфей Кангета и многие христиане. Прибывши на квартиру, где молитвенный дом, начали всенощную. Поют в один голос стройно, и певчих большая толпа. В конце службы слово на приветствие: «Мир всем». После познакомился с христианами. Еще до моего приезда распорядились на завтра с одного часа до пяти назначить проповедь для язычников, так как-де не в воскресенье хорошие люди не имеют времени прийти слушать. Таким образом, главное наше дело — Фукёо-квай, поневоле откладывается на послезавтра — понедельник с восьми утра. Завтра же, после проповеди, с шести часов, христиане устроят «Консинквай», так как ныне собрались здесь из разных Церквей. В понедельник же вечером предположено «Фудзин-но симбок-квай». Дай Бог пользы!

27 октября нового стиля. 1889. Воскресенье.

Нагоя

Ханда и Ёкосука

Елисей Хиросава о Ханда и Ёкосука говорит: Христиан в Ханда пятнадцать в семи домах; в Ёкосука, 4 ри от Ханда, христиан десять. Елисей прежде жил по месяцу в обоих местах, но о. Матфей распорядился, чтобы жил в одном месте до тех пор, пока слушающие крестятся, и потому, прежде восемь месяцев пробыв в Йокосука, где у него семь-восемь надежных слушателей было и где три человека приготовлены к крещению, ныне живет в Ханда и проповедует здесь и в Такетое (1 1/2 ри от Ханда) и Такахама (2 ри от Ханда). Проповедей у него: три раза в неделю в Ханда, в Такетое (здесь был Павел Цуцухира-кочё) два раза и Такахама — один раз. Слушателей в Ханда надежных семь, в Такетое — пять-шесть, из коих двое уже готовы к крещению, и в Такахама — два. В субботу проповедь только после службы, на службу собираются четыре-пять, в воскресенье — четыре-пять, поют трое. На молитву собираются мало; там больше чиновники и учителя. Из Такахама совсем не приходят, там два дома христианских. Совсем охладевших, впрочем, нет. Сицудзи три в Ханда; фукёоин нет. Женщин христианок — семь; в Ёкосука собираются на молитву, сами читают и поют; там один слепец, уже готовый к крещению, купил в Нагоя орган за 22 ены; учится на органе священным песням от Елисея и будет учителем пения. В Ёкосука на молитву все собираются, ибо новые — усердны, но бедны все, не могут порядочного дома для молебни нанимать. Елисей просит помощи, пусть чрез о. Матфея.

Нагоя

Фома Танака о Церкви в Нагоя говорит; здесь же и о. Матвей, и гиюу Акила Кимура, и Иоанн Ито, пришедшие после, вместе говорят. По

метрике здесь крещеных 210. Умерло из них двадцать три. Есть вышедшие в другие места, сколько их — разом сказать не могут; но, как должно, сказано, что мы — пастыри христианских овец — должны знать своих овец. Здесь ныне в Нагоя и Ацуда сто сорок человек. Из них живущие в Ацуда почти все охладели, кроме одного дома, в Церковь не ходят; впрочем, не совсем потеряли христианское сердце, в Пасху приходят, а в Нагоя человек двадцать охладевших; но в язычество ушедших нет, ни в католичество, а в протестантство один ушел, будучи на военной службе, теперь здесь, у протестантов. Священник и катихизатор охладевших посещают.— Собираются на Богослужение по субботам и воскресеньям до пятидесятишестидесяти человек. Поют до двадцати двух человек.

Сицудзи: шесть фукёоин: шесть — выбраны в шестом месяце; женщин фукёоин — четыре. Мест проповеди девять у Фомы Танака и Иоанна Такеици — ходят во все места непременно (не выходит ли путаница?). Слушателей во всех девяти местах надежных всех вместе шесть-семь только. Плода мало; советовал им говорить одним и тем же одному. Места проповеди восемь у христиан, одно у язычника. Одно место у них есть, где проповедуют на улице; есть один христианин из слушавших с улицы.

Похвальные учреждения в Нагоя. Есть Воскресная школа для детей. С 1-го часа по воскресеньям, детей 14–15 собираются до четырех часов, два языческих ребенка приходят и тоже учатся; учат наизусть молитвы, читают Священное Писание, слушают объяснение Православного Исповедания; заведено с третьего месяца нынешнего года и аккуратно ведется.

Есть еще Сейненквай; по субботам после службы собираются девятнадцать человек, до тридцати пяти лет — члены; старше сего называются сан-сей квай-ин; собравшиеся объясняют взаимно Евангелие и ведут другие благочестивые беседы; после возбуждают язычников к слушанию веры; все нынешние слушатели веры все найдены или членами сейненквай или фукёоин'ами. Заведено это общество давно; потом прекратилось, возобновлено Иоанном Такеици в одиннадцатом месяце прошлого года. Жертвует это общество 50 сен на школу в Оосака.

Есть дзёто-кенкиу квай: женщин до семнадцати собираются тоже по субботам, вместе с сейненквай здесь же после службы, но в другом отделении молитвенного дома. Для них другой катихизатор толкует Священное Писание. О. Матфей доселе все настаивает, чтобы женщины сами толковали для себя, отныне это будет на фудзин симбокквай.— Начались с первого месяца сего года.

Раз в месяц бывает общее Симбокквай по домам христиан по очереди, а у кого тесно, в молитвенном доме. Здесь собираются вместе христиане и христианки. Здесь кооги делают и катихизаторы, и желающие из христиан, особенно из сейненквайин.

Дзёто-квай тоже жертвует по желанию, и это идет на украшение здешней молельни.

Вообще, Церковь в Нагоя ведется очень хорошо. Видно, что Иоанн Такеиси — дельный человек.

Тоёхаси

Петр Хиромици, катихизатор в Тоёхаси, и сицудзи оттуда: Андрей Танака и Варнава Хираиси, — о Тоёхаси говорят: по метрике крещено сто шестьдесят человек. Умерло человек пятнадцать; в другие места перешло христиан: в Тоокёо и прочие — человек двадцать. Охладевших больше двадцати человек, из них даже идолов опять поставившие два дома (по священнику в доме), из самых старых христиан. В субботу приходят на молитву больше сорока, в воскресенье тридцать только. Поют трое. Сицудзи: два, гиюу четыре. Фукёоин еще не избраны; но гиюу вместо них служат, разделив Тоёхаси на четыре части и хлопоча каждый о своем. Мест проповеди четыре; новых слушателей восемь человек — надежных. Проповедь вечером в двух местах, днем тоже есть. Советовал братской любовью разогреть сердца остывших.

Кенкиу-квай есть, то есть в субботу и воскресенье после службы христиане в Церкви остаются и исследуют Священное Писание; говорит и катихизатор, и другие; впрочем, во время службы есть и проповедь.

Косунгая

Симон Кудо о Косунгая (130 домов, крестьяне): пять христиан в четырех домах. Слушателей пять-шесть, из них трое готовые к крещению. Проповедь у него неопределенная, а выходит, когда есть время. В воскресенье собравшиеся читают и исследуют Священное Писание.

Косунгая от Удзуми три ри, от Ханда три ри.

16 / 28 октября 1889. Понедельник.

Нагоя. Утром

Испытание детей в Нагоя в знании молитв

Вчера — обычно — обедня, служенная правильно при певчих, в один голос певших весьма изрядно. После обедни было испытание детей в знании молитв: даже пятилетние знают «Отче наш» наизусть: семилетние, кроме того, читали наизусть «Достойно», а девятилетние — 50-й псалом. Дано за сие испытание по образку и похвален катихизатор в поощрение другим, ибо испытание было при полной Церкви, в числе собравшихся было много представителей от других Церквей; сказано, что везде должно быть так; упомянуто было, какие молитвы должны быть прежде всего

изучаемы. Дело обучения детей принадлежит по преимуществу катихизатору Петру Такеици.

Проповедь в Нагоя для язычников

В половине второго отправился на проповедь для язычников в нанятый в городе дом. Было человек пятьсот-шестьсот. Слушали Такеици очень тихо, но затем Павел Кангета стал говорить очень вяло, медленно, скучно, после минут тридцати слушания, аудитория стала изъяслять нетерпение сначала зевками вслух, потом выкриками «короче», «довольно», «с кафедры» и так далее, тут и смех усиливался, а Кангета, как ни в чем не бывало, продолжал мямлить; шум, наконец, поднялся безобразный, но когда один из христиан хотел вытащить вон одного крикуна, гвалт и крики стали [...] закричали даже «бей» (ван-рёку). Когда значительно выкричались, один жандарм (христианин, муж дочери Сергея Нумабе) усмирил остальное, прикрикнув на виновного в излишнем усердии христианина. Когда в [...] я стал на кафедру, стали слушать без всякого шума; проповедь продолжалась полтора часа; весьма внимательно слушали. Несколько одиночных выкриков несогласия на то, что говорилось, ничего не значило. При проповедях язычникам иметь в виду.— Вперед наука: договариваться наперед с христианами, во-первых, чтобы проповедники при подобных случаях назначались бойкие и хорошие; во-вторых, чтобы не слишком усердствовали, как иные, когда, если бы Павел Кангета замолчал вовремя, а христианин не потащил вон крикуна, не произошло бы безобразия, сопоставление которого в газетах с православной проповедью. По меньшей мере странно, или как в Мориока, когда, если бы Накуи не стал рекламировать; — и теперь-де станет говорить иностранным слушателям внимательно, ибо-де неприлично кричать в глазах иностранцев и прочее, аудитория лишней раз не рассмеялась бы и не закричала безобразно, которых там было еще больше, чем здесь.

Консинквай христиан в Нагоя

Вечером был Симбокквай всех христиан и христианок в кухмистерской,— было около двухсот человек. Пропели молитву, после чего я сказал о том, что сие малое общество составляет уже Церковь христианскую и, кроме того, связывает японский народ со Вселенскою Церковью, что они должны быть счастливы мыслию о принадлежности своей к Истинной Церкви Христовой, ибо католики и протестанты не суть Истинная Церковь; еще пропели «Достойно», затем о. Матфей сделал отпуск, тем и дело речи кончилось, сверх моего ожидания, что тут будет множество обмена мысли. Стали есть,— каждому два ящичка яства на

пятнадцать сен, кажется; оставшееся забирали по домам, являя тем, что гости больше бедный народ, которому и это угощение было на диву. Я попросил о. Матфея устроить речеговорение. Устроили, несколько христиан говорили преплохо-плохо; у нас в Семинарии мальчишки куда лучше говорят на своих симбокквай; а что до одушевления — и говорить нечего — здесь очень вяло было; сказал только, по крайности, тепло, от сердца один плотник Иосиф из провинции: «Никогда-де я не радовался так, как вчера и сегодня, простите, что я, низкий ремеслом, вышел сказать это». И видно было, что действительно от души человек говорит. Я говорил ему и другим затем, что это радость — знак благодетельной на его сердце благодати и чтобы он тщился хранить этот завод духа, также пусть не называет свое ремесло низким, ибо Иисус Христос освятил его своею личною работою в доме Иосифа-древделателя; говорил затем новым христианам, что для Христа нет низкого ремесла, если все посвящают Богу все свои дела и работы, что и должно делать, служа Богу непрестанно всеми службами, ибо все от Бога назначено людям и прочее. В начале девятого собрание, видимо, стало дремать от последовавших затем еще речей христиан, почему и поспешили разойтись по домам. Дома, пришедшим прощаться двум врачам из Оказами, из коих один — зять о. Павла Сато, говорил, что, леча тела, они должны стараться и о душе своих пациентов, ибо здесь у язычников еще нет духовных врачей — священников; рассказал о чудесных исцелениях, творимых о. Иоанном Кронштадтским; о. Матфей и другие христиане здесь рассказали о нескольких явлениях, видимо чудесных, и здесь уже, в Японской Церкви.

Чудесное исцеление. Например, о. Матфей говорил: не так давно пришли сюда издалека креститься родители ученика в Катихизаторской школе — Мацунага, и принесли и маленькое трехлетнее дитя, и рассказали, что они считают это дитя исцеленным Силою Божиею; они, еще будучи язычниками, и не знали, как праздновать прошедшую Пасху, приготовили, однако, моци и расположились праздновать молитвой, но перед Пасхой дитя захворало и лежало при смерти, так что уже отчаялись в жизни его, между тем наступила Пасхальная полночь; они сказали сами себе: «Болезнь дитяти все же не должна им мешать помолиться». И лишь только расположились из своего еще не освященного благодатию крещения, но усердно верующего сердца молитву Воскресшему Спасителю, как среди молитвы дитя позвало мать, уже отчаявшуюся прежде слышать от нее слово в сей жизни, а чрез три дня было совсем здорово.

О. Матфей говорит, что Анатолий Озаки совсем ни к чему негодный проповедник; даже сам веру, по-видимому, потерял, ибо у него в два с половиной года ни разу не исповедался, тоже и жена его. Не знаю, что с ним делать, но в Сидзуокаон, положительно, негоден. — Об Елисее Хиросава о. Матфей отзывается, что он, хотя поведения, по-видимому, не испортил, а очень любит грязные разговоры и грязные книги. Наставление сделать, а главное — пусть он скорей женится.

Ныне, с восьми часов утра, предположено Фукёоквай. Но вот уже восемь, а собравшихся не слышно. Кажется, одушевление их на день всего. Посмотрим. Пока собираются, записать следующую мысль. Занимает все вчерашнее языческое собрание. Иметь в виду для будущих проповедей язычникам. Нужно вперед во время проповеди объяснить язычникам, чтобы не смешивали они религию и политику; видимо, путаются и мешаются на сем пункте, а мы, проповедники, не стараемся выводить их на свет. Слушают о религии внимательно, слушают все, видимо, потребность религиозная, хотя и очень темная, у них есть, но в то же время национальная ревнивость держит всех настороже, чуть дело коснется чего-либо прямо касающегося нации, тотчас взвиваются на дыбы; вчера случайно упомянутое мною слово «Синту» уже вызвало у кого-то крик несогласия, хотя человек не знал еще, что я хотел сказать, а хотя я сказал, что, мол, и в Синту есть нечто доброе, и оно было несколько полезно для воспитания японского народа, но остановиться далее на Синту — значило бы поднять японскую нацию против всех народов, что губительно и для Японии, по объяснению сего, хоть для синтуистов и неприятного, должно быть, пункта, но объяснения резонного, никто не пикнул. Итак, нужно в проповедях мимоходом делать резкое разграничение политики и религии; насчет первой: храните свой национальный характер, свои добрые национальные черты, стойте до смерти за Отечество — много у вас героев, множество в вашей истории прекрасных деяний, которыми вы можете гордиться, — все это всегда обращайтесь себе в урок, в пример, учителей любить и всегда защищать Отечество, но это все не религия, все это земное, все освященное Богом Творцом, как порядок здешнего мира, а потому все хорошее; но тем не менее религия выше этого, шире, возвышеннее, религия — вечное и так далее.

Фукёоквай в Нагоя

На нынешнем собрании (Фукёоквай) в Нагоя было: один Епископ, один священник, тринадцать проповедников и двадцать восемь депутатов, всех: сорок три.

В девять часов собрание открылось молитвою и речью о важности обязанности, принятой на себя собравшимися здесь, обязанности, свободно принятой, не невольной, как обязанности к питанию тела, или полусвободной, как в отношении к государству. Но благодать Бога за удостояние Им нас служить ему сим делом, служить спасению других, звать других к свету, блистание зари которой мы, по особенной милости Божией, удостоились принять на свои лица раньше других, мы должны «сорете <...> тойде сю-но маени ёро <...>», иначе мы, раньше других усмотревшие зарю и разбудивши других, сами можем заснуть.

1. Нужны ли фукёоин'ы?

1. Первое, что должны решить на сем собрании: фукёоин'ы нужны ли Церквам или нет? Уже почти все признали их полезность, но еще правилом не сделано постановление их по Церквам. Итак, если все согласны, поставить правилом для всех здешних Церквей постановление везде фукёоин в помощь катихизаторам.

Итак, насчет сего предмета имеющие что сказать, пусть скажут.

О. Матфей говорил, что нужно действительно усердных избирать в это звание.

Из Хамамацу депутат врач Моисей Оота спросил, какая обязанность фукёоин'ов? — Объяснено ему: распространять предмет Церкви и приводить новых слушателей к катихизатору, чрез что и катихизатор не может опуститься. Оота возразил, что все христиане должны служить сему, не нужно особенных людей поставлять для того. Ныне из Какенгава депутат Павел Наканиси возражает ему: нужно поставить фукёоин; в пример ставит свою Церковь: там из трех-четырёх человек с прошлого года до тридцати христиан возросло; много благодарят потом существующих уж там фукёоин'ов, если не на словах, то на деле.

Оота опять говорит, что все христиане должны служить делу распространения веры. И говорит хорошо, видимо, от усердия, но Церковь его маленькая, там все хлопочут и ладно, а где больше христиан, оставит на всех и выйдет, как доселе, почти везде никто не станет хлопотать.

Депутат Оказаки Иона Сунга выражает мнение, согласное с депутатом из Какенгава. Мысль его совершенно та, что выше мною написано: хорошо-де предложение Оота в маленькой Церкви, а дальше опасно — возненавидят все.

И этому Оота возразил, но Иона отражает удар и умно: копия ломают довольно искусно. Вообще, здесь живет народ, чем на севере, — больше и лучше говорят. Иона поражает врага решительным заявлением, что в Оказаки ныне ни одного нового слушателя от того, что никто не считает своею обязанностию хлопотать о сем. (И упал же, значит, катихизатор Павел Кангета, а прежде так дорожили им — золото превратилось в медь).

Депутат Нагоя Павел Исогае, сведши все доселе выраженные мнения, находит, что нужно по желанию самих выбираемых поставить фукёоин'ов, ибо если кто не желает, как на него полагаться? Но хорошо и желание Оота; итак, нужно предоставить Церквам, где желают поставить, пусть, — где все желают служить распространению — все пусть служат.

На это Оота также нашелся возразить, что правило должно быть общее для всех Церквей.

Депутат Удзуми Яков Хиби, по обычаю путаясь несколько в словах и понятиях (помню его по Собору в Оосака), высказал, что не везде в Церквах Тоокайдо можно поставить, а где удобно и нужно для Церкви, начиная с больших Церквей.

Из Втагава депутат Иоанн Сираяма: нужно поставить фукёоин'ов, ибо есть же, по милости Божией, здесь другие служащие: Епископ, священники, сицудзи, гиюу, так отчего же и других служащих, сообразно их благочестию, не поставить? (И вот еще есть какие мнения!) Поставление-де не помешает служить тому же и другим. Верно.

Из Мори депутат Ераст Аиба: нужно поставить.

Из Нагоя — фукёоин Акила Кимура: просит уже поставить решение, ибо уже довольно мнений высказано.

Депутат из Фукурои Давид Муромаци высказал скверное мнение: не нужно поставлять правило о назначении фукёоин'ов, ибо в Фукурои все опустились — некого поставлять. Грубый и дрянной человек, даром и по наружности такой растрепанный и грязный. Так фукёоин'ы, между прочим, и для возбуждения самих Церквей от спячки, вместе с катихизаторами.

Из Какенгава Наканиси опять требует поставить правилом везде избрать фукёоин, кроме разве места, где один-два христианина; но из-за этих малых Церквей нельзя делать исключения из правила, ибо эти малые Церкви могут скоро возрасти.

Так как стали требовать поставления решения, то я сказал, что, по видимому, мнения еще не истощены, пусть свободно все выскажутся — тем глубже войдет убеждение в души. — Резюмировал высказанные мнения: а) все должны служить — хорошее мнение; б) избрать, — тоже хорошее; в) депутата из Фукуты — не нужно, ибо у нас все спят, некого — дрянное мнение; но пусть еще, если есть что говорят.

Ныне вчерашнее мнение — Павел Кангета верен, что общих правил нельзя поставить, а предоставить священнику, где поставить, где нет, и священнику должны все потом повиноваться.

Депутат из Фукурои — другой, Марк Нисио, поправляет речь первого, просит везде поставить фукёоин.

Итак, вопрос: поставить ли правилом избрание везде фукёоин'ов (где есть люди, годные для того) или нет?

Решено через кирицу — общее: нужно везде христиан трех (мужчин) и больше (три взято из слов Спасителя: где два или три собраны во Имя Мое... нужно же на [чём-]нибудь прочном основаться). Собрание встало и положило поклон пред Господом, прося помочь исполнить во Славу Его сие правило.

2. Кто служит в фукёоин'ах?

2. Кто будет служить в фукёоин'ах? Если где в Церквах фукёоин'ы избраны или намечены, пусть скажут их имена; если избранные лица здесь, пусть сами изъявят свое желание; мы общим собранием утвердим их.

Так как уже двенадцать часов, то собрание распущено до половины второго часа. В это время Церковь Нагоя должна исправить составленные здесь правила для фукёоин, в которых смешаны обязанности фукёоин с

обязанностями сицудзи, все же должны приготовить к произнесению пред Церковью имена избранных или намеченных фукёоин'ов.

В половине второго, собравшись, прочитали правила для фукёоин'ов в Нагоя.

В Нагоя избранные фукёоин'ы: Акила Кимура, Иоанн Ито, Петр Таканги, Акила Мидзутани, Павел Исогаи, Хрисанф Кимура, Евдокия Миясита, Мария Таканги, Юлия Такенава, Агафия Мидзутани, Мария Исогаи – всего одиннадцать.

В Оказаки: после выберут.

В Тоёхаси: Андрей Танака, Варнава Хирака, Иов Оояма – (они же и сицудзи, и гиоу), Вера Такеиси, Сусанна Найтоо – пять.

В Хамамацу: Моисей Оота, Павел Тогура, Акила Исии, Петр Каваи, то есть все тамошние христиане, Лидия Оота, жена Моисея – шесть.

В Фукурои: после выберут.

В Мори: тоже; но Ераст Аиба служит, здесь присутствующий, – один.

В Каяма: после решат, но там все уже служат.

В Фукуде: (там ныне кочёо Стефан Аояма) – после.

В Какенгава: Давид Ниими, Стефан Иноуе, Павел Наканиси; Нина Ниими, Софья Наканиси – пять.

В Сидзуока: после выберут.

В Едзири: Юлиан Сирай, Стефан Хориине – два.

В Оогаки: после.

В Ооябу: после.

В Ханда: после.

В Ёкосука: после.

В Удзуми: Иосиф Хиби, Яков Хиби и после еще выберут. (Всех выбрано: мужчин – четыре, женщин – пять).

В Накасуи, в Тоёхама-мура: Филипп Ооаво и прочих всех: четырех мужчин, шесть женщин.

В Ацуда: Марк Мориока – один.

Всех ныне: тридцать четыре и после выберут.

Подтверждено, чтобы фукёоин'ы наблюдали, чтобы катихизаторы удовлетворяли желающих слушать, если же по лености или по беспорядочному распределению денкё хиворои упускают найденных новых слушателей, то об этом тотчас же должны доносить священнику и мне, должны, словом, сами наблюдать, чтобы труд их не был напрасен.

О. Матфей тут же рассказал, как случается иногда: слушатели соберутся, а катихизатор не идет, и бегут звать и упрашивать его – что же за бессовестные лентяи такие катихизаторы! Таких терпеть нельзя! Отчего же о них не дают знать?

3. Нужны ли женские собрания?

3. Нужно ли везде поставить по Церквям женские собрания: фудзинно симбоквай?

Когда объяснено было, что за собрание: раз в месяц, в воскресенье, сами бегают конги и прочее,— все единодушно согласились поставить правилом: непременно по Церквам завести женские собрания.

4. Перемещение катихизаторов.

4. Не нужно ли сделать перемещение катихизаторов?

Катихизаторы оставлены на тех же местах. Анатолию Озаки сделать выговор за бездеятельность и взять с него обещание вперед трудиться; кроме того, положено о. Матфею отныне, прошедши раз по Церквам, чтобы видеть, исполнено ли положение на сем собрании, остановиться на два месяца в Сидзуока и там помочь возбудить Церковь и направить Анатолия Озаки и Даниила Аоки, ибо их места должны принимать за одно, тем более, что в Эdziри ныне бонзы очень мешают проповеди, возбуждая народ против проповедников, и составляют союзы в этом смысле.

5. «Денкё-но хивари-хё».

5. Катихизаторы должны составить «денкё-хивари хё», чтобы христиане всегда ясно знали, когда к ним придет катихизатор, и сколько дней остановится, без сего труд фукёоин'ов будет почти бесплодным, ибо собранные слушатели, обманутые раз-другой во времени свидания с катихизатором, потеряют охоту вновь искать свидания с ним и слушать проповедь.

Но для составления сих хиварихё завтра мы с катихизаторами сделаем с восьми часов утра особое собрание.

6. Следующее (после Пасхи) собрание в Сидзуока.

6. Где следующее собрание, то есть в четвертое воскресенье после Пасхи?

Решили: в Сидзуока.

Сказано было, чтобы детей везде крестили по Церквам в первое же посещение священника, чтобы детям преподавали молитвы, пример сего видели вчера в Церкви; сказано, чтобы в проповедях не задевали буддизм и прочие здешние веры, чтобы не ворошили мертвеца, чтобы он не вонял, чтобы не давали смешивать веры с политикой, что сами японцы и всегда должны оставаться японцами, в этом не должны уступать они никому,— но не о том речь у них, а о вечном, об общечеловеческом, о Благой Вести от Небесного Отца своим детям.

Собрание без четверти шесть заключено молитвой и речью, что они Божии сотрудники (доорося), ибо спасать — дело Бога — если же Бог позволяет нам принять участие в сем, то мы должны быть очень благодарны, радостны и бодры, ибо наше дело, как дело Всемогущего, должно иметь успех.

Женский симбокквай в Нагоя

Вечером, с семи часов, началось женское собрание. Молитва, речь о важности женского воспитания (мать Самона). Женщин говорило четверо,

но с большими упросами; только первая девушка лет пятнадцати вышла без церемоний, рассказала по книге о плавании по Ниагаре, как беспечные люди не слушались предупреждений с берега и, наконец, попали в водопад, и применила это к людям, не слушающим Бога и слепо погибающим,— чтение вышло очень милое. Я рассказал историю Товита. Женщины избрали для будущего собрания во второе воскресенье следующего месяца четырех для коонги, двух кандзи,— время собрания с шести часов.— Ныне все расходятся. Было на собрании тридцать женщин; верно, дождь помешал придти большему числу. Мужчин было гораздо более. Из других Церквей находящиеся здесь мужчины и женщины учились, чтобы потом завести такое собрание в своих Церквах.

17 / 29 октября 1889. Нагоя. Вторник

Удзуми

Кирилл Окуда об Удзуми: по метрике около девяноста христиан; из них человек десять охладевших. В Церковь двадцать шесть ходят новых слушателей.

Накасу

О Накасу: крещеных человек сорок, охладевших пять, неизвестно куда ушедших двое; к молитве ходят девять человек. Новых собирается слушать человек двадцать, но надежных еще нет.

Кирилл бывает по пятнадцать дней в Удзуми и Накасу.

Оогаки

Иоанн Инаба об Оогаки: крещенных двадцать девять, охладевших нет, но рассеялись по разным местам, ныне там человек девять. Новых определенных слушателей двое. К молитве семь человек собираются.

Ооябу

В Ооябу: четыре христианина; новых определенных три слушателя. Суемори, два ри от Оогаки, новый один усердный слушатель, даже уже задумывает Квайдо строить.

Инаба там — по воскресеньям всегда в Оогаки, после молитвы — в Ооябу, и там проводит вечер воскресенья и понедельник.

Хамамацу

Петр Какехаси о Хамамацу: по метрике тридцать пять, из них семь — в других местах, из двадцати восьми приходят на молитву в субботу

восемнадцать, в воскресенье десять человек. Новых пятнадцать определенных слушателей, из них три-четыре имеющих принять крещение. Каждый вечер раз или два проповедь, в другие места поэтому выходить не может.

Оказаки

Павел Кангета об Оказаки; крещеных больше двухсот, налицо сто; из них восемьдесят хорошие христиане; есть охладевшие, но отвергнувших веру нет. К молитве собираются до шестидесяти человек. Новых слушателей определенных три-четыре. Других мест, кроме Оказаки, у него нет.

Какегава

Павел Оциай о Какегава: крещеных тридцать, охладевших нет, к молитве в субботу семнадцать-восемнадцать, в воскресенье десять-двадцать. Новых слушателей определенных семь.

Фукуде

Христиане (два числом) Фукуде входят в вышеизложенное число тридцать; там бывает раза два-три в месяц.

Фудзиэда

Мефодий Цуция о Фудзиэда: один христианин из Низаяма, но совсем потерял христианское сердце (это тот, кажется, что в Низаяма восемь лет назад вздорил там). Новых слушателей два.

Кохидзи

В Кохидзи (один ри) слушали, хотя определенных нет.

Сидзуока

Анатолий Озаки о Сидзуока: по метрике около семидесяти человек, охладевших человек двадцать. К молитве в субботу четырнадцать-пятнадцать, в воскресенье семь-восемь; новых слушателей определенных десять. Мест проповеди три.

Ёсида

В Ёсида (где дом доктора Александра Сунгоями) не был давно, иногда бывает там.

Эдзири и прочие

Даниил Аоки о Эдзири, Симидзу, Мабасе: во всех сих местах крещеных около восьмидесяти; охладевших много, хотя сделавшихся опять язычниками нет. В Мабасе только десять человек — один дом молится с катихизатором; В Эдзири — по воскресеньям совершает молитву, в субботу собирается семь-восемь, в воскресенье меньше. Новых слушателей в Эдзири нет, бонзы мешают. Вообще, новых слушателей нет, а обходит дома христиан. В Симидзу бонзы больше всего мешают. Бонзы у всех взяли подписку не слушать христианство; общество составили: доо-ваквай — держать крепко буддизм. Недавно бонзы там подрались взаимно — доо-ваквай с хокке.

Фукурои

Фома Маки о Фукурои: по метрике девяносто один, умерло девять, разошлось по разным местам двадцать, совсем охладевших шестнадцать; сорок шесть христиан, из них человек двадцать хороших.

2-я тетрадь

На молитву в субботу — восемнадцать, в воскресенье двенадцать. Новых слушателей определенных два — и в $1/2$ ри Цуцихасимура один определенный.

Мори

О Миори и Каяма, полтора ри: по метрике сто восемь, умерло одиннадцать; в других местах четыре, совсем охладевших семнадцать; приходящих в Церковь в Мори и Каяма: семьдесят шесть, то есть в Мори сорок шесть, в Каяма тридцать; новых слушателей в Мори определенных три, в Каяма нет (ибо недавно крещены). Ныне месяц в Каяма нельзя проповедовать, ибо все земельными работами заняты. — На молитву в Мори собираются в субботу и воскресенье шестнадцать человек. В Каяма, когда там бывает катихизатор, все до единого собираются. Катихизатор проводит по неделе в Фукурои и Мори.

Исповедные книги

Внушено священнику вперед исправно держать исповедную и в нее означать охладевших, вышедших в другие места и прочее, также по какой причине охладели. О. Матфей обещался к будущему собранию привести в исправный вид исповедные.

«Хивари»

«Денкёо-но хивари хёо» сделали только четыре катихизатора: Елисей Хиросава (в Удзуми и Накасу — по месяцу; для новых слушателей, вечером с семи часов), Фома Маки, Иоанн Инаба и Кирилл Окуда, впрочем, и они свои хёо пришлют после, составив их по совету с фукёоин'ами. Катихизаторы, имеющие одно место, как в Нагоя, Оказаки и прочие, тоже назначат определенное время для новых слушателей по совету с фукёоин'ами.

Священник при посещении Церквей должен наблюдать, точно ли соблюдается распределение времени катихизаторами.

В Тоёхаси католики соблазняют бедных христиан обещаниями помощью; в двух домах есть наполовину соблазненные — Накамура и Като.

В одиннадцать часов собрание окончено.

Даниил Аоки просил прислать в Эдзире для состязаний с бонзами искусных, ибо-де Матфей не красноречив, а вот о. Ниицума бы; сказано, что о. Ниицума в приходе другого священника, идти для проповеди не порядок, а может, Даниил с согласия своего священника попросит находящихся ныне в Катихизаторской школе бывших бонз Оониси и Кониси для проповеди бонзам на один вечер; они будут присланы, если только наперед будет условлено, что их проповедь станут слушать или с ними мирно и дельно рассуждать о вере.

Елисею Хиросава дан выговор, чтобы не вел неприличных разговоров и не читал грязных книг; обещался исправиться.

Анатолий Озаки долго сидел у меня и сетовал на себя же самого; видно, что тронут укорами в бездеятельности и в страсти к мирским разговорам, быть может, отныне, с помощью Божией, и исправится.

После полдня, начиная с первого числа, мы с о. Матфеем и катихизатором Петром Такеици объездили сицудзи с визитом; всего побывали домах в восьми; все люди зажиточные, и у всех иконы в доме стоят на приличных местах, и непременно со столиками внизу, с курильницами, больше в виде крестов — фарфоровых и с золотыми крестиками впереди и с подсвечниками, на которых японские свечи, но лампадок нигде нет; следует ввести и этот православный обычай. Особенно усердные к Церкви — разведитель свиней и мясник Акила Кимура, аптекарь Иоанн Ито — оба преданно живущие при Церкви, Павел Исогае, сорока пяти лет, бывший учитель, желающий сделаться катихизатором (я и звал его в Катихизаторскую школу) и Иосиф Втамура, задумавший построить здесь Церковь, старый христианин.

Вечером в Церкви собралось человек сорок христиан и христианок. Беседа шла почти до полуночи; всячески побуждал их озаботиться постройкой здесь храма; начать складываться для сего ныне же, и года в два-три довести сумму до четырех-пяти тысяч ен, чтобы купить землю и построить приличную Церковь. Принимают внушения, видимо, усердно, но продолжится ли одушевление, Бог весть.

18 / 30 октября 1889. Среда.

В Нагоя утром

В девять и три четверти часа утра должен выехать в Оосака. На обратном пути обещал побыть в Оказаки. Сию минуту получил письмо от К. В. Струве о смерти жены, Марьи Николаевны.— Царство ей Небесное! Много добра она сделала людям, Господь не оставит ее!

19 / 31 октября. Четверг.

Оосака

Утром при страшной головной боли от угара ночью по протопке здешней печки.

Вчера в шестом часу прибыл в Оосака. О. Иоанн и христиане встретили на станции, но гораздо лучше, если бы не делали этого показного усердия, потому что после тем грустнее видеть упадок и покрытие плесенью Церкви. По приезде в церковный дом отслужена была вечерня, сказано поучение на слова: «Радуйтесь о Господе как спасенные, как вновь поставленные на путь, как обретшие Отца, но радуйтесь Ему с трепетом». Потом сели поговорить о Церкви, и оказывается, что вся Церковь сильно запущенная и разленившаяся, и, по-видимому, нет ей надежды поправиться, потому что здешний предстоятель, о. Иоанн Оно, образец лени и бездеятельности. Сам не делает никогда ни одной проповеди в городе, «занят-де школою», в которой у него шесть человек, недавно однако собравшихся; преподает Нравственное Богословие, Православное Исповедание и Толкование Священного Писания, как будто надо весь день убивать. Катихизаторов в Оосака трое, и у всех вместе слушателей семнадцать, то есть у Петра Сибаяма семь в четырех местах, куда выходит для проповеди, у Василия Таде шесть в трех местах, у Кирилла Сасабе четыре в двух местах. В Сакаи, полчаса по железной дороге от Оосака, у Иоанна Мияке три слушателя.

Оосака

Всех христиан по метрике в Оосака: двести пятьдесят четыре; из них умерло: двадцать три мужчины, двадцать три женщины. Ныне налицо сто восемьдесят три; но здесь много пришедших из других мест, между тем много оосакских разошлось по другим местам, более точных сведений не составлено, равно как исповедные — не исправны, в «ч[?]»-де, как будто это и оправдание. Впрочем, в Церковь здешние христиане ходят почти все; собираются на службу в субботу сорок и больше, в воскресенье шестьдесят человек. Совсем ослабевших в веру, по словам о. Оно, только двое.

Сакаи

В Сакаи шестнадцать христиан, в пяти домах. На молитву собираются человек двенадцать, поют четыре, жена Мияке учит петь. У Мияке трое детей, из которых старшему шестой год. Удивительно, как он живет на шесть ен, и удивительна незаботливость священника о служащих с ним! Ведь сказано было ему, чтобы к этим шести енам от Миссии [?] у христиан добыл прибавку, — и ничего нет! — По словам Мияке, Сакаи — город развратный, христианству там трудно водвориться, доказательством чего служит то, что католики после десяти лет проповеди и хлопот там принуждены были бросить это место, как бесплодно, — у трех сект протестантства: епископалов, конгрегациалов [?] и пресвиториан, тоже будто бы плохо. Мияке же имеет некую надежду.

Петр Сибаяма и Василий Таде — оба (при несовместном разговоре) свидетельствуют, что протестантские проповедники боятся нашего вероучения, твердо обоснованного и неопровержимого; Таде говорил, что протестанты нередко приходят спрашивать о нашем учении и сетуют, что у них нет ничего определенного, или что толкование Священного Писания запутанное; Сибаяма говорил, что протестанты опасаются появления нашего вероучения в Сайкёо. — В Сайкёо в самом деле давно уже нужно нам поставить веропроводника, и одна из целей моей поездки — именно это дело. Петра Сибаяма, мне кажется, можно водворить там для опыта, хотя о. Оно не хочет отпускать его отсюда.

Приходил повидаться Стефан Камия, отец Григория Камия — катихизатора; какой же он бедный! Сапоги тачает и тем питает себя и двенадцатилетнего сына Илью; посмотреть, сей сын не годен ли в школу, тогда принять его в будущем году в Семинарию. Григорий же должен помогать отцу из своего жалованья. К счастью, у них еще нет никого более в семье, о ком нужно заботиться. С ним приходил Петр Кавагуци, юноша, родной брат катихизатора Павла и учительницы Марины. У них мать и двое младших детей при ней (самой младшей шесть лет); но о всех них заботится старший сын — живут еще в Вакаяма, где свой дом есть — (у Камия же ни кола, ни двора); Петр сей учится здесь ремеслу, ипкрусации ракушками (ао-гай).

После обеда отправился в Сакаи: по железной дороге всего полчаса пути. Дом для проповедника в хорошем месте и очень поместительный, только маты неприглядные по ветхости. Отслужили краткий молебен, сказано было небольшое назидание собравшимся верующим, и чрез час отправились обратно. Из христиан самый первый крещеный — Ной — механик ремеслов, очень бойкий и умный, ныне весьма усердный, но выдержит ли, Бог весть. Учился у протестантов и не принял протестантства, по его словам, оттого, что его там не приняли: «Брось-де курить и пить — тогда будешь крещен», — «а я не мог дать этого обещания, оттого

и не попал к ним».— «Но, любезный, ведь и у нас тоже не позволено пить».— «Да я пью самую малость, и пяти чашек не выпью, как раскраснеюсь, я не напишусь». Тут же сидевшая жена его с сосунком ребенком на мой опрос подтвердила его слова и притом весьма благодушно,— видно, что между ними любовь и лад; значит, и в самом деле он не пьяница.

Возвращаясь из Сакаи, ехали вместе с переселенцами, отправляющимися из провинции Ямато в Хоккайдо. Во время летних ливней обрушилась гора и засыпала все их огромное поселение — восемь тысяч народа разом погибло — это остатки, за неимением где жить, едут на новоселье; уже третий день двигается этим путем толпа в Кобе на суда. Толпа порядочно одета и сыта, несчастных лиц не видно; видно, что о народе хорошо заботятся; сам губернатор (цидзи), говорят, провожает ее до посадки на суда; переселение идет за счет добровольных пожертвованных; на месте для них помещения уже заготовлены.

Вакаяма

Фома Оно, прибывший вечером из Вакаяма, говорил: там теперь христиан человек шестьдесят, налицо же около сорока пяти; на молитву в субботу собирается двадцать-тридцать, в воскресенье пятнадцать-двадцать; слушателей постоянных еще нет — народ не совсем успокоился после постигших город наводнений, но в пяти-шести домах он иногда говорит ученье. Во время Богослужения поют пять человек. К католикам перешло не двадцать четыре, как прежде извещали, а тридцать, с детьми считая, но все народ бедный и плохо знающий учение, увлек Хираи, а его опугал катихизатор католический, замечательный лжец (некто Кавамота): «Священное Писание на каком угодно языке католику позволено читать, Греческая Церковь до Фотия подчинялась Папе, даже вон-де ваш Епископ Николай, когда был в католическом храме в Кавауци, здесь в Оосака, молился,— стало быть свою признает подчиненность нам»... Православная Церковь, освободившись от голытьбы, не только не ослабела, а укрепилась: ныне все усердны, охладевших нет. У католиков, кроме уворованных от нас сих бедных заблудших овец, ныне больше ни единого обращенного; у протестантов же там много христиан, и притом из чиновников.

20 октября / 1 ноября 1889. Пятница.

Оосака. Корея и Китай

Напрасно так рано приехал: не знаешь, куда девать время. Праздная от текущих здесь дел, которые уже известны, мысль обращается к другим ближайшим предметам, и вот что надумал: изучить по печатным, какие можно добыть, источникам положение инославного миссионерства

в Корее и Китае и представить Святейшему Синоду о необходимости заведения Миссии в Корее и усиления Миссии в Китае, где наши миссионеры не слышно, чтобы что делали. И в то же время написать статьи в духовную литературу о том же, с обращением к образованному духовному юношеству с вызовом на дело Миссии в Корее и Китае. Как, по-видимому, хочется корейским политическим изгнанникам — Ким-ё-кюну и его другу, часто бывающему у меня, чтобы Русская Духовная Миссия заведена была в Корее; при свидании постоянно спрашивают, заведена ли Миссия и скоро ли будет заведена. О Китае и говорить нечего, там у других миллионы, а у нас? Скоро ль проснется Русская Церковь? Где бескорыстные служители Богу? Эх, горько и обидно!

Врач Петр Сираи

Был сегодня здесь врач Петр Сираи, крестник княжны Софьи Мещерской. В прошлом году обещался в воскресенье не заниматься практикой, а посвящать день Богу.— «Соблюдает ли обещанное?» — спрашиваю я. Он рассказал, что публиковал в газетах о том, что не будет принимать больных по воскресеньям, кроме самых неотложных случаев. Но это не остановило прилива больных, тем более, что он в местности, где множество рабочих (железнодорожных) и бедных. Он не мог сдержать обещание,— принимает и по воскресеньям.— Я не мог сильно настаивать на противном, ибо дело его столь сопряженное с требованиями милосердия: помогать страждущим. Итак, пусть он с Богом принимает, но делает это безвозмездно: пусть его служение Богу по воскресеньям будет состоять в служении делом милосердия. Он с радостью, по-видимому, согласился: обещался по воскресеньям совершенно безвозмездно принимать больных и давать им лекарства, если же состоятельные захотят платить, то эту плату также обращать в пользу бедных; по большим праздникам он обещался приходить в Церковь. У него сотрудником по делу лечения — его брат. Я обещался обо всем этом написать его крестной матери, а также просить ему обещанной ею для него иконы Святого Апостола Петра.

Выговаривал о. Иоанну, что он не заботится о своих катихизаторах: на Соборе положено было Мияке и Сасаба по шесть ен от Миссии, а больше пусть-де о. Иоанн добудет от местной Церкви, но вот и до сих пор нет этого; особенно Мияке непременно нужна помощь. Обещался о. Иоанн добыть оную. Вообще, Оосакская Церковь вся всеми расходами на содержание служащих и на все прочее лежит до сих пор на плечах Миссии, только каких-то четыре ены собирают с себя христиане на освещение и богослужебные потребности Церкви; стыдно Церкви столь давней и столь большой оставаться в таком положении. А все от о. Оно — ленив и неподвижен, хоть плачь! Обещался требовать у христиан,

да будет ли что? — Когда приеду на Собор сюда в будущем году, нужно захватить из Едо куо-чюу на здешнее миссийское место; теперь уже можно с о. Якова можно перевести дом на имя Церкви, тогда, по крайней мере, не нужно будет платить за место, занимаемое Церковью — так по здешним правилам, о. Оно говорит.

Предварительное собрание в Оосака

Было собрание здешних христиан и христианок. Решили просить: 1) не отнимать у них Петра Сибаяма для Сайкёо; 2) сказать в понедельник проповедь для язычников в здешней Церкви. Последнее решить было легко, первое стоило немалых рассуждений. Правда, Сибаяма и здесь, кажется, единственный живой человек, поэтому его отнять у здешней Церкви — значит, погрузить в еще более глубокий сон о. Иоанна, Василия Таде и всех. Но как быть с Сайкёо? Оттуда только пришли христиане и христианки просить катихизатора. В Сайкёо четыре дома и шестнадцать христиан, но все пришлые, тамошних еще ни одного нет. Предложил я послать Сибаяма туда еженедельно на субботу и воскресенье, на это охотно согласились оосакские, впридачу дали и Кирилла Сасаба, чтобы он там постоянно жил (значит этот-то юнец здесь совсем бесполезен был, когда его без всякого спроса отдают, а о. Оно вечно рекомендует его: «бенкёо суру»). Окончательно обдумаем и решим все это в воскресенье, на собрании с одного часа пополудни.

Вечером продиктовал Фоме Оно, катихизатору в Вакаяма несколько из книги «О Римском Католицизме» Иванцова — о недостойных Папах. Вечно католики толкуют о том, что Фотий возведен был на престол императором и что тогда было замешательство в Греческой Церкви, но ведь это капля в сравнении с морем всех замешательств и беспорядков в Римской Церкви, и вдобавок с морем мерзостей, которых и капли нет в истории Греческой Церкви. Эх, легион римских и протестантских миссионеров — при всей твоей многочисленности и ревности, ты должен отказаться от победы, которая принадлежит нам и будет, несомненно, наша, ибо ты, сам того не зная, защищаешь только футляр от сокровища, призрак Истины, а самое-то сокровище — полная Христианская Истина у нас, — кто же сильнее? Рано или поздно ты свяжешься сознанием своей тщеты и падешь, а Истина освободит [...].

Поздно вечером пришли из Вакаяма на собрание один христианин депутатом и три христианки, в том числе Фотина, жена Фомы Оно с ребенком.

21 октября / 2 ноября 1889. Суббота.

Оосака. Корея

Благослови, Господи, благую мысль и дай ей скорое исполнение: непременно стараться об основании Корейской Духовной Миссии. Сделать

ее ветвью Японской; сделать весьма просто, если Бог даст сюда трех миссионеров — иеромонахов, то двоих оставив для благочинничества в Японии, третьего отправить в Корею. Святейший Синод, конечно, не будет против этого, тем более, что и расходов на это из России не потребуется: корейский миссионер может быть содержим на средства Японской Миссии, пока опыт покажет, что Миссия в Корее может иметь успех. Для водворения миссионера, мне нужно побыть в Корее, миссионер может быть несколько подготовлен в языке здесь при помощи учителя-корейца, которого здесь добыть легко; быть может, можно и из Владивостока добыть подходящего корейца для сопутствия и помощи миссионеру.— Здесь в Японии можно поступиться одним миссионером, если придут три; даже и из двух можно уступить одного, если два только придут и окажутся хорошими людьми; здесь в Японии нужно только общее руководство, служащих людей и между японцами можно найти немало, иностранных же миссионеров, если их именно иметь в виду, не наберешься; можно иметь сотни, как у инославных здесь, можно иметь и скромное число — двух-трех,— чего, впрочем, к сожалению, у нас еще нет, только для руководства; первое у нас, во всяком случае, невозможно,— итак, остановиться на втором; а тогда и из двух можно отделить одного для места, где нет никого, ибо и одного для благочиннической должности здесь достаточно, если он будет действительно ревностный миссионер.

Вот уже день на исходе, а на собрание не является никто из катихизаторов прихода о. Оно. Ужели никого не будет? Ох, мертвая Церковь под руководством этого полумертвеца от лени Оно. По приезде сюда тотчас сказано ему разослать ко всем письма и телеграммы с зовом сюда; говорил, что сделал это. И вот результат. День, в который должно быть приготовлено все к собранию, взяты все сведения о Церквах от катихизаторов, пропал даром.

Средства содержания служащих Церкви.

В деревнях заводить церковные земли.

Но вот зато мысль под влиянием чтения Церковной Истории Смирнова. Чем содержать здешнее нарождающееся духовенство? В селениях непременно склонять христиан приобретать для того недвижимую церковную собственность, то есть земли церковные; в городах — дома, доходами с которых содержать служащих Церкви. Это был и самый главный и надежный способ древней Церкви, начиная с Константинопольской Церкви, это же и самое первое приходящее на мысль здесь нашим нарождающимся христианам: уже во многих местах они хлопчут завести церковную земельку, инде и завели, только еще не умеют обратить ее на содержание служащих Церкви, а в Хакодате, кроме земли, купили и дом церковный, доходы с которого идут на содержание священника. Теперь, кажется, уже можно всю подобную собственность иметь на имя Церкви; нужно будет постараться дать сему предмету более правильный вид, чтобы была вся польза с приобретенного уже, и чтобы старались

приобретать дальше. По селеньям, видимо, кусочки земли христиане не жалеют жертвовать на Церковь. Правила нужно будет составить — на Соборе, или всего лучше, осматривая и посещая Церкви,— как обращаться с землею, чтобы она дала средства на содержание служащих Церкви.— Итак, унывать, что Японская Церковь доселе почти ничего не дает на содержание служащих ей, а лежит на плечах Миссии, не нужно, а нужно, не спуская рукавов, подумать и хлопотать; обстоятельства уже наметили выход, не пользоваться уроком — значит, пенять потом на свою глупость и ротозейство, а не на бедность или неусердие японских христиан.

В городах заводить церковные дома.

И в городах нужно предлагать христианам следовать примеру, уже данному Хакодатской Церковью — покупать дома и другие здания, доходами с которых содержать катихизатора и священника. С Богом начать завтра сие в Оосакской Церкви. Если вдруг ничего не сделают, то хоть мысль будет заронена.

22 октября / 3 ноября 1889. Воскресенье.

Оосака

Вчера вечером во время всенощной прибыли два катихизатора: Петр Мисима и Марк Камеда. После службы рассказали о своих Церквях следующее:

Акаси

Петр Мисима об Акаси: христиан по метрике было двадцать один; из них один умер, пять ушли в Хиросима, три в Кобе, один в Хаконе, один в Оосака в школу о. Оно; налицо десять человек в шести домах, из коих только в двух домах местные христиане, прочие все пришлые. Собираются на молитву, причем пять человек поют. Новых слушателей двадцать, из них надежные семь, из коих некоторые уже приготовлены к крещению; нынешние слушатели почти все из местных жителей. О вере говорит каждый день. Кроме того, выходит в деревню Танака, два ри от Акаси, где надежных слушателей двое.

Вообще, у Мисима мало дела; и речью своею, и физиономиею при рассказе он производит впечатление как будто виновного и старающегося затаить вину; видно, что и совесть укоряет его в малоделии; недаром, о. Оно предлагает перевести его куда-нибудь к другому священнику, то есть не дорожит им.

Какогава

Марк Камеда о Какогава (Дзике тоже): по метрике семьдесят восемь христиан, умерло трое, в Оно пять, много разошлось, налицо всего

двадцать семь, но из них двенадцать охладели по гордости (Церковь-де дурно управляется), по лености молиться (молитва-де длинная), хотя от Бога не отступают. На общую молитву собираются человек десять в субботу и воскресенье. Камеда по субботам и воскресеньям всегда бывает здесь. Сицудзи двое; надежных новых слушателей один.

Оно

Оно-мура. Христиан пять, новых слушателей нет, ибо буддисты очень мешают, нападая с бранью и угрозами на заявляющих желание слушать. Катихизатор бывает здесь раз в месяц, проводя дня два.

Куцири

Куцири – селение из семидесяти домов, от Дзике один ри. Камеда бывает здесь раз или два в неделю, но не ночует; трое надежных слушателя.

Такасанго

Такасанго – город из трех тысяч пятисот домов, в одном ри от Дзике. Тоже бывает раз или два в неделю, не ночуя там; четыре надежных слушателя.

Химедзи

Химедзи. По метрике шестнадцать христиан, налицо четверо в трех домах, и из них один ослабел. Камеда бывает здесь в месяц два-три раза на день или на два; надежных слушателей трое.

За квартиру здесь не платится, а дается в месяц о-рей семьдесят или восемьдесят сен хозяину дома, где Камеда останавливается и слушатели собираются; хозяин и сам слушает, поэтому за квартиру не хочет брать платы. Между тем доселе ежемесячно шло из Миссии за квартиру в Химедзи две с половиной ены. На мой вопрос Марку: куда же идут эти деньги, кроме того, что на рей хозяину? – «Хранятся». – Ответил. «Сколько ныне?» – «Двадцать ен, – часть из них экитей-кёку, часть на руках». – Я сказал, что отныне на квартиру не будет посылаться, пока издержаны будут на сей предмет запасные деньги, и заметил Марку, что об этом следовало известить в Миссию тогда же, когда наем квартиры прекратился (похоже на нечестность).

Такаока (триста домов), в шести с половиной ри от Какогава. Марка приглашали туда, и он был раз, но по дальности не мог продолжать; есть

дом, желающие слушать; оттуда катихизатор Павел Оно (что ныне в Нагано).

Таизамура

В воскресенье утром Павел Кубота прибыл и говорил следующее: о Кубота (1000 домов). По метрике около шестидесяти христиан, налицо тридцать два в пяти домах; и без катихизатора на общую молитву собираются пятьдесят человек в построенной молельне. Сицудзи один; новые слушатели нашлись бы, но катихизатор не может жить там, ибо место вообще плохое — хенпи-но и котоо-но; христиане тамошние усердны; нравы хорошие. Кубота бывает там раз в месяц на неделю; но хорошо бы там постоянно жить (он же говорит), слушатели всегда были бы; буддизм там совсем упал.

Миядзу

Миядзу, десять ри от Таизамура, домов с 3000 есть. По метрике восемь христиан, и все там; на общую молитву человек пять приходят, ибо есть далеко живущие; в субботу и воскресенье служба всегда есть; поют все. Сицудзи один, хотя не поставлен выбором; особенно усердная женщина одна старуха есть. Кубота почти всегда там живет и отсюда «поцу-поцу-денакеру». Надежных слушателей ныне две женщины, прочие слушатели непостоянные.

Кубота говорит учение только проходящим к нему, но не выходит в город для сего ни в одно место; приходят же неопределенно и вечером, и днем; вообще в неделю пять-шесть раз говорит учение. «Отчего не выходит в город?» — «Миядзу — такое место, не желают слушать», — то есть противоречит себе, к нему приходят же и пять-шесть раз в неделю, значит, желающие есть. Вял он, не пойдет с ним учение далеко ни в каком месте. «И христиане хлопочут о новых слушателях», по его же словам, а их, новых, нет надежных, кроме двух баб. — Выходит в Иватаки, два ри от Миядзу, деревню, — один христианин (из восьми сказанных в Миядзу); новых слушателей пять-шесть, но ненадежных; на судне ходит туда и в тот же день возвращается. Еще выходит в Отокояма-мура, десять чё от Иватаки, и здесь четыре-пять слушателей; зовут его туда; еще в Ёменуки-мура, пять чё от Иватаки, один слушатель, надежный довольно. В Минеяма заходит по пути в Таизамура; один оглашенный есть в Минеяма, ему говорит, — его уже пора крестить, есть и еще два-три слушателя.

Во время обедни, которая здесь начинается в девять часов, прибыл священник Никита Мори. После обедни был благодарный молебен, ибо сегодня рождение Микадо.

Оосакское Собрание (Фукёоквай)

На Собрании были двадцать один: Епископ, два священника — о. Оно и о. Никита Мори, восемь катихизаторов: Василий Таде, Павел Кубота, Фома Оно Петр Сибаяма, Павел Мисима, Марк Камеда, Кирилл Сасаба и Иоанн Мияке, и десять дайгиновых, то есть трое из Оосака, трое из Вакаяма, двое из Сакаи, двое из Кёото.

В час с четвертью Собрание открыто молитвой. Речь о том, что мы собрались здесь исполнить самую важную обязанность: свободно приняв на себя обязанность послужить спасению ближних и расширению Царства Христова. Какие же средства к сему? Подумаем.

1. Нужно ли поставить фукёоин'ов, помощников катихизаторов из христиан в расширении пределов проповеди или нет?

О. Оно говорил, что нужно. Ныне все упорно молчат. На вызов, говорит, один вскочил, поднял обе руки вверх, загнутыми внутрь, и провозгласил: «Фоси».

Василий Таде говорит в пользу фукёоин'ов. Только стоящих людей нужно поставить, а не плохих.

Оосакский дайгинин говорит, что фукёоин'ы должны быть добровольно поставленные, а не выбранные без спроса у них. Разумеется.

Все единогласно решили: фукёоинов поставить. Значит, это сделалось правилом для прихода о. Оно: поставить по всем Церквам, где только можно, фукёоин'ов. О. Никита Мори принял это правилом и для своего прихода.

2. Кто же будут поставлены фукёоин'ами в Оосака и других Церквах?

В Оосака: Павел Ёсида, Николай Судзуки (косой), Фаддей Маруяма — все они доселе и сицудзи служили; Иоаким Онгасавара, Петр Ниси (тесть Василия Таде), Павел Фукуи = шесть человек; больше выберут, если будет кого, в следующее воскресенье, когда все соберутся, и о. Иоанн скажет проповедь о сем, после чего останутся в Церкви и выберут там, кто захочет служить. Из женщин Василий Таде рекомендовал, и назначены: Анна Онгасавара, Ирина Фукасе (услужливая), Анна Ивасе, Мария Танака — четыре.

В Сакае: Най Секихара, Иосиф Араки и из женщин после, если согласятся, две.

В Вакаяма: Иоанн Каваци, Андрей Кавагуни и после; Матрена Дои, Ирина Итабаси: четыре, и после выбрано: мужчин четверо, женщин три — всех одиннадцать (по желанию).

В Какогава: Лука Оона, Давид Цумори, вероятно, согласятся, — после.

В Таизамура после.

В Миядзу после.

В Акаси: Агафья Исимаки, вероятно, будет.

В Коци давно уже поставлены пятнадцать мужчин.

В Сайкёо: Филипп Мураками, Лука Накакоодзи, Марфа Одагири.

3. Женские собрания (Фудзинен симбокквай) везде по Церквам — все хотят, значит, тоже правилом стало для сего прихода. О. Никита и для своего будет иметь сие правилом.

4. Не нужно ли переместить катихизаторов? В Нара просят проповеди, в Кёото тоже. Это как?

Христианин из Нара Иосиф Фудзии говорит: протестантов там сто восемьдесят, и храм у них большой. Православных там семь, прочие переместились в другие места. Никто не приходит к ним, никто не заботится о них, они брошенные на гибель овцы; оосакские христиане жестокосердны к ним, никого из катихизаторов не пускают к ним. А время там пришло для учения, противящихся никого нет.

Из Кёото христианин Мураками говорит: четыре дома там; по субботам и воскресеньям собираются вместе молиться. Протестанты и католики там успевают, а православия не слышно. Не скорбно ли это? Теперь там хоть бы флаг поднять (кен бан-о какетай).— Другой христианин, брат Накакоодзи тоже просит там коогисё основать. У инославных там главные — гакудзюсу, а не ученье; у православия цели другие — учение внушать,— итак, там нужно нам коогидзё и денкёосё.

Не послать ли Кирилла Сасаба в Нара, а Петр Сибаяма субботу и воскресенье будет проводить в Кёото.

О. Иоанн против сего возразил: Василий Таде в месяц несколько дней может проводить в Нара, а Сасаба и Сибаяма для Кёото.

В Сайкёо поставлен проповедник. В Нара тоже.

Решено в Сайкёо — Сасаба жить там, Петр Сибаяма в неделю проводит там два дня, какие — после решат. В Нара Василию Таде ездить ежемесячно в третью субботу и третье воскресенье, а во вторник возвращаться (пути ныне три с половиной часа).

5. Катихизаторы должны составить денкёо-но хивари-но хёо, чтобы фукёоин'ы знали, где и когда им слушать учение.

Здесь, в Оосака, после литургии бывает еще для христиан в комнате толкование Священного Писания; производит катихизатор.

Нет ли у кого еще что предложить в пользу Церкви? Нет ни у кого, все молчат. Поэтому собрание этим и закончено.

6. Петр Мисима говорит: в Кообе и Хёого немало православных христиан, есть и желающие слушать православие. Там, особенно в Хёого, нужен катихизатор.

Решено: Хёого и Кообе присоединить к Акаси и поручить Петру Мисима.

В пять часов собрание закончено молитвою и речью о том, что мы в нашей смиренной обязанности — Богу соработники, ибо спасать — дело Божие, и если Бог благославляет послужить сему делу — делу спасения людей, то мы должны быть благодарны и радоваться о сем, и дерзать, ибо успех будет, так как для Всемогущего нет невозможного, нам нужно

только безленногтно сеять — возрастит Сам Бог; ниво же готово, ныне в Японии везде хотят христианское учение, не то, что семь-восемь лет тому назад.

В конце речей на Собрании подтверждено, чтобы везде по Церквам крестили христианских детей в первое же посещение священника; также, чтобы детей с шести-семи лет непременно обучали молитвам; буду испытывать при посещении Церквей.

Женское собрание в Оосакской Церкви

С половины седьмого вечера было женское собрание, прескучное; было девятнадцать женщин и шесть детей, да священник и катихизаторы. Говорили: Софья Такая о Самсоне, собственно о рождении его; Ирина Фукасе — жизнь святой Евдокии, но тихо и вяло. После стали молчать, что побудило меня сказать об Ангеле-Хранителе детей. После чай японский, вялые толки, кому следующий раз говорить, сбор добровольных вкладов в Язумон, причем я хотел было положить одну ену, да и то жаль стало — не стоит это собрание одной ены; я ждал и бóльшего собрания, и более оживленного.

Заглянул в запись, почти всегда собирается мало, человек пятнадцать-шестнадцать; раз только записано двадцать четыре; для Оосакской Церкви — все это весьма плохо. Не оживлена Церковь: каков поп, таков и приход.

Соскучился совсем в Оосака; ведь нужно же было приехать в среду и вот четыре дня при такой малости дела! Вперед нужно разумней располагать время. Да и холодно же здесь. И еще полторы сутки нужно жить здесь, потому что завтра вечером назначена проповедь для язычников.

23 октября / 4 ноября 1889. Понедельник.

Оосака

Отворишь окно, или затворишь — все одно, — температура в комнате одна и та же: холод нестерпимый. Вперед нужно снабжаться теплым платьем в защиту от сего врага здоровья (ибо в ночь беспокоит ревматизм) и доброго расположения духа, ибо какое же расположение, когда вечно корчишься и ежишься?

Хороший земледелец и весьма плохой сохой вспашет полосу; но борозда будет мелка, между бороздами будут прогалины, где соха не берет; вообще, результат работы не будет соответствовать силе и искусству земледельца, — и это от дурных качеств сохи. Я — вот эта плохая соха, мешающая здесь деланию Божию; ни молитвенник я, ни постник, ни труженик, ни воздержник — чем я могу влиять на народ? Оттого и нет здесь глубоких, истинных христиан, не с кого пример брать, оттого и

нет умных, талантливых, высокого ранга людей между христианами, не кому повлиять, привести таких ко Христу. Совесть корит меня, и — будь милостив, Господи, чтобы укор этот не сделался вечным, не обратился в нескончаемое геенское учение!

Коци

Прибыл Павел Айбора из Тоса; запоздал к Собранию, потому что вчера день был ветренный, судно не могло прийти вовремя. Просит христианку-проповедницу в Коци, ибо сам молод (двадцать четыре года), женщинам проповедывать неудобно, и женщин в Церкви почти нет, все больше молодые люди. Обещался я испытать Марию Хокугоку в верознании, если окажется сведущую, то ее можно дать в Коци — в Женской школе ее заменить есть кому; молодых же учительниц туда нельзя. Просит еще на заведение другой квартиры для проповеди, — отказал, может проповедывать в домах, куда зовут, если же много слушателей, то в нынешней катихизаторской квартире, на которую из Миссии получает три ены семьдесят пять сен.

3-я тетрадь

В Коци по метрике пятьдесят три христианина, из них один умер, два бросили учение (Нодзиро и Мори), шестнадцать охладели или разошлись неизвестно куда, тридцать четыре налицо в девятнадцати домах. На молитву в субботу собирается тридцать, поют пятнадцать. Сицудзи двое. Новых слушателей двадцать четыре надежных, в том числе только пять женщин. Вообще, здесь христиане почти все молодые люди. — В деревню Кума, один ри от Коци, выходит два раза в неделю — надежные слушатели есть и здесь. Выходил до седьмого месяца в деревню Камода, полтора ри от Коци, но камнями прогнали, и теперь никто не дает там дома для проповеди. В Акаока было два христианина, но они ушли в другие места, и теперь катихизатор там не бывает. До сих пор христиане Коци раз в месяц, в воскресенье, делали симбокквай. Христиане там больше из сизоку, и не бедные; в месяц собирают кёокиу ен пять, из которых приплачивают за квартиру одну ену, на освещение, уголь и прочее. — Мать катихизатора Алексея Китагава там плохая христианка — ни с кем не ладит; у нее две дочери; одна недавно выдана была за протестанта, но тот недавно прибил ее и прогнал, дав разводную; живет он в десяти ри от Коци; Айбара говорит, — может потому, что она не умеет стряпать, ибо училась швейному искусству, в котором и мастерица и которое любит; другой дочери пятнадцать лет, учится в школе. У Айбара — отец (пятьдесят четыре года) и мать, и дед (девятидесяти один год), на войне в [?] потерявший руку. Айбара говорил, что к нему часто и дружески

ходит католический патер, говорит с ним о вере, но избегает о разностях, видимо, соблазняет — едва ли удастся совратить, но каковы же эти патеры! Вот-то на чужом основании любят строить!

Вечером, в шесть с четвертью часов, здесь, в Церкви, была проповедь для язычников, которых собралось с сотню, или больше, — усердно слушали; я говорил с семи до без четверти девять первоначальную для язычников катихизацию.

24 октября / 5 ноября 1889. Вторник.

Оказаки

В семь часов шесть минут утра выехавши из Оосака, прибыл сюда в половине четвертого пополудни. Христиане встретили на вокзале, и с ними прибыл в Оказаки, отстоящее больше одного ри от вокзала. Здесь только сегодня окончен постройкой храм, к сожалению, не храмовой архитектуры, а в виде дома. Место под храм подарено врачом, бывшим зятем о. Павла Сато, Павлом Накамура; место достаточное и для садика вокруг храма. Постройка храма до ковра внутри обошлась в девятьсот ен, считая тут же и дом для катихизатора, в котором ныне сие пишется. За триста сорок две ены христиане продали прежний церковный дом с землею под ним, и эти деньги пошли на нынешний храм, прочее пожертвовали вновь; ныне состоит на [...] сто пятьдесят ен долгу, но христиане нисколько не озабочены сим, надеются легко очистить его.

Статистические данные о Церкви в Оказаки смотри выше, из сообщения в Нагоя. Поют здесь человек десять, учит Мария Нанабу, вдова; тон во многих местах потерян. — Сицудзи трое, фукёоин'ов выбрали одиннадцать христиан и десять христианок. Ныне все они лично в Церкви заявили свое желание служить.

Женщины, кроме того, изъявили готовность завести симбокквай; сегодня же определили в третье воскресенье каждого месяца делать собрание; для нынешнего месяца избраны три для приготовления рассказов и назиданий, две для должности кандзи.

По приезде здесь нашли у храма остальных христиан и множество язычников; пред Церковью — зеленые, прекрасно сделанные и украшенные множеством цветов, ворота, а также множество фонарей для иллюминации в нынешний вечер. Отслужена была вечерня и сказана проповедь христианам; осмотрен храм внутри и вне; икон, кроме иконостасных Спасителя и Божьей Матери (бывших прежде в Хакодатской Церкви) и Тайной Вечери, нет; и эти не подходят к новому иконостасу, деланному в Нагоя. Обещался похлопотать, чтобы Ирина Ямасита поскорее написала иконы по меркам, которые пришлют. После разговора о церковных делах с христианами, вышли из Церкви и дали свободу язычникам наполнять ее в ожидании проповеди; в семь часов о. Матфей начал

проповедь; я затем говорил с сорок минут, с восьми до без четверти девять.

Язычников была полная Церковь, вероятно, человек триста с лишком, слушали усердно, что заставило меня обещать им другую проповедь на завтрашний вечер. После проповеди отслужена была утренняя, ибо завтра предположено освящение храма — чрез водоосвящение и окропление — и литургия.

Христиане кажутся усердными, без усердия не построили бы и такую Церковь, но число-то их такое же, как было восемь лет назад, хотя много с того времени новых, старых-то много охладело. И так везде! Горе с новыми христианами из язычников! Как их беречь от охлаждения?

25 октября / 6 ноября 1889. Среда.

Оказаки

Утром осмотрел местность храма. Оказывается, что здесь прежде был буддийский храм, но по неимению средств содержания разорен, место обращено было в огород, куплено врачом Павлом Накамура, который намеревался построить здесь дом для себя, но подарил под храм. Место против середины города, но на самой окраине; прежнее место, бывшее в центре города, лучше было. Впрочем, так как Оказаки город небольшой, то сюда собираться христианам нетрудно. Храмы буддийские здесь все прежде получали содержание от Сеогунского дома (То-кунгава); ныне лишены сего и потому приходят в упадок. Впрочем, буддизм здесь еще силен; народ в городе связан обещанием не слушать христианское учение, каковое обещание многим мешает, но иные вырываются из этой сети бонз. Утром, с пригорка над храмом нашим, осмотрели город; недалеко невысокий горный гребень, у подножия которого деревня Мацудаира, из которой предки Иеясу.

Железная дорога — больше одного ри от Оказаки, жители прозевали хлопотать, чтобы она прошла ближе: «сиране-као-сита», — ну и платятся теперь упадком города; строится ныне дорога к станции для бая.

Пред богослужением убрали несколько Церковь иконами, переставив их на более удобные места. — Потом было водосвятие и окропление Церкви внутри и вне, дома катихизатора и всего места, по границе его с соседними. Потом литургия — первая в сем храме — проповедь, панихида об усопших здесь, испытание детей в знании молитв: знают не хуже, чем в Нагоя; всем розданы образки; один мальчик, лет семи, не был в Церкви, пришел вечером и, разобиженный, что ему не достался образок, сквозь слезы отлично прочитал молитву Господню, за что также, к своему умилению, получил образок.

После обеда с священником о. Матфеем, катихизатором Павлом Кангета сделали визиты всем главным христианам здесь — сицудзи, фукёоин и прочим. Наполовину живут бедно. Павел Накамура, врач, искренно

верующий; в его доме и знамение Благодати Божией видели: один ученик его болен и ныне, но вскоре совсем выздоровеет, а между тем врачами осужден был на смерть.— Был страшный нарыв на спине, опасный для спинного мозга. Начал выздоравливать с причащения Святых Тайн. Другой врач — Танака Василий — тоже хороший верующий. А вот некто Иоанн Симидзу смотрит в протестанты: две дочери в протестантских школах, одна — в Токио, другая в Сайкё у Дооснея, и по-видимому, дочери смущают его; был очень усердный, не жалел средств на храм и дом катихизатору — и вот давно уже не ходит в Церковь; на мой выговор он признался, что есть что-то смущающее, но обещался поговорить с о. Матфеем. (Он с проломленной головой и ямкой в передней части черепа). Один чиновник-христианин Бан, родом из Коофу (Ямапасикиен), просит катихизатора для Коофу, где его мать слушает учение у протестантов; советовал я ему написать матери, чтобы она повременила принимать крещение, пока узнает и православие; катихизатора туда очень нужно бы послать. Отец Варнавы Симидзу — бедный, одноглазый — торгует старьем, самым хламным; мать, по-видимому, умная женщина; отец Фомы Яно — язычник, приходил в Церковь вечером на проповедь в благодушнейшем настроении, то есть выпивши. Мать Тита, ученика Семинарии, седая; отца не видал.

Вечером опять была проповедь для язычников. Вчера и сегодня пред мною говорил о. Матфей; мне приходилось захватывать и слышать конец его проповеди; удивился я, как плохо он говорит — малосодержательно, повторяет одно и то же, вяло, но с выкриками; совсем плохо, до прискорбия, уши вянут слушать; недаром зевают вслух.— Язычников и сегодня было много, не полна Церковь, как вчера, но много, и слушали внимательно, кроме детей, которые, впрочем, тоже притихли после моей угрозы, что их выведут. Проповедь продолжалась до девяти часов, потом был разговор с христианами на слова: «Духа не угасайте»,— внушал им служить Богу всеми своими делами.

Здесьние христианки при построении храма выказали усердие жертвованиями лично от себя денег, иные булавок, платья, Сара Кангета своего пояса; всего ими собрано двадцать одна сена шестьдесят пять сен.

Завтра с поездом в семь часов двадцать шесть минут утра отправляюсь в Токио.

1890 год

1 / 13 января 1890. Понедельник

В прошлом году почти выстроен Собор, так что в нынешнем непременно будет освящение его.— Книжку нужно составить с фотографией Собора и напечатать в десять тысяч экземпляров.

О. Анатолий почти сумасшедший. Дай Бог, чтобы оправился. Печально положение семейства его брата, без него, хотя, даст Бог, не оставит без призора детей водворителя здесь церковного пения.

Парламент открылся здесь в нынешнем году. Лучшим делом и служением его здесь может быть водворение в Японии Православной Христианской Веры. Дай Бог ему исполнять сие его назначение! Без сего к чему он? Японский народ разве сделает материально счастливее? Несчастнее сделает, это верно, ибо и для содержания членов Парламента нужны деньги.

Все десятичные годы доселе встречал в России: 1840 и 50-й — в Березе, 60-й — в Академии, 70 и 80-й — в Лавре; ныне 90-й, — только приходится встретить вне Отечества; дальнейший — где будет? Дай Господи, чтобы тоже здесь, но при господствующей Православной Вере.

10 / 22 января 1890. Среда

Леса почти разобраны — остается малая часть, где поставятся трубы для хибацы пономарям. И хорош же Собор — со всех открыт пунктов Токио! Что он хорошо кажет себя; свидетельство хоть сегодня: были смотреть его секретарь аглицкого посольства Непир (сын бывшего аглицкого посла в Санкт-Петербурге) с женой; у ней сегодня печаль — получена телеграмма о смерти брата, так для утешения муж повез ее в место молитвы — Собор наш, к сожалению, неготовый внутри; но они довольны были и наружным осмотром его и видом с колокольни. — Лишь только я проводил их, явились тоже смотреть Собор — унитариянин из школы атеиста Фукузава, один из трех профессоров-американцев, привезенных сюда Мг. Кпарром, проповедником унитариянства, с женой. На положение его, что «японцы неспособны к религиозности», — я рассказал ему, что наша Церковь, имеющая ныне восемнадцать тысяч христиан, воздвигнута японцами же, ибо наших миссионеров всегда здесь было не более двух, а священники и проповедники все из японцев.

Вечер провел с П. Кодадзима; убеждал его сознать себя виновным в ссоре с о. Титом и Мацумото. Кажется, повинен в тяжком грехе (прелюбодеяния); но Господь с ним! Невьяснен сей грех неопровержимо; поэтому пусть он смирится, омоет себя искренним раскаянием и покаянием пред духовником, — служит опять.

После: не оправдалось, оказался совсем закоренелым. От Стефана Ваинай, жену которого обесчестил Кодадзима и которая хотела поэтому лишиться себя жизни, пришло письмо, наисильнейшим образом констатировавшее грех Кодадзима и не требовавшее ничего более, как чтобы Кодадзима не был признан невинным и не возвращен в Саппоро в качестве катихизатора. Кодадзима дано было прочесть это письмо — истинно

трагическое и до крайности трогательное, — и хоть бы искра сознания и раскаяния! — Отказано было ему от места, посоветовано вернуться домой и исправиться. Согласился и попросил денег на дорогу; дано, и обманул — остался здесь и ныне болтается, увеличил на единицу здешних пролетариев.

2 / 14 мая 1890. Среда

У ворот дня два вечно полицейский. Чтобы значило? Думаю, сегодня разъяснилось. Секретаря Миссии Нумабе позвали в Полицейское Депо и сказали ему, что некто, по имени Иванаи, двадцати восьми лет, из провинции Гифу, имеет убить меня; дали приметы: лицо круглое, цвет белый, волосы курчавые, губы толстые, рост 5 футов 2 дюйма, глаза большие и прочее. — Хочет убить за то, что храм возвышается выше Дворца Императора. Натолкнулись на сего фанатика, разыскивая убийц Reverend Large'a, из Азабу, убитого ворами, доселе не разысканными. Спасибо полиции! Осторожность принял: ночью двери на замок и прочее. Но где же охранить себя, если Бог не охранит? Ныне издали можно убить еще легче, чем вблизи. Господня Воля!

8 / 20 мая 1890. Вторник

Девять человек из оканчивающих курс Семинарии ушли. Причина — должно быть — нежелание служить Церкви, потому что настоящей причины никакой не было. Пять из ушедших такие, что если бы остались и кончили курс, все-таки нужно было бы послать их домой, по совершенной негодности их для служения Церкви, ибо крайне неспособны (глупы, или ленивые), так что собственно не жаль ушедших; но характеристичен факт ухода в том отношении, что ныне нет между воспитателями и учителями Семинарии людей, заинтересованных делом православия: инспектор — Павел Морита — совершенный негодяй по лицемерию; мне всегда рассыпается в усердии по Церкви, ученикам же льстит, и как р[?] льстец, не имеет на них никакого влияния, а может наслаждаться злорадованием, что, мол, досаду причинил мне уходом учеников; учителя-академисты — Мии, Ивасава, Сато — трупы в смысле жизни церковной. Каждый из них мог бы остановить словами: «Что вы затеяли? Да можно ли таким свинством благодарить за семилетнее воспитание!» и так далее. Но — у кого же из этих нравственных церковных мертвецов найдется такое слово!

17 / 29 мая 1890. Четверг

Был на Японской выставке. Rubbish! До осмотра лучше думал о ней. Есть вещи (из религиозных) 1300-летней давности. Русского государства

тогда и в помине не было, когда эти вещи (от которых недалеко ушло нынешнее японское искусство) сделаны. Но ныне Русское государство в два с половиной раза больше Японского по числу народонаселения и прочее, и прочее.

Законную национальную гордость — не японец только, но и русский может вынести с этой японской выставки.

25 мая / 6 июня 1890. Пятница

Мраморные престолы и жертвенники в Собор совсем готовы. Так как во время освящения Собора было бы очень трудно опускать тяжелые мраморные доски и так как, кроме того, по чину святые мощи полагаются под престол уже по освящении престола и по одеянии его, — у нас же для вложения святых мощей непременно нужно приподнять верхнюю доску, под которой посредине и сделано место для поставления ящика с мощами, — то пришлось положить святые мощи под престол прежде освящения храма. Сегодня это и сделано. Приготовлены были для вложения святых мощей три серебряные позолоченные ковчежца для трех престолов, и для поставления этих ковчежцев три каменные ящика, 5 футов длины, 4 фута ширины и 1 ¹/₂ фута высоты. Написано было на трех было на трех листах, — на первом, для главного престола: «Сей Святой Престол, во имя Славного Воскресенья Г. Н. И. Хр. сооружен и освящен, на мощах Святого Мученика Мардария, в лето по Рождестве Христовом 1890»; на втором, для престола правого придела: «Сей Святой Престол, во имя Введения во Храм Пресвятой Богородицы, сооружен и освящен, на мощах Святой Мученицы Евгении, в Лето по Рождестве Христовом 1890»; на третьем, на престол левого предела: «Сей Святой Престол, во имя Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, сооружен и освящен, на мощах Святого Мученика Мардария, в Лето по Рождестве Христовом 1890». Бумаги в конвертах положены в ящики.

В одиннадцать часов собрались в Соборе все находящиеся в Миссии, и отслужено было водоосвящение для освящения ящиков и мест, куда они в престолах должны быть вставлены. В первый раз раздалось в Соборе пение нашего миссийского хора, и он — не велик для Собора, но и не мал; резонанс в Соборе, кажется, порядочный. По окончании водоосвящения и окроплении святой водой престолов, мест в них для святых мощей и ящиков, сказано было мною о значении церковного установления полагать святые мощи под престол — начало его в Слове Божиим: «Видел под алтарем души убиенных» (Апокалипсис), — буквальное выражение и исполнение сего было у первенствующих христиан, строивших храмы на гробах мучеников. Вот и мы также на гробах мучеников утвердили наши алтари; и рассказано было о мученической кончине святого

мученика Мардария в Диаклетианово гонение, 303 года, в Никополе (память 13 / 25 декабря) и о мученице Евгении, пострадавшей в Валерианово гонение, 259 год, — память 24 декабря (5 января); по окончании сказания показаны были всем частицы мощей святого Мардария и святой Евгении; после чего святые мощи окаждены при пении тропаря «Святы мученицы, — добре страдавший» — трижды; затем было поклонение святым мощам и целование ковчежцев с ними; потом — чтобы испытать, кстати, пение с хор — певчие посланы были на хоры, где пропели еще тропарь святым мученикам, молитву Господню и отпуст. Мы с о. Павлом Сато, в облачениях, помазали святые мощи миром, положили по три частицы (одна больше, две малые — в воску вложенными, привезенные мною из России) в ковчежцы, — сии — в ящички, и ящички в заготовленные места в престоле, после чего, разоблачившись, подождали пока при наших глазах рабочие опустили мраморные доски и замазали щели. Итак, Слава Богу, начало священнослужению в Соборе положено. — И да помолятся Святые Мученики Мардарий и Евгения, чтобы Бог благоволил во Славе обитать в сем доме Своем!

К сожалению, мраморные престолы и жертвенники оказались вовсе не так хороши, как я предполагал. Японский мрамор — преплохой — крупнозернистый, ломкий, осыпчатый; лучше бы сделать, как я сначала думал, гранитные. Впрочем, что сделано, за то Слава Богу!

*(Существуют записки от 13 (25) февраля 1893 [1890?] года,
Субботы 1-й недели Великого Поста)*

27 июня / 9 июля 1890. Вторник.

*На японском почтовом пароходе Сайкёо-мару
на пути из Токио в Осака на Собор.*

Миссионерский Комитет при Святейшем Синоде

Прелестнейшее утро: синее, почти совсем спокойное море, голубое небо с небольшими, кое-где ватообразными облачками, придающими к разнообразию [?] и зеленая грань берега справа от судна. После тоокейской суетни — спокойнейшее расположение духа, полный отдых. Но мысли далеко. И мысль, вчера и сегодня рожденная и крещенная в волнах Тихого океана. Если бы дал Бог не остаться в бесплотном виде мысли, а облечься в дело!

Святая Христова Церковь есть мать всех людей — и не знающих ее, блуждающих по дебрям ересей и язычества. Орган ее — Святейший Синод. Но к ересям и язычеству Святейший Синод еще почти совсем не обращается с материнским словом и попечением. Да и как ему сделать это? Органа у него для того нет; и вот этот-то орган нужно основать; это —

Миссионерский Комитет при Святейшем Синоде, наподобие того, как есть Духовно-учебный Комитет.

Миссионерский Комитет должен обращаться к католикам и протестантам в одну сторону и к язычникам — в другую.

Средства для первого рода действий — под рукою, — нужно только уметь употребить их: это наше православное духовенство, находящееся в заграничной службе, при дипломатических миссиях; все люди образованные, даже причетники все — академисты. Ныне они почти ничего не делают, потому что их прямая служба слишком мало времени и сил душевных требует от них. Отчего же эту готовую православную силу не употребить? Как? Во-первых, переводить православные книги, именно такие, какие нужны для предположенной цели — обращения католиков и протестантов в Истинную Христовую Веру; во-вторых — в главных пунктах заграничной жизни и движения, как-то в Париже, Лондоне, Берлине, Нью-Йорке, издавать периодические органы, если не месячные, то полугодовые и подобные, направленные непременно к той же цели; в-третьих — участвовать в заграничных религиозных митингах, чтобы живым словом возвещать православие. Печатать должно на счет специальных для того сумм Духовного ведомства. Для поощрения переводчикам и издателям следует за печатаемое обеспечивать им известный гонорар, будет ли то с продажи изданий, если хорошо идут, или тоже из специальной суммы. — Издатели должны быть непременно русские и с известными уже за границей именами, в чем между нашим заграничным духовенством недостатка не будет. Ибо на заграничных издателях вроде Овербека, Гете католики и протестанты смотрят с предубеждением, как на ренегатов, и потому не читают их беспристрастно (все равно, как у нас ныне смотрят, например, на полуренегата Владимира Соловьева). Но, конечно, не замедля явиться на помощь рожденным православным и обращенные из католиков и протестантов талантливые люди. Словом, работу нужно только начать и иметь терпение поставить на ноги, потом она пойдет неукоснительно и *crescendo* [по возрастанию] успешно — в этом не может быть ни малейшего сомнения.

Но инициатива-то и заведывание — кому должна принадлежать? Если не будет специального органа для того, кто же способен поднять на себе это дело? Заграничные наши — Васильев, Евгений К. Попов, Раевский, разве не были в высшей степени талантливы, трудолюбивы? И однако же чем кончились их единоличные старания? Почти ничем! — Миссионерский Комитет при Святейшем Синоде должен управлять сим делом! Святейший Синод должен ясно предположить себе дело: действовать на католиков и протестантов чрез нас, должен для того назначить в Комитет лиц, соответствующих намеченной деятельности; и если выбор лиц будет удачен, разумное действие и успех несомненны. В Комитете могут быть и светские, например, Илья А. Чистович, и духовные, как протоиерей Парвов, но, во всяком случае, люди несомненной

учености и весьма деятельные и расположенные к деятельности именно в сем направлении.— Ясное развитие мысли об учреждении Комитета должно принадлежать специалистам и администрации.

Через Миссионерский же Комитет Святейший Синод будет действовать и на мир языческий. Для сего назначения в Комитете должны заседать сотрудники Миссий, как о. Феодор Быстров, о. Иоанн Демкин, а также и заявившие себя несомненными доброхотами миссийского дела, вроде петербургского отца философа Ортатского. Через них Комитет и Святейший Синод будут постоянно [...] всех Миссий, знать, что где делается, где в чем нуждаются, а также через них находить достойных миссионерского служения; через сношения их с Миссиями Комитет может всегда знать о состоянии инославных Миссий даже требовать извещений о них, и прочее.

Мне кажется, пока не будет утвержден Миссионерский Комитет (или под каким другим названием подобное учреждение), дело проповеди православия к еретикам и язычникам не будет прочно обосновано.

29 июня / 11 июля 1890. Пятница.

День Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла.

Утром перед обедней

Продолжение вышеозначенного. Действование должно быть письменное и словесное. Письменное слово прочней и шире круг его действия. Поэтому на его преимущественно должно быть обращено внимание. Оно двух родов: периодическое и единовременное. Первое состоит из издания газеты и журнала, второе в издании книг. Первое должно быть в руках заграничных наших священников, хотя им очень могут помогать обращающиеся из местных даровитых людей; второе — писание, или перевод и издание книг может быть занятием всех желающих и имеющих способность на то; дать хорошую плату, так за переводчиками богословских книг никогда дело не станет. Но о первом нельзя сказать этого: там должно быть усердие, ученость, способность и имя, иначе ничего не выйдет, кроме разве позора. Слово православное к внешним должно быть любовное, умное, словом, веское и достойное уважения, такое, над которым бы никто не мог посмеяться, хотя и желал бы того.

Издатели периодической литературы должны в то же время следить и за неправославною литературою и знакомить с нею православный мир, как для сближения, так и для того, чтобы требующее там отпора, объяснения и подобное находило себя соответствующих деятелей в православном мире.

Устное слово ко внешним тоже может быть двойное: на их митингах через посланных от нашей Церкви и на наших собственных соборах,

составляемых со специальной целью сказать материнское слово католикам и протестантам, как были же у нас в последнее время частные соборы, из которых Казанский – именно с целью обратиться матерински к раскольникам. И как можно много сделать через такие соборы! Вспомнить только, как Святые Отцы и Учители Церкви любовно обращались к внешним и как чрез то успевали (например, Блаженный Августин с какою любовью ухаживал за донатистами, чтобы призвать их в Церковь! Кажется, не было снисхождения, которое не было оказано им, кроме разве догматических уступок). И Православная Церковь нынешняя не должна быть скупа на материнскую нежность, ласку и слово.

Доселе мы молча слушаем бахвальство Папства, его будто бы отечества и материнства. Но что же мы, в виду наглости этой злой мачехи не скажем слова истинно материнского? Не грех ли матери дремать и молчать, когда столько детей ее гибнет, или в опасности погибнуть?

***Церкви Хоккайдо.
Посещение 1891 года
с 20 июля / 1 августа***

Тетрадь 1

***20 июля / 1 августа 1891. Суббота.
Из Токио***

После ранней обедни и сборов – в десять с тремя четвертями часа в Иокохаму и в два часа пополудни на Nagato-Maru в путь. Ничего замечательного на судне, кроме обычного неприятного морского (собственно каютного) запаха и вкуса, все прочее было приятно после берегового утомления однообразием. О. Сергей, иеромонах, – проводил до судна. На него оставлен стан Миссии в Токио, ибо о. Сергей – Глебов, старше его опытностью, в Сендае помогает о. Петру Сасагава поднять Церковь.

***21 июля / 2 августа 1891. Воскресенье.
На судне***

В три часа после полудня пришли в Огинохама, где и остановились до утра следующего дня. Пошел на берег прогуляться, но ослабел, ибо от

чая с молоком расстроился желудок; вперед урок: избегать на судне сей поистине отвратительный микстуры. Читал о теософизме сочинения Блаватской о «brothers» — индийских аскетов, будто бы произвольно невидимками являющихся где им угодно. Вечером была музыка, ибо ехали в Саппоро военные музыканты. После музыки явилась на судно Васса Накая с теткой — католичкой. На берегу я искал ее отца и ее под этим именем — не нашел; оказывается, что она в школе была под именем материнской фамилии, а отец ее — Сато. Что сие? Уж не опасение ли в каком-либо смысле — поместить дочь в духовную школу под ее настоящей фамилией? Во всяком случае, следующую дочь (а предвижу, что будут просить) в школу не иначе принять, как на своем иждивении, ибо и состоятелен, как видно, этот Сато, и немалодушен.

22 июля / 3 августа 1891. Понедельник.

На судне

Весь день прекрасная погода. Путешествие морское — из лучших, какие только бывают. Продолжал читать о теософизме, снабженный механиком судна, как видно, человеком любознательным.

23 июля / 4 августа 1891. Вторник.

Хакодате

Было еще темно, когда раздалась на палубе музыка — это старик-капитан, природный швед, натурализованный голландец, с таким шиком проходил мимо стоящих на рейде шести английских военных судов; плохо как-то шик вышел, точно некстати сказанная лесть. Но на берегу ждало меня истинное удовольствие. О. Арсений с некоторыми встретил еще на судне, и с ним на шлюпе я поехал на берег. Каково же было мое изумление, когда увидел на берегу, должно быть, всех хакадатских христиан, собравшихся встречать, — и это в пять часов утра! Впереди же всех — дети, наперед девочки, потом мальчики, разодетые в лучшие платья, с букетами цветов в руках! Нечего делать, нужно было идти в процессе: вперед дети с цветами и дирижирующими им учителями, потом мы с о. Арсением, причем я в том же подряснике, в каком был на судне (если бы знать, надеть бы нужно рясу и панагию), за нами все множество христиан. В Церковь, где о. Петр Ямагаки ждал с крестом; я переоделся до входа в Церковь, в доме о. Арсения. После литии прочтены были два приветственных письма: одно от христиан, другое от школы. Я сказал небольшую речь, в которой главное было воспоминание, как началась Церковь в Хакодате.— После [?] с часу девяти, снимались все в фотографии, группой, на дворе Миссии. Посетил всех в стане Миссии, причем бросилось в глаза следующее: молодые миссионеры (сначала о. Сергей Глебов, потом ныне о. Арсений) слишком уж заботятся об удобствах

служащих и прислуги: помещения для всех здесь (исключая разве начальника школы Матвея Като), можно сказать, роскошные; в Токио не имеют подобного служащие; здесь и для слуги Павла — «это вот его семейная, а это — большая — приемная комната». — Ремонт требуется большой только малярный, как-то: покрасить крышу Церкви, ограду (чтобы не сгнила), школы снаружи и прочее.

Перед вечером сходили на кладбище: наши русские все в тени от разросшихся деревьев, которые я когда-то сажал прутиками; и как мелодично шумят здесь листья, какую добрую меланхолию навевают! Так бы и стоял все и слушал голос своего сердца, требующего упокоения — общей участи всех... Японское — наших русских христиан — кладбище неприятливо совершенным отсутствием тени: только могилы, почти все бедные могилы и трава.

Вечером было собрание попечителей — «севаниквай». Всех здесь двенадцать членов: девять мужчин, три женщины. Председатель о. Петр; главный же из членов — кванрися — Пантелеймон Хингасиура — подал ныне в отставку, и она принята, ибо давно уже просится он вон. И на нынешнее собрание пришел с запахом водки. Больше всех говорил Алексей Иманага, говорил также Матфей Като; все прочие молчали; из женщин отказалась, по беременности, Текуса, дочь о. Сакая. О. Петр довольно деятельным явил себя и на собрании: он предлагал темы рассуждений, он собирал голоса и прочее. Но не совсем, однако, был приговорен к собранию — кое-что тут же рассчитывал и разыскивал, заставляя ждать всех. — Я предложил отныне ходить с тарелкой или кошельком в Церкви для сбора денег.

Говорил ныне с матерью о. Петра Ямагаки, преследующей его жену: звал ее в Токио, ибо, здесь живя, не перестанет, по-видимому, по сварливости и неуживчивости своей, расстраивать семейное счастье о. Петра и производить соблазн в Церкви: ни ласки, ни строгие слова не слушает, и отсюда, говорит, не уйдет.

На собрании попечительства предложил будущей весной всем христианам и христианкам по деревцу посадить на кладбище — тем и замещена будет нынешняя пустота.

24 июля / 5 августа 1891. Среда.

Хакодате

Утром осмотрены здания для определения — что нужно отремонтировать, и сказал сделать вызов маляров, чтобы отдать по подряду работы.

Делал посещения севанинов и всех христиан по порядку дороги. Самый богатый — Захария Яманака: дом на иностранную ногу, но пустует, должно быть, наполовину, сей дом и отсутствуют в нем иностранные добрые приемы и обычаи: уселся сам на диван, а гостей — на стулья; «Знает ли приемная дочь (Вера, дочь брата Алексея, двойня к Сусанне)

молитвы?» — куда он посылает ее, — «учат ли Закону Божию?» — «Священное Писание читают». — говорит, — «есть и уроки», — добавляет дочь. Плохое христианское воспитание и ни йоты заботы о православии! — Дочь Пантелеймона Хингасиура, Анна, воспитанница нашей Суругадайской школы и ныне — учительница в здешней Правительственной школе, рассказала, что какая-то Анисья, наша православная, сделалась наложницей англичанина здесь Hennon'a, — имеет от него двух детей, из коих старший уже ходит в школу; просил я Анну посоветовать Анисье ходить в Церковь и возобновить свое христианское сердце, пусть уже бросит стыдиться своего положения; вероятно, не собственной волею она отдалась в наложницы, — и ныне уже мать детей — только законного благословения не имеет, чтобы быть во всем как и другие честные женщины; получить же благословение не от нее, а от мужа зависит.

Но какие же бедные есть христиане, вроде отца ныне находящегося в Семинарии Алексея Нуокава! Советовал Церкви иметь попечение о таковых.

Павел Канеко с женой Текусой Като — хорошие, по-видимому, христиане. У них — у первых из японцев — видел на столе русский самовар, подаренный им о. Сергием Глебовым, и с удовольствием в три часа при посещении выпил чаю по-русски. Он, кажется, будет канрися в попечительстве; служит он ныне в каком-то банке.

Вечером было «симбокквай» христианок; собрались в доме Женской школы; было до шестидесяти христианок, больших и малых. Говорили сначала девочки, человек восемь; потом Василиса, вдова Лазаря, мать Герасима, плотника; уморила старуха; заставила долго ждать, пока наблюдала себя очками из огромного ящика, потом преплохо читала из Деяний об Анании и Сапфире, пропустила строку, так что вышло непонятно; объяснения почти никакого не сделала, да и какого же ждать от нее! Почти уснула.

Матрена, дочь о. Сакая, жена Кимура, — сказала очень дельно, только конец — приложение ко мне вышел лишний (о любви и людях, — и вот, мол, любовь); Марина, жена о. Петра — о звезде и волхвах, приноврив преуморительно первое ко мне, второе к себе. Угощение чаем и бисквитами; избрание на место Текусы в Попечительство; закрытыми билетами избрана Матрена, сестра Текусы; прием и внос в книгу собранных денег (я дал одну ену). Собрание вышло вообще очень интересным, только было мало оживлено.

25 июля / 6 августа 1891. Четверг.

Хакодате и Арикава

Из пяти поданных соображений (цумориогаки) на малярный ремонт самым дешевым оказалась цумориогаки в 159 ен; непредвиденный расход — но нечего делать! Не для вида и роскоши ремонтируется, а для

того больше, чтобы предохранить дерево от гниения: оставить так еще на год, например, ограду, — наверное, наполовину сгниет, и ремонт потом будет стоить в трое-четверо дороже.

Продолжал делать посещения христиан; среди песков (Николай Коврови), в закоулках и трущобах...

В двенадцать часов обед в приспособленном для обедных угощений доме в публичном саду; кажется, двенадцать христиан сложились, чуть ли не по две с половиной ены с персоны, и сделали сей обед. Не отказался, потому что ропщут: «Спаситель, мол, принимал угощение»; но против всех моих симпатий все подобные демонстрации: расход сей мог бы быть употреблен с несравненно большею пользою для Церкви, притом же обидная тягота и потеря времени с двенадцати до трех продолжалась; всего двое прислуживали, а тут нужно ехать в Арикаву, где с двух часов, по предварительному сообщению, ожидали. Обед, впрочем, был хорош, кроме вин, из коих красное было смесь сандала с чем-то, а шампанское — яблочный квас.

Не дождавшись конца обеда, я бросил, наконец, угостителей, оставшихся доканчивать свое угощение, и отправился в Арикава уже в четвертом часу.

Христиане ждали и усердно встретили. Приехавши еще завидно (на телеге и паре лошадях), отслужили литию; проповедь о Боге — Творце и Отце; потом разговор о церковных делах. Предложено оставить у них Луку Хироока, уже давая ему (кроме пищи от них) три ены в месяц не от Миссии (чтобы не утвердилось уже его положение), а от о. Петра (которому я буду присылать лично от себя, а тоже не от Миссии). Оставлены христиане, чтобы наедине, без стеснения посоветовались. Но не пожелали они больше Луку — так он опротивел им своею леностью; вновь я и о. Петр уговаривали их взять на время для испытания Луку: если он в месяц или два не покажет, что исправился от лени и непостоянства, то тогда и прогнать его нетрудно будет. Но и на это не согласились, а обещали подумать и окончательно решить к тому времени, когда я вернусь из Саппоро в Хакодате.

Небыстро подвигается дело Церкви в Арикава. В 1882 году у них было четыре дома христианских; ныне всего девять. Но что и делать, если никогда не было здесь определенного проповедника; из Хакодате же далеко.

Было и «Симбокквай». Наготовили множество речей — дети и женщины — все с помощью Луки Хироока. Девочки премило сказали приготовленное ими, потом говорили женщины, из коих одна — Дарья — опрокинулась на атеистов, да с такою силою и ловкостью, что хоть бы и проповедника под стать! «Если я», говорит, «не посею пшеницу или рис, так разве вырастет пшеница и рис?» «Как же», говорит, «что мир явился сам собой!» и так далее. Плюше всех говорили мужчины-мужички.

В десятом часу, в темную ночь, отправились в путь и в половине двенадцатого ночи вернулись.

25 июля / 7 августа 1891. Пятница.

Фукуяма

Утром окончили визиты христианам и десять часов были на маленьком пароходе Тамаура-мару, на пути в Фукуяма. Дорогой съеден на судне обед почти из одного риса, отчего я и ныне, на другой день, страдаю несварением желудка и головною болью. Остановились на полтора часа в Фукусима, чтобы сдать триста мешков риса, и в шесть часов вечера прибыли в Фукуяма. На шлюпке встретили катихизатор Симон Тоокайрин, христианин Иерофей Сасаки и мальчик Павел Хиранума (ныне, бедный, так разбивший себе грудь, перепрыгнувши через канаву с подсвечником и свечою в руках, когда шли на кладбище служить панихиду; упал и грудью ударился о стену канавы так, что долго не мог проговорить слово). На берегу ждали прочие христиане. Всего здесь три дома: 1. Иерофей Сасаки – одинокий, хороший христианин, достаточный человек и в городе уважаемый; 2. Стефан Хиранума, проповедывавший православие (хоть не бывший собственно проповедником, а помогавший), потом перешедший к протестантству, потом опять сделавшийся православным, опять затем протестантом, и ныне – православный – таков христианин! У него в доме: жена, четверо детей и старший брат Симеон, ныне лежащий в полупараличе; 3. Иаков, лет двадцати трех, Иоанн и Инна Нитта, бывшая дочь Короо, неофициального князя; христиане новые, неусердные; у них мать сначала слушавшая, потом оставившая слушать христианство. Итак, всех христиан здесь, в трех домах, с младенцем, одиннадцать душ. Симон Тоокайрин уже месяца четыре здесь и живет в гостинице, ничего не делает; только после посещения о. Арсения, с месяц тому назад, несколько принялся за дело: начал по праздникам совершать с христианами общественную молитву в доме Стефана Хиранума – бедном, но большом и удобном для того, для Богослужения, научил несколько петь двух девочек, Хиранума и Инну; есть еще, говорят, два новых слушателя.

Остановились мы с о. Арсением в гостинице Уено, очень чистой (здесь же и Тоокайрин живет); переоделись и отправились в дом Стефана, где собрались все христиане. Отслужили литию, сказано поучение, испытаны дети в знании молитв – знают хорошо только «Отче наш»; даны им иконки Божией Матери из Сергиевского монастыря. Совещались о Церкви. Я сказал, что завтра (или послезавтра), когда пароход будет отправляться в Есаси, принадлежащую также Симону, и если там больше найдется новых слушателей, то Симон останется жить там, а сюда будет только наведываться, как это обыкновенно делается катихизаторами, у

которых не одно место проповеди, но что, если здесь Симон должен будет удержаться, то здешние христиане должны позаботиться снабдить его квартирой и найти ему слушателей. Убеждал прямо Иерофей приплачивать на квартиру то, что окажется недостающим к двум енам, идущим от Миссии. Иерофей и другие обещались находить слушателей, и Иерофей также позаботится о квартире. Говорят, здесь очень сильны еще бонзы буддизмом, поэтому нельзя найти квартиру для христианского проповедника. Что буддизм здесь еще не совсем упал и что христианству войти сюда довольно трудно — это верно: здесь город консервативный, не развивающийся, а падающий, затихающий; элемента будущего, хотя в то же время и развращающего, — элемента наплывного, какое всегда приливает и отливает в местах развивающихся, нет. Но зато здесь нравы мало испорчены, постоянство есть, если кто примет христианство, так будет прочно держать, как хоть бы тот же Иерофей.

Дал иконку Великомученика и Целителя Пантелеймона расслабленному Симеону и рассказал ему и всем бывшим о жизни Святого Пантелеймона.

27 июля / 8 августа 1891. Суббота.

Фукуяма

Утром осматривали город мы с о. Арсением с сопровождении Симона Тоокайрина, причем он, однако, видимо, уклонился от лишних хождений, что вместе с длиннейшим когтем на его мизинце также служит показателем его обленелости. От крепости Мацмайского князя осталась башня, сад княжеский обращен в публичный. За княжеским местом храмы и кладбище, между прочем, княжеское, где мы видели старушку, приносящую цветы покойникам князьям или княгиням. На общем буддийском кладбище есть крест, хотя и одинокий, над могилой жены Иерофея Сасаки; другая христианка, подряд похороненная, — мать его. Здесь в девять часов сегодня отслужена была панихида, ибо завтра память жены Иерофея; служил, и очень хорошо, о. Арсений; пели тоже недурно. В первый раз в киокуо; нужно будет, наконец, и в Токио начать провозглашать это на панихидах. — После опять несколько походили по городу. Были в доме Якова и Иоанна Нитта: среди зелени фруктового сада, — премилое помещение, хотя запущенное — бывшее Бе оо Куароо. Болит голова от несварения желудка! И вот ныне кончаю сие в третьем часу дня.

С семи часов вечера служили вечерню в доме Стефана Хиранума. О. Арсений очень хорошо служил; пели: Симон и две девушки в один голос хорошо; к сожалению, Яков, что с Симоном живет, портил бойким, но совсем невлад пением. После службы Тоокайрин Симон рассказал житие Моисея Мурина, святого, празднуемого завтра, и рассказал

дельно, ясно, живо и с применениями. После я рассказал историю Товита; так как много собралось детей — большие же были только наши христиане — то хотелось рассказать что-нибудь приятное детям и понятное им, вместе полезное и большим; оказалось — для детей — бесполезно: в течении рассказа все разошлись, — видимо, неинтересно было для них, а может, и непонятно. — Прощаясь, дал Стефану Хиранума две ены устроить завтра всем после обедницы чай.

28 июня / 9 августа 1891. Воскресенье.

Фукуяма

С семи часов утра были часы, тоже в доме Стефана Хиранума: прочитали Третий час и отслужена обедница. После Симон Тоокайрин сказал поучение на чтение из Апостола, я — на Евангелие. Был из чужих только один протестант — кажется, единственный в Фукуяма (методист, католики тоже здесь только случайные — проповедников их нет). После был чай с печеньем. Предложил я Стефану в помощь его бедности взять его дочь, двенадцати лет, Веру, в нашу Женскую школу в Токио; но ответа он еще не дал. Дал потом жене его пять ен на платья детям, ибо больно уж бедны они — между тем общественная молитва в их доме стоит некоторого вознаграждения и эта услуга их Церкви; дано певшим по пятьдесят сен, да и прочим детям Стефана несколько. Ныне ждем парохода, который должен быть в четыре часа, и тотчас же отсюда направиться в Есаси. Вот неудобство путешествия по глухим местам: можно застрять надолго на одном месте по невозможности выехать, между тем как нужно торопиться; так и здесь вот два дня потеряно почти даром, но для церковных дел достаточно было вечера пятницы. Приход и уход здесь пароходов совсем неопределенный, ибо они занимаются грузом, а не людьми.

В четвертом часу с сопровождении всей Церкви, поместившей нас на небольшой лодке, отправились на пароходике «Ицимару». Классов здесь нет, а помещаются все пассажиры наверх — на палубе, и внизу где-то, есть, стало быть, один третий класс; мы заплатили по 90 сен все трое: о. Арсений, Симон Тоокайрин и я, и поместились на циновках, недалеко от трубы. Долго ждали капитана с берега; потом, когда пошли, оказалась порча в машине, так что нужно было опять вернуться к берегу, стать на якорь и поправиться. Капитан оказался очень добрый — все звал в свою каюту, в которой, впрочем, по малости ее, поместиться оказалось весьма неудобным, и потому мы предпочли остаться на палубе; вечер был теплый, качка малая, тент закрывал от сажи из трубы, и потому мы порядочно отдохнули. В двенадцать часов ночи бросили якорь в Есаси; на берегу встретили двое христиан: портной Тихон Аояма и старьевщик

Фома Оомори, и провели в гостиницу, где мы после небольшого разговора с братьями отпустили их и заснули.

Стефан Хиранума в Фукуяма, пред прощанием пришедши, вместо одной дочери просил двух принять в школу – среднюю еще, Надежду, кроме Веры, о которой я говорил ему; несколько затруднил сей просьбой, и я сказал, что могу сделать это не иначе, как если он будет вносить за Надежду две ены в месяц, кроме платья, конечно, о котором он и сам сказал, что будет доставлять.

29 июля / 10 августа 1891. Понедельник.

Есаси

Христиане здесь следующие: 1) портной Тихон Аояма из Хакодате с женой и четырьмя детьми, из коих старший учится портняжеству в Хакодате, и Михаил Номура; живет небедно; христиане он и жена – довольно хорошие; 2) Иоанн Оомори – фотограф, из Кеманай, когда-то служивший немного Церкви в качестве катихизаторского помощника, по рекомендации Иоанна Сакая; у него жена Марина и четверо детей, из коих старший – шестнадцатилетний, убежал в Хакодате учиться чему-то; живет, по-видимому, не бедно, но христианства в душе мало являет; ссорится с Тихоном, – по-видимому, просто из гордости, врожденной ему яко самураю; 3) брат сего Иоанна, Фома Оомори – одинокий – когда-то бывший несколько времени в Катихизаторской школе, старьем торгует; 4) полицейский Иоанн Уеда, с женой и двумя детьми; ныне лежит больной, ибо сломал руку, упав с лошади; христиане плохие, маленькая иконка едва лепится на стене среди всякого безобразия; дочь Юлия, одиннадцати лет, молитв не знает; 5) Кирилл Мидзумаки, ученик младшего класса нашей Семинарии; отец его – учитель еще язычник, мать тоже; родом они из Фукуяма; 6) полицейский Павел Иноуе, служит в Томари, в одном ри от Есаси, – усердный христианин; жена его и дети еще не крещеные, и первая враждует против христианства; отец хотел крестить ребенка, а мать его увела и не дала крестить. Вот и все. Один только Иноуе – плод катихизаторства здешнего: от Моисея Минато слушал учение и крестился; все прочие – приходные, из разных мест.

Вчера мы просили Тихона и Фому собрать братьев к семи часам, или не позже восьми, в доме Тихона, чтобы вместе помолиться и поговорить о церковных делах; куда! Едва к одиннадцати часам собрались, да и то, кроме семьи Тихона, только Фома и Кирилл. Видимо, Иоанн Оомори в большом разладе с Тихоном, если даже и сегодня не хотел прийти к нему вместе молиться. Отслужили обедницу, сказано поучение; слушателями были еще один протестант и один язычник, расположенный к христианству чтением Сейкёо-Симпо. После пошел я к Иоанну Оомори: «В дом Тихона молиться не пойду», – говорит. – «Отчего?» – «Любви

братской у него нет».— Оказалось потом, что когда Тихон однажды по делам поехал в Хакодате, то не дал знать о том Иоанну, а у сего были поручения; он, Тихон, как выяснилось потом, не дал знать потому, что отправлялся внезапно — времени не имел дать знать; и все-таки «любви нет».

В два часа собрались у меня в гостинице братья, чтобы поговорить о церковных делах. Были, кроме нас троих, Тихон, Иоанн Оомори, Павел Иноуе и Кирилл. Рассуждено и определено два правила: 1. Говорить катихизатору Симону учение уже собранным шести-семи слушателям в Фукуяма, пока раз [?] протолковано все Осиено Кангами, и стало быть слушатели, имеющие уверовать, будут приготовлены к крещению. Потом Симону перейти в Есаси, чтобы сделать тоже для слушателей здесь, к тому же времени здешние братья постараются найти ему слушателей. Таким образом, Церковь в обоих местах с помощью Божией будет расширяться (а не так, как прежде я думал) — жить в месте, где больше слушателей — в другие же наведываться в месяц или два месяца раз — только для христиан; Павел Иноуе предложил вышеозначенную лучшую меру. 2. В то же время, когда катихизатора нет в Есаси здесь тоже должны совершаться общественные молитвы по субботам и воскресеньям — поочередно в домах христиан, чтецом же молитв будет Иоанн Оомори. Смотри Правила, написанные в четырех экземплярах: один для меня, другой для о. Арсения, который наблюдает за их исполнением, третий для катихизатора Симона, четвертый оставить здесь для братьев; ко всем приложены печати.— По окончании сего дня помирены были Иоанн Оомори и Тихон Аояма — дай Бог, чтобы навсегда.— После мы с Павлом Иноуе отнесли составленные правила к полицейскому Иоанну Уеда — он, прочитавший, тоже приложил свою печать. Формы все время почему-то не было видно. Вечером в семь часов отслужена вечерня в доме Иоанна Оомори; были, кроме его семейства, Кирилл, Тихон и девочка — дочь Уеда; могли бы быть жена Уеда (два раза за ней посылали, не пришла), Фома, дети Тихона. Как раки — ползут врозь, как не собирай! По окончании службы сказал небольшое поучение — вместе катихизатору и христианам, что служба в подражание служению 70-ти Апостолам, последние же должны подражать Акиле и Прискилле, которые помогали распространять Церковь Христову.

Погода весь день была дождливая; осмотреть Есаси в свободные часы не было никакой возможности.

Все более и более нахожу о. Арсения способным к миссионерству: во все входит, думая; не тяготится трудом; радуется и болеет о Церкви; в японском языке удивительно успел — все может высказать, и все его понимают, несмотря на то, что еще далеко года нет, как приехал.

Симон же Тоокайрин — сомнительный катихизатор; способность и знание есть, но ленив и безучастен; теперь несколько одушевился, но надолго ли, Бог весть!

*30 июля / 11 августа 1891. Вторник.
Есаси. На дороге в Суцу*

Обещали в пять часов утра судно в Суцу, а теперь восемь часов, о судне же и слухов нет.— Фома заявлялся донести, что у него был вчера понос; впрочем, цвет лица здоровый — значит, за состояние его здоровья Церковь может быть спокойною,— ура! А судна все нет; ах, беда! Время-то не терпит.

Двенадцатый час дня, а судна все нет. Осмотрели город: довольно хороший вид на город, море и дальний берег с горы, где Сёконся; там же памятники погибших империалистов в сражении, в семи ри отсюда, по дороге в Хакодате; между прочим, и памятник Оя<...>ду, ученика Кирилла Мидзумаки,— полковнику (тайчё), убитому в сражении. Если бы ясная погода, то живописны были бы два маленькие островка у берега с маяком на одном. Заморосил дождь, и мы должны были по липкой грязи вернуться домой. От скуки пошел в ванну, здесь же в гостинице — общественную; ванна чистая, людей еще никого не было в ней,— и что за прелесть! Просторная, хоть плавай в теплой воде; в первый раз за тридцать лет в Японии вчера и сегодня мылся в общественной ванне (без человека, впрочем, посторонних, по раннему часу); Есаси будет помниться в этом отношении — нигде не был в такой ванне, даже дома нет такой; ванная легкими перилами разделена на две части — мужскую и женскую, обе части совершенно открытые одна для другой, чего в Токио уже нет, кажется.

Кроме Фукуяма и Есаси, Симону Тоокайрину еще подлежат следующие христиане:

1. в Омонай, четыре ри от Есаси, торговец Иосиф Нозаки с женою и тремя детьми.

2. в Кудо, пятнадцать ри от Есаси, но по морю (значит, два-три часа), Яков Ямамото (из Вакуя) с женой и племянником.

Итак, в ведомстве Симона Тоокайрина ныне: в Фукуяма четырнадцать христиан, в Есаси пятнадцать, в Омонай и Кудо восемь,— всего тридцать семь, с детьми.

А могло бы быть гораздо больше, если бы трудился,— давно уж здесь, но перст об перст не ударил. Посмотрим, что будет дальше, обещает трудиться и стяжать новых христиан в Фукуяма и Есаси, с теми же, что в Омонай и Кудо, письменно сноситься и ободрять их. На надзор о. Арсения большая надежда.

В шестом часу вечера сели на пароходик Ситокумару — прескверный, с грубейшим капитаном; взяли билеты первого класса по 1,80 ен до Суцу, но в первый класс нельзя было войти, ибо вход завален рисом, поместились на крыше, но стало порядочно качать, опасно было, что сбросит в море, притом становилось холодно и пошел дождь, я обратился к капитану с просьбой дать помещение под крышей: «Дай 1 ¹/₂ ены с человека —

будет помещение», — говорит; настоящий разбой! Мы предпочли поместиться под тентом на грязной палубе, у входа в рубку, ибо больше не было места; дождем мочило, из грязных циновок налезло блох, так что заснуть невозможно было; чемодан подмочило, — словом, дряннейшая была ночь.

31 июля / 12 августа 1891. Среда.

Суцу

В семь часов утра пришли в Суцу. Христиане с катихизатором Петром Юмура во главе, на большой лодке и с флагами в руках: японским солнцем и красным крестом, встретили их у парохода. Больше всех, по-видимому, обрадовались маленький Тит Косияма и его мать Софья. Другие христиане ждали на берегу. Зашли мы с о. Арсением в гостиницу помыться и переодеться, и сейчас же — в Церковь; отслужена лития, сказано поучение, отобраны сведения и состоянии Церкви, испытаны дети в знании молитв. Церковь приятно поразила меня своею устроенностью. Здание крестообразное с алтарем на восток и помещением для катихизатора на запад; поместиться могут молящихся человек сто пятьдесят. Построил ее Ефрем Оотака, старый торговец, своими средствами. Иконы: за престолом — Воскресения, большая хромофотография, что о. Владимир привез; по стенам — священные изображения: крещения, воскресения и прочее, всего восемь во всей Церкви. Престол, аналои стоят все в японских парчевых облачениях, хотя уже состарившихся. Снаружи только церковка непримечательна, особенно стоя подряд, только чрез дорогу, с великолепным зданием японской школы, смотрит она уж слишком легким и простым зданием, с крышей дощечками и без цветка или какого-либо украшения кругом.

Тетрадь 2

Христиан в Суцу, в шестнадцати домах, сорок один человек; новых слушателей четыре-пять надежных; ослабевших в вере два: один сделался гадальщиком, другой, Евфимий Сато, бывший когда-то даже в Семинарии некоторое время, актером; в Церковь не ходят, стыдятся, но на стороне, в споре с язычниками не перестают стоять за христианство, проповеди, во всяком случае, не мешают. Христиане здесь: доктор Дмитрий Иото (приемный сын Якова Иото, что в Хакодате) с женой — усердные христиане (прочем, побоявшиеся крестить зимою своего первенца, «де — простудится», и первенец некрещеный помер); Николай Ямабе, брат бывшего катихизатором Родиона, делающий метеорологические наблюдения на правительственной метеорологической станции здесь, тоже женатый — жена учительницей в школе, еще несколько

чиновников и торговцы. Живут между собою мирно; только Матфей Такахаси, бывший здешний кочёо, ныне взявший отставку и предполагающий заняться частными делами, и Марья — старуха, жена Акима, из Синано, — зовущая себя Магдалиной, нарушают иногда мир заносчивостью, сплетнями и прочими другими. Матфея Такахаси я здесь не видал, он ныне в Саппоро, а Магдалина, старуха — властная, сразу же являющая себя матушкой игуменьей; всюду меня сопровождала и прежде всех все выкладывавшая; к счастью, она с мужем скоро уезжают в Синано.

Катихизатор Петр Юмура оказывается несравненно лучшим, чем я о нем думал — думал я плохо о нем, потому что он почти никогда не пишет ко мне. Человек он, прежде всего, глубоко верующий, как видно; потом и вместе потому — усердный к своей службе; оттого у него на счету все христиане, находящиеся в его приходе, хотя рассеянные на очень большом пространстве. — При совершении литии меня также поразила правильность пения здешнего хора: человек восемь детей и девушек с Марией — женой Юмура, в один голос так правильно пропели «Царю Небесный» и «Отче наш», что лучше нигде не пропоют; впрочем, «Достойно» пели совсем неправильно и некрасиво. Звал сюда когда-то о. Тит учителя пения из Хакодате, который несколько и направил пение, но жаль, что не научил большему. — Дети по испытанию оказались знающими «Отче наш»; даны им иконки Божией Матери и сказано, чтобы выучили «Богородице Верую» и «Десять заповедей».

Юмура заранее приготовил маленькую статистическую ведомость о своем приходе. В ней значится:

	Христ. домов	Христиан	От Суцу
Суцу-маци	16	41	
Тарукиси-мура	2	5	25 чё
Куромацунай-мура	6	31	4 1/2 ри (50 домов всего)
Саккай-мура	2	6	2 ри
Утасима-мура	2	9	3 ри Симамаки-коори
Нагатоё-мура	1	3	6 1/2 ри
Сикотан	1	1	5 ри Исоя-коори
Иванай		6	12 ри
	Всего	102	

В десять часов отправились посетить братьев, к полудню посетили всех; последним был дом Николая Ямабе, где с метеорологической башенки был отличный вид на Суцу и окрестности; залив Тарукиси был бы

отличным рейдом для судов, если бы не был открыт северным ветрам. На противоположном берегу тянется нить рыбацких домов по берегу мили на четыре; там живет из христиан Павел Нономура, старший брат катихизатора Иоанна.

После обеда (рис с картофелем и фасолевыми стручками) отправились в деревню Тарукиси посетить два дома христиан; один — не дом, а шалаш, — Матфея Сато из Санума, родственника Петра Сато; жена и ребенок христиане, отец и мать еще не веруют; другой дом Елисея — рыбака, сам крещен, жена не верует. Дорогой Петр Юмура рассказал о внутреннем состоянии Церкви, также об имущественном состоянии ее. У Церкви есть земли огородной один чё шесть тан; куплена года четыре назад за тридцать ен, собранных со всех христиан, но дохода с этой земли христиане доселе не видели, а есть ены четыре; Матфей Такаха-си, которому поручено было заведывание землей, не давал отчета о ней. Есть двадцать ен, ныне собранных, по предложению о. Тита — это собирали на орган для обучения хора. Ныне — на расходы по Церкви: освещение и тому подобное собирается ежемесячно по десять сен с десяти человек, всего одну ену. Вот и все. На пищу или на что другое христиане не доставляют Петру Юмура ничего, он с женой довольствуется только тем, что получает от Миссии.

Вечером предложено было: отслужить вечерню, сказать поучение и сделать симбокквай, на котором здесь христиане и христианки говорят приготовленные речи совместно, первые прежде, вторые после. Но окрестные язычники заявили желание слушать проповедь, поэтому сказано было прежде всего слово к язычникам, которых собралось почти полная Церковь; сначала говорил Юмура на тему «Начало Премудрости — страх Божий», и говорил очень порядочно, потом я — начальное слово язычникам. По окончании проповеди отслужена вечерня, но делать собрание уже оказалось поздним — было десять часов, все были утомлены, ибо встали для встречи еще до свету. Поэтому положили сделать симбокквай завтра вечером.

1 / 13 августа 1891. Четверг.

В Суцу и Куромацунай и на дороге в Иванай

Утром отслужил о. Арсений панихиду для одного христианина, пришедшего с дочерью издалека повидаться с нами; панихида была по его шестнадцатилетнем сыне, погибшем на пароходе, где утонуло больше двухсот человек разом; молодой человек бежал из родительского дома в Хакодате, чтобы учиться чему-то, и на дороге так несчастно погиб. Потом поехали мы в Куромацунай: о. Арсений, Петр Юмура, его жена Марья и я.

Дорога шоссейная, сделанная до Хакодате, куда ходят отсюда дилижансы. Приехали около полудня; христиане еще не собрались; ожидая, покупались в речке, пообедали картофелем и рисом. Когда собрались христиане, отслужена литгия, сказано небольшое поучение, под крик и рев ребят, и посещены христианские дома. Крестьяне живут безбедно, хоть и богатства не видно. В каждом доме есть аналой пред иконами, прилично поставленными, ибо христиане, по наставлению Юмура, собираются для воскресных общественных молитв поочередно во всех домах. Дух благочестия в христианах замечен, хотят уже и молитвенный дом строить; в прошлом году заготовлен был для того ясень, но в разлив реки унесен водой. Дома деревни разбросаны вдоль дороги на малом пространстве — и всех их домов пятьдесят.

Отправясь в три часа обратно, заехали в Саккаи-мура и Давиду Куриягава, учителю дешней школы с бойкой маленькой женой и тремя ребятами; этот Давид был когда-то в Катихизаторской школе, но вышел по болезни глаз; ныне христианство соблюдает и даже распространяет; под его влиянием обращен один бывший тоже учителем, ныне зажиточный житель здесь. Жена Давида угостила в школьной зале кофеем и яблоками.

Вернулись домой усталые, ибо лошади были такие трясушки и такие ленивые, что можно было измучиться от погонянья и от сиденья.

Стали угощать христиане ужином — и опять картофель и еще картофель; насилу уже Варнава догадался дать кусочек рыбки; картофель, правда, в сих местах хорош и вкусен, но Демьянова уха тоже была вкусна.

В семь часов открылось братское собрание: говорили сначала мальчики — из Священной истории, потом большие свои нехитрые речи, затем девочки читали по книжке из Священной истории; но по книжкам читать не следовало бы, а нужно готовить свое собственное, хотя и при помощи книжки. На половине речи Веры Косияма (невесты Моисея Сато, апрекаря, младшего брата жены о. Тита) пришли сказать, что нужно ехать на пароход, идущий в Иванай немедленно. Собрание было прервано, и христиане всех обществ отправились провожать нас с о. Арсением и Юмура на судно; мальчики — Тит Косияма и Николай Такахаши — несли флаги с фонарями наверху, и для них это было больше чем для всех занимательным событием; «Омосирой», — говорил Николай Такахаши.

Пароход «Гунгёмару» оказался с каютой для первого класса и вежливым капитаном; в каюте можно было отдохнуть от дневной усталости, хоть и набраться вместе с тем, как после оказалось, самых дрянных насекомых. В двенадцать часов ночи бросили якорь в Иванае, и рады были, что нашли комнатку в постоялом доме, хоть и с говорливыми соседями.

2 / 14 августа 1891. Пятница.

Иванай и Отафу

В Иванае рано Петр Юмура привел к нам Стефана Ваинай (одноглазого, бывшего некогда катихизатором, теперь здешнего чиновника), с женой Меланией, и Лию — мать Иоанна Нономура, катихизатора; из остальных христиан — полицейский, какой-то под влиянием протестантства, ослабевший в вере на службе, — другие два тоже не могли явиться. Приятно было увидеться с Ваинаем, но оставаться долго здесь незачем было, и мы, простившись с христианами и еще с одной женщиной с ребенком, готовящейся к крещению и подоспевшей к прощанию, отправились дальше на том же пароходике — «Гунгёмару» — в восьмом часу утра. — Город Иванай меньше Суцу, тоже новый, и по заливу от него налево, также, как и там, виднеются большие рыбацкие селения. Если бы был катихизатор, и здесь бы было дело; Юмура же, имея больше в Суцу и Куромацунае, может разве изредка посещать Иванай.

По дороге в Отафу хорошая погода дала возможность любоваться гористым и скалистым берегом Эзо. В шестом часу бросили якорь в Отафу. Отафу — новый, но уже большой город, должно быть, третий после Саппоро и Хакодате. Здесь склад угля, за которым приходят пароходы; отсюда железная дорога в Саппоро. По большой улице много движения, постоянный грохот телег и дилижансов — с упряжью по-русски — с дугой; телеги тоже, кажется, из России заимствованы.

Мы с о. Арсением поместились в японской гостинице, поужинали по-японски, и он пошел найти кого-либо из христиан, чтобы сказать завтра собраться у кого-либо для молитвы и свидания; но вернулся скоро с катихизатором Петром Мацумото, доктором Марком Сибуя и Матфеем Такахаси, бывшим чиновником из Суцу. Так как ныне поздно собираться, то условились — завтра в семь часов утра в доме Иоанна Танобе собраться для молитвы и собеседования. Вечером я долго говорил с Павлом Мацумото: совсем опустился человек; лень, упадок духа сказываются в каждой фразе; еще деньги везде тычаться; из-за недостатка денег, мол, ничего не мог сделать; и это при содержании в двенадцать ен и квартире в пять! Не знаю, можно ли его поднять и направить.

3 / 15 августа 1891. Суббота.

Отафу и Саппоро

В семь часов была назначена молитва, но едва к девяти часам собрались, и то не все. Сидя без дела и ожидая, пока приплетутся братья, как тут можно сохранить ровное и спокойное состояние духа, столь нужное миссионеру! Отслужена была лития, после которой я снял омофор и епитрахиль, ибо не на чем было сесть. Усевшись на полу, я пытался

сказать приличное поучение братьям, но потеряно было спокойствие духа; похвалил я братьев за то, что они, будучи доселе рассеяны и не видя священника, не слушая учения и лишенные в Святых Таинствах, тем не менее сохранили христианство в душе, так что при первом зове пастыря (о. Арсения в прошлую поездку) собрались вместе и составили одно стадо, хоть и очень маленькое. Затем очень укорил катихизатора Павла Мацумото, что он не заботился ни на волос доселе о христианах в Отару, и сказал, что отседе этого не будет: катихизатор должен или служить и заботиться обо всех в его приходе, или бросить службу; пусть христиане знают, что, если катихизатор ничего не делает, то не с одобрения Миссии. Слушателей здесь христиане обещают человек десять, поэтому сказано им, что если в Саппоро будет меньше, то Мацумото перейдет сюда приготовить слушателей к крещению, потому, если в Саппоро соберутся слушатели, проповедывать там и так далее, что катихизатор, одним словом, должен неусыпно заботиться не только о христианах, но и о распространении Церкви, только пусть сами христиане помогают ему в этом, как помогали Акила и Прискилла первоначальным проповедникам.

Дома христианские здесь, в Отару, следующие: 1. Иоанна Танабе, который был когда-то в причетнической школе, потом чиновником в Токио и Хокайдо; у него в семье: жена и сын — протестанты, но которых он просит присоединить к православию, жена — тоже просит об том; мать — протестантка; 2. врач Марк Сибуя, когда-то (двадцать лет назад) бежавший из дома в Хакодате учиться вере, но отосланный мною домой: «Приди-де честно, а не беглецом», что он доселе помнит и, по-видимому, ценит; у него жена и две маленьких дочери — христианки; 3. Борис Абе, учившийся в Семинарии, потом служивший военным; ныне здесь полицейским, с женою и дочерью — христианками; 4. Илья, служащий на чугунке слугой и также содержащий лавочку, с дочерью христианкой; 5. Елисей — тоже слуга на железной дороге; 6. Василий Ямада, когда-то на Суругадае, в школе, бывший слугой; 7. фотограф Миура, приживший ребенка со свояченицей (беременная — где-то теперь готовится родить); к сожалению, о. Арсений, по неопытности, разрешил и приобщил его, — между тем, как такими христианами хулился здесь имя Божие — и их нужно бы отлучать на значительное время; жена Миура не хочет слушать учения именно из-за подозрения, что она согрешила с Моисеем Минато, бывшим здешним катихизатором; 9. когда мы посещали христиан, то на дороге нашелся еще один — Иоанн из Оосака. Да, вероятно, найдутся и еще здесь наши христиане.

По окончании собеседования с христианами посещены были их дома (только не Миура, кстати, не пришедший на собрание, а также и Андрей, тоже не бывший). Пошел дождь; улицы Отару растворяло грязью; невозможно было воспользоваться остатком времени, чтобы обозреть город с какой-нибудь возвышенности.

В четыре часа отправились на телегах на станцию чугулки, чтобы отправиться в Саппоро. Целый час пришлось ждать, пока поезд отправится, то есть вместо четырех с половиною часов по расписанию поезд отошел в пять с половиною с лишком. В темень и дождь прибыли в Саппоро, где на станции, однако, ждали собранные братья и сестры. По приезде в дом катихизатора Павла Мацумото, уже в половине девятого часа, отсужена была вечерня, сказано слово на текст: «Мир вам» — слова Спасителя, — о мире с Богом, людьми и своею совестью, данной нам от Спасителя. В половине одиннадцатого братья отпущены, и мы с о. Арсением остались ночевать в церковном доме вместо где-то предназначенной квартиры в гостинице на иностранный лад, где по три ены нужно за день платить.

4 / 16 августа 1891. Воскресенье.

Саппоро

Воскресное Богослужение совершается здесь в десять часов утра. Десятка полтора собралось. Отслужили обедницу; пели Мацумото и трое с ним в один голос стройно. Проповедь Мацумото сказал на Евангелие преплохую. Евангелие об умножении хлебов, а он свернул на чудеса вообще, что-де «смеются» язычники над чудесами в Евангелии, и размазывал это широко, и три раза принимался размазывать, а в опровержение язычников не сказал ничего; утверждал, будто Адам мог творить чудеса. Плох он — катихизатор, бездарен, совсем недостаточен, особенно в Саппоро, где много школ и развитой молодежи; один из сей здесь же сидел с нехорошим лицом, совсем сомневающийся, говорят, — а Павел Мацумото ни на волос не способен вывести из религиозных сомнений. Кстати, и жена, у него Марья совсем вялая, прямо видно, нерасчетливая (дал я две ены купить всем нам четверым, мне с о. Арсением и им двоим, обед, сказав что тут же и на ужин, а она на все две ены купила обед только) и не идущая к положению катихизатора; красивая — барыней бы ей быть, дочь Кото, Мацумайского князя, но управляет маленьким хозяйством так, чтобы все выходило хорошо дома и поучительно другим неспособная; ребятишки их — две плаксивые девочки, тоже не красят дом, где молитва и проповедь. Вывести бы его куда в простое место, где он простым, неученым людям мог бы объяснять вероучение — только куда? И кого на его место?

Я сказал о необходимости христианского усердия (нессин). Затем было долго говорено о делах Церкви — уяснено, что назначение катихизатора не только хранить сущих христиан, но и приобретать новых, стало быть, Павлу Мацумото ныне нужно перейти на время в Отару, где уже есть ныне же десять слушателей, если в Саппоро ныне оных совсем нет, как заявлял сам Мацумото. Христиане не нашлись против этого

возразить, ибо говорят и сами, что ныне прямо действительно нет новых слушателей, «хотя, если постараться, найти-то оные найдутся». На это говорено было христианам, что они должны заботиться об отыскании новых слушателей, что везде, где Церковь начинается, все христиане заботятся о распространении Церкви и так далее. И обещано было, что если христиане соберут двенадцать новых слушателей, то в Саппоро прислан будет другой катихизатор, хотя оного ныне и не имеется в виду — «Христос поможет найти нового катихизатора, несомненно, если поможет отыскать новых слушателей»; предложено было христианам даже написать это условие на бумаге — что они охотно и приняли. Далее, так как доселе в Саппоро не учрежден еще приходской совет («гиюу»), то предложено христианам в исполнении 15 и 16 Правил для катихизатора избрать четыре-пять человек «гиюу»; христиане охотно согласились и на это, и положили собраться сегодня же с пяти часов для избрания членов совета и определения их обязанностей.

После обеда посещены были дома христиан; Марк Абе живет accurately; Василий Тамура, содержатель номеров для служащих на железной дороге, — тоже. Обилие яблочных садов в Саппоро приятно удивляет; множество домов с окнами напоминает американский молодой город.

Вместо пяти христиане собрались в семь, и то немногие, тем не менее избраны были пять членов совета из мужчин, трое из женщин. Для избрания председателя, казначея и прочих положено собраться завтра в семь часов вечера, ибо сегодня уже было поздно за множеством словоизлияний при избрании членов.

5 / 17 августа 1891. Понедельник.

Саппоро и Отару

С утренним поездом мы с о. Арсением и Павлом Мацумото отправились в Отару, чтобы сказать, что Саппоровская Церковь согласна на временный переход Мацумото в Отару и чтобы утвердить его положение там.

Остановясь в доме врача Марка Сибуя, оо. Арсений и Мацумото пошли собрать к часу пополудни на заседание христиан, я же — взглянуть на город с одного из пригорков. В двенадцать часов мы пообедали у Сибуя рисом с угрями; с часу началось собрание. Христиане с радостью приняли заявление, что Мацумото переходит к ним, обещались немедленно представить ему обещанных десять слушателей, а также позаботиться о квартире; я обещал от Миссии, если потребуется, помощь здесь катихизатору на квартиру до двух ен; в этом смысле составлены были условия и подписаны здесь же христианами. Чрез день-два Мацумото должен совсем перейти в Отару, оставив семью по-прежнему в церковном

доме в Саппоро; в продолжении четырех-пяти дней затем должно быть найдено помещение для него в Отару, о чем обещался особенно позаботиться Иван Танобе (бывший когда-то в катихизаторской школе), и немедленно же должна быть открыта проповедь. В половине пятого мы отправились по железной дороге обратно в Саппоро.

По приезде в церковный дом в Саппоро в половине седьмого часа отслужили вечерню, и в семь часов члены совета открыли свое заседание; председателем избран был Георгий Абе, учитель в здешней учительской Семинарии, зять о. Якова Такая; избраны и другие члены; назначено время заседаний Собора: первое и третье воскресенье каждого месяца с двух часов, что даст возможность быть на заседаниях катихизатору Павлу Мацумото, ибо он будет приезжать на богослужение в воскресенье из Отары сюда.

Здесь же составлено и подписано было условие, что если христиане найдут двенадцать слушателей, то из Миссии немедленно дан будет сюда новый катихизатор.

В [...] христиан у Павла Мацумото:

В Саппоро 51, Отару 17, Сироси 1, Асирубецу 6, Исикари 1, Ивамизава 6, Утасинай 4, Икусимъецу 1, Хоронай 1, Кобато 1, Маске 3, Мороран 4; всего 96, и 23 в отсутствии.

Я написал и оставил Саппоровскому церковному совету записку, что в Миссии хранятся 100 (сто) ен, собранных на построение храма в Саппоро, и что сии деньги будут высланы сюда по известию, что в местной Церкви сумма собрана достаточная для построения храма, или, по крайней мере, для покупки земли, приличной для сего.— Деньги эти следующие: сорок семь ен, порученные мне на хранение о. Титом Комацу после Собора 1889 года, сорок ен тогда же обещанные мною на саппоровский храм, и остальные, дополненные мною для округления суммы. По возвращении в Токио нужно будут сии сто ен положить в банк на проценты.

6 / 18 августа 1891. Вторник.

Праздник Преображения.

На дороге из Саппоро, чрез Мороран, в Хакодате

Утром в шесть часов, простившись с братьями в Саппоро, отправились мы с о. Арсением в обратный путь в Хакодате на телеге чрез Мороран. В двух с половиной ри от Саппоро в Асирубецу зашли немного в сторону, в дом Иосифа Ямамото, плотника, и вместе фермера, из Кодзима и Циукоку; в доме шесть человек христиан: отец, мать и четверо детей. Потом целый день по скверной дороге в непрерывающийся дождь тащились в Тамкомаи, в семнадцати ри от Саппоро, где ныне и ночуем.

7 / 19 августа 1891. Среда.

На дороге от Томакомаи до Морорана и Мороран

После дурно проспанной (от блох и ребячьего крика в соседней комнате) ночи настало дождливое и ветреное утро, тем не менее отправились в шесть часов дальше. К полудню небо прояснилось, а после и совсем разгулялась погода, что дало возможность вдоволь любоваться прекрасными видами этой части острова. По дороге видели много айнов и айнок; здесь же и деревни их. Всех айнов на острове Эзо ныне до семнадцати тысяч, но, говорят, число их все уменьшается и, вероятно, в близком будущем их совсем не станет, а жаль, что за красивый народ! Мужчины даже средних нет — смотрят просто Патриархами при своих великолепных бородах и со своими важными движениями; как грациозен образ их приветствия: поднятье обеих рук выше головы и опусканье их вниз по бороде. Женщины также красивы, только синяя окраска губ и места над губами и ниже портит их вид их лица. Японцы не притесняют их, однако же, не вступают с ними в брачные связи. Во втором часу мы остановились в Хоробцу для кормки лошадей и для обеда; но плох был сей последний, кроме риса и тофу ничего не дали, а вода кругом — и море, и река, — рыбы же никакой. В седьмом часу прибыли в Мороран. От Саппоро до Морорана ведется железная дорога, мы много раз переезжали полотно ее; вероятно, в будущем году будет готова. Теперь же дорога в иных местах очень хороша, в иных — невообразимо дурна, как в песчаных низинах, и особенно там, где Тонден, у самого Морорана (два с половиной ри). Казаков сих здесь до двухсот домов; но поселены они на болоте, и едва ли будет процветать сия колония; у каждого домик и сарай. И христианство у них заводится, ходит проповедывать к ним Бачехёрд, англиканский миссионер в Хакодате, проповедующий также и айнам; в Тонден, говорят, уже двести-триста протестантов. Железная дорога не может доходить до самого Морорана по слишком большой извистости берега и залива; начинаться она будет в одном ри от города, или через рейд — гораздо меньше. Мороран ныне небольшой город, но в нем лучшая из гостиниц, доселе виденных мною. Но это почти совсем по-европейски устроенная; видно, что Мороран питает светская надежда на будущее. Близ города, в лесу, на кирпичном заводе живет Павел Таира, доставляющий кирпич для железно-дорожной постройки и разбогатевший сим. — Из Морорана до Мори каждый день ходит пароходик, места на котором мы и заказали взять для нас на завтрашний рейс.

8 / 20 августа 1891. Четверг.

Дорога от Морорана чрез Мори до Хакодате

В семь часов утра снялся пароходик, на котором есть и каюта первого класса, весьма грязно содержащая; чтобы не набраться насекомых, мы

предпочли все время пробыть на палубе; ходу всего четыре часа. В одиннадцатый мы были в Мори, небольшом городке, а в двенадцатый выехали на телеге, нанятой за три ены, в Хакодате. Путь лежал сначала по прелестной, усеянной цветами долине, потом стали подниматься в гору, мимо Комагатаке, от озера, лежащего у подножия ее, на котором тридцать лет тому назад пришлось несколько бедствовать. Подъем в гору и спуск длинный, дорога — хуже какой быть не может. Потом путь опять пошел по долине чрез селение Оно, в котором в старину так приятно было иногда провести летний день у мирного бонзы. За Оно началась хорошая дорога, по которой благополучно и доехали до Хакодате, не ранее, однако, девятого часа вечера; живущие в стане встретили приветливо, о. Петр рассказал о благополучном окончании дела по избранию нового Канрися (председателя) в Попечительстве, а также о том, что Луку Хи-роока ни за что не хотят иметь у себя для проповеди христиане Аригава, и после ванны приятно было отдохнуть от утомления.

9 / 21 августа 1891. Пятница.

Хакодате

Осмотрены были работы по малярному ремонту, вновь определен ремонт циновок, оклейки и прочего. Весь ремонт по всем частям будет стоить двести пятьдесят три ены; дороже всех — малярный: сто семьдесят семь ен, в предложение от гниения красятся вновь: ограда и почти все дома снаружи, также крыша Церкви.

Вновь осмотрены в подробности церковные облачения; оказывается, здесь полное довольство во всех родах облачений, исключая разве стихарей, которые несколько плохи (но которых и в Токио мало); священнических четыре ризы здесь — дорогих, из поношенных, драгоценной парчи, — парные к находящимся в Токио.

Иконы двенадцати праздников академической работы, присланные Гошкевичем, почти все попортились: потрескались и во многих местах слой краски слупился с цинковой доски, оттого что доска обратной стороной прилегалась на стене к штукатурке; только икона Воскресения, всегда лежащая на аналое, цела. Я взял пять самых дурных икон в Токио, чтобы поскорее снять копию; прочие пришлются для того же.

В разговорах о делах церковных и разных распоряжениях проведен был день. О. Петр Ямагаки оказывается очень хорошим священником и очень годным для сей службы: распорядителен, спокоен, внимателен к своим делам; дело избрания Канрися и членов Попечительства на место выбывших стоило ему больших хлопот, и при малейшем раздражении или неловкости с его стороны могло бы расстроиться, но он сумел все устроить. При мне, в прошлом заседании, все члены поголовно отказались от председательства и самым категорическим образом заявили,

что между ними нет лица, способного на сие, по недостатку времени и по разным другим причинам; когда же о. Петр обратился к Павлу Канеко, прося его быть Канрися, то все члены обиделись, зачем он стал искать Канрися помимо их! Извольте улаживать дела с такими людьми! Но о. Петр с своим спокойным характером уладил. Если он не заленится, то будет добрым пастырем.

О. Арсений в высшей степени симпатичный человек и весьма способен к миссионерскому служению: любвеобилен, душою готов обнять всех, ревностен к проповеди — у него с японцами и другого разговора нет, как о христианском учении, и всех, кого бы ни встретил, зовет к себе, или к катихизатору слушать учение; труда не боится: лишь только объехал Церкви, как вновь со мной отправился по ним и ни тени недовольства, или утомления; к изучению языка замечательно способен: приехавши в октябре прошлого года, он уже говорит без всякого затруднения и о чем угодно по-японски; особенная черта в нем — необыкновенная любовь к детям — всех готов нянчить и ласкать. Словом, это до сих пор первый человек, которого я вижу здесь — с истинно миссионерскими наклонностями и способностями. При всем том, едва ли он долго прослужит здесь. Во-первых, здоровье его сомнительно; мать его в тридцать семь лет умерла от чахотки, сестра ныне умирает от той же болезни; едва ли в его организме не гнездится зародыш этого злого врага. Во-вторых, нервозен он очень: иной день без всякого внешнего повода в отличнейшем расположении духа, иной же — тоже, по-видимому, без всякой причины дуется как мышь на крупу; расположенность же к нервным болезням в здешнем климате убийственная. В-третьих, странного духа он: ни похвалит, ни заметит, — не знаешь, как и говорить с ним; в Саппоро как-то стал выражать ему свою радость, что вот, наконец, в нем, дай Бог, видят человека истинно способного для миссионерства; о. Арсений: «Нет, я не могу быть здесь, я хочу уединения, — я уже хотел писать к вам о том, мне долго жить в Японии», и пошел, и пошел. Здесь сегодня заметил, что нельзя Феклу, бывшую нехорошего поведения женщину, помещать в миссионерском доме, среди молодых людей — что, если она покаялась, так нужно беречь ее от новых искушений; тут же еще, проходя по коридору, заметил, что следует ему держать свое обиталище в более опрятном виде, ибо он пример для других; о. Арсений, спустя минут десять, ни с того, ни с сего начинает: «Не могу я быть таким многосторонним — в отставку нужно подавать» и так далее. Уж я ли не ласково обращался с ним все время, и на самое ласковое замечание — вот ответ! Я сказал ему, что служить ему здесь, или уехать, все на то — воля Божия и его собственная; но после, вечером, откровенно поговорил с ним, указав неудобства его характера — что в нем «бочка меду и ложка дегтю», что он будет ответственен пред Промыслом, приведшим его сюда, если, не исполнив назначения, уедет, и прочее.

В шесть часов началась всенощная. Звонить и трезвонить здесь, как должно, и понятия не имеют. Нужно будет прислать Феодора Корнилова поучить. Поют на четыре голоса, и, сверх чаяния, очень сносно, несколько похоже на пение в Коодзимацци. Федор Миното самоучкой дошел до регенства — вероятно, очень способен к сему; жаль, не кем его заместить здесь; ему в Токио поучиться бы регенству следовало. Весьма прискорбно, что миссионеры вольничают в церковном богослужении: вводят разные местные обычаи, тогда как нам нужно здесь вводить только вселенские, те, что в уставах церковных; например, пред пением «Выбранный» при окончании всенощной священник обращается и к иконе Спасителя и к ней произносит молитву, потом начинает кланяться сначала одной иконе, потом другой, — и все эти диверсии его на амвоне так странны, что я не мог не обратиться к нему потом с вопросом: «Да откуда ты взял это? Ведь ты, когда учился богослужению в Токио, этого там не заимствовал?» — «О. Арсений научил». — «А вы, о. Арсений, откуда взяли?» — «Там-то делается так». — «Ну пусть там и делается, это местный обычай, у нас же должен быть общецерковный». После всенощной сказал проповедь о христианском усердии; объясняя, как проявлять это усердие, не мог не пристыдить христиан за их неусердное жертвование для храма: Церковь была почти совсем темная, мерцавшие две лампадки не могли осветить ее, прочие же не были зажжены из экономии, ибо пред богослужением о. Петр приходил говорить мне, что христиане желают сократить освещение Церкви, так как не в состоянии жертвовать на сие столько, сколько доселе жертвовали.

Тетрадь 3

После службы приходил слепец Иоанн Сайто просить взять опять сына его Александра на церковную службу здесь учителем в миссийское училище. (Итак, этот Александр солгал, говоря что отец его требовал, чтобы он оставил церковную службу, и что он рассорился с отцом из-за этого); сын-де нужен ему здесь как слепцу для помощи, а также и для проповеди тем, кому он, ходя по домам, как [?]ама успеет внушить желание слушать христианское учение. Я убеждал Иоанна отпустить сына в Тоокейскую катихизаторское училище, куда он так хочет, и обещался ему, когда Александр кончит курс, прислать его на катихизаторство в Хакодате и никуда больше не назначать его; слепец охотно согласился.

Потом было собрание Попечительства, на котором просили позволение вносить в Миссию жалованье священника (вместо высылаемого от Миссии прямо священнику) не в начале месяца, как доселе было, а в конце, когда здесь собирается плата за квартиры в церковных домах, а также делать уплаты за церковные свечи не тогда, когда они берутся из Миссии, а два раза в год; позволено.

Отныне в Хакодатской Церкви при богослужениях заведен кошельковый сбор, а также продажа свечей христианам для ставления пред иконами. Ходит староста (Матфей Кото) с тарелкой во время чтения 33-го псалма при окончании литургии.

10 / 22 августа 1891. Суббота.

Хакодате и обратный путь в Токио на пароходе «Сацума-мару»

С шести часов утра была обедня, на которой, равно как и на последовавшей затем панихиде, певчие опять почти все пели весьма порядочно четвероголосным пением. На литургии я сказал «о поминовении умерших», причем объяснил (по предварительной просьбе о. Тита), почему и как оно совершается, что если устроится поминальная трапеза, то она бывает скромная, из блюд скороприготавливаемых и безыскусных, как кутья, кисель, блины, что раздается милостыня и так далее.

По окончании Богослужения, уже в десятом часу, ибо поют весьма медленно, христиане собрались проститься и проводить. Между прочим, отыскалась здесь Пинна, девочка из нашей Женской школы в Токио, которую родители сначала просили учить и крестить, а потом совсем неожиданно взяли из школы; я думал, что она так и заглохнет в языческой среде, и каялся, что крестил ее; но жена священника о. Петра неожиданно встретила ее, и ныне она, вероятно, получит дальнейшее христианское научение.

В час дня о. Арсений с христианами проводил меня на судно, в два часа судно снялось. Погода дрянная; вечером почти укачало.

Между немногими пассажирами на судне есть профессор Милне, возвращающийся из двухмесячного путешествия по острову Эзо; две недели он проходил с двумя айнами-проводниками по таким дебрям в северной части острова, где ни дорог, ни жилья, — питался чем мог, между прочим, растением «фукуи», спал, где пришлось, под наскоро устроенным шалашом. Рассказывает он о необыкновенном богатстве острова серой; говорит, что это едва ли не самая богатая серой местность во всем свете; многие угасшие или дымящиеся вулканы целиком покрыты серой или состоят из серных накоплений; только отсутствие средств сообщения мешает эксплуатировать эти источники богатств, но это ненадолго.

11 / 23 августа 1891. Воскресенье.

На Сацума-мару и в Огинохама

В два часа остановились на рейде в Огинохама, чтобы простоять по поводу нагрузки до утра. Капитан любезно предложил свезти на берег; там я нашел, что Васса Накая с отцом Сато и матерью ушли за чем-то в С[?];

но вышла встретить тетка ее, католичка; в их доме я видел красиво убранную языческую божницу, и внизу пятеро детей; два мальчика и две девочки Сато и девочка тетки, также старика — отца Сато. Итак, в доме три веры: православная, католическая и буддийская, что почти значит: в доме никакой веры, ибо если бы Васса была хорошая христианка, то языческой божницы, вероятно, уже не было бы и так далее. Нашел еще христианку Феодору Такахаси, молодую женщину замужем за язычником, так же, как и Сато, служащим в компании «Юсен»; она училась шитью в школе Софии Накагава и там сделалась христианкой. Был еще здесь христианин, старик, работавший у продавца тушниц (которые здесь — с искусственно вкрапленными ракушками), но ныне ушел домой в другое селение. Феодора и католичка проводили меня на судно.

Вечером на судне совершенно неожиданно нашлась старая знакомая; красивая японская дама в европейском платье, жена профессора Милне, как сказали мне прежде, останавливает меня и спрашивает: «Не были ли я в Хакодате лет двадцать семь тому назад?» — «Были». — «Так это вы давали мне конфеты, когда я была маленькая; я дочь бонзы из Гвандзёбодзи, в Хакодате». Действительно, я припомнил, что у того бонзы, моего хорошего знакомого, к которому я приходил знакомиться с сектой мактосиу, была маленькая красивая дочка. Она мне рассказала печальную участь семейства: отец отдал свою землю 2000 цубо кумирне Нисихонгвандзи — с тем, чтобы ежегодно получать пенсию и чтобы для его семейства выстроен был дом; но ничего этого не сделано, и семейство нищенствовало; между тем отец помер, два старшие брата тоже, и один из них три года страдал сумасшествием, прежде чем помереть; теперь у нее осталось два брата, из коих старший начал тяжбу с Нисихонгвандзи и вернул обратно семейству хоть 1000 цубо, на которых теперь и думает строить свою самостоятельную кумирню. Жена она Милне, видимо, незаконная, ибо смутилась при упоминании о муже. Бедная, до какого положения иногда доводит преимущество красоты!

12 / 24 августа 1891. Понедельник.

На Суцумару, на пути в Токио

Профессор Милне показывал карту своих путешествий по Эзо. Между прочим, он рассказал, что видел множество землянок на Эзо, таких, какие видел на всем протяжении Курильских островов и в каких жили наши курильцы, ныне поселенные на острове Сикотане; он видел этих наших курильцев лет десять тому назад еще на прежнем их месте, на острове у самой Камчатки; они были совершенно довольны своим положением; питались рыбой, мясом и овощами, и на рис, привезенный им, тогда взглянули как на нечто ненужное им, как на предмет [...]. Но замечательно, что все землянки, виденные Милном как на Эзо, так и на

Курильских островах, ныне необитаемые. Положим, с Курильских островов обитатели переселились в русские владения при передаче сих островов японцам, в общем, на Сахалин; но курильцы, значит, обитали прежде и на Эзо и вытеснены оттуда айнами, которых поместили на север японцы. Значит, айны и курильцы, если и одного племени, то далеко разошедшихся друг от друга родов.— На Сикотан переселены курильцы, кажется, из двух мест, в которых остались под японским благодеть покровом.

Завтра утром в шесть часов Сацума мару обещает быть в Иокохаме. Итак, 13 (25) августа 1891 года путешествие мое на север кончается.

1891 год

4 / 16 сентября 1891. Среда

В седьмом часу, утром вышел на станции в Оосака. Сверх всякого ожидания, встретили довольно многие, в числе их — врач Петр Сираи. По прибытии в церковный дом я объяснил, что ныне еду в южные Церкви, и в Оосака только мимоходом, чтобы попасть на самый первый отходящий в Нагасаки, или еще лучше прямо в Кагосима, пароход. Полезно было повидаться с о. Иоанном Оно, чтобы поговорить ему о Нагоя, Церковь которой, быть может, перейдет в его ведение. Телеграммой вызван был из Сайкёо Павел Морита, ныне направляемый для проповеди в Нагасаки; впрочем, он остался на день в Оосака, чтобы взглянуть на город и немного познакомиться с Церковью; со мной ныне ехать не было особой нужды, ибо сказали, что пароход, на котором я могу отправиться сегодня в Нагасаки простоят всего два часа, так что я не успел бы съездить на берег, чтобы представить Морита нашему консулу и прочее. Во втором часу отправился на пароход «Синаногава», стоявший в устье реки. О. Оно, Сирай с женой, еще язычницей, семья Ямамото (Сендагая) и прочие провожали и осматривали пароход, взобравшись на него чрез грузовое отверстие.

Из Кобе на пароход сел граф Ито, направлявшийся к себе в Ямагучи. Часов в восемь вечера пароход вышел из Кобе.

5 / 17 сентября 1891. Четверг

В Митадзири граф Ито высадился. Здесь из воды торчали две мачты только что затопленного ураганом судна.

Закат был очень красив с судна, блистая вечерним освещением, при котором все кажется фантастически лучшим, чем на самом деле. Звонкие

голоса мальчишек-разносчиков и вечерний городской говор и шум придавали особенное оживление сцене.

6 / 18 сентября 1891. Пятница

Утром в Хаката также видели торчащую из воды мачту большой японской джонки, затопленной бывшим на днях ураганом.— Назвался на знакомство некто Исида из Кокура, служащий учителем в Нагасаки; дал ему свою карточку показать Павлу Морита и просил найти слушателей православного учения. В шестом часу вечера бросили якорь в Нагасаки; так как судно имело сняться в полночь, то я съездил на берег, чтобы побыть у нашего консула Григория Александровича де Воллан и попросить его сделать, что он может, для Морита — в смысле приобретения для него слушателей. Ураган и здесь дал себя знать: часовеньку, построенную для иконы, оставленной здесь Великим Князем Александром Михайловичем, нашел очень поврежденною, с выбитою дверью, попорченной киткой и крышей. Видел построенный здесь же, при консульстве, нашим Морским министерством госпиталь, строящееся каменное консульство. Консул принял очень любезно, но для Морита, говорит, не может ничего сделать, ибо не знаком с японцами, которым бы мог рекомендовать слушание проповеди. Возвратясь на судно, слышал рассказ о страшном урагане и вреде от него в Кагосима (1–13 числа нового стиля сего месяца). Наверное, и наш молитвенный дом пострадал, значит — опять расходы на поправку.

7 / 19 сентября 1891. Суббота.

Мисуми — небольшой рейд между Нагасаки и Кагосима, на пароходе Сёнои-квайся «Синаногавя»

По начатии уроков в школах 2-го японского сентября я имел отправиться по Церквам; но в нынешнем году была в это время такая нестерпимая жара, что на юг пускаться, где еще жарче, было бы не вовремя; верующим — не до проповедей и церковных дел, а лишь бы обмахиваться веерами. Кстатн же и ураганы прошли и кончились за эти полмесяца. Итак, только 3 (15) сентября, во вторник, я выехал из Токио. Направлялся было морским путем до Кобе, но сбило с толку неверное объявление в «*Japan Mail*» о дне отхода почтового парохода. По приезде в Иокохаму, в сопутствии провожавшего доселе отца иеромонаха Сергия, пришлось переменить пароход, который следовало ждать до завтра, на чугунку, по которой можно было уехать чрез два часа, притом же по ней до Оосака только восемнадцать часов, а на пароходе было бы тридцать. Ехал во втором классе, в котором отныне, в видах экономии, всегда и нужно ездить при обзоре Церквей. Очень уж красивы были вечером поля, при

солнечном освещении: тот же зеленый цвет, но какое разнообразие оттенков и какая чудная красота! Начиная с самого нежного зеленого до переходящего в синий или черный,— какое множество зеленых цветов и какие все прелестные! Хотел заговорить сидящим в вагоне, что мы — вот того неведомого Вам Бога проповедуем, который сотворил всю эту невыразимую красоту — да сердце не раскрылось для Слова — знать, бесполезно было бы. Ночью, часа в три, в вагоне умер один пассажир, да еще севший (в Нагоя) с больною женщиною, о которой должен был заботиться; пришлось, наоборот, женщине отчаянно звать и кликать его и лить на него воду; на станции унесли его из вагона в сопровождении бедной его спутницы.

7 / 19 сентября 1891. Суббота

Утром чем свет пришли в Мисуми (вход на рейд до крайности узкий). Некто из Нобеока, член нынешнего Парламента, завел разговор, выслушал мои советы заняться вероучением, рассказ о том, как Святой Владимир просветил Россию и прочее, и прочее,— но все, по-видимому, таким людям как к стене горох. Вот капитан судна, по-видимому, усердный конгрегационалист; как времечко ему, сейчас идет говорить о вере. Из всех этих разговоров у меня горло осипло, еще не доезжая до места настоящей проповеди. Эх, беда, и речь-то нужно беречь!

8 / 20 сентября 1891. Воскресенье. Кагосима

До света стали на якорь в Кагосима. Телеграммы не дошло досюда, ибо телеграф испорчен ураганом, потому братья не встретили, только катихизатор Матфей Юкава, по догадке, вследствие записки Луки Орита из Токио, прибежал на пристань. Зашедши в гостиницу здесь же на пристани, мы дождались рассвета в разговорах о Церкви. В Церкви здесь, по его словам, 37 домов (по словам о. Такая, 24 — так они знают свою Церковь?), около 120 христиан; но половина домов перестали быть христианскими — по упадку веры; из другой половины тоже только половина показывается на богослужения; так по словам Юкава, но о. Такая представляет положение не столь мрачным, хотя тоже не краснописцем. Верно же то, что он сам опустившийся священник, а Юкава ослабевший катихизатор.— В седьмом часу утра пришедши с Матфеем в церковный дом, я к радости своей нашел его нисколько не пострадавшим от бывшего урагана, чему, вероятно, много способствовали подпорки, приставленные к дому со всех сторон: «Зачем это?» — спросил я.— «Затем, что во время ветра дом качается, как корабль на волнах». На

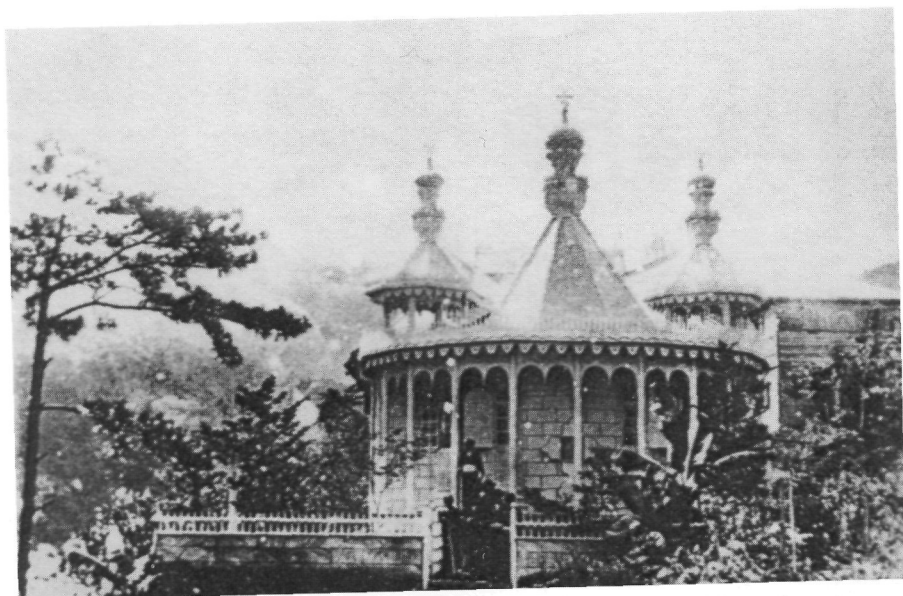
Участники Собора Японской Православной Церкви в Токио, 1897 г.
В первом ряду в центре – святитель Николай. Слева от него – архимандрит
Сергий Страгородский, справа – архимандрит Андроник Никольский
(впоследствии архиепископ Пермский и Соликамский, новомученик)

Фото в память посещения епископом Николаем прихода Хакодате в июле 1891 г. Святитель Николай сидит в центре на стуле. Слева от него — иеромонах Арсений Тимофеев

Священнослужители, собравшиеся в Токийской Миссии по случаю приезда в Японию священника Сергия Глебова (около 1890 г.). В центре первого ряда – святитель Николай. Справа от него – о. Сергий Глебов, сзади – регент Дмитрий Львовский

Храм при летней даче Японской Православной Церкви в Тоносава (Хаконэ), построенный около 1880 г. на личные средства иеромонаха Владимира Соколовского. Снесен в 1990 г.

Секретариат Миссии.
Слева — Сергей Нумабэ,
справа — Давид Фудзисава

Первый номер богословского журнала «Синкай» («Духовное море»), издававшегося Японской Православной Церковью с сентября 1893 г.

8-й номер журнала для домашнего чтения «Сэйкэ Ёва» («Православная беседа»), издававшегося Японской Православной Церковью с октября 1900 г.

«Закон Божий» на китайском языке (автор – американский миссионер Мартин), изданный в 1877 г. с пометами для чтения по-японски. Пользовался в Японии широкой известностью

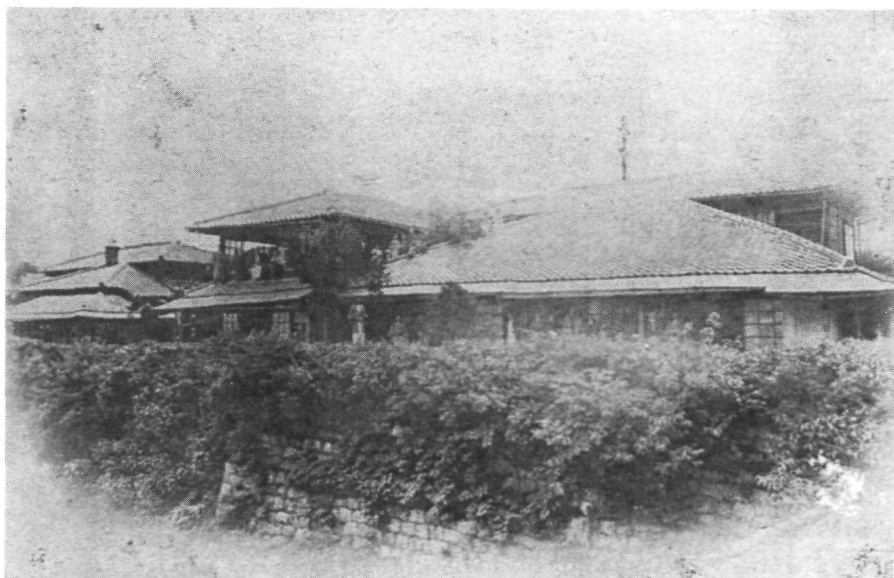
Памятная брошюра, выпущенная святителем Николаем в октябре 1905 г. для российских военнопленных, возвращавшихся на родину. В издании помещены фотографии японских священнослужителей, трудившихся для духовного утешения российских воинов

Участники Собора Японской Православной Церкви, проходившего в июле 1882 г.

2-й ряд (слева направо): Петр Сасагава, Павел Нипиума, Тимофей Харуэ, Матфей Катэга, иеромонах Владимир Соголовский, священник Митрофан Ми Цзи (первый китайский священник, убит во время боксерского восстания в Китае в 1900 г.), архимандрит Флavian из Пекина, епископ Николай, архимандрит Анаголий Тихай, священник Павел Савабэ, священник Иakov Така, священник Павел Саго, священник Тит Комуцу, священник Петр Кано, диакон Дмитрий Крыжановский. 3-й ряд (слева направо): чтец Евфимий Ли Юй из Китая, Павел Накаи. Крайний справа - регент Дмитрий Львовский. 4-й ряд. Крайний слева — регент Яков Тихай. Крайний справа — чтец Павел Ван Вэнь из Китая

Православный приход
г. Осака, около 1895 г.

Сотрудники и воспитанники Токийского детского приюта.
Крайняя слева – директор приюта Феодора Китагава.
Крайний справа – управляющий Петр Кацураги (около 1902 г.)

Икона Благовещения Пресвятой Богородицы,
написанная первой японской иконописицей Ириной (Рин) Ямасита

втором этаже — Церковь, устроенная совсем по-церковному, но ужасно бедно: иконостас состоит из самой плохонькой дощатой перегородки, окленной снаружи плохонькими обоями. Из хороших, писанных масляными красками икон: Моление о Чаше — запрестольная большая икона, но с дрянной, гнилого дерева, рамой: икона Рождества Христова, праздничная здешней Церкви; икона Тайной Вечери — все писанное в Миссии. Хоругви когда-то выпросил бывший катихизатор Яков Нива, но плохо они украшают, низко повешены за клиросами и уже смотрящие старыми. Иконостасных Спасителя, и Божией Матери, и Архангелов — нет здесь; также на Царские врата нужны новые; но все это уж пусть будет тогда, когда перестроят Церковь, поставив ее на землю, иначе во время урагана погибнет с зданием все церковное снабжение. Облачения и все прочее церковное, что нужно для священнического богослужения, здесь есть. Просфоры до сих пор не делались, а служил о. Яков на частях купленной в лавке булки, разрезанной на пять кусков (так научил его о. Анатолий; мне впервой пришлось это слышать и видеть часть булки с вынутой частицей). Между тем просфоры всегда могли бы быть: сегодня жена о. Такая спекла просфоры в первый раз, и они вышли отличные по форме и весьма порядочные на вкус. — Внизу, в молитвенном доме, живет катихизатор Матфей Юкава с женой и сыном лет шести; достаточно места и для слушателей учения или собирающихся в Церковь христиан. Место под домом — церковное; документ на владение им — на имя о. Якова Такая. — Когда пришел о. Яков, мы отправились с ним к нему: квартира очень приличная; в семье у него — сын Вениамин восемнадцати лет и две маленьких дочери. Прогулялись с о. Яковом по дороге за город, чтобы наедине поговорить; утро было прелестное; деревенские женщины несли в город на плечах продавать дрова, хворост и овощи; шли по направлению к загородному дому, где живет также расположенная к христианству одна из наложниц Симадзу Сабуро, уже пожилая; расположена же она служащим там в доме братом одного христианина, но о. Яков говорит, что к ним и для него доступа нет. Вернувшись в церковный дом, нашли собравшихся несколько христиан. С девяти часов началась обедня, отслуженная очень чинно; пение — в один голос, но весьма стройное; заправляет Мария Морита; поют человек десять. Проповедь я сказал о христианском усердии как самом необходимом для христиан, чтобы сохранить свое христианство. В Церкви было человек сорок. После службы заставлял детей прочесть молитвы, — никто ничего не прочел. Юкава говорит, что собирает детей, чтобы учить молитвам, но видно, что очень плохо делается это; священник же небрежен о том; сказал наставление родителям о важности воспитания детей в благочестии, для помощи в чем и Ангел Хранитель дан детям. Положили собраться сегодня вечером в шесть часов — отслужить вечерню и потом посоветоваться о церковных делах.

С двух часов мы вчетвером (о. Яков, Юкава, Лука Мацуура — молодой катихизатор, и я) отправились посещать дома христиан. Обошли 9 домов: служащих Церкви в качестве старшин, больного врача Николая, где в доме 11 человек христиан, и прочих. Христиане здешние небедны: все имеют свои дома и торгуют или портняжат и прочее. Вечером, и к семи-то часам, едва собрались настолько, чтобы можно было начать служение вечерни не в пустой Церкви. После службы я сказал поучение о службе Богу, в видах которой — распространился особенно о необходимости для всех христиан, где начинается Церковь, заботиться о распространении ее, что привело к речи о необходимости увеличить здесь число «фукёоин»; теперь, точно в насмешку, поставлены здесь фукёоин'ами два подростка: Вениамин, сын о. Якова, и Андрей, сын врача Николая, — оба лет по восемнадцать; только один Такума взрослый, да и тот перст об перст не ударил по своей должности. Положили к вечеру завтра приготовить избирательные листки с именами вновь рекомендуемых для сей должности. — Говорили еще о необходимости перестроить церковный дом, чтобы не упал он и не раздавил все в нем; нужно-де одноэтажный, а для того нужно увеличить участок и прочее, но ничем пока не решили. Иоанн Морита, отец бывшей в Женской школе Марии, приготовил было проект: «Мы, сложившись, составим 200 ен, а 300 дайте Вы»; но я обещал подписать от себя ен 15 — больше нисколько; Морита, видимо, обиделся; но довольно с него, что, будучи человеком состоятельным, воспитал дочь на церковный счет; бесцеремонности же пределов положить нельзя; притом все Церкви строят свои молитвенные дома на свой счет — было бы несправедливостью помочь только здесь; всем же помогать Миссия не в состоянии.

Здесь в Церкви истинное сокровище — подаренная нашим Наследником Цесаревичем икона Святителя Николая превосходной иконописи и великолепной отделки придворного мастера Хлебникова. Выставляется она в Церкви во время богослужений на столике; в прочее же время прячется из опасения, что могут украсть. Получена она о. Яковом на судне «Память Азова» после представления его Наследнику Цесаревичу в здании здешнего Губернского Правления (Кенчэ); о. Якову велено было явиться на судно для получения иконы.

9 / 21 сентября 1891. Понедельник.

Кагосима

Утром расспрашивал о. Якова и катихизаторов о Церкви и христианах, причем о. Яков являл такую апатичность и медленность, что пришлось сделать ему выговор; каждое слово, точно клещами, от него нужно было вытягивать. Матфей Юкава лучше его знает Церковь и христиан. Но существенный недостаток у Юкава — слабость христианину: «Если у тебя

чёттомо ёодзи най, приходи вечером в шесть часов к вечерне и на братское собрание потом»; а между тем вчера — не только воскресенье, но и двенадцатый праздник — значит, христиане обязательно должны быть на богослужении и церковном собрании, не говоря уже о том, что Епископ ныне здесь и всего на три дня; и все учение Матфея — вот в таком роде — «если» да «пожалуйста» и прочее. О. Яков мало отличается от него в этом отношении. Говорил им, что Христово учение — «ей и аминь» — учение властное и определенное; его нужно преподавать как положительный закон, — не грубо, конечно, но со властью; и для человеческих душ именно это нужно: человек не станет колебаться мыслию, пойти ему в Церковь, или нет, а прямо пойдет; так и во всем прочем касательно Христова Закона.

День до вечера был занят посещением христиан, причем до полудня посещено девять домов, после полудня восемь, но в одном из них, в предместье Нисида, собрались христиане из четырех домов. К радости, я нашел, что совсем закоснелых христиан нет; не ходившие до сих пор в Церковь все обещались отныне ходить; две семьи, ушедшие в протестантство: Иоанна Накамура (жена Хеврония; точильщик сабель) и Павла Синовара (брата певца Луки Орита) возвращаются в православие; старик Петр Хонда, десять лет не ходивший в Церковь — по «окотари», как сам говорил, обещался исправиться. Только жаль, что младший брат катихизатора Фомы Танака, двадцати лет, ушел к протестантам; отец и мать их, значит, смотрят на христианство, должно быть, как на средство к прожитию; Фома-де мало получает в православии (хоть, однако, родителям посылается из Миссии помощь — 2 ены в месяц, и сын может давать ены 4), так пусть младший попытает протестантство: недавно отпустили в школу протестантов в Нагасаки; отец (Василий Томида) говорит, что он был против этого, но нельзя верить ему — старик, видимо, умный, сын не мог бы идти против его желания. — После полудня пришлось посещать больше бедняков; например, Павла Ёсида, жена которого забыла имя и свое, и детей; бедность неприглядная; муж работает в фотографии, старший сын — Кирилл, лет шестнадцати — режет гребешки (я заказал ему один для себя — ко времени, когда чрез два года опять буду здесь); хижина совсем покривилась. В Нисидамаци, в доме Иоакима Оноуе собралось много соседних христиан, между прочим, жена Якова Нива Вера с двумя детьми и мать ее; жаль смотреть на бедных; муж после побродяжничества у разных протестантов и сидения в тюрьме стал теперь католиком в Кобе и требует, чтобы жена тоже перешла к католикам; я убеждал ее крепко держаться православия и настойчиво убеждать мужа вернуться на путь их спасения, иначе погибнут все с бродягой Нива. Иоаким Оноуе обещался дать в своем доме место для молитвенных собраний по вечерам перед праздниками: катихизатор будет приходить учить детей молитвам, отправлять вечерню и говорить поучение. — В семь часов вечера, согласно вчерашнему условию,

молитвой открыто было женское собрание; участвовали 23 женщины; говорили: Вера Адаци (лет шестнадцати) житие святых мучениц Софии, Веры, Надежды, Любви,— Мария Морита о Рождестве Богородицы; первая плохо читала по книге, вторая бойко на память рассказала. Положили отныне делать собрания ежемесячно, троим готовить речи, двоим быть хозяйками — с малым расходом на угощение и так далее.— Потом мужчины выбирали фукёин'ов, но ничего не вышло; определил завтра кончить.

10 / 22 сентября 1891. Вторник.

Кагосима

Утром Матфей Юкава привел фотографа Савву, который при жене держал наложницу и прижил от нее дочь. К счастью, оказалось, что он наложницу отправил уже в Токио совсем, а дочь оставил у себя как бы дочь своей законной жены; пред женой извинился и прошен ею; других наложниц, вопреки слухам, не имел. Видимо, сам сокрушается о своем бедном житии бывшем и изъявляет, повидимому, самое твердое решение никогда к нему не возвращаться; в Церковь обещался ходить и даже заботиться о распространении христианства. Он старший по времени и лучший фотограф в городе; имеет сына тринадцати лет, которого думает со временем даже пустить в заграничное образование. Привел Юкава и другого бывшего доселе блудного Моисея Кавасака, тридцати четырех лет; этот, по-видимому, с заснувшею совестью, и чудовищные вещи наговорил: «В Кагосима женщины дурных нравов, не блюдут целомудрие; так я, чтобы выбрать себе хорошую жену, испытываю их, после крещения уже трех переменял (крестился два года назад); теперешняя живет со мной четыре месяца, тоже собираюсь отпустить, не нравится». — «Да ведь это, если человек сто наберется в Кагосима вот таких, как ты, так вы, действительно, всех до единой в Кагосима женщин развратите, пробуя их, годится ль вам в жены!» И еще жалуется, что «женщины дурны здесь»... Возражений против этого не находится, но твердит свое, что жену хочет выбрать. Пришел и о. Яков убеждать его. Насилу согласился переменить поведение, оставить нынешнюю свою женщину женой у себя, но холодно и неискренно — едва ли исполнит обещание. После полдня посетили остальных христиан — домов 8, а также ученого Номура, содержащего китайскую школу (человек 30 мальчиков) и одного слушающего учение у католиков и православных вместе и прямо клонящегося на сторону православия.

Вечером с семи часов была проповедь для язычников в нашем церковном доме; собралось полно; говорил сначала о. Яков, потом я — первоначальную проповедь к язычникам. Но что за грубый народ здесь, особенно ученики: все время проповеди смеялись, находя для себя что-

то смешное в языке моем; просто потому, должно быть, что язык иностранца, так как в понимании мысли — из доброй части слушателей видно было — не было никакого затруднения. Моя проповедь поэтому и продолжалась всего три четверти часа, а говорить собирался я часа полтора. Увы, начинает теряться добрая черта японцев, плода конфуцианства здесь,— вежливость и приличность! По окончании проповеди христиане избрали чрез тоохёо — закрытые бумажки — четырех человек в фукёоин'ы, что с прежними составит 8, а если и гиюу — четыре согласятся, то всех радетелей распространения веры будет здесь 12.

11 / 23 сентября 1891. Среда.

Кагосима и дальше

Утром Матфей Юкава жаловался на христиан, что не доставляют ему сполна обещанных 2,51 сен ежемесячно, а о. Яков, бывший при сем, жаловался на Юкава, что христиане недовольны им и вчера еще, собравшись к нему, просили переменить его. «По какой причине?» — «Омоминга най»; больше никакой причины о. Яков не мог сказать ни от себя, ни от других; а это тоже самое, что я говорил Матфею: слово его слишком мягко и уклончиво — силы и руководства нет, что христианам не может нравиться. Еще о. Яков выговорил ему, что он иногда одному христианину нехорошо говорит о другом, что также никак не должно быть, ибо христиане составляют одно, и сказанное одному — непременно скоро будет известно всем; тогда христианин, о котором катихизатор дурно отозвался, естественно делается врагом его, при малой воспитанности еще христианского чувства у всех наших христиан. Хорошо бы, конечно, заменить здесь Юкава более сильным, но такого в виду нет; и потому он оставлен здесь по-прежнему; за ним, по крайней мере, то преимущество, что он человек установившийся, поведения хорошего,— да и о Церкви заботится. Христиан-то он знает, видимо, лучше, чем о. Яков. Прямо видно, что главным недоброжелателем его здесь есть и будет Иоанн Морита (дочь которого Мария воспиталась в Миссийской школе); он, должно быть, и настаивал на перемене катихизатора; все время сегодня высматривал очень нехорошо, каким-то виновным, и все прятался за других, особенно старался укрыться, когда я, прощаясь, в Церкви благодарил Юкава за его труды. Даже жена Морита — одноглазая Марфа — напала на жену Матфея сегодня, что она-де безграмотная, не может руководитель другими женщинами, а должна как жена катихизатора. Горько плача, жаловалась мне на это бедная жена Юкава; сам же Морита, которому когда-то много льстил бывший катихизатор Яков Нива, везде поносит проповеди Юкава (по словам сего) «Нива-де говорил лучше». Другой недоброжелатель Матфея здесь Иоаким Оноуе, родственник жены Нива, когда-то прискакавший за Нива (бежавшим из Кагосима)

даже в Токио, чтобы опять вернуть его в Кагосима; этот сердит на Юкава за то, что сей отобрал у него церковную икону Божией Матери в серебряной ризе, противозаконно подаренную Яковом Нива ему.— Замечательное отношение христиан к Миссии: Яков Нива обманно получал ежемесячно из Миссии 3 ены, будто бы за наем дома для проповеди в другой части города, между тем как этого никогда не делалось; по уходе Нива раскрылось, что он обманывал Миссию; но что же, христиане вознегодовали за сие на него? Ничуть, хвалят и до сих пор: «[?]—де,—практичный человек, тем обманом освобождал и христиан от некоторого расхода, ибо все же из этих трех ен перепадало кое-что и на церковные нужды, а Юкава—де дурак, не умеет так извернуться». Это рассказал сегодня о. Яков с отзывов христиан. Неудивительно, что Иоанн Морита надул губу, когда я наотрез отказал в 300 енах на перестройку церковного дома и рассказал при сем, как жертвуют на Церковь русские христиане и как, по сравнению с сим, еще мало развито здесь церковное чувство.

В одиннадцать часов, кончивши совещания по Церкви, сходили посмотреть общественный сад (коо-ен ци) только что разводящийся по склону горы за городом. Из него хороший вид на город, рейд и Сакурадзима.— Сходил я попрощаться с больным врачом Николаем Адаци; благодать, видимо, наполняет его душу: прикован к постели, наполовину лишен языка, но что за радостное, чисто благодарное настроение! Снес ему маленькую в серебряной ризе икону Спасителя и Троицкий образок Иверской Божией Матери,— и как же он рад был! Дай, Боже, сохранить такое благодарное настроение до перехода в загробный мир! — В пятом часу отслужили краткий напутственный молебен; довольно много братьев и сестер собралось проводить, и проводили до пристани и потом целая большая лодка до парохода «Цикунго-гава». Вид с парохода на город не представляет особенной привлекательности: масса простых японских домов амфитеатром, замыкающихся ширмой однообразных гор; Сакурадзима — лучший вид здесь, несколько напоминает Фудзисан. В седьмом часу вечера пароход снялся с якоря, чтобы следовать в Хососима, с остановкой в Абурацу. Из Хососима пароход идет прямо в Кобе, потому мы должны будем высадиться там, чтобы проследовать 5 ри до Нобеока сухим путем.

Общее впечатление от Церкви в Кагосима удовлетворительное: благодать Божия видна здесь; Бог хранит и пасет верующих. Христианских домов здесь 40, христиан 130; были и есть охладевшие; однако же, ни один не вернулся в язычество, даже не ушел никто (кроме брата Фомы Танака) в инославие; ослабевшие все благодушно приняли наставление и обещались ходить в Церковь. Но священник и катихизаторы здесь — недостаточные,— слабы, вялы, безвластны от себя; однако и заменить их нечем. Господь да поможет им и возбудит их к потребной деятельности!

Это время для посещения Кагосима довольно удобное, только жарко еще очень, недели две спустя было бы еще лучше.

Жил в Кагосима в трехэтажном домике (Камакура-рой) с очень приветливыми хозяевами-язычниками.

Обещался быть в Кагосима чрез два года, что да поможет Бог исполнить!

Публичную проповедь здесь можно держать не иначе, как пуская слушателей по билетам, и с исключением детей, учеников и всех подростков, которые держат себя здесь нестерпимо грубо, мешая слушать и говорить.

12 / 24 сентября 1891. Четверг.
На пути из Кагосима в Нобеока

Тихая погода делает путешествие на Цукуго-гава очень приятным. В семь часов утра пароход остановился на полчаса в Абурацу взять груз. Абурацу — небольшой город на взморье, закрытом горами, которые здесь иные вверху обрублены каймою высоких скал, вообще же почти до вершин обработаны для возделки полевых и огородных произведений. Выходящие в море рыбацьи лодки все несут огромные мороты шарообразной формы для ловли мелкой рыбы.

С о. Такая составили список всех христиан, принадлежащих к Кагосимской Церкви, оказалось всех 160, из которых 138 в городе, 21 на островах и в окрестностях города.

В Хососима прибыли во втором часу; это небольшой город, береговая линия домов которого построена на каменных стенках. Не останавливаясь, взяли тележки до Нобеока: за 2 ены 20 сен за 5 $\frac{1}{2}$ ри, за три тележки, из коих везли двое; одна была под чемоданами, из коих мой — нелепо тяжел, вперед наука не брать книг и прочего, без чего можно обойтись. Нельзя, однако, не отметить, что хотя в Хососима мы прибыли на постоялине всего минут десять, но и тут подросток, брат хозяина, обнаружил отличное знание действий миссионеров всех исповеданий на всем острове Киусиу; был в гимназии в Миязаки и там присмотрелся к иностранным миссионерам и прислушался к христианским толкам: так теперь везде распространен интерес к христианству! Нет места, где бы не знали и не говорили о нем!

Под вечер прибыли в Нобеока; мили за 1 $\frac{1}{2}$ встретил Моисей Ходака, при въезде в город — все христиане и христианки с катихизатором Петром Синовара. Целодневный дождь сделал дорогу до того грязною, что невозможно было выйти из тележки и идти с христианами до молитвенного дома; мы с о. Яковом поехали, а они не могли поспеть за нами, и потому, приехав в дом, мы должны были несколько минут ждать в пустом доме. Когда собрались, о. Яков отслужил вечерню; пели человек пять и плохо — женщины разлили; потом я сказал поучение на слова «Мир вам» — вяло, ибо усталость от пути брала свое. Собрались в другой

комнате и несколько язычников; им сказано, что для них будет проповедь завтра вечером с шести часов.

Церковь здесь состоит из четырех домов; христиан 15, с детьми; в доме Ходака 10 человек. Ходака были когда-то Кароо; дом большой с садом и огородом; в доме живет катихизатор, платя, однако, по 1 ене в месяц, ибо обеднел дом. Христиане, по-видимому, хорошие, тем более что один Ходака (Павел) служит катихизатором. Жаль только, что жена Моисея Ходака убежала от него; по его словам, он ни в чем не виноват тут, а смутила-де жену ее мать, бросившая христианство и опять ушедшая в язычество; дорогой дальше мы увидим и жену и узнаем, она ли подлинно виновата; что-то странно, что мать, прикинувши уже пятую дочь мужу, убежала от него без всякой вины с его стороны. Другой дом здесь Алексея Найто, учителя, родственника той Найто — с пятнами на лице, которая была в нашей Женской школе; Найто тоже родственник и Ходака.

На ночь отправили меня за 7 чё в постоялин, и преплохой, со множеством беспокоящих несекомых, не давших выспаться.

13 / 25 сентября 1891. Пятница.

Нобеока

Утром, с семи часов, о. Яков крестил некую Хаба, нареченную во святом крещении Марисю; она двадцати четырех лет, из Окаяма, куда и вернется скоро. Она была два раза замужем — один муж помер, другой бросил ее, заведши сюда; учение знает еще плохо, но очень просила крещения, говоря, что в Окаяма ее родители не дадут ей креститься, а вернувшись крещенная, она постоит за свою веру. После крещения сказано было краткое поучение ей и бывшим на богослужении.

Разболелась голова, что очень неудобно, когда нужно поучать.— Написал поздравительное с Ангелом письмо жене и дочери Посланника Вере Федоровне и Вере Димитриевне Шевич.— Дождь рубит без перерыва; за полдень; есть хочется, а за едой нужно тащиться на постоялин; церемонятся ли эти Ходака предложить, мол, сомацу, или очень бедны, не разберешь.

С двух часов посетили христиан — всего три дома: Озаки — бедный портной, Ито — такой же бедный учитель; у обоих жены язычницы, значит, и сами плохие христиане; Найто, за рекой от Ходака, — жена тоже язычница, и в доме иконы нет, хотя один из самых первых христиан — тоже, значит, очень плох по вере. Побыл еще я у Мияке, здешнего богача и члена Парламента, с которым познакомился на судне — дома не застал.

Моисей Ходака показался мне таким расторопным, и такой он говорун, что мне пришло на мысль сделать его помощником (ходзё) по проповеди

очень еще не опытному здешнему катихизатору, с платой 3 ены в месяц, сроком на конец шестого месяца, то есть до Собора будущего года, с тем, однако, чтобы из Нобеока не отлучался, хотя здесь может иметь другую службу. Согласился и, по-видимому, с радостью; о. Яков и катихизатор Синовара также очень довольны сим.

Вечером, с шести часов, должна была начаться проповедь для язычников, но началась с двадцати минут восьмого; едва собралось человек 25; говорил сначала о. Яков пятьдесят минут, потом я столько же. О. Яков большой мастер говорить, только после нельзя сказать, о чем он, собственно, говорил; и потому я посоветовал ему вперед объяснять тему своей проповеди и, переходя от предмета к предмету, объявлять: «Теперь о том-то». Слушали проповедь прилично, но к концу, видимо, устали; всего лучше говорить сначала вечера, пока у всех внимание свежо.

Церковь в Нобеока началась так: года четыре назад Моисей Ходака, будучи в Кагосима, стал спорить с Яковом Нива о вере и был им переспорен и убежден; вернувшись в Нобеока, он сначала возбудил негодование: «мол, в чистую местность, откуда началась Япония, забирается нечистое учение», но мало-помалу родные стали убеждаться. Призван был Яков Нива и сказал здесь проповедей семь, возбудив внимание многих; к сожалению, некому было продолжить, и почти все, начавшие слушать православие, были уловлены потом епископалами. Потом был здесь катихизатор Фома Танака, но странно вел себя — на сумасшедшего похож; потом — Павел Танака, Иоанн Мабуци; ныне Петр Синовара, — все юные и малоопытные, оттого до сих пор так мала здесь Церковь. Впрочем, не больше она и у протестантов: там разом крещены были многие, но больше крестившиеся думали о заведении сношений с англичанами и о морских выгодах, и потому ныне уже успели рассеяться. У католиков, кажется, всего один здесь.

Местность Такачихо, в 15 ри от Нобеока, весьма замечательна; там «такамано хара», «уки хаси», на который сошли Изанаги и Изанами, — два выдающиеся над рекой с обоих берегов красные камня, «ивато», где скрывалась оскорбленная Аматерасу, — пещера, в которую можно спуститься только по веревке, и в которой, говорят, есть большое озеро; словом, это местность, с которой начинается японская история. — Ри в 5 от Нобеока есть «они-но ме», светящаяся в темном месте в скале горы; лучше всего видно издали, особенно с моря, и в темную ночь, — что сие?

14 / 26 сентября 1891. Суббота.

На пути из Нобеока в Миязаки

Расстояние 23 ри. О. Яков один ездит за 1 ¹/₂ ены, теперь отдали 6 ен 20 сен, да после на чай 50 сен, ибо у меня двое везут, да под чемоданами тележка, да дождь рубил с утра. Отправились в половине седьмого

утра из Нобеока, прибыли в Миязаки в двадцать минут двенадцатого ночи. Остановились в первой попавшейся гостинице, чтобы не беспокоить спящих в церковном доме. Дорогой проезжали города: Мимицу, где домов 1000 — дома почти все с мезонинами японской архитектуры; город — у большой реки и тянется по берегу моря; Цуномац, где в два часа обедали, Таканабе, где, о. Яков говорит, есть протестанты. Множество селений по дороге. Много гор совсем каменных; камень базальтового строения окаймляет дорогу во многих местах.

15 / 27 сентября 1891. Воскресенье.

Миязаки

В восьмом часу пришел здешний катихизатор Игнатий Като, и в восемь отправились в церковный дом, расплатившись в гостинице, ибо Като сказал, что место приготовлено там. Пред домом стояли, выстроившись в ряд, все христиане с цветками в руках, в том числе серьезные чиновники; входная дверь украшена отличною зеленою аркою, а над дверью — верх безобразия! Мой портрет, да еще обрамленный соломенной веревочкой, по-синтуистски. Церковный дом очень хороший, молитвенная комната убрана прилично, и все чисто и в порядке; только увидел я, что две иконы в молитвенный дом посылать не нужно; здесь посланные из Миссии иконы Спасителя и Божией Матери (что из Новодевичьего монастыря) в приличных киотах, но первая устроена на стене против престола, пред нею лампадка, вторая висит сбоку в нише токо, действительно, если поставить ее рядом с иконой Спасителя, то лампада где? Неудобно, оттого другая икона совсем лишняя.

Познакомился с христианами; спросил у детей молитвы: мальчик Давид хорошо прочитал, дал ему Троицкий образок, девочка — худо, дал медный образок. В девять часов началась обедница; пели человек шесть и в один голос очень порядочно, почти нисколько не разнили. Проповедь была на слова «Радуйтесь о Господе», что избежали мрака, узнали Отца Небесного, сделались братьями ангелов, приобрели мир с Богом, людьми и собою, но храните эту радость усердным служением Богу (о несин) и так далее. После обедницы и проповеди так беседовал с братьями, между прочим, убеждая воспитывать детей для Неба, в чем родителям помогают Ангелы-Хранители детей, женщин убеждая, кроме того, завести фудзин симбокквей.

Обед ухитрились устроить иностранный и, разумеется, пришлось остаться голодным: мясо — тверже подошвы, суп из рыбы — горький-прегорький — должно «бата» купили.

В два часа отправились посетить братьев, всего 8 домов, в девять были в доме чиновника, еще язычника, Абе, приемыша покойника Иосифа Абе и Нины. У пяти чиновников жены и дети все еще язычники,

только сами чиновники христиане, по одному в доме; что за причина сего? О. Яков говорит, что церковное расстройство от дурного поведения бывшего катихизатора Яманоуци, позадолжавшего всем христианам для заведения поля с туловицей, будто бы в церковных интересах, и оказавшегося недобросовестным; тогда-де этим там смущены были все, что вот жены всех чиновников перестали слушать учение, а в Дзёонга-Саки домов 5 уже христианских отпали от христианства. Но, конечно, и холодность к вере чиновников-мужей причина невнесения христианства в их семьи. Чиновник Феодор, что из Оби, сегодня явил еще замечательный признак своей холодности; когда мы были у него, между прочим, говорит: «И в видах экономии полезно христианство: в прошлом году умер у меня отец, так нужно было хоронить по всем обрядам буддизма, что обходится дорого»... И тени печали или даже мысли нет о том, что отец остался навеки во тьме и сени смертной, а о том горюет, что по-язычески дорого было хоронить. Обещались ныне все чиновники, что их жены будут слушать учение; Абе с женой также обещались слушать. У Петра Нои отец-старик не помешал сыну с семейством сделаться христианами, а сам и слышать не хочет о вере! Толковал-толковал я ему о необходимости слушать учение, — говорит: «Ничего не слышал», и говорит это на вопрос данный вдали от него и негромким голосом; значит, хитрит старый на свою голову!

С семи часов была назначена, с половины восьмого началась проповедь для язычников; на этот раз говорил я первый, чтобы говорить усталой аудитории; слушали очень внимательно; кто-то один нелепо кричал что-то, упоминая мое имя, наруже; но это почти не мешало говорить и слушать. Тема была: о необходимости для человека веры, о том, что такое истинная вера, и изложены догматы сначала до грехопадения; проповедь продолжалась час слишком. После меня говорил о. Яков; аудитория наполовину сократилась, но оставшиеся также слушали внимательно, а он говорил отлично.

Несколько чиновников и их жен опоздали к моей проповеди; так Игнатий просил сказать еще для них кое-что; сделано и это; в одиннадцать часов кончено слово, и слушатели и христиане разошлись.

Жарко и Миязаки в это время так, как в Токио бывает среди лета, и комаров бездна; здесь даже жарче, чем в Кагосима.

Город лежит среди равнины, и общий вид отчасти напоминает Саппоро, также много зелени и групп больших деревьев.

16 / 23 сентября 1891. Понедельник.

Минзаки и Дзёогасаки

Утром, с семи часов, было крещение двоих — племянника чиновника Георгия Мори, ученика Николая Накано, и младенца, сына Петра Нои.

После — часов в десять, поехали в Дзёгасаки посетить христиан, но увы! Пришел один только фонарщик Яков Секия (наученный христианству Петром Сираи, который сам потом ушел из Церкви, повторение истории Иуды, который тоже, вероятно, многих научил до измены); прочие 6 домов, 14 человек, совсем отпали от христианства, а здешнему катихизатору и горя мало! Жалуются на Яманоуци, он-де расстроил — благо есть на кого свалить, а своей беспечности не сознают ни о Яков, ни Игнатий Като. Зашли мы в дом Симеона Кисима: в правом углу буддийская божница с свежью зеленью, в левом синтуистская веревка, а икона Спасителя стоит на полу, на токо: так язычество победило Христа в доме! Больно было смотреть. Пришел, наконец, и хозяин, и, кажется, у него не совсем исторгнуто христианство из сердца, дрожа явился, между тем, как если бы совсем все потерял, стоило сказать ему, обращаясь к нам: «Идите, я не знаю вас»; вечером обещался прийти в церковный дом; жена его, как тигрица, держа одною рукою ребенка у груди, другую размахивая ковшом, ходила по дому и около; прочем, когда мы стали уходить, ослабилась и она: «А чаю?» — говорит, видя, что совсем уходим; таков заветный обычай — угощать чаем, и такова японская вежливость, что даже сварливая язычница не решается нарушить их. Из соседнего дома все до единого ушли до нашего прихода, догадавшись, что мы зайдем и к сим верным; о прочих в деревне сказали, что их тоже никого нет дома. Так мы и вернулись ни с чем. Дал я наставление Игнатию непременно завести проповедь в Дзёгасаки, тем более, что и деревня то совсем близко, только через длинный мост, каждый день может ходить на проповедь; место для проповеди должно быть найдено в той местности, где охладевшие христиане, но не обращаться к ним настойчиво, а открыть проповедь вообще для язычников; кстати, пригласить и их слушать; авось-либо оживут. Самое лучшее бы нанять дом Симеона Кисима на часы проповеди: дом большой, удобный; Симеон тогда, наверное, оживился бы; быть может и жена — хоть из-за выгоды смягчится.

Вечером сегодня предположено было женское собрание для утверждения правил и избрания «говорил» на следующее собрание. Хотели собраться к семи — собрание открылось в десять минут девятого: самый досадный недостаток японцев — недержание слова и недорожение временем. Продиктованы были мною правила, какие приняты в других Церквах, и приняты единодушно; на следующее собрание во второе воскресенье десятого месяца выбраны две «говоруньи», из коих одна Ирина Найто, бывшая в Миссийской школе и живущая за 3 ри от Миязакки, в Кураока, откуда будет приходить на собрания вместе с матерью; выбраны и две хозяйки.— Затем предложено было избрать фукёин из мужчин и женщин, но все нашли это ненужным, уверяя, что все поголовно будут стараться о распространении веры. Потом я рассказал о страданиях завтра празднуемых мучениц, о. Такая кратко объяснил молитву Господню, Игнатий Като плел о воспитании детей, и очень вяло, и

усыпительно. В заключение я поблагодарил за прием и распрощался с христианами, имея уехать дальше рано утром. Из Дзёогасаки никто не был, кроме жены Секия; Кисима обещался быть сам и привести других и надул — должно, жена запретила.

Церковь в Миязаки состоит из 9 домов с 20 христианами; да в окрестностях есть христиане; всего с окрестностями в этой Церкви 48 христиан. Трудились здесь по проповеди: Петр Сиракава, Павел Косуги, Павел Яmanoуци, Лин Исизака и ныне Игнатий Като. Нужно бы сюда человека поживее Като, который сделался несносно вялым.

17 / 29 сентября 1891. Вторник.

Мияконодзё

В семь часов утра выехали из Миязаки в Мияконодзё, 15 ри от Миязаки, и приехали на место в шесть часов вечера; дождь лил весь день. Дорогой заехали в Такаока, 4 ри от Миязаки, к чиновнику Кириллу Ицидзи; у него и икона спрятана, креститься не умеет, в доме один он христианин и видно, что плохой; но когда бывает в Миязаки, в Церковь приходит; кое-что христианское в душе хранится. Лет пятнадцать тому назад он был у меня на Суругадае с Накаоодзи и думал поступить в Катихизаторскую школу, но сацумское восстание отвлекло.

В 6 ¹/₂ ри от Миязаки, в Ямасита, деревеньке домов 15, заехали к христианину Ивану и жене его Марье, мелко торгующим съедобным; Ивана дома не нашли, Марья угостила обедом, время которого тогда было, и видно, что женщина добрая, нянчит собачку за неимением детей. В Ситае, деревеньке только что начавшей свое существование с проведением здесь дороги, построен охотничий дом князя Симадзу, приезжающего иногда охотиться здесь в своих лесах на кабанов.

Дорога сегодня почти все время шла по берегу большой реки, потом в гору, и чем выше, тем страшнее становились обрывы и обвалы от нынешних дождей и виднелись пропасти, до дна которых глаз не достигал.

В Мияконодзё привели остановиться в отличную гостиницу, но затем показали преубогую Церковь; дом-то церковный — отличный, но живая Церковь состоит всего из четырех душ, и то не здешних, а приходных. Стоило держать здесь катихизаторов и расходоваться четыре года, а о. Якову и горюшка мало! Отслужили вечерню, сказал и назидание братии, а потом предложил на рассуждение, не убрать ли отсюда катихизатора в другое место, где он может быть более полезен. Священник и катихизатор никакого не могли дать совета и позорно молчали; насилу выручил собрание доктор Куно, слушатель учения; он стал представлять, что теперь только настает время для учения здесь, доселе народ был не настроен в пользу слушания; к тому же катихизаторы протестантизма и православия много поносили взаимно учение один другого,

подрывая тем в глазах слушателей авторитет учения (должно быть, Петр Тадзима). Между тем в комнату понабрались и язычники-чиновники; рассуждение было при них, и некоторые тоже подали голос за удержание здесь катихизатора. Потом я обратил несколько слов к ним о необходимости веры для человека и для них в частности.— В одиннадцатом часу вернулись в гостиницу, где была приготовлена ванна и ужин. Вечером здесь уже прохладно, так как местность возвышенная.

На полях в Хиунга, на пространстве 20–30 сажений, можно видеть возделываемые подряд: сахарный тростник и туговицу, вату и горох, чай и просо, и прочее. Рис везде также возделывается. У дороги между другим мелкоколесьем множество камелий, которые также идут на дрова, как и простой сосенник.

*18 / 30 сентября 1891. Среда.
Мияконодзё и Сёонай*

Утром, в восемь часов, отправились в селение Сёонай, 2 ри от Мияконодзё, повидаться с тремя христианами: так как дома их разбросаны, а дождь делал дорогу среди полей непроездной и не проходной в сапогах, то Ходака, отправившись несколько ранее, собрал христиан в постоянный дом, где я и увиделся с ними; христиане совсем новые и плохие; в домах даже икон нет, и, очевидно, не соблюдают они обычных молитв. Дал им по троицкому образку и завещал молиться, а также и поведением, и словом являть здесь христианство; все трое мужика, хотя, говорят, из сизоку, — безграмотные, что особенно неудобно при поучении вере и молитвам.

Так как в дом собралось много язычников, то предложено слово и им; любопытствующие только видеть иностранца скоро разошлись, более серьезные, человек 15, слушали до конца. Между ними были: хозяин гостиницы — Ногучи и торговец Ямаку. Оба сии в минувшую двадцать четыре года тому назад войну за Императора при уничтожении Сёогуна-та, дрались на стороне империалистов, и увы! Не получили до сих пор награды за то; все прочие войны, как сизоку или вообще двухсабельные, награды получили, а они оба, как из простонародья, обойдены были.хлопотать о сей награде был в Токио Ямаку девять лет тому назад, и был тогда у меня, на Суругадае, — советоваться, как он ныне говорит, о своем деле, и до сих пор помнит меня, хотя я никак не мог его припомнить, к сожалению. И — о ужас! До сих пор, вот уже двадцать четыре года по восстановлении Императора, никак не могут добиться они, два героя, вознаграждения своих заслуг, и до сих пор ведут тяжбу о сем. Советовал и им продолжать слушать учение, но что-то мало надежды, что сии герои хоть мало смирились под иго Христово; у гостинника и ныне глаз подбит — геройства, как видно, не склонен бросить.

Вернувшись, пришлось очень плохо пообедать почти ничем, потому что наготовили мясного и яиц, несмотря на то, что вчера толковал — сегодня, кроме овощей и рыбы, ничего не давать. Потом был вчерашний врач Куно, сын усердной здешней христианки Анны. Говорил, что катихизатор здешний не делает ничего здесь — гуляет, как ребенок, с молодыми товарищами; в дома, где расположены слушать учение, не ходит — робок, слаб, совсем как ребенок, хотя поведения не дурного. Совершенная правда, вижу сам это. Но пока совсем нечем его заменить. Куно говорил про врача Сенокуци, что он в душе совсем верует, но боится открыто сделаться христианином, ибо всю практику потерял бы. Сам Куно, по словам Ходака, такой же. Куно еще говорил про самого старого здесь врача Нобе, лет шестидесяти, что он имеет в руках список моей речи при погребении маленького Сайго (я в первый раз слышу, что эта речь записана) и часто говорит, что дело душевное именно такое, какое по моей речи; но ко мне Нобе ныне почему-то не пришел, когда его звал двукратно Куно — раз ко мне в гостиницу, другой — к себе, когда я был у Куно, — должно быть, тоже боится потерять больных.

В четвертом и пятом часу обошли дома христиан: Анна Куно приняла у сына, — у нее же ныне сын положил больного; Иосифа Оокуса — юношу — не застали дома, но отец и мать отдали почтение, хотя сами и не думают слушать учение; икона висит как прилепленная на стене картина, без рамы и даже без доски; у чиновника же Иоанна Нигатомо и совсем спрятана икона. «Не примите, что я дурно думаю об учении, но времени нет ходить на богослужение», — стал оправдываться он, не думая, что еще больше обвиняет себя, выражаясь об учении, как выразился бы язычник; жена его и двое детей язычники. А все оттого, что катихизатор ни к чему не годный; дорогой журил его за бездеятельность и за слабость и робость в проповедывании. Уцида не застали дома, девчонки, сестры жены Павла Оциай, тоже. Вот и вся Церковь, почти равная нулю, за исключением усердной христианки Анны Куно, находящей, по словам ее сына, всю радость жизни в молитве; она и от нервной болезни исцелилась принятием христианства, значит — чудесно.

С семи часов назначена была проповедь для язычников, с половины восьмого началась; была первоначальная, как обыкновенно для язычников; слушателей собрался полный церковным дом и коридоры; много стояло и вне; слушали очень внимательно; только мальчишки снаружи мешали криком; продолжалась один час и двадцать минут; затем о. Яков говорил с час. Когда язычники разошлись, сказано было еще несколько к христианам и готовящимся к христианству о необходимости христианской веры и для блага Японского государства, ибо японский народ, несомненно, скоро может сделаться богатым, но если в то же время не примет христианства и не наложит чрез то узды на свои страсти, сдерживать которые язычество сделалось бессильным, то от роскоши и упадка нравов скоро погибнет. Поблагодарил также христиан за кастеру,

которую они принесли в подарок такую огромную, какой я и в Токио не видал; она пошла на угощение их же после проповеди. На проповеди было много чиновников; между прочим с маленькими двумя дочерьми, которые, конечно, дремали; он с ними еще до проповеди был у меня; двенадцатилетняя дочь его только что в мае приехала из Токио, а там жила на Суругадай, как раз около Миссии, в доме Сакамото, и часто гуляла со мной в Миссии; отец когда-то и сам жил на Суругадае около Миссии; теперь он, желая непременно сделать мне какой-нибудь подарок на память, пришлет широкую доску из глазастого кеяки на стол; я обещался устроить из нее что-нибудь в Соборе (стол в разницу, например), под тем видом и согласился принять; будущей весной с младшим братом, торговцем, обещался прислать.

Итак, в Миякодзэ: гостиница — хоть куда, но Церковь — хоть брось; куда как лучше бы наоборот!

19 сентября / 1 октября 1891. Четверг.

Какуто — ночлег

В семь часов утра выехали из Миякодзэ в Хитоёси; дорога была пре-скверная, и потому сделали всего 13 ри и заночевали в Какуто, в 9 ри от Хитоёси. Пред Кобаяси, 9 ри от Мияконодзэ, чрез речку пришлось переходить раздевшись догола — другого средства перебраться не было. В Кобаяси есть один христианин — полицейский Иоанн из Мияконодзэ; с ним повидались; была еще здесь жена Моисея Ходака из Нобеока, Марья, которую мать ее, отобравши у Моисея, отдала служащему здесь полицейскому Боба, но и ее, ни Боба в городе не нашлось ныне.

Местность, которую сегодня проезжали, очень живописная; вблизи виднелся дымящийся вулкан; в иных местах едешь, точно по большой теплице: среди камелий, лимонных и разных других вечнозеленых деревьев; впечатление портили только плохие дома с ветхими соломенными крышами и грязная дорога. Поля везде отлично возделанные; рис превосходный, даже видел водную коноплю, наравне с чайными кустами.

В Какуто едва попали: чрез большую реку нужно было переходить в темень, в восьмом часу, по узким гнущимся доскам; я, конечно, упал бы, и потому предпочел полураздеться и сесть в тележку, в которой и перевезли, с нижнею частию тела в воде. И преплохой же ночлег здесь, должно быть, — блохи уже едят, когда сидишь, а что будет, когда ляжешь?

20 сентября / 2 октября 1891. Пятница.

Хитоёси

В виду вчерашнего заявления хозяйки, что в ее фтонах «номи» нет, а «сирами» «скосику» есть, я лег спать прямо на матах, подославши кетто,

но «номи» оказалось столько, что пять раз пришлось вставать, чтобы вытрясать их из белья, заснуть почти не пришлось. Зато путешествие утром вознаградило ночную невзгоду. От Какуто — подъем на гору (Какуто-гое) ровно 3 ри и спуск потом столько же; поднялись выше облаков; и когда солнце залило светом всю глубокую долину между горами, покрытую облаком, — что за прелестный вид всей местности! Понимаешь, почему Священное Писание представляет Господа сидящим или восходящим и нисходящим на облаке; легче и прекраснее ничего нет на земле. Человеческое жилье, виднеющееся кое-где сквозь облака внизу, кажется кучками муравьев — как мелки дела человеческие в сравнении с Божиим созданием!

С вершины горы носильщик наших с о. Яковом чемоданов спустился по прямой тропинке вниз; мы же, не предупрежденные о том, вместе с нашими возницами встревожились, думали, что он убежал с чемоданами, и часа полтора ждали и разыскивали его. Впрочем, в Хитоёси прибыли не поздно, всего три часа было. Катихизатор Павел Косунги и 8 человек христиан, в том числе Павел Курамото, встретили в деревне за 3 ри от Хитоёси. По прибытии в город встречены были христианами у церковного дома, пред которым христиане выстроили зеленую арку. Отслужена была мною лития и сказано небольшое слово, после чего катихизатор познакомил меня с христианами; дети испытаны были в знании молитв, и все решительно оказались знающими не только главные молитвы до «Отче наш», но и 50-й псалом, и все без стеснения прочитали молитвы, даже трех-пяти летние знают краткие молитвы и умеют истово креститься. Этим Церковь больше всего обязана жене катихизатора Агафье: она и представляла детей, заставляла их читать, поправляла, подсказывала. Ей же Церковь обязана и пением, которое в один голос довольно стройное и умелое; видно, что много потрудились она, обучая детей и взрослых; много детских голосов, участвующих в пении, делает то, что оно слышится несколько хоровым. — Поговорили еще несколько о церковных делах и разошлись до вечерни. Главные радетели здешней Церкви — это: Павел Курамото, богатый купец, тридцати трех лет, и его мать Елена. Они почти одни купили землю под Церковь с домом (150 ен), пристроили к нему алтарь и поддерживают церковный дом; другие христиане участвуют, но мало, притом же другие христиане здесь почти все родственники Павла Курамото. Еще другой превосходный христианин, с которым я ныне лично познакомился, сизоку Иоанн Кикици, живущий в Юномае, 8 ри от Хитоёси; он — бывший Кароо здешнего князя, управлявший здешнею местностью; человек ученый, умный, превосходной нравственности и ныне ревностный христианин; он когда-то убеждал Павла Курамото принять христианство; когда же сей, будучи в Оосака, узнал там православную веру и, приняв ее, вернулся сюда, Кикици возревновал и сам не медлит с принятием. —

«убеждал-де других, сам отстал»; сделавшись же христианином, и весь свой дом обратил в христианство — и ныне у него истинная домашняя Церковь; в праздники непременно совершаются в доме богослужения, на которых сами поют и читают; пению отчасти помогает живущий в Юномае учителем школы Григорий Такая, сын о. Якова, когда-то бывший в Семинарии (и исключенный по решительной неспособности к изучению русского языка, а ныне в школе в Юномае преподающий, между прочим, аглицкий язык! И вот такие преподаватели, вероятно, в половине школ, — а изучают; сущее аглицкое!). В Юномае есть еще один христианский дом, где три христианина. — Иоанн Кикучи почти со всем своим семейством и христианин из другого дома к моему приезду прибыли сюда и, обнаружив чрез то истинно приятное христианское усердие, сделали, кроме того, совсем ненужным мое путешествие в сторону за 8 ри, чтобы познакомиться с ними и благословить их.

С семи часов началась вечерня, которую служил о. Яков; пели всю вечерню очень стройно. Я сказал слово о христианском усердии (несин). Затем было рассуждение о необходимости умножить «фукёоин», причем предложено было: или избрать еще нескольких вдобавок к ныне считающимся двум, или — всем быть фукёоин'ами. Косунги — катихизатор — был за первое, но Иоанн Кикучи выразил, что при христианском усердии всем следует быть фукёоин'ами; большинство стало за его мнение: Косунги предложил потом оставить фукёоинство за всеми до следующего приезда, в декабре, сюда о. Якова; если к тому времени эта мера окажется целесообразною, ее и утвердить, если нет, тогда избрать фукёоин'ов; с сим и Кикучи согласился — и этим решено. Здесь существует «сейнен-сейсё кенкиу квай»; собираются пятеро молодых людей по вечерам в воскресенье читать и толковать Священное Писание. Я предложил каждому из них стараться привести на это собрание знакомого язычника, или двух-трех, но уже им по очереди готовиться к сим собраниям, чтобы язычники видели, что такое в нашем Священном Писании, и располагались к христианству; читать в Священном Писании самые важные и наиболее простые места, например, Нагорную беседу, и наперед — по книгам готовить истолкование их. Приняли это и обещались приводить язычников. В одиннадцатом часу беседы наши кончились. Гостиница, в которой номера заняли для меня, оказалась порядочною.

21 сентября / 3 октября. 1891. Суббота.

Хитоёси

С восьми часов утра была обедня, потом панихида по умершим в этой Церкви десяти христианам; проповедь о поминовении умерших с объяснением дней поминовения, значения кутьи и прочее. Все продолжалось

до половины двенадцатого. С часу пошли посещать дома христиан. Дом Павла Курамото очень богатый и торговля большая — лавок много; капиталу до семисот тысяч. Хочет пуститься в Сибирь для разведок, нельзя ли с нею завести торговлю. Один из христиан делает бумагу из коры дерева Коодзу, которым тут же у него засажен двор. Бедным нашли только один дом, где и оставлена небольшая помощь (3 ены). Посетили христиан только в городе; к разбросанным за 1 ри и более не ездили, ибо если у них быть, то нужно ехать и в Юномае; между тем все отдаленные христиане были здесь, и я с ними виделся. С половины седьмого вечера началась всенощная и кончилась около восьми; ирмосов, по незнанию их, не пели; прочее все читали и пели очень хорошо, только очень растягивали. После всенощной я рассказывал житие завтра празднуемого мученика Фоки и затем говорил на слова «непрестанно молитесь», что всеми своими делами мы должны служить Богу и Ему их, то и будет как бы непрестанная молитва. Перешли к делу учреждения женского собрания — ежемесячно с речами самих христианок и прочее, как в других Церквах. Христиане охотно приняли все; к следующему воскресенью, второму в этом месяце, выбрали двух говорил и одну хозяйку. Между тем и сегодня две приготовили речи собранию — жена катихизатора Агафья и сестра Иоанна Кикиуци Варвара, и говорили; вторая по книге и плохо, первая бойко.— Фулэо — служить женщины обещались все, как и мужчины вчера.

22 сентября / 4 октября 1891. Воскресенье.

Хитоёси

С десяти часов была литургия, отслуженная о. Яковом; пели правильно и хорошо. Слово было о том, чтобы не приленяться взором и сердцем к видимому, а взирать на невидимое. Приобщились одна старуха и дети. Так как заметил я, что во время совершения Святых Даров и прочего христиане не делают земных поклонов, то после литургии сказал о значении Святой Евхаристии и о том, что при поклонении Святым Тайнам на литургии непременно нужно делать: при совершении Святых Даров, при явлении их — первом и последнем — в Царских Вратах. Сказал также христианам, что пора им думать о своем священнике для этой местности только, тем более, что о. Якову весьма неудобно заведывать такую далекою и горами отделенною от него Церковью. (Павел Косунги, которому ныне тридцать лет, кажется, мог бы быть поставлен священником для них).

В два часа пришли ко мне в гостиницу с метрикой о. Яков и Косунги, и мы уяснили число христиан здешней Церкви; всего: 102 человека, в том числе 4, неизвестно где ныне обретающихся, и 2, совсем ослабевших в вере. Всех же христиан у о. Якова оказывается:

В Кагосима с окрестностями:	161
В Нобеока с окрестностями:	15
В Миязаки с окрестностями:	48
В Мияконодзё с окрестностями:	12
В Хитоёси с окрестностями:	102
Итого:	338 человек

Есть, кроме того, неуясненные и затерявшиеся, которые по мере того, как объявятся, будут замечены, и о. Яков позаботится о них лично или письменно — так он обещался. Вообще, о. Яков — священник довольно хороший; вял, но это в его характере, зато хорошо проповедует и заботливость о Церкви и христианах обнаруживает; служит также благоговейно; очень симпатичные черты его характера — скромность и тихость.

Думал было я ныне позвать Павла Курамото и Иоанна Кикиуци, главных здешних христиан и богачей, и поговорить с ними о построении Церкви и поставлении священника для этой Церкви, но о. Яков и Косунги нашли, что рано еще, мало силы у Церкви для того, лучше отложить этот предмет на следующий мой приезд, чрез два года, когда Церковь, даст Бог, расширится и возрастет в силе — так и сделали.

Так как завтра утром расстаюсь с о. Яковым, то поблагодарил его за труд по Церкви. Замечательно еще его бескорыстие, на обратный путь в Кагосима совсем не хотел брать от меня денег, когда же я настоял, он взял 2 ены, — видимо, очень скромно, на 27 ри. Но в расплатах в гостиницах и с ямщиками виден в нем бывший барин — любит заплатить щедро.

С семи часов вечера была назначена, с половины восьмого началась проповедь для язычников в церковном доме. Сначала говорил я первоначальную к язычникам, потом о. Яков, в заключение опять я сказал несколько в ответ возражающим, будто христианская вера, как иностранная, вредна для Японии: напротив, без христианства Япония погибнет; ибо что она сделается богатою, это несомненно, но с сим, без обуздывающей страсти веры, разовьются роскошь, плотоугодие и все пороки...? Кончилась проповедь в десять часов; слушателей было человек 400, и слушали хорошо — будет ли плод, Бог весть.

23 сентября / 5 октября 1891. Понедельник.

Мияхага — ночлег между Хитоёси и Курамото

Утром в Хитоёси братья собрались в церковном доме попрощаться. В некоторую награду за труды жены катихизатора Агафьи по обучению детей молитвам дал ей 5 ен да на певчих 2 ены. Павел Курамото собрался отправиться вместе со мной, говорит, по собственным делам в Яцусиро, но больше, кажется, чтобы проводить. В Церкви поблагодарил при всех

о. Якова за труды по своим Церквам, также Павла Косунги, и простился с ними и со всеми. Впрочем, все проводили до лодки, на которую мы с Павлом Курамото сели из его дома, около восьми утра. Путешествие от Хитоёси до Яцусиро, 16 ри, по реке Комагава очень интересно: река в этом пространстве имеет падение в 1 ри, оттого течение весьма быстро, в иных местах река точно бешеная, в иных прямо маленькие водопады. На полпути, в 8 ри от Хитоёси, есть на правом берегу, в деревне Кооносе, замечательная пещера с темным озером внутри; с лодки сходить посмотреть ее и вернуться составляет всего тридцать пять минут. Пещера носит имя «Ивадо».

В Яцусиро прибыли в три часа, в более полную воду делают путь в шесть часов, тогда как на обратный путь употребляют два дня; лодки тянут бечевою, или идут на местах; в иных же местах, просто вышедши из лодок, тащат их. По реке, против деревень, с лодок удят рыбу; виднеются и ворота, совершенно такие, как в России. По берегу реки дорога и телеграфная линия.— Не доезжая до Яцусиро, встретил меня о. Петр Кавано. Яцусиро большой город; жаль, что нет катихизатора поставить в нем, а инославная пропаганда здесь уже есть. Из Яцусиро до Кумамото 12 ри. Мы заночевали в трех ри от Яцусиро, в Мияхара, куда прибыли в восемь часов. Дорога из Яцусиро доселе превосходная, и поля отлично возделанные; теперь как раз время жатвы и молотбы риса; копны и снопы напоминают золотые поля русские.— На ночлег о. Петр рассказал, что христиане Накацу настоятельно просили убрать от них катихизатора Григория Такахаси; негоден сей юнец, хотя и воспитанник Семинарии, нигде,— слаб характером и сердцем плохонек, хоть и умен; не знаю, что с ним делать, куда его деть. Ныне он живет в Янагава.

*24 сентября / 6 октября 1891. Вторник.
Кумамото*

Около семи часов утра выехав с ночлега, за 9 ри, приехали в Кумамото в двенадцать часов. Катихизатор Георгий Оно с некоторыми встретил ри за два. Прибыв в церковный дом, нашли христианок 7–8 с детьми; мужчин почти не было. Отслужил я литийку и сказал несколько слов, потом стал спрашивать у детей молитвы,— никто ничего не прочитал; заметил я катихизатору — и недумавшему учить детей — и священнику о. Кавано, что они не исполняют своей обязанности и вперед должны заботиться о поучении детей не менее, чем о поучении взрослых. После сего стал толковать женщинам о необходимости завести «женский симбокквай» и как это устроить. Женщины обещали посоветоваться.— Пообедать принесли японское бенто.— Со священником и катихизатором привели в ясность положение Церкви. Оказалось налицо в Кумамото 35 христиан; в других местах, но принадлежавших к сей Церкви, равно

охладевших 31; всех 66 членов; девять лет тому назад было 3 и один охладевший (он и ныне на счету, но где обретается — неизвестно). Мало-успешна была сия Церковь, несмотря на то, что здесь жил священник; причина та, что малодетельные до сих пор все люди были, и теперешний катихизатор — только имя носит катихизатора, не делает же ровно ничего, и, к сожалению, нельзя этого поправить, ибо ему за сорок лет — вялость не исправить, на место же его нет никого.

Вечером с семи часов была вечерня, потом проповедь об усердии, перешедшая в убеждение заботиться о распространении веры самим христианам; о ни все обещались; почти все мужчины и были; из них особенно усердны Матфей Ямамото, которого я застал христианином еще девять лет назад, и Петр Ивао, брат Федора, бывшего в Семинарии. Завтра вечером предположено женское собрание; женщины, вероятно, все также согласятся служить верораспространению (фукёоин). Мы же с о. Петром обещались поселить здесь еще Григория Такахаси, чтобы было для такого большого города два катихизатора.— Ночевать Лин Исизака (бывший катихизатор) привез нас с о. Петром в гостиницу, устроенную наполовину по-европейски, где и пишется сие.

25 сентября / 7 октября 1891. Среда.

Кумамото

В восьмом часу пришли мы с о. Петром Кавано из гостиницы, где ночевали, в церковный дом. Обедницу сегодня назначили отслужить еще вчера и собраться помолиться всем, по возможности. Но увы! Человек пять всего пришло! Плохи христиане! Тем не менее службу отслужили и проповедку сказали. Затем отправились посетить христиан; были только в семи домах; к прочим оказалось неудобным: кто живет у язычников, кто на службе — дома никого нет, а Моисей Китагава просит не быть у него, потому что в доме больной язычник; зубной врач, никогда не бывающий в Церкви, сконфузился, когда мы вошли в комнату его с языческой божницей, и поскорее попросил наверх к себе — это-де комната жены — язычницы. Когда вернулись домой, пришел какой-то волосатый, в белом балахоне, Ямазаки по имени, брат которого был двадцать лет назад у меня в школе; ищет Христа вот уже три года у протестантов и католиков и все еще не нашел Христа-Бога, не верует: пришел мне выложить свои выражения; прежде часа полтора толковал с о. Петром внизу, потому что я только что получил пренеприятные письма: от о. Сергия — ураган ворота чугунные в Миссии разломал; от о. Ямагаки — жену Марину, преследуемую тещей, в Вакаяма отсылает; от Нумабе — дело о перемене священника в Нагоя,— и читал их; приняв потом сего волосатого, толковал и я с ним с час — переливание из пустого в порожнее с такими людьми. Я ему сказал прямо, что у него в душе дыра —

сколько ни лей, все — вон; пусть молится Создателю, чтобы исцелил сей изъян, иначе никогда ничего не поймет и ни во что не уверует; собирается путешествовать по Китаю и Сибири без денег, долго пропутешествует! — Ответил на письма: о. Сергию, чтобы сделать новые ворота, о. Ямагаки, чтобы ни под каким видом не отпускал от себя жену.— Пришел христианин из Ямага Матфей Ето; по-видимому, хороший христианин; он из той деревни около Ямага, откуда Ито, что в России помер; там есть еще один христианин Лука Сиката, но ныне болен, прийти сюда не может, послал ему образок, равно как дал таковой и Матфею; дал ему, кроме того, наружный и внутренний виды храма на Суругадае. Прочих христиан, четырех, названных мне вчера о. Петром и Георгием Оно, в Ямага нет; вышли в другие места; а один, Симеон Сато, давно уже помер и похоронен, а священник и катихизатор о том не ведают — хороши!

С семи часов вечера была вечерня, но совсем мало собралось мужчин и женщин; последних было взрослых пять, хотя для них сегодня преимущественно и было собрание. После службы я сказал, что женское общество, которое ныне мы собрались основать было еще при Спасителе: святые жены-мироносицы, которых был сонм,— пример для всех последующих женских благочестивых собраний и обществ; во время Апостолов были диакониссы, имевшие своим особенным назначением служить Церкви... Итак, ныне основываемое женское общество имеет издали благословение Спасителя и Апостолов, поэтому оно непременно будет прочно существовать и приносить пользу Церкви, если только сами женщины приложат старание о том.— Сказаны были вкратце правила: собираться раз в месяц, самим готовить для себя кооги и прочее, как в других «фудзин — симбокквай». Потом предложено женщинам сделать начало — сказать что-нибудь; Саломея, жена Лина Исизака, по книжке преплохо прочитала половину жития святой Феодоры; Юлия, другая предположенная к говоренью, отказалась. Избрали говорящих на следующее собрание — в третье воскресенье месяца, в два часа пополудни,— тех же; хозяйек двух также избрали. Потом еще я сказал поучение на слова «Непрестанно молитесь», обращая все свои дела в молитву. В половине десятого собрание кончилось, и мы с отцом Петром отправились далеко в гостиницу ночевать, что не совсем-то удобно.

26 сентября / 8 октября 1891. Четверг.

Кумамото и Янагава

Утром, когда хотел расплатиться в гостинице, хозяин (весьма молодой, приличный и образованный человек) сказал, что Лин Исизака просил не брать денег — он сам заплатит, и не взял; нечего делать, пришлось на чужой счет прожить, хотя я всячески избегаю этого, убеждая усердствующих

христиан жертвовать на свою Церковь то, что хотят истратить на меня.— В церковном доме, когда прибыли, разбиралось о Петром дело Григория Такахаси: читали множество писем христиан, просящих об одном — убрать его из Накацу. Слаб этот Такахаси, как малый ребенок; там поселился у него некто нахал Кимура, объедал его да вовлек в долги, да и в разврат еще: пьянствовали вместе, кажется, и блудили; на расходы же заложили гробный покров, выписанный из России, удерживали квартирные у себя, занимали; негоден совсем Такахаси на службу Церкви! Сделали еще попытку — поместить его здесь, около пожилого Георгия Оно, который может охранять его от дурных людей, но едва ли и здесь будет от него какая-либо польза. Хотел заплатить за него долги, но по разборе всего дела вижу, что сделать бы это значило — воспитывать зло; нельзя, пусть из содержания выплачивает, хотя бы для того нужно было сократить то, что он дает отцу; пусть и последний учит сына служить как должно.

С одного часу назначена была проповедь для язычников, о чем объявлено в газете (хлопотал Лин Исизака); к этому времени мы с о. Петром прибыли в «боогоквайся» (онорео-васуруу квайся) — здание, назначенное для всякого рода публичных речей и совещаний. С половины второго о. Петр начал свою проповедь, с двух я — первоначальную к язычникам проповедь; народу было, вероятно, более 500; слушали спокойно; кончена проповедь в двадцать минут четвертого часа. Были три миссионера, из коих двое аглицкие епископалы, один американский конгрегационал. Вернувшись с проповеди, между прочим принял в Женскую школу сироту Иноуе, двенадцати лет, и дал ее матери 10 ен для отправления Веры в Токио; мать — Марфа — недавно осталась вдовой и двумя детьми и без всяких средств воспитать их; отец, чиновник — был усердный христианин.

В пять часов мы с о. Кавано выехали на станцию чугунки — в Янагава; почти все христианки и те из христиан, которые, по службе, могли быть, собрались на станцию проводить. В шесть часов выехали из Кумамото и около десяти вечера были в Янагава; несмотря на такое позднее время, христиане и христианки встретили в церковном доме, в котором, кроме того, оказалась целая комната язычников, или слушающих учение, или даже еще не начинавших. Надев епитрахиль и малый омофор, я отслужил сокращенно молебен и сказал слово, какое только по утомлению мог сказать, обращенное к христианам и отчасти к язычникам. В одиннадцать часов кончено было, после чего был частный разговор с христианами, и около двенадцати часов мне указали на ночь помещение в доме христианина Григория Фурусава, чиновника, за 5 чё от церковного дома; хлопоты об устройстве комнаты и постели всей семьей, начиная со старика Иосифа и кончая двенадцатилетней Лукией, показывали трогательное радушие хозяев.

27 сентября / 9 октября 1891. Пятница.
Янагава

Утром, в седьмом часу, по каналу на лодке хозяин Григорий отвез меня и ночевавшего там же катихизатора Давида Парита в церковный дом; утро было чудесное и вид по каналу очень красивый и интересный. С восьми часов стали служить обедницу; пели очень стройно; Софья Абе, дочь о. Такая, воспитанница Миссийской женской школы, учит пению; пение маленьких девочек тонкими звонкими голосками особенно красит хор; братьев и сестер собралось человек 20. Проповедь была на слова «Вы есть благоухание Христово», поэтому должны всеми своими делами являть Христа, и все их посвящать Богу, тогда ваши дела будут почтенны, ценны, составят делание не только для Земли, а вместе и для Неба. Во время проповеди упала дверь на головы близ сидевших (не причинив, впрочем, большого вреда), что дало мне повод, после службы, настаивать, чтобы поскорее постарались построить настоящую Церковь, хоть маленькую; стыдно центральной Церкви, где священник имеет богослужение в таком вот старом здании; если сама здешняя Церковь не в состоянии построить, то она может просить помощи у других Церквей, подведомых о. Петру Кавано, и те, вероятно, не откажут. Отныне в продолжении двух лет (до следующего моего приезда сюда) непременно здесь должно быть построено приличное здание для совершения литургии. Это тем более возможно, что и землю купить, и Церковь, даже с помещением для катихизатора, построить здесь можно за 250 ен.

Янагава славится рыбой, угрями, которой водится множество в каналах, пересекающих город по всем направлениям; поэтому и обед был преимущественно из угрей. После обеда посетили дом о. Петра Кавано, дом кенвай гиин'а Мори, мать и жена которого христианки; с час беседовали с ним о необходимости и ему принять святую веру; посетили и еще несколько домов.

Вечером с семи часов была вечерня, после которой нужно было беседовать с христианами о фукё и прочем, но набралось столько язычников, что нельзя было их оставить без слова, поэтому, обратясь к ним, сказал несколько о том, что пришло время для Японии оставить синту, буддизм и прочее ложное и принять истинную веру, данную людям Самим Богом, и объяснил несколько начальных догматов христианства; с час продолжалось слово, после чего язычники ушли, мы же беседовали о фукё: не пожелали избирать, а все хотят служить распространению Христовой веры; о фудзин-симбокквай — утвердили его существование и избрали говорящих и прочих на следующее — первое — собрание; о необходимости построить храм: обещались хлопотать о сем, по преимуществу, старик Иосиф Нагаи и учитель Григорий Сато; через два года, Бог даст, будет маленький храмик; для начала я пожертвовал 25 ен, то есть выдрав листок из записной книжки, написал вексель на эту сумму,

по которому деньги будут высланы тогда, когда соберется на месте достаточная сумма на покупку земли и постройку здания; обещал еще для храма иконы.

28 сентября / 10 октября 1891. Суббота.

Янагава

Утром предположена была с восьми, но начата в девять обедня, за которой следовала панихида, за нею поучение о поминовении усопших, с объяснением, почему и в какие дни совершается поминовение. Певчим дал 2 ены на гостинцы, ибо, действительно, очень стройно поют, и — все, значит, трудятся делать спевки. Бедный этот Григорий Такахаси, прогнанный христианами из Накацу, потому что связался там с дрянными людьми, которые вовлекли его в дурные поступки и в долги, — безвольный человек, отправлен в Кумамото; один стоять он положительно не может; быть может, там Георгий Оно охранит его от дурного общества, и из него еще выйдет проповедник, каким он очень может быть по своему уму и развитию, как кончивший курс в Семинарии.

Обед сегодня устроили из речной черепахи, принесенной учителем Харада, живущим за 2 ¹/₂ ри; суп был очень вкусный, но елось все-таки с некоторым отвращением, как необычное блюдо.

После обеда, в час с половиною, часа начали визиты; прежде всего были у соседа Такесима, кандзи при Кицуин (прогимназии), устроенной здесь бывшим удельным князем; там нашли седого ученого Икебе — начальника Кипуин. Речь о вере продолжилась на час; укорял неверие их и погружение в сомнение, точно в тину, из которой для них и выхода не видно.

Старик Иосиф Сига чем-то смущен и что-то мешает ему ходить в Церковь, но что — не открыл, обещался после сказать о. Петру. Братья Илья и Павел Айноура совсем потеряли веру; Илья, впрочем, оправится, кажется; Павел же — малец, по-видимому, заражен еще гордостью, совсем жалкий, сколько ни обращай к нему ласковых слов, как к стене горох; был прежде в Токио два года в школе около Миссии и ни разу в Миссийскую Церковь не заглянул. Матфей Сато показывает некоторую веру; жаль, что о. его до сих пор не обращен; Семен и Василий Ёсида, старые христиане, не потеряли веры, но до того ослабели, что икону спрятали — потому, что сестра, у которой живут, буддистка. Словом, сегодня обзор христиан — мало отрадный. Вечером, с половины седьмого, началась всенощная, которую пропели Григорий Такахаси и Софья, дочь о. Якова, с помощью детей, отлично; плод воспитания в Миссийских школах хоть в этом виден; Григорий Такахаси совсем хороший певец — ни на четверть тона никогда не сразнит, даже и тенором порядочным обладает; если он окажется совсем негодным для катихизаторства,

то можно обратить его в причетники.— С восьми часов началась проповедь для язычников, которых собралось человек 300, и продолжилась до половины десятого часа; слушали тихо; было много учащейся молодежи, но немало и пожилых людей — учителей, чиновников и прочих. Между прочим, был кенквай гиин Мори Гундзи (мать и жена которого христианки) с дочерью — учительницей в здешней школе; усердно он слушает вот уж другой раз; дай Бог ему понять и принять истину и избежать сетей лжи. Жаль, везде по Японии смущают жаждущих истины протестанты, эти позолоченные медяки, обольщающие наружными атрибутами цивилизации, и легион иностранных представителей своих специй.

Какую же возню подняли на ночлеге в доме Григория Фурусавы, чтобы приготовить затеянную для меня ванну; чуть не пристройку сделали сбоку моей комнаты! Смущают подобные вещи до неприятности; одно только и успокаивает, что всем этим они хотят хоть несколько заплатить за воспитание в Миссийской школе своей родной Веры Нагаи, ныне жены Симеона Такаока.

*29 сентября / 11 октября 1891. Воскресенье.
Янагава. Куруме*

Утро было прелестное, и путь от дома Фурусавы до Церкви по каналам в лодке был весьма приятный: по живописности сих каналов с вековыми деревьями, смотрящимися в их воды, это именно своего рода Венеция; жаль только, что сим прелестным каналам позволяют во многих местах зарастать травой; разумен был князь, устроивший этот неиссякаемый источник орошения для соседних полей. Практичный разум, должно быть, прирожденный в доме здешних местных князей: нынешний молодой князь сам работает на полях, сам продает плоды своих полей и садов, торгуясь о цене с покупателями — местными земледельцами; и пример его благотворно действует на все соседнее население: «Если князь в варац, то нам как же можно в гета», — и всякой другой роскоши между крестьянами нет.

Пред богослужением приходил проститься Мори Гундзи; говорил, что еще не может принять крещение — веры не чувствует в себе. Я предупредил его, чтобы не обольстили его протестанты. «Не обольстят», — говорит, — «катихизатор ихний уже приходил ко мне и толковал Священное Писание, но я сам понимаю его лучше, чем этот катихизатор; начнет что-нибудь толковать и как обезьяна свалится с дерева (саруга ки ёри оциру тоори)». — О. Кавано должен бы был сегодня служить литургию, но просфоры нельзя было приготовить, говорит: «Закваску нужно дней за шесть приготовить, а ее теперь нет». Отчего же не подумал дней за шесть? Вообще, служение о. Петра отзывается небрежностью. Одно в нем не может не обратить внимание: вечно или наливает, или набивает

брюхо, или курит; минуту не может просидеть, чтобы или не проглотить что, или не курить; это до неприятности поражает.

Богослужение было — обычная обедница; после нее проповедь о необходимости часто исповедаться и причаститься, по поводу того, что в Исповедной росписи почти не единый янагавский христианин не отличен бывшим у исповеди и причастия; потом говорено о необходимости воспитания детей в духе благочестия, наконец — о ложности протестантства, по поводу распространения здесь его; кстати, были, как после узнал, некоторые протестантские женщины. — После обеда в два с половиною часа отправились на станцию железной дороги в Ябегава, полтора ми от Янагава; большая часть братьев и сестер распростились в конце города, остальные провожали до станции.

От Ябегава до Куруме тридцать минут пути; в пять часов мы были в Куруме. Остановились в гостинице, и о. Петр с катихизатором Давидом Норита пошли собирать христиан на молитву. Почти два часа я проскучал один. Наконец, явились они в сопровождении Павла Ивахаси. Пошли в дом его отца Игнатия, где нашли комнату, приготовленную для богослужения. Здесь и прежде совершались богослужения. Иконы, которыми снабжена сия Церковь для молитвенной комнаты, лучшие на всем Киусиу: Спаситель и Богоматерь — обе иконы в серебряных ризах и хороших киотах; иконы небольшие, но очень красивые; икона Спасителя совсем новая; столики, аналои с покровцами — все есть. Но малость числа христиан печаль наводит. Здесь ныне всех христиан 11; 9 было налицо, с тремя младенцами в том числе, двое не пришли. По метрике крещено здесь 38, прочие все в разброд по разным местам, семейство же Сибуя (где Вера Сибуя) ушло в протестантство; один ныне — в Сендайской гимназии мудрость почерпает. — А была здесь когда-то большая Церковь. Петр Кавано здесь трудился подряд лет шесть, и Церковь была тогда такая, что о. Яков Такая называл ее первою на Киусиу; человек 30 собиралось тогда к богослужению. Отчего же упадок? Да Кавано надело на одном месте, так и пошел бродить в Сага, Катацу и прочие; здесь же — или совсем не было катихизатора, или были все молодежь и дрянь вроде Моисея Мацумото, Мабуци, Стефана Танака; слушавшие учение у Кавано ушли в протестантство и католичество, — и ушли хорошие люди, как сам же Кавано говорит; таким образом Кавано, не получая жалованья от инославных, работал на них, — вот это-то и есть «хеда-но денкё», как я ему и говорил сегодня. Жаль, до боли жаль! А что поделаешь? Мне далеко — не видно, а они — и о. Яков, бывший тогда здесь священником, и старый катихизатор Кавано — вон настолько они влагают усердия и смысла в свое дело! Для них быть разбитыми и прогнанными, опозорить и свое проповедническое имя, и Христово — ничего не значит; они даже и не замечают этого! — После вечерни, я прямо и высказал христианам мою сердечную боль, что Церковь их по моему невольному недосмотру и по нерадению здесь служивших так опущена;

обещал непременно прислать из Токио катихизатора сюда и просил их только помочь ему найти новых слушателей; христиане, видимо, усердные — обещались все сделать, что могут; просили только катихизатора поживее, чтобы мог отвечать на возражения, ибо здесь много учащейся молодежи — «чуть катихизатор затруднится ответом, тотчас осмеют и скажут — победили». Кончивши разговор и условившись завтра утром в семь часов вновь собраться, чтобы помолиться вместе, мы втроем в сопровождении Павла Ивахаси и Василия Кувано вернулись ночевать в гостиницу.

30 сентября / 12 октября 1891. Понедельник.

Куруме. Оги — ночлег

Вечно набивающий себе брюхо о. Кавано и на подъем от сна тяжел. Сегодня утром едва не проспал времени, назначенного для богослужения: я, уже совсем одевшись идти к Игнатию Ивахаси и зашедши за ним, нашел его глубоко спящим, хотя Норита, конечно, разбудил его, уходя туда.

Отслужил обедницу и панихиду по Петре и Иосифе, умершим в сей Церкви; Петр Номура был тот Номура, которого я видел девять с половиной лет тому назад совсем верующим, хотя еще не принявшим крещения; он недавно помер, оставив жену и троих детей; жена здесь была и пела с Павлом, Василием и катихизатором Норита, и какое пение было! Все врозь — какофония — заткни уши и беги! А все оттого, что Церковь опущена; поют смело, навывкло — значит, когда-то и ладно пели, да расстроились. После службы сказал небольшое поучение на слова Апостола, ныне чтенного, что «мы, христиане — члены тела Христова — Церкви, значит — одушевлены Самим Христом — главою, лишь бы мы сами старались сохранить усердие».

Затем объяснил значение панихиды и кутии. Подтвердил еще обещание прислать катихизатора. По угощении чаем вернулись в гостиницу, где ныне сие и пишется, в ожидании обеда и потом отправления в дальнейший путь, так как здесь больше делать нечего.

В 12 ч. 55 м. отправились в Карацу через станцию Тосу, где ждали час поезда в Сага. До Сага — по железной дороге. Местность ровная, превосходно возделанная; между прочим, множество дерева Хазе, из плодов которого делаются свечи. От Сага 13 ри до Карацу. В шесть часов прибыли в Оги, 3 ри от Сага, и заночевали. Пользуясь временем, переписал из исповедной росписи о. Петра христиан Карацу в свою тетрадь; оказывается, всего там налицо 12 с детьми, да 2 в отсутствии — вот и вся Церковь; да двое оглашенных в Карацу и трое в Хамазаки — почему-то, однако, медлящих крещением — вероятно, потеряли веру; из них особенно замечателен Канаёси, врач в Хамазаки, изучивший католичество, протестантство

и православие и разумно избравший православие. Трое же православных в Карацу ушли в протестантство: о. Петр говорит, что не из-за учения, а для мирских выгод — кто в школу, кто в катихизаторы к протестантам; тем не менее, жаль и досадно.

1 / 13 октября 1891. Вторник.

Карацу

В восьмом часу отправились из Оги. Дорога пролегает чрез местность, горы которой изобилуют каменным углем. Всякий, на земле которого есть каменный уголь, имеет право добывать его, взяв разрешение у Правительства; добывается по мелочам: в горах по обе стороны дороги виднеются отверстия внутрь; около же засыпано угольным мусором; люди, как кроты, роются, выбрасывая ненужное из норы и выламывая нужные куски угля. Слой угля здесь тонкий, так что добывающие должны гнуться и работать ползком. По дороге неугомонное движение: везут уголь к речке, откуда он в лодках идет в Карацу, где Правительство берет потребное для флота количество, прочее же идет в продажу; в прошлом году, при забастовках углекопов в Англии, здешняя местность очень выгодно торговала углем. Впрочем, замечательно, что таких бедных деревень, какие мы проезжали сегодня в углекопной местности, нигде еще я не видал; должно быть, бедных углекопов эксплуатируют мироеды, скупая уголь по низким ценам, или заставляя дешево работать.— В двенадцать часов прибыли в Карацу. Далеко до города виднеется сосенник, которым здесь заросло все побережье,— настоящее «мацуура», как и называется здешний округ. Катихизатор Яков Томизава и христианин Павел Мураками встретили в конце города, но, так как христиане в церковном доме еще не собрались, то мы проехали в гостиницу, где наскоро пообедали, думая, что Томизава тем временем соберет христиан. После обеда о. Петр Кавано пошел в церковный дом, обещая известить, когда пора мне прийти. Я и жду вот до сих пор этого известия: теперь уж половина четвертого часа; приходил Томизава, сказав, что христиане теперь обедают, еще не собрались, захватил черный чай к услугам Кавано, да вот и кейфуют там вместо того чтобы собрать кого можно (как я говорил) и известить меня, чтобы идти помолиться вместе и познакомиться с Церковью. Видно, что Церковь здесь еще почти не рождалась, да и чего ждать от таких плохих рождателей, как о. Кавано и Яков Томизава!..

Братья и сестры, наконец, собрались и об этом пришли мне сказать; пошел, и такая жалость проникла в сердце при виде сего крошечного стада! И здесь икона Спасителя, и сюда пришел Христос, родилась и здесь Церковь, а при рождении что же не бывает малым и слабым!

Отслужил я краткий молебен, от сердца сказал краткое слово, слово ободрения маленькому стаду. Потом стали советоваться о том, как возвращать малое дитя. Павел Мураками здесь самый надежный христианин, хотя глух и старает головными болями; он взялся найти дом в городе, где бы поселиться ему и вместе катихизатору, ибо нынешняя квартира, которая в конце города, неудобная, — самому же катихизатору в городе никто не дает квартиры, по не совсем испарившейся еще здесь ненависти к христианству; кстати, катихизатор будет тогда не один в доме; ныне же он и пищу должен сам себе готовить, а отлучаясь, запирает дом на замок, что все неудобно для катихизаторства. — Обещались христиане и новых слушателей искать. — По окончании разговоров о церковных делах и неудачного испытания детей в молитвах (ибо ни один рта не раскрыл), пошел взглянуть на город. Вид с берега на старую крепость — налево и заросший соснами берег — направо, с устьем реки посредине — очень живописен. — Вернувшись в гостиницу и поужинав, собирался было идти в церковный дом к назначенной в семь часов вечерне, как пришли из Хамазаки трое оглашенных: врачи Канаэси и Окабе и чиновник Наразака; поговорив с ними на тему сравнения католичества и протестантства с православием, ибо они изучили все три веры и предпочли первым двум православие (несмотря на то, что из Фукуока несколько раз приезжал католический патер, француз, убеждать их, а со стороны православия был один Кавано, неособенно ученый), отправились все вместе в церковный дом; но службу можно было начать только с половины девятого — так здесь, да и везде, впрочем, плохо держатся слова о соблюдении времени. После вечерни сказано еще поучение, продолжавшееся до половины одиннадцатого. Условившись завтра утром в семь часов собраться, чтобы опять помолиться вместе, мы простились с братьями и вернулись с о. Петром в гостиницу, где потом комары и другие ночные наездники очень мешали спать.

2 / 14 октября 1891. Среда.

Кафуцу

В семь часов мы с о. Петром были в церковном доме, но застали там, кроме катихизатора Якова Томизава, одного Кирилла Хация, который, однако, скоро ушел под предлогом, что в школу нужно, где он учитель. И прождали мы братьев и сестер до половины девятого часа утра; едва-едва к этому времени пришли кое-кто; и мы отслужили обедницу и провод по рабе Божию Андрее, недавно здесь умершем. Сказано затем поучение. — Поражает лень здешнего катихизатора Томизава; едва ли исправим он; ленился сначала на катихизаторстве в Токио, ничего не делал в Коморо; строго наказав ему исправиться, послал его сюда — год

тому назад; но ровно ничего он здесь не делает, до того беспечен, что даже не потрудился заглянуть, какие здесь церковные книги (у Хация хранятся); о. Кавано уверяет, что здесь есть богослужebные книги: Часослов, Октоих, Псалтырь — и по списку они есть, а Томизава уверяет, что нет и правит службу по старому рукописному Часослову — это значит, что ему лень было заглянуть в склад книг, протянуть руку и взять оттуда что нужно. Едва ли что можно сделать с таким человеком по части распространения Церкви. Всячески настроил о. Петра дать ему строгий выговор, дам и я; скажет о. Петр конфиденциально и Павлу Мураками, что свойство Томизава — леность и беспечность, — чтобы хорошенько требовать от него работы, находя для него новых слушателей, но принесет ли все это пользу, Бог весть; придется, должно быть, в конце концов, уволить его с катихизаторства; к сожалению, его даже и причетником нельзя сделать, как можно Григория Такахаси, ибо он от лености и искусство пения совсем потерял, несмотря на то что в Семинарии был из лучших певчих. — Вообще, Церковь в Карацу мало отрады дает; всего-то здесь 16 христиан, из коих 14 с невообразимо сопливыми детьми налицо.

С двух часов после обеда посетили христиан; Павел Мураками цирюльничает чуть не в конуре, Павел Мурай в таком грязном хлеве, что и скотине бы совестно стоять там; впрочем, говорит, временно, — продал дом свой, чтобы больше купить товару; Илья Мураками — оклейщик — на задворке, нужно было пробираться к нему по бурьяну и обрывам; Господи, Ты мой Боже, думалось, когда христиане будут не самый последний, самый бедный и грязный по всем городам, где наши Церкви? Скоро ль мы станем ходить к христианам на главных улицах и в хорошие дома? — Когда были у учителя Кирилла Хация, то от него отправились в близлежащий кооен, под который занята бывшая знаменитая крепость князя города Карацу. Сверх крепости отличный вид на море с островками, на город с горами за ним, на Мицусима — чрез устье реки. Недавним ветром свалило в крепости несколько толстенных вековых сосен; это напомнило участь тоже вековых силачей — удельных князей, так же поваленных в прах недавно, да и не бурей (какая это буря — горсть двухсabelьных под предводительством Сайго!), в дуновении времени и собственной устарелостью. Крепость Карацу построена по указанию Хидеёси, когда он был здесь, снаряжая поход в Корею. На площадке лежит старая пушка, отлитая по образцу голландских, взятых с судна, погибшего около Карацу лет двести тому назад; виден даже и герб Голландии — до того простиралась подражательность. — Вечером с восьми часов была проповедь для язычников в Гиндзидоо; собралось человек 300 и слушали усердно; в конце проповеди указано было на катихизатора, от которого желающие могут дальше учиться вере.

3 / 15 октября 1891. Четверг.

Карацу-Фукуока

В семь и три четверти часа сопровождаемые христианами при продолжающихся убеждениях с нашей стороны стараться сделать Церковь цветущею и при уверениях с их, что постараются, мы с о. Кавано оставили Карацу. Переправившись на лодках чрез устье реки в Мицусима, поехали великолепным сосновым лесом, содержимым как парк, до Хамасаки; там заехали к врачу Канеёси, оглашенному, и, простившись с ним и с провожавшими до Хамасаки Павлом Мураками и катихизатором Яковом Томизава, отправились дальше, в Фукуока. Канеёси и двум другим оглашенным в Хамасаки обещался прислать из Токио книг 6–7, но с тем, чтобы они были здесь уже церковными. Дорога в Фукуока идет почти все время берегом моря. Так как в одной из придорожных деревень был какой-то праздник, то по дороге встречалось множество радостного народа, идущего на праздник. В Фукуока прибыли часов в пять вечера и остановились здесь, чтобы повидаться с находящимися здесь 3–4 христианами и узнать от них, могут ли они помочь катихизатору, если оный будет поселен здесь, открыть проповедь, то есть найдут ли для него на первый раз слушателей.

Плеск моря, слышавшийся целые полдня сегодня, напомнил плеск моря хакодатский, когда я, бывало, сновал по берегу его с думою о смысле жизни. То основание было – основа, ныне идет уток; и тогда было грустно почти до безотрадности, и теперь тоже самое: рисунок-то ткани уж больно неясен и мизерен. Эх, по шапке и Сенька, и по Сеньке шапка!

Часу в девятом вечера Таисия Сёодзи, старуха, приходила, наболтала с кучу и найти слушателей для катихизатора не обещала; завтра придет с дочерью Фотиной; вероятно, тоже ничего надежного не скажет.

4 / 16 октября 1891. Пятница.

Фукуока – Кокура

В десять часов утра приходили Таисия и Фотина Сёодзи; людей для слушания учения не указали, но обещали постараться найти. И о. Павел Кавано из города не принес ничего определенного; Пелагея, жена торговца, на которую он возлагал некоторую надежду, как на усердную христианку, переселилась куда-то за два ри от города; еще есть Лука, служащий в тюрьме; вот и все здешние христиане; быть может, есть и больше, да неизвестны; все-таки больше всего надежды на Сёодзи, что они помогут катихизатору основаться здесь. Сегодня утром отправил письмо к Павлу Морита в Нагасаки: если у него не найдется человека

2–3 слушателей из коренных жителей Нагасаки к тому времени, когда я кончу обзор Церквей о. Кавано, то пусть известит о том меня в Усуки – всего лучше тогда переселиться ему сюда – в Фукуока, как самый многолюдный город на Киусиу.

Пришли в одиннадцатом часу Лука, тюремщик, и Алексей, что оставил в Янагава мать и жену без хлеба, – народ низшего класса – и по речам, и по приемам видно; но о. Кавано тотчас написал Луке адрес Фотины Сёодзи – «иди, познакомься», а когда тот оставил было листок на полу, строго подтвердил: «Не истеряй адреса». Удивился я бестактности Кавано; Сёодзи – мать и дочь – только что говорили, что «Церковь нужно начать с высших лиц», а он сует им в знакомые тюремщика Луку! Ну об чем же они будут беседовать с ним, когда и сам-то о. Кавано, поговорив с Лукой минут десять, видимо, не знал дальше, что делать с ним, и к адресу-то, кажется, прибегнул от нечего говорить больше с Лукой! Не место будет Луке в семействе офицера, да еще язычника! Положим, пред Богом и в Церкви все равны, да в обществе-то нужно, чтобы люди не стесняли друг друга, а Лука у Сёодзи верно отобьет всякую охоту у тех, кого встретит там, идти в Церковь, чтобы не наткнуться на подобные знакомства. «Будьте мудры, яко змии» – сказано; и Апостол Павел – образец нам, как поступать, чтобы всякого рода людей привлечь в Церковь; если он обрезал Тимофея, то уж, конечно, не велел бы Луке идти к Сёодзи, чтобы отпугивать их знакомых от Церкви. И таких простых вещей не понимает, или не хочет взять в толк о. Кавано! Оттого же у него и Церкви пустые; коли все с задворков к христианам ходит, то с главного подъезда едва ли кто из язычников пустит к себе! – В два часа двадцать минут пополудни отправились из Фукуока по железной дороге, и в пяти часов были в Кокура. Катихизатор Тимофей Саеки с христианами встретили на станции и провели в гостиницу, переодевшись в которой, мы с о. Петром отправились в церковный дом. Христиан здесь местных нет еще ни одного человека, даже и слушателей надежных нет, а живут здесь три христианских семейства: 1. Николая Мацуи из Хакодате – строитель здешней бумажной фабрики, у которого в семье 7 человек; 2. Василия Китагава, бывшего воспитанника Катихизаторской школы, у которого жена и дочь, и 3. Павла Сато из Церкви Коодзимацци в Токио, служащего здесь на железной дороге, у которого жена и две дочери, – всего с детьми здесь 14 христиан. Отслужили вечерню, после которой было и приличное поучение; дети оказались знающими молитвы, хоть плоховато. Одна из дочерей Мацуи, пятнадцатилетняя Вера, училась в Миссийской школе на Суругадае и пела в хоре, потому и здесь поет очень хорошо. Катихизатор Саеки, по новости волнуется и пугается в службе, но читает хорошо, поет же плоховато, хотя, учась в Семинарии, и пел в хоре. Впрочем, из него выйдет, даст Бог, хороший катихизатор, лучше Томизава и Григория Такахаси; у него есть практический смысл и способность управлять.

5 / 17 октября 1891. Суббота.

Кокура

С девяти часов утра была в церковном доме обедница и панихида по умершим родным здешних христиан; поучение о поминовении умерших. Пели совсем плохо: торопятся до нелепости.— Потом пошли было всей Церковью сниматься в фотографии, но сия оказалась неисправною: снять даже такую маленькую группу отказалась. Посетили два дома христиан, ибо в третьем и катихизатор живет у Василия Китагава. Николай Мацуи показывал планы своей работы, по которым построена бумажная фабрика; действительно, очень даровитый архитектор и почти самоучка; жаль, что ревматизм в ногах и руках, развившийся до того, что он не может владеть пером и прочими рисовальными инструментами,— лишил его возможности продолжать свою зодческую деятельность; ныне он просто закладчик. При постройке фабрики он получал не проценты, как принято у европейских архитекторов, а по 100 ен в месяц. Фабрика, кроме машин, стоит 120000 ен. Она принадлежит Хацисука, бывшему тоокейскому губернатору. После обеда, во втором часу, Мацуи повел и показать фабрику. Бумага делается из рисовой соломы и тряпья; на ней работают до двухсот человек; вырабатывается в сутки бумаги пять тонн; процесс выработки от соломы и тряпья отсылки упакованной бумаги продолжается меньше суток: шесть часов солома, или несколько измельченное тряпье преет в цилиндре, где температура пара 40°, шесть часов, затем мокнет в воде, четыре часа в чанах измельчается и обращается в массу, три часа — на отмывку и окончательное приготовление массы и пропуск ее через сетку на сушильные цилиндры, прошедши которые, она наворачивается бесконечной лентой на цилиндре, с которого поступает под разрезальную машину, оттуда обрезывается и женщинами упаковывается в оберточную бумагу. Последняя делается здесь же. Красноватая бумага для «Дзидзисимпо» идет с этой фабрики. Вообще, делается бумага больше для газет; может идти и на печатание книг, но высших сортов — письменная бумага — не производится. Бумажная фабрика эта больше, чем в Оодзи и, кажется, самая большая в Японии; всех же ныне в Японии семь бумажных фабрик, устроенных по-иностранному. Замечательно, что ни при устройстве сей фабрики, ни ныне при выделке бумаги не было и нет ни единого иностранца — все сами японцы, — как не сказать, что умный и переметливый народ! Фабрика построена здесь потому, что уголь под рукой. Заработная плата очень низкая; например, Василий Китагава получает всего 30 сен в день; платится по дням; значит, за каждый прогуленный день не платится. Я взял лист бумаги для соображения в Токио, не годится ли нам для печатания миссийских книг — дешевле было бы покупать прямо с первых рук.

По возвращении с фабрики, в четвертом часу, предложили ванну в гостинице, чем и воспользовался, и нужно признаться, что хорош этот

обычай у японцев — часто брать ванну; я привыкаю к нему в путешествии: самое лучшее лекарство от желудочного катара. Кстати, гостиница, в которой ныне стою в Кокура, по преданию, построена по плану, начерченному знаменитым Юи Сёоэцу, бывшим здесь некоторое время (он и родом с Киусиу) и отправившимся отсюда в Едо, где он поселился на Суругадае и, тоже по преданию, наделал те подземные ходы, которые нам причиняли такую досаду при постройке храма; там он замышлял мухон против Сёогуна; оттуда на змее поднимался, чтобы сверху взглянуть на расположение сёогунской крепости, и оттуда, наконец, бежал и где-то распорол себе брюхо. Ныне его история, изукрашенная вымыслами, составляет достояние театральной сцены.

Вечером с семи часов была всенощная, но что это за безобразное было служение! Ни малейшего приготовления к нему! О. Кавано читал Евангелие — хуже нельзя прочесть; пение — какое-то скакание с препятствиями; раз пять я удерживал: «Не торопитесь», — ничего не помогало; положительно, хуже богослужения я не встречал. Зато же и напел я по окончании о. Петру и катихизатору. Первый должен готовить Евангелие да читать просто, а не китайскими звуками, должен также наперед с катихизатором готовить порядок богослужения; катихизатор должен за час до богослужения начать приготовление да петь истово; такое же служение, как ныне — не молитва, а грех; христиане должны сами требовать также, чтобы богослужение было «истовое» и прочее. В первый раз при посещении Церквей был так раздражен, и такое резкое наставление — первое; а что будешь делать! Христиане же видят, что служба идет нелепо, — смолчи и я, в отчаяние могут прийти.

6 / 18 октября 1891. Воскресенье.

Кокура

Перед службой еще объяснил о. Петру важное значение Евангелия в Богослужении, — что его нужно читать с благоговением, как слово Христа, и так, чтобы все стоящие при богослужении слушали и сложили в сердце, то же и Апостол, и прочие. За час до службы отправил о. Петра в Церковь подготовиться; и нужно сказать, что вчерашнее и сегодняшнее наставления вполне достигли: богослужение шло очень чинно, пели не спеша и довольно стройно, Евангелие и Апостол прочитаны были внятно и совершенно понятным языком. В один час назначена была проповедь для язычников. Так как, кроме театра, здесь нет места, удобного для проповеди большому собранию, в театре же говорить проповедь совсем неприлично, то нанята была гостиница — эта же самая, в которой мы живем — за 2 ¹/₂ ены на время проповеди; человек 200 в ней могли поместиться, но, увы, слушателей, кроме христиан, было не более человек 30! Угораздило же этого неопытного катихизатора Саеки запрягать

объявления о проповеди так, что их никто не видал! Под тем предлогом, что-де «по городу, на улицах расклеить листы с объявлениями — их тотчас уличные ребятишки сорвут», он наклеил их на банях — «там-де народ собирается»; ну и вышло, что простонародье, моющееся в городских банях, на проповедь не пришло — до ней ли ему! А больше никто и не знал про проповедь; человек 30 пришли, должно быть, из проходивших около гостиницы и видевших на ней вывешенное объявление, которое никто и не думал срывать; не было бы сорвано и в других местах, а где сорвано — там прежде того прочитано было бы сотнею проходящих. Тем не менее проповедь состоялась. Плел сначала Тимофей Саски сам; начал в третьем часу, проговорил минут сорок — о разном; потом говорил о. Петр о любви; я сказал обычную проповедь — первоначальную к язычникам. Кончено было около пяти часов. Потом братья и сестры в комнате, потом перепись христиан Накацу, ужин и теперь опять братья и сестры собрались провожать; едем в девять вечера в Модзи по чугунке, оттуда чрез Бакан на пароходе до Накацу, где будем, говорят, завтра утром часов в семь.

7 / 19 октября 1891. Понедельник.

Накацу

Вчера вечером до Модзи ехали минут тридцать; там носильщики перенесли чемоданы на пароходик и за 3 сен каждый мы с о. Петром и множеством другой публики в пять минут пересехали на другой берег, в Бакан; здесь, съехав на шлюпке на берег, с час подождали в гостинице, после чего перевезены были на небольшой пароход, делающий рейс между Баканом и Накацу. В одиннадцать часов ночи заняли место на пароходe (за 45 сен), но снялся пароход в один час ночи. Публика битком набила каюту; тем не менее каждый примостился уснуть насколько возможно. В пять с половиною часов утра мы были уже в Накацу, но по мелкости прибрежья пароход останавливается мили за полторы от берегу; переезжают на берег на лодках с приливом. За нами от христиан Накацу была особенная лодка со Стефаном Танака, бывшим катихизатором, и Павлом Накано на ней. Недалеко от берега проезжали мимо заводов с воротами для рыбы; еще ближе — рядами насыпаны кучи камней для жилья угрям, которых здесь и ловят. При полном рассвете высадились на берег и нашли почти всех христиан и христианок, ожидавших нас; во главе христианок была Дорофея Хаттори, сестра известного ученого и журналиста Фукузава, родом здешнего. На приготовленных дзинрикися доехали до города и, переодевшись и умывшись в гостинице, отправились в молитвенный дом. Пустотой неприятно поразил он, ибо дрянной катихизатор Григорий Такахаси христианами прогнан отсюда, и в доме никто не живет. Отслужили обедню, сказано слово приветственное, поговорили немного о Церкви и вернулись в гостиницу,

куда также пришли братья и сестры. Продолжался и здесь разговор и совещания о Церкви. Оказывается, что Григорий Такахаси так опозорил здесь имя катихизатора (долгами и развратом), что христиане просят оставить теперь на время Церковь совсем без катихизатора, пока улягутся дурные толки о православном катихизаторе, тем более они хотят этого, что-де весьма хорошего катихизатора все равно не дадут, а будет такой же молодой, как и прежние, и значит, дурного впечатления не в состоянии будет изгладить. До будущего Собора в Оосака — в июле будущего года — они хотят остаться без катихизатора и сами заправлять в это время общественной молитвой и другими церковными делами; обещаются не опустить Церкви и не дать расхитить христиан инославным (к Дорофее же теперь очень пристают католики), перейти к ним, уйти от таких развратных людей, как бывший здешний катихизатор и его сотоварищи. Что ж, можно и так, тем более, что, действительно, хорошего катихизатора, которого можно бы прислать сюда поправить Церковь, нет в виду; нужно только, чтобы священник почаще посещал эту Церковь.

И здесь на славу хотели угостить, и потому устроили иностранный обед, и пришлось остаться голодным — есть нечего: или полусырое, или твердое, как подошва. После обеда посещали христиан и семейства катихизаторов Синовара и Иидзима — совсем еще языческие, также языческое семейство умершего катихизатора Василия Цуция. Поразило следующее обстоятельство: почти во всех домах полно народу, и все язычники, кроме одного, много двух молодых членов семьи; недаром здесь 25 христиан, а христианских домов 17. Я думал, что некоторые, по крайней мере, — бобыли, одинокие в доме; куда! У всех отцы, матери, братья, сестры! Итак, или христиане не веруют в важность христианства, или не любят родителей и родных; но так как, без сомнения, не последнее, что — христиане здешние какие-то недоверки; родители в гроб смотрят, а они и думать забыли, что родители близки к вечной гибели, — не веруют, значит, как должно, в гибель и спасение. Печально! Катихизаторы из этой Церкви и их родные смотрят на катихизаторство только как на мирское средство — пропитание добывать. Старый Цуция живет за городом и богатый земледел, а сын, тем не менее, живя здесь на катихизаторстве, получал содержание от Церкви, и даже сделавшись болен и ничего не делая несколько месяцев, получал; потом, наконец, отказался от содержания; я тогда подивился его благородству, но я и не воображал, что он сам по себе такой богач. Впрочем, Бог с ним! Умер по-христиански, хоть в языческом доме: между одной молитвой совершенной и другой ожидаемой. Отец сводил меня на его могилу и жены его Ольги — на обеих могилах стоит по деревянному кресту. — Отец, видимо, обрадовался моему и о. Петра приходу, — радушно угощал чаем и каки, и сводил потом на холм, откуда мы полюбовались чудным видом на блестящее, как зарево, море, на горы, поля и город; отсюда видны — налево остров Ниппон, прямо и несколько направо остров

Сикоку. Лучшее здесь христианское семейство это – Дорофея Хаттори и ее маленьких племянниц-скромниц: живут трое в беденьком доме и, по-видимому, вполне счастливы своей участью. Советовал Дорофее отпустить одну из племянниц в Миссийскую школу на Суругадае, научилась бы хорошенько вере и церковному пению. – Вечером, с половины восьмого, началась вечерня, после нее проповедь о христианском усердии, кончившаяся настойчивым убеждением обратить ко Христу стариков в домах, где есть молодые христиане. Потом учреждено женское собрание, к следующему воскресенью выбраны две коонги: Дорофея и Пелагея, а хозяйками Агафья и Нина, племянница первой; собрание у Дорофеи в доме с двух половиной часов и так далее. Затем был толк, как упредить здешнюю Церковь, оставив ее до Собора без катихизатора. Христиане обещались субботние и воскресные службы вести неопустительно, к службе готовить коонги, непременно из Священного Писания, или из Житий Святых. Кроме того, к двум нынешним прибавить двух сицудзи заведывать порядком церковным; сицудзи будут часто писать о церковных делах о Петру и мне; наблюдать, чтобы христиане не ослабели в вере и прочее. Здесь было в каждые два месяца общее собрание христиан и христианок, – оно оставлено и наперед по-прежнему. Неоднократно в продолжении вечера я обращался к убеждению обратить стариков в христианство; оттого-то эта Церковь так слаба и такая колеблющаяся, что состоит из одной молодежи: точно молодой тростник, колеблемый всяким дуновением ветра. В одиннадцать часов закончилось церковное собрание.

8 / 20 октября 1891. Вторник.

Накацу

В восемь часов была назначена, с половины девятого началась церковная служба – часы и панихида. К последней кутью принес отец Василия Цуция, пришедший и сам с средним сыном. После панихиды поучение о поминовении умерших, потом речь о Церкви; подтверждено было сказанное и решенное вчера; положено избрать четырех сицудзи; захотели трех мужчин и одну женщину; ладно, выбрали: Дорофею Хаттори, Мориоку, Араи, Кангами – действительно, лучших христиан Церкви. Поучение им об усердном исполнении долга и всем – о соблюдении мира (Сатана просит сеять вражду?, как пшеницу): не делиться, например, на старых и новых христиан (что именно здесь есть); вновь прошено поскорее обратить в домах стариков в христианство, с чем внесется совет и устойчивость в Церковь. По каталогу поверены церковные книги: многих не оказалось – затеряны, новых еще не выслано; последние обещаны, когда сицудзи попросят их письмом в дзимусё в Миссии; хранение книг поручено, пока не будет здесь катихизатора, Спиридону Оодзима, которого рекомендовали как аккуратного. Беседа продлилась за полдень. Потом пошли вместе в фотографию сняться, по желанию

христиан. Когда вернулся в гостиницу, пришли с визитом и конфетами отец катихизатора Петра Синовара и мать катихизатора Павла Иидзима: симпатичные старики; отверзи им, Господи, к принятию спасительного учения! — Заплатил за Григория Такахаси промотанные им квартирные деньги за 5–10 месяцы, всего за шесть месяцев по 2 ены = 12 ен, но с тем, чтобы вычесть потом из его содержания, чтобы не было по блажки на дальнейшее в этом роде; оказывается, что ен 40 намотал здесь — всем задолжал: и по лавкам, и христианам, а проходя отсюда чрез Кокура — и там задолжал, в Янагава — под носом у о. Петра — его собственной сестре задолжал; наказал о. Петру написать в Кумамото Георгию Оно — предупредить христиан, чтобы не давали в долг этому мотогаю; да едва ли и исправится он и будет годен для дальнейшей службы!

В третьем часу в соседней комнате, за бумажной ширмой поднялся такой крупный говор, что нельзя было не догадаться — делается с намерением, чтобы я слышал; прислушался; оказывается: старшины Церкви с Стефаном Танака и еще кем-то, всего человек пять, требуют у о. Петра, чтобы он выхлопотал у меня уплату долгов Григория Такахаси; тот возражает, а они угрожают: «Иначе конец Церкви в Накацу!». Нахальство это возмутило меня, и я «пожалел, что заплатил его долг за квартиру; нигде до сих пор и это не было, и никто не требовал доселе от меня уплаты долгов, наделанных катихизаторами, а таковых было немало; и Церковь нигде из-за долгов или дурного поведения катихизатора не разрушалась, хотя не без того, чтобы не чувствовать вреда от того. Говор кончился без исполнения их требования о. Петром.

С половины пятого началась проповедь для язычников в здании, выстроенном для публичных лекций своему родному городу ученым Фукузава, и продолжалась более полутора часа; по окончании один сделал вопрос по поводу моего сравнения теперешнего времени упадка языческой веры в Японии со временем такого же упадка в Греции и Риме пред временем Спасителя. Слушателей было человек около двухсот; слушали очень тихо. После проповеди, вернувшись домой, говорил со стариками насчет их требования уплаты долгов Такахаси, что сделать это, хоть и желал бы, не могу, — было бы поощрением всех катихизаторов входить в долги; Церковь же из-за этого не разрушится, как не разрушилась из-за Иуды, еретиков-патриархов и прочих, притом, если бы, заплатив долги, и уничтожить в глазах язычников одну неблаговидность, то как же уничтожить другие, вроде его хождения в публичный дом, и прочие. Обещался только я, что долги будут выплачены постепенно, ежемесячным вычетом двух ен из его содержания; поручился за полную уплату сею постепенностью, хотя бы Такахаси и был отставлен от службы, обещав в таком случае выплатить из моего личного жалованья. Успокоились, по-видимому. Но, по истине, плоха сия Церковь, почти вся состоящая из необузданной и хорошо не знающей ни христианского учения, ни христианского духа молодежи. Наказывал о. Петру при следующем посещении Церкви, в декабре, прожить здесь дней двадцать,

и, приготовивши к крещению, уже несколько подготовленных стариков, как-то: родителей Василия Цуция, П. Синовара, П. Иидзима, и, если найдутся, другие, — крестить их и таким образом несколько изменить характер Церкви.

9 / 21 октября 1891. Среда.

Беппу — ночлег в трех ри от Оита

В половине восьмого часа утра, простившись с братьями и сестрами, выехали из Накацу. За два дня стоянки пришлось 5 ен заплатить — нигде не было так дорого, вероятно, потому что здесь была не гостиница, а рёория, хотя иностранным столом чуть не заморили. — По дороге от Накацу замечательна — направо — гора Хацци-мен-зан, отвсюду имеющая один и тот же вид продолговатого гребня, понижающегося в одну сторону. В 5 ри от Накацу есть, в Уса, очень богатая мия, в которой, говорят, есть дождевая труба из золота. С полдороги к Ойта начинаются деревни, в которых очень развит промысел тканья циновок, простых и узорчатых, из особого растения, здесь же на полях возделываемого. От города Хидзи начинается объезд залива к Оита. В трех ри от Оита, в городе Беппу нас ждали: катихизатор Иоанн Мабуци и литератор Сато Куратаро, очень расположенный к православию. Так как солнце зашло, то мы остановились здесь на ночлег, тем более что здесь замечательное место теплых ванн; в каждом доме — натуральная теплая ванна; и минеральной воды здесь такое обилие, что, где бы ни начать рыть, она является. За вечер я два раза сходил в ванну. Вечер проведен был в разговорах с Сато, которого я убеждаю сделаться христианским писателем — писать религиозные романы и повести. Повестей до сих пор им напечатано уже двадцать книг; ему от роду тридцать семь лет; в семье у него старуха мать и жена; из-за матери, нехотящей двинуться отсюда, он живет здесь; иначе ему место бы в Токио; здесь, в Оита, он участвует в издании газеты и пишет повести. Между прочим, он рассказал сегодня, что на соседней высокой горе есть остатки крепости, сооруженной некогда местным князем по совету португальцев: оттуда наблюдали за приходом судов; на месте же ненышнего залива лет 250 назад была возделанная долина с большим селением посредине; но вулканическим действием долину залило, причем погигло 400 человек, и образовался залив.

10 / 22 октября 1891 года. Четверг.

Оита

В восемь часов утра отправились из Беппу в сопровождении литератора Сато и катихизатора Мабуци. Сначала ехали на тележках, потом на лодке, ибо делают дорогу ныне и проезд прерван; затем 1 ри опять на

тележках. При въезде в Оита направо — публичный сад, в котором, должно быть, бывает очень пыльно, налево — больница. Остановились в гостинице; в церковный дом пока идти незачем, ибо христиан здесь 6 человек с детьми, и четверо из них — Саломея с тремя детьми в отлучке из города, остальные два юнца служат при редакции газеты, издаваемой Сато Куратаро, и ныне заняты службой. Один из них, впрочем, Кирилл Абе, вскоре появился в гостинице с приветом, но скоро же и исчез; а ныне вот сидит старик-аптекарь, семидесяти двух лет, полуразбитый параличем; сейчас с полчаса толковал ему, что для получения желаемого им крещения нужно ему отпустить наложницу, а он отвечает, что жена больна, у него же с параличем похоть усилилась (у полуживого!), не может расстаться с наложницей; признается сам, что «куда Ходоке и богам до Христа!» — уверовал он в Него, но все-таки похоть одолевает; теперь о. Петр толкует ему вторично то, что я говорил, а он заплетающимся языком вопрошает и возражает. Совсем на краю могилы! Открой ему, Господи, Себя и укрепи против похоти! — Сын сего старика недавно истратил три тысячи накопленных стариком денег на подкупы избирателей, чтобы попасть в Парламент, и не попал; сетует старик ныне, как сейчас, рассказывая мне. — Ушел старик, еле передвигая ноги с помощью о. Петра, обещаясь подумать об отпуске наложницы, а мы обещались прийти к нему. — В шесть часов была вечерня; пел и читал Иоанн Мабуци — преплохо, точно плача; порядка службы не знает, Часослова и не видел доселе, хотя он у него перед глазами — все возился с какими-то тетрадками. Плох он совсем как катихизатор, хотя и добрый человек. На службе были Симеон Ёкои, брат Елены Акимовны Тихай, и один мальчик, слушающий учение. Во время службы пришел Петр Тадзима, бывший катихизатор, за дурное поведение отставленный и ныне шляющийся к католикам и протестантам. На мой вопрос, отчего так ведет себя? — «Меня священник отлучил от Церкви, а я в Христа верую, поэтому молиться хожу к католикам». — «Зачем ты выдумываешь? Никто тебя от Церкви не отлучал, ты сам только за дурные поступки отставлен от катихизаторства», и так далее. Он ничего не мог возразить и пугался в объяснении, что еще не оставил православия, хотя его зовут и туда, и сюда (вероятно, правильное — наоборот). Я убеждал его направить свое сердце, тогда возобновится и его доброе имя, — ходить к молитве, заботиться о распространении здесь Церкви, находя для катихизатора слушателей. Он обещал это и сопутствовал мне на проповедь язычникам. Последняя была в какой-то лавке, где могли собраться человек сто. Столько собралось, но слушали преплохо: от начала до конца высевших было человек 20; прочие беспрерывно менялись — плохая аудитория была; вероятно, оттого, что объявление поздно было сделано.

(Дальнейшее — в следующей книжке)

Миссионерские заметки при посещении Церквей

Продолжение заметок
при посещении Церквей
(смотри выше — книжку в черном сафьяне)

Епископ Николай
11 / 23 октября 1891

*11 / 23 октября 1891. Пятница.
Усуки (Киуси)*

Сегодня утром параличный старик Мацуки, в Оита, известил, что решил отпустить наложницу и тем устранить препятствия к крещению. Мы с о. Петром Кавано и катихизатором Иоанном Мабуци пошли к нему; но там же застали католического катихизатора, беседующего с сыном Мацуки. Настоящие амаликитяне — эти католические миссионеры и проповедники! Везде, где только есть православие, они непременно рыщут позади его, чтобы отбить и стащить оставшее или уставшее. Старик принял нас радостно; пришел и сын, бросив навязчивого католика, и долго мы беседовали о том, как нужно христианство для спасения и как оно нужно всем, и старым, и молодым, и всякого звания людям; по лицу и речам старика видно было, что — не без сильной борьбы от решил пожертвовать своею плотью, и след думы еще не исчез

его лица; должно быть, когда примет крещение, тогда совсем просветлеет. Теперь Мабуци будет продолжать учить его вере; в декабре же Петр, вновь пришедши сюда, совершит крещение. Посетили потом писателя и издателя здешней газеты Сато Куратаро: на чердаке, как и подобает писателю, живет, и бедно живет — видно, что перебивается с квасу на хлеб. Видел у него икону Богоматери, нарисованную карандашом Исаею Мидзусима, бывшим здесь на катизихаторстве, — замечательно хорошая работа; и по проповеди Мидзусима был здесь очень полезен: что есть здесь христианство, только и есть сделанное им, прочих бывших — и следа нет; на Сато он произвел такое впечатление, что Сато со слезами вспоминает его. Мне Сато подарил книжку своего сочинения, какую-то повесть, еще не смотренную мною. — Посетили Петра Тадзима, бывшего катихизатора: пребогато живет в своем доме и промышляет ватой. С прежнею женою развелся потому, что она блудного поведения была, — об этом и другие говорят; итак, что он взял новую жену, нельзя ставить ему в вину: пусть жена делается христианкой — и тогда брак освятится для нее таинством крещения, для него же — таинством покаяния и Приобщения, — но не теперь, пусть пока лишен будет таинств для испытания его в вере, ибо — блуждал до сих пор много, как овца, отбившаяся от стада; об этом и ему сказано, и он согласен, и обещался быть с сего времени верным сыном Церкви. — В одиннадцатом часу выехали из Оита в сопровождении Сато, Мабуци и Сим. Ёкои до Цурусаки. — До Усуки от Оита 8 ри; из сего ри полторы — перевал через гору, который нужно делать пешком, груз же несет нанятый носильщик. Ныне несший мой чемодан обращается ко мне дорогой: «Скорей опять приходите сюда». — «Зачем?» — «Для проповеди». «Тебе-то что же?» — «Я вчера слушал вашу проповедь», — которую, как показалось мне, очень дурно слушали — все-таки не без некоторой пользы. Направил носильщика к Мабуци — дай Бог ему сделаться христианином. — У подножия горы, чрез которую шли пешком, — ключ сельтерской воды: вкус превосходный — приятней воды, продаваемой в лавках, — течет целый ручей сей воды; черпают из бочки, в которой бьют ключи газа. От сего места мы взяли тележки, и отсюда до города, на пространстве больше ри, тянулись ряды старух и стариков, инде и молодых. «Откуда?» — «Из города, с буддийской проповеди; на днях приехал сюда проповедник секты Сине (Мон[?]) — повестка о проповеди пущена была по селениям, и вот сколько народу стекается слушать». Значит, есть же вера в народе; но какая жалость, что слепцы слепцов ведут! Воссияй, Господи, скорее здесь Твой Свет! В сумерки приехали в город и остановились в гостинице, куда привел Алексей Огино, встретивший дорогой; разъехались. Часу в восьмом позвали в церковный дом, где предположена была вечерня; но опять какое маленькое стадо! Кроме семейства Огино, всего двое учеников — один прогимназии, другой училища; семейство же Огино истинно утешает; живет отсюда за 1 ¹/₂ ри, и все явилось: старик шестидесяти четырех лет, врач

Кир, его жена Агафья — очень разумная старуха, сын Алексей, бывший катихизатор, дочь Лукия, жена бывшего катихизатора Павла Ямануоци, который ныне в отлучке по торговым делам. Вечерня отслужена чинно; пели Иидзима, Алексей Огино и Лукия порядочно. После была маленькая проповедь, и поговорили о церковных делах и о том, как поднять Церковь (хоть средств не придумали); разошлись часов в десять.

12 / 24 октября 1891. Суббота.

Усуки

В семь с половиною часов утра предположена была обедница; около девяти часов катихизатор Иидзима пришел сказать, что собрались к Богослужению; но когда я сказал, что после службы отправляюсь посетить христиан, он ответил, что, кроме дома Огино, никуда нельзя, ибо у прочих христиан дома отцы — язычники, и христиане боятся их гнева за мое посещение. Обедницу отслужили; Иидзима читает очень спешно — видно, что без малейшего вникновения, — сказал я читать раздельней; но у него уже, по-видимому, навык образовался к плохому чтению. После обедницы, на слова Спасителя: «Аще кто отвергнется Меня пред людьми» я сказал поучение и сильно укорил бывших здесь трех молодых христиан и катихизатора за малодушие: «Трусливый посол был бы наказан за то, что не явил силы своего государства, а здесь — посол Всемогущего, и какой трусливый! За ним такие же малодушные и христиане; вместо того, чтобы радоваться и дерзаться образом рачителей ко Христу и тем спасти их от вечной гибели, они боятся и в дом принять! Сила взять Христова Духа уже сказывается здесь во всем государстве — в очищении нравов, в соблюдении воскресенья и пр., — а причастные ближе всех к сему духу не одушевляются им!»... Что сделают такие катихизаторы — точно полуживые! Помогите, Господи! Дай делателей на жатву Твою! Сих же [недостойных] рабов поскорее изжени из поля, чтобы они не позорили имя жителей!

Утром сегодня сделал наставление о Петру, чтобы он не делал неразумностей, вроде посылки в Фукуока тюремщика Луки для знакомства к офицеру — мужу Фотиньи (Сёодзи), а также, чтобы оставил неблагоприятную для иерея привычку — без перерыва — буквально — курить; вероятно, исполнит; но недалеко он вообще — плох для священничества в разбросанном на поле Киусиу приходе с молодыми и крайне слабыми катихизаторами, которых нужно непрерывно учить и одушевлять.

Во втором часу отправились к врачу Киру Огино, живущему за 1 1/2 ри от города в деревне; бедно живет; небольшая деревня, и окрестные земледельцы мало, как видно, дают дохода; и домишко нанятый — своего старик до сих пор не мог нажить; лучшее украшение дома — трехлетний

умный ребенок Тимофей, сын Павла Яманоуци и Лукии, дочери Кира и Агафьи; но Лукия, чтобы родить его, должна была выйти замуж (по-язычески), не достигши четырнадцатилетнего возраста, ибо ей всего восемнадцать лет. Вернувшись и проскучав дома до восьми часов, потом отслужили всенощную в церковном доме; кроме нас с о. Петром и катихизатора, были все Огино — старик, и сын, и Лукия, и Акила (мальчик) Нагано; тем не менее о. Петр по окончании службы, стоя в епитрахилье, сказал очень одушевленную проповедь — об усердном исполнении Христова учения; говорит порядочно, хотя далеко не так умно и последовательно, как о. Яков Такая. Когда ездили в деревню, видели среди города воздвигаемую зеленую арку с надписью: «Приветствие полку»; оказывается, что на днях здесь будут войска из Кумамото, Фукуока и Кокура, собирающиеся для маневров, назначенных в этой местности; для них же и дороги, и без того здесь такие исправные, чистятся и приводятся в такой вид, как будто дорожки в парке.

13 / 25 октября 1891. Воскресенье.

Усуки — Цурусакү

С десяти часов утра отслужили в церковном доме обедницу; молились, кроме нас, Алексей Огино, его мать и сестра, и два брата Нагано; пели четверо: Иидзима, Огино, Лукия и Акила, и ужасно разнили; проповедь была на слова Апостола о посвящении всех дел своих Богу: «Аще ясте, аще пиете... во славу Божию, — мы отмечены именем Христовым и запечатлены Духом Божиим, так должны на всех своих делах являть эту печать, чтобы они были почтенны, как почтенны вещи, принадлежащие императору, и отмечены его гербом» и так далее.

У католиков здесь живет французский патер (в Оита — два), и есть катихизатор; на молитву к ним собирается, говорят, человек двадцать; нельзя сказать, чтобы плодovито было и для них сие место. Протестантов также есть здесь немного. Католики пишут на своих церквах: [...], точно в насмешку над собой, ибо сделаться католиком, значит в собственном смысле лишиться отечественного языка (для самых важных обстоятельств в жизни — обращение к Богу), лишиться отечественных законов (которые Папа имеет право дозволить или нет), лишиться государства (которого Папа может отставить), словом, лишиться отечества и сделаться гражданином узкого и тесного Рима, — какое же тут [...] — «вселенскость»! — вот подлинное имя для них. С двух часов назначена была проповедь для язычников, и когда мы шли на проповедь, нас догнал посланец из гостиницы с известием, что пришел пароход и нужно ехать на него, ибо он с полчаса не больше простоят; но так как нельзя было оставить собирающийся без обещанной проповеди, то мы отказались ехать на этом пароходе; впрочем о. Петр пошел в контору справиться,

не может ли пароход простоять несколько дольше; так как о. Петр мог вернуться только во время проповеди, то было условлено, что если он придет и станет, то я должен не растягивать проповеди, а поскорей кончать, ибо пароход ждет; если же сядет, то — знак, что я могу говорить сколько угодно, — пароход, не дожидая нас уходит. Проповедь была в доме Клуба, на месте бывшей княжеской крепости; народу собралось человек до двухсот. Сначала говорил Алексей Огино, и пребезобразно: кричал, выругал слушателей свиньями, подрывающими корень дуба, желудями которого пользуются, вернул нелепость, что христианство поможет Японии завоевать весь мир, объяснил, что слово «Иисус» китайское. Я говорил час с четвертью первоначальную проповедь к язычникам; слушали весьма спокойно и внимательно; в заключение, по обычаю, указал, что продолжение могут слушать у здешнего православного катехизатора.

Чтобы не дожидаться, без всякого дела сидя, следующего парохода, который мог прийти только чрез сутки, мы с о. Петром отправились тем же путем обратно в Оита, чтобы в Беппу сесть на пароход. В сумерки достигли подножия горы и при свете звезд делали перевал. Достигши вершины крайне усталые и голодные, мы остановились в придорожном домике и, отдыхая, подкреплялись вареными яйцами и рисовыми кваси; кстати, взяли и фонарь, при свете которого удобнее и безопаснее было спускаться; у подножия взяли тележки, думая добраться до Оита; но прибыли в Цурусаки, 2 ¹/₂ ри от Оита, в половине десятого и так озябли, что принуждены были искать крова и ночлега здесь. Это первое время, когда почувствовалась здесь осень; доселе совсем летняя одежда вполне достаточна была.

*14 / 26 октября 1891. Понедельник.
Цурусаки — Беппу — Мицу (Иё)*

В семь часов утра отправились из Цурусаки; улицы города уже были украшены флагами — по случаю прохода войск на маневры. По всем деревням до Оита и в Оита — тоже; пред многими домами стояли ведра или кадки с водой для утоления жажды проходящих воинов; народ сновал по всем направлениям, жадный до зрелища; не доезжая до Оита — направо у реки видели лагерь, налево шла стрельба — производилось ученье; толстый генерал, стоя на мосту, в бинокль наблюдал маневр. Мы проехали чрез Оита, не останавливаясь; в селении Кантан сели на лодку и переправились на берег, где, проехавши опять 1 ри в тележках, остановились в Беппу, чтобы, дождавшись парохода, следовать дальше. На лодке я откровенно сказал о. Петру, какое впечатление вынес из обзора его Церквей: «Это впечатление — отчаяние; все катехизаторы ленятся и бездействуют; ни одной Церкви нет удовлетворительной; лучше других

Янагава, но и там – совсем охладевшие, вроде Павла Айноура, показывают беспечность катихизатора, да и его самого – о. Петра, ибо там и его родной дом, и его священническая резиденция. Если чрез два года найду Церкви в таком же положении, то катихизаторы будут отставлены; достаточно будет священнику иногда приезжать, чтобы преподавать таинства тем немногим христианам, которые ныне имеются. Десять Церквей у него (со включением Фукуока) – Церкви не юные, ибо уже десять лет тому назад некоторые существовали – и во всех христиан в совокупности только 245 человек, со всеми ослабевшими в вере в том числе; стоит ли же содержать катихизаторов при таком ничтожном результате их деятельности! А расход-то ведь какой! Я до того опечален тем, что видел, что от стыда не буду в состоянии ни слова написать в Россию о своем обзоре. Пусть отныне о. Петр строго наблюдает за подведомыми ему катихизаторами; пусть теперь же, вернувшись в Янагава, составит письмо и разошлет ко всем им такого содержания: „Вы обещались Епископу отныне трудиться, так исполняйте обещание, не забывайте о нем“. Потом, при своем объезде Церквей в декабре, пусть хорошенько посмотрит, трудятся ли; если кто опять ленится, пусть сделает строгий выговор с угрозой сделать вычет из содержания, если не исправится (не трудиться да не есть); если после вычета – в месяц-другой все-таки не будет найден трудящимся, пусть отошлет такого в Миссию, которая будет знать, как поступить с ним (или вновь испытает, или прямо отставит). Пусть не позволяет катихизаторам оставлять своих мест и произвольно начинать проповедь в других (что делается катихизаторами большею частью просто для развлечения, а не по нужде)». – На сем месте прервали писанье в Беппу извещением, что пришел пароход, идущий в Мицу, в провинции Иё, на Сикоку, откуда-де всегда есть случай в Бакан. Отправились в два часа. Пароходик с удобной каютой первого класса, где можно сколько угодно спать и скучать, за неимением другого дела. В двенадцать часов ночи прибыли в Мицу, где после строгого полицейского досмотра моего билета, причем, так как в нем не обозначена провинция Иё, пришлось объяснять, что здесь я совсем случайно, только по пути в Бакан, нашли не менее удобную гостиницу, где можно было бы спокойно доспать ночь, если бы не феноменальный храп какого-то гостя за бумажной перегородкой.

15 / 27 октября 1891. Вторник.

Мицу – Хиросима

Оказывается, однако, что в Бакан из Мицу не всегда есть случай, а в Хиросима – каждый день; итак, направляемся в одиннадцать часов утра в Хиросима, откуда, говорят, уже неложно каждый день идет пароход в Бакан. – В Хиросима прибыли в пять часов пополудни, на дрянненьком пароходике в отвратительном обществе двух баб, из которых одна все

время хрипела, как зарезанная, в какой-то свисток во рту, и обе вместе хохотали, как сумасшедшие; чтобы по возможности убежать от сего общества, я углубился в чтение повести, подаренной мне в Оита автором Сато Куратаро, и потерял всякое уважение к нему как к автору: преплохая повестенка, в которой герой — какой-то юноша — точно деревенская кукла — сначала представлял завязтых буддистов, потом христианских проповедников; цветы красноречия кое-где рассыпаны, и дрянные цветы, которые только и годны на то, чтобы их бросить. Хорошо, что я воздержался от окончательного предложения ему — поступить в качестве христианского писателя на службу Церкви; отзывы об нем такие лестные были. — В пятом часу снялись на большом пароходе Юсенквайся из Хиросима, во втором классе, довольно чистом и удобном; ужинать дали здесь же.

16 / 28 октября 1891. Среда.

Модзи — Орио — Ногата — Куцинохару

В шесть с половиною часов прибыли в Модзе и остановились до отхода поезда железной дороги в гостинице. — О. Петру Кавано дал дорожный образок Богоматери в серебряном окладе. Но в разговоре с ним узнал, к изумлению, что он до сих пор ни разу не был в Куцинохару, с тех пор, как поставлен иереем; поди вложи в сих полуистуканов сердце пастыря! Подивился и побранил его, а больше — что же! И мог ли я предвидеть такую беспечность!.. Обещался вперед всех христиан посещать, особенно тех, где нет катизихатора, и исполнит — да Бог весть!

В десятом часу отправились по чугунке до Орио, второй станции дальше Кокура; в Орио высадились, пообедали под навесом, дождались бокового поезда, идущего из Вакамацу, 4 ри от Орио в Ногата, 5 ри в сторону по направлению Куцинохару; в половине второго вышли из Орио и скоро были в Ногата, дальше какового города железной дороги еще нет. От Ногата 4 ри до города Иицука, отсюда $1\frac{1}{2}$ ри до деревни Куцинохару, где христиане. В Ногата домов тысяча, в Иицука домов шестьсот. От Ногата начинаются угольные копи, разрабатываемые Компанией Мицубиси; протекающая здесь река вся покрыта была лодками под парусами, сгрузившими уголь и поднимавшимися за новым грузом; здешний уголь, говорят, гораздо хуже, чем в Карацу; добывается его очень много. От Ногата на тележках доехали до Иицука, где во время перемены тележек поужинали и затем в половине шестого часа вечера прибыли в деревню Куцинохару. Дорога пролегает по отлично возделанной местности; заходящее солнце обливало поля чудным светом; вечер был восхитительный. Но по прибытии в деревню доброе впечатление тотчас улетело. В Куцинохару всего домов тридцать — самых простых мужиков; христиане — в пяти домах; в одном Петр Нагатоми, хозяин, но хозяйка его учения не слушает, — «букоцу», выражается о ней Петр, в другом его

брат Моисей, в третьем Кирилл Каваба, сын хозяина, больной глазами, в четвертом Лукия, вдова Якова, с детьми — Михеем, восемнадцати лет, которого мы не видали, — в отлучке был, и Исидором, двенадцати лет, но которого имени не знала ни мать, ни он сам, а сказала язычница, тут же в доме Лукии пекшая семье; вот и вся Церковь. Прежде всех заехали к Петру Нагатоми, — «дома нет», на «гоцисоо» куда-то позван; жена его, приняла довольно приветливо и указала комнату, где можно было оставить чемоданы; потом отыскиали Лукию, — «Икона где же?» — «Икона есть, да я ее убрала». — «Стало быть, и не любитесь?» Промолчала. Потом нашли пятый дом Александра Абе по-видимому, глупенького, но доброго мужичонка; в доме тоже один он христианин; мать старуха — не крещена, у Александра нашли церковную икону Спасителя, но киот без стекла и позолота по краям вся объедена крысами; тут же нашли и церковные книги; поверили по каталогу — все целы, кроме отмеченных, должно быть, рукою одного из бывших здесь катихизаторов, что потеряны; но молитвенных книг, кроме крошечного ниссёо кёобун, ни одной, так что, когда пришлось служить, не по чем было и вечерню отправить. Часам к семи собрались христиане в доме Александра; пришло человек десять и язычников. О. Петр отслужил краткий молебен; после него я, опрокинув ящик с книгами и усевшись на него (в рясе и панагии), принялся поучать собрание; женщины, должно быть, нисколько не понимали; Александр тоже, преклонившись до земли слушал — вероятно, думал, что я журю, а я просто говорил, чтобы они молились, чтобы посвещали дела свои Богу, и тем готовили себе Царство Небесное и прочее. В середине проповеди вдруг поднимается шум ужаса между женщинами и детьми, сгруппировавшимися налево от меня, — смотрю — ползет в четверть длины насекомое, мукаде, очень ядовитое; я приостановил проповедь, пока его, сначала нажавши трубкой, взяли в железные хасы и унесли с тем, чтобы сжечь на жаровне, чего, однако, не сделали — мукаде вырвалось и убежало. Я продолжал прерванную проповедь и закончил ее наставлением непременно творить молитвы — утреннюю и вечернюю, пред пищей и после, пред работой и после, а также, когда кончатся телерешные полевые работы и будет посвободней, собираться вместе и читать Священное Писание и другие имеющиеся здесь религиозные книги и вместе, сообщая, объяснять их для себя, так они будут поддерживать в себе знание учения и теплоту веры; говорил, чтобы они это делали по воскресеньям, после общей молитвы; советовал приглашать на эти собрания и соседей язычников. Все это обещались делать, то есть после изложения пункта на вопрос: «Будете ли исполнять это?» — Отвечали: «Хе». Уверял я их, что с этого времени их священник, вот здесь находящийся о. Петр будет непременно посещать их, раза три или четыре в год для преподавания им Святых Таинств и научения их; уверял также, что как найдется катихизатор, которого можно послать сюда, то он непременно будет послан — для Куцинохару и вместе для Иидзука, потому что собственно в Куцинохару для него недостаточно было бы дела. Под конец моей

речи пришел и Петр Нагатоми, видимо с гоцисоо, с запахом вина и красным лицом; ему вкратце сказано было то, что изложено прочим христианам, и он согласился на все и обещался, как они, поддерживать здесь христианство. Во время речи между тем у меня созрело решение в этот же вечер отправиться в обратный путь и ночевать в Иидзука; хотел было прежде переночевать здесь, чтобы завтра утром еще раз помолиться с христианами и поговорить с ними; но, видя, как они ныне заняты (самое горячее время жатвы и уборки риса), я сообразил, что завтра утром не соберешь их на молитву, да и молитва была бы не в молитву и беседа не в беседу, если бы насильно оторвать их целое утро от работы; итак, я удовольствовался тем, что видел и эту Церковь, и помолился хоть раз с христианами, и положил — тотчас же распрощаться с ними; мать Александра и Петр Нагатоми из вежливости предложили каждый у себя ночлег, но не настаивали, и Александр отправился найти человека снести наши с о. Петром чемоданы в Иидзука; я между тем оделил медными крестиками и образками христиан и дал икону 12-ти праздников и два вида храма для здешней Церкви. В девять с четвертью часа вечера мы отправились пешком до Иидзука при свете фонаря в руках несшего чемоданы, и в десять с четвертью были на месте, в гостинице в Иидзука, где нашли удобный ночлег. Лука Кадзима лет восемь тому назад был отправлен на проповедь в Фукуока, но самопроизвольно позванный кем-то, лежавшим здесь в больнице, отправился в Куцинохару, и там вот, в глуши, явилось несколько христиан; затем там были С. Кунгимия, П. Нонака, Иван Мабуци, С. Танака, и ровно ни на йоту не умножили Церковь и не подвинули христиан дальше в знании веры и исполнении христианских обязанностей, а напротив — опустили все: некоторые ушли в язычество, некоторые совсем охладели, а оставшиеся и имена свои христианские позабыли. Вот до чего доводит самопроизвольство катихизаторов! Не следовало бы этой Церкви и родиться на свет, а нужно бы вместо того быть Церкви в Фукуока; теперь же в этом самом большом на Киусиу городе у нас нет ничего, а в деревнях в тридцать домов — Церковь, но близкая к ничтожеству, ибо где же в этой глуши досмотреть! А расходов-то сколько было и на эту Куцинохару! Вперед нужно строго следить за катихизаторами, чтобы не произвольничали, а служили там, где поставлены, или же, если нужно, переминить место, делали это по сношении со священником и Миссией и с их разрешения.

17 / 29 октября 1891. Четверг.

Иидзука — Фукуока

В семь часов утра отправились из Иидзука, в десять двадцать по чугунке из Ногата, в одиннадцать — из Орио и в начале второго часа

полудни прибыли в Фукуока, где остановились в гостинице с тем, чтобы мне с первым же отходящим пароходом отправиться в Нагасаки, а о. Петру присматривать здесь квартиру; если в Нагасаки и до сих пор у Морита, как писал он в Усуки, нет ни одного слушателя из коренных жителей Нагасаки, то я возьму его с собой в Фукуока; здесь, быть может, до того времени о. Петр найдет ему квартиру; я скажу первую проповедь, и пусть он затем, с Богом, начинает здесь дело.

18 / 30 октября 1891. Пятница.

Фукуока

Вчера парохода в Нагасаки не было, сегодня есть один маленький; заходящий, притом, по пути в три места до Нагасаки; хотел идти на большом, который будет завтра утром, но безделье такую скуку нагоняет, что не выдержал и купил билет на сегодняшний пароходик; уходит после полудня, в Нагасаки будем, говорят, завтра утром часов в десять, тогда как большой придет после полудня, часа в четыре, значит, и времени несколько выгадается. О. Петр вчера присмотрел одну подходящую для катихизатора квартиру; теперь (десятый час утра) опять в городе ищет других квартир, чтобы из многих найденных взять самую удобную для проповеди. Вчера вечером в первый раз надел шерстяную рубашку и уж, кажется, снимать ее не придется — и здесь начинается осень. Значит, с сего времени, если придется осматривать Церкви на Киусиу в последнюю треть года — до конца октября японского, теплого с собою ничего не брать: одной летней одежды вполне достаточно. (Продолжается на судне, на пути в Нагасаки.) Вчера, однако, не пришлось уйти, ибо судовой агент пришел сказать, что сегодняшний пароходик придет и уйдет отсюда очень поздно, так что приход его в Нагасаки не будет раньше большого парохода, который уйдет отсюда завтра утром в шесть часов и придет в Нагасаки чрез десять часов, и советовал взять билет на него, возвратив прежний; так и сделано. От нечего делать читал повесть об Юи Сёосецу, когда-то жившем на Суругадае, где теперь Миссия; повестей же целых три книги купил о. Петр в ближайшей лавке за тринадцать сен. О. Петр до обеда ходил еще искать подходящих для катихизатора квартир и нашел целых пять в центре Фукуока; зато в Хаката, более деловом и суетливом, не нашел ни одной. Вечером о. Петр удивил меня рассказом о своих семейных делах, в которые я прежде не входил. Оказывается, что сестра его, двадцати семи лет, живущая ныне у него в доме, замужем за протестантом, двадцати восьми лет, тоже из Янагава, но из-за бедности мужа, продававшего ее одежду на пропитание (в доме еще мать и больной брат) семьи, бросила его и вытребовала себе разводное письмо, хотя муж не хотел разводиться; совсем по-язычески! И это уже года полтора тому назад, и о. Петр — ничего себе, и ухом не ведет!

Такой скандал в доме священника, конечно, не может не отозваться вредом на всем его приходе; как он удержит других от развода по самым пустым причинам, если в семье у него такой пример! Наказывал ему всячески убедить сестру пойти к мужу; мужа же прежде всего сделать православным, ибо он протестантство принял совсем не по убеждению, а по приятельству, чтобы удобнее влиять на него религиозным путем, потом убедить трудиться и, наконец, постараться найти для него какое-нибудь подходящее место службы или работы, тогда и причина разлада пройдет. И другая его сестра, по-видимому, тоже несчастно выдана; она за врачом-язычником в Кумамото; мы видели ее там; потом, когда прибыли в Янагава, увидели и здесь, и о. Петр подозревает, не прогнал ли ее муж (вероятно, так и есть, но мне прямо не говорит). Если муж-язычник — без всякого надлежащего повода — прогонит жену-христианку, для нее нет греха; после того следует только употребить возможные старания направить мужа на истинный путь, и если он продолжает упорствовать в нежелании взять обратно жену, она может спокойно выйти за другого; если же со стороны ее есть поводы к недовольству мужа, то, конечно, она должна устранить их, иначе сама будет виновна в незаконном разводе.

19 / 31 октября 1891. Суббота.

Фукуока — Нагасаки

Агент уверял, что в пять часов утра пароход придет, а в шесть часов уйдет. В пять часов мы с о. Петром были на ногах, но пароход едва в восемь часов пришел и в девять ушел. Утром в гостинице всегда можно наблюдать за проявлением религиозного чувства японцев. Говорят, японцы совсем иррелигиозный народ; нет, неправда; посмотрите, в каждой гостинице, утром, когда народ моется, как он благоговейно потом складывает ладони, обратясь на восток, хлопает ими и тихим благоговейным движением подносит их ко лбу; нынче около шестидесяти человек было в гостинице Такасимая, где мы остановились, и за утро раз пять с разных сторон я слышал молитвенное хлопанье; а сколько было ускользнувших от моего слуха, Бог весть; вот это-то молитвенное движение нужно только обратить в настоящую сторону, к истинному Богу — и истинно религиозные люди готовы.

В утренних газетах, в гостинице, прочитали о сильном землетрясении, бывшем 28 числа, и в Осака погубившем много народа и зданий; в Гифу, Нагоя — тоже; в Токио было не так сильно, но много оград и заборов попадало. Хранил ли Господь там Миссию с ее немалым населением? Дорогой прочитал книжку об японском Соломоне Оока Едзизеннокаме, как он судил разбойника Дзю-сициро — не особенно мудро. В Нагасаки прибыл в восьмом часу вечера. Отправился прямо на квартиру

Павла Морита; дома не оказалось; вернулся потом от Сиги, из Иноса, с запахом вина; комната в беспорядке; служанка, сожалея об отсутствии его, тут же выложила, что он все сидит дома, и к нему никто не ходит — только в шашки играть ходит в Иноса. Вернувшийся Морита показал в себе расположение духа — неподобающее проповеднику: завтра хотел ехать в Нагоя, посмотреть как его родные после землетрясения, — спросить позволения на то, конечно, ему и в голову не приходило; проповедывать же ему хочется в какой-нибудь старой Церкви, где бы он мог каждый день ходить к христианам, а также учить детей — это-де его любимое дело; в новое же место идти не расположен, ибо там некому заботиться о нем и помогать ему и так далее»; словом, выказал себя нравственным недорослем и вихляем — а я еще так располагал на него; о последнем я и стал говорить ему — что-де я надеялся, что он своим примером ревностного и успешного служения дает пример молодым катихизаторам, служащим здесь, на Киусиу, которые почти все нестерпимо ленятся, — что, я думал, чрез год или два — быть бы ему поставленным во диакона здесь, в еще большую помощь о. Петру Кавано — а потом, если Бог благословит и Церковь возрастет — сделаться бы и священником, так, чтобы нынешняя Церковь о. Петра разделилась бы на два прихода — что следует ему желать именно нового места для своей деятельности, чтобы не строить на чужом основании, и так далее. По-видимому, несколько оживился — но надолго ли? Читал свое сочинение, которое хотел поместить в здешних газетах, но которое газеты отказались поместить, — еще бы! Битком два с половиной листа наполнены болтовней о том, что Православие нужно для крепости Японского государства, но что православие до сих пор в Нагасаки не слышали, а вот он ныне пришел излагать его, — болтун, и легковесная, ветром колеблемая натура; к тому же и болезнен, — вечно возится с лекарствами, чего, впрочем, не было бы, если бы берегся в пище и берег горло от простуды. — Что ему оставаться? Для сокращения расходов хотел переночевать в одном из номеров дома, где квартирует Морита, — затруднились дать приют, потом искал ночлега в японской гостинице — прямо отказали, говоря, что иностранец должен останавливаться в иностранном квартале, и что если дать ему ночлег в японской гостинице, то после штраф за это возьмут. Нечего делать, отправился в отель «Бельвю», где когда-то несколько дней жил; зато имел комфортабельный ночлег в отлично устроенном номере.

20 октября / 1 ноября 1891. Воскресенье.

Нагасаки и дальше

В восемь часов утра отправились с Павлом Морита к Сиге, в деревню Иноса, на лодке чрез рейд. От Сиги и вместе с ним сходили на русское

кладбище. Нашли его чистым; но Сига говорил, приведено оно в такой вид только к приезду Государя Цесаревича нашего; сам Губернатор был, нашел его в запустении и велел вычистить, обязав в то время бонзу подпиской, что он и вперед будет хранить его в порядке, иначе три ены в месяц, которые он получает за хранение русского кладбища, будут переданы кому-нибудь другому. Наследник Цесаревич посетил кладбище инкогнито, причем не дождавшись, пока принесут ключ от ограды, перелез чрез нее на кладбище; потом пожаловал бонзе свой портрет с надписью. Посланник Д. Е. Шевич пожертвовал 50 ен на русское кладбище; но бонза принял эти деньги как пожертвование на его кумирню и сообразно с этим употребил деньги, дав расписку, что деньги такие-то, пожертвованные на кумирню, получены и употреблены сообразно назначению — каковую расписку я видел у Сиги, но не взялся доставить ее Посланнику, как неблаговидную.

В Консульстве мы никого не застали, кроме фельдшера П. И. Харина, которому я дал десять икон и семь-восемь видов храма обделать в киоты и рамки и поставить в комнатах вновь устроенного при консульстве русского морского госпиталя.— В двенадцать часов мы с Морита выехали из Нагасаки на небольшом пароходе. Вечером в каюте имел с ним продолжительную беседу, сообщая разные практические наставления по проповеди.

21 октября / 2 ноября 1891. Понедельник.

Фукуока

В десять часов утра прибыли в Фукуока. Затем целый день о. Петр с Морита отыскивали удобную для катихизатора квартиру. Квартир много; из них остановились на одном, гозорят, очень приличном и просторном доме на одной из центральных улиц города; но так как есть другой наниматель, то не решено сегодня, будет ли это наш дом. Я не смотрел квартиру, боясь вмешательством иностранца испортить дело; целый день читал японские газеты и книжки.

22 октября / 3 ноября 1891. Вторник.

Фукуока

Вопрос о квартире еще не решен. О. Петр и Морита готовили афиши об имеющей быть проповеди 5 числа в семь с половиною часов, в доме общественных Собраний на Накадзима; на афишах будет обозначен адрес Морита и то, что он «православный проповедник для Фукуока»; разумеется, на него будет указано в конце моей проповеди — «у него, мол, ищите дальнейшего наставления в вере», — для этого собственно и проповедь устроается; следовало бы сказать ее завтра, 4-го числа, но, по

случаю сегодняшнего японского праздника — Рождения Императора, завтра не будет выхода газет — значит, лучший народ не будет знать о проповеди — из афиш узнают о ней только ходящие по улицам; поэтому и отложено до вечера 5-го числа, когда утром напечатано будет объявление о проповеди в двух здешних газетах, также с прописанием адреса проповедника Морита. Слово здесь не связано: в полицейском управлении, у которого следовало, по правилам, испросить разрешение, сказали: «Речь, проповеди, все что угодно — пусть говорится», — тогда как в некоторых местах, например, в Накацу, неохотно давали разрешение, хоть и нигде не запретили. Но расходов, которых проповедь будет стоить: за залу нужно отдать одну ену, циновки — шесть ен, освещение — одну ену, стол, циновка, цветы на нем (по принятому обычаю) и прочее — все будет около пяти ен.

По газетам оказывается, что землетрясение, бывшее 28 японского прошлого октября (16 октября старого стиля) в шесть часов утра, [?] в Нагоя, Гифу, Оогаки и кругом по радиусу до Оосака и пр. есть самое большое после бывшего в 1853 году, в котором погибла наша Диана (в Идзу, около Симоды). В указанных городах упало 810 домов*, погибло более двух тысяч людей, кроме множества раненых.

Странные пожары, последовавшие за падением, довершили несчастье бедных жителей; картина бедствия, рисуемая газетами, ужасна; но она, конечно, не представляет полной действительности. Мосты на широких реках в районе землетрясения повреждены так, что железнодорожное сообщение прервано, рельсы в иных местах также разбросаны; железнодорожные станции упали. По догадкам ученых, нынешнее землетрясение — не вулканического происхождения, ибо местности, пораженные им, лежат все вне вулканической цепи, а произошло оно вследствие стягивания гор — вероятно, по нынешней теории, что земная кора, охлаждаясь, постепенно стягивается, дает трещины, изломы горных пород и кражей, отчего и страшные местные потрясения.

23 октября / 4 ноября 1891. Среда.

Фукуока

Дом для проповедника удалось нанять за 3.80 ен в месяц тот, который выбрали о. Петр и Морита; действительно, дом чистенький и на хорошей улице (Тенсин мац, № 11). Объявление о проповеди сегодня сдано в газеты и завтра выйдет; афиши по городу развешаны, инде наклеены. Вечером пришлось из окна наблюдать за отправлением протестантской епископальной проповеди, в доме насупротив гостиницы; в семь часов

---

* По газетам 1 ноября нового стиля, погибло: 2169 человек; ранено: 2757 человек; упало домов: 34 799.

вечера сначала пропели, голоса в три (иностранец — миссионер, и человека два японца в унисон) пели гимн, потом прочтена глава из Священного Писания и затем японский катихизатор стал говорить проповедь; обращена она была главное — к христианам, которых было четыре человека, но относилась и к язычникам, которые останавливались у дома, меняясь постоянно и не превосходя, сколько я видел, человек десять-двенадцать; за катихизатором говорил миссионер. Не знаю, сколько такой род проповеди доставляет христиан; но и что же делать? Как иначе? Конечно, лучше, если знакомые собирают слушателей, и они сидят и слушают последовательное раскрытие учения; быть может, у них есть и это; а кроме этого, то, что я видел, — единственное средство.

24 октября / 5 ноября 1891. Четверг.

Фукуока

Рано утром доставили газеты с напечатанными в них объявлениями имеющей быть сегодня вечером проповеди; разнесено и еще несколько афиш по городу сегодня утром, так что всего афиш по городу сегодня утром, так что всего афиш вышло около 50.— До полудня съездили с о. Петром к Таисии Сёодзи и ее дочери Фотине, жене офицера, живущим за городом; потом с крыши здания «Кёосин квай» (где будет проповедь) любовались видом Фукуока и Хаката, разделяемых рекой: Хаката видна вся, как на ладони, Фукуока же тянется бесконечною линиею по берегу моря, теряясь от глаза в зелени дерев.

Вечером в семь с половиной часов была проповедь для язычников. Слушателей собралось человек пятьсот; говорил сначала Павел Морита, представляясь слушателям в качестве здешнего проповедника, но ему почти не дали говорить; смех и шум сопровождали почти каждое его выражение; и это не потому, что было что-то смешное в его речи или в нем самом, а по грубости публики; бедный Морита видимо смутился; голос его слабый, совсем недостаточный для такого числа слушателей, и говорит он — нужно сказать — не так, как бы следовало: многословия много и пустовата речь; говорил минут двенадцать, сказал в заключение свой адрес и раскланялся с невежливой публикой. Потом настала моя очередь; положил я говорить полтора часа и столько говорил, объяснив после предисловия о необходимости религии для человека, как дающей человеку самую необходимую для него истину и столь же необходимую высшую помощь — религии, конечно, истинной, ибо только она может дать сие, христианское учение вкратце — от учения о Боге Едином до совершения Спасителем Тройственного служения для спасения человека; но речь непрерывная была прерываема шумом и смехом; собравшиеся бонзы, видимо, намеренно старались мешать речи; но кроме них, множество грубой молодежи и учеников — просто из дурачества смеялись и

кричали. Пробовал я убеждать — быть тише; делал то о. Петр; наконец, серьезные из слушателей гневно кричали на буянов, или, вставши, обращались с речью, убеждая не мешать слушать — ничто не помогало. Такую шумливую и беспорядочную аудиторию я видел второй раз — первый был в запрошлом году в Мориока.

На будущее время нужно будет держать проповедь здесь не вечером, а днем, часов с двух, как было в Кумамото: тогда на проповеди будет народу меньше, но будет народ серьезный, который придет слушать, а не шуметь; мальчуганы в то время в школе, простой народ занят, бродяжного элемента в аудитории не будет.

Тем не менее надлежащее дело сделано: Морита представлен жителям Фукуока и Хаката как проповедник. Завтра еще будет проповедь о. Петра и в нанятом для него доме — объявление о ней послано сегодня также в обе газеты; даст Бог, найдутся люди, которые после того пожелают слушать продолжение Христова учения, и таким образом дело проповеди, с Божиею помощью. Дай-то Бог!

*25 октября / 6 ноября 1891. Пятница.
Фукуока*

Тогда выехал из Фукуока; в Оосака заехал к о. Оно, но он не мог решить, можно ли взять Алексея Савабе из Кёото для посылки в Куруме; вместе с ним отправились в Кёото; на станции железной дороги встретили ожидавшего Савабе; от него тотчас же узнали, что ему нельзя оставить Кёото; поэтому, не останавливаясь там, тотчас же я взял билет до Оогаки и распрощался с о. Оно и Алексеем Савабе, оставив Куруме Провидению Божию, за неимением, что сделать более.

Поздно вечером прибыл в почти разрушенный конца город Оогаки; без особенного труда, однако, нашел катихизатора Мефодия Цуция — в шалаше; и ночью страшно было смотреть на следу землетрясения; а на завтра утром — просто ни с чем нельзя сравнить чувство какого-то тупого ужаса и печали; к землетрясению здесь присоединился еще пожар, сметший почти все и развалины несчастного города.

Днем же, пока доехал до Нагоя, среди непрерывных развалин и поникшего от горя и копавшегося в сору и пыли люда, голова разболелась от ужасных ощущений; еще, кажется, ни за какие блага не захотел бы вновь проехать этим ужасным местом.

В Нагоя старался помирить христиан с о. Матфеем Кангета; виноват во всей разладице больше всех катихизатор Петр Сибаяма, самолюбивый, немогущий выносить замечаний священника; неправ и о. Матфей, слишком резкий и сердитый в выговорах. Не сладить ему с этою Церковью; по-видимому, помирились, но, как после оказалось, ненадолго.

В тот же вечер выехал из Нагоя и назавтра был в Токио, кончив на этот раз поездку по Церквам.

Миссионерские заметки при посещении Церквей

Поездка по Церквам в Циукоку, Сикоку
и в середине острова Ниппона

Епископ Николай
11 / 23 октября 1891 года

1892-й год

*30 апреля / 12 мая 1892. Четверг.
В Окаяма тишится*

Выехал из Токио в шесть часов утра. Заехал в Тonosава, чтобы посмотреть, какие колокола дать для Сейндайского храма.— Сказал плотнику Василию, приезжавшему со мной, что дам самый большой, только не совсем, а одолжу; и если Сейндайская Церковь будет процветать, то не отберу, а опустится — возьму колокол обратно; пойдет туда и следующий за большим колокол. В Окаяма приехал $1/13$ мая, в пятницу, во втором часу.

1 / 13 мая 1892. Пятница

О. Никита Мори и катихизатор Яков Фудзий найдены в благополучии; но Церковь не в цветущем состоянии: мала; по метрике крещеных 87; из

них налицо около 60 здесь и в ближних селениях, одиннадцать померло, прочие ушли в язычество и инославия или до того охладели, что нельзя считать христианами. Есть и усердные; особенно Сергей Сусака — молодой чиновник; он и [?], и чуть не единственный певец, и большой хлопотун. До вечера говорили про церковные дела. В восемь часов вечера о. Никита отслужил вечерню; я сказал — о христианском усердии. Дети все знают «Отче наш»; других молитв не знают; дал, впрочем всем по иконке.

2 / 14 мая 1892. Суббота.

Окаяма

Утром обедница и панихида; христиан с детьми собралось человек пятнадцать. После службы объяснил обычай употреблять кутью. Служба продолжалась от половины восьмого до девяти; и пели совсем недурно: Яков Фудзии — катихизатор — и две женщины; так что сюда нужен только органчик для спевок, а учителя пения из Токио не нужно, все равно больше одноголосия ничему не может научить; органчик японской работы, ен в 18, наверное, скоро приобретут: женщины на своих симбокквях собрали уже семь ен; я вчера дал пять ен, мужчины постараются об остальном; обещались, хоть не с видимой охотой.

В десятом часу отправились посещать христиан, были в четырнадцати домах, в том числе и у катихизатора; есть еще одиночных верующих несколько, рассеянных в городе, у тех не были, ибо де мужья или господа не принимают. Лучшие из христиан: слепец Петр Дазай (с женой и двумя малолетними детьми) и Иоанн Сато с женой Марией, дочерью покойницы Анны Морита; все бывшие христианами еще десять лет тому назад, когда я был здесь. Сато, тогда больной нервами и сумасшествием, теперь совсем здоров и преусердно читает и прислуживает в Церкви; он наследник очень богатого купеческого дома, но по болезни уступивший права наследства младшему брату, который, как богач, разумеется, не верует и не думает слушать учение; впрочем, и о делах своих мало заботится, а вдается в политику — «к дзиую-то» принадлежит, по поводу чего, вероятно, богатство течет у него мимо рук, и он быстро клонится к упадку. Иоанн же Сато имеет дом, часть которого отдает жильцам, добывая чрез то ен восемь в месяц, на которые и проживает с женой. Есть мысль у христиан — и он сам желает того, чтобы дом его с землей под ним отчужден был в пользу Церкви; но для этого Церковь должна иметь ен тысячу; тогда бы Иоанн купил себе маленький домик для жилья, а нынешняя его усадьба, кстати сказать, и весьма хорошее место занимающая в городе, послужила бы сначала для приспособления к устройству в ней молитвенного дома, со временем же к постройке Церкви; и священнику с семьей там было бы где жить. Но, по неимению денег, это ныне

неосуществимо; и других способов для придания более благолепного вида сей Церкви я не вижу; вчера поднял было речь, что христиане должны думать о постройке здесь Церкви, потому что это место для всего Циукоку — «Хокквай»; другие Церкви тоже должны помочь прилично установиться здесь своему священнику; но сегодня вижу, что речь об этом пустая — не могут ничего сделать — слишком мало христиан; и все беднота больше. Староста Сергей Сусака (чиновник, младший брат жены катихизатора Фудзии) показывал «приходскую» тетрадь: в месяц иной раз не больше двадцати сен — всего сбор с христиан; еще нужно удивляться, как они сколачиваются на уплату 80 сен за квартиру катихизатора и 50 сен — приплаты к 4 $\frac{1}{2}$ енам, идущим из Миссии на дом для священника. — Были, между прочим, сегодня у Марии Танака, старухи, жены покойного седобородого Луки Танака, из Кодзима, который в Токио в 1884 году с другими участвовал в смуте Церквей; умер он в Токио в запрошлом году, оставив семью в бедности, а был когда-то богат, но разорил его прожектёр Петр Ока, бывший женатым на его дочери; теперь Ока совсем промотался и болтается где-то около Сайкёо, а жену прогнал, развелся; ныне она учится повивальному искусству; ребенок же живет здесь у старухи Марии; сын старика Луки отправился в Америку изучать медицину, но последние три года об нем ни слуху, ни духу; дочь свою, лет шестнадцати, Марью, отдал в школу католиков здесь, и та теперь католичка; так беспутный старик Лука растранижил и имущество, и семейство свое, пустившись в Токио и там еще отчуждавшись от Церкви; жил бы себе, как десять лет тому назад я застал его в Кодзима — почтенным, уважаемым, многосемейным и богатым — тогда и седая длинная борода очень шла к нему; ныне старуха Марья с дочерью католичкой и внучкой живет в бедности, и Бог весть, чем пробивается.

Дома христиан здесь рассеяны на далекое расстояние один от другого; катихизатор живет совсем вне города — думал, там найдутся слушатели между сизоку — нет никого; нужно ему поселиться в более людном месте. Из одного дома, за городом, у обедневшего сизоку, ныне промышляющего платно плотничеством, просит о. Никита взять одну девчонку на воспитание в Женскую школу; но школа почти полна; не знаю, взять ли.

Вечером, с половины седьмого часа была всеношная, продолжавшаяся час; ирмосов здесь еще не поют, не знают, как петь. С восьми часов объявлена была проповедь для язычников; но так как много слушателей в доме помещаться не могут, то широкого объявления не было, а вывешен лист у ворот, и чрез христиан сказано их знакомым. Зато же и слушателей собралось человек семь-восемь; прежде катихизатор Фудзии плел «о свете Христовом», причем бесконечно размазывая невозможнейшую физику о глазах; малосодержателен и многоглаголив; на подобиях неистощим. Я говорил обычную начальную проповедь язычникам, хотя во время проповеди и последние язычники ушли, оставив христиан

дослушивать то, что им давно известно. Проповедь тем не менее продолжалась почти два часа.

3 / 15 мая 1892. Воскресенье.

Окаяма – Сеноо

Часов в восемь утром, когда собрались дети, стал экзаменовать их по Священной Истории; некоторые оказались довольно хорошо знающими историю Иосифа, сына Иакова. В девять часов началась обедня. Проповедь была о плодах Воскресения Христова. В два часа началось женское собрание в Церкви; мужчины допущены были слушать; женщин собралось пятнадцать, говорили семь, некоторые хорошо.— При прощании с Церковью, когда хотел расплатиться за стол, оказалось, что питала Церковь на нарочно собранные для того деньги; в вознаграждение за это я дал еще пять ен на орган для спевок, дал также о. Никите на конфеты детям две ены, катихизатору одну ену; все приняли очень охотно. В пять часов выехали мы с о. Никитой в Сеноо. В деревне Дайфуку, у Давида Сато, все христиане ждали, и отсюда пошли пешком до Сеноо. Пред церковным домом здесь — цветочная арка из азалий. Была вечерня; проповедь на слова «Мир вам»; разговор о Церкви; девочкам певчим дал по иконе, ибо молитвы поют на память; мальчики оказались незнающими молитв. Положили с следующего воскресенья открыть женское собрание, которого еще нет здесь; наиболее разумная из христианок здесь — мать семинариста Якова Сато, приносимая в Церковь на спине сына Павла Урада, учителя, ибо ноги в параличе. Церковный дом здесь и с землей под ней — пожертвован Церкви Ананием Фукусима. У него же приготовлено было и помещение мне, во всех отношениях роскошное, только с мучительной кроватью.

4 / 16 мая 1892. Понедельник.

Сеноо

Утром с семи часов обедня и панихида. Потом посещение христиан; посещено пятнадцать домов; были и на кладбище, где похоронен Павел Накакодзи. Видели ткань циновок; посетили двух богатых язычников, подающих надежду сделаться христианами. Вечером с восьми часов проповедь для язычников; собралось человек триста; сначала шумно, потом хорошо слушали. О. Никита говорил проповедь об исполнении пророчеств в Христе, совсем непонятную для язычников. Я — обычную первоначальную для язычников.— Из этой местности катихизатор Николай Такаи; но у него дома все язычники, и потому не были там; отсюда же Дионисий Кубота; его отец и мать еще несчастнее — земледельцы, не богатые, но и не бедные. Селение Сеноо — весьма зажиточное; земля

превосходно возделана, процветает, кроме того, производство цветных и всяких других циновок, производство сои из бобов, тут же культивируемых в изобилии; наш богач Ананий Фукусима именно — один из сих производителей. Поражает необыкновенное обилие детей в селении. Народ хороших нравов.

5 / 17 мая 1892. Вторник.

Утром Сеноо. Вечером Кодзима

В восемь часов, простившись с собравшимися в молитвенном доме христианами, выехали мы с о. Никитой в Кодзима. Ананию в благодарность за прием я дал образок Спасителя в серебряной ризе, для путешествий, и крестик в две ены. В Кодзима прибыли в половине одиннадцатого, на полчаса раньше, чем обещали. Ка, отец семинариста Стефана, дальше всех встретил; потом отец Фомы Такеока и прочие. В Церкви нужно было ждать с полчаса пока придет дочь Такеока, девица лет семнадцати, заправляющая пением. О. Никита отслужил литию; поют четыре девочки хорошо, но бедно; христиан собралось с детьми человек тридцать. Проповедь сказана о христианском усердии. Потом проследили по метрике состояние христиан; отпавших почти ни одного; есть охладевшие, есть отлучившиеся в разные места... Сицудзи два; в Церковь на богослужение приходит человек двадцать пять — новых слушателей ныне ни одного. Богачи здешние Николай Нозаки, Яков и Иоанн Огино [все] на Церковь дают, но в Церковь не ходят; одного Якова Огина я видел между христианами. Церковь здесь построена отдельным зданием, и большая, на гранитном фундаменте (обычном, впрочем, здесь для всех зданий). Но иконы в ней без рам; стоит постройка ен триста; кроме того куплен для катихизатора тут же находящийся у Церкви дом, стоящий с оградой ен сто; все это дано местными христианами (только двадцать ен прислано мною). Церковные здания стоят на земле, принадлежащей Николаю Нозаки, купленной им за 80 ен. Дети, по испытанию, все оказались знающими молитвы, и потому награждены иконками.

Часа в три отправились посещать христиан; богачи Огино, видно, совсем мало знают веру и нисколько не усердны в ней — в доме у обоих, кроме их, никто не крещен; советовал им, между прочим, выписать из России хорошие иконы в серебряных окладах для своих домов.

Николай Нозаки заявлял намерение выплатить мне за воспитание Даниила Кониси, так как постыдно, вопреки его обещанью, задержано им. Я сказал о. Никите и катихизатору Павлу Окамура, что если он заплатит 1200 ен за четыре года воспитания (ибо за пятый — первый — заплатил прежде), то я пожертвую двести ен на покупку земли, что под Церковью здесь, в Кодзима, и тысячу ен на покупку земли и постройку Церкви в Окаяма. (С дорожными оттуда 450 рублей — для Кониси, Нозаки должен

еще больше). Катихизатор Павел Окамура получает здесь от христиан в год 60 ен; христиане вносят эти деньги, обыкновенно за раз, что удобнее, ибо не надоедает частым клянчаньем денег.

В восемь часов отслужили вечерню, и было слово для христиан бескусное: 1) о необходимости соблюдать день Господень; 2) о необходимости воспитывать детей в христианской вере (против Иоанна Огино и других, оставляющих свои семейства в язычестве); 3) о служении женщин делу распространения веры и необходимости сего служения здесь, также об устройстве женского симбокквай здесь; кончено выбором говорящих на будущее собрание, имеющее произойти здесь через две недели. В половине одиннадцатого часа Церковь распушена.

Здесь катихизатор Павел Окамура хочет в другое место на проповедь — надоело ему здесь сидеть почти совсем бесплодно для умножения Церкви; тем не менее переменить его трудно: его любят и для содержания его жертвуют; взять его прямо было бы против правила — не восхищать у Церкви избранного катехизатора, когда Церковь содержит его; здесь же дают ему в месяц по пять ен; а сам он, по слабости, не решится сказать, что он желает в другое место; да и не легко было бы ему передвижение; у него четверо детей, притом же обжился он здесь так, что все в местности знают его. Сегодня, когда посещали христиан, он на минуту куда-то отлучился, и о. Никита прямо спрашивает у проходящих чужих детей: «Не прошел ли вперед Окамура?» — «Они-то почему же знают Окамура?» — спрашиваю я, удивленный. — «Его все знают здесь по бороде», — говорит о. Никита.

6 / 18 мая 1892. Среда.

Кодзима

Утром стал испытывать нескольких собравшихся детей в знании Священной Истории; никто и понятия о ней не имеет; рассказал им историю пророка Илии, и наказал катихизатору Окамура вперед учить детей. В половине восьмого утра началась обедница, за ней панихида; собралось человек пятнадцать с детьми; после службы рассказал значение молитв за умерших и панихидной кутьи. Потом посетили несколько христианских домов, между прочим — Иоанна Такеока, отца катихизатора Фомы; человек еще не старый, но, по словам священника, решительно ничего не делает; питают его и всю семью жена и старшая дочь, восемнадцати лет, Марина, заправляющая пением в Церкви; Иоанн же ленится и иной раз целые дни валяется под одеялом; впрочем, эта леньность, как говорит о. Никита, не от «воо яку», а от «синкей» — значит, нервная болезнь своего рода; живут тканьем поясов и крашеньем материи; детей — три дочери, маленький, восьми лет, сын, сын Моисей — бродит где-то, и Фома — катихизатор; так как Фома просил помощи на

семью, то я предложил чрез о. Никиту отдать маленькую дочь, двенадцати лет, в Миссийскую школу в Токио; но мать отозвалась, что дочь слаба характером — и Господь с ними! Деньгами же помогать ленивому хозяину не следует, тем более, что и Фома на проповеди ленится.

После обеда опять посещали дома христиан; между прочим, были в доме Григория Камои, отца семинариста Стефана; здесь в доме девять человек: баба, отец, мать и шесть детей (кроме Стефана); старшему пятнадцать лет, и он начинает помогать отцу; питает же всех отец своей работой — тоже красильной: красит холот в синий цвет для носков; дети все здоровые; дом цветет здоровьем и свежестью, хотя и не богатый; Григорий с женой, видимо, благочестивые люди.

До четырех часов кончили обход христиан и с тем все церковные дела; между тем можно выехать только завтра утром, ибо вечером проповедь для язычников, а она, кажется, совсем бесполезна, ибо — что же можно сказать и что узнать в один раз только! Только и пользы, что по этой проповеди можно узнать, как народ относится к христианству: мало берутся или много, спокойно слушают, или шумят — все это показывает разное настроение народа в разных местностях...

В половине девятого часа вечера началась проповедь для язычников. Говорил сначала о. Никита о том, что христианство нужно здесь, что оно не причиняет вреда государству, как иные думают, и прочее. Слушателей собралось довольно. Но во время моей проповеди почти все язычники ушли — осталось человек тридцать; впрочем, народа серьезного — учителей и чиновников; ушедшие же были частью дети, частью люди, видимо, приходившие только поглядеть на иностранца; неприязни никто никакой не обнаружили. Оставшиеся же слушали так серьезно, что, кончивши проповедь, я пожалел, что не продолжил, ибо слушатели долго оставались неподвижно на месте.

О. Никита Мори гораздо серьезнее и лучше священник, чем я об нем думал; он только болен желудком, и вообще слабого здоровья, но трудящийся; у него масса проповедей, написанных им самим на всякие случаи; он очень внимателен к внушению: поправишь в чем раз, другой не нужно поправлять; усердно ли заботится о душах верующих, не знаю, но знает он свой приход отлично.

7 / 19 мая 1892. Четверг.

Хиби — Цурадзима

Утром отправились в Хиби, три ри от Кодзима; там пять христианских домов; лучший Иосифа Синомия (сын Симеон); всех христиан, с детьми, ныне девятнадцать; кроме того, двое померли; из последних — жена Иосифа, забеременевшая под старость и незадолго до родов умершая от какой-то болезни; Иосиф и поныне не утешился в своей потери, что, нужно сказать, не замечательно в Японии, где люди так легко находят утешение в наложницах; уж это показывает, что он хороший

верующий. Встретили все мужчины, одетые в лучшие платья, далеко от селения; христиане собрались также все разодетые; видно, что с усердием встречают. У Иосифа собрались; отслужили литию, причем пели мы сами: о. Никита, Павел Окамура и я — там еще петь некому; сказано поучение; потом побывали в домах христиан; учителю Павлу Ясуи я сильно внушал завести воскресную школу для языческих детей — он начальник учебной части здесь и может. Потом у Иосифа пообедали, после чего опять было поучение, причем я внушал христианкам, которых уже семь больших, начать женское Симбокквай; советовал также прислать в Женскую школу одну из девиц, которых две, поучиться пению церковному, чтобы потом водворить его здесь. Катихизатору говорено, чтобы он оставался здесь дольше, приходя сюда, научать желающих слушать, чтобы скорее увеличить Церковь; здешние христиане уже жертвуют на его содержание.

В два часа отправились из Хиби; в шесть были в Кодзима, откуда захватив оставшийся чемодан и простившись с приветливой хозяйкой — женой катихизатора, старшую дочь которых обещано в будущем году принять в Женскую школу, помолвившись на храмик, над входом которого так внушительно начертано: «Тенкокува цикаси», — поспешили дальше; захали в деревню Кими, где есть больной христианин Никанор, очень он утешен был и нашим посещением, и оставленными ему видами нашего храма в Токио. В восемь часов прибыли в Цурадзима. На перевозе узнали, что в двенадцать часов дня человек двести приходили на реку, за целую милю, встречать нас; хорошо, если бы это были христиане; но это просто была школа учеников, пришедших с учителем христианином. Встречатели такие — народ очень неудобный; когда о. Никита отслужил вечерню, и я стал говорить христианам поучение, шум собравшихся у входа школяров-язычников был такой неугомонный и громкий, что я принужден был сократить слово. Потом узнано было состояние Церкви. Катихизатор здесь Исая Мидзусима; старосты (сидзуи) Матфей Ябе (он же и старшина в деревне) и Симеон Ното — старик; оба бывшие христианами еще десять лет тому назад, когда я в первый раз был здесь. Крещено 73; из них 38 ныне здесь налицо; двадцать разошедшиеся по другим местам, девять умерло, четыре охладели до того, что никогда не бывают в Церкви, двое ушло в город. На богослужениях бывает человек пятнадцать; новых слушателей шесть — семь. Земля под домом и дом — церковные; земли 100 цубо. Куплено все это за 180 ен, из которых 100 — подаренные мною десять лет назад. Дом для церковных собраний на первый взгляд неудобный — молитвенная комната очень мала. — На Церковь в ход христиане тратят ен сорок; сбором и расходами заведует Матфей Ябе. У Матфея Ябе приготовлено помещение для нас с о. Никитой. Матфей — толстяк сорока двух лет — усердный христианин; всегда принимает у себя священника и катихизатора. Ныне он так захлопотался (и запыхался) и такой великолепный прием устроил, что просто совестно; принимаешь все это только потому, что делается

не для тебя лично, а для Христа, иначе тягостно было бы очень, ибо оплачивать этим людям, всегда, конечно, довольно богатым, решительно нечем, кроме малых иконок и крестиков.

8 / 20 мая 1892. Пятница.

Цурадзима

Утром, в девятом часу, стали служить обедницу и панихиду, после которой слово на слово «Смертию смерть поправ», в утешение плачущей Марфы Мураками по своем недавно умершем муже Луке — и дальше о поминовении умерших и о кутье и прочее. До обеда и после его посетили дома христиан. Пришло на мысль взять плачущую Марфу в Токио и образовать из нее диакониссу; характер и поведение ее хвалят в Женской школе; больше у нее никого нет. Есть здесь и другая вдова — Ольга Икува, почти тех же лет; быть может, и она годилась бы в диакониссы; у нее уже ровно никого нет в сем мире; вдова чиновника, характер тоже хвалят. Но испытать сначала первую; ей уже поручил Матфею Ябе передать мою мысль; ответ будет после.

Матфей Ябе, к сожалению, оказывается имеющим на стороне наложницу, так он высматривает виноватым; если бы знал, конечно, нельзя бы останавливаться у него; но, к несчастью, о. Никита сказал только сегодня, в объявление моего вопроса, отчего Матфей не исповедался; теперь нечего делать — так и приходится остаться до конца не знающим; но о. Никита должен усовестить его бросить наложницу.

Вечером было женское собрание: две маленьких девочки прочитали по главе из Священного Писания, две побольше, приготовленные для осмотра катихизатором чтение; одна большая — тоже должна быть им же приготовленной — все читали отлично. После был чай и сембей — конфеты. На следующее собрание избраны чтители.

С восьми часов вечера началась проповедь для язычников. Исая Мидзусима опровергал предубеждение против России и православия; говорил очень хорошо; умно и прямо — лучше, чем я ждал от него. — Я — обычную проповедь начинающим. Слушатели были большею частию школьники и уличные ребята, порядочно шумевшие, а потом разбредшиеся полусонными: оставшиеся большие, человек девяносто, хорошо и долго слушали. Кончилась проповедь в одиннадцать часов. — Из Цурадзима родом катихизатор Иоанн Мияке, имеющий здесь дом и землю.

9 / 21 мая 1892. Суббота.

Цурадзима — Янайбара — Сеноо

Утром, в семь часов, отправились из Цурадзима. Прощаясь с крайне гостеприимными Матфеем Ябе и женой его, я только и мог предложить

в благодарность крестик золоченый, эмалевый, икону Божией Матери, которую они уже имеют, и виды храма, которые тоже приобрели раньше. Почувствовалась настоятельная нужда выписать из России образков, приличных для благословения в таких случаях — что и нужно сделать.

Заехали в Янайбаре, селение из двухсот домов, в двух ри от Цурадзима; там четыре дома христиан, главный — Корнилия Морита, отставного офицера с женой, шестью детьми и матерью; он крестился, состоя на службе в Мацуе, и, недавно вышедши в отставку, поселился здесь на своей родине и уже успел обратиться с помощью катихизатора Якова Фудзии, приходящего из Окаяма, три дома своих братьев и родных; всего, с детьми, там двадцать христиан. Старшего сына — Моисея, тринадцати лет, Корнилий просит принять в Семинарию, но, кажется, мал для нынешнего приема; других тоже собирается воспитывать по-духовному. Мы отслужили в его доме обедницу, причем жена Корнилия изрядно пела вместе с катихизатором; поучение сказано на слова: «Да святится имя Твое», — возвещайте здесь имя Божие своим братьям. Корнилий угостил обедом из фазана, своей охоты, после чего мы отправились дальше, проехали чрез большой город Курасики, где домов тысячи три, населения семь тысяч, и в одном ри от него заехали в селение Касуяма к христианину Никанору, у которого целый дом — семь человек — крещен; есть там и другой христианский дом; проповедывать сюда иногда приходит катихизатор из Цурадзима — Исая Мидзусима. Поговорившим с Никанором, отправились дальше и в пятом часу прибыли обратно в Сеноо.

Будучи в доме Корнилия, почувствовал неловкость оттого, что не всегда в Токио принимаю приходящих в Миссию христиан — конечно, по неимению досуга, а иногда и просто по нерасположению. Корнилий вместе с старухой матерью был в Токио на Пасху; его то я принял, а мать и не видал; вероятно, тоже хотела быть у меня — но или я сказал, что некогда, или прислуга не доложила — под тем же предлогом. Нехорошо. Вперед всех нужно принимать; если очень некогда, то хотя бы несколько слов сказать и чаем угостить и этим будут довольны, — сам же не будешь ощущать неловкость потом при встрече.

В восемь вечера в Сеноо доселе начиналась вечерняя служба пред воскресеньем; а сегодня началась еще позднее, так что проповедь после службы пришлось начать в половине десятого; стал говорить о том, где христианин должен все дела свои посвящать Богу и во всяком звании служить Ему, тогда он, исполняя земное, будет в тоже время готовить себе воздаяние на Небе; по слову «Аще чашу студены воды»... Но с течением проповеди глаза слушателей соловели и у многих смыкались, несмотря на то, что старался говорить как можно проще, и они видимо все понимали, только спать приходила пора. Наказал о. Никите и катихизаторам тут же вперед везде начинать всеношную никак не позже семи часов.

Пели сначала и потом нечто двуголосно — правильно, прочее разноголосили — и не диво: учились всего четыре дня, и у заправляющей даже камертон ныне в руках, отчего постоянно теряли тон и забирались вверх. У одной девочки, лет тринадцати, здесь такой чудный альт, какого и в миссийском большом хоре нет.

У Анания Фукусима, моего гостеприимного хозяина, жена бывшая протестантка. Однако и протестантство всасывается глубоко, хоть и поверхностное учение; до сих пор молится по-протестантски, и в Церкви вот ни разу я ее не видел; вероятно, со временем, этот зловонный дух пройдет.

10 / 22 мая 1892. Воскресенье.

Сеноо

С восьми часов обедница, ибо обедни, за неимением просфор, о. Никита служить не мог. После — объяснение читанного Евангелия и поучение о христианском усердии. С одиннадцати часов, в доме Анания Фукусима, открылось женское собрание; было шестнадцать женщин с девочками, которые и начали собрание чтением глав из Священного Писания, именно дочь хозяина Елена, одиннадцати лет, первая прочитала главу. Большие говорили историю Иосифа (христианка, сестра семинариста Якова Сато). Житие Святого Иоакима и Анны (Манефа — старуха, мать Якова Сато) и прочие. По окончании было угощение обедом всех; мы с о. Никитой обедали тут же; видно, что Ананий — щедр для братии.

В два часа открылось в молитвенной комнате собрание Церквей всего здешнего округа; здесь уже четыре года производятся эти братские собрания Церквей: Окаяма, Сеноо, Кодзима и Цурадзима (си-квай), ныне же еще Хиби и Янайбара. На собрании были: священник о. Никита, четыре катихизатора: Павел Окамура, Яков Фудзии, Исая Мидзусима и Авраам Ёнеяма, и человек двадцать представителей вышеупомянутых Церквей. Собственно собрания эти не имеют другой определенной цели, кроме поддержания и дальнейшего развития дружеских отношений между Церквами, а также катихизаторам сказать вместе проповедь язычникам. Потому и ныне, когда пропели молитву и я поблагодарил представителей за ласковый прием по Церквам и отодвинулся потом в сторону, чтобы дать место обычному ходу собрания, ни у кого не нашлось что-либо сказать или предложить; наконец, Павел Окамура заговорил о необходимости открыть проповедь в Чаюмацзи, два ри от Сеноо; так как у меня тоже было приготовлено предложение, касающееся распространения здесь проповеди, то и я принял участие в речи и указывал на Курасики и Тамасима, как два большие города, удобные по части сообщений; начались прения, и решено открыть вновь проповедь в Курасики, поручив это Исаяи Мидзусима, катихизатору Цурадзима, и в

Чаямацци, поручив это Аврааму Ёнеяма, катихизатору Сеноо. Таким образом, у каждого из четырех здешних катихизаторов будет по два места: у Павла Окамура — прежняя Огава с Ариномура и Хиби (также Кими), у Якова Фудзии — Окаяма и Янайбара (и, если возможно, Тамасима), у Исаяи Мидзусима — Цурадзима и Курасики, у Авраама Ёнеяма — Сеноо и Чаямацци; все нашли, что это немного для катихизаторов. На квартиру для новых мест я обещал давать до двух ен в месяц, не больше, по письму священника, и при обстоятельном извещении, что катихизатор остановится в месте на столько, чтобы сказать новым слушателям ряд проповедей, по крайней мере, на первую часть Осиено — кангами. Где начинается проповедь для язычников, там никак нельзя довольствоваться хождением на два — три дня в месяц, это значит терять даром труд, или готовить почву для инославных; к христианам можно ходить так, со слушателями же язычниками непременно нужно быть неразлучно, пока им преподано будет все главное вероучение.

Потом я предложил, чтобы катихизаторами, кроме того, что они учат вере христианских детей, к чему они обязаны проповедническими правилами, и школьными учителями-христианами заводимы были воскресные школы для языческих детей. Если объяснить родителям, как нехорошо, что ныне все школы в Японии — без всякого вероучения, и как опасно оставлять детей расти атеистами, то, конечно, многие из них охотно будут по воскресеньям посылать своих детей в христианскую школу.— Принято к сведению это предложение, и только,— что весьма жаль — значит, ничего и не будет сделано. Исаяя Мидзусима по поводу сего предложения говорил, что нужны православные книжки с картинками да нужно лучше издавать их — кана-де неудачна, или книги трудно читаются; я отослал его толковать о сем с Саввой Хорие и Павлом Накаи; со своей стороны тоже всегда стою за возможную простоту и понятность книг.— Потом прочитали адрес мне — благодарность за посещение, как будто это не прямая моя обязанность.— В заключение все снялись группой, для чего фотограф нарочно выписан был из Окаяма.

Вечером, с восьми часов, говорились проповеди для язычников; говорили пятеро: о. Никита, Павел Окамура, Яков Фудзии, Исаяя Мидзусима и я. О. Никита на слова: «Прииди и виждь», — о разных видах идолопоклонства и прочее — малопонятное для язычников; Павел Окамура — кратко очертил все христианское вероучение — говорил мастерски, только очень скоро; Фудзии на слова «Собирайте для себя сокровище на небеси», ибо земное гибнет — скучновато говорил; лучше всех сказал Исаяя Мидзусима, на слова: «Все испытующе доброе держите»; говорил против клеветующих на христианство, будто оно «махоо цукаи», или вредно для государства, или не учит почитать родителей и прочее; после каждого пункта прибавлял «коре мина атамано маруии сенсей ю» (бонзы), — «хана-но сита сабисыку наруо [?] кора», — переходя этим к опровержению, в котором говорил, что сам изучил и нашел совсем

наоборот... Я говорил вторую проповедь к язычникам — о трех служениях Спасителя, о Церкви, в которой он положил учение и таинства, о том, что Церковь одна, и о таинстве крещения. По окончании проповеди к оставшимся говорил, что без христианства Япония, несомненно, скоро разбогатевши, погибнет от роскоши и других пороков, не сдерживаемая религией, каковую ни одна из досельнишних религий уже не может быть, как [...] Японией.

11 / 23 мая 1892. Понедельник.

Сеноо — Цуяма

Утром, простившись с приветливою Церковью в Сеноо, отправились мы с о. Никитой дальше, заехали на полчаса в церковный дом в Окаяма, который был на дороге, — и вечером в пятом часу были в Цуяма, четырнадцать ри от Окаяма; Иоанн и Ирина Фукасе, христиане Оосака, имеющие здесь торговые дела, Давид Симояма и еще несколько вместе с катихизатором Фомой Такеока встретили за два ри от Цуяма. В Цуяма остановились в гостинице и долго ждали, пока собралось несколько христиан к вечерне; часов в восемь отслужили вечерню и стали по метрике знакомиться с Церковью. Всех крещеных по метрике сто пять; из них тридцать семь теперь здесь в Церкви, тридцать восемь совсем охладели, или обратились в язычество; семнадцать переселились в другие места и принадлежат к тамошним Церквам, одиннадцать померло, один в Америке работает. Нигде до сих пор я не встречал такого процента христиан, переставших быть христианами; это, во-первых, оттого, что здесь старик Дамиан Камей, бывший катихизатором, подвел разом к крещению человек пятьдесят, как видно, совсем не позаботившись о том, чтобы они наперед хорошо узнали христианство; во-вторых, Матфей Юкава, бывший потом здесь катихизатором, не позаботился о сохранении плохо собранного стада; так и выходит, что некоторые теперь молятся даже «инаре»; между тем Церковь должна бы быть хорошею, основательною: христиане все коренные местные жители. Нынешний катихизатор Фома Такеока совсем плох — уже год здесь, а как будто только вчера прибыл — ничего не знает и ни о чем не заботится, совсем лентяй и, кажется, совсем неспособен к катихизаторству. Сказала я о. Никите, чтобы когда осмотрим его приход, он вновь прибыл в Цуяма, прожил здесь с месяц и постарался, на сколько Богу угодно, собрать разбредшееся стадо; это — пока единственное средство несколько поправить Церковь. — Сицудзи один — Давид Симояма. Новых слушателей ни одного. За церковный дом платится 1 ¹/₂ ены, а получается из Миссии два; значит, 50 сен Фома скрадывает, хотя и употребляет на Церковь; просил даже не говорить христианам, что две ены получается,

мол, «не станут давать на Церковь»; давать же они обещали семьдесят сен в месяц, каковое обещание, однако, не строго исполняется.

Поют в Церкви четверо, заправляет пением Анна Ока, вдова бывшего некогда в катихизаторской школе Иоанна Ока, умершего дома от какке, — пребойкая женщина тридцати четырех лет; на руках у нее двое детей и отец — иначе она могла бы быть приглашена в Миссийскую школу в Токио для приготовления из нее проповедницы женщинам; для поправки же своего пения приедет месяца на два в Токио, для чего я ей и деньги на дорогу туда и обратно обещал. Пение здесь совсем самопроизвольное; Фома мог бы поучить, но сам, по-видимому, забыл — возобновить же лень, и потому тащится за Анной, которая то отважно взвывается вверх, то бросится в самый низ — как ей вздумается, хоть и держит в руках ноты.

12 / 24 мая 1892. Вторник.

Цуяма — Кусе, 6 ри от Цуяма, по дороге в Ёнаго

Утром обедница и провод по одному, недавно здесь умершему: поучение о поминовении умерших и объяснение слов молитвы Господней: «Да придет Царствие Твое» (первое прошение объяснено было вчера). — Испытаны дети в знании молитв, и, кроме двоих, никто ничего не прочитал, по робости или по незнанию; во всяком случае, Фома ничему в сем деле и не думал учить детей. — Посещены восемь домов христиан; помирены супруги — Макарий и Марфа Симояма; обижают молодую невестку; но напали на женщину с норовом; бросила мужа и ребенка и ушла к отцу-язычнику; жалость смотреть на малютку, который, лишенный груди, матери; болен. Предполагалось вчера на сегодняшний вечер проповедь для язычников, но дома удобного не нашли, притом же дождь рубил весь день — вероятно, никто не пришел бы. Итак, кончивши церковные дела, мы с о. Никитой в пятом часу вечера выехали дальше Ёнаго и ныне вот ночуем в Кусе, — дождь же безостановочно рубит.

13 / 25 мая 1892. Среда.

Ёнаго

Целый день рубил дождь и дул ветер; мы с о. Никитой очень озябли; насилу в десятом часу вечера дотащились до ёнаго; здесь, однако, маленькая Церковь ждала; отслужили вечерню, поговорили о Церкви. Христиан здесь всего шестнадцать; из них только девять крещены здесь, прочие — из других мест; из крещеных один уже успел охладеть, и теперь неизвестно где, адвокат низшего разбора; другого мальчика отец язычник не пускает в Церковь, хотя прежде сам просил крестить его; теперь развращает влиянием какого-то учителя, ненавистника веры,

ибо считает себя потомком плешивой обезьяны; двое вышли в другие места; двенадцать остается в Церкви, но и из сих четыре работают в отлучке, так что я могу видаться только с восемью верующими здесь.

К ним присоединятся послезавтра крещением семь, если по испытании окажутся достаточно знающими вероучение; катихизатор Василия Арита представил было восемь, но одну девочку одиннадцати лет я велел удержать от крещения, чтобы с нею не случилось того же, что с вышеозначенным мальчиком, ибо родители ее язычники, пусть родители научатся вере и крестятся, тогда и она с ними.

В двенадцать часов, отказавшись от всякого угощения, я лег спать.

14 / 26 мая 1892. Четверг.

Вознесенье.

Ёнако

Встал с сильною головною болью и с больным желудком, должно быть оттого, что вчера простудил его. Утреннюю молитву совершили все, находящиеся в катихизаторском доме; о. Никита в епитрахилье благословил. Погода гадкая. На душе невесело, совсем непроднично — так-то душа наша слаба и зависима от тела и прочих посторонних влияний. Посмотрим, что Бог даст дальше сегодня; пишется же это еще пред богослужением, которое начнется в девять часов и будет состоять из обедницы и проповеди...

Обедницу предположено было начать в девять часов утра, но ждали сбора христиан до половины одиннадцатого, так что я наконец потерял терпение и, отозвавши о. Никиту в сторону, заметил ему, что это крайне не рекомендательно для христиан, что мало показывает участия к богослужению и крайне невежливо относительно Епископа, приезжающего к ним раз в многие годы и встречающего такое невнимание с их стороны к участию с ним в молитве, — пусть он вперед учит христиан не быть такими холодными к богослужению и такими невежливыми. На обеднице было человек восемь, в том числе двое малышей. Сказано поучение на начальные прошения молитвы Господней.

В Ёнако особенно сильно противодействие христианству со стороны «Дайдиоха» — общества националистов, мешающих в одно все здешние три веры и старающихся замазать этою смесью отверстие, чрез которое свет христианства проникает в страну; в одном этом Тотори кен только до двух тысяч членов этого общества, и в Токио — главные этого общества — отсюда; влияние этого общества обнаруживается тем, что здесь иногда в христианских проповедников камни пускают. Здесь есть епископалы, человек восемнадцать; из Мацуе два раза в неделю здесь бывают аглицкие проповедники; постоянно же живет в Ионако одна ирландка-миссионерка.

В продолжение дня была проповедь для своих и слушающих учение, собравшихся в моей комнате; речь была особенно о том, что христианство не только не погубит Японии, а, напротив, Япония погибнет без христианства; говорено по поводу того, что брат одного молодого чиновника, учитель, запрещает ему креститься потому-де, что христианство учит не почитать императора, каковое подозрение недавно возбудили протестанты в одной школе на Киусиу, объявив свою школу космополитною.

Вечером была проповедь для язычников; собралось человек сто; чиновники Сайбансё, имевшие в виду сегодня вечером свое собрание, нарочно отложили его, чтобы прийти на проповедь, и пришли. Сначала говорил китихизатор Василий Арита; говорил бойко, но молодо — примеры и подобию растягивает, цветами красноречия так и сыплет, что всю речь его затемняет, разводняет и делает малопонятною; говорил он о цели человека; я говорил обычную начальную к язычникам; по окончании еще толковал тоже, что и днем, что христианство необходимо для Японии, чтобы ей благоденствовать и жить долго; богатою несомненно Япония будет; но с богатством придет роскошь, с нею все другие пороки, которые и погубят Японию, если не будет христианства для обуздания страстей и доброго направления Ямато-тамаси; проповедь моя продолжалась два с половиною часа.

В одиннадцать часов отслужена вечерня, за которой были все имеющие завтра принять святое крещение. Из последних особенно замечательно семейство одного отставного чиновника, Такасима: крестятся все в доме: его жена, сын — врач, с женой, и дочь; сам старик (пятидесяти шести лет) говорит, что он умом принял христианское учение — знает его и верует; но веры как сердечного движения и жажды крещения не ощущает, и потому не крестится. Я советовал ему молиться от души Богу молитвою Апостолов: «Господи, умножь мне веру», — Господь непременно сделает это; без помощи же Божией он навсегда останется недоверком, ибо вера — касается Бога, и сколько человек ни простирай руки — не достанет Бога сам, если Бог навстречу не прострет ему руки своей... Старик обещался исполнить мой совет. Дай Бог ему поскорее ощутить живую веру!

15 / 27 мая 1892. Пятница.

Ёнако — Мацуе

С половины седьмого утра началось крещение восьми человек и продолжалось до десяти часов. Между крещением и обедницей о. Никита делает перерыв, во время которого убирает купель; это дает время крещаемым немного отдохнуть, что нелишне при длинноте Богослужения, увеличиваемой еще медлительностью о. Никиты. За обедницей ново-крещенные были приобщены Святых Тайн запасными дарами. Но нужно

внушить священникам, чтобы они приступающим к Святым Таинствам наперед хорошенько разъяснили, как нужно приступать и что все значит; иначе выходит, как сегодня — не умеют войти в купель, и не знают, что делать в ней; один же после Таинства Причащения спросил, «что это мы принимали в рот»; малая запасная частица с крошечной лжицы — действительно во рту может произвести самое неопределенное впечатление, а человеку не разъяснено наперед, что это и есть Святое Тело и Кровь Христовы, но в виде какого вещества они принимаются, как это вещество готовится и прочее. Самое удобное разъяснить все это после испытания желающих креститься. — По окончании богослужения новокрещенным сказано краткое приветствие и наставление.

Катихизатору Василию Арита внушено, чтобы он завел Воскресную школу — сначала для детей христиан, а потом и для язычников.

Христиане и учащиеся христианству катихизатора Василия Арита любят и просили оставить его для Ёнако и после Собора, что и обещано.

В два часа пополудни мы простились с братиею в Ёнако и в сопровождении катихизатора в Мауе, Луки Кадзима, прибывшего для встречи, отправились туда. Переход совершается морем и рекой на пароходике и продолжается всего два часа.

В пятом часу пополудни мы были уже в Мауе. Малое число христиан встретило на берегу. Пришли в церковный дом; в доме катихизатора, отдельно от Квайдо и очень удобным, я умылся и отправился в Церковь; нашел ее очень прилично устроенною; даже алтарь есть с занавесками вместо дверей, но христиан — человек двенадцать с детьми; еще две женщины стояли поодаль, слушательницы; увы, Церковь живая плоха до крайности. Вот данные: крещено 77; из них 36 в других местах ныне; 41 здесь, 12 совсем охладели; остается 29; в том числе семья катихизатора — шесть человек; 23 бы хороших христиан, но и этого числа нет; лучший — Сергей Морита, учитель, сицудзи кайке ката в Церкви; но семья его вся языческая, что одно уже не в его пользу; затем Семен Като с семьей, но больной, едва языком ворочает; старик Ириной — совсем охладел, даже и иконы не имеет и в Церковь не ходит; плотник Иосиф Ямада — гол как сокол; вот и все. А долгу церковного 66 ен — этот глупый катихизатор Лука Кадзима думает щеголять только внешностью, о душах же совсем не заботится, да и не может, кажется; жену бы его Марфу сделать катихизатором, а его заставить дом чистить, тогда было бы лучше; жена заведует пением, и поют очень порядочно, собравшись для того в кучку почти всею Церковью.

Есть еще три дома христиан в Имаици, городе с пятью тысячами населения, в девяти ри от Мауе, из коих шесть ри пароходом, три — дорогой. Христиане там переселившиеся из Мауе; Яков Кодзукури — портной, пришедший сюда для свидания со мною, кажется, довольно усердный. Имаици должна считаться принадлежащею к Церкви Мауе, под ведением одного катихизатора. Кодзукури хочет послать сына

(17 лет) в Семинарию, но я отсоветовал; должно быть, болезненный, ибо готовил его к отправке в Семинарию еще в запрошлом году, но какие-то чирьи помешали, видно, что болезненный. Народ, отсюда выходящий на службу Церкви наполовину оказывается самым дрянным: Матфей Ооцука, вышедший года четыре тому назад в катихизаторы, ушел к католикам, а от них к буддистам, и разгуливал с проповедями «Ясо-тайдзи»; Огава, прослуживший немного катихизатором в Ионако, пустился занимать деньги, за что был оставлен, и теперь — где, Бог весть; Маеда Тарасий бросил службу для торговли; только Тарасий Нориаи держится еще на катихизаторстве, да Феодосий Миякава, помощник гувернера в Семинарии, родом в 1^{1/2} ри отсюда, из богатого земледельческого дома ведет себя порядочно.

16 / 28 мая 1892. Суббота.

Мацуе

С восьми часов утра была обедница и панихида, сказано поучение на слова: «Да святится Имя Твое».

Потом посетили дома христиан — все голя и беднота, и народ весьма малонадежный для Церкви; кажется, нигде не одолевало меня такое чувство приниженности и почти отчаяния за Церковь: Церкви здесь почти нет! А я ждал найти кое-что порядочное. Это тем более обидно, что народ в Мацуе, видимо, расположенный к религии: рядом с домом катихизатора мия; и вчера за полночь, и сегодня почти непрерывное хлопанье в ладоши — моления язычников. Был сегодня здесь у епископалов: 80 христиан у них в Мацуе, а они меньше двух лет здесь, хотя, правда, англичане и не в единственном числе: ныне Bakston с семьей и миссионерками. Кстати: против икон протестанты, и сами же страдают от этого, и стараются заменить иконы надписями: над столовой: «for eternal living», — ведь это иной примет за кошунство, над рабочей комнатой: «in the hand of God»; в столовой — что, мол, «Господь всегда с нами, наш гость, слышит нас и прочее», — да поставь икону, тогда все это будет еще выразительней сказано без слов! Бакстон проповедует посредством переводчика здесь в Ионако, Тот <...>, и по деревням; миссионерки тоже; из деревень их часто приглашают для проповеди и слушают очень усердно; видно, что здесь народ вполне созрел для восприятия христианства; только проповедников-то у нас нет — горе!

Здесь живет начальником тюрьмы Петр Юза, из Сендая, бывший когда-то в катихизаторской школе, но ныне, по словам катихизатора, совсем бросивший христианство; были у него, но дома не нашли.

Всходили на башню бывшей княжеской крепости, чтобы взглянуть на город и окрестности; город раскинулся на равнине по обе стороны широкой реки, и очень красив сверху; горы замыкают долину со всех

сторон; климат здесь сравнительно холодный, так что и ныне приходится надевать шерстяную рубашку; ветра очень сильные и частые от близости моря.

Вернувшись из города, нашел на столе коллективное письмо всех двадцати девяти учеников младшего курса Семинарии: жалуются на дурное поведение четырех из старшего курса, выдающихся в редакции (айайся) с ученицами; о. Сергей оставил это дело без последствий, мол, «ничего серьезного не произошло»; ученики пишут, что уж то серьезное преступление для учащихся обоего пола, что они устраивают взаимные свидания; правы. Нужно сейчас же написать в Токио по этому делу.

Вечером сказана проповедь язычникам, обычная, начальная; сверх чаяния (ибо сегодня здесь буддийский праздник) народу собралось много, сот до двух, и все народ серьезный – учителя, чиновники, купцы; слушали и мирно, и до конца.

17 / 29 мая 1892. Воскресенье.

Мацуе – Какя (ночлег, 13 ри от Мацуе)

Утром с восьми часов обедница, поучение, потом церковный совет; собралось все бедное число христиан, человек восемь; результатом совещания было погашение церковного долга, о котором так красноречиво возвестила длиннейшая хартия, вывешанная в молитвенном доме; шесть с половиною ен было истрачено на ремонт квартиры катихизатора и разную рухлядь, вроде негодного умывальника, специального для моего приезда; я заплатил тут же этот долг Семену Като и строго-настрога запретил вперед для моего приезда не тратиться хоть на копейку, иначе вперед уж не заплачу; потом я же внес главную сумму долга 30 ен 50 сен, истраченные на устройство молитвенного дома; долг этот сделан был катихизатором Лукою Кадзима без совета с христианами и их согласия, а потому уплачивать его они отказались, да и не могли бы уплатить – все голь перекастная; пришлось мне из собственного кошелька выручить их, но внушал им, что это делается совсем экстренно, исключительно только для здешней Церкви, как очень бедной и в то же время расстроенной морально висящим на ней неоплатным долгом, но что вперед это уже не будет сделано, потому впредь они не должны ни гроша делать долга, и украшать свою Церковь, или делать что другое на собранные наперед наличные деньги. Остальной долг 28 ен Лука сделал у самого себя – свои деньги затратил; так и пусть будет его убыток, потому что никто не может платить ему за то, что истрачено ими самопроизвольно, без всякого совета с кем-либо. Он охотно и согласился с этим. Тут же была уничтожена вышеозначенная долговая хартия, и я послал сейчас же передать заимодавцу 30 ¹/₂ ен и принести расписку в получении их и погашении долга, что и сделано. Затем внушаемо было Луке Кадзима

поднять охладевших здесь христиан, учить новых слушателей здесь и в Иману; наедине же потом мы с о. Никитой еще толковали ему, чтобы он читал переведенные вероучительные книги, чтобы пополнял свои знания, чтобы не приводил в проповедях примеров из истории, не зная ее, ибо над его перекириванием истории смеются, и прочее. Но все эти внушения и речи, кажется, совсем бесполезны: из рук вон плохой катихизатор этот Лука Кадзима; я гораздо лучше об нем думал: неучен до того, что и в Церкви Апостол читает почти по складам, говорит проповедь так, что мысли без всякой связи и последовательности и с постоянными повторениями; учение тоже плохо знает. Впрочем, пока нечем заменить его, пусть будет здесь. Был бы одинок, совсем бы отставить его, как негодного, но с большой семьей жаль; нужно для новых мест употреблять его, начинающим ученье говорит достаточно, особенно простецам.

Вот еще горе: вчера явилась Настасья Айно из Ёнако, бывшая когда-то в Женской школе, вдова, и вернувшаяся как совсем безнадежная для службы Церкви, ибо больна; Зачем? Поговорить о деле с о. Никитой. — Сегодня о. Никита по секрету сообщает мне это дело: оказывается, что она забеременела от катихизатора в Ёнако, Василия Арита; отец ее в негодновании на нее, что она соблазнила только что начинающего катихизатора, и чтобы скрыть это преступление, она и отец с нею отправляются в Кумамото. Горе с этими молодыми катихизаторами — гибнут от женского пола, как мухи!

В полдень покинули мы с о. Никитой Церковь Мацуе, пять ри проехали на пароходике, потом высадились и вот восемь ри сделали по пути к Хиросима. Вечер был чудный — ясный и теплый, дорога отличная; немного таких хороших часов в путешествии, но они вознаграждают за многие трудности в нем.

18 / 30 мая 1892. Понедельник.

Какея — Ёсида (22 ри дальше)

Целый день были в дороге; погода хорошая, по сторонам работы земледельцев; путешествие, кроме усталости, довольно приятное. Здесь самое время посадки риса в искусственно приготовленные болота — поля; боронят волами; сажат рис сообща все, так что на маленькой ниве разом работают волов десяток, ворочаясь в круговую и болтая грязь; притапыватели густой грязи на дне жидкой — лыжами, а 20–25 посадчиков и посадчиц рисовых кустиков, работающих руками с невероятною быстротою под так тихой песенки; с меж бросают им пучки зелени. Особенность Сан [?] — прохладный климат; утром и вечером в это время года решительно страдает от холода.

От Мацуе до Хиросима, чрез горы и долины между ними, 46 ри; вчера сделали 13, сегодня 22, на завтра осталось 11. Остановились на ночлег в

девять часов. Дом полон был солдатами, идущими домой со службы. Вели, однако, они себя хорошо — ни пьянства, ни песней, ни безобразных криков, и скоро улеглись спать; мы не замедлили последовать за ними.

19 / 31 мая 1892. Вторник.

Хиросима

В полдень прибыли в Хиросима, встреченные в предместье города катихизатором Симеоном Такеока. Так как нас ждали, сообразно письму о. Мори, после обеда, то христиане встретить не успели. Проехали лучшую часть города, и, конечно, в захолустье обрели церковный дом, украшенный, впрочем, зеленою оградой пред входом; и такая досада взяла меня на эту несчастную арку в захолустье, что чуть громко не выбранил катихизатора. Час от часу горше — ждали письма из Миссии: по одному, от о. Сергия Страгородского, уволены шесть учеников шестого курса из Семинарии, из коих один из самых умных, — другой — так же очень умный, оба эти — Стефан Камои и Яков Сато — дети только что виденных и обнадеженных мною родителей в Сеноо; это из-за вышеозначенной (на стр. 525) истории четырех учеников (Павел Секи, Иоанн Фуруяма, Иоанн Ямазаки и К. Омуро), имевших свидания с учениками; в конце концов, оказались виновными не они, ибо их проступок, то совсем ничтожный, как по исследованию оказалось, а тех шести (Камои, Сато, Лука Самесима, Гордей Сино и Павел О[?]), которые задумали отомстить им за то, что они во время Рождественских праздников возмущались пьянством и прочим свинством Самесима и К° и донесли на них; сии ныне хотели, в отместку, сделать, чтобы те были исключены из Семинарии; и вот подняли историю и за нею бунт; бунт не могли усмирить ни оба оо. Сергия, ни учителя, ни оо. Павел Сато и Роман Циба — духовники; принуждены были изгнать возмутителей из Семинарии, что, однако, очень жаль; собственно, давно следовало выгнать из Семинарии одного Луку Самесима — злобного и неукротимого в злобе детину; прочие же им отравленные могли быть образумлены увещеваниями, но юны оба оо. Сергия, и плоха наша педагогическая сила! Жаль до слез, а поправить уже нельзя!

Другим письмом секретарь Сергей Нумабе извещает, что Тимофей Саеки, катихизатор в Кокура, испортился поведением и уже прогнан из Кокура. Этому нужно послать отставку, пока еще больше не скомпрометировал Церковь и окончательно не испортился. Кто взялся за рало и осматривается назад, тот не управляет в Царствие Божие, — святая истина. Этот Саеки из тех, что в запрошлом году бросили Семинарию, после семи лет воспитания и платы на них, чтобы уйти на мирские дела и выгоды; двое вернулись на церковную службу, но уже после испытанных неудач в мире и не зная куда деваться: нет на таковых, как видно, благословения Божия; один вот ныне должен быть уволен, другой — Фома

Такеока — близок к тому по совершенному бесплодию его службы; прочие тоже просят на церковную службу, но уже получают отказ.

Часам к трем собралось человек десять христиан и христианок; отслужена была лития; сказано поучение, потом по метрике усмотрено состояние Церкви: отчаянное! Крещены по метрике 126; но христианами можно считать разве 43; прочие или по бедности ушли в другие места промышлять пищу, или бросили веру; есть ушедшие в инославие, есть даже — в буддизм. Такова-то проповедь неумелая и скороспелая! Здесь тоже (после малого начала — двенадцать лет назад) проповедовал сначала Лука Кадзима, потом в помощь ему прислан Василий Мацуга; крещения иногда были разом — огромного числа; и все это ныне исчезло; значит — не умели научить, или спешили выставить число — несчастная метода! Вообще, Хиросима — еще плохое поле для проповеди. — Сколько отсюда были в Семинарии в Катихизаторской школе, и ни одного ныне на службе! Только трата денег на них — все или оказались негодными, даже негодными, или померли. — Моисей Мацумото, два года ничего не делавши, отзывается болезнью, а бывший на содержании Церкви, как катихизатор, — после всех этих благодеяний бросил православие и ушел в католичество — и там, впрочем, оказавшись потом негодяем; Прокопий Ода, вышедший в катихизаторы из школы в Коодзимацци, прямо открыл проповедь — против христианства в пользу буддизма, состоя в тоже время на содержании Церкви, как катихизатор (пока узнана его измена). Лучший здесь христианин теперь Гедеон Токеотани (брат бывшего в Семинарии глупца Михайла), да и тот — начальник местных соеси (безобразничающей ныне в Японии молодежи). А еще просят другого катихизатора, ибо-де город большой (больше восьмидесяти тысяч жителей). Где же взять его? Да и на что? Просят другую квартиру в городе для проповеди; могли бы сами нанимать — небедные есть между ними; но кланчат на миссийский счет, нечего делать — обещал давать ен по двенадцать в месяц.

Дети оказались знающими молитву Господню, но и только. — Жена катихизатора Вера, урожденная-де Якагава, воспитывавшаяся в Миссийской школе, хорошо управляет здесь церковным пением — спасибо и за это!

Вечером, в семь часов, была вечерня; поучение — о служении женщины Спасителю, потом Церкви; затем происходило женское собрание, — но совсем как будто экзамен в школе; катихизатор вызывал, заставляя прочитывать несколько стихов из Евангелия и объяснять, что делалось весьма плохо. Я предложил учредить Фудзин-Симбокквай — с самостоятельным женским говореньем, как в других Церквах. Согласились, и с третьего воскресенья шестого месяца откроется, избраны и говорящие. Собрание кончилось опять поучением, и затем угощение всех чаем. В двенадцатом часу ночи пришел служащий в здешнем полку, недавно взятый из Семинарии Николай Ковака, родом из Сеноо; привел и товарища, которому объясняет вероучение; дисциплина совсем выровняла мальчика; в Семинарии был довольно груб — теперь кается в этом, о чем

просил сказать губернтеру П. Исикава; не показывал благочестия; теперь усердно учит товарищей христианству; обещался прислать ему вероучительных книг – на русском и японском.

20 мая / 1 июня 1892. Среда.

Хиросима

Утром крещение одного офицера, старухи и младенца – дочери катихизатора, потом обедница, за которой приобщены крещенные запасными дарами, – панихида по умершим в здешней Церкви. Поучение было о Таинстве Крещения, Причащения и прочее. По окончании службы в одиннадцатом часу отправились посетить христиан – были в девяти домах; бедных нашли два дома, прочие люди состоятельные, но плохие христиане и жертвователи на Церковь.

По возвращении, при помощи о. Никиты написаны письма, касающиеся отрешения от должности надурившегося в поведении катихизатора в Кокура, Тимофея Саеки, также написано в Миссию, секретарю Нумабе, чтобы содержание к южным катихизаторам и священникам было разослано за седьмой и восьмой месяцы, ибо Собор в Оосака будет отложен, по невозможности посетить все Церкви до Собора, если производить его в обычное время, с 11-го числа седьмого месяца.

Вечером, с восьми часов, была проповедь для язычников; был целый день дождь, вечером тоже, поэтому слушателей собралось с нашими христианами и протестантами только человек пятьдесят. Сначала говорил катихизатор Симеон Такаока; говорит выкрикивая, и неумно, повторяется; я думал, что он лучше может. Я сказал обычную начальную проповедь язычникам: некоторые слушали очень внимательно; по окончании долго еще не расходились – знак, что слушали с охотой и готовы были бы больше слушать. – Представился потом методистский здешний проповедник, из кончивших курс в методистской школе в Токио на Цукидзи; говорил он, что у них здесь человек сто христиан; крещено втрое больше, но охлаждаются или расходятся по другим местам; сетовал на охлаждение язычников к слушанию проповеди; что неудивительно: протестантских проповедников такое количество везде, что они не могли не набить оскомину и не отнять охоты от слушания; одних японских проповедников у одних методистов только человек сто, по словам его же, а у всех сект счесть, да еще прибавить пятьсот иностранцев!

21 мая / 2 июня 1892. Четверг.

Хиросима – Компира

Утром, в семь часов, братия и сестры проводили до загородной, в один ри, пристани, откуда отходит пароход в Сикоку, где ныне предстоит

осмотреть Церкви в Токусима и Вакимацци. Подивиться можно предприимчивости и деятельности японцев: десять лет тому назад, будучи здесь, я ехал с милю на шлюпке, чтобы доплыть до парохода, стоявшего на глубоком месте; теперь все это огромное пространство мелкого морского побережья обращено в отличнейшее поле: построен вал — каменный к морю, земляной к полю, которым охвачено водное пространство под поле; из города проведена до пристани среди поля отличная дорога, тоже вал; при море оставлено, заключенное со всех сторон в правильно очерченные берега, озеро соленой воды для разведения рыбы; под дома сделана прочно утрамбованная насыпь, — устроена пристань, к которой прямо становятся пароходы для принятия пассажиров и груза. Все это — дело общества здешних сизоку (дворян), которые, разумеется, не могли иметь собственных средств, достаточных для такого большого предприятия; но им помогло Правительство, ссудившее им до восьмисот тысяч ен на это. Нужно сказать, однако, что проведение железной дороги, уже близкой ныне к Хиросима, значительно уронит важность этой пристани, и затраты едва ли будут вознаграждены; останутся только поля, всегда ценные.

В восемь с половиною часов, окончательно распростившись с провожавшими братьями, снялись с якоря, и ныне плывем, во время какого акта и пишется сие под содрогание парохода от действия винта.

Сегодня утром, во время умывания, пришла крепкая мысль непременно вернуть вышеозначенных исключенных учеников Семинарии (см. 527 стр.), кроме Луки Самесима, которого злобный характер едва ли можно исправить, а с таким характером он для церковной службы совсем негоден. Вероятней, родители Стефана Камои и Якова Сато будут сетовать на исключение их детей; я сказал о. Никите, чтобы он тогда посоветовал им послать ко мне письма с просьбой принять опять их в Семинарию; с письмами должны прийти прошения учеников о прощении им их вины — вражды к товарищам и возмущении учеников — и о позволении им вернуться в Семинарию; все это должно быть сопровождено засвидетельствованием о. Никиты, что раскаяние учеников искренне, и просьбою его также простить их и принять; тогда ученики будут извещены, что они прощаются и могут вернуться продолжать учение. Прощения должны быть личные и о себе только; никак нельзя допустить коллективной просьбы, ибо тогда нужно было бы и Самесима принять, а это значило бы опять паршивую овцу впустить в стадо; его-то ни в коем случае нельзя принять! Других троих тоже можно опять принять, ибо они больше по глупости, чем по злобе попались. Но все это может быть только под условием, если сами ученики и их родители станут просить; быть может, они уже повернули или повернут на мирскую дорогу, тогда и Господь с ними! Все это объяснено и о. Никите Мори, который, по возвращении в Окаяма, разумеется, не замедлит увидеться с отцом Стефана Камои и матерью Якова Сато, живущими в Сеноо, так близко от Окаяма.

В шесть часов мы с о. Никитой высадились в Тадоцу, на Сикоку, чтобы следовать сухим путем чрез провинцию Сануки, в Вакимацци. Напившись чаю в Тадоцу, ибо запоздали к шестичасовому поезду, в семь часов по чугунке отправились в Компира, три ри от Тадоцу. В селении Компира, в горе — знаменитый храм Компира, под именем которого обожаются — внук богини солнца и несчастный Сютоку-Тенноо, хотевший, как Микадо, править Японией, но не добившийся этого, а напротив, всю жизнь преследуемый за это желание и умерший в ссылке в Сануке, поклявшись перед смертью возродиться в дьявола, чтобы мучить людей за те мучения, которые сам вытерпел от людей. За это-то благочестивое желание устрашения люди и обоготворили его. Храм прежде принадлежал бонзам, теперь синтуистский. Вечером мы прибыли в селение; в лавках блистали, точно иконы, резные и позолоченные створы с изображением храма и языком позади для освященной бумаги с именем бога, получаемой в храме богомольцами. Заинтересовавшись этими образами, я прошел по улице, чтобы ближе взглянуть на сей товар, — купил книжку и изображение Компира, молитвенник, фотографии и прочие мелочи сего рода. До кумирни, до которой в гору нужно было взбираться восемь чё, не стоило идти — все они на один манер, уж очень известный. Вернувшись, мы с о. Никитой попросили в гостинице поместить нас не в комнате на улице, где очень было шумно, а где-нибудь в тихой комнате; нас перевели в ча-ма, в отдельное здание в цветнике, за домом; но, увы! Мы выгадали мало: зазвенели самисены как раз против нас в этом конце гостиницы; какие-то молодые люди собрались кутить. Впрочем, после усталости и ванны мы скоро заснули и под сию музыку. Вообще, это место Компира отличается развратом, и многие богомольцы, уходя из дома нравственно сохраненными, возвращаются отсюда развращенными; так что в Японии пословица образовалась: «Кавай мускоо Компира ни яруна» — малого сынка не посылай к Компира. — Много также здесь нищих и прокаженных, стекающихся сюда за милостынею от богомольцев.

22 мая / 3 июня 1892. Пятница.

Вакимацци

Отправившись из Компира в шестом часу утра чрез горы, мы прибыли в Вакимацци в третьем часу пополудни; всего сделали 14 ри. Так как прежде думали прибыть сюда из Токусима, то ныне явились неожиданно. Поместились в церковном доме, где ныне и пишется сие. Христианам посланы уведомления о моем прибытии, и назначено восемь часов вечера для Вечерни, к которой и ожидают все; пользуясь временем, между тем, я расспросил катихизатора Симеона Огава и пришедшего сицудзи Александра Тозаки (военного чиновника) о состоянии Церкви.

По метрике крещеных здесь 59; из них 19 в отлучке в разных местах, 40 здесь; из них 23 в Вакимацзи, прочие в деревне Соеяма, один ри от города. Христианских домов всех: семь в Вакимацзи, восемь в Соеяма.

Церковь эту основал здешний катихизатор Симеон Огава; от начала до сих пор он один здесь проповедовал — с 1888 года — и все им наученные. Утешительно то, что охладевших, тем более бросивших христианство или перешедших в другие веры, из христиан здесь нет; только одна женщина, жена язычника, почти не ходит в Церковь, да есть еще одно несчастное семейство, глава которого, бывший чиновник, за плутню касательно казенных денег, ныне в тюрьме; жена его с семьей, стыдясь сего, тоже почти совсем не показывается между христианами.

Слушателей учения и ныне у Семена, по его словам, человек 35; по отзыву о. Никиты, он человек трудящийся усердно. Посмотрим ныне после богослужения, каковы его верующие...

Верующие собрались довольно аккуратно, к восьми часам вечера, когда и начата была вечерня. Но что это за пение! Женщины и дети, человек семь, держат ноты и поют — Бог весть что! Какой-то особенный, своеобразный напев, в котором только изредка можно уловить мотивы настоящего нотного пения; и неудивительно, когда никого не было до сих пор здесь поучить пению, катихизатор же, как сам неучившийся, да и не в тоокейской школе воспитывавшийся, а вышедший из местных помощников катихизатора, присланного из Токио, потому и по слуху не знающий, что такое нотное пение, очевидно, не мог научить. После службы и проповеди, я советовал христианину Иоанну Огата послать свою дочь, пятнадцати лет, в Женскую школу, в Токио, месяца на два — три перенять пение, или они должны призвать учителя из Токио. — Советовал христианам завести здесь «кейтэй-но симбокквай», наподобие устраиваемых везде христианками, то есть раз в месяц, в воскресенье — чтобы сами христиане приготавливали «кооги» — один толкование места из Священного Писания, другой жизнь Святого, третий что-либо из Священной Истории и прочее. Согласились; выбрали из себя троих для приготовления «кооги» к третьему воскресенью сего месяца. Такого рода симбокквай не мешают иметь и другого рода определенные собрания, например, «ринкоо» и подобные. Только эти последние, обыкновенно, по Церквам охотно заводятся и скоро же лопаются, как пузыри, или от частого повторения их, например, каждую неделю, или от пустоты и бесполезности; вышесозначенные же месячные, наверно, будут прочней. Нужно вперед советовать заведения этих симбокквай христианам и в других Церквах.

Затем последовало женское собрание, бывающее здесь в третьи числа; сегодня же 8-е июня. Но, вероятно, потому что собрания так часты, они и не производятся как должно: было пять христианок, — все говорили или читали Священное Писание; одна даже сочинила целую проповедь, и преумную; но сами говорили, были и единственными своими

слушательницами; очевидно, и для них интереса мало трудиться много, готовиться к собранию, оттого некоторые читали по книге — «Доотокуно кангами», или «Новый Завет», совсем неподготовленными; даже проповедница, потрудившись написать свою проповедь, не была заинтересована должным ее произношением и по тетрадке прескучно везла ее. Чтобы вышла настоящая польза от сих собраний, и здесь нужно посоветовать обратить их в месячные и придать им устройство такое, как в других Церквах; но это отложено до завтра, ибо сегодня было уже одиннадцать часов, и все довольно устали. Христиане вместо того, чтобы послушать, что христианки будут говорить на свои симбоквай, ушли в комнату катихизатора и проболтали там все время. Когда я пришел к ним, усталый и полусонный, они все еще продолжали сидеть и болтать, что показано неудобство остановки там, где нельзя иметь отдельной комнаты; когда все наконец разошлись в двенадцать часов, — вновь пожаловал один — с визитом в этот столь удобный для того час, и не христианин, а только намеревающийся быть оным — бесцеремонность и недогадливость по другим чисто японская!

23 мая / 4 июня 1892. Суббота.

Вакимацци

Утром с семи часов должна была начаться служба, ждали до восьми, собралось человек шесть; отслужили обедницу; сказано краткое поучение. Потом отправились посещать христиан; до полдня восемь домов посетили в Вакимацци; бедных христиан нет; служащие чиновники все люди, чисто и достаточно живущие; Иоанн же Огата, из местных дворян, ныне занимающийся земледелием, настоящий богач; сын его, восемь лет тому назад послан им в Америку на воспитание; в нынешнем году ждет возвращения сына; здесь же в семье у него две дочери, отроковицы. Советовал очень и ему озаботиться покупкой земли и постройкой церковного дома; по расчету, сделанному здесь же у него в доме, на то и другое нужно не более четырех сотен ен; я обещал иконы, которые все для Церкви могут стоять не меньше ста ен; дом у него построенный из вывозного с Киусиу лесу — в двух больших комнатах нигде в дереве нельзя было найти ни одного сучка; для Церкви ладен был бы и здешний лес, роскоши не нужно; но будут ли мои увещания иметь пользу, Бог весть; Господь знает, как выбить у этих японских верующих предвзятую мысль, что все должна делать для них Русская Церковь! Ведь вот и здесь, даже деньги на наем дома идут из Миссии, и сами сто раз могли бы платить за наем еще лучшего дома, чем нынешний церковный, и ни малейшего стыда, что являются какими-то нищими, ни малейшего чувства обязательства пред Богом и Церковью! Пусть бы не знали, так ведь толкуется им до того, что самому совестно становится — все кланчишь и

клянчишь! Сегодня, например, как, по-видимому, убедительно говорил этому седому Огата — и от Слова Божия и от разума, что жертвовать для Бога значит давать в долг Богу и готовить себе на небе вечное вознаграждение! Куда? Смотрит благодушно и с улыбкой, даже соглашается, но тут же бы показать движение душевное в направлении увещания — ничуть и никогда нигде, кажется! Несчастные эти сжавшиеся и сморщившиеся души, даже свежее обновление их духом благодати, который все же сколько-нибудь входит в их души, — не в состоянии расширить и сыграть, оживить их! Труднейший вопрос, этот денежный вопрос — все держится на великодушной русской помощи; отними Россия руку, не рухнет ли все в пропасть ничтожества? Невеселые эти мысли, а от них никогда не отделаться. — После обеда посетили, в одно рю, деревню Соеяма, где восемь домов христиан, — тоже все зажиточные, тоже могли бы жертвовать на Церковь: мужики все основательные и солидные, — у некоторых же дома совсем барские. В каждом доме говорил что-нибудь в поучение; в одном говорил очень с душой, обратясь к хозяйкам, еще язычницам, — слушали, улыбаясь, поддакивали, в конце спросил: «Поняли ли?» — «Нет, не поняли», — отвечают также с улыбкой; поди тут говори бабам, не зная местного наречия! Ведь в захолустьях множество слов и оборотов речи местных, которые нужно знать и употреблять, чтобы быть понятным; например, здесь нужно сказать не «керedomo», а «кендо», и прочее подобное.

Вечером, с шести часов, отслужили всенощную; образ украшен большой гирляндой из роз. Пение — очень понравилось; совсем оригинальное; стоят по стене шесть певиц, каждая держит в руках развернутую книгу обихода, несколько певиц и один маленький певец стоят еще глаголем к тому ряду, без книг, должно быть не хвативших для них, но заглядывают в ноты также — и все хорошо поют совсем не так, как в нотах — даже и узнать напева нельзя; напев вышел вполне новый, несколько грустный; но все так хорошо спелись, что ни одного повышения или понижения не делают врозь — все голоса постоянно звучат самым правильным унисоном; оттого и выходит пение очень странным, даже трогающим внушающим молитвенный дух; слушая его, у меня родилось колебание — нужно ли слать сюда учителя, не лучше ли оставить так? Пусть образуется своеобразный напев — зачем заковывать пение в одну форму!

Итак, не буду настаивать: пришлют они сами кого в Токио поучиться правильному пению — ладно; или попросят учителя из Миссии — дадим, нет — пусть остаются при своем оригинальном напеве.

После службы, с восьми часов, должна была начаться проповедь для язычников; началась с половины девятого; сначала говорил катихизатор Симеон Огава — говорил бойко и неглупо; только примеры очень разводит, так что мысль теряется, о чем говорит; говорил на тему «Не здоровые требуют врача, а больные», — и выходило объяснение телесных

болезней и подобное; это называется «нагано хети дании». Слушателей собралось, с мальцами, пробивающимися всегда вперед и засыпающими или уходящими во время проповеди, человек 60 – 70; серьезно слушающих язычников было человек двадцать; я говорил обычную начальную язычникам; в конце еще о том, что христианство необходимо для благосостояния и прочности японского государства, а не наоборот – не вредит оно государству, как многие ныне зря болтают. Продолжалось все до половины двенадцатого.

Катихизатор Семен Огава, к сожалению, мало учен; это особенно бросалось в глаза ныне при богослужениях, утреннем и вечернем; о. Никита указал ему читать на часах на шестипсалмий псалмы, доселе не читанные им, и Семен едва плел по книге – Псалтыри; на шестипсалмий нужно было сказать о. Никите: «Говори ектению», чтобы прервать мычанье и заиканье Семена на каждой строке. Впрочем для сего места Семен должен быть совсем достаточен, ибо основал Церковь, и благодать Божия, видимо, помогает ему. В подряснике, с преогромной тростью в руках и огромными темными очками на щеках вестю глаз, которыми он до сердитости солидно смотрит выше очков – он положительно живописен.

24 мая / 5 июня 1892. Воскресенье.

Праздник Сошествия Святого Духа.

Вакимацци – Токусима

С половины девятого – обедница и проповедь о Сошествии Святого Духа и христианской ревности – огня, возжигаемом в душе сошедшим в виде огненных языков Святым духом. Приложение к христианам – резкое убеждение, чтобы они 1) соблюдали воскресный день, 2) жертвовали на покупку земли под Церковь и постройку Церкви; они, будучи зажиточными или даже богатыми, до сих пор, как нищие, побираются от русских братьев; даже за катихизаторскую квартиру и церковный дом платят за них русские, как им не совестно! И так далее. Посмотрим, выйдет ли прок из такого резкого обличения. Потом собрались все в доме Иоанна Огата, чтобы снять фотографическую группу; отсюда мы с о. Никитой прямо отправились в путь, провожаемые под дождь большинством братьев и сестер в тележках до реки.

В Токусима прибыли в шестом часу вечера (12 ри от Вакимацци). Катихизатор Гавриил Ицикава с одним сицудзи встретили за милю; в доме церковном собраны были, кажется, все наличные здешние христиане. Переодевшись, отслужили всенощную, потом сказано поучение; по метрике исследована Церковь; состояние невеселое: 130 крещено; из них 16 померло, 28 – в разных других местах; о многих из сих прямо известно, что потеряли христианское чувство; восемь – неизвестно где ныне; 31 охладевших – здесь, из них человек 12 даже «дзёмей», то есть потребовавших вычеркнуть их из церковного списка; это было, когда здесь

катихизатор Хацисука перессорился с другим катихизатором, стариком Дамианом Камей, и произошло разделение и смущение между христианами. Несчастные охладевшие совсем брошены; этот беспечный катихизатор Ичикава почти всех их и в глаза не видал; даже из наученных им и крещеных недавно двое уже успели выступить в этот разряд. Сделано наставление, чтобы он постарался собрать сих заблудших овец Христо-вых; но мало надежды на него.

Итак ныне, за исключением итога означенных 83, остаются в Церкви только 47 душ с детьми.— Сицудзи два; есть и гиюу, да что в них проку! Собирают деньги на постройку Церкви — и уже собрали немного больше одной сны! Христиане каждое второе воскресенье в месяц имеют собрание «Синва-квей», и нем присутствует до четырех — пяти человек! — Правда, к богослужению, если катихизатор говорит правду, собирается довольно много, сравнительно с некоторыми другими Церквями, именно в субботу средним числом 19, в воскресенье 22–25. Поют очень хорошо и большим хором; прежде пели совсем зря, как и в Вакимацци, по словам о. Никиты; ныне почти совсем правильное нотное пение; научила Надежда Какехаси, жена катихизатора, дочь о. Матфея Кангета, живя здесь последнее время с матерью мужа. Так-то полезна Женская школа для Церкви!

Так как христианки здесь до сих пор не имеют фудзин симбокквей, то убеждал их завести, рассказал о служении святых жен Христу, Апостолам и дальше Церкви; решили тотчас же завести, и завтра будут избраны говорящие на первое собрание, имеющее состояться в третье воскресенье сего месяца.

Сюда пришли два письма о. Сергия Глебова с описанием беспорядка в Семинарии и новым извещением, что весь второй курс просится вон из школы — из-за того, что преподаватели и духовники не присудили четырех учеников, на которых они жаловались, к исключению. Возмутительная наглость учеников! Дети ходят сделаться отцами, а отцов обратить в детей, себе послушных! Решил написать о. Сергию, чтобы уволил всех, если не послушаются вразумления.

25 мая / 6 июня 1892. Понедельник.

Святая Троица.

Токусима

С десяти часов обедница, поучение, отпевание и вместе панихида, то есть — на ектениях, после двоих вновь умерших поминали и прежде отпетых — поучение, преимущественно направленное к присутствовавшим язычникам, родным покойника.— За обедницей приобщены запасными дарами новокрещенные сегодня утром шесть человек.— С крещением, начавшимся в семь часов, богослужение сегодня продолжилось до одного часу пополудни. Христиан, особенно христианок, было довольно

много. С третьего часа начали посещение домов христиан и кончили в седьмом часу — всего посещено домов четырнадцать; христиане наполовину — служащие чиновники, особенно бедных видели дома два.— Отсюда, из Токусима, имеются ныне на службе пять катихизаторов: Лука и Даниил Хирока, дети многосемейного чиновника здесь, Симеон Огава, Петр Какехаси, женатый на Надежде, дочери о. Матфея Кагета, ныне живущей здесь для попечения о матери мужа и брате-идиоте; у бедной, кроме печали о разлуке с мужем, ныне еще большая печаль: недавно единственный ее ребенок помер; Петр Такеици, сын протестанта епископальной секты, здесь держащегося, однако, протестантства, по-видимому, только из-за жалованья: ему платят сколь-то за то, что дает у себя место для проповеди и молитвенных собраний; тут же стоят скамейки, в месте грязнейшем, производящем впечатление дрянненькой маленькой школы; на вопрос: «Сколько здесь вашей секты?» — «Восемьдесят человек», — говорит старик.— «Сколько собираются молиться?» — «Шестьдесят», — отвечает. «Все врет», — говорили потом наши христиане, соседи, знающие положение дела.— «Наполовину или больше преувеличивает». Старик — сына своего, ныне нашего катихизатора, отпустил в православие, жену тоже, детей, — а их у него шесть человек, кроме старшего, всех крестил в православие; сегодня крестились дочь и маленький сын. Живет здесь еще жена помершего нашего катихизатора Павла Накакодзи, у родных своих; просили помочь ей, пока выйдет замуж — дал по две ены в месяц, ибо муж много послужил Церкви: Церковь в Сеноо, например, дело его усердия, хотя он почти все время там лежал в параличе, проповедуя или лежа, или приподнятый до сидячего положения; его и прах там покоится; сын же в Токио и будет воспитан Церковью.

Вечером, с восьми часов, была вечерня; христиан собралось много. По окончании испытаны дети в знании молитв; плохо знают, за что тут же выговорено катихизатору, и всем сказано поучение о воспитании детей; на эту же тему говорил потом о. Никита — и очень умно; после было поучение на текст: «Непрестанно молитесь», — живите так, чтобы все дела ваши были посвящены Богу, ибо дела всякого звания назначены людям Самим же Создателем.— Христианки избрали трех говорящих для будущего собрания; христиане обещались устроить и свое симбок-квей, наподобие женского, с приготовлением кооги самими ими. Катихизатора бы сюда получше Гавриила Ицикава, так малозаботливого, и Церковь была бы отличная!

26 мая / 7 июня 1892. Вторник.

Токусима

Утром с о. Никитой по его исповедальной росписи свели итог христиан его прихода. Всего у него, в десяти Церквях, с двумя принадлежащими к

ним малыми обществами в Хиби и Янайбара, значится по Исповедной: 654 душ; в том числе мужчин 365, женщин 289.

Есть немало и рассеянных по разным местностям, невошедших в Исповедальную, ибо и места жительства их неизвестны; если считать по метрикам Церквей, то христиан почти вдвое будет больше.

С трех часов была проповедь для язычников, но без предварительной публиковки о том; катихизатор известил некоторых, известных ему желающих послушать, — и собралось с нашими христианами всего человек сорок; язычников было человек десять; проповедь начальная язычникам продолжалась до шести часов, некоторые слушали усердно; а старик доктор, больше всех желавший слушать, заснул с самого начала.

Ванна на открытом дворе у комнат, полных людьми, устроенная по требованию о. Никиты, совсем в японском роде; не мог отказаться из уважения к труду.

Вечером собрались христиане провожать; но так как до отправления — в девять часов, оставалось еще время, то собранным детям рассказана была история Иосифа Прекрасного из Ветхого Завета; половину рассказал о. Никита, половину я.

В десятом часу человек десять христиан проводили нас с о. Никитой до судна, которое, однако, снялось лишь в двенадцать часов ночи. О. Никита отправился со мной до Оосака, чтобы отсюда по чугунке вернуться в Окаяма.

Здесь кончился обзор прихода священника Никиты Мори. Я нашел о. Никиту лучшим, чем думал о нем; он умен, проповеди говорит складно и последовательно, только не всегда обращает их с пользою слушателей; дело священнослужения исполняет благоговейно — только вяло; управлять Церковью и катихизаторами может — разум на то есть, только слаб и малотребователен; кроток, мирен и тих он; к сожаленью, еще очень небогат телесными силами — голос слабый, желудок с болезненными припадками, грудь слабая. Внушал ему, чтобы он был строже и требовательнее с катихизаторами, непременно настоял бы на исполнении того, чтобы мы с ним ныне по Церквам поставили в обязанность катихизаторам. Катихизаторов у него в приходе достаточно; только Фома Такеока и Лука Кадзима — малоспособны, Арита — поскользнувшийся, Гавриил Ицикава — ленив.

27 мая / 8 июня 1892. Среда.

Оосака

В девять часов утра прибыли в Оосака; к удивлению, я увидел на пароходе оосакских братьев, явившихся встречать, тогда как я думал, что прибуду в Оосака тихонько к о. Оно, — и мы с ним тотчас же отправимся в одну из дальних Церквей его прихода; оказалось, что о. Никита,

вопреки моему наказу, послал о. Оно известие, когда мы прибудем в Оосака; неприятно, что так тревожим братий. Оосакскую Церковь я думаю осмотреть последнюю в приходе о. Иоанна Оно, если останется время до каникул, или же осмотреть ее по прибытии сюда из Токио на Собор. Но так как и теперь собралось порядочно братий, то мы совершил краткое моление в Церкви, где о. Оно встретил с крестом, как будто и настоящего архиерея встреча; сказано было и поучение братии, затем объявлено, что ныне я здесь мимоходом в другие Церкви; и собрались мы с о. Оно сегодня в четыре часа пополудни уезжать в Тоса, в Коци; но потом, увы! оказалось, что о. Оно ошибся во времени отхода парохода — не сегодня, а завтра уходит пароход в Тоса, — и день оказывается потерянным для путешествия.

В продолжении дня приходили братия и сестры повидаться и получить благословение; а жена о. Оно Марианна приносила показать записи здешнего «онна-но симбокквай»; производится неопустительно каждый месяц; собирается христианок от 15 до 25; о. Оно или катихизатор также говорят поучение на сих собраниях. За последний месяц это общество родило еще общество благотворительное — «дзизенквай»; о. Оно и Марианна показали правило и затеи всего общества; в нем пятнадцать христиан, постоянных членов, с ежемесячным обязательным взносом десять сен, и двадцать христианок — сотрудниц, с необязательным взносом, но тоже общих жертвований по мере сил; есть председательница и ее помощница, избранные большинством голосов — Марианна и жена катихизатора Василия Тоде, и прочие.— Женское симбокквай помогает и распространению веры: здесь же с матушкой Марианной была одна христианка, на которую указали, как на приобщенную благодаря симбокквай: будучи язычницей, зазвана была кем-то на собрание христианок — понравилось оно ей и мало-помалу она сделалась верующей.

28 мая / 9 июня 1892. Четверг.

Оосака

Усталость сама собою сказывается; вчера лег спать в девять часов, сегодня встал в восьмом часу, так как никто не мешал спать — такое количество подряд часов сна редко когда бывает, и именно в дни физической, да и нравственной усталости, ибо возбуждение и усиленный пульс жизни не может не производить утомление.

На следующем Соборе, имеющем открыться здесь в Оосака с 15-го числа нового стиля, августа, должно установить следующее:

1. Катихизаторы непременно везде должны завести воскресные школы для детей христиан и учить детей сначала молитвам, потом Священной Истории, Катихизису и так далее. До сих пор катихизаторское правило обязывало катихизаторов учить детей Закону Божию, но не

езде и не как должно это исполняется. Отныне это должно быть усилено. К детям христиан, по возможности, должны быть присоединяемы и дети язычников; для чего публиковать о воскресенной школе и принимать другие меры привлекать язычников.

Учебники на первый раз и теперь уже есть; кроме того Миссия озабочится об издании книг с картинками и об иллюстрациях в Священной Истории, также о втором издании картин Священной Истории.

Чтобы уяснить хорошенько вопрос о том, как и какие книги нужно издавать, хорошо бы приехать на Собор Савве Хорие, или Павлу Накаи, или обоим.

2. Женские дружеские собрания (фудзин-но симбокквай) уже показали свою пользу везде, где заведены (смотри между прочим здесь же выше, стр. 119). Продолжать заводить их везде по Церквам, и на тех же основаниях, как доселе, то есть ежемесячные с непременною кооги самих женщин и так далее.

Но нельзя ли еще, в подспорье к сему, начать издавать женский православный журнал? Силы в нашей же женской школе для того уже есть; если привлечь к сему участие других умных православных христиан, главное же участие Павла Накаи, который ныне кропает же каной «мужской» журнал вместо прекратившегося дрянного тоокоо, — то дело, мне кажется, может стать; посоветоваться же о сем в Токио пред отпращиванием на Собор.

3. Польза от фудзин-но симбокквай внушает мысль заводить по Церквам и кейтей-но симбокквай (мужское дружеское собрание). Пусть священники и катихизаторы отныне заботятся и о сем. Мужские собрания должны быть устрояемы по тем же правилам, как и женские: в месяц раз, чтобы не надоели, в воскресенье, чтобы не имели предлога не прийти на них по «некогда», с непременною кооги самих христиан — что придает и интерес, и прочее.

Итак, вот три рычага для подъема Церкви: для детей — воскресенные школы, для женщин — их симбокквай, для мужчин — их симбокквай.

Катихизаторы и священники должны учредить все это там, где еще не учреждено, и заботиться о поддержании везде; в Миссию же извещать о состоянии и ходе дела по всем этим трем статьям, чего до сих пор не было.

4. Катихизатор весьма часто, не имея дела в своем месте, ослабевает, навькает к бездеятельности и падает нравственно. Отныне да не будет сего. Поставить в обязанность всем, коль скоро открывается свобода от занятий в своем месте, то есть истощилось число слушателей, а новых нет — искать слушателей в другом месте; в больших городах, например, в Хиросима, это может быть в одном и том же городе, то есть заводится сюччёодзё в другом конце города (для чего, если нужно, помощь дается от Миссии, по представлению священника); в небольших городах это не всегда может быть, и потому катихизатор при помощи христиан находит

цуте — в другом городе или селении — но не дальше пяти ри, если нет водных или железнодорожных сообщений; собрав там слушателей, катихизатор переселяется туда и живет до тех пор, пока скажет им все вероучение от начала до конца, то есть, по крайней мере, первую часть Осиено кангами; кончив таким образом с ними и приготовив их к крещению, катихизатор вновь переходит в свое место, если там до того времени образовалась группа слушателей; разумеется, из своего места пребывания для непрерывного научения новых слушателей катихизатор должен раза два—три или больше бывать и в другом месте для молитв с христианами и для хранения их и сбережения от охлаждения или расхищения. При такой методе, во-первых, у самих катихизаторов будет сохраняться доброе катихизаторское настроение — не ослабеют, не опустятся они от бездеятельности, во-вторых, у христиан будет поддерживаться ревность, чтобы иметь у себя катихизатора, они будут заботиться находить ему дело у себя, то есть находить новых слушателей.

Молодые наши катихизаторы как-то не являются достоительно авторитетными по своей должности. Пусть они сохраняют скромность, приличную молодым людям, но учение преподавать должны с властью, ибо это не их учение — они только эхо — ученики вечного Бога, пред которыми нет стариков, а все юны и беспомощны. Нехорошо, если катихизатор искусственно дуется, как я видел одного протестантского — смотрит куда-то в сторону, вопросы переспрашивает, как будто он своею душою куда-то вглубь погружен — это отвратительно и смешно в молодом человеке; но в тоже время межеваться и исчезать пред всяким, кто постарше летами или чином, не сметь ясно и раздельно слово учения сказать, — хуже, чем плохо — это просто презрение возбуждает, и катихизатор самоумертвляет себя, сам делается виною своей бесплодности. Пусть он будет скромн и смирен, но учение говорит смело и с властью.

В третьем часу мы с о. Иоанном Оно отправились на пароход, идущий в Тоса. Напутствовать в эту краткую отлучку все-таки собралось несколько христиан, что показывает хорошую настроенность и усердие оосакских христиан. Между прочим, были Варвара, старуха, с Ириной — Ямамато, внучкой своей, дочерью бывшего в свите князя Токугава в Европе, ныне здесь служащего в банке; Ирина — крещена, по рождению, мною; ныне ей пятнадцать лет, но худая, бледная, видимо, заучившаяся, ибо училась сначала в какой-то протестантской школе, где, однако, стойко отстаивала свое православие, ныне учится в коотосёогакко; отец все еще неверующий; советовал ей и младшей сестре ее, Марии, действовать на сердце отца, чтобы обратить его; разум, видимо, у него холодный и скептический, но сердце может быть согрето детской любовью к

восприятию учения — как например, Акила Кису был обращен своею семилетней дочерью чрез постоянные упрашиванья молиться вместе и надеванья ему креста на шею.

На пароход прибыли — довольно удобный, с отдельными каютами для пассажиров; ушли из Оосака в пятом часу, но простояли в Кобе до одиннадцати. О. Оно в это время рассказал мне историю оосакских христиан Лазаря и его жены. Жена — Акилина — была протестантка (кумкайквай), но перешла в православие — из-за чего бы? Оттого, что там очень строго требуют соблюдения воскресенья; nereкомендательно, по-видимому, для православных; однако выходит совсем не так; сделавшись православною, после предварительных наставлений в вере, и крестившись — ибо у конгрегацианалов всего раз брызнут водой — она без всяких особых принуждений стала усердно ходить в Церковь каждое воскресенье, несмотря на то, что православная Церковь очень далеко от ее дома, а протестантская совсем близко. Оказывается, что там ее принуждали ходить в Церковь без всякого ее понятия о том, зачем это нужно, то есть без должного научения в вере; ныне же она поняла учение, усвоила его сердцем и ходит в Церковь столько же по внутреннему влечению, сколько в исполнение церковной заповеди. Муж ее Лазарь служил ревизором на одном большом торговом пароходе; не поберегся он от разврата, даже любовницу содержал в Нагасаки; развратная болезнь испортила его кровь: гнойные болячки покрыли его спину; доктора изрезали ее всю, после чего нагноения перешли в ноги, и он ныне ходит на костылях. В Нагасаки он в прошлом году заболел; любовница бросила его; приехала из Оосака ухаживать за ним Акилина; когда он докторами приговорен был к смерти, Акилина убедила его принять христианство и креститься; призван был из Кагосима о. Яков Такая и крестил его. Сверх всякого чаяния, он после стал поправляться, и ныне благодарит Бога, что Он чрез болезнь обратил его к себе: «Потерею ног, — говорит, — приобрел я душу»; но, вероятно, и ходить он опять станет. Лишь услышал он о моем приезде в Оосака, издали, вместе с женой, прибыл в Миссию и с каким усердием слушал несколько наставлений! Цвет лица у него совсем здоровый, не может только владеть одной ногой. Дай Бог, ему и выздороветь, и сохранить навсегда его благоговейное настроение!

29 мая / 10 июня 1892. Пятница.

На пароходе на пути в Тоса и Коцу

Какой-то оратор мало не всю ночь мешал спать, болтая во всю глотку всякий вздор в кают-компани. Оказалось: моряк, бывший на японском военном судне в Европе, гордящийся тем, что при представлении Султану, на вопрос: «Какой веры?», ответил: «Никакой»; чувший своего Микадо

как Бога и больше не признающий ничего высшего в мире; я стал было толковать с ним о религии, но скоро же должен был сказать: «Вам вера — тоже некои кобан», и кончить, чтобы не тратить попусту время. Целое утро употребил на чтение сочинений учеников катихизаторской школы, поданных как раз пред моим отъездом из Токио.

Пароход, по мелководью, останавливается на рейде мили за две до города Коци. Братья и сестры встретили на трех крытых лодках с флагом-крестом; во время пути на лодках пошел проливной дождь и был оглушительный гром. Прибывши в церковный дом, отслужили литию, и была краткое поучение. Потом по метрике познакомились с Церковью. Крещенных 65; из них охладело десять; некоторых и места жительства неизвестны; служат катихизаторами в других местах (Мабуци и Исохиса), в Токио в школах (Такенуоци и Ханино) и в других местах человек восемь, умерло восемь; но есть христиане из других мест, так что всех здесь налицо 47. На богослужении собираются 15–20 человек; сицудзи три; церковного прихода от христиан в месяц 70 сен; из них 30 сен идет в приплату к 3,5 енам, присылаемым из Миссии на наем церковного дома.

До вечерни, в разговоре с христианами, между прочим, объяснил происхождение нынешних беспорядков в Семинарии, в письмах сюда, по-видимому, описываемых в очень дрянном тоне, ибо Исохиса, получив от сына письмо, скрыл его — «потерял дорогой на службу», — говорит. Видел младшего брата о. Савабе — похож, но вял; сына, Кувадзу, что ныне в Певческой, вызывает на каникулы; сказал ему, чтобы на дорогу выслал ему (ибо едва ли вернет потом в Семинарию). За вечерней о. Иоанн Оно кадил жаровенькой, взявши ее в руки, — уж он крестил, крестил — на все стороны! Пребезобразно выходит; сказал ему, чтобы не делал этого, а ставил жаровенку на стол; лучше же всего брал всегда с собою кадило, которое ныне он говорит, забыл. Пели плохо; кричит во все горло катихизатор Хиромици; за ним почти все врозь; видно, что мало поют — значит, мало молятся вместе. После вечерни было поучение, направленное к возбуждению христиан и христианок заботиться о распространении здесь Церкви. По окончании убеждал христианок начать опять бывшее здесь и остановившееся фудзин-симбокквай; в первом месте здесь вижу, что оно прекратилось; везде — коль скоро начато — ведется с охотою; здесь, видно, что катихизаторы плохи — молоды и малозаботливы. Убеждал и мужчин завести свой симбокквай с собственным кооги; у них есть нечто подобное — два раза в неделю, говорит катихизатор: христиане — большею частью молодежь здесь — готовятся к толкованию Священного Писания дома, собравшись, толкуют, спорят, катихизатор поправляет; это, если производится, то может и вперед вестись по-прежнему. Тоже симбокквай — пусть будет ежемесячное и так далее. Обещались завести, равно как и женщины.

До поздней ночи раздававшийся звон колоколов, несшийся откуда-то издалека и очень напоминавший наш звон к вечерне; говорят — убивает саранчу, для того и звонят; убивает даже и шелковичного червя, если он где есть поблизости. Впервой здесь слышу и встречаю, что звон, то есть сотрясение воздуха, производит такое действие.

30 мая / 11 июня 1892. Суббота.

Коци

Горластый петух, на котором, по-видимому, лежит обязанность утром, обходя двор, будить всех, в пять часов, подошедши к самому уху, до того заорал, что мы с о. Оно должны были встать, хоть положили было с вечера спать дольше.

С восьми часов отслужили обедницу и панихиду и вместе отпеванье, между прочим — младшей сестре о. Павла Савабе, Текусы, на днях умершей после краткой болезни и погребенной христианами до нашего приезда. Другой, отпетый сегодня, был Павел Анбора, служивший прежде катихизатором и сбежавший, получивши за два месяца деньги; служил он потом в Токио по железной дороге и умер в больнице; никто не известил о нем в Миссию, и погребен он по-язычески; мать, впрочем, со слезами уверяла, что он всегда оставался верным христианином, молился утром и вечером, и родителей увещевал оставаться православными христианами; отец и мать, действительно, хорошие христиане, и жаль их, бедных, скорбящих о потере сына.

По окончании службы и поучения отправились посетить христиан. Яков Мабуци, отец катихизатора Иоанна, шестидесяти одного года, бывший учитель фехтованья, имеет, кроме Иоанна, пять человек детей, из которых, впрочем, старшая дочь вышла за катихизатора Петра Хиромици; последний — Вениамин, восьми лет, прочие трое детей и мать в язычестве; Яков говорит, что матери — за множеством детей и забот по дому — просто некогда научиться христианству, к которому она душевно расположена не менее других. — Отец катихизатора Иоанна Исохиса, 53 лет, служит в тюрьме, детей с Иоанном трое, — в Семинарии Федор и дома Кирилл пятнадцати лет. Дом свой, с огородом. Вдов, но взял, по-язычески, другую жену; говорит, что крестит ее и потом обвенчается, такто, христиане, неспрашиваясь христианского закона, женятся и потом уж — вдогонку — хватаются за закон, да и то, как видно, по случаю визита духовных и вопросов их! У отца катихизатора Петра Хиромици не были, сын говорит, что отец теперь перестраивается, все у него не в порядке, принять не может. Отец Петра Хиромици — Захария, 67 лет, мать Елизавета — 56; кроме Петра, у них две дочери — замужем, больше детей нет.

Были у младшего брата о. Павла Савабе — чиновника Ицибеи Кувадзу, пятидесяти одного года, еще язычника; жена — христианка, маленькая

дочь, восьми лет, тоже; сын – в Семинарии, другой – младший, дома, еще не крещен; мать о. Савабе, старуха 77 лет, христианка, живет тут же. Дом – богатый, на воротах, при входе во двор, висит толстая, соломенная веревка, по-синтуистски; видно, что плохие христиане. При входе в дом Кирилла Онгасавара, бывшего в Семинарии, также синтуистская веревка; его мать, младший брат и сестра – христиане; дом – богатый довольно, купеческий. За городом были у матери Алексея Китагава – переводчика; его отец помер, но дядя жив и даже служит начальником общества деланья <...> мать, очень угостительная и еще не старая, разводит шелковичного червя и мотает шелк; у них дом и целая гора, где огород и поле, также разного рода плодовые деревья, бива чудесные – я съел целые пригоршни. По соседству с Китагава живет чиновник Николай Оседа, родом из Токио, рассказывал про резню при минувших выборах в Парламент и показывал рисунки, – сам был посылаем для усмирения. – Муж христианки Сунгано тоже чиновник, угощал запахом благовонного дерева, плодами и прочим. Вообще, наполовину здешние христиане – состоятельные люди. Посетили мы всего одиннадцать домов; в дома, где одиночные христиане, не приглашали. К четырем часам кончили визиты, но я вернулся домой с расстроеннейшим желудком, от дрянной здешней пищи и от разных угощений.

Вечером, с половины седьмого, всенощная, с восьми – проповедь для язычников, которых собралось человек до четырехсот; сначала говорил о. Оно о Страшном Суде – что и язычники будут подвергнуты ему, ибо имеют средства знать Бога; я сказал обычную – начальную язычникам, но до Спасителя, дальше же предложил послушать завтра вечером, с восьми часов, ибо сегодня было уже десять часов, и аудитория двухчасовой беседой была утомлена, а предмет беседы такой важный. Интересно будет посмотреть, сколько завтра придет, ибо это будут уже заинтересованные предметом проповеди, а не тем, как иностранец произносит ее. Сегодня аудитория была очень тихая и внимательная, вопреки, кажется, ожиданиям христиан, ибо здесь народ буйный и своевольный.

31 мая / 12 июня 1892 г. Воскресенье.

Коци

Утром встали рано, и до десяти часов, когда начинается служба – делать нечего. Я и говорю катихизаторам: «Вот вам время для воскресной школы, – учить детей и молодых людей Церкви молитвам, Священной истории и всему Закону Божию; ступайте, соберите детей». Собрали; пришло и несколько взрослых. Обращаюсь к Петру Хиромици: «Расскажите им историю Иосифа из Ветхого Завета»; стал он рассказывать и с первых же слов путаться; видно, что и сам хорошенько не знает, забыл;

принялся я рассказывать, и продолжался рассказ почти до десяти часов; по мере течения рассказа, собрались другие христиане и располагались слушать — видно было, что для всех история — новость, и всем интересно. Кончив, я сказал катихизаторам, чтобы они каждое праздничное утро употребляли же такое же дело, предварительно сами приготовивши то, что имеют рассказать.— Обедница отслужена обычным порядком; пели очень нестройно; Хиромици своим резким громким голосом и самопроизвольным забираением вверх или опусканием вниз резал ухо.

В проповеди объяснено нынешнее Евангелие: «Аще кто любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин и пр.», и продолжено о необходимости христианского усердия.

После проповеди продолжена беседа, в которой окончательно решено христианками возобновить женское «симбокквай» и уже безостановочно вести его; избраны для будущего первого собрания три говорящих, из которых первую — Варвара, мать переводчика Алексея Китагава, бойкая баба, но которую, говорят, христиане очень не любят за сварливый нрав, о чем о. Оно, к сожалению, не предупредил меня; собрание назначено на третье воскресенье будущего месяца, вечером. Потом и христиане единодушно согласились завести свое «сисбокквай» на тех же главных основаниях, как и женское симбокквай, то есть с говорящими из самих христиан, раз в месяц, без «кооги» катихизаторов, которые должны лишь заботиться о должном приготовлении «кооги» самими христианами; первое собрание назначено на второе воскресенье будущего месяца, также вечером; избраны и говорящие для первого раза: один расскажет историю Иосифа, прослушанную им сегодня утром, другой — житие святого.— Таким образом в Коци учреждены: 1) воскресная школа для обучения детей Закону Божию — каждое воскресенье до богослужения; 2) фудзин-но «симбокквай»; 3) кейтей-но «симбокквай» — что, если будет исполнено, как условлено, при помощи Божией, оживит Церковь. Катихизаторам и о. Оно поставлено в обязанность — постараться, чтобы учрежденное было исполняемо; катихизаторы должны извещать меня о ходе всего этого.— Само собой разумеется, что вышеозначенные собрания не исключают других, например, еженедельных — для объяснения Священного Писания, и подобное, которые, по совету с катихизаторами, захотят завести.

Сунгано, муж христианки Анны, звал посмотреть уженье рыбы, желая угостить ухой из свежепойманной; так как с часу до шести было свободно,— день же чудный,— то мы с о. Оно согласились, и на лодке с семьей Сунгано и катихизатором Даниилом Хироока поехали к Сунгано, но тщетно искали его по заливу; проплавав до четырех часов и имея лишь время для возвращения к шести, когда назначена была вечерня, мы вернулись, не увидев уженья, зато насладившись прогулкой в крытой лодке по заливу при тихой и ясной погоде; мелководный залив кишел работой: люди доставали со дна его ил и тину и грузили на плоскодонные

лодки — для вывоза на поля как удобрение; иные забрасывали сети, ловя раков и мелкую рыбу, или удили.

К половине седьмого собрались христиане, и отслужена была вечерня, и сказано поучение о необходимости для христиан посвящать себя и все дела свои Богу.— К восьми часам собралось немало язычников слушать продолжение вчерашней проповеди. Сначала опять говорил о. Оно, и весьма плохо, вопреки моему ожиданию; совсем не готовился; больно уж спустя рукава исполняет свое дело; за минуту до проповеди спросил его: «О чем скажете?» — «Да не знаю, что-нибудь из Священного Писания». — «Однако что же?» — «Да хоть притчу о семени». — Стал говорить притчу и разъяснять ее, и уж тянул — тянул, точно мертвого за язык: ни живости, ни ума — все оттого, что не заботится о приготовлении; будучи умней других священников, но оказывается, по беспечности, гораздо плоше всех их.— Я продолжил вчерашнюю проповедь, начав с того, на чем остановился: о невозможности для людей исправить грехопадение и спастись без непосредственной помощи Божией, и о Спасителе, о двух естествах в Нем, о Троице Его Служении и о Таинствах, успев объяснить лишь Крещение и Причащение; было уже половина одиннадцатого, когда кончена была проповедь; дальше нельзя было — слушатели видимо устали, но слушали очень тихо и внимательно и в количестве наполовину против вчерашнего. Так как между слушателями было немало протестантов, то, говоря об учении Спасителя, я остановился несколько на том, что Спаситель принес нам определенное учение и что его учение — «тейри», догматы,— не как говорят «Синкё» (протестанты), будто нет догматов; Спаситель не явился для того, чтобы сказать лишь: «Определенного учения я вам не даю, а веруйте как и чему хотите»; нет, Он, напротив, сказал, что «Небо и Земля прейдут, а в Моих Словах ни одна йота, ни черта не изменится», а так далее. Также говоря о том, что изложено учение Спасителя, я должен был объяснить, что в Священном Писании и Святом Предании, без которого и Священное Писание не существует и без которого оно обращается в игрушку людей, понимающих его как кто хочет и может, тогда как Слово Божие: «ей и аминь». — К концу проповеди подошла целая ватага молодых женщин, как после оказалось,— протестанток. Всех протестантов в Коци и во всей провинции Тоса, говорят, человек шестьсот; все Ицуиквай и Кумай — самых дрянных сектишек по учению, наполовину потерявшему и смысл христианский.— У нас здесь плохая, малочисленная и слабая Церковь, и два катихизатора не нужны здесь, тем более, что оба молодые и плохие, а быть двоим, так следовало бы им жить в двух концах города, а не вместе; и всего того о. Оно знать не хочет; засадил сюда двоих для почти ничего неделанья, а в Нара, например, Тоттори и пр.— нет ни одного. Наполовину смертвельый и бесчувственный к церковным интересам этот о. Оно! Ни рассудительности, ни сердечного участия!

1 / 13 июня 1892. Понедельник.

Коци

Сегодня утром, в девять часов, должно было сняться судно — обратно в Оосака, и мы на нем; встали мы рано-прерано; и христиане собрались; напились чаю, даже позавтракали печеной рыбой, вчера изловленной Сунгано и принесенной еще живою; попрощались с братьями и сестрами, которые несмотря на дождь огромною процессию отправились провожать нас — но, увы! все оказалось напрасным! Не успели мы подъехать к месту, где снять в лодку, как встретил нас вестовой из пароходной конторы: «Пароход не успел нагрузиться и потому уходит завтра утром»; так мы и повернули всю процессию обратно в церковный дом, где ныне и чертится сие, в десятом часу дня. Таким образом еще день потерян, а между тем, так нужно спешить по Церквам, чтобы до каникул осмотреть хоть приход о. Оно. Впрочем, не радостно будет ныне и в Токио прибыть: разрушил там своею заносчивой неумелостью этот самодур о. Глебов Семинарию; здесь же, час тому назад, получено известие, что двадцать два ученика младшего курса Семинарии оставили ее: ученик Исохиса краткой запиской извещает о том своего отца. Не успели, не нашли образумить ребят, и Семинария осталась почти без учеников! Эх, не на кого возложить воспитательную часть — во всей Церкви нет человека для того. Господи, пошли!

Целый день рубил дождь. Приходил поговорить сосси Миядзи Мохей, выгнанный недавно из Токио, как сам признался; убеждал его оставить дела правления Правительству, самому же сделаться христианином и служить водворению христианства в Японии; конечно, бесполезно.

2 / 14 июня 1892. Вторник.

На пароходе в Коци

Беда в таких местах, как вот это Коци: заберешься, а потом и не знаешь, как выбраться. Пароход обещался выйти обратно в Оосака 12-го числа — отложил, 13-го — отложил, 14-го — отложил. Сегодня опять братья и сестры устроили порядочную процессию — доехали до места, где садиться в лодку, — «Пароход завтра уходит», — говорит; но мне показалось уж слишком безобразным таскаться по длинным улицам с хвостом братии и сестер; на этот раз эти японские церемонии — проводы — сущее наказание; были бы мы вдвоем с о. Оно, вернулись бы в церковный дом, или остановились бы в ближайшей гостинице и прождали бы до завтра; а тут эта абюза кейтеев с бесчисленными и бессмысленными поклонами — несколько дней расставанья и проводов! Чтобы отделаться от всего этого, я велел ехать на судно; сюда тоже пожаловала куча кейтеев и симай — последняя доза поклонов, и мы, наконец, одни. Знать

бы вчера, что судно отложено — можно было бы объявить проповедь на сегодняшний вечер — все же собралось бы несколько язычников, и время не было бы потеряно, а то безобразнейшая потеря времени, тогда как оно столь нужно для других мест! Было прежде здесь «кёосоо» (конкуренция) пароходов, и они старались держать свое слово; ныне компании слились, и пароходы своевольничают сколько хотят.— К счастью, исправляют дорогу от Токусима в Коци — в этот год и кончится поправка; тогда, кончивши церковные дела здесь, можно во всякое время сесть в тележку и ехать в Токусима, откуда пароходы в Оосака каждый день; 40 ри дороги — два дня пути, но уже никак не больше, тогда как с этим безобразным пароходом в Оосака потерял день, да здесь три, а если завтра и так далее не уйдут, то потеря — неизвестно, где остановится.

3 / 15 июня 1892. Среда.

На пароходе Тосиюмафу на пути в Оосака

Сегодня в десять часов утра, наконец, снялись и идем в Оосака. У о. Оно о ком из катехизаторов ни спросишь — один ответ: «Хорош». — «Трудится ли?» — «Трудится». И такая безучастность к церковному делу, что мне, наконец, невыносимо стало, и я заметил ему: «Отчего вы мне не говорите правду? Если вы не станете помогать мне по Церкви, то кто же будет? И можно ли тогда направить катехизаторов и Церковь? Если вы дурное о ком скажете, то что есть, то это не повредит тому, о ком скажете, а поможет разве ему исправиться — во всяком случае для Церкви будет избегнута ошибка и вред; я много дурного о многих и о вас самих знаю, но молчу», и так далее. Но разве на этого полумертвого человека можно чем подействовать! Он совсем точно развинченный, и многие винты и скрепления потеряны; удивлялся я его безучастности к церковному делу в Коци, при исследовании Церкви; уйдет к жаровне и чайнику — как будто не его дело, когда просматривается метрика и исследуется, где принявшие крещение; призовешь поближе, сидит истуканом и не знает ни о ком ничего; но мало-помалу видишь, что он изнутри и извне совсем, действительно, точно полупараличный: вещи свои везде разбрасывает и забывает, точно мыслит о чем глубоком, тогда как ни о чем не мыслит; об отце Никите думал я, что он мало оживляет — но, в сравнении с о. Оно — сама жизнь! Знает свой приход отлично, лучше самих катехизаторов; раз скажешь ему что, точно исполняет. Оттого-то у о. Оно Церковь везде такая плохая, опустившаяся: каков поп — такой приход. Господи, что ж мне делать с этими священниками? И откуда взять других лучших? Ждешь — ждешь, но жизнь разбивает твои надежды, точно волну, — на мелкие исчезающие брызги! Собираешь молодежь, трудишься и тратишься на ее воспитание, думаешь, авось — Господь из них пошлет людей мысли и доброго желанья служить Христу и спасению ближних,

и вот — они! Малейшее дуновение ветра, глупейшая интрига — и все, как те же брызги, разлетаются и исчезают! Ни единого юноши, одушевленного идеей, ни единого с христианским сердцем, хотя иные из них уже урожденные христиане! Плохая, уныние наводящая страна — средины: нет отчаянных пороков и поражающего зла, зато нет и стремления к лучшему — все точно тина болотная — здешняя жизнь и для здешней жизни, ни искры проблеска высших стремлений, жажды горения! Подавал было надежды о. Павел Ниицума — и тот оказался болотным тком, свернувшимся среди тины. О, Боже! Как тяжело, как безотрадно!

4 / 16 июня 1892. Четверг.

На пароходе Тосиюмару и в Оосака

У японцев есть одна пренесносная черта — не погадывать по другим, не уважать прав других. Трое купцов с четвертым — служащим на сем пароходе, играли в глупейшую игру «го-о-уцу-кото» до второго часа ночи и хохотали во все горло при каждом удачном или неудачном ходе, то есть каждую минуту; и откуда у них смех брался! Как ни хотелось спать, но нельзя было заснуть ни минуты; о. Оно страдал от такой же бессонницы; вероятно, соседи тоже. И это всегда и везде; никогда японец не стесняется другого в выражении своей натуры; о. Никита рассказывал, что недавно министр земледелия Муцу остановился проездом в Акаси на ночь в гостинице; в соседней комнате ночевали купцы, которые пригласили геен!* и кутежом с ними не давали спать решительно никому; Муцу, выведенный из терпения, послал за тайко-моци — прийти с большим барабаном к нему в комнату, — и в аккомпанемент к балалайке и пению геен раздался неумолкающий оглушительный треск барабана, потопивший все звуки: это заставило, наконец, купцов прекратить свою музыку, или перевести место кутежа в другое пространство.

В четвертом часу ночи пришли в Кобе, так как о. Оно настаивает, чтобы сегодня иметь покой в Оосака, а не пуститься в Вакаяма — «горыде на пути», то в Оосака и спешить нечего, придем на пароходе, хоть часом или двумя позже, чем было бы по железной дороге; но о. Оно это не нравится — ему хотелось бы для разнообразия на чугунку, я, однако, отложил это хотение, потому что была бы лишняя трага, которую мы с о. Оно не очень стоим.

В третьем часу дня прибыли, наконец, в Оосака на пароходе. Письма из Миссии, от о. Сергея Глебова извещают: 1) что ученики второго курса вышли из школы потому, что еще до жалобы на четырех из шестого курса дали взаимное клятвенное обещание, скрепленное приложением печати из крови, выпущенной из разрезанного пальца (кеппан), непременно

---

* Гейш.

настоять на исключении их, — или всем выйти из Семинарии. Я тотчас же написал о. Сергию, чтобы он оставшихся в школе из второго курса исследовал и подписавшихся кровью подверг епитимье — посту на неделю (из трех раз в день не есть раз), после чего они должны очиститься покаянием и приобщением Святых Тайн, ибо, принимая крещение, они клятвенно отреклись от языческих обычаев и клятвенно же обещались быть верными Христу, — обе каковые клятвы ныне попораны их мерзкою языческую кровопролитною клятвою — каковое преступление еще больше нарушения 7-й заповеди*, если бы оное и было (чего не было); если бы кто из вышедших стал проситься опять в школу, то принять не иначе, как по двухнедельной епитимии и очищении греха покаянием; 2) что New Oriental Bank лопнул, но что Щеглов — поверенный в Делах, непременно хочет спасти миссийские деньги, если они есть в нем, и спрашивает, — Щеглов — сколько там лежит; я ответил, что около полутора тысяч и что готов немедля вернуться в Токио, если для спасения миссийской суммы необходимо мое там присутствие.

5 / 17 июня 1892. Пятница.

Вакаяма

В шесть часов утра мы с о. Оно выехали из Оосака и в четыре вечера были в Вакаяма; отличная погода способствовала скорому переходу 18 ри. Катихизатор Фома Танака и несколько христиан встретили на берегу Кинокава, за 1 1/2 ри от города; в церковном доме ждало еще больше братьев и сестер. Отслужена лития и сказано приветствие, после чего по метрике исследована Церковь. Крещеных всего: 235, но из них только 76 ныне бывают в Церкви; прочие число разошлось по следующим статьям: переселилось в другие места 53, умерло 42, в католики соvrащено 35, в протестантство двое, в буддизм вернулось двое, охладело 14, неизвестно где находятся 11. Из 76 оставшихся христиан к богослужению собираются в субботу 17–25, в воскресенье 11–15; поют человек семь, но ужасно спешат; поют, впрочем, недурно; Фома читает также спешно; замечено, чтобы то и другое было исправлено. Сицудзи два: Иоанн Каваци и Матфей Киносита. В месяц собирается денег с христиан 1 ена 25 сен. Здесь куплена церковная земля — 50 цубо (за 47 1/2 ен) — и на ней построен церковный дом (за 222 ены 23 сен); — всего за 269 ен 73 сен, из каковых 100 ен — пожертвование мною в 1882 году. Дом построен пять лет тому назад (Мейдзи 20 года). Церковный дом снабжен из Миссии священническими облачением и стихарем и всею утварью для совершения литургий.

У катихизатора ныне проповедь в городе в трех местах и десять надежных слушателей, кроме того, каждое воскресенье вечером бывает

---

* «Не прелюбодействуй».

для проповеди в Кимиитера, 1 1/2 ри от Вакаяма, где четыре дома христиан и несколько новых слушателей.

Было заведено здесь ежемесячное женское собрание, но прекратилось, ибо очень мало собиралось на него; ныне еженедельно в среду женщины собираются и сами делают для себя «кооги», — говорит им катихизатор; но приходит не более восьми христианок. Христиане также имели собрание по воскресеньям вечером, собирались четыре-пять; ныне не производится, ибо катихизатор по воскресеньям вечером бывает в Кимиитера.

Когда разбирали метрику, я до того устал от дороги и от этих беспрерывных: «охладел», «к католикам ушел», и до того грустно стало, что прекратил на время дело, — говорю: «Устал, — нужно чаю напиться»; подкрепившись и ободрившись, кончил разбор. Потом была вечерня, после — проповедь, немало направленная против католиков, в ободрение братии, до сих пор, по-видимому, гнетимой потерей части своих собратий. Затем беседа о необходимости завести прочные ежемесячные «фудзинно симбокквей» и «кейтей-но синваквей»; братья и сестры обещались посоветоваться и завтра дать решительное на то согласие.

По окончании церковного дела мы с о. Оно в исходе одиннадцатого часа приведены были для ночлега в гостиницу, ту же самую, где я останавливался десять лет тому назад; и ныне, в первом часу ночи, черчу сие в той комнате, где десять лет назад чертил также миссийские заметки.

6 / 18 июня 1892. Суббота.

Вакаяма

В семь часов утра назначена была обедница и панихида; мы с о. Оно пришли до семи часов, но верующих больше чем до половины восьмого часа ни единой души не было, потом несколько пришло, и в восемь часов начали службу, а вчера еще там упрасивал их собраться помолиться вместе, и все бывшие обещались. Неудивительно, что волки расхищают это сонное стадо; а и как разбудишь его? Вчера ли я не истощался в поучениях с приезда до одиннадцати ночи! И вот результат! Грустно очень мне стало, и едва осилил я себя, чтобы по окончании богослужения сказать поучение. — Потом посетили девять домов христиан; есть и зажиточные, как Михей, красильщик; Исайя Итабаси — торговец иностранным товаром (один из первоначальных христиан), но больше — как видно — живущие изо дня в день, а Юра и совсем бедный (уходивший к католикам и вернувшийся). Еще христианских домов больше десятка есть, но их не посещали, ибо рубит безустанный дождь, да и нет нужды посещать — все одно и то же, и пользы для Церкви ни на волос.

В пять часов в церковном доме виделся и говорил с призванным для того отступником от православия Акилой Хираи, ушедшим к католикам, —

но безнадежен, кажется, сей человек: гордыня сквозит и в наружности, и в каждом слове: «Я-де не как другие люди», «Я-де исследую», и тому подобное,— и это на ясном противоречии Папы Христу, как: Христос: «От Отца исходящего», а Папа: «Нет, неправда, не от Отца только, а и от Сына», Христос: «Пийте от нея вси», Папа: «Нет, не вси, а только духовные».

С половины седьмого была всенощная, кончившаяся около восьми; с восьми двадцати началась проповедь для язычников; сначала говорил о. Оно о «Служении» — и довольно-таки путал понятия и тексты; я сказал начальную язычникам; продолжалось два часа; в одиннадцать часов с лишком проповедь была кончена, язычников было человек 70, должно быть; все время рубил дождь, вероятно, помешавший прийти большему числу; между прочим, на проповеди были два иностранца; американец Miller, учитель здешней гимназии, епископал, и Исак Думан (Dooman), американский епископальный миссионер,— пастор в Нара, посещающий и сию Церковь, за отсутствием Jung's, который заведывал ею; Dooman этот родом перс,— был сирийской секты, перешел к епископалам; был несколько раз в России, родина его в Персии, недалеко от Тифлиса; жена его тоже персиянка, и четверо детей у них; так-то у людей отовсюду есть миссионеры — из персов, из жидов — еще русских — (Шершевский — bishop, в Китае), из поляков (Wikoff); у нас только ниоткуда нет. Думан говорит, что у них больше сотни христиан в Нара,— здесь, в Вакаяма, катихизатор ихний, бывший с ним, сказал: «Тоже больше сотни, но много в отлучке, здесь налицо человек 40–50», (кажется, прихвастнул). Думан очень просил к себе в гости, в Нара; едва ли найдется время побывать.

7 / 19 июня 1892. Воскресенье.

Вакаяма

Сегодня утром также пришлось мне час прождать, с семи до восьми, сбора детей и подростков, которым вчера вечером наказано было собраться, чтобы слушать окончание вечера начатого рассказа истории Иосифа, сына Иакова.

С девяти часов литургия, и отслужил ее о. Оно довольно исправно, на просфорах, привезенных из Оосака; певчие же — три девочки и две женщины — отлично пропели ее, за что получили от меня потом на конфеты. Проповедь сказана была на литургии «О таинстве Евхаристии», с указанием отступления от истинного учения о нем католиков (причащение под одним видом) и протестантов; так как литургия кончилась раньше одиннадцати часов, то христиане сели и ждали еще поучения, и сказано было им о необходимости воспитывать христианскую ревность — укорены были они за холодность и спячку, явленные в эти

же два дня моего здесь присутствия (заставляют по часам ждать себя к Богослужению, мало приходят в Церковь); в Церкви и сегодня было очень мало — человек не больше двадцати с детьми, даже сицудзи Иоанн Каваци не был; действительно, непробудна спящая Церковь — и будет ли из нее прок когда-либо, Бог весть!

После полудня посещены остальные христианские дома — пять (в другие просили не быть, ибо по одному христианину в доме); дом Тимофея Саеки, только что отставленного от катихизаторства за неблагонадежность, — крайне беден и грязен; циновки могли бы быть чисты, но мать Тимофея держит их в самом грязном виде; отец — слабый старик; детей пятеро, если не больше; сынишка шестнадцати лет слугой в Кенчёо, и это, кажется, главный источник жизненных средств семьи; жаль бедных — а чем помочь? Помочь мог бы Тимофей усердной службой; другое катихизаторское семейство — Павла Кавагуци — тоже бедное; в доме — бабка Павла, больная семидесятилетняя старуха, сестра с ребенком, — муж полицейским в тюрьме состоит, — и этим содержится семья, в которой еще чей-то бедный ребенок воспитывается; но на стене в раме под стеклом — фотографии героев: Вашингтона, Наполеона и прочие — это помышления Павла Кавагуци, вместо того, чтобы думать о своей службе — вечно носящегося мыслью в пустоте, оттого и катихизаторскую свою службу оставленную пустою и бесполезною.

Вечером, в семь часов, должна была начаться вечерня, за нею женское симбоквай; разумеется, на целый час запоздали собраться; но дети пришли рано, и потому я рассказывал им историю Моисея. На женском собрании было двадцать женщин с девочками до двенадцати лет; говорили четыре — и очень дельно; остаток вечера, до одиннадцати часов, я занял дополнительными рассказами из истории пророка Даниила, о котором только что говорила одна христианка. Женское собрание обещались с этого времени неопустительно каждое первое воскресенье в месяце производить; христиане, с своей стороны, учредили подобное же «Синваквай», которое обещались производить ежемесячно во второе воскресенье.

8 / 20 июня 1892. Понедельник.

Вакаяма — Оосака

Забыл вчера записать одну хорошую черту христиан Вакаяма: по словам катихизатора, они охотно помогают бедным из своей среды; так помогли Юра, два месяца лежавшему больным и не могшему работать, а единственным источником его средств — цирюльное мастерство (к которому он, будучи плотником, прибегнул для пропитания, ибо ослабел для плотничества); помогали и семейству Саеки.

В противоположность двум предыдущим дням, сегодня великолепнейшая погода.

Пред отправлением из гостиницы пришли прощаться, между прочим, Итабаси, жена его и дочь Юния, лет двенадцати, которой я дал вчера крест для ее бабушки, которую она старается обратить в христианство; Юния сильно расплакалась, что не могла-де исполнить до сих пор того, что я желаю, то есть сделать бабушку христианкой; смотря на нее, заплакала мать, а на них смотря — и отец; но Ангел Юнин, верю, улыбался в это время, и я уверен, что теперь бабушка не убежит от креста; она бы уже давно и обращена была внучкой, если бы не родные — язычники; совсем уже внучка убедит ее, что нужно ей креститься, пойдет потом бабушка советоваться с родными: «Так и так, мол,— внучка велит мне принимать христианство»,— родные: «Что ты! Это грех против будды!» и так далее, и труд Юнии потерян, но теперь уже, после таких горячих слез, бабушка не отвертится! — Юния, плача, преподнесла мне свой портрет, снятый группой вместе с папой и мамой, а я ее отдал ей серебряным крестиком; но все время, пока мы распрощались на берегу реки, было у нее заплаканное лицо — видно, что сильная гроза собралась против всех бабушкинских будд.

В десять часов на пароходике снялись из устья реки в Оосаку и в пять часов были уже дома, в Оосака; ходу всего пять часов — из Вакаяма в Оосака; плата в первом классе 25 сен; третий же даром, ибо идет кёосо (конкуренция) между компаниями; между пассажирами первого класса был такой толстяк-пузан, какого я впервой вижу в Японии,— и все время ел, пил и курил.

В Оосака нашел письмо от о. Сергия Глебова, уведомляющее, что спешить в Токио из-за краха New Oriental Bank не для чего, ибо пока из Лондона не придут указания, банк ничего не может сделать; значит, я буду продолжать осматривать Церкви. Извещает еще о. Глебов, что вышедшие из Семинарии стараются печатно позорить миссийские школы, прислал образчик клеветы из одной газеты; так как главные тоокейские газеты предупреждены из Миссии, чтобы корреспонденций насчет нашей Семинарии не печатать без предварительного исследования в Миссии — правда ли, то их пасквиль десять главных газет не приняли; и они собираются издать свой пасквиль брошюрой.— Я ответил, что губернеры Петр Исикава и Феодосий Миягава должны опровергать клеветы, ибо они, по правде сказать, главные виноватые во всей этой школьной сумятице: они не только не сумели предупредить возмущения учеников, а даже, по-видимому, и не знали ничего, пока дело не разгорелось (о кеппан о. Сергей узнал еще в конце всей истории и то не от губернеров, а от учеников).

О. Сергей Страгородский письмом спрашивает: «Вычитывать ли дома церковные службы?» Ответено: «Да, только чтобы это не было формальностью, а душесобранным и теплым молением». Еще: «Кончить ли

обработку академического сочинения?» — «Да, если его потом с пользою для Японской Церкви можно будет перевести на японский, ибо теперь вся жизнь его и все дела должны быть измерены масштабом: „Будет ли это полезно для распространения христианской веры в Японии?“»

9 / 21 июня 1892. Вторник.

Сонобе

Утром, с первым поездом отправились мы с о. Оно из Оосака, не доезжая одной станции до Сайкёо, вышли из вагонов и взяли тележки до Камеока, 6 ри от Сайкёо. В одиннадцать часов были в Камеока; остановились для перемены тележек и обеда в гостинице, как раз против лавки нашего христианина; катихизатор из Сонобе, Иоанн Исохиса, ожидал нас здесь; зашел о чем-то переговорить с христианином; должно быть, спрашивал — не примет ли, но вернулся и повел в гостиницу; христианин и на глаза нам не показался. В третьем часу мы были уже в Сонобе, 4 ри от Камеока.

Остановились в гостинице, за теснотою в катихизаторской квартире; когда Исохиса собрал христиан в молитвенном доме, пошли туда; о. Оно совершил краткое моление, я сказал поучение, но кратко, сто старики, видимо, не понимали меня — все клонили головы на бок — «что, мол сие говорится?» Потом благословлял христиан, и по метрике исследована Церковь.

По метрике крещений 50, из этих 50-ти крещенных 13 ныне в других местах, 9 умерло, один охладел, то есть бросил веру и ушел от своей жены здесь к своим родным — язычникам, и, несмотря на все убеждения о. Оно и других, не возвращается. Остальные 27 — налицо: здесь в Сонобе в шести домах, в Кумасаки (1 ри) в двух домах, в Оото же (1 ¹/₂ ри) — дом, крещенный в Токио — это Иустина Исивара, его жены Агафьи и дочери Варвары, ныне замужем за студентом медицины в Сайкёо, тоже слушающим вероучение; в Оото родина Иустина — дом и земля; родом он земледелец; после службы в Токио он вернулся сюда и служил в Кучёо, потом был директором учительской Семинарии в Аомори, затем опять вернулся сюда и жил без службы, когда избран был местным населением в Парламент, членом которого и состоит ныне; дочь Варвара служит учительницей недалеко отсюда. — Сицудзи здесь два; ежемесячно сбор с христиан 80–90 сен, из которых 50 сен идет на квартиру в добавок к 50 сен, присылаемых из Миссии; дом для катихизатора так дешев потому, что хозяин расположен к христианству. К богослужениям собирается человек десять; постоянных новых слушателей у катихизатора ныне нет. Говорит учение некоторым три вечера в неделю да учит христианских детей (всего трое) вере и молитвам; значит — очень мало человеку дела; в Камеока должен бы проповедывать, но говорит, что там квартиры

нельзя добыть, по ненависти к христианству не пускают, или же требуют не в меру дорого.

Вечером, с половины восьмого отслужена была вечерня и сказаны поучения мною, о. Оно, потом опять мною; последнее было направлено к тому, чтобы опять установить и уже неукоснительно вести женское симбокквей, бывшее здесь, но прекращенное, также, чтобы учредить мужское «симваквей» — на тех же основаниях; христианки охотно согласились и избрали на следующее собрание, в третье воскресенье 7-го месяца «коогися»; мужчины подумают и завтра решат.

Дорогой сегодня о. Оно сказал, что к нему уже прислан целый пакет пасквилей, напечатанных вышедшими из Семинарии про Семинарию и Женскую школу, но что он будто бы не читал, а мне показать забыл; очевидно, неправду говорит; вероятно, пасквиль очень мерзок, что не сказал мне.

10 / 22 июня 1892. Среда.

Сонобе

Утром с 8 ¹/₂ часов обедница и панихида, — поучение, потом посещение домов христиан — всего пять домов; один бедный, четыре зажиточных; из них два — купеческие, два — сизоку; из последних один — кароо, первый дом после княжеского, хотя обедневший сравнительно; сын другого сизоку — Никанор, завел портняжную. Вообще, Церковь здесь начата очень хорошо, только туго развивается, — очевидно, от неумения или неусердия молодых бывших здесь в последнее время катихизаторов, по каковому поводу сделано нынешнему катихизатору Иоанну Исохиса должное наставление, которое он, кажется, принял к сердцу.

Эти два дня рубил непрерывный дождь; сегодня вечером лил, как из ведра, с небольшими перерывами, и потому на проповедь язычников собралось не более человек двадцати. О. Оно предварительно говорил о Страшном суде, которого не избегнут и язычники, и растянул более чем на час; я, наконец, потерял терпение и стал надевать рясу и панагию; он понял и закончил; я говорил обычную начальную язычникам, и преплохо; во-первых, проповедь началась далее половины десятого часа, когда слушатели и утомлены были многоглаголаньем о. Оно, и хотели спать по позности самого времени; во-вторых, у меня голова была тяжела и язык сух — трудно и слова произносились; тянулось до одиннадцати часов; слушателей под конец осталось человек восемь, и те наполовину спали.

11 / 23 июня 1892. Четверг.

Сонобе — Фукуци (14 ри от Сонобе, по дороге в Миядзу)

Утром несколько братьев и сестер собрались проводить; между прочим, они подтвердили вчерашнее свое решение и обещание завести и

вести безостановочно «синваквай», наподобие женского симбокквай; для первого собрания избрали и «коогися» — Тита, сицудзи, и Никанора, портного, также обещались искать новых слушателей; а я сказал катихизатору Исохиса, чтобы он до Собора в Камеока не ходил, а сосредоточил все свое внимание и старание на Сонобе, чтобы собрал с помощью христиан побольше и понадежнее слушателей; если это будет сделано, то на Соборе Сонобе и Камеока могут быть поставлены как самостоятельные места проповеди, требующие отдельных катихизаторов.

В шесть часов мы с о. Оно выехали из Сонобе; до полудня также почти непрерывно сыпался дождь; после несколько прояснело. В начале четвертого мы достигли Фукуци, в 14 ри от Сонобе и 12 от Миядзу; несмотря на ранний час остановились ночевать потому, что все равно сегодня до Миядзу не доехать, а завтра и из Фукуци ж — в Миядзу будем рано и успеем до вечера кончить все церковные дела там. Да и какие церковные дела! Десять лет в городе проповедь и обращенных каких-нибудь человека два — три! Боже, какое иногда мучение думать, не даром ли тут живешь, и праздно изводишь русские деньги! Катихизаторы почти все — ровно ничего не делают! Я удивляюсь, как они не умирают или с ума не сходят от постоянной праздности! Кубота Павел сколько лет был в Миядзу и Тайза катихизатором, и хоть бы что следа его! Только погасил Минеяма, где десять лет тому назад все же была маленькая Церковь. Священник вроде этого полумертвого Оно, лентяя до конца ногтей, — что пользы с них для распространения Церкви! Протащится изредка по Церквам, исполнит механически и кое-как требы, а того, чтобы присмотреть за катихизатором до побудить их к делу, — и в помине нет! — Боже, скоро ли будут здесь люди, а не куклы для дела Твоего? Да и будут ли? Способен ли этот народ дать святых, пламенных деятелей? На одного о. Ницуума я до сих пор сильно надеялся, но и тот оказался мыльным пузырем! О, Боже! Как тяжело иногда! И не с кем разделить горе!

12 / 24 июня 1892. Пятница.

Фукуци — Миядзу

Гостиница в Фукуци оказалась превосходною; хозяин очень любезно вчера предложил, пока готова будет ванна, осмотреть крепость, которую построил когда-то Акеци Мицухиде (убийца Нобунага); он владел этой крепостью и в месте Камеока, где была его резиденция и главная крепость в то время, когда он убил Ода Нобунага. Здесь, в Фукуци, есть кумирня, в которой боготворят Мицухиде; ныне собрали три тысячи ен на постройку новой — в этом году, на месте обветшавшей, которую мы видели; кстати, Мицухиде боготворят и в Кёото за то, что он снял с жителей Кёото налоги — очень тяжкие, которыми Нобунага обложил их.

Выехали из Фукуци раньше шести часов утра и в первом часу пополудни были в Миядзу (около 13 ри). Ри за три от Миядзу дорога выходит на морское залив и пролегает по берегу, огражденная с левой стороны почти непрерывной стеной выветрившегося снаружи, но отличного внутри белозернистого гранита; вид на залив прелестный; камелии, вистерии и азалии лепятся по обрывам; сосны торчат из всех трещин и граните; дорога — отличнейшая; кстати, и погода в это утро была хорошая. Катихизатор Иоанн Инаба встретил нас мили за полторы от города; за милю есть тоннель, пробитый в каменной горе; четверо христиан встретили по выходе из тоннеля. Пред церковным домом устроена арка из цветов и зелени; перед нею мы застали толпу из остальных христиан и городских ребяташек.

Совершили краткое моление, было и поучение, потом благословлены были христиане и по метрике просмотрено состояние Церкви. Крещено восемь, но из них один уже утащен — амаликитянами — католиками (плотник, работал у них, — и в это время они успели совратить его), один — в тюрьме за кражу, один с ума сошел, одна — жена бывшего здесь катихизатора Павла Кубота и ныне с ним в Акита, один — из селения Иватаки, 1 1/2 ри отсюда, один — ныне в отсутствии, и всего только двое были налицо в Церкви; есть еще здесь из Токио двое христиан да дочь Петра Като, здешняго христианина; крещена в Токио, я ее, впрочем, не видал сегодня; было еще в Церкви трое слушателей учения — две дочери здешней христианки Софьи Какита, и один из Иватаки; итого: ровно семь человек было в Церкви при молении и поучении! Каковы здесь катихизаторы видно, между прочим, из того, что сын Софьи Какита — врач, принял протестантство просто из ненависти к бывшему здесь катихизатору Павлу Кубота. Но да укрепит меня Господь и да избавит от неблагоприятных шагов гневливости или торопливости! Иметь терпение и твердую надежду на помощь Божию! И — ныне, узнав состояние Церкви чрез объезд и наставив катихизаторов, требовать от священников, чтобы они наблюдали за исполнением катихизаторами того, что сказано им и что исполнять они обещались; на Соборе также дать усиленные наставления катихизаторам и священникам, но без гнева и резких укоров, из которых добра не выходит. После Собора — осмотреть, до будущего года Тоокейского Собора — северные от Токио Церкви и также узнать на деле всех тамошних катихизаторов и всем дать нужные указания и наставления и чрез священников потом наблюсти за исполнением их. Так я узнаю безошибочно всех катихизаторов и буду готов совсем негодных из них исключить из службы. Между тем из Катихизаторской школы и из Семинарии выйдут несколько новых катихизаторов; при исключении негодных не будут оставлены их места праздными и не будут расхищены на сих местах христиане разными амаликитянами. К тому времени и о. Сергей Страгородский изучит язык настолько,

что будет в состоянии путешествовать по Церквам для наблюдения за катихизаторами и руководства ими христиан. Теперь раз обозреть все Церкви мне одному; о. Сергия таскать по Церквам еще бесполезно; но с будущего года, когда я поеду осматривать вновь южные Церкви, взять и его с собой, и раз обозреть вместе с ним все Церкви во всей Японии (а быть может, самый север Ниппона Бог укажет поручить о. Арсению, тогда с ним и обозреть север). И затем о. Сергей ежегодно будет посещать все Церкви, я же — чрез год; местные священники — сами собою — будут, как и теперь, объезжать свои приходы — три-четыре раза в год. Таким образом за катихизаторами учредится правильный и довольно бдительный надзор — и авось, даст Бог, они не будут такими лентяями, как ныне, и проповедь будет приносить больше плодов. При обзоре Церквей мне и миссионерам везде искать людей на службу Церкви — в Катихизаторскую школу, в Семинарию, вдов, способных проповедывать Христа женщинам. Быть может, Господь даст и из японских академистов человека ревностного к распространению христианства, тогда и его можно будет поставить священником и благочинным с обязанностью посещать Церкви и направлять катихизаторов. Быть может, о. Сергию Страгородскому полезней будет, как советует о. Оно, со временем основаться в Сайкёо, и отсюда делать объезды Церквей; временное же пребывание его в Сайкёо будет полезно для поднятия сей Церкви. Во всяком случае, в думе еще теплится луч надежды, что Господь Бог оснует Православную Церковь в Японии! Дай же мне, Боже, управить Твое дело здесь к сей цели!

Вечером, с половины восьмого была Вечерня; пели катихизатор, Марфа Като (учительница) и две девицы Какита, готовящиеся к крещению; к сожалению, Инаба плохо сам знает пение, научить хорошо не мог, а голоса очень хорошие. Во время поучения христианам набралось много язычников, потому речь обращена была и к ним. Между слушателями был седобородый, шестидесятитрехлетний, Нагасава, старший брат того Нагасава, учителя, у которого я был здесь десять лет тому назад и который тогда слушал учение, но тем не менее помер два года назад язычником; этому Нагасава я стал советовать не потерять таким же образом благоприятного времени спасти свою душу, — куда! Заговорил сначала, что одного хорошего поведения для человека достаточно; когда же я заметил, что этим человек не много уйдет от животных, ибо и у них у всех — отличное поведение, совершенно сообразное с Законом Божиим, и человек, если будет только хорошо вести себя, а даже не позаботится узнать, что он за создание такое, какие его отношения к Создателю и подобное — значит, будет также в тьме блуждать, как животные, — Нагасава: «Да вот тут есть и киукёо (католики) и синкёо (протестанты), нужно сначала хорошенько исследовать» и так далее, — значит, наверное, как брат, умрет слепым.

13 / 25 июня 1892. Суббота.

Милязу

Утром, с шести часов, о. Оно совершено было крещение девиц Какита: Марины и Сусанны; за обедницей они приобщены; сказано им поучение, потом там же, в церковном доме, советовано христианкам завести «фудзин симбокквай», ибо теперь их здесь уже шесть человек, и рассказано, как завести и вести его. Потом посещены три дома христиан; у Софьи Какита говорено с ее сыном — протестантом, об испорченности Христова учения у протестантов и советовано присоединиться к вере матери и сестер, сегодня крещеных. У Якова Инеда (из Таиза) отец его, 73-летний, Никанор, найден в плачевном состоянии: кажется, сын поtreбляет его вместо раба, — в рубище и ранах; сын говорит, что он потерял веру, а он усердно крестится тут же; сказано о. Оно — узнать подробнее отношение сына к отцу и исправить сына, если верна моя догадка, что он жестоко обращается с отцом. По возвращении домой, при просмотре исповедной, сделано замечание о. Оно, что ни у одного священника католики не похищают столько, сколько у него; у него в Вакаяма похищено 35, здесь девять (Моисей, плотник, и Иоанн Уетани с семьей; сей последний продал себя за две ены в неделю, ибо сию сумму ему дают за проповедь, сказываемую им в воскресенье); замечено ему, чтобы лучше берег свое стадо, за участь которого ответит на Суде Божиим.

Приходил протестантский здешний проповедник — «кумасейквай», кончивший курс в протестантской школе в Сайкёо; просил сказать ему что-либо полезное для спасения души; я стал было усердствовать — говорить ему о необходимости душевного бодрствования и смирения, но скоро же оказалось в разговоре, что он Христа Богом не считает, о Троице имеет самые смешанные понятия и заражен и верхоглядством и самомнением не хуже всякого другого из их братьев; «Вот вам слова Священного Писания», — говоришь ему на каждый пункт разговора. — «Да, — но вы его не так понимаете», — отвечает; с такими, уничтожающими прямое и ясное Слово Божие своим мнением, всегда разговор бесполезен. Их секты здесь, говорит он, сорок человек.

Вечером, с половины седьмого часа, была всенощная, которую пропели три девицы и катихизатор довольно сносно; иные вещи выходили совершенно правильно по нотам. С восьми часов была проповедь для язычников, которых собралось человек 70 или несколько больше. Сначала говорил катихизатор Иоанн Инаба на слова «день, Господи, приходит, яко тать в нощи», и стало быть всем всегда нужно быть готовым к Суду Божию, но говорил для язычников совершенно непонятно; приводил разные примеры из Священного Писания — о потопе, о казни Содомы и прочее, что для непонимающих Священного Писания совсем темна вода; видно, что человек совсем не входит в свое положение, равно как в состояние слушателей; говорит, впрочем, недурно, только торопится.

Я сказал обычную начальную проповедь язычникам. По окончании, в одиннадцать часов, распрощался с братьями и сестрами, ибо завтра чем свет нужно ехать дальше.

14 / 26 июня 1892. Воскресенье.

Таизамура

В пять часов утра отправились мы с о. Оно в Таиза, 10 ри от Миядзу; прибыли в двенадцатом часу; заехали в дом Николая Уетани, у которого в доме восемь христиан: он, жена, старший сын девятнадцати лет, два младших и дочь, дядя и тетка; побыли потом в доме Моисея Накакоодзи, старшего брата умершего катихизатора Павла, отца Андрея, что был в Семинарии; там трое христиан: он, жена Юлия и мать Марфа — мать его, покойника Павла и Луки, что ныне в Сайкёо, потом все вместе прибыли в церковный дом, где живет хромой Иосиф Уетани с двумя малыми сынами (мать их в Сайкёо зарабатывает на их пропитанье). В церковном доме, таким образом, собралось двенадцать местных христиан (все, кроме жены Моисея и тетки Николая, оставшихся дома). О. Оно отслужил краткий молебен о здравии живущих членов сей Церкви и литию за упокой отшедших; пели мы с ним — больше никто не мог, ибо не у кого научиться.

Поучение сказано на первое прошение молитвы Господней, чтобы сами старались поддерживать у себя знание веры и христианский дух — чрез чтение религиозных книг, которыми снабжена сия Церковь, и чрез молитву частную и общую, а также, чтобы сами проповедывали здесь Христа язычникам, потом сказано на слова «непрестанно молиться», чтобы все свои дела и служения посвящали Богу, как подобает ходящим во свете христианам, а не неразумным язычникам, не знающим, для чего они живут и трудятся.— Однако же, так как Церковь здесь и ныне наличная больше, чем в Миядзу, то несправедливо было бы держать катихизатора только в Миядзу, а Таиза совсем оставлять без оного; поэтому обещано на Соборе назначить катихизатора для Миядзу и Таиза равносильно — и пусть он живет и учит там, где больше соберется новых слушателей, в другое же место бывает только раз в месяц, в воскресенье, для молитвы с христианами и поучения их.— Глубокую скорбь наводит ничегонеделанье наших катихизаторов! В десять лет непрерывного содержания их здесь Миссией в Таиза не приобретено ни единого верующего, а напротив, потерян (ушел к католикам) Иоанн Уетани с большой семьей, в Миядзу приобретен — один — единственный дом Какита, да и там самый важный член семьи — сын Софьи — врач, пошел к протестантам из-за презрения, которое возбудил в нем наш катихизатор (Кубота, как о. Оно говорит). Больше лениться и ничего

не делать невозможно,— это уже Геркулесовы столбы! А чем помочь, коли место такое отдаленное, а священник о. Оно такой апатичный!..

Построен и молитвенный дом в Таиза: земли куплено сто цубо за 27 ен, дом сто́бит 135 ен, только дом сто́ит на глине, а потому расползается и наклоняется, смотря по ветру, то в одну сторону, то в другую сторону, отчего слой штукатурки внутри растрескался, щиты с трубой затворяются, земля же под домом в таком месте, что дороги к нему нет — пужно пробираться по вонючей извилистой тропинке задворков. Хлопотал о постройке молитвенного дома здесь больше всех катихизатор Савва Ямазаки, в бытность здесь в 1883–84 годах (он тогда, пришедши на Собор, просил у меня много денег для сего, но получил всего, кажется, ен 20); на месте же старались Петр Накакодзи (о. Павла, ныне покойный) и Иоанн Уетани,— и вот так разумно постарались! — Лучшая из христианок в Таиза — Марфа, 68 лет, мать покойного Павла,— очень умная, благочестивая и еще бодрая старушка; бедный же Иосиф Уетани — истинно жалость возбуждает: еще десять лет тому назад был болен ногами, ныне совсем калека, ползать только может, и при всем том должен готовить пищу себе и двум малышам,— мать же далеко в отлучке работает на их пропитание.

Крещеных по метрике в Таиза 47 душ, прочие, кроме 14 наличных в деревне, в отлучке, или были из других мест и только крещены здесь, или померли, или — вот как Иоанн Уетани с семьей — ушли из Церкви.

Если дать для Таиза отдельного катихизатора, то можно Таиза соединить с Минеяма, 4 ри отсюда, где прежде и была маленькая Церковь, где и ныне есть два христианина — врач Тода с сыном. Молитва и беседа с христианами продолжалась до половины восьмого, после чего мы направились в обратный путь и вернулись в Миядзу в восемь часов вечера.

Можно бы и не возвращаться в Миядзу, а с полдороги, на обратном пути из Таиза, свернуть прямо в Фукуци (13 ри от Миядзу), но о. Оно не сказал мне об этом прежде,— у нас же чемоданы были оставлены в Миядзу; только проезжая ныне из Таиза, он указал мне рукою на отличный большак вправо и закричал: «А вот это в Фукуци». — «Сколько же ри туда?» — «Девять ри». — «Зачем раньше не сказали?» — Молчит. Вообще, беспечный, и барство этого о. стоит Миссии дорого; за проезд всегда по первому слову дает столько, сколько заломят, да еще уверяет, что это умеренно и что дешевле никак нельзя; вчера, когда подряжали дзинрикися в Таиза и обратно (20 ри), заломили 4 ены, да еще двухдневный путь; и о. Оно стал уверять, что «конечно, это дешево, меньше никак нельзя»; меня, наконец, вывело это из терпения, и я велел сказать: «3 ены и вернуться в тот же день, или мы пойдем пешком»; в ту же минуту принесли ответ, что дзинрикися согласны и завтра утром в пять часов будут готовы.

15 / 27 июня 1892. Понедельник.

На пути из Миядзу в Камеока

В пять часов утра, окончательно простившись с собравшеюся в гостиницу маленькую Церковью Миядзу, пустились в обратный путь. Предположено было сегодня добраться до Сонобе, 26 ри; к сожалению, никак не могли, — целый день моросил дождь, дорога испортилась, дзинрики-ся стали проситься переночевать в Хинокияма; 4 ри от Сонобе, — на что мы и согласились, и ночуем здесь; сами мы тоже очень устали, ибо много приходилось идти пешком при подъемах на возвышении.

16 / 28 июня 1892. Вторник.

Камеока. Кёото. Осака

В пять часов утра отправились дальше, проезжая Сонобе, захватили с собой катихизатора Иоанна Исохиса, ведению которого принадлежит Камеока, и прибыли в одиннадцатом часу в Камеока. Пока мы с о. Оно умылись и переоделись в гостинице, Исохиса собрал христиан к Павлу Хата, торговцу фарфором. Всего их налицо оказалось семь человек: семья Хата — он, жена, двое малых детей и параличная сестра его Нина, Адаци — производитель вина и Стефан Ямамато — молодой человек; в доме последних двух только они христиане; еще есть двое — муж и жена — христиане, но ныне в отсутствии. Отслужили мы краткий молебен, потом литию за умершего сына Хата. Потом посоветовались о Церкви. Камеока — большой город, но стоит заброшенный без нашей проповеди по неимению отдельного катихизатора для него и по неумению Исохиса управиться в двух местах — Сонобе и здесь (4 ри от Сонобе, по отличной дороге). И после Собора им не обещан катихизатор, ибо не предвидится свободного, и сказано, что будет тому катихизатору, который назначится сюда для двух мест, строго вменено в обязанность проповедывать одинаково в двух городах поочередно, если в обоих христиане будут стараться находить слушателей, или же в том, где будут постоянно слушатели, если в тоже время христиане другого места будут нерадивы в помощи катихизатору. О. Оно выразил уверенность, что при этом условии катихизатор всегда будет жить в Камеока, ибо здесь легче найти слушателей, чем в Сонобе. — Жаль до боли сердечной бедную Нину: всего ей двадцать шестой год, а вот уж десять лет лежит без рук и ног: все суставы поражены неизлечимым ревматизмом; собрание наше было в той же маленькой и грязной комнате, в которой она лежит.

Во втором часу мы отправились дальше, в Сайкёо, 6 ри от Камеока. С утра весь день был дождь с перемежками, но теперь ливень шел почти все время нашего пути до Кёото; горный ручей, мимо которого по обрыву лежит дорога, обратился в клокочущую реку, и реку совсем красного

от размытой глины цвета; бешеные волны, прыгая по валунам, рассыпались в мириады брызг, точно львиные растрепанные гривы стояли и стлались по крутящейся и скачущей желто-красной лавине; несмотря на неудобство, нельзя было воздержаться, чтобы не останавливаться и не любоваться этим диким и вместе красивым явлением природы. Мужики из деревень высыпали на дорогу и на поля — спускать воду с полотна дороги и с переполненных полей. В Кёото же — по улицам, где мы проезжали, вода стояла во многих местах озером, и в домах был потоп: и стар, и мал, — старались выливать воду из домов, или убирали подмоченные вещи куда повыше; народ толпился особенно у мостов чрез переполненные каналы. — В церковном доме нас ждали, и было собрано несколько христиан. Церковный дом, за пять ен в месяц, очень просторный и удобный, с пустующим, от избытка помещения, вторым этажом, где может быть устроена со временем приличная Церковь; ныне молятся внизу, в одной из комнат. Кроме катихизатора Алексея Савабе с женой и двумя детьми, в церковном доме живет Марфа Одагири, мать Марка, что ныне в Катихизаторской школе.

Отслужили вечерню, причем пение было вполне правильное, хотя одноголосное; сказано поучение; узнано состояние Церкви. Всего крещено здесь семь, но христиан в Кёото 21, — все из других мест; из коренных жителей Кёото ныне есть крещенный только один молодой человек, да слушают учение человека три. На молитву в субботу и воскресенье собираются не более человек десяти. Словом, Церковь эта еще в самом зародыше, и поможет ли Господь ей возрасти — Ему Одному известно! — Другие здесь очень опередили нас: у конгрегационалов (Кумийквай), у которых здесь великолепное учебное заведение, из жителей Кёото уже 500 христиан («а в Оосака», — прибавил при сем о. Оно, сам столь малоплодный в Оосака, — «у них 2000 христиан), у Ицциквай (пресвитериане и баптисты) тоже есть христиане, у католиков тоже много, хотя они не сказывают, сколько». —

Наши христиане просили здесь проповеди для язычников: обещано — по окончании Собора в Оосака; ныне же нам с о. Оно нужно очень торопиться, чтобы успеть взглянуть на другие Церкви, и поэтому мы по окончании разговора о состоянии Церкви, приняв заранее приготовленное угощение обедом со стороны христиан, распрощались с ними, и в одиннадцать часов ночи были уже в Оосака. Здесь я нашел письмо из Токио от о. Глебова со вложением пасквиля на Семинарию, Женскую школу и Миссию, напечатанного в виде жалобы ко всем поднебесным господам на несправедливый якобы суд вышедшим из Семинарии — ученикам, поднимавшими бунт. О. Сергей уверен, что никакого перелезания чрез забор на двор Женской школы со стороны оклеветанных четырех учеников не было и что это — наглая ложь, измышленная негодьями вроде Андрея Накакоодзи.

17 / 29 июня 1892. Среда.

Осака. Химедзи

Юноше жизненное дело рисуется еще вдали и, по состоянию духа юноши, в розовом свете: то идеал жизни; муж видит дело пред собой и уже наложил на него руку, но он еще полон сил и потому надеется справиться с делом; оно для него задача жизни; старик чувствует уже недостаток сил, а дело между тем все растет и растет пред ним, ему и конца не видно, и потому для старика жизнь — труд без отдыха; у старца силы иссякли, а дело как будто не начато еще — так со мною; удручает это старца скорбью, и жизнь для него тягость, разрешиться от которой он желает. Счастлив юноша, если идеал его не мираж, спокоен муж и бодр, если уверен, что задача его — дело почтенное у Бога, не тягостен старика труд, ибо знает умудренный опытом и верою старик, что представит Бог к сему труду новых бодрых и сильных деятелей, и старец не с скорбью отчаяния взирает на развалину своих сил, а с светлою скорбью смирения, что не мог ничего доброго сделать в сем мире. Таковы были размышления мои, когда я вчера под дождем переходил одну гору и в ливень стоял под сосной над обрывом в клочочущий ручей...

Во втором часу ночи отправились с о. Оно из Осака и в шесть часов были в Химедзи. На станции встретил катихизатор Яков Ивата; в церковном доме нашли его жену, христианина Владимира и Марину — жену Матфея, христианина; отслужили вечерню, причем, вся Церковь пела, и преплохо, исключая некоторых мест по нотам, все — наобум. По окончании службы, во время которой еще крайне расстроено было расположение духа самым быстрым и невнятным чтением Ивата, не исправлявшееся, несмотря на мои замечания, так что я вынужден был, наконец, взять у него книгу и отдать о. Оно, со словами: «Читайте сами, катихизатор не может», — я не нашел духу говорить поучение, тем более, что пришло два-три язычника, — кому говорить? и о чем? Владимиру и Марине? Или двум языщикам? — Взял я метрику и в ней увидел, что крещено здесь десять, налицо же христиан ныне пять — два видных мною и три, не могших прийти по делам; прочие в разброде по разным местам. Слушателей, говорил Ивата, десять, «а сколько надежных?» — «Человека три». Вот и все состояние Церкви — больше и узнавать нечего. А лет восемь здесь проповедь! Горько и обидно стало за Церковь, за ничегонеделанье катихизаторов и бесполезную трату на их содержание, а хотел я тотчас же уехать отсюда, но кое-как поборол свое гневно-дрянное расположение духа, восстановил несколько душевное равновесие и вечером с собравшимися до числа четырех христианами беседовал как должно. Предложил им вопрос: «Оставить ли в Химедзи катихизатора? Или перевести его в другое, более обещающее, что по христианину в год, место, например, в Накацу, Куруме и подобное?» Если они хотят, чтобы катихизатор остался здесь, то пусть помогают ему в распространении

Церкви — это прямой их долг, по Слову Божию, свидетельствующему, что в начальной Церкви все верующие проповедуют, как Акила — Прискилла и подобные; если обещают помогать, то есть собирать слушателей для катихизатора и сами говорить о Христе сколько могут, то катихизатор пусть остается здесь, если нет — лучше всего его перевести в другое место, где тоже их братия — еще язычествующие — ждут проповеди. Христиане вместе с катихизатором рассыпались в уверениях, что теперь, не как прежде, есть большая надежда на успех проповеди, и христиане заверили, что непременно будут помогать катихизатору; почему обещано им оставить здесь катихизатора и после Собора. Касательно пения, советовал я прислать в Женскую школу на Суругадай на полгода жену Ивата, у которой отличный голос и видна большая способность к пению — в полгода отлично научились бы петь, или же, когда здесь прибудет христиан, можно будет прислать им из Миссии месяца на три учителя пения. Катихизатор Ивата родом отсюда; отец и мать его еще язычники, и не думают обращаться в христианство; так-то, значит, смотрят на катихизаторство, как на одно из средств добывать себе средства к жизни и для того позволяют детям играть роль верующих и даже прочно верующих.

18 / 30 июня 1892. Четверг.

Химедзи

С половины восьмого отслужили обедницу, причем Лукина, жена катихизатора Ивата, отчасти помогаемая другими, пела недурно, — оказывается, что от покойного катихизатора Марка Камеда понаучилась петь; муж ее совсем плох по этой части; сказано поучение. Потом посещены христиане: плохой бондарь (Матфей), слесарь, уклонившийся к производству карандашечных трубочек и прочих мелочей, да кузнец лошадиных подков, — вот и вся Церковь Химедзи; первые два — беднота непокрытая, у последнего в доме не был: родители его не любят христианства, так чтобы не раздражить их. Потом прошли мимо башни «тенсудай», столь красивой издали, да и вблизи; Хидеёси строил здешнюю крепость и башню — это было его владение, отвоеванное им у Мори. Зашли к старику — отцу катихизатора Якова и просидели часа полтора; старик и жена его к вере совсем глухи — только смеются, когда заговоришь о ней; так обратили разговор на старые, дореформенные времена, — и старик рассказал много интересного, как например, князь Химедзи, Сакай Утано Ками (15 ман коку, фудай) лет за десять до прихода в Японию Перри и Путятинна распорол себе брюхо, подавши Сёёгону представление, что нужно крепче затворить Японию для иностранцев; подал же по поводу того, что тогдашний заправитель Городзю, князь Эциденно ками, владетель Хамамацу (6 ман коку) благоволительно обошелся с

одним иностранным судном, забредшими в Симоду; вследствие кровавого протеста Утано Ками, он был отставлен от должности и переведен на другое, низшее княжество — в Акита (Утано Ками, будучи тридцати лет, казнил себя. Так строго при сёгунах были распределены все службы и занятия! Коли ты не участвуешь в правлении, так не смей и мысли иметь о нем, а знай свое дело только; захотел же перескочить свою оградку — слово молвить в неподведомой тебе области, так умри, — *salto mortale!* Как теперешнее противоположно тому!).

Вернувшись домой еще до полудня, — вот приходится праздно ждать восьми часов вечера, когда назначена проповедь для язычников. День сегодня отличный, жаркий; сижу, читая присланную стариком Ивата какую-то рукописную синтуйтскую болтовню и глядя на стену крепости Хидеёси, у рва которого, затянутого ряской, стоит церковный дом.

С восьми часов проповедь для язычников, которых собралось — одна женщина и, кажется, два переодетых бонзы, из которых один ушел до окончания; во время проповеди несколько входили и выходили; немногие, вошедши на половине, остались до конца. Так-то плохо полагаться на уверения катихизаторов, что множество слушателей будет! Здесь катихизатор поручил христианам собрать слушателей; а христиан всего три, и бедняки, — кого же они могли собрать? Никого; а между тем третий день — жди вечера для проповеди, и во время проповеди, утомляйся, говори два часа, потому хоть и одна баба пришла (и та много занималась своим ребенком), но, согласно обещанию, говори. — Сказал о. Оно, чтобы он вперед сам принимал меры больше собирать слушателей, коли затевается проповедь для язычников. На проповеди даже отец катихизатора Ивата, мать и никто из их дома не был; как это для катихизатора позорно и какое препятствие ему! Говорил об этом ему, но что пользы! Просто нужно перевести в другое место, подальше от его атеистического семейства. Говорит проповедь он недурно.

19 июня / 1 июля 1892. Пятница.

Какогава

В восьмом часу выехали из Химедзи и меньше чем чрез час были в Какогава. Христиане встретили на станции, иные ждали в церковном доме, и тотчас отслужена обедница и сказано поучение. Потом просмотрена метрика. По ней крещеных: 78, из них налицо здесь и ходит в Церковь 37, прочие 25 ныне в других местах, 6 умерло, 9 охладело, один ушел к протестантам (сделался приемышем в доме протестанта и потому совращен). Сиудзи два; в месяц жертвуют христиане до 1 ены 20 сен. Слушателей, говорит Мияке Иоанн, здешний и для Акаси катихизатор, человек 6, но надежного ни одного нет, ибо он проповедует теперь больше в Акаси. За дом — плохой и в конце города — платится 1 ена

80 сен, из коих 1 ¹/₂ ены высылаются из Миссии. К богослужению собираются 10–20 человек. Сегодня было человек 12; пели бойко и смело женщины и подростки; иное пели правильно; учил Марк Камеда. Христиане здешние, кажется, довольно усердны; очень хотят поскорее купить землю и на ней построить Квайдо; уже собрали на то 50 ен; а нужно всего не более 150. Я обещался пожертвовать (в чем дал письменное заверение) 25 ен, но только тогда, когда они соберут для себя всю нужную сумму (– 25 ен) для покупки не менее 100 цубо земли и постройки молельни; земля должна быть куплена на имя священника, который от себя должен дать письменный документ Церкви, что земля – не его, а Церкви; в должное время чрез священника они пришлют мне мою расписку, а я вышлю 25 ен. Отслужена панихида. Посещены дома христиан, – шесть домов, кроме одного, все зажиточные. Вечером отслужена вечерня, сказано поучение; потом с половины девятого была обычная начальная проповедь для язычников, в гостинице, в комнате, где лет двенадцать тому назад останавливался для отдыха Император; слушателей язычников было человек 25; здесь были «цуукен», то есть билетики разнесены были по домам и потом по ним пускали слушателей, – способ сбора слушателей тоже не совсем удачный.

**20 июня / 2 июля 1892. Суббота.
Акаси. Оосака**

В восьмом часу собравшимся в церковном доме христианам сказано поучение об Ангеле-Хранителе и о воспитании детей, и затем отправились мы с о. Оно из Какогава в Акаси. В девять часов были в Акаси, отслужили обедницу, – поучение, отпели панихиду, – поучение. Состояние Церкви следующее: по метрике – крещеных 33, но их них 13 – в разных других местах ныне, 8 охладело (три самурая представились верующими, чтобы добыть у Мисима его сочинение против католиков и протестантов и продать его буддистам в Кёото, – убили бобра!), 3 – неизвестно, где ныне, 3 – умерло; остальные 6 и из Дзике одна семья – 4 человека – ныне налицо. Лучшая здесь христианка – Агафья, жена чиновника, но обиженная им, – муж в Окаяма служит и живет с наложницей; лучший христианин – фотограф Николай. Слушателей учения ныне трое надежных есть, говорит катихизатор Иоанн Мияке; жертвуют христиане в месяц 40 сен. Также есть и здесь, как в Какогава, ежемесячное женское симбокквай, по средам вечером, когда сами христианки говорят приготовленные поучения. Церковь – еще в зародыше; были в Квайдо, на молитве, ныне четыре женщины, двое детей, фотограф Николай, юноша Хрисанф да семья катихизатора. После службы посещены три дома христиан и дом протестанта, слушающего о православии у катихизатора, по недовольству своим учением. В четыре часа мы отправились

из Акаси в Оосака, ибо проповеди для язычников здесь христиане не попросили по какому-то неудобству для них.

В Оосака, вследствие предварительного извещения о. Оно, нас ждали ко всенощной, начатой поэтому позже обыкновенного, в семь часов. Христиан в Церкви было человек 35; проповедь — и очень хорошую — сказал Василий Таде.

21 июня / 3 июля 1892. Воскресенье.

Оосака

С девяти часов обедня, на которой проповедь. После полудня посещение девяти домов: трех сицудзи, катихизатора Василия Таде и гию; дома простых христиан обещано посетить, если время позволит, по окончании здешнего Собора, в августе. Пение в здешней Церкви началось, наконец, двухголосное, и довольно хорошее, — поют все на минорный тон, — несколько печальней и вместе торжественней; «Господи, помилуй» особенно хорошо.

22 июня / 4 июля 1892. Понедельник.

Нара. Сакаи. Оосака

Поехали мы с о. Оно из Оосака в семь часов утра и вернулись в двенадцать дня. В Нара, на станции, нас встретил уехавший раньше катихизатор Василий Таде с христианином Яковым Минова. Приехавши к последнему в дом, нашли там еще двоих — Хрисанфа и Гавриила (младший брат Якова Фудзии) и пятнадцатилетнюю дочь Якова Агафью; сии четыре христианина ныне только и есть в Нара. Отслужили краткий молебен; сказано небольшое поучение; потом поговорили о Церкви. По метрике здесь крещеных семь, но из них только трое здесь и Яков, крещеный в Оосака. — Дано обещание христианам прислать сюда катихизатора в будущем году, когда будет выпуск из Катихизаторской школы; ныне же, на Соборе, поручить Нара ведению Оосакской Церкви с тем, чтоб если христиане до шести новых слушателей, то катихизатор из Оосака придет сюда для житья до тех пор, пока скажет им все вероучение. — По дороге в Нара, налево, виднеется Хоориудзи, храм, построенный 1400 лет тому назад Сётоку-Дайси; много и в Нара, этой древней Императорской столице, древних храмов; особенно знаменит здешний гигантский идол будды в стоячем положении 53 ¹/₂ фута высоты, но некогда было взглянуть на все это, — оставлено для более свободного времени.

В пять часов вечера отправились в Сакаи и в восемь вернулись. Виделись там с одним христианским семейством — чиновника — Нифонта Минова, жена Мария, дети: Игнатий, шести лет, и Петр, три месяца;

семейство очень благочестивое, о чем можно судить потому, что старший мальчик уже отлично знает молитву Господню и отвечает на начальные вопросы вероучения. Сказано, что до будущего года будет заведывать Церковью в Сакаи оосакский священник; катихизатора же можно надеяться поставить здесь разве с Собора будущего года, когда будет выпуск из Катихизаторской школы. Возвращаясь из Сакаи, в вокзале наткнулись на неприятность: два выпивших японца вознегодовали на подрясники о. Оно и диакона Мацуда и стали громко ругаться, — поносить их якобы за отсутствие патриотизма, и иностранца (не обращаясь лично ко мне), как «бирабо», «яро»; принуждены мы были пересесть в вагон первого класса.

В Оосака по метрике крещеных 320, из них 83 — в других местах, 62 умерло, 22 неизвестно где, 13 перешли в инославие или вернулись в язычество; но здесь есть 52 из других мест. Итого налицо здесь ныне 192. Сицудзи три, пию 10; существуют ежемесячные «фудзин-симбокквай», мужское — «кёоюквай» (иероглифами); но прекратилась воскресная школа для детей, ныне о. Оно и диакон обещают восстановить ее. Христиане жертвуют: ежемесячно до четырех ен; из «кенсайбако» в год высылается до восьми ен; риндзи-хи в год до 50 ен. Новых слушателей ныне у диакона Мацуда один, у Василия Гаде человек восемь, у Кирилла Сасабе шесть надежных.

Вечером с о. Оно я толковал о продолжении Катихизаторской школы здесь, в Оосака. Думал было я, что катихизаторская школа должна отныне уступить место Семинарии. Но Семинария — вот она как надежна! Из недуманных — негаданных причин, или лучше, без всяких причин, а просто по искушению от диавола, чрез посредство его детей — лжецов и клеветников, тридцать человек разом ушли из Семинарии. Итак, по-прежнему, возлагать всю надежду на Катихизаторскую школу и оставить пока мысль о Семинарии и ее служении Церкви (недостойна она сих надежд!). Но и в Катихизаторскую школу ныне совсем мало собираются, особенно с юга; юг вообще — мало знаем. Токио — мало думает о нем; для него — Оосака — столица; итак, в Оосака нужна Катихизаторская школа.

(Смотри продолжение в книге 2-й сего формата)

Миссионерский дневник при обзоре Церквей

Книжка 2-я
(из книжек сего формата)

Епископ Николай

Год 1892

*22 июня / 4 июля 1892. Понедельник.
Оосака*

Катихизаторская школа и была учреждена в Оосака Собором Оосакским 1887 года, но содержание для нее было положено местное, от японских юго-западных Церквей; Церкви же нашли у себя сил содержать двоих, да и то на короткое время, так что школа в Оосака зародилась для того только, чтобы умереть. О. Иоанн Оно на прошлом Оосакском Соборе в 1890 году и эпитафию ей прочел: «Желательна здесь школа для того,— говорил он,— что дом большой, в необитаемых комнатах воры могут поселиться; когда же ученики будут, то воры не заведутся». «Желательна и для того,— продолжал он,— что неблагоприятно, когда в ворота никто не входит, и дом совсем тих; когда же ученики будут, то место будет казаться оживленной». Лучших резонов для существования школы привести он не нашелся; повесили нос все тогда, выслушавши его рацею, и только кто-то из катихизаторов вознегодовал на такой уж слишком эмпирический взгляд; но дело от того не поправилось.

Ныне я сказал Оно, что ученики будут содержаться от Миссии; пусть он до Собора спишется с южными священниками, можно ли надеяться, что наберутся человек десять порядочных молодых людей для школы; если да — начнем школу, и прислан будет в Оосака один из академистов в наставники; если нет — не стоит разводиться, — подождем, пока наберется больше. О. Оно обещался сделать это.

23 июня / 5 июля 1892. Вторник.

Нагоя

Утром, простившись с о. Оно и его приходом, отправился в Токио. Но по дороге остановился в Нагоя, чтобы осмотреть сию Церковь, ныне, по отвержении ими от себя о. Матфея Кангета, не принадлежащую никому из священников. Катихизатор Петр Сибаяма и несколько братьев встретили на железной дороге. По прибытии в церковный дом отслужили краткий молебен, и по метрике взглянуто было на состояние Церкви. Крещено здесь 238. Из сего числа 123 и крещеных в других Церквях 16, всего 139 — христиане ходящие в Церковь. Остальные: 46 — в разных других местах, 12 — неизвестно где, 21 охладело, 34 умерло, 4 ушло к протестантам (в сем числе 3 — Лука Судзуки, здешний фотограф, его жена и сын). Сицудзи 3: Илья Миясита — фотограф, Иоанн Ито и Иосиф Втамура; гию 7. Жертвуют в месяц 6.50 ен; кроме того, большие риндзи-хи; например, за нынешний год, с прошлого Собора, пожертвовано местными христианами: по поводу землетрясения, на исправление церковного дома, 67 ен 33 сен, на устройство иконостаса 62 ены, заппи 80 ен 68 сен, язей 52 ены 35 сен. К богослужению по субботам и воскресеньям собирается от 20 до 40 человек; в Пасху было 90.

Существует фудзин симбокквай, на который собирается христианок до 20; произносятся приготовленные поучения три или четыре христианки; в заключение катихизатор говорит поучение.

Для христиан было прежде кёоюкквай, но упало; ныне опять обещались восстановить. Для детей было, говорил Сибаяма, нициёгакко; две девочки, встреченные мною в церковном доме, действительно, отлично прочитали молитвы. — Петра Сибаяма, катихизатора, я застал только что оправившимся от болезни, тем не менее он говорил, что в два места он выходит говорить проповедь; приходят и к нему слушатели; четыре-пять есть надежных слушателей.

Неожиданно встретил здесь между встречавшими на станции братьями Елисея Хиросава, воспитанника Семинарии, потом проповедника, бросившего проповедь для женщины, с которою связался вне брака. Ныне, впрочем, оказывается, что женщина эта — порядочная; Елисей живет с нею, как с законною женой, недавно родившею ему целую двойню, но только выкидышей; живет он службою полицейского — и тот же добрый человек и христианин, каким я знал его в Семинарии. Сказал я

ему, чтобы он поскорее крестил свою жену, так как она уже давно слушает христианство, обвенчался с нею у священника, сняв тем поношения с себя между христианами и поступил в число добрых и верных христиан; пред таинством брака он должен очистить себя покаянием.

К шести часам пополудни в церковном доме собралось довольно много христиан, и отслужена была вечерня. Пение и прежде, и теперь было очень стройное, хотя немногих голосов; лучше всех пели Елисей и жена катихизатора. Поучение после Вечерни сказано краткое, ибо имело состояться женское симбокквай; на нем говорили сначала две девочки—прочитали приготовленные, вероятно, с помощью катихизатора, весьма интересные и поучительные листки; потом говорили две женщины, также занимательно и умело. Затем, так как время оставалось, я рассказал кое что из истории пророка Даниила.

Сицудзи и гию попросили несколько времени для делового разговора.— «Кто будет здесь священником?» — спрашивают. «А кого единогласно изберете», — отвечаю. Но избирать, как видно, они не намерены, ибо, избравши, содержать нужно, и потому просили прямо назначить им; я сказал, что уже говорил о. Оно о принятии Нагоя в свой приход, и он согласен; если все христиане будут довольны определением к ним Оно, то и пусть так; но об этом они пусть еще посоветуются и пришлют свое прошение на Собор в Оосака.

В восемь двадцать минут вечера братия и сестры проводили меня на железную дорогу, и я продолжал путь по направлению в Токио.

24 июня / 6 июля 1892. Среда.

Тоносава. Токио

Утром, в шестом часу, остановился в Коодзу, чтобы заехать в Тоносава, где, по известию из Токио, ветром полуразрушило один дом и снесло крышу с другого, только что покрытую крышу. На полпути остановился в Одавара, чтобы повидаться с о. Петром Кано и попросить его еще раз до Собора съездить в Нагоя и преподать шести желающим Святые Таинства.— Тоносава, действительно, очень пострадала от бывших ветров и ливней. Распорядившись здесь, вернулся в Токио, куда прибыл в седьмом часу вечера.

*С 6 / 18 июля 1892 поездка по Церквам Тоокайдо,
по пути на Собор в Оосака.*

6 / 18 июля 1892. Понедельник.

Сидзуока

В пять с половиной часов утра выехал из Токио и в двенадцать часов дня прибыл в Сидзуока. По обычаю, братия и сестры встретили, иные

еще в Эдзире, почти все с о. Матфеем Кангета во главе на станции. По приезде в церковный дом — краткий молебен, слово и ревизия Церкви по метрике. Крещено всего здесь, по метрике, 109. Из них: 26 — в иных местах, о некоторых совсем неизвестно, где, 8 умерло, 18 охладело, — всего 52, значит, выбыло; остальные 57 и из других мест христиане, живущие здесь числом 15, всего 72 с детьми — составляют настоящую Церковь Сидзуока. О. Матфей и катихизаторы здешние Иоанн Судзуки и Фома Яно не совсем вникают в состояние Церкви, ибо об отсутствующих не имеют никакого понятия, и в голову им не приходило справиться, «где же наши христиане — такие-то», об охладевших из живущих здесь тоже не приходило помышление позаботиться, — почти никого из них и в глаза не видали. Сказано и им, и всем христианам, что отдавать так образом наших братьев на поругание диаволу и на погибель, без всякого старания спасти их, грешно и стыдно, что вычеркнуть их из метрики все равно, что вычеркнуть из жизни, без жалости и крайню прискорбно, — пусть приложат все старания согреть их сердца вновь верой; об отсутствующих же о. Матфей должен списаться со священниками тех мест, где они находятся и поручить их попечению священников. — Сицудзи здесь шесть. В Церковь на богослужения собираются по субботам до 30 человек, по воскресеньям до 25; новых слушателей ныне у Иоанна Судзуки два, у Яно три; но теперь, говорят, мешают слушать жара и третий сбор чая, который здесь почти все разводят. Фома Яно, кроме службы здесь, каждую субботу отправляется в Эдзире и возвращается в воскресенье или понедельник.

Производятся здесь и религиозные собрания: у мужчин 15-го числа каждого месяца; но собираются всего человек 7–12; кооги производит священник или катихизатор, а христиане потом спрашивают, если есть что недоуменное. Более благотворно «Дзётковай» — женские собрания, происходящие ежемесячно в первое воскресенье; собираются, с детьми, до двадцати христианок; иногда бывают и язычницы. Кооги производили сначала только сами христианки, теперь и катихизатор участвует в сем.

На церковные расходы христиане жертвуют ежемесячно ен до шести; начали также собирать на покупку земли под Церковь и на постройку Церкви — собрали ен до восьми.

С трех часов мы вчетвером стали объезжать дома христиан. К удивлению, за исключением сапожника Тимофея Кондо (жена Ирина), ни один христианин здесь не имеет своего дома — все на квартирах, — значит, коренных здешних христиан у нас почти нет — все народ пришлый, находящийся здесь на временной службе, как судья Иоанн Исида, или же бедный. Зато у протестантов — методистов мы заметили мимоходом строящуюся отличную Церковь в готическом стиле на превосходном месте в городе; видно, что у них здесь и христиан много, и христиане богатые, хотя наши катихизаторы, по обычаю, стараются умалить их

силы и значение. Один сапожник Тимофей выручает нас: и лавка богатая, и подмастерьев человек двенадцать, и на отличном месте дом, тут же, почти рядом с киркой методистов, и духом бодр (уж в Владивостоке задумывает мастерскую завести, — и прогорит, коли сделает!)

Вечером, с семи часов была назначена, с восьми начата вечерня. О. Матфей служит плоховато; Иоанн Судзуки мастер читать, а Фома Яно петь, — научил человек шесть женщин и девочек (впрочем, одна — Марфа, дочь о. Кангета, научилась в Сендае) церковной службе так, что все поют совсем правильно, даже не полутонят, только очень торопливо пели, — по моему замечанию, однако, тотчас же стали петь как следует. После вечерни — слово, затем происходило женское собрание. Говорили три: Марина Кангета — толкование Священного Писания, следующая — рассказала житие преподобной Феодоры, еще одна — толкование Священного Писания. Я посоветовал каждый раз непременно готовить рассказ из Священной Истории — сначала Ветхого Завета, потом Нового Завета.

В одиннадцатом часу, после обычного на женских собраниях угощения чаем и дешевым печеньем, разошлись.

Я привезен был ночевать в дом кожевника Тимофея и водворен в кладовой на втором этаже среди запаха кожи, который, если бы был чуточку покрепче, то был бы уже совсем нестерпим.

7 / 19 июля 1892. Вторник

Утром, с восьми часов, обедница, потом панихида; слово. После обеда посетили еще некоторых христиан; между прочим — в Куцимура одного охладевшего к вере — сельского учителя; действительно, в доме нашли божницу с идолами, а икона спрятана; но когда я стал говорить с ним, то оказалось, совсем не потерял он веры, а только заглохла она в нем: сердце смягчилось и на лице показалась глубокая печаль о своем состоянии; обещался вперед — вместе с женой — слушать от катихизатора ученье, чтобы возобновить в памяти позабытое и присоединиться к Церкви.

Вечером, с семи часов, назначена была проповедь для язычников; еще до моего приезда подыскиали один пустой дом на большой улице; потом все сетовали, что мал дом, не больше двухсот вместит, а соберется-де больше тысячи, и хотели устроить проповедь в театре, или, по крайней мере, в доме, где орудуя «ханасика», но я не согласился, не подобает то достоинству христианского учения, и уверял, кроме того, христиан, на основании предыдущих опытов, что и занятого дома будет много; так и вышло, к назначенному времени ни одного язычника не пришло; прождавши больше получаса, Иоанн Судзуки начал проповедь; ко времени, когда мне нужно было начинать, собралось человек 30, потом во время проповеди набралось еще несколько; всего, вероятно,

с небольшим сотня была, и дом наполовину гулял. Собравшиеся слушали внимательно; проповедь продолжалась два часа,— и жарко очень было, так что не удивительно, что охотников сидеть в сплоченной куче находится мало.

8 / 20 июля 1892. Среда.

Ёсида, Симидзу, Какогава

В шесть часов утром, простившись с братьями и сестрами в Сидзуока, причем, так как они не дали мне уплатить за стол, который был доставляем из кухмистерской, то я оставил на Церковь 10 ен; в восьмом часу были в Ёсида, 1 1/2 ри от Сидзуока. Здесь остановились в доме Иоакима Сунгияма, отца врача Александра, крестника княжны Александры Мещерской. Дом крестника — очень богатый. Отслужили обедницу и литию по усопшей матери Акила. Потом поговорили о Церкви. По метрике здесь крещеных 16; христианских домов 5; есть и новые слушатели, только до крещения трудно достигают, ибо катихизатор Иоанн Судзуки бывает здесь всего раз в неделю; но и каждый день он бывать не может, ибо занят в Сидзуока, между тем, отдельного катихизатора для этого места дать нельзя по недостатку катихизаторов. Итак, решили: соединить три селения: Ёсида, Нагасаки и Киккава, отстоящие от Ёсида на 10–20 чё, в одно, и если наберется в них не менее 10 слушателей, то прийти Иоанну Судзуки и поселиться здесь, чтобы ежедневно говорить им учение, пока скажет полный круг оногo по Православному Исповеданию; новых слушателей на половине курса не принимать, ибо, ничего не понявши, уйдут потом; а отлагать преподавание им, пока составится новый курс в 10 человек, или же катихизатор должен говорить им в другое время учение, начав с первой страницы. Когда приготовлены будут слушатели к крещению, священник должен прийти и крестить их; и если к тому времени соберется до 10 новых в Сидзуока, Судзуки должен перейти туда и говорить ежедневно; Ёсида же посещать может раз в десять, или двадцать дней — собственно для христиан, чтобы помолиться с ними и сказать поучение. Вновь соберутся 10 в Ёсида — опять должен прийти жить здесь для них, и так далее. Это нынешнее решение будет подтверждено и еще крепче установлено на будущем Оосакском Соброре, и не для этого места только, и а и для других округов, где у катихизатора не одно место проповеди, а два-три.

В одиннадцать часов прибыли в Симидзу, 1 1/2 ри от Ёсида. Здесь собраны были христиане из Симидзу, где четыре христианских дома, Эдзири — три дома, и Мабасе — два дома.— По метрике здесь христиан 80; но из них 24 в других местах, 11 умерли, 4 охладели, 41 — налицо. Молитвенная комната в доме старика Петра Касавара. Отслужили обедницу и панихиду; была и приличная проповедь.— Катихизатор Фома

Яно (ныне Исида, ибо стал приемным сыном судьи Иоанна Исида) бывает здесь раз в неделю: приходит в субботу, уходит в воскресенье, или понедельник; на богослужение собираются к нему от 4 до 18 человек; есть и новые слушатели; но то же, что и выше: раз в неделю слушая о христианстве, нескоро доходят до Христа, или же совсем не доходят, теряя по дороге все терпение и всю теплоту. Решили мы здесь то же, что и выше, то есть чтобы Симидзу, Эдзири и Мабасе составили одну группу, и если дадут 10 слушателей, Фома придет сюда жить, чтобы ежедневно говорить им учение и так далее. — Для двух пришедших язычников Фома Исида стал говорить проповедь, — мне хотелось видеть, как он проповедует, и я еще вчера заказал ему приготовиться, и как же плохо, неумело он говорит! Мыслей много — развитость видна, но точно дробью стреляет — все мысли вразброд, — кстати, еще и побеждать свою слабость скороговорства не научился; слушатели сначала улыбались, потом усиленно вслушивались, наконец просто пришли в уныние, — а он разговаривался и почти час обливал их тарабарщиной, в которой они, по-видимому, ни слова не понимали. Когда кончил Фома, я им сказал еще — несколько попроще; обещались с этого времени слушать учение. — Видел здесь же в доме, внизу, жену Юлиана Сираи, Мавру, — бедную больную в полупараличе вот уже лет пять; иконки Божией Матери стоят на трех стенах ее комнаты; видно, что молитва служит ей утешением; дочь Феодосия — восемнадцати лет, хорошо ухаживает за нею; Юлиан же в Токио совсем прогорел на своих проектах воспользоваться занятым им морским берегом, — говорит, до десяти тысяч долгу, и ныне ни земли, ни дома, в котором десять лет тому назад я совершил молитву, нет у него больше.

Идя на станцию железной дороги, я воспользовался случаем поговорить с Иоанном Судзуки и Фомой Исида насчет их проповеди; Судзуки также очень плохо проповедует, как показал вчерашний опыт; на подобиях останавливается нестерпимо долго, как будто в них суть, говорит бессвязно и бессодержательно; видно, что к проповеди совсем не готовился, хотя ему раньше было сказано о ней; если же готовился, то — значит, бестолочен. Обоим дал наставления непременно готовиться к каждой проповеди, мысли располагать систематично, говорить ясно, раздельно, неспешно.

Отозвавши же в сторону о Матфея и их обоих, в то время, когда дожидались поезда на станции в Эдзири, заповедал им непременно исполнить то, что решено в Ёсида и Симидзу, то есть если найдется десять слушателей, идти туда проповедовать; если не исполнят решенное пред собранием христиан и с их участием, то уронят авторитет подобных решений и вместе лиц решающих.

В 7 часов 51 мин прибыли в Какегаву и, кажется, всю Церковь встречены были на железной дороге. В церковном доме тотчас же начата вечерня, после которой слово, исследование Церкви. По метрике здесь крещеных 78, но из них в других местах 19, умерло 5, охладело 14;

остальные 40 человек хорошие христиане.— Сицудзи один. К богослужению приходят по субботам человек до 16, по воскресеньям до 10. Слушателей несколько есть, но нельзя сказать, чтобы надежные.

В Симотаруки, 1 ри от Какегава, есть два христианина, в Фукуде, 5 ри, тоже двое, крещенные здесь.—

Пожертвования христиане дают в месяц до одной ены. Есть и собрания: мужское по воскресеньям — кенкиуквай; собираются человек 8, толкуют, кто жребий вынет, Православное Исповедание, разбирают недоуменное; катихизатор, если нужно, поправляет и помогает. Женское Дзётотвай — ежемесячно, во второе воскресенье, — приходят тоже человек 8, кооги-о готовят сами из Священной Истории, Житий Святых и Священного Писания.

Пение — очень бойкое и почти все правильное; учил Фома Яно, катихизатор Павел Оциай — нынешний здешний катихизатор, его жена и в последнее [время] ученица нашей Женской школы Мария Касукабе, месяца два тому назад вернувшаяся сюда по болезни; поют человек 10, кроме того, подтягивают мужчины, так что пение обещает быть общецерковным, если пойдет вперед так.

В половине двенадцатого привели ночевать в гостиницу, как раз насупротив церковного дома, — очень чистую и просторную.

После службы дети испытаны были в знании молитв; половина из них отлично прочитали главные молитвы, за то награждены медными образками.

9 / 21 июля 1892. Четверг.

Какегава

Утром, с восьми часов (назначено было в семь) — обедница, панихида, поучения; после полудня посещение христиан: кажется, ни одного христианина здесь нет из коренных жителей города — все пришлые — мелкие чиновники, ремесленники и подобное; и домов своих почти ни у кого нет — на квартирах; впрочем, крайне бедных нет, кое-как перебиваются; Филарет Томоко, отец бывшего в Семинарии Козьмы, торгует льдом, брат его печатает линейную бумагу, Касукабе, отец Марии, что у нас в школе, — мелкий чиновник. Вернувшись с полдневной поездки в нестерпимую жару, я почувствовал сильный голод, а о. Матфей вчера (как я слышал через перегородку) наистрожайше приказал: «Есть давать только в полдень, утром чай — больше ничего целый день»; я вчера улыбнулся перед перегородку, а сегодня не до смеху; пообедал почти одним яйцом в кипятке — с рисом, конечно, больше ничего не дали, а теперь, как еще спросить есть, когда не готовили, чрез полчаса же нужно идти к вечерне и на проповедь! Точно наказанный за что-то — «без ужина»! И глуп же этот о. Матфей! Не возьмет на себя труда сообразить — накормлен

ли человек или нет? Слышал только, что в Токио я не ужинаю, так и здесь, мол, «кроме обеда, ничего не нужно», а каков здесь обед — ему до того дела нет, притом же — сидеть на месте и мыкаться без перерыва — вещи разные.— Все провожавшие меня пошли наскоро пообедать до вечерни, я же выпил стакан воды по-танцовски. С голоду и устали хоть бы заснул полчаса до службы, так вечно торчат в комнате какие-то юноши — ни на минуту нет покоя от гостей, и притом самых пустых, с которыми и говорить-то не найдешь что.

Вечерня, которую тянули вяло и сонно — совсем не так, как вчера, в пылу одушевления; проповедь, направленная больше к христианкам, ибо они собрались сегодня показать мне свой «симбокквай». Началось говоренье: Марья — ученица — прокатила скороговоркой что-то из Церковной Истории, девчонка что-то силилась прочитав по бумажке, Пелагея Иноде — решительно заморила всех: целый час почти по складам читала что-то печатное,— срам был пред язычниками, которые набились у открытых дверей; всех их, впрочем, разогнала Пелагея чтением, а собрание христиан усыпила; я не знал, где сесть от стыда вчуже; наконец,— не вытерпел, сказал катихизатору, чтобы он остановил ее; затем еще несколько чтитц сконфузили себя дрянным чтением, хотя, видимо, старались приготовиться, правда, что и время для того было малое. А тут еще глупый катихизатор Оциай окончательно срезал собрание, заставивший пятилетнего мальчугана прокричать свое заученное энзэцу, точно попугая,— и не поймет того, что роняет этим в корень собрание, обращая его в что-то смехотворное! — По окончании всего я не мог воздержаться от строгого внушения, что «так нельзя», что такие «кооги» не привлекут людей, а разгонят, что кооги нужно тщательно готовить, что катихизатор должен предварительно испытывать готовящихся говорить — могут ли и так далее. Потом я рассказал в сокращении историю Товита,— было и еще поучение. Около двенадцати часов закончено было собрание и настало время проститься с христианами, чтобы завтра утром отправиться дальше, но полил такой дождь, что все почувствовали себя заключенными в четырех стенах еще надолго, пока, наконец, собраны были из разных мест дождевые зонты, и отчасти смирилась разыгравшаяся стихия.

10 / 22 июля 1892. Пятница.

Мори

Утром сегодня также дождь, замедливший на полчаса наши сборы в дорогу и прощанье с братьями; в шесть с половиною часов утра, в закрытых тележках, наконец, пустились в путь по топкой грязи в Мори, 3 ри от Какегава. В девять часов начата была обедница в Мори. После проповеди приведено в ясность состояние Церкви. По метрике здесь крещеных 118.

Из них охладели 19, умерли 16, в других местах 2, в протестантство ушла семья из четырех человек; хороших христиан 77, в том числе 31 человек принадлежит Церкви в Каяма. Сицудзи один; на богослужение собирается средним числом 16; жертвуется христианами на Церковь в месяц до двух ен. Земля под молитвенным домом здесь церковная; молитвенный дом содержится в порядке, ремонт его стоит в год ен 6. В нем никто не живет, а останавливается катихизатор Фома Маки, когда бывает здесь. Бывает же он по неделе в Фукурои [?], Мори и Каяма. Семейство его живет в Фукурои; когда бывает Фома здесь, то сам себе варит пищу, если же некогда, то берет обед на стороне за определенную плату. Если есть новые слушатели, что Маки останавливается в том месте на несколько дней больше, чтобы говорить учение; надежных слушателей у него ныне в Мори один, в Фукурои три.

Были здесь — женское симбокквай ежемесячно, мужское син кенкикквай еженедельно, но в последнее время прекратились; женщины собирались человек до семи, и все говорили кооги, или же те, кто приготовили. Я советовал вновь возобновить и вести безустанно; мужчинам советовал также раз в месяц делать собрание и говорить на них самими ими приготовленные кооги.

С двух часов, в дождь и грязь отправились посетить дома христиан; были в шести ближайших к церковному дому. У Хрисанфа, благочестивого старика, дочь уже за тридцать лет, хотя крещеная, потеряла веру — и сама не рада тому, и старик сетует, и, действительно, что делать! Советовал я умерить ревность по миру, ибо все помышления ее и мужа, тоже охладевшего, чтобы сделаться побогаче; советовал молиться и самим стараться о возрастании души, ибо Благодать Божия не зажжет, если нечего, — вся душа обращена вниз... У чиновника Моисея Кисимото жена больна женскою болезнью, о. Матфей простер к ней слово: «Веруй, крестись и получишь здравие». И тут же рассказал пример чудесного исцеления недавно одной женщины от крещения. В Сидзуока когда он был, привезли к нему больную креститься; живет она под горой; истощила она все старания на лечение, и не помогли ей несколько врачи; между тем слушала она христианское учение и возгорелась желанием поскорее покреститься, твердо веря, что это и тело ее исцелит. Внезапно узнав, что о. Матфей прибыл в Сидзуока, она наняла тележку, и на ней была привезена к нему; после же крещения она отправилась домой пешком, и так быстро, что и здоровые едва угонялись за нею, точно летела. Действительно, явное чудо милосердия Божия!

Вечером отслужили вечерню; было слово, потом вновь говорил о возобновлении мужских и женских собраний; все единогласно решили: мужчинам собираться в третье воскресенье месяца, женщинам во второе, и делать самим кооги; только очень я настаивал, чтобы кооги готовились тщательно; поставлено в обязанность катихизатору Фоме Маки выбирать для назначаемых к говорению, что именно приготовить,

должно быть содержательное и общественное: одно кооги должно быть из Священной Истории, другое — из Житий Святых, третье — из Священного Писания; не могущим свободно читать катихизатор должен сам рассказать их урок; приготовившихся же наперед испытать и научить говорить ясно и раздельно. Таким образом, в данто и дзэто-квай Церковь будет иметь два сильные орудия для своего подъема и оживления, а равно для своего возрастания; к сему должно быть непременно прибавляемо научение детей молитвам, Священной Истории и вероучению, по воскресеньям непременно, а хорошо, если и в другие дни. Христиане, воодушевившись, здесь же сделали опыт произведения своих лекций, и неудачно; сначала мальчуган, лет двенадцати, прочитал из Священного Писания и перефразировал прочитанное якобы, значит, истолковал; потом большой сделал то же; я тут же запретил детям давать толковать, — уронено будет тем толкование Священного Писания, ибо что же ребенок скажет? Ребенку может быть дозволено только прочесть из Священного Писания, что он должен сделать ясно, громко, раздельно, и к чему наперед приготовлен катихизатором; большие также должны, как прежде сказано, тщательнейше готовиться. — В одиннадцать часов собрание было распушено, и в дождь и слякоть братья и сестры с малыыми детьми отправились по своим дальним и ближним домам...

11 / 23 июля 1892. Суббота.

Мори, Каяма, Фукуруи

Утром чем свет прибежала молодая христианка Пелагея получить благословение и убежала домой, пока не проснулась ее бабушка, не отпустившая ее вчера в Церковь и вообще гонящая ее за христианство, а сама ревностная последовательница самой дрянной из новейших языческих сект — Тенри; я дал Пелагеи образки для нее и ее трехлетнего сына и крест для бабушки, когда она будет креститься, и велел отвечать ей, когда он будет браниться за христианство, отвечать мягко и вежливо, но твердо и решительно: «Бабушка, у меня и крест для тебя приготовлен, крестись скорей»; и в то же время молиться, чтобы Бог тронул ее сердце, молиться с твердою волею, что Бог сотворит эту милость.

В седьмом часу, простившись с собравшеюся Церковью, отправились в Каяма и прибыли в девятом. В Каяма домов 70, из них 7 ныне христианские; в них 31 христианин, в том числе 10 мужчин, 9 женщин, 12 детей. Охладевших ни одного; к богослужению собираются все, исключая русуев. Но молитвенного дома еще нет; собираются для общественной молитвы попеременно в домах христиан. Когда бывает здесь катихизатор Фома Маки, то он останавливается в доме Симона Судзуки, в котором ныне и мы остановились. Только, к сожалению, в этом доме,

кажется, есть семейная разлада: жена Петра, сына Симона, говорят — больна, ушла к родителям по болезни, — а Фома шепнул мне: «Не ладят». До сих пор христиане Каяма принадлежали к Церкви Мори и писались к тамошней метрике; но отныне они хотят составить самостоятельный приход, задумывают построить молитвенный дом, пожертвовав под него землю.

Дождавшись, пока собрались все, мы отслужили обедницу, причем отлично пели человек семь, в том числе мальчик Алексей и девочка Римма со славными альтами; пению их научил христианин — певец из Мори, но теперь здесь пение лучше, чем в Мори (я не мог воздержаться, чтобы в поощрение певшим не дать им на конфеты, причем послал тоже и певчим в Мори, ибо неловко, награждая учеников, оставить без внимания учителей). Было слово, приличное месту и слушателям. Потом внушено, чтобы завели мужской и женский симбокквай, когда придут из Миссии духовные книги, ибо здесь ни книг, ни молитвенной иконы, — ничего подобного еще нет. Исполнив все, мы хотели уезжать, но крестьяне угостили нас очень хорошим обедом, после которого опять была сказана им проповедь. — На молельню я им дал от себя 10 ен, на рамы для оставленных икон двенадцатых праздников и двух видов храма 1 ену. Насчет проповеди им сказано, что отдельного катихизатора им дать нельзя — нет лишнего, а будет заведывать их Церковью по-прежнему Фома Маки, катихизатор Фукурои и Мори; но будет останавливаться у них подолгу, если найдутся слушатели, которых пусть стараются сами собирать. — О заведении у них мужского и женского симбокквай катихизатор Фома известит меня; завести же они обещались.

В час пополудни мы оставили Каяма и в три были в Фукурои, встреченные по дороге постепенно почти всеми христианами. — Отслужили краткий молебен и после слова — о необходимости частого принятия таинств покаяния и причащения Святых Таин, испытали по метрике Церковь. Крещено здесь всех 124, из них ныне 9 охладело, 20 — в других местах, 12 умерло; значит, 83 — хорошие христиане; но Фома Маки шепнул мне: «Собственно человек 60 хорошие, прочие тоже редко показываются в Церковь». Сицудзи 2. К богослужению собираются в среднем 28; в воскресенье бывает меньше, чем в субботу. Новых слушателей ныне три. Есть женское собрание; но на него приходят 14–15 с детьми, которых всегда, Маки говорит, наберется с десятков; значит собрание совсем не процветает; кооги готовят плохо; катихизатор тоже говорит кооги; собрание бывает раз в месяц, в воскресенье в церковном доме. Мужское же собрание прекратилось года полтора тому назад; когда оно было, то собиралось христиан человек восемь и делали ринкоо; производилось тоже раз в месяц.

Испытаны были дети в знании молитв и оказались отлично и много молитв знающими; учит больше жена катихизатора Маки, сама бездетная. В Фукурои замечательно много детей в Церкви. Оттого и пение

здесь отличное; хор большой и хорошо наученный — конечно, одногласному пению. В Церкви есть и свой органчик для обучения певчих; учителя случайные; в последнее время учила здесь ученица Мария Касукабе, живущая на каникулах в Какегава у родителей; воспользовалась тем, что она по болезни рано приехала домой и пригласили ее поучить, — она отлично настроила хор.

Здесь я нашел единственное место, где в молитвенном доме тесно от христиан. И потому в слове настаивал, чтобы христиане озаботились постройкой для себя молельни (ныне молятся в нанятом небольшом доме, во втором этаже; внизу же живет катихизатор). Внушал также непременно мужчинам восстановить свое собрание и вести его на принимаемых ныне везде основаниях — делать свои собственные кооги и так далее; женщинам перестроить свое симбокквай и вести его усердно с своими тщательно приготовленными кооги. Обещались посоветоваться, и завтра утвердить и избрать для будущих собраний имеющих приготовить кооги. — Остановиться меня принял у себя один христианин — Марк Нисю, очень усердный и также зажиточный.

12 / 24 июля 1892. Воскресенье.

Фукуроу

Вчера, после всенощной, обещано было детям рассказать им сегодня историю Иосифа, сына Иакова. Итак, сегодня, с семи часов (собственно с половины восьмого) началась воскресная школа; детей собралось человек 15; было несколько и больших; рассказана мною история Иосифа. С девяти часов началась обедница, потом панихида по усопшим сей Церкви. В Церкви было человек около 50, в том числе человек 20 детей. Проповедь сказана о посвящении себя Богу вообще, в особенности же о соблюдении воскресных и праздничных дней; укорены сильно христиане за несоблюдение четвертой заповеди; Бог весть, выйдет ли из этого прок. После обедни представился некто Матфей, больше десяти лет не бывший в Церкви, — был картёжником; икону продал, крест потерял, или бросил; теперь немного остепенился, работой стал питать себя, и пришел в Церковь и попросил крест; дал ему, а икону после даст катихизатор.

После обеда привели еще одного охладевшего — это Павел Иисю, 27 лет, учитель; принимал он христианство будучи еще юношей, хорошенько не зная его; отец и мать — несочувствующие христианству; доучиться было некогда, ибо собственное ученье и потом учительство заняли все время и душу; так и вышло, что он как будто отступил от христианства, тогда как он собственно и не приступал к нему; убеждал я его вновь учиться христианству, чтобы не поругать своего имени все же христианства и не погубить навеки свою душу; убеждал еще познакомить

свою жену с женой Фомы, катехизатора, чтобы и ее научить христианству; обещался; говорил также, чтобы он старался спасти от вечной гибели своих родителей, сделал и их верующими; но, видимо, не отвечала его душа моей речи, ибо не оценил он еще по достоинству спасительную силу Христова учения. Фома Маки обещал преподавать ему вновь учение.

В третьем часу отправились посетить христиан; посетили 16 домов и сделали это в продолжение двух часов, ибо дома христиан все — на большой улице и в очень близком расстоянии один от другого; только беспрерывно рубящий дождь заставил садиться в закрытые тележки для переездов на таком малом пространстве. И замечательно еще: у всех христиан свои дома — ни единого нет живущего в наемной квартире; и живут все не бедно, а иные и очень богато, как Давид Муромаци, сицудзи, имеющий несколько домов, или Марк Нисио, у которого я квартирую; значит, несомненно, купить или пожертвовать землю под церковный дом и построить оный могут. Вообще, Церковь в Фукурои стоит, даст Бог, прочно: состоит вся из коренных жителей, владельцев домов; нет в числе христиан ни одного «кириудзин» (временно живущего здесь).

Вечером, с шести часов, назначена была вечерня, но оказалось потом, что с шести часов здесь назначена проповедь для язычников. Она началась немного после спуска семи часов. Фома Маки говорит довольно хорошо: мысли есть и последовательности не лишены; только все-таки мало вникает в состояние язычников — полупонятна, должно быть, проповедь им. Я сказал обычную начальную язычникам. Слушателей — язычников — было человек 50–60; слушали хорошо. После проповеди христиане собрались в церковном доме, чтобы еще поговорить о церковных делах. После краткой молитвы (был уже одиннадцатый час), объявили, что 23 христианина и 19 христианок — твердо решили с сего времени неукоснительно вести симбоквай со своим кооги; насчет постройки Церкви — думают-де. На Собор заявить ничего особенного не имеют, просят того же катехизатора, Фому Маки, а сей уклоняется, хочет в другое место: «Долго живя на одном месте, теряешь-де авторитет в глазах христиан — не слушают тебя»; тоже резон; но лишать христиан любимого катехизатора жаль. Заявлено было, что хорошо Мори присоединить к Какегава; тогда будет и там у катехизатора два места; а у здешнего останутся Фукурои и Каяма; хорошо и это, но об этом посоветуемся на Соборе.

13 / 25 июля 1892. Понедельник.

Хамамацу

Марку Нисио, жене его Пелагее и тетке-язычнице, так любезно принявшим меня в доме, обещал прислать по книге; пища же была от всех христиан; дал им на постройку Квайдо 10 ен, и, кстати, опять сильно

убеждал позаботиться о постройке; земля — пожертвует ли ее Давид Муромаци, или будет она куплена христианами — должна быть утверждена на имя священника, а от него взято свидетельство, для хранения в Церкви на всякий случай, что земля принадлежит Церкви; говорили христиане, будто земля может быть уже куплена на имя Церкви; если так, то лучше всего. В половине восьмого утра простился с христианами в церковном доме и отправился с о. Матфеем в Хамамацу; братия проводили, несмотря на дождь, до железной дороги.

В половине девятого утра были уже в Хамамацу: врач Моисей Оота и еще один христианин приехали в Фукурои, чтобы встретить и проводить до своей Церкви. Шел все время дождь, и потому немногие пришли на железную дорогу встретить, а все ждали в церковном доме. Отслужена обедница и сказано поучение. По метрике исследована Церковь: крещено 47; из них ныне в других местах 13, умерло 3; но здесь из других мест 11; итак, всего в Церкви 42; из них 4 в Какеука — 3 ри от Хамамацу (домов 700), и 3 в Аритама, 1 1/2 ри от Хамамацу (то есть толстый добрый доктор с семейством). Сицудзи 2: Моисей Оота и Петр Кавай; жертвуют в месяц 3 ены; слушателей учения теперь 5–6; на богослужение собираются от 14 до 28 человек. Было мужское собрание — кенкиуквай, — обещали христиане собираться на него раз в месяц, и обещание исполняют. Женское собрание существует: собираются во второе воскресенье месяца; трое готовят кооги; все прочие прочитывают места из Священного Писания (что здесь новое сравнительно с другими Церквами); бывает на собраниях женщин 14–15, с детьми в том числе. Во время беседы из Тоёхаси получена телеграмма, прочитавшая о. Матфея пребыть погребсти покойника; о. Матфей тотчас собрался, но полотно железной дороги до Тоёхаси где-то оказалось попорченным, до исправления пришлось остаться, о чем и дана ответная телеграмма.

В два часа было женское собрание. Я думал, что оно будет состоять из обычных женских кооги; оказалось, что здесь наготовили адресов, или наполовину адресов, наполовину чтений; принялись слушать все это; даже не кстати расчувствовался и в ответ доложил, что, мол, приехал в Японию по Воле Божией и в доказательство рассказал внезапное решение ехать и поступление в монашество. Польза чтений та, что заметил, по крайней мере, двоих из здешнего женского персонала, которые могут участвовать в издании затеваемого нами женского религиозного журнала: старшая дочь врача Оота Ефросинья (18 лет) отлично пишет, учительница (кажется, Коода) умно говорит; речь последней, изложив, можно прямо печатать, сочинение первой — в чисто японском женском стиле украсит издание. Согласно поручению учительниц нашей Суругадайской школы, просил здешних христианок непременно присылать свои сочинения для журнала; ныне же говорил, чтобы катихизатор Фома Оно, собрав читанные здесь сочинения, отослал к Павлу Накаи, в Токио, показать ему, какие здесь авторские силы; он будет очень обрадован

сочинением Евфросиньи.— По выслушании речей и окончаний этой материи, настоятельно убеждал мужчин завести симбокквай, женщин тщательней вести свои собрания,— тех и других — старательно готовить кооги и прочее, как в других Церквах. Обещались исполнять.

Особенность этой Церкви — премелодичное пение; обучила Фотина, дочь о. Павла Сато, жена катихизатора Фомы Оно — сама когда-то отличная певица в Миссийской хоре; поют дочери Оота Евфросинья и Феодора (14 лет) и еще несколько женщин; мужской голос только один — Фомы Оно, который тоже весьма умело поет; поют совсем правильно, даже не полутонят.

До вечера прошло время в церковных разговорах. Между прочим, певчие просили послушать их пасхальное пение — и напрасно — плоховато пели. Пришел Кирилл Ацуми, старшина деревни Хикумамура, лежащей чрез мост от Аритама; мирит теперь ссорящихся граждан, потом обещался постараться о введении христианства между ними; эта деревня может быть считаема за одно место с Аритама; другое место Какеука, третье Хамамацу; один катихизатор достаточен для распространения христианства во всех трех, если будет благоразумно распоряжаться временем.

Вечером отслужили вечерню. Предполагал я еще побеседовать с христианами, но Фома Оно приглашал своих знакомых язычников прийти; пришли всего двое, третий — подросток; нечего делать, нужно было говорить для них — начальное учение; посадили их предо мной, все христиане тут же, и началась проповедь, длившаяся два часа: старик заснул, молодой уткнулся в землю — возможно, тоже спал; я, впрочем, бросил их из виду и говорил для христиан, которым тоже не бесполезно повторять учение.

14 / 26 июня 1892. Вторник.

Хамамацу. Тоёхаси

Утром посетили дома христиан в Хамамацу: 1) Кирилла Ацуми, где пятеро крещеных и два сына — гимназиста не крещены; 2) Петра Кавай, где одиннадцать человек христиан; дом этот самый надежный, коренной в Хамамацу; много родных; дом купеческий из прочно стоящих; 3) Моисея Оота, где он, жена Лидия, дочери Евфросиния и Феодора и сын Алексей, лет 14. Этот дом кажется самым христианским: в каждой комнате отличная икона, а в одной, небольшой, устроена целая молельня, украшенная золотыми флагами с крестами; Моисей — замечательно благочестивый человек, к тому же и лучший врач в Хамамацу и целой округе; у него свой госпиталь и много им воспитанных врачей, из которых немало, повинувшись его внушению, сделались христианами. Он тем более заслуживает уважения, что жена его, Лидия, если правду говорил катихизатор Фома

Оно, мучит его своею необыкновенною ревностью; почти никуда Моисей отлучиться не может без нее; больных женщин должен принимать с осторожностью, — и к ним ревнует. И вообще — не очень добрая эта Лидия, говорил Оно, — не ладит с семейством Кавай, чем вредит успеху Церкви; но по наружности ничего этого нельзя заметить; а видно только, что семейство Моисея отлично устроенное, дети превосходно воспитанные (хотя Оно говорит, что они испорчены воспитанием), щеголевато одетые, к тому же и красивые, — дом — свой собственный и богато устроенный. Из дочерей одна — Евфросинья — воспитывалась в протестантской школе в Токио и сделалась протестанткой, но в нынешнем году заболела и под влиянием родителей приняла православие, что и самой ей, как говорил о. Матфей, доставило великую радость. — В доме Моисея Оота угостили обедом, после которого мы поспешили на железную дорогу, ибо в двенадцать часов назначено было уехать в Тоёхаси, откуда еще вчера прибыли на встречу три старца, самые почтенные там: Симеон (Танака), Герасим (лысый) и Иосиф (заика). Церковь Хамамацу почти в полном своем составе проводила на станцию.

В Тоёхаси прибыли к погребению: умер от чахотки студент медицины, сын одного здешнего врача, ныне кончивший курс; о. Матфей отслужил провод, я сказал слово. Кладбище больше 1 ри от Церкви, дорога грязная; я уклонился от провожания туда; а занялся с оставшимися в церковном доме исследованием Церкви по метрике. Крещено здесь 240; из них 51 ныне в других местах, 47 померли, 31 охладели; хороших христиан остается 111. Сицудзи 5; к богослужению приходит в среднем человек 35; новых слушателей ныне 5. Мужского собрания совсем нет; женское симбокквай производится ежемесячно в третье воскресенье; приходят на него средне человек 15; кооги говорят 3–4 женщины; мужчин на собрание не допускают; только катихизатор бывает.

С семи часов вечера началась вечерня; потом слово, после которого испытаны дети в знании молитв. Экзамен вышел очень блестящий. Катихизатор Петр Какехаси поставил в ряд мальчиков, за ними девочек, всего человек 15; за ними стояло все собрание отцов и матерей и прочих членов Церкви; дети, даже самые маленькие, едва могущие говорить, отлично читали молитвы, поклонясь пред алтарем; один же пяти с половиной-летний Михей преправильно пропел все «Достойно»; знают все главные молитвы, кто побольше, те Символ, десять заповедей, 50-й псалом, утренние молитвы на память. Награждены были медными большими крестиками. Потом сказано поучение об Ангелах-Хранителях и о воспитании детей.

Поют в Церкви совсем правильно; для обучения поющих есть орган, поют больше девочки.

15 / 27 июля 1892. Среда.

Тоёхаси

Утром, пока о. Матфей с катихизатором ходили приобщать больно-го, ко мне в комнату пришли некоторые христианки и старик Иосиф (заика) и стали сетовать на катихизаторов, что они допускают к крещению недостойных, лишь бы крестить кого-либо и тем избежать укора в бездеятельности. Когда я возразил, чего смотрят крестные отцы и матери, зачем они ручаются за таких пред Церковью, — ответили, что здесь у них «варицкено дайфу» — крестные поставляются без спрашивания и согласия их на то, а по очереди. Это для меня новость; и какое же злоупотребление, и как скоро образуется оно! Конечно, священник должен испытывать представляемых к крещению в знании вероучения, в нравственной же благонадежности их должны быть поручителями пред Церковью крестные отцы и матери, — а для того не ставится формально, а быть настоящими восприемниками. На будущем Соборе подтвердить это всем.

Отслужены обедница и панихида; сказаны поучения. После обеда посещены пять домов сицудзи, ибо у всех христиан быть некогда за назначением сегодня в три часа дня проповеди для язычников еще до моего приезда. Из сицудзи — замечательный дом Семена Фанака, с женой Ниной и сыном Андреем. В доме 11 христиан; между родными также стараются распространять христианство; так в Хамамацу, в дом Кавай христианство пришло отсюда чрез родство по браку. Семена гонит город за то, что он не участвует в раскладках на содержание кумирен, не зажигает по языческим праздникам фонарей пред домом и прочее; положили (не все, конечно) не говорить с ним, не иметь с ним дел; не поливают даже улицы пред его домом. Семен и его семья ни на йоту не отступают, а, напротив, делаются тверже в христианстве. Дом Семена богатый; он один из крупнейших здесь производников сои и мисо; Нина — настоящая христианка — делает добро тайно. Так как Господь благословляет избытком дом, то Семен и Андрей имеют намерения пожертвовать несколько тысяч на заведение училища для бедных детей. Кроме посещения дома Семена, мы заехали на его завод сои и мисо взглянуть с пятого этажа кладовой на город Тоёхаси, хорошо видный с этой высоты.

С трех часов назначена была проповедь, началась с четырех; сначала говорил катихизатор Петр Какехаси — недурно, хотя тоже без внимания к пониманию язычниками. Я сказал обычную начальную. Слушателей язычников было до ста; полицейский и сержант сидели в своих официальных кэпи в сторонке; первый потом оказался христианином. Слушали внимательно и сидели терпеливо до конца, несмотря на жару.

Потом был общий обед христиан тут же; обедало 30 человек; пред обедом прочитаны два адреса — совсем некстати — благодарят за посещение, как будто это не обязанность, а нечто вроде подарка им!

С семи часов назначена была вечерня; но едва около девяти началась; за нею следовало женское собрание; говорило человек 8; почти все хорошо; некоторые превосходно: умно, громко, ясно; лучше всех пятнадцатилетняя девочка Сира Миёси: не торопясь и громко прочитала место из Священного Писания и так же не торопясь и прясно протолковала его; видно, что тщательно приготовилась; я хотел было запретить таким толковать Священное Писание, но, выслушав ее, остановился; если все девочки будут так толковать, то отчего же им не делать то? Ведь всякий знает, что они говорят не свое, а вычитанное. Когда кончили все свои чтения (отчасти относившиеся тоже к моему приезду), посидели, помолчали; видя, что еще не совсем поздно, я, с своей стороны, начал было рассказ из библейской истории, вдруг выходит еще одна, прескромничавшая и только теперь спохватившаяся, я уступил ей место, и она отлично прочитала свое кооги; потом еще одна, пребойкая, учла щебетать, почему она вот целый год не ходила в Церковь, — виноват-де катихизатор, который, по пристрастию, одних христиан посещает, других нет; меня он обходил — это меня расстроило. — Поверив на слово болтуни, я тут же сделал несколько замечаний христианкам, что они должны беречь друг дружку от сетей дьявола — искуителя, ибо это очевидно искушение, из-за такой малой причины отчуждаться от Церкви и тем поставлять свою душу в опасность погибели. Щебетуха еще нащебетала с короб уже в примирительном духе и ушла; все проводили ее ласково, а затем обратились ко мне с убеждением не верить ей, ибо она видела полную любовь к себе всех недавно-де: муж был в Токио, а она лежала больною долго, и христианки чередовались у ее постели сиделками; во время нехождения ее в Церковь, также постоянно посещали ее и звали в Церковь; катихизатор же добавил, что она бегаёт и к католикам, и к протестантам, и для них тоже хлопочет находить слушателей. Поди тут, разбери! Одна публично жалуется, другие публично и все зауряд опровергают ее; но и она тоже не без добрых качеств, особенно хорошо говорит — резала все раскрасневшись и в волнении, точно мир от пожара спасала! — Есть тут, по-моему, и еще одна баба, не совсем пугная, — Сусанна, важная с виду старуха, жена лысого старика Герасима. Сегодня утром приходит: «Я согрешила». — «Чем?» — «Прихожу я к катихизатору Какехаси и говорю ему: О. Ниццума в Токио — так и так — вот какие дурные слухи про него, но благодари Бога и никому не говори; а он сказал Нине Танака». — «Ты-то зачем говорила Какехаси?» — «Да я говорю ему: Я благодарю Бога и ты благодари, и так далее, сказка про белого бычка».

Во время женского собрания прибыл из Оказаки христианин встречать; но путешествие туда, назначенное было на завтрашнее утро, отложено до часа пополудни, ибо здешние христиане прочили еще завтра утром помолиться с ними вместе и сказать им поучение, тем более, что некоторые, занятые очень, еще и не виделись со мной.

Церковь в Тоёхаси — солидная, уже установившаяся и почти ставшая на свои ноги: больше чем на половину содержит своего катихизатора, имеет порядочное церковное здание, в котором, однако, уже чувствует стеснение, и потому задумывает расширить его, если удастся приобрести соседний участок земли, владелец которого, видя что оно нужно для христиан, поднял цену с обычных здесь на цубо 80 сен на 2 ¹/₂ ены.

16 / 28 июля 1892. Четверг.

Тоёхаси. Оказаки

Утром, с половины девятого, обедница и проповедь: объяснение прошения молитвы Господней, начиная с третьего, ибо первое и второе объяснены раньше. При сем, в «Да будет Воля Твоя», выражено, что мы себя и всю свою службу должны всегда посвящать Богу; в «хлеб наш насущный» сильно укорены христиане за несоблюдение праздничных дней и настойчиво внушено, чтобы соблюдали; пример уже есть: Симон Танака соблюдает со всем своим домом, пусть следуют сему все; в «не введи нас во искушение» сказано о трех врагах нашего спасения. Но смущает иногда слишком открытая бесцеремонность японских христиан; в самом патетическом месте, когда я говорил вполне от сердца и думал, что все проникаются следом, прямо предо мною один так хладнокровно и так широко открыл рот для зевания тут же предо мною, что я думал — проглотит меня со всем моим одушевлением, — и это утром и когда сами вчера просили меня остаться именно чтобы сказать им поучение. — В конце проповеди внушено было, чтобы отнюдь не было здесь «веричке дайфу», что воспремники — поручители пред Церковью и Богом за крещаемых, — так пусть хорошенько узнают тех, кто просит быть их крестными отцами, и только тех представляют к крещению, за которых могут поручиться, что они не изменят вере. — В Церкви была, между прочим, одна девушка, дочь здешнего офицера; она прежде несколько слушала православие; потом отдана была отцом в протестантскую епископальную школу в Токио, где ее крестили в протестантство, но ей не нравится оно, и она влечется к православию.

Сицудзи позвали меня поговорить наедине о церковных делах и выразили, что не желают после Собора здесь Какехаси — мало заботлив-де, не желают и бывшего прежде здесь Хирумидзи, по молодости и, кажется, по какому-то проступку или подозрению в проступке его здесь. Я советовал им не называть в прошении к Собору по имени, кого они желают, ибо могут ошибиться, или же стеснить других. Какехаси во всяком случае нужно взять отсюда; кстати же, он просился на родину, ибо там мать и кретин дядя, о которых он прилагает сердечное и о последнем поистине трогательное попечение: жену отослал служить им, живя сам одиноким. На Соборе нужно будет позаботиться о нем. Просили еще христиане

Тоёхаси поместить у них священника Тоокайдо, — здесь-де центральная Церковь, и Андрей Танака берет на себя обеспечить его квартирой. Сказано, что дело это не подлежит ведению Собора: местный священник может жить, где ему сподручней в своем приходе; пусть поговорят с о. Матфеем: он может и из Тоёхаси делать свои поездки по своему приходу, живя здесь по временам, если только это не будет уроном для Сидзуока, где он ныне имеет свой главный стан.

В один час отправились на станцию железной дороги в сопровождении братии и сестер и присланного из Оказаки для встречи. В два часа были в Оказаки, в три часа в Церкви Оказаки, единственной выстроенной собственно Церкви во всем Квансай; отслужили краткое молебствие; сказано краткое поучение, исследована по метрике Церковь. Крещено здесь 214, из них ныне в других местах 86, умерло 44, охладело 19; остальные 65 и пришлые здесь 13, всего 78, составляют ныне здешнюю Церковь. Сицудзи 3; к богослужению собирается по субботам 25–30, по воскресеньям до 40. Новых слушателей ныне нет. Есть женское симбокквей, но на него приходят человек 6, иной раз 10; говорят кооги две или три женщины, затем катихизатор, если нужно бывает. Собираются во второе воскресенье месяца. Было и мужское кенкиуквай, в третье воскресенье месяца, но с прошлого года прекратилось. — Жертвуют христиане в месяц 8 ен, из коих 5 идут на содержание катихизатора, 3 на церковные расходы.

Вечером, с семи часов, началась вечерня, после которой объяснены первое и второе прошение молитвы Господней, с применением в обязанность новых христиан заботиться о просвящении язычников. После испытаны дети в знании молитв, — оказались все знающими; кто больше, те читали и десять заповедей и Символ; награждены крестиками. Сказано к родителям слово о необходимости воспитывать детей для Царства Небесного, в чем им даны помощниками Ангелы-Хранители детей.

Пели молебен плохо, разнили, в чем им способствовал катихизатор Павел Кангета, по-видимому, совсем не способный петь; вечерню — очень хорошо; разноголосили только крошечные девочки — дети Павла Накамура (внучка о. Павла Сато); сказал я потом, чтобы им еще не давали петь, тогда будет совсем хорошо. К сожалению, и читает Павел Кангета, хоть хорошо, выразительно, с чувством, но до того тихо, его едва ли и на середине Церкви слышно. Следует подобрать чтеца между христианами.

Голова, вероятно, от жары, разболелась, едва мог говорить поучение. Когда стали готовить постель, оказалось, что здешние христианки, сложившись, сделали для меня матрацы и одеяло, и до того длинные, что и от моего роста остается два фута лишних; такое усердие истинно трогательно, хотя очень стеснительно, — чем мне благодарить их? Усердствовали бы больше к Церкви — было бы и для них, и для меня лучше.

Оказаки может гордиться своими комарами: вечером писать нет никакой возможности, и ужасно злые, — места не найдешь от их укусов.

17 / 29 июля 1892. Пятница.

Оказаки

С девяти часов утра (вместо восьми заказанных) обедница, потом панихида, слово: объяснение молитвы Господней, начиная с третьего прошения, потом о поминовении умерших и значении кутии. После обеда посещение христиан; по-прежнему, главные дома — врачей Павла Накамура и Василия Танака (женатого на дочери врача в Хамамацу Моисея Оота) и Марии Насибу. Впрочем, почти все здешние христиане — коренные местные жители — значит, Церковь стоит довольно прочно; и особенно бедных между ними нет; упомянутые же три дома и фотограф Георгий Сибата, сын бывшего катихизатора Иеремии — старика, еще вдова Параскева, что справила матрацы, очень достаточны. Когда были в доме Якова Котама — старика, о. Матфей сказал: «Должен сказать откровенно: Яков многие годы своей душе, но жена его (сидевшая тут же) не ослабевала в усердии к Богу, — и вот ее стараниями и Яков наконец согрет и оживлен: теперь он самый ревностный из здешних христиан; не только всегда бывает в Церкви, но приходит раньше, чтобы приготовить Церковь к богослужению». Без сомнения, дело усердия и молитв жены — нынешнее благочестивое настроение Якова.

Вечером, с семи часов, предположена была проповедь язычникам; едва началась в половине девятого, ибо никто не приходил. Павел Кангета говорил на текст: «Собирайте сокровища на небеси», и очень умно; дикция у него также выразительная; говорил — не медленно и мямля, как я опасался по его запрошлогодному неудачному опыту в Нагоя, а живо и как раз таким темпом, как нужно; говорил вместо предположенной четверти часа целых три, так что мне пришлось начать в четверть десятого. В Церкви с христианами и детьми всех было человек 55–56; язычников наполовину, а во время проповеди из этой половины еще большая часть ушла, так что пришлось заканчивать проповедь обычную начальную язычникам — в половине одиннадцатого часа — при человеках 6–7 язычниках; из своих христиан почти все оставались до конца, должно быть, из вежливости, ибо тоже, видимо, спать хотели. Стал было говорить женщинам о необходимости поднять здесь упавший симбокквай, но сонные физиономии заставили отложить дело до завтра, — был уже двенадцатый час ночи.

18 / 30 июля 1892. Суббота.

Оказаки

Утром, с восьми часов, рассказал собравшимся детям ветхозаветную историю Иосифа; после полудня с двух до половины пятого рассказаны

были история Товита и Эсфири. Пред началом и после рассказов дети пели молитвы и очень стройно; постарше из них были: Симон, сын катихизатора Павла Кангета, и Феодора Оота из Хамамацу; они и истории понимали лучше всех. Вечером вместо шести или семи часов вечернюю пришлось начать в девятом, ибо не собирались христиане — ждали их. И какой же это дрянной обычай! В Церкви ждут, а он — какой-нибудь мужик или портной, или хоть бы и чиновник — в ванне прохладается, или лениво чай пьет и говорит — подождут, без меня не начнут! И так вот, даже когда Епископ здесь, до четверти девятого часа ждут, пока удостоят некоторые пожаловать к богослужению; вечернюю начали, тем не менее, человеках при десяти мужчин и женщин; уж к концу службы понадобилось больше, да и то — наполовину язычников. Прискорбное состояние! Церковь в полуспячем состоянии, хотя и нельзя сказать, чтобы была из плохих, ибо вот же не жалеют жертвовать на постройку здания церковного, на благоуукрашения храма внутри и на содержание катихизатора, хоть и в половину. В таком духе, что Церковь, мол, дремлет, я поучение сказал по окончании службы и убеждал мужчин непременно завести симбокквай с своими собственными кооги, тщательно подготовленными; женщин — поднять их симбокквай. Женщины, видимо, к сердцу приняли наставление и обещались непременно исполнить; мужчины, — да кому же из них? Могли бы врачи Накамура и Танака — им некогда; Накамура тут же сегодня, с половины проповеди, утащили к больному; Танака совсем не было, у него, говорят, практика еще больше; мог бы Яков Котама, но он, проникнувшись моим словом, ушел тотчас же после него греть воду на чай, — с какого занятия и прогнал его опять в Церковь; прочие все — люди низшего разбора, в житейском смысле, — ни умения, ни развития, ни достаточного смысла; мог бы еще руководить других Яков Гото, бывший бонза, сознательно отставший от буддизма, как от лжи, и принявший христианство; но он ныне способен только к хозяйственной части, которую и ведет в Церкви, будучи казначеем, — для прочих же, кажется, ослабел по старости. Итак, мужское симбокквай здесь если и станет, то едва ли прочно.

19 / 31 июля 1892. Воскресенье.

Оказаки. Ханда

Утром, с семи часов, рассказана была детям и женщинам история пророка Моисея. Христиане и христианки, вчера совещавшиеся со симбокквай, решили непременно первые завести, вторые — преобразовать свой симбокквай и неукоснительно вести оные, прилежно готовя кооги; избраны и коогия для следующих собраний. После обедницы и поучения и простился с христианами, которые однако не удовлетворялись этим и проводили нас с о. Матфеем на станцию железной дороги, отстоящую

от города на полчаса пути. За стол и даже билета из Тоёхаси до Оказаки и отсюда до Ханда, равно за разъезды по городу на дзинрикия, я не мог убедить их взять с меня, что следует; усердие это, с одной стороны, очень приятно, ибо делается ради Христа, не оставляющего и чашу холодной воды, данной во имя Его без вознаграждения; с другой, немного убыточно, ибо приходится расходовать больше, чем следует, оставляя на Церковь и подобное. Церковь в Оказаки вообще — хорошая, прочно стоящая Церковь, только катихизатор здешний Павел Кангета слишком вял для нее; если будут оживленно действовать мужские и женские собрания, то Церковь поднимется — без того я не вижу средств для ее оживления, пока здесь Павел Кангета, хотя и удалять его отсюда — как? Во-первых, он, кроме вялости и малодейтельности, кажется, безукоризнен в других отношениях; во-вторых, у него такое огромное семейство — 6 человек детей мал-мала меньше, здесь же, по крайней мере, дом хорош, да и помогают братья и сестры.

В два часа были в Ханда, встреченные, как везде, иными за станцию вперед, почти всеми на станции. В церковном доме, в молельной комнате, устроенной под крышей, отслужили молебен и приветствовали Церковь. Из детей трое прочитали главные молитвы и Символ, прочие заартачились и не стали, должно быть, и не знали. Сказано поучение о том, что Ангелы-Хранители даются детям при крещении, чтоб вести их в Царство Небесное, и что родители должны воспитывать детей для неба, а не для земли только.

Сошедши вниз, исследовали по метрике Церковь. Крещено 68, но из них 11 принадлежат к Церкви Ёносака, записанных в метрике здесь, потому что тогда еще не было метрики Ёносака; 20 — в других местах теперь, 2 умерли, одна женщина вернулась в протестанство, откуда пришла было с мужем, бросившим ее потом, один — охладевший; остается здесь хороших христиан 33, и из других мест пришедших (врач Давид Ниеси с женой и сыном и прочими) 7, всего сорок. Из сего числа 16 — в Ханда, 9 — в Такетоё, 1 1/2 ри от Ханда, 5 в Такахама, 2 ри от Ханда, 4 в Камезаки, 1 ри.

Сицудзи 1; слушателей учения ныне нет; к богослужению собирается средне человек 10.

Мужское и женское собрания начаты были, но скоро прекратились, ибо никто не приходил на них.

Жертвуют христиане в месяц 2 ены, из которых 1 ены 80 сен идет на наем дома, 20 сен на прочее.

Катихизатор Матфей Мацунага еженедельно два раза бывает на проповеди в Такетоё, один раз в Камезаки, два раза в месяц в Такахама и один раз в месяц в Токонабе, 3 ри от Ханда. Последнее, вероятно, лишнее, ибо не может успешно проповедывать во всех пяти местах.

После исследования провели меня на квартиру к христианину Петру Такеуци, жене его Марии и матери ее, еще язычнице. Пообедав здесь и

поговорив со старым знакомым, врачом Давидом Ниemi (жена Нина, сын, 13 лет, Акила), в семь часов отправился в церковный дом, где опять собрались христиане, и отслужена была вечерня, после которой спустились вниз, и началось женское симбокквай. Я думал — не готовили ль опять адресов, и чтобы скрыть эту rubbish от посторонних, сказал, чтобы говорители обернулись к нива и в том же направлении сели слушатели; язычникам же, много которых собралось поглазеть и послушать — со стороны улицы, не могло быть слышно. Первыми проговорили приготовленное три отрока, лет 14–15, и оказалось, что приготовили очень порядочные вещи, которые с пользою могут услышать и язычники. Тогда, по моему совету, говорящие обратились лицом к улице, христиане пересели против них; сказано было язычникам, что они могут войти и слушать; моментально наполнилось остальное пространство комнаты; множество еще стояло снаружи; и началось снова энзую — тех же юношей, потом женщин; почти все говорили очень хорошо приготовленное, но только Мария Такеуци, мол, хозяйка, сказала блистательно хорошо — ясно, громко, раздельно. В заключение просили меня сказать что-нибудь; я сказал — о необходимости для христиан посвящать себя со всеми своими делами Богу, распределившему людям их обязанности; речь направлена была к христианам, касаясь по возможности и язычников. Кончившим поучение, сказал еще о необходимости для мужчин здесь основать симбокквай и вести его неленостно, для женщин — поднять их заброшенный симбокквай, что наши подобного рода собрания — зиждутся на примерах Священного Писания — общества святых Жен Миронисиц и прочих, что главное в симбокквай — тщательно готовить кооги и хорошо произносить их и прочее; в заключение предложил посоветоваться между собою и при мне же здесь утвердить заведение собраний.

20 июля / 1 августа 1892. Понедельник.

Ханда

Утром, с восьми часов, обедница; слово — объяснение молитвы Господней, начиная со второго прощения, ибо первое — вчера объяснено, с прощением в «хлеб наш насущный» к соблюдению воскресных и праздничных дней, которых здесь не соблюдают.— Посещение христиан; всего были в четырех домах (дом Такеуци, где живу, пятый): три в городе, четвертый — Луки Ямасита, чиновника, за городом; Давид Ниemi угодил обедом. Чтобы взглянуть на местность, завернули за город на небольшой холм, откуда отлично видно все по направлению к морю; за узкой полосой залива виднеется берег провинции Микава. Ханда — большой город, занятый больше всего производством уксуса; нигде нет таких больших производителей сего продукта, как здесь. Мы бегло осмотрели один завод, кажется, самый большой в Японии; почти все количество

винных выжимков (касу) получается из Оосака; из них дней в сорок выходит уксус; выжимки потом на удобрение полей; отсюда выходит в год 80000 больших бочонков уксуса, каждый средне в 1 ¹/₂ ены; напротив сего завода другой, почти такой же большой.— Производится в сих местах также большое количество «сакё», а в последнее время начали варить и европейское пиво.

С трех часов начался симбокквай: христиане и христианки, собравшись в церковный дом, внизу, произносили речи; первая речь была — Давида Ниэми, наполовину адрес, что, мол, в Нару и так далее, наполовину речь, обращенная к христианам, что мы, мол, соль земли, а свойство соли — предохранять от гниения и придавать вкус, так мы должны делать это для нашей страны; речь — умная; дай Бог, чтобы сам он следовал ей; катихизатор говорил, что он совсем перестал усердствовать в Церкви, не как в Какенгава, где он много делал это, боится обнаруживать себя христианином, чтобы не потерять пациентов. Потом говорил Павел Цуцихира из Такетоё, и плохо; в заключение о. Матфей произнес о необходимости молитвы, и я — о христианской ревности. Кончилось угощением всех холодным обедом из суси. Во время его христиане и христианки окончательно решили начать и вести здесь месячные симбокквай на общих для сего учреждения основаниях; тут же избраны и говорящие для следующего раза. Между прочим, для сих собраний поставляется условием, чтобы следующее за кооги угощение не превышало 10 сен; в Накасу кёоквай, чтобы это действительно исполнялось, делают так: складываются для сих угощений, берут из складчины 10 сен и издерживают, а прочее обещают на другое.

С восьми часов началась проповедь для язычников. Говорил сначала Матфей Мацунага, катихизатор, и говорил очень порядочно, только торопливо; неладно было еще, что свернул речь на пользу от религии для государства и остановился на сем более, чем следовало; вообще же говорить способен, сверх чаяния, ибо я когда-то думал о нем, что он к катихизаторству совсем не способен. Я сказал обычную начальную язычникам проповедь. Во время речи один нахал пытался перебить и поставить свои возражения; я остановил его и сказал, что после проповеди приму его вопросы. И предложил ему сделать свои возражения после проповеди, но человек оказался именно не больше, как нахалом; волнуясь, сердитым, кричащим голосом пытался говорить что-то против моей проповеди, обзывая меня гордецом (гооман); с трудом ловя смысл его возражений, я сделал тут же несколько дополнений к проповеди, обращаясь ко всем, и затем на дальнейшие его безалаберные придирки отказался что-либо отвечать; он провозгласил победный клич вместе с десятком бонз, сидевших рассеянными в числе слушателей, и, кажется, именно выставившими его намеренно. Полицейские были наготове тут же, чтобы прекратить скандал, если бы он начался; один вышел и стал так близко, чтобы мгновенно достать крикуна, если бы то

нужно было; полицейский же потом ждал моего выхода из церковного дома и провожал до квартиры; знать, тот возражатель — заметная для полиции личность.— До входа на проповедь он что-то много кричал снаружи дома, мешая слушать речь Мацунага; полиция остановила его безобразничанье там; говорят,— бродячий энзецука, живущий вот подобной работой.

После проповеди следует допускать только разумные и спокойные возражения, и на них давать объяснения. С подобными же, как выше, людьми совсем не вступать ни в какие словопрения: Апостолом запрещены пустые споры.

21 июля / 2 августа 1892. Вторник.

Ханда. Такетоё

Утром, в Ханда, пришел врач Давид Ниеми и много дельного спрашивал — про посты, при нерукотворный образ, про предания и прочее; видно, что вникает серьезно в христианство. И как, однако, нужно нам быть осторожными в наших изданиях: сначала Ниеми принял историю письма Спасителя к Авгарю и нерукотворного образа за истину, а потом Семен Мии в своей статье в Сейкёо-Симпо выставил, что это вымысел; Ниеми сокрушается и основательно, а Мии какие же новые авторитеты открыл, чтобы отвергать сказанное?

С поездом в девять часов сорок три минуты отправились в Такетоё и чрез двенадцать минут были там. В доме Павла Цуцихира (жена Марина) отслужили краткий молебен, сказано несколько слов поучения, потом посетили остальные три дома христиан; четвертый — Павла Нагао, бывшего бонзы, потом чиновника, ныне ямаси (как откровенно грубо выражается катихизатор Матфей Мацунага, что не следует, ибо такими отзывами можно только делать себя врагом и окончательно отталкивать людей от Церкви) не посетили; Нагао встретил меня на железной дороге, доведя до дома Цуцихира, и потом куда-то стушевался, сказав, что дома не будет.

Вернувшись, с Павлом Цуцихира осмотрели его завод сои и мисо, выпускающий первого продукта в год до 500 больших бочонков и соответствующее количество мисо (400 бочонков). Производятся так: в чан накладываются бобы, наливаются водой; два часа мокнут и разбухают; отсюда извлеченные поступают в цилиндры над паром на двенадцать часов, а распаренные в кадуи, где их давят и растирают ногами, обутыми для того в соломенную обувь, ибо для голых ног нестерпимо горячо.— «Отчего не чем другим, а ногами?» — спросил я Павла. «Оттого, что скорее всего». Растертая масса обращается в комки величиной с кулак; комки в три дня просыхают несколько и покрываются плесенью; потом их разламывают на мелкие куски и так оставляют сохнуть целый месяц;

куски также плеснеют и высыхают точно камни. Тогда массу кусков кладут в чан и наливают рассолом; в чан обыкновенно входит 20 коку бобовой массы в кусках и 10 коку рассола (в рассоле же на 10 коку воды берется 5 коку соли), — и так, чан, покрытый сверху, оставляется стоять на целый год; по прошествии года из чана выцеживают жидкость, — это и есть соя, прямо отсюда поступающая в продажу, а густая масса, оставшаяся в чане, — мисо, тоже отсюда поступающая на рынок. Если из мисо хотят еще извлечь сою, то мисо наливают водой и после известного процесса опять процеживают — это низший сорт сои, идущий за 1 ¹/₂ ены бочонок, тогда как соя первого процесса — 5 ен; выжимки после второго процесса идут на удобрение полей.

Сходили на холм — анзайсё, где построен домик, откуда Император смотрит на маневры; побывали в нем и с балкона любовались видом, который действительно хорош: прямо полоса берега, залив, за которым берег провинции Микава; направо — зелень полей, рощи и холм, налево — Ханда и другие поселения виднеются вдаль; Такетоё тянется разорванной линией внизу перед домом Императора, отделенным небольшим пространством поля и полосой железнодорожной линии, которая кончается у залива направо; отсюда по железной дороге идет грузы угля, доставляемого из копей на Киусиу для питания главной железнодорожной линии. Возшли потом выше домика, на вершину холма, где стоит навес, из-под которого Император смотрит на движение войск сухопутных и морских; пред навесом налево — небольшая сосна, посаженная Императором, направо — еще меньшее сосновое дерево, посаженное наследником.

Вернувшись, поговорил с Мариной Цуцихира, хозяйкой, чтобы прислала свою сестру Сусанну, засватанную за катихизатора Матфея Мацунага, в Токио, в миссийскую женскую школу; девушке на вид лет семнадцать, в сущности 14 и 3 месяца — значит, ей можно два года учиться, и она будет отличная помощница катихизатору, знающая учение, пение, церковные порядки. Марина, конечно, с радостью согласилась; только не знаю, будет ли содержать ее в школе, а очень могут содержать; только ведь все ладят — все насчет Миссии!

Вечером была проповедь для язычников в доме Павла Цуцихира; для ней собственно он и позвал меня и говорил, — много будет слушателей; набралось человек 30; из них половина во время проповеди ушла; прочая не знаю, усвоила ли что: все — низший класс народа; говорить старался возможно яснее, но говорить не речь, а мысли — не совсем доступные на первый раз слушающему простому народу, то есть мысли христианского вероучения, которые, как просто не излагай, все же — неслыханная доселе новость и недоступная доселе высота. Один бонза старался перебивать речь Мацунага, когда тот говорил (до меня); но его остановили словами, что это «сенкё», на котором возражений не полагается, а может он предложить свои недоумения после проповеди; он, однако,

ушел не дождавшись конца. Впрочем, Мацунага нехорошо делал, что заговорил про буддизм и поносил его; не следует то делать во время проповеди; наше дело — излагать Христово учение; когда оно будет понятно, тогда само собою будет отвергнут буддизм; поносить же его заранее — значит заграждать вход в сердце многих слушателей христианству, озлоблять их и вызывать на противление.

22 июля / 3 августа 1892. Среда.

Накасу

В семь часов утра выехали из Такетоё в Накасу, 4 ри от Такетоё; по дороге остановились в деревне Тоёка, 1 ри от Накасу, у учителя Иоанна Оокоодзи, который приехал в Ханда для встречи и сопровождения еще третьего дня; отслужили краткий молебен и были угощены чаем. Оокоодзи здесь единственный учитель в школе детей из 60–70 детей; значит, в его руках все дело воспитания здешнего юного населения; настоятельно убеждал его завести воскресную школу для языческих детей, поговорив наперед с родителями — конечно, наиболее резонными и расположенными к христианству; обещал прислать для преподавания детям Священной Истории Ветхого и Нового Завета, и Доотокуно-кагами; говорил он, что будет преподавать, но едва ли исполнит — одушевления не показывает.

В одиннадцать часов прибыли в Накасу; отслужили молебен; после поучения и благословения всех, по метрике познакомились с Церковью. Крещено здесь 51; из них умерло 8, в других местах 14, охладело два, налицо 27, и Иоанн Оокоодзи с женой и двумя малыми сынами (крещены не здесь), всего 31 хороших христиан. Сицудзи один — Филипп Ооива. К богослужению приходит в среднем 19 человек; здесь после каждой службы отмечается — против имени — на одном листе христиан, на другом христианок — кто был в Церкви; ходит одинаковое количество — ко всенощной и часам.— Новых слушателей ныне нет, и, как видно, прямо по лености катихизатора Павла Кавагуци, ибо он смутился, когда я спрашивал о сем; а сицудзи Филипп молчал на мои слова, что слушатели между неиспорченным народом рыбаков и земледельцев должны бы быть, коли уже есть на месте такая Церковь — из их же собратий.

Существуют здесь собрания: 1) в воскресенье вечером собираются человек 10–13 христиан и христианок: читают и толкуют по очереди Священное Писание; катихизатор, если не в отлучке, участвует в сем и поверяет их; 2) в среду вечером собирается человек 10, и катихизатор рассказывал им Священную Историю Ветхого Завета; дойдено до путешествия израильтян в пустыне; 3) во второе воскресенье месяца бывает женское симбокквай со своими кооги; собирается человек 8–9.

Итак, и в настоящем виде Церковь довольно оживленна; только странно, что мало растет она. После того, как написано на предыдущей странице сетование не бездеятельность катихизатора Кавагуци, мы успели посетить дома христиан (всего четыре; в двух, далеко отстоящих, не были); один из домов — Петра Ооива, местной власти помощника окружного, которому подчинено до 500 домов (больше 300 в Накасу и другая деревня). Я опять стал сетовать на отсутствие слушателей; и мне говорят, что иного и ждать трудно: народ здесь совсем индифферентный — ни во что не верует; к бонзам обращаются только когда покойника хоронить надо; молятся очень редкие. И оказывается, что здесь вся Церковь состоит из одной фамилии Ооива с некоторыми зависящими от сего мира в материальном отношении. Филипп Ооива считается всеми за очень доброго человека; действительно, он не далее, как нынешнею весною рбздал народу в беспроцентный долг 100 ен, и, чтобы угодить ему, иные приходят слушать; но послушает раза два-три, похвалит учение — «хорошо, мол», и больше глазу не кажется: почвы нет взойти семени, — огрублено сердце от безверья. — Если же это правда, то катихизатора за малоуспешность винить нельзя. Однако же и надежды на водворение здесь христианства тоже терять нельзя: народ здесь очень простой, совсем неиспорченный — нравы первобытные, нерастленные: значит, нужно только ждать, чтобы Благодать Божия оросила почву.

Из четырех посещенных домов — два Ооива Филиппа, сицудзи, и Петра, помощника окружного, третий — родственники Ооива, четвертый — его работника; вот и вся Церковь; дальние два дома — тоже клиенты Ооива. — Живу я в доме покойника Симона Ооива, семья которого в Токио, и два сына — ученика теперь здесь на каникулах; Церковь — тоже в доме Симона Ооива, чрез дорогу от того, где я помещен.

Перед заходом солнца не мог не удержаться, чтобы не выйти на морской берег погулять, — так прекрасно заходило солнце, в такие чудные цвета озолотило бродившие по западу легкие облака! Как бы хотелось купаться в этих дивных, прекрасных волнах золотого света! Как должно быть там светло, покойно, тихо от злых тревожений мирской жизни! — Но не дают успокоиться даже в мечтах и на час мутные волны житейского моря: тут же догнал меня полицейский, — говорит — возвращается в Удзуми, а оттуда приходил сюда — охранять меня во время проповеди, — так-де предписано от начальства над ним: «В Ханда один старался помешать (боогайсуру) вашей проповеди, так и здесь на такой случай нам велено присутствовать при проповеди; в Накасу всего один полицейский, — так я приходил к нему на помощь, но сказали, что сегодня проповеди нет, — так я завтра приду». — Когда ушел он своей дорогой, подоспел Филипп Ооива и стал жаловаться на катихизатора Павла Кавагуци: «Занимает христиан, собравшихся на проповедь, больше мирскими разговорами (заюдан) и вообще — большого светского направления, чем проповеднического; проповедывать ленится, а изучает аглицкий

язык, читает газеты да пописывает статейки в журналы; у Собора будут просить переменить его, такой здесь совсем не годится — ни для христиан, ни для новых слушателей». Совсем правда; действительно, Кавагуци здесь совсем не место, да и не знаю, где ему место; около строгого священника поставить бы его, который бы направлял его, но где же этот строгий священник?

Филипп Ооива просит одного опытного катихизатора, который заведывал всем Цитагоори, имея под собою молодых катихизаторов в четырех здешних Церквах; хорошо бы. Но кого же? Опять людей нет! Боже, все людей и людей, а их — нет и нет! Да пошли же нам сих делателей!

Вечерню пели превосходно; вот здесь заслуга Кавагуци видна; сам был причетником, отлично знает одногласное пение, сумел и передать его, — настоящий хор, бойко и правильно, без ошибок на полутонах, поющий всю службу. Я и похвалил Кавагуци при всех по окончании службы.

Было женское симбокквай; начиная от крошечной девочки, сказавшей заученных несколько слов о любви, кончая почти шамчащей старухой, дельно говорившей о необходимости бедствий для приготовления человека к Царству Небесному, — все говорили хорошо приготовленное, но такими тихими голосами, что только около сидящей было слышно; слушателей же, кроме христиан, — язычников был полон дом и много стояло вне. Я потом говорил о необходимости мужского и женского симбокквай и что начало их в Священном Писании, о пользе их, но что коогги нужно не только хорошо готовить, а и производить для общей пользы, чтобы все слышали и поняли. — Потом сказал поучение о посвящении себя Богу и служении Ему во всяком звании; речь была наготовлена отчасти к язычникам-слушателям.

По окончании всего, оставшись один, опять ушел гулять на берег моря, когда луна сияла почти полным диском, серебря широкие полосы моря, и звезды горели ярким блеском. Но сбежавшиеся христианские ребятишки своей простодушной болтовней и рассказами помешали мечтать и думать.

Днем приходил поговорить, между прочим, учитель деревни Тоёка (1 ри от Накасу) Иоанн Оокоодзи, сын сизоку из Нагоя, 33-х лет, имеющий семью из жены и двух малых сыновей. Если он таков, как в речах, то довольно замечательный человек; один ведет школу из семи классов; учеников всех 60–70; душевно предан своему делу, трудится безустанно, точен во всем; любим и уважаем всеми в деревне, даже бонза, не терпящий христианства, душевный приятель его, хотя Иоанн открытый и весьма преданный христианин. Но задушевное желание его — сделаться проповедником, только не таким, говорит он, как нынешние — говорящие и неисполняющие, — а нераздельным в слове и деле. — Если бы я уверен был, что он именно таков, то сейчас бы пригласил его на церковную службу; семью можно бы содержать, пока он будет в Катихизаторской

школе; или же сделать бы его гувернером в Семинарии, в каковом у нас тоже крайняя нужда. Но — подождать и посмотреть, что будет: если он будет таким же, как ныне, и ревностным христианином, и усердным учителем, чрез два года, когда я вновь, с помощью Божией, посещу сие место, то можно будет пригласить его на церковную службу с некоторой уверенностью, что ошибка не будет сделана. Жалованье ныне он получает за свою неустанную работу 10 ен в месяц и больше ровно ничего, — этим кормит и одевает себя и семью.

23 июля / 4 августа 1892. Четверг.

Накасу

Утром опять гулял по берегу моря, который здесь наполовину состоит из разрушенной приливом скалы. С восьми часов обедница и панихида; пели отлично, за что получили потом 2 ены на кваси, по обычаю. В проповеди сначала объяснена молитва Господня, потом сказано о пользе поминовения умерших и значении кутии.

Еще до службы пришел из Адзуми Яков Хиби. После службы попросил на десять минут разговора и просил очень не переменять для Цитагоори священника, по примеру Нагоя, а оставить по-прежнему о. Матфея. Но я и не думал делать сего. Оказывается, что катихизатор Нагоя, выжив оттуда о. Матфея, старается выжить его и из других мест и возбуждает против него христиан; некоторые и смущены; так — Андрей Хиби, старший брат Якова, тоже против о. Матфея, хотя не имеет никаких причин быть недовольным им; Андрей же — сила в Адзуми, в его доме Церковь, он главный жертвователь; к счастью, только не живет здесь, а в Канагава, по торговым делам своего доверителя; и только раза три в год наезжает в Адзуми. Я уверил Якова Хиби, что о. Матфей не будет тронут из Цитани ни в каком случае. Спустя полчаса пришли просить о том же здешние Иоанн Оокоодзи и Петр Ооива; очень приятно видеть, что о. Матфей приобрел любовь и уважение здесь; конечно, я и им сказал то же, что Якову Хиби. Затем они хотели просить, видимо, что-то насчет катихизатора; но так как Павел Кавагуци был в соседней комнате, и все время старался, как кажется, подслушать, о чем говорят, то деликатные и осторожные японцы, перемигнувшись, оставили речь до другого времени. После обеда поспешили прийти, пока Кавагуци не было, и прямо заявили то же, что вчера вечером Филипп Ооива, — «просим-де переменить катихизатора», — причины те же, что вчера выставил Филипп Ооива. Павел Кавагуци, без сомнения, должен быть переменен, если только найдется хоть малейшая возможность сделать это: совсем не может управлять христианами: в Адзуми Церковь в большом расстройстве, как оказывается из речей о. Матфея и Якова Хиби; христиане в разномыслии и разноречии насчет священника и

других церковных предметов; и такое-то маленькое общество катихизатор Кавагуци не может держать в согласии!

С трех часов началось симбокквай; говорили наполовину дети, наполовину большие; из детей даже пятилетний; я сказал, однако, что сегодня пусть себе, а на месячных собраниях таким говорить нельзя, уронена будет серьезность собрания. В заключение я сказал о христианской ревности и средствах возгревать ее благодатью таинств, особенно Причащения. Потом предложил избрать на следующее собрание говорящих, и избрали мужчины двоих, женщины двух; у последних будет, как доселе, во второе воскресенье месяца, у первых в третье; кандзи (хозяева собраний) тоже избраны по одному; доселе здесь были неизменное, отныне — будут избираться для каждого раза. Сказал катихизатору Кавагуци, чтобы он помог говорящим избрать для их кооги самое полезное и интересное; одно кооги непременно должно быть из Священной Истории.

В пять часов назначена была проповедь для язычников, в шесть стали собираться; в половине седьмого катихизатор Павел Кавагуци стал говорить проповедь, и как же скверно он говорит! Неистово вскрикивает ни к чему, махает руками, тянет канитель, почти смысла не имеющую; именно мучительнее всего в посещении Церквей слушать плохие проповеди катихизаторов; Кавагуци заставил меня невыносимо мучиться, так что я пошел прямо надевать рясу и панагию, отцу же Матфею шепнул: «Преплохо говорит, пора бы прекратить ему»; повторять было не нужно; о. Матфей без церемонии подошел к проповеднику и сказал ему закончить; было уже семь часов; когда Кавагуци говорил, я насчитал до сорока язычников — слушателей; потом еще собралось; христиане говорили, что рбздали все заготовленные 80 билетов и потом без билетов пускали, так что было больше сотни. Слушали внимательно и почти никто не ушел все время, как я говорил — с семи до девяти. Проповедь была обычная начальная язычникам. Вчерашний полицейский опять пришел из Адзуми и сидел тут же в своем форменном платье и картузе, но тихо прошел вечер, и он мирно вернулся домой.

Вечер закончен прогулкой по морскому берегу при свете луны, под веселые крики наших христианских ребятишек, бравших ночную ванну в морском приливе.

24 июля / 5 августа 1892. Пятница.

Уцуми

В шесть часов с четвертью утра выехали из Накасу, то есть прежде пешком пошли, курума же подоспели после, опоздавши. В половине восьмого уже были в Уцуми, 1 ¹/₂ ри от Накасу, и стали служить обедницу; за нею — проповедь о мире с Богом, людьми и собою, данном Иисусом Христом; панихида; испытание детей, очень удачное — все знают

начальные утренние молитвы; даже самые маленькие заслужили по крестик; сказано затем поучение об Ангелах-Хранителях детей и о необходимости воспитывать детей для неба. Исследовано состояние Церкви. Обычного месячного симбокквай – ни женского, ни мужского – здесь не оказалось, а собираются только христианки, человек 10, по средам, вечером, когда бывает катихизатор в Уцуми, и он им объясняет догматическое учение по Православному Исповеданию и Догматике. Сказано христианкам о необходимости заведения симбокквай со своими хорошо готовимыми кооги, о том, что примеры для сего учреждения есть в Слове Божиим; рассказано, как вести эти собрания; предложено утвердить заведение их, и избрать для следующего начального раза – коогися и кандзи.

По метрике здесь оказывается крещеных 117; но из них 47 ныне в других местах, то есть больше всего в Накасу, ибо прежде все отсюда крестились здесь и в метрику записаны здесь, а не в Накасу, где тогда метрики не было; 14 умерло, из них некоторые утонули при кораблекрушении; охладели 7; остается хороших христиан здесь 49. Сицудзи 3; в Церковь к богослужению приходят в среднем 15; после каждой службы здесь тоже отмечается, кто был в Церкви. – Новых слушателей учения ныне нет.

Почти все христиане здесь одной фамилии – Хиби. Благочестивый из них – Яков, когда-то пожертвовавший чрез о. Сасагава на Миссию 100 ен, самый большой дар, полученный Миссией от японца, но ныне очень обедневший. Андрей Хиби, в доме которого помещается ныне Церковь, холоден к вере, да и не здесь живет, а в Канагава; здесь только жена его Елена; один же из Хиби, Иоанн, сын которого, Акила, утонул, вероятно, обидевшись за то на Господа-Бога, отрекся от христианства и икону прислал Андрею.

Отсюда родом, между прочим, Моисей Кавамура, ныне служащий ризничим в Миссии. Мать и брат его, еще язычники, ныне живут в Нагоя, где брат торгует вином.

После полудня христиане объявили, что учреждают отныне месячные симбокквай и избрали для начальных собраний по три коогися и по кандзи – мужчины для себя, женщины для себя. Всех мужчин здесь, участвующих в симбокквай, 13, женщин 17.

Три сицудзи приходили просить и для них (как в Накасу) переменить катихизатора Павла Кавагуци на другого. Обещан один общий катихизатор для Уцуми и Накасу, кто-либо другой, не Кавагуци.

Досадно видеть, как наши отцы пастыри, а за ними и катихизаторы беспечны: многих из так называемых охладевших христиан (рейтан) и в глаза не видели, тогда как их-то и нужно видеть и убеждать; нужно поставить это на вид священникам и катихизаторам на Соборе и требовать, чтобы этого вперед не было.

С двух с половиной часов посетили дома христиан, всего 9; наполювину – бедные. Уцуми прежде имело много судов и добывало много денег перевозкой товаров из разных мест в Оосаки, Нагоя, Едо и так далее. ныне пароходы и суда европейской конструкции убили промышленность Уцуми, – оно и обеднело; эта обеднелость видна на всем городе: дома отличные, но ветшают, народ одет бедно, – внутри домов заглянуть – грязные старые маты. Самый богатый, кажется, ныне Андрея Хиби, но принужден жить вдали от дома и работать на другого; следующий за ним – Иосиф Хиби, сын плотника; отец старик и мать – язычники еще; дом потому избежал обеднения, что был в стороне от судового дела; а Яков Хиби, лучший из здешних христиан, совсем беден – в грязном домишке живет с огромной семьей – мал мала меньше; нужно будет помочь ему воспитать детей в миссийских школах, если согласится отдать их на церковную службу.

Есть слепец – Алексей Хиби, с женой и двумя малютками, очень благочестивый, – Бог, храни его!

Есть старик Арсений, бывший владелец трех больших судов, ныне обедневший, у которого сын всегда больной зимой, ничего не могущий ныне делать, хотя отлично образован, был учителем аглицкого языка, и дочь, глухонемая девица 22-х лет, с виду умная и здоровенная; будучи маленькой, лишилась слуха и забыла язык; все трое и четвертая мать – весьма благочестивые, – помоги им Бог до конца донести свои кресты!

Помещен я здесь в доме Андрея Хиби, в чистых комнатах, выходящих в садик. Но здесь не так прохладно, как в Накасу, где дом Ооива прямо смотрит на море и оттуда заимствует прохладу.

После вечерни в шесть с половиною часов сказано поучение христианам, объяснена молитва Господня. С восьми часов началась проповедь для язычников здесь же, в доме Андрея Хиби; слушателей собралось больше, чем дом мог вмещать; должно быть, сотни две; к сожалению, дом закрытый со всех сторон, – дуновения ветерка никакого, оттого жара была до головной боли; по сей причине, вероятно, половина слушателей разошлась до окончания проповеди. Кавагуци говорил на сей раз несколько лучше вчерашнего; вследствие моего замечания ему воздерживаться от нелепого крика и странных телодвижений во время проповеди; но содержание проповеди оставалось тем же пустым, отчасти состояло из неудачных экскурсий в области науки. Я сказал обычную начальную язычникам.

25 июля / 6 августа 1892. Суббота.

Ёкосика

Расплатившись утром крестиками, образками и обещанием книг из Токио с приветливыми хозяйками и особенно усердными хлопотунами

по Церквам, пустился в сопровождении о. Матфея в путь по западному берегу полуостровка Цита — до Ёкосука. Хотелось, проезжая, взглянуть на города Токонабе и Оно, будто бы большие и требующие проповеди. В одном ри от Уцуми встретил фермер Павел и попросил зайти к нему; у него отличнейшие огороды, плантация хецима, поле с разными хлебными растениями. Все — возделано им самим; пытался он даже развести французский виноград, но климат здесь оказывается слишком сырým для него.

В двух ри от Уцуми заехали к учителю Иоанну Фунабаси, бывшему усердным христианином, но ныне охладевшему; вчера я много говорил с ним; убеждал, между прочим, завести воскресную школу для языческих детей, обещался для того прислать книг ему из Токио; кажется, все тщетно. Сегодня утром чем свет поспешил к себе домой из Уцуми; христиане говорили: — «для встречи меня, мол, заедет, быть может»; как не заехать, коли такое усердие; заехали и едва нашли; вовсе не для меня он поспешил домой, а для школы.— В 3 ри от Уцуми проехали деревню Косугая, где был учителем Симон Кудо, представившийся очень ревностным христианином, выпросившим себе название «катихизатора — помощника», — много церковных книг, молельную икону, но оказавшийся весьма плохим не только христианином, а и человеком; теперь неизвестно, где он бродит, но отсюда с учительства прогнан. Как подобные христиане вредят делу христианства, видно из следующего: деревня Косугая и вся округа — на дальнейе расстояние полны именем и имениями-домами, заводами, землями богача Морита; второй сын богача уже был православным христианином, но вот этот самый Кудо и еще один проворовавшийся приказчик — тоже православный христианин — до того уронили православное христианство в глазах главного Морита, уже склонявшего ухо к христианству, и всей его бесчисленной родни и клиентов, что православный проповедник (Кирилл Окуда) был прогнан; — «Ясони — варени канкей наси» [?], — велел ему сказать хозяин; а православный юноша в Сайкёо, будучи в протестантской школе, перешел в протестантство.

В 5 ри от Уцуми проехали город Токонабе [?]; даже остановились там, чтобы пообедать; бедный, грязный город, замечательный производством глиняных водосточных труб и разного глиняного скарба, — замечательный разве еще дынями, которые здесь необыкновенно вкусны. В таком же роде и город Оно, в 1 ¹/₂ ри от Токонабе, только Оно будет побогаче и почище того. Вообще же это вовсе не такие места, где при нашей бедности в катихизаторах нужно заботиться о помещении проповедников; таких городов по Японии — бездна; конечно, хорошо бы и здесь поместить, но много еще более важных мест ждут проповеди.

В четыре часа вечера прибыли в Ёкосука, 9 ¹/₂ ри от Уцуми. День был прежаркий; везли ужасно медленно, да трудно было бы и ждать иного в такую жару; я шел много и натер себе ноги так, что под конец не

мог идти. Катихизатор Ёкосука Петр Такеици с учителем из Явата Николаем Хорие выехали навстречу до Оно; в сопровождении их мы прибыли прямо в церковный дом, отслужили краткий молебен и после поучения исследовали Церковь. По метрике здесь крещеных 20; из них ныне в других местах 6, умер 1, охладел 1, — остальные 12 и семья учителя Хорие, крещенная в Ханда, 4 человека, всего 16 человек ныне налицо в Церкви. Сицудзи еще нет; на богослужение собирается 4–5 человек; слушателей нет. Вот и все учреждение церковное. Если прибавить к сему, что церковный дом (нанимается за 85 сен, из коих 60 сен идут из Миссии) совсем нищенский — закопченная лачужка, то неудивительно, что при усталости еще — я почувствовал себя в очень скверном настроении духа; грубая толпа языческих ребятишек и взрослых, галдевших и смеявшихся кругом и смотревших во все щели, еще более раздражала нервы. Но не виновато было самое это маленькое общество христиан в плохом, еще зачаточном состоянии Церкви; возможно ласково при всей грусти поговорив с ними и условившись насчет времени богослужения сегодня и завтра, я попросил провести меня на квартиру. И здесь оказалось приготовленным помещение в христианском доме, это у главного из здешних христиан, довольно богатого купца Иосифа Куно. Жена его язычница, боится принимать христианство из-за родных, хотя к крещению достаточно приготовлена; дети — Елена, двенадцати лет, и Марфа, шести лет, — давно крещены. Скоро собралась сюда и все христиане и стали толковать о церковных делах. Бывший здесь катихизатор Николай Такаги, живя целый год, не обратил ни одного в христианство; чем же занимался? Был чем-то вроде школьного учителя для одних детей и репетитора для других; дети у него готовили завтрашние уроки; а кто победней, те и совсем учились у него, но вовсе не христианству, а тому, чему учат в здешних городских школах; догадываются христиане, что у него было сначала доброе намерение — чрез это сблизиться с детьми и их родителями, чтобы потом учить их христианству; но потом, по-видимому, забыл он о своей главной цели, — и о христианстве ни с кем не говорил. К тому же и поведением стал портиться; сначала слухи пошли насчет слишком близких отношений его к одной ученице, которую он готовил в школу Миссийскую (намеревался потом просить принять ее), — дочери протестанта; даже в Нагоя-ских газетах напечатан сей слух; о. Матфей настоял, чтобы эта ученица больше к нему не ходила (отец ее после того немедленно крестил ее в протестантство). Потом большое подозрение возникло насчет его недобрых отношений к жене христианина Якова Кувабара; муж за сие даже хотел развестись с женой и отослал ее к родным; между язычниками далеко пошла дурная молва о Такаги. Это окончательно заставило о. Матфея уволить Такаги отсюда. На его место водворен Петр Такеици; но за Такаги прислали прошение 43 человека с подписями и печатями — просят обратно его сюда, от него-де будем слушать учение. Не могли ничего решить насчет сего прошения,

по незнанию людей, я привез его сюда, и вот ныне показал собравшимся христианам; они знают всех подписавшихся, и оказывается, что все — родители детей, которых учил Такаги. Первым подписался, он же и прошение писал, он же и подбивал других, некто Ямауци, протестант, дочь которого учил Такаги; из всех подписавшихся христиане указали человека два-три, — могут-де слушать о христианстве и сделаться со временем верующими, о прочих отозвались, как о ненадежных для проповеди. На вопрос, не пожелают ли сами христиане опять Такаги сюда? Никто не пожелал, хоть и не очень против него. Значит, Такаги на проповедь еще может быть употреблен, только не здесь.

Такеици — здешний катихизатор, кажется, неисправимый лентяй; из Яманака переведен сюда оттого, что христиане жаловались о. Матфею на его ровно ничего неделанье; здесь он также перст об перст не ударил, будучи здесь с начала мая; по отзывам христиан, слушателей найти можно, но у Такеици их не было и нет ни единого.

Христиане просят сюда и после Собора катихизатора, обещаясь действовать ему в проповеди; для проповеди соединить Ёкосука, Ябу и Явата в одно, так как последние два селения отстоят от Иокосука всего на несколько чё; в трех же местах вместе — больше двух тысяч домов. Конечно, хорошо бы прислать сюда катихизатора, только не такого бесполезного, как Такеици, но по малочисленности катихизаторов я не обещал сего; пусть они пошлют депутата на Собор, тогда, вероятно, катихизатора для сего места отстоят, — нет, так Ёкосука может быть поручена катихизатору Нагоя, откуда сюда ежедневно ходят парусные суда, и путь при благоприятном ветре меньше часа.

Хозяин Иосиф рассказал, как он сделался христианином; первую искру заронила какая-то христианская брошюра, случайно попавшаяся ему; прочел он ее по дороге в Исе на поклонение тамошним языческим святыням; товарищи по путешествию в ужасе приходили от этого нечестивого чтения, но он, говоря, что нельзя бранить вещи, не зная ее, дочел до конца, — и первое впечатление было сделано. Когда пришел сюда катихизатор Петр Сибаяма, Иосиф охотно стал слушать учение, несмотря на насмешки или негодование родных; узнав учение и сделавшись верующим в душе, он долго еще не крестился, боясь родных; наконец, одолел свою нерешительность, и ныне чувствует себя счастливым и непоколебимым в вере; родных, которых у него больше всего в городе Оно, откуда он родом, не только не боится, а напротив, им настойчиво предлагает христианство, и они уже убедились, что христианство совсем не так дурно, как прежде они думали о нем. Теперь жена его находится в таком же боязливом и нерешительном положении, в каком он был; я советовал ему не настаивать, чтобы она крестилась, а дать ей свободу самой дойти до необходимой душевной потребности принять святое крещение.

Вечером отслужили всенощную; поют и здесь недурно; зато почти все поют; вместо поучения объяснены первые три прошения молитвы Господней с приложением, что христиане должны посвящать себя и все свои дела Богу, и о том, как сия обязанность радостна.

26 июля / 7 августа 1892. Воскресенье.

Ёкосука

Нигде не приходилось провести такую мучительную ночь, как здесь: повесили дырявый полог, а комаров бездна, и такие злые — так долго болит и саднит после их укуса; шесть раз перетряхал полог, — ничто не помогало, почти всю ночь терзали москиты.

Утром с девяти часов обедница, после которой объяснена остальная половина молитвы Господней. Ко всем прелестно нищенского молитвенного дома присоединяется еще следующее удовольствие: во время проповеди часто дети и взрослые указывают что-то друг другу, и потом, видимо, ловят это и выбрасывают. После проповеди спрашиваю: «Что это ловили?» — Такеици спокойно отвечает: «А это должно быть крыса издохла на потолке, так оттуда валяются черви с ее трупа».

Во время проповеди пошел дождь, который и ныне (час пополудни) рубит: к проповеди для язычников, назначенной в три часа, едва ли много соберется.

Ёкосука — довольно бедный, опускающийся город. Прежде здесь жили заштатные и стареющие князья из Нагоя; тогда было больше народа, оживления, торговли; ныне князей нет, свита растаяла, а торговлю отбила Ханда, по мере возвышения и обогащения которой Ёкосука падает и беднеет.

За Николая Такаги пришли просить некоторые из приславших прежде в Токио прошение о его возвращении на катихизаторство в Ёкосука; ныне пришедшие — цирюльник, говорят — сводник на дурные дела, его десятилетняя дочь, которую Такаги со временем обещался определить в Миссийскую женскую школу, и три мальчугана. Брэдобрей говорил складно, что, мол, Такаги не совсем бездействовал и по проповеди, а свою вечернюю школу старался только приручить детей к себе, чтобы их потом сделать христианами, и уже-де начал некоторым объяснять Православное Исповедание, но прерван был на своем деле приказанием удалиться отсюда. Я ответил: «Катихизатор может в свободное время учить детей, но главное — должен проповедывать; Такаги же последнего не делал, отчего христиане недовольны им и не желают его сюда; я не могу против воли их назначить Такаги сюда; а поговорите с христианами и попросите их принять Такаги; быть может, он вперед будет прилежным по проповеди, тем более, что собирается жениться и просит жену из Женской школы — значит, такую, что будет помогать ему на

проповеди».— Тем не менее христиане едва ли согласятся просить его сюда, и о. Матфей очень не желает его — говорит, что сколько ни убеждал его прежде заниматься проповедью, ни к чему не служили убеждения.— Но есть и в Такаги нечто хорошее, иначе не просили бы за него так много и так настойчиво.

С трех часов началась проповедь для язычников; собралось человек 50, и люди больше порядочные, местные власти, учителя, купцы. Сначала говорил Петр Такеици «о бессмертии души», и очень складно; жаль только, что больно спешил; говорит,— таков местный обычай публичного говоренья; едва ли, просто его дрянная привычка. Я сказал обычную начальную язычникам; продолжалась два часа.

После проповеди пришел познакомиться местный начальник полиции, говоривший, между прочим, что человек, возражавший мне в Ханда на проповеди, некто Сайто, уже семь раз сидел в тюрьме,— один из завязтых сооси. Сам сей начальник к христианству расположен; дай Бог ему!

Так как время с шести часов вечера было свободно, то я сказал отцу Матфею, что часу в восьмом соберемся и еще поговорим о вере. Между тем вечером почувствовал порядочную усталость, как от этого непрерывного проповедывания, так и от того, что прошлую ночь москиты не дали спать. Около восьми часов, до какого времени христиане имели свое совещание о Такаги и прочем,— приходит и говорит, что пять человек христиан есть, кроме хозяина. Такое малое количество христиан, вместе с усталостью, не возбудило у меня охоты начать поучение, и я сказал о. Матфею, что оставим на этот раз, «устал очень и спать хочется». После, однако, увидел я, что сделал ошибку, повторение которой не должно быть. Пришел слепец Яков проститься, и видимо было, что он обижен: ждал обещанного поучения, а его нет, и засело у него, должно быть, недовольство мною; долго будет роптать и говорить: «И Епископ не тверд в слове,— обещает и не исполняет». Ведь это соблазн для христиан, виною которого прямо — я! Вперед никак не должно быть этого! Сами-то они, японцы, слова не держат зауряд, опаздывают, не исполняют, переменяют и Бог весть что еще! Но нам — симцу — и малейшего проступка в этом роде не простят; и поделом! Мы поставлены светить им! И правы они: если в нас они потеряют норму, то где же потом взять ее? Пусть же и всегда так держат они нас на высоте собрания; а мы должны не ронять себя, даже с такими проступками, как вышеозначенный.

После еще пришел попрощаться учитель Николай Хорис; этому я толковал, чтобы завел воскресную школу для языческих детей,— с радостью согласился; увидим, исполнит ли; обещал ему книг для сей цели, когда уведомит, что открыл школу; возможность у него такая есть: он начальником в своей школе, в Ябу, и благочестивее усердие ныне очень живое.

27 июля / 8 августа 1892. Понедельник.
Оогаки

В седьмом часу утра выехали из Ёкосука, 2 ри от Оотака, станции железной дороги, в 9 часов 13 минут отправились из Оотака и в двенадцатом часу прибыли в Оогаки; братия встречала на станции, с Мефодием Цуция, местным катихизатором. В церковном доме отслужили литию, после поучения просмотрели по метрике Церковь. Крещено здесь 40; из них 15 ныне в других местах, 7 умерло, 1 охладел, 1 ушел к протестантам; 16 здесь и в Ооябу и 3 в Гифу, всего 19 человек составляют здешнюю Церковь, со включением Ооябу (3 ри на юг от Оогаки) и Гифу. Сицудзи 1 — Павел Секигуци; к Богослужению собирается 6 — 7 человек, новых слушателей ныне 4. Никакого собрания христиан ни для какой цели не существует. Потом сказано христианам о необходимости учредить отныне симбокквай, совместный из женщин и мужчин, по малочисленности их; указана цель его — в большем и большем уяснении для себя веры, воспитании чувства благочестия в себе и ревности проповедывать Христа язычникам; указан образец для них в Священном Писании — общество святых жен, следовавших Христу и так далее. Христиане тотчас же согласились завести симбокквай и избрали для будущего начального собрания, в третье воскресенье сего месяца коогися. Помогите им Бог!

Часу в пятом посетили единственный христианский дом, который можно было посетить, адвоката Павла Секигуци; в прочих домах по одному христианину — остальные язычники; христиане сами просили не быть у них. Секигуци живет в отличном доме, зажиточно; но христианского духа что-то мало являет; семейство его лучше, особенно жена, Евдокия, с каким-то грустным оттенком на лице.

День сегодня нестерпимо жаркий, так что голова разболелась, а сейчас вечерня с поучением, в семь часов проповедь для язычников, самопроизвольно назначенная и оповещенная христианами еще до моего приезда. Не знаю, хватит ли головы и горла.

С шести часов была вечерня: плохо здесь поют, разнят. Поучение было на слова: «Все творите во славу Божию», — о необходимости посвящать себя со всеми своими делами Богу и о радости сей заповеди: служба, по-видимому, только земному, можно в то же время приобрести Царство Небесное.

С восьми часов началась проповедь для язычников, обычная начальная, и продолжалась 1 ³/₄ часа; до меня говорил, кроме того, катихизатор Мефодий Цуция, и говорил гораздо лучше, чем я ожидал; воображение у него хорошее, так и сыплет примерами, иной раз очень неожиданными, например, «человек не может есть ушами или носом». Слушателей собралось человек 200; из них половина во время проповеди разошлась, другая слушала тихо и внимательно.

Ночевать оставили в той же гостинице, где была проповедь, и в той комнате, где четырнадцать лет тому назад останавливался Император.

28 июля / 9 августа 1892. Вторник.
Яманака

Братия и сестры Церкви Оогаки проводили утром на железную дорогу. Павел Секигуци на сей раз был самым усердным, провожал до отхода поезда. О. Матфей говорит, что он только почти совсем не ходит в Церковь, на молитвенные собрания, во всех же других отношениях — хороший христианин, нигде не скрывает своего христианства, не кутит, как обыкновенно делают адвокаты, даже совсем не пьет, в семье живет хорошо, в делах честен. Дай Бог ему!

Секигуци на станции, между прочим, передал мне сегодняшние газеты, где возвещается о новом составе Министерства. Граф Ито наконец выдвинулся на сцену; это, кажется, последняя сила Японии; он стал премьером; граф Иноу тоже выступил — Министром Внутренних Дел; Муцу — Министром Иностранных Дел. Министерства Японии меняет, точно женщина — модные платья, зато и пользы от того столь же мало, как от модного платья.

От Оогаки до Кусацу, от Кусацу до Секи по железной дороге. В Секи пообедали; это большой город из тысячи домов, среди гор; вообще в Исе гор больше, чем где-либо из доселе виденных гористых местностей; главное производство здесь — чайное; везде, где можно, — чайные гряды и целые чайные плантации; рис — кое-где только в низменных ущельях. В Секи, 2 ри от Яманака, собрались христиане встречать, но почти все опоздали; только с Моисеем Мацунага и его младшим сыном Иоанном мы увиделись здесь, прочие догнали дорогой или встретились по дороге.

В городе Сакасита, 18 чё от Яманака, мы заехали в дом Марии, исцеленной чудесно крещением. Чрезвычайно она обрадовалась и отпросилась у мужа отправиться с нами в Яманака к богослужению; муж еще язычник, но затронутый христианством; прислушивается, испытывает и отчасти сомневается и насмехается, отчасти верует и в душе молится; так Мария описывает его; отец же мужа совсем суевер, привязался к нелепейшей новой языческой секте «тенрикёо», в которой и учения нет, а только пение и круговая пляска под такт его. От Сакасита 8 чё легкий подъем в гору, 10 чё — такая крутая гора, что подъем — один из трех знаменитых по крутизне во всей Японии; к счастью, дорога хорошая, ибо это Тоокайдо. Поднявшись, наконец, на гору, мы очутились прямо в доме христианина; отсюда, по дороге к Моисею Мацунага, в доме которого устроена молитвенная комната, посетили еще пять христианских домов; в одном из них сидели под навесом около водоема, послужившего крещальной для 15 человек, первоначально крещенных здесь. Пред домом Моисея Мацунага, на флагштоке развевался большой флаг с красным крестом; дом внутри блистал свежими матами и всем возможным убранством. Видно, что с усердием ждали. Молитвенная комната устроена очень прилично. В ней мы тотчас же отслужили моле-

бен; сказано слово; испытаны дети в знании молитв; даны им крестики за хорошее знание; сказано вновь поучение о необходимости воспитывать детей для Царства Божия, в чем родителям помогает Ангел-Хранитель детей.

Когда, по обычаю, потребована была метрика, то оказалось, что по ней и испытывать нечего: 26 — здесь записаны крещеными — и все налицо, нет никого ни в отлучке, ни охладевших; единственная Церковь, в которой я имел радость видеть это; а между тем здесь и катихизатор не всегда бывает, или же бывает и ничего не делает (как Такеици); видимо, благодать Божия хранит сию Церковь. Тому есть и другие доказательства: десятилетняя дочь Моисея и Марии Мацунага четыре года тому назад была в смертной болезни. Исцелена милостью Божиею, когда она «лежала распростершей совсем мертвою», а родители тем не менее не оставили молитвы в Пасхальную ночь; во время сей молитвы маленькая Анна внезапно приподнялась и попросила себе красных яиц; в прошлом году вышеозначенная Мария из Сакасита, возгоревшись желанием креститься, приведена была больною наверх, в Яманака, сама отнюдь не могла идти, а принявши от о. Матфея крещение, вернулась домой на своих ногах и шла так быстро, что другие едва могли поспевать за нею.

Домов в Яманака 50, в Сакасита до 400; эти два места для проповеди нужно считать одним; к нему нужно присоединить Цуцияма, 2 ри от Яманака, где домов 800 и есть желающие слушать. Эти два города и деревню можно поручить одному катихизатору. Но катихизатора здесь непременно нужно: Благодать Божия прямо зовет сюда его. Нужно иметь в виду, что и враги Христовы здесь постоянно бродят и стараются смутить новых христиан: католический катихизатор постоянно навязывается сюда с волшебным фонарем, который, приманив людей, изливает яд на православие; к счастью, Моисей и Мария Мацунага умеют отражать нападения — достаточно ознакомлены с православием и отличием его от заблуждений католичества. — В 2 ри от Яманака еще есть Курокава, с 500 домов, где есть христианин Яков с женой Ольгой, принесшие сегодня рыбу из тамошней реки в подарок.

В семь часов вечера отслужена была вечерня; поют здесь также недурно; Такеици спасибо, хоть этому научил; поет вся семья Мацунага и несколько других. После вечерни и поучения Мария Мацунага рассказала историю своего обращения в христианство; другие тоже предполагали говорить, но почему-то не стали, стеснились. Я затем говорил о необходимости завести здесь мужской и женский симбокквей, ибо людей уже достаточно для этого. Все согласились и обещались завтра окончательно решить о сем и избрать людей для кооги.

Моисей угостил, в заключение, ванной, но провалился я в ней, — подгнившая настилка пола упала, — без раны, Слава Богу, обошлось, только растяжение жилы в колене чувствуется.

29 июля / 10 августа 1892. Среда.
Яманака

Утром, с восьми часов, обедница, проповедь, потом крещение четырех младенцев. И крику ж было! О. Матфей не может иначе совершить помазание, как когда ребенку сделают голову неподвижною, то есть схватят его голову в руки, точно в клещи, — ну и орут! Кончилось Богослужение в половине первого часа. Пообедавши, посетили христианина, у которого вчера не были. Потом Матфей Мацунага рассказал и показал мне чайное производство; у Моисея, его отца, здесь большая чайная плантация; в сбор чая работают 80 сборщиц и 30 сушителей чая. Первый сбор бывает в конце мая, второй — чрез 40 дней, когда нарастут новые веточки; отщипывают молодой побег в три листа; сборщица в день нарвет семь кван мен (7000 ме; 1 фунт = 160 ме); из них по высушке получается пятая часть весу чая для продажи; по сборе чайных листков подрезают ветки, образуя, по желанию, круглую, или покатую на обе стороны форму деревца; здесь делают два сбора; третий даст нехороший чай и утомляет деревцо. Удобрение состоит из травы, — накошенную кладут в борозды, она гниет и дает удобрение; это делают по окончании сбора; зимой же кладут еще удобрение из масляных выжимков; от больших ветров гряды защищены несколько стенкой дерев; снегу не боятся. Собранный чай над кипящими котлами вялят, но то продолжается минуты три, иначе чай потеряет цвет; вяленные листки охлаждают, потом сушат над легким огнем раскаленных углей, в корытах с бумажным дном, и перетирают руками, чтобы свернуть листки; отсюда выкладывают на линовки, потом опять сушат над более сильным огнем, тоже перетирая, и окончательно высушивают над легким; весь процесс совершается в один день; высушенный чай просевают; мелкий, падающий вниз, лист — лучший сорт; его опять просевают, и самые мелкие листки — высший сорт. — Средним числом 1 фунт чая, идущий отсюда в продажу, в Йокохаму, дает 28 сен. Производит Моисей и несколько черного чаю, который мы ныне и пьем здесь, но чай не высшего сорта. — Собирать чай — такое нехитрое дело, что Анята, десятилетняя дочь Моисея, в день нащипывает 3000 ме.

С пяти часов пошли вниз, в Сакасита, к Марии Моцидзуми, просившей поговорить с ее мужем и отцом о вере. Отец после первого моего вопроса, как он думает о себе, как о человеке, — знает ли он, что такое «ниген», — не нашедший, что отвечать, и, видимо, уклоняясь от разговора, ушел; муж принес Новый Завет и отыскал место — «Ты еси Петр», — католики, как оказывается, намозолили глаза ему сим местом, таща в свою веру; я указал ему чрез несколько слов «отойди от меня, Сатана», — мол, если те слова надо понимать буквально, что на Петре Церковь основана, и на нем одном, то эти слова надо понимать тоже буквально, — тогда что же будет? Петр — основание Церкви, или — он сатана? Ни то,

ни другое, конечно; там он похвален за веру, здесь укорен за противоречие Христу, и особенного значения, какое тщатся приписать католики первому месту также нет, как нет такового у второго. И разное еще нужно было говорить о католиках, ибо лгут они нестерпимо, себя называют изначальною верою, православие — отщепенством, — мы-де и по названию «киукёо» (старые), тогда как они киу-кёо только в отношении протестантства. Нет меры лжи католиков, и нет меры их нахальству! Везде, где можно, они стараются идти по следам православия и отбивать отсталых или ослабевших, но редко удается это жестокому и бессовестному Амалику.

С восьми часов была проповедь для язычников, в гостинице Оотаке-я; собралось сотни полторы, к концу осталось человек 40 серьезных слушателей, просидевших все время и слушавших весьма внимательно. Сначала говорил Матфей Мацунага, и очень порядочно, лучше, чем в Ханда, не торопился; я сказал обычную начальную язычникам; продолжалась она два часа; под конец были моменты, когда я опасался обморока; раз чуть мгновенно не упал со стула, — жара и отчасти утомление были причиною, но, слава Богу, досидел до конца благополучно. Потом еще с христианами было совещание о катихизаторе; так как, очевидно, слушатели здесь есть, то я обещался непременно прислать сюда катихизатора, если не с Собора, то вскорости после Собора, — Кирилла Окуда или другого. — Затем поговорили о симбокквай: братья и сестры окончательно решили завести и избрали коогися; время — второе воскресенье месяца для женского собрания, третье — для мужского; начало — со следующего, девятого месяца. — Так как христиане пожелали исповедаться и приобщиться, то о. Матфей останется еще на два дня здесь, я же завтра утром отправлюсь в Оосака.

30 июля / 11 августа 1892. Четверг.

Оосака

Утром, отправившись из Сакасита, в Секи сел в вагон железной дороги и в полдень был в Оосака.

1 / 13 августа, в субботу утром прибыл в Оосака о. Сергей Страгородский на Собор.

3 / 15 августа, в понедельник начался Собор, на котором заседали: 8 священников, 33 катихизатора и 14 представителей Церквей, всего 55 человек.

Собор продолжался три дня; **5 / 17** после обеда кончился. Смотри соборную запись. **6 / 18 числа, в четверг**, на Преображенье, о. Сергей отправился в Токио. Я еду в субботу туда же.

Миссионерские заметки

29 сентября / 11 октября 1892

Епископ Николай

1892 год

29 сентября / 11 октября 1892. Вторник.

Симооса. Кадзуса. Хитацу

Отправились мы с о. Фаддеем Осозава посетить Церкви, ему подведомые в Симооса, Кадзуса, Хитацу. Первою на пути была Церковь в Тега. От Токио до Тега 11 ри; думали мы прибыть часа в три-четыре, чтобы отслужить вечерню, а потом вечером еще иметь собрание. Но, начиная с полпути, от Мапудо, такая дрянная дорога, хуже которой и быть не может; мою тележку наполовину тащили по четыре человека, оставляя о. Фаддея, чтобы потом бежать назад и вытаскивать из грязи точно так же его. Вся эти дни были дожди, сегодня также, в дождь мы и отправились; это и сделало дорогу, саму по себе дрянную, совсем уже не возможною. Прибыли в Тегу насилу в шесть часов. На нехорошей дороге мученье везущим, но, мне кажется, еще тяжелее нравственное мученье едущим, а что поделаешь! Выйти — значит испортить обувь до того, что нужно потом бросить ее, — сапоги одни, не брать же с собою их воз.

Христиане встретили за милю от Церкви и немало помогли возчикам, ставши по двое сзади тележки. Деревня Тега — рассеянное селение, так что когда мы въехали в нее, то было еще до церковного дома не меньше 1 ри. Домов в ней 500; внизу, в долине, рисовое поле, часто

затопленное водой из реки; на взгорье — поля с пшеницей, картофелем и подобным. Теперь уже началась уборка риса.

По метрике христиан в Тега 126, из них 12 умерло, 18 ныне в других местах, 15 охладело; 81 — налицо. Но из них на службу по субботам собирается не больше 20, по воскресеньям — 14–15. Гиюу — 4; лучший из них Симон, самый первый здешний христианин, благочестивый и радетельный к Церкви старик.

Бывают и христианские собрания: два раза в месяц. По воскресеньям, после службы читают Священное Писание или Жития Святых и говорят о церковных делах. Женщины также имеют собрание — раз в месяц; но для них просто катихизатор толкует что-нибудь из учения; после того они угощаются тем, что попринесли из домов; здесь же жертвуют на Церковь.

В Тега есть отдельный церковный дом; лет тринадцать тому назад христиане устроили его. Купили за 55 ен готовый японский дом и перенесли его на кусок земли в 95 цубо, отданный одним христианином Михаилом Иватате под Церковь — на такое время, на какое нужно будет именно для сей цели, о чем им дан Церкви и документ. Все вообще устройство церковного дома стало христианам до 200 ен.

Катихизатора здесь прежде Церковь содержала наполовину сама, давала в месяц 5 ен; но два года назад отказалась под предлогом наводнения, причинившего неурожай; ныне также наводнение было, говорят. Больше, мне кажется, отказались содержать потому, что катихизаторы здесь в последнее время были плохие.

Нынешний катихизатор, один на все здешние окрестные Церкви, Иоанн Акаси, живет в Киороси; в Тега же бывает два раза в месяц, чтобы отправить с христианами воскресную службу и опять уйти; новых слушателей у него здесь ни одного, да и какие же могут быть при таком редком посещении!

Жертвуют христиане в Тега ежемесячно до 1 ены 20 сен на свои церковные расходы и 1 ену на содержание священника.

Христианских домов в Тега 8, в Фузе 2, в Сомеи 2, Катаяма 2 — все эти селения составляют одну церковную группу, ибо очень близки одно к другому (Чё 20 и под.).

По прибытии в церковный дом отслужили вечерню, было и слово. Пели очень плохо; советовал потом я вызвать из Токио учителя пения на месяц-два; говорили, что в первом месяце будет время учиться пению, теперь же заняты полевыми работами.

После службы по метрике исследована была Церковь. Кроме здешней метрики, здесь оказалась еще метрика из Оомори, взятая оттуда за ненадобностью там, ибо там 24 христианина, и из них ни у одного не сохранилось ни искры христианства! Печальное явление! Значит — не знающих еще учения и нисколько не проникнувшихся им крестили. Впрочем, там есть и такие, как Афонасий Миясима, когда-то служивший

катихизатором (перешедший в православие из протестантства). С Оомори подряд в селении Каменари два христианина, и те охладели, в Идзумимура — один, — тоже. Не знаю, как поднять хоть несколько из этих упавших, а нужно — помощи, Бог! — В той же метрике значатся и крестившиеся из Фуса 3 человека (еще один из Фуса значится крещеным в метрике Тега) и крестившиеся из Киороси 8 человек.

30 сентября / 12 октября 1892. Среда.

Тегга

Утром была обедница и панихида; последнюю пели совсем плохо, и порядка ее ни Акаси, никто другой не знает. Поучение. Испытание детей, самое неудачное: на все вызовы ни один ребенок не вышел и не прочитал молитвы. Поучение о необходимости воспитывать детей в благочестии.

В начале одиннадцатого часа отправились посещать христиан. Все христиане здесь очень зажиточные; все земледельцы; имеют отличные дома. И все признаки довольства налицо: у всех лошади стоят в [?] стойлах (ибо в этих местах работают исключительно лошадьми — быков нигде нет), куры, утки, надворные строения, вышестенные дворы. Только в Катаяма один дом, говорят, беден; в нем мы не были, хозяин в отлучке на заработке, хозяйка тоже-де занята работой, да и не благочестива (рейтан). До обеда обозрели все 8 домов в Тага и один в Катаяма. Обедали в доме Михаила, богатого крестьянина, но у которого, к сожалению, есть дочь семи лет, от рождения немогущая стать на ноги. У Михаила приготовлено было помещение для меня, которым я, однако, не мог воспользоваться, ибо вчера ночью идти к нему по грязи неудобно было, сегодня же весь день вне дома. — Симон — староста церковный — также отлично живет; он — потомок Кароо князя, крепость которого стояла почти на том же месте, где теперь дом Симона; но князь этот завоеван и крепость его разрушена еще до Нобунага; следы валов крепости видны и теперь. У Симона садик и за ним холм, покрытый отличным лесом, среди которого виднеется огромное кеяки.

После обеда, во втором часу, отправились на лодке по Тоненума и занятым водою прибрежным полям в Сомеи, деревеньке в шесть домов, лежащей на том же берегу, где и Тега; 20 чё, говорили, до Сомеи, но по воде ехали часа полтора. В Сомеи живет Сонобе — христианин, зажиточный и довольно образованный, сестра которого замужем за Давидом Онума, бывшим христианином; другой христианин, тоже Сонобе по фамилии, — и этот усердный христианин и небедный обыватель.

В 10 чё от Сомеи есть деревня Иваи, в которой проповедывал бывший катихизатор Николай Ито. Особенность этой деревни, имеющей 30 домов, всего та, что там много вина пьют, так что по округе «иван-заке»

в пословицу вошло — о пьяном. Еще по соседству с Сомеи деревня Васиная; там есть большой богач Дайторо, раза два слушавший учение наше, но ныне являющий себя усердным приверженцем нициренебу, ибо его посетила, с целью утверждения в сей секте, монахиня Муракумо, Великая княжна родом (кажется, Фусима дома), у которой умер жених, после чего она, как не могущая уже выйти замуж, постриглась в монахини и ныне весьма усердно разъезжает по Японии и проповедует буддизм; ее сопровождают 2–3 бонзы; лет ей двадцать с лишком. Еще в Васиная есть домов двадцать секты «Тоокиу» (сетома мия), народившейся, кажется, всего только в начале нынешнего царствования. Особенность ее та, что сектанты — не сердятся и не возражают: говори, что хочешь, он наружно со всем соглашается. Ничем нельзя его возмутить и вывести из себя; есть еще какое-то тайное учение у них; много людей высших фамилий, говорят, принадлежат к этой секте; и много в Токио; в этих местах также немало последователей.

Из Сомеи на лодке отправились в Фуза, деревню из 100 почти домов, лежащую по другую сторону от Тега (направо по тому же берегу, тогда как Сомеи налево). Пошел дождь; шли на лодке до сумерек, хотя от Тега до Фузе тоже считают 20 чё; пришлось далеко объезжать тони, отгороженные ныне для ловли сетью диких уток; охота на них начинается в октябре и продолжается до марта; развешивают сети над водою — вверх, и лодки прячутся в тростнике; когда становится темно, утки прилетают стаями и садятся на озеро, но, спускаясь, падают в сети; их берут живыми; и — так много, что, например, в Фузе, где каждый дом ставит сети, каждый дом в ночь добывает от двух до двадцати уток. Уток держат живыми, пока нужно вести в Токио на рынок, тогда их убивают и везут. С древности это один из доходных промыслов здешних деревень. Ловят еще уток на веревку, намазанную клеем моци, где бывают утки с апреля по октябрь, когда их здесь почти совсем не видно, здесь мне сказать не могли, — отлетают же они на юг Японии или совсем на другие острова.

Много также идет на рынок Токио отсюда угрей из озера — угри здешние в Токио славятся.

В Фузе два христианские дома — два брата Михаила, старший Авраам и младший Павел, — оба, по-видимому, такие же усердные христиане, как Михаил, и оба богатые. Пред домом Авраама мне указали по обе стороны входа две кучки земли — это приветствие мне, и приветствие, как объяснил о. Фаддей, высшего сорта: тогда самым уважаемым лицам делается оно, как Микадо, князьям; и обычай этот — древний; мне в первый раз пришлось встретиться с ним.

Из Фузе, несмотря на очень грязную дорогу, вернулись в церковный дом берегом, ибо водой проплутали бы в темноте много. — В восемь часов началась всенощная; пред нею я объяснил значение завтрашнего праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Христиан собралось полна комната. Всенощную пели и читали довольно хорошо. — После сказано

было житие Святого Романа Сладкопевца. Затем учреждены два собрания — мужское и женское; избраны коогися, определены воскресные дни и часы, и все прочее. Дай Бог, чтобы хорошо начались и с пользой продолжались.

Сложилось у меня крепко на душе следующее: на первый, второй и третий месяцы года, когда земледельцам совершенно свободно слушать учение, присылать сюда катихизатора, заимствуя оного на это время из другого места; одного катихизатора для: Тега с Катаяма, Соми, Васиноя, Иваи и Фузе — совершенно достаточно, ибо все эти селения скучены; но этот катихизатор в то время именно только здесь и должен служить.

Свободно еще земледельцам в седьмом и восьмом месяцах; но тогда, как говорит Акаси, могли бы помогать старшие семинаристы, увольняемые на каникулы. И это хорошая мысль.

1 / 13 октября 1892. Четверг.

Тег. Фуса. Киороси

Утром, в половине восьмого, в Теге начали служить обедницу; христиан собралось тоже много. Кончили в восемь, но проповеди нельзя было сказать, ибо с восьми часов назначена была проповедь для язычников. Отправились для нее в дом Михаила, где назначено было собрание. По обычаю, медленно собирались. Так что пришлось начать не раньше половины десятого часа. Собралось человек 40, — народ все серьезный; было и начальство деревни. Сначала говорил Акаси, катихизатор, и преплохо, совестно было слушать это бессвязное, неумное, повторяющееся плетение. Я сказал обычную начальную язычникам, продолжавшуюся с десяти до двенадцати часов. Слушали весьма усердно, никто не вышел до окончания — видно, что почва здесь совсем готова для сеяния Слова Божия.

После обеда отправились дальше, верхом на грузовых седлах, ибо на лодке чрез Теганума, по причине сильного ветра, никак нельзя было переправиться на тот берег по направлению к Киороси. Прямым путем, чрез озеро, было бы 2 ри до Киороси, окольным, чрез Оомори, около 5 ри, — и притом езда на лошадях шагом, по грязнейшей, топкой дороге, в сильный ветер и по временам дождь, взяла все время до сумерек. Спустившись от Оомори, заехали в Фуса, до которого было не больше полри; посетили три дома здешних христиан; у всех нашли иконы на местах, — детей, насколько их можно было испытать, знающими хоть краткие молитвословия, дома — зажиточными; наконец, — христианское радушие и усердие. Но здесь, в Фуса, объяснилось совсем постороннее следующее неприятное обстоятельство. Катихизатор Акаси, без совета со мной и без моего ведома, письмом из Тега назначил сегодня в

три часа после обеда в Киороси проповедь для язычников; оные и собрались в большом количестве и, прождав несколько часов, разошлись по домам, — разумеется, не с хорошими речами о нашей аккуратности. Итак, на катихизатора и священника никак нельзя положиться при объездах в распределении времени, а нужно самому следить за всем и распоряжаться. Я объяснил Акаси и о. Фаддею, что «я путешествую прежде всего для христиан; везде мне нужно прежде всего видеться с ними, молиться с ними, говорить с ними, дать им должные наставления, посетить их дома, вполне узнать состояние Церкви, — и потом уже, если удобно, сказать слово и язычникам, для которых от моего слова, впрочем, я и не вижу большой пользы, ибо одна проповедь немного может объяснить, долго же останавливаться для язычников я не имею возможности; но для проповеди язычникам должны быть выбраны самые удобные, по местным обстоятельствам, часы, точно указаны они, оповещено о проповеди возможно широко в городе, и в назначенный час пунктуально проповедник должен быть на месте и говорить проповедь, много ли, мало ли собралось язычников. Такой же обман, как нынешний, собравшихся слушателей — роняет нас безмерно в глазах язычников.

Поспешили из Фуса в Киороси, до которого всего 10 чё от Фуса. Христиане ждали, но видны были еще и некоторые язычники, особенно из Оомори, дождавшиеся нашего приезда. Итак, вместо того, чтобы помолиться с христианами и поговорить с ними, нужно было назначить проповедь для язычников, чтобы тем хоть несколько поправить сегоднешний пробел.

Назначили в половине восьмого часа, и, несмотря на такой короткий срок для оповещения — всего час, с половины седьмого собралось слушателей все-таки очень много, почти полный дом, хоть и небольшой. Ровно в восемь часов о. Фаддей начал говорить свою проповедь, продолжавшуюся минут двадцать; говорит он хорошо, довольно умно. Потом я сказал — тоже обычную начальную язычникам; продолжалась до половины одиннадцатого. Слушали усердно, — дай Бог, чтобы было хоть и несколько пользы!

Из пришедших на проповедь из Оомори был, между прочим, Тамура — Ной, отец умершего семинариста, совсем потерявший веру — вот уже несколько лет; пред проповедью я имел время поговорить и с ним — кажется, оживился он несколько, затеплилась искра христианского чувства; просил я его завтра собрать к себе в дом и прочих охладевших или ушедших в протестантство бывших наших христиан в Оомори — я приеду повидаться и поговорить с ними. А их всего по метрике числится 24 человека; быть может, Господь даст, хоть нескольких из них оживить; тогда бы возникла опять совсем завядшая Церковь в Оомори. Обещался Ной исполнить мою просьбу, но почему-то с видимой неохотой. Посмотрим, что будет; но преимущественно для Оомори я завтра целый день останусь здесь, иначе следовало бы уехать завтра утром, в

десятом часу, на пароходе в Канаици; кстати, завтра вечером скажу еще проповедь для язычников в Фуса, где христиане обещались собрать слушателей.

Остановились в Киороси в нанятом на сей случай доме, ибо квартира катихизатора, говорит он, грязна; увидим ее завтра.

2 / 14 октября 1892. Пятница.

Киороси. Оомори. Фуса

Утром, с восьми часов, отслужена обедница, к которой собрались почти все здешние христиане и пришло двое из Фуса. Пели бывшие ученики Семинарии – Иоанн Тоба и Петр Като – очень правильно; катихизатор Иоанн Акаси, помогая им, только мешал. Во время проповеди пришли из Оомори четверо охладевших: Ной Томура и с ним Афонасий Миясима, бывший катихизатор, Петр Хиракава, торговец рисом, Иона Сиина, писарь в Правлении, перешедший в протестантство.

Кончив проповедь, я говорил с ними, и положено отныне учредить в Оомори «Кенкиуквай» для повторения вероучения и для сравнения православия с протестантством, – двукратно в неделю: во вторник и пятницу, вечером, с семи часов; катихизатор Акаси будет приходить в Оомори, и будут они под его руководством читать Догматику; там же, где православное учение будет отличаться от протестантского, читать сравнительное богословие и разбирать, на чьей стороне истина. Обещал я сегодня же написать в Токио, чтобы выслали потребные для того книги. Эти четверо обещали приводить на собрание и других охладевших христиан; я внушал им приводить и язычников, ибо это будет основательное изучение веры с самого начала. Дай Бог им исполнить положенное и воскреснуть для жизни во Христе!

После полдня мы посетили здешних христиан: 1. Старуху Дарью Ёсиока; сын ее заведует здешней почтой и телеграфом. Дом – очень богатый и самый древний в Киороси, с него началось население здесь; старуха вчера, при самом моем приезде, приветствовала меня ящиком конфет, но прийти сама не могла по болезни ног; видимо благочестивая, желающая внушить христианство своим детям, внукам и правнукам, – которых всех у нее много; ей семьдесят лет, но еще свежая умом и речью; иконка Спасителя у нее маленькая; помолилась мы все перед нею; потом я обещал ей выписать из Токио, из Миссии, книг, а здесь из квартиры прислать икону Богоматери – побольше (что и исполнено; книги выписаны ей: Доотоку-но кангами, Тенкокуно мицисирубе, Кейкенно Ноди и Молитвенник; здесь послал ей, кроме икон, – внешний и внутренний виды храма). 2. Дом Андрея Сина, старый христианский дом, тот самый, в котором я пятнадцать лет тому назад держал проповедь к язычникам; из этого дома – семинарист Иоанн Тоба; дом – зажиточный, торгует

железными изделиями. 3. Иоанна Миязаки, того самого, который несколько лет тому назад был в Катихизаторской школе и выключен за неспособностью; человек он, между тем, очень благочестивый; у него жена и трое детей; торгует курями; беден. 4. Совсем бедный дом слесаря Петра, женатого на глухонемой и имеющего двух девочек, тоже глухонемых; но трогательно смотреть на это мирное и благочестивое семейство; Петр истинно богобоязненный человек, жену свою любит и бережет, дети от него не отходят; и жена совсем счастлива; добрая улыбка не сходит с ее лица. О. Фаддей говорил, что недавно Петр прочитал в «Православном Вестнике» об одном бедном, которому просилась помощь, принес ему, о. Фаддею, больше 1 ены для отсылки сему бедному; «Да как же ты накопил, будучи сам бедным?» — спросил о. Фаддей. — «А я даю по несколько рин жене, жена передает их детям, дети же опускают в кружку, — так и накопилось», — отвечает Петр.

Во втором часу отправились в Оомори посетить книжника Павла Сиина, совсем забывшего о своем христианстве, по слухам. На деле оказалось хуже слухов. Принял очень сухо и гордо; я думал было заговорить с ним о христианстве — куда! Понес такую ахинею, что уши вянут! И в буддизме-де Бог, и во всякой другой вере тот же, что в христианстве, Бог; Праотцов Адама и Еву отвергает, потоп тоже; о солнце и луне понес такую дичь, что о. Фаддей рассмеялся, несмотря на все свое старание быть вежливым, и заметил: «Да, ныне уж никто так не говорит»; хуже всего то, что с ним говорить нельзя, только нужно слушать его — не дает говорить; лишь рот откроешь, на полслове перебивает и несет свои химеры. Но жаль мне стало его, — и он тоже крещен; итак, предложил я ему переселиться на время в Токио, дал бы я ему место в Семинарии учить китайщине, а он бы тем временем, живя среди христиан, обновился бы душой, быть может; кстати мог бы заниматься и исправлением японского языка в переводах. Старику (54 года, но седой, растолстевший и обрюзгший) понравилась эта мысль, не его обновления, конечно, а учительства в Токио, и он обещался подумать. Живет он очень богато: пребольшие дом и сад и много земли; старший сын его врачом, младший учится в гимназии. Хвалился своим толкованием на Конфуция; «Отчего ж не напечатаешь?» — спрашиваю. — «Денег нет», — говорит.

Идя от старого книжника, зашли в Оомори же к молодому, некоему Павлу Миясима, тридцати четырех лет; и этот тоже гордец не малый; прийти ко мне и не подумал; даже и встретил в грязном домашнем платье и без радушия, хотя в волнении почему-то, выразившемся в дрожании пальцев и голоса. Он когда-то хотел поступить в Катихизаторскую школу, да опоздал и потому послан был мною в Коодзимацци в школу о. Ниишума, но там он пробыл с месяц и вернулся домой — «науки-де для него недостаточны там»; учился затем три года в протестантской школе, хотя протестантство, по его словам, не принял; географию, историю и подобную школьную мудрость, говорят, произошел. Мелькнула у меня мысль

попытаться сделать из него катихизатора ныне или, по крайней мере — оживить его душу притоком христианских понятий. «А не желаете ли ныне в Катихизаторскую школу?» — спрашиваю. Прямо обрадовался предложению и тотчас согласился отправиться в Оосака, в первый класс школы, с каникул нынешнего года заведенной там. «Да думайте хорошенько и тогда скажите свое решение». — «Нечего думать, — я готов». — «По крайней мере, до завтрашнего утра подумайте и завтра скажите — я между тем приготовлю письма для вас в Оосака к о. Оно и к учителю Павлу Морита» — говорю. — «А нельзя ли сегодня вечером получить от вас эти письма?» — спрашивает. Что значит такое быстрое и радостное решение? Быть может, это и Зов Божий человеку. Человек он, повидимому, во всех частях годный для службы Богу; только гордость следует ему исправить; быть может, изучая богословие, и исправится, при помощи Божией. Во всяком случае, для души его полезно побыть в религиозной атмосфере.

Дальше в Оомори зашли в дом Ноя Тамура; языческая божница прямо бросается в глаза. А икону Церковную, стоявшую у него, сдал в Киороси, как ненужную, теперь, слава Богу, оживляется; обещался и жену обратить в христианство; жена здесь же была, ласковая и добрая. — Потом зазвал к себе в дом Петр Хиракава; говорит: «У меня есть одиннадцатилетняя дочь; очень она любит вероучение, постоянно ходит в протестантскую Церковь, хотя еще не крещена; хочет посмотреть на вас, зайдите ко мне». Зашли. Премилая и умная девчонка; в школе, в своем классе между множеством мальчиков и девочек первую идет. Отец, очевидно, за тем и завел, мол, чтобы попросить принять ее в миссийское духовное училище; я предложил ему поместить — если на полном своем содержании, то с правом ему потом взять ее из школы и распорядиться ее судьбою во своему желанью, если на половинном (2 ены), или ниже того, то с условием совсем отдать ее в распоряжение Церкви. Отец и дочь, и даже бабушка, со слезами рассказывавшая об ее успехах в школе, и которой, конечно, будет очень тяжело расстаться с нею, обрадовались предложению и сознались, что они об этом именно хотели просить. Я обещался написать письмо начальнице Анне Кванно, чтобы приняла девочку, когда отец привезет ее, условившись с ним насчет содержания ее.

Из Оомори отправились в Фуса, где в шесть часов назначена была вечерня, в семь же должна была начаться проповедь для язычников. Пришли еще в пять, потому, пользуясь досугом, написали мы письма в Миссию: Сергию Нумабе, чтобы выслал указанные в письме книги в Церковь Киороси для сей Церкви и для «кенкиуквай» в Оомори, также, чтобы выслал книги Дарье Ёсиока — старухе; другое — Анне Кванно, чтобы приняла вышеозначенную девочку Хиракава в школу. В шесть часов начата была вечерня, после которой сказано поучение. Христиане предложили обед и по спешном исполнении сего обряда пошли в дом другого христианина, где собрались слушать проповедь. В семь часов

о. Фаддей начал свое предварительное слово; без четверти в восемь я начал — обычное начальное язычникам поучение; в начале одиннадцатого оно было кончено; собралось слушать человек 70; к концу осталось язычников около 30, но зато это были слушавшие серьезно, видимо, пришедшие не поглядеть только, а и послушать.

Потом христианам было сказано о необходимости для поддержания христианского одушевления завести «симбокквай», так как в Киороси всего четыре дома, а в Фуса три, то отдельно в том и другом месте собрания не могут состояться, по малочисленности христиан; поэтому решили соединить эти две Церкви для собраний в одну, ибо расстояние между обоими городами всего 10 чё; так вышло взрослых мужчин 12, женщин 8 — значит, те и другие могут вести отдельные симбокквай с своими кооги. Внушено было, чтобы кооги готовили со всем усердием тщанием, из Священной Истории, Житий Святых и Священного Писания. Тут же мужчины избрали для себя воскресенье, назначили час и выбрали трех коогиса и кандзи. Женщин было всего три; они обещались посоветоваться с прочими христианками и тоже немедленно завести свой симбокквай.

В двенадцать часов ночи отправились из Фуса пешком в Киороси в сопровождении христиан, приходивших отсюда на вечерню и проповедь.

3 / 15 октября 1892. Суббота.

Канацу

Утром написаны были письма: к о. Оно и Павлу Морита в Оосака, вчера обещанные для Павла Миясима, и к Сергию Нумабе в Миссию о высылке в Церковь Фуса книг, потребных для приготовления кооги на симбокквай.

В девятом часу отправились на пароходе вдоль по Тонегаве в Канацу. Прибыли в полдень. Почти все христиане дождались на берегу, да и мало их, и совсем странная здесь Церковь; монастырской общиной ее можно бы назвать по виду. По метрике здесь 26 крещенных; из них 11 ныне в других местах, 4 померло, 3 охладело, остаются 8; с отцом же немой жены Петра Оосава, крещенных в Тега — 9; в числе их только 1 женщина; прочие все старые или пожилые мужчины; детей — ни одной души. Чтобы всем вместе помолиться, долго мы ждали двоих, живущих за рекой и за которыми отправился посланец; исследовали в это время Церковь по метрике, напились чаю, потом пошли посетить христиан. Домов здесь 4, кроме дома Иоанна Фукуда, в котором мы остановились. Всего три: 1) высокого, разгильдяем высматривающего мужика Павла Макураи (но, говорят, любящего ссориться); живет со своей старухой Марьей в беднейшей и грязнейшей лачужке; а главный дом сдал сыну, и там ни единого христианина; 2) табак крошителя Луки; человек восемь

застали у него работников и работниц, складывающих и крошащих посредством машины табак.— «Где же икона?» — спрашиваю.— «А разве нужна?» — переспрашивает.— «Как же не нужна? Она должна висеть на стене. Зачем ты ее спрятал?» — «Да, чтобы крысы не съели, стекло разбилось».— И начинает искать по ящикам; долго рылся,— я терпеливо стоял и ждал, потом обратился рассматривать его заведение,— он все рылся, но уже ворча на ребят, будто бы виноватых в похищении и истреблении иконы; «Так ты и не молишься?» — спрашиваю.— «Нет, молюсь».— «Утром и вечером?» — «Утром и вечером», — говорит и, видимо, лжет. Посоветовал я ему, наконец, бросить искание иконы — должно быть, несуществующей, и, не благословив его, ушел из дома; 3) рыботорговца старика Марка; этот привел в свой дом — огромный и богатый, но прямо пред входом — большая божница идолов.— «Где же икона?» — «А она у меня в лавке, где я торгую рыбой,— здесь же жена и все в семье язычники». Таковы-то здешние христиане! Один старик Иоанн Фукуда с своим сыном Матфеем утешают; Иоанн особенно истинно богобоязненный человек, спасенная душа — мир душевный так и светится у него на лице. Привели на кладбище. Зачем? А вот зачем: там, между языческими памятниками, стоят два креста; один из них какой-то язычник вытащил и спрятал год тому назад, но на днях крест появился на своем месте; догадываются христиане, что язычник возвратил крест, слышав о моем приезде, убоясь жалобы и исследования; так они просили побыть на виду у всех на кладбище для острастки неизвестному недоброжелателю христианства.

Вернувшись в дом Иоанна Фукуда, где молитвенная комната, мы начали службу, не дожидаясь более отсутствующих. Отслужили обедницу, потом литию за здешних умерших. Пели о. Фаддей и катихизатор Акаси, иногда я помогал им, когда можно было подладиться. После службы сказана проповедь — сначала христианам: объяснены первые три прошения молитвы Господней, с подобающими нравственными приложениями. Потом, так как полный дом набрался язычников, речь обращена была к ним,— и сказано, в сокращении, обычное начальное слово язычникам. В заключение обещано, что катихизатор непременно будет присылать сюда на первый, второй и третий месяцы года, когда земледельцам совершенно свободно учение слушать — так чтобы тогда слушали и спасали свои души.

В четыре часа кончено было поучение, и мы, не имея больше здесь церковного дела, собрались следовать дальше, в Кидзука, 3 ри от Канаици; хотели было ехать на тележках, но христиане благоразумно посоветовали дожидаться семи часов и отправиться на пароходе до Адзики, от которого в 10 чё Кидзука, ибо-де дорога сухим путем может оказаться во многих местах испорченною бывшим наводнением. Вместе с тем христиане предложили обед, простой, деревенский, но принятый нами с большой благодарностью, ибо мы сильно проголодались; отдалили за

него одной еной, которую, в свою очередь, и христиане приняли с видимым удовольствием. Молитвенная комната — совсем бедная, но маленький матрац для сиденья мне — великолепный; меня это заинтересовало, и я спросил — откуда эта роскошь? С своей светлой улыбкой старик Фукуда объяснил, что он пожертвовал на этот предмет свое бывшее парадное платье (камисиме). Я посоветовал ему, по крайней мере, беречь фасон только для епископского употребления, ибо архиерейская подушка тоже в некотором роде уважаемая вещь церковная.

В восьмом часу мы отправились на пароходе вверх по Тонегаве и в девять прибыли в Адзики, прошедши 10 чё от места высадки до гостиницы Такемура в городке Адзики. В которой и остановились на ночлег. Нас троих сопровождает из Киороси, по усердию к Церкви, Петр Оосава, что женат на глухонемой. Он родом из здешних мест и хорошо знает всех здешних (в Канаици, Кидзука и прочих) христиан и здешние церковные обстоятельства. Из Канаици родом катихизатор Николай Сакураи, у которого здесь дом и земля.

4 / 16 октября 1892. Воскресенье.

Кидзука. Накане

Утром отправились в Кидзука, 10 чё от Адзики. Кидзука состоит из 50 домов; христианских домов два. В них христиан 11. Мы заехали в дом зажиточного крестьянина Тимофея, у которого жена Антония и дети, не знающие молитв; в доме, впрочем, и молитвенника нет. Не застали хозяина и его старшего сына-подростка дома. «Где?» — «Пошли перепелок ловить». Самое дело в воскресенье. Из другого дома пришла старуха с ребенком; и мы стали служить краткий молебен, во время которого подошел и Тимофей с сыном; человек он, видимо, хороший, и христианин недурной; жена — тоже; дал им наставление — молиться самим и учить молитве детей. Затем мы поспешили в Накане, где предложили совершить воскресную службу. От Кидзука до Накане 2 ри; ехали в тележках; только изредка приходилось вставать, где дорога невыносима дурна, размытая наводнением прошедшего месяца; дорога идет сначала по берегу реки, потом мимо обвалившегося вала, затем среди полей. Приостановились около дома Моисея Иваи, старшего брата катихизатора Иоанна Иваи. Отсюда в одном чё дом Матфея Като, отца катихизатора Игнатия Като, куда мы и направлялись, ибо там молитвенная комната для христиан Накане и окрестностей. Прибыли в десять часов, но начали службу в первом часу, ибо дождалось прибытия христиан из деревни Цунода, 20 чё от Накане. Все христиане, собравшись, ждали меня вчера до поздней ночи: так-то нужно быть осторожным при оповещении времени прибытия; ни за что ни про что мучатся бедные христиане из-за своего же усердия.

В ожидании сбора христиан исследовали Церковь по метрике, из которой, впрочем, здесь только выписка, подлинная же метрика в Фунао.

Христиан в Накане 18, в четырех домах; кроме того, умерло 4 и один охладел; да одна ушла от мужа и вышла за язычника. Всех домов в Накане 120. К Накане принадлежат селения: Хангивара, 3 чё от Накане; там один дом христианский с тремя христианами; домов в Хангивара до ста; Касагами с 130 домами, в 5 чё от Накане; там всего два христианина, и те охладели; Цунода с 20-ю домами, из которых 4 христианских, и в них 16 христиан, из которых один охладел; от Цунода до Накане 20 чё по дороге в Фунао. Итак, всех христиан в этой Церкви 36, из которых 14 мужчин, 11 женщин и 11 детей. Все эти четыре деревни ныне соединены в одно селение, под названием Хонгомур.

Гию здесь два: Матфей Като из Накане и Кирилл Бада из Цунода. Христиане по воскресеньям собираются к Като на молитву, но при ходит всего 10 человек, не больше; в субботу же совсем не имеют общественной молитвы.

Христиане Накане до сих пор жертвовали на содержание священника и катихизатора по 38 сен в месяц, христиане Цинода 25 сен — всего от всех здесь 63 сен; но заготовили прошение мне и ныне подали, чрез о. Фаддея, не брать с них этих денег, ибо они в нынешнем году пострадали от наводнения. Отвращение меня взяло и говорить о сем; я сказал: «Пусть не заботятся — такая ничтожная помощь их не нужна Миссии». Дом Като, прямо видно — богатейший, большие поля со всем обилием плодов земных, да не внизу только, где они действительно пострадали от воды, а на верху, на возвышении; как после, при посещении христиан, оказалось, другие здесь и в Хангивара также зажиточные, особенно Павел Като, учитель, от которого бежала жена; беднейший из них один, но и у того мы нашли перед домом огромные скирды риса. И при всем том просят простить им 38 сен! Что за грошовики! И скоро ли христианские чувства пробьют эту толстую кору языческого своекорыстия! Обидно за них.

В час началась обедница; после нее поучение, перешедшее в наставление непременно завести здесь для оживления христианского усердия, мужское и женское симбоквай, со своими кооги, и рассказано, как вести его.

В четыре часа отправились посетить христиан здесь и в Хангивара. В шесть часов была вечерня с поучением пользоваться особенно святыми таинствами Покаяния и Причащения для воспитания души для Царствия Небесного. С семи часов началась проповедь для язычников, которых было человек 20; говорили о. Фаддей и я, — кончили в десять часов.

5 / 17 октября 1892. Понедельник.

Цунода. Сообфукэ. Фунао

Утром верхом на грузовых лошадях (для меня, впрочем, нашлось у Като ездовое седло) отправились из Накане, ибо ночью шел дождь и

предположенное вчера путешествие пешком не могло состояться, — тележек же здесь нет.

В Цунода посетили христиан; два брата Вата, Кирилл и Мефодий, живут богато, особенно первый; другие два дома бедноваты, но не бедны. Сопровождаемый Кириллом по деревне я спросил: «Здесь было наводнение?» — «Нет», — говорит; значит, прошение — простить кёокиу 25 сен с христиан Цунода по причине наводнения лживо. После, при объяснении в доме Мефодия, оказалось, что Матфей Като включил в прошение христиан Цунода без их ведома и согласия. Тот поступок Като очень неблагоприятный. Стали сетовать еще христиане, когда мы сидели в доме Мефодия, что Матфей Като никем не любим — совсем неприветливый, ни к кому не ласковый; «Например, — говорил Кирилл, — вчера спозаранку пришел к нему в дом Томии, некто из этой деревни (из Рокуга, 1 ри от Цунода, катихизатор Симеон Томии, у которого там жива мать), хороший между язычниками, читающий Священное Писание, уже совсем близкий к христианству (двоюродный брат Симеона Томии); пришел послушать проповедь; принес в подарок Като полотенце, — и хоть бы слова приветия от Като было, ни чашки чаю, ни чашки воды даже, — так и просидел все время до проповеди, и, конечно, другой раз к Като не придет, поэтому и молитвенная комната в его доме некстати, — люди стесняются ходить и на молитву». Я убеждал снисходительно относиться к недостаткам Като, а смотреть на его доброе, которого у него не мало: он — первый по времени из здешних христиан; его сын служит катихизатором, и служит хорошо; если-де смотреть только на дурное в человеке, то и нас всех также нельзя терпеть, как Като, и так далее.

В одном ри от Цунода Софуке (80 домов). Здесь также посетили христиан, три дома: 1) отца катихизатора Ивана Иваи — Авраама, торгующего здесь; у него старуха жена и дочь десяти лет, просящаяся в женскую школу; 2) некоего Фомы Иваса, обедневшего, кажется, по лености, но прежде, говорят, богатого землевладельца; 3) Петра Катори, здешнего богача и очень уважаемого в окрестности земледельца. Этот Петр крещен мною пятнадцать лет тому назад; но потом ослабел в вере, хотя совсем ее не потерял, ибо икона стоит на своем месте в его кабинете; даже совсем вышел из Церкви (дакквайсита): объявил и даже написал здешним христианам, что он больше не принадлежит к их обществу. Принял он меня холодно, но мало-помалу разогрелся; я совсем забыл, что он крещен мною, — и он на первый раз ко мне не признался, но разговорились, и я припомнил, как крестил его в Мацузаки, как был потом у него. Оказалось, что он вышел из Церкви просто по нежеланию быть в обществе людей с неодобрительным поведением, каковы некоторые из здешних христиан. Я предложил ему постараться основать в Софуке церковную общину самостоятельную. Обещал прислать катихизатора на месяцы, свободные для земледельцев от работы, даже того

самого, который был здесь пятнадцать лет назад, Спиридона Оосима. Он известит меня, если решится на это; во всяком случае, обещался он с этого времени воспрянуть духом; не знаю, на сколько Господь поможет ему в этом; горд он, к сожалению — это видимо; но в тоже время и добра в нем много, и христианское чувство не погасло; не погасло же, значит, если стоя пятнадцать лет один, в среде несимпатичных ему людей, не сделался окончательно ренегатом. О. Фаддей будет отныне больше заботиться о нем.

К полдню прибыли в Фунао, 10 чё от Софуке. Старик Моисей Тоба и несколько других христиан встретили за деревней. Здесь настоящий маленький храмик и около него дом, также очень маленький, для церковника, которым служит ныне Павел Такахаси, живущий здесь с женой Софьей, — отец бывшего катихизатора Григория и учительницы Надежды Такахаси. В ожидании сбора христиан, рассмотрели метрику, которая здесь одна для Фунао, Мацузаки, Тадарада, Софуке, Цуноде, Накане, Касуками, Кадзики, Фуса. Всех записанных в ней крещенных 174. Мы сосчитали только принадлежавших к Фунао, Мацузаки и Тадарада: оказалось 78 душ налицо; кроме того, умерло 26; охладевшим сказался всего один. Значит Церковь здесь, сравнительно с многими другими, и большая, и хорошая. Сицудзи здесь четыре: Николай Судзуки, Симеон Тосима, Давид Тосима и Яков Хиракава. К богослужению собираются мало: в субботу человек 10, в воскресенье человек 15. Читает службы Павел Такахаси; человека четыре поют; учились они у Надежды Такахаси, бывшей здесь у отца на каникулах. — Есть собрание женщин; именно во второе и четвертое воскресенье месяца человек десять женщин после службы остаются в Церкви и говорят о церковных делах.

Жертвуют мужчины в месяц 72 сен, то есть, как объяснял Такахаси, обещали жертвовать, что, однако, плохо осуществляется; женщин 9 положили давать по 2 сен в месяц, что значит, составляет 18 сен, коли все дадут. Бывают и экстренные пожертвования. Так, в нынешнем году сложились все здешние и окрестные Церкви, до Киороси включительно, и купили японской парчи на гробный покров, который с подкладкой и кистями стал 20 ен. Его берут по Церквам, где есть покойник, и немедленно возвращают сюда на хранение. При покрове показали мне два длинных знамени, одно с белым крестом, другое с красным; их несут пред гробом. Вот и новый обычай, совсем самородный в Церкви; я уж посоветовал кстати делать крупные надписи на знаменах текстов из Священного Писания, как: «Блажени умирающие о Господе», и подобные.

Церковной земли здесь 300 цубо; куплена она от Авраама Тосима за 10 ен, то есть он почти всю стоимость земли пожертвовал. На нее христиане перенесли купленный домик, который, вместе с переноской, вошел в 70 ен. (И говорят, что здесь поступил нечестно Николай Судзуки; домик куплен именно от него, и преплохой); в нем христиане прежде

собирались на молитву. Потом куплен и перенесен сюда дом, составляющий нынешнюю Церковь; обошлась эта постройка в 100 ен.

Около трех часов сказали, наконец, что христиане собрались, и мы начали служить вечерню; пели совсем плохо — человек пять мужчин. Проповедь; убеждение завести мужское и женское симбокквай с своими кооги; рассказано как вести его. Охотно согласились мужчины и женщины. Испытание детей в знании молитв; трое прочитали «Отче наш»; другие оказались незнающими. Сказано поучение родителям об обязанности их воспитывать детей для Неба, в чем им помогать даны Ангелы, которые, если родители не будут учить детей молитвам и страху Божию, станут обвинять их пред Отцом Небесным.

С пяти часов назначена была, еще до нашего приезда, проповедь для язычников. К половине седьмого человек 15–20 язычников собралось. О. Фаддей, потом я сказали обычные начальные поучения язычникам. К десяти часам проповедь кончилась, к одиннадцати разошлись и христиане. От непрерывного многочасового говоренья у меня горло устало страшно.

6 / 18 октября 1892. Вторник.

Фунао

Спал я в Церкви, ибо больше негде; впрочем, Церковь неосвященная; да и подобие Церкви составляет только нечто вроде иконостасной перегородки, без икон, кроме Евангелистов.

Обедница и панихида назначены были с семи часов, человек 30 с детьми христиан собралось к восьми. Отслужили, потом было длинное поучение: объяснение первого, второго и третьего прошения молитвы Господней с приложениями к местным христианам и обстоятельствам. Перейдено — к симбокквай и предложено здесь же избрать людей для кооги, утвердить часы собраний и прочее, что все и сделано. Потом сказано поучение о помиловании усопших и объяснено значение кутьи.— Сицудзи представили мне охладевшего в вере Сабина, который, однако, теперь оживился и просит иконы, ибо он после крещения не получил ее, и крестика вместо потерянного им. Даны, равно как и другим, затерявшим свои крестики.

Сегодня мы предполагали посетить дома христиан и к вечеру отправиться на лодке в Сакура. Но дождь рубит непрерывно целый день; теперь вот уже половина второго часа пополудни, а никуда нельзя выйти, — дождь рубит, — утонешь в грязи. В третьем часу дождь несколько стих, и мы отправились посетить христиан в Фунао и Тадарада, оставив Мацузаки на завтра. Ибо эта деревня у озера, по которому нам плыть в Сакура, посетили сначала в Фунао пять домов, потом в Тадарада четыре, потом опять в Фунао два, ибо Фунао разбросано на довольно

большом пространстве, и Тадарада ближе к церковному дому, чем большая часть Фунао. Сначала посещенные пять домов все — незажиточные, но и не бедствуют. В Тадарада два дома очень богатые: Давида Тосима (которого покойный отец — Авраам, пожертвовал землю под Церковь) и одного молодого человека, которого отец и все в доме еще язычники, и у которого поэтому иконы в доме не оказалось — не волен повесить, тогда как буцудан — великолепный; попросил, впрочем, ныне у меня икону; еще один дом зажиточный; только самый старый христианин Симеон Тосима бедно и очень грязно живет, «потому что ленив», говорят. Остальные два дома в Фунао, оба Тоба, один старика Моисея, quasi ученого, — зажиточный, другой Александра — первейший по богатству здесь. Этот Александр Тоба крещен мною в Токио, пятнадцать лет тому назад; я потом был у него — принятый во втором этаже надворного строения. Он совсем охладел к вере, и до сих пор не заявлял себя христианином; Благодать Божия, однако, хранила и у него икону, как у Петра Катори (с которым они вдвоем — первые люди по округе по богатству и почету). Ныне он оживился. Вчера пришел в Церковь, участвовал в молитве, слушал все поучения и проповедь к язычникам, зазывал стоявших вне Церкви язычников войти; он здесь окружной староста (сончэ); его пример может привлекать к слушанию веры других, если он, так как вчера, открыто будет заявлять себя верующим, что он обещался делать отныне. К сожалению, у него отец есть, в 67-летний старик, нехотящий приинкнуть ухом к христианству, вероятно, потому, что держит наложницу, которую — знает — что должен бросить, если сделается христианином. У Александра Тоба приемышем Иоанн Тоба, родом из Киороси, но должен быть до времени только, ибо у него родился свой сын; приемыш учился в Семинарии и вышел при недавнем беспорядке в оной; а юноша добрый — жаль, что вышел. У Александра Тоба иконы не оказалось. Ибо после крещения не было такой, какой он хотел — Спасителя с державой; после же он охладел и не позаботился приобрести. Ныне я дал ему икону Спасителя и советовал выписать из России — в серебряном окладе, соответствующую его богатому дому.

При посещении христиан меня таскали в тележке, ибо иначе к завтраму сапог не стало бы; на всю округу здесь всего одна тележка и оказалась, потому о. Фаддею и катихизатору пришлось месить глубокую грязь пешком, что в гета, впрочем, почти нипочем. Во время нашего путешествия дождь, наконец, стих. К сумеркам вернулись домой; я сильно прозяб и потому с удовольствием напился чаю. В восьмом часу пришли несколько христиан и малость язычников. Отслужили вечерню, причем Павел Такахаси читал, и плохо, какой-то прерывающийся голос у него, притом же, по-видимому, малограмотен. После службы я рассказал историю Товита в назидание, как Господь хранит чрез Своих Ангелов людей благочестивых. Потом о. Фаддей говорил поучение оставшимся двум язычникам (прочие язычницы, пришедшие с детьми за плечами

разбрелись до окончания моего рассказа). О. Фаддей говорит поучения хорошо; слово его — живо и умно, подобиями и примерами умеет пользоваться. Когда все разошлись, мы втроем и Павел Такахаси остались в Церкви, и учли Павел Такахаси и катихизатор Акаси жаловаться на Николая Судзуки, что он никогда не ходит в Церковь, жаден до прибыли и прочее, — на других тоже, находят, что здесь, кроме некоторых, совсем нет хороших христиан; очень уж Такахаси рисует все мрачными красками, кажется; я убежден смотреть любовно, снисходительно к недостаткам, ибо и достоинства — хоть бы у того же Судзуки есть, — он первый по времени здесь христианин и немало сделал для Церкви, по крайней мере, прежде, если не теперь; теперь он, действительно, сделался плох, по-видимому, тоже просил не брать кёокиу с сей Церкви, 70 сен, — и это его дело, другие приложили печати по его настоянию.

Акаси — катихизатору, положили мы заботиться о приобретении новых христиан в Киороси, Фуса и Оомори, ибо там он останавливается подолгу; в других же Церквях пусть имеет заботу только о христианах; и пусть посещает другие Церкви по два раза в месяц, по крайней мере первые два месяца отныне, чтобы завести назначенный по Церквям симбоквай: в первое посещение пусть укажет, что готовить для кооги, во второе — пусть посмотрит, приготовили ли, и поможет приготовить, если нужно. Когда собрания заведутся и установятся, тогда он может посещать христиан по разу в месяц, чтобы иметь больше времени говорить катихизации новым слушателям в Киороси, Фуса и Оомори (каковые три места, по близости, составляют одно). На путешествия ему будет даваться помощь от Миссии.

О. Фаддею я сильно внушал не принимать таких прошений с отказом от кёокиу, какие ныне подали Като в Накане и Судзуки здесь (они, впрочем, отослали эти прошения в Миссию, и о. Фаддей оттуда захватил их).

Он должен в таких случаях говорить наедине с человеком, пристыдить его (мол, мне стыдно и доложить Епископу такую просьбу, он — иностранец, и что подумает о нас, грошовиках!) и прочее.

В один час мы легли спать, и холодно же было ночью! В драповом подряснике под драповой рясой нельзя было согреться — в первый раз в нынешнем году так холодно.

7 / 19 октября 1892. Среда.

Мацузаки. Сакура

Утром, простившись с несколькими собравшимися христианами Фунао, отправились в Мацузаки; посетили семь домов; ни одного дома нет бедного; а Фурукава — купец, Деяма (у которого развешаны были по комнате писанные приветствия мне), Ханасима, сосед Николая Судзуки, вместе с ним самый старый христианин в Мацузаки, очень зажиточный,

Николай же Судзуки и совсем богатый. У всех есть иконы и молитвословы. Пока достигли дома Николая Судзуки, последнего из посещенных, был почти полдень, так что кстати Николай Судзуки предложил обед.

Он оказал мне расписание христиан этой Церкви — по два дома — на помощь дому, где есть покойник; первая пара уже исполнила свою очередь у недавно умершего; в первый раз вижу здесь такое заведение, и оно очень целесообразно. С холма у дома Судзуки мы осмотрели окрестности, пообедали и, простившись с катихизатором Акаси, которого приход здесь окончился, и остальными христианами этой Церкви, отправились на лодке по озеру Инба в Сакура, 3 ри от Мацузаки, с о. Фаддеем вдвоем; лодочники были христиане. В четвертом часу прибыли в Сакура и остановились в гостинице Кадзусая, Цубои — фамилия хозяина, жена которого и дочь — христианки; жена Дарья пятидесяти лет, дочь, забывшая свое имя, но по словам матери — Ольга; обе давние христианки, лет пятнадцать тому назад крестившиеся, но совсем забывшие веру, имеющие в доме икону, только случайно доставшуюся им от недавно умершего здесь христианина — портного Судзуки, и ту не употребляющие, христианского чувства, однако, последнюю искру не потерявшие. Насчитывают они целый десяток катихизаторов, приходивших в Сакура на проповедь, от Спиридона Оосима до нынешнего Иоанна Катаока включительно; и вот плод всей этой когорты — они сами, сын Дарьи, ныне где-то в другом месте живущий. Полицейский Петр Ямада, тоже пятнадцать лет тому назад крестившийся (тот самый, которого католики чуть не соваляли и для поддержания которого в борьбе с ними отправлялся в Сакура Петр Кавано из Токио четырнадцать лет тому назад) и вышеозначенный умерший портной.

Есть еще христиане в Эбара, 20 чё от Сакура (100 домов населения). Катаока там проповедывал, и ныне 5 христиан там в пяти домах, все — молодые люди, работающие сапоги на стоящих здесь солдат. Пока мы говорили с Дарьей о Сакура, пришли двое из них, Сергей и Павел, как видно, прямо из мастерской, с руками в смоле и саже; люди показались мне порядочными, тем более, что все они из сизоку. Принесли они здешнюю метрику; в ней записано крещенных в Эбара 9, из них 2 — дети катихизатора Катаока, 2 теперь в Токио. У них в Эбара есть маленькая икона, и они, по их словам, собираются вместе молиться. Сегодня трое из них заняты то того, что не могли прийти видеться со мной; двое пришедшие также поспешили уйти, сказав, что должны идти к своему делу. Пришел Петр Ямада, тоже на короткое время, ибо оставил свое дело в полиции, к которому должен поспешить вернуться. Снова посетовали на доселешнюю неуспешность проповеди в Сакура, и предложил я следующее Петру: так как он родом здешний, то знает множество здешних сизоку, а здесь их много, ибо была резиденция князя в 11 ман коку; пусть же он найдет одного или двух между ними, от 20 до 40 лет, с хорошим поведением, незапятнанным именем и способных еще учиться;

пусть предложит им в перспективе катихизаторскую службу; но так как в Катихизаторскую школу можно поступить только христианину и с склонностью к проповедничеству, то пусть Петр избранного им пошлет в Токио; здесь сей будет помещен у какого-нибудь катихизатора и научится христианству; если он, узнав веру, не почувствует сердечного желания принять ее, то пусть с тем и вернется в Сакура; если же крестится, то будет помещен в Катихизаторскую школу и чрез два года выпущен будет катихизатором именно в Сакура. Эта мысль мне пришла потому, что Петр Ямада сказал, что здесь трудно пришлому войти в близкие отношения с людьми — очень неохотно завязывают знакомство и дружбу.— Сказал я Петру, что если избранный им будет, то он может получать на пищу от меня, пока будет изучать веру. Ямада обещался поискать, и, если найдет, известит меня о том.

В 2 1/2 ри от Сакура, в Инбагоори,— селение (из 120 домов) Нанае. Там теперь Павел Нициума, недавно лишенный сана и монашества за блуд. Прибывши в Сакура, мы тотчас отправили посланца туда с зовом Нициума сюда, сегодня вечером или завтра рано утром. Он ответил, что сейчас придет с одним или двумя из братии. В десятом часу вечера и пришел, видимо, очень обрадованный свиданием; я тоже был рад видеть его и утешить, так как, мне казалось, он должен немало страдать в душе. Я, однако, ошибся; какого-нибудь горя и следа в его лице не было. Я обратился к нему с следующими словами, после первого приветствия: — Брат Павел, ты взял ношу не по силам, упал под ней; встань, возьми другую по силам и иди бодро к Царствию Небесному: прими Таинства Покаяния и Причащения, потом перевенчайся с Марией Изава и живите себе с Богом.— Я этого исполнить не могу, жениться я не намерен.— Отвечает, и лицо его сделалось совсем нехорошее, то ожесточенное лицо, которое я видел у него, когда убеждал признаться в грехе, или очистить себя от подозрения, толкуя с ним много раз в Миссии.— Но как же ты будешь жить? Ведь ты виноват в блюде с нею и прижитии ребенка! — Молчит, с лицом совсем уже злым.— Или ты не виноват? В таком случае, зачем же ты не доказал свою невиновность? — Я принял ваше решение о лишении меня сана; чего же больше? Хотя решение это состоялось без меня.— Но ты был зван три раза; и не только три; твоим друзьям я постоянно твердил еще, чтобы звали тебя в Токио; ты не послушал никаких убеждений; решение и состоялось в твое отсутствие, как по Закону делается, когда обвиняемый упорно отказывается явиться. И какие ты отговорки представлял! Будто я тебя хочу заключить здесь под арест в комнате, как будто ты не знаешь, что по духовному суду это невозможно! Или еще лучше: будто я хочу послать тебя в Россию в заключение там под арест. Как можно выдумывать такие нелепости! — Я их не выдумывал, мне писали из Токио.— Возвращаюсь к главному: зачем не хочешь жениться на Марье, чтобы покрыть грех? — Затем, что я обещался не жениться, и не нарушу своего обещания.— Так опять

спрашиваю: не виноват ли в грехе? Сто раз я тебя спрашивал, и вечно ты молчишь на этот вопрос,— теперь тоже уклоняешься от прямого ответа: виноват, или нет? — Скажу одно: я не имею отношения к тому ребенку. Ребенок этот взят Марьей на воспитание, это не ее.— Так отчего же она тогда не явилась в Токио, чтобы одним появлением своим доказать, что совсем не беременна и не скрылась, чтобы родить? Я убеждал тогда тебя, чтобы вызвал ее.— Я писал ей, но она не захотела приехать, больна была.— Это дело такое важное для всей Церкви, что и больная должна была приехать, хоть бы в носилках.— Теперь я больше ничего не скажу на ваши вопросы, а чрез три года вы узнаете все,— тогда все объяснится.— Ты уже говорил об этих трех годах, но почему же не теперь? Не думаешь ли ты принять напрасное поношение для душеспасения, и потому не открываешь своей невинности? Но ты мог бы это делать, будучи частным лицом; в качестве же священнослужителя ты не имеешь права — вместе с собою позорить всю Церковь в глазах не христианства только, и наших, и инославных, но и язычников.— Во всяком случае, теперь я больше ничего не скажу и жениться не стану.— Напрасно было и приходить сюда с таким расположением духа, и я ошибся, позвав тебя; думал утешить, а ты тот же ожесточенный, который мучил меня в Токио, и, страдая из-за которого, я ночи не спал. Вернись к себе и обратись ко мне тогда, когда душа твоя размягчится и почувствуешь нужду в покаянии. Ты всегда найдешь во мне любящего тебя по-прежнему.

С сими словами я хотел распрощаться с ним, но симпатия к нему взяла верх, и я, сняв с души неприятное расположение, обратился с вопросом о его теперешнем житье-бытье. И он тотчас же переменялся; лицо сделалось добрым и приятным; с радостью, почти с восторгом, он начал рассказывать про свое нынешнее дело. На деньги Марии Изава, 1000 ен, он купил земли больше 33 тысяч цубо, и теперь строит на ней школу для мальчиков и девочек. В школе будут учителями бывшие с ним в Коодзимаци Осатаги, Давид Огава и еще кто-то, учительницами Марья Изава, две другие девицы оттуда же, из Коодзимаци, ныне живущие там. Разводит также на земле тутовицу, чтобы производить шелк, делает огороды для овощей; работает сам и все с ним. Умеет он привязывать людей к себе; должно быть, не верят в то, что он виноват, все живущие с ним и подчиняющиеся ему точно рабы. Христианство также проповедует он там; своего хозяина Такеда, у которого ныне квартирует, обратил в православие, а он уже почти был убежден принять протестантство.— Когда сто человек будет приготовлено к крещению, тогда позову Епископа крестить; кстати, и освятить наше место и школу.

Я ответил, что при нынешнем его двусмысленном положении относительно Марьи, не могу исполнить его просьбу; священника же пришлю. Убеждал его продолжать проповедь, хотя это будет его частным делом, но не зарывать в землю Богом данного ему таланта — красноречия и знания вероучения. Говорит он, что в продолжении трех лет

устроит школу и все, что он предположил, сдаст (должно быть Марии, которой деньги) и отправится сам проповедывать. Я ничего не сказал ему на это, ибо в душе сильно сомневаюсь, чтобы его школа и все его предприятие три года продержалось.

При нашем с ним разговоре присутствовал о. Фаддей. Приведенные же им с собою Иоанн Оохаси и Давид Огава ждали в дальней комнате и не слышали разговора. Простившись, наконец, с Ниццума задушевно и дружески, я благословил присланных им в комнату ко мне Оохаси и Огава. — Что за странный этот человек! Отчего не сознается или не открывает свою невинность? О. Фаддей думает, что гордость мешает ему. Мне кажется, что скорее желание иметь даровых работников и работниц, ибо теперешние окружающие его, вероятно, освободились бы от очарования и оставили бы его, если бы убедились несомненно из его собственного признания, что он виноват, хотя и теперь его виновность доказана слишком явно, но только не для слепых, быть может, каковы очарованные им нынешние рабы и рабыни его.

8 / 20 октября 1892. Четверг.

Циба. Тоогане

Утром совершили утреннюю молитву вместе с Дарьей и Ольгой, как вчера и вечернюю; потом Дарья и пришедший Петр Ямада рассказали, между прочим, про неодобрительное поведение здешнего катихизатора Иоанна Катаока: занимает деньги у всех, ленится проповедывать, выпивает при случае лишнего; недавно, в ожидании меня, жил четыре дня у Кадзусая, ел и пил — пил лишнее, угощал приходивших из Эбара христиан, а пришлось к расплате: «Заплатчу, мол, в конце месяца»; с тем и ушел.

В девять часов отправившись из Сакура, к полудню прибыли в Циба, 5 ри от Сакура. В Циба тоже проповедовали несколько наших катихизаторов по временам, и по метрике здесь значится 15 крещеных, из которых двое умерли, один в тюрьме за растрату казенных денег, один был в тюрьме за подлог — теперь неизвестно где, прочие тоже все в разброде; двое всего, кажется, ныне в Циба, но и тех нельзя отыскать, только один из крещенных в Циба налицо — это сам нынешний катихизатор здешних мест, вышереченный Иоанн Катаока. Живут в Циба христиане, пришедшие из других мест, три семейства: 1) Давид Онума, бывший катихизатор, ныне письмоводитель при губернаторе, с женой и четырьмя детьми; 2) христианин из Такасаки, обучающий здесь шелководству, с женой и ребенком и 3) христианин из Токио, служащий в тюрьме, с женой; служит еще врачом в тюрьме племянник Онума, учившийся некоторое время в Семинарии.

Остановившись в гостинице, по прибытии в Циба, мы послали известие Давиду Онума, и он тотчас прибыл, видимо обрадованный свиданием.

Поговорили мы, в тоже время пообедали и отправились с о. Фадеем дальше, ибо не было причины останавливаться дольше, за несуществованием местной Церкви.

В сумерки прибыли в Тоогане, остановились в гостинице и послали за катихизатором Иоанном Катаока. Он пришел с женой и грудным ребенком, который у него третий из детей. Рассказ о Церкви не занял много времени; всего здесь два христианина: слепец, крещенный в Токио, и перешедший из католичества в Кабусато. Потом, есть слушатели здесь, в Тоогане, и в окрестных деревнях, по словам Катаока, человек 13 (а по недавнему письму его о. Фаддею 26). Проповедывал здесь прежде Петр Дзикен, недавно в Токио ушедший без спроса с катихизаторства и из города, по огорчению от истории с Павлом Нищума; Катаока говорит, что он оставил здесь по себе недобрую память, что будто к нему ныне сбежала дочь хозяина, у которого он квартировал. Впрочем, Катаока не совсем можно доверять. Он же сейчас плел, будто гостиница Кадзусая в Сакура — дом нехорошей репутации, что-то вроде публичного, между тем как мы сами с о. Фадеем только что из него и не заметили никаких признаков сего, равно как и от других слышали хорошие отзывы о нем. Сказавши Иоанну Катаока, чтобы он завтра утром к восьми часам собрал в молитвенную комнату двух христиан и тех из слушателей, которых можно, я простился с ним в десятом часу вечера.— Дождь все идет; дороги скверные; холодно и всегда пасмурно, что очень портит путешествие.

9 / 21 октября 1892. Пятница.

Тоогане. Кабусато

В восемь часов утра отправились в квартиру катихизатора Катаока, где молитвенная комната и где должны были к этому времени прийти оба христианина здешней Церкви: слепец Исаак и Гавриил, что из католиков. Живет Катаока на самом конце города, или лучше за городом, а город Тоогане — длиной в 1 ри, значит, к нему слушателям добраться очень неудобно, особенно в дурную погоду; живет в школе, то есть занимает крошечный домишко около самой школьной комнаты — значит, для катихизаций в удобные часы совсем неудобно. Нашли мы еще одного слушателя там. Отслужили литию; стал я говорить поучение двум братьям и слушателю и скоро же свел его на поучение катихизатору. С второго месяца живет здесь Катаока, и ни одного крещения! Значит, ленился, а также разбрасывается: завел, по его словам, катихизации в разных деревнях на разных расстояниях, до двух ри включительно, и, конечно, говорит везде и всем понемножку и редко; оттого никто ничего не воспринимает и не принимает — нет и приготовленных к крещению. Сам же говорит, что слушатели есть, сегодня пред всеми тоже насчитал 13;

если слушатели есть, а крещений нет — катихизатор сам себя обвиняет — значит, он или ленив, или не умеет распоряжаться; у Катаока, как видно, и то и другое. Строго я наказал ему: отныне далеко от Тоогане катихизаций не заводить, сосредоточить свои силы и время катихизаций последовательно и часто, по крайней мере, в два дня раз одним и тем же слушателям, если каждый день нельзя для них. О. Фаддею наказал наблюдать, чтобы это было исполнено. Но едва ли выйдет прок из Катаока: беспутный он, кажется, неисправимо. Трое ребятишек его сновали и кричали все время тут же; катихизатору нужно иметь комнату для семейства, отдельную от молельни, и там держать своих детей во время проповеди; оттого и даются катихизаторам квартирные особо; но с такими, как Катаока, что поделаешь!

В девять часов мы с о. Фаддеем отправились дальше, в Кабусато, 8 ри от Тоогане. Дорога была очень грязная до Мацуо, на полпути, где мы заметили очень хорошую и новую протестантскую молельню. От Мацуо до Асахимура дорога прекраснейшая, даже в дождливое время, и по временам едешь, точно в аллее — длинной-длинной. От Асахимура до Кабусато дорога по полям, скорее — тропинка, избитая и узкая, едва доступная для дзинрикия. В два часа добрались, наконец, до Кабусато. Филипп Узава, здешний катихизатор, не оказался дома — отправился в Оота, 3 ри, встречать меня. Застали у него небольшую школу; вывеска «сингакуся» (духовная школа); учит разным школьным наукам и к ним прибавляет Закон Божий. Сегодня вместо него учил в школе Стефан Исидзука, бывший катихизатор, выключенный по негодности, ныне здесь изучающий красильное мастерство (родом из Цицибу).— Хотели было, на досуге, познакомиться с Церковью по метрике, но Исидзука оказался незнающим здешних крещенных; и потому мы от нечего делать занимаемся ныне чаепитием, оно и кстати — с холодного до костей пробравшего ветра.

По метрике в Кабусато 19 христиан; из них умерло 2, в других местах 2; 15 на месте, в 7 домах. Прежде же заведения здесь метрики, в Оота крестились из здешней Церкви 10, из семи домов; итого здесь ныне 25 христиан в 14 домах. Катихизатор Филипп Узава — здешний богатый земледелец; у него в доме отец и мать еще язычники, жена и четверо детей — христиане. В его школе; сингакуся, больше двадцати мальчиков, из которых двое — христиане — его дети, прочие — дети соседей язычников. Подряд с домом Филиппа — дом его младшего брата Александра. Ито, бывший катихизатор, с женой и ребенком, — также тамошний земледелец. Взят он был с катихизаторства и помещен для довершения образования в Катихизаторскую школу в Иоодзимацци, потому что проповедь его все время была бесплодна, и малоспособным он к ней казался, потом выключен и из школы за малоуспешность. В Тега, однако, говорили, что он совсем не так негоден, как казалось: в деревне Иваи почти совсем приготовил слушателей к крещению, и там жалели, что

его взяли от них. И думается мне, опять бы вернуть его в школу, немножко прибавить ему ясности знания и пустить на проповедь в деревню; не могут уживаться в деревнях из дворянства проповедники — груба и слишком проста жизнь, не по ним; благочестивый же Николай Ито, да вот Филипп Узава — мужички — отлично идут к этой жизни. И в других местах по деревням нужно присмотреть способных людей и пригласить в Катихизаторскую школу для приготовления из них деревенских проповедников.

Христиане Кабусато собираются на молитву в субботу, с восьми часов вечера, бывает человек 10; в воскресенье, с девяти часов утра, — бывают все, по словам Узава, если нет спешных полевых работ.

Гиюу здесь 4: Александр Узава, Макарий Огава и Марк и Лука Ооги.

Бывают здесь симбокквай — мужское и женское, по разу в месяц, если очень недосужно по работам. На мужском собрании бывает человек 20, происходит в воскресенье, после общей молитвы. «Что делают на нем?» — спросил я. — «Едят, пьют вино, говорят о церковных делах, Филипп говорит учение, и другие, кто может, говорят», — отвечали мне простоудшно. Вино, пьют, конечно, не в изобилии, а как приправу к трапезе. На женском собрании, бывающем тоже в воскресенье, Филипп говорит поучение. «На чей счет трапезуют?» — «Филипп Узава дает полосу на своем поле в общую пользу; ее обрабатывают сообща, и снимаемый с нее рис, мешка два в год, и служит для сего». — Жертвуют здесь и деньгами; именно: на священника в месяц христиане дают 20 сен, и Филипп Узава 30 сен, всего 50 сен (небогато с таких богатых, как Филипп, мужиков!).

Филипп Узава — человек богатый, по всем признакам искренно благочестивый и радетельный для Церкви, и, несмотря на то, берет содержание от Миссии, слыша постоянные убеждения Миссии японским христианам — поскорей ставить Церковь в материальном отношении на свои ноги. У нас бы такой человек не только сам бы содержался на проповеди, но и содержал бы других, а здесь молотом нельзя прошибить какую-то закоренелую эгоистичность у самых лучших людей! И между тем бонзы Монтосиу сотни тысяч собирают с своих прихожан — там не скупятся. Что это? Скоро ли христианство хоть искру своего действия окажет, видимую искру (незримых душевных движений мы судить не можем)? Печально это!

Местность эта теперь носит название Сукамура: к ней принадлежат четыре деревни, имеющие свои азана: Кабусато, Такамура, Ёкосука и Коося — все лежащие подряд, на пространстве 1 ри — радиуса и на 3 ри кругом. (Это соединение селений в волости — новое распределение, началось, кажется, с 1889 года).

В сумерки сыскался домой Филипп Узава, в восемь часов начали вечерню; поют очень плохо — зря не обращая внимания на ноты, которых не знают. Поучение, перешедшее в наставление завести симбокквай со своими кооги, как в других Церквях, — и рассказано, как вести

его. Мужчины тотчас согласились. Женщин всего четыре здесь, но есть две оглашенные, поэтому предложено и женщинам завести свое симбокквай; представлено в примере симбокквай христианок в Нанаебама, около Хакодате, где только 6 взрослых христианок, безграмотных, и, однако же, у них собрания производятся и кооги с помощью катихизатора отлично приготавливаются.

10 / 22 октября 1892. Суббота.

Кабусато

Утром, с девяти часов, должна была начаться обедница; началась в десять; очень уж в деревнях неаккуратные насчет времени. Пели обедницу и панихиду, так плохо и дико, что совсем расстроили всякое молитвенное расположение. Положительно, нужно воспитать больше учителей пения для рассылки их по провинциальным Церквам. По окончании службы было поучение о необходимости воспитания и поддержания в душе христианской ревности; потом — о помиловании умерших. Черта бесцеремонности в деревнях — зевание во весь рот прямо пред тобой не мало смущает во время речи.

Потом было чтение адресов — от христиан и от учеников духовной школы. Затем пошли в школу, и я проэкзаменовал учеников по Закону Божию: знают на память молитвы и язычники, но читают [?] их, разумеется, механически; читают и несколько объясняют начальное христианское учение (сёдзицуноква) и Православное Исповедание; отвечают на вопросы — в пределах Символа веры по сим книжкам. Что ж, и это хорошо! Хорошо, что человек завел христианскую школу и приручил к ней языческих детей. Дал детям полторы ены на пряники и отправился обедать, ибо был уже час пополудни, но тут потерпел неудачу: поусердствовали и оставили голодным; зарезали курицу, но мясо нельзя было разжевать, целую рю ходили в даль, чтобы купить пуговичного рака, но мясо его подали сырым; велел я дать теплой воды, положил в нее сахару и, прихлебывая сладкой водицы к рису, пообедал, что-то вроде кутьи, — обед вышел хоть куда.

В два часа началась проповедь для язычников; собралось всех с христианами человек 70, и из язычников, как говорил Узава, пришел все народ порядочный. Говорил сначала бывший катихизатор Стефан Исидзука — очень порядочно — о необходимости религии, потом о. Фаддей — о необходимости познать Отца Небесного. Я сказал обычную начальную язычникам. Кончилась проповедь около пяти часов, и под конец ее я чуть не задохся от дыму, нашедшего из кухни; все время проповеди дым глаза ел, в конце же сделался просто невыносимым, но для слушателей, как видно, он был просто не заметен, и признака не было, чтобы он

кого-либо обеспокоил, — настоящая здесь деревня! Дай Бог только, чтобы чад душевный благодатию Божию сдуло с их душ!

Не все, впрочем, здесь малообразованные крестьяне; есть между нашими христианами некто Сократ Хираяма, имеющий дом и землю в 2 ри от Кабусато, и ныне пришедший сюда по случаю моего приезда; это — бывший чиновник Момбусэ, человек очень образованный и ученый по-китайски; он также имеет школу, в которой 70 учеников.

Филипп Узава был одним из самых усердных приверженцев бывшего иеромонаха Павла Ниицума. Через него Ниицума нашел и сторговал свою землю в Нанае, еще в седьмом месяце, в восьмом же купил ее. Такеда, у которого куплена земля, хороший знакомый Узава. Узава подарил домик Павлу Ниицума, домик этот превезен на купленную землю. Узава доставил ему рабочих обрабатывать землю; один из них и теперь там работает, получая пищу и 5 сен в день. Все это Узава делал, когда был убежден, что сим служит Церкви, ибо Ниицума представляется все хлопотушним об интересах Церкви: завести-де самостоятельную, по содержанию себя средствами, Церковь и школу; сам он имел в виду — заведывать школой в Нанае и в то же время служить по-прежнему в Коодзимацци. Но и тогда Филиппу Узава не все нравилось в Ниицума; так, купив землю за 700 ен, он записал ее купленную за 1000; часто Узава бывал в Нанае, чтобы помогать Ниицума, и им, Филиппом, распоряжалась более Марья Изава, чем Ниицума. Получив официальное известие, что Ниицума лишен сана, Филипп тотчас отправился к Ниицума и нашел его вместе с Марьей; стал говорить Марье, что она не должна быть около Ниицума, если неправда, что они виновны; Марья сильно покраснела и промолчала, Ниицума же не изменился в лице: «Через два-три года-де все объяснится — не беспокойтесь ныне и не думайте дурно». Но Филипп, убедившись окончательно, что, служа Павлу Ниицума, он служит не Церкви, а ему лично, вернувшись домой, написал ему, что он вперед отказывается ему служить.

Задумал Ниицума купить землю еще в четвертом месяце, в то время, когда жившие у него ученики уличили его в дурных отношениях к Марье и когда школа переведена была от него в Миссию. Тогда он, между прочим, советовался с Николаем Ито, также бывшим его задушевым приверженцем, где бы купить землю: недалеко от Токио, или в Цицибу, или в Симооса? Ито, думая, что Ниицума монастырь хочет основать, посоветовал ему, разумеется, ближе к своей родне, в Симооса, где потом и облюбована земля.

Печальная, истинно плачевная участь этой личности — Павла Ниицума: был он когда-то лучшим учеником в Катихизаторской школе, потом лучшим из катихизаторов, потом лучшим из священнослужителей. Я мнил его сосудом благодати Божией; он был исцелен когда-то чудесно от болезни его же собственной молитвой и явлением ему Богоматери во сне. Лучшие надежды Японской Церкви покоились на нем. И Мария

Изава много лет была образцовой девицей и служительницей дела Божия: образовала и поддерживала отличный хор певчих, заведывала школой, уча в ней сама всем наукам и рукодельям. И вот дьявол искусил их — его это дело, конечно; сблизилась до греха, и ныне путаются в сетях вражьих и залезают в грехах все глубже. Хотя бы уже признались, покаяться, обвенчались и жили бы честными частными людьми, но и вида нет покаяния — скрывают и хотят чего-то еще дальше. Господи, обрати их!

С восьми часов вечера была всенощная, потом проповедь на второе и третье прошение молитвы Господней, с приложением в третьем, что должно посвящать себя и все дела свои Богу.

Молитвенный домик в Кобусато — дело усердия к Богу Филиппа Узава и двух-трех самых первых по времени здесь христиан; но уж очень мал и беден; нынешнее число христиан, собравшихся здесь, едва может поместиться, и ни аналойчика, ни столика; Узава все время службы служит сам себе аналоем, с руками полными книг; не оттого ли и употребления церковных книг совсем не знает.

Христианские дома здесь, к сожалению, не пришлось посетить, ибо рассеяны на немалое пространство, день же весь был занят здесь, в доме Узава, церковными делами.

(Смотри продолжение в книге 3-й сего формата)

*Миссионерский дневник
при обзоре Церквей*

Книжка 3-я
(из книжек сего формата)
Продолжение книги 2-й сего формата

Епископ Николай

Год 1892

*11 / 23 октября 1892. Воскресенье.
Асахимацу. Оота*

Утром выехали в Оота, где назначена была в десять часов воскресная служба, на грузовых лошадях, ибо другого средства передвижения из такой глуши, как Кабусато, нет, кроме пешеходства, каковое по непрерывным дождям и грязнейшим дорогам в сих местах невозможно. $3\frac{1}{2}$ ри от Кабусато до Оота, и значит, почти 3 часа на лениво передвигающей ноге лошади, и эти три часа были неумолимой пыткой: посадили верхом без стремян, которые я посоветился велеть приделать — и вот нужно было крепко держаться рукой за все что было под рукой на лошади, чтобы не упасть; это бы еще ничего, но на каждом шагу лошадь билась задними ногами и встряхивалась вся, чтобы сгонять рои осенних мух; я, вынув часы, пересчитал эти пребольные встряхивания меня: ровно 15 приходилось на каждую минуту.

У Оота братья встретили, и все вместе мы пришли в церковный дом, который хотя маленький здесь, но помещающийся на отличном месте, на главной улице среди города, несколько отступив вглубь. Земля под домом арендуемая, но дом — уже церковный, приобретенный христианинами на свой счет.

Отслужили обедницу; пели четыре христианина и довольно сносно; видно, что кое-что у кое-кого из часто переменявшихся здесь проповедников заимствовал. Сказана проповедь о необходимости христианского усердия для возрастания в христианстве.

По метрике рассмотрена Церковь. Всех крещеных здесь 86; из них 40 ныне налицо, 9 охладело, 7 умерло, 30 — в других местах, между прочим, 10 в Сукамура, ибо там прежде не было метрики записывать своих крещеных. Христианских домов 13, из которых 10 в Асахимацци, часть которой составляет Оота по новому распределению, 3 в ближайших деревнях. Сицудзи здесь 2. На богослужение в субботу и воскресенье собирается человек по 10 всего, новых слушателей нет, ибо катихизатор Филипп Судзуки, которому принадлежит Оота, живет в Омикава и здесь бывает только два раза в месяц дня на два.

Определенных жертвований нет, кроме 25 сен ежемесячно на содержание священника; по временам, когда нужно, складываются на церковные расходы,

Никаких христианских собраний нет. И поэтому сейчас же предложено здесь симбоквай со своими кооги — мужское и женское, ибо взрослых мужчин здесь 13, женщин 7 — и объяснено, как производить его; оно и учреждено с общего согласия, и назначено время, и выбраны коогиса — для мужского собрания 3, для женского — 2.

Дети испытаны в знании молитв, и никто ничего не знает; дано наставление Филиппу Судзуки и родителям учить детей.

Временное обитание предложено в доме христианина Якова, содержателя кухмистерской. Яков угостил довольно порядочным обедом, после которого поехали посетить христиан; живут достаточно, некоторые богато; из христиан больше всего молодых людей, и народ, по-видимому, усердный. Были и в доме охладевшего врача Такеноуци. Старик принял усердно. И христианского чувства он и его старуха, по-видимому, совсем не лишены; рассорился он когда-то с Иовом Накацука из-за каких-то церковных дел и перестал ходить в Церковь; теперь обещался возобновить усердие; жена его потом вечером и дочь были на вечерне и истово крестились и молились.

Кончив посещение христиан, мы с о. Фаддеем ответили на письмо из Миссии от секретаря Сергия Нумабе по разным спешным церковным делам.

С шести часов была вечерня и поучение. С семи с половиной — проповедь для язычников в доме одного христианина, во втором этаже. Собралось около 400 человек, и слушали очень усердно почти все до

конца. Говорили — о. Фаддей о необходимости Веры — весьма умно, и я — обычную начальную язычникам. Кончилось около десяти часов, после чего было совещание по церковным делам с братьями. Убеждал я их найти новых слушателей и побольше, тогда катихизатор будет жить и здесь, поелику нужно будет объяснить вероучение слушателям с начала до конца по Осиено кагами, затем, если соберутся слушатели Омикава, перейдет туда, чтобы им сказать круг поручений до крещения, и так далее; катихизатор должен жить попеременно в обоих местах, но под условием, что христиане будут находить ему слушателей в обоих; иначе будет жить все время в одном, если в другом нет новых слушателей. Катихизатор должен соединять слушателей в группы, чтобы не говорить беспрерывно тянущейся по одному веренице слушателей, причем, он может иногда не иметь досуга отлучиться в другое место; новым слушателям непременно должно быть говорено учение ежедневно, или, по крайней мере, в два дня раз.

В церковном доме живет Иосиф Накацука, старший сын Иова Накацука, что ныне служит в Миссии показывателем Собора; у Иосифа жена и четверо детей.

Катихизатор Филипп Судзуки — родом здешний — из одного селения, 2 ри от Оота. Катихизатор он хуже, чем я думал; Церкви хорошенько не знает, церковной службы не разумеет, распорядительности не видно.

12 / 24 октября 1892. Понедельник.

Омикава

Ночью и все утро рубил беспрерывный дождь, но ехать было нужно, и потому выехали в дождь, и что за мерзкая дорога была, что за мученье бедным дзинрикия, а вылезать из тележки, в облегчение им, нельзя было — грязь невылазная! Им физическое мучение, но нравственное страдание сидящему в это время в тележке не легче; я все время прятал нос за крышкой, стыдясь выглянуть на свет Божий.

5 ри от Оота до Омикава тащились пять часов и прибыли в два часа пополудни. Христиане ждали, и потому сейчас ж отслужили обедницу с поучением и познакомились с Церковью.

Церковь здесь совсем молодая. По метрике крещеных всего 11 человек, и все налицо. Крещения с прошедшего года; все наученные Филиппом Судзуки. Но здесь есть старые христиане, крещеные в Токио: Матфей Миёси (жена Дарья) один из первых христиан Токио, живший в Церкви Асакуса; служит здесь ныне чиновником; у него 6 человек в доме христиан, из которых старшие дети Иоанн и Вера, крещенные еще мной в Токио; Павел Хирано, из деревни в 1 ри от Омикава, бывший в катихизаторской школе при Миссии. Всех христиан в Омикава 19, в

6 домах. Из христиан взрослых мужчин 8, женщин 7, с девочкой Верой, могущей готовить кооги.

Сицудзи здесь еще нет. В Церковь ходят в воскресенье 10–13 человек, в субботу тоже. Поют Судзуки и Хирано с девочками и мальчиками очень порядочно.

Был здесь кенкиуквай, производившийся в третье воскресенье месяца, но в последнее время прекратился.

Дети испытаны были в знании молитв и оказались все знающими, почему розданы им крестики и похвалены родители, научившие их; кстати, сказано и поучение о том, что Ангелы-Хранители помогают родителям воспитывать детей для Царства Небесного.

Христианам предложено завести мужское и женское симбокквей с своими кооги, рассказано, как вести его, указано, как ведется в других Церквях, например, Хакодате, Нанаебаси. С охотою согласились и обещались начать с следующего месяца.

Кончен был разговор по церковным делам в пять часов, после чего мы с о. Фаддеем пообедали; в шесть часов отслужили вечерню; в семь часов началась проповедь для язычников в нанятой для того в городе зале подобных собраний. Сначала попросился говорить катихизатор Филипп Судзуки, и говорил преплохо — без связи и непоследовательно. Потом о. Фаддей сказал о необходимости религии, и я — обычную начальную; кончили в десять часов, после чего христиане привели ночевать в гостиницу, где сие и пишется.

13 / 25 октября 1892. Вторник.

Омикава. Хохода

Утром в Омикава посетили четыре дома христиан; три из них местные, четвертый — Матфея Миёси — временный. Местные — все зажиточные; старик Симеон, химик, ныне очень усердный христианин, его жена еще не крещеная, но тоже показывает немалую ревность; рада, что катихизатор постоянно живет в Омикава; без учителя же, говорит, точно «ки-ни ханаретору сару»; но лучше их — их пятнадцатилетний сын Иоанн, исполняющий молитвы, в воскресенье же долго молящийся; у Симеона есть отдельная молитвенная комната. Конфетчик Иоанн, первый по времени из здешних христиан, также усердный, со всей своей семьей; остальной христианин показался мне плоховатым, и из большой семьи его никто еще не крещен. Матфей Миёси с своей большой семьей показывает большую ревность, а я лет пятнадцать тому думал, что он совсем потерянный: в Асакуса, в Токио, он тогда ссорился с другими христианами из-за самых незаметных пустяков; и вот чрез столько лет оказывается, что не только не потерян, а прекрасный верующий; всю семью свою воспитал в духе благочестия; и в Омикава он — главною причиною был

водворения христианства. Так-то человеческая душа — тайна, непостижимая для других, да и для самого себя, и ее отношение к Богу — еще большая тайна! Жена Миёси, Дарья, старшая сестра Юлии, вдовы учителя Хоодзё, получающей ныне 30 сен пенсии в месяц на пропитание больной дочери; быть может, и эта связь с Миссией отчасти способствовала поддержанию христианского духа, по крайней мере, у Дарьи.

Кроме христиан, есть здесь еще одно семейство, приготовленное к крещению, также, по-видимому, с возбужденным духом благочестия: отец, мать и двое детей.

В десять с половиною часов выехали на лодке в Камура, на той стороне реки, в Ибараги-кен. Братья и сестры все — малые и большие — проводили; кстати, и погода сегодня сделалась прекрасною, солнце разогнало, наконец, облака.

Полторы ри до Камура от Омикава мы сделали в продолжение полутора часов и ныне сидим в гостинице и ждем парохода до Хекода, откуда сухим путем нужно следовать в Мито.

В Омикава больше 600 домов; город высматривает порядочным. К сожалению, церковный дом наш спрятан на конце города в переулке. «Сколько за него платится в месяц?» — Спрашиваю. — «1 ену 20 сен, а 30 сен я берегу (адзукару)», — отвечает катихизатор Филипп Судзуки, получающий на квартиру от Миссии 1 ену 50 сен. Это мне не нравится — являет некоторый признак нечестности — платить меньше, чем испросил у Миссии. Филипп женат на сендайской христианке Дарье, которой ныне всего девятнадцать лет; детей у них еще нет.

Филипп Судзуки, когда мы были в доме Иоанна Суда, стал просить меня поставить о. Фаддея священником только Церквей Симоса, Кадзуса и Ибараги, освободив его от служения в Токио. Просьба совершенно совпадает с моими мыслями; только в Токио будет недостаток в священниках, ибо все тамошние священники отлучаются по провинциальным Церквам; когда можно будет умножить число священников, тогда непременно поручить о. Фаддею только три означенные провинции. Ныне же он будет посещать Церкви в них каждые четыре месяца для преподавания Таинств и других церковных нужд. Я нашел о. Фаддея, при ближайшем ознакомлении с ним во время поездки, вполне достойным иереем: старателен, внимателен к делу и отличный проповедник. Советовал отцу Фаддею завести в Церквах провинций частные соборники, наподобие производящихся в Сеноо и Церквах той местности; кроме катихизаторов, на них должны собираться христиане из разных Церквей, что будет сближать их, и хорошее одной Церкви будет передаваться другой, а худое — сглаживаться.

Наказывал Филиппу не разбрасываться по деревням, где, произведя одного-двух верующих, приходится потом бросать их, за недостатком проповедников, а сосредоточить свои силы на двух местах, порученных ему: Омикава и Оота.

Обзором Церкви в Омикава мы кончили обзор Церквей Симооса и ныне направляемся в Церкви Ибараги-кен.

В три часа пополудни мы сели на пароход в Камура и в семь часов высадились в Хокода, сделав при сияющем солнце очень порядочное путешествие. В Хокода остановились ночевать в гостинице Савая, где соседи и крысы мешали спать.

14 / 26 октября 1892. Среда.

Мито

В семь часов утра выехали на тележках из Хокода и при солнечной погоде с ветром благополучно достигли Мито в половине первого часа пополудни. Здесь не ждали нас, ибо не знали, когда ждать; посланное из Омикава предупреждение еще не получено здесь. Церковный дом на хорошем месте и хороший. К счастью, встретила нас на улице христианка — старуха Мария, одна из самых усердных здесь; она и привела нас в церковный дом, тогда как о. Фаддей направлялся было в другое место, где прежде была квартира катихизатора. Назначили собраться христианам к четырем часам, чтобы отслужить вместе вечерню, и стали рассматривать метрику. По метрике христиан 155, и еще есть пропущенные; катихизатор Исаяя Секи тут же указал нам по своему списку человека четыре, незаписанных в метрику. Из сего числа; 30 ныне в Токио и других местах, 30 — здесь записано христиан Акуцу, 37 неизвестно где ныне, 15 умерли, 9 охладело — всего 121 выбывших; остается здесь 34 да из других мест 5, итого ныне налицо 39 человек в этой Церкви из 155 крещеных! Секи по своему списку насчитывает 46, но мы, как ни бились, уяснить сей разницы не могли. Вообще, Исаяя Секи — неаккуратен по службе; не знает, куда разошлись христиане, тогда как, конечно, почти о всех можно знать, где они, даже не позаботился точно узнать, сколько у него ныне в Церкви людей. Сделано ему замечание, чтобы на место нынешней грязной залитой маслом метрики выписал из Миссии новую, вписал в нее аккуратно всех крещеных здесь, разузнал, куда разошлись христиане, и о них известил священников, в приходы которых ушли, чтобы вперед вел метрику аккуратно и знал состояние порученной ему Церкви точно. О. Фаддею сказано, чтобы при следующем посещении Мито досмотрел, сделал ли Секи то, о чем сказано. Сицудзи здесь 4. В Церковь ходят по субботам от 10 до 20 человек, по воскресеньям от 3-х до 8 человек. Значит, Секи не заботится еще внушать христианам, чтобы ходили на общественную молитву. Слушателей новых у него, по его словам, ныне 17, из которых третья часть приготовлена к крещению.

Есть здесь женский симбокквай, производится раз в месяц, во второе воскресенье; кооги говорят две христианки — из Священной Истории, или свои мысли; есть и кандзи, делают пожертвования; словом, как в

других Церквах, мы ныне заводим симбоквай с собственными христиан кооги. Это очень приятно. Взрослых женщин 14. Взрослых мужчин в Церкви 11, значит, и они могли бы завести собрания, но Секи говорит — все заняты службой; конечно, дрянные христиане всегда найдут отговорку от христианского дела. Есть здесь между христианами адвокат Николай Накасима; у него 8 человек детей да мать, так что 11 человек в семье, из которой только одна дочь Евгения, воспитанная в нашей Миссийской школе, вышла недавно замуж за катихизатора Николая Такаги. Вернулась Евгения от отца, получив его благословение на брак и привезла от него денег всего 2 ены на свадьбу. «Отчего так мало?» — «Да теперь в Мито выборы в Парламент, так отец потратил все деньги на „ундоо“». Старый дурак, — семью оставляет нищенствовать, чтобы подкупать кого-то для выбора кого-то, ибо самому ему, малозначительности его фигуры, и мечтать невозможно быть выбранным куда-нибудь. — Между катихизаторами родом из Мито есть Симеон Такаока, ныне служащий в Кагосима; но отец и мать его не думают сделаться христианами, ныне они живут в Токио, и, по словам о. Фаддея, мать — совсем нехорошая женщина.

Мало-помалу собрались христиане; мать и жена Николая Накасима с целою коллекциею здоровенных детей, больше все девочек; адвокат Павел Ёсимура, говорят честный адвокат, тогда как Николай Накасима, будучи в домах, берется оправдывать и нечестные дела; Григорий Озаки, бывший семинарист, которого я с первого раза и не узнал — так он поумнел с лица, и прочие. Предложил я остаться здесь завтра на целый день, чтобы утром, помолясь вместе с христианами, посетить их дома, потом взглянуть на Мито с холма, где была княжеская крепость, а вечером сказать проповедь язычникам. Христиане, видимо, затруднились насчет платы за дом для проповеди, — «дорого надо платить», говорят, и действительно, дорого: 3 ен за вечер. Я предложил заплатить, и дело уладилось; тотчас послали узнать, можно ли завтра на вечер занять дом? «Можно». Послали объявление о проповеди в две газеты; завтра еще расклеят объявления; опасаются, что наберется слишком много слушателей, хотели было, в устранение праздну-слушателей, назначить проповедь в два часа, но из служащих никто не мог бы быть — назначили в шесть вечера.

В сумерки начали вечерню; поют дети и большие, почти совсем стройно. Поучение сказано на первые три прошения молитвы Господней с приложением в конце, что должны себя и все свои дела посвящать Богу.

Испытаны дети в знании молитв, побольше прочитали «Отче наш», а одна девочка даже «Царю Небесный»; поменьше ответили на вопросы о Боге — самые начальные; похвалены и за эти и даны образки; а катихизатору сказано учить детей больше и лучше.

Предложено братьям завести симбокквай с кооги; рассказано, как вести его, указана польза. Согласились, и завтра изберут коогися и кандзи, а с третьего воскресенья следующего месяца начнут собрания.

Ночевать привели в гостиницу, где нам с о. Фаддеем дали две отличные комнаты и накормили хорошим ужином, но где довольно-таки можно озябнуть, что я сию минуту и испытываю.

Братья сложились и прислали с Григорием Озаки 2 ены — за чай в гостинице; так-да, по уплате счета, на чай от меня не давать. Я хотел отказаться — «Пусть лучше на свои церковные нужды употребят» — но о. Фаддей посоветовал уважить усердие христиан. «Но зачем так много за чай?» — «Гостя-де уважают по тому, сколько он дает о-ча-дай», — ответил Озаки.

15 / 27 октября 1892. Четверг.

Мито

В пять часов утра случился со мною болезненный припадок, совсем новый для меня: жар во всем теле и необыкновенный зуд везде, даже на ладонях; я думал, что это просто от того, что несколько дней не был в ванной и ни днем, ни ночью не скидаю драпового подрясника (где же тут раздеваться при таком холоде ночью); но затем прилив крови к мозгу и головокружение почти до полного обморока; в то же время боль в желудке и груди, и наконец — холодный пот ручьями по всему телу; причин, положительно, не знаю; сказать бы от позднего ужина, в десятом часу; но тогда бы следовало бы желудку показать свое бессилие справиться с ним и поднять тревогу гораздо раньше, а не утром, во всяком случае, такие сюрпризы совсем нежелательны, особенно во время путешествий.

Богослужение назначено было в восемь утра; к девяти едва собралось несколько женщин с детьми. Начали обедницу; дети пищат, люди постоянно входят и выходят; одни певцы стоят с раскрытыми книжками, и тоже, значит, не молятся, ибо книги должны брать в руки, когда петь, а во время чтения Третьего часа зачем же держать их, и чрез то ни разу не перекреститься, что сплошь и рядом я вижу по Церквам. Отслужили обедницу и панихиду; пели хорошо, даже и панихиду почти совсем правильно; Григорий Озаки значительно помогает правильности, хотя и робко поет. К концу службы понабралось несколько и мужчин. Сказано было поучение о необходимости христианской ревности и о средствах воспитывать ее в душе, между прочим молитвой, и указано христианам на их немолитвенность сегодня же заявленную, особенно Святыми Таинствами, и подробно объяснено Таинство Святого причащения; сказано также о пользе поминовения умерших и объяснено значение кутии. — Кончивши все, отправились посещать христиан; посетили 13 домов; зажиточных дома три-четыре; прочие являют бедность, хотя крайней

мы не выдали. Бедней всех Григорий Озаки с матерью, еще язычницей, и двумя сестрами, из которых старшая Юлия, кажется, самая разумная и трудящаяся в семье, а сын ленится, ничего не делает; мог бы быть учителем, полицейским, писарем — ничего не хочет взять на себя; праздно ест хлеб, зарабатываемый сестрой и матерью, свертывающими табак под резку и тем бедно питающимися; дом и землю в Мацукава продали и теперь живут здесь в лачужке. Была у меня мысль вчера пригласить Григория на службу Церкви, но нет, нельзя; с такими лентяями ничего не поделаешь. Петр Канеко — безногий столяр, порубивший себе ногу и оттого лишившийся ее — усердный христианин с своими дочерьми, но жена не верует, говорит, некогда слушать учение; внушал я дочерям свою любовь обратить мать ко Христу, как обратила некогда маленькая Вера своего отца — ныне Акилу Кису, постоянно таща его на молитву с собою и надевая ему крест, что, наконец, тронуло отца и сделало его самым усердным христианином. Но самый жалкий из здешних христианских домов — это некоего Йокима, видимо, из сизоку, семидесятилетнего старика; в параличе он сам, и испорченность его организма перешла и к его дочери, теперь уже взрослой, четырнадцать лет тому назад впавшей в идиотизм; не стал я расспрашивать подробностей про ее болезнь, но никогда не забуду ее несчастную фигуру, как она стояла все время в полуобмороке, точно застывшая, все время нашего посещения, не сделавшая ни малейшего движения, только глазами сбоку следившая за нами. Жалость истерзала душу, пока мы были там, за дочь и отца! Боже, будь к ним милосерден! Облегчи и спаси их!

До половины четвертого часа посетивши всех христиан, воспользовались остальным временем, чтобы взглянуть на достопримечательности Мито; таковы два публичные сада и место бывшей крепости князя Мито. Один, и лучший, публичный сад составлял когда-то загородный дом князя Ренкоу (так назван по смерти — «Хангесики» князь). Это князь, поднявший и воинственный дух, и ученость своих двухсабельных; он-то перелил колокола буддийских храмов на пушки; одну из них мы видели, — нечто вроде русской Царь-пушки, только поменьше, но есть в другом месте и побольше, говорят — футов 12 длины и свободно человек влезает в нее; по его приказанию также написана Дайнихонси; он, провидя неизбежность сношений Японии с иностранцами, тщился сделать ее грозною для них. Плодом его усилий, между прочим, были целые орды «роонинов» из Мито, лет тридцать-двадцать тому назад, державших в тревоге весь север Японии и южную оконечность Эзо, с Хакодате; «Мито-но роонин» было тогда нешуточное предупреждение, и многие не досчитывались своих голов по причине их разгуливаний. Ренкоу насадил огромную рощу сливовых деревьев, и среди ее выстроил загородный дом, в котором мы сегодня разгуливали, любуясь с второго этажа на окрестные поля и холмы, покрытые лесом, и на железную дорогу, пролегающую у самого подножия холма, где сад. В другом, тоже сливовом

саду, — бывшая школа китайской учености; ныне он также обращен в публичный; самая большая замечательность в нем — огромнейшая мраморная плита с вырезанною надписью — сочинения и каллиграфии самого князя; но замечательный — чудовищно огромный мраморный белый монолит, составляющий пьедестал ее. В школьном доме внутри и доселе видны следы пуль от происходившего здесь сражения во время возникшей междоусобицы между самими подданными князя Мито. На месте княжеских зданий в бывшей крепости красуется теперь огромная учительская семинария (сихангакко). Роща вековых сосен крепости видела под своею тенью гуляющими целый ряд гордых князей фамилии Иеясу и их оруженосцев.

С шести часов назначена была проповедь для язычников в общественном доме (за наем которого на вечер я заплатил 3 ¹/₂ ены); с половины седьмого началась. Вышел сначала говорить катихизатор Исайя Секи, но не дали ему говорить, — смеялись, кричали, плескались; как ни кричал он, не мог выкричать того, что приготовил; за ним о. Фаддей; у него меньше шумели и кричали, но тоже немало мешали. Я говорил обычную начальную язычникам; мне тоже стали мешать, но, спасибо, полицейский встал со своего стула, подошел к краю эстрады и прикрикнул — это уняло буйнов, и после того слушали молча, зато мало-помалу большая половина слушателей разошлась.

Григорий Озаки, чрез Исайю Секи, просился на службу Церкви; не мог не отказать; где же такому лентяю быть полезным Церкви! Лично ему выговорил за бездеятельность и посоветовал найти место учителя в городском училище или писаря в каком-либо ведомстве.

16 / 28 октября 1892. Пятница.

Акуцу

Христиане не допустили меня заплатить в гостинице за содержание себя и о. Фаддея, — один из редких случаев щедрости христиан, даже послали провожатого до Акуцу, как я ни отговаривался от того, а другой, адвокат Павел Ёсимура, после догнал, и провожает до Оота (вероятно, впрочем, идет больше по делу). Все эти любезности заменили бы они большим усердием к Богу, лучше было бы — не мучили бы меня в обе стороны. — В семь часов утра мы выехали из Мито в сопровождении Павла Ино, приехавшего вчера из Акуцу встретить меня. и в десятом часу были в Акуцу, 5 ри от Мито. Акуцу — земледельческое селение, состоящее из 300 домов; разделяется на Ками-Акуцу и Симо-Акуцу; в первом у нас построена маленькая Церковь, и есть шесть домов христиан, во втором — один христианский дом. Христиане всем своим обществом, до единого человека, встретили нас на разных расстояниях от Церкви; вход к Церкви украшен зеленой аркой и флагами; еще флаг высоко

развевается над самую Церковь, с надписью «Православная Церковь». Тотчас начали обедницу. Катихизатор Иоанн Камои, читая спешил ужасно, так что два раза пришлось останавливать его; пели преплохо, несколько мужчин, почти все врозь; один Камои несколько понимает пение, но не позаботился научить. Проповедь. Потом испытание Церкви по метрике: 40 крещений здесь записано, 2 умерли, 4 в других местах (их них 2 в Семинарии); остальные 34 и 1 из Ибараки, всего 35 — все налицо; ни одного охладевшего и даже ни одного непришедшего ныне в Церковь. Единственная Церковь, в которой я встретил такое усердие!

Испытаны дети в знании молитвы, и побольшие читали все молитвы с начала молитвенника до конца «Отче наш» — видно, что знают и дальше. Даны образки, в поощрение же родителям сказано о том, как Спаситель любил детей и ставил в пример всем — для приобретения Царства Божия, и что детей хранят Ангелы-Хранители и помогают родителям воспитывать их для Царствия Небесного.

Здесь 4 сицудзи. В Церковь ходят, в рабочее время, как ныне, 14–18 человек, одинаково по субботам и воскресеньям, в свободное от работ время, как зимой,— все.

Есть здесь симбокквай, мужское и женское; производятся собрания по разу в месяц; на мужском катихизатор говорит поучение и потом бывает вообще религиозный и церковный разговор; на женском катихизатор учит женщин на память молитвам, ибо они безграмотные. Я сказал, чтобы эти собрания так и продолжались, но, кроме того, советовал завести симбокквай со своими кооги. Здесь взрослых мужчин 16, женщин 8 — значит, собрания вести могут, рассказал как вести их, представил в пример того, что и безграмотные могут с помощью катихизатора готовить кооги — прошлый год виденное мною собрание в Нанаебама, близ Хакодате. Охотно согласились и обещались избрать коогися и назначить дни.

Жертвуют здесь ежемесячно: на катихизатора 40 сен, на священника 60 сен; каждое воскресенье христиане вносят по 2–4 сен, кто сколько положил давать; или разом за несколько воскресений отдают; из сего и дается священнику и катихизатору и расходуется на церковные нужды.

Павел Ино одолжил кусок земли под церковное здание и пожертвовал 150 ен на него; прочие христиане жертвовали свой труд на воздвижение сего здания, а после — для снабжения его всем нужным — и деньги.

Есть здесь и церковная земля, вместе с тем и не совсем церковная. Петр Умата отделил 3 тана своего рисового поля якобы на Церковь. 30 мешков риса должно выходить с сего поля; христиане общим трудом возделывают сие поле, и сколько бы с него ни получилось, а Петру 15 мешков риса подай; он потом, раскрыв свою щедрую руку, жертвует на Церковь 3 мешка — 12 же мешков оставляет себе за то, что позволяет на своем поле христианам работать с надеждою добыть кое-что на Церковь; в прошлом году поле дало всего 20 мешков, в нынешнем, говорят,

несколько больше будет. Означенные 3 мешка Петра с тем, что останется риса от выплаты аренды ему, должны идти на приобретение уже настоящей церковной земли; но в прошлом году рис был истрачен на обведение церковного здания узеньким навесом (роо); в нынешнем пойдет на ремонт текущей крыши. С будущего, надеются, начнется копленые платы, за рис выручаемой, на покупку земли. Земля здесь очень дорога: 1 се ($1/10$ тана) огородной земли стоит 8 ен, рисовый 10 ен (30 цубо = 1 се). С 1 се выходит 1 мешок рису. Мешок рису стоит $1\frac{1}{2}$ ены. 3 мешка, жертвуемых Петром, в пять лет, значит, принесут $22\frac{1}{2}$ ены; да сколько же нибудь риса будет оставаться для продажи после выплаты аренды в 15 мешков Петру; надеется он и с ним, по-видимому, все, что чрез пять лет церковная земля будет куплена; вместе с тем в туманной перспективе якобы освобождение Русской Церкви от содержания здесь катихизатора, но подобные блага мне при жизни, знать, не видать.

А вот от следующих усердий хоть бы избавили они меня — претят они очень: выписали откуда-то из окрестности повара, служившего на купеческом пароходе в сем качестве, для того чтобы готовить мне пищу здесь — и наготовил повар рыбы столько, что до кое-чего не пришлось и коснуться; сколько ни толкуешь — к Церкви и Богу обращайтесь все ваше усердие — на главное скудно, на мелочи размениваются.

После обеда пошли посетить христиан; были в 6 домах. Павел Ино живет богато, прочие не скудно; все безбедно. Долина здесь превосходная; все здесь возделывается и отлично родится; кроме риса и обычных полевых и огородных продуктов — хлопок, табак, чай, туговица, особенно табаку много производится. Но замечательное явление здесь. Были крестьяне этой деревни ленивы. Христиане первые вострепнулись: «Пусть-де не скажут о нас, что мы стали христианами и не сделались лучшими»; и положили общим советом вставать раньше, работать прилежней. И любо же смотреть на здешние поля и огороды: поля — кроме того, что превосходно выделаны, чрезвычайно опрятно содержатся, особенно огороды; сорная трава выполота, дорожки чисты — все блестит аккуратностию и порядком. Язычники, видя христиан переродившимися, и себя не хотят отстать от них, тоже стали раньше вставать и прилежней учиться; так от малого зерна христианства произошло видимое улучшение местности даже в экономическом отношении.

Что до нравственного действия христианства, то пример его благотворности еще яснее здесь же. Павел Ино сегодня в наше посещение его дома рассказывал про себя, что он был по принятию христианства одним из малопутных людей: любил праздность и проводил время главное с борцами, ибо одарен физической силой и полюбил бороться; отец тут же подтверждал его и говорил, что борцы, приходя сюда, жили, пили и ели — к убытку дома и неудовольствию всех, — Павел же не обращал внимания на отца и всех и делал то, что ему нравится. Услышав о христианстве он, как сам рассказывает, хотел побороться и с ним, и

победить его — и был сражен, и побежден — знать, сердцем он был достоин того. Но приняв христианство, он тоже должен был бороться, только теперь уже доброю борьбою; отец и особенно мать стали гнать его; мать плакала, бранилась, ходила даже к катихизатору (Андрею Такахаши) браниться с ним и требовать, чтобы он выключил ее сына из Церкви и вернул язычеству. Павел был тверд, вместе с тем он переродился душою, бросил праздную жизнь, сделался образцовым сыном и хозяином дома (ибо здесь обычай, что старики сдают хозяйство сыновьям, а сами живут инде). Мать и ныне не любит христианства и не хочет слушать его, но усмирилась, не преследует сына, увидев от христианства одно только доброе для семьи; отец также еще не христианин, но близок к христианству, — слушает учение и высказывает расположенность принять его. И еще в двух христианских домах старики родители тоже язычники и не хотят сделаться христианами. Во всей деревне Акуцу, кроме доселе принявших христианство, нет ни одного слушателя, и нельзя зазвать слушать учение. Жители деревни при появлении здесь христианства положили себе зарок — не слушать христианство, даже не сноситься с христианами и не иметь с ними никакого дела; в первые годы так и было, но с течением времени вражда ослабела; теперь, кроме религиозного пункта, во всем прочем язычники Акуцу обращаются и живут в ладу с христианами также точно, как между собою; «Скоро станут слушать и учение», — уверяет старик отец Павла Ино, — «Прежде сосед один был должен Павлу, и как только Павел сделался христианином, и сосед узнал о том, — занял у другого, и тотчас выплатил Павлу все полна, чтобы не иметь с ним никакого дела, а теперь несколько раз уже опять просил в долг у Павла — верный признак перемены расположения к христианству».

Из деревни Акуцу ныне двое учеников в первом классе Семинарии — быть может, даст Бог и хороших служителей Церкви отсюда.

В семь часов вечера назначена вечерня, и мы ныне ждем ее, и что же за шум здесь! Внизу христиане громогласно ведут свои разговоры, кругом толпа детей кричит на всю глотку свои разговоры, — все полно крика, едва можно писать.

После вечерни, думал я, будет проповедь для язычников, но христиане говорят, что звали язычников, и не нашлось охотников слушать — закрыты еще их сердца и уши для Слова Божия.

В половине восьмого началась вечерня, после нее поучение, состоящее в объяснении молитвы Господней, с приложением к настоящему положению христиан. — Внизу собралось и немало язычников, поэтому пошли мы с о. Фаддеем сказать проповедь им; о. Фаддей сказал кратко о Вере, как основании добродетели; я — обычную начальную язычникам, с сокращениями и возможно проще. К концу проповеди остались из язычников только двое деревни Акуцу и восемь деревни Такаку, 1 ри от Акуцу, да христиане; прочие все разошлись, хотя сначала наполняли

всю комнату; приходил и «сончѐ» (староста), да побродил вокруг дома и ушел: в дом приглашали – не вошел, должно быть, совестился, ибо прежде был возбудителем гонения на христиан.

17 / 29 октября 1892. Суббота.

Акуцу. Оота. Оонума

Дождь опять пошел и шел всю ночь и весь день без перерыва, что делало путешествие и неприятным, и продолжительным. Вместо половины седьмого часа утра отправились в восемь из церковного дома в Акуцу. Все христиане и христианки собрались проводить – при каких случаях нужно всегда прощаться в Церкви, пропевши «Царю Небесный» и прочее, до «Отче наш», после чего священником – в дорожном платье – должна быть сказана краткая ектения с молением о местной братии и после отпуста и благословения должно быть произнесено прощальное наставление и благожелания. Заехали в Симо-Акуцу к старику Петру Умата, сын которого, Ефрем, в Семинарии. Старик недалеко от дама встретил и, провозжая к себе, по дороге зазывал к себе всех соседей направо и налево; я думал, что и соберутся язычники и приготовился сказать им краткую катихизацию. Ничуть не бывало! Только дети собрались и окружили веранду. Старик в ажитации принял, крикливо стал рассказывать о своей вере; собралось и семейство, наполовину не крещеное; я порывался было сказать наставление, но старик стал угощать о. Фаддея каштанами, после чего мы взяли за шапки. – До Оота, 5 ри от Акуцу, увязались провозжать катихизатор Камои и один из церковных старост; ехал также вместе Павел Ёсимура из Мито под предлогом провозжания, но в сущности для участи в сегодняшнем энзецуквай либералов в Оота, как оказалось потом; таким образом, у нас все время был, точно свадебный поезд, что ужасно претит мне, но отчего как избавиться, когда им это нравится!

До Оота едва добрались во втором часу. Заехали в гостиницу пообедать и послали за христианином Иоанном Сато. Тотчас явилась его жена Софья, а потом и он сам. Оба, кажется, хорошие христиане; были мы потом у них в доме; нашли иконы и молитвенник в должном порядке; у Сато же хранятся и церковные книги, небольшое количество коих было прислано сюда прежде. От Иоанна и Софьи узнали состояние здешней Церкви – состояние почти никакое, то есть Церкви здесь нет; кроме их двоих да охладевшего слепца Петра Хаяси, да охладевшего Стефана Сиобара, бродячего починивателя зонтов, больше ни единой души христианской здесь нет. А сколько лет жили здесь катихизаторы! Праздные тунеядцы!

В селении Арадзиду, 10 чѐ от Оота, есть христианское семейство, или лучше – часть семейства. Это в богатом земледельческом доме молодой человек Исая Немото, его младшая сестра Вера и его дядя –

старик врач Дамиан Немото. Сюда из Оота убраны молельные иконы — Спасителя (Афонская икона) и прочие; здесь же мы нашли и метрику Оота. По ней крещеных 24, из них 12 ныне в разных других местах, 2 умерли, 1 охладел и 9 налицо — в Оота, Арадзiku и еще в селении Тамацукури, 1 ри от Оота; там трое: Иоанн Ватахики, Захария Исикава и одна — из Акуцу, замужем за язычником.

В доме Исайи Немото отслужен был краткий молебен, после чего я сказал несколько слов христианам, убеждая их самим заботиться приумножении христиан; пусть сами проповедуют Христа, как проповедывали, например, Святые Акила и Прискилла; священник, приезжая, будет испытывать подготовленных ими, дополнит то, что не знают, и крестит. Если найдут разом многих слушателей, больше, чем сколько в Мито, то катихизатор прибудет, чтобы сказать им весь круг ученья из Православного Исповедания.— В числе молившихся был здесь и Николай Накасима, адвокат из Мито, имеющий здесь также свою контору. Он и Миёси имеют сегодняшний вечер говорить речи на собрании либералов— значит, оба принадлежат к их клике; собрание возведено огромными вывесками по Оота; начнется в шесть часов и продолжится до двенадцати ночи; будет, говорил Миёси, человек 500 на нем; ораторов больше полдюжины.

Простившись в Арадзiku с христианами в четыре часа, отправились дальше, в Оонума, 3 ри от Оота, по дороге, если не дождь, очень хорошей, только с одним небольшим перевалом. Прибыли в седьмом часу и остановились в деревенской гостинице, куда в скорости пришли ожидавшие нас здесь катихизатор Василий Сугаи и из Юнаго, 1 ри от Оонума, Лука Масика. От них узнали состояние здешней Церкви. Христианских домов в Оонума 7, христиан 12; из них 6 в доме Хякусё Коидзуми, 6 по одному в других 6 домах, кроме того, один из здешних христиан, Николай Янаи, недавно переселился в Оота.

В Юнаго (80 домов; в Оонума 60 домов) только 1 христианский дом — Луки Масика; вся его семья — христиане, и это, по словам катихизатора, лучший христианский дом в этой местности; Лука очень усердный; всегда с любовью принимает и покоит у себя катихизатора, когда он сюда приходит из Ооцу; по занятию Лука столяр. Есть и еще один христианин в Юнаго, но он теперь в отлучке.

Так как сегодня поздно собирать христиан, особенно по такой грязи, и в дождь, и в темень, то положили мы завтра утром собраться всем в доме Коидзуми, где маленькая икона, и отслужить обедницу, а потом отправиться дальше — в Ооцу, куда нас завтра вечером ждут.

18 / 30 октября 1892. Воскресенье.

Оонума. Ооцу

Часов в девять утра известили, что христиане Оонума собрались у Петра Коидзуми на Богослужение. Отправились туда и отслужили обедницу,

причем читал катихизатор Василий Сугай совсем плохо: тихо, невнятно, гугниво, пел еще хуже; о. Фаддей больше пел, чем он. Видно, что совсем лентяй: Часослова не умеет взять в руки. Было на молитве человек 12: семья Коидзуми — 6 человек и из других домов пятеро, подошел к концу и еще один. Петр Коидзуми, хозяин, с испитым лицом — пьет сильно, — говорит катихизатор; отец его не знал своего христианского имени, лучшая из семьи по христианству — жена Петра. Другие бывшие оставались с безучастными лицами все время службы и поучения, кроме Луки Масико и его матери Марфы — эти проникнуты христианским чувством, прямо видно. Внушал им самим заботиться о распространении здесь христианства; поставил в неперемennую обязанность собираться на общую молитву по субботам и воскресеньям попеременно здесь и в Юнаго и читать в субботу вечерню, в воскресенье — утреню, а потом читать Священное Писание и объяснять с помощью толкований; не знаю только, исполнят ли они хоть мало это, очень уж безучастно слушали; только Масико поддакивал, и Петр Коидзуми несколько оживился; в сущности, все зависит от него; по его примеру обратились здесь прочие в христианство; и он, в сущности, умный и добрый; служил прежде деревенским старшиной, был всеми уважаем, был богат, ныне же пьянство лишило его уважения и достатков — в долгах, хотя дом по наружности представительный. — Здесь в доме Коидзуми стоит церковная икона и находятся книги — богослужebные; в Юнаго, у Луки Масико — метрика. По ней крещеных в Оонума

Простившись с христианами в Ооцума, отправились дальше и в 1 ри, в Юнаго, остановились у Луки Масико; отслужили краткий молебен, просмотрели метрику. В Сукегава, 1 ри от Юнаго, остановились пообедать, ибо был уже первый час; Масико был с нами; разговорились о местных нравах, и оказывается, что они совсем не так хороши, как можно было предположить по отдаленности сих мест от больших центров: картежная игра у мужчин, вытравление зародышей у женщин здесь в большом ходу; не любят трудиться над воспитанием многих детей — два-три и довольно; прочих — «о-каеси-ангемасу» — возвращают подателю детей. По словам о. Фаддея, служившего некогда в полицейском ведомстве в сих местностях, в Симооса и Кадзуса также очень распространено вытравливание плода; действительно, в иных местностях совсем мало видно детей. Только христианство может освободить Японию от этого ужасного порока.

От Оонума до Ооцу 10 ри. В Ооцу мы прибыли в восьмом часу вечера и остановились в доме местного богача и первого по времени и, кажется, по усердию христианина Павла Саймару, дочь которого Ирина училась в Миссийской женской школе; комнату дали, устроенную совсем на иностранный манер. Приветливо встретили хозяин, жена и дочь, скоро пришел брат его Андрей Саймару, собрались и другие, но так как к богослужению христиан собирать было поздно, то оно отложено да

завтра, а теперь мы занялись исследованием Церкви по метрике. Крещеных по ней 84 человека; из них 28 ныне в других местах, и некоторые из сих неизвестно где, 4 умерло, 1 охладел, остальные 51 в Ооцу налицо.

Сицудзи 1 – Павел Саймару, гиюу – 7. К богослужению собираются по субботам и воскресеньям одинаково от 7–8 человек до 12 и 13; иногда же бывает ни одной души, когда рыбные ловли бывают.

Бывает раз в месяц собрание гиюу, совещаются о церковных делах; раз в месяц – женское собрание – катихизатор объясняет учение.

Больших мужчин здесь 17, взрослых женщин 14, значит, вполне возможны симбокквай со своими кооги; о заведении такого и говорил ныне мужчинам, собравшимся у меня.

На церковные расходы жертвуют с дома в воскресенье по 1 ене, – домов же 16. Кроме того, здесь собрано у христиан на постройку храма 120 ен; проценты с сих денег также идут на текущие церковные расходы.

Новых слушателей в Ооцу нет; несколько их есть в селении Камиока, 14 чё от Ооцу, но определенных катихизаций и там не производится, а идет туда катихизатор говорить учение, когда там пожелают. (Или лжет катихизатор, говоря это, или ленится; во всяком случае, при таком порядке научения христиан не будет.)

19 / 31 октября 1892. Понедельник.
Ооцу

В девять часов назначена была обедница; к десяти едва собрались человек 30 с детьми. Досаду возбуждает всегда эта медленность и апатичность; время понапрасну теряется в ожидательном ничегонеделанье. Часы читал катихизатор Василий Сугаи; в первый раз слышу такого плохого чтеца: тихо, вяло, а главное, до того гнусит, что шаг от него стоя, едва разберешь, что он произносит, должен был тут же замечать ему: «Громче, раздельней». Пели Ирина Саймару, бывшая в Миссийской школе, и три мальчика, – очень изрядно; и тут польза Женской школы видна: не будь Ирины, что бы они делали с пением? Для обучения пению куплен здесь органчик. После обедницы отслужили панихиду по пятерым умершим в здешней Церкви, между прочим, по катихизаторе Василии Ватанабе, много потрудившемся здесь проповедью; объяснение панихиды, испытание детей – не совсем удовлетворительное, после чего вновь сказано поучение о необходимости воспитывать детей для Царства Божия, в чем помогают родителям Ангелы-Хранители детей. Убеждение братьям и сестрам завести собрание со своими кооги и рассказ, как производятся оные. Кончив в первом часу и пообедав, отправились посетить христиан, 16 домов. Все живут безбедно, иные зажиточно, оба Саймару – Павел и Андрей – богато, первый даже очень. Между прочим, осмотрели производство йода из морской травы у христианина

Емоке [?]; длинная, лентами морская трава, обильно добываемая здесь, сжигается, пепел ее комками вымачивается два дня в воде, потом в котлах, налитых водою, выпаривается: из нее выделяется соль, идущая на производство сои и подобного; оставшаяся йодная эссенция смешивается с каким-то материалом и наливается в другие котлы, где медленно, в продолжение недели, выпаривается в стеклянные колбы, утвержденные над котлами, стоящими вверх дном: в верхних сквозных кругловидных колбах йод осаждается на стенках, откуда, по окончании процесса, счищается в стеклянные закрытые от света банки и поступает в продажу; Емоке [?] показывал одну банку с кристаллами йода, говорил, что цена ее в продаже 40 ен; выделяет он в год 25 банок — значит, производство очень выгодное, при незначительной затрате на материал и труд.

Посещая христиан, кстати, осмотрели город Ооцу; беден, грязен, занят преимущественно добыванием рыбы кацуо, сушеные спинки которой отсюда в изобилии идут в продажу. С утесистого берега довольно красивый вид на залив с рыбацкими лодками и побережье. Сопутствовавший Павел Саймару показал потом мета, где бы построить Церковь, и спрашивал, где бы лучше всего. По моему, лучше для Церкви место на берегу моря, на насыпи, устроенной Павлом Саймару, по-видимому, чтобы отдавать в аренду под дома, но пока еще пустыющей. Идя с ним к брату его Андрею, я сказал, что снабдил бы Церковь полным комплектом иконостасных икон, если бы христиане построили Церковь. Это заняло Павла, и пока мы дошли до Андрея, у него созрело решение непременно строить. У Андрея собралось и еще несколько христиан; Павел и заговорил: Епископ, мол, обещает иконы, нам как же не поусердствовать! Не откладывая в даль, давайте решим теперь же построить Церковь; соображена была приблизительно величина ее; Павел Саймару тут же на месте с наброском плана начертил, что иконы храма — 7 больших и 7 малых даются от Епископа, — я шутя подписал свое имя, Павел дальше свое — и что жертвует 80 ен; другие заметили: «Пусть же будет составлен настоящий документ»; и под общую диктовку Лука Ямагата, здешний замечательный каллиграф, начертил акт, что тогда-то решено построение Церкви и следующие лица жертвуют на сие: Епископ — иконы, о. Фаддей подписал аналойную икону Воскресения, катихизатор Сугаи — подсвечник на жертвенник, Павел Саймару — 80 ен и от жены Ольги и дочери Ирины 20 ен, Андрей Саймару 15 и так далее, — в четверть часа подписали 250 ен; а за 300, говорят, можно построить при дешевизне леса здесь, землю же Павел Саймару дает под Церковь на столько лет, насколько понадобится, о чем положит в Церковь документ. Решили кончить постройку в конце будущего года, а в январе 1894 мне прибыть освятить ее, что я и обещал.

Вернувшись домой в сумерки и пообедав, я толковал потом с одним пришедшим просить крещения; это, по словам Павла Саймару, довольно

замечательная в Ооцу личность; сей человек, Тецу, был два года тому назад самым рьяным врагом Саймару — за христианство его; тогда было здесь почти возмущение, вследствие которого Павел и Андрей Саймару оставили начальственные посты; они лучшие здесь люди для выборов на служебные по городу посты, но они христиане; язычники побоялись дать им власть в руки, «мол, весь город обратят в христианство»; и вот главным внушителем сего и возмутителем народа был означенный человек. Затем он мало-помалу совсем переменялся, и из врага Павла сделался самым искренним приверженцем его, так что между ними возник союз вроде родственного: Павел — отец, он — сын, так Павел и отрекомендовал себя и его мне, будучи прежде врагом христианства, он мало-помалу возжелал узнать его поближе и принять. Но попал сначала на лживый путь. У него два брата в Токио сделались последователями синкёо (протестантства); по одному названию «новой веры», не доверяя протестантству, он взялся за старую «киу-кёо», то есть католичество. Призвал сюда патера иностранца, а сей поставил здесь катихизатора; полгода держал его в своем доме, слушал у него учение и помогал ему распространять его; патер также весьма часто приходил сюда, но не почувствовал сердечного влечения к католичеству и отослал патера и его катихизатора назад: «Не хочу, мол, принять киу-кёо, душа не лежит к нему»; патер и катихизатор удалились, хотя и доселе иногда пишут ему. Теперь он, вероятно, под влиянием Саймару, хочет принять православие и прямо просит крещение. Я отказал в сем до времени, пока не узнает яснее веру и будет узнан, искренне ли и твердо прилепится к ней; обещал выслать ему из Токио Догматику и сравнительное Богословие; катихизатор и Павел Саймару помогут ему лучше ознакомиться с православием, а о. Фаддей, пришедши сюда в следующем месяце, испытает его и крестит, если он окажется достойным. Дух католичества, между прочим, виден в следующем: в разговоре с сим человеком я привел текст из Священного писания и указал, где он, в какой книге; он отозвался, что не знает сей книги, Евангелия; про Священное Писание у его учителей и речи не было, и он оставался в полном неведении о Новом Завете.

В шесть часов отслужили вечерню; но столько набралось народу, особенно детей снаружи молитвенного дома, и так мешали смехом, возбуждаемым разными остротами стоящих сзади, что трудно было выносить; через дом отсюда, кроме того, шло балаганное представление, шум от которого также доносился и мешал. Саймару, наконец, желая угодить, воздвигнул огромную пирамиду красных фонарей, что, в свою очередь, привлекало зевак и увеличивало шум. Поучения после вечерни невозможно было говорить из-за шума, да и поздно было: в семь часов назначена была проповедь для язычников в доме Андрея Саймару. Отправились туда. По входе тотчас отрекомендовался один старец, полуслепой — известный местный приверженец синту (!!), и попросил разговора прежде проповеди; при нем был помоложе другой синтуист. «В Японии

есть свои боги и своя вера, а Николай проповедует другую; хочу узнать, для кого он старается; для России, или для Японии», — начал старец. — И вы молитесь своим богам? — спросил я. — Как не молиться! — Просите у них чего-нибудь? — Прошу благ себе, покровительства от бед, от болезней. — Но скажите, для примера, если бы ребенок, проголодавшись на улице, пришел домой и обратился с просьбой к кошке: «Пожалуйста, накорми меня», — была ли бы исполнена его просьба? — Очевидно, нет. — Вероятно, оттого, что кошка не может исполнить его просьбы. А ваши боги могут ли исполнить ваши? — Японские боги могут, — возразил молодой, тогда как старик задумался. — Какое же вы представите свидетельство тому? — Молчание. — Японские боги не могут исполнить ваших просьб, — и это к вашему благу, иначе вышла бы большая беда. Положим, вы молитесь душе вашего деда, чтобы он завтра дал вам ясную погоду, а вот он молится своему деду, чтобы завтра был дождь, а он также — также своему деду, чтобы дал ему гром и молнию, а еще третий, ваш сосед, молится, чтобы — ни ясно, ни дождливо, а облачно было. Как бы ваши четыре деда исполнили ваши просьбы? Они бы сначала передрались и кто победил бы, тот и сделал бы по-своему; или же, если бы все стали разом исполнять все ваши разные просьбы, то мир бы разнесли по клочкам. Мир, однако, стоит и отлично управляется; ясный знак, что не ваши деда заправляют им, и что, значит, ваших просьб они исполнить не могут, и вы попусту молитесь.

Ничего не возразили на это синтуисты, да и некогда было продолжать этот разговор; набралась целая комната слушателей — нужно было говорить для них. Сначала сказал о. Фаддей, потом я — обычную начальную проповедь язычникам с усилением некоторых мест по адресу синтуистов. — Значит, солнцу молиться не нужно? — спросил молодой синтуист, когда кончилась проповедь, а я только что представил нелепость поклонения солнцу вместо прославления Творца его, представив в пример религию вавилонян. — Не нужно. — Значит и солнце не нужно?

На это уже я не счел нужным отвечать. А разумней синтуисты представить возражений не могут. — Что же такое наша душа: огонь, воздух, мужское или женское начало, или сочетание обоих? — Продолжал вопрошать молодой, тогда как я только что пространно говорил, что такое душа по учению Божию.

Вместо меня окружавшие христиане принялись толковать с синтуистами, пока те ушли с лицами несколько пристыженными, ибо понятия их о христианстве оказались слишком низменными.

Оставшись одни, христиане избрали для будущего симбокквай, имеющем состояться в третье воскресенье ноября, коогиси и кандзи; христианки сделают это на днях под руководством катихизатора.

Катихизатор Василий Сугаи ленив, по всему видно; однако же не противен христианам — отношения между ними дружественные; хорошо и это — и пусть себе пока служит здесь.

У Павла Саймару жив еще отец, 71 год, седой, почтенный и еще бодрый старец, заправлявший отрядом войска Мито во время восстановления Микадо и бывший тогда с отрядом в Хакодате, почему знающий мое имя; поговорили мы с ним дружески, но не проникает к нему в душу Слово Спасения; «Все веры, — говорит, — одинаково хороши»; горы китайских книг около него; эта китайская ученость и его сердце в слепоте, как некогда иная ученость — иных книжников.

20 октября / 1 ноября 1892. Вторник.

Ооцу — Мито

В седьмом часу утра простившись с братьями, проводившими на тележках мили полторы от Ооцу, до перевоза чрез реку, мы с о. Фаддеем отправились в обратный путь и в семь часов вечера прибыли в Мито, 18 ри от Ооцу, и остановились на ночлег в гостинице у самой станции железной дороги, чтобы завтра в шесть часов двадцать минут утра направиться в Токио.

Итак, обзор Церквей в Симооса, одной в Кадзуса и в Ибараги-кен занял ровно три недели. Обзор в иных местах, как в Тега, Акуцу, Ооцу, был радостен, в иных, как в Тоогане, Оота (в Мио), Оонума — очень печален.

Тележки и дзинрикия были проходные от Мито до Ооцу и обратно. Платилось им по 75 сен в день, а за два дня, когда их труд по плохости дорог был особенно тяжел, прибавлено по 25 сен.

21 октября / 2 ноября 1892. Среда.

Мито. Токио

К полдню прибыли из Мито по железной дороге в Токио. В Миссии все найдено благополучно. Но из России по денежной присылке оказалось, что 2100 рублей кредитными, которые я просил у Святейшего Синода на дорогу троим возвращающимся из России академистам — Исигаме, Кавасаки и Кониси, вычтены из суммы Миссии, значит, не даны. Кто-то из высших лиц, по-видимому, начинает не любить Миссию.

22 октября / 3 ноября 1892. Четверг.

Токио

По случаю рождения Японского Императора была служба в Церкви; на молебен и я выходил. После службы было симбокквей тоокейских христиан; о. Павел Савабе сочинил его, чтобы христиане Коодзимаци сблизилась с другими приходами. Было до 600 христиан на собрании,

несколько человек было из провинций; христианин из Сиракава выразился, что было «юквай-тенкоку-но готоси». Было много речей; катихизаторы и христиане говорили; Епископ молчал; обедом угощались в складчину.

Вечером христиане Коодзимаци приходили кланчить о содержании отца Савабе. Прежде было там кёокиу 20 ен; я и сказал, что буду добавлять о. Савабе 9 ен, а 20 пусть идет ему от Церкви; но там ныне больше 5 ен не дают; значит, и здесь кёокиу падает. Беда с этим вопросом о содержании и с японцами – нищими или попрошайками!

Поздно вечером из принесенных русских газет узнали мы несчастную для Миссии новость; Высокопреосвященный Исидор скончался 8-го сентября! Миссия родного отца потеряла! Что-то будет с нею теперь? Будет ли идти тоже содержание или общиплют ее, а Японская Церковь, еще ползающая, встать на ноги не может!

23 октября / 4 ноября 1892. Пятница.

Токио

Опять из Коодзимаци приходили кланчить о кёокиу. Я и не принял их, очень уж надоели, – а ответил чрез Нумабе, что Савабе не дешевле Ниццума, если последнему давали 20 ен, то почему же первому только 5? Пусть дают все 20. Я не прибавлю к 9.

24 октября / 5 ноября 1892. Суббота.

Токио. Хацивоодзи

Утром была заупокойная литургия и Панихида по Высокопреосвященном Исидоре; все школы молились.

Потом был уже сам о. Савабе с христианами из Коодзимаци просить о содержании, прибавил я 6 ен к 9, так что от Миссии будет получать 15; 14 же пусть дает сама Коодзимацкая Церковь. Конечно, я буду добавлять частно от себя и секретно от коодзимацких христиан столько, сколько они не доплатят из 14, о чем и сказано о. Савабе, к успокоению его.

В три часа пополудни мы с о. Фаддеем Осозава отправились в Хацивоодзи, в сопровождении катихизатора Стефана Тадзима и двух христиан, прибывших навстречу. Дождь лил как из ведра все время, пока мы ехали до станции железной дороги на Синдзику и дальше до Хацивоодзи; братья и сестры тем не менее в значительном количестве прибыли встретить на станции. Закупоренные в тележках от проливного дождя, мы приехали в церковный дом, помещающийся совсем удобно в переулке, вдали от главной артерии города. Зато внутри церковный дом приятно изумил чистотою, опрятностию и хорошим убранством; иконы здесь превосходные: две большие иконостасные – Спасителя и Божией Матери, в золоченых рамах; другие иконы, также аналои и все прочее

устройство молитвенного дома показывает, что христиане с любовью заботятся о нем. Пока мы переоделись, успели собраться немало христиан. И ровно в шесть часов начата была всенощная, продолжавшаяся почти столько же времени, как и миссийском Соборе. Пение здесь, положительно, лучшее из всех слышанных мною в Церквах; его можно ставить первым после миссийского; поют все, даже ирмосы, удивительно правильно по нотам; иногда только, обыкновенно к концу песни, теряют тон и оканчивают низко-низко, так что выходит смешно; поют, разумеется, в один голос. Учителем пения — первый здесь церковный хлопотун, Яков Масуда; его же научил Иоанн Кавамура, ныне киевский академист, родом здешний; кроме того, сегодня здесь отлично поддерживали хор две ученицы Миссийской школы, ныне по болезни находящиеся здесь. Есть для обучения пению фисгармония. Вот так бы и в других местах находились любители, — как бы хорошо было для Церквей!

Поучение сказано о необходимости питать и развивать в душе христианскую ревность для возрастания в христианской жизни, о средствах возжигать и поддерживать душевный огонь молитвой, особенно Святыми Таинствами. Потом благословлены христиане и по метрике испытана Церковь. Испытание, к сожалению, оказалось довольно печальным. Крещеных здесь по метрике: 189, из них рейтан* 37 и почти все — первые по времени христиане; в иных местах 45 (в том числе в миссийской школе 9 девочек, в Семинарии 1, в России, в Академии 1), умерло 21; налицо остается всего 86. Охладевших так много оттого, — объясняли христиане, — что после Иоанна Ямаса, первого здесь проповедника, долго жившего здесь, немало потрудившегося, но, к сожалению, развратившегося, некоторое время не было проповедника — христиане и разбрелись, как овцы, не имеющие пастыря. Так-то опасно оставлять новых христиан без руководителя; катихизатор, хотя и малодетельный, полезен тем, что — когда на месте — около него группируются христиане; так мало-помалу и нарастает кристалл церковный, обращающийся потом под влиянием благодати Божией в твердый камень; нет центрального зерна — все ползет врозь, как вот и здесь расползлось после Ямаса, пока поставлен был Стефан Кондо, опять собравший вокруг себя и так далее.

Домов христианских здесь 33. Церковных старост — гиюу — 4. В субботу, с шести часов, на вечернее богослужение собирается человек 20, в воскресенье, с десяти часов, — то же число. Бывают собрания кенкиуквай; братья собираются в первое и третье воскресенье в числе человек 6, читают Евангелие от Матфея и толкуют его (ринкоо) под руководством катихизатора; сестры собираются в первую и третью среду месяца, в числе человек 10; катихизатор объясняет им Священное писание.

---

* Охладевшие.

Жертвуют христиане в месяц 3 ены 50 сен, из коих 1 ена идет на ренту за землю 100 цубо, что под церковным домом, — хозяину, язычнику, прочее на церковные расходы в молитвенном доме.

Церковный дом построен христианами вчерне на 160 ен; на циновки дано ими 25 ен, на перевозку и установку старой огады — из Миссии, из Токио, 13 ен, на поправку текущей крыши — 17 ен. Всего на церковный дом издержано христианами около 250 ен.

Испытаны были дети в знании молитв; почти все оказались отлично знающими; розданы им маленькие образки; некоторые — не научены; сказано родителям поучение о необходимости воспитывать детей для Неба, в чем им помогают Ангелы-Хранители детей.

Говорено было о необходимости завести здесь мужское и женское «Кооги квай»; объяснено, как вести его.

В одиннадцать часов вечера собрание распущено

25 октября / 6 ноября 1892. Воскресенье.

Хацивоодзи

С десяти часов утра обедница, пропетая очень стройно певчими, за что им потом две ены на конфеты, но они нашли лучшее употребление сим деньгам, обратив их на починку фисгармонии. Поучение состояло в объяснении молитвы Господней. После обеда посетили христиан, всего домов 30. Почти у всех дома не свои, а квартиры; у некоторых дома свои, но стоят на чужой земле; собственные дома на собственной земле только у богачей, а такими оказываются отцы некоторых учениц нашей миссийской школы, особенно богатые между ними Кобаяси и Таира; это большие производчики шелковых материй; у первого я смотрел тkanie мужских шелковых поясов; нужна немалая сила, чтобы ткать их; бердом прибивается нитка три раза. В двух домах — общественные бани, и это у главного здешнего церковного хлопотуна и певца — Якова Масуда, и у отца ученицы Саломеи Судзуки; здесь, кроме того, верхний этаж отдается в наем зубному врачу, наезжающему из Токио. Подряд с домом Судзуки пустырь, где стоял дом ростовщика Ито, дочь которого в нашей женской школе; дом сгорел. Место продано, и там, где произошло ужасное убийство Ито, связанного предварительно медною проволокою, и трех других в доме, — земля выбрана и свезена в море, на место же ее насыпана другая земля с щебнем; та земля-де осквернена и грозит несчастием тем, кто стал бы жить на ней. — Дом у Сенума, старика, отца академиста Кавамото, собственный; торгует по-прежнему носками; в доме которого жена, сын с женой и ребенок, — еще сын, охладевший в вере и ныне обещавший исправиться. Иоанн Кавамото — приемышем у старухи, еще язычницы, дочь ее — невеста Кавамото, ныне в женской школе на Суругадае. Родной дом катихизатора Иоанна Кобаяси также

собственный и хороший; хозяин в нем брат его, Александр; мать их христианка, жена Александра еще язычница. Собственный и богатый у повитухи Февронии, вдовы врача Пантелеймона, очень благочестивого; Феврония не ходит в Церковь, говорит — «некогда», но скорей — оттого, что охладела; двенадцатилетнего крещеного сына обещалась отныне учить христианству.— Особенно бедных между христианами нет. Были в некоторых домах таких, о которых вчера говорили христиане, что совсем охладели, никогда не ходят в Церковь; оказываются, однако, не безнадежными — тоже иконы стоят на своих местах и пред ними молятся. Дано катихизатору и священнику настоятельное внушение, чтобы постарались возгреть и других охладевших; христианам также толковано о сем.

К сумеркам едва кончили обзор христианских домов. С семи часов была вечерня с небольшим поучением. С восьми часов — проповедь для язычников, обычная начальная, но мало было их, человек около 10; наши христиане наполняли Церковь.

В двенадцать часов ночи простился с христианами.

*26 октября / 7 ноября 1892. Понедельник.
Хацивоодзи. Ицукаици. Гундоо*

В семь часов утра отправились из Хацивоодзи в Ицукаици. Дорога идет среди плантаций тутовицы. Шелковичный червь и здесь господствует не меньше, чем в Маебаси. Зато Хацивоодзи славится производством шелка и для вывоза, и для внутреннего потребления. В Хацивоодзи шесть раз в месяц бывает базар шелка: приезжие купцы и комиссионеры сидят, а пред ними проходят производчики и продавцы шелковых материй, и всякий покупает у них то, что нужно. В бойкое базарное время в один день, говорят, продается здесь тысяч на триста ен. В Хацивоодзи ткутся шелковые материи всех сортов, но для внутреннего потребления; за границу идет только шелк-сырец, который также производится здесь в изобилии, как из местных коконов, так и из присылаемых с окрестностей. Сейчас за городом, по дороге в Ицукаици, завод для разматывания коконов, где колеса приводятся в движение паровой машиной, а работают до 400 разматывательниц.— Дорога была примерзкая от вчерашнего дождя. Занимали возчики своим разговором дорогой.— Скоро все японцы будут христианами,— уведомляет передний возчик заднего, по-видимому, из новичков.— Что так? Чем же берет христианство? — А тем, что по смерти будет «раку» (блаженство).— Стало быть, у христиан уважаются «хотоке» (покойники)? — Очень уважаются... Вон у христиан Николай на Суругадае десять лет строился,— переходит опытный возница к более частному предмету.— А ты был на Суругадае? — спрашиваю я.— Как не быть! Я двенадцать лет был извозчиком в Токио.— Николая

то видел? – Видел. – Какой же он? – Пониже тебя будет ростом. – Фигурой-то какой? – Совсем на тебя не похож, – уклончиво ответил он. – Добрый или недобрый? – Я не возил его, с этой стороны не знаю.

И, видимо, увлеченный своими воспоминаниями о Токио, начинает перечислять, где какие посольства в Токио; между прочим, Ликийское (риукиу) поместил у Кудан-сака (тогда как такого посланника и быть не может – Ликийские острова входят в состав Японии). Далее стал наставлять своего малосведующего собрата, что военные инструкторы в Токио все иностранцы. И что у одного из высших лиц сего рода одна нога каучуковая, так искусно, однако, приделанная, что нельзя заметить, что это не своя нога, и прочее, и прочее.

7¹/₂ ри от Хацивоодзи до Ицукаици, но в продолжение четырех часов едва одолели сей путь; с полдороги начинается перевал, да такой, что нужно было отпустить дзинрикиси совсем, кроме одной тележки для чемоданов, и идти пешком. Ицукаици – город, в котором 400 домов; производит больше всего древесный уголь. При входе в него зашли в молодому врачу – христианину, но совсем охладевшему. Дальше дошли до дома Моисея Хангивара, главного здешнего христианина, но и он оказался совсем холодным. Имеет он в своем доме почту, которою был занят в то время, когда мы пришли. Крещены еще в доме дочь его брата, лет восемнадцати, и ее младший брат. Указали нам второй этаж, куда мы по узкой лестнице взобрались и нашли печальное зрелище. На стене висит икона Спасителя с разбитым и запыленным стеклом; другая модельная икона – Святителя Николая, прекраснейшего письма, на золотом резном фоне, в киоте, данная потому, что здесь Церковь названа именем Святителя Николая, – лежит внизу, на разломанном японском столике; четыре домовые иконы и молитвенные книги в беспорядке навалены на столе. Так как хозяин не являлся, и не было никого из сей Церкви с нами, а было несколько пришедших встречать из Гундоо, то мы не могли начать богослужение, а стали рассматривать метрику. По ней крещеных в Ицукаици 23, из коих умерло 3, в другие места переселилось 6, охладел 1 (следовало бы сказать, что все охладели) – на месте ныне 13. Но попусту мы ждали кого-либо из сих 13. Наконец, появилась девица Кирина – сего дома; несколько раз посылали звать Моисея – хозяина; взошел и он, и о. Фаддей отслужил краткий молебен за живых сей Церкви, потом литию за Анну, жену Моисея. Пели я и катихизатор Стефан Тадзима. Хотели мы потом отправиться в гостиницу пообедать, ибо был уже первый час на исходе; но Моисей уже распорядился приготовить обед, от которого мы не могли отказаться. Из прочих членов сей Церкви во время нашего обеда заявила какая-то Кириакия с младенцем, больше не дождалась и не видала никого; врач обещался прийти на молитву, не пришел. Единственное благочестивое лицо в сей Церкви – старик Марк Хирацука – встретил нас еще дорогой, потом не раз появлялся на втором этаже, но всегда на минутку, ибо служит по поставленному

делу и тогда тоже был занят; под конец ушел к себе домой, чтобы принять нас у себя, когда мы, следуя дальше в Гундоо, по дороге зайдем к нему.

Хотел я отобрать здесь икону Святителя Николая и увезти в Токио, оставив здесь для общей молитвы икону Спасителя, но побоялся, что это окончательно расстроит Моисея Хангивара и сделает его непоправимым неверующим, тем более, что он — горд и своенравен. Устроили мы икону Святителя Николая на стене у иконы Спасителя, и заповедал я Моисею собирать, елико можно, по праздникам здешних христиан и молиться с ними; «хей-хей», — отвечал он голосом, заранее не обещающим исполнения. Катихизатора здесь нужно поставить — единственное средство не дать совсем уничтожиться сей Церкви, уже тринадцать лет существующей; этот катихизатор заведывал бы и Церковью в Гундоо, всего 1 ¹/₂ ри от Ицукаици. Катихизатор же Хацивоодзи не может быть полезным Ицукаици, особенно такой слабый, сам опустившийся, как нынешний Стефан Тадзима. Поддерживала здесь христиан Анна, жена Моисея, усердная и твердая, но в июле она померла, к сожалению, и Моисей не имел достаточной твердости, чтобы отстоять от родных ее христианское погребение; ее похоронили по-буддийски.

Дорогой в Гундоо, на выезде из Ицукайици, мы зашли в дом Марка хирацука, который радостно принял нас и угостил каки.

От Ицукаици до Гундоо 1 ¹/₂ ри; шли пешком, ибо ехать невозможно — дорога в гору по узким тропинкам над пропастью. Поднимались выше и выше в Гундоо, прошли, в 20 чё от него, деревню Оциай, где христианский дом учителя Икетани Исаий[?], за которым замужем Кириакия, вдова Виссариона Авано, дочь Павла Курибара, воспитанница Миссийской женской школы. Учитель был на службе; Кириакия с своими двумя детьми, одним за спиной, другим — шесть лет — за руку встретила далеко за деревней вместе с отцом своим Павлом и другими.

В Гундоо 40 домов — все земледельцы, только риса почти не возделывают, ибо деревня разбросана по горе, а производят пшеницу, кукурузу, табак, чай, туовицу, картофель, дерево, из коры которого делают бумагу, каковым производством занимаются все здесь. Отрасль эта, однако, немного дает; например, Павел Курибара производит дестей десять; десть — 48 листов писчей бумаги — прочной большеформатной, продается за 5 сен; стало быть, с намалым трудом добывает 50 сен всего. До большой высоты поднявшись, мы зашли в дом Павла Курибара; видно, что зажиточный дом; жива еще у него мать, восьмидесятивосьмилетняя старуха; сам Павел преждевременно состарился; семь лет подпольного жития где-то сделали это; заведомо краденое купил он, за что осужден был на семь лет тюремного заключения, от которого и скрывался, живя где-то секретно. Еще выше поднявшись, достигли дома Гамалиила Курибара, зажиточного крестьянина, в доме которого молельная икона и куда собираются по субботам вечером на общую молитву. Здесь просмотрели

метрику, общую у Гундоо с Ицукаици. Крещеных здесь 39, из них умерли 5, охладели 2, 32 налицо, в 10 домах. Напившись чаю, сходили посетить христиан — 4 дома, живущих еще выше; 4 дома ниже посетили, идя к Гамалиилу. Два дома рекомендовали как охладевшие, но в первом — безграмотная крестьянка с сопливым еще сыном; икона — на столе, молитвенника нет, да и прочесть его некому, почти извинительное охлаждение; второй дом, самый верхний на горе, идет в гору и по житейскому положению богатеет, пристраивает хорошую веранду, оттого, вероятно, и веру теряет; хозяина Захария не видали — в горах; мать его приняла благосклонно.

Вернувшись и, в ожидании пока соберутся к вечерне, поужинав местными продуктами, мы в шесть с половиною часов начали служить вечерню, после которой я сказал первоначальное поучение к язычникам; пришли слушать два бонзы из деревни Оциай, местный врач и еще несколько язычников; христиан было, правда, гораздо больше, но и для них не бесполезно было слово, в смысле повторения.

Христиане Гундоо, видимо, хорошие усердные христиане, так как здесь нет еще церковных книг, ни богослужебных, ни для чтения, то из Токио немедленно будут присланы все наиболее нужные и приличные здесь. На молитву христиане по воскресеньям здесь, к сожалению, не собираются, только по субботам вечером — приходят человек 6 посторонних, кроме семьи Гамалиила; и поют здесь очень изрядно: Юлия, дочь Гамалиила, Павел Курибара и христианин Савва.

27 октября / 8 ноября 1892. Вторник.

Гундоо. Токио

В семь с половиною часа утра вышли из Гундо от Гамалиила Курибара, где пользовались гостеприимством, в Хацивоодзи пешком. Шли горными тропинками, минуя Ицукаици, чтобы сократить путь; чемоданы нес Стефан, один из христиан Гундоо, за что потом дана была ему 1 ена. По дороге любовались превосходными горными видами; солнце, иногда выступая из-за облаков, делало чудные переливы света и теней между горными ущельями и среди групп различных пород дерева. Отсюда много вывозится хиноки, сосны, ели и пихты. В половине первого часа пришли в Хацивоодзи, сделав в пять часов 6 ри без особенного утомления. В хацивоодзи на большой улице видели базар, бывающий шесть раз в месяц; из деревень приходят продавать свои произведения, особенно ткани в эти дни, и закупают потом для своих домов платье, посуду и все нужное; для удобства покупателей и устроятся на скорую вдоль широкой улицы лавочки, тянущиеся на пол-ри, или больше. В Хацивоодзи мы зашли пообедать в гостиницу, чтобы потом тотчас на поезде в Токио; почти все христиане собрались туда и проводили нас на станцию. В половине четвертого часа мы с о. Фаддеем прибыли в Токио, кончив на сей раз обзор его прихода.

В Токио я застал кирпичную кладку основания библиотечного здания. Вопреки моему желанию, архитектор Кондер, как основательный англичанин, настоял на своем, чтобы $\frac{1}{9}$ состава для кирпичной кладки состояла из цемента, «не столько для прочности здания, сколько для устранения в нем сырости». Пусть! Кстати и цемент — японский — недорог: 3 ены бочка.

*29 октября / 10 ноября 1892. Четверг.
Уцуномия*

В два три четверти часа пополудни выехали мы с о. Симеоном Юкава по его приходу — в Уцуномия, и в начале седьмого часа вечера были на месте. Братия Уцуномия встретили на станции, по большой улице с открытыми лавками и магазинами, при ночном освещении казавшимися просто великолепными, мы доехали почти до самого церковного дома, немножко только спрятавшегося в узкий переулок. Под него занята кладовая, в которой в низу живет катихизатор Николай Сакураи с женою и двумя детьми, на втором этаже — молельня. Много христиан собрано было у молельни и в темноте приветствовали нас. Молитвенная комната заново отделана, блестит чистотой и даже некоторой роскошью; кстати и икона здесь великолепная — Казанской Божией Матери, в богатом серебряном окладе, пожертвованных господином Расторгуевым в Москве; только поставлена она не на месте — на угол, налево, вдали от иконы Спасителя, стоящей посредине. Приготовили было зажечь пред Спасителем стеариновые свечи, но я остановил, велел заменить их японскими — восковыми. Вечерню отслужили в полном порядке: о. Семеон служит хорошо, катихизатор истово читает, поют — превосходно — две молоденькие девицы, три девочки и один молодой человек; из первых одна — Агафья Судзуки — ученица нашей Миссийской школы, оттого и пение хорошее — она учит и управляет пением; есть след и Елисея Хаякава, учившего здесь когда-то пению. После вечерни сказано поучение, потом благословлены христиане, затем, пока дети не совсем сонны, я хотел испытать их в знании молитв; но вышла полная неудача: никто не прочитал ни одной молитвы; катихизатор отзвываясь, что они молятся, но на память-де не знают; не учил он их, и даже не считал, как видно, своею обязанностью делать то, хотя в катихизаторских правилах это дело поставлено в обязанность катихизатору. Сделал я ему выговор и заповедал, чтобы вперед учил детей молитвам и Закону Божию; о. Семеону наказал смотреть за исполнением катихизаторами этого своего долга; родителям же сказал поучение о необходимости воспитывать детей в страхе Божиим и о том, что Ангелы-Хранители даны им на помощь в сем важном деле. Потом по метрике испытали Церковь. Крещеных здесь 193, из них в протестантство ушел 41 человек;

это лет восемь тому назад, когда катихизатор Санода возмутил здешних христиан против священника Ниицума; ныне их, впрочем, в протестантстве осталось, говорят, не более 4 человек, прочие все охладели или ушли в язычество; все они с самого начала весьма мало знали учение, ибо были учениками того же Санода, который больше интриговал, чем занимался своим делом; умерло 14, охладело 17, переселилось в другие места 40; остальные 81 и из других мест пришедшие сюда 23, всего 104 человека теперь здесь налицо; христианских домов 27.

Сицудзи 4. В субботу на молитву собирается около 25 человек, в воскресенье около 20.

Есть здесь «кенкиуквай»: двукратно в месяц, по воскресеньям собирается человек 8–9 и толкуют Осиено кагами (ринкоо).

Христианки во второе воскресенье месяца имеют свое собрание, на котором обыкновенно две говорящие рассказывают Жития Святых, или толкуют что-либо из Священного Писания.

Новых определенных слушателей учения нет, а ходит Сакураи, говорил, домов в пять языческих, где ведет религиозные беседы, пользуясь случаем и обстоятельствами; значит, надежды на распространение Церкви мало.

Жертвуют здесь христиане в месяц больше 3 ен, из коих 1 ена идет катихизатору, 1 ена 10 сен священнику, прочее на церковные расходы.

Было сегодня при богослужении всех христиан с детьми около 30. Положено завтра пробыть мне здесь, но проповеди для язычников не произносить — не желают того ни катихизатор, ни христиане; говорят, «боогай» будет (мешать станут язычники). Вообще, Церковь одушевлением похвалиться не может, как и сам катихизатор, видимо опустившийся: «Каков поп, таков и приход».

30 октября / 11 ноября 1892. Пятница.

Уцуномия

Утром катихизатор Сакураи рассказывал про здешних христиан. Самые усердные Яков и Василий Нагасава, родные братья, из хороших местных сизоку; Василий — старший, живет в своем родовом доме и занимается продажей лекарств, Яков сделался часовщиком, имеет на большой улице часовой магазин в собственном доме с кладовыми. Еще хорошие христиане Акила Судзуки, дочь которого Агафья училась в нашей женской школе, учитель портняжного искусства, тоже живущий зажиточно в своем доме, Павел Иидзука, портной, порядочный христианин тоже Павел Кицухара, учившийся несколько в Катихизаторской школе, потом служивший, между прочим, сончѐо — вчера усердно подававший кадило. Самый бедный из здешних христиан — отец семинариста Акилы Хирота, он тоже бывший сизоку, но двадцать пять лет тому

потерявший употребление ног; прожил он потому свой дом и землю, и ныне промышляющий деланием фонарей, ибо, к счастью, хоть руками свободно владеет; кроме Акилы у него трое детей: девочка пятнадцати лет, и мальцы, лет десять и восемь; жена разносит съестное в городе и тем также немного промышляет.

Пока мы говорили о Церкви и по карте провинции Симоцукэ отыскивали и отмечали места, где разбросаны наши христиане, собралось несколько братий, между ними Марк Суто, христианин из Уено, имеющий ныне свое семейство в Сано, и в семействе семь детей; он уже десять лет служит книгоношей; до самого последнего времени был на службе у протестантов, но недавно уволен ими от службы потому, как он говорит, что не захотел перейти в протестантство, чего потребовали от него, с преобразованием части книгоношества у них. Продавал он Священное Писание и разные протестантские брошюры, разносил и православные небольшие книжки, как Православное Исповедание, молитвенник. Больших наших книг не смог продавать, ибо дороги, говорит — не покупают. Район его книгоношества составляла здешняя провинция и окрестные места. У протестантов на каждую провинцию поставлено по книгоноше: живут книгоноши процентами с продажи книг; добывал таким образом и Марк Суто, по его словам, 5–6 ен в месяц. Товарищ его по профессии, некто Ефрем, ушел в протестантство, чтобы не лишиться куска хлеба с отставлением книгоношества. Марк ныне тоже разносит книги, но от себя, покупая сначала наиболее дешевые брошюры и продавая их с некоторым процентом. Просил он давать ему на комиссию наши религиозные книги; я велел прийти в Миссию, когда вернусь в Токио, чтобы там основательно поговорить и условиться. Найти книгонош для продажи наших книг и мы когда-то старались, и был поставлен у нас книгоноша, некто Ооива, да мало успеха было: нужно было продавать книги с убытком, да еще немалое жалованье платить за разноску их. Попробуем теперь с опытным книгоношей.

В девять часов началась обедница, потом панихида. Пели очень стройно; свою часть о. Семеон так тянул, что вынужден был я заметить ему на ухо: «Произносите несколько живее». — Вместо проповеди объяснено было первое прошение молитвы Господней с переходом к тому, что христиане должны сами стараться о дальнейшем усовершенствовании себя в христианском вероупокоении, а также о распространении веры между язычниками, и далее к тому, что христианам нужно учредить «коогиквай», который и будет одним из важных средств и усовершенствований в Богоупокоении и возбуждения ревности к приведению язычников ко Христу; рассказано потом, как вести эти собрания, представлены примеры ведения их в других Церквах.

После полудня посетили дома христиан. Бедных, за исключением дома калеки Хирота, не найдено; живут достаточно, иные и очень.

С холма, на котором стоит синтуистская местная кумирня, взглянули на город: сверху гораздо красивее и представительней, чем когда едешь по улицам.

Посетив домов 18, в сумерки вернулись в кладовую, где Церковь; напился чаю, и вот теперь черчу сие, но что за ужасное место здесь от крика детей катихизатора! Так кричат, так орут, что я, при всей привычке к гаму, уши зажимаю и едва могу писать; два пузыря — мальчугана — шести и четырех лет — производят, играя, эту раздражающую какофонию, третий за плечами матери помогает им. Ну можно ли проповедывать в таком месте! Неудивительно, что никто не приходит слушать учение — выгонят с первого раза. И что всего хуже, нежные родители решительно, по-видимому, не находят ничего несносного в ужасном гвалте их детей — нисколько не останавливают; о. Семеон теперь там внизу, и еще человека 2–3, — никто и ухом не ведет, хоть из разговора слова нельзя слышать от гвалта раскричавшихся пострелят.

В восьмом часу началась вечерня; христиан, особенно христианок, собралось с детьми человек 35. После вечерни поучение; за ним — женское собрание с «кооги», но говорили только подростки: Римма, лет шестнадцати, рассказывала житие и страдание святой мученицы Софии и ее дочерей Веры, Надежды и Любви, — нетвердо знала, вяло говорила; потом шустрая девчонка лет одиннадцати с изорванной от волнения бумажкой, на которой написан был ее рассказ, сказала очень умную вещь, что кто-то думал, нашел алмаз и очень берег его, а потом оказалось, что это простой камень: так — богатство оказывается нисколько не ценным при конце жизни; третью говорила Агафья Судзуки — рассказала, и очень хорошо, о прощении грешницы Спасителем в доме фарисея Симона. Затем предложено было женщинам выбрать говорил для следующего собрания, что они и сделали; мужчины избрали своих еще раньше. Чтобы те и другие серьезно смотрели на свои собрания, сказано было, что пример для них в Священном Писании — в общине Святых Жен, последовавших Христу и у ног Его воспитавших сердце веры и любви, непоколебленное и тогда, когда Апостолы оставили Христа, также в обществе семидесяти учеников Спасителя, проповедовавших по [Его Слово?]. В одиннадцатом часу собрание было распущено.

31 октября / 12 ноября 1892. Суббота.

Уцуномия. Канума

Утром говорил с Софронием Никамура, учителем школы в Команю, деревня из 100 домов в 1 1/2 ри от Уцуномия; он два дня здесь, по случаю моего приезда, чем достаточно заявляет свое христианское усердие; советовал ему завести воскресную школу для рассказов детям Священной Истории и вечернюю для посильной проповеди язычникам; обещал,

если возьмется за это, прислать ему нужных для того книг, как-то: Священную Историю обоих переводов законоучительных; он и родом из Команю,— имеет жену, ребенка и мать.

Внушал катихизатору Николаю Сакураи и собравшимся нескольким христианам непременно постараться вернуть в лоно Церкви ушедших в протестантство, а теперь и из протестантства вышедших и совсем охладевших. Уход в протестантство 40 человек — позор Церкви Уцуномия — нигде не было еще такого или хоть приблизительно такого случая. Но и винить нельзя очень заблудших; они младенцы в христианстве — повергнуть на землю младенца, или целый ряд младенцев — ничего не стоит; а грех потом не пожалеть и не постараться поднять их. Итак, пусть Сакураи сегодня пойдет к лучшим из упавших, к тем, которые поведением не расстроились, и поговорить с ними в духе любви и сострадания; пусть пригласит их вновь послушать учение, откроет для них «кенкиуквай», на котором протолкует им Осиено Кагами со свободою им давать все возражения, а также в пунктах учения, где протестанты заблудились с объяснением сих заблуждений, в сопоставлении их с истиною. Обо всем этом внушено Сакураи сегодня же потолковать с некоторыми; приглашены и христиане к содействию в сем. Быть может, найдено будет полезным, чтобы я повидался с некоторыми заблудшими, тогда я завтра (или после), возвращаясь из Канума, остановлюсь в Уцуномия и повидаюсь; или, если нужно будет, я могу приехать и после, из Токио, для того; быть может, поможет Господь, вернуть хоть некоторых на путь спасения!

В начале одиннадцатого утра отправились на Уцуномия и чрез полчаса были в Канума, встреченные на станции катихизатором Варнавою Имамура с братией. От станции еще было полчаса езды на тележках до Канума — города и церковного дома в нем. Канума, по-видимому, небогатый город; главное местное производство — пенька; по дороге со станции, направо виднеется богато выстроенная фабрика, где обрабатывается пенька в нитки, парусину и прочее.— Церковный дом в узком переулке, впрочем, совсем близко от большой улицы. Построен он на земле христианина Фомы Тасогава, который, как человек богатый, мог бы и пожертвовать сию землю на Церковь. Стоит церковный дом 130 ен; молитвенная комната большая; при ней небольшое помещение для катихизатора; строение очень легкое и недолговечное. К сожалению, еще и долг на нем есть — 25 ен.

По прибытии в церковный дом отслужили часы, причем девочки пели совсем правильно и стройно; оказалось, что четверо из них учились в церковной школе в Коодзимаци; между прочим — отсюда Акилина, одноглазая, бывшая уже учительницей там, и Варвара, круглолицая и приятная с лица. Сказано поучение. По метрике рассмотрена Церковь. Крещеных 108; из них 37 ныне в других местах, умерли 16, охладели 7, 48 ныне налицо. Сицудзи 4. К богослужению собираются по субботам человек 13, по воскресеньям 10. Новых слушателей совсем нет из

языческих домов, а говорит Варнава ученье некоторым еще крещенным в домах христиан; говорит также и с некоторыми язычниками о вере, но и сам не называет этого проповедью, а их — слушателями.

Мужского собрания нет ни в каком виде; женское симбокквай заведено месяц тому назад, по субботам, со своими, христианок, кооги. Сегодня вечером имеет быть второе собрание; посмотрим, как оно производится.

После обеда посетили дома христиан — всего 10; бедных нет, особенно богатых также не видно, но Фому Тасогава можно назвать богатым, некоторых зажиточными. Лучшие из христиан, кажется — Моисей Содеяма, кузнец, у которого 7 человек детей и который первым здесь принял христианство и немало потерпел гонений за него от соседей; Иоанн Накамура, у которого правая рука наполовину отрублена напавшим на него дорогой грабителем, — торговец овощами; жена его также, видимо, усердная христианка; благочестиво и семейство слепца Павла, у которого также 7 человек детей, и все такие краснощекие и полные; мать их — благочестивая женщина.

Когда вернулись в церковный дом, пришел сюда один охладевший, у которого мы не были, но который увидел нас проезжающими по улице — обрадовался и прибежал; оказывается совсем не потерявшим веру, а терпящим домашнее стеснение от тестя и тещи, престарелых и закоренелых язычников; не позволяют они ему ходить в Церковь и знаться с христианами; он же, как видно, слаб, или, быть может, боится, что его прогонят из дома, — дом же богатый.

В начале восьмого часа началась всенощная и продолжалась часа полтора — была полная с ирмосами, пропетыми очень правильно. Получение. Затем женское симбокквай; говорили трое: жена катихизатора — Любовь, о необходимости общественной молитвы: было у нее написано, и весьма длинное рассуждение; вероятно, с помощью мужа составлено; потом Акилина — из школы в Коодзимацэ — Житие Святого Иокима и Анны рассказала, затем Варвара — из той же школы — докончила Житие святого Плакиды-Евстафия, начатое в прошлое собрание; значит, все говорившие — воспитанницы Миссийских женских школ, и на них возложена была сия обязанность навсегда; местные христианки отозвались своим неумением и неспособностью к кооги; но я убедил их переменить решение, указал, что и совсем безграмотные отлично говорят кооги, при желании делать то, готовясь при помощи катихизатора; согласились, наконец, и избрали из себя трех к следующему собранию; хотели было избрать совсем малых девчонок, я восстал и против этого, убедил избрать больших; дети же могут, кроме того говорить, если приготовят, равно, как могут говорить и вышеозначенные воспитанницы школ, если захотят, кроме избранных трех говорящих, ибо, например, в Хакодате я видел говорящими человек 15 в одно собрание. Катихизатор Варнава обещался помогать христианкам готовить их кооги. Говорить и вперед положили в субботу вечером после общественной молитвы —

не в воскресенье, как везде. Братий убеждал я также завести кооги-квай; вероятно, завтра решат завести. В одиннадцать часов собрание кончилось, и ночевать повели далеко-далеко в какую-то гостиницу, где и поместили в тесной и очень холодной комнате нас двоих с о. Семеоном.

1 / 13 ноября 1892. Воскресенье.

Канума. Никко

Ночью, с четвертого часа, не дали спать — все возили что-то по переулку, причем возчики распевали во все горло; кажется, готовились к сегодняшнему здесь «муне-анге» в строящемся новом доме; встали мы с о. Семеоном чем свет, умылись, помолились, причем оказалось, что о. Семеон только одно начало утренних молитв знает на память, даже «Помилуй мя, Боже» прочитать не мог, — молитвенника же не догадался вчера захватить с собой. Плох он, далеко не таков, как о. Фаддей; к управлению Церковью мало способен, совсем дитя по характеру: простодушный, бесхитростный, но совсем недалекий: при всех разговорах и распоряжениях только эхом служит, и притом — бессильным; может он быть полезен еще священником на одном месте, в небольшом приходе, но большой Церкви, и притом неустроенной, поручить ему нельзя — ничего не сделает. — Но кого ставить еще священниками. Пошли, Бог, таких людей!

Оказалось по объяснении, что это мы ночевали в доме родного отца вышеозначенной Варвары, бывшей в школе в Коодзимаци, теперешней здешней лучшей певчей в Церкви и лучшей говорящей на женском собрании, по крайней мере, вчерашнем. Она отдана приемным в дом Сато — здешнего фотографа, приемная мать ее, Евдокия — усердная христианка; родной же ее отец и мать и приемный отец — язычники, до сих пор остающиеся совсем холодными к христианской проповеди, а между тем отец — гостиник — преклонный уже старец; сильно укоротил я бедную Варвару за то, что она дочернею любовью не старается спасти своих родителей от угрожающей им вечной гибели; речь в то же время направлена была и к Фоме Тасогава, отец которого совсем в гроб смотрящий, тоже язычник; рассказал, в пример, как маленькая Вера Кису обратила своего отца, постоянно таща его молиться с собою и с маменькою, надевая ему крест и заставляя целовать его; заплакала варвара, и верно будет же давление от нее на родителей, и поможет ей Господь тронуть их сердца!

В восемь часов утра отправились из гостиницы в церковный дом, дорогой осмотрели местную кумирню, посвященную сыну Сосано-оно микато; снаружи кругом превосходная резьба, но приходящая в упадок, как и быть должно. Вековые хиноки и кеяки окружают кумирню. За ними сейчас и наш юный церковный дом. В восемь часов начали обедницу,

за нею была проповедь для христиан, но слышали и собравшиеся язычники. Около десяти служба была кончена; с десяти началась проповедь для язычников. Опасались мы, что совсем мало будет слушателей, ибо как раз в это же время началась лекция о чем-то по земледелию, заранее подготовленная, и для которой приглашен лектор из Токио; собралось, однако, и на нашу проповедь человек до 40, и люди большею частью дельные и видные в городе. Сначала говорил о. Семеон, но совсем не так умно, как о. Фаддей; тянул бесконечные примеры, переливал из пустого в порожнее с самым глубокомысленным видом и поразительным жестом объявлял какую-нибудь зауряднейшую мысль, бухал иногда и ужасную дичь, например, «сууманно хоси-ва Ками-но дзиттай-но уцини цукураретари» (бесчисленные звезды внутри существа Божия сотворены) — это в объяснение Божия вездеприсутствия. Совсем плоховат о. Семеон! Я сказал обычную начальную проповедь язычникам. Кончилось в половине первого часа. Выгода держанья проповеди (так рано днем, между прочим, та, что детей и прочего пустого народа, производящего шум и мешающего и говорить, и слушать, не бывает; приходят слушать именно только желающие слушать, а не праздно шатающийся люд, которого так рано не бывает.

Из Уцуномия от катихизатора Сакураи получено известие, что он говорил с пятью заблудшими, и они хотят повидаться со мною, — чтобы я для того, возвращаясь из Канума, сегодня остановился в Уцуномия, но мы еще вчера послали ему известие, что из Канума проедем сначала в Никко, где есть христианское семейство, потом в Асио, где человек 12 христиан, и на медный рудник, где также есть христиане, повидаться со всеми ими, — и оттуда уже на обратном пути заедем в Уцуномия.

В два часа пополудни отправились мы с о. Семеоном из Канума; по дороге завернули, в сопровождении Фомы Тасогава, осмотреть пеньковую мануфактуру. Устроена превосходно. Кроме местной пеньки, здесь обрабатывается получаемая из Китая и даже из Индии. Ее мнут, чешут, прядут, ткут — паруса и парусины; кроме самого первого расчесывания, все производится машинами; машины приводятся в движение не паром, а водой, падающей с горы и проведенной для того издали. Несколько сот мужчин и женщин заняты работой, которая непрерывно идет день и ночь. Устроена мануфактура пять лет назад; машины все из Германии, и устроил все здесь немец; теперь на мануфактуре нет ни одного немца — все делают сами японцы. Заведение обязано своим существованием одному предприимчивому и деятельному человеку, который ныне состоит начальником Компании и которого мы видели здесь же, в конторе; по его словам, заведение стоит 200 тысяч ен; годовой оборот мануфактуры ныне 110 тысяч ен; выпускает он в продажу и нитки, и парусину; первые идут на другую пеньковую мануфактуру, где около Нагоя, для тканей парусины; последнюю — больше всего заказывает Морское Ведомство.

В четвертом часу напутствуемые собравшимися на станцию братьями и сестрами мы с о. Семеоном отправились по железной дороге в Никко и минут чрез пятьдесят были на месте. Остановились я японской гостинице Кониси, во избежание дороговизны по-европейски устроенных отелей; здесь угостили отличной ванной и порядочным ужином, после которого о. Семеон пошел разыскивать здешних христиан, а я черчу сие.

2 / 14 ноября 1892. Понедельник.

Никко. Асио

Рано утром о. Семеон опять отправился к христианину, ибо вчера виделся только с его матерью язычницей. Вернулся и сказал, что он придет сюда, а в дом к нему нельзя-де. Скоро и пришел с женой и двумя детьми: девочкой — Марфой, шести лет, и грудным младенцем, некрещеным; дома остался третий, средний между ними, тоже некрещеный; зовут сего христианина Петр Кобаяси, жену — Ниной, он — сын здешнего каннуса, которого специальность — китайская музыка; ежемесячно три раза он, как музыкант, участвует в торжественных богослужениях. Служба эта — родовая сего дома, шестнадцати поколений подряд. Старик (пятидесяти двух лет) нельзя сказать, чтобы веровал в то, чему служит, но так как живет сим, то в другую веру перейти считает невозможным — и оттого и сыну христианином быть не позволяет. Между тем, сын, будучи учителем школы в Канума, сделался христианином и женился на христианке — дочери врача Иосида, младшей сестры бывшего катихизатора Ионы. Отец не знает о христианстве Петра, который, обремененный уже семейством из трех детей, принужден малодушествовать, хотя в душе, кажется, искренне верующий. — Все это напоминает старую историю Димитрия Сфемроновича в Ефесе. — Петр получает, как учитель, жалованья всего 5–6 ен, как он говорил, живет в доме отца. Хотел бы поступить в Катихизаторскую школу, — к чему, по-видимому, и способен, да не знает, как быть с семейством, пока будет учиться. Свиданию с нами он и Нина, видимо, обрадовались.

Простившись с ними, мы с о. Семеоном отправились в Асио, 7 ри от Никко, пешком, ибо нужно переваливать чрез горы; не совсем нужные вещи оставили в гостинице; для несения чемодана с необходимыми взяли селовека. Проходили, выступая из Никко, у подножия горы, на которой в великолепных кумирнях чтутся, как боги, Иеясу и Иемицу, а в драгоценных [...] покоятся своими костями. Тихое место избрал себе для покоя многоутружденный Иеясу; вероятно, и журчание водопадов не доносится до него, и ничто не мешает его сладким грезам. Его гениальный внук лег бок о бок с ним. Оба они совершили великое дело:

успокоили Японию на триста лет, связав львов — удельных князей — железными цепями.

Поднимаясь по ущелью выше и выше, мы встретились с современной Японией, хватающей самые верхи практической цивилизации: по воздушной железной дороге, точно по воздуху издали — плывут тяжелые вещи — туда и обратно. В Кодаки и Акакура (в Асио — общее имя) медные рудники тоокейского богача Фурукава; для переправления чрез горы слитков меди из рудников и всего, что нужно в рудники, в четырех местах протянуты по высоким столбам железные канаты, приводимые в движение паровыми машинами. Мы по дороге зашли взглянуть на одну из них. Машина в 15 сил приводит в движение железный канат, протянутый чрез высочайшие вершины и глубокие пропасти на пространстве 3.800 метров; движется канат днем и ночью и заменяет 300 грузовых лошадей в одну сторону и 300 — в другую; идет груз от места до места полтора часа; скоро пар заменят водой, и тогда работа машины будет обходиться еще дешевле. Выписаны машины из Америки и поставлены в запрошлом году. Фурукава начал разрабатывать эти рудники лет пятнадцать тому назад; рудники весьма обильны медью.

В Асио-Мацубара — городок, мы пришли уже в пятом часу вечера. о. Семеон посоветовал мне остаться здесь, сам же отправился в Кодаки, 1 1/2 ри отсюда, чтобы оповестить христиан и собрать их к моему прибытию завтра туда часов в восемь утра. Остановился я в гостинице Идзумия, принял ванну в виде лекарства усталым ногам, поужинал и принялся было читать путеводитель по Никко, как кто-то пришел и, не объявляя о себе, кто он, присел к жаровне и стал курить. «Кто вы?» — Неясно говорит о себе. Наконец, мало-помалу, оказалось, что православный христианин, из смущенных Давидом Санода восемь лет тому назад в Уцуномия, им же наученный вере, крещенный о. Савабе, и потом сбитый с толку; «Бросил я веру», — говорит, но потом по течению разговора оказалось, что искра под пеплом еще теплется. Младший брат был один из двух молодых людей, пришедших сюда из Уцуномия в Катихизаторскую школу и ушедших по наущению Санода; этот брат поступал потом к протестантам и одним из миссионеров (Девисом?) послан в Америку, где проучился шесть лет, и ныне катихизаторствует в Токио у протестантов. О себе говорит сей — Самуил Судзуки, как потом назвал себя, что он в протестантство не перешел; поверил ему. Обещал я ему прислать две-три книги, чтобы он, читая, возобновил знание веры и возгрел сердце; советовал еще ему найти здесь слушателей учения и, если найдет 8 человек, так что с ним и женой будет 10, то я из Токио или другого места пришлю катихизатора, месяца на полтора, протолковать «осиено кагами». Он обещался известить меня в Токио, если найдет. Прощаясь, дал ему крестик вместо полученного им при крещении, который он говорит, отдал младшему брату. Уходя и получая благословение, привычным движением руки перекрестился; значит не «бросил веру!» —

«Вероятно, благодать Божия привела меня сегодня увидеться с вами», — говорил он.

Переваливая чрез горы, думал я: в тех местах, где есть христиане, а нет катихизатора, не давать ли ены по две способным сгруппировывать около себя верующих и поддерживать их, как-то школьным учителям и другим, кто будет высмотрен? — Нужно также пользоваться книгоношами для отыскивания наших разбросанных христиан и поддержания веры в них. — А самым ленивым катихизаторам не советовать ли поступать в учителя местных школ, чтобы оставлять им миссийского содержания ены еще по две, по три с обязанностью вышеуказанного? Обдумать еще больше эти вопросы.

3 / 15 ноября 1892. Вторник.

Асио. Никко

В пять часов утра я встал и в половине шестого готов был тронуться в путь, в Кодаки, как неожиданно появился о. Семеон и уведомил, что ходить в Кодаки незачем, — Иова Такахаси там нет, и неизвестно, куда делся, других христиан также нет ни единого; вчера вечером он, разыскивая Такахаси, зашел к начальнику селения, от которого и осведомился, что Такахаси по весне был, но куда исчез — неизвестно, — «вероятно, в горах скрывается от долгов»; христиан, работающих в рудниках также нельзя разыскать, ибо-де собирается сюда на работы большею частию народ дурной; хорошие люди, если попадают между ними, переменяют свои имена, что бы не компрометироваться. Все это мне милый о. Семеон вылил с пафосом, жестами и глубокомысленным видом. Нечего делать. Собрались идти из Асио; «Только нужно зайти в Самуилу Судзуки, который был здесь вчера». — «А! Самуил Судзуки! Он у меня есть в списке», — приставил палец ко лбу, важно заметил о. Семеон. Зашли. Я в двух словах познакомил их друг с другом. «А я вчера в Кодаки искал Такахаси и не нашел», — заявил тотчас о. Семеон, «Какого Такахаси? Не Кекица ли?» — «Его». — «Так зачем же было вам искать его так далеко, он здесь, в двух шагах от моего дома». — «Возможно ли?» — возражает пораженный о. Семеон; но мы идем и, действительно, находим Такахаси Иова, его жену Акилину и дочь Пелагею, — лавка со съестными припасами, как толковали нам в Канума; там же толковали, что Такахаси в Асио — городе, — я очень хорошо заметил, — и вчера почти с самого Аоко думал, что мы идем в Асио к Такахаси, но вчера, подходя к городу, стал заверять меня о. Семеон, что он в Кодаки, — книжку записную вытащил — по ней показывал свои записи; значит, перепутал самые простые вещи. — Поговорили мы с Такахаси и Судзуки несколько о церковном. Опять я советовал найти здесь слушателей, тогда на время придется сюда катихизатор, чтобы умножить стадо Христово. Обещались. Увидим, исполнят

ли. Мой о. Семеон и тут не применул вытащить свою записную книжку и обернуть к небу острый карандаш, готовясь изобразить на листы глубокомысленную фразу, но так как некогда играть в глубокомыслие, то я заметил, что мы, и не записывая, не забудем послать катихизатора, если придет отсюда известие, что десяток слушателей есть. Простившись с христианами, отправились в Акакура, 1 ¹/₂ ри от Асио, увидеть тамошних верующих. Нашлось всего двое: Екатерина, жена аптекаря на руднике, еще язычника, дочь Моисея Содеяма в Канума и Яков — кузнец на заводе. Поговорили с Екатериной и посоветовали ей скорей обратиться мужа; муж, видимо, хороший молодой человек, повел нас показать рудник; видели только вход в гору, в которой ри на два идут шахты, откуда вырубает руду; видели множество ее здесь в мелких кусках; куски эти машинами растираются в песок, промываются; отделенная от земли руда прокладывается в печах, обращаясь в черный, как сажа, порошок; порошок этот рассыпается в горны, раздуваемые машинками, и расплавленный металл выливается в продолговатые сосуды, получая форму тех тяжелых плит, перевязка которых видна по всей дороге до Никко. Плиты эти в Токио или Осака вновь переливаются, и получается уже вполне очищенная медь. — На рудниках и плавильных заводах здесь и в Кодаки работают до двадцати тысяч человек; число рабочих часов в руднике, говорят, всего шесть — значит, снисходительно. Управляющие все японцы. Всего один иностранец живет здесь — заведующий электрическим освещением внутри шахты и на заводах. Все виденное нами в совокупности составляет поистине грандиозное зрелище.

Погода с утра была пасмурная, и дождь начался, еще, когда мы смотрели заводы; около десяти часов мы пустились в путь из Акакура, и весь день были под сильнейшим дождем и — на горах — под снегом; последние полтора ри я проехал в тележке, чтобы хоть немного пощадить сапоги, совсем промокшие и размокшие; сыскался в Никко в четвертом часу; о. Семеон, отставший от меня на перевале, прибыл часом позже. Малоуспешно было трудное путешествие: всего 5 христианских душ видели, и те ослабевшие в вере и опустившиеся; ни у кого и иконы не поставлено на стене — отговариваются разным. О. Семеон будет посещать их время от времени и преподавать им Святые таинства; быть может, оживятся, с помощью Божией.

4 / 16 ноября 1892. Среда.

Никко. Уцуномия

Случайно попав в Никко, нельзя было не взглянуть на знаменитые кумирни и сёогунские погребальницы его. Утром, взяв проводника, отправились мы с о. Семеоном осматривать. Сначала видели кумирню трех будд с знаменитой медной колонной, в которой похоронен молитвенник;

в кумирне чтится и бонза, принесший на своих плечах тело Иеясу из Суругано-Судзуока сюда, в Никко. Потом осмотрели кумирню, где чтится, как бог, Иеясу, и были на могиле его, где он покоится под медным мавзолеем. Великолепие везде выше описания; и нельзя сказать, чтобы это была роскошь; коли чтят, как бога, так где же предел усердию и приношениям? Нет его. Кроме Японии, с самим Микадо и всеми князьями, Иеясу чтить собрались — Корея, Ликейские острова, даже Голландия; из последней — великолепный бронзовый массивный канделябр принесен в дар ему. К могиле его ведут 204 ступеньки из самого твердого камня; у могилы маленькое здание, где сложены его ежедневно употреблявшиеся вещи — потные платья и прочее. Пред входом в его кумирню, направо, в буддийском храме видели мы буддийское богослужение: механически и с кряхтеньем бонза водрузился на своем центральном сидище, долго не начинал, по-видимому, выжидал, пока мы уйдем; по обе стороны его в ожидании рассевшиеся молодые бонзы безучастно глядели по сторонам; наконец, начал бонза — и что это был мертвенный голос и совсем безнадежное какое-то чтение! Взывал он своим монотонным гнусением и к Нёраю, и к Сяке, и к дайгонгену, но великолепная обстановка — безучастна была к его бесплодному механическому труду, равно как и его сослуживцы, зевавшие себе в рукав, или глазевшие на нас; затаили и они потом, но мы ушли — приятнее было слушать журчание ручейков кругом и шелестенье ветвей великолепных елей. В небольшом музее вещей Иеясу и разных древностей видели, между прочим, носилки, в которых несли Иеясу, когда была последняя война с победой при Секигахара и в которой он чуть не был убит: дыра от пули видна на крышке; видели знамя, развевавшееся в сражении при Секигахара, но интереснее всего — его автографы; первый состоит из двух букв [слов] «кан-нин» (терпение). Второй начинается: «жизнь есть длинный путь с тяжелой ношей» и прочее — золотые сентенции, выработанные его душой и помогшие ему овладеть Японией. Потом вскользь взглянули на кумирню «Вта-араками», где чтутся самые первоначальные боги сей горы, — на кумирни Иоритоми и Хидеёси; наконец, осмотрели кумирню и могилу гениального внука Иеясу, третьего сёюгуна Иемису; великолепие почти такое же, как у Иеясу; дед и внук, понявшие и оценившие друг друга при жизни, и по смерти покоятся вместе неразлучно, почти три столетия крепко держа концы цепей, которыми связали всю вольницу Японии. В первом часу кончили беглый осмотр и с поездом в два с половиной часа отправились в Уцуномия. Здесь остановились в гостинице, и о. Семеон отправился в церковный дом, чтобы собрать тех из кающихся отщепенцев, которые пожелали видеться со мною. Шесть оказалось таких, но из них пришли только трое — остальные, по-видимому, раздумали, ибо под разными предложениями не пришли; взамен их пришел один, просто охладевший и несколько лет не показывавшийся в Церкви. Собралось также много христиан и христианок слушать нашу

беседу. В восемь часов позвали меня в церковный дом. Говорил я, как печально то, что они бросили свою Матерь-Церковь и ушли на распутье, сравнивал православие с протестантством, показывая все ничтожество последнего. Слушали, соглашались. Но один, наконец, выказал зубы: не верит ни Таинствам, ни Воскресению.— Да как же не верить, когда в Священном Писании со всею ясностью говорится вот то и то? — Пока не пойму я, не могу поверить.— К чему же тогда и вера, коли не поймешь? — Так. А все-таки не могу.— Ты ложкой хочешь вычерпать море, но ведь море не было бы морем, коли в ложку вошло.— Все это вера, а поверить не могу, пока не пойму.

Так-то протестантский рационализм погребает веру под обломками и обрывками холодного резонирования.

Братья принялись толковать с недоверком. И зашла беседа далеко, до — «что такое атом?» Есть ли предел его деления? Далеко ли от вещественного мира до духовного? Нашли, что хоть, по-видимому, близко, а все-таки пропасть разделяет их, и так далее — беседа длилась до полуночи и мирно кончилась обещанием двоих слушать по вечерам у катехизатора Сакураи объяснение Православного Исповедания, чтобы возобновить знание вероучения; при пунктах различия православного учения с протестантским Сакураи будет объяснять верность православия и ошибочность протестантства; охладевший обещался с этого времени ходить в Церковь, а возражатель отозвался, что вечером занят своим ремеслом, — ходить ныне слушать учение не может; так, должно быть, и останется испорченным навсегда.

*5 / 17 ноября 1892. Четверг.
Уцуномия. Яита. Оотавара*

С поездом около десяти часов утра выехали из Уцуномия и чрез полчаса с небольшим были в Яита, селении в 200 домов, отстоящем чё на три от станции. На станции встретили: старик Яков Фукухора, учительствующий в деревне Кооха, 15 чё от Яита, врач Лука Кикиуци и сын его Ваасилий, бывший в Семинарии и выключенный за болезнью и неспособностью, и Давид Накамура, единственный местный христианин, так как все прочие — пришлые из других мест. Всех христиан здесь, впрочем, не более 10 душ: Давид с женой, родом из Уцуномия, Яков Фукухора с женой и внуком Ильей, учащимся портняжному искусству у Давида, Лука Кикиуци с сыном и некто Семеон Соома с детьми Соломоном и Ноем, родом из Оотавара, которых мы не видали за отсутствием их из Яита. Зашли сначала, по дороге, к Луке Кикиуци; жена его еще язычница, да и сам он с сыном, видимо, не особенно ревностные христиане. Потом собрались в дом Давида Накамура и отслужили обедницу, после которой сказано поучение, кончившееся наставлением непременно

находить новых слушателей для приумножения Церкви; катихизатору же Николаю Сакураи сделано внушение — благоразумней вести дело проповеди, не терять своих трудов и времени даром и не быть бесплодным для Церкви. Оказывается, что он бывает здесь и проповедует, и слушатели находятся, да нет никакого порядка в ведении проповеди; приедет дней в двадцать раз, поговорит с слушателями, приезжает в другой раз — тех слушателей уже нет, а с другими — тоже; и жалуется на наименее постоянных слушателей! Сказано, чтобы новым слушателям непременно часто проповедывал, по крайней мере, в два дня раз, если же в три, то проповедь должна быть более продолжительной, чтобы у слушателей не исчезло из памяти малое содержание слышанного; прежде начатия проповедей строго должно быть условлено с желающими слушать время, и, по возможности, они должны быть соединены вместе, и катихизатор должен быть точен в соблюдении условленного; приезжать же сюда на проповедь так удобно — по железной дороге. В середине проповеди новых слушателей не принимать, а начинать для них потом новый курс. Давид и Яков обещались находить новых слушателей. Внушение христианам собираться по праздникам вместе молиться, а по окончании молитвы читать религиозные книги, более нужные из которых им тут же обещано прислать; дана и икона Двенадцати Праздников, что от Преподобного Сергия. Давид и его жена Юлия подают хорошие надежды; оба, видимо, очень усердные, даже поют церковную службу прекрасно.

Угостили они нас чаем китайским и каки, обедать же препроводили в гостиницу, и за обед никак не дали заплатить, — «Христиане-де усердствуют сим».

С поездом в четыре часа пополудни мы отправились в Оотавара, для чего высадились на следующей от Яита станции и на тележках достигли Оотавара, отстоящего на 1 ри от железнодорожной станции. На станции встретили двое христиан, из которых один оказался Стефан Савабэ, учившийся в Семинарии и выключенный за малоуспешность, ныне здесь цирюльником состоящий. По мере следования встретили другие братья и сестры и проводили в гостиницу, из которой для служения вечерни мы отправились в дом старика Николая Осозава, отца священника Фаддея; долго шли по темным улицам города, потом за городом, пока достигли деревни, где живет Осозава; здесь с горящими японскими свечами в руках выстроившись у дома, встретили собравшиеся братья и сестры. Комната, видимо, подновлена, и церковная икона — великолепная. Отслужили вечерню, причем пением заправлял Давид Накамура, нарочно для того приглашенный из Яита. После поучения просмотрена метрика, и по ней оказалось следующее: крещеных записано 103 человека и, кроме того, несколько оказалось пропущенными в записи. Из них 60 ныне в других местах, так как здесь записаны и крещеные в Кодаки, 10 умерло, 13 охладело, 3 ушло в протестантство, остаются ныне здесь

только 17, с пришлыми же 21, в 7 домах.— На общественную молитву христиане не собираются, и никакого вида церковного устройства нет. Это зависит отчасти оттого, что в последнее время не было определено, какому катихизатору заведывание сим местом принадлежит — Василию Ямада или Николаю Сакураи; но это показывает также, что на месте нет ревностных христиан, а они должны бы быть: отсюда вышли священник Фаддей Осозава и диакон Павел Такахаси; но видно, родители более довольны материальным содержанием своих сыновей, чем их религиозным положением,— последнее не вдохновляет их. Когда вернулись в гостиницу, в сопровождении братии, сюда явился еще брат, при богослужении не бывший, но напившийся пьяным,— отец бывшего в Семинарии Стефана Савабе, тут же присутствовавшего; вино придавало ему воинственности, и он стал приставать; «Почему мы не побывали у его сына в цирюльне,— там же близ станция, где мы высадились?» Ему отвечали, что нам было невдомек это, ибо не знали про цирюльню его сына,— и едва отвязались от него.

6 / 18 ноября 1892. Пятница.

Оотавара. Ицunosава. И Кодаки (Канеда кёквэй)

В восьмом часу утра опять отправились за город, в домишко Николая Осозава, и отправили обедницу и панихиду. Слово было — отчасти слово укора братьям, что не стараются о поддержании своего христианства: 20 человек их здесь, кроме охладевших, почти все люди пожилые, серьезные,— и нет у них даже общественной молитвы; советовано с этого времени непременно завести ее.— Отправились потом посетить дома христиан; были в восьми. Христиане из сизоку — беднота, как Осозава, Мацумото, Сайто (дядя дьякона Такахаси), мещане — живут зажиточно, но, видимо, холодны как христиане; зато некоторые из вчера рекомендованных охладевших совсем не такие, как семейство Мики — оставного чиновника, богатого старика, купившего здесь имение; сам он отчасти самодур, недалеко от христианства, и семейству совсем не мешает исповедывать его. Поражающее страдание и бедность видел в доме сизоку Иоанна Янгисава; нога у него гниет — дассао болезнь, и, говорит он, доставляет ему бесперывное, не умолкающее страдание, а бок о бок с ним лежит и неумолкаемо стонет жена Мавра, также невстающая с постели; две дочери у него, старшая Марина, взрослая; здесь же в лохмотьях мы видели ее у дома, молотящую сноп риса; меньшей, лет четырнадцати, не было дома. И был брат этот Иоанн прежде деятельный христианин, много хлопотал о Церкви, пока лет пять тому назад не слег вот этою ужасною болезнью. Советовал я ему читать Слово Божие и духовные книги: «Не могу, боль не дает»; оставил ему маленький крестик с изображением распятого Спасителя, чтобы имел всегда пред глазами, оставил

еще несколько денег на лечение, и следовало бы ему присылать постоянно, хоть малую, помощь.

Обещали христиане Оотавара вперед иметь по праздникам общую молитву, а после оной читать духовные книги, чтобы взаимно назидаться; написано в Токио, чтобы им и книг прислали для того, в дополнение к имеющимся здесь. Советовал я им иметь общую молитву, по очереди в домах всех братий, где только удобно; большую молитвенную икону нет надобности переносить для того из дома в дом — достаточно и домовою; это, если исполнят, будет способствовать религиозному возбуждению братии; кроме того, всегда отправляться за город — в бедный домишко Осозава — для молитвы и неудобно. По виду Церковь в Оотавара представляет довольно почтенный вид — состоит большею частию из стариков.

В четвертом часу пополудни выехали в Кодаки и Ициносава, селения, лежащие подряд одно с другим; до дальнейшего от Оотавара, Ициносава, всего $1\frac{1}{2}$ ри; ныне Кодаки и Ициносава названы по общему имени соединенных нескольких деревень — Канеда-кёоквай. В Кодаки жителей 81 дом, в Ициносава 93 дома, — все земледельцы. Христианских домов в Ициносава 5, из коих один — Исайи Соома, в котором мы пользовались гостеприимством, другой — Луки Мурукоси, сын которого Александр в Певческой школе; в Кодаки 2 дома, из коих один — Петра Касаиса, младший брат которого Василий — учитель в Певческой школе; стоит сей дом на большой дороге, и около него в саду знаменитое дерево Кооя «Маки», редкостное по величине; другой дом — Тасиро, из которого Конон Тасиро был в Певческой школе; еще между Кодаки и Оотавара, в деревне Накатавара, живет Иов Хаякава, бывший катихизатор, теперь служащий писарем в тамошнем волостном правлении.

Приехали мы в проливной дождь в Ициносава в сумерки; тотчас же стали служить вечерню, после нее и проповеди узнали местные церковные обстоятельства. Никакого церковного заведения здесь еще нет; ни молитвенной иконы, ни богослужебных книг, ни церковных книг для чтения; на общую молитву не собираются; церковного пения никто не знает. Между тем здесь крещеных 36 человек; из них только один умер, 4 охладели, 2 переселились в другие места, а 29 налицо, и еще 5 крещеных в других местах, — всего 34 человека, в восьми домах. Взрослых мужчин 12, женщин 10; значит, и «кооги квай» производиться могут. Убеждал я братий завести по праздникам общую молитву, обещал прислать для того моленную икону и богослужебные книги; посоветуются и завтра дадут решительный ответ. Убеждал также завести ежемесячные «кооги-квай»; обещал прислать для того духовных книг; на это тотчас же согласились и к завтраму изберут день месяца и назначат говорящих.

В девятом часу вечера собралось несколько язычников; сказана была проповедь и для них; сначала говорил катихизатор Николай Сакураи, славно говорил: умно и красноречиво — ясно выставил, что ни синту, ни

буддизм, а христианство нужно для Японии. Я сказал в сокращении обычную начальную проповедь.

7 / 19 ноября 1892. Суббота.

Канеда-кёоквай. Сакуяма. Батоо

Утром отслужили обедницу, после чего пошли посетить дома христиан. Хозяин наш, Исайя Соома — один из богачей селения; прочие живут небедно. Лука Мурокоси, кроме земледелия, промышленяет еще адвокатством, а так как в деревне для сей профессии мало пищи, то он, говорят, разводит дрязги и устраивает ссоры между соседями, за что пользуется дурною репутацией между ними. Беднейший из христиан сей местности — Иов Хаякава; ни кола, ни двора у него; еле пробивается писательством, родную мать не может пропитать у себя, живет у родных — в доме Касама, а был дом Иова когда-то лучший из дворянских в Оотавара; взять бы его опять на службу Церкви, да ленив очень, притом же семья большая: жена и трое детей.

Братья Церкви Канеда, посоветовавшись между собою, твердо определили — иметь отसेле по субботам и воскресеньям общую молитву, после которой читать Слово Божие и духовные книги; собираться для молитвы в доме Соома; Иов Хаякава будет заведывать чтением молитв; по временам катихизатор Николай Сакураи будет посещать Канеда. В полдень мы отправились в Церкви Канеда, посетив последних, по пути в Оотавара, дом (квартиру) Иова Хаякава. Не останавливаясь, проехав в Оотавара, во втором часу мы прибыли в Сакуяма, 2 ри от Оотавара. Зашли в дом Авраама Като, который, впрочем, не оказался дома, а отправился со старшею дочерью (кончившею курс в школе Коодзимаци) в Сиракава, выдавать ее там замуж за христианина. Като имеет несколько домов в Санума и живет достаточно, промышленя торговлею и земледелием.

Была когда-то в Сакуяма Церковь, но за неимением катихизатора для постоянного жительства там распозлзась эта Церковь, и ныне остается только дом Като, с семьей христианинами в нем. Есть еще здесь: 3 дома охладевших и 2 ушедших в протестанство. Охладевшие: Петр Оосима, торгующий рисом, Павел Ягисава, земледел и два Ока: Иоанн — земледел, и Григорий — учитель. Ушедшие в протестанство: Иоанн Мураками с десятью членами семьи и Павел Икезава. Зашли мы к первому. «Совсем охладел?» — «Бросил совсем», — смеется. — «Отчего?» — «Когда отец жив был, так преследовал меня за веру, я и бросил». — «А теперь ты сам хозяин, отчего не молишься истинному Богу?» — «Забыл, как молиться». — «Молишься идолам?» — «Нет, — еще пуще смеется. — В душе то я верую в истинного Бога». — «Стало быть, не бросил совсем. Забыл ты учение, нужно возобновить; едва тлеет у тебя под пеплом искра веры,

нужно раздуть ее. Хочешь, мы посоветуемся, как сделать это. Пошлешь за другими охладевшими, и все вместе поговорим».

Послали, но, к сожалению, никого не оказалось дома — все по своим работам в отлучке. Между тем пришел ренегат Мураками, видимо, желавший повидаться со мною, ибо мы его не предупреждали и не звали; значит, просивший Петра уведомить его о моем прибытии, Петр же еще вчера был предупрежден.— «Ты-то из-за чего оставил истинную веру и обленился в лохмотья ее? Если у тебя возникли какие-нибудь недоумения насчет веры, следовало просить разрешения их; если же ты сделал это по мирским расчетам, то значит продал свою душу, как на рынке продают товар. Во всяком случае ты на погибальной дороге. Покайся и вернись к матери, народившей тебя для Царства Небесного».

Молчит.— «Слышал я, что ты перешел к протестантам для воспитания своих детей, двое из которых ныне в ихней школе в Токио. Значит, корысть совратила с пути; если так, то дальше и говорить нечего. Правда ли это?»

Молчит, но лицо из насмешливого сделалось печальным. Оказывается, что он действительно корыстный человек; но потерпел недавно большие убытки в денежных делах, и ныне кается в своей корысти, хотя не сказал прямо, что кается в ренегатстве. Протестантство, здесь, прежде процветшее было, завяло; человек 70 у них было; ныне, по словам Мураками, остается только его семья да некто Томура, изначала протестант; все прочие охладели. Советовал я Мураками вновь осмотреться хорошенько, оценить по-должному свою человеческую душу и не расковырять ею вечную часть, а сравнить протестантство с православием, причем он тотчас усмотрит, что первая — возлащенная медь, последнее — чистое золото, возобновит в душе веру — принести покаяние и войти опять в недра Христовой Церкви. Обещал я прислать Сравнительное Богословие и другие нужные книги; катихизатор же Николай Сакураи приезжал бы сюда раз в неделю для поучений, на которых были бы — он, Мураками и охладевшие; с помощью Божией все оживились бы и сделались по-прежнему хорошими христианами. Петр Оосима и Мураками обещались посоветоваться с другими охладевшими, и если все пожелают религиозных наставлений, то известить о том катихизатора и учредить собеседования.

Пообедавши поспешно в гостинице и простившись с катихизатором Сакураи, приход которого здесь кончается, и с Давидом из Яита, провожавшем добровольно в качестве певца, мы с о. Семеоном отправились дальше, в Батоо, 5 ри от Сакуяма.

Следовало бы захватить еще в Кипурегаве, недалеко от Сакуяма, там тоже были когда-то небольшая Церковь, но за отсутствием руководителя тоже уничтожилась; остаются только два ренегата, ушедшие в протестантство, ныне, впрочем, и его бросившие, говорят: Петр Исо и Павел Оно; живут еще там на службе два христианина — сыновья Сайто в Оотавара, дяди диакона Павла Такахаси. За неимением времени оставили

Кицурегава в стороне, ибо нас давно уже ожидают в Батоо; три дня, как христиане бросили работы из-за ожидания (объяснил потом катихизатор Павел Сайто); живущие в соседних деревнях собрались в Батоо; два посланца выезжали узнавать, что мы не едем и скоро ли будем: одного мы видели в Оотавара, другого — верхового встретили сегодня, не доезжая до Сакуяма. Пред Батоо постепенно по дороге прибыли встречающие братия. Приехали в город уже темно было — тут освещали фонарями. Пред церковным домом — зеленая арка и флаги. Тотчас начали всенощную. Поют могуче, ибо много мужчин в хоре, и одна только виднелась девица — и разнят могуче же; впрочем, в общем — сносное пение; чтение же превосходное; Павел Сайто, учась в Катихизаторской школе, и в Миссийской Церкви был тогда лучшим чтецом. После поучения исследована Церковь по метрике. Крещеных здесь 124. Из них охладело 14, умерло 7, из Кунасе [?] крещеных здесь записано 9, из Якава 8, переселились в другие места 17, умерло 7, налицо ныне 69, с одним же крещеным не здесь всего 70. Сицудзи 4. На богослужении в субботу средним числом собирается человек 10, в воскресенье тоже. Новых слушателей из языческих домов ныне совсем нет, а проповедует Павел Сайто в христианских домах еще не принявших крещения.

Мужское собрание «кенкиуквай» прежде было, ныне нет его. Женское собрание прежним катихизатором Василием Ямада было здесь учреждено такое, чтобы были на нем и язычники; и чтобы, кроме религиозных бесед, приглашались врачи вести беседы гигиенические, мастерицы говорили о мастерствах. Но прекратились эти собрания. Ныне женщины думают завести религиозные собрания с своими «кооги», как в других Церквях.

Жертвуют христиане здесь в год: 12 ен 94 сен на расходы по молитвенному дому, 87 сен в месяц на содержание священника, 5 ен в год — на землю, на которой стоит молитвенный дом. Дом для молитвенной комнаты и жития катихизатора с семьей дает Тимофей Иицука. Христиане собирают деньги для постройки молитвенного дома; собрано ныне 60 ен; когда образуется достаточная сумма, тогда Тимофей перенесет свой дом в другое место, а нынешнюю землю под ним, до 100 цубо, пожертвует на Церковь. Так — в предположении, что будет в осуществлении, Бог весть.

Когда кончился церковный разговор, нас с о. Семеоном проводили в дом Иоанна Уода, где приготовлено было помещение для нас.

8 / 20 ноября 1892. Воскресенье.

Батоо

Сегодня ровно двенадцать лет, как я прибыл в Японию Епископом. Как малоплодна деятельность, да и какая плохая была деятельность! Совестно обернуться назад, помоги, Господь, хоть вперед!

В девятом часу отправились в церковный дом и отслужили обедницу. После оной братья, почти все, ушли в соседнюю комнату, уселись около очага и вытащили трубочки: а я в молитвенной комнате, в епитрахилье и ораре остался один с детьми и женщинами; это побудило меня сделать строгий выговор братии, после чего они уселись слушать проповедь. В конце оной я предложил им, как одно из средств возгреть религиозное чувство, учредить мужское и женское сумбокквай с кооги; рассказал, как производить оное, представил примеры. Братии и сестры обещались учредить.

После обеда пошли посетить дома христиан здесь, в Батоо. Были в двенадцати домах, бедных здесь нет; некоторые очень зажиточные. Кроме того, как катихизатор Сайто свидетельствует, христиане живут в мире и согласии; значит, Церковь хорошая, прочно стоящая, «только живой ревности к делу христианства не достает», как говорит Сайто, в чем он сам же первый и виноват.— В доме Тимофея Иицука нашли прокаженного — его сына, лет двадцати, от первой жены; уже двенадцать лет страдалец гниет: лицо обезображено, правая нога отгнивает; но, видимо, что умный и даже развитой, насколько можно в таком состоянии — книги читает; прикорнувши за ширмочкой, лежит свернувшись в комок,— Боже, что за жалостное зрелище! Пошли ему терпение и сделай, чтобы из-за этой ужасной, ничем не заслуженной им лично кары, возблестала его душа на Небе сторицею пред другими, непонесшими сего мучения здесь! Тимофею — другой крест — видеть его свыше, чем восьмидесятилетнюю мать в язычестве: другие родные не пускают ее в христианство, хотя она не прочь от него. Тимофей просил для нее благословления; я сказал ей несколько слов, но что они значат при ее слабости! Будучи старшею в своем доме, подчиняется дурному влиянию младших.

Обошедши дом христиан, я хотел посетить охладевших, но христиане заверили, что никто из них не хочет видеться со мной; катихизатор же почти никого из них не знает, что изобличает его крайнее небрежение к исполнению своего долга. Велел ему сегодня же побыть у охладевших и уговорить их повидаться со мною, что дает ему потом повод сблизиться с ними и возвратить в Церковь тех, о коих будет к сему Воля Божия.

С тех часов, в доме Уеда, была проповедь для язычников, но, как видно, не позаботились хорошенько оповестить,— было человек десять, а до конца досидели человека четыре; при всем том, что говорить нужно было им два часа — первоначальное учение. Прежде меня говорил катихизатор Павел Сайто; плохо говорит; распространяет примеры безмерно, выражает мысли неосновательно, например: «Для государства нужны три вещи — правление, наука и религия»,— как будто земледелие, торговля и подобное не нужны!

С семи часов было в церковном доме женское собрание, на котором весь вечер пришлось мне одному говорить; со стороны женщин был только прочтен адрес. Женщины учредили «коогиквай», избрали для следующего собрания трех говорящих и прочее. Мужчины также учредили и избрали «коогися»; у них будет производиться собрание во второе воскресенье месяца, у женщин в третье. Взрослых мужчин в Церкви 21, женщин 16; значит, отлично могут вести «коогиквай».

Всех домов в селении Татоо не больше 250. И в таком незначительном селении, среди простонародья, существуют политические партии — дзиюто, квайсинто и прочие, и ссорятся!

9 / 21 ноября 1892. Понедельник.

Батоо. Кунасе. Карасуяма

Утром отправились из Батоо посетить христиан в деревне Мукада, лежащей у самого Батоо; всех домов в Мукада 54, христианских 4. (Общее название деревень сего места Нисимономура, Мукада-азана, Кунасе тоже азана). Христиане показались хорошими; катихизатор Сайто надеялся на приумножение христианских домов в сем месте. Кстати, заехали в деревеньку Кавасаки, состоящую из 10 домов, посетить один христианский дом. Потом вернулись в Батоо взять чемоданы и, прощившись с братьями, провожавшими доселе, отправились в селение Кунасе, 1 ри от Батоо. Кунасе состоит из 90 домов, разбросанных небольшими группами. <...>

Должность сицудзи исправляет Иосиф Такаяма. Отправлять общую молитву приходит сюда катихизатор Сайто после полудня, отправивши молитву в Батоо; и бывает здесь потому воскресная молитва, коли приходит Сайто, в один час пополудни, коли его нет, то правит Андрей Ока. Я сказал, чтобы вперед молитва отправлялась утром, до полудня, ибо в час пополудни нет по церковному положенного Богослужения.

Есть здесь церковных денег 30 ен. Кроме того, есть церковная земля: 1 тан 8 сё. Землю эту христиане приобрели уже лет пять тому назад; купили ее на деньги, вырученные с обработки кёоюу-ци — (общей деревенской земли). Ныне эту землю — 1 тан 8 сё арендует Иосиф Такаяма, получается с нее 7 мешков моми, из которых он 3 мешка отдает в Церковь. По мере накопления денег имеется в виду расширить церковную землю.

В Кунасе, в доме Ока, мы отслужили краткий молебен, расспросили о церковных делах и хотели идти дальше, но братья, кроме угощения грушами, предложили и посильную трапезу, так как было уже далеко за полдень, то мы с охотою приняли ее; после того посетили дома христиан. Иоанн Ока — местный богач, Андрей Ока также зажиточный земледелец; прежде был здешним каннуси; дом его стоит на возвышении, с

которого отличный вид на окрестность, пересекаемую рекой, сверкающей на солнце своими быстрыми струями. У Ока жена и четверо детей, из коих старший в Семинарии. Приготовленное для меня в доме седалище я нашел застанным простыней, сташенной Николаем из Семинарии, когда он шел домой на каникулы; мать отозвалась, что не успела ее вымыть к возвращению сына в Семинарию.

Продолжая путь в Карасуяма, по дороге зашли в дом язычника, в деревне Мацуно, Обата Хейзаемон'а, дочь которого за охладевшим христианином; Обата — местный богач и интеллигент; прислал мне карточку, когда я был в доме Иоанна Ока, и просил зайти, потому и зашли. Встретил далеко от дома; в доме для меня приготовлено было сиденье в глубине комнаты, — я и пошел к нем, но дорогой передал много каки; оказалось, что задняя комната вся занята сим плодом; из приличия прикрыли его рогожками, оставив для меня узкую дорожку, с которой я сбился; я вытащил стул в общую комнату и с полчаса была религиозная беседа, убеждал Обата принять христианство; охладевший муж его дочери тут же слушал, и лицо его, по-видимому, озарилось христианским чувством, — обещал помогать катихизатору устраивать религиозные беседы в Мацуно. У дверей собралась большая толпа слушателей; едва ли богач Обата проснется на заре, как я его убеждал; не дал он обещания слушать учение, лицо его осталось холодным.

Отсюда прямо направились в Карасуяма, простившись с катихизатором Павлом Сайто, приход которого здесь кончился. Кстати заметить о селении Якава, также принадлежащем Сайто. В Якава, отстоящем на 2 $\frac{1}{2}$ ри от Батоо, 4 христианских дома, и в Оояма, 2 ри от Якава, 1 дом; эти 5 домов считаются уже отдельною Церковью; там есть, в Якава, молитвенная икона — Спасителя и богослужебные книги, также метрика; есть уже, к сожалению, и один охладевший — пьянствующий, к соблазну язычников. Якава мы не посетили, так как оно в стороне и особенной нужды в том не было.

В Карасуяма прибыли — совсем темно было; много братий ждало ри за полторы — ушло не дождавшись, но за один ри от Карасуяма мы нашли сих братий — дождававшихся, все на тележках; и устроилась у нас процессия при въезде в город и по городу; Боже, что это за мучение с этими процессиями кейтеев! Несутся во весь дух, иные с слабо светящимися фонарями, больше совсем без фонарей, и не гуськом, чтобы уже была процессия, а по три и по две тележки в ряд — по улицам, наполненным прохожими и множеством детей! Я дрожал все время и молил Бога, чтобы не было несчастья, и одного ребенка на моих глазах чуть не задавили, едва проскользнул между тележками. Вперед положительно при подобных поползновениях кейтеев к торжественности буду выходить из тележки и идти пешком. Ряды красных фонарей понаставили — это пусть, если им нравится, вреда не причинит, кроме убытка совсем глупого.

В церковном доме — совсем за городом — собралось, кроме христиан, много язычников, особенно уличных ребят, привлеченных красными фонарями. Холод нестерпимый, а двери настежь, чтобы все видели и слышали; я велел затворить двери, ибо первое богослужение, проповедь и затем церковный разговор — все это для христиан только, как везде доселе; впрочем, язычникам, кто желает, позволено было войти в Церковь; воспользовались позволением войти [?] одни уличные ребята, которые потом, во время проповеди, выпровожены были, ибо шумели и смеялись.

После вечерни и проповеди исследована Церковь по метрике. Крещенных здесь 159; из них ныне в других местах 39, охладели 15 [?], умерли 12, в протестантство ушло 7 (одна семья некоего Мидзуно из шести человек и еще один); налицо 86. И это большое число, но, к сожалению, из них на богослужение приходит в месяц не больше 38, то есть на восемь богослужений и по 5 человек не приходится. Сицудзи 6. Новых слушателей — надежных — 3. Жертвуется христианами в месяц 1 ена 20 сен, из коих 50 сен идут на содержание священника.

Здесь есть церковная земля; 1 чё 1 тан; пожертвована по кусочку разными христианами. На постройку здания среди ее и на обработку ее употреблено 120 ен, из коих 90 ен дал в долг Ной Кобори (один из жертвователей земли), 30 ен Иеремия (отец Матвея и Гавриила — семинаристов). Возделана на сем земле туговица и сеется пшеница; приносит это в год ен 26. Земля записана как владение Церкви Православной в Карасуяма, но так как при этом необходимо лицо, с которым иметь дело правительству, то земля поручена Андрею Хонда (из протестантов), как Кан-ри-ся (заведывателю). На имя даны братьями записи, что ими пожертвована земля на Церковь и что вперед никакого притязания на нее иметь не будут; записи эти явлены в местном правлении и к ним приложена правления печать.— Затем дело внутренне церковное — уплата 120 ен долга: 7 христиан приняли в свое заведывание Церковь на пять лет с тем, чтобы в эти пять лет доходами с нее выплатить долг. Земля собственно ныне же дает туговицы на 50 ен; но половина дохода возвращается в землю, идет на удобрение и на обработку ее. Земля в 3 чё от города; среди участка ныне два здания: одно старое, где хранятся разные земледельческие орудия, но где можно также и жить, другое — нынешняя Церковь. В постройке ее больше всех принимал участие Иеремия Тода; строил, говорят, для собственного жилья (ибо обеднел на разных прожектах) издержал, говорит он, на постройку 47 ен; но как-то не знаю, к сожалению. Это здание обратилось в Церковь. В нынешнем году ураганом оно было разрушено; но восстановление его братия употребили 57 ен, из коих, впрочем, 26 ен были вырученные за туговицу.— По поводу сего участка земли вообще много здесь было разлада между братьями; и ныне еще Ной Кобори и Иеремия Тода, прямо видно, не в ладах. У Тода — характер нехороший, ссориться не избегает. На

Церковь издержанное им он все поставил на счет Церкви, и братия положили выплатить ему; ныне 30 ен, должные ему, пошли на обработку земли, на каковой конец употреблены были только одолженные Ноем Кобори 90 ен, а суть — издержанное им в разное время на Церковь. И ныне, если бы дать ухо к слушанию дрязг, много бы Иеремия наговорил; но я намеренно не берусь слушать, ибо, видимо, дела здесь устроены самими братьями ладно.— Кроме дарственных записей, данных на имя Хонда, в Церкви хранится другой экземпляр дарственных записей, данных на имя бывшего местного священника Павла Ниццума: братия пишут, что жертвуют такие-то участки на Церковь и просят принять эту жертву; местное правление приложило также свою печать, а Павел Ниццума прописал, что жертва принимается (сёодаку), подписался — иеромонах Павел Ниццума и приложил печать. Я советовал сей экземпляр (который братия хотели поручить о. Семеону, выслать в Миссию, с просьбою хранить там, и обещал выслать удостоверение, что дарственные записи получены и будут храниться в церковном несгораемом шкафу.

Восемь лет существует в Карасуяма женское сибокквай и очень похвально обнаруживает свое существование. Раз в месяц оно собирается: 15-го числа; пробовали было христианки сами делать кооги, но уменья не хватило, говорят; ныне катихизатор говорит на сих собраниях что-либо из учения. Женщины же жертвуют на сих собраниях, и их пожертвованиям Церковь обязана здесь отличным гробным покровом, выписанным из России; разные покровы и облачения на столики в Церкви, хоть небогатые — тоже пожертвования христианок.

У братии же нет здесь никаких собраний, рассеянно живут, и только по церковным нуждам собираются.

Ночью, среди сильного холода, повезли обратно из загородного церковного дома далеко в гостиницу ночевать.

10 / 22 ноября 1892. Вторник.

Карасуяма

Утром, в девятом часу, отправились в церковный дом. В конце города поворот в поле — к нему,— и тут я изумлен был доселе невиданным зрелищем: на повороте устроена арка, да какая! Настоящие триумфальные ворота — в 29 футов высоты, а направо от нее, по другую сторону дороги — флагшток с висящими от вершины его и развивающимися четырьмя полотнищами разных цветов. Около арки на доске выставлены имена изобретателей и устроителей ее: это — Марк Фунаяма и Яков Такахаси — первый изобрел, последний осуществил; а изображение, действительно, замечательное, главное то, что арка ничего не стоит: вся составлена из корзин, в которых разводятся шелковичные черви, ныне праздных, и из веток елок, мешавших в церковном огороде; а вышло, действительно,

красиво; притом выгода еще та, что ветер не повалил бы арки, всей составленной из сквозных корзин; ветки только обвивали жерди и наверху увенчивали арку; на арке хитро составленная надпись из крупных бус, что, мол, «Николай си-о сюкусу». Немало посмеявшись изобретению, я дождался тележки, ибо по грязи нельзя было пешком добраться до церковного дома, и отправился к нему. Осмотрели церковные землю и здания; земля возделана очень хорошо; первым трудившимся в сем был здесь Иоанн Оохаси, теперь живущий у Павла Ниицума; он в бытность в Карасуяма сделался христианином и при нем куплена земля, тогда пустырь (ныне, будучи возделана, ценящаяся уже в 500 ен, тогда купленная за 75 ен, собранных с христиан). Знания – плохие. Иметь здесь церковный дом совсем неудобно; в грязь к нему и добраться трудно, и слушать учение едва ли кто придет сюда. Дома от ветра окружены елками, от которых и обрубил лишние ветки для арки. Отслужили обедню. Поют здесь в разлад, хотя и много певчих; следовало бы прислать сюда учителя пения на время. Заключение проповеди было убеждение завести мужское и женское симбокквай с «кооги». Доселешнее женское собрание, 15-го числа месяца, я советовал (оставить по-прежнему, ибо оно уже заявило свою пользу), я рассказал, как храню нераспечатанными 7 ен, присланные женским собранием Карасуяма на кван-овой. Рассказано было, как вести «коогиквай»; представлены примеры. Обещались учредить.

Из города Мотеки, 5 ри от Карасуяма (380 домов) пришел тамошний христианин Петр Катаока, купец, – звать меня туда. К сожалению, я уже написал в Сиракава, что завтра буду там. Да и нет особенной нужды ехать в Мотеки, ибо там всего один христианский дом, сего Петра, с его семьей, всего 7 человек. Впрочем, там есть уже подобие Церкви: прислана церковная икона – Спасителя, что из Новодевичьего монастыря, в киоте, богослужебные книги и книги для духовного чтения и назидания. – Этот Петр Катаока – местный богач, метит в члены Парламента, и ревностный христианин; когда лет семь тому назад принял христианство, местные жители учинили гонение против него, не хотели платить долгов, прекратили сношения с ним; он твердо выдержал все, и ныне прежние гонители извиняются перед ним. – Там, вообще, скоро изменяется настроение японского народа относительно христианства. Семь-восемь лет тому назад, действительно, почти везде еще господствовало неприязненное настроение; теперь о нем совсем мало слышно. – По дороге из Карасуяма в Мотеки в деревне Сеньон (домов 40) есть один христианин, и в Кариуда (домов 30) – два христианина. Все эти по-прежнему остались в ведении Василия Ямада, катихизатора Карасуяма.

После обеда посетили дома христиан, всего 21. Совсем бедных христиан нет; богатые есть, как Кобори, Фунаяма, Хонда. Иеремия Тода (живет в наемном доме), отец Матфея и Гавриила – семинаристов, обременен очень большим семейством: дома у него видели мы четырех

ребят, из коих старшему лет одиннадцать, трое мальчиков, одна девочка; да в семинарии двое, да учится медицине один — Афонасий, бывший год в Семинарии.— В доме семинариста Сергия Кобаяси — мать, вдова (отец недавно помер), старший сын в доме — пятнадцать лет — каменщик, и еще ребенок. Отец был каменщиком; дом свой и под огородом земли 3 тана. Есть здесь Накаяма — Фома, бывший когда-то в Катихизаторской школе,— служит чиновником,— усердие показывает (дочь его потом в Миссионерской школе умерла). Были в трех домах охладевших; один крестьянин с женой — безвинные, их и охладевшими нельзя считать, просто учение мало знают и заброшены от братии; дал выговор катихизатору, что не заботится о душах христиан; другой охладевший и не принял в комнаты, а присели мы у входа,— молчит, как истукан, на все вопросы; следует предупреждать охладевших и спрашивать, примут ли, или звать их к себе; унижаться без толку тоже не следует; третьего и дома не застали; Накаяма, таскавший по сим домам, по-видимому, хотел только показать, что сделана честь.

Ночью уже вернулись в гостиницу (кстати, тоже украшенную зеленою аркою; третья арка была у дома Марка Фунаяма), разукрашенную красными фонарями. С семи часов вечера началась проповедь для язычников. Сначала говорил Василий Ямада — преллохо, точно лапти плел. Народу собралось в доме — в нижнем этаже гостиницы — полно, человек 200, снаружи также стояла толпа. Были на проповеди местные власти, полиция (не в форме), учителя, вообще народ хороший; до конца осталось слушать человек около ста. Я сказал обычную начальную — язычникам; продолжалось несколько больше двух часов.

11 / 23 ноября 1892. Среда.

Карасуяма. Сиракава

Утром собрались братья и, между прочим, вспоминали обстоятельства основания сей Церкви; много потрудился здесь, будучи катихизатором, нынешний священник на Эзо, о. Тит Комацу; день и ночь проводил в проповедании; пойдет к намеченному для слушания, тот — за работой, Тит велит ему: «Сиди себе и работай, а я тебе поговорю», и проповедует; если соберутся к нему вечером, то — ночь целую говорит учение, да за сделавшимися христианами следил, чтобы поведением были безразорны; в двенадцать часов ночи иной раз отправляется по христианам поверять, дома ли ночуют, да в добром ли виде. С сердцем человек о. Тит; и если одушевится сам, то способен одушевить других. «Оттого и уверовавшие тогда тверды в вере до сих пор», — говорит братия. Ной Кобори рассказал еще смешной случай по поводу Тита; шел однажды Ной и в пути встретил широкоплечего мужчину с завязанным лицом, который обхватил его сзади и начал давить; «Пропал я,— подумал Ной,— разбойник

напал»; вдруг отскакивает разбойник и, подняв руки, издает радостный крик; оказалось – Тит обрадовался, встретив друга. Выходка тоже в духе Тита.

Простившись с братьями, в девять часов мы с о. Семеоном отправились из Карасуяма, чтобы шесть ри от Нагакубо проехать на тележках, оттуда по железной дороге с поездом в 3 ч. 40 мин. пополудни поехать в Сиракава.

Церковь Сиракава совсем не была на этот раз в моем маршруте, но Нумабе известил из Миссии, что о. Павел Савабе отправился в Сиракава, так не лучше ли, пользуясь сим случаем, посетить эту Церковь, чтобы после не отправляться для этого из Токио и не отрывать о. Павла от его прихода в Коодзимацци.

В Сиракава прибыли в шестом часу. О. Павел и много христиан встретили на станции. Но истинно поразительная и даже трогательная встреча была в Церкви. Перед церковным домом стоял высочайший треугольник красных фонарей; толпа язычников была огромнейшая. Вход на дворик украшен зеленой аркой с цветами и флагами вверху. От входа на дворик до Церкви по обе стороны стояли в ряд дети с цветами и свечами, и – певчие, которых здесь много, тоже с цветами в одной руке и свечой – в другой. Когда мы подходили к арке, певчие запели: «Достойно есть», – и все было так чудно красиво и так внезапно, что я охвачен был чувством умиления. Став на дворике у арки и послушав «Достойно», благословил стоявших общим благословением; над входом в Церковь была надпись «Радостно встречаем» по изукрашенному полю – все из мелких цветов, истинно художественное произведение. Одевшись наверху, тотчас же начали богослужение; о. Семеон отслужил вечерню; пел огромный хор, человек из 20, одноголосным пением, но весьма стройно – ни в одной ноте не было погрешности. Христиан – полная Церковь. Видно, что Церковь хорошо воспитанная. Недаром здесь жил о. Павел Савабе семь лет. И пожалел я, что он перешел в Коодзимацци; но и там тоже нужен. Оставить дальше Церковь без священника, упадет, а священника нет. Не знаю, что делать. – Пред окончанием вечерни я надел епитрахиль и омофор, о. Павел Савабе – епитрахиль; я сделал отпуст и давал крест целовать, о. Павел кропил святой водой. После проповеди, когда мы встали и делали распоряжения на завтрашний день, вдруг последовал страшный треск: оказалось, что кто-то снаружи бросил камень в окно в алтаре и разбил всю раму стекол; объяснили, должно быть, один из рассерженных, что не пустили в Церковь, ибо язычников не пустили, чтобы не было давки и шума в Церкви, наполненной христианами.

Когда пришли в дом к о. Павлу и от меня взяли паспорт, чтобы заявить в полицию, оказалось, что в паспорт не прописана провинция Фукусияма, в которой мы телерь; я позабыл о сем; а это обстоятельство немаловажное, могут потребовать удалиться немедленно.

12 / 24 ноября 1892. Четверг.

Сиракава

Утром по метрике исследована Церковь. Крещеных здесь 472. Из них умерли 52, охладели 4, в протестанство ушел 1 (из Сирасака «протестанты больше поддерживают друг друга» — а ему хочется при помощи других попасть в Парламент); в другие места, в месте заведывания о. Савабе, переселились или неизвестно где ныне 15, в других городах, в пределах Церкви о. Савабе: в Монотума 55, Кариядо 21, Банзава 17, Сукагава 6, Морияма 25, Янамори 4, Сирасака 1, Каная 4, Миёда 4, Оогури 1, Хириу 1, Онахама 1, Михару 1, Юконава 6, Ваамацу 2, Фунада 1. Всего 150.

Остальные 250 христиан налицо в Сиракава.

Сицудзи здесь 5. К богослужению приходит человек 50; в субботу богослужение начинается с семи часов, в воскресенье с девяти; когда совершается литургия, тогда в Церкви народу бывает больше. Вообще же — в субботу бывает больше, чем в воскресенье. Есть христиане, никогда не пропускающие богослужения; о. Савабе рассказывает про Николая Хотте (циновщик по ремеслу), что во все семь лет его, о. Павла, службы здесь, не было случая, чтобы Хотте отсутствовал Церкви во время службы; если он где в отлучке, то — хотя бы за 10 ри — ночь напролет идет, чтобы не пропустить богослужения; хвалил он также, как усердных христиан, Авраама Хиросаки и Фоки Сибуки с семьей, из которой один молодой человек заведует хором, а также вечерней школой при Церкви.

Новых слушателей ныне здесь, в Сиракава 7, в Морияма 5. Катихизатор Роман Фукуи полмесяца проповедует в Сиракава, полмесяца в Морияма и других городах. Катихизатор Иоанн Сея постоянно живет здесь, ибо он не может оставить своего восьмидесятилетнего отца, с которым живет только вдвоем в доме и которому должен прислуживать при столе, стлать постель и прочее.

Есть здесь мужское собрание «Кенкуиквай»: собираются по понедельникам вечером в церковном доме человек 10, и катихизатор Фукуи или Сея толкуют им; ныне — Деяния Святых Апостолов.

Есть еще «Сицудзиквай»: во второй понедельник месяца, вечером, сицудзи собираются для рассуждения о церковных делах и нуждах и средствах удовлетворения их; при этом присутствуют катихизаторы.

Женское собрание производится ежемесячно два раза: в первое и пятнадцатое числа месяца, вечером; собираются 20–30 христианок и произносят «кооги» те из них, кто приготовил. Приготавливают же с помощью катихизатора, именно: назначенные для произнесения кооги приходят к катихизатору и записывают под его диктовку — из Церковной Истории, из Житий Святых, или из Толкования на Священное Писание; готовят это дома и с тем идут на собрание. «Отчего не прямо

по книге готовят?» — спросил я Романа. — «По малограмотности, — книгу не умеют прочесть, а свою запись хираганой потчуют».

Две христианки избраны в «кандзи» (делопроизводительницы), и на целый год; на собрании чай бывает, «кваси»; чай покупается на собранные деньги; жертвуют на сих собраниях; ен около 10, собранные ныне, положено на проценты. Собраниям ведется запись, где обозначается, кто был, кто говорил «кооги», кто избран для следующего собрания, но избранные часто отсутствуют, для чего избираются многие; в иные месяцы собраний не бывает, но они не прекращаются совсем — снова опять возобновляются.

Из этой Церкви два катихизатора произошли: Иоанн Сея, здесь живущий, из Сиракава родом, и Фома Ооцуки, родом из Оогури, второй сын в семье, и потому свободный от забот о ней.

В десятом часу в Церкви отправили обедницу и сказана проповедь. Христиан также было много, несмотря на беспрерывно, с ночи, рубящий дождь.

Я послал телеграмму Посланнику: «Прошу паспорт для Фукусима-кен. Нельзя ли телеграммой? Я здесь только на день». Ибо о. Павла призывали в полицию: «Отчего без паспорта?» — «Да не пришло на мысль прежде вписать Фукусима-кен в паспорт». — «Так вот теперь пришло на мысль». — «Но он от долгого путешествия устал, не может тотчас отправиться». — «Устал, значит — нечего делать». — «Так как же быть-то?» — спрашиваю я о. Павла. «Да так и быть: и без паспорта нельзя, и отправиться нельзя», — смеется он. Чисто по-японски! Взаимное надувательство в глаза. Я предпочел, для успокоения полиции, просить паспорт, хотя он, по всей вероятности, придет сюда завтра, после моего отбытия; будет показан полиции и обратно отправлен в Токио...

В четыре часа пополудни получена телеграмма от Щеглова из Посольства, что местному правителю послано приказание включить Фукусима-кен в мой паспорт, что и сделано здесь. Моя телеграмма отсюда отправлена была в двенадцать часов. Скоро дело сделано, и местные власти успокоены; тем не менее я завтра в Кооцке должен отправиться; другие же места здешней Церкви, кроме Сиракава, досмотрю после.

В три часа должны были собраться в дом о. Павла старшины церковные, чтобы поговорить о церковных делах. Но ни их, ни о. Павла не было. «Где?» — «У Николая Хотта отец, восьмидесятилетний старец, умирает, о. Павел пошел напутствовать его». Вернулся о. Павел и рассказал, что умиравший старец с таким же усилием заносил ослабевшую руку для креста, с каким некогда ворочал ею и заступом глыбы земли; с великою радостью принял Святое Таинство; не успел о. Павел кончить рассказ, как Николай Хотта пришел известить, что отец его скончался. Блаженная кончина! По поводу сего зашел разговор о погребении, и о. Павел рассказал (тут же были и все сицудзи, собравшиеся к этому времени), что здесь погребение умершего христианина составляет дело

всей Церкви; братья собираются омыть, опрятать тело, все собираются на провод и сами несут усопшего до могилы. Отчего происходит такое усердие? Оно, уже вошедшее в обычай, в первый раз обнаружилось по поводу гонения. Когда умер первый христианин, во-первых, не дали могилы ему, во-вторых, обычные носильщики и погребатель отказались нести и погребать христианина; христиане, оскорбленные этим, с необыкновенным усердием сами сделали все, что нужно для покойника; с тем пор и для всех покойников делают то же. Николай же Хотта показал тогда особенное рвение тем, что в несколько дней пешком слетал в Токио узнать, каков будет конец, если начать судиться с мешающими погребению; как раз тогда подобный случай был с нашими христианами в Оказаки, и христиане выиграли на суде; запретили мешать погребению христиан на обыкновенных кладбищах. Хотта с этим известием вернулся в Сиракава, христиане пожаловались, и суд заступился за них; но Хотта так спешил и так устал от ходьбы, когда возвращался в Сиракава, что в бесчувствии упал на дороге и, проспав несколько часов, полуотрезвленный от сна, не разобрав, куда идти, долго прошагал обратно по дороге в Токио, пока опомнился и повернул в Сиракава.

Рассуждали мы, как поддержать Церковь в Сиракава, чтобы не упала после отбытия о. Павла и, конечно, не нашли, кроме как поставить другого священника. Но, во-первых, некого поставить, а если бы и нашелся годный, то его для Сиракава только поставить уже никак невозможно — нужно поручить ему Уцуномия и прочее; во-вторых, христиане еще не находят себя способными содержать, или даже полусодержать священника; им же ныне ныне под влиянием убеждений отца Павла непременно хочется по возможности сделать свою Церковь «докурицу», независимую от русской денежной помощи. Долго мы говорили и сетовали о том, что японские христиане совсем не жертвуют на Церковь. «Не можем», — говорят, неправда, — «Не хотят, не сознали еще себя обязанными содержать служащих их спасению». Говорили мы про времена Апостольские (к назиданию присутствующих); вспоминал о. Павел и начало Японской Церкви: тогда то-де он и первоначальные проповедники — Павел Цуда, Матфей Кангета и прочие — смело отправлялись, почти без копейки, или с самою малой помощью, полученной от Миссии, тогда тоже весьма бедной, и — «не умирали же с голоду, а каждый день тоже ели и пили», — говорил о. Павел. — «А ныне — мы сами и проповедники изменились, требуем больших средств; с самих нас мы должны начать — ограничивать себя, тогда и христиане будут жертвовать, ограничивая себя», и так далее. Вообще, когда о. Савабе одушевится, когда он в хорошем настроении, тогда он похож на человека из времен Апостольских.

В половине седьмого часа вечера мы отправились в Церковь и отслужили панихиду по новопреставленному рабе Божию Самуиле. Потом был произведен экзамен здешней вечерней христианской школы; учащихся до тридцати, но ныне было только десять мальчиков и одиннадцать

девочек. Самые малые читали наизусть молитвы; побольше читали по книге «Книжка об обязанностях христианина» (синдзи хонбун), самые большие (лет 13–15) – Новый Завет, а иные Ветхий. В награду детям выписано из Миссии по духовной книжке разного содержания, соответственно с возрастом, учащим тоже даны были книги в награду; их здесь трое: Сибуки и два мальчика, помогающие им; велел отныне рассказывать Священную Историю, чего доселе не делалось; в руки детям для руководства выписаны из Миссии тринадцать экземпляров Краткой Священной Истории (сейси тейкё). Вечерняя школа здесь существует уже семь лет, с самого поселения здесь о. Павла, и принесла немало пользы Церкви; между прочим, ею образован Сибуки, бывший безграмотный, а ныне учащий; очень поддерживается ею также церковный хор.

Потом началось женское собрание. Молодые христианки – народ более или менее ученый – человек шесть говорили приготовленные «кооги» ими в скорости, по случаю моего приезда, по приказанию о. Павла, и говорили весьма хорошо, некоторые весьма умно темы были разные; объяснение нескольких текстов Священного Писания, рассуждения, например, о пользе женских христианских собраний и прочее. по окончании просили меня сказать назидание; я говорил о том, что образец женских христианских обществ – в обществе святых жен, последовавших Христу и у ног Его слушавших учение, о воспитании детей в духе благочестия, в чем родителям помогают Ангелы-Хранители детей. – После этого раздавили всем «кваси», и, значит, был перерыв, во время которого о. Павел рассказал, что здесь, кроме женских собраний для «кооги» существует еще «Кёоси-квай», цель которого «кёндзицу» – благотворения: христианки в воскресенье вечером собираются в церковном доме с работой в руках, обыкновенным шитьем – кто-то заказанным, большая часть своим, и выработанное в это время жертвуют на благотворение, то есть сделанная работа оценивается, и в сколько сен оценена, столько отдается работавшей на «кёодзицу». Я заметил о. Павлу, что здесь несколько не неодобрительно то, что работающие в то же время слушают назидание от него, или катихизатора, или же сами ведут религиозный разговор. – Существует здесь еще сийквай это уже совсем оригинальное; собирают с себя деньги христианки на пилигримство в Миссию, чтобы помолиться на Миссийском Соборе; собрали уже 20 ен; намереваются собрать 150; «Тогда что же будет?» – спросил я. – «Прежде чем собрана предположенная сумма говорить – было бы похвалой», – ответила инициаторка общества.

Сверх всего этого, катихизатор Роман Фукуи собирает ежемесячно с христиан, пожелавших участвовать в сем, сены на благотворение бедным; собрано 10 ен и положено на проценты. «Отчего же не отдавать прямо бедным?» – Спросил я. – «До ста ен соберем, тогда процентами будем благотворить», – говорит Роман; все слушавшие засмеялись, – велико будет благотворение, да и скоро оно поспеет! – После перерыва

опять просили рассказать что-либо; я рассказал историю Эсфири, чем и закончилось собрание; пропета была молитва, и я простился с братьями и сестрами, имея завтра утром уехать из Сиракава.

Братьям сегодня неоднократно внушал тоже завести собрание с «коги»; обещались, много их было на женском собрании и, видимо, несколько пристыжены были, что женщины далеко опередили их в христианском усердии.

13 / 25 ноября 1892. Пятница.

Сиракава. Тоцинги

Утром с поездом в 9 часов 40 минут мы с о. Семеоном отправились из Сиракава. О. Павел Савабе с супругой, катихизаторы и немало христиан собрались на станции проводить. Тут, между прочим, о. Павел советовал в Мидзунума, Сиозава и Никкава (его же возмущением расстроенные восемь лет тому назад и до сих пор непоправившиеся) послать сначала катихизатора Игнатия Мацумото, который ныне в Асигака, где вечно ссорятся и враждуют между собой христиане, и которого там полюбили все за его спокойный и мирный характер. Я думал было послать о. Павла Сато, но о. Савабе не советует: «Безучастен», — говорит, — «души не употребит в дело». Между расстроенными тогда есть очень хорошие люди, например, Петр Такеноуци, из Никкава, ныне член Парламента, Петр Оогура, из Сиозава, ныне «сячёо» шелкомотальни в Мидзунума; о. Савабе говорит, что они еще не потеряли веры, в доказательство чего приводит, что когда в прошлом году во время Собора у братьев Такеноуци умер отец, они просили о. Павла приехать похоронить и согласились, если нужно, хоть десять дней ждать, не хороня, пока он не приедет.

В 12 часов 20 минут остановились в Уцуномия до следующего поезда, чтобы взять белье, отданное мною здесь в мытье и, кстати, повидаться с катихизатором Николаем Сакураи и спросить, нет ли чего нового по его приходу, бывают ли у него по вечерам совращенные в протестантство слушать ученье (см. стр. 105) — «Не бывают, теперь языческий праздник; один из обещавших слушать — делатель фонарей, которых так много употребляется в языческие праздники, другой производитель конфет, которых также много идет». И так апатично объясняет все это Сакураи, с такой холодной усмешкой, что едва ли выйдет какой-либо прок из всего, что натолковано ему и что наобещано им. Говорил ему, что нынешнее состояние его Церкви схвачено у меня в дневнике; во время Собора сравню, — и если не будет никакого движения вперед, то сильно выберу его; говорил, что он один и старейших уже и наиболее опытных катихизаторов, что на него много возлагается надежды, что он

должен давать пример молодым; улыбается на все холодной усмешкой и апатично уверяет, что с этого времени постарается.

В пять часов вечера прибыли в Тоцинги, чтобы повидаться с немногими здешними христианами. Холод отучит от брезгливости: я так озяб, что рад был пойти в ванну, несмотря на то, что в ней уже сидели, по словам служанки, пять-шесть человек, значит — гораздо больше; и отлично согрелся.

О. Семеон отправился отыскивать здешних христиан, и через час после его ухода явился прежде всех Марк Суто, книгоноша из Сано, встретившийся с о. Семеоном. Потом пришли Мария Китамура, жена Павла, служащего на железной дороге; вскоре за нею — и он сам; кроме них есть еще здесь Варвара Оосава, замужем за язычником, очень, впрочем, расположенным к христианству, ее мать Ирина и сын — отрок Акила; прочие трое детей еще не крещены. Итак, ныне всего пять христиан в Тоцинги; шестой, некто Петр Кокубу, учитель в школе в селении, 1 ри от Тоцинги.

14 / 26 ноября 1892. Суббота.

Тоцинги. Маебаси

Утром посетили два дома здешних христиан. Варвара Оосава — очень ревностная христианка, ее много уговаривали протестанты, которых здесь две секты — баптисты и ицциквай — совратиться к ним; но она победоносно отразила их, и ныне они оставляют ее в покое, а налегают на мужа; тот тоже не идет к ним, а будет, даст Бог, православным. Живут они очень зажиточно: торгуют лекарствами и дают деньги под залог (екция). Тоцинги город большой, поблизости есть тоже многолюдные города; без катихизатора это место оставить нельзя. Но нужен ли он теперь? Или место еще не совсем готово для проповеди? По совету вчера с Китамура, сегодня с Варварой и ее мужем Хиросе, — это место еще не совсем открыто для проповеди: народ очень холоден к вере, интереса к религиозным вопросам еще не возбудилось; три года назад жил здесь катихизатор Василий Сугаи, он немало старался, как свидетельствуют они, и всего только трое сделались христианами — Китамура с женой и Кокубу. У протестантов здесь тоже, судя по времени, сколько они здесь живут, успехи не блестящие. Итак, Тоцинги еще можно некоторое время оставить без постоянного проповедника; для христиан же; помолиться с ними и поговорить об учении, пусть раз в месяц приходит из Канума катихизатор Варнава Имамура, о чем и написать ему сегодня же. Потом, когда откроется возможность прислать сюда катихизатора, то Хиросе говорил — нужно сюда молодого, деятельного, а также развитого, словом, из Семинарии, но несколько напрактикованного.

От Оосава отправились к Китамура, Павла не застали дома, — на службе, жена Мария показала хранящуюся там метрику; но по ней всего и есть трое крещенных: Петр Кокубу и двое Китамура. Там же хранится церковная икона Спасителя и Благовещения и разные церковные вещи.

Так как нет здесь постоянного катихизатора, то Варвара с мужем и всей семьей и оба Китамура будут снабжены из Миссии наиболее необходимыми книгами для поддержания веры и для отражения врагов православия.

Потом съездили за полри за город на гору Кинцякуяма, чтобы с нее взглянуть на город и окрестности, ноне ясно виден оттуда город, отчасти заслоненный деревьями, отчасти собственной окраиной домов; кроме того, дымка легкого тумана лежала над ним и дальнейшими окрестностями. Вид, впрочем, был превосходный, при ясном утре.

В 12.40 часов отправились из Тоцинги и в исходе четвертого были в Маэбаси, встреченные братьями и сестрами на станции. По прибытии в церковный дом отслужен краткий молебен; сказано поучение и по метрике исследована Церковь. Первоначальная метрика, вместе с церковным домом и со всем церковным имуществом здесь сгорела; теперешняя составлена по воспоминаниям и по черновым записям бывшего здешнего священника Романа Циба; есть в ней пропущенные, тем не менее записано крещеными 610 человек. Но из них катихизатор Тит Накасима уже высчитал: 252 человека ныне в других местах, 120 охладели, 63 померли и только 175 ныне налицо в Маэсаби. Такое большое количество переселившихся в другие места преимущественно оттого, что здесь приняло крещение много девиц, учившихся и работавших на шелкомотальных заводах, — они были из других мест, куда и вернулись. Сказано катихизатору сделать и дать мне выписку всех 252 человека, с обозначеньем, где они, насколько известно; я приму меры, чтобы, по возможности, ближайшии катихизаторы и священники позаботились о них. Число охладевших поразительно; это показывает, как вредно сначала иметь священника в Церкви, потом лишиться его; при священнике Церковь быстро растет, а потом еще слабая и неустроившаяся столь же быстро приходит в упадок, когда священник уходит. Но что и делать было! Сначала христиане попросили священника и обязались содержать его, давая 20 ен в месяц, потом, обеднев от шелковичных неурожаев (то есть дешевизны шелка, ибо не требовалось много за границу), попросили священника взять обратно и чуть не уморили его с голоду, пока он был взят. При том же священник к концу ослабел, так что и при нем, вероятно, не менее овец оказалось бы заблудшими, как ныне без него; не было бы этого при более бодром пастыре. Из 120 заблудших, однако при проверки их, многие оказались просто отсутствующими, иные же, по признанию братии, не совсем охладели; многих катихизатор и в глаза не видал, таких велено ему было увидеть и позаботиться об

оживлении их. Из показанных охладевших некоторые ушли в протестантство, иные развратились в поведении, — те и другие безнадежнее всех.

Сицудзи 3. В субботу к богослужению приходит человек 20, в воскресенье человек 30.

Женское «симбокквай» производится ежемесячно в первое воскресенье; собирается христианок 20, и катихизатор или священник, если случается ему быть здесь тогда, произносит поучение; потом бывает общий церковный разговор. Были здесь и «кооги» самих христианок, но прекратились — неудачными оказались, а также и потому, что выбирали для них по жребью, который слеп. — Мужских никаких собраний нет; только в самые большие праздники производится симбокквай.

Жертвуют в месяц на церковные расходы не больше 1 ены.

Церковной земли здесь под церковным домом и вокруг него около 100 цубо; дает она в год дохода с туловицы и прочего ен 5.

Нынешний церковный дом, выстроенный после пожара, обошелся в 150 ен; но многие работы по постройке христиане производили сами, чего в счет не включено.

Новые слушатели учения ныне есть у катихизатора в двух языческих домах и в шести христианских.

В половине восьмого часа стали служить всенощную и кончили в десятом часу; пели очень стройно одни девицы и подростки; заправляет ими, кажется, Вера Намеда, сестра Климента, что в Киевской Академии. — После поучения убеждал братий и сестер непременно завести «кооги квай», рассказал, как они производятся, какая польза от них.

Когда стали готовить постель, оказалось, что нарочно устроили соломенный матрац — длинный и толстенный; что будешь делать с этим усердием, которое они считают необходимым, но которое истинно тяготит; забыл прибавить, что после молебна и поучения приветственный адрес читали.

15 / 27 ноября 1892. Воскресенье.

Маебаси

В десятом часу утро началась обедница, причем пришлось пожалеть, что не догадался велеть о. Семеону взять антиминос, сам же он и не подумал о том: просфоры были здесь наготовлены, но литургии отслужить за неимением антиминоса нельзя было; потом отслужена панихида; поминаемых было более 30, кутьи столько блюд, что пришлось поставить два стола. Поучение было о христианском усердии и средствах воспитывать его; потом объяснение значения кутьи.

После обеда посетили 5 домов — сицудзи и «бучёо», то есть старшин городских христианских округов, в которых старшины собирают пожертвования, объявляют церковные решения и прочее; таких «бучёо»

пять; некоторые в то же время и сицудзи. За исключением Сайто, все богачи, большие шелковые производчики; Окаяма на прошлой выставке получил первую награду за свои мотки шелка; Кувадзима постоянно посылает своих работниц к графине Сайго помогать выводить коконы и разматывать их; мы видели у него превосходную шелковую цветную материю, сделанную во Франции из шелка графини Сайго. Сайто, отец семинариста Василия, беден; живет в чужом доме, имеет в семье, кроме женатого сына Иустина, который содержит себя с семейством сам (ныне нанимаясь в провинцию Коци, на Сикоку, учить разведению коконов и разматыванию шелка), мать, жену, двух дочерей, из которых одна невеста, другая лет семи, сына, лет восьми, и Василия в Семинарии.

К трем часам вернулись домой, ибо с этого времени имело начаться женское симбокквай. На нем по пропении «Царю Небесный» три девицы прочитали приветственные адреса, потом три «коогиса» сказали «коогис», и очень хорошо, только не умеют говорить — спешат и очень тихо говорят, что и замечено им. По окончании попросили меня рассказать что-нибудь; я рассказал историю Эсфири, которую, однако, не многие слушали внимательно; не показывали на лицах никакого участия, — должно быть не слушали.

Со вчерашней всенощной у меня не идет с ума мысль, как возможно больше упорядочить катихизацию Японии; до сих пор катихизаторы расставлялись по местам совершенно случайно, безо всякой системы; оттого в захолустьях вроде Тега, Кабусато, Гундо, Сукава и подобных есть христиане, и, конечно, нужно заботиться о них, тогда как в огромнейших городах и в целых частях Японии — нет ни христианина. С этого времени нужно положить твердым решением — по всем главным городам провинций поставить проповедников. Конечно, этого разом нельзя сделать; несколько лет потребует, но если положить целью достигнуть этого, достигнуто будет. — На Соборе будущего года отделить двух-трех проповедников в новые, большие провинциальные города, потом каждый год делать то же.

С семи часов вечера была проповедь язычников; Тит Накасима отказался тем, что не готовился. Собралось человек сто, но из них много учеников гимназии, которым нужно было вовремя возвращаться домой: послушав немного, они стали расходиться, что только мешало проповеди. До конца осталось слушателей человек 50; в девять часов проповедь кончилась, после чего был разговор с братьями; между прочим, старшие братья приходили сказать, что мужское собрание с «коогис» они тоже решили учредить, но сегодня еще не могут сговориться обо всем, выбрать коогиса и прочее, а непременно сделают это немедля же; Софья Намеда, плача, просила, чтобы ее сына Тихона не исключали из церковной службы.

16 / 28 ноября 1892. Понедельник.
Маебаси. Сукава

С поездом в семь часов мы с о. Семеоном отправились по конной железной дороге, которая идет на 4 ри до города Сибукава — в Сукава. Несмотря на ранний час и очень холодное время, христиане и христианки во множестве собрались проводить; некоторые же провожали до Сибукава. Не доезжая Сибукава, при переходе по мосту чрез реку Тонегава, мы наткнулись на ужасное зрелище: на половине моста — в сторонке лежит младенец лет двух с перерезанным горлом; нож положен ему за пазуху; ноги связаны; около трупа две пары аси-гета с палкой, явный знак, что один из убийц был ама-слепец и что оба владельца гета, совершив ужасное преступление, бросились в реку. Один из кучеров конки рассказывал, что вчера в сумерки он видел проходивших здесь слепца с женщиной, у которой за плечами был ребенок, вероятно, это они; одеты они были недурно, но, конечно, бедность заставила их покончить с собой и ребенком. Целый день у меня метался перед глазами этот несчастный невинный страдалец — младенец со своим кровавым горлом и рисовалась в воображении ужасная драма, порождая тяжелые грустные думы о людях вообще и японцах в особенности; по правде сказать, они ближе, чем люди Европы, к зверству. Сколько у меня толпится в памяти случаев ужасного зверства японцев, вроде, например, того, как один в Татебаси деревянной колотушкой размозжил головы жены и троих малых детей, а сам проткнул себе ножом горло и бросился в колодец (еще там я застал церковный дом, дешево-де, никто из японцев не понимает; разумеется, дом тотчас же был переименован). Портило это сегодняшнее расположение духа, а оно должно быть хорошо: проезжали и проходили по живописным местам: все время тянулось горное ущелье с быстро катящеюся Тонегавой, которой исток в соседних горах, и еще какими-то речками; ущелье суживалось до того, что лишь одну реку пропускало между своими высокими утесами и обрывами, то раздвигалось и давало место целым большим селениям с полями и огородами; тутовица везде здесь господствует; оттого должно быть деревни являют вид изобилия и богатства, каких редко можно найти; дома — огромные, отлично построенные, с мезонинами для выводки коконов: шелковичный червь богатит здешний люд.

От Сибукава до Сукава $9\frac{1}{2}$ ри, из которых 5, до Тогано, мы проехали на тележках и уже здесь встретили трех братьев, вышедших встречать нас; в Тованго все впятером пообедали и до Гокан, 2 ри, тоже поехали; отсюда $2\frac{1}{2}$ ри до Сукава шли пешком, ибо дорога идет в гору и очень плоха; одна тележка взята была для чемоданов. Постепенно по дороге встречая братьев, в сумерки мы прибыли в Юдзюку, 8 чё от Сукава, где и остановились. Несколько отдохнув и напившись чаю, мы отправились в Сукава, на гору, чтобы помолиться с братьями и сестрами.

В темноте не видно было деревни, но церковный дом внутри сиял иконами и прочим убранством.

Пока собирались христиане мы просмотрели метрику и расспросили о церковных обстоятельствах.

По метрике здесь 51 крещеный. Из них 7 ныне в других местах, но из оных 6 — в Огавадзима, 1 умер, 43 — налицо; кроме того 3 крещеных в других местах ныне здесь (один из сих — Георгий Абе — крещен о. Георгием в Маебаси); всего в Сукава 46 христиан, охладевшего нет ни одного. Из христианских домов 6 в Сукава, 1 в Нодобаре (коаза, Фусе оаза, Куга-соомей); молодой христианин Павел Хирасава, учившийся несколько в школе Коодзимаци, 1 дом в Минова (коаза в Фусе), 1 дом в Касихара (коаза в Сукава), Георгий и Павел Абе с семьей оттуда, 1 дом в Сироиси (коаза, Аимата оаза, Юнохара-сомей), 1 дом в Мисака (коаза, Нагаи оаза, тоже в Куга) — селении в два дома всего, на вершине Микуни-токе; Александр Исизака, тоже в Маебаси крещенный о. Георгием, оттуда; в доме у него 5 христиан; от Сукава до Мисаки 3 $\frac{1}{2}$ ри.

Всего в Церкви Сукава 11 христианских домов. Всех домов в Сукава 60. Сукава — тоже ооза и находится в Кугамура (соомей). Нодобара (всего 10 домов), Минова и Касахара — деревни в нескольких чё от Сукава, от Сироиси в 1 ри.

В Юдзюку (коаза в Фусе; всех домов в Фусе 350) около 100 домов; здесь в гостиницах ванны из горных теплых ключей — кажется, серные. Проповедь здесь тоже была, но христиан еще нет.

Есть еще христианин в деревне Цукабара (коаза, Камидзу — оаза, в Момомура — соомей), 2 ри от Сукава; но этому селению лучше считаться принадлежащим к Церкви Огавадзима, ибо от него только 30 чё до Огавадзима.

Сицудзи в Церкви Сукава 2. К службе, которая и без катихизатора здесь происходит, в субботу собирается, смотря по состоянию сельских работ, от 10 до 20 человек с детьми, в воскресенье от 10 до 15.

Службу читает Исидор Коике, ныне, к сожалению, лежащий больным; поют человек 5 и довольно сносно, как я слышал на вечерне. После службы читают Священную Историю Ветхого Завета; читая, насколько могут — объясняют; шесть человек назначено было для этого прежде отцом Семеоном, и они исполняют это по очереди; наиболее способный из них Георгий Абе, бывший долго в Токио.

Есть «Фудзинквай» по субботам, после службы христианки остаются в Церкви, и один из вышеозначенных шести читает и объясняет им что-либо из божественного; всех здесь 17 христианок; на собраниях бывает их 4–8. Но несмотря на видимую незначительность сего Фудзинквай, плод от него очень заметен: христианки немало жертвуют на Церковь: справили отличную под золото раму к иконостасной иконе Спасителя, сделали занавес; и ныне у них собрано около 5 ен; собирают на выпуск гробного покрывала из России.

Стефан Морисита прежде пожертвовал здесь постройку под Церковь. Потом Антоний Комура пожертвовал 104 цубо земли для постройки Церкви. Разобрали здание, пожертвованное Стефаном, прикупили к нему леса и прочих материалов и построили нынешнюю Церковь с помещением при ней для катихизатора. Денег пожертвовано христианами на сие 133 ен, да разным материалом много дано; всего нынешнее здание обходится больше 200 ен. Здесь пять лет тому назад, то есть почти с самого начала Церкви, заведен следующий прекрасный обычай: христиане жертвуют на Церковь два листа семян шелковичного червя; из этих семян выводят червей и коконы, продают последние, получается не менее 24 ен — и это идет на церковные расходы. 30 ен из так полученных денег издержано на постройку церковного дома. 25 ен ныне хранится. Имеется в виду собрать на покупку церковной земли.

Когда собрались христиане, отслужена была вечерня, причем только пугались певцы и чтец и чувствовалось неудобство неимения катихизатора; сказано поучение, советовано настоятельно христианам и христианкам завести симбокквай с «кооги», и в одиннадцатом часу отправились вниз мы с о. Семеоном в Юдзюку ночевать; я едва мог идти от ревматизма в ногу.

17 / 29 ноября 1892. Вторник.

Сукава

Утром, поднявшись из Юдзюку наверх, в Сукава, в десятом часу начали обедницу, потом отслужили панихиду; первую кое-как пели здешние певцы, вторую пел я один. После проповеди рассуждали мы сначала вдвоем с о. Семеоном, потом вместе с братьями, как устроить эту Церковь. Катихизатора здесь нет и некого поставить, ближайший — в Маебаси, но и он слишком далек, притом неопытен; поручить ему значило бы то же, что никому не поручать. Итак мы прямо оставили эту Церковь под непосредственный надзор о. Семеона, он будет навещать месяца в три, или в два с половиной здешних христиан, проводить с ними несколько дней и преподавать им Таинства. В прочее время они будут сами смотреть за своею Церковью; будут по субботам и воскресеньям собираться на молитву; для исполнения должности чтецов избраны пять способных читать; для преподавания пения прислан будет сюда месяца на два Елисей Хаякава, ныне уже не нужный в Сайкё; 10 детей будут ежедневно иметь у него класс пения; родители поручились за детей; питать здесь Елисея также обещались. И о. Семеону на обратный путь отсюда обещались давать не менее 1 ¹/₂ ен; сюда же дорожными он будет снабжен от Миссии. Христиане будут производить ныне; в свободное от работ время — до конца четвертого месяца — «коогиквай» два раза в месяц, во второе и четвертое воскресенье, после службы, часов в

одиннадцать; два «коогия» уже избраны для первого собрания, 11-го числа декабря. Христианки будут иметь свой «коогиквай» в третье воскресенье месяца, раз в месяц, ибо у них останется еще нынешний «симбокквай», по субботам производимый.

Убеждал я христиан самим проповедывать здесь Христа, чтобы возрастала Церковь. Народ здесь честный, неиспорченный, очень расположенный к вере, как показывали вчерашние вереницы богомольцев, почти непрерывною нитью тянувшиеся нам навстречу по дороге: тот народ возвращался из кумирень, с поклонения Кваннму, праздник которого был вчера, ибо было десятое число одиннадцатого месяца старого японского стиля. И много ли нужно знания вероучения, чтобы рассказать о Боге и Спасителе, без которого есть или нет Бог — все равно для человека? У всякого христианина хватит этого существенного знания, а оно только и нужно, чтобы приводить желающих спасения ко Христу. Священник же, приходя сюда, будет восполнять эти знания, испытывать наставленных и преподавать крещение уверовавшим во Христа.

Кроме вчера записанных селений, и в других, по словам братии, рассеяны христиане; так в городе Нумата заведомо есть четыре христианина. Это самый большой из окрестных городов; в нем 1300 домов. Там был князь с 3500 коку, развалины крепости которого есть там. Из бывших катихизаторов оттуда родом Антоний Секине, сначала несколько проповедывавший там. Даны были уже туда маленькие иконы Спасителя и Богоматери (что из Новодевичьего монастыря, в киотах). Но праздными они остались там; Секине, уходя, поручил их хранить язычнику, от которого получил их и принес в Сукава о. Семеон (ныне они и находятся здесь в Церкви). Все бывшие в Сукава катихизаторы пробовали свои силы в Нумата, отстоящего всего на 4 ри от Сукава, но до сих пор бесплодно. Живущие ныне там христиане — пришедшие из других мест, например, сапожник Кобаяси из Токио, адвокат Павел Хоригуци, бывший катихизатор из Цицибу. Кстати, сей Хоригуци, кажется, совсем испортился: женат ныне на другой, тогда как от первой жены у него ребенок есть; впрочем, подробностей неизвестно.

После обеда пошли мы с о. Семеоном посетить дома христиан и были в шести домах в Сукава и одном в Касавара, 10 чё от Сукава, у Георгия Абе и его семьи. Все живут богато: отличные дома, приспособленные для разведения шелковичного червя, за коконы которого Василий, старик, получил на выставках много похвальных листов. Особенность здешних домов внутри — широкий очаг среди комнаты, у которого и принимают гостей, содержит эту комнату чистою; зимние холода побудили, очевидно, иметь большое место с горячим углем — главным местом в доме зимой.

Нужно отметить похвальную черту здешних христианок: вьют соломенные веревки и жертвуют их на Церковь; связка в десять сажень стоит 8 рин, иногда 1 сен; веревки эти в деревне уже пользуются известностью;

кому нужны, особенно в шелковичное время, приходят спрашивать: «Нет ли в Церкви веревок?»; христианки от усердия хорошо их вяют — прочны. Это в совокупности доставляет Церкви порядочный доход, ибо христианки все занимаются этим, плетут также лапти (варадзи) для продажи на Церковь.

С трудом шагая больною ногою по грязи, я думал: «Хорошо, конечно, иметь христиан и в таких захолустьях, но еще нужнее иметь их в главных провинциальных городах». И пришло мне на мысль вызвать из Токио Спиридона Оосима и послать его в один из больших городов попытаться водворить проповедь — до времени Собора; послать не на церковный, а на свой, частный, счет, чтобы, если он и опять окажется ленивым, отставить его от службы легче и проще; но, быть может, он опять хорошо послужит, как прежде служил. Вернувшись в Токио, вызову его; кстати же, угнетенный бедностью, так усердно просится на службу.

С семи часов вечера в церковном доме сказана проповедь для язычников. Собралось человек 60; до конца осталось почти столько же; кроме язычников, были протестанты, которых в Сукава и окрестности довольно много. Говорил сначала о. Семеон; на этот раз лучше, чем в Канума: в ученость вылазку сделал краткую — только примеры разводил [?].

После проповеди поговорили несколько с братиею и, протившись, вернулись в гостиницу в Юдзюку.

18 / 30 ноября 1892. Среда.

Огавадзима. Такасаки

В половине седьмого часа утра отправились из Юдзюку пешком; Георгий Абе, Александр — с Микунитоке и еще один христианин несли наши с о. Семеоном вещи. Дошедши до Цукиёно, 2 ¹/₂ ри от Юдзюку, свернули на 5–6 чё в сторону, за речку, в Огавадзима, селение из 60 домов, к христианам, которых здесь четыре дома: 1) Павел Иидзука (старик, что при встрече роняет шапку и палку на землю) с семьей из пяти человек. Сын его, Василий, учась шелкомотанью у Иоанна Фукусава, в Маебаси, вынес оттуда христианство; 2) Иоанн Харасава, купец, сын которого, Тимофей, лет четырнадцати, был в школе в Коодзимацзи; в семье 6 человек; 3) Игнатий Ооги — земледел, и 4) Григорий Такахаси — учитель. Всего христиан 13.

Молитвенная комната в доме Павла Иидзука. Отслужили мы там молебен, стали расспрашивать и советоваться о церковных делах. Самостоятельно здешняя Церковь еще не может быть, как по малочисленности, так и незначительности сего места вообще; вместе с Цукиёно, где также 60 домов, Огавадзима составляла бы еще довольно большое место, но там христиан нет, хотя Павел Ницзума когда-то держал там проповедь. И поэтому положено Церковь Огавадзима считать принадлежащею к

Сукава. Но так как к богослужению ходить туда далеко, то христиане будут собираться для общей молитвы по субботам и праздникам здесь, в доме Павла Иидзуки, и совершать ее сами. Для того выписаны из Миссии для сего места богослужебные книги, а также наиболее нужные назидательные книги для чтения после молитвы. Христиане обещались исполнить это. Для приумножения сей Церкви настоятельно убеждаемы были христиане проповедывать язычникам христианство собственными силами, особенно способен для сего Павел — старик, всего пятидесяти одного года, но сдавший уже хозяйство Василию и живущий на покое. О. Семеон, приезжая по временам, будет дополнять знания вероучения у тех, кого они привлекут ко Христу, и преподавать им крещение. Всего час мы провели с христианами, не могли принять от них никакого угощения, ибо обещано сегодня вечером быть в Такасаки, — и отправились дальше. Когда я проходил из домика Павла на улицу по огороду, Павел вытащил из-за пазухи кусок белого полотна и пристал ко мне с просьбой отпечатать на нем след ноги; в первый раз столкнувшись с такой странностью, я на секунду остановился в недоумении, но, видя пресмешную просящую физиономию Павла, расхохотался и ступил грязным сапогом на кусок полотна; Павел его и упрятал к себе за пазуху.

Из Цукиёно мы наняли тележки до Сибукава, простились с братьями и отправились, но такой холод был целый день, так пробирал насквозь, что вот я ныне, на другой день, пиша сие в Такасаки у Иосифа и Анны Суто в кладовой на втором этаже, чувствую себя совсем простуженным: голова болит, насморк, озноб, еще чуточку бы погодить простуде — дней на пять осталось пути.

Из Сибукава до Маебаси по конке, отсюда до Такасаки шестнадцать минут по чугунке, и в сумерки мы были на станции среди братии, с которыми отправились в Церковь куда-то на край города. Перед церковным домом выстроены были певчие, запели навстречу «Достойно» — и нужно было, до костей продрогши, стоять еще с открытой головой на стуже, пока они тянули свое пение. Я едва выдержал, и строго нужно будет запретить вперед такое глупое усердие — в Церкви пусть поют. В Церкви я был приятно изумлен отличным убранством ее; все чисто, опрятно, красиво. Иконостасные иконы вставлены в иконостас; иконы — из Миссии данные, конечно, прекрасные, иконостасик устроен прилично. Маленький алтарик также хорош; запрестольная икона Рождества Христова, в Миссии писанная, великолепная; занавес на Царских вратах шелковый. Вечерню пели безошибочно правильно, но несколько спешили, за что и сделан выговор потом. После проповеди по метрике увидели статистическое состояние Церкви. Крещеных 262; из них очень охладевших 18, ныне находящихся в других местах 102, умерших 33; остается здесь налицо 109 человек. Охладевшими показал было катихизатор Игнатий Мукояма 51, но по изъявлению изумления такого большого числа и по более тщательной проверке с участием братьев, большая

часть охладевших признана далеко не безнадежною. Изумительная беспечность катихизатора Мукояма, будучи здесь несколько лет, многих из аттестуемых им он и в глаза не видал, и где живут они, не знает. Сделан ему выговор за это, и велено всех охладевших постараться немедленно исправить; только едва ли какой прок выйдет из его обещания сделать то; о. Семеону я также внушал непременно разыскать сих заблудших овец Христовых и постараться вернуть их во двор овчий. Отсутствующих велел переписать, и список прислать в Миссию, чтобы поручить ближайшим катихизаторам и священникам.

Гиюу здесь 11. К церковной службе приходит около 20 человек, в воскресенье и того меньше, человек около 12. Новых слушателей ученья ныне 14.

В месяц раз Мукояма отправляется в порученное ему Тоеино, отправляет там воскресную службу, говорит поучение христианам и возвращается; мимоходом видится с христианами в Томиока, также порученном ему.

Есть собрание молодых людей «сейненквай»; с первого месяца сего года заведено; по воскресеньям вечером собираются человек 10 и читают — всякий те книги, которые желает, так что есть читающие конфуцианские книги, есть — материалистические, но есть и священные; производится объяснения христианского вероучения, его слушают все; объясняет Мукояма; если его нет, то Иоанн Накахора (отец Ии, что в женской школе), по профессии школьный учитель; производится «тооронквай» — спорт о разных предметах вероучения.

Есть женское собрание. Производится раз в месяц, в первое воскресенье. Если кто из женщин приготовил «кооги», то говорят; большею частию объясняет вероучение или рассказывает что-либо Священное Лукия, жена катихизатора, кончившая курс в Миссийской женской школе, иногда сам катихизатор говорит.

Жертвуют христиане в месяц 5 ен; из сего 50 сен идет на содержание священника, 1 ¹/₂ ен на церковные расходы, прочее на цидей и прочее.

Церковной земли здесь 300 цубо; куплена она за 250 ен. На ней стоявшее здание куплено вместе с землей, а к сему зданию потом сделана новая пристройка для алтаря; первое стоило 230 ен, второе обошлось в 200 ен. Итого на нынешнее недвижимое имущество Церкви издержано 680 ен; из сей суммы ныне 70 ен состоит в долгу — Иосифу Суто; прочее все выплачено пожертвованиями христиан; главный жертвователь, конечно — дом Суто, очень богатый дом и с очень усердными в нем Анной, женой Иосифа, и Иоанном, сыном его. На церковной земле, кроме церковного здания, есть садик, больше ничего она Церкви не приносит.

Куплена также христианами земля для погребения христиан в Тоёока, 1 ри от Такасаки; заплачено за нее 100 ен; ограда и прочее устройство стоит 50 ен. Кладбищенская земля куплена десять лет тому назад по

случаю затруднения погребения христиан на буддийском кладбище. Земля под Церковь куплена восемь лет тому назад.

По окончании церковного разговора нам предложен был ужин, а ночевать мы с о. Семеоном приведены были в дом Иосифа и Иоанна Суто. Иосиф же не был на вечерне; у себя в доме принял отчасти со сконфуженным лицом; дело в том, что у него в Токио заведена наложница; часто по делам бывает в Токио; нельзя-де без постоянной квартиры там, а квартире нельзя быть без жены — и завел, к своему стыду. А Анна такая хорошая, благочестивая старуха у него! Жаль очень! Одиннадцать лет тому назад я также пользовался гостеприимством в сем доме; тогда не слышно, чтобы у Иосифа была наложница.

19 ноября / 1 декабря 1892. Четверг.

Такасаки

Утром в десятом часу стали служить обедницу, потом панихиду. Пели безукоризненно правильно и истово; пеньем заправляет здесь девица Марфа Хикано, очень благочестивая, по отзыву о. Семеона, строго соблюдающая посты и прочие уставы церковные, любящая благотворить сэкономленными из расходов на себя средствами, помогающая брату в его ремесле делания кистей. Была обычная проповедь. После обеда, в третьем часу, началось мужское симбокквай; участвовало человек 25, причем человек 5 было язычников. Прочитали приветственные адреса. На просьбу сказать назидание я направил речь к тому, чтобы убедить братьев завести симбокквай с кооги; объяснил, что пришло время Японии сделаться христианскою, своей собственной религиозною историей она приведена к тому, что счастливы они — нынешние христиане, усмотревшие свет прежде других, что их долг будить других, ибо везде при введении христианства — сами христиане заботятся о распространении его, что для сего они должны иметь сердце полно христианскими чувствами, чтобы уста их глаголили христианство, для сего же у ног невидимо присутствующего Спасителя должны поучаться и учиться поучать, то есть завести собрания с своими «кооги». — Братия очень охотно приняли предложение. О. Семеон тут же убедил их, не медля выбрать для первого собрания «коогися», что и сделали, избрав троих, «кандзи» — каковых и назначили двоих, — на случай, если бы одному случилась какая помеха. 15-е число первого месяца следующего года, то есть третье воскресенье, назначено для собрания, вечером с семи до десяти часов. «Зачем назначать предел до десяти?» — спрашиваю. — «Здесь обычай — долго сидеть и говорить (калякать); если не назначить до десяти, то заговорятся до двенадцати, а в таком случае и соберутся не к семи, а гораздо позже». — пояснили. Что город, то норов! — Подговор о сем шло угощение чаем с конфетами да такими богатыми и в таком изобилии,

что я впервой, кажется, вижу при подобном обстоятельстве такую роскошь; видно, что богачи есть в Церкви.— Всех мужчин здесь, могущих участвовать в «коогиквай» до 25.

С половины восьмого часа вечера началось женское собрание. Еще до него слышалось из церковной комнаты что-то вроде бойкого чтения книги на разные голоса; пошел посмотреть, что такое: старшие сестры прослушивали младших, поправляли их и помогали — готовили к «кооги»; носились также с большими бумажными свитками. Началось собрание; рядом вокруг всей комнаты сидели всех возрастов христианки, человек до 30; в соседней комнате виднелось несколько «боочёиин» — слушателей из мужчин. Пропели «Царю Небесный». Началось чтение адресов, сначала маленькой девочкой, потом побольше, заключилось Лукией, женой катихизатора, — от лица всех сестер. Начало было такое высокопарное, что я расхохотался и долго не мог серьезно настроиться. «Радуйся, Небо, веселись, Земля! — мол, сюкёо к нам приехал», восклицала двенадцатилетняя ораторка с такой комической важностью и пафосом, что не было сил удержаться от смеха. Во время чтения своего великолепного адреса умной Лукией, мне пришло на мысль хранить все эти адреса, в разных Церквах читаемые, как отчасти рисующие настроение нынешних христиан.— По прочтении адресов, писал «сюкёо — банзай» и рисовал картинку пятилетний сын катихизатора Мукояма — Авдий; пресмешно было смотреть на это упражнение: седой дедушка, прислуживая, подавал кисть, а он, ростом не больше рака, важно принимал и чертил; но в самом деле, ребенок с зачатками больших дарований, если Бог поможет ему правильно развиваться. Бог спас его от смерти при родах, когда его мать в беспомощности мучилась, и все опасались о жизни ребенка; Таинство Елеосвящения тогда спасло и Лукию от страданий и смерти.

Потом были «кооги», к которым готовились дети; десятилетняя Ольга Накахора рассказала, — да как хорошо! — историю Каина и Авеля, одиннадцатилетняя Фотина — приношение в жертву Исаака, двенадцатилетняя — прощение Спасителем грешницы в доме Симона; потом говорили большие; в заключение старуха Анна Суто сказала несколько слов, закончив просьбой, чтобы еще сказал что-либо в назидание. Я дополнил «кооги» Лукии «об обязанности матерей» — о необходимости воспитывать детей для Царства Небесного, в чем Ангелы-Хранители детей помогают родителям. Потом говорил о необходимости учреждения христианками правильного «кооги симбокквай»; рассказал, как вести его, представил примеры. Все охотнейше согласились, и тотчас же назначили из себя «коогися» — трех и кандзи — к воскресенью, 22 числа будущего января. В переменах предметов собрания пели ирмосы с аккомпанементом гармоники; пели очень стройно и красиво. По окончании было угощение чаем и конфетами, тоже очень роскошное. В это время мы с о. Семёном составили список книг в награду всем сегодняшним адресаткам и

коогися; даны большею частию Священные истории Ветхого и Нового Завета протоиерея Соколова, также училище благочестия; серьезных книг не жаль, ибо прямо видно, что принесут пользу.

После богослужения и проповеди сегодня днем было испытание детей в знании молитв, и прошло очень блистательно; дети знают молитвы отлично, даже пятилетний Авдий прочитал все «Отче наш». Конечно, этим Церковь обязана больше всего жене катихизатора Лукии: так-то помогают катихизаторам в их службе хорошие жены из женского духовного при Миссии училища! Детям розданы крестики, певчим дано на гостинцы за отличное пение.

20 ноября / 2 декабря 1892. Пятница.

Такасаки. Аннака

Утром отправились посетить главных из христиан Такасаки, ибо всех посетить не было времени.

Между сопровождавшими был старик Иов Суто, брат Анны, хозяйки дома, где мы гостили. Старик этот, по христианскому усердию, замечательный; крещеный одиннадцать лет, он с этого времени ежедневно ведет свой христианский дневник, который мне показывал, а главное — не перестает заниматься Священным писанием; будучи малообразованным, он не может читать Священное писание без катаканы; будучи старым, не может читать мелкой печати. И потому он положил себе зарок — переписать все Священное Писание Нового завета крупными знаками и везде поставить катакану; немало труда это ему стоило, но весь Новый Завет он уже переписал и теперь подставляет катакану и достиг уже до 9-й главы Евангелия от Матфея. Никогда не расстанется он с ящиком, где хранится его Священное Писание; куда бы он ни шел, ящик с ним; ибо он ныне, по случаю моего приезда, пришел гостить к сестре; с великим удовольствием он показывал мне рукописи свои. Живет он в Ооисо, где его сын Илья имеет одну из лучших гостиниц для съезжающихся летом на морские купанья; лет Иову 75.

Посещенные христиане — гиюу Церкви Такасаки — все люди зажиточные или и богатые. Между прочим, зашли к Агиии, дочери Захарии Иеда, замужем за богатым купцом, страдающим по временам припадками сумасшествия; убеждали его познать истинного Бога и обратиться к нему; изъявил желание слушать катихизации. Когда были у Петра Ямагуци, позван был сосед, часовщик. Совсем охладевший к вере. Пришел. улыбается. «Как ваше христианское имя?» — «Яков», подумавши, сказал он, потом поправился: «Нет, Иосиф, Яков это был мой крестный отец». — «Совсем потеряли веру?» — «Совсем», — откровенно сознается. — «Да как же это?» — «Да так, вероучения я знал мало, когда крестился, а там еще поссорился с катихизатором Ячки, вот и перестал ходить в Церковь». —

«Однако же сколько-нибудь в душе веры было, когда крестились?» — «Как не быть! Я поражен тогда был христианским учением, оттого и крестился». — «Так нельзя ли теперь восстановить ту веру?» И сказано было наставление. Иосиф сделался серьезным, сознался, что он и теперь в душе питает благословление к христианству, и общался у катихизатора слушать вероучения сначала, после чего, если Бог поможет ему оживиться душою, примет Таинство Покаяния и Причащения, и выйдет в среду братии; сознался он, что есть у него икона и духовные книги, но все ныне заброшено; я обещался прислать ему кое-что из новых книг. — Сюда же, к Ямагуци, позван был старик Симидзу, первый хлопотавший о введении в Такасаки христианства, но и до сих пор сам остающийся некрещеным; вероучение он слушал много и у разных катихизаторов, участвовал в молитве, даже сам когда-то служил вроде священника, над чем до сих пор смеются христиане, но горд он очень, считает себя ученым, оттого и не может почувствовать глубокой веры. Убеждал я его войти наконец в дверь, которую первый он указал другим; обещал и он слушать вероучение; ему также будет прислано несколько книг, что тем более нужно, что второй сын его (первый нехорошего поведения) спознался с протестантами здесь и может уйти в трущобное христианство.

Зашли к Луке Ямада, отцу учительницы Елены в нашей женской школе; о жене его рассказывали ужасы, что она бьет Луку, в дом не пускает мать его, уходит о него произвольно и опять возвращается, однако по виду совсем порядочная и трудящаяся; Лука же, при более подробном рассказе, оказывается излишне вялым, ленивым, мать сама отказывается жить с ними, говорит: «Считайте меня умершею». Не всякому слуху нужно давать веру; христиане иногда очень ригористичны, без меры преувеличивают.

Кончивши обход христианских домов и пообедав в церковном доме, мы с о. Семеоном в три часа отправились в Аннака, сопровождаемые немалым числом братии до Аннака, причем нам не дали заплатить и за билеты до сего места.

В Аннака братия и сестры — иные встретили на станции железной дороги — все ждали в церковном доме. Тотчас же отслужен был краткий молебен и сказано приветствие. Потом взята метрика. По ней крещеных здесь 49; из них 22 ныне в других местах, 6 умерли; 21 и 3, прибывших из других мест — всего 24 налицо. Охладевшего нет ни одного, что очень утешительно.

Сицудзи 2, при них сёки 1 (заведующий церковными документами). К богослужению ходят все, но так, что одни — именно более мужчины — в субботу, другие — более женщины, в воскресенье.

Новых слушателей ныне нет, ибо до сих пор продолжались полевые и шелковичные работы, но с сего времени до четвертого месяца — время свободное, и потому слушатели непременно будут. Есть женское собрание со своими «кооги», в две недели раз, в воскресенье оно бывает;

«кооги» говорят две христианки; всех на собрании бывает до 9, кроме детей, трех женского пола, то есть все христианки, за исключением трех, у которых мужья язычники. Жертвуют; собрано 40 сен.

Мужчины собираются по средам каждую неделю, вечером, для «сей-сёокенкиу»; катихизатор толкует им Священное Писание; мужчин бывает человек 6 (всех мужчин здесь 9, детей мужского пола 2). С сего времени и мужчины будут готовить и говорить «кооги».

На церковные расходы христиане жертвуют в месяц 30 сен.

Церковный дом здесь построен одиннадцать лет тому назад; на него, между прочим, дано было тогда от Миссии 150 ен. Но земля под ним и до сих пор чужая. Церковный дом записан на имя двух христиан, как «кёёу-буцу» — (общинное владение); на имя Церкви здесь записывать власти не согласились (тогда как в Карасуяма это сделали).

В восьмом часу начали всенощную (пред завтрашним праздником Введения). Поют здесь всего три девочки, им помогала Зоя Иида, нарочно на всенощную прибывшая сюда, в место ее родины и в церковный дом, построенный стараниями ее отца. В пении очень разлили; я сначала думал, что это Зоя, забывшая пение, но оказалось потом, что одна из девиц Судзуки. Всенощная была без ирмосов. После нее сказана проповедь. Затем привела в смущение всех внезапная болезнь Марии Мурата, молодой женщины, впавшей в обморок от каких-то внутренних болей, призван врач, с помощью которого она оправилась и пошла домой с мужем.

21 ноября / 3 декабря 1892. Суббота.

Праздник Введения. Аннака, Тасино. Томиока

Рано утром пришел христианин Иоаким Судзуки объясняться насчет земли под церковным домом, по поводу моего вчерашнего вопроса о сей земле и ответа христиан, что она еще церковная. Землю эту, больше 90 цубо, Судзуки обещал пожертвовать на Церковь, но вместо того продал ее Стефану Канаи за 60 ен, да и с самого начала жертвовать, по-видимому, не имел намерения, ибо брал с братии ежегодно ренту за землю. Стефан Канаи имел намерение пожертвовать, но умер, оставив мать в долгах. Мать — очень благочестивая старуха Мария — не имеет возможности пожертвовать по бедности, но и не хочет полной цены за землю, а отдала бы ее на Церковь, если бы братия собрали для нее ен 35.

Продолжение в книге 4-й сего формата

21 ноября / 3 декабря 1892. Суббота.
Аннака. Тасино. Томиока

Братия, хотя, по правде сказать, могли тотчас же сделать это, ибо между ними Фома Ямада — богач, Яков Такеи очень зажиточный, Иоанн Судзуки — тоже, но считают себя, по обычаю всех грошовников, немогущими. Я дал 15 ен с условием, чтобы земля немедля переведена была на имя троих — Ямада, Такеи и о. Семеона — как их покупка от Канаи, и в Миссию был прислан от них акт за печатью местных властей, что эта земля не их, а церковная. На Судзуки жаль было смотреть: сидел сконфуженный, покрасневший — хоть это облегчает его вину.

Была обедница, после которой и поучения, отправились посетить дома христиан; были в 9; кроме вышеозначенных, все не являют большого довольства в своей домашности; впрочем, и не особенно бедны. Андрей Яко, тофуя, отличается необыкновенною ревностью к распространению христианства: Разнося тофу, везде, где можно, заводит речь о Христе и побуждает слушать учение; родом он из Эцинго. Вчерашняя больная Мария поправилась и угостила нас прекрасным каки; муж ее служит на шелковосучильном заводе. К часу пополудни мы вернулись в церковный дом, пообедали, были провожены почти всею Церковью до моста за городом и отправились в Тасино. Якову Негоро, катихизатору в Аннака, надбавил я содержания 2 ены, ибо получал доселе только 6. Человек он очень степенный, добрый, хотя не являет большой способности к катихизаторству. При нем, в качестве «квайдо-мори» живет старуха — мать Луки Ямада из Такасаки, которая заботится о Якове как о сыне, а он, при своем скудном содержании, питает ее. Убеждал я христианок Аннака давать пищу старухе, ибо она хранит и убирает их церковный дом.

От Аннака до Томиока 2 ри, отсюда до Тасино 10 чё. Отправившись в два часа из Аннака, мы были в четыре в Томиока.

Дорогой сильно я рассердился на досугу братии, выходящих на встречу за несколько верст; только и знай, что вылезай из тележки и благословляй их. Едешь из одной Церкви в другую, — нужно подумать о виденном, проверить в мыслях все, что заметить, что упущенное поправить, а тут только и знай, что раскланивайся и улыбайся на обе стороны, да вылезай вон. Нужно, наконец, отдохнуть, собраться с мыслями для нового приема труда в новой Церкви. Рассердился я здесь потому, что завчера послал сюда катихизатора Игнатия Мукояма, которому принадлежат Тасино и Томиока, приготовить здесь все и твердил ему, что встреч не нужно; а тут как на зло: почти с самого выезда из Аннака встречает один, потом другой, там целая толпа. Так как мы обещались быть в сумерки в Тасино, а приехали в Томиока совсем засветло, то остановились здесь в гостинице, и здесь не выдержал я, дал сильный нагоняй Игнатию Мукояма, что он не слушается — высылает встречать,

когда ему наказано было не делать того; он оправдывался тем, что удерживал братию, но они все-таки пошли. Толковал я, что архиерею не такая, чисто наружная, встреча нужна, а духовная, чтобы были все при богослужении, когда архиерей приезжает, усердно слушали его поучение да исполняли их; говорил, как народ в храме встречает архиерея в России, и прочее. Но, проходе вспышки, пришло раздумье: хорошо ли я делаю, что запрещаю наружные выражения усердия? Вон о. Семеон говорит, что на него роптали христиане где-то, что он уж слишком просто явился к ним, волоча на спине свой чемодан: «Не подобает-де симпу это, приезжай в тележке»; — говорит еще, что на меня изъявляли неудовольствие, что я избегаю принимать услуги христиан, — «Да чем же больше нам заявить усердие, если не услугами», — отвечают. Особенно здесь, в новом месте, христиане и пред язычниками стараются показать наружными знаками выражения уважения важность своего кёоси — и можно ли не позволять им этого? Хотел было опереться я на Священное Писание, что-де скромность подобает духовному лицу, но и Священное Писание против меня в сем случае: Спаситель не запретил самарянам выйти к нему навстречу, не изъявил неодобрения, когда из Иерусалима далеко вышли навстречу Ему. Итак, сказал я вновь о. Семеону, Игнатию Мукояма и Петру Унно, что пусть себе христиане встречают и выражают усердие, как хотят, — не будем им мешать в сем; нужно только останавливать нелепости вроде мчания на тележках по три в ряд по улицам, как было в Карасуяма.

К шести часам прибыли в Тасино. Христиане собраны были в доме Петра Такигима, где устроена молитвенная комната, и христиане обыкновенно собираются для молитвы; недаром однако, оплата 4 ены в год Петру за комнату. Начали всенощную. Пение здесь хорошо знает Любовь Унно, дочь бывшего катихизатора Петра; она обучила нескольких девочек, и пение довольно сносно; только папенька мешал своей дочери, бая все время не в лад, что под конец стало совсем невыносимым, и я остановил его; пели и ирмосы, и тоже порядочно. По окончании службы по метрике проверили Церковь. Крещеных по ней 110 человек. Из них христиан:

в Томиока (домов 100): 11, в том числе 2 охладевших; но в Томиока еще из других мест 7, всего 18 христиан в 8 домах.

в Тасино (60 домов в селении): 44, из них охладевший 1, в 8 домах;

в Фукусима: 8 человек, в 5 домах, 1 охладевший; 3 чё от Тасино, всего домов 300;

в Курокава: 2 человека, 1 дом; 1 $1/2$ ри от Тасино, домов 100;

в Нандзая: 3 человека, в 3-х домах; 3 ри от Тасино; домов 150;

в Нанукаици: 1 человек; 1 ри от Тасино; домов 370;

в Ивазак: 1 человек; 1 ри от Тасино; домов 200;

в Дзимбо: 2 человека; в 2 домах; 2 $1/2$ ри от Тасино; домов 100;

в Обата: 1 человек; 1 ри от Тасино; домов 150;

в Ёсии: 3 человека в 1 дома; 2 ¹/₂ ри от Тасино; домов 350;
 в Такасе: 1 человек; 1 ри от Тасино; домов 200;
 в Вараби: 3 человека (ныне инде) в 1 доме; 1 ри от Тасино; домов 50;
 в Каннохара: 1 человек; 2 ¹/₂ ри от Тасино; домов 200;
 Ныне в других местах 14 человек.
 Умерли 15.

Сицудзи еще нет в Тасино. На молитву собираются в субботу и воскресенье человек по 14; читают Иоанн и Павел Такигами. Поют.

В Томиока по субботам бывает общая молитва в доме Петра Унно, но приходят человека два; в воскресенье — не бывает.

В Тасино жертвуют на содержание священника 40 сен в месяц; на плату за молитвенную комнату 4 ены в год. Всего в год жертвуют ен 10.— Думают ли о приобретении недвижимого церковного имущества на содержание Церкви? Думают: завели «мудзин»: 12 человек сложились по 10 ен; и кто вытащит выигрыш, тот откладывает из него 10 ен на Церковь; мудзин этот на десять лет; значит, чрез десять лет будет у Церкви капитала 120 ен; ныне есть 10 ен. Долго ждать Церкви в Тасино средств на покупку недвижимого имущества!

В двенадцатом часу ночи, простившись с оставшимися в церковной комнате братьями, мы вернулись на ночлег в Томиока. Ночь была такая холодная, что я все время не мог согреться: один бумажный щит отделял комнату от наружи.

22 ноября / 4 декабря 1892. Воскресенье.

Томиока. Тасино

Утром отправились в Тасино служить обедницу, вчера назначенную на 10 часов; едва в одиннадцать начали — все ждали сбора братии; потом отслужили панихиду. После поучения испытаны были дети в знании молитв, и почти все оказались хорошо знающими; даны им крестики. Потом сказано поучение о воспитании детей для Царства Небесного. После скромного деревенского обеда отправили посетить дома христиан: были в трех в Фукусима, в семи в Тасино; ни одного дома бедного; все зажиточные крестьяне; все, кроме земледелия, занимаются производством шелка; наиболее скромного по домашней обстановке, Павла Такигами, читавшего ныне в Церкви, спросил: «Сколько он в сем году получил за выведенные коконы?» «Полтора ен», — говорит; покупает же одно платье, во всем прочем на собственном иждивении живет, получая все с собственного поля и огорода.

Когда мы были у Иоанна Такигами, видели отщепенца Исайю Сунгита, бывшего катихизатора, потерявшего веру, поступившего, по слухам, к тем, которые не веруют в Христа как Бога; живет он ныне у Такигами с тем, чтобы жениться на сестре своей бывшей жены, недавно умершей.

Когда ему катихизатор Мукояма говорил, этот брак — противозаконный, то он ответил, что, оставил Церковь, он не верует в ее законы; Такигами же слишком новые христиане, чтобы понять важность подчинения уставам церковным; в семье у них больше всего мать хочет этого брака. Как же? Сунгита — дворянин родом и занимается философией; вон каких красивых корешков на стол навалил — и все немецкие! Еще не желать этого брака мужичке для своего детища! Свадьбу давно бы уже и сыграли, да, к несчастью, невеста еще совсем ребенок, лет четырнадцати. Жаль мне, однако, стало Сунгита; припомнил я его когда-то усердную службу; вот и здесь в метрике под его катихизаторским именем больше десятка значится обращенных в христианство. Послал я за ним. Приходит. Располнел, оброс волосами и одет так щеголевато; дармоедом жить у богатого мужика в пользу.

— Совсем потерял веру? — спрашиваю.

— Нет. В Христа верую, а вот насчет Троицы у меня свои мнения.

— Но было же прежде хоть несколько веры и в Троицу.

— Было, без того не был бы катихизатором.

— Значит, вера ослабела, а потом и совсем исчезла; без веры в Троицу нельзя верить в Христа, как Бога; потерял ты всю веру. Но ее можно возобновить. Не сделаешь ли этого? Жаль мне тебя: отвергшись от Христа, ты вступил на путь Иуды, на путь вечной погибели, и если не постараться вернуться к Христу, ты обречен на нее. Обратись. И Апостолы когда-то чувствовали слабость веры и молились: «Умножь нашу веру». Помолись и ты.

— Я занят наукой ныне, у меня свои цели.

— Какой специальной наукой?

— Философией.

— А лет тебе сколько ныне?

— Двадцать шесть.

— В двадцать шесть лет дармоедничать! Тебе нравится закупить книг с красивыми корешками, снискивать тем вот это красивое платье да сладкую пищу, да деньги на расходы, да покой и лень сколько душе угодно.

— Я вовсе не ленюсь, а сильно занят, чрез три-четыре года вы узнаете, что такое Сунгита, на что он способен.

— То есть чрез три-четыре года ты издашь книгу, даже две-три, больше по философии, если богатый мужик даст тебе денег на то, натешись тем свое самолюбие; книги твои чрез три-четыре года еще будут всеми забыты, ибо у тебя нет способности созидать книги прочные; ум у тебя самый заурядный; знаю я тебя по школе, не человек ты науки; так теперешнее твое занятие — не простая ли потеря времени, лучшего времени в жизни, данного человеку для работы, для служения Богу и ближним?

— Но мне хочется исследовать разные истины, решить вопросы...

— Вечность будет у нас для решения твоих вопросов, если они религиозные; здесь дано нам знать настолько, насколько только нужно,

чтобы предчувствовать радость решения вопросов,— там, у Бога, источника истины. А хочешь исследовать, насколько возможно, то здесь, вот тебе путь: приходи опять в катихизаторскую школу: там ныне преподается Основное Богословие, которого ты не изучал, и другие науки, не бывшие по программе, когда ты учился; преподаватели, кончившие курс в Духовной Академии, хорошо знакомые с философией; при помощи их ты можешь лучше успокоить свои сомнения и решить вопросы, чем живя здесь.

Задумался. Видимо, не совсем он потерянный, нет у него заскорузлой гордости, какая у другого отщепенца, его приятеля, должно быть, и смущавшего его, Павла Нисиока.

— Да вот еще. Не смущай ты христианское семейство и не вводи его во грех проявления Божией Заповеди. Брось намерение жениться на сестре своей покойной жены, принимай благоденствие дома Такагами, как родственного тебе по жене, но за них не плати дому Такагами злом — введения их во грех.

И на это ничего не выразил, а ушел, после еще длинных увещаний с моей стороны, в раздумье.

— Завтра утром отвечу,— говорит. Я заметил ему, что ответ может быть и не так скоро; только пусть будет благо обдуманый и решенный. Призвал потом Иоанна Такигами, увещевал его не выдавать сестру за Сунгита, не губить ее тем, ибо не может быть благословения Божия на брак, прямо противному Божьей Воле, и у людей, ясно знающих сию волю; советовал Иоанну мало-помалу действовать на мать и отца и переменить их мысли насчет сего брака.

С семи часов вечера началась в доме Петра Такагами проповедь для язычников. Собралось всех, с христианами, человек 60. Проповедь устроена была именно с тем, чтобы отчасти отразить смущение, не могущее не быть от Сунгита, некогда катихизатора здесь, ныне противника Христианской веры, и потому хорошо, что были почти все христиане на ней.

Сначала говорил катихизатор Игнатий Мукояма — недурно, только не в меру растягивает примеры и пояснения; из-за лесов часто не видно здания. Я говорил начальную — о Боге и Спасителе, но с применением к местной потребности.

По окончании проповеди братия устроили краткий симбокквай; адрес прочтен был; я убеждал завести «кооги», ибо здесь взрослых мужчин 15, женщин 13. Братия тотчас согласились и избрали для следующего собрания трех «коогися» и «кандзи». Так как теперь время совсем свободное от работ, то собрания будут производиться два раза в месяц, во второе и четвертое воскресенье. Христианки после при помощи Мукояма заведут «кооги-квай»; ныне их мало было налицо.

Мукояма, катихизатор, будет посещать Тасино в три недели раз, чтобы каждое третье воскресенье молиться здесь с братьями и говорить им поучение. Чтобы это было верно, я обещал ему дорожные. Больше

пока ничего нельзя сделать для сей Церкви. Нельзя также ничего сделать для совсем захиревшей Церкви Томиока; катихизатора бы нужно для сего большого города, но нет его.

В двенадцать часов ночи, по сильному холоду, вернулись на ночлег в Томиока.

*23 ноября / 5 декабря 1892. Понедельник.
Томиока*

Утром пошли посетить братий в Томиока; были в пяти домах. Есть здесь врач Лука Оогами, родом из Оита-кен на Киусиу, автор вчера прочтенного адреса; есть Павел Куросава, мой крестник, заведующий пересылками (цу-ун квайся); в доме его когда-то о. Павел Ниццума служил литургию, но хладен сей мой крестник к вере, знаком чего служит то, что до сих пор он один христианин в доме — семья некрещеная; впрочем, когда нужно, жертвует на Церковь; живет и торгует здесь Петр Унно, бывший катихизатор, и, к удивлению моему, нашел я его дом и лавку в самом блестящем состоянии; торговля пока еще, конечно, грошовая — торгует игрушками, фонариками, папиросами и прочей мелочью, но видно, что на хорошей дороге; жена у него, к счастью, умница; она с своей стороны трудится — учит шитью; до 90 учениц у нее — не все, конечно, разом приходящие; застали работающими шесть; на одну девочку она указала, как на неверующую в идолов и каждое утро молящуюся Отцу Небесному — значит, и ревность к распространению веры у Юлии есть. Петр Унно собирается, несколько оправившись средствами, заняться проповедью самостоятельно, не получая денежной помощи от Миссии; боюсь только, что он, развившись, забудет Бога. — В заключение сегоднешнего обхода осмотрели здешнюю шелкомотальную фабрику, самую большую в Японии. Основана двадцать лет тому назад Правительством, в образец народу; и до сих пор она правительственная. Выписаны были французы построить и завести дело в ней; начальник их, Мг. [monsieur?] Vrunat, и до сих пор печатается на фактурах шелковых тючков. Работают на ней 300 молодых женщин: разматывают коконы, соединяют в нитки по четыре шелковинки, делают мотки шелку, взвешивают каждый моток, упаковывают мотки для отправки в Америку и Францию; на весь шелк имеется предварительный заказ. Работают парами. Фабрика, по-видимому, в самом блестящем состоянии.

Братья и сестры из Тасино пришли проститься. В двенадцать часов мы выехали из Томиока, чтобы доехать в тележках до станции железной дороги в Аннака, и отсюда в Токио. Братья и сестры вышли за город, пока мы на скорую руку обедали и, построившись у школы, приняли благословение и распрощались с нами. Сегодня у них будет церковное собрание, симбокквай, поговорить о том, что вчера много было внушаемо

им; оставлены они в очень благочестивом настроении. Собрали нам с о. Семеоном на дорогу 6 ен; я эти деньги принял, но пожертвовал им обратно в Церковь. Они тем не менее оказались обязательными: наперед заплатили за наши – мою, о. Семеона и катихизатора Мукояма тележки до Аннака. 1 ¹/₄ часа было нашего пути до Аннака от Томиока. Налево красиво вырезывалась на небе трехвершинная скалистая гора Мёогизан и рисовалась снежная Асама, на которой, впрочем, сегодня не видно было дыма ее кратера. (Аннака-station, два часа дня).

Посещение Церквей прихода о. Федора Мидзуно

28 ноября / 10 декабря 1892. Суббота.

Обасира в Цицибугоофи

Выехавшие утром с о. Федором, в 8 ч. 45 м., из Уено, мы были в 11.30 в Хондзэ и в четыре часа в Обасира, сделав последний путь в дилижансе. В Обасира построен усердием христиан молитвенный дом, но христиан всего один дом Макария Араи, одолжившего землю под молельню; другой здесь бывший христианский дом охладел к вере.

Несколько христиан ждали нас на большой дороге и провели в молитвенный дом, бедно устроенный, с изношенными циновками, неприветливым видом. В ожидании, пока придут еще некоторые, мы взяли метрику. По ней крещеных здесь 138, но из них 73 ныне охладело, 14 – в других местах, больше неизвестно где, 10 умерло и большею частью погребено по-язычески. Только 41 налицо, в 14 домах, рассеянных по следующим окрестным деревням:

Обасира: 1 христианский дом, 3 христианина; всего домов 70.

Минано: 2 христианских дома, 3 христианина; ¹/₂ ри от Обасира, всех домов больше 500.

Маеда: 1 дом, 2 христианина; 18 чё; 200 домов;

Оонахара: 2 дома, 3 христианина; 1 ¹/₂ ри; 150 домов;

Номаки-но Сакурагаи: 3 дома, 9 христиан; 1 ри; 20 домов;

Куроя: 1 дом, 4 христианина; 1 ри; 60 домов;

Икота: 1 дом, 1 христианин; 1 ¹/₂ ри; 60 домов;

Канезава: 2 дома, 11 христиан; 1 ¹/₂ ри; 162 дома;

Мисава: 1 дом, 1 христианин; 2 ри; больше 200 домов.

Итого всех христиан 42, но здесь сосчитан и семинарист Петр Уцида, в доме которого еще все язычники, сам же он налицо здесь; дом его в Оонахара.

Из сего места, из Оонахара, бывший катихизатор Павел Хоригуци, ныне совсем развратившийся, промотавший дом и ныне шляющийся, промышляя дрянным адвокатством; его сестра, бывшая в женской школе Коодзимацци, также приобрела дурную репутацию, хотя ныне, к счастью, вышла замуж за какого-то учителя, прогнанного, впрочем, из школы; мать Хорицуги живет в открытой связи с стариком Уцида, о. семинариста Петра, имеющим, однако, жену.

Так много здесь охладевших потому, во-первых, что просили христианства с самого начала из-за корыстных целей, думали, что за это будет им прилив благ земных, дадут из Миссии денег, построят мосты и подобное; во-вторых, что первым проповедником был Матвей Нива, допускавший к крещению слишком легкомысленно; везде есть сей дурной след от него, здесь по преимуществу. Так вышло, что в душе питавшие разные корыстные виды и с ними просившие крещения — без разбора, знают ли они вероучение и приняли ли его сердечно — допущены были к крещению, а после, видя несуществствие своих надежд, и отхлынули, да так, что иные прямо поставили опять у себя идолов. Нигде по всем Церквам нет такого скандала. И не знаю, как уничтожить его.

Сицудзи 4. К службе по субботам и воскресеньям приходит человек 5.

Новых слушателей ныне — в Мисава 5, в Канезава 4, в Сакурагаи 3, в Оонохара 2. Катихизатор Андрей Икеда — из воспитавшихся в школе в Коодзимацци — преподает им по два раза в неделю.

Никаких собраний здесь нет, разве в большие праздники, после богослужения оставшись, поговорят о церковных делах.

Никаких пожертвований не делается. Катихизатор сам по себе покупает свечи и масло, нужные для богослужений.

Нынешний бедный церковный дом построен три года тому назад. Бывший здесь катихизатором Стефан Исидзука постарался о том: 10 человек, сложившись, построили его на одолженной Макарием земле — 25 цубо; в 80 ен обошлась постройка.

В шесть часов начали всенощную; пели Иоанн Сидара, юноша из Куроя, живший долго в школе в Коодзимацци, и один мальчик Сергей, — большей частью правильно; катихизатор помогал им и большею частью разнил; читает, впрочем, хорошо, и порядок Богослужения знает порядочно.

После службы была проповедь, на которую непрерывно входили по одному-два язычники и мешали тем. В десять часов отвели нас с о. Федором ночевать в деревенскую гостиницу. Ночь была очень холодная, хотя ясная.

29 ноября / 11 декабря 1892. Воскресение.

Цицибу

Утром, в девять часов, назначена была обедница, но никто не пришел к этому времени; к половине одиннадцатого собралось несколько христиан,

и тогда начали. После обедницы отслужили панихиду, потом было очень длинное слово, кончившееся во втором часу наставлением учредить мужское и женское собрание с «кооги», которое сейчас же и было учреждено. Здесь взрослых мужчин 13, женщин 10, последние почти все безграмотные, но с помощью катихизатора и они могут готовить «кооги», пример чего указан был в христианском селении Арикава, близ Хакодате. «Кооги» назначены здесь у мужчин по два раза в месяц, ибо до конца четвертого месяца крестьяне имеют очень много свободного времени; у женщин по разу в месяц, ибо им по безграмотности трудно готовиться.

Пообедавши тем, что принесено было с постоялина, мы отправились посетить нескольких христиан, а также нескольких охладевших, которые предуведомлены были и изъявили желание видеться со мной.

В Минано, через речку, были у одного христианина и одного охладевшего — Пахомия, другой не пожелал видеться. У Пахомия иконы нет — сдал прежде в Церковь; дети совсем язычники; обещал он вперед ходить в Церковь. — В Куроя были у Василия Сидара; самый зажиточный из христиан, дом с довольно опрятными комнатами, около дома озерцо с карпами, из которых двух — живых, он принес мне в церковный дом, но я отказался воспользоваться ими, велел возвратить их в обиталище. В Маеда посетили больного Афонасия, сицудзи и самого усердного их здешних христиан. В Оофуци зашли в два дома охладевших — оба обещались отныне возобновить свои добрые отношения к Церкви. Вообще, заявления христиан об охладевших (рейтан) нужно всегда принимать с большою осторожностью; например, это селение — Оофуци, даже не было поставлено в число селений, где есть христиане, оказывается, что из одного дома не ходили в Церковь потому, что хозяин — Феодосий, повздорил с кем-то из христиан; все в этом доме тотчас же назвали свои христианские имена, приняли благословление и сказали, что молятся, хотя икону прежде вернули в Церковь; младенчеству христиане, самое ничтожное обстоятельство может расстроить их, как ребенка самая малая причина — сделать больным; другие же христиане, сами тоже младенчеству, тотчас устраняют их из верующих; к сожалению, и катихизатор с священником — тоже юные христиане, мало оказывают участия к сим заболевшим душою. Другой охладевший в Оофуци, женатый на сестре Павла Хирагуци, по его словам, и не думал терять христианского чувства; не ходит же в Церковь просто потому, что не на кого дом оставить; дом же торговый, стоит на большой дороге.

С семи часов вечера началась проповедь для язычников в доме одного язычника же, по соседству с церковным домом; в последнем нельзя устроить по темноте его. Собралось человек до 200. Сначала говорил катихизатор Андрей Икеда — и так плохо, что я в отчаянии был: ни мыслей, ни дара слова, плел совсем бессвязную путаницу, в первый раз слышал такого дрянного проповедника. Не знал я его, ибо из школы в Коодзимаци; человек он, видимо, хороший, но проповедник из рук вон,

только в такой глуши, как здесь, можно еще быть ему. — На проповедь, между прочим, пришли учителя местной школы, и все время, пока не ушли, мешали — смеялись, громко говорили; уже с половины моей проповеди и при помощи строгих выговоров о. Федора установилась тишина.

О. Федор Мидзуно оказывается, при ближайшем ознакомлении с ним в совместном путешествии, гораздо лучшим, чем я думал о нем: заботлив о Церкви, распорядителен: умен в слове, умнее не только о. Семеона, но и о. Фаддея.

В одиннадцатом часу ночи вернулись ночевать на постоялин. Ночь была такая холодная, что вода в комнате замерзла, и я ныне, в пятом часу утра, записывая сие, едва вожу по бумаге окоченелыми пальцами.

30 ноября / 12 декабря 1892. Понедельник.

Цицибу. Кооносу

Утром собрались братья в гостиницу проститься и проводить. В восемь часов спустились вниз на дорогу, где, дождавшись идущего из Оомия (2 1/2 ри от Обасира) дилижанса, сели в него и пустились в обратный путь из Цицибу-кёоквай. Бедная Церковь Цицибу! Нигде не видал я таких грязных по наружности христиан, такой жалкой внешности, да такой опущенности внутренней; все растрепанные, грязно и бедно одетые, с водой точно незнакомые; катихизатор под стать Церкви — самого бедного внутреннего содержания. Но и это уже Божия Церковь; имя истинного Бога и здесь возносится. Итак, нужно заботиться и о сем месте. Да сохранит Господь его и умножит число христиан, и в них истинно христианскую ревность и добродетели!

7 1/2 ри до Ходзёо, где начинается железная дорога, проехали до одиннадцати с половиною часов. В два часа прибыли в Кооносу и заняли комнату в гостинице, где ныне и чертится сие, в ожидании прибытия христиан.

Пришли христиане — двоих привел о. Фаддей Мидзуно и принес метрику; но она оказалась непригодною для уяснения статистики сей Церкви: в ней обозначено крещеными 12 мужчин, женщин не записано ни одной, хотя и они были крещены здесь; многих крещеных мужчин также не обозначено. По исповедной росписи у о. Мидзуно значится здесь 21 христианин, в 12 домах, (но его роспись тоже не полна); налицо здесь 14 христиан, в 8 домах.

Первым по времени из здешних верующих Фома Гамоо, цирюльник, крайне обеднел, пустившись вместе с бывшим здешним катихизатором Павлом Хатада в какие-то аферы; дом продал; сам ныне цирюльничает где-то на стороне, а здесь семья — в крайне бедственном положении; дом его купил бывший его подмастерье Василий Фукусима, ныне там хранятся церковные иконы и книги, и Василий, кажется, хороший христианин,

только жена его еще прибывает в язычестве. Есть здесь некто Яков Хаяси, учитель, епископал-протестант, но просящийся в православие; жена его Марфа, по профессии повивальная бабка, очень усердная православная христианка. Прочие христиане здесь усердия не являют, ибо везде по одному в доме, семейства же некрещенные, или дети нисколько не знают молитв; у Луки Накасима, зажиточного торговца рисом, жена Евдокия – благочестивая, сам он – охладевший.

Вида Церкви в Кооносу нет. Христиане на молитву не собираются, никакого другого заведения церковного не существует. Долго здесь не было катихизатора; священник же редко заглядывал; так и вышло, что Церковь совсем упала; а была когда-то, особенно при покойнике Иосифе Асано, хорошей Церковью; оттого снабжена была иконами, богослужебными и для чтения книгами, что все ныне остается без употребления.

Город Кооносу – опускающийся город, ибо прежде был на пути в Эдо и разные места, отчего богатым; ныне железная дорога отняла у него путешественников; местных же произведений для торговли у него нет; состоит он из одной тянущейся улицы, отчего, когда из вагона смотришь, кажется большим; домов 600.

В семь часов вечера, собравшись у Василия Фукусима, цирюльника, отслужили вечерню, причем пели мы вдвоем с о. Мидзуно, читал он. После службы сказал я поучение, что должны сами поддерживать и расширять свое знание веры и стараться о расширении Церкви между язычниками. Катихизатора здесь поставить нельзя, по неимению его, а будет заведывать здешней церковью сам священник – о. Мидзуно, который и будет посещать Кооносу раз в месяц, или никак не реже полутора месяца; будет приезжать в субботу, что бы отслужить вечерню, а на завтра – воскресную службу и сказать поучение; в прочие же субботние и воскресные дни пусть они собираются на общую молитву, после которой пусть читают религиозные книги по собственному выбору и желанию; если не могут днем в воскресенье, то пусть хоть вечером собираются, лишь бы только исполняли общую молитву. Дано наставление также, чтобы пользовались частым посещением священника для приобщения Святых Тайн, и объяснено, как это нужно и важно. Родителям сделано внушение учить детей молитвам, и вообще воспитывать их для Царства Небесного, в чем помогут Ангелы-Ханители детей.

Когда я кончил наставления, о. Феодор стал от себя говорить и вдруг заплакал, – мало-де заботился о Кооносу, как и о Цицибу; теперь вот только два дня езжу вместе с «сюкё» и вижу, что Церкви эти совсем не так плохи, как я думал о них: охладевшие поднимаются, христиане оживляются. Не ожидал я такой чувствительности от него; если это не деланное, то он хороший священник, а я прежде не так думал о нем.

В десятом часу простились с христианами, чтобы завтра рано утром отправиться в Казоо, 3 ри от Кооносу, и так же запущенное церковное место.

1 / 13 декабря 1892. Вторник.

Казоо

Утром в семь часов отправились в Казоо и прибыли в девять часов. Богатый христианин Авдий Миизава принял в свой дом. Во втором этаже у него заранее приготовлен был стол и стулья; там же у него приобретенная им из Миссии икона Спасителя – Афонская, (молельная) с лампадкой, хранятся церковные богослубные и для чтения книги; метрика и заведенные великолепные книги для исповедной росписи, вписки пожертвований, церковных записей. По метрике значиться крещеных здесь 22; их них ныне в других местах 10, умер 1, охладел 1, налицо 10, в 6 домах. Лучшие из христиан – Авдий, очень усердный; к сожалению, он один в доме крещеный, его отец не хочет слушать учения, жене родные не дают слушать; Павел Судзуки, писец в канцелярии здесь, сизоку, родом из Хамамацу; у него хранятся церковные иконы; он же может читать при богослужении; Петр Оокума, брат бывшего здесь врача, – ревнителя Церкви Моисея Хасенгава. Но все христиане отчасти и доселе еще запуганы бывшим в 1889 году гонением на них со стороны местных бонз, по случаю погребения умершего тогда христианина Петра Асано. Тогда христиане с большим трудом добились возможности похоронить покойника на храмовом буддийском кладбище, единственном в городе, но бонзы никак не хотели пропускать гроб ни в главные ворота, ни в фортку – с дрекольем стали возле них сами и возбужденные ими бонзы из местных жителей; к посрамлению христианина прокопали для внесения его на кладбище небольшой вход в задней стене вала. Запуганные всей тогдашней сумятицей, жители Казоо перестали слушать христианские учение, так что присутствие катихизатора оказалось здесь совсем лишним. Но Бог хранит нескольких верующих здесь, видимо, Ему угодно, чтобы впоследствии здесь водворилось христианство. Верующие, однако, и доселе несколько боятся раздражать язычников: когда я изъявил желание пойти на кладбище отслужить панихиду по Петру, отсоветовали – не нужно-де возбуждать внимание бонз и вызывать их на брань и поносные речи; когда хотел пойти к одному христианину, живущему около кумирни, посетить его, как и других, отсоветовали – «мол, заметят, и что же раздражаться». Я уступил им – пусть в тишине хранят веру.

Пока ждали сбора христиан к богослужению, наступил полдень, и Авдий угостил отличным обедом; видно, что с сердечным радушием принимает.

Во втором часу отслужили обедницу; читал Павел Судзуки весьма порядочно; пели мы с о. Феодором. Была и проповедь, направленная к ободрению верующих и к тому, чтобы они старались о поддержании и дальнейшем воспитании в себе чувства веры и церковности – для того,

чтобы непременно с этого времени собирались для общей молитвы по субботам вечером и праздникам, чтобы после молитвы читали религиозные книги и взаимно назидались. Все дали обещание делать это. Так как катихизатора по близости от этой Церкви нет, то о. Федор будет сам заведывать ею, приезжая сюда раз в месяц или в полтора месяца, как и в Коносу и, оставаясь на несколько дней, чтобы помолиться с верующими, преподавать им наставления, а также Святые Таинства Покаяния и Приобщения Святых Тайн; о частых участиях в сих Таинствах, как весьма необходимым, сделано внушение.— Сделано также настоятельное внушение, чтобы христиане постарались всех в своих домах поскорее сделать христианами. Все казались одушевленными. Вообще, Церковь эта, хотя и очень маленькая, внушает хорошие надежды.

В половине четвертого часа вечера мы с о. Федором отправились на станцию железной дороги, в 3 ри от Казоо-Куки, откуда с шестичасовым поездом в семь с половиною часов прибыли в Токио.

5 / 17 декабря 1892. Суббота.

Сендай

Вчера утром выехав из Токио, вечером прибыл в Сендай на освящение Церкви. Церковь построена за три тысячи ен, из которых две тысячи добыты из России о. Анатолием и мной, одна — собрана от сендайских и других христиан здесь. О. Анатолий просил у архимандрита Макария, настоятеля Афонского Пантелеимоновского монастыря, и по ходатайству последнего русские благотворители прислали более тысячи долларов. Выстроил Церковь нынешним летом Василий Окамото; работа добросовестная. На освящение Церкви со мной приехали из Токио: священник Роман Циба, диакон Сергей Судзуки и два иподиакона. Сегодня за день совсем приготовились к освящению. Вечером всенощную отслужил о. Петр Сасагава, здешний священник; пели человек 30 здешних певчих, в два голоса, — и пели отлично, под управлением регента Алексея Обара, также привезенного мною из Токио.

Служение в новой, чистой, прекрасной Церкви возбуждает особенное чувство благоговения и умиления. К сожалению, христиане сендайские, которых сотни, до того опустились, что и сегодня в Церкви было, вероятно, не более 30. Всех я насчитал (во время проповеди) с сотню, но из них 30 певчих, — все почти дети, человек 50 — пришлые из разных Церквей к освящению, прочие — здешняя Церковь. Единственная надежда на поправление Церкви в о. Арсении, если он поселится здесь. С о. Петром Сасагава далеко не уйдешь, это — мерзавец, которого забыли похоронить. Проповедь сегодня говорил такую, что не уснуть, а умереть можно под нее.

**6 / 18 декабря 1892. Воскресенье.
Сендай**

Только что вернулся с освящения Церкви. С семи часов утра о. Роман отслужил водосвятие. С восьми часов началось освящение. Продолжалось около часу. Порядок почти был соблюден, немного только путались; нужно больше всего заботиться о своевременном приготовлении воскомастиха.

Служение было соборное из меня и трех священников: о. Сасагава, о. Иова Мидзуяма и о. Романа Циба. Певчие пели хорошо; шествие вокруг Церкви было чинное, литургия также совершена в достодолжном чине. Служение было радостное — да вознесется оно к Богу! Народу было много; немало было и язычников; между прочим, были званые чиновники города. До проповеди голос у меня устал и голова страшно разболелась — от вчерашнего угара; при этом ужасном холоде, вечно проникающем до костей, не уберечься, чтобы не сунуться к жаровне, и чад от углей заберется в голову да и мучит вот как вчера и сегодня. Проповедь была напряженная; жар в голове заставил на половине проповеди без церемоний снять митру и поставить на клирос. Вперед наука: при подобных обстоятельствах беречь голос во время службы и беречься угара.

По окончании службы было угощение для разных гостей: у о. Петра Сасагава были язычники — чиновники, и меня туда позвали повидаться с ними; я пришел, дали они карточки мне и, захватив ящики с приготовленными для них обедом и конфетами ушли; ушел и я к себе в гостиницу — не оставили мне больше — знать, не было рассчитано на меня; пообедал я один какой-то дрянью, ибо сначала принесли яичницу, на которую пост, и сырую «сасими», которой я не ем — отвратительно; по отослании сих блюд и принесли какой-то неведомый студень, после которого ныне вот и пишу сие.

В три часа пришел о. Петр Сасагава с делегацией благодарить. Я их тоже благодарил. Принесли образчики нынешнего угощения — очень приличное, и даже роскошное; даже пятистам язычникам приготовлено было по кружку белого и розового моци. Поговорили о том, чтобы старый дом, где прежде было совершаемо богослужение, перенести к краю церковного места; завтра после полудня, в два часа, еще все вместе, собравшись, потолкуем о сем.

В шесть часов была всенощная, после которой я сказал поучение о молитве и о частом приобщении Святых Тайн в новом храме; укорил христиан, что ныне в пост и в торжество освящения храма никто не ответил на призыв: «Со страхом Божиим и верою приступите», так что

я должен был призвать малых детей, чтобы было кому приобщаться в новом храме.

Кстати сделал наставление, чтобы христиане, приходя в храм, не останавливались у порога, а проходили ближе к алтарю -- и им видней и слышней, и к ним говорить удобнее, не нужно надирать горло, чтобы голос доходил.

7 / 19 декабря 1892. Понедельник.

Сендай

Утром было соборное богослужение священников; вечером всенощная, после нее симбокквай, на котором читано было мною поздравления от разных Церквей и произнесено много речей по случаю освящения храма.

Миссионерские заметки 1893 год

Епископ Николай

*13 / 25 февраля 1893. Суббота
1-й недели Великого Поста*

Целый день до того страдал, что голова разболелась. Дело воспитания здесь в отчаяние приводит. Воспитанные в России — Арсений Ивасава, на которого столько надежд я возлагал, Исигаме — не глуп по природе, и прочие оказываются не помощниками здесь в воспитании Церкви, а восхищающими противниками. Уже говорил я им, что на них смотрят, как на соблазн, и убеждал ходить в Церковь всегда, когда ходят воспитанники; в обязанность поставил им это; и — ни мысли, ни чувства, ни попытки исполнить обязанность! — В первую неделю, когда все ученики три раза в Церкви, хоть бы кто из них в Церкви! Сегодня к причастию все четверо — Ивасава, Сато, Исигаме, Кавасаки — явились без всякого приготовления, не выслушавши даже правила. Господи! Что за наказание! Уже ли в русских родных академиях они научились такому безверью! Приобщил я их, ибо кто же знает душевное состояние людей и как удержать от Чаши, к которой все призываются? Но целый день вот адские мучения испытываю не за них и за себя, а за Церковь. Хотел призвать их и объявить, что жалованье уменьшу за всякое нехождение в Церковь в обязанное время, но отвращение берет от этой меры, хотя и

вполне достойной японца и, вероятно, самой бы действительной. Поговорю с каждым из них в отдельности и посмотрю, что будет. Один д. * Симеон Мии из воспитанных в России возбуждает уважение к себе. Но и он — слаб до нестерпимости. Как много и как убедительно, по-видимому, я ему толковал об управлении школой и о важности дисциплины и соблюдения разных правил в ней, а сегодня — часть школы пришла в половине восьмого часа по звону, как положено, для выслушивания Правила пред Причащением; пришел и сам инспектор школы д. Мии за сими учениками, но — это была только половина учеников; остальная брела в разброд, вплоть до восьми часов, то есть до времени, когда уже Правило было кончено. И что стоило д. Мии пройти по Семинарии, разбудить спящих (в восьмом-то часу!), но на сие у него — ни желания, ничего другого человеческого не нашлось! Было одно смутное движение — идти, куда зовет колокол, больше ничего! Бедная японская христианская школа! Бедная Японская Церковь!

*7 / 19 апреля 1893. Среда на Фоминой неделе.
Церковь в Коморо*

В половине девятого утра мы с о. Федором Мидзуно выехали из Токио в Коморо, лежащее первым на пути нынешнего посещения Церкви. Проезжали по железной дороге «Усуи-тоочё», у подножия вулкана Асама; линия эта открыта первого числа сего месяца. Подъем в гору идет по средней линии с зазубринами цепляющимися колесом; локомотив прицеплен сзади. По пути двадцать шесть тоннелей, всего около трех английских миль; на постройку тоннеля употреблено два миллиона кирпичей; вся работа произведена в два года. В пятом часу мы были в Коморо. Местоположение очень высокое, оттого здесь еще холодно, — нужно надевать шерстяную рубашку и чулки. У подножия Асама любимое место пребывания иностранцев в летнюю жару — Каруизава — селение, где виднеются домов 20 иностранной постройки. Коморо — несколько только ниже Каруизава.

Катихизатора здесь нет; христиане собираются молиться в доме Тита Онгивара, бывшего когда-то катихизатором. Дом у него большой; молитвенная комната устроена очень прилично. Христиане и христианки встретили на станции. По прибытии в дом Тита тотчас же началась вечерня; пели христианки твердо и бойко; видно, что молитва с пением здесь обычное и навывклое дело; читал Тит также весьма хорошо. По окончании службы я сказал поучение, но усталость взяла свое, — долго не мог говорить; следовало бы несколько прежде отдохнуть после длинного переезда и выпить стакан чая.

---

* Диакон.

По метрике ознакомились с Церковью. Крещеных всего 32; из них 6 умерло, 8 в отлучке, в Токио (например, Петр Ояма, бывший катихизатор, на военной службе); остальные 18 все налицо. Охладевшего ни одного нет. Христианских домов в Коморо 9, в Касиваги, 20 чѣ от Коморо, 1, в Морияма 1. Но странно, почти во всех домах только по одной христианке, и все — девицы, младшие члены в семье; отцы и матери не мешали им креститься и не мешают теперь молиться, а сами не слушают учение и не крестятся; оттого эта маленькая Церковь состоит почти вся из молодых женщин. Самый почтенный здесь христианский дом — это Авраама Ояма, отца Петра, бывшего катихизатора; дом этот в Касиваги; в нем все христиане — 6 человек, с Петром в том числе. Из дома Исидзука, сидевшего вместе с Павлом Оои в тюрьме за Корею, ныне в Токио, в Дзютоо, взял себе жену Сергей Ооцука, бывший катихизатор, ныне ничего не делающий в Хоккайдо, куда произвольно ушел; его жена, как видно, очень хорошая женщина — Пелагея, с недавно родившимся ребенком, все время сидела здесь и, видимо, принимала живое участие в беседах и во всем.

Церковь в Коморо недавняя; покойник Нифонт Кубота, усердный катихизатор, начал здесь дело, потом был Иоанн Камои, Андрей Такахаши, в последнее время Аизава, дрянно ведший себя здесь и сбежавший со службы. Тит Онгивара, хотя когда-то отставлен от катихизаторства за грех против 7-й заповеди христианской, чувства, однако, не потерял, а напротив — возгрел его против прежнего; его заботами ныне здесь поддерживается маленькое христианство и без катихизатора. Недавно у него померла жена, остался семилетний сын Акила, есть еще старуха — мать Анна. Тит хочет вновь жениться, научил будущую жену, свою ученицу по шитью (ибо он швец и вышивальщик), уже не совсем молодую женщину, раз бывшую замужем, христианству и просит завтра крестить ее, и вместе завтра же перевенчать их; я сказал Титу, что неприлично — нужно подождать венчаться, пока о. Федор придет сюда, что может быть дней через двадцать; Тит без слова согласился. Испытал я невесту его в знании веры — плохо знает, тоже и ученик Тита, пятнадцатилетний малец, которого Тит тоже прочит крестить, но главное они все-таки знают и, принимая во внимание то, что они останутся около Тита, — он же учение знает хорошо, восполнить им недостающее может потом, я дал позволение о. Федору крестить их завтра, также ребенка Пелагеи и Сергея Ооцука.

Внушал христианам непременно завести женские собрания со своими кооги, по два раза в месяц, по воскресеньям, рассказал, как это делается, представил в пример собрания в Хакодате и Аригава. Христианки весьма охотно согласились; а я им обещал выслать книг, по которым бы им готовить кооги, ибо книг для учения христианам здесь нет ни одной, есть только богослужебные.

В половине восьмого кончена была беседа с христианами. С восьми часов должна была начаться проповедь для язычников, которых Тит предварительно известил и звал. — Пошли мы с о. Федором на полчаса в гостиницу, где должны были потом ночевать; он поужинал, я выпил стакан чаю и поспешили опять к Титу. Но пришлось ждать до половины девятого, пока Тит сказал, наконец, что можно начать проповедь. Потом во время проповеди, длившейся до половины одиннадцатого, не переставали приходить и уходить слушатели. Человек 10 слушали внимательно; участливого чувства, впрочем, на лицах у них не заметил. По отзывам Коморо вообще — место равнодушное для веры, буддизм здесь тоже слаб; христианству никто не мешает, но и слушать его почти никто не желает; есть здесь протестантская Церковь, но и у них тоже слушателей нет.

Около двенадцати часов я вернулся в гостиницу; о. Федор остался у Тита, чтобы совершить оглашение имеющих завтра креститься.

*8 / 20 апреля 1893. Четверг.
Коморо. Уеда*

Утром в пять часов утра о. Федор отправился в дом Тита Онгивара совершить крещение, назначенное с шести часов утра. Крещены трое: невеста Тита, его ученик и дочь Сергея Ооцука. Я пришел после крещения, к началу обедницы; за обедницей новокрещенные были приобщены запасными Святыми Дарами. Потом отслужили панихиду. Пели девицы очень хорошо, так что я после дал им в похвалу на конфеты 2 ены. Проповедь говорил о необходимости воспитывать христианское усердие, потом о пользе молитвы за умерших и о значении кутии. Все богослужение было окончено к десяти часам. После пошли посетить дома христиан. Бедных христиан здесь нет, у всех хорошие дома и приличные занятия; только Илья недавно погорел; впрочем, не в своем доме, а на квартире; имущество почти все успел спасти; это, кажется, из бедных; дал ему на погорелое 2 ены, за что он благодарил, как благодарят бедные. Девицы христианки все, видимо, не притесняются в вере и молитве, но родные в домах все язычники, и холодные язычники — едва ли скоро обратятся, — «некогда», говорят, «очень заняты житейским». Убеждал, но пользы едва ли будет; все ласково принимают и угощают; в одном доме встретился даже со своей доброй знакомой в детстве, первый раз в Японии; о посторонних вещах говорят так мило, а как заговоришь о вере — лица являют безучастие, и, между тем, недалеко же они от Бога, иначе детям своим не позволили бы сделаться христианами. У Пелагеи (жены Сергея Ооцука) и Марии, младшей сестры ее, бабка в доме язычника, но мать их — Нина, говорят, очень усердная христианка; теперь ее нет дома — в Токио с мужем, который служит — член партии либералов

(Дзюютоо) и язычник.— Обошедши всех христиан в городе и пообедавши в гостинице, где под диктовку о. Федора, по обычаю, приготовили сквернейшее яство, в намерении угодить чем-то якобы по-иностранному приготовленным, вследствие чего пришлось на сутки остаться голодным, отправились в Касиваги к Авраму Ояма; живет зажиточно, ибо, кроме земледелия, занимается разведением шелковичного червя; в доме он, жена Елена, мать-старуха Анна; двоих младших детей не было дома. Деревня Касиваги (70 домов) лежит у подножия вулкана Асамайма, над вершиной которой постоянно висит шапка дыма; до вершины отсюда не более 2 ¹/₂ ри.

Вернувшись из Касиваги, в четыре часа отправились на станцию железной дороги, где почти все христиане и христианки собрались проводить, и, простившись с ними, направились в Уеда, до которого от Коморо 39 минут пути по железной дороге.

В Уеда только один христианский дом — Кирилла Такахаси, с женой и четырьмя детьми, которые все христиане. Жил здесь катихизатор, к несчастью, совсем неудачный, выпущенный из школы Ниицума,— некто Саебара — ничего не делаая здесь, а потом и совсем развратился и ушел со службы. А город Уеда очень большой, имеет больше трех тысяч домов — бывшая резиденция князя с 5 ман коку — имеет много дворян и очень цветущую торговлю; Церковь здесь должна бы быть, если бы только катихизатор нашелся удачный.— Есть у меня мысль соединить Коморо и Уеда в одно и прислать для сих двух мест катихизатора; для одного Коморо, а равно и отдельно для Уеда едва ли на Соборе можно выгадать по катихизатору; для двоих же мест одного, вероятно, можно будет; сообщение по чугунке до того удобное, что в один и тот же день можно в двух местах иметь по проповеди — всего 39 минут езды! Только несколько дорожных нужно будет положить положить катихизатору.

На станции в Уеда встретил Кирилл и трое его приятелей — язычников. Сегодня вечером, с половины восьмого, предположена здесь проповедь для язычников, которых называли Кирилл и его приятели. Посмотрим, сколько соберется.

В двенадцать часов ночи.

Проповедь была в доме одного купца, который gratis дал свой дом для нее с полным освещением и другими приспособлениями, даже глобусом на столе. Сначала привалила большая гурьба девчонок, наполовину сопливых, которые подняли хохот, но их усадили в сторонке, и они утихли. Потом набралось до 15 больших. О. Мидзуно начал предварительную проповедь: говорит бойко, но очень растягивает на примерах и подобиях, так что мысль теряется и скучно становится. В девять часов я начал обычную начальную для язычников; человек больше 20 набралось к тому времени и гурьба уличных мальчишек, которые пустились неугомонно фыркать и смеяться; когда большие стали браниться на них, что мешают слушать, они ушли из дому, но перед домом почти до конца проповеди

на всю глотку кричали, издевались, визжали — таких грубых ребят редко где встретишь, когда кончили они — начал один, сначала в доме, потом начал кричать и безобразничать. Слушатели уходили и приходили; немногие слушали внимательно, человек пять; все это заставило меня значительно сократить проповедь, так что меньше, чем в половине одиннадцатого часа она была окончена. Поблагодарив любезно хозяина, вернулись в гостиницу в сопровождении Кирилла Такахаси. Он — родом из Нагано, по ремеслу ткач; завтра утром хотели сходить к нему; да едва ли удастся, — живет далеко, не успеем к первому поезду потом, отходящему около восьми часов утра. Сегодняшний опыт проповеди, как ни недостаточен, доказывает, однако, что слушатели здесь найдутся для катихизатора; объявления о проповеди в городе не было, Кирилл только оповестил своих знакомых, и тем не менее собралось порядочно. Значит, для Кормо и Уеда одного катихизатора непременно нужно. Не забыть об этом на Соборе при распределении катихизаторов.

9 / 21 апреля 1893. Пятница.

Уеда. Мацусиро

Утром, с поездом с восьми часов, нужно было выехать по железной дороге в Мацусиро, то есть до Ясиро, полчаса по железной дороге, оттуда в сторону 2 ри простым путем. Пришел проводить единственный христианин Кирилл Такахаси, да совсем неожиданно явилась христианка, его племянница, Анастасия, девица лет семнадцати, так что в Уеда выходит всего 7 христиан, Кирилл с женой и четырьмя детьми и она, пятый — только что родившийся ребенок — еще не крещен; о Федор будет здесь после, чтобы крестить его. Показал еще Кирилл на станции одного субъекта в усах и с сигаретой: «Это — оглашенный в нашу веру»; оглашенный ехал по одному направлению с нами; зная Кирилла, он, конечно, не мог не догадаться, кто мы с о. Федором, но подойти к нам и приветствовать не счел нужным; «Адвокат, поведения гулящего, да и веру знал мало, когда принимал оглашение от жившего здесь катихизатора», — заметил Кирилл; потому не сочли нужным вступать с ним в кратковременное знакомство. — От Ясиро сели в дилижанс — всего по 13 сен до Мацусиро, и в десять часов были уже в Мацусиро. Савва Такаку, отец семинариста Игнатия, встретил далеко за городом. Христиане почти в полном сборе ждали в церковном доме, и потом, умывшись, тотчас приступили к богослужению. После часов, которые хорошо прочитал катихизатор Иоанн Эндо, обедницу пели медленными и слабыми голосами, точно мухи, здешние певчие — подростки-девицы и совсем маленькие девочки; Эндо, мешаясь своим голосом между ними, производил только дисгармонию, тем более что часто совсем разнил; из девиц некоторые пели правильнее его, и потому я сказал Эндо перестать, после

чего пение пошло лучше. После краткого приветственного поучения, потребована была метрика, и по ней Церковь оказалась в следующем состоянии. Крещено 82, из них 32 ныне налицо в Церкви, 30 — в отлучке в разных местах, 18 охладевших, то есть неходящих в Церковь, хотя некоторые из них молятся дома, по заявлению здесь, а двое даже оказались тут же сидящими и молча слушающими, как их рекомендуют уже не принадлежащими к Церкви; по расспросу их здесь же, оказываются они еще довольно хорошими верующими, только нерадивыми в исполнении христианских обязанностей: «Некогда, — говорят, — ходить в Церковь». К вечерне потом пришли и они, и другие показанные охладевшими, кроме одного, все; значит Церковь в лучшем состоянии, чем казалось с самого начала. Есть три умерших в сей Церкви.

Ныне слушателей, по словам Ендо, человека 2–3, да на женские собрания приходят пять язычниц, которые подают надежду сделаться христианками.

На богослужение здесь собираются по субботам человек 10, по воскресеньям человека 4–5, кроме поющих детей. Есть «фудзинквай»; собирается христианок 12, ежемесячно в первую и третью среду вечером; катихизатор говорит им поучение, говорят и сами они, но плохо-де.

Мужских никаких церковных собраний нет. Старшина Кирилл Оосима (родной брат Ильи Миясира, фотографа и хорошего христианина в Нагоя, который родом отсюда), по-видимому, самый усердный христианин здешний, говорит: «Сколько раз заводили собрания, но всегда скоро же кончалось тем, что я один приходил на них».

Жители Мацусиро христианства не гонят, ненависти к христианам не являют, но коснеют в блюденнии своих старых навыков — это и есть единственная помеха здесь христианству; оттого наша Церковь здесь туго подвигается, у протестантов тоже, а католиков совсем нет.

После обеда, который приготовлен был без хитростей, прямо японски, и оттого вышел очень хорошим, пошли посетить христиан; так как был дождь, то должны были взять тележки. Посетили домов 12, то есть все христианские дома, не исключая охладевших. Особенность этой Церкви та, что она почти вся состоит из дворян (сизоку), но обедневших. Первым по порядку посетили Савву Такаку. Живет в бедном доме, но на своей земле, у своего огорода; в доме жена и трое детей: девочки — лет двенадцати и восьми, и сын Павел, лет трех; два сына еще в Токио — в Семинарии Игнатий, и в медицинском обучении; все семейство очень веселое, здоровое, любо смотреть; Савва — здоровеннейший мужчина, но промышляет совсем неподходящим ему ремеслом — печением японских бисквитов в виде рыбок, зверей и тому подобных. В доме семинаристов Афонасия и Антония Такаи, тоже бедном, нашли их мать, еще молодую женщину, и трех дочерей, из которых старшей лет четырнадцать; отец в Токио, в каком то обществе. У охладевшего христианина Пафанаила Момосе, записанного первым по метрике, прежде

бывшем в протестантстве, нашли четырех детей, которые все были отрекомендованы, как отлично «поющие в Церкви – только последнее время-де что-то перестали ходить»; по-видимому, отец повздорил с кем-то из христиан, оттого и не ходит в Церковь и не пускает детей; вечером потом дети все были на богослужении и пели; а младший сын Иоанна годен бы к приему в Семинарию, о чем я заявил отцу и тем, по-видимому, обрадовал его и сына.

Все здешние христиане – местные обыватели; почти все живут в своих домах; наиболее зажиточный из них – Матфей Макино, которого показали охладевшим, но который был и на обеднице, и на вечерне, и охотно согласился участвовать в мужских «кооги квай», которые положено отныне завести.

Особенность Мацусиро, что здесь по улицам чрезвычайно много детей, и нигде во весь сегодняшний объезд христианских домов не встречено ни одной грубости от детей – видно, что город, где преобладает дворянский элемент и хорошее воспитание.

Вернувшись в церковный дом, с половины шестого часа начали вечерню, которую пели посильней и получше, чем утром. Поучение было о христианском усердии и о средствах возгревать его, одним из которых рекомендованы христианские собрания для мужчин и женщин – «кооги квай» со своими кооги; рассказано, как вести их, предложено тут же назначить время, избрать для первого собрания «коогися»; на все охотно согласились, и решено отныне иметь месячные мужские и женские «кооги квавай» неопустительно.

Между тем мало-помалу собрались язычники для слушания проповеди. В половине восьмого она и началась; сначала о. Мидзуно говорил, потом я сказал обычную начальную язычникам; слушали очень хорошо; собралось человек 200, до конца осталось человек 100, с христианами в том числе.

Перед вечерней дети испытаны были в знании молитв; оказались знающими молитву Господню, и получили по крестику.

В половине двенадцатого ночи окончился рабочий день; хотел было записать дневник, но очень устал, и потому пишется сие на другой день утром.

10 / 22 апреля 1893. Суббота.

Мацусиро. Наган

Утром, с восьми часов, назначено богослужение, к которому вот ныне спеваются; полоумный катихизатор Иосиф Ендо учит петь панихиду, и сам немилосердно фальшивит. В Катихизаторской школе очень усердно надо изучать пение, а они обыкновенно манкируют, после же сами чувствуют все неудобство того. – С половины девятого началась служба;

обедницу пели сносно, панихиду — невозможно, нервы расстраивают какофонией до болезненности — насилу потому с помощью внутренней молитвы придешь в состояние говорить проповедь. Говорено о необходимости посвящать себя и все свои дела Богу. По окончании испытаны остальные дети в знании молитв, даны им крестики — трехлетние умеют истово креститься. Потом сказано еще о необходимости воспитывать детей для Неба, в чем родителям помогают Ангелы-Хранители детей. Певчим, в поощрение к дальнейшему изучению пения, дано на кваси 2 ены, но они, видимо по внушению старших, взяли только по 50 сен, остальные же вернули мне с просьбой на эти деньги выслать им из Миссии по нотному обиходу: 8 простых — всем по одному, в собственное владение, два праздничных.

Расспросил мать семинаристов Такаи и ее домашних о делах; оказывается, муж ничего не присылает ей на содержание из Токио — служит там где-то при госпитале и получает очень маленькое жалованье; она трудами рук питает себя и трех девочек; спрашиваю: «Отчего не просили взять одну из девочек в Миссийскую школу?» — «Еще три года тому назад очень хлопотали о том, да оказалось, что нельзя», — отвечает. Я впервой слышу о том. Должно быть, Анна Кванно сказала, что нужно содержание девочки, без того-де не будет принята. Я сказал, чтобы представили к приему в сентябре среднюю Ирину, двенадцати лет, на содержание Миссии, с тем, конечно, чтобы Церковь потом имела право распоряжаться судьбой девочки, то есть выдать ее за служащего Церкви. Братия, угостивши обедом, предложили потом ванну, от которой я и не отказался, но пред ванной, по желанию братии, снялся в фотографии — снимает дочь хозяйина, восемнадцатилетняя девушка, скромная, как самый маленький ребенок, но способная до того, что вот зарабатывает хлеб своим искусством.

В два часа простился с Церковью, на выезде из города заехали в дом бывшего здешнего главного Кароо; хозяин звал, хотел показать родовые древние вещи; хозяин — двадцатичетырехлетний, женат на дочери владельца церковного дома, старшей сестры фотографистки. Здесь часто бывает катихизатор, и хозяин Яйзава — немного слушает учение. Показывал сабли, ширмы и прочее, — действительно, хорошие вещи, но историю их рассказать не умел; еще между хорошими вещами вдруг развертывает один свиток: «А это смешные картины; во время болезни одного придворного нарисованы, чтобы занять его» — начинается смешными фигурами, и вдруг переходит к грязнейшим сценам. — «Ну, это лучше не смотреть», — заметил я, берясь за другие вещи; у всех же японцев, бывших здесь, ни малейшего вида, чтобы это было неприличие.

От Мацусиро до Нагано 3 ри по ровной дороге в долине, запертой среди гор, превосходно возделанной, с густым населением; дул сильный ветер, мешавший приятности пути. Около пяти часов прибыли в Нагано. Извещено было, что с шести часов здесь будет всеобщая, но так как

много христиан было собрано в Церкви, то по приезде отслужили краткий молебен с приветственным поучением, после которого по метрике, здесь же в Церкви, исследована была Церковь.

Крещено: 186 человек; из них ныне в Нагано 90, в других местах 72; в том числе в Миямаса, где еще метрики нет, а крещеные записаны в Нагано; умерших 19, в том числе одна женщина, гнетомая бедностью, одинокая старуха утопилась («Отчего не помогли?» — «В Церковь не ходила, не знали о ее безвыходном положении», — говорят); охладевших 5.

На богослужении по субботам и воскресеньям приходят одинаково человек 25–30, не считая детей в том числе. Вновь слушают учение ныне четверо.

Христианству в городе не мешают открыто, но народ туго обращается, ибо закоренелые в буддизме — по той причине, что здесь, в городе, находится знаменитый буддийский монастырь «Дзеенкоодзи» сект Тендай и Дзёодо вместе, привлекающий множество богомольцев и доставляющий городу большой доход. Удельного князя здесь не было; но бонз всегда было много; и ныне здесь существует буддийская семинария. Оттого и обращаются в христианство здесь по преимуществу пришлый народ — чиновники и подобные, живущие жалованьем; коренных же жителей у нас в христианстве здесь всего 6 домов из 20.

Есть здесь женские собрания, заведены с двенадцатого месяца прошлого года; собираются по средам, два раза в месяц, днем; катихизатор Нифонт Симое говорит им поучение; приходит женщин 13. Только что заведены и мужские собрания, по средам, каждую неделю, вечером; приводят человек семь и по очереди толкуют Правила Исповедания (ринкоо) с участием катихизатора.

Здесь построен очень порядочный храм; чертеж для него рисовал Николай Мацуи, который в Фукуока, на Киюсиу, ныне. Стоит постройка 870 ен; кроме того, около храма построен церковный дом, где живет катихизатор и производятся христианские собрания; дом стоит 140 ен. Постройки эти произведены на занятой земле, за которую ежегодно ренты платится 18 ен.

После сих построек остался долг 414 ен, который очень тяготил Церковь и расстраивал ее. В прошедшем году и в начале нынешнего, наконец, долг этот совсем очищен. 385 ен заплатил из собственных средств Павел Куросава, больше всех принимавший участие в постройках, остальное — другими христианами. Ныне Церковь здесь — в мирном и устроенном положении. Жертвуют христиане ежемесячно до 3 ен, из которых 50 сен идет на свечи и ладан, остальное на ремонт и рен:у.

Храм снабжен полным иконостасным комплектом икон, писанных в Миссии; кроме того, есть отличные большие, тоже иконостасные иконы Спасителя и Богоматери, присланные прежде, так что икон здесь больше, чем нужно. Но алтаря еще нет, и иконы стоят бесприютно по стенам. В Церкви еще неудобство то, что половина ее составляет возвышение

для алтаря, и притом неумеренно высокое. Все это показывает, что за постройкой Церкви нужно тщательно присматривать, чтобы не вышло нелепостей.

В половине седьмого начата была всенощная; пели пять христиан; женского или детского голоса ни одного; пели довольно стройно; только мало навывчное, как «Христос воскрес» и «Ангел вопияше» поют уже очень плохо.

После всенощной было слово о христианском усердии и средствах воспитания его; объявлено было, между прочим, Таинство Причащения, в конце же было перейдено к убеждению христиан и христианок завести «коогги квай» — обычные, ежемесячные; долго было объясняемо, как вести их, какова польза и прочее. Обещались завести — и мужские, и женские.

В двенадцатом часу ночи проводили на ночлег в гостиницу, совершенно по-европейски устроенную. Когда в шестом часу беседовал с христианами в Церкви, живущий здесь епископальный миссионер, семейный, прислал предложить у себя помещение; я поблагодарил и сказал, что завтра посету его; остановиться же у него неудобно, тем более, что у самого помещения небольшое.

***11 / 23 апреля 1893. Воскресенье.
Нагано***

Утром пришел Павел Куросава и стал просить во время Собора переменить катихизатора Нифонта Симое на более подходящего к этому месту: он-де из военных, груб, с христианами обращается точно с своими солдатами; кроме того, любит только новых христиан, особенно своих обращенных, к прежним, старым, христианам, почти не ходит. Обещал я дать сюда выпускного из школы, который, как новенький, будет усерден и скромн, а Церковь здесь старая, в расстройство не придет от его неопытности на первый раз.

В половине девятого началась обедница, за нею панихида, потом проповедь — о посвящении Богу себя и всех своих дел и прочее, в заключение — о поминовении умерших. К проповеди пришел, между прочим, епископальный миссионер Reverend Waller, и все время слушал. Потом снимали фотографию.

Пообедавши, отправились по домам христиан. Прежде всех побыли у ближайшего к Церкви циновщика Мелентия Коике, больного старика, который вчера через силу притащился в Церковь к моему приезду. Он один из самых благочестивых христиан здесь; здешний родом, зажиточный домовладелец. Сын его женат был на весьма благочестивой Фотине, ныне покойной, дочери старика Симеона Кобаяси, которому было чудесное явление пред смертью, указавшее ему день и час смерти. Хотелось

очень ему дожить до окончания постройки миссийского собора, чтобы помолиться в нем, этого не суждено было ему, захворал оно очень, долго хворал, и постоянным утешением его была молитва; не задолго перед смертью он впал в беспамятство и лежал несколько дней в таком состоянии; потом проснулся, помолился и сказал: умру через три дня в таком-то часу, за сим снова забылся, но ровно в назначенное время проснулся, простился с окружающими и с молитвой радостно почил. Весьма трогательные подробности всего этого я слышал еще тогда же, несколько лет тому назад; ныне припомнилось при посещении домов Симеона и Фотины несколько из слышанного.

Более всех богат здесь Павел Куросава; дом у него три года назад сгорел: дети пускали шумихи днем, одна недогоревшая упала на крышу и оттого загорелось, но Павел ныне вновь великолепно отстроился. По ремеслу он коровник, имеет шесть коров и продает молоко. «Несколько лет назад, — говорил, — смотрели на его занятие, как на нечистое, и презирали его — теперь все до того полюбили молоко, что уважают его в той мере, как прежде презирали; и бонзы лакомятся молоком». Прочие все христиане не очень бедны, но и не богаты; большинство небольшие чиновники, живущие жалованьем. Очень усердный христианин Павел Кооно, учитель рисованья в школе; учит акварели, а сам пишет и масляными красками; комнаты заставлены его произведениями; есть недурные ландшафты; лица же ему не удаются. Были у охладевших — все принимали также почтительно, как и другие христиане, и обещались ходить в Церковь; только одни не уважил: застали пьяненького, играющего в шашки с приятелем; «Учения я не знаю», — говорит. — «Так зачем же ты крестился?» — спрашиваю. — «Я и тогда не знал учения», — оправдывается (крестился, когда был здесь катихизатор Стефан Кондо, тоже врач); жена, видимо, хорошая молодая женщина, и ребенок тут же были; это зубной врач, некий Петр Матано, неодобрительного поведения, жена его недавно начала слушать учение, но он помешал. Здесь живет бывший катихизатор Павел Тацибана, родом из Хизен; он очень хотел бы ныне опять служить Церкви, но скомпрометировал себя очень: бросил прежнюю жену, с которой был деревенчан по-христиански, а женился язычески на другой; ныне эта жена тоже христианка, и очень хорошая; у них двое детей, из которых старший, ровно пяти лет, Тимон, сегодня утром прочитал на память все молитвы — с начала молитвенника до «Отче Наш» и «Богородицу»; муж работает в редакции здешней газеты и тем питает семью, но бедно живут. К вечеру успели посетить всех христиан. Потом заехал взглянуть на знаменитый здешний буддийский храм «Дзенкоодзи», — действительно, великолепный и очень богатый; богомольцев всегда тьма. Зашли на ближайший холм полюбоваться общим видом города и окрестностей; населенность местности — замечательная, возделана долина чудно. Здесь, между прочим, сцена знаменитых

битв Кенсина и Сингена; здесь при реке Кенсин собственноручно фехтовался с Сингеном, принимавшим удары сабли на железный веер.

Возвращаясь в гостиницу, полюбовались также видом большой улицы Нагано: от Дзенкоодзи — с возвышения — эта улица по отлогому скату тянется прямой лентой на все пространство, доступное глазу; при вечернем освещении этот вид особенно хорош.

Идя в нашу Церковь на проповедь, назначенную для язычников, зашел к Reverend Waller'у; у него очень миленькая жена и маленькая дочь; застал также двух гостей — учителей-англичан из школы Фукузава в Токио. Большая самоотверженность нужна, чтобы зарываться в такой глуши и зарывать семью, и миссионеры заслуживают в этом отношении большого уважения. Mr. Waller всего три года в Японии и только три месяца здесь; прежде был в Фукусима, где, говорит, с православным катихизатором Павлом Хосономе у него было условлено взаимно не похищать христиан; я уверил его, что Хосономе и не мог бы сделать того, если бы и хотел, — очень уж бездеятелен и вял; да и у Waller'a едва ли есть в настоящее время достаточно сил на похищения, по-японски, кажется, очень еще не силен. У Фукусима у них — епископалов — 12 христиан, здесь всего один.

На проповедь собралось более 200 человек, так что пришлось допустить слушателей и на возвышение, приготовленное для алтаря; пускаемы были по билетам, и потому аудитория была очень чинная: детей, которые всегда только мешают, не было, кроме бывших с родителями; слушали замечательно тихо, и почти все остались до конца, несмотря на то, что проповедь продолжалась до 35 минут одиннадцатого часа с восьми. Сначала говорил минут пятнадцать Нифонт Симое, и — преплохо, просто околесицу городил, ибо, к изумлению моему, оказался совсем не понимающим, что такое Священное Предание — «Это, — говорит, — сказания святых людей, которые мы принимаем наравне со Священным Писанием!»! А два года учился в катихизаторской школе, и хорошо учился и сдавал экзамены!

В половине проповеди пришли Reverend Waller с женой и американский методистский миссионер и сидели до конца.

После проповеди христиане окончательно утвердили заведение «кооги квай», назначили время, избрали людей и прочее, после чего я простился с ними и вернулся на ночлег в гостиницу, чтобы завтра утром отправиться в Миямаса.

12 / 24 апреля 1893. Понедельник.

Миямаса

В семь часов отправились — я, о. Федор и катихизатор Симое — в Миямаса, селение из 100 домов, в 6 ри от Нагано, в горах. Дорога почти все

время идет по ущелью, у реки, то спускаясь к ней, то поднимаясь, причем делается весьма опасно, ибо лепится по скату горы над отвесными, почти страшной высоты обрывами. Недалеко от Нагано деревня, положительно утопающая в цветах андау, плод какого дерева вывозится отсюда во множестве; дальше идут направо меловые горы, доставляющие окрестным селениям обильный промысел. Горы по обе стороны ущелья, где не только камень и скала, возделаны под пшеницу; просто непонятно, как ухитряются крестьяне сеять пшеницу почти по отвесным, в иных местах, скатам. 4 ри мы проехали в тележках, часто вылезая, особенно я, ибо мои баре — о. Мидзуно и Симое — сидели почти все время, не жалея бедных дзинрикися, из сил выбивающихся, тащить их на вземы; остальные 2 ри шли, ибо дорога по полям и межам, самая узкая; дзинрикися оставлены были в деревне дожидаться нашего возвращения; один из них нес чемоданчик с облачением и прочим. Христиан в Миямаса не более 15, в 7 домах; разбросаны эти дома по горам, так что пришлось очень измучиться, пока мы посетили их. Отсюда родом умерший катихизатор Нифонт Кубота, очень благочестивый юноша. Он и занес сюда христианство; сам он узнал христианское учение в Нагано от служившего там катихизатором Стефана Кондо, который потом приходил на некоторое время в Миямаса. В христианстве четыре родственные дома Кубота и три других. Женщин между христианами только две — мать Нифонта Кубота и еще одна старуха. Место — очень способное для проповеди, только некому проповедывать; от Нагано далеко; поместить отдельного катихизатора нет возможности по неимению. Самые усердные здесь и способные поддерживать христианство — Петр Кубота, служащий деревенским учителем, прибывший в Нагано встречать меня, и Павел Кубота, в доме которого Церковь, то есть моленная икона, церковные книги, и собираются для молитвы. Посетили родителей Нифонта Кубота, отец — восьмидесятилетний старец, совсем одряхлевший, мать еще бодрая. В заключение обхода христианских домов пришли к Павлу Кубота; приближаясь, слышали салют из двух ружейных выстрелов; пред домом зеленые ворота (таковые же устроены и пред домом родителей Нифонта); у ворот кучки земли; над домом флаги, и развешаны красные фонари; комната устлана красными одеялами. В доме — все могшие прийти христиане и немало язычников. Так как очень устали мы, то сначала выпили чаю. Потом отслужили вечерню, ибо добрались досюда уже в два часа пополудни, потом литию за упокой Нифонта. Слово было отчасти к христианам, отчасти к язычникам — убеждение скорее узнать Отца Небесного, иначе будут наказаны в загробной жизни. Слушали внимательно, только не знаю, все ли поняли, хотя старался говорить весьма просто. Народ здесь очень малоразвитый, особенно женщины; о тех о. Мидзуно из опыга говорил, что хоть ясно поймут и одобряют учение о едином Боге, но тотчас: «Компира-сама аригатай». По окончании предложил христианам завести собрания, на которых если и не говорить

кооги от себя, то читать Священную Историю, Жития Святых и прочее, приготовившись наперед к тому тщательно дома; для того — тоже, чтобы назначались двое наперед читать в следующее собрание. Очень охотно согласились на все, тотчас же назначили время — второе воскресенье месяца, вечером с восьми часов («Отчего так в поздно?» — «Ужинают здесь в семь», — говорят), двум приготовиться к собранию — Петру и Павлу Кубота и прочим. Молитвенными собраниями по субботам и воскресеньям поручено заправлять Павлу Кубота; он самый умный из христиан; и притом же молитвы будут в его доме. Когда уже кончили разговор, пришел Алексей, молодой деревенский учитель, также родом здешний, и стал проситься в катихизаторскую школу, чтобы потом служить в Миямаса доцяку — катихизатором и учителем церковного пения; я весьма рад был этому, и назначил ему явиться к первому числу девятого месяца в Оосака, где бывает первый курс.

Пока мы молились и говорили, пошел дождь и до того испортил дорогу, что только с помощью палки можно было кое-как поджиматься и спускаться по скользкой глинистой дороге; в таких случаях можно понять весь смысл страннического посоха. Около десяти часов сыскались, наконец, в Нагано, усталые, озябшие и сильно голодные, ибо в Миямаса не вздумали накормить, не по недостатку усердия, вероятно, а «как-де предложить такую простую пищу!» — как будто голод лучше простой пищи. Спасибо, в гостинице тотчас же и обогрели чаем, и напители.

13 / 25 апреля 1893. Вторник.

Нагано. Таката

В восемь часов в Нагано из гостиницы приехали в церковный дом; большая половина христиан собралась, чтобы проводить. Сильный дождь рубил; жаль было их труда, уговаривал проститься здесь — нет, все отправились до станции железной дороги, недалеко от Церкви; хорошие платья их немало пострадали, особенно у детей. Ливень не дал хорошенько и проститься, раскланялись чрез закрытые окошки вагона.

До Таката от Нагано 2 ¹/₂ часа пути по железной дороге. На границе провинции Эцинго встретил лежащий на полях и по холмам и горам снег, сначала в кучках, не успевший стаять, потом мало-помалу сплошной скатертью по всему пространству; ближе к Таката опять прогалин стало больше, чем снега. Так как все время продолжается и проливной дождь, то все это до того нахолодило воздух, что едва только не переходит границы терпения — при летнем подряснике и только шерстяной рубашке.

На станции встретил катихизатор Акила Ивата с христианами в полном сборе, ибо всего их только 7 человек здесь. Город Таката построен в три длинные улицы, идущие параллельно, из которых, впрочем, доселе

я мельком видел только одну. Особенность города та, что пред всеми домами навесы, которые, соединяясь, делают крытую дорогу для пешеходов. «Для чего так?» — Спрашиваю. «Для прохода из дома в дом и по улице зимой, ибо снега здесь наметает столько, что с одной стороны улицы не видно домов на другой стороне». Дома строятся с очень толстыми стропилами и переводами, чтобы выдержать тяжесть снега, лежащего на крыше, да и то обыкновенно снег давит так, что щитов между комнатами нельзя свободно открывать и закрывать. Когда мы въезжали в город в двенадцатом часу, дети возвращались из школ, пресмешно и вместе с тем премило высматривая из своих травяных капюшонов-полуплащей, спускающихся до пояса.

Церковный дом здесь среди города на главной улице, очень поместительный, с молитвенной комнатой внизу и комнатой для катихизатора во втором этаже; нанимается за 3 ¹/₂ ены, и здесь, говорят, дороже этой платы и нет за дома. До службы же, в краткой беседе с братьями, я узнал состояние Церкви. По метрике всего 7 крещеных — все и налицо. Домов христианских 5; ни одной женщины и ни одного ребенка еще в Церкви нет. Проповедь начата здесь только с прошлого года; стала прививаться надежно, ибо все христиане коренные здешние жители; один только из Каназава, временно живущий (у катихизатора Ивата, просящийся в Катихизаторскую школу). Есть несколько новых слушателей, в том числе женщины. Раз в месяц христиане собираются, чтобы делать кооги, которые говорят сами, говорит и катихизатор; три раза в месяц, 5, 15 и 25 числа, бывает открытая проповедь для всех, то есть открываются в церковном доме двери настежь, вешается фонарь с надписью о проповеди и говорится она для всех входящих и оставающихся, которых бывает от десяти до шестидесяти; говорит катихизатор Ивата и один христианин.

На богослужения приходят в субботу и воскресенье. Но пение здесь очень плохое, ибо Акила Ивата, вышедший из школы в Коодзимацци, не знает сам пения и научить не может.

При служении часов оказалось, что поют зря, тянут как ни попало; при всем том, было светлое настроение духа, чувствовалось, как будто веление благодати Божией — так, вероятно, начинается всякая Церковь! Все с зерна горчичного в начале! Проповедь сказана была в том же настроении.

Пообедавши принесенным из гостиницы обедом, пошли посетить христиан. Все пять домов оказались стоящими на большой улице, и все богатые купеческие дома, коренные здешние, и во всех принявшее христианство хозяева, хотя все домашние их еще язычники.

Поспешили вернуться, чтобы с половины пятого часа отслужить вечерню, ибо нарочно прибывшая для свидания со мною жена машиниста, христианина из Ноецу, должна была в половине шестого отправиться домой. После вечерни мне и поучения не удалось сказать, ибо Ирина с

маленьким Ефимом спешили на станцию, а христиане разбрелись; осталось три мальчика, готовящиеся принять крещение; Ивата предложил мне испытать их, я стал это делать, да и рассказал им сам полную Историю Ветхозаветного Иосифа, к их видимому удовольствию.— Кончивши эти, теперь вот черчу сие в ожидании, пока соберутся язычники на проповедь; в соседней комнате уже гомонит целый кагал ребятишек — верно, будут мешать проповеди.

(После). Дети не мешали и куда-то исчезли, а составила аудитория человек из 200, слушавшие, не расходясь, всю проповедь до конца — весьма чинно и внимательно. Говорил сначала катихизатор Акила Ивата, и очень умно, хоть без особенного порядка в мыслях; вероятно, оттого что не успел приготовиться.

После проповеди, когда остались мы одни, Акила рассказал, как он начал здесь дело; сначала, месяца два, очень скучал, не имея ни одного слушателя и даже ни одного знакомого в городе; потом, часто заходя в книжную лавку, познакомился, наконец, с ее молодым хозяином — это и есть Иоанн Сасаки — ныне первый из здешних слушателей и христиан; чрез него приобрел другие знакомства и так далее. Рассказал также, как он приютил у себя безродного и бездомного Иоанна Хисимото, своего нынешнего помощника, готовящегося в Катихизаторскую школу; когда я стал спрашивать о родных юноши, и оказалось, что у него нет никого, и некому дать ему на платье, или накормить его, он незаметно стряхнул горькую слезу, а он, видимо, не из таких, что плачут, и очень жаль стало бедного; даст Бог, из него выйдет хороший катихизатор. В час ночи, сотворив общую молитву, читанную Иоанном, мы легли спать под холод совсем зимний.

14 / 26 апреля 1893. Среда.

Касивазаки

В половине седьмого часа утра отправились из Таката; когда свернули с большой улицы, то оказалось, что только она очищена от снега, на параллельных же улицах и в переулках везде лежат огромные залежи снега; в иных местах залежи возвышались до высоты крыш. Уже подъезжая к Ноецу, 2 ри от Таката, мы едва освободились от вида снега по сторонам; он блестел только на горах позади нас, почти сплошь покрывая их. От Ноецу дорога идет по песчаному берегу моря, но дорога хорошая; дзинрикисы без труда бежали по 2 ри в час. Пред Касивазаки (13 ри от Таката) дорога пролегает по скатам прибрежных гор, очень легких, впрочем, для подъемов и спусков.

В Касивазаки прибыли в два часа пополудни. Остановились в гостинице, куда тотчас же собрались братья. Между ними был и Стефан Кондо, прежде служивший катихизатором, потом взявши отставку по

недостаточности катихизаторского жалованья для содержания его большого семейства (в котором 5 человек детей) и живущий ныне врачебной практикой, весьма для него выгодной (он специалист хари-ися), но по-прежнему усердный к Церкви и даже проповедующий, насколько позволяет ему время. Катихизатора здесь нет, по недостатку в катихизаторах. Когда Кондо ушел, чтобы приготовить Церковь к службе, назначенной в четыре часа, христиане стали просить сделать его опять катихизатором, отчего я отказался, да и он, верно, не согласился бы, ибо недавно отказался; «Так хоть полукатихизатором!» — «Это можно, с удовольствием сделаю, если только из двух служб — первую у него будет поставлено катихизаторство, вторую — врачебное дело; дам и пол катихизаторского жалованья; только он едва ли согласится; переговорите с ним».

Просили еще христиане позволить здешнему катихизатору надевать стихарь в случае погребения христианина здесь; «Из Токио-де, по дальности, священника при сем не дожидаться; а в простом платье хоронить не представительно в глазах язычников». На это я ответил: «Дать такое позволение не могу; катихизатор должен всякий раз, как нужно надеть стихарь, спрашивать позволение у священника или у меня; так пусть, когда случится здесь погребение, катихизатор телеграммой просит благословить его надеть стихарь, по телеграфу благословение будет дано, тогда и пусть надевает». После этого христиане стали просить: «Так уж дайте и стихарь, у нас нет». На это сказал: «Стихарь выпишите из России на свои деньги — стоит всего 14 ен». — «Бедны мы». — Солгали. — «Не к спеху, мало-помалу соберете, тогда и выпишите». — На сем пошли в Церковь, ибо было уже четыре часа. Прошедши с версту по большой улице, свернули направо, в узкий переулок — сейчас же тут и бедная наша Церковь, впрочем, хорошая уже тем, что построена самостоятельным зданием.

Отслужили вечерню, которую пели Кондо и несколько женских голосов (жена его, Варвара Озаки — девица) прейбойко и довольно правильно. После службы обычное приветственное поучение; за ним испытание детей в знании молитв, довольно удачное, и раздача крестиков; часто случается видеть, что дети, незнающие молитв, расплачутся, прежде чем их спросят, когда знающие читают молитвы, — видя, что «дело вона куда клонит! Им крестика не достанется». Так было и здесь с одной девчонкой, чтобы утешить, дал и ей крестик, который, впрочем, при таких случаях не вдруг берется. Потом по метрике исследована Церковь. Крещено здесь 41; из них ныне 15 в других местах, 2 померли, остальные 24 и 6 крещеных в Токио, всего 30 христиан здесь налицо, в семи домах. Есть у Кондо и новые слушатели — 13 человек, из которых, говорит, 7 просят крещения. На молитву собираются по субботам человек 15, по воскресеньям человек 12. Есть женское симбокквей — раз в месяц, в третью среду; собираются 9 женщин, слушают Кондо, говорят и сами.

Церковный дом построен преимущественно Петром Озаки, ныне умершим. Земля занята у язычника; в год ренты платится 5 ен; дом построен из нового леса, стоит 120 ен, да на циновки и прочее до сих пор вышло 30 ен, так что всего стоит 150 ен. Эти деньги составляли церковный долг, из которого теперь 50 ен выплатил Мацумура (бывший в Семинарии и вышедший по болезни), 70 остается на долгу, который христиане надеются без труда выплатить. В месяц христиане жертвуют на Церковь 2 ены. По окончании расспроса о Церкви, предложил братьям и сестрам завести «кооги-квай» и рассказал, как они ведутся. Согласились; завтра назначат время, выберут людей для первого собрания. Так как церковных книг здесь очень мало, и те разбросаны и полурастеряны, то обещался выслать им достаточно книг с условием, чтобы вперед берегли. Снабжение иконами Церкви здесь небогатое, самая главная икона — небольшая молельная, что с Афона. Нужно будет прислать икону больших размеров.

С семи часов вечера была назначена проповедь для язычников; начата с половины девятого; продолжалась до половины одиннадцатого; слушателей было человек сорок; слушали тихо и внимательно, к концу третьего часа разошлись. Слушателей было бы гораздо больше, да оповещения некогда было сделать.

Вечером пришли два христианина из селения за 4 ри — учителя тамошней школы, родом из Нагаока.

15 / 27 апреля 1893. Четверг.

Касивазаки. Нагаока

Утром, с семи часов, была обедница, потом лития за упокой Петра Озаки, поучение. После — совещание о церковных делах, я предложил: «Нет здесь от Церкви катихизатора и нельзя надеяться, чтобы он на Соборе был назначен сюда, ибо мало катихизаторов; но здесь живет бывший опытный катихизатор Стефан Кондо; не могу я предложить ему вновь служить катихизатором, ибо он недавно отказался, по недостаточности катихизаторского содержания для его большого семейства; не могу предложить, как вчера советовал Иоанн Минова, быть ему наполовину катихизатором наполовину врачом, ибо при двух сих службах первенство должно быть, естественно, катихизаторское, как имеющей предметом Бога, но Кондо могут во время самой проповеди потребовать к больному, и он не может идти. А предлагаю Стефану Кондо служить Церкви насколько он может при своих обязанностях врача, и буду давать ему не в плату за труд, а в возмещение расходов, которые сопряжены с приемом братьев и прочими хлопотами по Церкви в месяц 3 ен, кроме того, его дочь будет освобождена от платы 2 ен в месяц, которые она вносит ныне, обучаясь в Миссийской женской школе. Как братья

смотрит на сие? Ладно ли? Больше, по крайней мере, в настоящее время я ничего не могу сделать. Прошу и Стефана Кондо согласиться на это. Почти все христиане Церкви Касивазаки им обращенные; он не может не принимать сердечного участия в положении сей Церкви; он это и делает ныне, не имея официального положения катихизатора, но тем не менее и проповедуя, и заведую богослужebными собраниями, и оказывая все другие заботы о Церкви. Его жену я прошу помогать ему, ибо она тоже опытная и усердная христианка». — Христиане, видимо, были очень рады сему; Стефан Кондо с женой также охотно согласились. На этом было и порешено пока дело катихизаторства и заведывания Церковью, здесь Стефану Кондо я выдал по 3 ены на пятый и шестой месяцы и сказал, чтобы с пятого он не посылал взноса за свою дочь Сару. Жену его немало порадовал, сказавши, что из того прекрасного куска белой шелковой материи, который она сама соткала и прислала когда-то мне в подарок, пред Пасхой, сшиты были два архиерейских подризника, в одном из которых я и служил в Пасху; полученный ею в обмен за сей подарок от меня кусочек русской парчи служит лучшим украшением здешнего бедного молитвенного дома, ибо она сшила из него облачение на главный столик.

В десять часов отправились посетить дома христиан, всех восемь, но две семьи живут в одном доме. Георгий Мацумура, бывший семинарист, положительно, богач, один из первых в городе; его дядя — член Парламента, тоже богатый человек; но Георгий, вышедши из Семинарии по болезни, не вернулся домой, а остался в Токио под предлогом изучения законоведения, в сущности, чтобы кутить. Теперь он остепенился, чему мать рада; женился по-язычески; убеждал я его вести себя, как подобает христианину, заботиться о Церкви, жертвовать на нее, рассказывал в пример, как жертвуют русские христиане на отдаленных братьев-японцев; но что-то мало надежды, чтобы вышел из него прок. Иоанн Минова, сын которого, Григорий, был в Семинарии и вышел по головной боли, родом земледел, из деревни тут же около Касивазаки, но произошел тоже когда-то в Токио «хоорицу гаку», после чего получил право кутить, что и исполнял, несмотря на то, что отец престарелый — должен был орудовать на него сохой, мать сухорукая, а сына пора женить; в последнее время, впрочем, остепенился, отчего люди стали уважать его, и он приобрел практику адвоката — должно быть, однако, дешевого, ибо бедняком высматривает. Впрочем, о Церкви хлопочет — все просит того, то другого для своей Церкви — спасибо и за это. Вдове Петра Озаки предложил поместить ее дочь, семнадцатилетнюю Варвару, в Миссийскую женскую школу с тем, чтобы отдать ее в распоряжение Церкви; обещался выдать ее за катихизатора; если согласится, ладно будет: Варвара уже и теперь мастерица петь в Церкви, и умная девица. Впрочем, вдова Озаки совсем не такая бедная, как я подумал с самого начала — оттого, что она живет в чужом доме; у нее есть свой очень хороший дом.

Вообще, в Церкви Касивазаки все христиане до единого — местные уроженцы и домовладельцы, и бедных между ними нет; в этом отношении Церковь здесь начата весьма хорошо, надежно. Дай Бог ей идти вперед!

В половине двенадцатого часа мы кончили обход христианских домов, пообедали в гостинице и ровно в двенадцать выехали дальше, в Церковь Нагаока, 9 ри от Касивазаки. Несколько раз от христиан пред прощанием слышалось: «Снега на дороге, вероятно, нет»; я не мог понять этих слов и не обратил на них внимания. Но по мере удаления от Касивазаки и углубления внутрь страны стали чаще и чаще попадаться залежи снега по сторонам дороги, а на конце и на самой дороге, да такие, что с трудом можно было пробираться между глыбами среди отвесных стен. Местность весьма населенная; селения беспрестанно сменяются одни другими, иные длиннейшие. Пред Нагаока — огромная река, быстро катящая свои мутные от таяния снегов волны. Нагаока — положительно загроможден снегом: среди улиц лежат горы снега высотой с дома; тут же кое-где прогалины, где хозяева позаботились удалить снег, и там совсем летний вид; но таких прогалин весьма мало. Снег как будто сказал людям: «Я вас, добрые люди, полюбил и хочу полежать у вас и летом»; а люди ответили ему: «Что ж, лежи себе, милый человек, нам ничего». В иных местах нет никакой возможности пробраться на тележке — снег не пускает; можно пройти только под навесами, которые так же, как в Таката, тянутся непрерывающейся линией у домов — по всем улицам, как единственное средство сообщения между собою людей в те месяцы, когда они блокированы снегом. Самое досадное то, что города Нагаока и видеть было нельзя — кроме снега, ничего не видно; узкие линии галерей по обеим сторонам улицы не дают никакого вида и понятия о городе.

Катихизатор Моисей Мори с двумя христианами, предупрежденные телеграммой от христиан из Касивазаки, встретили за городом и проводили в гостиницу, откуда, оправившись, мы пришли в шестом часу в церковный дом. Христиане были в полном сборе: 3 мужчины, 2 женщины, 1 ребенок — вся здешняя Церковь.

Отслужили вечерню, которую, сверх чаяния, пропели очень бойко и умело все христиане хором, хотя иногда не совсем стройно. Сказано краткое поучение. Взята метрика и по ней оказалось: крещено здесь 14; из них ныне 5 в других местах, 1 развратился и перестал быть христианином — прогнал жену с детьми, а взял себе из непотребного дома женщину; 8 ныне в Церкви, но из них двое сегодня не могли прийти, потому что не могут свободно отлучаться из дома.

По субботам и воскресеньям собираются для общественной молитвы, приходят почти все. Новых слушателей есть «один-два», как выражается катихизатор Моисей Мори, но «надежны ли они к крещению — этого нельзя сказать», как он же рапортует. Из наученных им здесь есть всего один, прочие обращены прежними катихизаторами. Пятеро христиан,

с которыми я беседовал, показались мне благочестивыми и усердными, но горе то, что Моисей Мори, будучи сам по себе тоже благочестивым — катихизатор плохой: ни дара слова, ни умения обращаться с людьми, хотя ему уже за тридцать лет — значит, иным он и не может быть. Хотел он когда-то поступить в монахи, потом сватал Марию Изава (смутившую потом Павла Ниицума); ныне я вижу его в европейском платье, но все тем же малословесным и малодейственным; не знаю, будет ли из него когда прок для Церкви; здесь он положительно негоден, и его нужно будет переменить; город здесь очень большой; если держать здесь катихизатора, то нужно более деятельного, тогда и христиане здешние, наверное, явятся усердными помощниками в распространении проповеди. Христиане просят непременно дать сюда катихизатора и после Собора, не намекнув ни словом, что того же, мол, Моисея Мори. Побеседовав достаточно с ними, вернулись мы в гостиницу, едва пробравшись в сопровождении фонаря среди снегов.

В девять часов, когда мы собирались поужинать в сообществе Мори и Василия Хосино, вдруг раздаются женские и детские голоса, и к нам входят: Агафья Акасиба (жена здешнего христианина Николая) с дочкой Юлией за плечами (обеих мы видели в Церкви) и ее замужняя дочь Мария со своим сыном Гавриилом за плечами; оказывается, что Мария, чтобы повидаться со мной и получить благословение, за 5 ри прибыла из Симо-Ямада, где ее муж учителем; муж этот — Иоанн, в свою очередь за 4 ри прибыл для того же прежде в Касивазаки; там я его видел и говорил с ним; он сегодня утром, простившись со мной в Касивазаки, отправился домой и тотчас же отпустил жену с ребенком в Нагаока, она, не останавливаясь, спешила на тележке и вот только что поспела. Такое усердие истинно трогательно и утешительно; я благословил ее иконой Богоматери и дал внутренний вид Собора (внешний они уже имеют), а ребенка благословил крестиком. Она рассказала, между прочим, что мужа за веру гонят в школе; хотели отставить его, он с твердостью объявил: «Что ж, отставьте, веры я ни в каком случае не брошу»; но так как он нужен, и многие любят его, то и не отставили; они с мужем там, насколько могут, проповедуют, так что христиан в их месте прибавится; один из таких наученников был с ним в Касивазаки. Кончивши разговор о церковных делах, мать и дочь пустились играть с своими детьми, и больше полчаса наша комната оглашалась самой веселой болтовней женско-детской и смехом; нет лучше сцен, как молодая мать играет со своим ребенком, и при этом учит его хорошему, а Гавриил, только еще ползающий, на голос матери делает уже неумелый крест и кланяется.

Завтра мы положили побыть в Ниегата, чтобы взглянуть на этот главный город провинции Эцинго и вместе открытый для иностранцев порт. На Соборе непременно нужно будет решить поставить здесь катихизатора; кстати же, и теперь уже есть несколько христиан в Ниегата;

быть может, удастся отыскать их и повидаться с ними; адрес одного мы знаем.

Чтобы не опоздать завтра с шестичасовым пароходом отправиться, мы легли спать пораньше; холод — мало не зимний, нагоняемый здесь снегами, сопровождал нас под толстые ватные одеяла.

16 / 28 апреля 1893. Пятница.

Ниегата

В шесть часов утра мы были на пароходе. От Нагаока до Ниегата, по реке, 18 ри, ходу около шести часов, при многих остановках для спуска и приема пассажиров и груза. Катихизатор Моисей Мори попросился с нами, и я взял его, так как ближе его нет катихизатора к Ниегата; если найдутся там христиане, то он должен будет несколько позаботиться о них; кроме того, он может подробнее узнать о состоянии Ниегата в религиозном положении, и на Соборе засвидетельствовать о необходимости помещения катихизатора здесь.

В одиннадцать часов прибыли в Ниегата. Остановились в японской гостинице, пообедали и отправились: о. Мидзуно и Моисей Мори отыскивать христиан и знакомиться с городом, я знакомиться с городом. Прехавши по большой улице, ничем не замечательной, кроме пустынности ее, добрался до берега моря, а там взобрался на песчаный холм и на вышку, поставленную нарочно, чтобы любоваться городом, в сущности, чтобы удостовериться, что любоваться нечем. Рейд неудобный для судов, ибо во время ветра они должны скрываться за 18 миль в одну из затишных пристаней острова Садо; в устье реки могут входить только небольшие плоскодонные пароходы; самая замечательная вещь — река — широкая и величественная, только очень мутная от ила, который несут горные потоки, образовавшиеся от таяния снегов. Направо город — с крышами, наподобие хакодатских, на которых дранки придавлены камнями; поднимаются несколько храмовых крыш и несколько городских казенных зданий. С холма проехали по пристани, несколько оживленной: большие паровые заведения для обтоления риса. Отсюда доехали до замечательного по длине моста «бандайхаси», 480 кен длины, перекинутого чрез реку от Ниегата на другой берег, где также большой город, начинающийся на небольшом расстоянии от реки; я перешел через мост, чтобы полюбоваться обеими сторонами реки. Отсюда доехали до «гидзидо» и публичного сада, ныне в цветах сакура; потом мимо Кенчэ, около которого стоит протестантский конгрегационалистский храм, маленький и неремонтированный; выехали на противоположный рейду конец города и проехали мимо католической Миссии, бедно высматривающей; вывеска на одних воротах гласит: «Ниегата доотейин» — Ниегатский девичий монастырь, или лучше — приют, там же и школа, дальше

храм с деревянным большим крестом. Отсюда проехали к протестантскому конгрегационалистскому миссионеру «Ньюиру», как его называет Мори, как пишется не знаю. Дома не застал, а приняла жена, в очках, с другою дамою, которую, по неудачному лицу, сразу, не ошибаясь, можно назвать миссионеркой. М-м «Ньюир» на мои расспросы рассказала, что были здесь построены две школы — мужская и женская, на местные японские пожертвования с тем, чтобы в них преподавать (кроме общеобразовательных наук) христианское учение, как основание доброй нравственности, но с возникновением в последнее время реакции против христианства и с переменою губернатора, сочувствовавшего целям школ и бывшего в числе главных учредителей, на нынешнего, не любящего христианства, возбудилась до того сильная оппозиция преподаванию христианской нравственности в школах, что они отныне закрыты, и М-м «Ньюир», бывший преподавателем, ныне занимается исключительно миссионерским делом. Здесь две христианские протестантские секты: пресвитериане, имеющие, по словам мадам, 20 христиан, и конгрегационалисты, имеющие в Ниегата 75 и в окрестностях столько же, так что у них японская конгрегация состоит из 150 человек. В кабинете у мистера «Ньюира» очень хорошая, чисто миссионерская библиотека, состоящая из избранных богословских протестантских сочинений; среди нее немалое число Библий — все поношенные, свидетельствующие о немалом благочестии владельцев их.

Не имея ничего больше смотреть в Ниегата, в половине четвертого часа я вернулся домой. Скоро пришли и о. Мидзуно с Мори; христиан они не нашли ни одного; тот, о котором мы имели сведения, ныне не обретается в городе. Нашли только одного знакомого язычника из Нагаока, который говорит, что здесь всех из Нагаока человек 200, и между ними найдутся желающие слушать учение. Вот все надежды на приобретение связей здесь для начала проповеди, но они почти ничто.

В седьмом часу пришли два живущих здесь конгрегационных миссионера, Mr. Newell и Mr. Pedley. Из обращения их с о. Федором Мидзуно и Моисеем Мори видно, что они уважают наших служащих Церкви. Проповеди у них здесь не особенно много; во всяком случае, двум миссионерам здесь жить можно только при таком изобилии в людях, что их девать некуда. Между прочим, три раза в неделю у них бывает проповедь с открытыми дверями; спрашивал я: «Много ли выходит христиан из останавливающихся слушать на улице?» — Говорят: «Немало». У своих катихизаторов я этого не находил. Кроме этих двух миссионеров и католических, еще иностранных миссионеров в Ниегата нет. Уж это одно показывает, что дело проповеди здесь не привлекает.

Поздно вечером вернулись о. Федор с Мори и рассказали про положение миссий следующее. Католический катихизатор рассказал им, что у них здесь два патера; один ныне в отлучке на острове Садо, где у них есть христиане, другой — молодой, еще не знающий по-японски, и сестры

Милосердия; две школы мальчиков, где 60, девочек — 70, — все бедных, больше сирот и бесприютных; христиан всего 60 человек в городе, и то почти все не здешние, а пришлые, и это в двадцать лет проповеди; катихизатор говорит, что он давно бы ушел из этого места по бесплодности его, но никто больше не идет служить в Ниегата; он же здешний родом, так его и держат здесь. Долго просидевши у католического катихизатора, который рад был их посещению, они потом пошли к протестантскому, пресвитерианцу; дома его не застали, а приняла жена, которой они дали свои карточки, но она не всмотрелась, что на них значится, приняла их за единоверцев-пресвитериан и пошла откровенничать; прежде всего выругала своего мужа-катихизатора, что он стар, слаб, к катихизаторству мало пригоден, потом расписала самыми мрачными красками свою Церковь и Ниегата — одним словом, по ней — только пять человек христиан у них в Церкви, и Ниегата самое плохое место для проповеди. — Катихизатора-конгрегациала в городе нет; по словам Rev. Newell и Pedley, он ныне в отлучке, о. же Федору в городе рассказали, что он рассорился здесь с христианами и ушел отсюда.

Итак, по всем собранным сведениям, Ниегата не обещает быстрых успехов в проповеди, если поставить здесь проповедника.

17 / 29 апреля 1893. Суббота.

На пути от Ниегата в Канавава

Утром в Ниегата сели на пароходик до Наоецу; до места посадки на берегу долго брели по пескам, долго ждали на берегу, с опасностью вымочиться в морской воде (в которую я и попал на мгновение) вскарабкались на большую лодку, откуда уже с наполовину укаченными морскою болезнью многочисленными спутниками высадились на самый дрянной пароходишко, который только можно вообразить; здесь — всюду рвота, куда ни глянешь, а наверх выйдешь — негде сесть и почти негде стать. В половине шестого вечера пришли в Наоедзу, и здесь с опасностями была высадка: я чуть не сломал себе ногу, а болит она сильно и теперь (в Тояма). На берегу видели бесчисленное множество больших рыбич Саме, наловленных в Хоккайдо. Тит Масуда, служащий машинистом на железной дороге, встретил на берегу; поехали в гостиницу около станции, сходили в дом Тита и пропели Пасхальное Славенье, потом в гостинице пообедали, что сделали с немалым удовольствием, ибо доселе невольню постились. Я думал, что угощаю Тита, а оказалось, что он нас с о. Федором угошал, заранее уже расплатившись за обеды. Тут, между прочим, рассказали о Федор и Тит, как обратилась жена его ныне Ирина к христианству; она была очень враждебна к христианству, всегда уходила из дому, когда к Титу приходил катихизатор. Нифонт Симое (они жили тогда в Нагано) говорить о вере. Но видя, что муж ее с

проникновением христианством, мало-помалу переменяется в проведении к лучшему, не тратит денег на гулянки с приятелями и прочее, она стала и сама располагаться к христианству; и вот в это время, когда она однажды читала молитвенник и потом вдруг, оставив его на «кодацу», в котором были горящие угли, по какому-то делу ушла из дому, случилось знамение особенной Милости Божией к ней: вернувшись домой, она нашла сгоревшим все ватное одеяло, которым был покрыт кодацу, лежащего же на нем молитвенника огонь ни на волос не коснулся. Пораженная этим чудом, она глубоко уверовала в Христа, и ныне они с мужем — самые усердные христиане.

В девятом часу вечера мы уже были на другом пароходике, шедшем из Наоецу в Кувасе. И здесь опять долгое ожидание на берегу — и холодно же было, страсть! Щелкая зубами от холода, я развлекался смотря, как «саме» таскали с лодок на берег; каждую рыбищу тащили по песку веревкой человека два-три — так она велика, и их уже, должно, больше тысячи лежало на песке — щедрый дар моря! Наконец, на плечах громадного японца добрался по воде до «хасике», отсюда до парохода, на этот раз лучшего, чем прежний. Проспавши довольно покойно, хоть в три погибли согнувшись от недостатка места на полу каюты, мы утром в воскресенье благополучно высадились в Кувасе.

18 / 30 апреля 1893. Воскресенье.

Тояма. Такаока

От Кувасе 2 ри до Тояма. Взяли тележки и прибыли в Тояма в половине десятого часа утра. Остановились здесь для того, чтобы разведать, нужен ли здесь катихизатор после Собора. Здесь два года был катихизатор доселе и совершенно бесплодно; сначала Петр Ояма, что ныне отбывает свой срок в военной службе, потом Конон Ивасаки, сложивший здесь свою катихизаторскую голову, то есть развратившийся от нечего делать, взявший себе японку по-язычески и ушедший со службы. Между тем, Тояма — губернский город провинции Эцциу, с пятьюдесятью тысячами населения; очень нужно бы основать здесь Церковь, тем более, что уже столько хлопот и расходов употреблено на сие место. И вот теперь о. Федор пошел отыскивать одного христианина здесь, другого — отца ученика в Катихизаторской школе, чтобы привести их сюда на совет. А я черчу сие от нечего делать.

Вернулся о. Федор в одиннадцать часов и привел с собою христианина Василия Исогае, учителя математики в здешней гимназии, родом из Нагая, есть еще два христианина здесь, но один в отлучке из города, другой обещался прийти и не пришел, должно быть, из боязни, что его заподозрят в христианстве; отец же ученика в Катихизаторской школе даже и не принял о. Федора — конечно, тоже из боязни; Исогае так же

скрывает свое христианство, иначе его удалили бы из школы, говорит. Вообще, здесь буддизм так силен еще, что христианству во всем нет ходу; все должны льстить буддизму и бонзам, кто хочет пользоваться благами мира сего; газеты, например, без того не пойдут в ход, будут издаваться в убыток; губернатор (по крайней мере, прежний), приезжая на место, прежде всего надевает четки на руки и идет в кумитню молиться.

Здесь, в Тояма, живут два миссионера: из Канады — методист Rev. Elliot, из Америки — пресвитерианец Rev. Lenard. Последнего я не застал дома, первого застал и расспросил у него о положении миссионерского дела здесь. У Elliot'a, который здесь с прошлого года, нет еще ни одного христианина; есть у него воскресная школа — приходят детей 30, но почти все уличные ребяташки; есть два места проповеди в городе; в одном мало собирается слушателей, в другом бывает до сотни, но останавливающихся и слушающих с улицы. Вот все, что имеет Elliot. У пресвитериан катихизатор живет здесь десять лет, Lenard — второй год; христиан у них всего 12, и те пришлые, не коренные здешние жители. Вообще, по мнению Elliot'a, а равно Исогае, христианской проповеди еще не настало время здесь; отстал этот город и вся здешняя местность от общего прогресса Японии; не христианство в собственном смысле здесь не любят, говорит Elliot, а вообще иностранное. Итак, лучше всего пока не посылать катихизатора в Тояма — полезней будет в другом месте.

В два часа выехали из Тояма. В поле приятно поразила пахота: соха совсем как русская, и в нее впряжена лошадь; способ держать соху и управлять лошадью до того похож на русский, что так и ждешь окрика: «ближе!» или «вылезь!». Дорогой в деревнях и городах то и дело видишь огромные буддийские кумирни; множество лавок с кумирами и другими буддийскими принадлежностями, также мастерских, где производятся сии предметы.

В пять часов проезжали город Такаока, немного поменьше, чем Тояма. Здесь также жил некоторое время наш катихизатор и имел несколько слушателей; у одного из них, гостинника, мы остановились, чтобы переменить тележки, но и здесь, по его словам и по всем признакам, еще рано для проповеди; «Через два-три года настроение совсем переменится», — уверяет гостинник.

В семь часов прибыли в Исороги и остановились для ночлега.

19 апреля / 1 мая 1893. Понедельник.

Каназава

Рано утром выехавши из Исороги, в десять часов утра были в Каназава в молитвенном доме, как вчера обещали телеграммой с ночлега. Пред городом встретили катихизатор Афонасий и Акила Обата, отец катихизатора Антония Обата. В молитвенном доме, нанимаемом от Миссии,

живет семейство служащего ныне катихизатором в Токио Иоанна Акаси: отец и мать его, жена и трое детей. Отец, 70 лет, две недели тому назад поражен параличом — отнялась половина тела; горько плачет, бедный, говорит: «С такую радостью ждал вас, и вот — и встать не могу навстречу». Жаль бедного доброго старика и жаль всего бедного семейства; было когда-то богатое дворянское семейство — и вот теперь ни кола, ни двора и бедный-бедный кусок хлеба — то, что Иоанн присылает из своего катихизаторского содержания (кажется, 5 ен присылает из девяти получаемых) и что вырабатывает жена его целодневным трудом вышиванья, для которого должна целый день проводить вне дома, в вышивальном заведении (15 сен всего зарабатывает в день); со времени паралича старика она должна была отказаться и от этого скудного заработка, чтобы ухаживать за ним и за своими малыми детьми. 3 ен в месяц я обещал высылать им в помощь и за пятый и за шестой месяцы дал теперь же, кроме небольшой единовременной помощи. Неудобно очень иметь такое большое семейство в катихизаторском доме, а как и выгнать их на улицу! Катихизатор из-за этого должен нанимать себе отдельную квартиру, и в молитвенный дом приходит только когда нужно по службе. Совсем малое общество собралось для молитвы. Тем не менее отслужили мы обедницу, сказано было и поучение. Пение было из рук вон: пели катихизатор Аиба, нисколько не умеющий петь, и о. Федор, немножко более умеющий. По метрике познакомились с составом Церкви. Оказалось: крещенных всего 31; из них ныне в других местах 8, умерло 2, охладело 6, впрочем, один из охладевших, бывший семинарист Андрей Комацу, на вечерне был в Церкви и обещался отныне ходить в Церковь.

Новых слушателей ныне 4. На богослужения по субботам и воскресеньям собирались до сих пор у Афонасия Аиба, в молитвенном доме, и 5–6 человек, у Антония Обата, другого катихизатора, бывшего здесь и только что на днях отправившегося на службу в Токио, по ненадобности здесь 2–3, ибо у них почему-то молитвенные собрания производились раздельно. Всех христианских домов здесь 9, из них охладевших 3. Симбокквай и никаких других церковных учреждений нет. На Церковь не жертвуют, не заведено еще, да и некому.

Когда кончили церковные разговоры, было уже за полдень. Отправились в гостиницу, пообедали и поехали посетить христианские дома. Из них только два — собственные у христиан: у Комацу, охладевшего, и у Ендо, бывшего торговца табаком, очень зажиточного; все прочие христиане живут в нанятых, промышляют кое-чем и перебиваются кое-как — это до крайности обедневшие «сизоку».

Заехали познакомиться с знаменитым здешним филантропом Оно, призревающим нищих, больных, бесприютных детей. Дом полон этим бедным людом, которые, однако, все заняты работой — разными ремеслами; небольшие мальчишки — грязные на вид, иные в болячках — отлично расписывают фарфоровую посуду для обжигания. Тут же, на втором

этаже, среди невообразимого хлама помещается и сам Оно с женой. Постлал он для нас одеяло, пригласил сесть, — сам грязный-грязный, однако лицо очень интеллигентное и симпатичное, жена же смотрит совсем почтенной матроной. Стал я убеждать его уверовать в истинного Бога, Которому он, без сомнения, очень любезен своими делами и к Которому уже близок, также сотворить призреваемым им еще более важное, бесконечно важное благодеяние — указать им путь в Царство Божие; на все отвечает «я», «я», по здешнему обычаю — наше «да», «да», и больше ни слова нельзя было от него добиться. Дал я ему на бедных детей 10 ен, тогда он завозился у огромной корзины с фарфором; оказалось, что набрал для нас троих — меня, о. Федора и катихизатора Аиба по прибору чайных чашек и чайнику; никак не могли мы отказаться от этого подарка; тогда я еще на детей, работающих сей фарфор, дал ему 2 ены; Оно сделался еще любезней, а жена угостила чаем. Проводил Оно нас на улицу со всем штатом своей бедноты и кланялся, пока не скрылись за углом.

Кончивши обзор христианских домов, заехал к пресвитерианскому миссионеру (ицциквай — соединение всех пресвитерианских общин в одно), американцу Rev. Winn, чтобы расспросить о состоянии инославного миссионерства здесь. Winn живет здесь четырнадцать лет; с ним же работают еще три миссионера (все они женаты) и четыре миссионерки. Христиан всех у них в Каназава 200; впрочем, многие из них ныне не здесь, а в других местах, как заявил Winn. Школ у них три: для мальчиков, девочек и воскресная для детей; первые две школы построены отличными европейскими зданиями; учащихся во всех трех школах 125; ныне меньше, чем прежде, говорит Winn, очень сильно теперь несочувствие всему иностранному; «не то, чтобы христианство ненавидели и преследовали, а все иностранное не любят, в том числе и христианство». Отчасти есть и прямо религиозная ненависть у простого народа под влиянием бонз; образованный же класс только индифферентен, но не неприязнен. Вообще, дело проповеди в Каназава, как и во всем Хокурокудо, по словам Winn'a, трудно. Здесь, в Каназава, есть еще методисты с миссионером американцем и тремя миссионерками; христиан у них 30 человек; есть еще католики. Других христианских сект в Каназава нет.

С восьми часов вечера отслужили вечернюю; к Аиба и о. Федору в пении присоединились еще девятилетний сын Иоанна Акаси, Петр, и тринадцатилетняя девочка, имеющая скоро креститься — пение вышло совсем уж ни на что не похожее. Вместо поучения я объяснил молитву Господню; кроме христиан, было несколько слушающих учение и родных христиан.

Несмотря на малочисленность верующих, здесь пожелали учредить «кооги-но симбокквай», и потому я рассказал, как они ведутся; избрали людей для приготовления кооги — в мужском и женском собрании, назначили время и прочее. В двенадцать часов ночи, простившись с

христианами и Церковью, мы вернулись в гостиницу, чтобы завтра утром отправиться дальше.

20 апреля / 2 мая 1893. Вторник.

Фукуи

Отправившись утром из Каназава по направлению к Цуруга, откуда железная дорога в Токио, по дороге проезжали город Комацу, откуда родом катихизатор Василий Накораи, и где жил некоторое время наш катихизатор без всякой пользы, по трудности места для проповеди, потом много других городов и больших деревень; между прочим, город Дайсёодзи, где чернь год тому назад разрушила построенный молитвенный дом; в шестом часу вечера мы прибыли в Фукуи, сделав от Каназава 22 ри. Ри за четыре от Фукуи мы стали встречать толпы разряженного народа, шедшего с праздника; в иных местах толпы запружали дорогу до большой трудности пробраться сквозь. «Какой праздник?» — Спрашиваю. — «Ренгё-сама вернулась из Исезаки в Фукуи», — отвечают. Празднующий народ состоит большею частью из молодежи и детей; среди многих десятков, быть может, сотни тысяч не было ни единого пьяного и ни на волос никакого неприличия, никакой грубости, никакой неблаговоспитанности. Нужно сказать правду, японский народ тремя своими религиозными пестунами — буддизмом, конфуцианством и синтуизмом, и еще своим строгим правительством воспитаны для сей жизни замечательно хорошо; и это доброе воспитание вполне сохраняется еще в местностях, закрытых для иностранного влияния, как в Хокуродо, но оно значительно расстроилось там, где с охотою принимают иностранное, как в Токио, Мориока, Кагосима и прочих; каких грубостей приходится видеть и слышать! Там без сомнения в такой праздник и в таком многолюдстве, как сегодня, немало было бы сцен и видов, совсем не японских, а пришедших — откуда? С добрым, с возвышенно добрым вносится из Европы много и грязи; не Европа в том виновата, конечно, а сами японцы; какой-нибудь верхогляд, вернувшийся с американского воспитания и сделавшийся здесь педагогом в состоянии заразить грубостью и неприличиями целое поколение молодежи. И есть резон в жалобе даже той стороны японцев, что от европейских учений дети перестают уважать родителей, хотя опять здесь не европейское учение виновато, а воспринимающие их головы и характеры, обезьянничающие невпопад.

В Фукуи у нас тоже бы поставлен катихизатор и удалился, ничего не сделавши здесь. Ныне, остановившись, мы с о. Федором собрали некоторые сведения о состоянии города в проповедническом отношении, он от протестантских катихизаторов, я от пресвитерианского миссионера Rev. Fulton'a. Здесь три протестантские секты: конгрегационалисты — у них ныне здесь только японский катихизатор, миссионера нет; они

здесь десять лет проповедуют — христиан имеют 20; пресвитериане — у них миссионер — Fulton и катихизатор; здесь тоже несколько лет проповедует — христиан 15, из коих только одно семейство здешнее, прочие — пришлые, два места проповеди в городе; методисты — у них миссионер — Mac Kenzie, христиан с десятков. По словам Fulton'а, место для проповеди здесь также трудное, но по сведениям о. Федора, не настолько трудное, как в Тояма и прочих — должно быть, потому, что буддизм здесь секты Хокке, не Монто — более твердых в своей вере; говорили также ему, что здесь разврата очень много: бонзы развратничают, монахини (аме) — ведут самую распутную жизнь; в народе также много распутства. Fulton говорил, что когда проповедь производится с открытыми на улицу сёодзи, то слушателей собираются десятки, иногда сотня; некоторые, послушав стоя, входят в дом, делаются потом христианами, слушают спокойно; иногда только слышны грубости и камень летит: Mac Kenzie в прошлом году во время проповеди камнем голову ранили так, что он тут же упал. В последнее время в Фукуи три человека образовали общество, которое покушалось распространиться на все Хокуроудо под названием «Сацудзато» (бей нечестивых, то есть христиан); крайние грубости относительно христианства были подстрекательством сих людей. Во всех городах здесь проповеднику и квартиру трудно найти — никто не пускает. «Впрочем, дело христианства помаленьку идет вперед: в год 4–5 человек все же обратятся в христианство», — заключил Rev. Fulton. Я его поспешил оставить, ибо он собирался на проповедь с восьми часов.

Итак, в Хокуродо, в тех местах, где у нас начата проповедь и уже есть христиане, и после Собора поставить проповедника и с Божьей помощью продолжать дело. В новых же местах погодить открывать проповедь. И эти города: Тояма, Комацу, Фукуи, где у нас были некоторое время проповеди, года на два на три оставить так. После оппозиция христианству уляжется и откроется более широко дверь проповеди. Таков результат моих наблюдений сих мест.

21 апреля / 3 мая 1893. Среда.

Цурунга

В шесть часов утра выехали из Фукуи и, несмотря на рубивший без перерыва дождь, почти не останавливаясь, ехали, и в три часа пополудни прибыли в Цурунга; откуда в 4 часа 20 минут по железной дороге отправимся в Токио. Придется только с 10 ч. 5 м. вечера до пяти часов утра пребывать в Нагоя, ибо поезд дальше не идет в этот вечер.

Дорогой думалось мне, между прочим, следующее: в японских домах «буцудан» так хорошо устраивается, и благочестивые японцы так заботятся о содержании его в благочестивом виде: свечи там, цветы, ладан. Отчего бы не употребить нам его для поставления икон, выбросив отсюда идолы? Иконы у христиан наших так бесприютны; не знают христиане, где поставить их, где определить им место, и ставят и вешают в

разных местах, иногда совсем неприличных, подряд с разными домашними принадлежностями, или дрянными картинами. «Буцудан» же истребляется, между тем, как он, право же, не в ущерб и обиду ничему святому, мог бы служить божницей, уже готовой для изображений истинного Бога и Святых Его, только переименовать его нужно в «синдан», или другое подходящее имя. Нужно будет посоветоваться с священниками и потом во всеми на Соборе насчет употребления буцудана для икон. Может быть, они найдут какое-нибудь препятствие; я же с своей стороны по зрелом рассуждении не вижу никакого; освятится буцудан употреблением его для истинного Святого, как освящается слово «ками» употреблением его для названия истинного Бога. Конечно, буцудан нужно будет освящать пред употреблением его для поставления икон.

Итак, обзор Церквей прихода о. Федора Мидзуно кончен. О. Федор — порядочный священник, довольно заботливый и распорядительный, только грубо несколько обращается с христианами. Если он совсем бросил свою слабость выпить, то и после Собора можно оставить его заведывать теперешним его приходом, несмотря на то, что о. Павел Савабе настаивает на удалении его от приходских обязанностей; преувеличивает о. Павел; прежде сам же вывел отца Федора из катихизаторов в диаконы и потом в священники, а ныне уж очень невзлюбил его — много, вероятно, оттого, что о. Федор не перестает питать доброе благодатное чувство к Павлу Ниццума, бывшему его духовному отцу.

Бывший же о. Павел Ниццума, действительно, заслуживает благодарности и от меня, и от Церкви. С прошлой осени до сих пор я едва успел объездить Церкви, которыми он заведывал, имея под собою трех священников, — и по всем Церквам видны следы его бывшей заботливости, а многие Церкви им именно и основанные, как Церкви в Каназава, Нагаока, Таката и другие новые. Какая жалость, что он впал в искушение! Да даст Господь ему исповедание грехов и спасение!

Посещение Церквей прихода священника Бориса Ямамура

24 апреля / 6 мая 1893. Суббота

В 2 ч. 35 м. после полудня выехали из Токио, чтобы завтра утром в 5 ч. 35 мин. быть в Ициносеки, составляющим южный предел прихода отца Бориса, который, согласно известию от него, ждет меня там. Выехали во втором классе, но до того несносны были толкотня и курение

мерзейшего табаку, что не выдержал, в Уцуномия пересел в первый класс, где, кстати, свободно было, и заснул ночью; только холод мешал спать.

25 апреля / 7 мая 1893. Воскресенье.

Ициносеки. Яноме. Сакуносе

В 5 ч. 35 м. утра братья и сестры встретили на станции в Ициносеки и проводили в церковный дом, где о. Борис ждал в облачении и с великолепным крестом, недавно выписанным из России богачом Церкви Яманоме, Моисеем Ямада. Так как воскресное богослужение предполагено было у христиан в Яманоме, только рекою отделяющееся от Ициносеки, то здесь отслужили краткий молебен, который певчие, человек 8 мужчин и мальчиков пропели отлично. Приветствованы были христиане поучением, благословлены, причем многие христиане оказались старыми знакомыми, ибо я здесь уже в третий раз; христиане были здесь вместе из Ициносеки, Яманоме и отстоящего от Яманоме меньше чем на один ри селения Сакуносе, каковые три Церкви составляют почти одну и состоят ныне в заведывании катихизатора Исайи Яци. Потом исследована Церковь Ициносеки по метрике.

Крещено здесь 199. Из них ныне в других местах 47, умерло 30, охладело 15, в протестантство ушел один; 106 здесь налицо. Новый слушатель есть всего один. Христианских домов 40; из них в 16 все в доме христиане, в 24 — по одному христианину, почти везде — младшему в доме. Из 16 домов 9 достаточные, прочие бедны; из 24 домов есть богачи, но христиане там бессильны в доме. К богослужению собираются: по субботам человек 20–30, по воскресеньям человек 15. Катихизатор Яци бывает здесь на богослужении или в субботу, или в воскресенье; тогда он и читает; без него читают сами христиане, поют человек 12. После службы Яци говорит поучение; без него христиане читают Священное Писание или какую-либо духовную книгу и толкуют сами.

У христиан был здесь прежде заведен «коогиквай», но скоро прекратился; ныне, с одиннадцатого месяца прошлого года, с 6 или 7 часов вечера — иногда до полуночи «тоорон-квей»; собиралось сначала до 30 христиан, ныне приходит человек 10; бывают и язычники. Читают место из Священного Писания, или же из Православного Исповедания и объясняют, причем делаются возражения и возбуждаются споры, служащие к вящему уразумению предмета.

У христианок же производится неопустительно ежемесячно, в первое или во второе воскресенье, симбокквей с кооги. Один месяц происходит в Ициносеки, другой в Яманоме, ибо христиане обоих мест собираются вместе; производится по домам христианок. Собираются вечером

человек 10–30; кооги говорят женщин 7–8; предварительно к ним готовятся, но без назначения, кому именно готовить — говорит кто хочет. Катихизатор Яци тоже говорит кооги на них. Мужчинам дозволяется присутствовать, бывают и язычники. Заведены эти собрания года три тому назад. Говорят что-либо из Священной Истории, или Житий Святых, или свои религиозные рассуждения.

В Ициносеки есть свой церковный дом; земля под ним тоже церковная; дом двухэтажный, наверху Церковь с алтариком, внизу живет квайдомори (катихизатор Симеон Мацубара, бывший здесь прежде, по множеству детей, не мог жить здесь, дети мешают-де Церкви, нынешний катихизатор Яци живет в Яманоме). Стоит все — земля и дом — первоначально 152 ены, в нынешнем виде, с пристройкой генкан (вход), с устройством алтаря и прочего около 200 ен.

Больше сего недвижимой собственности здесь нет, а есть собранных церковных денег 34 ены. Собран этот капитал так: два года тому назад был здесь о. Павел Савабе внушать заводить церковное имущество; указал способ: в каждом доме повесить неподалеку от иконы ящик для пожертвований и после утренней или вечерней молитвы или когда заблагорассудится — опускать туда лепту; из этих лепт и составилось 34 ены, которые отданы на проценты в юбинкёку. Посещая дома христиан, я потом видел эти маленькие жестяные ящики с крестом на них.

Ежемесячно христиане жертвуют 1 ену 55 сен. Из сего 1 ена 50 сен прежде шло а содержание катихизатора Симеона Мацубара; ныне эти деньги копятя, и с седьмого месяца, когда будет назначен сюда катихизатор, опять будут даваться ему на ежемесячное содержание.

Кроме этого регулярного пожертвования бывают случайные; за служение панихиды, например, также высыпные из ящика в Церкви — это идет на текущие расходы — свечи, лампы и подобное.

Церковный дом с землей записаны на имя трех христиан для верности.

Произведено испытание детей в знании молитв; оказались хорошо знающими, особенно дети Моисея Ямада; даны крестики и сказано слово о воспитании детей для Царства Небесного, в чем Ангелы-Хранители детей помогают родителям.

Потом отправились в Яманоме, где сначала заехали в дом Моисея Ямада, чтобы оставить чемоданы, а взять в Церковь только необходимые для богослужения вещи; у Ямада же предположена и остановка нас с отцом Борисом, пока мы здесь. В десять часов были в Церкви, устроенной совершенно по-церковному с полным снабжением икон и полным же облачением усердием Моисея Ямада; из России выписаны им Священная утварь, запрестольный и напребстольный кресты, хоругви и прочее. Только хоругви стоят очень низко, по низкости потолка Церкви.

Читал Яци Часы порядочно; пели пять человек певчих обедницу очень правильно, навькло, умелыми голосами. После обедницы — поучение.

Затем отслужеа была панихида по всем умершим христианам в Ициносеки и Яманоме.

По метрике в Яманоме оказалось крещеных 186 человек, но здесь крещено много из Ициносеки, также из Сакуносе; по заведении метрик в обоих сих местах крещеные оттуда вынесены в сии метрики; после чего в Яманоме крещеных оказалось 70 человек; из них ныне в иных местах 5, умерло 9, охладело 4; но из других Церквей здесь есть 13; итого, налицо здесь ныне 65 человек. Новых слушателей ни одного нет. По субботам и воскресеньям собираются в Церковь человек 15–30. О сим-боквай см. выше, ибо совместно с Ициносеки.

Церковь здесь построена на земле Исаяи Кагета, которую он и ныне не отчуждает в пользу Церкви; христиане ищут удобной земли в другом месте, чтобы перенести Церковь. Постройка Церкви стоила всего ен 250; но в том числе и лес, пожертвованный Исаей Кагета из своего лесного участка. Церковь строили вместе христиане Яманоме и Ициносеки, ибо тогда составляли одно общество; многие жертвовали на постройку, но больше всех Моисей Ямада; он вообще издержал на Церковь ен 500 (на выписку церковных вещей из России и прочее).

Больше и в Яманоме недвижимого церковного имущества нет, а есть капиталу 30 ен, собран из пожертвований по домам, как в Ициносеки. На содержание катихизатора в месяц жертвует 1 ену 50 сен один Моисей Ямада.— На текущие церковные расходы, свечи, ладан и прочее употребляются случайные пожертвования — риндзи.

Христианских домов в Яманоме 19, из них только в 7 все христиане.

Пообедавши у Моисея Ямада, мы отправились посетить Церковь в Сакуносе, селении из 50 домов, из коих 3 христианские и в них 21 христианин. Начало здесь христианства от Захарии Сакураи, который двадцать два года тому назад жил у меня на Суругадае, в школе, там научился христианству и принял крещение. Вернувшись, он просветил своих родителей и почти всех родных, которые ныне и составляют здешнее малое христианское общество. У них есть уже церковная икона, и по праздникам они собираются для общей молитвы в доме Захарии, который и служит чтецом, петь еще не научились. Мы отслужили здесь краткий молебен; сказано поучение. Потом посоветовали после общей молитвы читать религиозные книги, которые тут же обещано высылать из Миссии; Захария должен наперед приготовить что читать, обдумать и предложить обществу — чтение с посильным объяснением. На месячные же «кооги-квай» советовано и мужчинам, и женщинам ходить в Ициносеки и Яманоме, самим также готовить кооги для сказывания там; они согласились.

Вернувшись из Сакуносе, посетили старшин (гиюу) Церкви Яманоме и Ициносеки, всего домов 12. Посетили и дом о. Иова Мидзуяма, где

застали его мать; были там во втором этаже отлично отстроенного нового дома.

Вечером с семи часов предположено было начать вечерню; едва начали в девять, и то лишь с некоторыми христианами Яманоме, из Ициносеки никого еще не было. Так-то мгновенно усердие христиан! Кратковременной пороховой вспышки! После вечерни было женское «коогиквай»; говорили две — одна о вере, очень хорошо, другая совсем плохо — тихо и вяло. — Потом, по моему внушению, христиане учредили «коогиквай», назначили время и выбрали людей; христианки тоже, но так вяло все это делали, что мало надежды на будущее. К тому же и катихизатор здесь, Илья Яци, плохой — вялый и нерадивый. Тут же на собрании я выбрал его за крайнее небрежение церковными делами по поводу расстройства здесь церковной библиотеки; книги растеряны, но какие книги имеются, что потеряно, что вновь нужно выслать сюда — никак нельзя было добиться от него. Строго сказано христианам, чтобы избрали аккуратного человека хранить церковные книги и выдавать их для чтения; катихизатор должен наблюдать, чтобы библиотекарь исполнял возложенную на него обязанность, такую важную для Церкви и вместе такую нетрудную.

В двенадцатом часу ночи вернулись в дом Моисея Ямада на ночлег, где для меня приготовлено было ложе на кровати, на которой по неудобству ее уже мучился я три года тому назад.

26 апреля / 8 мая 1893. Понедельник.

Хиката. Маезава

Утром братья и сестры усердно проводили на станцию, причем Моисей Ямада до конца, не переставая был положительно не похожим на японца в денежном отношении; не только доставил нам с о. Борисом на день отличный приют с превосходным столом, как гостям, но за три дзинрикия, что мы вчера с о. Борисом и Яци разъезжали по приходу, уплатил сам, никак не согласившись на убеждения мои дать мне заплатить, ибо это расход совсем к нему не относится, — и все это так просто, непоказно, скромно.

В девятом часу утра сели в вагон и отправились назад по направлению к Токио — до первой от Ициносеки станции Ханаидзуми, 8 ри, где вышли, чтобы сесть на приготовленных лошадей и ехать за две мили отсюда в Церковь Хиката. В $1\frac{1}{2}$ ри от Ханаидзуми есть селение Вакуцу (120 домов); здесь дом Луки Сато, женатого на сестре о. Романа Циба; Сато проезжал встретить меня в Ициносеки и проводил до Ханаидзуми, а сюда вышла жена его с двумя детьми; еще служит в Вакуцу Тит Конги, младший брат бывшего катихизатора Конги; таким образом, и здесь два

христианских дома, и в них 5 христиан. Еще от Ханаидзуми в $1/2$ ри Казава (125 домов); здесь тоже два христианских дома; в одном 4 христианина, в другом — 1.

Лука Сато очень просит катихизатора в Вакуцу, обещает давать ему пищу; в Хиката тоже обещают катихизатору пищу, если он будет там. Но и при всем том, едва ли можно будет отделить одного катихизатора для Хиката, Вакуцу и Казава; хорошо бы поставить опыт по катихизатору в Ициносеки и Яманоме, тогда последний бы заведывал и Сакуносе, а первый — Хиката, Вакуцу и Казава.

Приехали в Хиката в двенадцатом часу, и в доме покойника Павла Касаи отслужили обедницу, потом литию за упокой Павла и его отца Давида. Читает один христианин отлично, поют поряодно и многие. После службы взяли метрику, по коей оказалось крещеных здесь 46, из коих 2 умерли, 1 переселился в другое место, прочие все 43 — налицо; охладевших ни одного; живут христиане в 11 домах, из коих в 5 все христиане; мы были по пути в двух из таких домов; в первом из них 10 человек христиан: мой проводник, четырнадцатилетний Илья, один из них.

Христиане и без катихизатора здесь неопустительно отправляют богослужение по субботам и воскресеньям. Собираются в субботу 20–30, в воскресенье 10–20. После службы в субботу бывает «ринкоо»; двое к нему обязательно готовятся; женщинам дозволяется присутствовать.

Церковного капитала имеется больше 50 ен; образовался он следующим образом: христиане не обязали себя здесь жертвовать ежемесячно, или даже ежедневно, как удобно делать в городах, а положили жертвовать два раза в год: в шестой месяц и двенадцатый и не меньше 60 сен за раз, ибо здесь все земледельцы — удобно им давать тогда, когда продают плоды своих трудов, — так и накопилось больше 50 ен. «Что думаете сделать с собираемыми деньгами? Землю купить для Церкви?» — «Земли здесь очень дороги, — говорят, — ибо мало обрабатываемой земли: все холмы, неудобные для земледелия; оттого рису здесь производится столько, что хватает только на местное производство; в продажу мало идет, только шелк (ёосан) дает чистый барыш для продажи. Но, конечно, мало-помалу церковных денег будет накоплено достаточно для приобретения несколько значительного участка для Церкви». — В Синано или где южнее такие холмы, как здесь, все были бы обработаны; здесь пустуют, и населения меньше; видно, что север Ниппона сравнительно недавно заселен.

Церковь в Хиката основана благодаря усердию местного земледельца Павла Касаи, который имел здесь дом и землю, был уважаем, служил по земству. Он и сам проповедывал, так что есть крещеные прямо с его научения, и призывал проповедника из Ициносеки и помогал ему; убеждал других слушать его. Так образовалась здешняя Церковь. Когда Павел Касаи помер в прошлом году, похороны были очень торжественные,

по-христиански, но с участием местных учащихся и учащихся, ибо он служил чем-то по школам, и большинства населения. Старшему сыну Моисею завещал он служить Церкви; к сожалению, сей сын не способен на то; был в Семинарии — болен; был в Катихизаторской школе — болен; теперь что делает не знаю; дома его нет.— Желавшие слушать учение в Хиката и теперь есть; ненавидящих же христианство или мешающих ему совсем нет. Пребывание проповедника здесь было бы очень плодотворно, и нужно, чтобы он был здесь; проповеднику Ициносеки всего приличнее большую часть своего времени жить в Хиката, ибо в Ициносеки, напротив, слушателей нет.

Христиане Хиката угостили отличным обедом из риса, свежей рыбы и яичницы. Но напрасно о. Борис не отказался от саке во время обеда; вероятно, из-за мысли, что «симпу, мол, благословляет», почти у всех христиан лица после обеда оказались раскрасневшимися. Слабость выпить, кажется, существует здесь, к чему способствует и то, что христиане здесь люди зажиточные.

Дали наставление христианам на молитвенных собраниях после богослужения читать духовные книги, для чего имеющему читать готовиться дома, чтобы быть в состоянии, по возможности, объяснить; книг из Миссии у них много, и хранятся все в целости; ныне прибавлено и еще. Больше нечего было учредить здесь, пусть бы вели свою Церковь, как доселе, под непосредственным хранением Благодати Божией, и то хорошо.

Простившись с христианами, провожавшими до вершины горы, лежащей на пути к Ханаидзуми, мы опять верхом на необыкновенно трясущих конях и неудобных седлах отправились на станцию железной дороги и оттуда в следующую по пути Церковь.

Маезава (всего в Маезава 826 домов).

Прибыли в Маезава в сумерки; братья встретили и проводили в дом Иоанна Эндо, где устроена молитвенная комната. Пока собрались другие к вечерне, мы имели время рассмотреть метрику. Крещеных здесь 35; из них умерло 6, в других местах 6, налицо 23, в 12 домах, из которых в четырех все христиане; охладевших нет. К богослужению по субботам и воскресеньям собираются 15–16, вообще усердно собираются; читают молитвы Адриан Сугимото или Василий Эндо, поют почти все.

В прошлом году были собрания для взаимного назидания — ренкоо; скоро прекратились; ныне нет никаких собраний.

Церковного капитала: 17 ен. Составилась эта сумма из остатков от того, что жертвуется ежемесячно христианами на текущие церковные расходы или случайно жертвуется, например, по поводу похорон.

Так как из 23 здешних христиан 8 взрослых мужчин и 10 взрослых женщин, то возможно учредить «коогиквай» — мужские и женские, что и внушено было христианам, с объяснением, как коогиквай ведутся. Они обещались лучше об этом посоветоваться между собой.

Когда собрались человек 15, начата была вечерня; читал Адриан Сугимото,— хорошо, но голос неприятный для слуха и какой-то напряженный; пели очень хорошо, большею частью совсем правильно по нотам и умело. Было и поучение.

Когда кончен был разговор с христианами, повели ночевать в дом Иоанна Эндо — за городом, чё на 4 от городского. Эндо оказывается одиноким из заметных местных богачей; около города у него много земли, дом, другой дом тут же, для гостей, еще дом в городе, где собираются молиться, Но сам-то Иоанн Эндо еще под властью отца язычника; этот Эндо учился когда-то в Катихизаторской школе; ныне его дочь учится в Миссийской женской школе,— и увы! При всем богатстве «не может вносить полной платы, 4 ены, а будет вносить 2 ¹/₂ ены, прочее же, по бедности, пусть будет на счет Миссии», так просил за нее о. Борис, и так-то обманывают бедную Миссию! Да этот богач Эндо может не только свою дочь, а всю школу содержать, и не совестится тащить с Миссии последнюю рубашку (ибо Миссия всегда в долгу)! «Отчего это?» — Спрашиваю о. Бориса.— «Да дядя — язычник»,— отвечает; резон обирать Миссию!

Поэтому, должно быть, усердно и радушно здесь принимают: отличная комната, роскошный ужин (хотя я едва коснулся его, из-за того только, что «нарочно-де готовили»). Прочитавши вечерние молитвы со всеми бывшими здесь христианами и со стариком-язычником Эндо тут же, легли спать за полночь.

27 апреля / 9 мая 1893. Вторник.

Маезава. Мидзусава

Утром, в восемь часов, в Маезава отслужили обедницу и панихиду; поучение было на слова: весь живот наш Христу Богу предадим. Потом отправились посетить дома христиан. Из двенадцати домов только один бедный,— христианин не имеет своего дома; все прочие — домовладельцы, здешние коренные жители и зажиточные; Эндо же один из первых богачей местности. Думают христиане купить место для Церкви, и недавно нашли было одно — среди города, очень бы хорошее, да кто-то успел купить прежде, чем они надумались.

Старик (71 года) Эндо, отец Иоанна,— добрейший души человек, безукоризненного поведения, знает и христианство, а не крестится,— отчего? О. Борис, между прочим, говорил следующую причину: «Стыдится раздеться голым, чтобы войти в купель».— И вот какие причины могут быть! «Так отчего же он не войдет в рубашке?» — «А разве можно?» — Спрашивает о. Борис. «Отчего же нельзя?» — «Если можно, то хорошо; многие женщины представляют также это неудобство». Подарил старику

Ендо, в благодарность за гостеприимство, беседы Златоуста и советовал читать в минуты душевного покоя, — не проникает ли в сердце помазанное слово?

В три часа пополудни отправились из Маебаси на тележках, ибо всего $2\frac{1}{2}$ ри, и в пять были в Мидзусава, встреченные по дороге группами братии и сестер; первым встретил Симеон Томизава, седой отец катихизатора Якова; потом группа детей и женщин и так далее. По прибытии в церковный дом, пока братия собиралась к богослужению, мы занялись рассмотрением метрики. Крещенных здесь 66; из них умерли 12, в других местах 18, охладело 6, в протестантство ушел 1, но крещенных в другим местах есть 4; всего налицо 33, в 13 домах.

В субботу и воскресенье собираются на богослужение человек 10 и больше; в воскресенье — меньше, чем в субботу. Женщины при катихизаторе Макарии Наказава имели здесь симбокквай, на котором говорил катихизатор, говорили и они; теперь никаких собраний здесь нет, а могли быть «коогиквай», ибо здесь взрослых мужчин 11, женщин 10.

Земля под Церковью здесь церковная; больше недвижимого имущества никакого нет; капитала тоже нет, определенных взносов никаких нет; на церковные расходы служит только — «риндзи» — случайные пожертвования; последние, впрочем, доходят иногда до значительных размеров; так, в последние два года на ремонт церковного здания снаружи пошло больше 40 ен. Ныне остается ремонтировать внутренность Церкви; на это нужно 20 ен; я обещал дать 12, если братия соберут между собой 8.

Всех домов в Мидзусава больше 1300. У протестантов здесь 3 дома, у католиков 2.

Лучшею нашею христианкою здесь была Елена Русу, жена владельца всего города Мидзусава, получавшего 2 ман коку, самого главного коро сендайского князя; года четыре тому назад она померла, ныне христианки ее дочь и внучка, но боятся они своих кераев, которые ненавидят христианство; внучка, при всем том, довольно усердная христианка.

Из Мидзусава у нас четыре катихизатора: Николай Явата, Яков Томизава, Петр Такахаси и Иоанн Ито; отсюда в женской школе две ученицы.

Но запущена и расстроена эта Церковь. Причина та, что в последнее время были здесь плохие катихизаторы, особенно плох нынешний — Корнилий Хоси, бывший Морита; будучи родом из Кесеннума, он прият в дом Хоси здесь, в Мидзусава; женился, почему перепрочился у о. Бориса на службу сюда, — и ровно ничего здесь не делал; ухаживал все время за большой своей женой, а теперь, когда она померла, и совсем ушел отсюда в Кесеннума, мол, и болен я, и семейные дела требуют на родину; о. Борис, очевидно, по слабости, мирволит — отпустил, а Церковь здесь без всякого надзора совсем опустилась. Когда начали служить вечерню, я в ужас пришел, — так заголосили на разные тоны, дети же в это время шумят, бабы громко смеются; между тем из певших двое или трое довольно правильно пели, — женские голоса, видно, что был здесь когда-то

большой порядок, большее научение. После вечерни отслужили панихиду; дилетанты к этому времени успели утомиться и отстать, пение сделалось довольно сносным с помощью приехавшего с нами катихизатора Ильи Яци. После службы сказано поучение, направленное преимущественно к убеждению продолжать изучение христианского учения, а также соблюдать праздники, ибо о. Борис жаловался, что христиане здесь совсем не соблюдают воскресенья.— После, внизу, в катихизаторском помещении я убеждал братьев и сестер учредить «коогиквай» и рассказал, как они ведутся. Обещались завести. Ночевать привели в дом катихизатора Корнилия Хоси, ныне отсутствующего; умершая жена его — родная сестра Ирины — жены Иоанна Эндо из Маезава, поэтому и здесь хозяином оказался Эндо, нарочно для того прибывший из Мидзусава. Братия угостили отличным ужином. После приходила принять благословение Анна Русу, внучка покойной Елены. В двенадцать часов ночи кончены были все церковные дела, и легли спать.

*28 апреля / 10 мая 1893. Среда.
Мидзусава. Ханамати*

В шесть часов утра отслужили обедницу; немного было в Церкви. Отправились посетить дома христиан. Оказалось, что и христианство вошло хорошо: все христиане коренные местные жители, и все, за исключением одного бедного кузнеца, имеют свои дома и усадьбы; хотя богатых между ними нет, за исключением дома Русу (Петр Русу, двадцати трех лет, мать его Нина, сестра Анна), но и особенно бедных тоже нет. Самым бедным мне показался дом катихизатора Петра Такахаси; в доме, где он приемыш и хозяин, намек его приемного отца Иосифа, 61 год, жену Петра Пелагею и трое детей: Надежду, одиннадцати лет, Климента, девяти, Лию, четырех,— и все одеты так бедно (дал им на платье 5 ен); четвертая дочь Вера, четырнадцати лет,— в Хитокабе, отдана христианину в услужение; обещал я принять одну, или даже и обеих дочерей в Миссийскую школу; только нужно будет в Хитокабе посмотреть Веру — годится ли; питаются производством зори, да верно муж присылает из своего жалованья; по роду — сизоку; дом свой. Дом другого катихизатора отсюда — Якова Томизава — очень приличный и являющий довольство; в доме — отец Якова Симеон, лет около семидесяти,— седой, но живой старик; старший сын служит в Кесеннума; его жена живет здесь со стариком; у нее небольшой сын от первого мужа; а две дочери сына Симеонова от первой жены помещены — одна в Протестантскую школу на Цукидзи, другая у нас в Миссионерской школе. Симеон — дворянин, занимается ныне оклейным ремеслом. Отец третьего катихизатора отсюда Иоанна Ито, глухой старик Сергей, шестидесяти семи лет, жена его, мать Иоанна, еще не крещена; живут старики вдвоем в своем

доме, больше никого нет. Сергей занимается лакировным ремеслом. У четвертого катихизатора отсюда Николая Явата родных здесь не осталось; есть у него младший брат, с ним живет. Забыл прибавить, что у Петра Такахаси жив и родной отец Симеон Ирокава, шестидесяти трех лет; с ним в доме старший сын с семьей, всего шесть человек; кроме Симеона, все в доме язычники; делают зори.

К десяти часам утра мы успели посетить все дома. Вернувшись в церковный дом, советовались с братьями о церковных делах: желают сюда катихизатора Иоанна Ито; я с первого же слова согласился; лучшего выбора не могли сделать; Иоанн Ито со своею горячностью, даст Бог, поднимет эту Церковь и распространит; кстати же, утешит своих одиноких родителей и обратит ко Христу мать. Сказал, чтобы они написали прошение к Собору об Ито; только, конечно, ему будет поручена еще Церковь Маезава.— Но увидел сегодня, что на учреждение «коогиквай» у братии здесь нельзя надеяться; даже не поняли вчера, о чем я им толковал, и это не потому, что моя речь была невразумительна, ибо христианки отлично поняли и учреждают для себя «коогиквай»,— а по старости или глупости.

В одиннадцать часов, распроставшись с братьями и сестрами на станции железной дороги, мы отправились дальше, в Ханамаки, и в двенадцать часов были там. Павел Нагано, катихизатор, заведующий из Мориока и сим местом, встретил на станции и проводил в катихизаторскую квартиру,— но, увы, не встретили здесь толпой братья — нет еще их! Взяли мы в руки здешнюю метрику и по ней нашли крещенных здесь всего 8, но и из тех 5 — в других местах ныне, и только трое здесь: молодой человек и двое детей. Есть еще в окрестных двух деревнях христиане, именно: 1) в Язава [?], 1 ¹/₂ ри от Ханамаки, живет Илья Такахаси, отец Николая, воспитанника моего в Токио, что просится в Семинарию; с Ильей и Николаем я познакомился в запрошлом году в Супу; Илья — земледел из Язава, но пятнадцать лет тому назад отправился торговать на остров Эзо, проторговался, так что в Супу я его нашел живущим по бедности в церковном доме; ныне вернулся домой, чтобы продолжать родное занятие; у него отец и мать язычники, жена — христианка, дочь Ольга, двадцати лет, племянник Павел, лет десяти; в Язава у него дом и земля, но не из богатых он; сына своего Николая вполне отдает на служение Церкви, так что к дочери возьмет приемыша и ему передаст дом и хозяйство; 2) Яехата — селение, где крещена девушка Марина, шестнадцати лет, просившаяся было в Миссийскую школу, но ныне больна чахоткой; в селении Оямада, 3 ри от Ханамаки, 1 ри от Яехата, есть богатый крестьянский дом Такахаси, из которого крещен Стефан Такахаси, наученный христианству Алексеем Имамура когда учился здесь, ныне обучавшийся в Токио, очень благочестивый юноша, недавно выписавший из России золотой медальон с иконками Божией Матери и Ангела-Хранителя. В Ханамаки есть новые слушатели — 6; между

ними — Сато, хозяин дома, где катихизаторская квартира и молитвенная икона, назначающий одного из своих сыновей — двенадцатилетнего мальчика — для духовного образования, намерен вести его до Духовной Академии в России на свой счет, ибо человек достаточный, один из его сыновей — военный, другой учится законоведению, третьего — малого — еще для какой-то специальности назначает, и вот — одного в духовные, не будучи сам еще и христианином; мальчик показался мне кротким и способным, только недостаток косоглазия есть.

Отслужили мы в Ханاماки краткое молебствие; сказано было поучение к христианам и собравшимся немногим слушателям. Посетили потом 3 имеющиеся здесь христианские дома, в двух из которых — христиане из других мест. С поездом в восемь с половиною часов вечера выедем в Коорияма, ибо в Ханاماки больше делать нечего. Но здесь непременно нужно будет поместит катихизатора, быть может соединив Ханاماки с Коорияма, ибо давно уже мы пытаемся основать здесь Церковь, и до сих пор все безуспешно, хотя отсюда есть уже у нас на службе священник о. Петр Ямагака. На этот раз, с помощью Божией, постараемся твердо стать здесь.

В десятом часу вечера прибыли в Коорияма. Пока доехали на тележках до города, отстоящего ри на полторы от станции, по грязной, дождем испорченной дороге было совсем десять, и мы проехали на постой для ночлега, но братья узнали все-таки о приезде и пришли приветствовать; поговоривши с ними о церковных делах, мы успокоились в двенадцатом часу; холод здесь еще такой, что вечером едва можно терпеть, несмотря на шерстяную рубашку и чулки.

*29 апреля / 11 мая 1893. Четверг.
Коорияма. Мориока*

В седьмом часу утра в Коорияма мы с о. Борисом пришли в церковный дом и отслужили обедницу и литию по здешним умершим. Поют очень хорошо, ибо Церковь уже старая, и есть здесь из Певческой школы Моисей Куриякава, а ныне здесь еще Вера Сукава, воспитывавшаяся в Женской школе; «Христос воскрес» — значительно переиначено в наневе, и очень мне понравилось, — и этой песне придан какой-то минорный, печальный тон, свойственный японскому пению. Было поучение. По метрике здесь 85 крещеных; из них ныне в других местах 33, умерли 11, в католичество ушли 10, охладели 3; налицо всего 28.

На богослужение собираются по субботам человек 15–20, по воскресеньям человек 4–5. Новых слушателей ныне 3.

У женщин есть собрание в первое и третье воскресенье вечером в каждом месяце; приходят женщин 6–7; говорят сами приготовленное заранее; говорит и катихизатор Илья Накахара. У мужчин нет никаких

собраний. Я убеждал и их завести «коогиквай», а христианкам советовал самим только говорить на собраниях, катихизатор пусть только помогает им хорошенько подготовиться.

Жертвуют на Церковь ежемесячно сен 90; бывают и экстренные пожертвования, всего в год обыкновенно собирается и расходуетя ен 20. Расходуетя на свечи, ладан, на праздники, по случаю приезда священника, на помощь бедным.

Молитвенная комната и квартира катихизатора помещаются здесь в доме кузнеца Гавриила Райкубо (жена Ирина, сын Марк, в Певческой школе). В прежние годы для сего сделана пристройка к дому, где ныне молитвенная комната; издержано тогда на это 60 ен. Ныне христиане вновь предпринимает построчное дело: хотят сделать отдельный вход в молитвенное место и к катихизатору, ибо ныне вход чрез кузницу и кухню. Собрали братья для сего с себя 29 ен, да остаточных от обычных приходо-расходов накопилось 7 ен — итого 36 ен; нужно же на переделки до 40 ен; я прибавил от себя 5 ен, от имени о. Бориса 2, да за роскошный обед, которым угостили братья потом, 3 ен; значит, молитвенное место примет у них более приличный вид и снаружи; внутри же оно и ныне хорошо — содержится чисто.

От Коорияма в двух ри, в селении Симомацумото есть христианский дом Даниила Сукава, бывшего коллектора растений у нашего ботаника Максимовича (Чоноске); отсюда же родом мой слуга и вместе звонарь при Соборе Андрей Сукава, семья которого, впрочем, еще в язычестве.

После богослужения и чая пошли посетить дома христиан. Отсюда родом, между прочим, катихизатор Тимон Хисикава. У него в доме отец, шестидесяти семи лет, старший брат с женой и тремя детьми; старший брат служит в полицейском ведомстве в Мориока и тем помогает семье содержаться; все христиане в доме, кроме отца; этот на мой вопрос прямо заявил, что «христианского учения не знает», а затем сколько я ни толковал с ним, на все отвечает «ха!» и улыбается самую простодушною улыбкою, — больше ничего не мог добиться. — В другом доме пришлось познакомиться с еще более странным существом, — навстречу поднимает христианка слепца — старца лет за шестьдесят, кланяется он, ласково приветствует, я сажусь около него и также ласково советую поскорее узнать истинного Бога и вступить на путь спасения; «Я не хочу слушать христианское учение», — мягко, но твердо отрезал он. — «Отчего же!» — «Я монто», — говорит. — «Но кому же вы молитесь в Монто? Сами не знаете, ведь там нет никакого живого существа, которое бы слышало вас». — «Я конфуцианец», — перепрыгнул он. — «Но чем же это помешает вам слушать и принять христианское учение; уважайте себе Конфуция, а молитесь истинному Богу». — «Не хочу и не буду!» — «Но вы позволили вашим детям принять христианство, стало быть находите его достойным принятия, отчего же сами не принимаете?» — «Вера — дело свободы, пусть они принимают, если хотят, я не хочу». — «Это очень

опасно для вас, — вы душу свою погубите». — «Пусть так; все же христианского учения слушать не буду». — И вот — таковы все конфуцианисты, — эти горячие книжники с закаменевшими сердцами! — И третий старик — еще в одном доме — тоже утомил, — это отец Моисея Куриякава, мать его христианка, хотя плохая; отец язычник. Говорю: «Узнайте христианство». — «Не буду», — отвечает. — «Погибнете», — говорю. — «Ладно, пусть погибну», — отвечает. — «В ад-то разве хотите?» — Спрашиваю. — «Хочу в ад», — отрезал. Что будешь с такими делать. Старался он потом смягчить свои ответы: «Некогда-де, на семью работаю, семья большая» — но тут-то бы именно и было ему утешением Христово учение... Трех стариков в трех христианских домах пришлось сегодня встретить — столь близких к Христу и вместе столь отдаленных от Него.

Отсюда же родом кончающий ныне курс в Причетнической школе Павел Оонума; но родных его нет никого здесь, у него живы отец и мать; только отец ныне в разводе с женой, матерью Павла; да и была эта жена не законная, а наложница; ныне отец Павла прогнал сию наложницу и взял обратно к себе свою законную жену; и прогнал, говорят, потому, что мать Павла дурно ведет себя; все это делает сына до того несчастным, что, говорят, он без слез и содрогания не может слышать и говорить о родителях; отец и мать еще язычники.

10 человек здесь ушло в католичество; катихизатор Илья Накахора говорит, что это все люди дурного поведения и бедные; например, один был каторжник, по принятии православия исправился, потом опять пустился играть, проигрался до последней крайности, к христианам совестно было явиться на глаза, он и отправился к католикам, — от них, кстати, на бедность и помощь получил; семейство свое тоже перетащил туда, а семейство-де тоже все каторжное. Не верится наполовину всему этому. Просто Илья — слаб и не старателен, как катихизатор; католики же жадны и хищны, как волки, а ренегат, кстати, не знал хорошенько православного учения и не мог отразить нападений, да, верно, было нечто и из того, что говорит Накахора.

Еще: утопилась эта женщина от бедности и вместе от дурного поведения мужа; катихизатор же на нее, бедную, сваливает вину — сама-де дурна была, а не нашелся утешить христианским учением бедную страдальицу и позаботиться о материальной помощи ей. От утопленницы осталось две дочери, старшую уже чернят — зазорного поведения, а не постараются пристроить ее. Обо всем этом я говорил наедине Илье Накахора и о. Борису, — не знаю, послужит ли это к устранению таких прискорбных фактов.

Вернувшись после посещения 7 домов, из которых в одном — полушалаше, нашли едва двигающих ноги одиноких старика и старуху, находящихся в опасности всякий день умереть от голоду, с глубокою скорбью в душе мы нашли тем не менее прероскошный обед на столе, приготовленный

на провизию, доставленную всеми братьями, Ириною Райкубо так искусно, как хоть бы и любому повару; совестно и тяжело было сесть за эту трапезу после виденной бедности. Впрочем, собственно бедны только те старики, да дочери утопленницы (о которых не имеется и кому позаботиться, кроме катихизатора, они родные дому Хисикава) — все другие братья живут не богато, но и не бедно; Никанор же Тода и довольно богат; таков еще начальник полиции здесь, наш христианин.

Кончивши обед и простившись с братьями, мы поспешили на станцию железной дороги, чтобы в первом часу отправиться дальше, в Мориока, куда чрез полчаса и прибыли. Слышали еще в Коорияма, что старик дьякон Иоанн Сайкайси захворал, лежит, но тут, при входе в церковный дом, вдруг и показывается он в толпе христиан и христианок в своем новом стихаре с орарем, худой и бледный, как смерть, — не выдержал, чтобы не исполнить свой долг, перемогая, встал с одра, который чуть ли не будет для него смертным, — жаль очень стало бедного старика, и я его отослал поскорее в постель. С наполнившею Церковь братиею отслужили часы, причем большой хор певчих пел довольно исправно. После поучения и благословения всех, отправились в комнату, чтобы там рассмотреть метрику; здесь опять появился Сайкайси и вместе с метрикой подал лист, на котором в коротком извлечении были все нужные мне сведения.

По метрике крещеных здесь: 412. Из них: 63 умерло, 71 охладело или совсем ушло из Церкви, — один, например, сделался даже бонзой. Осталось 275, да из других Церквей здесь есть 43 (мужчин 23, женщин 20), итого: 318, но из сего числа 97 ныне находятся в других местах; 221 (мужчин 110, женщин 111) составляют настоящую Церковь Мориока, находясь все лично здесь.

К богослужению однако собираются мало: в субботу человек 25, в воскресенье человек 35; женщин всегда в Церкви больше, чем мужчин. Новых слушателей ныне 5.

У женщин есть фудзинквай: собираются человек 15 в первое и третье воскресенье месяца; две, обыкновенно, говорят приготовленное дома — из Священного Писания, Житий Святых иди еще что духовное; говорит потом и катихизатор Павел Нагано. Собрания бывают в церковном доме; по 1 сен вносят пожертвований при сем; так накопилось ныне 5 ен; во время собраний пьют чай общий, который покупается на церковный счет и держится в церковном доме.

У мужчин нет никаких урочных собраний, а существует общество «кёоюквай» (дружеское общество), в котором участвуют 20 человек; они выписывают складчиной по два экземпляра миссийских изданий «Сейкёо-Симпо» и «Уранисики», сами читают и другим дают. Бывают еще у братии раза четыре в год «риндзи симбокквай» на котором говорят и «энзецу».

Здесь — церковный дом на церковной земле, с небольшим огородом, дающим немного дохода для Церкви. Больше никакого недвижимого имущества нет. Церковного же капитала накопилось 13 ен, остаточных от годовых расходов. Жертвуют христиане в месяц ены полторы.

В Церкви во время богослужения о. Борис шепнул мне направить поучение против немиролюбия, ибо есть заводящие вражду, хотящие, например, выжить старика Сайкайси из церковного дома. Я так и сделал. Во время поучения иные улыбались, один же «гиюу» — Моисей Хасегава ушел из Церкви. — Когда кончено было с метрикой, в комнату вошли четыре «гиюу» с прошением в руках. — Я выслушал. Сущность: «Мориока — очень важное место; инославие напрягает здесь все силы, мы мало действуем; Сайкайси по старости и слабости проповедывать не может; был здесь один катихизатор Павел Нагано, и тому дали еще Ханاماки, так что он в Мориока почти не живет». — «Так ведь в Мориока нет слушателей?» — «Напротив, слушателей можно найти очень много». — Это было для меня неожиданностью; отец Борис, прося моего разрешения поручить Павлу Нагано Ханاماки, именно представлял мне, что у Нагано в Мориока много свободного времени. Я обратился к сидевшему тут же о. Борису с некоторым укором и уверил гиюу, что если слушатели есть в Мориока, то, конечно, Нагано не должен никуда отлучаться, ибо Мориока, действительно, очень важный город. Гиюу стали говорить, что одного катихизатора здесь мало, нужно двух; нужно еще, чтобы о. Борис жил постоянно здесь, а не как теперь — вечно в отлучке по Церквам. Я сказал, что и другой катихизатор здесь будет, если только он нужен, если одному не справиться; пусть они — гиюу — напишут прошение к Собору и в нем не толкуют много о силах здесь инославных миссионеров, — сих везде по Японии в изобилии рассыпано, точно гороху по полу, и нам до них нет никакого дела, а пусть представят, что слушателей в Мориока так много, что одному никак не справиться, что они, гиюу, обещаются всегда доставлять катихизаторам слушателей, тогда Собор, вероятно, назначит двух; я, с своей стороны, буду стараться о том, хотя обещания, что непременно будут назначены два, дать не могу, ибо не хочу стеснять Собор в его действиях. Что касается до о. Бориса, то, действительно, его приход очень велик, следует разделить его на два, тогда о. Борис в год полгода может проводить в Мориока, но нужно найти человека для поставления во иерея; у меня есть в виду один (Симеон Мацубара); не знаю, благословит ли Бог. — Гиюу были удовлетворены обещались в указанном смысле послать прошение Собору; я же принял ныне написанное ими, и они вышли.

Так как оставалось несколько времени до захода солнца, то мы отправились посетить дома гиюу; были у троих, — люди зажиточные; один — молочник, другой — помещик, третий — чиновник. У помещика — Кинбо — жена в чахотке; молодая, красивая и дышит на ладан — но что за ангельски спокойное лицо и что за блаженная с лица не сходящая улыбка!

Только праведницы могут так тихоскромно и блаженно радоваться! И это дает вот людям Христово учение — какой бесценный дар, и что еще нужно больше? А люди так мало ценят его; им бешеная погоня за радостями мира сего милее, несмотря на едкую горечь на дне сих радостей! — Я послал блаженной больной Анне икону Богородицы, ибо у них в доме только икона Спасителя.

Вечером, с семи с половиною часов, отслужили вечерню, кончившуюся в восемь. Десять минут спустя, началась проповедь для язычников, которых набралось вместе с христианами полная Церковь; христиане предварительно напечатали билетки с оповещением о проповеди; так как нельзя было устроить большую проповедь, ибо для нее нужно было остаться еще на день в Мориока, я же тороплюсь осмотреть Церкви до Собора, то роздано было только 100 билетов, по ним и собирались для проповеди. Продолжалась она два часа, и слушали очень мирно и внимательно.

После проповеди убеждал братию учредить «коогиквай» и рассказывал, как они ведутся. Обещались. Сестры тоже обещались исправить свой — отныне лучше готовить «кооги» и говорить только самим, без катихизаторской помощи. Во время совещания пожарный колокол, начавший звонить поблизости, помешал немало: большая часть братии и сестер торопливо вышли.

30 апреля / 12 мая 1893 Пятница.

Мориока. Ицинохе. Фукуока

Утром, с восьми часов, отправились посетить дома христиан Мориока, чтобы иметь более ясное понятие о Церкви. Посетили 23 дома, то есть всех христиан. Общее впечатление, что Церковь бедна. У некоторых только свои дома, все другие — на квартирах; особенно бедных нет, богатых тоже; зажиточных — два-три дома. Самый бедный — Арахама, отец ученицы нашей Натальи, — живет в лачужке, даже без толстых матов, а на кое-каких циновках, с маленькою дочкой; промышляет деланием гребней; пил прежде, перестал под влиянием писем от своей дочки, отроконицы, из Миссийской школы.

К двенадцати часам кончили посещение домов; в один час братия и сестры числом шестьдесят проводили на станцию железной дороги, и мы отправились дальше, в Ицинохе, куда прибыли в пятом часу. Здесь навстречу, на станцию, собрались не только братия Ицинохе, но некоторые и из Фукуока, как Моисей Симомае с дочкой, Николай Кавадзима. Зато братии в Ицинохе еще очень мало. Церковь здесь совсем новая; в прошлом году начал здесь проповедь катихизатор из Фукуока Тимон Хисикава. По метрике здесь христиан 13, в том числе одна женщина, из них 5 ныне в других местах; остальные и старик Мотомия, крещеный в

Хакодате; всего 9 человек ныне налицо в Церкви. Новых слушателей 2; домов христианских 9, в каждом по одному. Женщины туго слушают отчасти по недостатку развития, отчасти еще под влиянием буддизма.

Для общей молитвы собираются по субботам и воскресеньям, человек 5–6. Катихизатор Тимон бывает ныне больше в Ицинохе, чем в Фукуока, ибо там больше плода. И он первый мне ответил на вопрос: «Как разделяет время между двумя местами». — «Да так, как вы указали на Соборе в Оосака в прошлом году, — больше быть там, где больше слушателей»; значит — не механически, а разумно служит.

Здесьние христиане все родом здесьние и домовладельцы — значит, Церковь хорошо начата. Инославных здесь нет, кроме двух католиков. Язычники относятся к христианству мирно, не гонят. Из христиан Иоанн Канеко дает от себя ежемесячно 1 1/2 ены на наем молитвенного помещения. Оно находится в доме христианина же. Жертвуют христиане в месяц на Церковные нужды до 1 ены; определенного взноса нет, а дает кто что хочет — это идет на содержание священника пищей, когда он здесь, между прочим.

В деревне Несори, 2 ри от Ицинохе, есть учитель, желающий крещения; он недавно еще слушал учение от о. Такая; ныне тоже слушает и хорошо уже знает учение; он пришел в Ицинохе, и завтра в Фукуока, куда он отправится с нами, ему будет преподано крещение.

Домов в Ицинохе 470; от Фукуока расстояние 2 ри.

Помолились с христианами, отслужив вечерню; сказано было и поучение, наполовину направленное к язычникам, наполнившим дом. Потом я убеждал христиан производить религиозные собрания (кроме молитвенных) и на них читать духовные книги, предварительно приготовившись к сему, то есть человека два должны дома приготовить статью — один из Священной Истории, другой из Священного Писания, или Житий Святых, и на собрании прочесть это толково, внятно и, если нужно, протолковать; для чего прежде и готовиться. Согласились; и оные собрания учреждены — двукратно в месяц, по воскресеньям; избраны и чтецы для первого собрания, и им указано, что приготовить. Церковных книг здесь в изобилии; недостающие же новые издания будут высланы.

Так как братия Ицинохе и Фукуока предварительно условились устроить мне ночлег в Фукуока, то мы, не посещая здесь христианских домов, чего и сами братия не просили, ибо де по одному христианину в доме, прочие все язычники, — отправились тотчас же по окончании церковного разговора в Фукуока. Только это было с некоторым затруднением. Еще когда мы разговаривали, у дома слышался страшный крик среди собравшейся огромной толпы; оказалось, что наши дзинрикися перепились и теперь ссорились между собою. Когда вышли садиться, между ними поднялась драка; Николаю Кавадзима спасибо, дал мне свою тележку с трезвым возницей, на ней я и отправился. А о. Борис приехал после верхом на лошади, прочие сопровождавшие пришли пешком.

Дорогой ночью в десятом часу, когда я помаленьку то шел, то сидел в тележке, вдруг среди деревьев издали мелькнули полосы света; я долго не мог понять, что это; между тем зрелище делалось красивее и красивее; выехали, наконец, на чистое место, и тут зрелище открылось во всей красе: горела гора огромнейшими полосами огня, — то выжигали сухую траву и кустарник под посев кая, которым кроют кровли. Нельзя было не залюбоваться редким и чрезвычайно красивым видом.

В Фукуока прибыл в десять часов, и пока собирались другие, занялся с Моисеем Симотомае рассмотрением метрики. По ней здесь крещеных 56; из них ныне в других местах 28, умерли 9, охладели 5; остальные 14 — налицо, в пяти домах; есть еще один христианин из Хацинохе. Вот и вся здешняя Церковь, начатая давно, еще покойником о. Сакай, когда он был только катихизатором. Не было свободного катихизатора для помещения здесь, оттого и не развилась сия Церковь.

Уже в половине одиннадцатого часа ночи прибыли о. Борис и другие; поздно было совершать богослужение, да и христиан почти никого не было. И потому отправились на ночлег в дом Симотомае Моисея. Здесь жена его угостила обильнейшим ужином, а потом показывала шелковые материи — тканье своей дочки, семнадцатилетней Юлии — мастерица на диво, такие узоры на материях, что и ума не приложить, как они выходят. Хочет Моисей выдать сию Юлию за служащего Церкви, ибо за язычника-де опасно; брак языческий ненадежный. Я сказал, что может поместить ее в нашей женской школе, где научится отлично вере, пению церковному и узнает церковные обычаи; вероятно, не засидится, — из себя красивая и, видимо, умная, — выдадим замуж за катихизатора.

Постель приготовили из таких роскошных шелковых материалов, что я диву дался, редко где можно встретить такую роскошь; Моисей пояснил, что это роскошь — результат совсем не похвального, а тягостного обычая — снаряжать невесту замуж возможно роскошно; у состоятельных мало-мальски непременно требуется снабдить молодых роскошными шелковыми спальными принадлежностями, которые употребленные раз, хранятся потом всю жизнь и употребляются только в особенных случаях, как для почетных гостей и тому подобных. Сии спальные вещи — владение Николая Кавадзима, племянника Моисея, который свою подобную роскошь давно спустил.

1 / 13 мая 1893. Суббота.

Фукуока. Саннохе. Хацинохе

Утром о. Борис в церковном доме совершил крещение вышеозначенного учителя. С половины девятого часа началась обедница; бедное голосами, но довольно правильное пение; чтение же великолепное: катихизатор Хисикава читает так громко ясно и внятно, что был бы лучшим

чтецом в Соборе, если бы не был нужен, как катихизатор. К обеднице пришел, между прочим, Петр Сайто из селения, за 1 ри, с женой и семью человеками детей — мал мала меньше, да еще, говорит, недавно взял в дом восьмилетнюю девочку, круглую сироту, которой негде было голову приклонить; живет же единственно тем, что приготавливает дерево для делания спичек, то есть едва-едва неустанным трудом перебивается; так-то бедняки сострадательны к другим беднякам! Бог дает им сокровище душевного милосердия, которое одно окажется ценным на Страшном Суде! Да еще жена его, когда двое ребят сосунов осаждают обе ее титки и немилосердно тянут из них, как блаженно улыбается и как здорова, краснощека, выкормивши семерых толстых ребят! Одного я предлагал Петру приготовить для Семинарии.

Посетить дома братьев не успели, ибо когда кончилась служба с получением, направленным преимущественно к утешению в бедности Сайто с семьей, тем более, что он с ней составляли половину наличной Церкви, — пора было спешить на станцию железной дороги.

До Саннохе полчаса с небольшим пути, прибыли туда в двенадцатом часу; к приятному изумлению, встречены были Никитой Сато и Стефаном Эсасика, которые были охладевшими несколько лет; оказывается, что христианство не угасло в них, а хранилось под пеплом житейских забот и дел, и у Эсасика еще, кажется, наклонности к выпитию, ибо и ныне от него очень разит вином; встретил также катихизатор Моисей Симотомае и некоторые другие. По прибытии в церковный дом, очень выгодно помещающийся среди города на главной улице, пока соберутся христиане, занялись рассмотрением метрики. По ней крещеных здесь 89; из них умерли 28, в других местах 29, охладели 14; остальные 18 налицо. К сей Церкви принадлежат также находящиеся в селениях: Такко — 5, Аинай — 6 (семья Стефана Эсасика; 2 ри), Киндаици — 1 христианский дом; крещеных инде здесь 2. Итого 32 христианина могут считаться в сей Церкви. Новых слушателей 5.

На богослужение собираются: в субботу 4–5 человек, в воскресенье 2–3. Никаких собраний христианских нет. Определенных пожертвований на Церковь нет; но доставляют христиане свечи, ладан. Инославия в городе нет, но протестанты из Хацинохе производят здесь два раза в месяц проповедь; иногда бывает и иностранный проповедник; слушателей совсем мало собирается. Язычники индифферентны здесь — не гонят, но и не слушают; в сущности, готовы к принятию христианства; язычество бросило, и стоят праздно на торжище, ожидая, чтобы кто-либо нанял их; мы же до сих пор не собрались с средствами сделать это.

Саннохе — около 1000 домов; недалеко Такко — 300 домов. Следует поместить и после Собора отдельного катихизатора для сих двух мест только. Воспрянувшие ныне от охлаждения: бывшие катихизаторы Стефан Эсасика и Кодадзима (ныне приемыш в очень богатом здесь доме Циба) и из Причетнической школы Никита Сато обещаются всячески

помогать катихизатору. Стефан Эсасика служил до последнего времени волостным старшиной в окрестности и уважаем здесь, — это тем более будет способствовать проповеди.

К богослужению собралось человек 10 и язычников, местных учителей. Отслужили обедницу, причем пел один катихизатор Моисей Симотомас, даже жену свою не постарался научить, несмотря на то, что тут же стоит органчик, занятый им из Фукуока от тамошнего богача Николая Кавадзима; есть и другие здесь, способные петь, особенно Никита Сато, специально когда-то изучавший церковное пение. В поучении я старался более убедить язычников выйти из толпы и сени смертной на Свет Божий. Домов христианских здесь не успели посетить, да и не нужно было: человек пять христиан было налицо; к прочим в дом и показываться излишне — все по одному в доме среди язычников, в загоне и полуохлаждении; иконы спрятаны, так и катихизатор отрапортовал.

Итак — опять поспешили на железную дорогу, чтобы следовать дальше, в Хацинохе, откуда и навстречу прибыли, между прочим, Павел Минамото, прежний катихизатор, ныне председатель губернского выборного собрания (Кенквай гиин-чёо) в Аомори. В четыре с половиною часа отправились и минут через сорок вышли на станции в 2 ри от Хацинохе; на тележках прибыли в Хацинохе, в церковный дом. Большая толпа христиан встретила, и мы, переодевшись, приступили к богослужению. Церковный дом здесь построен отдельным двухэтажным зданием на участке в 40 цубо, принадлежащем язычнику, которому платится аренды 4 ены. Построен усердием когда-то бывшего здесь катихизатором Саввы Ямазаки на деньги, собранные им отчасти от местных христиан, отчасти от христиан других Церквей. Дом — большой; внизу помещение для катихизатора, наверху Церковь, но такая низкая, что, будучи здесь одиннадцать лет тому назад, я все время стоял в ней согнувшись. Ныне христиане собрали денег 15 ен и подняли на это часть потолка над алтариком и несколько вне; так что мне места было вволю стоять прямо. Эта построечная работа была только окончена, и потому христиане попросили о. Бориса прежде всего освятить обновление; так как святая вода есть, то о. Борис в течение краткого молебствия, при пении «Спаси, Господи», окропил святой водой обновленные места и всю Церковь; после сего началась всенощная, которую тянули несносно долго, так что утомили страшно; под конец я уже не выдержал и стал говорить, чтобы пели живей. Хорошо длинное богослужение с хорошим пением; когда же душу из тебя тянут постоянным фальшивеньем и какофонией, то нет сил сосредоточиться на молитве, — пение не помогает, а неприятно развлекает и мешает. И таково собственно пение — по всем почти нашим Церквам. И здесь пели не собственно дурно — напротив, сравнительно с некоторыми другими, очень сносно, два мальчика особенно отличными альтами фальшивили, но это бы на краткую молитву, не больше обедницы или вечерни; стоять же два часа под такое пение и после

утомительного дня — не нам чета, молитвенников нужно! Своего рода тоже искушение, да и сильное.— После службы я уже совсем почувствовал себя усталым, и как не напрягался, не мог сказать приличного поучения, проговорил минут пятнадцать вяло, полузасохшим языком и встал, чтобы преподать благословение по одиночке всем бывшим в Церкви, — человек 40. После того, так как следовало рассматривать метрику, попросил чаю и, освежившись им несколько, приступил с братиею к метрике.

По ней крещеных здесь 138, из них ныне в других местах 30, умерли 29, охладели 9, в протестантство ушли 6; остаются налицо 64, с одним крещеным в другой Церкви всего 65. Новых слушателей 8. К богослужению по воскресеньям собираются человек 10, в субботу меньше; в воскресенье бывает больше женщин, чем мужчин. Женское и мужское собрания были здесь заведены катихизатором Елисеем Кадо. Женское велось регулярно, когда здесь жила Мария Минамото, дочь Павла, кончившая курс в Миссийской женской школе, ныне замужем за академистом Андреем Минамото (Кавасаки). Тогда Мария на собраниях, ежемесячных, на которые собиралось обыкновенно женщин 10, рассказывала из Священной Истории, или объясняла молитвы и подобное; говорил также поучение катихизатор. Приходящие на сии собрания христианки имели обычаем жертвовать по 2 сен, все, начиная с пятнадцатилетнего возраста и выше; так накопилось ныне 7 ен, на которые хотят христианки выписать из России гробный покров (только я им сказал, что нужно прикопить 13 ен). Когда Мария вышла замуж в прошлом году и уехала в Токио с мужем — собрания прекратились, хотя их думают возобновить и продолжать. Мужское симбокквай, по заведении, произведено было 2–3 раза и затем кануло в воду.

Ныне еще дети — христиане, возвращаясь из школы, заходят к катихизатору Петру Такахаси учиться молитвам; это бывает каждый день; приходят 4–5, бывают и языческие дети.

Жертвуют христиане в месяц 1 ену 70–80 сен; бывают и экстренные пожертвования, особенно по праздникам, на праздничные расходы. Расходуют в год ен 40, в том числе на плату ренты за землю под церковным домом, на проезд священника (ены 3).

Ныне задумывают христиане сложиться на покупку участка земли, что под церковным домом; только хозяин — язычник, видя нужду христиан, дорого просит: по 3 ены за цубо (40 пубо).

Построен был дом с циновками и всем, за 150 ен, причем дерево было куплено старое.

По окончании церковного разговора меня проводили на ночлег далеко в дом бывшего катихизатора Якова Кубо (ныне служащего волостным старшиной недалеко в селении). Отец Якова еще в язычестве; ради моего прибытия он думает завтра принять крещение; но, кажется, старик легкомысленно смотрит на Таинство; не стал я его удерживать;

учение, кажется, знает; пусть себе с Богом крестится,— кто знает Тайну отношения человека к Богу; быть может, он достойнее многих других, с нами в том числе. Завтра утром о. Борис преподает крещение пяти взрослым и детям.

2 / 14 мая 1893. Воскресенье.

Хацинохе

Преподавал крещение четверем; пятая опоздала, завтра утром будет крещена; это — сестра катихизатора Петра Баи; притащилась больная издалека, из Симота-мура, чтобы креститься; нельзя не пожалеть ее, хотя и неудобно для нас — завтра утро терять для путешествия.

С десяти часов началась обедница, за которой запасными Святыми Дарами приобщены новокрещенные, потом панихида, проповедь. Было за службой всего 22 больших и 14 детей. Разом случилось-де несколько помех: два дня назад был большой пожар, около 400 домов сгорело,— многие из христиан хлопочут еще по поводу сего, или утомлены на пожаре и отдыхают; прошлую ночь убит вором один богатчак-закладчик, имевший, говорят, 300 тысяч капитала, он дядя жены Сираи (бывшего катихизатора), человек шесть там в доме теперь по разным хлопотам; наконец, чрез город проезжает ныне какой-то большой военный чиновник, направляющийся на Курильские острова набирать и заводить там полк казаков, его угощают в городе,— опять несколько христиан заняты.

После службы испытал детей в знании молитв; почти все знают,— даны крестики в благословение.

Пообедавши в церковном доме, отправились посетить христиан; были в 12 домах, в прочих — христиане в отлучке по вышеозначенным хлопотам, и потому мы не были. Беднота — и здешние христиане; за исключением Андрея Икава (бывшего катихизатора), живущего зажиточно, и еще двух-трех домов не бедных,— все прочие бедны, иные очень.

И так вот в каждой Церкви: почти всегда приходится ходить по закоулкам и трущобам, отыскивая братьев. «Трущобная Церковь!» — так и вертится в уме и на языке. А что будешь делать? Богатые и довольные мира сего еще не хотят вкусить небесной пищи, их вкус слишком пресыщен сладостями мира сего; когда органы земного вкушения падут в землю и станут гнить в недрах ее, почувствуют они другого рода голод, но уже неутолим будет он. Жаль их, бедных, хотя они ныне в свою очередь, быть может, жалеют нас, видя, как мы побираемся по трущобам.

Пишу я сие в шестом часу пополудни, в доме Якова Кубо, но какой же это ад раздрающих ухо звуков! Огромная толпа ребят бегаёт вокруг дома, гоняясь друг за другом, с неистовыми криками и хохотом; с кухни, за стеной, слышится неумолкаемая трескотня женщин, под ухом пренесносно воркует голубь в клетке, а в другое ухо кричит какая-то птица,

еще громче его и самым резким голосом. Впрочем, все можно терпеть, коли нельзя переменить, и терпеть хладнокровно и не морщась, как я ныне вот сие делаю.

С семи часов вечера назначена была вечерня; ни единого человека не пришло к этому времени. К половине девятого собралось небольшое число, и о. Борис отслужил вечерню, а за нею я говорил о необходимости заведения здесь мужского и женского собрания — «коогиквай» и как вести его; большая половина милых братьев и сестер дремала страшно; молодое же поколение, растянувшись в разных позах, поднимало такой храп, что нелегко было говорить. Впрочем, сейчас же согласились учредить «коогиквай», избрали время, назначили «коогися» на первое собрание, — у женщин в первое воскресенье, у мужчин в третье — каждого месяца; темы указаны из Священной Истории Ветхого Завета, из Житий Святых и из Евангелия Притчи, как более занимательное и легкое для запоминания.

3 / 15 мая 1893. Понедельник.

Хацинохе. Санбонги

Утром о. Борис крестил еще двоих в Хацинохе и младенцу, крещеному больным, преподал Таинство Миропомазания. Потом Андрей и Никанор Икава, лучшие люди здесь в Церкви, больше всех заботящиеся о ней, особенно последний, стали просить облачений и священной утвари для здешней Церкви, чтобы священник, приходя, мог совершать литургию. Сказано, что просьба резонная и будет удовлетворена, но не иначе, как если священник попросит о том, ибо вещи непосредственно его касаются, и поручится, что вещи будут храниться в целости и прилично; так пусть говорят о том со священником; впрочем, всего лучше до Собора подождать, так как имеется в виду слишком большой по пространству приход отца Бориса разделить на два: быть может, здесь будет другой священник.

В десять часов утра отправились из Хацинохе дальше, в Санбонги, 10 ри от Хацинохи. Весь день был сильнейший ветер, засыпавший глаза пылью; проезжали мало обработанную местность, дающей только пастбище для конских табунов, разводимых здесь, да множество жаворонков (когда ветер по временам несколько стихал, дрожа в воздухе, заливали окрестности своею милою песнью; я тогда сходил с тележки и отставал, чтобы дребезжание колес не мешало насладиться пением хвалителей Божией Славы.

В три часа пополудни прибыли в Санбонги, встреченные, по обычаю, по пути группами братии.

Санбонги — селение домов в 300, вытянувшееся одною прямою линиею улицы, — селение новое, всего тридцать лет тому назад основанное,

и потому старожилов здесь нет, тем не менее, наши христиане почти все из коренных жителей и домовладельцы — значит, христианство здесь становится прочно, и именно православное; католики здесь прежде имели проповедника, но сняли пост, или лучше — снял сам проповедник, обратившись в мясника, которым и состоит ныне для здешнего селения; кроме него, здесь есть один или два католика; протестантов совсем нет. Наша Церковь совсем еще юная, началась всего года три тому назад. По метрике в ней крещеных 24, из которых 2 ныне в других местах, остальные 22 налицо здесь, в 10 домах.

В субботу приходит на службу 10–12 человек, в воскресенье 5–6; ныне к крещению приготовлены 3, которые и будут крещены завтра; вновь еще слушателей 3.

Есть здесь: 1) «кенкиуквай»: ежемесячно в первую среду христиане собираются, и трое из них, заранее назначенные, толкуют приготовленные места из Священного Писания или Православного Исповедания; делают это только мужчины, собираются человек 7–8; 2) «Симбокквай»: в третью среду каждого месяца собираются и говорят кто хочет в пределах христианского научения, а также в интересах Церкви, например, как поднять Церковь, отчего она не так быстро расширяется, как бы хотелось, и подобное. На эти собрания христиане приносят пожертвования по 3 сен, из которых 1 $\frac{1}{2}$ сен употребляется на чай и кваси тут же на собрании, 1 $\frac{1}{2}$ сен, или кто сколько даст больше — хранятся, — так уже накопилось капитала 2 ены 60 сен; на накапливаемое таким образом имеется в виду купить со временем недвижимое церковное имение.

Определенных пожертвований на текущие церковные нужды нет, а покрываются они 80 сенами, что идут от Миссии (идет ежемесячно 2 ены на квартиру, за которую платится только 1 ена 20 сен) и катихизатором из его собственного содержания, в данном случае, скудного-пре-скудного, ибо у Ивата трое детей и мать с женой, а содержание его 10 ен в месяц, и потому я, услышав сие, тут же не мог воздержаться от выговора христианам, что они должны сами покрывать свои церковные нужды и иметь более любви и сострадания к своему проповеднику; чтобы сгладить это, проповедник пустился расхваливать готовность христиан на жертвования, указывая на справленные ими стол и аналой и одежду на них — все, конечно, грошовое.

Узнавши церковные обстоятельства и вместе напившись чаю, что несколько убавило усталости, мы приступили в четыре часа к богослужению. Вечерню пропели человек 6–7, очень порядочно; катихизатор Ивата научил петь, читает он отлично, но по старой книжке читал и на «Господи воззвах» совсем не то, что следует; почему я, остановив его, тут же велел отыскать печатный Часослов и Октоих и указал, что читать. Странное дело: девять лет тому назад разосланы по всем Церквам (а в новые рассылаются при заведении их) отлично напечатанные Часослов,

Октоих и Псалтырь, с киноварью, где прямо нужно указать порядок чтения, и до сих пор почти они нигде не вошли в употребление, а читают по рукописным тетрадкам, первоначально употреблявшимся, или по старым литографиям, с плохим переводом; значит, катихизаторов еще в школе надо учить употреблению богослужебных книг, — иметь это в виду и исполнить лучше, чем делались до сих пор.

После богослужения и проповеди пошли посетить дома христиан; были в б, в прочие не пригласили, ибо там родители христиан еще не любят христианства. Бедных нет ни одного в этой Церкви, хотя и богатых тоже не видал: живут зажиточно, — довольно и этого; и в трущобы на этот раз не заходили, кроме одного бондаря в проулке, все на большой улице (впрочем, единственной улице селения).

В семь часов пообедав в гостинице, где нам приготовлена была оставка, в восемь отправились в церковный дом, чтобы сказать проповедь язычникам; по недостаточности времени для оповещения, собралось их, кажется, не более 10, по крайней мере, таких, которые были с начала до конца проповеди. Началась в конце девятого часа, продолжалась до двадцати минут одиннадцатого. После чего было совещание с братьями о заведении здесь по воскресеньям ежемесячно «коогиквай». Взрослых здесь мужчин 12, женщин 4 (да завтра будут крещены двое); двух «коогиквай» — отдельных для мужчин и женщин учредить еще нельзя — рано, а общее — отлично может вестись, если христиане захотят, тем более, что здесь христиане больше всего — народ молодой, живой и достаточно развитый. Рассказано, как вести «коогиквай», представлены примеры из других Церквей. Очень охотно согласились завести, и тут же избрали для первого собрания «коогися» и «кандзи», определено было и что приготовить им для говорения. Так как в эту Церковь еще не выслано от Миссии духовных книг, то составлен был список книг, которые нужно выслать, и тут же написано в Миссию — выслать. Во время наших совещаний пошел дождь, под который мы и вернулись в гостиницу для ночлега в двенадцать часов ночью.

4 / 16 мая 1893. Вторник.

Санбонги. Аомори

Одного Санбонги слишком мало для одного катихизатора по недостатку у нас сих последних. Его необходимо соединить с Гонохе, 700 домов, в четырех ри от Санбонги (по пути из Хацинохе), или с Сицинохе, 400 домов, в двух ри 20 чё от Санбонги, между сим местом и Аомори.

О. Борис совершил крещение троих утром в Санбонги, после чего в девять часов мы поспешили отправиться на конной телеге в Нохедзи, докуда от Санбонги 7 ри, чтобы оттуда по железной дороге, в два часа,

поспеть отправиться в Аомори. Когда на полдороге кучер стал кормить лошадей, пошел вперед пешком, чтобы, идя, слушать жаворонков, и наслушался вдоволь: идешь среди неумолкающего концерта этих невидимых воздушных певцов; справа и слева дороги то и дело запевают новые и новые, и так беспрерывно, сколько ни иди. В Нохедзи, в вагоне второго класса, куда мы с о. Борисом поместились, подходит господин, отлично одетый, и, видимо, освоившийся со своим европейским костюмом, и рекомендует — «Григорий Миямото»; оказывается — бывший катихизатор, заленившийся и бросивший катихизаторство много лет тому назад, служивший потом окружным начальником на острове Эзо, где недавно приобрел в собственное владение, около Кусино, огромный участок земли, оставивший службу и ныне разводящий на своей земле скот и извлекающий другие выгоды из нее; зато христианство, по-видимому, совсем забыл; на мой вопрос о сем красноречиво промолчал, и я не счел нужным продолжать расспрос, а просто повел с ним разговор, как с знакомым; семейство свое не крестил, а воспитывает в язычестве.

В Аомори мы въезжали торжественно, сам начальник местного выборного собрания (кенкзай гиин чёо) Павел Минамото, тоже бывший катихизатором, встретил нас у вагона и понес мой чемодан; пред станцией собралось столько христиан, что я думал: «Когда ж им конец будет», когда стали подходить под благословение. Стали размещаться по тележкам, меня посадили первого, и долго держали на месте, а сами усаживались в длинную вереницу; «Еще телегу!» — раздается громкий голос; проходит несколько минут размещения, — «Еще три телеги!» — раздается еще громче; наконец мы на пути: шествие открывает катихизатор Симеон Мацубара, важно сидящий в своем черном сюртуке и тростью в руке указывающий направление, за ним меня тащат двое, разойдясь на возможно далекое расстояние друг от друга по длине веревки, дальше о. Бориса тоже двое и так дальше, — необозримая вереница тележек (оказалось после, было пятнадцать); медленно-медленно двигаемся мы, и забираем, кажется, по пути возможно большее число улиц; я внутренне досаую на медленность, но в то же время думаю: «Что ж это о. Борис говорил, что Церковь в Аомори состоит всего из 4–5 домов, и совсем ничтожная по количеству наличного состава христиан, или хотел сделать мне неожиданный сюрприз приятного впечатления?» Наконец доехали, снимаемся, поднимаемся на второй этаж дома, где молитвенная комната, начинаем вечерню; осматриваюсь я и, к удивлению, нахожу Церковь почти совсем пустою: несколько женщин да детей, два-три мужчины, то есть все то только, что ехало торжественно по улице, разместившись по одной девчонке на тележку, да и тут убыль: видел при встрече какую-то бороду, — ее в Церкви не видно, оказалось, лишь наученный христианству. «Для чего это вы комедию ломали с торжественной процессией?» — спрашиваю потом. — «Нельзя иначе, — наивно отвечают, —

тут город показной; и католики, например, когда встречают своего Епископа, тоже все выходят навстречу».

После службы сказал я и поучение, но взрослые то и дело выходят и совещаются о чем-то, дети неразумно глазеют,— скоро прекратил.

По метрике оказалось крещенных здесь 48; из них в других местах 21, умерли 4, в католичество ушло одно семейство из 5 душ, остальные 18, семейство Павла Минамото из Хацинохе, 5 человек, и 1 из Хиросаки, всего 24 человека ныне налицо, из них взрослых 7 мужчин, 3 женщины, остальные — дети; христианских домов 6.

На службу по субботам и воскресеньям собирается человек 10. Завтра будут крещены 2; новых затем слушателей — 5.

Производимо было здесь «ринкооквай» — собирались толковать Осиено кагами или Священное Писание; с Пасхи прекратилось. Определенных пожертвований бывает до 1 ены в месяц; ныне накопилось 4 ен, которые положены на проценты на имя чиновника Стефана Токи. Экстренные пожертвования производятся в праздники; в нынешнем году оных было больше 9 ен — к Рождеству и Пасхе, на фонари, угощение и тому подобное.

Дороговизна здесь очевидная: за дрянную катихизаторскую квартиру в неказистой улице платится 4 ены в месяц. Так как здесь внешность, по-видимому, играет большую роль, и так как христиане стали просить, то обещался я дать на наем квартиры в более приличной улице до 6 ен в месяц, имея в виду, что будем выше нормы, давать частным образом, не в пример другим, иначе и все потребуют большого расхода на квартиры.

Пока не стемнело, поехали посетить христиан. Оказалось, однако, что бедного ни одного нет: все домовладельцы, за исключением одного портного, который тоже не беден. Особенно хороший дом только что построенный у Иоанна Оосава, о. Тита, ныне находящегося в Причетнической школе; семья у него немалая — 7 человек детей, в том числе бывшая в Миссийской женской школе Мария, пятнадцати лет, ныне совсем выздоровевшая; служит Иоанн сыщиком полиции (Тантей), и человек, видимо, очень хороший; рад был очень посещению, прерадушно угощал, а дочурка Марья за рукав вела под благословение отца, мать, сестер,— видимо, заправляла порядком, как знающая, в хонквай, мол, была.

В восемь часов была проповедь для язычников; собралось человек 15, а к концу осталось человек 6; оповещения некогда было сделать, оттого так мало. После проповеди, когда остались одни христиане, я убеждал завести для воспитания себя в христианстве приумножением знания вероучения, «коогиквай»; завели, назначили время, выбрали коогися и прочее.

Ночлег приготовил у себя Павел Минамото, с женой Варварой очень радушно принимающие.

5 / 17 мая 1893. Среда.

Аомори. Куроиси

Утром в Аомори о. Борис крестил двоих детей, потом у Павла Минамото нам предложен был завтрак, после которого мы простились с братиею и сели в дилижанс, нанятый за 3 ены 60 сен до Куроиси, 9 ри. Нас сопровождал Андрей Оказаки, присланный Церковью Куроиси на встречу. Дорога до Куроиси — как раз в период делания ее, — вся загромождена нераздробленным булыжником, по которому мы и должны были прыгать с опасностью каждую секунду сломать спину, — словом, в ад, должно быть, не хуже дорога. Местность бедная; кто мечтает о чистоте японских жилищ, будто бы повсюдной, пусть приедет сюда и посмотрит, в каких грязных соломенных лачугах живет бедный японский люд, по крайней мере, в Цунгарской области. В Намиока, за 2 ¹/₂ ри от Куроиси, нас встретили еще двое христиан Куроиси, молодой Филимон, с принятием христианства исправившийся от дурного поведения, и старик Иона, китайский ученый, содержатель частной школы японско-китайской грамоты. Иона на одну ногу совсем калека, тем не менее предложил мне свою тележку-дзинрикиси, чтобы тропинкой по полям, и короче, и покойнее, доехать до Куроиси, — сам же хотел сесть на мое место в дилижансе, долго я отказывался, но тщетно, — японская вежливость победила, и я сел в его тележку, но мало было выгоды, здесь поминутно нужно было выходить из тележки пред мостиками на канавах. В пятом часу прибыли, наконец, в Куроиси, — гораздо прежде дилижанса; остальные братья и сестры все налицо ждали в церковном доме. В ожидании дилижанса, занялись рассмотрением метрики, очень, впрочем, несложной. Крещеных здесь только 20; из них ныне в других местах 4, умер 1, — остальные 15 все здесь, в 7 домах, из которых в трех все христиане, по три в каждом. Из 15-ти христиан 9 мужчин, 3 женщины, 3-ое детей. Слушателей вновь 2, из которых один завтра будет крещен.

На богослужение по субботам и воскресеньям собирается 5–6 человек. С Пасхи начато по субботам после службы «ринкооквай», — христиане сами объясняют Православное Исповедание; катихизатор Иоанн Котера слушает и, если нужно, поправляет. Еще: в первое и третье воскресенье каждого месяца вечером приходят христианки и, Котера рассказывает им Священную Историю Нового Завета и учит церковному пению. «Отчего же христиане также не приходят в это время?» — Спрашиваю. — «Оттого, что христианки стеснялись бы при них, — их всего три», — отвечает Котера.

С нынешней Пасхи христиане положили ежемесячно жертвовать на церковные расходы — каждому не менее 1 сена; прежде было положено 7 сен, но бедные-де не могут. Собирается ныне пожертвований сен 50 в месяц, которые и употребляются на свечи, масло, ладан и уголь. Временные

пожертвования (риндзи) бывают к большим праздникам; в нынешнем году к Рождеству и Пасхе христианами пожертвовано более 9 ен, — все эти деньги в праздник же и расходуются — на угощения себе и язычников; если что остается, то идет на украшение молитвенной комнаты.

Здесь, по-видимому, тоже немалая дороговизна: за полдома, составляющего грязное помещение для молитвенной комнаты и катихизатора взимается 2 ¹/₂ ены в месяц.

В семь часов начали всенощную пред Вознесеньем. Читал школьный учитель Петр исправно, только несколько спешно, пели мужские голоса, басовые, умело и бойко; видно, что катихизатор Иоанн Котера старался учить; сам сошел с нот только в некоторых местах, почти все поет правильно. Было довольно длинное поучение, темой которого послужили первые три прошения Молитвы Господней; речь направлена была отчасти к язычникам, которых набралась полная комната. Потом убеждал завести «коогиквай», который тут же и учредили, избрав время и людей.

Предложен был ужин, от которого мы не отказались, хотя было поздно.

6 / 18 мая 1893. Четверг.

Вознесенье.

Куроиси. Хиросаки. Икарисеки

Утром с шести часов о. Борис крестил одного. Потом отслужили обедницу, за которой новокрещенный приобщен запасными Святыми Дарами. После поучения и потом чая, отправились посетить дома христиан. Бедных нет, живут исправно; по домам кое-где сказаны были краткие поучения еще язычникам, или собравшимся соседям, особенно длинное было в доме Филимона, где мать его собрала соседок, усадила своих детей и попросила слова.

В полдень вернулись домой, наскоро пообедали и, простившись с братией, отправились дальше в Хиросаки. Особенно трогательно простился старик — учитель Иона, с длинной седой бородой и костылем; в доме у него нельзя было быть, ибо живет у людей, не любящих христианства; вернувшись с посещения домов, застали его и жену в церковном доме, у очага, с печальными лицами; я думал, что он скрывает свое христианство, но, простившись с ним в церковном доме и отправившись, мы встретили его на улице, и он среди улицы положил свой костыль и припал к земле, кланяясь моей тележке и потом следовавшей за мной о. Бориса.

Кстати об о. Борисе. Сегодня на крещеньи слушаю: о. Борис поминает на ектениях после Императора Сёогуна: это значит, как переведено было крещение еще при Сёогунах, и как переписано оно с тогдашней рукописи, так и употребляется о. Борисом, буквально слово в слово, с Сёогуном в том числе, хотя уже двадцать шестой год идет, как сёогуновство

уничтожено. Спрашиваю после службы: «Отец Борис, какого это вы Сёюгуна поминали? Ведь его уже двадцать пять лет нет». «Ах, я и не подумал об этом!» — спохватился он. И такой-то вот механизм даже в лучших христианах в Японии!

Когда вышли в Куроиси из церковного дома садиться в тележки, я увидел, кроме наших с о. Борисом, еще 5–6 других. «Это для чего же?» — спрашиваю. — «Проводить нас пусть братия не беспокоится». — «Петр Бан (катихизатор Хиросаки) просил братий побольше приехать на энзецу», — отвечает Котера. Станным мне это показалось, но разбирать было поздно, все равно братию не удержишь.

В три часа приехали в Хиросаки, 4 ри от Куроиси. По дрянным улицам доехали до церковного дома, тоже на неказистой улице. Пред домом, вопреки обычаю, никого, а бросилась в глаза доска с большим листом на ней, где крупно выведено мое имя, с объявлением, что я сегодня даю энзецу. Выскочившему навстречу катихизатору Бану я велел убрать доску и вошел в церковный дом, там тоже никого, кроме трех юношей, сидящих у очага. Вероятно же соберутся к службе, подумал я, и, взошедши наверх, где устроена молитвенная комната, спросил метрику. Развертываю к лицу, где записаны крещенные. «Где же они?» — спрашиваю у Бана. «Да вот же», — указывает он на первый лист, где мелким шрифтом, действительно, двое и на втором, где лепится один. «Только-то? Что же значат твои великолепные письма, что такие-то и такие, люди почтенные и многие, слушают и поучаются. По крайней мере, много слушателей?» — «Пять человек». — «Между прочим, вот эти трое юношей внизу, которые даже и поздравиться не удостоили?» — «И они». — «Один в отлучке из города, двое других — врачи, заняты». — «Итак тут нет еще и заведения церковного, ни молитвы общественной, ничего другого. А просишь церковную икону, которая вот и стоит в пустой комнате, просишь много книг, которых читать некому». — Молчит Бан, ибо видит, что не в меру нахвастал. — «Зачем еще беспокоить братии? Вот из Куроиси едут по твоему требованию, к чему?» — «Тут знают христианство только по протестантству, надо энзецу устроить, как протестанты делают». Не выдержал я, разбранил Бана, больно уж мне ненавистно это поползновение некоторых из дрянных наших катихизаторов — обезьянничанье недоверков! Нам, православным, для которых образцы только в Священном Писании и в Церковной Истории, подражать этим выродкам христианства — протестантам, у которых даже и учения нет, нет и проповеди (секкё), а есть только это мерзкое пустоговорение (энзецу), хоть кого взорвет это опозорение себя, самооплевание православного «проповедника»! — Велел я тотчас же взять места в дилижанс; и отправились мы с о. Борисом дальше. Внизу комнату наполнили приехавшие на энзецу братия из Куроиси; оставили Бана светить пред ними глазами.

Хиросаки, по-видимому, и плохое место для проповеди, рано еще должно быть. Методисты тут употребляют все усилия двадцать лет; у них человек сто христиан, но на богослужение приходит очень мало, если верить Бану; католики же несколько лет трудились совсем бесплодно и, наконец, сняли пост, — не только живший здесь патер уехал, но и катихизатора нет; других сект здесь нет.

Отправившись в четвертом часу из Хиросаки, едва в половине девятого вечера прибыли в Икарисеки, одолев 6 ри, — дорога вся сплошь состоит из грунта больших камней — под землю и дзари. Я почти всю дорогу шел пешком. Минеральная ванна здесь освежила силы.

7 / 19 мая 1893. Пятница.

Аракава

В шесть часов отправились из Икари-га-секи верхом — я на ездовом седле, о. Борис на грузовом; тащились по ри в час и едва в первом часу прибыли в Аракава. Немногие братья отсюда с катихизатором Павлом Оокава встретили далеко перед деревней, и мы пришли в дом катихизатора (ныне в Иокохаме) Андрея Метоки, но, увы, не прежний, в котором я был десять лет назад, тот продан, а другой — гораздо хуже и проще того. Здесь ныне живут: баба Андрея, мать его — Ирина, младший брат Фома, недавно кончивший свой срок в военной службе и ныне хозяйничающий в доме, еще младший брат Игнатий, лет пятнадцати (с огромным черным родимым пятном на лице); еще один младший брат живет у Андрея ныне в Иокохаме, сестра же замужем в Кемане, где ее за веру не гонят, но икону поставить не позволяют. Дядя Андрея, Тимофей Метоки, по словам о. Бориса, заложил земельные документы дома Андрея, за которые и ныне взимают проценты, да на свадьбу себе Андрей вытребовал из дома 50 ен, кажется (по словам о. Бориса), что все делает мать Андрея и брата его Фому очень бедными. Впрочем, по наружности, это не совсем заметно: в доме прилично — под молельню передняя комната; собираться на богослужение некому, и молитвенной службы в субботу и воскресенье не бывает, тем более, что и книг богослужбных никаких нет, и петь некому; но Фома говорит, что он с семьей в субботу и воскресенье молятся все вместе по краткому молитвослову, который своим старым и засаленным видом, действительно, и показывает следы немалого употребления.

По метрике в Аракава оказываются крещеными 48. Из них ныне в других местах 19, умерло 9, охладело 6. Из остальных 14 в Аракава 10, в Кеманай 4, ибо в Кеманай отдельной метрики нет. Христиане Аракава в пяти домах: 1) дом Фомы Метоки, где четверо; 2) Марка Метоки, где он и сын Лука одиннадцати лет, не знающий никакой молитвы, 2; 3) Тимофея Метоки, где он и дочь шестнадцати лет; 4) Варнавы, где он только;

5) Никанора, но он и жена его совсем потеряли веру, говорят; дочь же, взрослая, была в молитвенной комнате, когда я был, но перекреститься не сумела.

Отслужили мы краткий молебен, потом литию за умерших сей Церкви, было и маленькое поучение, которое я направил преимущественно к сидевшему тут школьному учителю, язычнику, видимо расположенному к христианству, ибо встретил меня вместе с христианами и участвовал в наших церковных разговорах и молитвах.

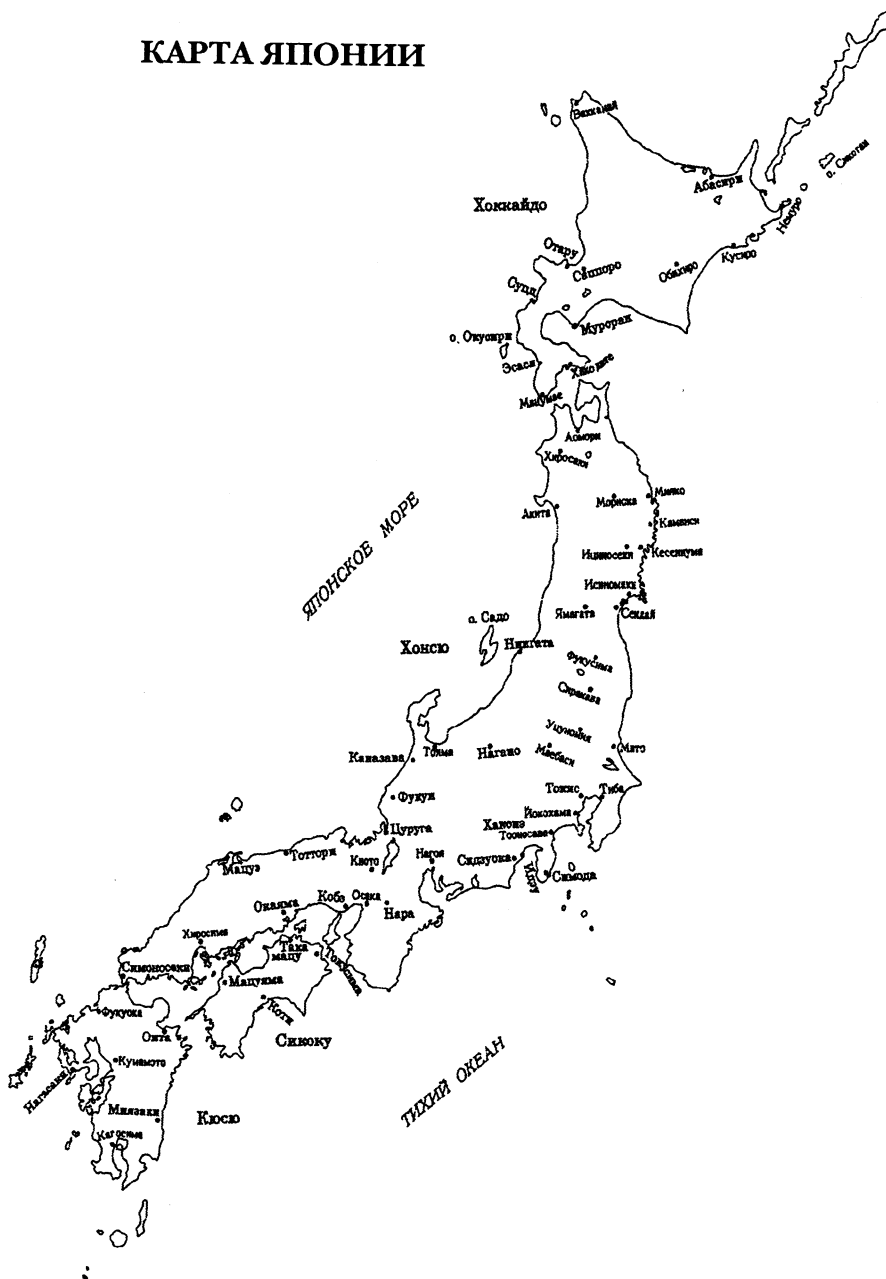
Снабжение иконами здесь вполне достаточное, но духовных книг для чтения нет нисколько, и потому мы с о. Борисом тут же составили небольшой список потребных здесь книг и отправили в Токио. Вместе с тем дано было наставление христианам собираться для чтения книг, а Фоме Метоки быть чтецом.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАРТА ЯПОНИИ

Именной указатель

- Абе, язычник – 458, 459
Абе, князь – 167
Абе Акила – 87
Абе Александр – 498, 499
Абе Андрей – 99
Абе Борис – 436
Абе Георгий – 439, 711, 713, 714
Абе Иоанн – 47, 48, 361
Абе Иосиф – 117, 458
Абе Исая – 85, 110
Абе Кирилл – 490
Абе Марк – 438
Абе Нина – 458
Абе Павел – 110, 711
Абе Петр – 86, 87, 365
Абе Софья – 473
Авано Виссарион – 126, 129, 141, 267, 671
Авано Петр – 31, 32
Августин, блаженный – 420
Авель, библ. – 718
Авель, свящ. – 325
Авона Виссарион – см. Авано Виссарион
Адаци, из Камеока – 564
Адаци, язычник – 240, 242
Адаци Вера – 452
Адаци Николай – 454
Адаци Петр – 169
Адой Георгий – 341
Аиба Афонасий – 763–765
Аиба Ераст – 391, 392
Аиба Тимофей – 244,
Аино Иосиф – 203, 204
Айбара Павел – 410
Аино Настасья – 526
Аиноура Павел – 155, 474, 496
Акабоси, князь – 183
Акаока Николай – 77
Акаси Иоанн – 618, 619, 621–623, 627, 634, 635, 764, 765
Акаси Петр – 765

- Акасиба Агафья – 758
 Акеци Мицухиде – 209, 210, 558
 Акила, св. – 360, 378, 429, 436, 567, 659
 Александр, слепой музыкант – см. Кумагаи Александр
 Акита, князь – 80, 81
 Александр II – 142
 Александр Михайлович, вел. кн. – 447
 Александр Невский – 40
 Алексеев Михаил Федорович – 300
 Алексеева София (Софья) Абрамовна – 125, 140
 Алексей, в Мидзунума – 11
 Алексей Владимирович, вел. кн. – 301
 Аmano Петр – 219, 226, 227
 Аматерасу – 457
 Амбо Варнава – 79, 799
 Ананий, еванг. персонаж – 423
 Анатолий, архимандрит – 74, 88, 97, 110, 119, 122, 123, 125, 128, 135, 137–139, 142, 193, 195, 203, 229, 248, 249, 251, 252, 254–256, 260, 263, 269, 271, 274, 275, 283–285, 291, 297, 312, 329, 414, 449, 734
 Анбора Павел – 544
 Андрей Критский, св. – 283
 Андрей, свящ. – 562
 Анекава, в Куруме – 158, 159
 Анна, св. – 517, 678
 Анна, в Сиозава – 11
 Анна, в Оокубо – 17
 Аннака Александр – 243, 244
 Антоний, старик в Санума – 41
 Антоний Великий, св. – 124
 Аоки Даниил – 382, 393, 396, 397
 Аоки Яков – 12
 Аоку – 257
 Аояма, в Оно – 108, 109
 Аояма Стефан – 228–230, 232, 392
 Аояма Тихон – 427–429
 Араи, в Накацу – 487
 Араи Макарий – 728
 Арай Николай – 351
 Араки Иосиф – 407
 Арахама, в Мориока – 783
 Арахама Наталья – 783
 Арима, князь – 159
 Арисугава, князь – 314
 Арита Василий – 521–523, 526, 538
 Арсений, старик в Уцуми – 606
 Арсений, миссионер – 273, 286, 421, 425–427, 429–431, 433–439, 442–444, 560, 734
 Арсений Афонский – 286
 Асагири Моисей – 367

- Асаи (Асай) Яков – 24–27, 110, 219, 222
Асами Лука – 230
Асано, князь – 164, 166
Асано Иосиф – 732
Асано Петр – 733
Асикага – см. Асикага-но Ёсимицу
Асикага-но Ёсимицу – 73, 209
Афонасий, в Маедо – 730
Афонасий, катихизатор в Таназава – 763
Афонасия, старуха в Санума – 41
Ацуми Кирилл – 587
- Бада Кирилл – 629
Бажанов – 130
Бакстон – см. Bakston
Бала – см. Ballah
Бан Петр – 22, 68, 72, 74, 75, 78, 81–83, 324, 348, 358, 366, 369, 371–373, 413, 790, 798
Бандо Илья – 214
Бачехёрд, протестантский миссионер – 440
Бекке – 57
Бенет – 298
Бенкей – 50
Бисмарк – 269
Блаватская – 421
Боба, полицейский – 464
Бринкли – 303, 304
Будда – 211, 212, 296
Быстров Феодор – 123, 275, 309, 419
- Ваинай Мелания – 435
Ваинай Стефан – 90, 414, 435
Вакабаяси Никанор – 229, 233
Вакуя Василий – 24, 380, 381
Вакуя И. – 24
Васильев – 418
Вата Кирилл – 630
Вата Мефодий – 630
Ватанабе Василий – 661
Ватанабе Зинон – 56
Ватанабе Павел – 31, 333, 343, 345
Ватари Алексей – 220, 225
Ватахики Иоанн – 659
Вашингтон – 554
Вера, мученица – 8, 315, 452
Владимир, св. – 302, 448
Владимир, миссионер – 113, 118, 122, 124, 125, 135, 140, 214, 248, 257, 264, 265, 268, 269, 271, 274, 275, 277, 279–281, 283–285, 289, 431
Властов – 128

Воллан де, Григорий Александрович – 447

Вольтер – 272

Втамура Иосиф – 222, 224, 397, 573

Гавриил, миссионер – 5, 14, 114, 119, 131, 285, 286

Гавриил, христ. в Иваядо – 364

Гавриил, католик – 639

Гамалиил, пророк – 319

Гамоо Фома – 731

Гедеон, миссионер – 264–266, 268–271, 273, 275, 280, 281, 286

Георгий, миссионер – 252, 280, 711

Герц – 117

Гете, издатель – 418

Гильдебрандт Яков Александрович – 273

Глебов Сергей – 420, 421, 423, 536, 548, 550, 555, 565

Годайго, император – 73

Гоиссин, князя – 210

Госанке, князя – 194, 219

Гото, политик – 278, 279

Гото Иосиф – 47

Гото Яков – 594

Готье М. – 268

Гошкевич – 271, 441

Григорий Богослов, св. – 137

Григорий, миссионер – 127

Давид, пророк – 305

Давыдов – 261, 262, 273

Давыдов А. Н. – 283

Давыдов А. П. – 279

Дагай Петр – 172

Дазай Петр – 177, 508

Даики Иосиф – 220

Дайторо, богач – 620

Девис, протестантский миссионер – 682

Демкин Иоанн – 277, 419

Деяма – 634

Джеферес – см. Jefferis

Джон, протестант – 379

Дзикен Петр – 639

Дзю-сициро – 501

Димитрий (Дмитрий), миссионер – 113, 114, 122–127, 236, 248, 285

Димитрий Сфедронович – 681

Додо Илья (Илья) – 33, 34, 43, 45, 46

Дои Матрена – 407

Дои Павел – 196

Дооке Анна – 315, 330

Доосней, протестант – 413

Достоевский – 136

- Думан Исак – 553
- Ебнепа Зинаида – 376
- Ева – 624
- Евгения, св. мученица – 416–418
- Евдокия, св. – 409
- Евстолия, игуменья – 126
- Евтихий, еретик – 292
- Евфимий, в Сиозава – 11, 12
- Евфимий (Ефимий), миссионер – 42, 127, 203, 220, 243, 281
- Едагава Матфей – 214
- Елена, княгиня – 51, 52
- Емоке – 662
- Ендо, богач – 763
- Ендо, старик – 777
- Ендо Василий – 363, 773
- Ендо Иоанн – 51, 98, 363, 742, 743, 773, 775, 776
- Ендо Иосиф – 744
- Ендо Савва – 348, 367
- Ендо Тимон – 371
- Енеде Иоанн – 165, 166
- Епифаний Кипрский – 10
- Еримий, миссионер – 285
- Ето Матфей – 471
- Ёда Исая – 53
- Ёкои Симеон – 490, 492
- Ёкоо Лука – 352
- Ёкота Иоанн – 371
- Ёнеяма Авраам – 517, 518
- Ёсида, ученый в Токусима – 215
- Ёсида Василий – 155, 474
- Ёсида Григорий – 360
- Ёсида Давид – 10, 11
- Ёсида Иоанн – 367
- Ёсида Матфей – 359
- Ёсида Павел – 203, 204, 206, 407, 451
- Ёсида Симеон (Семен) – 155, 474
- Ёсики Федор – 33
- Ёсимото – см. Имагава Ёсимото
- Ёсимура Павел – 651, 654, 658
- Ёсиока Дарья – 623, 625
- Ёсита Тенто – 96
- Иаков, апостол – 85
- Иаков, библейский персонаж – 510, 553, 584
- Ивабуци Василий – 101
- Ивабуци Иов – 101
- Ивадате Петр – 138
- Иваи Никанор – 240

- Иваи Авраам – 630
Иваи Иоанн (Иван) – 628, 630
Иваи Моисей – 628
Иваки Стефан – 145, 146, 148, 149, 151
Ивама Петр – 91
Ивама Василий – 349, 373
Ивама Яков – 91
Иванай – 415
Иванцов – 402
Ивао Петр – 470
Ивао Федор – 470
Иваса Иоанн – 212
Иваса Фома – 630
Ивасава Арсений – 118, 131, 274, 296, 415, 737
Ивасаки Конон – 325, 761
Ивасе Анна – 407
Ивата Акила – 752
Ивата Лукина – 567
Ивата Яков – 566–568, 752, 753, 792
Иватате Михаил – 618
Ивахаси Игнатий – 476
Ивахаси Павел – 476, 477
Игуци Григорий – 238
Игуци Елена – 238
Игуци Игнатий – 238
Идзуми Иоанн – 354
Идзумисава Нина – 370
Иеда Агния – 274
Иеда Елисавета – 10
Иеда Захарий – 9, 10, 719
Иемису – 681, 685
Иемицу – см. Иемису
Иеясу – 227, 233, 234, 239, 412, 654, 681, 685
Изава Мария – 636, 637, 643, 644, 758
Изанаги – 457
Изанами – 457
Иида Зоя – 721
Иидзима, семья – 486
Иидзима Павел – 488, 489, 493, 494
Иидзука Павел – 674, 714, 715
Иимори – 166
Иимура Вера – 195
Иимура Никанор – 195, 202
Иисио Павел – 584
Иисус Христос – 13, 97, 130, 135, 139, 148, 156, 172, 202, 213, 253, 254, 256, 261, 270; 272, 276, 287, 289, 296, 297, 304, 305, 307, 327, 333, 337, 339, 366, 388, 410, 429, 438, 449, 451, 460, 470, 473, 478, 484, 487, 490, 493, 494, 495, 506, 510, 515, 536, 549, 551, 553, 560–562, 567, 578, 585, 595, 604, 612, 614, 616, 623, 653, 659, 675, 676, 704, 713, 715, 722, 724, 725, 747, 762, 775, 778, 781

- Иицука Тимофей – 692, 693
Икава Андрей – 75, 76, 118–120, 790, 791
Икава Никанор – 366, 371, 791
Икава Петр – 18
Икебе, ученый – 474
Икеда Андрей – 729, 730
Икеда Иоанна – 187
Икеда Никанор – 187
Икеда Фома – 187
Икеда Яков – 186–188
Икезава Павел – 690
Икетани Исай – 671
Икетани Кириакия – 670, 671
Икува Ольга – 515
Икува Яков – 170, 177
Имагава Ёсимото – 226
Имада – 273
Имаи Симеон – 145
Имамура Алексей – 349, 778
Имамура Варнава – 43, 44, 46, 95, 98, 100, 331, 335, 338, 339, 348, 362, 363, 367, 372, 677, 706
Иманага Алексей – 422
Имемото Николай – 215
Имемура, учитель – 190
Именомура Мария – 219
Ина Андрей – 34, 35, 36
Инаба Иоанн – 394, 397, 559, 560, 561
Инагаки Тит – 226
Инамото, политик – 301
Ингама Иоанн – 86
Инеда Яков – 561
Ино Павел – 654–657
Иноде Пелагея – 580
Иноу, граф – 613
Иноуе, сирота – 472
Иноуе Кавацино-ками – 239
Иноуе Какугоро – 278, 279
Иноуе Павел – 428, 429
Иноуе Стефан – 392
Иноуе Хрисанф – 116, 117
Иоаким, св. – 517, 678
Иоаким, в Сиозава – 11, 12
Иоанн Богослов, св. – 37
Иоанн, евангелист – 203
Иоанн Златоуст – 775
Иоанн Кронштадтский – 300, 314, 356, 388
Иоаннский, митрополит Московский – 293, 320
Инаое Иоанн – 382

- Иномама Гавриил – 356
Иокояма Ной – 332, 354, 355
Иона, китайский ученый – 796, 797
Иоритоми – см. Иоритомо
Иоритомо – 50, 685
Иосида, врач – 681
Иосида Давид – см. Ёсида Давид
Иосида Стефан – 202
Иосимото Стефан – 202
Иосиф, в Сиозава – 12
Иосиф, библ. – 510, 517, 553, 584, 753
Иосицуне – 50, 169
Иото Димитрий – 431
Ирокава Симеон – 777
Исава Авраам – 26
Исайя, в Аннака – 9
Исибаси – 341
Исивара Агавья – 556
Исивара Иустин – 556
Исивара Петр – 232
Исигаме – 366, 665, 737
Исида, из Кокура – 447
Исида Анна – 201
Исида Игнатий – 201
Исида Иоанн – 198, 201, 264, 265, 270, 575, 578
Исидзука Стефан – 640, 642, 729, 739
Исидор, митрополит СПб – 126, 127, 308, 319, 362, 363, 666
Исизака Александр – 711
Исизака Лин – 461, 470–472
Исизака Саломея – 471
Исии Акила – 392
Исии Павел – 30, 31, 42, 47, 65, 104–106, 108, 109
Исии Поликарп – 73, 75, 77
Исикава – 196, 555
Исикава Захария – 659
Исикава Лука – 88, 90
Исикава Петр – 314, 529, 555
Исимаки Агафья – 407
Исимото – 200
Исо Петр – 691
Исогае – см. Исогаи
Исогаи Василий – 762
Исогаи Мария – 392
Исогаи Павел – 390, 392, 397
Исогаи Стефан – 213
Исохиса – 543
Исохиса, ученик – 548
Исохиса Иоанн – 544, 556, 557, 564

- Исохиса Кирилл – 544
Исохиса Федор – 544
Итабаси – 342, 555
Итабаси Ирина – 407
Итабаси Исая – 552
Итабаси Юния – 555
Итигаки – 279
Ито, граф – 279, 310, 446, 613
Ито, ростовщик – 668
Ито, в Нобеока – 456
Ито, из Ямага – 471
Ито Авраам – 365, 370
Ито Евфимия – 191, 193
Ито Иоанн – 89, 333, 363, 384, 392, 397, 573, 776–778
Ито Моисей – 195
Ито Николай – 154, 619, 640, 641, 643
Ито Петр – 371
Итоо – см. Ито
Иуда – 257, 460, 488, 725
Ицибеи Кувадзу – 543, 544
Ицидзэ Екатерина – 29
Ицидзэ Стефан – 29, 109, 110, 332, 350
Ицидзи Кирилл – 461
Ицикава Гавриил – 120, 535–538
Ицикава Климент – 220
Ицинохе Иоанн – 57
- Ка Стефан – 511
Каваба Кирилл – 498
Кавагуни Андрей – 407
Кавагуци Афонасий – 76
Кавагуци Гавриил – 196, 198
Кавагуци Марина – 197
Кавагуци Павел – 317, 332, 336, 338–343, 347, 554, 600, 601–606
Кавагуци Петр – 399
Кавада Петр – 30
Кавадзима Николай – 68, 784–786, 788
Кавай, семья – 588, 589
Кавай Петр – 392, 586, 587
Кавамата – см. Сакай Иоанн
Кавамота, католик – 400
Кавамото Иоанн – 668
Кавамото Яков – 376, 359, 360
Кавамура, морской министр – 145
Кавамура Иоанн – 667
Кавамура Марина – 227
Кавамура Моисей – 605
Кавамура Никанор – 214
Кавамура Петр – 72

- Кавамура Стефан – 221
Кавано Елисавета – 155, 156
Кавано Петр – 19–23, 111, 155–160, 180, 229, 469, 470, 472, 473, 475–482, 484, 491, 497, 502, 635
Кавасака Моисей – 452
Кавасаки Андрей – 76, 286, 665, 789
Кавасаки Иоанн – 76
Кавасаки Петр – 349
Кавасима Николай – см. Кавадзима Николай
Кавата Яков – 42
Каваци Иоанн – 407, 551, 554
Кага, князя – 153
Кагае – 202
Кагета – см. Кангета
Кадзима Лука, в Мацуе – 499, 523, 525, 526, 528, 538
Кадзуно Филипп – 228
Кадо Александр – 354
Кадо Елисей – 39, 40, 332, 340, 349, 355, 366, 789
Каин – 718
Кайеда Иоанн – 149
Кайкубо Ирина – 370
Какамори – 170
Какехаси Надежда – 536, 537
Какехаси Петр – 382, 394, 537, 588, 589, 590, 591
Какита, семья – 562
Какита Марина – 560, 561
Какита Софья – 559, 561, 562
Какита Сусанна – 560, 561
Камада Александр – 240
Камада Анна – 240
Камеда Марк – 382, 404, 405, 407, 567, 569
Камея Григорий – 195, 196, 200
Камей (Камей) Дамиан – 195, 197–199, 519, 536
Камей (Камей) Петр – 354–356
Камея Илия – 200
Камея Исаия – 195, 196, 200
Камея Лука – 371
Камея Лукия – 200
Камея Марина – 197, 200
Камея Стефан – 196, 199, 200
Камико – 165
Камия Григорий – 399
Камия Исая – 277
Камия Стефан – 399
Камияма Аихара – 215
Камо Андрей – 172, 202
Камогавч Исаия – 105, 106
Камои Григорий – 513

- Камои Иоанн – 655, 658, 739
Камои Стефан – 513, 527, 530
Канаёси; врач – 477, 479
Кагаи Стефан – 721, 722
Канамори Андрей – 117, 136, 163–166, 168, 195, 203
Канамори Анастасия – 376
Канамори Афонасия – 376
Канамори Ездокия – 363
Канамори Исаия – 363
Канга Виссарион – 371
Кангакуся Танено – 165
Кангами – 487
Кангета Даниил – 220, 235, 240
Кангета Екатерина – 371
Кангета Исаия (Исайя) – 48, 49, 371, 771
Кангета Марина – 576
Кангета Марфа – 576
Кангета Матфей (Матвей) – 23, 24, 27, 30, 38, 42–45, 48, 49, 52, 54, 64, 95, 98, 101, 104, 110, 195, 229, 232, 235, 240, 285, 295, 315, 331, 342, 381, 382, 384, 385, 387, 388, 390, 392, 393, 396, 397, 411–413, 506, 536, 537, 573, 575, 576, 578, 579, 581, 586, 588, 589, 592–594, 597, 603, 604, 607–609, 611, 613–616
Кангета Павел – 42, 43, 48, 51, 195–199, 361, 382, 387, 390, 391, 395, 412, 592–595, 703
Кангета Сара – 413
Кангета Яков – 371
Канеда – 690
Канеда Маркиан – 45
Канеда Николай – 359
Канеёси – 481
Канеко Иоанн – 785
Канеко Павел – 423, 442, 653
Кано Петр – 322, 574
Касаи Давид – 773
Касаи (Касай) Павел – 22, 362, 773, 774
Касай Стефан – 22
Касанса Василий – 689
Касанса Петр – 689
Касама – 690
Касиваги Николай – 54
Касивазаки Капитон – 88, 89, 94
Касукабе Мария – 579, 584
Катакура Иоанн – 22, 24, 341, 342, 347, 350, 581
Катакура Мария – 330
Катано Александр – 332
Катано Екатерина – 332
Катаока Иоанн – 635, 638–640
Катаока Петр – 698
Катаяма – 75

- Катаяма Павел – 8
Като Авраам – 690
Като Алексей – 376
Като Давид – 6
Като Захария – 379
Като Игнатий – 458, 460, 461
Като Ия – 228
Като Марфа – 560
Като Матвей (Матфей), в Хакодате – 422
Като Матфей, в Накане – 628–630, 634
Като Петр – 170, 559
Като Семен, в Ёнако – 523, 525
Като Симеон, в Нагоя – 220, 222
Като Сира – 376
Като Феодосий – 228
Катоо Киёмаса – 153, 224, 226
Катори Петр – 630, 633
Кацумота Павел – 348, 363, 364, 369, 372
Кацумото Сергей – 32
Кацуяма Иов – 6, 7, 10
Кваннму – 713
Кванно Анна – 35, 256, 262, 263, 301, 309, 625, 745
Кванно Малахия – 98, 136
Квано – см. Кванно
Кенкваайгин, язычник – 360
Кенсин – 748
Кеогоку Хидано-Ками, князь – 183
Кеогосоку Такатоми, князь – 184
Кидехира – 50
Киёвара Алексей – 46
Киёхира – 50
Кикута Иустин – 201
Кикута Моисей – 201
Кikuци, семья – 80
Кikuци, богач – 92, 93
Кikuци Авраам – 367, 371
Кikuци Варвара – 467
Кikuци Василий – 24, 26, 30, 126, 128, 371
Кikuци Елисей – 53
Кikuци Захария – 43, 44
Кikuци Иоанн – 465–468
Кikuци Иов – 371
Кikuци Мария – 371
Кikuци Моисей – 371
Кikuци Павел – 25, 30
Кikuци Пелагея – 371
Кikuци Петр – 364
Ким-е-Ким – 266

- Ким-ё-кюн – 401
Кимбра Матфей – 240
Кимура Акила – 384, 391, 392, 397
Кимура Иосиф – 192, 193
Кимура Матрена – 423
Кимура Павел – 33
Кимура Петр – 111
Кимура Савва – 33, 34, 104
Кимура Хрисанф – 392
Кимура Яков – 376
Кинбо, помещик – 782
Киноваки Иоанн – 145, 149
Киносита Матфей – 551
Кирилл, св.– 293
Кирилл, миссионер в Иерусалиме – 271
Кирина, девица – 670
Кирино, инсургент – 146
Кисака Лука – 106
Кисида Софья – 172, 176
Кисима Симеон – 460, 461
Кисимото Моисей – 581
Кису Акила – 35, 36, 332, 354, 355, 542, 653
Кису Вера – 35, 301, 355, 679
Кису Мария – 35, 301, 354–356
Кита Иосиф – 86
Кита Мария – 87
Китагава – 134
Китагава Алексей – 410, 545, 546
Китагава Василий – 274, 482, 483
Китагава Моисей – 470,
Китагава Яков – 274
Китамура Мария – 706, 707
Китамура Павел – 706, 707
Кицухара Павел – 674
Кобаяси, сапожник – 713
Кобаяси Алексей – 325, 326, 357
Кобаяси Иоанн – 331, 334, 338, 339, 668
Кобаяси Марфа – 681
Кобаяси Нина – 681
Кобаяси Павел – 13, 15, 16, 335
Кобаяси Петр – 681
Кобаяси Сергей – 699
Кобаяси Симеон – 747
Кобори Ной – 696–699
Ковака Николай – 528
Когги Яков – 65
Кодадзима – 787
Кодадзима Иосиф – 371

- Кодадзима Матфей – 55, 56
Кодадзима Николай – 367
Кодадзима Павел – 414
Кодадзима Юлия – 365, 370
Кодзима Лука, в Асакуса – 116–121
Кодзима Николай – 230
Кодзима Павел – 29, 30
Кодзукури Яков – 523
Козаки Павел – 130, 144, 147, 149, 168–171, 176, 180
Коидзуми Петр – 659, 660
Коике Исидор – 711
Коике Мелентий – 747
Коиси Никанор – 219
Коиси Марфа – 219
Койкубо Филипп – 371
Кокубу Петр – 706, 707
Комагай Александр – см. Кумагаи Александр
Комацу Андрей – 764
Комацу Тит – 285, 414, 433, 434, 439, 444, 699, 795
Комацу Тара – 141
Комуро Антоний – 712
Кон Авраам – 97–101, 368
Кон Давид – 100
Кон Елена – 100
Кон Иоанн – 92
Кон Матфей – 86
Конги Тит – 370, 772
Конги Яков – 85, 86, 88, 90–92
Конгои Василий – 200
Конгои Фотина – 200
Конгои Иона – 200
Конгои Хрисанф – 199, 200
Конготака Павел – 352
Конда Никифор – 72
Кондер, архитектор – 673
Кондо Василий – 241
Кондо Ирина – 575
Кондо Матфей – 76,
Кондо Павел – 219, 223
Кондо Сара – 756
Кондо Стефан – 220, 221, 667, 748, 749, 754–756
Кондо Тимофей – 575
Кониси Даниил – 172, 256, 286, 397, 511, 665, 681
Конно Иоанн – 46, 332, 376
Конно Малахия – 101
Конно Давид – 354
Конфуций – 624, 780
Кообоодайси – 27, 209, 213, 249

- Коода, учительница – 586
Кооно Павел – 747
Коорой Петр – 363
Корнилов – 443
Короо, князь – 425
Косияма Вера – 434
Косияма Софья – 431
Косияма Тит – 431, 434
Костылев – 262
Косути Павел – см. Косунги Павел
Косунги Павел – 461, 465–469
Котава Мария – 228
Котава Петр – 228
Котама Яков – 230, 232, 593, 594
Котама Елисавета – 301, 304, 309
Котера Иоанн – 796, 797
Кото, князь – 437
Кото Игнатий – 326
Кото Матфей – 444
Крупеников – 40
Крыжановский – 118, 139, 143, 260
Кубо Яков – 50, 51, 52, 75, 76, 81, 789, 790
Кубота, из Асикага – 12, 13
Кубота Дионисий – 510
Кубота Нифонт – 739, 750, 751
Кубота Павел – 239–245, 382, 406, 407, 558, 559, 562, 750, 751
Кубота Петр – 750, 751
Кувабара Яков – 608
Кувада – 167
Кувадзима – 709
Кувадзима Ной – 8
Кувадзима Павел – 8
Кувадзу – см. Ицибеи Кувадзу
Кувано Василий – 477
Кудзики Дарья – 31
Кудзики Петр – 20, 31, 53, 54, 74
Кудо, врач – 158
Кудо Захария – 351
Кудо Симон – 382, 386, 607
Куйсу, старик – 283
Кукуци Петр – 349
Кумагае Яков – 368
Кумагай Петр – 98
Кумагаи (Кумагай) Александр – 33, 40–42, 47, 126, 241, 354
Кунгимия Стефан – 155–157, 160, 203, 499
Куно, врач – 461, 463
Куно Иосиф – 608
Курада Лука – 91

- Курамото Павел – 465, 467–469
 Курибара Гамалиил – 671, 672
 Куриякава Моисей – 779, 781
 Курода, князь – 160
 Курода, политик – 301, 310, 312
 Курокава Илия – 220
 Курокава Ольга – 220
 Курокава Симеон – 220, 221
 Куросава Павел – 727, 746–748
 Куросава Матфей – 371
 Куцуки Ооми-но Ками – 190
- Ленивов – 7
 Лондсдал – см. Londsedale
 Лондсталь – см. Londsedale
 Лука, врач в Оокубо – 12, 13, 17
 Лука, бонза – 46
 Лука, евангелист – 74
 Львовский – 252, 260, 268, 281, 284, 310
 Любовь, св. мученица – 8, 315, 452
 Людовик XVI – 272
- Мабуци Иван (Иоанн) – 476, 489–492, 499, 544
 Мабуци Яков – 544
 Мада Илия – 333
 Маденокоодзи, синтуист – 325
 Маеда – 167
 Маеда Марк – 202
 Маеда Тарасий – 524
 Маедако Яков – 126, 141, 143, 206, 222, 237, 337, 347, 353
 Маедо Тарасий – 310
 Макарий, архиепископ – 118
 Маки Фома – 8, 10–12, 169, 202, 396, 397, 581–583, 585
 Макино Матфей – 744
 Макита – 121
 Максимович (Чоноске) – 780
 Макураи Павел – 626
 Малышевский – 293
 Манабе Вениамин – 201
 Мано Иосиф – 228
 Мано Симеон – 31
 Мардарий, св. мученик – 416, 417
 Мария Магдалина – 329, 378, 432
 Маруяма Фаддей – 407
 Марья Клементьевна, сестра милосердия – 263
 Масика Лука – 659, 660
 Масико – см. Масика
 Масуда Тит – 761
 Масуда Яков – 667, 668

- Матано Петр – 748
Матфей, портной – 8
Матфей, землевладелец – 39
Матфей, евангелист – 74, 75, 85, 173, 192, 196, 203, 236, 243
Мацубара Симеон – 348, 361, 362, 372, 770, 783, 794
Мацуга Василий – 528
Мацуда, дьякон – 571
Мацуда Аркадий – 199
Мацуда Силуан – 199
Мацуда Яков – 195, 199, 202, 219–223, 225, 226
Мацуда Фома – 10, 65
Мацудаира Бизен-но камии – 176
Мацудаира Гёобу – 234
Мацудаира Сахео-но камии – 191
Мацудаиро Бизен-но камии – 190
Мацуи, кагих. в Маебаси – 6
Мацуи Агафья – 331
Мацуи Александр – 24
Мацуи Василий – 241, 250
Мацуи Николай – 482, 483, 746
Мацуки, в Оита – 491
Мацумото – 133, 414, 688
Мацумото Игнатий – 705
Мацумото Иоаким – 238
Мацумото Иоанн – 95
Мацумото Лука – 202
Мацумото Мария – 195
Мацумото Моисей – 476, 528
Мацумото Павел – 435–439
Мацумото Петр – 93, 352
Мацумото Саломея – 238
Мацумото Сингоку – 96
Мацумура Георгий – 755, 756
Мацумура Павел – 91–94
Мацунага – 388
Мацунага Анна – 614
Мацунага Мария – 614
Мацунага Матфей – 595, 597–600, 615, 616
Мацунага Моисей – 613, 614
Мацуо Иоанн – 71, 72
Мацура Андрей – 149
Мацусима Лука – 208
Мацуура Лука – 450
Мацуяма Григорий – 205, 210
Метоки Андрей – 78–81, 799
Метоки Евдокия – 79
Метоки Игнатий – 799
Метоки Ирина – 79, 799

- Метоки Ия – 79
Метоки Лука – 799
Метоки Марк – 799
Метоки Никанор – 79, 800
Метоки Никита – 79
Метоки Симон – 78, 79
Метоки Тимофей – 79, 799
Метоки Фома – 799, 800
Метоки Юлия – 79
Мефодий, св. – 293
Мещерская Александра – 577
Мещерская Софья – 401
Мива Иоанн – 222
Мидзумаки Кирилл – 428, 430
Мидзуно Федор 17, 117, 141, 163–166, 203, 265, 273, 275, 305, 309, 326, 696, 728, 729, 731–734, 738–741, 744, 749, 750, 751, 759–764, 766–768
Мидзусима Исая – 492, 514–518
Мидзутани Агафия – 392
Мидзутани Акила – 392
Мидзуяма Иов – 45, 47, 95, 308, 329, 330, 333, 337, 339, 340–347, 349–351, 371, 373, 377–380, 735, 771
Мидзуяма Мария – 371
Миёси Дарья – 647, 649
Миёси Исая – 227
Миёси Матфей – 647–649, 659
Миёси Сира – 590
Мии Симеон (Семен) – 65, 274, 295, 296, 337, 415, 598, 738
Миизава Авдий – 733
Миками Василий – 371
Мики, семья – 688
Микино Николай – 228
Милне – 444, 445
Минамото Андрей – см. Кавасаки Андрей
Минамото – 159, 190
Минамото Мария – 789
Минамото Павел – 68, 73–76, 88, 89, 317, 366, 788, 789, 794, 795
Минато Моисей – 428, 436
Минова Иоанн – 755, 756
Минова Нифонт – 570
Минова Яков – 570
Миното Федор – 443
Мисава Пантелеймон – 228
Мисима – 569
Мисима Павел – 407
Мисима Петр – 382, 404, 408
Митакура Павел – 65, 365, 370
Митрофан, миссионер – 266, 268–271, 273
Миура Андрей – 102, 436

- Михей, миссионер – 248
Михей, красильщик, – 552
Мицуи Матфей – 343
Миягава Феодосий – 121, 337, 555
Миядзи Мохей – 548
Миядзу, князь – 187
Миязаки Иоанн – 624
Миязаки Тимон – 177
Миякава Феодосий – 524
Мияке, богач в Нобеока – 456
Мияке Иоанн – 398, 399, 401, 407, 515, 568, 569
Мияке Моисей – 171, 180
Миямото Григорий – 220, 228, 792
Миясима Афонасий – 613, 623
Миясима Павел – 624, 626
Миясира Илья – 743
Миясита Григорий – 235
Миясита Евдокия – 392
Миясита Илия – 222, 224, 573
Моисей, миссионер – 127, 285
Мокий, св. мученик – 9
Момбусё, чиновник – 643
Момосе Пафанаил – 743
Момосима Поликарп – 366
Монтосиу – 151, 163, 185, 195, 204, 229, 231, 641
Мор, патер – 379
Мори, министр просвещения – 312-314
Мори Георгий – 459
Мори Гундзи – 473, 475
Мори Моисей – 757-759
Мори Мотонори – 164
Мори Никита – 30, 48, 104, 322, 406, 507, 513, 527, 530, 538
Мори Петр – 57
Моримуне Александр – 202
Мориока – 487
Мориока Марк – 221, 392
Морисита Стефан – 712
Морита, богач – 607
Морита Анна – 172, 177-179, 202, 508
Морита Иоанн – 450, 453, 454
Морита Корнилий – 348, 358, 368, 372, 516, 776. См. также Хоси Корнилий
Морита Мария – 177-179, 202, 449, 450, 452, 453. См. также Сато Мария
Морита Марфа – 453
Морита Павел – 126, 131, 222, 324, 415, 446, 447, 481, 500, 502-506, 625, 626
Морита Сергей – 523
Мотомия Варнава – 68, 783
Мотохира – 49, 50
Моцидзуми Мария – 615

- Мукайда Мария – 370
Мукан Козьма – 195
Мукояма Игнатий – 270, 715, 716, 718, 722, 723, 725, 726, 728
Мукояма Авдий – 718, 719
Мунаката, врач – 157
Мураи Павел – 480
Мурай Ной – 269
Мураками, христианин из Кеото – 408
Мураками Анна – 13
Мураками Владимир – 220, 226–228, 234
Мураками Иоанн – 690, 691
Мураками Лука – 169–171
Мураками Марфа – 515
Мураками Никанор – 36, 38, 39, 103, 356
Мураками Павел – 478–481
Мураки Андрей – 367
Муракумо, моняхиня – 620
Мурамацу Давид – 241
Мурасава Тимофей – 33, 45
Мурата Иосиф – 105, 108, 109
Мурата Мария – 721
Мурата Петр – 33
Мурин Моисей – 305
Мурина Моисей – 426
Мурокоси Лука – 689, 690
Муромаци Давид – 391, 585, 586
Муцу, министр – 550, 613
- Нагае (Нагаё) Авраам – 202, 207, 208
Нагае Давид – 201
Нагаи Вера – 475
Нагаи Захария – 240
Нагаи Иосиф – 473
Нагано, братья – 494
Нагано Павел – 348, 365, 369, 778, 782, 783
Нагао Павел – 598
Наганума Иоанн – 336
Нагасава – 560
Нагасава Исая – 332, 351, 354
Нагасава Василий – 674
Нагасава Яков – 674
Нагасан – 298
Нагатоми Петр – 497–499
Нагаяма Иоанн – 332, 347, 350, 353
Надежда, св.мученица – 8, 315, 452
Найто Алексей – 456
Найто Ирина – 460
Найтоо Марина – 235

- Найтоо Сусанна – 392
Накагава Илья (Илья) – 95, 96, 333, 335, 338, 340, 342, 344, 345, 347, 358, 373, 380
Накагава Иннокентий – 21
Накагава Петр – 150
Накагава София – 330, 445
Накада Павел – 15, 80, 81, 195
Накадзима – см. Накасима
Наказавя Макарий – 775
Накаи Павел – 192, 193, 195, 201, 203, 206, 294, 310, 313, 318, 518, 540, 586
Накакоодзи Андрей – 186–188, 562, 565
Накакоодзи Даниил – 186
Накакоодзи Лука – 186, 408, 562
Накакоодзи Марфа – 186, 562
Накакоодзи Моисей – 562
Накакоодзи Павел – 169, 184, 186–188, 213–217, 249, 510, 537, 562
Накакоодзи Петр – 186–189, 563
Накамура, в Тоёхаси – 397
Накамура Давид – 686, 687
Накамура Иоаким – 152
Накамура Иоанн, в Кагосима – 451
Накамура Иоанн, в Канума – 678, 686, 687
Накамура Павел – 228, 411, 412, 592–594
Накамура Хеврония – 451
Накане Тимофей – 230, 232
Наканиси Павел – 390–392
Наканиси Софья – 392
Накано Николай – 459
Накано Онисим – 29, 30, 41, 43, 75, 109, 133, 366
Накано Павел – 485
Накано Петр – 20, 106
Накао Давид – 219
Накасато Иоанн – 75
Накасато Лука – 74, 76, 77, 366
Накасима Иоанн – 145, 149, 150
Накасима Лука – 732
Накасима Николай – 651, 659
Накасима Петр – 220
Накасима Тит – 707, 709
Накахара Илья – 65, 88–90, 92, 344, 779
Накахора Иоанн – 716
Накахора Ия – 716
Накахора Ольга – 718
Накацука Иов – 647
Накацука Иосиф – 647
Накацукаси Петр – 289
Накая Васса – 421, 444
Накаяма – 15, 16
Накаяма Фома – 699

- Накодаци Петр – 376
 Накораи Василий – 766
 Накуи Тит – 348, 364, 372, 373, 387
 Намакура Елена – 376
 Намбу, князь – 65
 Намбу Иоанн – 228, 230, 232
 Намеда – 17
 Намеда Вера – 708
 Намеда Климент – 6, 294, 708
 Намеда Софья – 709
 Намеда Тихон – 709
 Нанабу Мария – 411
 Наполеон – 554
 Наразака, чиновник – 479
 Нараяма Стефан – 58, 59, 60, 63, 65, 85, 86, 90, 96
 Насибу Мария – 593
 Наст, американец – 302
 Нат, американец – 298
 Негоро Яков – 722
 Немото Давид – 81
 Немото Дамиан – 659
 Немото Исайя – 658, 659
 Непир, секр. англ. посольства – 414
 Нёрай – 685
 Несторий, еретик – 292
 Нива Вера – 451
 Нива Матвей – 11, 317, 729
 Нива Яков – 322, 325, 326, 449, 451, 453, 454, 457
 Нигано Павел – 372
 Нигатомо Иоанн – 463
 Ниедзима, протестант – 152, 157, 166, 178, 210
 Ниими – см. Ниими
 Ниидзима – см. Ниедзима
 Ниими Акила – 242, 596
 Ниими Давид – 227, 228, 242, 243, 392, 595–598
 Ниими Нина – 242, 596
 Ниицума Наталья (в девич.) – 50
 Ниицума Ольга – 50
 Ниицума Павел – 41, 42, 50, 118, 120, 125, 128, 129, 133–135, 137, 178, 202, 240, 250–252, 256, 257, 265, 270, 271, 273, 288, 299, 308–310, 317, 318, 321, 322, 325, 326, 332, 336, 337, 345, 346, 368, 397, 550, 558, 590, 624, 636, 638, 639, 643, 666, 674, 697, 698, 714, 727, 740, 757, 767
 Никамура Софроний – 676
 Никанор, повар – 5, 79, 138, 274
 Никифор, повар – 5, 57, 66
 Николай, епископ – 400, 491, 507, 617, 645, 738
 Николай, врач в Хакодате – 51
 Николай, святитель – 7, 37, 40, 252, 450, 670, 671

- Ниносеки Дарья – 371
Ниносеки Петр – 371
Ниси, представитель Японии в Петербурге – 131, 132, 135
Ниси Петр – 204, 207, 407
Ниси Хонгвандзи – 163
Нисикава, язычник – 196
Нисимура Илларион – 367
Нисино – 312, 313
Нисио Павел – 240
Нисио Марк – 391, 584, 585
Нисиока Павел – 726
Нитта Иаков (Яков) – 425, 426
Нитта Иоанн – 425, 426
Нитта Инна – 425
Ницирен-сёонин – 141
Ницуума Павел – см. Ницуума Павел
Нобе врач – 463
Нобунага – см. Ода Набунага
Ногучи, хозяин гостиницы – 462
Нодзиро – 410
Нозаки, солепроизводитель – 173, 174
Нозаки Василий – 220
Нозаки Вера – 243, 245
Нозаки Иосиф – 430
Нозаки Николай – 172, 173, 511
Нозаки Ной – 144, 146
Нозаки Юлия – 220
Нозаки Яков – 243–245
Нои Петр – 459
Номура, ученый – 452
Номура Михаил – 428
Номура Петр – 158–160, 477
Номура Сергей – 273
Нонака – 154
Нонака П. – 499
Нономура Лия – 435
Нономура Павел – 433
Нономура Иоанн – 347, 351, 353, 354, 433, 435
Норией Тарасий – 524
Норита Давид – 476, 477
Ното Симеон – 514
Нотохари Симеон – 170
Нумабе Сергей (Сергей) – 33, 34, 118, 128, 249, 254, 264, 316, 387, 415, 470, 527, 529, 625, 626, 646, 666, 700
Нумазаки Иоанн – 92
Нумакура Матфей – 376
Нунокава Алексей – 423
Ньюир, протестантский миссионер – 760

- Обара Александр – 281
Обара Алексей – 337, 338, 734
Обара Петр – 43–46, 95, 98
Обата Акила – 763
Обата Антоний – 763
Обата Хейзаемон – 695
Овари, князь – 224
Овата Алексей – 201
Овата Иоанн – 25–27, 206, 259
Овербек, издатель – 418
Огава Давид – 638
Огава Симеон – 213–217, 524, 531, 532, 534, 535, 537, 637
Огава Макарий – 641
Огата Иоанн – 532–535
Огино, семья – 492
Огино Агафья – 493
Огино Алексей – 495
Огино Иоанн – 511, 512
Огино Кир – 493, 494
Огино Лукия – 493
Огино Яков – 511
Ода Нобунага – 209, 210, 226, 558, 619
Ода Прокопий – 528
Ода Симеон – 370
Ода София – 216
Ода Стефан – 178, 370
Одагири Марк – 184, 565
Одагири Марфа – 184, 408, 565
Озаки, портной – 456
Озаки Анатолий – 153, 154, 203, 234, 235, 241, 382, 388, 393, 395, 397
Озаки Варвара – 754, 756
Озаки Григорий – 651–654
Озаки Петр – 755, 756
Оокава Павел – 349
Оидзуми Иоанн – 35
Оикава – 368, 369, 371
Ойгава Иосиф – 376
Ока Андрей – 694, 695
Ока Анна – 520
Ока Григорий – 690
Ока Иоанн – 520, 690, 694
Ока Исая – 172
Ока Петр – 172–178, 202, 509
Окабе, врач – 479
Оказаки Андрей – 796
Окамото Василий – 734
Окамото Павел – 172
Окамура Екатерина – 220

- Окамура Павел – 68, 72, 95–98, 102, 169, 172, 177, 219, 221, 223–226, 511, 512, 514, 517, 518
- Окасима Георгий – 202
- Окаяма – 709
- Окотера Яков – 371
- Окуда Кирилл – 382, 394, 397, 607, 616
- Омура К. – 527
- Олькот – 346
- Онгасавара Анна – 407
- Онгасавара Иоаким – 407
- Онгасавара Кирилл – 545
- Онгивара Акила – 739
- Онгивара Иоанн – 39, 227, 229, 235
- Онгивара Тит – 738–740
- Оно Георгий – 488
- Оно Иоанн – 23–25, 27, 42, 108, 110, 144, 145, 147, 202, 231, 234, 235, 240, 243, 270, 285, 322, 324, 325, 341, 342, 349, 381, 382, 398, 399, 401–404, 406, 407, 446, 469, 471, 472, 474, 506, 538, 539, 541–553, 556–558, 560–566, 568–574, 586–588, 607, 625, 626, 691, 764
- Оно Марианна – 539
- Оно Фома – 144, 382, 400, 402, 407
- Онотера Иосиф – 99
- Онотера Петр – 100
- Оноуе Иоаким – 451, 453
- Онума Давид – 144, 145, 147–151, 218, 619, 638
- Ооаво Филипп – см. Ооива Филипп
- Оовата – 25
- Оогава Ной – 38
- Оогами Лука – 727
- Ооги Игнатий – 714
- Ооги Иосиф – 236
- Ооги Лука – 641
- Ооги Марк – 641
- Ооого Стефан – 118, 137, 140, 200, 229, 232, 235, 257, 260, 273, 282, 283, 372
- Оогура Петр – 705
- Оода Симон – 366
- Оодадзуме Петр – 55, 228, 315, 380, 381
- Оодадзуме Марина – 331
- Оодзима – см. Оосима
- Оои Павел – 739
- Ооива Петр – 601
- Ооива Филипп – 392, 600–603, 606, 675
- Ооидзуми Иоанн – 351
- Ооикава Петр – 361, 362, 371
- Оока Ецизеннокаме – 501
- Оокава Петр – 31
- Оокоодзи Стефан – 240
- Оокоодзи Иоанн – 600, 602, 603

- Оокума – 278, 279
Оокума Петр – 733
Оокуса Иосиф – 463
Оомай – 126
Оомаци Георгий – 330
Ооми Сира – 376
Оомори Андрей – 357, 358, 371
Оомори Иоанн – 72, 80, 81, 428, 429
Оомори Фома – 81, 428
Оомура Константин – 6
Оона Лука – 407
Оонами Даниил – 35, 36, 39
Оондзуми Иоанн – 332
Оониси, бонза – 397
Оонума Павел – 780
Оосава Варвара – 706, 707
Оосава Иоанн – 794
Оосава Петр – 626, 628
Оосима, ученик – 126
Оосима Кирилл – 743
Оосима Петр – 690, 691, 714
Оосима Спиридон – 6, 25, 72, 118, 119, 169, 172, 177, 202, 203, 270, 322, 350, 487, 631, 635, 714
Оота Алексей – 363, 587
Оота Бицциуно-ками – 242
Оота Евфросиния – 586–588
Оота Лидия – 392, 587, 588
Оота Моисей – 390, 392, 586–588, 593, 597
Оота Феодора – 587, 594
Оотака Ефрем – 431
Оотани Симон – 164–166
Ооура Лука – 199, 208
Ооура Марк – 195, 199, 200
Оохара – 132, 136
Оохаси Иоанн – 202, 638, 698
Оохаси Роман – 241
Ооцука Матфей – 524
Ооцука Пелагея – 739, 740
Ооцука Сергей – 739, 740
Ооцуки Исаак – 267
Ооцуки Исаия (Исайя) – 39, 138
Ооцуки Фома – 348, 361, 362, 368, 369, 372, 702
Ооцуки Яков – 33, 39, 58, 59, 253
Оояма, военный министр – 266
Оояма Илия – 376
Оояма Иов – 234, 392
Оояма Иона – 371
Орита Лука – 448, 451

- Ортатский – 419
Осатаги – 637
Оседа Николай – 545
Осиено Кангами – 429
Осозава Николай – 687–689
Осозава Фадей (Фаддей) – 617, 620, 622, 624, 626, 627, 629, 631–635, 638, 639, 640, 642, 646–652, 654, 657, 658, 660, 662–666, 670, 672, 679, 680, 687
Ота Никита – 236
Отокозава Иоанн – 33, 38, 45, 104, 169, 192, 240
Охара Иоанн – 192
Оциай Павел – 382, 395, 463, 579, 580
Оцука Сергей – 740
Ояду – 430
Ояма Аврам – 741
Ояма Елена – 741
Ояма Петр – 739, 762
- Павел, апостол – 135, 257, 258, 293, 359, 416, 419, 482
Павлов Иван Иванович – 135, 138
Пантелеимон, св. – 79, 426
Парвов – 418
Парита Давид – 473
Паркс, англ. министр – 279
Пеликан – 116–118, 125
Перри – 567
Петр, апостол – 135, 276, 401, 416, 419
Пинна – 444
Плакида-Евстафий, св. – 678
Победоносцев Константин Петрович – 131, 293, 320
Попов Евгений К. – 418
Посъет – 301
Пота, баптист – 52, 63
Прасковья, царица – 272
Прискилла, св. – 360, 378, 429, 436, 567, 659
Путятин – 278, 567
Путятинна Ольга Евфимовна (Ефимовна) – 126, 261–264, 267, 275, 278, 280, 282, 285, 288, 291, 301, 311
- Раевский – 418
Раиса, певчая – 51
Райкубо Гавриил – 779
Райт – см. Wright
Рачинский С. А. – 286
Ренгё-сама – 766
Ренкоу, князь – 653
Римарися – 92
Ричардсон – 148
Роман Сладкопевец, св. – 621

- Романова Мария Иосифовна (Осиповна) – 135, 136, 138
 Русу Анна – 363
 Русу Елена – 363, 776
 Русу Мотохару – 51
 Русу Петр – 776
- Сабанаи Павел – 365
 Сабанай Евгений – 33
 Сабина – 632
 Савабе Алексей – 257, 261, 337, 506, 565
 Савабе Павел – 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 37, 42, 68, 72, 74, 98, 111, 136, 141, 219, 220, 229, 247–257, 259, 261, 282, 288, 322, 346, 350, 543–545, 665, 666, 682, 700, 701, 703, 705
 Савабе Стефан, начальник тюрьмы – 264
 Савабе Стефан, цирюльник – 687, 688
 Савабе Текуса – 544
 Саваде Петр – 82
 Саваде Яков – 78–84, 139
 Савано Петр – 62, 365, 370
 Савахин Еф. Ник. – 135
 Саебара – 741
 Саеима, полицейский – 101
 Саеки Тимофей – 482, 484, 485, 527, 529, 554
 Саимару Андрей – 660
 Саймару Ирина – 660
 Саймару Павел – 660
 Сайго, инсургент – 145, 146, 148, 150, 161, 198, 199, 216, 480
 Сайго, политик – 273, 301
 Сайго, графиня – 709
 Сайго Алексей – 273, 463
 Сайдэе Никанор – 104, 105, 108
 Сайкайси Иоанн – 55, 56, 61, 65, 294, 348, 365, 370, 372–374, 782, 783
 Сайки Петр – 95, 96
 Саймару Андрей – 660, 662, 663
 Саймару Ирина – 660
 Саймару Павел – 660–663, 665
 Сайто, язычник – 611
 Сайто, христианин – 688, 691
 Сайто Василий – 709
 Сайто Елисей – 370
 Сайто Иоанн – 443
 Сайто Иустин – 709
 Сайго Павел – 281, 692–695
 Сайто Петр – 787
 Сакагуци Яков – 204, 206
 Сакаи Мияке – 399
 Сакай Елена – 47, 64
 Сакай Илья – 45
 Сакай Иоанн – 38, 42, 44, 45, 47, 48, 58, 63, 68, 72, 74, 78, 81, 86, 92, 97, 142, 357, 359, 422, 423, 428, 785

- Сакай Ной – 44, 45
Сакай Петр – 69
Сакай Утано Ками, князь – 182, 657
Сакамото – 464
Сакамото Петр – 45, 75, 360
Сагауси Павел – 65
Сакума, протестант – 292
Сакураба – 79
Сакураи Захария – 771
Сакураи Николай – 628, 673, 674, 677, 680, 686–691, 705
Сакуси Павел – 284
Самада Яков – 10
Самесима Лука – 527, 530
Самойлов – 7
Самона – 393
Самсон, библ. персонаж – 409
Санга Даниил – 371
Санга Марфа – 371
Санга Петр – 78
Санга Яков – 371
Сано Давид – 213
Сано Павел – 98
Санода – 280, 674, 682
Сапфир, еванг. персонаж – 423
Сарукава Магфей – 370
Сасаба Кирилл – 382, 398, 401, 402, 407, 408, 571
Сасабе Кирилл – см. Сасаба Кирилл
Сасагава Алексей – 66
Сасагава Андрей – 7, 9, 169, 172, 177, 235, 236, 240
Сасагава Петр – 25, 31, 141, 143, 227–229, 233, 234, 237, 295, 315, 322, 329–331, 337, 340, 345–347, 349–353, 355, 357, 381, 420, 605, 734, 735
Сасаки, врач – 201, 263
Сасаки Андрей – 39
Сасаки Анна – 191, 193
Сасаки Варвара – 359
Сасаки Зинаида – 376
Сасаки Иерофей – 425, 526
Сасаки Иоанн – 31, 100, 376, 753
Сасаки Павел – 371
Сасаки Райса – 376
Сасаки Стефан – 41, 45
Сасаки Яков – 352
Сасама Александр – 59
Сато Авраам – 48, 371
Сато Агафья – 376
Сато Александр – 43
Сато Алексей – 366
Сато Анна – 371

- Сато, в Ханамаки – 779
Сато Григорий – 473
Сато Дамиан – 369
Сато Даниил – 195
Сато Евфимий – 431
Сато Илия (Илья) – 39, 47, 48, 68, 195, 324
Сато Иларион – 71
Сато Иоанн – 176, 177, 179, 202, 370, 508, 658
Сато Куратаро – 489, 490, 492, 497
Сато Лука – 772
Сато Мария – 508
Сато Матфей – 155, 433, 474
Сато Моисей – 92, 102, 103, 434
Сато Никита – 68, 72, 787, 788
Сато Нонна – 376
Сато, отец Вассы Накая – 421, 444, 445
Сато Павел, свящ. – 25, 98, 117, 118, 121, 131, 134, 136, 138, 139, 141, 186, 187, 220, 227, 249, 265, 270, 273, 310, 322, 346, 388, 411, 417, 445, 587, 592, 705, 737
Сато Павел, катихиз.– 92, 102, 482
Сато Пантелеймон – 39, 296
Сато Петр – 41, 59, 68, 75, 76, 92, 97, 99, 102, 103, 371, 376, 433
Сато Семен, в Мияно – 356
Сато Симеон, в Санума – 376
Сато Симеон, в Такасимидзу – 376
Сато Симеон, в Кумамото – 471
Сато Софья – 658
Сато Сусанна – 376
Сато, фотограф – 679
Сато Яков – 43, 510, 517, 527, 530
Сагоо – см. Сато
Сацума, князя – 146, 153
Сёодзи Таисия – 481, 505
Сёодзи Фотина – 481, 482, 493, 505
Секи – 461
Секи Марк – 366, 527
Секи Вениамин – 366
Секи Исая – 650, 651, 654
Секи Павел – 527
Секигуци Моисей – 14
Секигуци Павел – 612, 613
Секине Антоний – 713
Секия Яков – 460
Соома Исая – 689
Соома Симеон – 686
Сенгадай – 447
Сендай, князя – 153
Сенека – 284
Сенокучи, врач – 463

- Сенума, старик – 668
Сёодзи Сергей – 286, 294
Сёодзи Фотина – 482
Сеоно Феодор – 202
Сёотоку-Дайси – 570
Сергий, преподобный – 7, 687
Сергий Страгородский – 295, 296, 306, 420, 421, 423, 470, 471, 525, 527, 536, 550, 551, 555, 559, 560, 565, 616
Сергий, иеромонах – 420, 447
Сесся – 366
Сея Иоанн – 701, 702
Сибанай Павел – 370
Сибата Георгий – 593
Сибата Иеремия – 221, 227–230, 232, 593
Сибата Павел – 18, 19
Сибата Роман – 25
Сибаяма Петр – 222, 224, 382, 398, 399, 402, 407, 408, 506, 573, 609
Сиботаре – 13
Сибуки Фока – 701, 704
Сибуя Вера – 476
Сибуя Марк – 435, 436, 438
Сивохин Ефр. Никиф. – 309
Сига Иосиф – 151, 301, 474, 492, 502, 503
Сидара Василий – 730
Сидара Иоанн – 729
Сиина Иона – 623
Сиина Павел – 624
Сиката Лука – 471
Сила Куки – 201
Сима Петр – 205
Симагава Лука – 85
Симада – 9
Симадомае – см. Симотомае
Симамура Иоанн – 219
Симатомае – см. Симотомае
Симеон, старик из Маебаси – 251
Симидзу, старик в Такасаки – 720
Симидзу Варнава – 413
Симидзу Иоанн – 129, 413
Симидзу Сабуро – 148
Симое Нифонт – 349, 746, 747, 749, 750, 762
Симония – 186
Симодомае – см. Симотомае
Симотае – см. Симотомае
Симотомае Моисей – 68, 69, 376, 379, 783, 785, 786
Симояма Давид – 519
Симояма Макарий – 520
Симояма Марфа – 520

- Сина Андрей – 623
Синада Фома – 89
Синге – 748
Сино Гордей – 527
Синовара, инсургент – 146
Синовара Павел – 451
Синовара Петр – 455, 457, 486, 488, 489
Синомия Иосиф – 513
Синомия Симеон – 513
Сиобара Стефан – 658
Сиотаии Николай – 195
Сираи – 789
Сирам Мавра – 578
Сираи (Сирай) Петр – 401, 446, 460
Сираи Феодосия – 578
Сираи Юлиан – 392, 578
Сираива Василиса – 66
Сираива Иеремия – 66, 370
Сираива Никифор – 62, 66
Сираива Марина – 66
Сираива Моисей – 66
Сираиси – 101
Сираиси Иоанн – 371
Сиракава, князь – 313, 314
Сиракава, братья – 21
Сиракава Петр – 91, 461
Сирасава Михаил – 371
Сирато Ной – 85, 86
Сираями Иоанн – 391
Сироива – см. Сираива Никифор
Сисидо Илия – 99
Смирнов – 403
Согарей – 137
Содеяма Моисей – 678, 684
Соесима, граф – 267, 297, 298, 301–303
Сократ – 643
Соловьев В. – 130, 290, 303, 314, 321, 418
Соломон – 501
Сонобе, христиане в Сомеи – 619
Соноя Иоанн – 158
Соома Ной – 686
Соома Соломон – 686
Соома Семеон – 686, 690
Сопар, миссионер – 232
Сорукава Матфей – 365
София, св.мученица – 8, 452
Струве Борис – 124, 125
Струве К. В. – 116, 119, 124, 129, 140, 142, 273, 398

- Струве Мария Николаевна – 124, 125, 129, 398
Сугай (Сугай) Василий – 659–662, 664, 706
Сугивара Илья – 46
Сугимото Адриан – 773, 774
Сугиноме Адриан – 50, 51
Сугияма – см. Сунгияма
Суда Иоанн: – 649
Судзуки, старик в Татебаяси – 15, 16
Судзуки, из Мориока – 79
Судзуки, портной – 635
Судзуки Агафья – 673, 674, 676
Судзуки Акила – 674
Судзуки Афанасий – 330
Судзуки Вера – 219
Судзуки Домна – 177
Судзуки Зоя – 721
Судзуки Иоаким – 9, 721
Судзуки Иоанн – 250, 265, 366, 575, 576–578, 722
Судзуки Исая – 243
Судзуки Лука – 219, 220, 573
Судзуки Михей – 43
Судзуки Моисей – 202
Судзуки Николай – 407, 631, 634, 635
Судзуки Павел – 733
Судзуки Рikuци – 240, 242
Судзуки Рихей – 243
Судзуки Руфина – 122
Судзуки Саломея – 668
Судзуки Самуил – 682, 683
Судзуки Сергей – 734
Судзуки Симон – 235, 582
Судзуки Филипп – 331, 334, 338, 339, 341, 347, 350, 646–649
Суинага Иоанн – 228
Сукава Вера – 779
Сукава Даниил – 780
Сукей Василий – 21, 111, 112, 134
Сукигара Марк – 219
Сунага Тит – 201
Сунга Иона – 390
Сунгавара Илья – 332, 376
Сунгавара-но Мицuzане – 209
Сунгано – 545, 546, 548
Сунгано Анна – 546
Сунгиноме Иоанн – 362
Сунгита Александр – 233, 234, 236, 238
Сунгита Исая – 724–726
Сунгита Марфа – 234
Сунгияма Агафия – 359

- Сунгияма Алексей – 45, 46, 359, 360
 Сунгияма Иоким – 577
 Сунгияма Тихон – 332, 333, 343–345, 347, 376, 379
 Сунгоями Александр – 395
 Сусака Сергей – 508, 509
 Суто Анна – 715, 716, 718, 719
 Суто Иоанн – 716, 717
 Суто Иов – 719
 Суто Иосиф – 8, 715–717
 Суто Марк – 675, 706
 Сютендоодзи – 189
 Сюоку-Тенноо – 531
 Сяка – 685
 Сякьямуни – 159
- Табата Даниил – 187
 Тада Илья – 340
 Тадахира – 49
 Таде Василий – 201, 203, 205, 209, 210, 382, 398, 399, 402, 407, 408, 570, 571
 Таде Павел – 31, 36, 42, 124, 125, 126, 132, 141, 224–226, 229, 230, 235, 241
 Таде Текуса – 133
 Тадзима Авраам – 155
 Тадзима Стефан – 155, 666, 670, 671
 Тадзима Петр – 462, 490, 492
 Таира Павел – 80, 440
 Таира, князя – 159, 169, 668
 Таира Евгений – 71, 73
 Таисия, преподобная – 8
 Тайко Хидеёси – 148, 153, 211, 212, 226, 227, 480, 567, 685
 Тайкоо – 183
 Тайкун, князя – 153, 169
 Тайра Павел – 78
 Такагами – см. Такигами
 Такаги, в Кокура – 157
 Такаги Николай – 608–611, 651
 Такаги Петр – 221, 222, 225
 Такаги Хрисанф – 244
 Такаи Антоний – 743–745
 Такаи Афонасий – 743–745
 Такаи Николай – 510
 Такай Яков – 25, 61, 68, 72, 74, 143, 144, 153, 155, 172, 177, 186, 187, 194, 196, 197, 199, 201–204, 206–208, 213, 218, 230, 285, 322, 402, 439, 449–461, 463, 465–469, 473–476, 494, 542, 784
 Такаку Савва – 742, 743
 Такамура Антонин – 124
 Таканги Мария – 392
 Таканги Петр – 392
 Такаока Симеон – 475, 527, 529, 651
 Такасава Василий – 236

- Такасе Исаяя – 62, 66
Такасе Никанор – 62, 66
Такасе София – 66
Такаси Иоанн – 348
Такахаси Акила – 370
Такахаси Андрей – 65, 106, 169, 172, 177, 201, 203, 240–242, 657, 739
Такахаси Василий – 330
Такахаси Григорий – 469, 470, 472, 474, 480, 482, 485, 486, 488, 714
Такахаси Иоанн – 28, 29, 44, 110, 378
Такахаси Иов – 683
Такахаси Кирилл – 741, 742
Такахаси Матфей – 432, 433
Такахаси Николай – 267, 434
Такахаси Ольга – 370
Такахаси Павел – 21–24, 337, 366, 631, 633, 634, 688, 691
Такахаси Петр – 349, 363, 776, 777, 778, 789
Такахаси Стефан – 376
Такахаси Феодора – 445
Такахаси Яков – 340, 697
Такая Софья – 409
Такая Яков – см. Такай Яков
Такаяма Иосиф – 694
Такеда, в Нанае – 637, 643
Такеда Василий – 99
Такеда Моисей – 333
Такезаки Иоанн – 145
Такеи Яков – 722
Такеиси Вера – 392
Такеиси Иоанн – см. Такеици Иоанн
Такеици Иоанн – 163, 238, 385, 386
Такеици Петр – 372, 387, 397, 537, 608–611, 614
Такемура, в Адзики – 628
Такемура Елисей – 351
Такенава Юлия – 392
Такеноуци, врач – 646
Такеноуци, братья – 11, 705
Такеноуци Григорий – 48
Такеноуци Петр – 705
Такеока Иоанн – 512
Такеока Моисей – 512
Такеока Симеон – 527
Такеока Фома – 511, 512, 519, 538
Такесима – 474
Такеуци Мария – 595, 596
Такеуци Петр – 595
Такигами Иоанн – 724–726
Такигами Павел – 724, 725
Такигами Петр – 723, 726

- Такума, в Кагосима – 450
Такусари Тимон – 370
Тамогами Иоанн – 375
Тамогами Моисей – 370
Тамура Василий – 438
Тамура Ной – 622, 625
Танабе Вениамин – 169, 172, 174, 177
Танабе Виссарион – 202
Танабе Иоанн – 436
Танака Андрей – 220, 386, 392, 592
Танака Василий – 413, 593, 594
Танака Вениамин – 215
Танака Иоанн – 220
Танака Лука – 172–175, 509
Танака Мария – 407, 509
Танака Нина – 590
Танака Павел – 457
Танака Симеон (Симон) – 236, 238, 499, 588, 591, 594
Танака Стефан – 476, 485, 488
Танака Фома – 145, 382, 384, 385, 451, 454, 457, 551
Тангс Павел – 43
Тани Моисей – 213
Танно – 74
Танобе Иоанн (Иван) – 435, 439
Таразава Моисей – 351
Тасиро Конон – 689
Тасиро Николай – 240
Тасогава Фома – 677–680
Тацибана, семья – 57
Тацибана, князь – 155
Тацибана Георгий – 133
Тацибана Павел – 133, 201, 202, 747
Текуса, дочь Сакая – 422, 423
Текуса, мать Нины Ниими – 242
Тераниси Иов – 219
Теруй Моисей – 55
Тецу – 663
Тиверий – 378
Тихай Елена Акимовна – 490
Тихай Игнатий – 131
Тихай Яков Дмитриевич – 119, 122, 131, 136, 142, 143, 164, 260, 285, 286, 293
Тоба Александр – 633
Тоба Иоанн – 623
Тоба Моисей – 631, 633
Товит – 353, 394, 427, 580, 594, 633
Тогаси Вера – 164
Тогаси Павел – 163–166
Тога, князь – 218

- Тода, врач – 563
Тода Агафья – 184
Тода Алексей – 184
Тода Афонасий – 699
Тода Гавриил – 323
Тода Иеремия – 696, 698
Тода Матфей – 328, 696, 698
Тода Никанор – 370, 731
Тода Петр – 184, 185
Тоде Василий – 539
Тоёкава Петр – 57
Тоета Елисавета – 172, 177
Тозаки Александр – 531
Токеда Василий – 265
Токеотани Гедеон – 528
Токи Стефан – 794
Токугава – 153, 194, 209, 298, 541
Токугава Иеясу – 226
Толстой Л. Н. – 290
Томида Ефрем – 235
Томизава Петр – 51, 52
Томизава Симеон – 363
Томизава Яков – 478–482, 776, 777
Томии Симеон – 630
Томинага Мария – 213
Томига Василий – 451
Томига Матфей – 226
Томогами Моисей – 365
Томоко Козьма – 579
Томоко Филарет – 579
Томонага Василий – 201
Томура – 623, 691
Томура Павел – 392
Тоносава – 321
Тоодзе Авраам – 216
Тоодзе Елисавета – 216
Тоокайрин Симон – 425–427, 429, 430
Тории Григорий – 196
Тории Мария – 196
Тосима Авраам – 633
Тосима Давид – 631, 633
Тосима Моисей – см. Хасегава Моисей
Тосима Симеон – 631, 633
Тото Павел – 89
Тянькунь – 279
- Удзигами Хаката – 161
Удзие Антоний – 39

- Удзие Исаяя – 376
Удзие Петр – 45, 332, 357
Удзии – см. Удзие
Уеда Матфей – 65, 130, 273, 693
Уеда Стефан – 382
Уемацу Иоанна – 203
Уемура Евфимий – 195
Уетани Анна – 189
Уетани Илия – 186
Уетани Иоанн – 186–188, 561–563
Уетани Иосиф – 186, 562, 563
Уетани Мария – 186
Уетани Николай – 562
Узава Александр – 640, 641
Узава Филипп – 640–644
Умата Петр – 655, 658
Унно Петр – 723, 724, 727
Уода Иоанн – 692
Урада Павел – 510
Уракава Алексей – 228
Ураками – 151
Урано Яков – 85, 366
Урусидо Моисей – 67, 88
Усидзима Яков – 152, 153
Утано Ками – 182, 567, 568
Уцида – 177, 463
Уцида Петр – 728, 729
Уцида Яков – 172
Уцино Матфей – 241, 244, 245
- Фанака Семен – 589
Феврония, повитуха – 669
Феодора, св. – 471
Феодора, преподобная – 576
Феофан, епископ – 142, 356
Фива – 378
Филарет – 321
Флавиан, начальник Пекинской миссии – 116, 135
Фока, св. мученик – 467
Фонтанель – 261
Фотий, папа – 400, 402
Франциск Ксаверий – 207
Фудзии Гавриил – 570
Фудзии Иосиф – 408
Фудзии (Фудзий) Яков – 201, 205, 507
Фудзивара, князя – 49
Фудзивара Матфей – 371

- Фудзивара-но Киёхира – 49
Фудзие Иоанн – 111
Фудзии Яков – 508, 509, 516–518
Фудзимиси Павел – 350
Фудзиока Павел – 65
Фудзисима Иоанн – 371
Фудзита Пармен – 202
Фудзита Петр – 242
Фудзита Филипп – 243, 244
Фукасе Ирина – 407, 409, 519
Фукацу Павел – 105–107
Фукуда – 154
Фукуда Иоанн – 626–628
Фукуда Матфей – 627
Фукузава, ученый – 278, 279, 414, 485, 488, 748
Фукузава Иоанн – 7, 8
Фукузава Мария – 8
Фукузава Феодора – 8
Фукуи Роман – 134, 317, 701, 704
Фукуи Павел – 407
Фукусава Иоанн – 714
Фукусима Ананий – 510, 511, 517
Фукусима Василий – 731, 732
Фукусима Исая – 322
Фукухора Яков – 686
Фунабаси Иоанн – 607
Фунакоси Лука – 169
Фунаяма Марк – 697–699
Фурукава, купец – 634
Фурукава, хозяин рудников – 682
Фурусави Григорий – 472, 475
Фурусави Иосиф – 472
Фурусави Лукия – 472
Фурута Илья – 132, 134, 136
Фуруяма Иоанн – 527
Фусима, князь – 620
- Хаба Мария – 456
Хакугоку Михаил – 129, 137
Хамано Моисей – 372
Ханасима – 634
Хангесики – 653
Хангивара Моисей – 670, 671
Хангивара Тит – 252
Хара, протестант – 57, 58, 366
Харада, учитель – 474
Харано Симон – 117
Харасава Иоанн – 714

- Харасава Тимофей – 714
Харие – 118, 126, 128, 131
Харин П. И. – 503
Хариу Василий – 39, 42, 229, 240
Хариу Тимофей – 39, 45, 95, 97, 98, 100, 102, 220, 227, 229, 235
Хасегава Моисей – 88, 733, 783
Хасейгава Петр – 235
Хасенгава Андрей – 201
Хасенгава Моисей – см. Хасегава Моисей
Хасиба Павел – 371
Хасиба Петр – 371
Хасимото Иоанн – 241
Хасуине Павел – 142
Хасумае – 139
Хата Нина – 564
Хата Павел – 564
Хатада Павел – 326, 731
Хатакеяма Иоанн – 361, 367, 371
Хатамото, князь – 169
Хаттори Дорофея – 485, 487
Хаттори Климент – 232
Хаттори Павел – 274
Хакутоку Михаил – 137
Хациманторо, князь – 49, 65
Хацисука, губернатор – 483
Хацисука, катихизатор – 536
Хацисука Авано-ками – 212, 227
Хация Кирилл – 479, 480
Хаякава Елисей – 673, 712
Хаякава Иов – 689, 690
Хаясака Иов – 351
Хаяси Лука – 221
Хаяси Павел – 22
Хаяси Петр – 658
Хаяси Яков – 732
Хебигуци Евгений – 55
Хебису Иоанн – 87
Хиби Акила – 605
Хиби Алексей – 606
Хиби Андрей – 605, 606
Хиби Арсений – 606
Хиби Елена – 605
Хиби Иоанн – 605
Хиби Иосиф – 392, 606
Хиби Яков – 390, 392, 603, 605
Хиватаси – 42
Хиватаси Алексей – 72
Хигуци – см. Хингуци

- Хидеёси – см. Гайко Хидеёси
Хидеро Иоанн – 361, 362
Хидехира – 49, 50
Хидороге Иоанн – 371
Хикано Марфа – 717
Хикида – 160
Хингасиура Анна – 423
Хингасиура Пантелеймон – 422, 423
Хингуци Василий – 230, 232
Хингуци Иоанн – 343
Хингуци Николай – 31, 343, 344
Хино Кирилл – 324, 325
Хиока Тимон – 26
Хирагуци – 730
Хираи Акила – 196, 200, 400, 552
Хираиси Варнава – 236, 386
Хирака Варнава – 392
Хиракава Петр – 623, 625
Хиракава Яков – 631
Хирано Павел – 647, 648
Хиранума Стефан – 425–428
Хирасава Павел – 711
Хирата, плотник – 305
Хирацука Марк – 670
Хираяма Кирилл – 235
Хираяма Елена – 235
Хираяма Мефодий – 235
Хираяма Сократ – 643
Хираяма Феодосий – 235
Хирока Даниил – 537
Хиромици Петр – 382, 386, 543–545, 546
Хироока Даниил – 546
Хироока Лука – 424, 441
Хироно Пармен – 220
Хиросава Елисей – 382, 384, 388, 397, 573
Хиросаки Авраам – 701
Хиросе – 706
Хирота Акила – 674, 675
Хироцука – 33
Хирумици – 591
Хисикава Тимон – 780, 782, 784, 786
Хисикава Матфей – 364, 370
Хисимото Иоанн – 752
Хитоцубаси – 209
Хитояма Моисей – 351
Хлебников – 450
Ходака Марья – 464
Ходака Моисей – 455–457, 462–464
Ходака Павел – 456

- Хокугоку Мария – 410
Хонда, христианин – 698
Хонда Андрей – 696, 697
Хонда Даниил – 376
Хонда Никанор – 351
Хонда Павел – 41
Хонда Петр – 451
Хонда Накак Цукаса-но таю – 227
Хондзёо, князь – 185
Хондзёо Лука – 358
Хоодзёо, учитель – 649
Хоодзёо Юлия – 649
Хоосаки Моисей – 203–205
Хора – 253
Хоригуци Павел – 713, 729
Хорие Николай – 608, 611
Хорие Савва – 118, 134, 136, 137, 141, 260, 518, 540
Хориине Стефан – 392
Хориу Василий – 315, 331, 338, 339, 347, 349, 350, 381
Хорицуги Павел – 729
Хоси Андрей – 376
Хоси Корнилий – 776, 777
Хоси Пантелеймон – 336
Хосино Василий – 757
Хосино Иоанн – 11, 12
Хосино Чёотаро – 11
Хосои – 24
Хосои Симеон – 228
Хосокава, князя – 152–154
Хосоно Павел – 18
Хосономе – 349, 351, 357, 360, 749
Хосономе Павел – 331, 348, 349, 351, 356, 357, 360, 749
Хосооя П. – 252
Хот, амер. миссионер – 133
Хотга Николай – 701–703
Хотге Николай – см. Хотга Николай
Хрисанф, в Мори – 581
Хякусё Коидзуми – 659
- Цеосиу, князя – 166
Циба, богач в Саннохе – 787
Циба Давид – 99, 100, 369, 371
Циба Иоанн – 357, 376
Циба Мария – 359, 361
Циба Павел – 359
Циба Петр – 44, 367, 371, 372
Циба Роман – 5, 6, 18, 23, 25, 33, 39, 63, 67, 119, 126, 141, 147, 151, 163, 166, 191, 193, 194, 198, 209, 225, 234, 241, 251, 273, 308, 354, 367, 527, 702, 707, 734, 735, 773

- Циба Стефан – 48
Циба Тимофей – 78, 123
Циура Иустин – 68
Цубои – 635
Цугава – 167
Цуда – 298
Цуда Иоанн – 43
Цуда Иов – 128, 195
Цуда Кириакий – 32
Цуда Мария – 195
Цуда Павел – 30–32, 38, 41, 42, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 189, 220–222, 227–230, 235, 240, 249, 270, 275, 355, 357, 703
Цуда Руфина – 128
Цуда Стефан – 330
Цудо – 272
Цумори Давид – 407
Цунано Яков – 213
Цуцихира Марина – 598, 599
Цуцихира Павел – 597–599
Цуция Василий – 486, 487, 489
Цуция Мефодий – 53, 54, 234–238, 243, 244, 382, 395, 506, 612
Цуция Фома – 240
Цуцухира-кочё Павел – 384
- Черкасова – 12, 118, 121, 311
Чёожей, император – 73
Чёотаро, проповедник – 12
Чистович Илья А. – 418
- Шевич Вера Димитриевна – 456
Шевич Вера Федоровна – 456
Шевич Д. Е. – 301, 503
Шершевский – 553
Шмидт Владимир Петрович – 296
Шопенгауэр – 304
Шпейр Ал. Ник. – 263
- Щеглов – 551, 702
- Энгуци Анна – 172
Энгуци Евдокия – 68
Эндо Савва – см. Ендо Савва
Эсасика, семья – 73
Эсасика Павел – 56, 57, 62, 65, 85, 88, 89, 122, 130, 142, 365
Эсасика Стефан – 67, 72, 74, 77–81, 83–85, 90, 103, 112, 787
Эсфирь – 594, 705, 709
Эциден-но ками, князь – 567
- Юза Аарон – 376
Юза Афонасий – 376

- Юза Дарья – 376
 Юза Иона – 376
 Юза Ия – 376
 Юза Моисей – 376
 Юза Петр – 235, 524
 Юза Яков – 234, 235, 376
 Юи Сёосецу – 484, 500
 Юкава Матфей (Матвей) – 184–187, 189, 190, 195, 199, 325, 448–450, 452–454, 519
 Юкава Симеон – 265, 673, 675, 676, 679–685, 691, 692, 697, 700, 705, 706, 708, 710, 712–718, 720, 722, 723, 728, 731
 Юлия, в Аннака – 9
 Юлия Михайловна – 296
 Юмура Петр – 431–435
 Юра – 552, 554
 Юса Моисей – 41
 Юуки Марфа – 371
- Ябе Матфей – 170, 171, 514, 515
 Яблонский – 122
 Явата Николай – 333, 345, 347, 363, 775, 377, 379, 608
 Ягисава Павел – 690
 Якасива Яков – 38
 Яйзава – 744
 Якагава Вера – 528
 Яко Андрей – 722
 Яктаи Симон – 129
 Ямабе Николай – 431, 432
 Ямабе Родион – 431
 Ямагаки Петр – 421, 422, 441, 470, 471
 Ямагата Лука – 662
 Ямагуци Петр – 9, 719
 Ямада Анастасия – 371
 Ямада Василий – 436, 688, 692, 698, 699
 Ямада Елена – 720
 Ямада Иосиф – 523
 Ямада Лука – 720, 722
 Ямада Марфа – 371
 Ямада Моисей – 48, 49, 360–362, 371, 375, 769–772
 Ямада Павел – 382
 Ямада Петр – 635, 636, 638
 Ямада Таисия – 371
 Ямада Фома – 722
 Ямае Иоанн – 57
 Ямазаки Иоанн – 19
 Ямазаки Ефрем – 122, 123, 349
 Ямазаки Савва – 74, 75, 234, 235, 331, 335, 338, 339, 347, 351, 353, 355, 563, 788
 Ямаки Иоанн – 33, 527

- Ямаки Николай – 371
Ямаку, торговец – 462
Ямамато Ирина – 541
Ямамато Стефан – 564
Ямамото, семья – 447
Ямамото Иосиф – 172, 439
Ямамото Яков – 430
Ямамото Матфей – 152, 470
Ямамура Борис – 31, 33, 34, 43, 124, 125, 139, 295, 317, 342, 346, 348, 358, 365–367, 370–373, 769, 771, 773–777, 779–781, 783, 785, 786, 788–791, 793–795, 797–799
Ямамура Стефан – 33
Яманака Алексей – 78, 80, 81
Яманака Захария – 422
Яманобе Иродион (Родион) – 68, 90
Яманоуци – 337
Яманоуци Авраам – 96, 97
Яманоуци Иов – 362
Яманоуци Лукия – 494
Яманоуци Павел – 459, 460, 461, 493
Яманоуци Тимофей – 494
Яманоуци Яков – 54, 96, 97, 295, 348, 365, 366, 372
Ямаока Василий – 134, 169, 172, 177, 202
Ямасе Иоанн – 65, 667
Ямасита Ирина – 362, 411
Ямасита Лука – 596
Ямауци, протестант – 609
Янагава Андрей – 26, 27
Янада Петр – 68
Янада-сюку – 13
Янаи Николай – 659
Янги Авраам – 348
Янгисава Иоанн – 688
Яно Фома – 413, 575, 576, 578, 579
Яньшев – 320
Ясиро Ефимий – 44
Ясуи Павел – 514
Ясукава, протестант – 282
Ясуми Лука – 353
Ясухира – 50
Яци Илья – 349, 367, 368, 373, 769–771, 777
Яци Исая – см. Яци Илья
Яцки – см. Яцуки
Яцуки Андрей – 12–18, 117, 126, 136, 139, 141, 163, 164, 167, 168, 192, 203, 249, 253, 719

Bakston – 524
Ballah – 223

Bickeit – 297
Bickersletl – 327
Brunat – 727
Conder – 273
D-r E – 318
Dooman – 553
Elliot – 762
Fulton – 767
Gar – 140
Harratt – см. Harrett
Harret – см. Harrett
Harrett – 120, 123, 140
Hennon – 423
Jefferis – 306, 327
Jing – 207, 208, 553
Jyng – см. Jing
Knapp – 414
Large – 415
Lenard – 763
Liddon – 123
Lloid – 263
Lonsdale – 327
Mac Kenzie – 767
Miller – 553
Newell – 760, 761
Pedley – 760, 761
Waller – 747, 749
Warren – 207, 215
Wikoff – 553
Williams – 297
Winn – 765
Wordsworth – 120
Wright – 119, 120, 123, 129, 133

Указатель географических названий

- Абе-кава – 245
Абе-но-сада – 65
Абуракава – 349
Абурацу – 454, 455
Ава – 137, 212, 217, 227
Авадзисима – 191
Австралия – 269
Австрия – 224
Адзики – 627, 628
Адзино – 172, 173
Адзукизава – 83
Адзуми – 603, 604
Азиатская Россия – 180
Аибара – 382
Аик – 128
Аинай – 786
Аинай-мура – 72, 73, 77
Акагоори – 202
Акакура – 682, 684
Акаока – 382, 410
Акасака – 18
Акаси – 191–193, 382, 404, 407, 408, 550, 568–570, 619
Акасигава – 191
Аки – 202
Акита – 66, 67, 122, 123, 155, 182, 202, 285, 373, 559, 568
Акита-кен – 79
Акиха-доори – 244
Акуо – 192
Акуцу – 112, 305, 650, 654, 657–659, 665
Александрия – 171
Ама-но хаси-дате – 189
Амакуса – 152
Амацуки-но хаси – 189
Америка – 17, 107, 117, 140, 180, 240, 289, 302, 304, 306, 307, 323, 509, 519,
533, 682, 727, 763

- Америка – 17, 107, 117, 140, 180, 240, 289, 302, 304, 306, 307, 323, 509, 519, 533, 682, 727, 763
Амино – 189
Амино-мура – 188
Англия – 119, 120, 123, 269, 278, 289, 324, 478
Андо – 83
Андо-мура – 90
Андоо – см. Андо
Анегава – 83, 84
Ани – 368, 373
Аннака – 9, 10, 160, 719–722, 727, 728
Аоко – 683
Аомори – 58, 68, 71, 349, 373, 556, 788, 793–795
Аояма – 373
Арадзика – 658, 659
Араи-эки – 237, 239
Аракава – 78–80, 349, 367, 798, 799
Арая – 78
Аригава – 114, 441, 739
Аридагоори – 197
Арикабе – 47
Арикава – 423, 424, 730
Ариномура – 518
Аритама – 586, 587
Асакуса – 116–121, 225, 240, 289, 647, 648
Асама – 738
Асама-Яма – см. Асамаяма
Асамаяма – 8, 741
Асахимаци – 645, 646
Асахимура – 640
Асикага – 12–17, 210, 251, 252, 257
Асино – 111, 112
Асио – 680–684
Асио-Мацубара – 682
Асирубецу – 439
Афон – 309, 755
Ацуда – см. Ацуга
Ацуга – 221, 224, 225, 382, 385, 392
Ацуга-эки – 221, 222
- Байриндзи – 159
Бакан – 485, 496
Бакаяма – 197
Бакка – 33
Банзава – 701
Бансиу – 191, 193, 202, 203
Батоо – 690–695
Безайтенъяма – 198
Беппу – 489, 495, 496

- Береза – 414
Берлин – 418
Бесео – 148
Бизен – 172, 176, 198, 202
Бинго – 166
Бициу – 168, 172, 202
Бузен – 201
- Ваамацу – 701
Вакамацу – 22, 497
Вакацу – 157
Вакаяма – 193–195, 197, 198, 202, 203, 205, 208, 226, 322, 324, 325, 382, 399,
400, 402, 407, 470, 550–555, 561
Вакаянаги – 42–46, 54, 331, 348, 376, 378
Вакаянаги-мацц – 42
Вакаянаги-мура – 42
Вакимацц – 530–533, 535, 536
Вакуцу – 773
Вакуя – 32, 33, 36, 40–42, 47, 55, 50, 65, 106, 315, 317, 332, 333, 336, 337, 340,
341, 343, 344, 347, 430
Вараби – 724
Васидзука – 231
Васиноя – 620, 621
Ваганоха – 32, 343, 347
Вашингтон – 124, 273
Венеция – 475
Владивосток – 122, 266, 403
Втабаяма – 165
Втагава – 237, 239, 382, 391
Втагава-эки – 237
Втамата – 95, 244
- Германия – 313, 323
Гефсимания – 144
Гефсиманский сад – 99
Гидзироку – 234
Гиндзидоо – 480
Гинзан – 182–184
Гион-мия – 211
Гифу – 501, 504, 612
Гиюу – 618
Гоба – 197
Гоиссин – 226
Гокан – 710
Голландия – 480, 685
Гонген – 165
Гонохе – 793
Госё – 210
Гою-эки – 234

Греция – 488
Гундо – см. Гундоо
Гундоо – 669–672, 709

Даигимура – 222
Дайбуцу – 211
Дайсёодзи – 766
Дайфуку – 510
Дзенсиу – 187
Дзёогасаки – 459–461
Дзёоге – 28
Дзёогецудзуми – 26–30, 55, 109, 110, 122, 332, 347, 350, 353
Дзеока – 222
Дзёонга-Саки – 459
Дзесин-баси – 207
Дзёсю – 5
Дзике – 191, 192, 382, 404, 405, 569
Дзике-маци – см. Дзике
Дзимбо – 723
Дзюютоо – 739
Дзюумондзи – 43, 44, 54, 331, 348, 376, 378
Дзюумондзи-мура – 42
Дзюунисё – 80
Доосикинаме – 332

Ебимацумура – 170
Ебисима – 44, 348, 376, 378
Европа – 146, 186, 212, 266, 272, 298, 303, 304, 307, 314, 318, 541, 542, 710, 766
Едзири – 392
Едо – 223, 239, 402, 484, 606, 732
Еномия – 183
Есаси – 425, 427, 428, 429, 430
Етагава – 382
Ефес – 681

Ёккайциба – 335, 351
Ёкои – 492
Ёкосука – 242, 382, 384, 392, 606–610, 612, 641
Ёкояма – 30
Ёменуки-мура – 406
Ёнаго – см. Енако
Ёнако – 520–523, 526
Ёнеока – 41, 347, 379
Ёносака – 595
Ёсида – 379, 395, 526, 577, 578
Ёсии – 724

Зенсиу – 159
Зоосикиноме – 36

- Ибано – 351
- Ибано-мура – 351
- Ибараги – 649, 655
- Ибараги-кен – 649, 650, 665
- Ибараки – см. Ибараги
- Ивагасаки – 45
- Иваде-кен – 106
- Ивадо – 469
- Ивазаки – 723
- Иваи – 619, 621, 640
- Ивами – 166
- Ивамизава – 439
- Иванай – 432–435
- Иваннай – 432, 434
- Иваса – 197
- Ивасиро – 11
- Иватаки – 406, 559
- Ивате – 71
- Иваядо – 50, 53–55, 348, 364, 369
- Иде – 348
- Идзу – 31, 122, 124, 246, 324, 504
- Идзуми – 194
- Идзумимура – 619
- Идзумия – 682
- Идзуно – 44, 46, 47, 55, 331, 348, 376, 378
- Ие – 166, 202, 496
- Иекояма – 347
- Иеногава – 336, 340, 343, 347, 376, 379
- Изе – 54
- Иигава – 35, 36, 301, 332, 347, 351, 353–355
- Иигава-мура – см. Иигава
- Иидзука – 497, 499
- Иицука – см. Иидзука
- Икари-га-секи – 797, 798
- Икарисеки – см. Икари-га-секи
- Икесинден – 242
- Икесинден-мура – 227, 243
- Икота – 728
- Икуно – 190
- Икусимъёцу – 439
- Имабару – 166
- Имаидзуми – 348
- Имаици – 523
- Имамура – 158
- Имри – 382
- Инаба – 166, 169
- Инаока – 13
- Инари – 112, 237
- Инба – 635

- Инбагоори – 636
Ингари – 57
Индия – 680
Иноке – 190
Иноса – 502
Инусима – 180
Иоккаициба – 347, 351
Иокосука – см. Йокосука
Иокохама – 107, 116, 117, 125, 126, 133, 135, 137–140, 232, 243, 283, 285, 291, 303, 309, 420, 446, 615, 799
Иокочё – 60
Иокояма – 197, 42, 54, 98, 102–109, 111, 191, 192, 344, 351
Ионако – 521, 524
Ионезава – 347
Ионеока – 376
Иодзимаци – 640
Иоосикиноме – 351, 355
Иоосиноме – см. Иоосикиноме
Иосида – 347, 376, 379
Иосикиноме – см. Иоосикиноме
Иосисама-мура – 94
Иппонги – 83, 84
Исе – 189, 198, 222, 312, 609, 613
Исезаки – 766
Исикари – 439
Исикоси – 42, 44, 54, 348, 376, 378
Исиномаки – 27, 28, 30–32, 40, 53, 55, 100, 264, 265, 270, 329, 333, 336, 340, 342–345, 347, 375, 376, 379
Исиномори – 41
Исороги – 763, 764
Исохиса – 543, 558
Итабаси – 5, 380
Ицибеи – 544
Ициногавамура – 68
Ициносава – 688, 689
Ициносеки – 45, 47–49, 55, 104, 276, 348, 357, 360, 362, 371, 372, 375, 769–774
Ицинохе – 67–69, 349, 784, 785
Ицироку – 214
Ицукаици – 669–672
Ицукайици – см. Ицукаици
Ицукусима – 164
Ицуномия – 281

Йокосука – 384, 609
Йонеока – 55

Кабусато – 639–643, 645, 709
Кавай-мура – 239
Кавара-маци – 97

- Кавасаки – 694
Кавауци – 28, 29, 84, 400
Кагано – 347, 376, 379
Кагосима – 145, 148, 150–153, 175, 183, 200, 202, 218, 317, 325, 446–448, 450, 452–455, 457, 459, 468, 542, 651, 766
Кадзики – 631
Кадзума – 32
Кадзуно-мура – 65
Кадзуса – 617, 649, 660
Кадзусая – 635, 639
Кадоноваки – 31
Кадзуса – 665
Каемазава – 71
Казава – 42, 44, 46, 348, 773
Казань – 40
Казоо – 732, 733
Кайдзука – 194
Кайсакау – 162
Какегава – см. Какенгава
Какенгава – 194, 240, 242, 243, 245, 382, 390, 391, 392, 396, 578, 579, 580, 584, 585, 597
Какеука – 586, 587
Какея – 525, 526
Какигариче – 283
Какогава – 191, 193, 202, 235, 404, 405, 407, 568, 569, 577
Каконгава – см. Какогава
Какуто – 464, 465
Кама – 343, 347, 376, 379
Кама-мура – 31
Камаиси – 64, 86, 87, 89–95, 111, 349, 363, 367
Камаци – 148
Камедзима – 170
Камезаки – 595
Камеока – 190, 212, 382, 556, 558, 564
Ками-Окутама – 97
Камидзу – 711
Камимаци – 148
Каминосеки – 160–162
Каминояма – 215, 331, 335, 339, 347, 350
Камиока – 661
Камитомое – 69
Камияма – см. Каминояма
Камияма-мура – см. Каминояма
Камода – 410
Камура – 649, 650
Камчатка – 445
Канагава – 603, 605
Канада – 763

Каназава – 752, 761, 764–766, 768
Канаици – 623, 626–628
Канари – 360
Каная – 245, 701
Канга – 106
Канда – 313, 322
Канебама-мура – 85
Канебу – 285
Канеда – 688, 690
Канезава – 728, 729
Канехама-мура – 366
Канзан – 49, 50
Каннари – 35, 42, 45–47, 55, 348, 357, 359, 360, 376, 378
Каннохара – 724
Каннуси – 184
Кантан – 495
Канума – 676, 677, 679, 680, 681, 683, 684, 706, 714
Кара – 202
Карасики – 48
Карасуяма – 142, 328, 694–700, 721, 723
Карацу – 477, 478–481, 497
Карацу-Фукуока – 481
Карисики – 47, 348, 376, 378
Кариуда – 698
Кария-мура – 220
Кариядо – 701
Каруизава – 738
Касавара – 577, 713
Касагами – 629
Касаока – 168
Касагаи – 202
Касахара – 711
Касиваги – 739, 741
Касивазаки – 753–758
Касивата – 205
Касимадай – 28, 29, 55, 347
Касихара – 711
Касукава – 10
Касуками – 631
Касуяма – 170, 516
Катаками – 181
Катацу – 476
Катаяма – 618, 619, 621
Кацики – 150
Каяма 382, 392, 396, 581–583, 585
Каяма-мура – 243, 244
Квансай – 592
Кега – 382

- Кекенгава – 243
Кеманай – 72, 79–81, 428, 799
Кенчео – 160, 198, 216, 554
Кёото – 49, 185, 189, 203, 208–212, 218, 223, 225, 407, 408, 506, 558, 564, 565, 569
Кесенгума – 98, 295, 348, 357–359, 371, 776, 777
Кидзука – 627, 628
Киев – 319, 327
Киккава – 577
Кими – 514, 518
Киндаици – 71, 787
Кинокава – 194, 551
Кинцякуяма – 707
Кинъёоси – 74
Киороси – 618, 619, 621–623, 625, 626, 628, 631, 633, 634
Кипуин – 474
Кипурегавга – 691
Кириу – 11–13
Кириуци – 207
Киру – 350
Кисивата – 194, 205
Кисиу – 194, 198, 201
Кисо-гавга – 218
Кита-ку – 204
Китай – 346, 400, 401, 471, 553, 680
Китано – 209
Китано-мура – 202
Китасику – 204
Киусиу – 166, 197, 201, 210, 285, 455, 476, 482, 484, 491, 493, 499, 500, 502, 522, 533, 599, 727, 746
Кицуин – 474
Кицурегавга – 19, 112, 692
Киюсиу – см. Киусиу
Кобато – 439
Кобаяси – 464
Кобе – 191, 196, 400, 404, 446, 447, 451, 454, 542, 550
Кобусато – 644
Кодаки – 682–684, 687–689
Кодзима – 170–172, 175, 177, 178, 202, 343, 439, 509, 511–514, 517
Кодзирабама – 92, 94
Коисикава – 202
Кокава – 198
Коку-чэ – 59
Кокура – 157, 447, 481–484, 488, 494, 497, 527, 529
Комагавга – 469
Комагатаке – 441
Команю – 676, 677
Комацу – 767, 768
Коморо – 479, 738–741
Компира – 529, 531

- Коносу – 734
Кообе – 408
Кообоо – 249
Коодзимаци – 125, 137, 251, 265, 352, 355, 331, 443, 482, 528, 624, 637, 643, 665, 666, 677–679, 690, 700, 711, 714, 729, 730, 752
Коодзу – 574
Кооейдан – 49
Кооен – 160, 161
Кооносе – 469
Кооносу – 731, 732
Коорияма – 55, 56, 205, 348, 364, 370, 372, 373, 779, 780, 782
Коориямамацци – см. Коорияма
Коосендзэ – 212
Коося – 641
Коофу – 413
Кооха – 686
Кооцке – 702
Кооцуся – 106
Кооясан – 249
Корея – 109, 266, 278, 346, 400–403, 480, 685, 739
Косугая – 382, 386, 607
Косунгая – см. Косугая
Кохидзи – 382, 395
Кохидзимура – см. Кохидзи
Коци – 382, 407, 410, 539, 542–549, 709
Кронштадт – 300, 301
Кубота – 81, 349, 406
Кувасе – 762
Куга – 711
Кугамура – 711
Куге – 6
Кудан-сака – 670
Кудзи – 65, 70
Кудзу – 65, 75
Кудо – 430
Кума – 410
Кумагая – 5, 6
Кумазаки – 556
Кумамото – 8, 150, 152–154, 224, 468, 469–472, 474, 488, 494, 501, 506, 526
Кумихама – 183, 184
Кумихама-сикю – 183
Кунасе – 692, 694
Кунимото – 240, 242
Кунимотомура – см. Кунимото
Кураока – 460
Курасики – 516–518
Курильские острова – 445, 446, 790
Куроиси – 349, 795–798
Курокава – 614, 723

Куромацунай – 68, 432, 433, 435
Куромацунай-мура – см. Куромацунай
Куросава – 335–347, 351
Курохару – 497
Куроя – 728, 729, 730
Куруме – 156, 158–169, 475–477, 506, 566
Кусацу – 613
Кусе – 520
Кусиро – 794
Куцимура – 576
Куцинохару – 497–499
Куцири – 405
Кучёо – 556

Ликейские острова – 685
Ликийские острова – 670
Лондон – 298, 320, 418, 555

Мабасе – 396, 577, 578
Мабуци – 71, 333, 340, 343, 347, 376, 457, 489, 492, 543
Магата – 80, 367, 371, 372
Магоме – 54, 92, 97, 100, 102, 103, 347
Маебаси – 5–11, 17, 118, 119, 128, 141, 167, 185, 202, 251, 289, 308, 327, 382,
669, 706–708, 710–712, 714, 715, 776
Маеда – 728, 730
Маезава – 49–52, 55, 348, 362, 772, 774, 775, 777, 778
Маекехама – 191
Маесаби – 707
Маесака-мура – 239
Маибара – 218, 222
Майяци-мура – 32
Мангата – 80
Мандара – 50
Малудо – 617
Мариока – 295
Марсель – 126
Маске – 439
Маукуса – 47
Мацу – 169
Мацуе – 516, 521–526
Мацузаки – 630–632, 634, 635
Мацукава – 98, 100, 361, 369, 653
Мацумае – 74
Мацуно – 695
Мацуо – 84, 640
Мацусима – 27, 23
Мацусиро – 742–744, 746
Мацуяма – 202
Маяма-мура – 39

- Медный остров – 117
Меной – 154
Меога-мура – 202
Мидзунума – 11, 12, 14, 705
Мидзусава – 45, 50–53, 55, 65, 96, 348, 363, 364, 369, 371, 372, 775–777
Мийэда – 701
Микава – 226, 231, 596, 599
Микавадзима – 129, 138
Микаванокуни – 220
Микода-мура – 59
Микоци-мура – 189
Микуни-тоге – 711
Микунитоке – 714
Мимасака – 178
Мимицу – 458
Минава – 220
Минаката – 379
Минами-ката – см. Минамигата
Минамигата – 24, 41
Минамиката – см. Минамигата
Минамику – 204
Минано – 728, 730
Минато – 30–32, 55, 76, 333, 340, 343, 347, 366, 376, 379
Минейяма – 183–187, 189, 406, 558, 563
Минзаки – 459
Мино – 218
Минова – 711
Минога сака – 71
Мио – 665
Миори – 396
Мисава – 728, 729
Мисака – 711
Мисуми – 446, 448
Митадзима – 162
Митадзири – 161, 447
Мито – 11, 118, 142, 194, 195, 219, 649–654, 658, 659, 665
Михару – 701
Мицке-эки – 239, 242
Мицу – 495, 496
Мицуси – 181
Мицусима – 480, 481
Мия – 161, 166, 182, 210
Мияги – 106
Миядзима – 163, 164
Миядзу – 185, 187, 189, 190, 382, 406, 407, 557, 558, 559, 561–564
Миязаки – 326, 455, 457–461, 468
Мияке-мура – 186, 187
Мияко – 84, 85, 87, 108, 348, 366, 371, 372
Миякодзэ – см. Мияконодзэ

- Мияконодзё — 461, 462, 464, 468
Миямаса — 746, 749–751
Мияно — 38, 42, 44, 45, 331, 348, 355–357, 359–361, 365, 376
Мияно-еки — см. Мияно
Мияхара — 468, 469
Могата — 349
Модзе — см. Модзи
Модзи — 485, 497
Момомура — 711
Монотума — 701
Монто — 225, 780
Монтосиу — 223
Мори — 240, 241, 243–245, 383, 391, 392, 396, 440, 441, 580–583, 585
Мориока — 33, 34, 54–60, 62, 63–68, 71, 73, 74, 79, 80, 82, 84, 88, 89, 92, 95, 96, 99, 106, 126, 329, 342, 346, 348, 350, 351, 358, 362, 364, 366, 368, 369, 370, 372, 373, 375, 387, 506, 766, 778–780, 782–784
Морияма — 701, 739
Мороран — 439, 440
Мороцу — 161, 162
Москва — 7, 131, 135, 314, 673
Мотеки — 698
Мотодзику-мура — 234
Мотомия — 110
Мотонсе — 189
Мояма — 348
Мукада — 694
Мукада-азана — 694
Мукоодзима — 128, 201
- Набури — 333, 336, 339, 340, 343, 347
Набурихама — см. Набури
Нагаи — 106, 711
Нагакубо — 700
Нагамаци — 24
Нагано — 139, 142, 365, 406, 742, 746, 747, 749–751, 762
Нагаока — 755, 757–760, 768
Нагасава — 234, 332
Нагасаки — 148, 150–152, 157, 158, 180, 201, 218, 262, 266, 446, 447, 451, 481, 482, 500–503, 542, 577
Нагатоё-мура — 432
Нагаяма — 62
Нагоя — 194, 195, 202, 218–223, 225–229, 231, 232, 296, 381–387, 389–394, 397, 398, 411, 412, 446, 447, 470, 501, 502, 504, 506, 573, 574, 593, 602, 603, 605, 606, 609, 610, 680, 743, 763, 768
Надая-чё — 59
Найку — 189, 190
Нака-Окутама — 97
Накадзима — см. Накасима
Накаёсида — 382

- Наказима – см. Накасима
Накамура – 37, 226, 228
Накане – 628, 629, 634
Наканиеда – 335, 339, 340, 347, 351, 353, 355
Наканоме – 351
Накаоодзи – 461
Накасендо – 9
Накасима – 30, 54, 105, 106, 333, 336, 343, 347, 370, 376, 379, 503
Накасу – 382, 394, 397, 597, 600-606
Накасуи – 392
Накацу – 201, 469, 472, 474, 485, 487-489, 504, 566
Накацуюма – 106, 347
Намбу – 33, 44, 57, 64, 67, 74, 155, 182, 228
Намиока – 796
Нанае – 636, 643
Нанаебама – 642, 655
Нанаебаси – 648
Нандзяе – 723
Нане – 643
Нантен – 210
Нанукаици – 723
Наоедзу – 761, 762
Наоецу – см. Наоедзу
Нара – 408, 547, 553, 570, 597
Негасимура – 32
Несори – 785
Нигоо – 33, 340, 347
Нигоу-мура – см. Нигоо
Ниегата – см. Ниигата
Низаяма – 395
Ниигата – 228, 759-761
Ниида – 35
Ниими – 202, 228
Ниими-мура – см. Ниими
Никадзима – 29
Накане – 631
Никаниеда – 351
Никкава – 10, 11, 252, 705
Никко – 120, 679-685
Никополь – 417
Ниппон, остров – 189, 210, 486, 507, 560, 773
Ниси – 169, 171, 172, 206, 355
Ниси-ку – 204
Ниси-ура – 169
Нисиарай – 332, 351
Нисиараймура – см. Нисиарай
Нисидамаци – 451
Нисикава – 19, 350

- Нисимономура – 694
Нисио – 229, 232
Нисисака-эки – 245
Нихонмацу – 21, 111
Нобеока – 448, 454–458, 464, 468
Нобиру – 30
Ногата – 497, 499
Нодесаки – 348
Нодобара – 711
Ноецу – 753
Номаки-но – 728
Носикинаме – 340
Носиро – 349, 373
Ното – 244
Нохедзи – 793
Нумага – 713
Нью-Йорк – 418
- Обасира – 728, 731
Обата – 723
Оби – 459
Овари – 218, 226
Огава – 172, 173, 176, 518, 641
Огавадзима – 711, 714
Огаци – 108
Оги – 477, 478
Огинохама – 420, 444
Одавара – 141, 280, 574
Одесса – 325
Оёома – 112
Озаки – 234, 235, 241, 393, 395, 397
Оита – 489–492, 494, 495, 497
Оита-кен – 727
Ойта – см. Оита
Окабе – 245
Окабе-эки – 245
Оказаки – 124, 125, 132, 133, 141, 219–221, 225–229, 231–235, 237, 382, 390, 392, 395, 397, 398, 411, 412, 590–595, 703
Окамура – 178
Окаяма – 166, 169–174, 176–183, 197, 198, 202, 203, 224, 456, 507, 508, 510, 511, 516, 517–519, 530, 538, 569
Окаяма-кен – 180
Окено ситазаки – 71
Окита – 369
Окомици – 170
Окугаиса – 362
Окутама – 54, 67, 96–98, 100, 101, 137, 348, 368, 371, 372
Окутама-мура – см. Окутама
Омигава – см. Омикава

- Омикава – 646–650
 Омонай – 430
 Онахама – 701
 Оно – 109, 347, 404, 405, 441, 607–609
 Оно-маци – 191–193
 Оно-мици – 166
 Оно-мура – 382, 405
 Ономаци – см. Оно-маци
 Ономици – см. Оно-мици
 Ономура – см. Оно-мура
 Обара – 12
 Обасира – 728
 Оогаки – 218, 222, 382, 392, 394, 504, 506, 612, 613
 Оогита – 349
 Оогури – 701, 702
 Оодагое – 367
 Оодате – 80, 81, 349, 368, 373
 Оодзи – 483
 Оое-яма – 189
 Оои-гава – 245
 Ооинукавара – 100
 Ооисо – 719
 Оокаго – 103
 Оокандай – 94
 Оокубо – 13, 17
 Оокуса – 131
 Оомама – 11, 12
 Оомацузава – 28, 29, 55, 353
 Ооми-но-косуй – 218
 Оомия – 731
 Оомори – 22, 618, 619, 621–625, 634
 Оомура – 201
 Оонахара – см. Онохара
 Ономура – 205
 Онохара – 728, 729
 Оноума – 658–660, 665
 Оосава-мура – 86
 Оосака – 114, 126, 141, 172, 177, 180, 182, 188, 190, 191, 193–195, 197–199,
 201–207, 212, 215, 216–218, 220, 223, 249, 264, 280, 281, 285, 295, 378, 381, 382,
 385, 390, 398, 400, 402, 404, 407–409, 411, 417, 436, 446, 447, 465, 486, 501, 504,
 506, 519, 529, 538, 539, 542, 548, 549–551, 553–556, 564–566, 569–574, 597, 606,
 616, 625, 626, 684, 751, 785
 Оота – 55, 333, 340, 347, 640, 645–647, 649, 654, 658, 659, 665
 Оота-мура – см. Оота
 Оотавара – 111, 112, 128, 138, 686–692
 Оотака – 612
 Оотаки – 80
 Оото – 556

- Оофуци – 730
Оохама – 231
Оохамамура – 231
Оохара – 54, 94–98, 100, 131, 134, 136, 348, 351, 369, 372
Ооцу – 218, 305, 376, 659–663, 665
Ооцуку – 88
Ооцума – 660
Ооцуцизава – 350
Ооцуцу – 86–88, 90, 92–94, 349
Оою – 78–81, 123, 349, 367, 371, 372
Ооябу – 392, 394, 612
Оояма – 695
Орикабе – 54, 96–98, 100, 368
Орикаса-мура – 86
Оринабе – 348, 358
Орио – 497, 499
Осака – см. Оосака
Осаризава – 82, 83
Отару – 435–439
Отокояма-мура – 406
Оциай – 671, 672
Оямада – 778
- Париж – 418
Пекин – 116
Персия – 553
Петербург – см. Санкт-Петербург
- Райманзан – 77, 78
Рёоиси – 92, 102
Рёоиси-мура – см. Рёоиси
Рёоке-мура – 244
Рим – 488, 494
Рокуга – 630
Россия – 6, 20, 98, 113, 117, 119, 121, 123–125, 131, 132, 135, 139–141, 143, 154, 155, 159, 189, 193, 199, 200, 238, 254, 261, 268, 278, 279, 281, 284–287, 290, 293–295, 297, 299, 301, 309, 311, 314, 317–319, 323–325, 329, 343, 354, 362, 374, 381, 403, 414, 417, 435, 448, 469, 471, 472, 496, 511, 515, 516, 534, 553, 633, 636, 664, 665, 667, 697, 711, 723, 734, 754, 769, 771, 778, 779, 789
- Савабе – 44–46, 55, 348, 359, 360, 378
Савабе-эки – 45
Сага – 166, 476, 477
Садо – 759, 761
Сайбансё – 198, 201, 354, 522
Сайкео – 152, 157, 163, 166, 178, 180, 182, 186, 190, 191, 195, 201, 205, 225, 266, 399, 402, 408, 413, 447, 509, 556, 560, 561, 562, 564, 607, 712
Сайтама кен – 305
Сакаи – 194, 398, 399, 400, 407, 570, 571

- Сакай – см. Сакаи
Саканачё – 75, 79
Сакари – 93–95, 348, 373
Сакари-мура – см. Сакари
Сакасита – 613–616
Саккаи-мура – 432, 434
Саккай-мура – см. Саккаи-мура
Сакуносе – 47, 49, 55, 348, 769, 771–773
Сакура – 122, 632, 634–636, 638, 639
Сакура-дзима – 148, 454
Сакурагаи – 728, 729
Сакуяма – 19, 21, 112, 690–692
Саме – 76
Саме-эки – 76
Сан-Франциско – 242, 291, 306
Санбонги – 349, 366, 791, 793
Сангара – 242
Санда – 201
Сандзи-мура – 215
Санкт-Петербург – 40, 97, 126, 131, 135, 165, 255, 309, 320, 375, 414
Саннохе – 65, 68, 71–74, 77, 349, 786, 787
Сао – 17, 18, 252, 675, 706
Санука-но куни – 201
Сануки – 169, 170, 172, 174, 202, 213, 531
Санума – 27, 33, 38–42, 54, 64, 97, 104, 105, 308, 329, 333, 344, 345, 347,
350–352, 375–377, 379, 380, 381, 433, 690
Саппоро – 414, 421, 424, 432, 435–440, 442, 459
Сахалин – 446
Сацудзято – 767
Сацума – 148
Сёонай – 462
Седзи-эки – 182
Секи – 77, 78, 613, 616
Секигахара – 685
Секине-мура – 8
Семмая – 101, 348, 368
Сендай – 23–28, 33, 34, 36, 44, 48, 54, 55, 58, 66, 72, 96–98, 110, 132, 133, 145,
150, 171, 175, 296, 301, 314, 329, 337–339, 342–344, 346, 347, 349, 350, 352–354,
357, 359, 368, 378–380, 420, 524, 576, 734–736
Сеноо – 172, 176, 510, 511, 515–519, 527, 528, 530, 537, 649
Сеньон – 698
Сёонай – 462
Сибба – 118
Сибамура – 205, 305
Сибирь – 471
Сибукава – 710, 715
Сигой – 151
Сидзугава – 101, 103

- Сидзуока – 134, 245, 246, 382, 383, 392, 393, 395, 574, 575, 577, 581, 592
Сиидзе – 335
Сикоку – 166, 169, 174, 201, 202, 210, 212, 213, 227, 487, 496, 507, 529, 531, 709
Сикотан – 432, 445, 446
Сикукан-эки – 183
Симабара – 152
Симане – 166
Симидзу – 396, 577, 578
Симо – 148
Симо-Акуду – 654, 658
Симо-Окутама – 97
Симо-хациман-мура – 216
Симо-Ямада – 758
Симогамо – 210
Симода – 504, 568
Симокакеносита – 19
Симомаци – 148
Симомацумото – 56, 780
Симоносеки – 161, 166
Симооса – 134, 138, 305, 617, 643, 649, 650, 660, 665
Симота-мура – 790
Симотаруки – 579
Симотоками – 19
Симоцуге – 173
Симоцуге – 675
Синано – 106, 432, 773
Синаногава – 446
Сингехара – 219, 226–229, 232
Сингехара-мура – см. Сингехара
Сингуу – 198
Синден – 59, 106
Синден-мацц – см. Синден
Синдзе – 335
Синдзику – 666
Синмацц – 6
Синоя – 251, 252
Синсиро – 237
Синто – см. Синтоо
Синтоо – 64, 151
Сиогама – 375
Сиозава – 11, 12, 252, 705
Сиракава – 19–21, 111, 139, 666, 690, 698–703, 705
Сирасука-эки – 237
Сирибецу – 68
Сирихато-мура – 44
Сироиси – 110, 711
Сироме – 71
Сиросака – 111, 701

- Сироси – 439
Ситая – 13, 116, 117, 174, 219, 461
Сицинохе – 793
Согеи – см. Согей
Согей – 54, 96–98, 100, 348, 361, 362, 369, 371, 372
Согей-мура – см. Согей
Соеяма – 532, 534
Сокей – см. Согей
Сомеи – 618–621
Сонобе – 382, 556–558, 564
Сонохана-мура – 87
Соодосено – 351
Софуке – 629–631
Сувася – 151
Судзуки – 634
Сукава – 709–715
Сукагава – 701
Сукамура – 641, 646
Сукегавя – 660
Сумиеси – 194, 201
Супу – 778
Суруга – 245
Суругадай – 32, 37, 40, 50, 55, 57, 59, 66, 79, 86, 103, 112, 115, 131, 155, 172, 175, 184, 201, 436, 461, 462, 464, 471, 482, 484, 487, 500, 567, 586, 668, 669, 771
Суцу – 131, 430–433, 435, 778
Суцу-мацц – см. Суцу
- Тага – 619
Тадагое – 348, 358, 371
Тадарада – 631–633
Тадзима – 184, 189
Тадоцу – 531
Таиза – см. Таиза-мура
Таиза-мура – 184–189, 382, 406, 407, 558, 561–563
Таизамура – см. Таиза-мура
Тайза – см. Таиза-мура
Тайзамура – см. Таиза-мура
Такаки – 28, 110
Такаку – 657, 742
Такамано Хара – 303
Такамацу – 202
Такамура – 641
Таканабе – 458
Такаока – 405, 461, 762, 763
Такасаки – 7–10, 638, 714–717, 719, 720, 722
Такасанго – 405
Такасе – 724
Такасима – 152, 501, 522

- Такасимидзу – 34, 36, 38–41, 54, 103, 348, 351, 355, 356, 376
Таката – 95, 348, 373, 751–754, 757, 768
Такахама – 382, 384, 595
Такахара-мура – 216
Такахаси – 152, 330
Такацихо – 457
Такеда-маци – 183
Такетое – 384, 595, 597–600
Таки – 191
Тамасима – 168, 169, 171, 517, 518
Тамацукури – 659
Тамба – 190, 212
Тамиока – 727
Тамкомаи – 439
Танабе – 198, 201
Танака – 404
Танго – 166, 181–186, 189, 190, 193, 212, 213
Тансей-мура – 53
Танума – 18
Тарукиси – 432, 433
Тарукиси-мура – см. Тарукими
Тасе – 348, 367
Тасино – 721–724, 726, 727
Татгебаси – 710
Татгебаяси – 15, 16, 168
Татоо – 694
Тахара – 219
Тацибана-мура – 244
Тациваки – 183
Тега – 325, 617–621, 626, 640, 665, 709
Теганума – 621
Тенрёо-баси – 239
Тенрёо-мура – 239
Тенсюдай – 224
Тенсюдоо – 167, 178, 179, 181, 182
Теразава – 97, 100
Теразаки – 106
Тидзима – 183
Тифлис – 553
Тихий океан – 296, 417
Тованго – 710
Тогогане – 639
Тоеино – 716
Тоёка – 189, 600, 602
Тоёкава – 237
Тоёма – 41, 347, 375
Тоёма-маци – см. Тоёма
Тоёока – 9, 10, 183, 185, 716

- Тоёока-мура – см. Тоёока
 Тоехааси – см. Тоёхаси
 Тоёхама-мура – 392
 Тоёхаси – 219, 220, 227, 228, 232–235, 237–240, 382, 384, 386, 392, 397, 586–589, 591, 592, 595
 Токио – 197 5, 11, 17–19, 21, 37, 44, 45, 58, 60–62, 64, 65, 73, 78, 89, 92, 93, 98, 106, 110, 112, 113, 115, 117–119, 121, 123, 125, 127, 129, 131, 133, 135, 137–139, 141, 143, 147, 151, 152, 154, 156, 163, 171, 172, 174, 177–179, 181, 182, 184, 186, 187, 193, 195, 199–203, 206, 213–215, 218–221, 223–225, 228, 229, 231, 232, 234, 235, 240, 252, 274, 301, 302, 322, 325, 332, 338, 341, 342, 349, 350, 357, 359, 360, 365, 366, 368, 378, 380–382, 386, 413, 414, 417, 420, 422, 426, 427, 430, 436, 439, 441, 443–446, 448, 452, 454, 459, 462, 464, 472, 474, 477, 479, 481–483, 489, 501, 506–509, 513–516, 520, 521, 525, 529, 532, 534, 537, 539, 540, 543–545, 548, 551, 555, 556, 559, 565, 573, 574, 578, 580, 586, 588, 590, 591, 599, 601, 606, 607, 610, 616–618, 620, 623, 624, 633, 635–639, 643, 647–651, 663, 665, 666, 668–673, 675, 677, 680, 682, 684, 689, 691, 700, 702, 703, 711, 713, 714, 717, 727, 734, 738, 739, 741, 744, 745, 749, 754–756, 764, 766, 768, 769, 772, 778, 789, 799
 Токонабе – 595, 607
 Токусима – 169, 184, 186, 187, 207, 208, 212, 213, 215–217, 227, 322, 530, 531, 535–537, 549
 Томакомаи – 440
 Томари – 428
 Томиока – 10, 716, 721–724, 727, 728
 Тонден – 440
 Тонегава – 626, 628, 710
 Тоненума – 619
 Тоносава – 277, 281, 291, 321, 507, 574
 Тоогане – 638–640, 665
 Тоодзи – 209
 Тоокайдо – 296, 390, 574, 592, 613
 Тоокей – 39, 49, 67, 75, 109, 112, 165, 184, 201, 202
 Тоокёо – см. Токио
 Тооно – 56, 57, 74, 92, 94, 348, 367
 Тооно-мура – см. Тооно
 Тооносава – 113, 126, 135, 278
 Тоотоми – 227, 239
 Тооя-зака – 90, 94
 Городзию – 567
 Тоса – 219, 266, 410, 477, 539, 541, 542, 547
 Тотори кен – 521
 Тоттори – 547
 Тоутومی – 243, 245
 Тохокү – 5
 Тоцинги – 705–707
 Тояма – 761–763, 767, 768

 Удзина – 166
 Удзүми – 382, 386, 390, 392, 394, 397, 601

- Уеда – 59, 741, 742
Усда-мура – см. Уеда
Уеки – 154
Уено – 5, 12, 17, 18, 219, 289, 292, 297, 298, 323, 425, 675, 728
Уено-мура – см. Уено
Укида – 348
Ура-но мура – 171
Урава – 5
Уса – 489
Усиами – 30
Усигоме – 202
Усидамура – 165
Усугину-мура – 95
Усуки – 482, 491–494, 500
Утасима-мура – 432
Утасинай – 439
Ушибата – 205
Ушибата-мура – 205
Уцуми – 604–607
Уцунумия – 16–19, 112, 280, 337, 673, 674, 676, 677, 680, 682, 684–686, 703, 705, 769
- Фенсюдай – 224
Франция – 107, 302, 709, 727
Фудзиэда – 382, 395
Фудзии – 182
Фудзии-сику – 181
Фудзикава-эки – 232
Фудзисава – 96, 100–102, 348, 368
Фудзисан – 454
Фуза – 620
Фузе – 618, 620, 621
Фукуда – 28–30, 55, 109, 170, 347, 350
Фукуда-мура – см. Фукуда
Фукуде – 382, 392, 395, 579
Фукуден – 242
Фукузава – 172, 202
Фукуи – 766–768
Фукуока – 67–69, 71, 72, 160, 161, 163, 166, 349, 479, 481, 482, 493, 494, 496, 499–501, 503–506, 746, 784–786, 788
Фукурои – 228, 235, 237, 239–244, 382, 391, 392, 396, 581–586
Фукурои-эки – 239
Фукурой – см. Фукурои
Фукусима – 21–23, 110, 111, 226, 336, 340, 341, 425, 723, 724, 749
Фукусима-кен – 11, 702
Фукусимамура – 172
Фукусияма – 333, 700

- Фукута – 391
Фукуци – 557–559, 563
Фукуцияма – 190
Фукуяма – 164, 166–168, 425–430
Фунада – 701
Фунао – 628, 629, 631–634
Фуругура – 78
Фурукава – 34–36, 42, 54, 332, 340, 347, 351, 353–355, 380
Фурусава – 475
Фуса – 619, 621–623, 625, 626, 631, 634
Фусе – 711
- Хаката – 160, 161, 447, 500, 505, 506
Хакодате – 30, 45, 48, 51, 56, 61, 64, 68, 72–74, 80, 81, 86–88, 112–114, 122, 131, 180, 228, 238, 240, 267, 285, 299, 335, 378, 403, 421–424, 428–436, 439–441, 443–445, 482, 642, 648, 653, 655, 665, 678, 730, 739, 784
Хакосаки – 160, 161
Хаконе – 11, 404
Хамада – 166
Хамазаки – 477, 479, 481
Хамаици – 30
Хамамачу – 239, 241, 243, 244, 382, 392, 394, 567, 585–589, 593, 594, 733
Хамасаки – 481
Хамачу – 390
Ханава – 78–83, 349, 367, 371, 372
Ханаидзуми – 772–774
Ханамаки – 55, 56, 348, 373, 777–779, 783
Ханги – 166, 228
Хангивара – 218, 629, 670
Хангивара-эки – 218
Ханда – 382, 384, 386, 392, 594, 595, 596, 598–601, 608, 610, 611, 616
Хараномаци – 24, 26, 27, 98, 110, 219, 222, 330, 347, 353
Харима – 191, 192
Хариномаци – см. Хараномаци
Хасимото – 198
Хатангоя – 184
Хацивоодзи – 342, 666, 668–672
Хацинохе – 63, 68–77, 276, 349, 366, 367, 371, 372, 786–788, 790, 791, 793, 794
Хекода – 649
Хеого – 202, 218, 408
Хеого-кен – 201
Хиби – 513, 514, 517, 518, 538
Хивари – 339, 397
Хигаси Магоме – 102
Хигасияма – 44, 49, 95, 96
Хигата – см. Хикага
Хидзи – 489
Хизен – 152, 166, 201, 748

- Хизен-но куни – см. Хизен
Хикага – 348, 362, 371, 772–774
Хикумамура – 587
Химедзи – 166, 182, 183, 192, 193, 382, 405, 566, 567, 568
Хингаси – 169, 171, 206, 209, 223, 225, 233, 237
Хингаси-кикура – 201
Хингаси-ура – 169, 172
Хингасику – 204
Хинго – 152
Хинокияма – 564
Хириу – 701
Хиробуци – 32, 333, 336, 343, 347, 376
Хироока-мура – 239
Хиросаки – 349, 794, 797, 798
Хиросима – 117, 126, 136, 139, 140, 141, 160, 162–167, 182, 202, 264, 265, 270, 404, 496, 497, 526–530, 540
Хиросимамору – 262
Хисаката – 12
Хитаци – 181, 219, 617
Хитоёси – 464, 465–469
Хитокабе – 53, 54, 348, 367, 371, 372, 374, 777
Хиунга – 189, 462
Ходака – 456
Хокайдо – см. Хоккайдо
Хоккайдо – 172, 174, 215, 400, 420, 436, 739, 761
Хокода – 648, 650
Хокуродо – 766, 767
Хокурокудо – см. Хокуродо
Хонгомура – 629
Хондзё – 121, 141, 142, 728
Хонче-маци – 212
Хоробецу – 440
Хоронай – 439
Хорономаци – 334
Хосоно – 84
Хососима – 454, 455
Хоянаги – 351
Хяккан – 152
- Цеосну – 162, 164, 228
Циба – 638
Циканоме – 351
Цикараиси – 190
Цикугогава – 159
Циндай – 161
Циндан – 182
Цинода – 629
Циукоку – 165, 507, 509

- Цион – 212
Цириу – 227, 229
Цириу-эки – 226
Цита – 607
Цитани – 603
Циукоку – 164, 166, 174, 182, 200, 343, 439
Цицибу – 640, 643, 713, 729, 731, 732
Цу – 222
Цувано – 166
Цукабара – 711
Цукидзи – 119, 529, 777
Цукиёно – 714, 715
Цукитате – 38, 348, 356, 357, 376
Цукуго-гава – 455
Цуми-кин – 204
Цунгарская область – 796
Цунгаруиси – 366
Цунода – 628–631
Цуномаци – 458
Цурадзима – 168–173, 177, 180, 343, 513–518
Цуру-синден-мура – 169
Цуруга – 766, 767, 768
Цурунга – см. Цуруга
Цурусаки – 492, 494, 495
Цутоадзима – 171
Цуцизаки – 349
Цуциура – 219
Цуцихасимура – 396
Цуцияма – 614
Цуцумине – 36
Цуягава – 100
Цуяма – 180, 519, 520
- Чаямаци – 517, 518
- Эбара – 635, 638
Эби-мура – 237
Эдзири – 382, 393, 396, 397, 575, 577, 578
Эзо – 68 285, 435, 440, 444–446, 653, 699, 778, 793
Энокидзу – 157
Эци-го – см. Эцинго
Эциго – см. Эцинго
Эцинго – 70, 108, 228, 722, 751, 759
Эциу – 762
- Юдзюку – 710–712, 714
Юзе – 77, 83
Юконава – 701

- Юнаго – см. Юнако
Юнако – 659, 660
Юномае – 465–467
Юсима – 189
- Ябегава – 476
Ябу – 609, 611
Явата – 609
Ядоя – 158
Яехата – 778
Язава – 778
Яикида – 36
Яита – 686, 687, 691
Якава – 692, 695
Якусе – 206
Ямага – 154, 155, 471
Ямагата – 62, 335, 339, 350
Ямагуци – см. Ямагучи
Ямагучи – 166, 447, 720
Ямада – 64, 84–89, 92, 96, 110, 348, 365, 366, 371
Ямазаки – 209
Яманака – 77, 78, 609, 613–615
Яманаси – 244, 413
Яманаси-кен – см. Яманаси
Яманоме – 47–49, 55, 348, 360–362, 364, 371, 372, 375, 769–773
Яманото – 303
Ямасита – 461
Ямато – 198, 205, 400
Ямбе – 181
Янагава – 153, 155–160, 203, 469, 471–476, 482, 488, 496, 500, 501
Янада-сюку – 13
Янаида – 172, 173
Янаицу – 105, 106, 108, 109, 133
Янаицунай – 347
Янайбара – 515–518, 538
Янамори – 701
Яноме – 769
Япония – 17, 42, 73, 74, 77, 115, 119, 122, 127, 131–133, 140, 146, 150, 153, 160, 162, 164, 167, 174, 181, 182, 185, 189, 207, 211, 232, 238, 244, 248, 249, 251, 252, 254, 255, 256, 259, 265–270, 273, 274, 277–279, 281, 285–290, 297–299, 301–304, 306, 307, 310, 311, 313, 314, 318, 321, 323–326, 345, 346, 389, 403, 409, 414, 430, 442, 457, 468, 473, 475, 483, 488, 495, 513, 518, 519, 522, 528, 531, 548, 555, 556, 560, 567, 586, 596, 607, 613, 620, 653, 660, 663, 664, 670, 682, 685, 690, 692, 709, 717, 727, 740, 749, 763, 783, 797
Ясака-но тоо – 211, 212
Ясиро – 742
Яханги – 227
Яханги-баси – 227
Яханги-эки – 227
Яцусиро – 468, 469

Содержание

ДНЕВНИКИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО (1881-1893)

Дневники при обзоре Церквей в областях Дзёсю и Тохоку (1881 год)	5
Дневники в Токио (1882 год)	115
Миссионерские заметки епископа Николая (6 / 18 мая 1882 года и 7 / 19 сентября 1891 года)	144
Краткий дневник по миссионерству (с 1 / 13 января 1889 года)	300
Миссионерские заметки при посещении Церквей. Продолжение (с 11 / 23 октября 1891 года)	491
Миссионерские заметки при посещении Церквей (Поездка по Церквам в Циуоку, Сикоку и в середине острова Ниппона) (с 30 апреля / 12 мая 1892 года)	507
Миссионерский дневник при обзоре Церквей (с 22 июня / 4 июля 1892 года)	572
Миссионерские заметки (29 сентября / 11 октября 1892)	617

<i>Содержание</i>	879
Миссионерский дневник при обзоре Церквей (с 11 / 23 октября 1892 года)	645
Миссионерские заметки (с 13 / 25 февраля 1893 года)	737

ПРИЛОЖЕНИЯ

Карта Японии	803
Именной указатель	805
Указатель географических названий	851

ДНЕВНИКИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ ЯПОНСКОГО

ТОМ II
(с 1881 по 1893 гг.)

Под редакцией
Кэнноскэ Накамура

Ответственный редактор

С. В. Смоляков

Редактор

Н. Г. Лютикова

Составление указателей

О. И. Абрамович

Корректор

И. Г. Иванова

Художник

П. П. Лосев

Компьютерная верстка

О. К. Савельева

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Терция»
191180, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 73, оф. 2Н
E-mail: tercia@peterstar.ru

Сдано в набор 20. 05. 2002.

Подписано в печать 03. 12. 2003.

Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура New Baskerville. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 70,95. Тираж 500 экз. Заказ 229

Лицензия ИД 03369 от 28 ноября 2000 г.

Издательство «Гиперион»

199178, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55.

Тел. +7 812 275-9855

E-mail: hyperion@mail.rcom.ru

<http://www.hyperion.spb.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Невская жемчужина»
194021, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 22

СПИСОК ЗАМЕЧЕННЫХ ОПЕЧАТОК В ДАТАХ

Страница	Напечатано	Следует читать
5	7/20	7/19
6	8/21	8/20
7	9/22	9/21
8	10/23	10/22
9	11/24	11/23
10	12/25	12/24
11	13/26	13/25
12	14/27	14/26
14	15/28	15/27
17	16/29	16/28
19	17/30	17/29
21	18/31	18/30
23	19 мая/1 июня	19/31 мая
23	20 мая/2 июня	20 мая/1 июня
39	6 мая/8 июня	26 мая/7 июня